

992

1004

4

Преставлен храмъ па-
мѣтливъ на поѣздъ сѣ-
верѣ поѣздъ дѣлѣни-
поѣздъ въ 1813 г. дѣлѣ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1913.

ОКТАБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. Усова. Лермонтовскій пр., д. № 28.
1913.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

25392

497.

РАСЧЕТЫ

РАСЧЕТЫ

1913

РАСЧЕТЫ

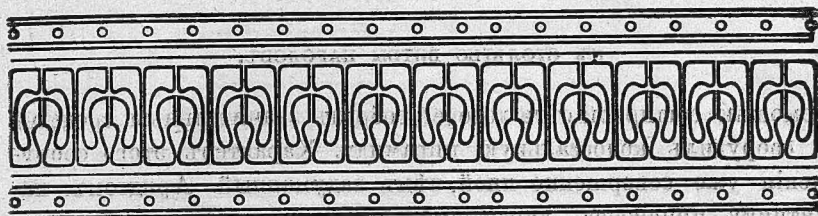
РАСЧЕТЫ

РАСЧЕТЫ

РАСЧЕТЫ

1913

Храмъ-Памятникъ на полѣ сраженія подъ Лейпцигомъ.

(Къ столѣтію битвы народовъ подъ Лейпцигомъ 4—7 октября 1913 г.)

4-го октября 1913 года исполнится сто лѣтъ съ того времени, когда на поляхъ Лейпцигской равнины было сокрушено военное могущество Наполеона, и жизнь народовъ Европы, главнымъ образомъ благодаря содѣйствію Россіи, пошла по новому пути.

Мысль о постановкѣ памятника героямъ Лейпцигскихъ боевъ принадлежала извѣстному нѣмецкому поэту Эрнсту Морицу Арндту, когда онъ, еще въ 1814 году, въ своихъ пламенныхъ воззваніяхъ, настаивалъ на постановкѣ колоссальнаго памятника на самомъ полѣ Лейпцигскаго сраженія. Памятникъ этотъ долженъ былъ служить къ вѣчному прославленію не однихъ только подвиговъ прусскихъ войскъ, а также всѣхъ союзныхъ армій вмѣстѣ, и въ одинаковой мѣрѣ. Составленный подъ вліяніемъ этихъ воззваній Арндта проектъ архитектора Фридриха Вейнбреннера изображалъ памятникъ, въ видѣ колоссальнаго квадратнаго храма, украшеннаго внутри нишами съ поставленными въ нихъ статуями трехъ союзныхъ монарховъ и ихъ главнѣйшихъ сподвижниковъ. Въ другихъ нѣмецкихъ проектахъ памятниковъ этого же времени неизмѣнно проявлялось безпристрастное стремленіе отдавать должное значенію и подобающее мѣсто той выдающейся роли, которая выпала въ событіяхъ 1813 года на долю союзныхъ войскъ, и въ особенности Россіи.

Закладка нѣмецкаго памятника, хотя и состоялась въ 1863 году, но энергичная его постройка была начата только въ 1894 году „Союзомъ нѣмецкихъ патриотовъ для сооруженія національнаго памятника битвы народовъ подъ Лейпцигомъ“. Этотъ союзъ съ

помощью обширной сѣти лотерей собралъ значительныя средства и соорудилъ колоссальную пирамиду. Характеръ этого сооружения уже совершенно иной, чѣмъ задуманный Аридомъ: памятнику присвоенъ характеръ исключительно германскій. Построенъ памятникъ „освобожденія и возрожденія народовъ“. О томъ, что сдѣлали въ 1813 году союзники, въ особенности Россія, уже нѣтъ рѣчи въ Германіи. Въ залившей въ послѣднее время всю Германію массою сочиненій, брошюръ и плановъ о битвѣ народовъ, очень мало говорится о русскихъ войскахъ. Командовавшіе въ это время корпусами русскихъ войскъ: бар. Беннигсенъ, Барклай-де-Толли, Витгенштейнъ, гр. Ланжеронъ, бар. Винценгероде, бар. Сакенъ и Сентъ-При въ нѣмецкомъ изложеніи сходятъ за нѣмцевъ ¹⁾.

Въ готовящееся столѣтіе возсозданія памяти битвы народовъ 22.000 русскихъ героевъ, положившихъ свой животъ за Германію на поляхъ Лейпцига, нѣмцами уготовлялось полное забвеніе, которое постигло на западѣ Европы, на нашихъ глазахъ, русскихъ героевъ Кульма.

Это не удалось и забвенію помѣшалъ построенный особымъ комитетомъ храмъ-памятникъ, проектъ котораго прилагается къ настоящей статьѣ.

Мысль о неотложной необходимости возсоздать храмъ-памятникъ въ память 22.000 русскихъ воиновъ, погибшихъ въ бояхъ ²⁾ подъ Лейпцигомъ въ 1813 году, обязана своимъ возникновеніемъ совершенно частному лицу дочери д. ст. сов. О. П. Дмитріевой. Проводя часть года за границей, вблизи Дрездена, и имѣя случай ознакомиться съ энергичной дѣятельностью комитета по сооруженію германскаго памятника битвы народовъ, г-жа Дмитріева, одушевленная желаніемъ поддержать достоинство русскаго имени, взяла на себя починъ сбора пожертвованій на русскій памятникъ. Ей же принадле-

¹⁾ Въ небольшомъ музеѣ подъ храмомъ помѣщена карта сраженія подъ Лейпцигомъ, правильно указывающая положеніе русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ войскъ и ихъ численность. Войска по народностямъ помѣчены разными красками и смѣшать ихъ нельзя. На поляхъ картъ помѣщены объясненія на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

²⁾ На необходимость постройки храма въ Лейпцигѣ указывалъ также бывший настоятель Дрезденской церкви протоіерей Н. Н. Писаревскій, который еще въ 1907 году ходатайствовалъ передъ С.-Петербургскимъ митрополитомъ Антоніемъ о разрѣшеніи отправлять церковныя службы въ Лейпцигскомъ консульствѣ, и на это ходатайство послѣдовало разрѣшеніе. Отцомъ Писаревскимъ было собрано до 6 т. марокъ, поступившихъ въ фондъ Лейпцигскаго комитета.

жала мысль о созданіи и проведеніи въ жизнь особой организациі на сооруженіе храма-памятника, осуществленная при учрежденіи особаго комитета по сооруженію храма-памятника на полѣ Лейпцигскаго сраженія¹⁾. 21 апрѣля 1910 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на утвержденіе комитета по сооруженію храма-памятника на полѣ Лейпцигскаго сраженія и на возложеніе почетнаго предсѣдательствованія въ этомъ комитетѣ на Его Императорское Высочество Великаго Князя Михаила Александровича.

16 октября 1910 года состоялось первое засѣданіе вполне сформированнаго комитета и предсѣдателемъ его былъ назначенъ начальникъ генеральнаго штаба.

5 марта 1911 года было постановлено комитетомъ соорудить на полѣ Лейпцигскаго сраженія храмъ-памятникъ, скромный по величинѣ, но отвѣчающій по своей красотѣ и пропорціямъ достоинству Россіи и значенію русскаго зодчества. Составленіе трехъ эскизовъ этого храма поручено академику Покровскому. Эскизы храма должны были быть представлены на Высочайшее благовозврѣніе, по воспослѣдованіи котораго предполагалось поручить, по утвержденному Его Императорскимъ Величествомъ эскизу, составленіе окончательнаго проекта академику Покровскому. 8 марта 1911 г. этотъ докладъ комитета былъ представленъ на благовозврѣніе Государя Императора военнымъ министромъ. 5-го іюня 1911 года состоялось представленіе Государю Императору трехъ эскизовъ храма-памятника, и Его Императорскому Величеству было благоугодно одобрить, съ нѣкоторыми измѣненіями, проектъ академика Покровскаго, близкій по мотивамъ къ храму Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ.

Детальные чертежи утвержденнаго эскизнаго проекта были составлены акад. Покровскимъ въ теченіе лѣта 1911 года и препровождены представителю комитета въ Лейпцигъ Г. Доделю. Саксонскимъ архитекторомъ Вейденбахомъ была составлена смѣта въ суммѣ 986.000 марокъ.

Эта смѣта, по размѣрамъ суммы, не могла быть пріемлемой. Въ виду этого обстоятельства, 7 февраля 1912 г. состоялось особое совѣщаніе съ участіемъ прибывшихъ къ этому времени въ Петербургъ члена комитета въ Лейпцигъ Г. Доделя и архитектора Вейденбаха. На этомъ совѣщаніи были выработаны

¹⁾ Ко дню учрежденія комитета прежде собранныхъ денегъ оказалось 17 т. рублей.

мѣры, необходимы для сокращенія смѣты, и одобренъ вновь разработанный академикомъ Покровскимъ, въ цѣляхъ уменьшенія стоимости, эскизъ храма того же вида, но меньшихъ размѣровъ.

По утвержденіи новой смѣты, выработанной въ Лейпцигѣ саксонскими архитекторами Вейденбахомъ и Шармеромъ, въ теченіе весны и лѣта 1912 года, *только въ концѣ августа того же года* начались работы по сооруженію храма-памятника на подаренной магистратомъ г. Лейпцига землѣ. 15 декабря того же года состоялась въ Лейпцигѣ торжественная закладка храма въ присутствіи военнаго министра, генераль-адъютанта Сухомлинова, членовъ комитета, русскаго министра-резидента при Саксонскомъ дворѣ камергера барона фонъ Вольфа, всѣхъ министровъ Саксоніи, представителей магистрата г. Лейпцига, саксонскихъ войскъ, инославнаго духовенства, а также именитыхъ г. Лейпцига гражданъ.

Въ настоящее время на томъ мѣстѣ, гдѣ въ концѣ августа 1912 г. было ровное мѣсто, построены комитетомъ¹⁾, по прилагаемому проекту, храмъ въ память св. Алексія митрополита московскаго и 4-го октября сего года предстоить торжественное его освященіе.

¹⁾ Списокъ членовъ Комитета по сбору пожертвованій на сооруженіе Храма-памятника на Лейпцигскомъ полѣ сраженій:

Почетный председатель: Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Александровичъ. Почетные члены: Военный министръ генераль-адъютантъ Владиміръ Александровичъ Сухомлиновъ, Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій Владиміръ, Владиміръ, Епископъ Полоцкій и Витебскій, Протопресвитеръ военнаго и морского духовенства, Протоіерей Георгій Іоанновичъ Шавельскій, членъ Военнаго Совѣта, членъ Государственнаго Совѣта, оберъ-прокуроръ Св. Синода, тайный совѣтникъ Владиміръ Карловичъ Саблеръ, генераль-отъ-инфантеріи Владиміръ Гавриловичъ Глазовъ, посланникъ въ Дрезденъ дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Аристъ Владиміровичъ Вольфъ. Состоящій при Особѣ Его Величества Императора Германскаго Короля Прусскаго Свиты Его Величества генераль-маіоръ Ілья Леонидовичъ Татищевъ, протоіерей Дрезденской посольской церкви Дмитрій Николаевичъ Якшичъ. Председатель комитета: начальникъ Генеральнаго Штаба генераль-отъ-кавалеріи Яковъ Григорьевичъ Жилинскій, Товарищи председателя: Генеральнаго Штаба генераль-лейтенантъ Павелъ Николаевичъ Вороновъ; дочь дѣйствительнаго стат. совѣт. Ольга Петровна Дмитриева. Дѣйствительные члены комитета: архіепископъ Холмскій Евлогій; протоіерей Дрезденской посольской церкви, нынѣ Спасо-Сѣновской церкви въ Петербургѣ, Николай Николаевичъ Писаревскій; членъ Государственнаго Совѣта, оберъ-егермейстеръ графъ Сергій Дмитриевичъ Шереметевъ; членъ Горнаго Совѣта, шталмейстеръ Двора Его Величества Князь Семень Семеновичъ Абамелекъ-Лазаревъ; С.-Петер-

Сооруженный усердіемъ донскаго казачьяго войска иконо-стась выполненъ фирмой Хлѣбникова, церковная утварь вос-произведена этой же фирмой, а товариществомъ Оловянишни-кова—колокола, при чемъ многіе предметы церковной утвари поступили въ видѣ пожертвованій. Оренбургскими казаками сооруженъ для храма образъ въ кіотѣ.

Средствами для созданія храма послужили: повсемѣстные сборы во всѣхъ церквахъ имперіи, благосклонно разрѣшенные Святѣйшимъ Синодомъ, частныя пожертвованія, сборъ съ лекцій въ полковыхъ собраніяхъ и ассигнованіе 120 тысячъ Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ, про-шедшее единогласно въ этихъ высшихъ учрежденіяхъ. Зако-нодательное предположеніе о желательности ассигнованія 120 т. за подписью 72 членовъ Госуд. Думы внесено въ Государствен-ную Думу депутатомъ Г. Дмитриевымъ, роднымъ братомъ ини-ціаторши постройки храма памятника О. П. Дмитриевой.

бургскій губер. предвод. дворянства Свиты его Величества ген.-маіоръ Свѣт-лѣйшій князь Иванъ Николаевичъ Салтыковъ; свиты Его Величества ген.-маіоръ князь Юсуповъ, графъ Сумароковъ-Эльстонъ, Феликсъ Феликсо-вичъ; членъ Государственнаго Совѣта, шталмейстеръ Двора Его Вели-чества князь Борисъ Александровичъ Васильчиковъ; членъ Государ-ственнаго Совѣта, шталмейстеръ Двора Его Величества Василій Ильичъ Денисовъ; заслуженный профессоръ Императорской Николаевской воен-ной академіи, генераль-лейтенантъ Борисъ Михайловичъ Колюбакинъ; директоръ женскаго педагогическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергій Ѳедоровичъ Платоновъ; командиръ л.-гв. казачьяго Его Величества полка, генераль-маіоръ Георгій Логгиновичъ Цономаревъ; командиръ л.-гв. Измайловскаго полка, Свиты Его Величества генераль-маіоръ Николай Михайловичъ Киселевскій; командиръ л.-гв. Павловскаго полка, Свиты Его Величества генераль-маіоръ Констан-тинъ Герасимовичъ Некрасовъ; командиръ л.-гв. 1 артиллерійской бригады, генераль-маіоръ Николай Петровичъ Демидовъ; командиръ 2-го гусарскаго Павлоградскаго полка, Александръ Александровичъ Абалешевъ; Архи-текторъ Высочайшаго Двора, профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Леонцій Николаевичъ Бенуа; академикъ архитекторъ Влади-миръ Александровичъ Цокровскій; дѣйствительный статскій совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Леяновъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ Нико-лай Ивановичъ Гучковъ; начальникъ Главнаго Штаба генераль-отъ-нифандеріи Николай Петровичъ Михневичъ; начальникъ 28-й пѣх. дивизіи генераль-лейтенантъ Николай Алексѣевичъ Лашкевичъ. Секретарь ко-митета: военный инженеръ, подполковникъ Дмитрій Васильевичъ Яковлевъ. Казначей комитета: кандидатъ правъ Иванъ Павловичъ Леяновъ; гене-ральный консулъ въ Лейпцигѣ, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій со-вѣтникъ Иванъ Александровичъ графъ Мусинъ-Пушкинъ; жена генераль-наго консула въ Лейпцигѣ графиня Марія Александровна Мусинъ-Пуш-кина и Фридрихъ Вильгельмовичъ Додель.

Передъ входомъ въ храмъ по-русски и нѣмецки начертана слѣдующая надпись:

„Памяти 22.000 русскихъ воиновъ, павшихъ подъ Лейпцигомъ въ 1813 году за освобожденіе Германіи“.

Въ битвѣ народовъ 4—7 октября 1813 года.

Участвовало: Положили свой животъ на полѣ битвы

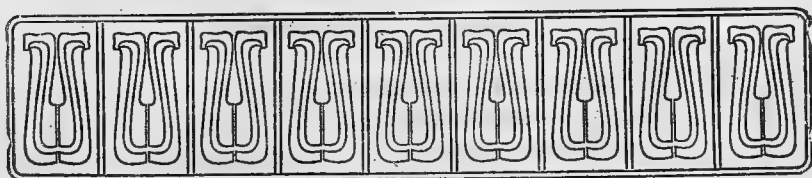
Русскихъ	149.000	Русскихъ	22.000
Австрійцевъ	89.000	Австрійцевъ	12.000
Пруссаконъ	72.000	Пруссаконъ	16.000
Шведовъ	18.090	Шведовъ	300

Да послужить этотъ возсозданный храмъ-памятникъ символомъ новаго строенія политической жизни Россіи: не проливать дорогой русской крови за чуждые родинѣ интересы.

П. В.

Изъ дневника статесъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

За 1813 годъ.

22 октября, среда.—Обѣдъ въ кабинетѣ. Въ самомъ началѣ курьеръ Шилинъ сказалъ мнѣ на ухо, что Павелъ Васильевичъ Кутузовъ прибылъ и находится у Императрицы Елисаветы. Я промолчалъ, но пришелъ Крыловъ и громко сообщилъ то же самое. Императрица встала и прошла къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ довольно долго дождалась; наконецъ Кутузовъ къ ней пришелъ, разговоръ былъ очень продолжительный, и обѣдъ пріостановленъ. Наконецъ, она вышла и сообщила мнѣ, что Государь прислалъ мнѣ работу. Показала реляцію, написанную Самимъ Государемъ: французы, послѣ нѣсколькихъ битвъ, были окружены въ окрестностяхъ Лейпцига 4 октября арміями: Богемской, кор. принца Шведскаго, Блюхера и Беннингсена, атакованы 6 числа, отброшены къ Лейпцигу, который 7-го былъ атакованъ. 22 генерала и 27 т. плѣнныхъ, болѣе 300 пушекъ—трофеи. Маршалъ Понятовскій утонулъ, а Латуръ-Мобуръ убитъ. Съ нашей стороны, Шевичъ убитъ ядромъ и три гусара: Давыдовъ, Мантейфель и Гюне. Императрица приказала мнѣ написать Кутузову, чтобы узнать о кн. Оболенскомъ, зятѣ Нелединскаго, и о гр. Броніа; я воспользовался случаемъ, чтобы узнать о Петрѣ Львовичѣ Давыдовѣ. Императрица прочитала мнѣ письмо Государя, гдѣ въ концѣ онъ пишетъ, что т. к. русскія реляціи требуютъ подробнаго изложенія, то прислап-

ныя имъ онъ разрѣшаетъ напечатать, только послѣ того, что я ихъ исправлю въ отношеніи слога, т. е., по его словамъ, у меня слогъ эlegantнѣе, чѣмъ у него. Императрица приказала мнѣ прочесть реляцію Вязьмитинову, за которымъ послала, уходя къ Императрицѣ Елизаветѣ. Пришли кн. Кочубей и Салтыковъ, и мы съ Вязьмитиновымъ должны были прочесть и условиться относительно редакціи и перевода реляціи, послѣднее онъ взялъ на себя. Въ это время я получилъ записку отъ Луизы Биронъ, въ которой она спрашиваетъ меня, какой это Давыдовъ убитъ, но что она знаетъ, что это не П. В., т. е. это ей уже сообщилъ Кутузовъ. Вернулась Императрица, и, т. е. въ это время пришли кн. Голицына и канцлеръ, то меня заставили еще разъ прочесть реляцію и письма. Наконецъ, я былъ отправленъ къ Салтыкову, оттуда къ Вязьмитинову, тамъ мы сдѣлали необходимыя поправки, и я возвратился во дворецъ. Тамъ получилъ отвѣтъ отъ Кутузова, изъ котораго узналъ, что нашъ Давыдовъ совершенно здоровъ. Молебенъ былъ назначенъ на завтра въ Казанскомъ соборѣ. Зашелъ на минуту къ Луизѣ, чтобы сообщить ей отвѣтъ Кутузова, затѣмъ вернулся домой, гдѣ получилъ приказаніе явиться завтра во дворецъ за полученіемъ 10.300 р. для передачи редактору „Русскаго Инвалида“, — Пезаровіусу, для инвалидовъ 4, 5, 6 и 7 окт. и просить его отмѣтить въ газетѣ, что получилъ эти деньги отъ матери и ея дѣтей.

23 четвергъ.—Поѣхалъ во дворецъ, получилъ 6.300 р. отъ Императрицы, 3.000 р. отъ великихъ князей и 1.000 отъ великой княжны Анны. Отправился съ Вольфомъ на молебенъ въ Казанскій соборъ, откуда привезъ его во дворецъ, вернулся домой, а затѣмъ поѣхалъ обѣдать къ сестрѣ Аннѣ по случаю ея рожденія. Послѣ обѣда отправился отыскивать Пезаровіуса, нашелъ его, передалъ ему деньги и возвратился домой.

24 пятница.—Пріѣхалъ во дворецъ, увидѣлъ фельдгегера, отправленнаго раньше Кутузова, но ѣхавшаго черезъ Богемію на Прагу, а потому пріѣхавшаго поздне. Онъ привезъ русскую реляцію, написанную Государемъ карандашомъ отъ 7-го числа; будегъ также напечатана; написана очень хорошо и кончается словами: „кто Богъ велий яко Богъ нашъ, Ты еси Богъ, творяй чудеса“.

1 ноября, суббота.—Всталъ въ 7 час., а въ 9—уѣхалъ во дворецъ. На Совѣтѣ былъ только Туттолминъ и гр. Медемъ. Берлинская газета сообщала, что главная квартира была 24-го въ Веймарѣ, а Кор. Пр. Шведскаго 29-го въ Касселѣ, что, ка-

жется, Бонапартъ покинулъ армію, чтобы отправиться въ Парижъ, предусматривая полную дезорганизацію французской арміи. Говорилось еще о 4-хъ т. плѣнныхъ и о 40 пушкахъ и о томъ еще, что полк. Храповицкій занялъ Готу, захватилъ тамъ Сант-Эньяна—французскаго посланника, 73 офицера и 600 солдатъ. До собранія получилъ газету для принцессы, и, встрѣтивъ г-жу Плюскову, идущую туда, ее проводилъ. Мы застали у нея гр. Вьельгорскаго, и оставался тамъ одну минуту и возвратился на маленькое собраніе, на которомъ прочиталъ Берл. газету, а затѣмъ продолжалъ Грандиссона; вернулся въ 11 часовъ домой, но прежде чѣмъ лечь спать, записалъ все это въ дневникъ.

2 воскресенье.—Пріѣхалъ ѣздовой, привезъ изъ Гатчино отвѣтъ и ружье изъ арсенала, которое я просилъ прислать, по приказанію Императрицы, чтобы заказать такое же для В. К. Михалла; воспользовался ѣздовымъ для отправки кое-какихъ бумагъ въ канцелярію, а также чистой бумаги для принцессы. Въ 11 ч. зашелъ во дворецъ, чтобы узнать адресъ императ. оружейнаго мастера, оттуда заѣхалъ къ Горголи за адресомъ гр. Вальдбурга—ген. майора виртембергской службы, нашего военно-плѣннаго. Онъ мнѣ сказалъ, что транспортъ военно-плѣнныхъ и, въ числѣ ихъ, виртембергцы, прибыли и расположены въ казармахъ гв. казачьяго полка. Отправился туда и нашелъ графа В. въ № 17—запертымъ. Оттуда проѣхалъ въ Преображенскій полкъ къ оружейному мастеру, но его не засталъ, оставилъ свой адресъ, прося его пріѣхать ко мнѣ завтра утромъ. Навѣстилъ зятя, которому сегодня много лучше. Засталъ у него Тутотмина и Павла Дивова, туда же потомъ пришла г-жа Нелидова. Получилъ отъ Горголи записку, сообщавшую, что Императрица меня проситъ заѣхать послѣ обѣда на минуту; поѣхалъ. Она вызывала, чтобы поговорить о проектѣ подарка Государю: гербовый щитъ, окруженный лавровымъ вѣнкомъ, на немъ числа 4, 5, 6 и 7 октября 1813 года, сверху глазъ Провидѣнія, а кругомъ слова, приведенныя Государемъ въ Его русской реляціи: кто Богъ велій яко Богъ нашъ, Ты еси Богъ, творяй чудеса. На другой сторонѣ стихъ, имѣющій отношеніе къ благословенію матери.

5 ноября среда.—Всталъ раньше 6-ти часовъ, сѣлъ работать. Въ 10 часовъ пріѣхалъ во дворецъ, гдѣ засталъ Императрицу за письмомъ къ Государю относительно В. К. Анны и обоихъ Великихъ Князей. Она меня позвала и прочитала письмо. Нахожу, что Императрица прекрасно обрисовала всѣ неудобства

замужества въ Россіи и высказывалась за Кор. Пр. Прусскаго. Она передавала и мнѣніе самой Вел. Княжны. Далѣе, переходя къ Вел. Князьямъ, она одобряла проектъ Государя и находила, что если война продлится, то Вел. Князьямъ придется отправиться въ армию, тогда, проѣзжая Берлинъ, они могутъ увидать принцессъ, и сами высказать свое мнѣніе, но что было бы несправедливо женить младшаго на дочери короля, а старшаго — на племянницѣ; затѣмъ замѣчаетъ, что пр. Фредерика на 1 годъ и 4 мѣсяца старше В. К. Михаила, но что такая разница не существенна, если принцесса согласится подождать. Мнѣ Императрица сказала, что она только вскользь упоминаетъ о разницѣ лѣтъ, потому что Кор. Пр. Прусскій также моложе Великой Княжны на 8 мѣсяцевъ. Императрица не желаетъ, чтобы Великіе Князья женились раньше 20 лѣтъ, что вполне благоразумно. Въ общемъ ея отвѣтъ до стили включительно, который всегда неизмѣнно хорошъ, возраженій не встрѣчаетъ. Въ 1 ч. она мнѣ отдала письмо, чтобы переписать, и вышла. Обѣдали въ кабинетѣ, послѣ чего принялся читать отвѣтъ, но чтеніе было прервано приходомъ Императрицы Елизаветы. Въ 9 часовъ отправка курьера была готова, и я былъ потребованъ. Императрица спросила у В. К. Николая его нѣмецкія сочиненія и приказала ихъ перечитать. Написаны они хорошо, очень смѣшно, но совершенно не назидательны, т. е. предметомъ карикатуръ и насмѣшекъ были его сверстники и учителя. Послѣ ужина, мы занимались чтеніемъ, а когда дѣти ушли, Императрица сказала мнѣ, что т. к. мы сегодня не работали, а я предложилъ придти въ свободный отъ дежурства день, то она и проситъ придти завтра. Возвратился въ 11 ч., и т. к. завтра предстояла работа о процентахъ, которые нужно было платить по истеченіи года, то я и взялъ нужныя для этого бумаги, чтобы пересмотрѣть, но всѣ онѣ были въ полномъ порядкѣ, и я легъ спать въ 12 часовъ.

16 ноября вторникъ. — Приѣхалъ во дворецъ въ 9, но былъ принятъ только въ 10. Работали надъ текущими дѣлами, прервалъ приходъ Пашкова съ докладомъ о безпорядкахъ среди Оедоровскихъ крестьянъ, которые подожгли бывшего старосту Краузе изъ Павловска; намъ было приказано это дѣло разслѣдовать. Императрица вышла, и я занимался въ канцеляріи. Приѣхала Нелидова и показала мнѣ куплеты, которые должны пѣть смолянки Императрицѣ Елизаветѣ; по слухамъ, она будетъ въ Смольномъ завтра. Сообщилъ Императрицѣ о смерти кн. Волконскаго, и Е. В. назначила вдовѣ 600 р. пенсіи, мужъ получалъ 1.000, пожалованныхъ ему въ 1810 г. на 10 лѣтъ.

Всѣ приготовленные мною письма были подписаны. По приходѣ Императрицы Елизаветы, я ушелъ къ Луизѣ, но скоро былъ позванъ. Засталъ Вильсона, съ докладомъ о небольшомъ пожарѣ на лазаретной площадкѣ. Прибылъ курьеръ отъ Государя. Около 10 часовъ я ушелъ на собраніе. Замѣтилъ, что Вел. Княжна Анна очень задумчива и красивѣ обыкновеннаго, думалъ, что ее бранили, но потомъ узналъ, что было этому причиной. Когда, послѣ собранія, всѣ удалились, Императрица показала мнѣ письмо Государя, который на отдѣльномъ листѣ писалъ (въ отвѣтъ на ея письмо отъ 5-го ноября), что онъ очень упрекаетъ себя за то, что упоминалъ о препятствіяхъ, встрѣтившихся къ замужеству В. К. Анны съ Принцемъ Пруссимъ: дѣло, оказывается, идетъ о его женитьбѣ на Эрцгерцогинѣ Австрійской. Императрица была очень сердита и предполагала, что В. Княжну, очевидно, хотятъ выдать за Кобургскаго. Она возмущена, что русскую Великую Княжну можно отставить для Эрцгерцогини Австрійской, и теперь она болѣе, чѣмъ прежде, будетъ настаивать на этомъ бракѣ. Вернулся домой въ 11, просидѣлъ съ женой до 12, затѣмъ принялся за письма къ Николаю, Вольфу, написалъ дневникъ. Сейчасъ 3 часа, и ложусь спать.

Сообщ. Н. А. Вилламовъ.

Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тирасполемъ ¹⁾.

Наступили моменты приведенія распоряженій власти о переписи въ исполненіе, и Виталии пришлось, вмѣстѣ со своими скитницами, выдержать первый реальный напоръ антихриста на ихъ общину. Появился въ Плавняхъ 22 или 28 января счетчикъ Смолѣвъ вмѣстѣ съ сотскимъ Буртней и направились въ усадьбу Александры Ковалевой. Эти моменты Смолѣвъ изображаетъ въ своемъ показаніи слѣдующимъ образомъ: „Когда я поѣхалъ въ усадьбу и вмѣстѣ съ сотскимъ вошелъ въ сѣнцы, въ полуоткрытую дверь просунулась голова Ковалевой, сейчасъ же скрылась и черезъ нѣсколько секундъ Ковалева вынесла мнѣ въ сѣнцы четвертушку бумаги, исписанную церковно-славянскимъ шрифтомъ. Въ ней говорилось, что переписи признавать не слѣдуетъ, а равно не нужны и паспорта“.

По литературному слогу записки можно было подумать, что ее писалъ довольно образованный человѣкъ. Прочтя, въ присутствіи Ковалевой и вошедшаго въ сѣни Оодора Ковалева, Высочайшій Указъ о переписи, я разъяснилъ значеніе и цѣль таковой, и пояснилъ, что явился въ качествѣ счетчика. Александра Ковалева сказала, что не будетъ давать никакихъ свѣдѣній для переписи, а глухонѣмой ея сынъ Дмитрій выбѣжалъ куда-то изъ своей кельи, заваленной кукурузными кочанами, и сейчасъ же изъ скита вышло нѣсколько монашекъ, вѣроятно изъ любопытства. Когда Александра Ковалева передавала мнѣ исписанную четвертушку бумаги, Оедоръ Ковалевъ спросилъ, зачѣмъ она даетъ эту бумагу, на что Ковалева отвѣтила, махнувши

¹⁾ См. „Русская Стар.“, май 1913 г.

рукой: „пустъ“. Повидимому, Ковалева рассчитывала, что я возвращу бумажку, потому, что когда я спряталъ ее въ карманъ, удивилась и спросила: „Развѣ она вамъ нужна?“ Послѣ того я уѣхалъ и представилъ бумажку завѣдующему переписнымъ участкомъ земскому начальнику Баеру. Черезъ два дня я вновь поѣхалъ въ усадьбу Ковалевой вмѣстѣ съ приставомъ 4 стана Дмитріевымъ. Заходя во всѣ хаты и кельи, мы насчитали всего 18 человѣкъ, но не припомню теперь, вошли-ли въ это число сама Ковалева и сыновья ея Дмитрій и Ѳедоръ. Когда мы съ приставомъ вошли въ скитъ, гдѣ находилась Виталія и монашки, то Виталія, указывая на насъ, обращаясь къ монашенкамъ замѣтила: „Вотъ когда печать антихриста явилась“. Черезъ день я вновь ѣздилъ въ усадьбу Ковалевой съ приставомъ и земскимъ начальникомъ Баеромъ. Ковалевы собрались во дворъ, и земскій начальникъ сталъ имъ объяснять цѣль переписи и убѣждалъ дать личныя свѣдѣнія о своей личности. Собравшіеся отказались дать о себѣ свѣдѣнія. Возражала Баеру текстами изъ Св. Писанія и называла перепись дѣломъ антихриста Виталія, а монашки утверждали, что онѣ христіане, рабы Божіи, какъ иноки, именъ никакихъ не имѣютъ, а на предложеніе назвать свои прежнія имена, до принятія монашества, отвѣтили отказомъ. Желая убѣдить Виталію, земскій начальникъ привелъ текстъ изъ Священнаго Писанія, что „Кесарево Кесареви, а Божье Богови“, на что Виталія замѣтила, что онѣ не претендуютъ на насъ за наше настойчивое желаніе внести ихъ въ перепись, знаютъ, что намъ приказано записать ихъ, но что мы слуги антихриста. Въ день переписи, 28 января, я съ сотскимъ вновь пріѣхалъ въ усадьбу Александры Ковалевой, но застали въ усадьбѣ только Александру и двухъ сыновей ея, всѣ же остальные куда-то ушли или скрылись. Ковалевы и на этотъ разъ отказались дать какія-либо свѣдѣнія о своей личности, и я внесъ въ списки Александру, ея сыновей и отсутствовавшую жену Ѳедора на основаніи справокъ, добытыхъ у сосѣдей. Черезъ день или два Ковалева и монашки были арестованы по обвиненію въ бродяжествѣ. Когда пріѣзжалъ Баеръ, и Ковалевы отказались дать свѣдѣнія о личности, то Баеръ приказалъ отвести проживающихъ у Ковалевыхъ неизвѣстныхъ монашекъ, въ томъ числѣ и Виталію, въ Терновку для удостовѣренія личности, но ихъ никто не призналъ и онѣ тотчасъ же возвратились.

Показаніе счетчика Смолѣва въ соответствующихъ частяхъ нашло подтвержденіе показанійхъ: сотника Буртни, земскаго

начальника Баера и мѣстнаго пристава Дмитріева. Изъ нихъ Дмитріевъ добавилъ, что раньше въ усадьбѣ Ковалевой онъ не бывалъ и о проживавшихъ тамъ монахахъ и монашкахъ не зналъ. При посѣщеніи скита вышедшая къ нему Александра Ковалева, старикъ монахъ и четыре монашки „ничего не говорили, а только крестились и произносили шопотомъ какія-то молитвы“. Спустя четыре дня свидѣтель вновь пріѣхалъ въ усадьбу Ковалевой, на сей разъ съ цѣлью потребовать отъ проживающихъ въ этой усадьбѣ лицъ паспортовъ, и установить ихъ личность полицейскими мѣрами. Монашки по-прежнему твердили, что онъ „Христовы люди“. Въ усадьбѣ Ковалевой на этотъ разъ оказалось гораздо меньше людей, чѣмъ было до переписи, остальные, вѣроятно, ушли куда-нибудь или скрылись. До переписи ихъ было, кажется, 18 человекъ, включая въ это число Александру Ковалеву и ея сыновей. Я арестовалъ трехъ монашекъ, Виталію, Ульяну Ковалеву и старика-монаха и передалъ ихъ въ распоряженіе судебного слѣдователя, какъ бродягъ. Впослѣдствіи личность Ульяны Ковалевой была установлена въ тюрьмѣ, кажется, Сибилевымъ. По распоряженію слѣдователя арестованные были заключены въ тюрьму, но перестали принимать пищу. Во избѣжаніе голодной смерти — 9 февраля ихъ освободили и прислали ко мнѣ, для водворенія на мѣстѣ, съ учрежденіемъ за ними полицейской охраны. Вслѣдствіе этого арестованные, въ числѣ 6 человекъ, были мною отосланы въ Илавни въ усадьбу Ковалевой, помѣщены въ большой кельѣ, и къ нимъ приставлено для наблюденія 2 человекъ-десятскихъ изъ Терновки. Арестованные не были подъ замкомъ и пользовались относительной свободой, ходили, молились.

Переданная Александрю Ковалевою счетчику записка была осмотрѣна судебнымъ слѣдователемъ, при чемъ оказалось: записка эта писана на полулистѣ бѣлой бумаги, рукописно, церковно-славянскимъ шрифтомъ. Чернила и бумага совершенно свѣжаго вида. Сверху буквы съ титлами: Г. І. Х. С. Б. М. Г. текстъ шифра слѣдующій: „Мы христіане, намъ нельзя никакого новаго дѣла принимать, и мы не согласны по новому записывать свое имя и отчество: намъ Христосъ за все есть: и отчество, и честь, и имя. А вашъ новый уставъ и метрики отчуждаютъ насъ отъ Христа и отъ истинныя христіанскія вѣры и приводятъ въ самоотверженіе отечества; а наше отчество Христосъ. Намъ Господь глаголетъ во Святомъ Евангеліи своемъ: „Рече Господь своимъ ученикомъ: всякъ убо, иже исповѣсть мя предъ человекъ, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцомъ Моимъ,

иже на небесѣхъ; а иже отвержется мене предъ чловѣки, отвергуся его и Авъ предъ Отцомъ Моимъ, иже на небесѣхъ". Посему отвѣщаемъ мы вамъ вкратцѣ, окончательно, что мы отъ истиннаго Господа нашего Иисуса Христа отверженія не хотимъ и отъ православныя вѣры, и отъ святыхъ, соборныхъ и апостольскихъ церкви отступити не желаемъ. И что Святые отцы со Святыми Соборами приняли, то и мы принимаемъ, а что Святые отцы и Святые Апостолы проклиjali и отрицали, то и мы проклинаемъ и отрицаемъ. А вашимъ новымъ законамъ повиноваться никогда не можемъ; пожелаемъ паче за Христа умерети".

4 февраля задержанные (5 женщинъ и одинъ мужчина), бывъ препровождены къ судебному слѣдователю и привлеченные въ качествѣ обвиняемыхъ въ бродяжничество, на допросѣ у судебного слѣдователя, также отказались сообщить свѣдѣнія о своей самоличности, при чемъ женщины повторяли только, что онѣ христіанки, „Христовы инокини“, и что религіозныя ихъ убѣжденія запрещаютъ имъ говорить, кто онѣ. При нихъ были найдены рукописи, изъ содержанія которыхъ можно заключить, что задержанные принадлежать къ какой-то сектѣ, по всей вѣроятности, бѣгуновъ. 7 февраля судебный слѣдователь прибылъ, вмѣстѣ съ врачомъ, въ Тираспольскую тюрьму, куда были заключены задержанные съ тѣмъ, чтобы подвергнуть ихъ освидѣтельствуванію. Мужчина былъ освидѣтельствуванъ, женщины же отказались подвергаться освидѣтельствуванію, утверждая, что для нихъ обнажить свое тѣло великій грѣхъ и что онѣ скорѣе согласятся умереть, чѣмъ подвергнуться освидѣтельствуванію.

9 февраля, при посѣщеніи участковымъ товарищемъ прокурора тюрьмы, начальникъ послѣдней заявилъ, что всѣ задержанные отказываются принимать пищу, которая готовится въ тюрьмѣ, и что, когда онъ предложилъ выдавать имъ кормовыя деньги на руки, то они отказались и отъ этого, при чемъ стали даже готовиться къ смерти. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ нихъ были уже крайне истощены, въ виду этого, товарищъ прокурора, опасаясь смерти ихъ отъ голода, предложилъ судебному слѣдователю отдать всѣхъ упомянутыхъ лицъ подъ домашній арестъ по мѣсту жительства ихъ въ с. Терновѣ. Въ тотъ же день личность одной изъ задержанныхъ была удостовѣрена, и она оказалась мѣщанкой Ульяной Ковалевой, дочерью той самой Александры Ковалевой, въ домѣ которой всѣ они были задержаны, хотя родная мать ея отказывалась признать въ ней свою дочь.

Значеніе этой записки несомнѣнно, въ ней съ полной опредѣленностью отражается та точка зрѣнія, на которую, по отношенію къ переписи, стала Виталія и руководимые ею скитяне, но, къ сожалѣнію, эта записка не оправдала и не могла оправдать возлагавшихся на нее авторами ея надеждъ. Обитатели скита, совмѣстно съ Виталіей, упустили изъ виду, что, благодаря ихъ отношенію къ дѣлу, обнаружались законные признаки преступленія бродяжества, довольно своеобразно очерченные нашимъ уголовнымъ закономъ. Оказалось, что задержанные живутъ безъ паспортовъ и не имѣютъ средствъ или не желаютъ выяснитъ передъ властью свою самоличность. Иначе говоря, дѣло вышло изъ вѣдѣнія полицейской власти по производству переписи и перешло къ органамъ судебной власти по обвиненію задержанныхъ въ бродяжествѣ (ст. 950 Улож. о нак.).

Означенныя дѣйствія власти не только не содѣйствовали выясненію положенія скитянъ, а тѣмъ болѣе не умиротворили остроту переживавшагося момента, но, наоборотъ, роковымъ образомъ привели къ ряду насильственныхъ смертей среди обитателей Плавень, которые были нѣмы къ воспріятію языка закона. До какого ужаснаго душевнаго состоянія дошли заключенные въ тюрьмѣ, видно въ особенности изъ показанія начальника тюрьмы Кривенко, вмѣщающаго въ себѣ не мало цѣнныхъ данныхъ. Онъ показалъ, что 4-го или 5. февраля въ заведуемую имъ тюрьму были доставлены шесть человѣкъ (5 женщинъ и 1 мужчина), обвиняемыхъ въ бродяжничествѣ монаховъ. Среди монашекъ особенно выдѣлялась одна, по слогу, манерамъ и благороднымъ чертамъ лица. Остальныя монашки имѣли видъ тупоумныхъ. Доставленные были сейчасъ же переодѣты въ арестантскую одежду; свидѣтель подробно записалъ примѣты каждой и объявилъ №, подъ которымъ каждая занесена была въ книгу, чтобы знать, кого вызывать въ контору въ случаѣ надобности. Въ числѣ взятой у каждой изъ арестованныхъ одежды у каждой монашки, а равно и у монаха, найдены были особыя разрѣшительныя молитвы, при чемъ молитва, взятая у монашки, оказавшейся впослѣдствіи Виталіей, была написана на раскрашенномъ листѣ бумаги. Кривенко спрашивалъ арестованныхъ про эти молитвы и узналъ, что съ этими молитвами они должны быть погребены въ случаѣ смерти. Доставленные монашки помѣщены были въ тюрьмѣ всѣ вмѣстѣ въ отдѣльную камеру. Онѣ отказались принимать пищу, такъ же отказался и старикъ-монахъ. Свидѣтель предложилъ покусать имъ пищу на ихъ кормовыя деньги, но всѣ отказались,

25-392

говорили, что казна не обязана ихъ кормить, что онѣ никакой пользы казнѣ не приносятъ, что не пришло еще время ѣсть, а на вопросъ мой—когда же это время прійдетъ, отвѣтили, что они и сами этого не знаютъ. На увѣщанія назвать свои имена—монашки отвѣчали, что онѣ христіанки, рабы Божіи, а на вопросъ—есть ли среди нихъ замужнія—сказали, что „намъ нельзя, мы невѣсты Спасителя“. На расспросы, признаютъ ли онѣ поповъ и священство—монашки отвѣчали, что раньше признавали, а теперь нѣтъ, ибо теперешніе попы „Пишутся“. Всѣ монашки очень тяготились тюремнымъ заключеніемъ и со слезами просили освободить ихъ. Дня черезъ 2—3 послѣ ареста монашекъ, въ контору тюрьмы, явился судебный слѣдователь съ городовымъ врачомъ для освидѣтельствованія арестованныхъ. Монашка, оказавшаяся Виталіей, заявила, что по ихъ вѣроученію имъ никогда нельзя обнажать своего тѣла даже передъ женщиной, что онѣ не моются и въ баню не могутъ ходить, что лучше пусть ихъ закопаютъ въ землю живыми, зарѣжутъ или повѣсятъ, но освидѣтельствовать ихъ онѣ не позволяютъ. Виталія поясняла неоднократно, что кто это сдѣлаетъ, т.-е. освидѣтельствуетъ ихъ, тотъ приметъ большой грѣхъ на душу. Монашки и монахъ продолжали отказываться отъ пищи и 9 февраля всѣ были освобождены по распоряженію судебного слѣдователя. Личность одной изъ монашекъ Ульяны Ковалевой—была удостовѣрена въ тюрьмѣ нѣкимъ Сибилымъ. Дня за два до освобожденія арестованныхъ въ тюремную контору была вызвана въ числѣ другихъ и Александра Ковалева, ибо были слухи, что Ульяна ея дочь. При видѣ Ульяны, Александра Ковалева прослезилась, но отказалась признать въ ней свою дочь, и заявила, что предъявленной ей монашки не знаетъ.

Переданный свидѣтелемъ Кривенко фактъ отрицанія матерью своей дочери и дочерью своей матери можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ того, какъ велика была сила фанатизма, влѣдреннаго Виталіей въ сердца своихъ сподвижницъ. Для того, чтобы опредѣлить настоящее значеніе этого факта, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что высказанная ложь шла отъ людей богобоязненныхъ, нравственныхъ и неумѣвшихъ въ жизни входить въ сдѣлки со своей совѣстью. Онѣ очень хорошо знали, что ложь есть грѣхъ, и тѣмъ не менѣе лгали, отрицая свое близкое родство только потому, что этого требовали интересы борьбы съ антихристомъ, и, что только ложью, по ихъ мнѣнію, можно было защитить себя отъ насильственного внесенія въ списки слугъ воцарившагося антихриста.

По показанію Кривенко доставленъ былъ въ тюрьму (по обнаруженію первой группы закопавшихся) и арестованный Ѳеодоръ Ковалевъ, въ монашескомъ одѣяніи. Его сейчасъ же переодѣли, остригли длинные волосы, при чемъ онъ не протестовалъ. Сестра его Горзина приносила ему раза два воды и пищу, при чемъ въ первый ея приходъ Ковалевъ не видѣлъ, что именно она принесла, а не кто-либо другой, и потому, и на этотъ разъ, отказался ѣсть. Исподоволь и понемногу, отчасти подѣ влияніемъ моихъ увѣщаній, Ковалевъ сталъ пить воду, а затѣмъ и есть общую пищу. Сперва принималъ онъ подаваніе, когда таковое приносили, потомъ ѣлъ пищу съ базара и, наконецъ, началъ ѣсть все то, что готовится въ тюрьмѣ для прочихъ арестантовъ. Первый день своего ареста Ковалевъ содержался вмѣстѣ съ прочими заключенными, но просилъ перевести его въ другую отдѣльную камеру, что я на слѣдующій день и исполнилъ. Въ виду исключительной важности дѣла, я счелъ для себя обязательнымъ слѣдить за Ковалевымъ, часто вызывалъ его въ контору и бесѣдовалъ. По блуждающимъ его глазамъ, не выдерживающимъ упорнаго взгляда, я заключилъ, что Ковалевъ не сказалъ слѣдователю всей правды и многое скрывалъ. Поэтому, бесѣдуя съ Ковалевымъ, я совѣтовалъ ему сознаться во всемъ и говорилъ, что это въ значительной мѣрѣ облегчитъ его участь. Начальникъ тюрьмы Кривенко добавилъ къ сказанному одну частность, явственно свидѣтельствующую о той силѣ вліянія, которое имѣла Виталія на руководимыхъ ею лицъ. „Когда, говорить онъ, въ день своего освобожденія, Виталія узнала отъ меня, что старикъ-монахъ не устоялъ противъ голода и наканунѣ въ тюрьмѣ съѣлъ два апельсина, то такъ строго взглянула на старика, что тотъ упалъ на землю и зарыдалъ“.

Освобожденіе заключенныхъ изъ-подъ стражи, по предложенію товарища прокурора, и отправленіе ихъ въ Плавни подѣ надзоръ.

Единственнымъ лицомъ ея паствы, не уничтожавшимся предъ нею, Виталіей, была молодая, проживавшая съ ней монашка, именовавшаяся Пелагеей младшею (Матвѣева). Изъ показанія Ѳ. Ковалева видно, что она „была особенно близка къ Виталіи, другъ безъ друга онѣ не могли дохнуть, сообща обсуждали и рѣшали разные религіозные вопросы“. Къ сожалѣнію, предварительное слѣдствіе не собрало достаточныхъ данныхъ для выясненія той роли, которую сыграла она въ Тираспольскомъ преступленіи, на основаніи же частныхъ свѣдѣній, поя-

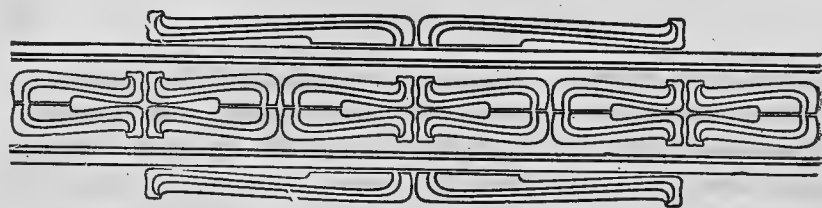
вившихся въ печати, сложилось предположеніе, что нравственная отвѣтственность за совершившееся должна быть распределена между Пелагеей младшей и Виталией. Въ дѣлѣ имѣется, однако, письмо, написанное Пелагеей ея брату, и которое до нѣкоторой степени выясняетъ предъ нами эту искреннюю и, вѣроятно, восторженную дѣвушку. Письмо это приобщено къ дѣлу въ качествѣ вещественнаго доказательства и производитъ впечатлѣніе той живой непосредственностью и безыскусственностью, которыя характеризуютъ его. Здѣсь чувствуется еще близкая связь автора письма съ темными интересами ея родныхъ; здѣсь и проявленіе юнаго воображенія, сосредоточивавшагося на „золотомъ садѣ“, въ которомъ будетъ гулять ея крестница, если будетъ пѣть по ея совѣту „Богородице Дѣво, радуйся“, но рядомъ съ этимъ господствуетъ мысль о Богѣ, заботы о спасеніи души и стремленіе обратить молитвы близкихъ ей людей къ милости Божіей¹⁾.

В. Случевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Изъ протокола осмотра судебного слѣдователя видно, что письмо это написано церковно-славянскимъ шрифтомъ, на четвертушкѣ бѣлой бумаги, сложенной вдвое. Бумага пожелтѣлая отъ времени. Время написанія письма и мѣсто, откуда таковое послано, не обозначены. Содержаніе письма нижеслѣдующее: „Г. І. Х. С. Б. П. Н. Аминь. Заутра услыши Гласъ мой, Царю мой Боже мой. Дражайшимъ и милымъ нашимъ и незабвеннымъ—любезному нашему брату Поликашъ и съ супругой и милымъ вашимъ дѣточкамъ—Ванѣ и крестницѣ Полюшкѣ и Афросинѣ, помощью Божіей желаемъ вамъ о Господѣ радоваться и душу спасти и здоровыми быть и въ дѣлахъ вашихъ скорого и счастливаго успѣха. При семъ со смиреніемъ и усердно вамъ кланяемся, извѣщаемъ вамъ—получили мы ваше письмо и рубль денегъ и со слезами васъ благодаримъ. Милый ты нашъ братецъ, спаси васъ Христосъ за Твое всеусердное собогѣзнованіе, Помози Тебѣ Господи во всѣхъ твоихъ трудахъ и даруй тебѣ Господи получить стократное воздаяніе на семъ свѣтѣ и душу спасти, и въ будущемъ вѣдѣ наследовать Царствіе Небесное, а что ты пишешь милый братецъ, чтобы мы ждали на свою сторону, то со слѣзами тебѣ благодаримъ, Спаси Тебя Христосъ за твое душевное усердіе и да наставитъ и научитъ Тебя самъ Господь во спасеніе, милый братецъ, хотя ты и въ трудѣхъ и въ хлопотахъ, а все призывай Бога на помощь, хотъ умомъ прибѣгай къ нему, и проси отъ него милости, и во всѣхъ дѣлахъ уповай на милость Божию, а безъ мѣры не сокрушайся о житейскихъ недостаткахъ, только“.

Атана лейбъ-казаковъ въ сраженіи подъ г. Лейпцигомъ 1813 г. 4 октября.

Разскавъ, слышанный отъ участника Лейпцигскаго боя генералъ-лейтенанта Емельяна Антоновича Конькова, служившаго въ то время въ л.-гв. казачьемъ Его Величества полку, скончавшагося въ 1882 г. въ отставкѣ.

Я счастливъ, что дожилъ до юбилея столѣтняго славнаго боя подъ Лейпцигомъ, гдѣ мой родной полкъ покрылъ себя неувядаемой боевой славой.

Въ 1862 г. 13 іюня я былъ выпущенъ въ этотъ полкъ офицеромъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ.

Состоя въ родствѣ съ Коньковымъ, я часто бывалъ у нихъ въ имѣніи и, какъ молодой человѣкъ, заслушивался разсказовъ маститаго старика. Трудно было его навести на эти разсказы, но какъ только онъ начиналъ свои боевые увлекательные разсказы, то какъ будто молодѣлъ. Замѣтно было по его блестящимъ глазамъ, что онъ всею душою переносился въ славное былое, разскавъ же о Лейпцигскомъ боѣ онъ еле-еле могъ кончить, такъ какъ его, девяностолѣтняго старика, душили слезы.

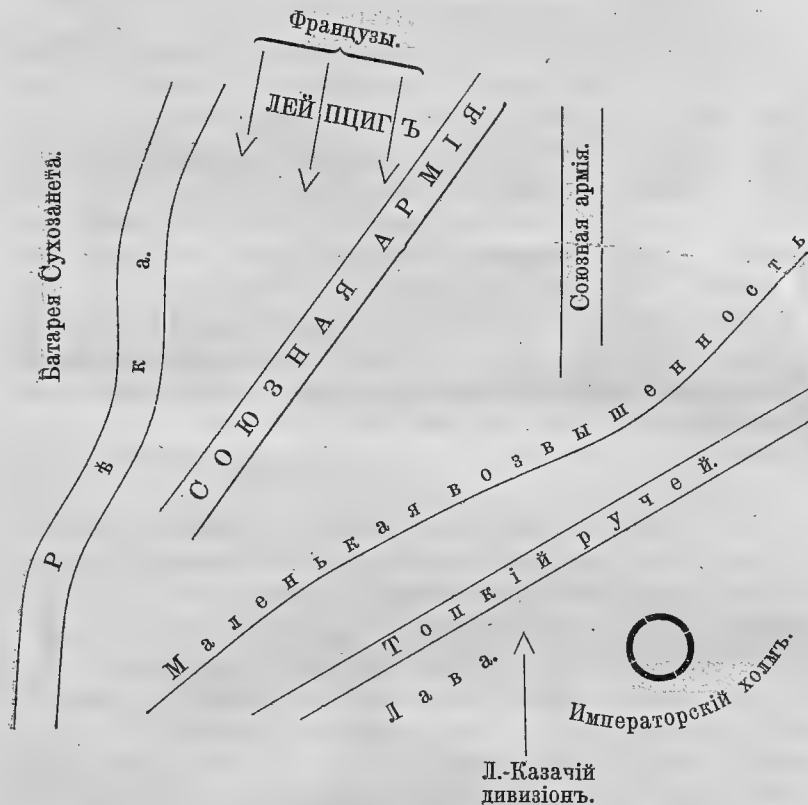
Вотъ подлинный его разскавъ съ своеобразными выраженіями:

На разсвѣтъ 4 октября 1813 года наша армія уже заняла позиціи въ 4 линіи подъ Лейпцигомъ. На правомъ флангѣ 4-й линіи на холму стоялъ нашъ назабенный Императоръ Александръ I, а съ нимъ еще два союзныхъ императора. Съ этого холма хорошо было видно плято расположенія нашихъ войскъ.

Наполеонъ разсчитывалъ подъ Лейпцигомъ исправить свое постыдное бѣгство и дать понять своей арміи, что она, все-таки, непобѣдима, хотя мы ее заѣдали ¹⁾ при отступленіи изъ Россіи, не давали французамъ ни днемъ, ни ночью покоя. Наполеонъ густыми колоннами пустилъ свою кавалерію на наши линіи. Понятовскій командовалъ передовыми частями. Впереди всѣхъ скакали латники ²⁾ кирасиры.

Схема атаки лейбъ-казаковъ

4 октября 1813 г. подъ Лейпцигомъ.

Эта атака ³⁾ настолько была стремительна, что наши три линіи были сломаны, а затѣмъ оставалась еще одна линія и затѣмъ беззащитный Императоръ. Сбоку и немного сзади стоялъ нашъ лейбъ-казачій дивизионъ, пятисотнаго состава, который

¹⁾ Подлинное выраженіе Конькова.

²⁾ Подлинное выраженіе Конькова.

³⁾ Коньковъ эту атаку сравниваетъ съ налетомъ саранчи, это, говорить, была какая-то туча.

былъ и въ конвоѣ Императора. Командовалъ этимъ дивизиономъ полковникъ Ефремовъ. У насъ трепетали сердца, когда мы слѣдили за этой бѣшеной атакой. То мы жалѣли своихъ солдатъ, а въ особенности боялись за нашего обожаемаго Императора, который стоялъ блѣдный, слѣдя въ подзорную трубку за боемъ.

Вдругъ онъ повернулся въ полъ-оборота къ графу Орлову-Денисову и, указывая рукою по направленію боя, громко произнесъ: „казаки, остановите!“

Графъ Орловъ-Денисовъ немедленно же подскакалъ къ намъ и буквально передалъ царскія слова.

Полковникъ Ефремовъ выскочилъ передъ дивизиономъ, перекрестился большимъ крестомъ и, обращаясь къ казакамъ, крикнулъ: „братцы, умремте, а дальше не допустимъ!“

Дивизионъ за нимъ двинулся рысью, размыкаясь въ лаву, и на ходу брали на перевѣсъ пики.

Здѣсь я не вытерпѣлъ спросить: „а развѣ у васъ тогда вахмистры были съ пиками, какъ написано на картинѣ?“, онъ отвѣтилъ: „не только вахмистры взяли пики, но и мы, офицеры, взяли пики“. Вотъ какъ вѣровали въ пику!

Передъ нами впереди былъ топкій ручей, а за нимъ возвышенность, которая скрывала наши движенія отъ глазъ непріятеля.

Перестраиваясь въ лаву, мы перешли топкій ручей рысью и выбѣжавши ¹⁾ на возвышенность очутились противъ самаго уже атакующаго.

Неожиданнымъ нашимъ появленіемъ на флангѣ непріятель настолько былъ озадаченъ, что какъ будто на минуту пріостановился и заволновался, какъ вода въ корытѣ ²⁾.

А мы съ страшнымъ дикимъ гикомъ уже неслись на него.

Въ этотъ моментъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ открыла огонь наша артиллерія, поражая непріятеля въ правый его флангъ; онъ не выдержалъ, дрогнулъ и повернулъ назадъ.

Вотъ тутъ-то намъ пригодились наши родимыя пики ³⁾, которыя не разъ насъ выручали въ бояхъ.

Когда французы дрогнули, смѣшались и повернули назадъ, то тогда мы ихъ такъ кололи, что за однимъ другой подыхалъ ⁴⁾. Я при этомъ улыбнулся, тутъ Коньковъ обидѣлся и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: „вы, молодой человѣкъ, какъ будто думаете,

¹⁾ Точное выраженіе Конькова.

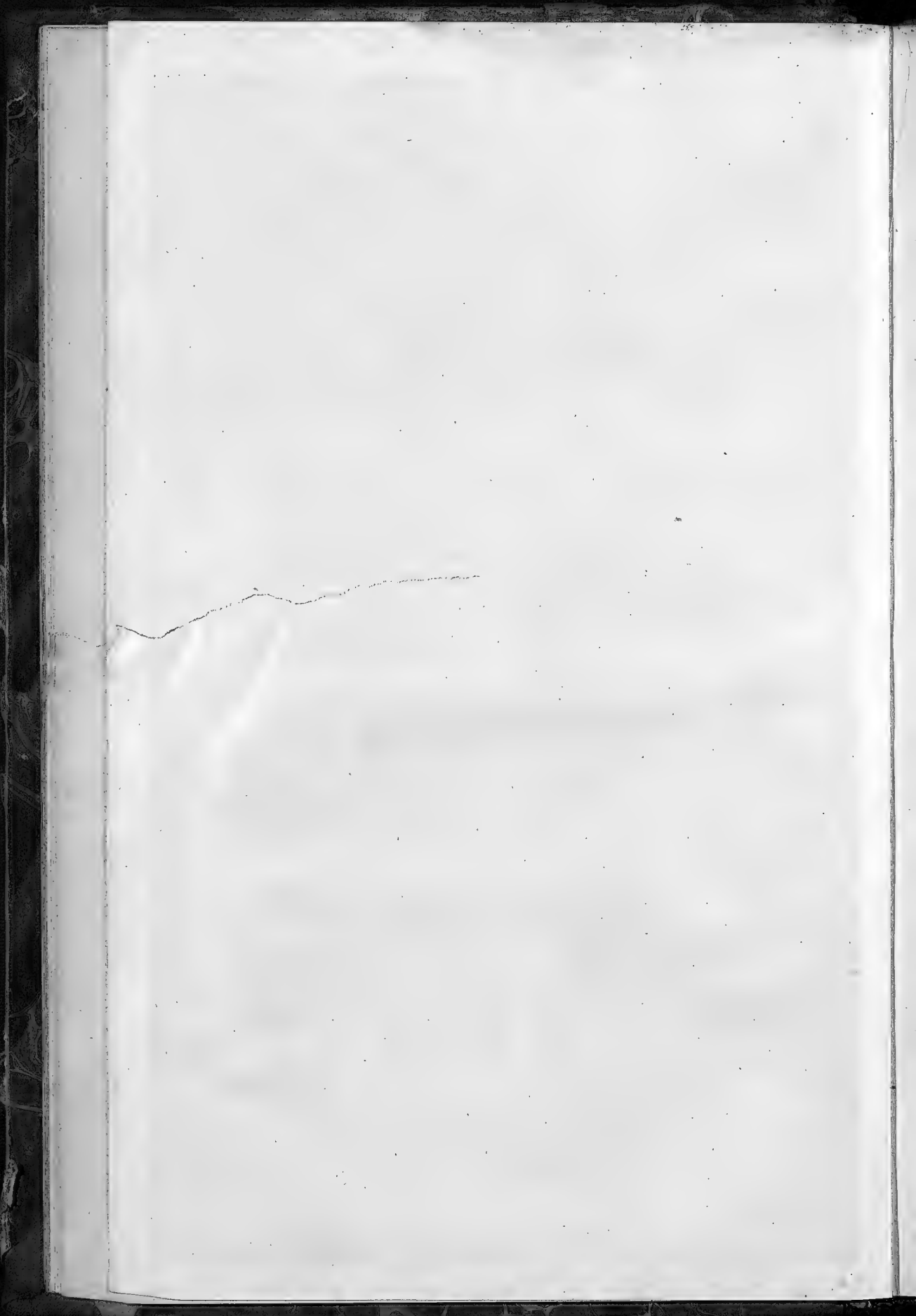
²⁾ Подлинное выраженіе Конькова.

³⁾ Подлинное выраженіе Конькова.

⁴⁾ Подлинное выраженіе Конькова.

4-го октября 1913 г. въ бою подъ Лейпцигомъ, Императоръ Александръ ІІ наблюдаетъ свой полкъ, дѣль-кавалеръ, противъ французовъ, кирасиръ.

что я преувеличиваю, но вы же посмотрите на меня, во мнѣ 12 вершковъ росту, а я тогда былъ одинъ изъ маленькихъ, вотъ мнѣ теперь 93 года, а я и сейчасъ, когда дерну за чолку (за чубъ) лошадь, то она передо мной станетъ на коѣни". Я извинился, что я если и улыбался, то выразилъ этимъ свое удивленіе.

Французы обратно поскакали по направленію къ Лейпцигу, мы ихъ преслѣдовали и на ихъ плечахъ ворвались въ г. Лейпцигъ. Намъ очень хотѣлось поймать живымъ Понятовскаго, на котораго мы давно зубы точили, но онъ отчаянно бросился мимо моста прямо въ рѣку, гдѣ и утонулъ, потому, что былъ въ кольчугѣ.

Когда кончился этотъ кровопролитный бой, къ намъ подскакалъ отъ Государя ординарецъ-офицеръ и потребовалъ весь дивизіонъ къ Государю.

Мы возвращались буквально растерзанные: кто безъ кивера, кто въ разорванномъ мундирѣ, и окровавленные лица и руки, но на лицѣ каждаго можно было прочесть, что честно исполнилъ свой долгъ присяги.

Ефремовъ ѣхалъ безъ кивера, который у него былъ сбитъ въ бою. А когда стали подъѣзжать къ Государю, то Императоръ громко произнесъ: „Ефремовъ, ко мнѣ!“

А когда Ефремовъ подскакалъ, то Государь своеручно на него надѣлъ св. Георгія 3-й ст. и поцѣловалъ.

Въ этотъ моментъ у насъ по фронту грянуло несмолкаемое громкое ура¹⁾.

Все офицеры и все казаки получили награды, а дивизіонъ получилъ георгіевскій штандартъ съ надписью: „за Лейпцигъ“, съ тѣхъ поръ и установленъ полковой праздникъ 4 октября св. Ерофея.

Кончивши свой рассказъ, Коньковъ заплакалъ и, махнувъ рукой, сказалъ: „много товарищей потеряли—царство имъ небесное, но боя этого я никогда не забуду. А блѣдное лицо обожаемаго нашего Государя я буду помнить до гробовой доски“.

Коньковъ скончался въ 1882 году 1 февраля, девяноста пяти лѣтъ отъ роду.

Еще онъ мнѣ рассказывалъ, какъ они входили въ Парижъ, какъ ихъ встрѣчали жители, какъ они стояли бивуаками въ

¹⁾ Государь подъѣхалъ къ дивизіону ближе и, проѣзжая по фронту, благодарилъ всехъ, у Государя были замѣтны слезы на глазахъ.

Елисейскомъ полѣ, какъ приходили жители на нихъ смотрѣть, въ особенности на казаковъ, которые дѣйствительно имѣли грозный боевой видъ.

Къ сожалѣнію, всѣ эти его рассказы я не могу теперь припомнить.

Приложеніе: указъ объ отставкѣ генераль-лейтенанта Емельяна Антоновича Конькова, изъ котораго видно, въ сколькихъ онъ сраженіяхъ участвовалъ и мелкихъ стычкахъ съ французами, и одинъ портретъ Ефремова въ формѣ того времени и Конькова въ болѣе современной формѣ.

Копія № 117.

По указу ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО
(и прочая, и прочая, и прочая).

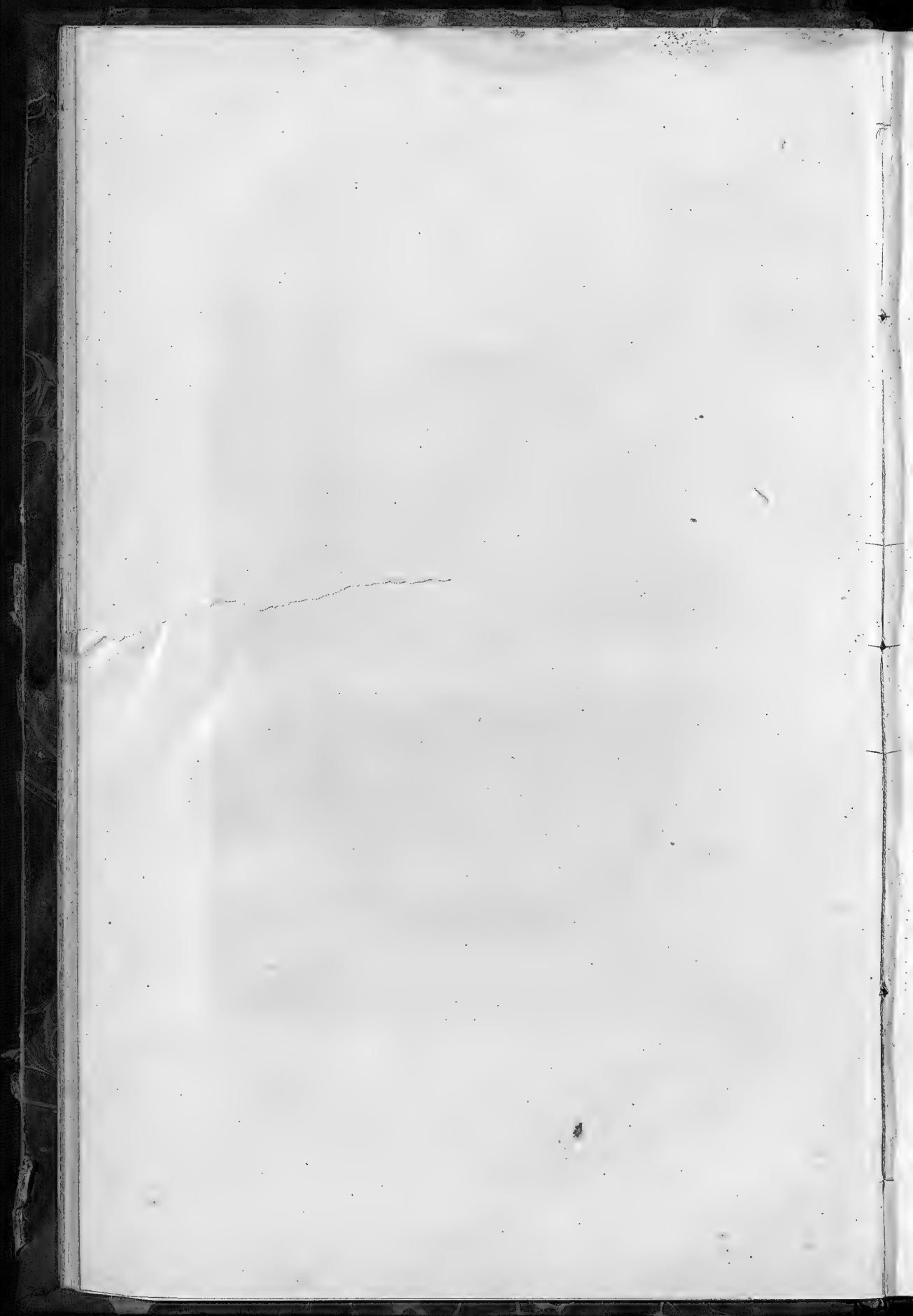
Предъявитель сего Полковникъ Емельянъ Антоновъ сынъ Коньковъ 2-й, какъ значится изъ полкового формулярнаго списка: отъ роду имѣть 29 лѣтъ, изъ штабъ-офицерскихъ дѣтей, въ службу вступилъ урядникомъ 806-го ноября 30-го, въ полкъ войскового старшины Грекова 21-го, 806-го декабря 1-го произведенъ портупей-юнкеромъ, 811-го Января 20-го Лейбъ-Гвардіи въ казачій полкъ корнетомъ, 812-го февраля 28-го, Поручикомъ 813-го марта 16-го, штабъ-ротмистромъ 816-го мая 21-го, Ротмистромъ 818-го іюня 16-го. Во время службы своей въ походахъ находился съ 1806-го по 1811-й въ Москвѣ, съ 1811-го въ С.-Петербургѣ, оттоль 1812-го къ границѣ бывшаго Варшавскаго Герцогства противъ вступившаго въ Россію непріятеля, былъ въ сраженіяхъ іюня 14-го при Трокахъ, 16-го при отступленіи отъ Ковенской деревни къ вильно и чрезъ вильно, 18-го при отступленіи отъ Неменчина до Карчмы¹⁾ горы, 19-го при повыверкахъ, 21-го при Свинціанахъ, 22-го при отступленіи къ кочержишкамъ, 23-го подъ Кочержишками, іюля 12-го и 13-го при будиловской переправѣ черезъ рѣку двину, 15-го подъ г. Витебскомъ, 16-го, 17-го и 18-го при отступленіи къ порѣчью, Августа 4-го, 5-го и 6-го при г. Смоленскѣ, 7-го при деревнѣ Заболотье и за оказанную въ сихъ дѣлахъ отличную храбрость награжденъ орденомъ Св. Анны 4-го класса 26-го въ Генеральномъ сраженіи при Бородинѣ на многочисленную непріятельскую кавалерію и пѣхоту въ неоднократныхъ атакахъ, а съ онаго числа до 2-го сентября въ безпрестанныхъ перестрѣлкахъ и за оказанное отличіе пожалованъ золотою саблею съ надписью за храбрость, Октября 6-го при Тарутинѣ въ разбитіи непріятельскаго корпуса подъ командою Короля Неаполитанскаго и за отличную въ семъ сраженіи храбрость Всемило-тивѣйше награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ Бантомъ,

¹⁾ Указъ воспроизведенъ въ точности по подлиннику. *Ред.*

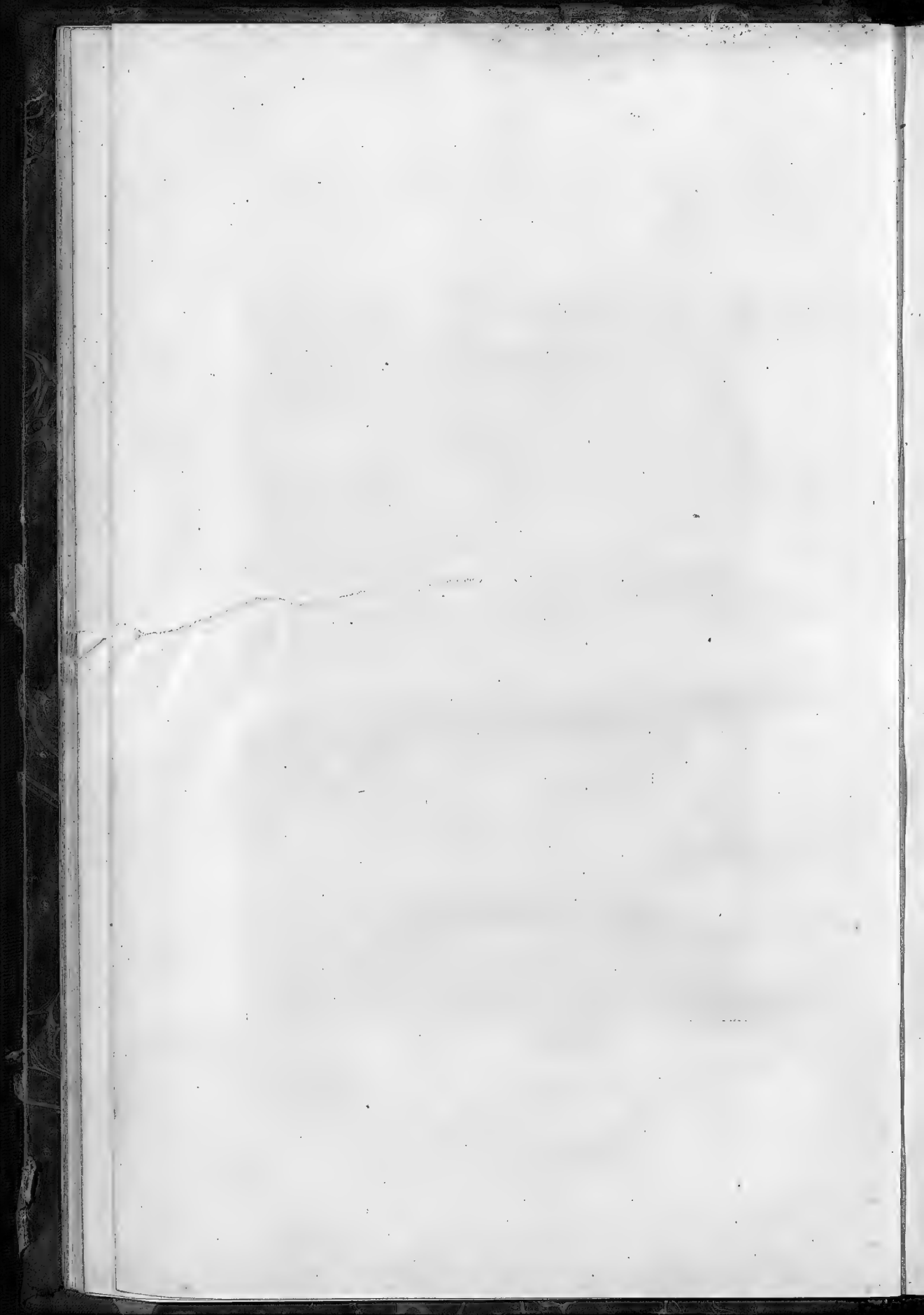
Генералъ Ефремовъ.

ЕМЕЛЬЯНЪ АНТОНОВИЧЪ
КОНЬКОВЪ.

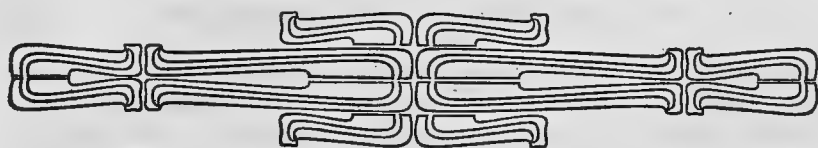

21-го въ отрядѣ Генераль-Адъютанта Графа Орлова-Денисова, близъ города вязьмы въ разбитіи непріятельскихъ колонъ и отбитіи одного Батареиннаго орудія, 28-го при совершенномъ истребленіи Непріятельской кавалеріи до двухъ полковъ шедшихъ изъ дотомостя къ Ляхову и взятіи Генерала Ожеро съ корпусомъ его въ пленъ, 30-го при Селеніи Клементинѣ, Ноября 3-го подъ городомъ Краснымъ въ разбитіи непріятельскихъ колонъ и взятіи въ пленъ 3-хъ Генераловъ и 4 орудія, 22-го при вытѣсненіи Генерала Вредъ съ корпусомъ изъ Мѣстечка вилейки, 28-го при г. вильнѣ, 29-го при станціи Саболшикахъ въ совершенномъ истребленіи части непріятельскаго арьергарда, 31-го при вытѣсненіи остатковъ Арміи французской изъ г. Ковны, за отличіе же въ сихъ дѣлахъ оказанное, награжденъ слѣдующимъ чиномъ, постомъ за границу въ конвоѣ Государя Императора и въ сраженіяхъ Апрѣля 20-го при Люценѣ Маія 8-го и 9-го при Бауцинѣ, Октября 4-го при Лейпцигѣ, при удержаніи многочисленной непріятельской кавалеріи въ центрѣ нашей Арміи, которая по сильномъ пораженіи обращена въ бѣгство и прогнана за пылкіе колонны, за оказанную въ семъ дѣлѣ отличную храбрость пожалованъ орденомъ Св. Анны 2-го класса, 814-го февраля 20-го при Шатобрианѣ, Марта 13-го при Фершампенуазѣ, въ атакѣ на двѣ непріятельскія колонны, совершенномъ разбитіи оныхъ и взятіи въ пленъ, 17-го и 18-го предъ Парижемъ, 19-го при взятіи онаго, а съ того числа по 21-е Маія въ париже, а оттуда по 25-е Октября въ обратномъ слѣдованіи въ С.-Петербургъ, 815-го въ походѣ къ г. вильно и обратно въ С.-Петербургъ. Въ штрафахъ небываль, въ отпуску находился съ 21-го Сентября 1818-го на 4 мѣсяца, холостъ, къ повышенію Аттестовался достойнымъ, сверхъ вышеписанныхъ наградъ имѣетъ Серебрянную медаль въ память 1812-го года установленную, А сего тысяча восемьсотъ девятнадцатаго года Октября въ дватцатый день по Высочайшему приказу уволенъ отъ службы Полковникомъ; Во свидѣтельство чего по Высочайше предоставленному мнѣ уполномочію сей указъ данъ полковнику Конькову 2-му, за подписаніемъ моимъ и приложеніемъ Герба моего печати при главной квартирѣ въ С.-Петербургѣ Ноября дня 1819-го г. Подписалъ: Его Императорскаго Величества всеимилостивѣйшаго Государя моего Генераль-Лейтенантъ Его Величества, Генераль-Адъютантъ, Командующій Гвардейскимъ корпусомъ, орденовъ: россійскихъ Св. Александра невскаго Св. Георгія 2-го класса, Св. Анны 1-го класса, Св. владимира 2 степени, большаго креста, Австрійскаго Маріи Терезіи, прускаго Краснаго орла 1 степени и золотой сабли украшенной Алмазами съ надписью „за храбрость“, кавалеръ Васильчиковъ. Пенсіи получаетъ въ годъ сто двадцать руб. Мая 7 дня 1873 г. Подписалъ: И. д. Начальника отдѣленія Н. Еще добавочной пенсіи тридцать руб. въ годъ. Декабря 12 дня 1875 г. Подписали: Начальникъ отдѣленія Н и Бухгалтеръ Н. Полковникъ Емельянъ Антоновъ Коньковъ назначенъ И. д. окружнаго генерала 3 военнаго округа 13 Іюня 1861 г., произведенъ въ генераль-майоры, съ оставленіемъ въ отставкѣ 6 Декабря 1863 г. утвержденъ въ должности окружнаго генерала 13 Генваря 1864 г. умеръ 1 Февраля 1882 года.

Сообщ. ген.-лейт. М. И. Грековъ.

Присяга А. П. Ермолова Императору Николаю I.

День кончины Императора Александра I Алексѣй Петровичъ Ермоловъ называлъ поворотнымъ пунктомъ своей служебной карьеры. Онъ началъ дѣйствительную службу въ 1792 г., оставилъ ее въ 1827 г. и скончался въ 1861 г. Такимъ образомъ, на службѣ провелъ онъ 35 лѣтъ и столько же прожилъ не у дѣлъ, въ вынужденномъ бездѣйствіи. Послѣ увольнения, проѣзжая изъ Тифлиса въ Орелъ, онъ посѣтилъ Таганрогъ и записалъ въ своемъ дневникѣ подъ 8 іюня 1827 года: „никогда не бывалъ я здѣсь прежде и побѣхалъ единственно для того, чтобы видѣть мѣсто кончины Императора Александра, вмѣстѣ съ которымъ похоронено и мое счастье“ ¹⁾.

Современники событій 1825 года приводили опалу Ермолова въ связь съ обстоятельствами, сопровождавшими присягу кавказскихъ войскъ Императору Николаю Павловичу. Съ тѣхъ поръ, мнѣніе это повторяется, какъ вполне доказанное и не требующее повѣрки. Между тѣмъ, приводимые ниже факты, извлеченные изъ официальныхъ документовъ, показываютъ, что рассказы современниковъ о причинѣ неблаговоленія Императора Николая къ Ермолову должны быть отнесены къ числу тѣхъ многочисленныхъ легендъ, которыя создались около имени знаменитаго предводителя кавказскихъ войскъ.

Для полноты картины изложеніе наше начинается съ присяги Ермолова Императору Константину Павловичу.

Первое достовѣрное извѣстіе о неожиданной кончинѣ Императора Александра I Ермоловъ получилъ 22 ноября 1825 года, въ станицѣ Екатериноградской на Терекѣ. Оно было привезено

¹⁾ *М. Поподинъ. Матеріалы для біографіи А. П. Ермолова. Москва. 1864, стр. 354.*

фельдъегеремъ Якунинымъ изъ Таганрога. „Вѣсть внезапная“, — записалъ Ермоловъ въ своемъ дневникѣ ¹⁾, — „тѣмъ еще болѣе горестная. Прежде пронесли слухи не довольно обстоятельныя, и пріятно было находить ихъ невѣроятными“.

8 декабря 1825 г. прибылъ изъ Петербурга въ Екатериноградъ нарочный фельдъегеръ отъ военнаго министра съ указомъ Сената отъ 27 ноября о принесеніи присяги Императору Константину ²⁾. По случайному совпаденію, Ермоловъ получилъ его въ тотъ самый день, когда цесаревичъ Константинъ рѣшительно и окончательно отклонилъ отъ себя права престолонаслѣдія ³⁾.

Того же 8 декабря Ермоловъ со своимъ штабомъ и прочими начальствующими лицами принесъ въ екатериноградской церкви присягу на вѣрность Императору Константину и „его наслѣднику, который назначенъ будетъ“ ⁴⁾. Находившіеся въ станицѣ войсковыя части и казаки исполнили обрядъ на площади передъ церковью ⁵⁾. Въ тотъ же день копія сенатскаго указа съ приложенною къ нему формою клятвеннаго обѣщанія была отправлена для исполненія астраханскому губернатору, начальнику войскъ на Кавказской линіи князю П. Д. Горчакову и генералъ-лейтенанту И. А. Вельяминову, замѣнявшему за Кавказомъ отсутствовавшаго Ермолова.

Въ Тифлисѣ ⁶⁾ присяга происходила 14 декабря 1825 года, въ день полученія изъ Екатеринодара предписанія Ермолова. Вельяминовъ тогда же далъ соотвѣтствующія предписанія всѣмъ частнымъ начальникамъ войскъ, расположенныхъ въ Грузіи и въ мусульманскихъ провинціяхъ. Вслѣдствіе обширности края,

¹⁾ Записки Ермолова, II, 179; *М. Погодинъ*. Матеріалы, 254.

²⁾ „О кончинѣ государя императора Александра Павловича и объ учиненіи присяги на вѣрность подданства законному наслѣднику государю императору Константину Павловичу“. Дѣло 1825 г., № 427 въ Архивѣ Кавказскаго Окружнаго штаба.

³⁾ Письмо Константина Павловича къ Николаю Павловичу отъ 8 декабря 1825 г. изъ Варшавы. Напечатано въ книгѣ *Н. Е. Шилдера* „Императоръ Николай Первый“, I, 248.

⁴⁾ Такъ сказано въ присланной Сенатомъ формѣ клятвеннаго обѣщанія.

⁵⁾ *Н. В. Шимановскій*, Арестъ Грибоѣдова. Русскій Архивъ, 1875 г., кн. II.

⁶⁾ Войска Тифлискаго гарнизона были собраны въ 4 ч. пополудни на площади противъ дома г.-м. князя Мадатова, гдѣ нынѣ нижнее отдѣленіе Александровскаго сада. Для характеристики тогдашняго Тифлиса прибавимъ, что въ приказаніи по гарнизону предлагалось генераламъ, штабъ-и оберъ-офицерамъ, *кто можетъ найти*, имѣть трауръ на шляпѣ и прочихъ мѣстахъ изъ чернаго флера.

затруднительности сообщений и неимѣнія православныхъ священниковъ вышло, однако, такъ, что войска Закавказья клялись въ вѣрности Императору Константину еще и въ то время, когда почти вся Россія уже давно присягнула Императору Николаю. Присяжные листы присылались въ Тифлисъ изъ различныхъ частей края еще въ февралѣ 1826 года. Они, конечно, не были отправлены въ Петербургъ и хранились въ Тифлисскомъ военномъ архивѣ.

Какъ извѣстно, сенатскій указъ 27 ноября 1825 г. о присягѣ Императору Константину послѣдовалъ безъ Высочайшаго о томъ манифеста. Въ оправданіе такого отступленія отъ законнаго порядка, военный министръ, препровождая указъ Ермолову, писалъ ему ¹⁾, что по случаю кончины Императора Александра Павловича „государственный совѣтъ, правительствующій сенатъ и всѣ находящіеся въ Петербургѣ войска гвардейскаго корпуса учинили присягу на вѣрность подданства законному наслѣднику Императору Константину Павловичу, о немедленномъ же приведеніи къ присягѣ людей всѣхъ прочихъ состояній въ государствѣ разосланы уже отъ правительствующаго сената указы и въ святѣйшій синодъ сообщено вѣдѣніе“. Это сообщеніе военного министра было повторено Ермоловымъ и Вельяминовымъ во всѣхъ предписаніяхъ, данныхъ ими частнымъ начальникамъ о приведеніи войскъ къ присягѣ.

Отсутствіе манифеста Императора Константина о вступленіи его на прародительскій престолъ не вызвало никакихъ осложнений. Если и были сомнѣвающіеся въ совершенной правильности присяги при такихъ условіяхъ, то примѣръ высшихъ государственныхъ учреждений и гвардейскаго корпуса устранялъ всякія сомнѣнія. Но безъ толковъ и обсужденій дѣло, конечно, не могло обойтись. Выразителемъ ихъ явился поручикъ Таранцовъ, случайно находившійся въ Тифлисѣ съ небольшою командою Тифлискаго пѣхотнаго полка. Приведя нижнихъ чиновъ къ присягѣ, онъ донесъ объ этомъ корпусному штабу рапортомъ ²⁾, въ которомъ сказано: „по объявленіи командующимъ войсками въ Грузіи господиномъ генералъ-лейтенантомъ и кавалеромъ Вельяминовымъ, въ 11-й день сего мѣсяца, полученнаго имъ изъ правительствующаго сената указа о кончинѣ государя императора Александра Павловича, и такового же указа о избраніи членами святѣйшаго синода и министерствомъ государствен-

¹⁾ Отъ 27 ноября 1825 г., № 2023 въ архивномъ дѣлѣ № 427.

²⁾ Отъ 14 декабря 1825 г. № 92, въ архивномъ дѣлѣ № 427.

наго совѣта государемъ императоромъ на всероссійскій престолъ природнаго Россійскаго наслѣдника Константина Павловича, которому на вѣрность службы его императорскаго величества и защиты отечества учиненную мною и ввѣренной мнѣ командой нижнихъ воинскихъ чиновъ священную присягу, за подписомъ присягавшихъ, при семъ оному штабу почтеннѣйше представляю“.

Нельзя не признать, что простодушный поручикъ Таранцовъ имѣлъ нѣкоторое основаніе изъяснить себѣ, такимъ образомъ, недомолвки сенатскаго указа. Вѣроятно, не онъ одинъ понялъ его въ томъ смыслѣ, что Константинъ Павловичъ избранъ на царство членами высшихъ государственныхъ учреждений.

Послѣ присяги Императору Константину Ермоловъ пробылъ въ Екатериноградѣ еще около десяти дней. Въ это время стали распространяться на Кавказской линіи тревожные слухи, приводившіе его въ большое смущеніе. Они шли, очевидно, изъ Таганрога, гдѣ уже въ первыхъ числахъ декабря было извѣстно, какъ объ уклоненіи цесаревича Константина отъ принятія императорскаго титула, такъ и о существованіи заговора ¹⁾. Подчиненные обращались къ Ермолову за разъясненіями этихъ слуховъ, высказывали разныя догадки, но онъ зналъ не болѣе, чѣмъ вопрошавшіе.

Въ Таганрогѣ находился въ это время новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ М. С. Воронцовъ. Ермоловъ, состоявшій съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, рѣшился обратиться къ нему за свѣдѣніями. „Можешь представить“, — писалъ Алексѣй Петровичъ ²⁾, — „сколько неприятно жить близко и не знать

¹⁾ Донесеніе Дибича изъ Таганрога великому князю Николаю Павловичу о существованіи заговора помѣчено 4 декабря 1825 г.

²⁾ Письмо отъ 19 декабря 1825 года изъ Екатеринослава въ „Архивъ князя Воронцова“, томъ XXXVI, стр. 259. Письмо было послано не по почтѣ, а съ довѣреннымъ лицомъ. Погодинъ, упоминая объ этой посылкѣ, говоритъ: „внезапность кончины императора Александра, извѣщеніе о присягѣ великому князю Константину, отреченіе его и присяга новому государю Николаю Павловичу, происшествіе 14 декабря, слѣдовавшіе одно за другимъ такъ быстро, не давали, такъ сказать, образумиться Ермолову, — можетъ быть, онъ промедлилъ присягой нѣсколько дней въ ожиданіи подтвердительныхъ извѣстій, по закону благоразумія, даже въ государственномъ смыслѣ (извѣстно, напримѣръ, что онъ посылалъ нарочнаго къ Воронцову узнать вѣрнѣе о происшествіяхъ), — а это промедленіе враги сильные могли истолковать въ дурную сторону“. (Матеріалы, 454). Погодинъ выводитъ изъ этого, что Ермоловъ въ дѣлѣ присяги перехитрилъ. Погодинъ, очевидно, не зналъ, что посылка къ Воронцову состоялась за недѣлю до полученія Ермоловымъ манифеста о воцареніи Николая. О происшествіи же 14 декабря освѣдомился онъ еще позже.

ничего и даже того, что по обстоятельствамъ нужно знать скорѣе многихъ другихъ. Сдѣлай дружбу, любезнѣйшій братъ, поспѣши обо всемъ меня увѣдомить. Объясни тѣ странные слухи, которые начинаютъ распространяться и о которыхъ даже подумать неловко. Ты знаешь, что, не имѣя ни съ кѣмъ переписки, я долго останусь въ совершенномъ невѣдѣніи, которое ты одинъ разрѣшить можешь, имѣя вѣрнѣйшія извѣстія“.

Разгадка не заставила себя долго ждать. Отправивъ письмо къ Воронцову, Ермоловъ возвратился къ своему отряду въ станицу Червленую. Здѣсь настигъ его фельдъегерь изъ Петербурга, привезшій манифестъ о восшествіи на престолъ Императора Николая. Къ манифесту были приложены всѣ акты, касающіеся отреченія цесаревича Константина.

Какъ уже было сказано въ началѣ этой статьи, неблаговоленіе Императора Николая къ Ермолову современники объяснили медленностью, съ которою кавказскія войска были приведены къ присягѣ на вѣрность службы молодому государю.

Родственникъ и пріятель Ермолова Денисъ Давыдовъ, подтверждая это объясненіе, рассказываетъ, что въ Петербургѣ, гдѣ довольно долго не получали изъ Грузіи присяжного листа, возникли опасенія, преувеличенныя многочисленными врагами Ермолова, пользовавшагося въ то время во всей русской арміи громадной репутаціей. Утверждали, что Ермоловъ съ войскомъ спѣшитъ въ Петербургъ для провозглашенія императоромъ цесаревича Константина. Государь и императрица посылали по нѣскольку разъ въ день освѣдомиться о пріѣздѣ фельдъегеря изъ Грузіи. Враги Ермолова, ненавидившіе его за его острый языкъ, безкорыстіе и безграничную преданность къ нему войска, окончательно возстановили противъ него государя. Вскорѣ прибылъ нетерпѣливо ожидаемый фельдъегерь съ присяжнымъ листомъ. Императрица, извѣстясь о томъ, перекрестилась отъ удовольствія. Государь благодарилъ Ермолова письмомъ за принесеніе присяги ¹⁾.

Промедленіе въ приводѣ кавказскихъ войскъ къ присягѣ Давыдовъ объясняетъ тѣмъ, что въ гребенскихъ станицахъ, гдѣ былъ расположенъ отрядъ Ермолова, не нашлось православнаго священника. Такое же объясненіе медленности даетъ и Н. В. Шиманскій ²⁾. По его словамъ, Ермоловъ съ своимъ штабомъ

¹⁾ Записки партизана Дениса Давыдова. „Русская Старина“, 1872 г., октябрь, стр. 360, 361. То же, лондонское изданіе, 1863 г., стр. 55.

²⁾ Въ статьѣ „Арестъ Грибоѣдова“. „Русскій Архивъ“, 1875 г., II, 340. Николай Викторовичъ Шимановскій служилъ въ канцеляріи Ермолова и

и находившій въ станицѣ Червленной баталіонъ Ширванскаго полка присягнули только на третій день послѣ полученія манифеста, такъ какъ священника пришлось вызвать изъ Кизляра за 200 слишкомъ верстъ отъ Червленной. Наконецъ, существуетъ совсѣмъ нелѣпый рассказъ Г. В. Грудева ¹⁾, дошедшій къ нему, очевидно, не изъ перваго источника. Онъ рассказываетъ, что Ермоловъ былъ недоволенъ воцареніемъ Николая Павловича. Поэтому, получивъ ордеръ военнаго министра о присягѣ и зная свою силу на Кавказѣ, онъ сказалъ: „я не пошъ; для этого должно быть предписаніе духовенству отъ синода“. Пока сносились съ синодомъ, что заняло времени не мало, Ермоловъ предпринялъ какую-то рекогносцировку въглубь Кавказа. Государь сильно опасался, чтобы Ермоловъ съ подначальными ему войсками не отложился, и съ тѣхъ поръ его не взлюбилъ.

Такова легенда. Обратимся теперь къ фактамъ.

Манифестъ 12 декабря 1825 года ²⁾ о восшествіи на престолъ Императора Николая Павловича былъ присланъ Ермолову при предписаніи военнаго министра отъ 14 декабря за № 2108 ³⁾. Онъ получилъ его въ станицѣ Червленной 26 декабря ⁴⁾ и въ тотъ же день записалъ въ своемъ дневникѣ:

находился при немъ въ чеченскомъ походѣ 1825 г. Хотя онъ и ручается за вѣрность своихъ сообщеній, они не свободны отъ немаловажныхъ погрѣшностей, напримѣръ, относительно времени ареста Грибоѣдова.

¹⁾ Рассказы Г. В. Грудева въ „Русскомъ Архивѣ“, 1898 г., III, 432.

²⁾ Извѣстно, что манифестъ этотъ, хотя помѣченъ 12 декабря, былъ въ дѣйствительности подписанъ Императоромъ Николаемъ 13 декабря, а обнародованъ на слѣдующій день. *Н. К. Шильдеръ*, Императоръ Николай Первый, I, 255.

³⁾ Архивное дѣло Кавказскаго Окружнаго Штаба, 1826 г. № 4. „О приведеніи воинскихъ чиновъ къ присягѣ и пр.“.

⁴⁾ По показаніямъ Н. В. Шимановскаго и Э. В. Бриммера (Записки его въ Кавказскомъ Сборникѣ, т. XV, 183) фельдъегерь прибылъ въ Червленную 25 декабря. Въ Погодинскихъ матеріалахъ (стр. 254) означено 24 декабря. Это явная описка или опечатка: никакой гонецъ не могъ бы прибыть изъ Петербурга въ Червленную на десятый день. Сенатскій указъ о присягѣ Императору Константину отъ 27 ноября 1825 г. нарочный курьеръ доставилъ въ станицу Екатериноградскую 8 декабря, т. е. на двѣнадцатый день. Станица же Червленная лежитъ дальше Екатеринодара еще на 109 верстъ. Слѣдовательно, чтобы проскакать въ 10 дней отъ Петербурга до Червленной (2453 верстъ), фельдъегерь долженъ былъ бы дѣлать въ сутки болѣе 240 верстъ. Такой ѣзды на большомъ разстояніи не выдержалъ бы самый привычный гонецъ. Прибытіе фельдъегеря въ Червленную 26 декабря, т. е. на тринадцатый день, должно признать очень скорымъ и возможнымъ только по зимнему, болѣе легкому и покойному пути, безъ задержки на переправахъ чрезъ рѣки.

„прибыль фельдъегерь съ отреченіемъ Императора Константина и съ манифестомъ о восшествіи на тронъ Императора Николая. Войска, при мнѣ и въ окрестностяхъ находившіяся, приняли присягу въ величайшемъ порядкѣ и тишинѣ“¹⁾.

По словамъ Н. В. Шимановскаго²⁾, Ермолову было впоследствии поставлено въ вину, зачѣмъ онъ донесъ о присягѣ съ фельдъегеремъ, привезшимъ манифестъ, а не послалъ кого-либо изъ адъютантовъ или офицеровъ. Сообщение это надо также отнести къ числу легендъ.

Черезъ день, послѣ изготовленія копій съ присланныхъ актовъ, Ермоловъ послалъ въ Тифлисъ г.-л. Вельяминову предписание³⁾, чтобы „войска, въ Грузіи расположенныя, приведены были сколь возможно поспѣшнѣе къ присягѣ на вѣрность подданства Императору Николаю Павловичу по изданному отъ правительствующаго сената клятвенному обѣщанію“. Другимъ предписаніемъ⁴⁾ Вельяминову было предложено привести къ присягѣ гражданскихъ чиновниковъ и другихъ лицъ въ Грузіи и прочихъ закавказскихъ провинціяхъ. Вельяминовъ получилъ предписанія въ Тифлисъ 3 января 1826 года и въ тотъ же день разослалъ по краю соответствующія распоряженія.

Ермоловъ не даромъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что войска чеченскаго отряда исполнили обрядъ присяги *въ величайшемъ порядкѣ и тишинѣ*. Извѣстіе о воцареніи Николая Павловича было получено на Кавказѣ въ такое время, когда не во всѣхъ еще углахъ этого обширнаго и взбудораженнаго края была окончена присяга Императору Константину. Событія слѣдовали такъ быстро одно за другимъ, что могли бы смутить даже людей, вполне преданныхъ порядку и дисциплинѣ, но находившихся въ полномъ невѣдѣніи о томъ, что происходило въ Петербургѣ. Приложенные къ манифесту 12 декабря 1825 г. акты не устраняли всѣхъ сомнѣній, такъ какъ присягнувшіе Императору Константину не имѣли предъ собою акта, разрешавшаго ихъ отъ этой присяги. При такихъ обстоятельствахъ только примѣръ и авторитетъ Ермолова могли успокоить колебавшихся. На всемъ Кавказѣ обнаружился только одинъ случай не неповиновенія, а нѣкотораго сомнѣнія въ правильности

¹⁾ Записки А. П. Ермолова, II. 179.

Въ статьѣ „Арестъ Грибоѣдова“.

²⁾ Отъ 28 декабря 1825 г. № 1223, въ архивномъ дѣлѣ, 1826 г. № 4.

⁴⁾ Отъ 28 декабря 1825 г. № 262, въ архивномъ дѣлѣ гражданскаго управленія, 8 декабря 1825 г. № 772.

распоряженія о присягѣ Императору Николаю. Но и этотъ случай объясняется тѣмъ, что предписаніе о присягѣ послѣдовало не отъ военнаго, а отъ гражданскаго начальства. Сомнѣніе было немедленно разрѣшено авторитетомъ Ермолова.

Должность моздокскаго коменданта занималъ въ то время старый и заслуженный полковникъ фонъ-Занденъ. Въ его заведеніи находилась городская полиція, и въ этой части своихъ служебныхъ обязанностей онъ подчинялся правленію Кавказской области. Распоряженіе областного правленія о присягѣ Императору Николаю повергло фонъ-Зандена въ крайнее недоумѣніе, за разъясненіемъ котораго онъ обратился къ своему военному начальству. „Препровождая при семъ“, — писалъ онъ¹⁾ собственноручно Ермолову въ Червленную, — „отношеніе областного правленія, испрашиваю въ поступкахъ моихъ разрѣшеніе. Я завишу отъ вашихъ повелѣній, присягнувъ недавно Императору Константину Павловичу и не могу иному кому безъ удостовѣренія вашего присягнуть. Вы должны имѣть ясныя доказательства, а мнѣ и въ полицію присланы печатные экземпляры. Ожидать буду отъ в-го высокопр-ва, съ нарочно мною посланнымъ моздокскаго гарнизоннаго баталіона прапорщикомъ Ахтырскимъ, повелѣнія, до того же времени указъ полиціи и отношеніе на мое имя оставляю безъ исполненія“.

Ермоловъ приказалъ²⁾ фонъ-Зандену „учинить немедленное исполненіе“ по отношенію областного правленія, при чемъ добавилъ: „безполезно было ожидать вашему высокоблагородію болшихъ удостовѣреній, ибо, состоя подъ распоряженіемъ областного правительства, должны вы исполнять его предписанія, которыя въ теперешнемъ случаѣ не могли быть болѣе ясными“.

Такимъ образомъ, несомнѣнные документы не подтверждаютъ разсказовъ о какомъ-либо, хотя бы и вынужденномъ обстоятельстве, промедленіи въ исполненіи Ермоловымъ вѣрноподданческаго долга. Напротивъ, все показываетъ, что онъ предугадывалъ недоувѣріе къ себѣ Императора Николая и потому особенно старался устранить въ дѣлѣ присяги малѣйшіе поводы къ подозрѣнію и злостнымъ толкованіямъ своихъ поступковъ. Такъ, самъ онъ принесъ присягу въ первый же день прибытія фельдъегеря въ станицу Червленную; Вельяминову предписать *сколь возможно поспѣшнѣе* привести къ присягѣ войска закавказскія, фонъ-Зандену сдѣлалъ замѣчаніе за его неумѣстное

¹⁾ Рапортъ отъ 28 декабря 1825 г. изъ Моздока, въ архивномъ дѣлѣ, 1825 г. № 772.

²⁾ Предписаніе отъ 29 дек. 1825 г. № 263 изъ Червленной, въ томъ же дѣлѣ „Русская Старина“ 1913 г., т. CLVI. Октябрь.

сомнѣніе; наконецъ, управлявшему Астраханской губерніей вице-губернатору Смирнову выразилъ „совершенное одобреніе за дѣятельность и поспѣшность, оказанныя имъ въ исполненіи Высочайшаго манифеста“¹⁾.

Если въ основѣ каждой легенды надо непременно предполагать крупицу истины, то ее можно, пожалуй, найти и въ тѣхъ легендахъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Разсказчики были правы, упоминая рядомъ о неблаговоленіи Императора Николая къ Ермолову и о присягѣ кавказскихъ войскъ. Только дѣло происходило въ обратномъ порядкѣ. Благоволеніе возникло не изъ мнимой медленности Ермолова въ принятіи присяги, а, наоборотъ, Императоръ Николай, питая недовѣріе къ Ермолову, не былъ увѣренъ въ томъ, что онъ не послѣдуетъ примѣру нѣкоторыхъ частей гвардейскаго корпуса и второй арміи, отказавшихся отъ присяги.

О существованіи военнаго заговора Николай Павловичъ узналъ впервые изъ донесенія генерала Дибича, полученнаго въ Петербургѣ утромъ 12 декабря 1825 года, за нѣсколько часовъ до прибытія изъ Варшавы курьера съ окончательнымъ отказомъ цесаревича Константина отъ вступленія на престолъ. Въ донесеніи не было рѣчи объ Ермоловѣ, но Николай Павловичъ самъ вспомнилъ объ немъ. Отвѣчая въ тотъ же день Дибичу, онъ писалъ²⁾ ему: „не оставьте меня увѣдомить обо всемъ, что у васъ или вокругъ васъ происходитъ будетъ, особливо у Ермолова. Къ нему надо будетъ, подь какимъ-нибудь предлогомъ и отъ васъ, кого выслать, на примѣръ, Германа³⁾, или такого разбора; я, виноватъ, ему менѣе всѣхъ вѣрю“.

При такомъ отношеніи Императора Николая къ Ермолову становится вполне понятнымъ разсказъ Д. Давыдова о нетерпѣливомъ ожиданіи въ Петербургѣ извѣстія о присягѣ кавказскихъ войскъ. Присяжный листъ Ермолова успокоилъ на время сомнѣніе въ его образѣ мыслей, но вскорѣ показанія арестованныхъ заговорщиковъ дали новую пищу недовѣрію Императора Николая къ вождю кавказскихъ войскъ.

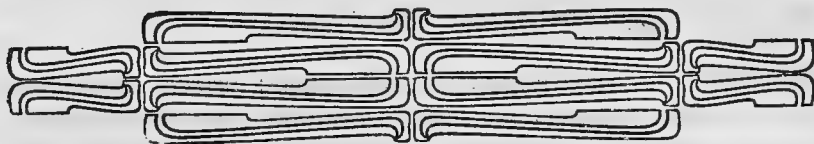
Эти новыя подозрѣнія оказались опять неосновательными. Тѣмъ не менѣе Ермоловъ долженъ былъ оставить службу, какъ человѣкъ, совершенно не удовлетворявшій требованіямъ новаго царствованія.

Е. Вейденбаумъ.

¹⁾ Предписаніе отъ 30 декабря 1825 г. № 264, въ томъ же дѣлѣ.

²⁾ „Русская Старина“, 1882 г., III 195.

³⁾ Флиг.-ад. полк. А. И. Германъ, находившійся въ то время въ Таганрогѣ.

Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Къ началу войны 1904—1905 года между Россіей и Японіей во Владивостокѣ были сосредоточены слѣдующія морскія силы: крейсера „Россія“, „Громобой“, „Рюрикъ“ и „Богатырь“, десять миноносцевъ (около 100 тоннъ водоизмѣщенія) и нѣсколько транспортовъ, не имѣвшихъ боевого значенія.

Такое отдѣленіе столь значительнаго отряда главныхъ силъ, расположенныхъ въ Портъ-Артурѣ, объяснялось желаніемъ дать русскимъ крейсерамъ возможность дѣлать набѣги на Японію для уничтоженія ея морской торговли и тѣмъ заставить японскій флотъ, для противодѣйствія, раздѣлиться на двѣ части; повидимому, предполагалось также, что, въ случаѣ надобности, крейсера свободно прорвутся на соединеніе съ Портъ-Артурской эскадрой.

И дѣйствительно, японцы для наблюденія за Владивостокскимъ отрядомъ отдѣлили 2-ю эскадру подъ начальствомъ вице-адмирала Камимура; ядро ея составляло четыре большихъ броненосныхъ крейсера, при нихъ находились три малыхъ бронепалубныхъ крейсера и отрядъ истребителей.

Эта эскадра, значительно превышая въ мощи русскія силы, противъ которыхъ была назначена, базировалась на порта въ районѣ Цусимскаго пролива и, находясь въ непосредственной связи, какъ съ главными силами флота, такъ и центральными учрежденіями Японіи, была поставлена этими обстоятельствами въ несомнѣнно болѣе благопріятныя условія, нежели тѣ, съ которыми приходилось считаться Владивостокскимъ крейсерамъ.

Однако, по волѣ Провидѣнія и благодаря мѣрамъ предосторожности, русскій отрядъ избѣгалъ встрѣчи съ сильнѣйшимъ врагомъ, хотя и ходилъ въ далекіе походы въ 1904 году 6 разъ;

два рейса онъ сопровождался миноносцами; дважды встрѣчался съ японской эскадрой. Въ первую встрѣчу, ослабленный отсутствіемъ крейсера „Богатырь“, сбѣвшего на камни около мыса Брюса, и находясь слишкомъ близко отъ главнаго японскаго порта, отрядъ уклонился отъ боя. Вторая встрѣча произошла 6 августа 1904 года въ Цусимскомъ проливѣ и послѣ упорнаго боя, продолжавшагося пять часовъ, враги разошлись, но „Россія“ и „Громобой“ потеряли своего боевого товарища „Рюрикъ“, сопротивление и гибель котораго были столь героичны, что память о немъ и въ эту несчастную для Россіи войну связана съ свѣтлой яркой мыслью о томъ, что жива и долго будетъ жить въ русскомъ флотѣ воинская доблесть! Послѣ этого боя и паденія Портъ-Артура, въ дѣятельности Владивостокскаго отряда произошло затишье, осенью „Громобой“ коснулся камня и зимой чинился въ докѣ.

Весной 1905 года вполнѣ готовые и значительно усиленные, въ смыслѣ боевого ихъ значенія, „Россія“ и „Громобой“, поджидая эскадру вице-адмирала Рожественскаго, сдѣлали рейсъ къ берегамъ Кореи и Японіи, но съ прорывомъ къ Владивостоку крейсера „Алмазъ“, доставившаго печальныя вѣсти объ участи 2-й эскадры Тихаго океана, никакихъ военныхъ операций не предпринимали, и дѣйствительно слѣдуетъ признать, что какія-либо дѣйствія двухъ крейсеровъ противъ японскаго флота можно было бы назвать безумными предпріятіями, результатомъ которыхъ была бы славная, но бесполезная гибель кораблей, еще нужныхъ русскому флоту и Россіи.

Миноносцы, несмотря на ихъ малоцѣнное боевое значеніе, дѣлали смѣлые рейсы къ берегамъ Кореи и Японіи, а въ промежуткахъ между походами несли тяжелую охранную службу; два изъ нихъ погибли: одинъ отъ взрыва японской мины у Владивостока, другой, получивъ пробоину на рифѣ внутренняго рейда Гензана, былъ сначала взятъ транспортомъ „Лена“ на буксиръ, но изъ-за невозможности остановить течь, утонулъ въ Японскомъ морѣ.

Въ настоящее время крейсера „Россія“, „Громобой“ и „Богатырь“ состоятъ въ спискахъ русскаго флота, въ честь погибшаго „Рюрика“ названъ нашъ сильнѣйшій броненосный крейсеръ, а часть миноносцевъ въ послѣднее время входили въ составъ морскихъ силъ, назначенныхъ для обороны устьевъ Амура.

Славлевъ.

На развѣдку.

Ледяной покровъ, сковывавшій спокойныя воды Золотого Рога ¹⁾, началъ рыхлѣть, таять, а въ началѣ апрѣля восточнымъ вѣтровъ вынесло остатки разбитаго льда за границы залива. Наученный горькимъ опытомъ Портъ-Артурскихъ товарищей, отрядъ крейсеровъ, ласкавшихъ своими красивыми очертаніями глаза старыхъ моряковъ Владивостока, ставилъ каждую ночь сѣтовое загражденіе, и маневръ этотъ, долго длившійся въ первыя постановки, въ послѣдующія производился быстро и гладко. Нерадостныя вѣсти изъ Артура о гибели „Петропавловска“ съ адмираломъ Макаровымъ, о мелкихъ аваріяхъ и неудачахъ съ миноносцами, какъ ни тяжелы онѣ были для любящаго флотъ сердца, но въ отрядѣ крейсеровъ онѣ ни на іоту не убили бодрого духа, рожденнаго и взлѣтѣннаго стремленіемъ нанести наибольшій вредъ врагу на пользу отечества. Къ чему-то готовились... Въ мелкихъ распоряженіяхъ, исходившихъ отъ адмирала и командировъ, чувствовалась и затѣмъ уже ярко обрисовывалась мысль усилить боевую мощь отдѣльных крейсеровъ и уменьшить ихъ недостатки, а такихъ было не мало: слабо были они бронированы, много лишней тяжести несли на себѣ, не все дерево было срезано—и при общемъ стараніи парализовались предусмотрительными мѣрами ошибки ихъ строителей и соиздателей, а въ душѣ экипажей ихъ крѣпла увѣренность въ возможности успѣшной борьбы. Скрываясь отъ непрощенныхъ взоровъ и злыхъ услугъ опытныхъ шпионовъ, несомнѣнно находившихся въ крѣпости, порту и городѣ, подъ личиною благонамѣренныхъ иностранцевъ, корейцевъ, китайцевъ, неожиданно ночью снялся отрядъ крейсеровъ и ушелъ въ море, и наступившій съ утра туманъ еще долго держалъ въ заблужденіи этихъ незванныхъ, опасныхъ въ своемъ коварствѣ, враговъ отечества. А когда въ городѣ стало объ уходѣ отряда извѣстно, когда полетѣли за границу и въ Корею на первый взглядъ невинныя телеграммы о присылкѣ четырехъ швейныхъ машинъ, о срочной высылкѣ денегъ, о болѣзни родственниковъ и съ прочими условными значеніями, имя которымъ легіонъ,—крейсера были далеко, далеко...

Экономическимъ ходомъ, спокойно, съ промежутками въ

¹⁾ Золотымъ Рогомъ называется узкій, защищенный отъ всѣхъ вѣтровъ заливъ, на берегахъ котораго расположены крѣпость и городъ Владивостокъ.

2 кабельтова, съ туманными буйками за кормой, рѣзали они своими красивыми таранами сѣрую гладь Японскаго моря, и, чутко прислушиваясь къ малѣйшему звуку, зорко вглядываясь въ мглу тумана и неустанно слѣдя за переднимъ мателотомъ, бодро и весело передавали по вахтѣ смѣняющіеся лейтенанты: „курсъ проложенъ на Гензанъ!“

Расположенный въ сѣверномъ углу Кореи въ 400 миляхъ отъ Владивостока, защищенный отъ вѣтровъ и русскаго за нимъ наблюденія, давно этотъ портъ останавливалъ на себѣ вниманіе адмирала: сбивчивые слухи, приносимые китайцами, свѣдѣнія, выбранныя изъ газетъ, изъ донесеній агентовъ и просто соображенія, вытекающія изъ предполагающихся вѣроятныхъ дѣйствій непріятеля, заставляли думать, что Гензанъ представляетъ собой какъ для вражеской эскадры, оперировавшей въ Японскомъ морѣ, такъ и для арміи, которую могли направить въ Манчжурію черезъ сѣверную Корею, весьма важный въ стратегическомъ отношеніи пунктъ. Можетъ быть, тамъ ведутся энергичныя работы по оборудованію базы. Это надо было выяснить, помѣшать... и нелегкая работа падала цѣликомъ на Владивостокскія военныя суда, но... неужели этотъ отрядъ, единственная сила въ Японскомъ морѣ, направится самъ въ глубь Гензана, гдѣ можетъ быть поставлено минное загражденіе, и часть крейсеровъ, а можетъ случиться и всѣ, понесутъ поврежденія отъ минъ, даже и не увидя внутреннихъ рейдовъ непріятельскаго порта? Какъ же это сдѣлать? Про то хорошо знали командиры двухъ маленькихъ миноносцевъ, ни на сажень не отстававшіе отъ флагманскаго корабля, держась отъ него на траверзѣ и на раковинѣ въ полукабельтовѣ разстоянія: судакрошки едва стотонныя водоизмѣщеніемъ, со слабой артиллеріей, съ малымъ сравнительно ходомъ, шли они подъ крылышкомъ крейсера съ чуднымъ именемъ, подъ сѣнью котораго не страшна была гибель въ отважномъ предпріятіи, а дорога и высока была честь выполнить порученіе, на нихъ возложенное.

На второмъ отъ головного крейсера оживленіе: на станціи искрового телеграфа стали получаться знаки, сначала неясные, потомъ отчетливые, точно отъ приближающагося къ отряду корабля, за ними явились другіе, отвѣтственные, и изъ принесенной миннымъ офицеромъ бумажки съ разобраннымъ значеніемъ черточекъ командиръ понялъ, что это японскій нешифрованный текстъ.

Немедленно, по мегафону, звукъ за звукомъ передавался таинственный разговоръ двухъ вражескихъ судовъ, знаки стали

тускнѣть, прерываться и совсѣмъ прекратились, а на флагманскомъ кораблѣ съ помощью переводчиковъ, двухъ приглашенныхъ изъ Восточнаго института студентовъ, уже разгадали телеграммы, смыслъ которыхъ не оставилъ сомнѣнія въ томъ, что цѣлая непріятельская эскадра была вблизи отряда и шла по какому-то назначенію.

Уже одна часть развѣдки выполнена: непріятель въ морѣ на контръ-курсѣ, непріятель движется на сѣверъ и направляется изъ Гензана къ Владивостоку, иначе онъ шелъ бы попутнымъ или пересѣчнымъ курсомъ, а тогда не было столь быстрого измѣненія въ нажимѣ телеграфныхъ черточекъ.

Всѣ эти соображенія быстро проникли въ умы, напряженные и чуткіе, и слабая надежда на успешное выполненіе предпріятія переходила въ бодрую увѣренность, и на серьезныхъ лицахъ съ сосредоточеннымъ выраженіемъ появилась безыскусственная веселость, а по адресу врага пускались насмѣшливыя шуточки...

Утромъ стоялъ еще туманъ, а днемъ уже при ясной погодѣ у самаго Гензана задержали и, снявъ людей, потопили маленький пароходъ, а миноносцы прошли въ самый портъ, гдѣ и выяснили, что особыхъ приготовленій никакихъ нѣтъ; также узнали, что шесть истребителей покинули этимъ утромъ Гензанъ и пошли на сѣверъ. Съ одной стороны—это была удача для отряда, т. е., наткнись на нихъ въ туманѣ истребители, много было бы шансовъ къ удачной атакѣ; съ другой—останься они въ Гензанѣ, пришлось бы имъ вступить въ неравный бой съ четырьмя быстроходными, съ громадной противоминной артиллеріей крейсерами. И однимъ нашимъ успѣхомъ въ теченіе войны стало бы больше.

Выполнивъ задачу, отрядъ повернулъ на сѣверъ; къ вечеру адмиралъ отпустилъ храбрые миноносцы пробираться къ Владивостоку по берегу однихъ, а самъ направился къ мысу Поворотному.

Наступила темная ночь; въ воздухѣ чувствовалась сырость; вахтенные ежились отъ проникающей черезъ буршлаты свѣжести, люди второй смѣны у орудій тихо разговаривали между собой и вглядывались въ ночную мглу; впереди шелъ флагманскій крейсеръ и были видны лишь смутныя очертанія его корпуса да два кильватерныхъ огня, ни одной полоски свѣта не вырывалось изъ его нѣдра, а между тѣмъ тамъ было яркое освѣщеніе; третій крейсеръ выскочилъ нѣсколько впередъ и склонился вправо, и на лѣвомъ борту показалось круглое свѣт-

лое пятно. „У васъ съ лѣвой стороны не закрытъ иллюминаторъ“, началась передача ля-Ратьеромъ, и скоро видно было, какъ пятно это скрылось.

„Бѣлый огонь слѣва“, доложилъ вахтенный сигнальщикъ... „Гдѣ?.. да, огонь, несомнѣнно... передать Ратьеромъ адмиралу...“ приказалъ вахтенный начальникъ. Пробили дробь-атаку... Головной корабль повернулъ на огонь, за нимъ остальные крейсера, и не прошло пяти минутъ, какъ большой транспортъ съ открытыми огнями оказался окруженнымъ четырьмя неожиданными встречными, точно вынырнувшими изъ ночной мглы... Транспортъ остановился какъ бы въ недоумѣніи: откуда появились эти пришельцы; только сегодня онъ получилъ приказаніе перевезти роту солдатъ въ Гензанъ изъ Кень-шена, гдѣ неугомонные казаки тревожили ихъ стоянку и командиръ роты боялся, чтобы ихъ не уничтожили. Только вчера вторая эскадра прошла на сѣверъ къ Владивостоку, дабы обезпечить эту перевозку отъ неожиданнаго нападенія, и вдругъ... четыре мрачныхъ неумолимыхъ врага! Отъ передняго вражескаго крейсера отвалила шлюпка, подходит къ транспорту; на шлюпкѣ люди съ ружьями, какой-то человекъ, видимо офицеръ, на англійскомъ языкѣ властно требуетъ штормъ-трапъ и по нему вдвоемъ съ бородатымъ боцманомъ поднимается на палубу... Капитанъ транспорта даетъ отвѣтъ: „на транспортѣ есть японскіе офицеры и рота солдатъ...“. Энергичнымъ шагомъ, увѣренно и смѣло проходятъ два русскихъ внутрь парохода; вотъ уже они поднимаются наверхъ вмѣстѣ съ арестованными офицерами; русскій офицеръ подходитъ къ трюму, гдѣ находится рота солдатъ, и предлагаетъ имъ сдаться; въ отвѣтъ слышно щелканіе курковъ и злобный говоръ, какъ бы протестующій отвѣтъ на позорное предложеніе. Адмиралъ уже освѣдомленъ о происшедшемъ, и отъ него передается роковой для транспорта семафоръ: „послать плѣнныхъ на крейсера, а транспортъ покинуть“.

Въ безпорядкѣ спускаются одна за другой шлюпки, полуодѣтые японцы садятся на нихъ и гребутъ къ крейсерамъ; нѣсколько шлюпокъ пытаются повернуть въ сторону отъ отряда, но вотъ зажегся одинъ прожекторъ, другой, третій, и снопы ослѣпительнаго свѣта облѣпили бѣглецовъ, и видя, что бѣгство можетъ кончиться для нихъ печально, торопливо ворочали японцы обратно и вылѣзали на вражескія палубы.

Томительно на крейсерахъ! Вся картина арестованія парохода, всѣ эти попытки скрыться отъ плѣна происходятъ въ кабельтовѣ разстоянія; слабый транспортъ безпомощно стоитъ на

одномъ мѣстѣ и движеніе на немъ уменьшается; дни его, конечно, сочтены, но и какъ рискованно положеніе крейсеровъ; привлеченные яркими снопами свѣта отъ прожекторовъ, неожиданно могутъ появиться японскіе истребители и напасть на недвижный, точно на якорѣ стоящій отрядъ. „Скорѣй бы конецъ!“ острой мыслью проносится въ мозгу, и какъ бы въ отвѣтъ на нее съ флагманскаго корабля доносится выстрѣлъ — одинъ, другой, и цѣлымъ бортомъ открыта стрѣльба по пароходу, открыта она и съ другихъ крейсеровъ. „Какой странный свистъ и трескотня“, спрашиваетъ лейтенантъ на заднемъ мостикѣ мичмана. „Это должно быть ящики съ патронами у нихъ рвутся“, дѣлаетъ догадку мичманъ. „ваше высокоблагородіе, съ транспорта японцы стрѣляютъ“, взволнованный открывшейся картиной докладываетъ сигнальщикъ.

На палубѣ транспорта, залитой снопами электрическаго свѣта, копошатся люди; лежа и съ колѣна ведутъ они быструю стрѣльбу по крейсерамъ изъ винтовокъ; то тамъ, то сямъ взрывомъ снаряда разсѣивается кучка солдатъ, но еще энергичнѣе, еще быстрѣе ведется стрѣльба оставшимися; на палубѣ уже лежать безформенныя тѣла, только частью похожія на человѣческія... огонь съ крейсеровъ направленъ въ подводную часть парохода, но все-таки чаще и чаще попадаютъ снаряды въ обнаженную палубу кренящагося въ сторону отряда транспорта, и рѣдѣютъ ряды этой храброй стаи орловъ; транспортъ садится кормой больше и больше; вотъ уже обнажился киль около носа, и послѣдняя пуля, просвиставшая надъ ухомъ шкапечнаго лейтенанта, была лебединой пѣснью геройской роты. Транспортъ наполовину возвышаясь надъ водой носовой частью, медленно опускался на дно, — вотъ скрылась труба, фокъ-мачта, носъ и только бурленіе воды отъ вытѣсняемаго воздуха, да обломки корабельныхъ принадлежностей съ рѣдкими держащимися за нихъ людьми указывали мѣсто гибели транспорта и славной горсти храбрыхъ враговъ.

Опять туманъ скрылъ на цѣлый день крейсера, а когда утромъ подошли къ Поворотному и выяснилось, что непріятеля у Владивостока нѣтъ, отрядъ полнымъ ходомъ пошелъ къ крѣпости... Раскатисто протрещали по палубамъ барабаны и пронзительно задребезжали горны: пробита боевая тревога... „Пять непріятельскихъ кораблей на горизонтѣ“ передается изъ устъ въ уста готовящейся къ бою команды... На мачтахъ флагманскаго корабля подняты кормовые флаги, и гордые крейсера, готовые къ бою, идутъ по старому пути, а справа отъ курса

видны пять корпусовъ, идущихъ въ строй кильватера на пересѣчку, и надъ ними стелется дымъ... Плыныя японцы, кинувшіеся къ иллюминаторамъ, водворены въ баню, помѣщающуюся въ глубинѣ крейсера, и къ наглухо запертой за ними двери поставлено 2 часовыхъ и одинъ разсылный съ опредѣленными приказаніями: убить каждого, пытающагося выйти; одни изъ плынныхъ съ радостью думали, что съ гибелью крейсера погибнуть и они, другіе мечтали о благополучномъ исходѣ боя, такъ какъ съ этимъ связывалось сохраненіе ихъ жизни, третьи.. Тревога оказалась напрасной: пять подводныхъ скаль, называемыхъ Пятью Пальцами, съ извѣстнаго направленія и разстоянія были дѣйствительно похожи на военные суда, а полоска тумана надъ ними казалась ихъ дымомъ, придавая еще болѣе сходства этой игрѣ природы съ ожидаемымъ врагомъ...

Опять размѣстили плынныхъ по каютамъ и палубамъ, и выяснилось, что пока одни—патріоты мечтали погибнуть, другіе—робкіе желали спастись, третьи—человѣкъ пятнадцать—подъ аккомпаниментъ сигналовъ на горнѣ и барабана, не теряя времени, хорошенько вымылись въ банѣ, произведя таковымъ своимъ спокойствіемъ большое впечатлѣніе на команду... „Ну, народъ, можно сказать, фартовый... палецъ укусить ему не дай... всего человѣка слопаешь“, говорилъ завѣдующій баней хозяинъ трюмныхъ отсековъ, увидя несомнѣнные слѣды мытья. „Не безпокойся, братъ, и наши не сдадутъ, коль разсердишь... да, доберъ ужъ очень къ другимъ націямъ русскій человѣкъ; замѣсто того, что раньше придавить этого япошку, мы имъ милости просимъ, торгуй, живи, а онъ... вотъ и выросъ на нашихъ хлѣбахъ, можно сказать; то же китайцу, можно сказать, или корейцу здѣсь—не жисть, а лафа...“ философствовалъ рябоватый первый боцманъ. „а я старшему офицеру доложу, чтобы этихъ желторожихъ прибраться заставили; скажите, баре какіе, вымылись, напакостили, да щи русскія пошли ѣсть“, вдругъ озлобившись на произведенный безпорядокъ, неожиданно закончилъ онъ и, быстро сѣменя кривыми ногами, побѣжалъ къ старшему офицеру.

Вскорѣ гордый первой удачей отрядъ стоялъ въ заливѣ Золотой Рогъ, гдѣ съ удовольствіемъ все увидѣли, что и 2 лихихъ миноносца, участвовавшіе въ походѣ, мирно отдыхали на швартовахъ.

Славлевъ.

Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ¹⁾.

(Изъ бумагъ Ал. Н. Попова).

А не выспрашивалъ²⁾ подробно его мыслей ни по какому вопросу, не считая себя въ правѣ и не возбуждая подозрѣній насчетъ моихъ видовъ. Однако же, если бы я вывелъ заключеніе изъ моихъ наблюденій, то подумалъ бы, не ручаясь за вѣрность предположенія, что самое удобное время пригласить Моро на службу Россіи теперь, когда, послѣ отъѣзда жены, онъ оказался въ полномъ уединеніи, способномъ возбудить страсть къ войнѣ.

Говоря о бездѣтельной жизни Моро, я не разумѣю, чтобы у него не было никакихъ занятій. Онъ по-прежнему обрабатываетъ поля, строитъ мельницы и т. под., но это не можетъ поглощать всѣхъ умственныхъ его способностей.

Лишь только зайдетъ рѣчь о войнѣ, какъ выказывается геркулесъ, несмотря на веретено. „Вѣроятно, поѣздка въ Европу г-жи Моро послужила поводомъ къ слухамъ о возможности примиренія ея мужа съ Наполеономъ. Поэтому Дашковъ счелъ нужнымъ приписать къ своему донесенію: „развѣ какое-нибудь чудо могло бы примирить Моро съ Наполеономъ. Первый не скрываетъ своего мнѣнія о Бонапартѣ, а у второго такъ много даже здѣсь шпионовъ, которые слѣдятъ за Моро“³⁾.

Рапателъ, по пріѣздѣ въ Россію, былъ принятъ въ нашу службу, состоялъ въ Ригѣ при Эссенѣ и потомъ при маркизѣ Паулуччи и принималъ участіе въ переговорахъ съ ген. Йоркомъ. Онъ постоянно увѣдомлялъ Моро о ходѣ военныхъ дѣйствій, и его извѣстія способствовали вѣрному его взгляду на

¹⁾ См. „Русская Старина“, сентябрь 1913 г.

²⁾ Т.-е. Дашковъ, нашъ посланникъ при Сѣверо-Американскихъ штатахъ.

Ред.

³⁾ Филадельфія 1—13 іюля 1812 г.

нихъ, хотя его опытность въ военномъ дѣлѣ и знакомство съ характеромъ Наполеона не могли ввести въ заблужденіе лживые до наглости бюллетени великой арміи и повѣствованія французскихъ газетъ. Нельзя при этомъ случаѣ не обратить вниманія на то обстоятельство, что сношенія Россіи съ Америкою, несмотря на военные дѣйствія, зависѣли отъ медленности сообщений въ то время. Моро судилъ о происшествіяхъ, уже давно совершившихся, когда положеніе дѣлъ измѣнялось и, несмотря на то, его общій взглядъ на значеніе этого похода императора Наполеона былъ совершенно вѣренъ. Письма къ нему Ралателя поддерживали постоянныя сношенія Моро съ нашимъ посланникомъ. Онъ сообщалъ ему выдержки изъ нихъ и содержаніе своихъ отвѣтовъ. „Чрезвычайныя происшествія совершились въ Россіи, писалъ онъ Ралателю, Великій человекъ тамъ значительно умалился (*Le grand homme s'y est bien gâpétissé*). Кромѣ безумія идти въ Москву и оставаться тамъ лишнихъ три недѣли, какъ я могъ замѣтить по его бюллетенямъ и донесеніямъ Кутузова, мнѣ кажется, что Бонапартъ еще въ Смоленскѣ сбился съ толку (*à perdu la tête*), гдѣ онъ не долженъ былъ оставаться болѣе одного дня, но поспѣшилъ перейти Дняпръ и прикрыть себя этою рѣкою, если онъ нуждался въ остановкѣ, что впрочемъ я считаю ошибкою. Разнесся слухъ, что Бонапартъ умеръ. Это было бы самое для него лучшее при подобныхъ обстоятельствахъ. У кого не хватаетъ силы убить самого себя, тотъ не достоинъ той доли славы, на которую онъ изъясняетъ притязанія. Онъ не находится въ положеніи зависимаго генерала, которому возможно предписать подобныя безумныя дѣйствія, и самые замыслы и ихъ исполненіе принадлежать ему одному. Онъ захватилъ бы себѣ всю славу, если бы послѣдовала удача, поэтому и позоръ безъ раздѣла принадлежитъ ему одному, и только низкій человекъ (*lache*) можетъ пережить его. Остается лишь пожалѣть о несчастныхъ жертвахъ этой безумной и нечеловѣческой гордости. Это могло бы послужить урокомъ, но никто имъ не воспользуется“.

„Вся кампанія въ Россіи особенно отличается неблагоразуміемъ и ошибками, какъ при движеніи впередъ, такъ и при отступленіи, которыхъ я никакъ не могу согласить съ опытностію Бонапарта въ военномъ дѣлѣ. Онъ игралъ, какъ балованное дитя, которое ничего не считаетъ невозможнымъ для своей звѣзды, но сѣверная звѣзда его провела. Я не могу вообразить, какой будетъ конецъ этой ужасной трагедіи“. „Мнѣ

кажется, что Москва, писалъ онъ въ то же время нашему посланнику, будетъ камнемъ преткновенія, о который должны разбиться всѣ смѣшныя и безумныя притязанія. Судьба Карла XII должна бы послужить урокомъ для Бонапарта; впрочемъ, никогда ошибка не наказывалась строже. Остается лишь оплакивать невинныя жертвы этого гигантскаго и кроваваго предпріятія“.

Черезъ мѣсяцъ онъ писалъ Дашкову: „я получилъ очень любопытныя письма отъ Ратателя, хотя о происшествіяхъ, предшествовавшихъ отступленію отъ Смоленска къ Вязьмѣ. Последнее изъ Риги отъ 26 октября, въ которомъ онъ извѣщаетъ о поступкѣ генерала Гюрка, а первое изъ Петербурга, писанное въ то время, когда Кутузовъ разбилъ Мюрата. Большое несчастіе для человѣчества, что низкому творцу всѣхъ этихъ бѣдствій одному удалось избѣжать гибели его войскъ. Онъ можетъ еще много надѣлать зла, пока еще сильно его вліяніе, приобретенное терроромъ на слабыхъ и несчастныхъ французовъ. Я ни мало не сомнѣваюсь, что онъ столько же бѣжалъ отъ своихъ раздраженныхъ солдатъ, сколько и отъ копій вашихъ казаковъ. Французскіе плѣнные въ Россіи должны быть сильно раздражены отъ постигшей ихъ судьбы и горѣть желаніемъ мести. Если бы значительное число этихъ несчастныхъ согласилось высадиться подъ моимъ начальствомъ на берега Франціи, я увѣренъ, что отъ меня не ускользнулъ бы Бонапартъ. Впрочемъ, я помню поступокъ при Квиберонѣ и знаю, какія слѣдуетъ принимать предосторожности, чтобы избѣжать подобнаго“.

Въ то время, когда Дашковъ ожидалъ наставленій отъ нашего правительства, а самъ не рѣшался дѣлать предложеній о вступленіи въ нашу службу, Моро сдѣлалъ первый шагъ къ исполненію его видовъ. Правъ ли онъ былъ, предполагая, что ему наскучитъ бездѣятельная жизнь въ Америкѣ, тогда какъ на материкѣ Европы совершались великія событія, или былъ еще правѣ другой изъ нашихъ дипломатовъ, гр. Воронцовъ, который предвидѣлъ, что Моро рѣшитъ не возвратиться къ военной дѣятельности противъ своего противника только тогда, когда счастье начнетъ измѣнять ему, но во всякомъ случаѣ вопросъ, такъ давно занимавшій наше правительство, приближился къ разрѣшенію.

Впрочемъ, ближайшій поводъ къ предложенію своихъ услугъ Моро объясняетъ слѣдующимъ образомъ въ томъ же письмѣ къ Дашкову: „я рѣшаюсь съ такой откровенностію говорить

съ вами, послѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщилъ мнѣ Рапатель о послѣдствіяхъ аудіенцій, которыя благоволили даровать ему русскій Императоръ“¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что при представленіяхъ Рапателя, Государь выразилъ ему то уваженіе и къ личному характеру Моро и къ его военнымъ дарованіямъ, которыя онъ постоянно сохранялъ, но, конечно, не поручалъ ему передать отъ его имени его генералу приглашеніе пріѣхать въ Россію.

Иначе Моро прямо увѣдомилъ бы объ этомъ нашего посланника, да и Дашковъ получилъ бы въ то же время наставленія отъ нашего канцлера.

Послѣ отрицательнаго отвѣта на такое предложеніе въ 1807 году, ни личное достоинство Государя, ни достоинство имперіи, которое онъ бережно и строго охранялъ, несмотря на любезность и мягкость въ отношеніяхъ съ частными лицами, конечно, не позволили бы ему вновь начать рѣчь по этому вопросу. Но уполномочить нашего посланника къ дѣйствию въ этомъ случаѣ, по его собственному почину, безъ сомнѣнія, не только могло, но и должно было наше правительство, одобрявъ разумныя его соображенія и дѣйствія. Предписанія, въ отвѣтъ на его депешу канцлера нашей имперіи Дашковъ получилъ почти въ одно время съ приведеннымъ письмомъ отъ Моро. „Я почитаю себя крайне счастливымъ, отвѣчалъ онъ графу Румянцеву, что Государь Императоръ одобрилъ мой образъ дѣйствій. Да оправдаетъ моя ревность къ службѣ то лестное мнѣніе, которое вы изволили выразить обо мнѣ, заслужить которое я постоянно стремился. Согласно съ предписаніями, выраженными вашимъ сіятельствомъ, я немедленно отправился въ Филадельфію, чтобы повидаться съ г. Моро. Я нашелъ его въ самомъ лучшемъ расположеніи, онъ готовъ бы немедленно оставить Америку, если бы не ожидалъ извѣстій отъ своей супруги, которой онъ уже нѣсколько разъ писалъ, чтобы она выѣхала изъ Франціи. Впрочемъ, онъ далъ мнѣ замѣтить, что можетъ выѣхать и прежде полученія отъ нея письма. Но его отправленіе можетъ, однако же, встрѣтить нѣкоторыя затрудненія: потому, во-1-хъ, что въ настоящее время нѣтъ ни одного *нейтральнаго* корабля, который шелъ бы прямо на сѣверъ и, во-2-хъ, что онъ желаетъ, чтобы здѣсь никто не зналъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, объ его отплытіи.

¹⁾ Нью-Йоркъ 2 марта 1813 г.

Генераль нѣсколько разъ мнѣ выражалъ желаніе отправиться на русскомъ корветѣ, чтобы удобнѣе скрыть свой отъѣздъ и не попасть въ Англію“. Но русскаго корвета не было въ Америкѣ, и ожиданіе его прибытія слишкомъ замедлило бы отъѣздъ Моро, а потому нашъ посланникъ, извѣщая объ этомъ желаніи, прибавилъ, что онъ будетъ ожидать его только въ томъ случаѣ, если не представится никакого другого удобнаго способа выѣхать изъ Америки. „Исполняя предписанія гр. Румянцева, нашъ посланникъ предложилъ вопросъ генералу Моро: на какихъ условіяхъ онъ вступилъ бы въ нашу службу?“ Я питаю такое глубокое довѣріе къ лицу русскаго Императора, отвѣчалъ онъ, что никогда не позволю себѣ предложить какія бы то ни было условія“ ¹⁾. Но еще прежде свиданія въ Филадельфіи, нашъ посланникъ немедленно извѣститъ письмомъ Моро о содержаніи въ полученныхъ имъ депешахъ изъ Петербурга, на которыя онъ отвѣчалъ: „я не задумался бы ни на одну минуту немедленно оставить Америку, если бы моя жена и мои дѣти, которыя находятся въ Европѣ, не могли бы подвергнуться варварству чловѣка самаго низкаго и самаго жестокаго, какой когда-либо существовалъ“. Эту заботу о своемъ семействѣ онъ выражалъ при свиданіи съ Дашковымъ ²⁾ въ Филадельфіи и, соображая, когда его супруга могла получить хотя бы одно изъ его писемъ, полагалъ, что не можетъ выѣхать ранѣе іюня мѣсяца. Спустя около мѣсяца, онъ увѣдомилъ, что получилъ письмо отъ своей супруги, говоря, что „она очень хорошо понимаетъ мое положеніе и проситъ непременно извѣстить ее, прежде нежели оставить Америку. Отправивъ къ ней разными способами нѣсколько писемъ, я долженъ выждать мѣсяцъ послѣ ихъ отправленія“, писалъ онъ, „чтобы дать ей возможность убѣжать отъ преслѣдованій, которыя будутъ тѣмъ жесточе, чѣмъ опаснѣе будетъ признано для общаго врага мое присутствіе въ Европѣ. Мнѣ невозможно и думать оставить Америку ранѣе начала іюня, что, впрочемъ, почти соотвѣствуетъ тому, какъ мы съ вами условились. Продолженіе военныхъ дѣйствій на сѣверѣ Европы принимаетъ почти такое направленіе, какъ я предвидѣлъ, но необходимо остановиться на нѣкоторое время не вслѣдствіе сопротивленія, которое можетъ сдѣлать Бонапартъ вашимъ арміямъ и тѣмъ союзнымъ, которыхъ онъ пріобрѣтутъ, но вслѣдствіе чрезвычайнаго утомленія и для приведенія въ

¹⁾ Вашингтонъ 27 мая—8 апр. 1813 г.

²⁾ Дашковъ 13 марта, Моро 21 марта 1813 г.

порядокъ военныхъ средствъ арміи, которая зимою совершила такія необыкновенныя движенія, какихъ не много примѣровъ представляетъ исторія ¹⁾).

Отправляясь въ Европу, онъ желалъ избѣжать остановки въ Англіи, конечно, признавая ее не только врагомъ Наполеона, но и Франціи и желалъ причалить къ Готтенбургу, чтобы проѣхать оттуда въ Стокгольмъ для свиданія съ Бернадотомъ и потомъ въ Петербургъ или въ главную квартиру русскаго Императора.

„Такъ какъ я долженъ быть неизвѣстнымъ лицомъ на кораблѣ, на которомъ вы меня отправите“, писалъ онъ Дашкову, „то необходимо, чтобы вы вмѣстѣ со мною отправили кого-нибудь съ вашими денешами, кто бы сопровождалъ меня потомъ отъ Готтенбурга до Петербурга. Г. Свиньинъ былъ постояннымъ посредникомъ всѣхъ нашихъ сообщеній, поэтому я очень радъ, что вы на него обратили вниманіе для этой цѣли. Полагаю, что Императоръ одобритъ ваше распоряженіе, а я лично приношу вамъ за него искреннюю благодарность“.

Свиньинъ, извѣстный впоследствии дѣятель, былъ въ это время помощникомъ нашего консула (Г. Козлова) въ Филладельфій. Онъ уже давно былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ семействомъ Моро.

„Пріѣхавши въ Америку, говоритъ онъ, я почелъ первымъ долгомъ познакомиться съ этимъ Велизаріемъ нашего вѣка, старался заслужить его благорасположеніе, его дружбу, довѣренность и впоследствии часто имѣлъ случай видѣть его въ разныхъ отношеніяхъ частной его жизни, всегда достойнымъ великаго имени и заслуживающимъ приверженность его сосѣдей, которые не называли его иначе, какъ *нашъ добрый Моро*“.

Свиньинъ питалъ къ нему глубокое уваженіе и преданность. Конечно, молодому русскому человѣку пріятно было послѣ долгого отсутствія побывать на родинѣ, но еще пріятнѣе быть спутникомъ Моро, избраннымъ по его указанію. „Завтра мы подыдемъ парусъ“, писалъ въ послѣдній разъ г. Моро нашему посланнику 8-го іюля ²⁾), и я надѣюсь, что не опоздаемъ прибытіемъ къ мѣсту нашего назначенія. На другой день вышелъ изъ Гельдъ-Чета корабль Аннибаль, „лучшій ходокъ изъ судовъ американскаго торговаго флота“, по свидѣтельству Свиньина, и увезъ Моро и его спутника изъ Америки въ Европу.

¹⁾ New-York 26 апрѣля и 1 мая 1813 г.

²⁾ Нью-Йоркъ 20 іюля 1813 г.

Нашему посланнику успѣшно удалось исполнить, предупредивъ даже своимъ вызовомъ желаніе императора. Ни стойкая тайная позиція Наполеона, ни начальникъ его шпионовъ, т.-е. его посланникъ въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ Серюръе, которыхъ, не безъ основанія, такъ опасался Моро, ничего не знали о совершившемся событіи. Дашковъ съ самимъ Моро отправилъ письмо къ гр. Румянцеву: „я сочту себя *безконечно* счастливымъ, писалъ онъ, если это письмо будетъ имѣть честь достигнуть вашихъ рукъ, потому что я посылаю его съ самимъ г. Моро, который вызвался его доставить вамъ. Этотъ знаменитый военачальникъ, обладающій и всѣми добродѣтелями просвѣщеннаго гражданина, преданнаго своему отечеству, исполненъ ревности и проникнутъ удивленіемъ къ нашему августѣйшему монарху“. Онъ полагаетъ, что только онъ можетъ спасти Францію отъ конечной гибели, и выражаетъ преданность государю, внушаемую ему какъ его нравственными качествами, такъ и любовью къ его угнетенному отечеству. Нашъ посланникъ исполнилъ и другое порученіе правительства. Гр. Румянцевъ, по непосредственно выраженному императоромъ желанію, поручалъ просить Моро, чтобы тотъ свои соображенія о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ изложилъ на письмѣ. При свиданіи въ Филадельфіи Моро немедленно согласился и спустя нѣсколько времени прислалъ ему записку. „Предстоящая кампанія въ срединѣ Европы, писалъ онъ, не можетъ открыться ранѣе іюля мѣсяца. Было бы неблагоприятно допустить хотя бы одинъ французскій корпусъ въ Пруссію, и, если невозможно ихъ отбѣснить за Рейнъ, то, по крайней мѣрѣ, отбросить за Эльбу, чтобы обезпечить для себя содѣйствіе всѣхъ прусскихъ войскъ. Великая выгода прогнать французовъ за Рейнъ состояла бы въ томъ, чтобы воспользоваться какъ людьми, такъ и продовольствіемъ въ Ганноверѣ, Гомелѣ и вообще въ прилегающихъ къ нему областяхъ. Нельзя не принять въ соображеніе, что чрезвычайное утомленіе русскихъ войскъ должно замедлить ихъ движеніе, но не слѣдуетъ останавливать его совершенно. Было бы большою ошибкою дать время французамъ собраться и, получивъ подкрѣпленія, остановить свое отступленіе. Должно избѣгать осадъ, замедляющихъ движеніе, требующихъ употребленія большого количества войскъ и стоящихъ многихъ жертвъ. Должны быть оставляемы лишь наблюдательные корпуса, почти равные численности гарнизоновъ, а съ открытіемъ навигаціи въ Балтійскомъ морѣ поставить флотилію противъ Данцига, и блокирующія войска вынудятъ его къ сдачѣ. Если

Австрія оставитъ Бонапарта въ предстоящей войнѣ, то его положеніе будетъ весьма плохо. Если она ограничится такими военными дѣйствіями, какъ въ прошлую кампанію, и поставитъ готовые корпуса для вторженія куда ей заблагоразсудится и особенно въ Италію, то его положеніе не будетъ лучше. Неужели Австрія рѣшится на новыя усилія въ пользу человека, который наиболѣе сдѣлалъ ей зла? Это не вѣроятно. Рекруты, которыхъ набиралъ Бонапартъ во Франціи, не будутъ солдатами и останутся недовольными. Они будутъ драться порядочно только въ томъ случаѣ, если его войска будутъ составлены наполовину изъ старыхъ солдатъ; а старые солдаты остались у него только въ Испаніи. Оставитъ ли онъ эту страну? Это лучшее, что бы онъ могъ сдѣлать. Но люди въ его положеніи принимаютъ обыкновенно полу-мѣры, что, вѣроятно, онъ и сдѣлаетъ. Не опасаясь испанцевъ и принимая во вниманіе, что лорду Веллингтону отчасти не удалась кампанія и что его войска страдаютъ отъ болѣзней, онъ вырветъ, вѣроятно, 50 или 60 тыс. изъ Испаніи, чтобы изъ нихъ вмѣстѣ съ конскриптами и образовать новое войско. Съ этимъ-то, очевидно, посредственнымъ войскомъ онъ попытается въ Германіи *не раздѣлать*, конечно, русскія войска; но вести такую войну, чтобы приучать къ дѣйствіямъ новыхъ солдатъ и воспользоваться ошибками противниковъ, нападая на слабыя части. Диверсія наиболѣе ужасная, которая должна уничтожить его власть и возвратитъ Франціи и Европѣ миръ и спокойствіе, должна быть, сдѣлана съ плѣнными, находящимися въ Россіи. Полковникъ Рапателъ, можетъ быть, съ успѣхомъ употребленъ для набора ихъ. Надо только заручиться 30 или 40 тысячами изъ болѣе недовольныхъ офицеровъ и солдатъ, которыхъ не должно быть трудно найти. Они должны ненавидѣть того, который такъ плохо руководилъ ихъ въ самомъ безумномъ и смѣшномъ предпріятіи, которое когда-либо бывало, и презирать того, кто низко оставилъ ихъ въ то самое время, когда его дарованія могли быть наиболѣе имъ полезны. При этомъ устройствѣ плѣнныхъ чрезвычайно важно принимать вполне надежныхъ офицеровъ и устранять льстецовъ гвардейцевъ и вообще всѣхъ, которымъ онъ особенно покровительствовалъ. Всѣ эти люди должны быть расположены близъ береговъ Балтійскаго моря подъ надзоромъ русскихъ офицеровъ, которые бы хорошо знали по-французски и, обращаясь съ образованными изъ нихъ, открыли бы тѣхъ, которые вступаютъ лишь потому, чтобы избѣжать тюрьмы или съ еще болѣе опаснымъ намѣреніемъ выдать своихъ товарищей. Но эти лица должны быть

удалены передъ самымъ исполненіемъ предпріятія, иначе они будутъ осторожны. Имъ надо объяснить, подъ чьимъ начальствомъ они будутъ дѣйствовать во Франціи противъ одного лишь Бонапарта, и что миръ будетъ послѣдствіемъ ихъ подвиговъ. Чрезвычайно важно, чтобы первыя прокламаціи, по вступленіи во Францію, убѣдили народъ, что послѣ смерти тиранна послѣдуетъ общій миръ на частныхъ основаніяхъ.

Если Испанія совершенно очищена, то войска лорда Веллингтона должны быть переправлены въ Германію, и тѣ же суда перевезутъ во Францію французскія войска, назначенныя тамъ дѣйствовать. Если же, напротивъ, англійскія войска останутся въ Испаніи, чтобы дѣйствовать противъ находящихся тамъ французскихъ войскъ, то необходимо собрать достаточное число транспортныхъ судовъ — русскихъ, шведскихъ, англійскихъ, чтобы взять эти войска оттуда, гдѣ они будутъ собраны, чтобы немедленно перевезти на берега Фландріи ближе къ Парижу.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самъ Бонапартъ, съ лучшими и наиболѣе ему вѣрными войсками, пойдетъ противъ этой арміи, поэтому-то она должна быть сильна, а между тѣмъ надо, чтобы ее считали менѣе сильною, нежели бы она была въ дѣйствительности. Необходимо напередъ приготовить достаточное количество оружія для этихъ войскъ. Оно должно быть испытано и сложено въ крѣпостяхъ недалеко отъ Балтики. Ружья могутъ быть розданы только передъ началомъ дѣйствія. Для безопасности можно употребить канонеровъ, привести въ порядокъ артиллерию и необходимые заряды.

Такъ какъ Польша и сѣверная Германія, вѣроятно, истощены въ отношеніи лошадей, то ихъ можно приобрести въ Англіи въ достаточномъ количествѣ, которыя заблаговременно должны быть поставлены на суда, съ тѣмъ, чтобы встрѣтить экспедицію, лишь только она выйдетъ изъ Сѣвернаго моря, чтобы войти въ проливъ.

Эта экспедиція должна имѣть такое вліяніе на успѣхъ военныхъ дѣйствій и приблизить заключеніе мира, что, безъ сомнѣнія, англійское правительство будетъ всѣми способами помогать русскому императору. Его главною цѣлью должно быть — уничтоженіе Бонапарта, что безусловно нужно. Вторую — учрежденіе правительства, которое должно быть послѣ него, что должно быть послѣдствіемъ соображеній людей честныхъ и умѣренныхъ. Пока существуетъ Бонапартъ, нельзя въ этомъ отношеніи дѣлать никакихъ заявленій; онъ воспользуется малѣйшею нескромностью, чтобы напугать ту партію, которая будетъ не согласна съ тѣмъ

образомъ правленія, какое захотятъ установить. Надо дать поводъ каждой партіи надѣяться на осуществленіе ея желаній. Если провозгласятъ побѣду въ пользу прежде царствовавшей династіи, то тѣ, которые приобрѣли національныя имущества, нѣкоторые изъ республиканцевъ и многіе изъ эмигрантовъ, оставившіе своего прежняго государя и служившіе новому, будутъ устранены. То же будетъ и въ отношеніи всѣхъ другихъ, которымъ Бонапартъ укажетъ на Робеспьера и якобинцевъ, если бы захотѣли установить республику въ одномъ изъ тѣхъ видовъ, въ которыхъ она являлась уже во время революціи. Нужно заявить только ненависть къ тиранну, миръ, умѣренность, полнѣйшее снисхожденіе ко всѣмъ мнѣніямъ въ отношеніи къ той формѣ правленія, которую бы захотѣли установить.

Вся Франція, которая ненавидитъ современное положеніе дѣлъ, вѣроятно, не имѣетъ опредѣленнаго понятія о честности того, кто предприметъ эту экспедицію. Никакія личныя притязанія не руководятъ его дѣйствіями. Возвратить миръ Европѣ и счастье Франціи—вотъ единственная цѣль его предпріятія. Наслаждаться подъ сѣнью либеральнаго правительства плодами своихъ трудовъ—вотъ единственное его желаніе.

Онъ надѣется, что препятствія, которыя не позволяютъ ему немедленно явиться въ Россію, скоро будутъ устранены. Тогда онъ не потеряетъ ни одной минуты, чтобы ѣхать для полученія приказаній русскаго государя и содѣйствовать, подъ его покровительствомъ, прекращенію того ужаснаго положенія, въ которое бѣшенство одного человѣка привело Европу. Если бы по какимъ-либо непредвидѣннымъ обстоятельствамъ эта экспедиція не удалась, то предводители, которые останутся въ живыхъ, возлагаютъ всю свою надежду на русскаго императора. Конечно, онъ не будетъ имѣть болѣе вѣрнаго и преданнаго слуги, какъ сочинителя этой записки“.

Такое несбыточное, не соотвѣтствовавшее обстоятельствамъ времени предположеніе, какъ вторженіе во Францію во главѣ французскихъ плѣнныхъ, находившихся въ Россіи, со стороны опытнаго и благоразумнаго военачальника, какъ Моро, могло бы смутить историка и невольно заподозрить его дарованія, если бы оно не объяснялось особенными обстоятельствами, въ которыхъ онъ находился въ это время. Съ одной стороны его долгое пребываніе въ Америкѣ, недостаточныя и часто невѣрныя извѣстія, которыя изрѣдка доходили до него изъ Франціи и вообще Европы, и весьма понятное, хотя преувеличенное презрѣніе ко лжи и обманамъ всѣхъ извѣстій французскаго

правительства препятствовали ему ясно понимать положеніе дѣлъ. Онъ зналъ о томъ недовольствѣ своимъ правительствомъ, которое дѣйствительно существовало во Франціи, зналъ о томъ, что Германія тяготится игомъ, наложеннымъ на нее, и желала бы, чтобы кто-нибудь избавилъ бы ее отъ этого ига, зналъ о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ противниковъ Бонапарта; но издали всѣ эти обстоятельства въ глазахъ его утрачивали свои дѣйствительные размѣры. Онъ не испытывалъ и не понималъ, какъ человѣкъ, не утратившій чувства личнаго человѣческаго достоинства, такъ же какъ и вся Россія, того паническаго страха, которымъ была объята Европа и особенно Германія до самыхъ вершинъ своего государственнаго устройства, смотря на Наполеона, какъ на сверхъестественную силу, противъ которой можетъ дѣйствовать только—Провидѣніе. Онъ понималъ, что французскія войска развращены подъ властью Бонапарта; но степень этого развращенія ускользала отъ его пониманія, устраняемая тѣмъ порывомъ, которымъ его глубокая любовь къ отечеству скрывала отъ него дѣйствительное положеніе дѣлъ. Безкорыстный и честный, онъ не понималъ, какое можетъ оказать вліяніе *грабежъ*, составлявшій принадлежность наполеоновыхъ войскъ, и безумное обогащеніе и почести, расточаемыя ихъ предводителямъ, прикрываемыя понятіями о славѣ, сіяніемъ которой покрываетъ ихъ великій человѣкъ, который очень хладнокровно говорилъ саксонскому королю, что онъ имѣетъ возможность въ предстоящей войнѣ съ Россіею *расходовать* по 35 тысячъ человѣкъ въ мѣсяцъ.

Любовь къ отечеству замѣнялась у нихъ понятіемъ о славѣ, предъ которой преклонялось ихъ отечество, а творецъ этой славы былъ Наполеонъ. Несмотря на всѣ бѣдствія, плѣнные французы оставались ему преданы и, конечно, не могли составить арміи, которая подъ начальствомъ дѣйствовала бы противъ Наполеона, вторгнувшись въ предѣлы Франціи.

Отправивъ записку, составленную для русскаго Императора, онъ, кажется, самъ началъ сомнѣваться въ своемъ предположеніи и обратился за совѣтомъ къ наслѣдному шведскому принцу. Со времени изгнанія изъ Франціи онъ не имѣлъ никакихъ сообщеній съ своимъ бывшимъ другомъ и товарищемъ по оружію, маршаломъ Вернадотомъ. Въ 1812 г. онъ узналъ изъ письма г-жи Сталь, находившейся въ это время въ Стокгольмѣ, къ ея американскимъ знакомымъ, что онъ помнитъ Моро, желалъ бы видѣть его и просилъ передать ему приглашеніе пріѣхать въ Стокгольмъ. Воспользовавшись этимъ обстоя-

тельствомъ, Моро написалъ къ нему пространное письмо, въ которомъ изложилъ свои намѣренія по приглашенію русскаго Императора пріѣхать въ Европу и принять участіе въ войнѣ противъ Наполеона и свои предположенія.

„Послѣ позорнаго пораженія, писалъ онъ, французской арміи въ Россіи, ея предводитель не избѣгнетъ двухъ упрековъ—въ безуміи и низости и сдѣлается посмѣшищемъ Европы и предметомъ негодованія для французовъ, и я думаю, что не сохранить власти чудовищной и опасной для Европы, унижительной и тираннической для Франціи. Благопріятное время, о которомъ мы часто говорили, избавить отъ этого низкаго и наглого насильника (*usurpateur*), кажется, приблизилось, но если не принять участія въ переворотѣ и ограничиться ожиданіемъ, то онъ еще много можетъ надѣлать зла. Несмотря на безумныя предпріятія, онъ болѣе понимаетъ войну, нежели тѣ, которые до сихъ поръ дѣйствовали противъ него. Выведа почти всѣ свои войска изъ Испаніи, отправивъ туда Фердинанда VII, что избавить его отъ необходимости держать много войска на этой границѣ, онъ можетъ къ іюню мѣсяцу собрать отъ 250 до 300 тысячъ человекъ и противопоставить сильное сопротивленіе, особенно если найдетъ поддержку въ австрійскомъ домѣ“.

Надежда на противодѣйствіе, которое навѣрно встрѣтила бы новая конскрипція безъ достаточной силы привести ее въ исполненіе, утратится, если движеніе войскъ Испаніи, проходя почти по всѣмъ направленіямъ внутри Франціи, будетъ согласовано съ наборомъ этой конскрипціи. Тогда старые полки, привыкшіе къ войнѣ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, усиленные и пополненные конскриптами, набору которыхъ они будутъ содѣйствовать, пойдутъ противъ войскъ Россіи и ея союзниковъ, которыхъ она можетъ пріобрѣсти въ Германіи.

Не полагаете-ли вы, что между плѣнными французами въ Россіи найдется достаточное количество офицеровъ и солдатъ, раздраженныхъ тѣмъ, что ими жертвовали въ продолженіе столькихъ лѣтъ властолюбію и жадности ихъ вожда на счетъ народонаселенія и средствъ ихъ отечества? Последняя кампанія къ ожесточенію должна прибавить еще чувство презренія, и я полагаю, что между ними надо искать основы, которая должна составить точку опоры для переворота, который слѣдуетъ произвести какъ можно скорѣе. Я помню исходъ экспедиціи при Квиберонѣ, предпринятой съ плѣнными, но я полагаю, что теперь иныя обстоятельства и гораздо болѣе благопріятныя. Первые сражались противъ свободы ихъ страны, подъ знаменемъ,

которое они ненавидѣли, эти напротивъ будутъ сражаться, чтобы избавить Францію отъ тиранніи, самой унижительной, которая когда-нибудь тяготѣла на какомъ-либо изъ новыхъ народовъ. Можно ли имѣть довѣріе къ тому, какъ они будутъ драться, если бы пришлось прибѣгнуть къ этому способу? Я понимаю всѣ выгоды государства, существующаго уже десять лѣтъ, и несочувствіе драться съ войсками уже признанной власти, какая бы чудовищная и какая бы незаконная она ни была. Но, если ненависть, которую питаютъ всѣ состоянія и во всѣхъ частяхъ Франціи, такова, какъ говорятъ, то она можетъ поддержать ненависть плѣнныхъ и заставить дѣйствовать противъ императорскаго правительства, какъ наибольшаго врага народа. Если это такъ, на какія средства для исполненія можно рассчитывать? Найдется ли достаточное число охотниковъ между плѣнными, чтобы можно рѣшиться на предпріятіе. Согласится ли русскій Императоръ? Стараться ли проникнуть во Францію подъ защитою русскихъ войскъ и не лучше ли сдѣлать высадку на берега Пикардіи или Нормандіи? Последній способъ я считаю болѣе выгоднымъ“.

Говоря далѣе о намѣреніи въ половинѣ іюля, по предложенію Императора Александра Павловича, оставить Америку и ѣхать въ Россію, онъ пишетъ: „я готовъ проникнуть во Францію во главѣ французскихъ войскъ, но я не скрою отъ васъ, что мнѣ бы не хотѣлось идти туда во главѣ войскъ иностранныхъ... Но какое правительство слѣдуетъ установить, если будетъ разрушено существующее? Я не знаю, какіе господствуютъ взгляды въ этомъ отношеніи въ странѣ, которую *роялизировали* въ продолженіе десяти лѣтъ. Что же касается до меня, то я совершенно свободенъ и безъ предразсудковъ въ этомъ отношеніи, и если народъ захочетъ Бурбоновъ,—съ которыми у меня не было и тѣни никакихъ сношеній, несмотря на пресловутый заговоръ, я отдалъ бы охотно правленіе въ ихъ руки, съ условіями, обезпечивающими личную свободу французовъ, которая могла бы быть поддержана посредствующими учрежденіями, достаточно сильными для того, чтобы остановить жадность куртизановъ. Я, признаюсь, думаю, что это единственный выходъ. До меня доходятъ слухи, что они послали агентовъ въ Петербургъ, быть можетъ, въ надеждѣ заманить нѣкоторыхъ французовъ. Я не имѣю никакого желанія драться подъ этимъ знаменемъ, которое до сихъ поръ не было счастливо въ своихъ предпріятіяхъ, и притомъ я никогда не сдѣлаюсь орудіемъ личной мести, какой бы ни было“.

Въ этомъ письмѣ къ Бернадоту Моро повторяетъ тѣ же предположенія, какія выразилъ въ запискѣ, составленной для русскаго Императора, но въ иномъ уже видѣ; въ видѣ вопросовъ, что доказываетъ закравшееся уже сомнѣніе въ возможности привести ихъ въ исполненіе. Но въ томъ же письмѣ онъ, какъ мы видѣли, говоритъ: „я готовъ проникнуть во Францію во главѣ *французскихъ* войскъ, но не скрою отъ васъ, что мнѣ бы не хотѣлось идти туда во главѣ войскъ *иностранныхъ*“. Мысль—внушенная благороднымъ чувствомъ любви къ родинѣ, которая, вѣроятно, была понята и встрѣтила сочувствіе со стороны Бернадота. Онъ, доведя въ 1813 г. свои войска до Рейна, за которымъ думалъ видѣть уже Францію, считалъ свое участіе въ войнѣ противъ Наполеона оконченнымъ и не пошелъ далѣе. Моро, какъ истого француза, отвращала мысль вторгнуться вооруженною силою въ свое отечество во главѣ *иностранныхъ* войскъ. Но гдѣ же было взять французскихъ войскъ, которыя бы Моро повелъ въ предѣлы Франціи для того, чтобы избавить ее отъ тиранніи Наполеона? Конечно, ихъ не было, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ незнаніемъ дѣйствительнаго настроенія умовъ во Франціи и Европѣ, навело его на мысль о французскихъ плѣнныхъ, бывшихъ въ Россіи!

VIII.

Почти мѣсяцъ продолжалось плаваніе Моро. Отъ береговъ Америки, до самыхъ высотъ Готтенбурга, говоритъ его русскій спутникъ, не встрѣтились мы ни съ однимъ кораблемъ, имѣя постоянно попутный вѣтеръ и бывъ окружены туманами, которые, казалось, покровительствовали намъ отъ французскихъ и американскихъ корсаровъ, отъ которыхъ мы должны были опасаться всего непріятнаго. Я замѣтилъ это генералу, прибавивъ, что, кажется, „Провидѣніе взяло насъ подъ свою защиту“. Во время плаванія Моро сохранялъ спокойствіе, большую часть времени посвящая любимому своему занятію—чтенію; но, конечно, его смущала неизвѣстность, удалось ли его супругѣ съ дочерью во-время удалиться изъ областей, находившихся подъ вліяніемъ власти Наполеона. Еще въ Америкѣ онъ получилъ отъ нея извѣстіе, которое возбуждало его подозрѣнія и опасенія. „Моя жена, писалъ онъ къ нашему посланнику, которую самымъ безчеловѣчнымъ образомъ правительство Наполеона въ первыхъ числахъ сентября (1812 г.) заставило сѣсть на корабль, чтобы оставить Францію, хотя правительственные док-

тора засвидѣтельствовали, что ея здоровье требуетъ пользова-
нія водами Баража, вдругъ получила дозволеніе оставаться
во Франціи, но получила его уже въ Бордо¹⁾. Чувствомъ ве-
ликодушія Наполеона къ своему семейству Моро, конечно, не
могъ объяснить такого распоряженія, которое дѣйствительно
получаетъ особое значеніе въ виду обстоятельствъ, которыхъ
онъ еще не зналъ. Слухъ о возвращеніи Моро въ Европу
давно носился въ ней. Ревность ли тайной Наполеоновой по-
лиціи, подозрѣвавшей этотъ случай, подала поводъ къ такому
слуху, или явныя заявленія Бернадота, которыя онъ пору-
чалъ г-жѣ Сталь прямо довести до свѣдѣнія Моро; но онъ су-
ществовалъ и былъ извѣстенъ Наполеону. Получивъ во время
отступленія изъ Москвы въ Дорогобужѣ извѣстіе о попыткѣ
генерала Моле произвести государственный переворотъ, онъ
прежде всего обратилъ вниманіе на Лагоріе, который прини-
малъ въ немъ участіе и прежде служилъ подъ начальствомъ
Моро и разспрашивалъ о немъ генерала Лабуассьера, кото-
рый зналъ всѣхъ лицъ, бывшихъ подъ его начальствомъ. Съ
этимъ временемъ совпадаетъ отмѣна строгаго предписанія г. Моро
выѣхать изъ Франціи и дозволеніе оставаться въ ея предѣ-
лахъ. 20 іюля корабль „Аннибалъ“ подошелъ къ берегамъ Нор-
вегіи и сошелся съ англійскимъ фрегатомъ „Гемодрай“. Когда
Свининъ пріѣхалъ на фрегатъ и объявилъ капитану Чатону,
что на американскомъ кораблѣ находится генераль Моро, ка-
питанъ немедленно сѣлъ въ катеръ и отправился къ нему съ
предложеніемъ услугъ. Но онъ оказалъ ему услугу особенно
извѣстіемъ, что его супруга и дочь уже находятся въ Англіи...²⁾.

Оканчивался первый періодъ военныхъ дѣйствій въ Гер-
маніи, когда Моро прибылъ къ русскимъ войскамъ въ глав-
ную квартиру императора. Совершилось много важныхъ про-
исшествій, которыя не соотвѣтствовали предположенію Моро,
что новая кампанія можетъ начаться не ранѣе іюля мѣсяца.
Ошибочныя понятія о положеніи дѣлъ внутри Франціи и Гер-
маніи объясняютъ его предположенія, основанныя на томъ, что
императоръ Наполеонъ ранѣе этого срока не могъ составить
новой арміи, способной противустоять русскимъ съ ихъ сопер-
никами. Между тѣмъ уже къ половинѣ апрѣля онъ не только
составилъ огромную армію, но и привелъ ее на поприще во-
енныхъ дѣйствій. Конечно, какъ опытный военачальникъ,

1) Нью-Йоркъ, 11 февраля 1812 г.

2) Письмо Моро изъ Готенб. къ Императ. Гл. Архивъ. Суттели 1813.

Моро не думалъ, какъ и никто изъ современниковъ даже французовъ, чтобы жалкіе остатки великой арміи, прогнанные за Нѣманъ нашими войсками, могли доставить кадры для новой арміи Наполеона, дѣйствовавшей въ 1813 году¹⁾. Опытные, закаленные въ народной и самой ужасной войнѣ солдаты испанской арміи, вызванные оттуда, дали Наполеону возможность устроить кадры его новой арміи съ незначительною помощью тѣхъ боевыхъ силъ, которыя были разбѣяны внутри Франціи, въ Германіи и Италіи. Конечно, эта новая армія Наполеона была *посредственная*, по выраженію Моро, не имѣла ответственности ея численности конницы и артиллеріи; но она значительно превышала численность войскъ союзниковъ и ею предводительствовалъ Наполеонъ. Между тѣмъ русскія войска, совершивъ, повторяемъ слова Моро, такое преслѣдованіе, какому едва-ли можно найти примѣръ въ исторіи, утомленные и въ незначительномъ количествѣ перешедшія границы, едва могли оборонять линію Вислы. Войдя въ Пруссію, они могли продолжать наступательныя дѣйствія не иначе, какъ въ союзѣ съ этою державою, вмѣстѣ съ ея войсками. Присоединеніе корпуса Гюка, возбужденіе восточной Пруссіи подавали надежду на скорое заключеніе этого союза; но нерѣшительность короля на цѣлый мѣсяць затянула дѣло его заключенія и тѣмъ затруднила и приостановила военныя дѣйствія. При томъ прусскія войска были слишкомъ незначительны по количеству, новыя вооруженія, хотя и быстро составлявшіяся, во всякомъ случаѣ, требовали времени. Если бы союзныя войска и могли отбросить за Рейнъ остатки великой арміи и незначительные отряды, находившіеся въ Германіи, какъ предполагалъ Моро, то эти замедленія со стороны Пруссіи вынудили ограничиться линіей Эльбы. Но и тутъ новые союзники были поставлены въ затруднительное положеніе въ виду количества войскъ, которое превышали французскія арміи и особенно потому, что кончина фельдмаршала кн. Кутузова поставила вопросъ о выборѣ главнокомандующаго, который три раза въ этотъ годъ былъ разрѣшаемъ неудовлетворительно. Чтобы не потерять значеніе, союзники должны были продолжать военныя дѣйствія, а между тѣмъ надѣяться на вѣрный успѣхъ они могли только въ томъ случаѣ, если бы Австрія приступила къ ихъ союзу.

¹⁾ Это ни на чемъ не основанное мнѣніе измышлено впервые г. Бергарди, и, вѣроятно, нечаянно повторено у генерала Богдановича. Это послѣднее обстоятельство только и вынуждаетъ меня, хотя и мимоходомъ, упомянуть о немъ.

Потерянные сраженія при Бауценѣ и Люценѣ вынудили ихъ къ отступленію къ границамъ Богеміи.

Австрія еще болѣе, нежели Пруссія, медлила приступить къ союзу съ Россією, но по инымъ причинамъ. Родственные связи умалили тотъ паническій страхъ, подѣ влияніемъ котораго находился прусскій король, и въ то же время возбудили въ императорѣ Францѣ участіе къ династіи отъ его дочери. Даже В. Штейнъ, который постоянно совѣтовалъ императору Александру Павловичу насильно заставить прусскаго короля войти въ союзъ съ Россією, не давалъ подобныхъ совѣтовъ въ отношеніи Австріи. Народныя движенія въ Пруссіи, которымъ сочувствовали войска, отчасти оправдывали его совѣты; но подобнаго расположенія, на которое опирался В. Штейнъ въ 1813 г., не было въ это время. Но войска дрались не охотно за Наполеона и образъ дѣйствій въ 1812 г. кн. Шварценберга не многимъ отличался отъ дѣйствій Горка. Коварство вѣнскаго кабинета сдѣлалось такою историческою аксіомою, что его видятъ повсюду, не принимая въ соображеніе ни обстоятельствъ, ни степени коварства.

Во всякомъ случаѣ политика вѣнскаго двора и въ 1813 г. была продолженіемъ прежней и въ отношеніи къ Россіи даже сдѣлала шагъ впередъ къ соглашенію. Поддерживая увѣренія въ добромъ къ ней расположеніи, гр. Меттернихъ увѣрялъ императора Наполеона въ искреннемъ желаніи поддержать союзъ съ Франціею, но уже на иныхъ условіяхъ—вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ. Союзный договоръ прошлаго года, по которому Австрія помогала Наполеону въ войнѣ противъ Россіи только 35 тысячнымъ корпусомъ войскъ, онъ считалъ утратившимъ силу, по окончаніи войны въ предѣлахъ Россіи; новый еще не былъ заключенъ, а между тѣмъ, сохраняя союзныя отношенія, онъ предлагалъ посредничество Австріи для заключенія мира между воюющими сторонами и чтобы посредничество Австріи получило вѣсть, она поспѣшно усиливала свои боевыя средства. Смыслъ такого предложенія, очень ясно понятый Наполеономъ, долженъ былъ возбудить его гнѣвъ гораздо болѣе, нежели прямое объявленіе войны. Австрія уходила изъ-подъ его власти; его подручница выступала какъ независимое государство и желала дѣйствовать, хотя бы и въ его пользу, но какъ самостоятельная держава. Въ такомъ образѣ дѣйствій онъ усмотрѣлъ величайшее коварство вѣнскаго кабинета. „Вѣнскій кабинетъ заблуждается: напрасно Меттернихъ считаетъ интригу политикою. Политика дѣйствуетъ въ виду

опредѣленной цѣли, у интриги нѣтъ этой цѣли, и она вовлекаетъ въ противорѣчающія одно другому дѣйствія. Такимъ представляются императору дѣйствія вѣнскаго кабинета. Онъ хитритъ; но всѣ его коварства обращаются ему же во вредъ. Между тѣмъ, дѣйствуя прямо и соображая желанія со своими силами и средствами, онъ достигъ бы исполненія своихъ видовъ¹⁾. Чтобы съ ложнаго пути вывести политику вѣнскаго двора на прямой путь, онъ употреблялъ устарѣлое средство; не нужно особой предусмотрительности, чтобы понять, что такія пронырства одинаково возбуждаютъ отвращеніе какъ Императора Александра, такъ и Наполеона и могутъ побудить ихъ войти въ *прямые* соглашенія между собою. Увлекаясь заднимъ *числомъ*, такою мыслію, онъ писалъ: „стоитъ только отправить посольство въ русскую главную квартиру, и вселенная будетъ раздавлена на двѣ половины (*une mission au quartier-général Russe partagerait le monde en deux*)¹⁾. Но русскій императоръ, что очень хорошо было извѣстно Наполеону, не вошелъ бы въ прямые сношенія съ нимъ, ни Европа не повѣрила бы въ это время въ силу того пугала, которое возбуждало въ ней страхъ вслѣдъ за союзомъ и миромъ, заключеннымъ Россію съ Францію въ Тильзитѣ. Конечно, подобное средство, употребленное политикою Наполеона въ отношеніи къ Австріи, оправдываетъ все коварство вѣнскаго кабинета въ отношеніи къ такому противнику, съ которымъ и нельзя было дѣйствовать другими способами, если сила обстоятельствъ еще позволяла выйти противъ него съ оружіемъ въ рукахъ. Но совершенно иначе онъ дѣйствовалъ въ отношеніи къ Россіи, если принять въ соображеніе его сношеніе чрезъ своихъ уполномоченныхъ съ главною квартирою императора, помимо нашего посланника графа Штакельберга. Желаніе стать на сторону союзниковъ подтверждается и тайными сношеніями въ это же время, начатыми съ Англіею. Если тестъ императора Наполеона, какъ онъ выражался въ письмахъ къ нему, можетъ быть искренно, желалъ сохранить корону своему внуку, — то вѣнскій кабинетъ едва-ли принималъ въ расчетъ при своихъ дѣйствіяхъ и это обстоятельство. Но почему же онъ медлил приступать къ союзу съ Россіею и Пруссіею? Потому, что весьма естественно не желалъ находиться въ томъ же положеніи, какъ Пруссія, народонаселеніе которой смотрѣло на русскаго императора и его войска такъ, какъ будто они были гораздо болѣе ея войсками,

¹⁾ Гордонъ, 368.

нежели своего короля. Какъ въ отношеніяхъ къ Наполеону, пользуясь гибелью великой арміи, она прямо выразила притязанія на свободу въ дѣйствіяхъ и самостоятельность великой державы, такъ и въ отношеніи къ Россіи, которая являлась спасительницею Германіи и потому естественно ожидала ея содѣйствія; но даже Пруссія торговалась, Австрія же, конечно, желала поддержать такое же положеніе. Но для того, чтобы достигнуть этой цѣли, нужно было составить такую военную силу, которая могла бы придать значеніе и въ случаѣ нужды поддержать это желаніе. Лишившись почти трети своихъ владѣній, уничтоженная, ограбленная Наполеономъ, она не могла, при совершенномъ разстройствѣ финансовъ, скоро приготовить и поставить въ военное положеніе значительное войско. Это обстоятельство было причиною того, что она медлила разорвать союзъ съ Франціею и присоединиться къ Россіи, а эта медленность въ свою очередь давала ей уже съ этого времени преобладающее значеніе въ судьбахъ Европы, которое усиливалось по мѣрѣ того, какъ въ постоянныхъ сраженіяхъ уменьшались большія средства воюющихъ сторонъ, а ея собственныя увеличивались. Поддерживать преобладающее значеніе надъ такими силами, какъ Россія, сокрушившая Наполеона съ его великою арміею, и этимъ титаномъ, передъ которымъ трепетала подобострастнымъ страхомъ вся континентальная Европа, было дѣло нелегкое. Но, разгадавъ положеніе дѣлъ, вѣнскій кабинетъ побѣдилъ это затрудненіе.

Союзники не считали возможнымъ безъ участія Австріи нанести рѣшительный ударъ Наполеону и потому естественно соображали съ этою цѣлію военныя движенія и употребляли всѣ способы, чтобы привлечь ее къ союзу. Притомъ русскія войска ожидали прибытія значительныхъ подкрѣпленій, вооруженія Пруссіи еще не были окончены. Они согласились на заключеніе перемирія и открытіе мирныхъ переговоровъ въ Прагѣ, при посредничествѣ Австріи. Но что вынудило императора Наполеона, послѣ одержанныхъ успѣховъ, вступить въ переговоры на такихъ условіяхъ, которыхъ онъ принять не могъ, не отказавшись почти отъ всѣхъ своихъ завоеваній и всякаго притязанія на владычество надъ Западною Европою. Едва-ли Моро не вѣриле другихъ понялъ его положеніе, полагая, что съ арміею неопытною и составленною преимущественно изъ молодыхъ конскриптовъ онъ не предприметъ кампаніи съ намѣреніемъ нанести рѣшительный ударъ союзникамъ, но съ тою прежде всего цѣлію, чтобы приучить къ войнѣ.

свои неопытныя войска и дополнить ихъ составъ, особенно конницею, въ которой онъ испытывалъ недостатокъ. Это мнѣніе подтверждаетъ и то обстоятельство, что онъ не преслѣдовалъ союзниковъ, одержавъ успѣхъ надъ ихъ войсками, и согласился вести мирныя переговоры, зная напередъ, что предложенныхъ вѣнскимъ кабинетомъ, съ согласія конечно союзниковъ, условій онъ не приметъ и принять не можетъ.

Моро пріѣхалъ въ Прагу „16-го августа, въ 8 часовъ вечера, говорить его спутникъ, т.е. за день до перемирія“. По пріѣздѣ, онъ послалъ Свиньина и Ратателя къ Императору испросить его повелѣній. Государь поручилъ имъ изъяснить свое удовольствіе о пріѣздѣ Моро и сказать, чтобы онъ успокоился эту ночь отъ продолжительнаго пути, а на другой день въ 9 час. утра назначилъ ему аудіенцію, пославъ въ то же время къ нему одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ съ пріѣздомъ отъ своего лица. „На другой день въ 8 часовъ съ половиною, говорить Свиньинъ, я сходилъ съ лѣстницы, чтобы осмотрѣть, какъ встрѣтилъ на ей самого Государя, и едва успѣлъ предувѣдомить генерала, какъ онъ вошелъ въ его комнату, обнялъ Моро и пробылъ съ нимъ болѣе двухъ часовъ наединѣ. Проводивъ Государя, генералъ подошелъ ко мнѣ со слезами на глазахъ и сказалъ съ величайшимъ чувствомъ: „любезный Свиньинъ, что за человѣкъ Императоръ Александръ! съ этой минуты я обрекъ ему на жертву мою жизнь. И кто не отдастъ за него жизни? Всѣ тѣ похвалы, которыя я выражалъ ему, все высокое мнѣніе, которое я имѣлъ о немъ, несравненно ниже этого ангела кротости“. Силою личнаго обаянія обладалъ также и императоръ Наполеонъ; но въ этомъ обаяніи чувствовалось насиліе, которое каждую свою жертву, какъ побѣжденнаго, приковывало къ колесницѣ побѣдителя, при этомъ чувство преданности къ нему поддерживалъ въ послѣдствіи только безотчетный страхъ или корысть. Сила обаянія, которою обладалъ Императоръ Александръ Павловичъ, была иного свойства: она была мягка, кротка и плѣнительна, какъ плѣсни баснословной сирены. Таковы свидѣтельства всѣхъ современниковъ, находившихся съ нимъ въ личныхъ отношеніяхъ. Впечатлѣніе, которое производили на другихъ тѣ лица, которыя стояли во главѣ великихъ и историческихъ происшествій и мнили, не безъ нѣкотораго основанія, что руководятъ ими, безъ сомнѣнія, важно въ отношеніи къ общему ходу этихъ событій. Но разговоръ съ глазу на глазъ русскаго Императора съ генераломъ Моро, который могъ бы бросить свѣтъ на непосредственно послѣдовавшія

потомъ событія, остается тайною. Въ тотъ же самый день, продолжаетъ Свиньинъ, Моро былъ представленъ Его Величествомъ обѣимъ Великимъ Княгинямъ, а на другой день императору Францу, который между прочимъ благодарилъ его за мягкосердіе и человеколюбіе, которыми отличались его дѣйствія въ рейнскую войну въ отношеніи къ его подданнымъ. По пріѣздѣ прусскаго короля въ Прагу, Государь желалъ представить ему Моро; но, разсудивъ, что ему должно было на другой день ѣхать въ армію, и что едва остается время для собственныхъ своихъ приготовленій, послалъ его къ себѣ на квартиру, поручивъ дожидаться его повелѣній въ этомъ отношеніи. Мы находились въ такомъ ожиданіи, занимаясь укладываніемъ чемодановъ, какъ вдругъ растворились двери, и Императоръ вошелъ къ намъ съ прусскимъ королемъ. Подойдя къ Моро, Государь сказалъ: „Генераль, его величество прусскій король!“ Послѣ чего король обратился къ нему со слѣдующими словами: „я съ величайшимъ удовольствіемъ спѣшилъ посѣтить генерала, столь извѣстнаго своими высокими достоинствами и добродѣтелями“ и болѣе двухъ часовъ они оставались въ жаркихъ разговорахъ. Съ присоединеніемъ къ союзу Австріи и ея войскъ къ войскамъ русскимъ и прусскимъ, должны были начаться рѣшительныя военныя дѣйствія противъ Наполеона. Конечно, они были предметомъ многочисленныхъ бесѣдъ и совѣщаній съ опытнымъ военачальникомъ, какъ Моро, понимавшимъ военный геній Наполеона и знавшимъ образъ его дѣйствій. Но для русскаго Императора пріѣздъ въ его главную квартиру Моро и въ то же время генерала Жомини, кажется, имѣли и другое значеніе. Употребивъ всѣ способы, чтобы привлечь къ наступательному союзу Австрію, чтобы не возбудить ея подозрѣній и не затронуть самолюбія, онъ рѣшился подчинить всѣ союзныя войска австрійскому фельдмаршалу и при томъ такому, какъ кн. Шварценбергъ, вовсе не выказавшій способности начальствовать надъ многочисленными арміями и руководить обширными военными дѣйствіями. Пребываніе при войскахъ самого Императора, конечно, могло имѣть вліяніе на военныя распоряженія. Не принимая прямо званія верховнаго военачальника, онъ однако же долженъ былъ силою обстоятельствъ сдѣлаться главнымъ ихъ распорядителемъ. При свойственномъ ему недовѣрію къ самому себѣ, онъ, безъ сомнѣнія, очень былъ радъ пріѣзду въ это время такихъ совѣтниковъ, какъ Жомини, и особенно Моро. Кромѣ обычной для Императора Александра простоты въ обхожденіи и особенно во время пребыванія въ главной квартирѣ

дѣйствующихъ войскъ, это обстоятельство объясняетъ то особенное изысканное вниманіе, которое онъ оказалъ ему не только самъ лично, но и со своими державными союзниками. Привыкшіе строго охранять свое величіе, быть можетъ, они не были довольны этимъ; но и на многихъ русскихъ, помнившихъ прежнія царствованія, оно произвело непріятное впечатлѣніе. „Въ Прагу пріѣхалъ, говорить адмиралъ Шишковъ, изъ Америки сосланный туда Наполеономъ, вмѣстѣ и сотоварищъ его и соперникъ, извѣстный французскій генералъ Моро, воевавшій нѣкогда противъ Суворова и побѣжденный имъ. Онъ принятъ былъ съ великою и, можно сказать, излишнею честью: российский Императоръ и король прусскій, какъ скоро услышали о его прибытіи, тотчасъ поѣхали къ нему съ поклономъ и поздравленіемъ“. Старому адмиралу это казалось недостойнымъ величія русскаго Государя и значенія русскаго народа. „Моро, конечно, былъ искусный и храбрый полководецъ, продолжаетъ онъ,—но мнѣ кажется, не было приличія двумъ самодержавнымъ главамъ тотчасъ поскакать къ нему, какъ бы къ нѣкому превышающему всѣхъ или съ небесъ ниспосланному существу. Полководцамъ нашимъ, несравненно славнѣйшимъ его, Румянцеву, Суворову, Кутузову, не было никогда оказано подобной чести. Если не своя, то народная гордость не долженствовала бы до сего допустить. Имѣть уваженіе къ достоинствамъ—хорошо; но съ нѣкоторымъ приличіемъ. Екатерина Великая умѣла цѣнить ихъ, но безъ униженія себя и народа своего“¹⁾.

Въ продолженіе десятидневнаго пребыванія при главной квартирѣ Моро неразлучно находился при императорахъ. Образъ военныхъ дѣйствій былъ утвержденъ въ Прагѣ, и войска находились въ движеніи къ Дрездену. 14 августа они стояли въ боевомъ порядкѣ передъ непріателемъ, защищавшимъ этотъ городъ. Весь этотъ день Моро былъ на конѣ, или сопровождая Императора, или обзрѣвая позиціи. Вечеромъ въ 8 часовъ, чтобы донести Государю о своихъ наблюденіяхъ, онъ проѣхалъ подъ градомъ непріятельскихъ гранатъ и картечей, такъ что сопутствовавшіе ему офицеры удивлялись, какъ могли они остаться цѣлы и невредимы. На другой день во время самой битвы, Моро снова, обзрѣвая расположеніе войскъ, замѣтилъ слабость лѣваго фланга и поскакалъ къ Императору, находившемуся при д. Рейнѣ противъ сада принца Антонія, гдѣ находился императоръ Наполеонъ. Несмотря на ненастную погоду

¹⁾ 209—210.

и сильный дождь, замѣтивъ, вѣроятно, большую свиту Государя на рейнскихъ высотахъ, батареи, устроенныя у этого сада, направили туда свои выстрѣлы. Подѣхавъ къ Императору и передавъ свои наблюденія, онъ замѣтилъ опасность положенія, въ которомъ онъ находился, и предложилъ переѣхать на другую высоту, съ которой одинаково, если не лучше, можно было безопасно обозрѣвать поприще битвы. Послѣдовавъ его совѣту, Государь повернулъ лошадь по узкой тропинкѣ и ѣхалъ рядомъ съ Моро. Передъ встрѣтившимся ручьемъ, какіе часто образуются въ горахъ во время сильныхъ дождей, его лошадь приостановилась. „Поѣзжайте впередъ, сказалъ ему Государь, а мы за вами“. Выдвинувшись немного впередъ, Моро продолжалъ говорить съ Государемъ: „Повѣрьте моей опытности...“ продолжалъ онъ рѣчь, и въ это мгновеніе французское ядро оторвало ему правую ногу, прошло черезъ лошадь и раздробило колѣно лѣвой ноги. Роковое ядро, поразившее Моро, точно такую опасностью угрожало русскому Государю, находившемуся въ двухъ-трехъ шагахъ отъ него. Это обстоятельство, а равно и участіе къ судьбѣ человѣка, выражавшаго къ нему глубокую преданность, котораго дарованіями и опытностью онъ надѣялся воспользоваться какъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ еще болѣе въ будущихъ отношеніяхъ къ Франціи,—не могли не оставить глубокаго впечатлѣнія въ душѣ Государя, ибо русскій Императоръ не такъ смотрѣлъ на Францію, какъ его союзники, и не искалъ ея гибели; и отвлекли на время вниманіе Государя отъ хода сраженія. По совѣту Моро и Жюмини Императоръ предписалъ Барклаю-де-Толли сойти съ занимаемыхъ имъ высотъ и дѣйствовать наступательно; но онъ не исполнилъ приказанія, найдя затруднительнымъ съ топкой равнины вновь ввести на гору свою артиллерію, т.-е. онъ рассчитывалъ на неудачу своего наступленія. Австрійцы, вслѣдствіе неудачныхъ распоряженій кн. Шварценберга, потерпѣли пораженіе на лѣвомъ крылѣ. Хотя сраженіе и не было проиграно и союзные государи намѣревались продолжать его на другой день,—но кн. Шварценбергъ настаивалъ на необходимости отступленія, оправдывая свое мнѣніе такими доводами, передъ которыми они должны были уступить: австрійскія войска, только-что вышедшія на поприще военныхъ дѣйствій, не имѣли ни продовольствія, ни боевыхъ запасовъ. Когда императоръ Наполеонъ узналъ объ участи Моро, онъ сказалъ герцогу Виченскому: „моя звѣзда, Коленкуръ, моя звѣзда! Смерть Моро будетъ одною изъ важныхъ страницъ въ моей исторіи“.

Когда послѣ пораженія Моро пришелъ въ себя, первое его слово было о Государѣ. Узнавъ отъ Рапателя, что Государь остался невредимъ, онъ сказалъ ему: „Умираю; но не печалься, мой другъ, пріятно умирать за правое дѣло и въ глазахъ Великаго Монарха“. 40 человекъ гренадеръ „надежныхъ, равнаго роста и сильныхъ“ при офицерѣ и 2-хъ унтеръ-офицерахъ, по распоряженію Государя, назначены были нести на носилкахъ изъ казачьихъ пикъ, покрытыхъ шинелями, раненаго Моро. Б. Вилье сдѣлалъ ему операцію въ первомъ попавшемъ домѣ въ д. Нетницъ. „Здѣсь немедленно, говоритъ очевидецъ, Вилье отнять ему правую ногу выше колѣна. Когда первая операція кончилась, генераль попросилъ его осмотрѣть хорошенько другую ногу и постараться спасти ее. Но, узнавъ, что это невозможно, сказалъ весьма хладнокровно: „Ну, такъ отымите ее, только поскорѣ“. Узнавъ во время операціи, что Государь прислалъ освѣдомиться о его положеніи, онъ подозвалъ посланнаго и, напередъ разспросивъ о движеніяхъ войскъ, поручилъ благодарить Государя за участіе. „Между тѣмъ два ядра ударили въ домъ, гдѣ находился Моро, и разрушили уголъ горницы, въ которой онъ лежалъ“. Послѣ операціи, такимъ же порядкомъ понесли Моро въ г. Лаунъ, куда Императоръ послалъ флигель-адъютанта М. Ѳ. Орлова съ тою цѣлью, чтобы онъ извѣщалъ его о состояніи генерала. Въ Лаунѣ находился въ это время А. С. Шишковъ. „На третій день послѣ моего приѣзда сюда, пошелъ я прогуляться по дорогѣ къ Теплицамъ. Вдругъ вижу впереди себя нѣчто необыкновенное: навстрѣчу мнѣ идутъ и ѣдутъ верхами много людей. Посреди сей толпы народа нѣсколько человекъ несутъ носилки подъ балдахиномъ. Шествіе тихое, подобное почти больному. Я сперва не зналъ, что такое, но вскорѣ отъ окружавшихъ меня зрителей услышалъ: Моро, Моро! Я сначала подумалъ, что несутъ тѣло его, ибо по блѣдности лица невозможно было узнать, живъ ли онъ, или мертвъ; но вскорѣ увидалъ, что онъ поднялъ руку и, хватаясь за висѣвшую кисть, какъ будто хотѣлъ приподняться. Добрая о немъ слава, тяжкое страданіе и столь несчастное приключеніе, такъ скоро послѣ совершенія имъ столь далекаго пути случившееся, дѣлали сіе зрѣлище жалкимъ и печальнымъ. Всѣ сопровождавшіе его шли за нимъ съ сожалѣніемъ и вездѣ слышны были ему похвалы...

„Другое зрѣлище было совсѣмъ противное сему. Я такъ же прогуливался по той же дорогѣ и вижу, что навстрѣчу мнѣ ѣдетъ коляска, въ которой сидитъ нашъ русскій фельдшеръ и

съ нимъ французскій генераль. Тотчасъ всѣ закричали Вандамъ, Вандамъ! и всѣ побѣжали за нимъ“. Подстрекаемый любопытствомъ, пошелъ въ городъ и А. С. Шишковъ и нашелъ почтовый домъ, окруженный толпою. „Иной говорилъ почтальону, смотря на коляску: зачѣмъ ты не запрягъ навозную телѣгу—и той для него много; другой: смотри, вези его тихонько, дай людямъ наплевать ему въ рожу; третій: опрокинь его гдѣ-нибудь такъ, чтобъ ему голову разможить; четвертый: тебѣ бы вести его на свиньяхъ, а не на лошадяхъ“. Когда Вандамъ вышелъ, чтобъ сѣсть въ коляску, посыпались насмѣшливые и злобные возгласы: „что прикажешь въ Гамбургъ, Любекъ, Бременъ, гдѣ грабилъ и неистовствовалъ Вардинъ? Добрый путь въ Сибирь, лови тамъ соболей, копай руду въ Нерчинскѣ, тигръ, крокодилъ, ядовитая змѣя“. „Вандамъ былъ въ чрезвычайной робости, говоритъ Шишковъ, поминутно кланялся во всѣ стороны. Смѣшно было видѣть его, откланивающегося съ трусостью на слова: „тигръ, крокодилъ“—конечно, очень понятныя ему“. Разсказавъ эти двѣ встрѣчи, адмираль не устоялъ передъ соблазномъ вывести изъ нихъ правоученіе. „Сіи два толь разныхъ зрѣлища доказываютъ, что какая бы ни была участь добраго и худого человѣка, добрый всегда счастливѣе худого; сей и въ счастіи только наружно, а тотъ и въ несчастіи внутренно благополученъ“. Но онъ могъ бы при этомъ случаѣ припомнить русскую пословицу, которая онъ такъ цѣнилъ: лежачаго не бьютъ, и если не отнестись съ презрѣніемъ къ нѣмцамъ, то добродушно пожалѣть о нихъ; но ненависть къ французамъ, хотя весьма естественная въ это время, заглушала въ немъ его благодушіе. Войска отступали, несли съ ними и Моро. 30 августа принесли его въ г. Лаунъ. „Дорога черезъ горы была ужасная, говоритъ не отлучавшійся отъ него Свиньинъ, и для здороваго человѣка весьма трудная, но генераль сносилъ всѣ трудности и непріятности, не подавъ ни малѣйшаго знака ослабленія. Въ этой необыкновенной крѣпости силъ, въ этомъ непоколебимомъ духѣ мы находили новыя причины къ надеждѣ, особливо послѣ первой перевязки, когда его раны были найдены въ самомъ лучшемъ положеніи. Безпрестанно должно было съ нимъ всходить на крутыя горы и спускаться внизъ. Часто быстрые потоки заграждали дорогу, или глубокія пропасти и kloкочущія бездны по обѣимъ сторонамъ тропинки едва позволяли держаться его носильщикамъ. Государь нѣсколько разъ подъѣзжалъ къ страдальцу, утѣшалъ его, избѣгая всячески разговора, который бы могъ произвестъ въ

немъ волненье. Я не въ состояніи также описать печали, чувствуемой всѣми войсками, посреди которыхъ мы проходили, при видѣ генерала, который за нѣсколько часовъ былъ предметомъ самыхъ лестныхъ надеждъ и ожиданій, жестоко раненаго на носилкахъ. Сколько я видѣлъ слезъ на лицахъ, покрытыхъ рубцами храбрости и славы, сколько видѣлъ я сердецъ твердыхъ и благородныхъ, не могшихъ сносить этого трогательнаго зрѣлища“. Моро желалъ, чтобы его перевезли въ Прагу. Опасеніе докторовъ, что онъ еще слишкомъ слабъ, чтобы перенести путешествіе въ каретѣ, послужило ему поводомъ предложить, чтобы перевезли его водою. Съ этою цѣлью онъ потребовалъ карету. Можетъ быть и шумъ по улицамъ маленькаго городка, поднявшійся по случаю пріѣзда Вандама, поддержалъ въ немъ это желаніе. Узнавъ о причинѣ уличныхъ криковъ, онъ сказалъ: „давно пора лишить его возможности дѣлать зло“. Силы его постепенно слабѣли; онъ собралъ ихъ настолько, за 10 часовъ до смерти, чтобы собственноручно написать нѣсколько строкъ своей супругѣ. „Въ сраженіи при Дрезденѣ, писалъ онъ, три дня тому назадъ ядромъ оторвало у меня обѣ ноги. Негодный (coquin) Бонапартъ все еще счастливъ! Мнѣ сдѣлали операцію, какъ нельзя лучше. Хотя войска отступили, но это только для того, чтобы соединиться съ Блюхеромъ. Извини мое маранье, я люблю тебя и цѣлую отъ всего сердца. Поручаю Рапателю окончить письмо“. Послѣ того какъ онъ написалъ это письмо, ему „сдѣлалось хуже, говорилъ Свиньинъ, и всю ночь 2 сентября онъ мучился икотю; но непримѣтно было, чтобы страдалъ. Онъ безпрестанно звонилъ свои часы и звалъ то меня, то Рапателя, желая диктовать письмо къ Государю. Наконецъ, въ половинѣ 7-го часа по утру, когда я оставался при немъ одинъ, онъ велѣлъ мнѣ взять перо и продиктовалъ слѣдующее: „Государь, я схожу въ гробъ съ тѣми же чувствами почтенія, удивленія и преданности, которыя Ваше Величество возбудило во мнѣ съ первой минуты моего приближенія къ Вашей особѣ“. Тутъ онъ закрылъ глаза. Я думалъ, что онъ размышлялъ о продолженіи письма и держалъ въ готовности перо, чтобы писать далѣе, но его уже не стало“.

Флигель-адъютантъ Орловъ, увѣдомляя Императора о кончинѣ Моро, испрашивалъ дальнѣйшихъ приказаній: „куда должны быть перевезены его останки и какая земля будетъ такъ счастлива, чтобы принять ихъ въ свои нѣдра?“ Попеченіе объ

исполненіи погребальныхъ обязанностей по праву принадлежить полковнику Рапателю. Кто можетъ болѣе цѣнить его, какъ онъ, который зналъ и любилъ его въ продолженіе 30 лѣтъ? Когда въ главной квартирѣ возникъ вопросъ, гдѣ похоронить Моро, Государь сказалъ: „мнѣ слишкомъ дороги останки Моро, чтобы я могъ уступить ихъ кому-либо“. Тѣло Моро было перевезено въ Прагу и потомъ съ полковникомъ Рапателемъ отправлено въ Петербургъ для погребенія въ латинской церкви на Невскомъ проспектѣ, со всѣми почестями, подобающими фельдмаршалу. Похороны совершились 2 октября 1813 года ¹⁾. Свиньина Императоръ отправилъ въ Лондонъ со слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ къ г-жѣ Моро. „Когда ужасное несчастіе, поразившее возлѣ меня генерала Моро, лишило меня дарованій и опытности этого великаго человѣка, я еще надѣялся, что попеченія о немъ сохранять его жизнь для его семейства и моей дружбы. Провидѣніе рѣшило иначе. Онъ умеръ, какъ жилъ, съ неизмѣнною силою души, твердой и непоколебимой. Въ земныхъ бѣдствіяхъ участіе другихъ составляетъ единственное утѣшеніе. Въ Россіи вы повсюду его найдете, и если вы разсудите избрать въ ней свое мѣстопробываніе, то я употреблю всѣ способы, чтобы сдѣлать пріятною жизнь той, которой почитаю священнымъ долгомъ быть утѣшителемъ и опорой. Прошу васъ неизмѣнно этому вѣрить и доводить до моего свѣдѣнія о всякомъ случаѣ, когда я могу быть вамъ полезнымъ, и писать прямо ко мнѣ. Предупреждать ваши желанія будетъ наслажденіемъ для меня. Дружба, которую я питаю къ вашему мужу, переходитъ за его могилу, и я не имѣю другого способа выразить ее хотя отчасти, какъ сдѣлавъ что-нибудь для благоденствія его семейства ²⁾).

Г-жа Моро не рѣшилась переселиться въ Россію и, благодаря Государя за милостивое предложеніе, просила обратить его на брата ея мужа и принять его въ русскую службу ³⁾.

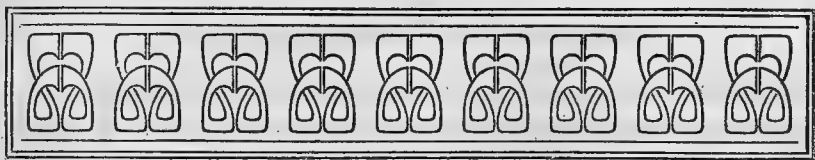
Ал. Поповъ.

¹⁾ Сѣверн. Почта 1813. № 80 отъ 4 окт.

²⁾ Теплицъ, 6 сент. 1813.

³⁾ Лондонъ, 26 дек. 1813.

За 38 лѣтъ.

Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній: посвящаются памяти

Милія Алексѣевича Балакирева.

Часть вторая ¹⁾.

I.

Мы снова увидѣлись съ нимъ въ 1898 году. Сначала я увидѣла его издали, на его концертѣ.

Мы только-что вернулись тогда въ Петербургъ послѣ долгаго отсутствія, и сердце мое забилось, когда объявление о концертѣ Безплатной Музыкальной Школы попало съ мнѣ на глаза.

Я рѣшила, что поѣду на этотъ концертъ одна, — (мнѣ не хотѣлось быть на немъ даже съ самыми близкими друзьями, — слишкомъ много и чувствъ, и мыслей, и воспоминаній будили во мнѣ эти два слова: „концертъ Балакирева“...). И я поѣхала одна, взявъ скромный билетъ въ 3 руб., вмѣсто того, чтобы взять, какъ прежде, когда была барышней и ѣздила съ родными, билетъ въ первыхъ рядахъ.

Я весело—быстро взошла въ Дворянскій залъ, гдѣ давался концертъ; но тутъ... тутъ „минувшее меня объяло живо“... Красныя бархатныя скамейки на бѣлыхъ ножкахъ, съ бѣлыми деревянными рамками, большіе портреты царственныхъ лицъ, ряды стульевъ, яркій свѣтъ хрустальныхъ люстръ, царская ложа,—все это напомнило, показало мнѣ: „чѣмъ я была и чѣмъ стала“... Тихо прошла я налѣво подалѣе, въ гораздо болѣе

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1913 г.

еще скромныя мѣста, чѣмъ взятое мной, и сѣла, стараясь совладать съ собою.

Поборотъ нервное волненіе лучше всего мнѣ всегда удавалось, разговаривая съ посторонними, безразличными для меня людьми, или, если нельзя было съ ними почему-нибудь разговаривать, то наблюдая за такими людьми.

И я стала наблюдать за собиравшимися, входившими и уже прежде вошедшими въ залъ.

Знакомыхъ „лицъ“, не только „знакомыхъ“ не было никого или почти никого. За пятнадцать, истекшихъ съ кончины моего отца лѣтъ все, казалось, перемѣнилось... Но вотъ, наконецъ, глаза мои отыскали знакомую только по виду, но милую мнѣ семью Стасовыхъ... потомъ Бесселя,—моего „придворнаго“ поставщика нотъ. Онъ всегда былъ очень любезенъ, когда моя мать и я заходили къ нему въ магазинъ; увѣрялъ, что я приношу ему счастье, что стоитъ мнѣ войти въ его *пустой* магазинъ, какъ онъ тотчасъ же наполняется покупателями, и потому спускалъ мнѣ ½ съ нотъ; кромѣ того, показывалъ намъ письмо Фр. Листа о Балакиревѣ. (Письмо это онъ вставилъ въ рамку и держалъ не въ первой комнатѣ магазина, куда съ улицы входили покупатели, а во второй. Не знаю, гдѣ оно теперь и цѣло ли?). Впослѣдствіи, въ 1905 году, уже больной и умирающій, онъ встрѣтился со мной за границей и преподнесъ мнѣ „на добрую память“ составленный имъ краткій очеркъ музыки въ Россіи. Очеркъ этотъ именно краткій, носящій на себѣ издательскую печать, т.-е. издательскіе взгляды, поразилъ меня одной оригинальной и, мнѣ думается, очень вѣрной мыслью, высказанной вскользь „подъ чертой“, въ видѣ краткаго примѣчанія. Мысль эта заключается въ томъ, что у насъ (русскихъ) нѣтъ военной, національной музыки, что она находится въ полномъ запущеніи, между тѣмъ какъ войскамъ нужны были бы хорошіе національные марши. Сочиняли же въ Германіи такіе марши величайшіе композиторы (какъ, напримѣръ, Фр. Шубертъ и даже Бетховенъ)¹⁾.

...Затѣмъ, послѣ Бесселя, глаза мои увидали моего бывшаго учителя и бывшаго друга М. А. Балакирева, теперь его врага, Николая Андреевича Римскаго-Корсакова.

¹⁾ Мы же, дѣйствительно, развращаемъ народъ, вливая въ его музыкальное сознаніе черезъ возвращающихся въ деревню солдатъ разные опереточные, тривіальные мотивы, а потомъ еще смѣемъ удивляться, отчего заглохла въ народѣ русская прекрасная пѣснь? Отчего появилась гаденькая частушка?

Онъ прошелъ почти къ первымъ рядамъ и сѣлъ налѣво, вмѣстѣ съ женой своей,—небольшой худенькой блондинкой съ просѣдью и очень выпуклымъ лбомъ.

Волненіе мое успѣло уже улечься, и я съ грустью смотрѣла на всѣхъ этихъ постарѣвшихъ „помертвѣвшихъ“ людей, невольно думая: также и я перемѣнилась, также и я!.. А что онъ, какой онъ?..

На эстрадѣ, залитой, какъ всегда въ дни концертовъ, яркимъ свѣтомъ, льющимся сверху, копошились между тѣмъ уже у своихъ инструментовъ въ футлярахъ издали казавшіеся маленькими мужчины.

Въ залѣ царило оживленіе, какъ будто къ чему-то готовились...

И дѣйствительно, концертъ оказался „юбилейнымъ“, понимая это слово въ первоначальномъ его значеніи, т.-е. „радостнымъ“, т. е. почитатели и друзья Милія Алексѣевича радовались его появленію на эстрадѣ и, придравшись къ какому-то 40-лѣтію, чествовали Балакирева адресами и подношеніями.

Тутъ былъ, кажется, весь „русскій“ музыкальный міръ во главѣ съ маленькой старушкой,—„Наиной“, какъ мы ее называли,—сестрой гениальнаго Глинки, Людмилой Ивановной Шестаковой.

...Я не помню, когда началось чествованіе,—въ началѣ, до концерта, въ серединѣ его или въ другую минуту. Я помню только, какъ читали на эстрадѣ адреса, какъ Балакиревъ цѣловалъ руку маленькой Наины, другимъ пожималъ руки, какъ ему поднесли, между прочими подарками, слѣпокъ съ руки Листа... И какъ, кромѣ знакомыхъ мнѣ лицъ Стасова, Кюи и др. у дирижерскаго возвышенія ясно выдѣлялась незнакомая мнѣ фигура, человѣка лѣтъ 35—40, съ темными волосами и темной, аккуратно подстриженной бородой, съ густыми бровями, чѣмъ-то неопредѣлимымъ словами похожаго на Милія Алексѣевича.

Во время концерта я узнала, что это былъ Сергій Михайловичъ Ляпуновъ, композиторъ, другъ Балакирева и его землякъ, т.-е., какъ и Балакиревъ, нижегородецъ.

Когда Милій Алексѣевичъ появился на эстрадѣ, внутренно я охнула.

Время не мягко обошлось съ нимъ за эти 11 лѣтъ, какъ говорятъ англичане! (Time had not dealt softly wiht him...)

Когда мы разстались, у него были уже не длинные и густые, но все же хорошіе, едва начинавшіе рѣдѣть темные, какъ и борода и усы, безъ единого сѣдого волоса, — волоса. Теперь

большая голова его была лыса и, какъ у всѣхъ лысыхъ, съ бликами. Борода и усы были тоже сѣдые.

Одиннадцать лѣтъ назадъ прекрасные крѣпкіе зубы его еле начинали портиться и выпадать, теперь, когда онъ улыбался, благодаря за подношенія, у него былъ старческій беззубый ротъ...

И глаза... даже его глаза мнѣ показались уже не тѣми...

Концертъ начался оркестровой пьесой Ляпунова: „Торжественная увертюра на русскія темы“, и при первыхъ тактахъ ея,—волненіе мое прорвалось наружу,—слезы потекли, несмотря на все желаніе сдержать ихъ.

Я рада была, что возлѣ, т.-е. вокругъ меня была маленькая пустыня, что я сидѣла одна, что никого не могли возмутить и изумить мои замѣтныя чувства.

...Музыка была все та же, ново-русская, Балакиревская, — та которую нужно слушать не разъ, а нѣсколько разъ, чтобы ее усвоить, понять, та, которую между моими близкими немногіе любили (и любятъ), которую, какъ и Чайковскій, многіе опредѣляютъ: „все одно и то же“, — (такъ японцы находятъ, что у всѣхъ европейцевъ одно лицо, а мы находимъ, что у всѣхъ японцевъ и китайцевъ одно!). Но это была та музыка, которую училъ меня любить Балакиревъ... и затѣмъ, кромѣ того, въ ней прорывался такой лиризмъ, такой... (да проститъ мнѣ ея авторъ,—иными словами я не умѣю ее опредѣлить), — такой романтизмъ, — такая самобытная мелодичность, что останавливаемая силой воли слезы нѣтъ-нѣтъ да и начинали снова щипать мнѣ горло, наполняли глаза и медленно скатывались по лицу.

То же, только еще въ большей степени я испытала во время „Баллады для оркестра“, и это открыло для меня новые широкіе горизонты въ ново-русской музыкѣ. Я почувствовала, что и она *когда-нибудь* не будетъ только восхищать специально-образованныхъ для нея людей, но станетъ понятной и дорогой каждому, не лишенному музыкальнаго чутья человѣку, что въ ней, кромѣ чисто народныхъ мотивовъ, могутъ быть и свои, не народные, но тѣмъ не менѣе свои русскія, музыкальныя, понятныя всѣмъ слова и мысли...

...Представительницей вокальнаго искусства въ концертѣ была пѣвица Спб. Императорской оперы Нина Александровна Фриде. Она должна была пѣть романсы Балакирева изъ его новаго сборника.

Во время исполненія Листа: „хоры въ драмѣ Гердера: „Прометей“,—волненіе мое совсѣмъ утихло, и я перешла на взятое мною мѣсто... откуда и слушала съ восторгомъ „Балладу“ Ляпунова, а когда должна была выйти пѣть Фриде, я перешла, т.-е. сѣла еще ближе, къ первымъ рядамъ, т. к. залъ, какъ всегда, былъ далеко не заполненъ публикой, и мнѣ было интересно слышать въ первый разъ исполненіе романсовъ моего учителя.

Фриде я знала давно; мы встрѣтились съ ней, когда обѣ были дѣтьми.

Это было въ 1867 г. въ большомъ залѣ Адмиралтейства, превращенномъ въ гимнастическій залъ доктора Бенезе.

Мы со многими другими дѣтьми дѣлали тамъ гимнастику.

Затѣмъ вторично мы встрѣтились въ сезонъ 1870—1871 г., въ гимназіи Марьи Петровны Черепановой-Спѣшневой.

Н. А. Фриде тогда уже,—несмотря на свой дѣтскій возрастъ, славилась голосомъ,—пѣла, возбуждая восторгъ и учиницъ и учительницъ, арію изъ Жизни за Царя: „какъ мать убили“ и, конечно, мечтала,—то, что другіе ей и пророчили,—стать со временемъ большой пѣвицей.

Характерами мы съ ней не сходились. Бойкая и шалунья, она пугала меня, маленькую недотрогу, воспитанную на англійскій ладъ, своими проделками, и не разъ я возмущалась ею и плакала отъ ея проказъ.

Особенно помню, какъ разъ она рассыпала по двумъ заламъ изъ пенала мой карандаши, резинки, гусинья и стальные перья... А за мной уже пріѣхалъ экипажъ... Меня ждали... торопили... И я съ кривившимся отъ удерживаемыхъ рыданій ртомъ ходила и подбирала мои красивыя, береженныя, многія теперь поломанныя вещицы... и торопилась, торопилась!..

О короткомъ знакомствѣ и дружескихъ отношеніяхъ Фриде съ Миліемъ Алексѣвичемъ я тогда не слыхала или мало слыхала, и мнѣ тѣмъ болѣе было интересно увидѣть бывшую шалунью Нину съ моимъ дорогимъ и великимъ „строгимъ“ по духу учителемъ.

И вотъ она вышла на эстраду, тоненькая и стройная, какъ 25-лѣтняя дѣвушка, въ атласномъ, прелестномъ гладкомъ бѣломъ платьѣ декольтэ,—и стала пѣть.

Я слышала ее, какъ всѣ тогдашніе петербуржцы, много разъ въ оперѣ, и въ этотъ вечеръ не столько интересовалась ея голосомъ, сколько тѣмъ, какъ она передаетъ романсы Балакирева, и самими романсами.

Но когда я увидѣла ея точеную, смуглую, дѣвичью шею и такія же точенныя, худенькія руки, ея строго обдуманное платье, когда увидѣла бережное отношеніе къ ней моего учителя, то отношеніе, которымъ онъ дарилъ немногихъ,—во мнѣ вспыхнулъ новый интересъ и... любопытство.

Какъ могли дружески сблизиться такія два разнородныя существа?..

... Н. А. Фриде пѣла, и, послѣ каждаго романа, глаза ея кого-то отыскивали нѣво, въ первомъ ряду (въ сторону царской ложи).

— „Мать?..—спрашивала я себя, но какъ ни отыскивала взглядомъ ея мать, М-ше Фриде, которую я помнила съ дѣтства, найти ее я не могла.

Романы слѣдовали одинъ за другимъ, вызывая шумные аплодисменты и биссированье.

Передавала ихъ Фриде просто и хорошо, и ея видѣла, какъ тѣмъ же взглядомъ, какъ когда-то мнѣ, Балакиревъ отвѣчалъ ей на молчаливый вопросъ ея поднятыхъ къ нему красивыхъ южныхъ глазъ: „я доволенъ вами“.

Мнѣ лично—больше всего понравился, больше всего тронулъ меня романъ „Пустыня“.

Слова какъ-то особенно сливались съ музыкой, и производимое впечатлѣніе заставляло бѣгать мурашки по спинѣ.

Мнѣ думалось:

— „Это онъ про себя написалъ! Да такъ онъ шель и еще идетъ по раскаленной жизненной пустынѣ!.. И ждетъ, какъ вѣрующій человѣкъ, ждетъ того „сада“, гдѣ навсегда забудется тоска пути, лежащаго за нимъ“...

И снова глаза мои наполнялись слезами; въ воспоминаніи проносились образы моихъ дорогихъ отшедшихъ, особенно моей незабвенной матери...

.....

... Справа отъ меня, рядомъ со мною сидѣла молодая бѣлокурая барышня, не то курсистка, не то консерваторка.

Она, повидимому, была замѣшана въ что-то мнѣ непонятное, въ какое-то важное и интересное дѣло.

„Подношеніе?..“

Я глядѣла по сторонамъ, ожидая увидѣть еще какой-нибудь вѣнокъ или, по крайней мѣрѣ, букетъ, или корзину для Н. А. Фриде, но... никто не шель, ничего не несли... Между тѣмъ барышня все больше и больше проявляла веселаго возбужденія,

хихикала, старалась поймать взглядъ пѣвицы, приподнималась, улыбалась, иногда тряслась отъ тихаго смѣха.

Очевидно, что-то говорилось, но что?...

Разгадка, однако, последовала скоро. Когда на bis Фриде запѣла еще романсъ, моя сосѣдка не вытерпѣла, фыркнула и, обращаясь ко мнѣ, даваясь отъ хохота, проговорила полу-шепотомъ: „это... онъ ей... посвятилъ!.. Ей!..“

Романсъ былъ любовный, т.-е. на любовныя слова. Меня внутренно такъ всю и повело.

Я молча поглядѣла на барышню, отвернула голову и стала слушать пѣніе.

Романсъ мнѣ понравился меньше другихъ.

У Балакирева и въ характерѣ, и въ творчествѣ, по-моему, всегда было болѣе философски-эпическое воззрѣніе на жизнь, чѣмъ индивидуально-лирическое. Пряталъ ли онъ, задушалъ ли въ себѣ проявленіе чувствъ,—не знаю, но кромѣ романсовъ, писанныхъ въ молодости,—ничто въ его музыкѣ не звучало ни страстью земной любви, ни отчаянія, ни даже элегіей, которая всегда сентиментальна. Все было и есть возвышенно и возвышающе прекрасно.

И въ этомъ романсѣ, несмотря на слова: „онъ идетъ и поетъ!.. здравствуй, милый ты мой“... страсти, земной страсти, трепета и счастья и задыханья при ожиданіи свиданія съ любимымъ человѣкомъ, словомъ, лиризма, не было и помина...

Когда Фриде кончила пѣть и, гася веселую улыбку, взглянула снова на кого-то въ первыхъ рядахъ, я обратилась съ вопросомъ къ моей барышнѣ.

— Вы говорите, Балакиревъ посвятилъ этотъ романсъ Фриде?

— Ну, да ей!.. Ей! (всхлипъ отъ смѣха). Я подумала: вотъ лиризмъ-то гдѣ поискать. Послѣ молчанія спрашиваю:

— А вы почему это знаете?

— Какъ же мнѣ не знать!.. я подруга Нины Александровны...

У меня промелькнула мысль: несчастная Нина Александровна! Имѣть такую подругу!..

— А Балакирева вы часто видите у Фриде?

— Постоянно! Онъ постоянно у нихъ бываетъ (и снова всхлипыванье и извиванье отъ хохота).

Я помолчала, послушала и перешла на другое мѣсто.

Во время симфоніи С. dur Балакирева я припомнила, снова пережила,—такъ сказать,— всю мою юность и молодость.

Вся моя духовная влюбленность, все мое преклоненіе передъ его великой душой, передъ гениальнымъ талантомъ и умомъ прошли передъ мною.

Я вспомнила, какъ я краснѣла при одномъ его имени,— вспомнила, какъ силой воли училась не краснѣть, потому что замѣтила, какъ также краснѣли консерваторки, когда при нихъ упоминались имена ихъ профессоровъ: Лешетницкаго, Ауера, Давыдова, Броссена. Я чувствовала, какъ это пошло... И я не хотѣла въ этомъ смыслѣ походить на нихъ, на консерваторокъ!.. Нѣтъ! Нѣтъ! Да и мой дорогой учитель (съ большой буквой), мой Maestro былъ не чета, ни въ какомъ смыслѣ, ни въ музыкальномъ, ни въ духовномъ (особенно дорогъ онъ былъ для меня въ духовномъ), не чета былъ кому бы то ни было изъ консерваторскихъ преподавателей!..

Вспомнила, какъ дразнили меня дома, братъ и иногда даже отецъ за мои чувства. Какъ наша „Наденька“ (Надежда Дмитріевна Яковлева), защищала меня.

Вспомнила даже одинъ разговоръ по этому поводу. Балакиревъ только-что ушелъ послѣ урока, и отецъ, посмѣиваясь надомной, дразнилъ меня. Въ душѣ я знала, что онъ искренно боится увлеченія съ моей стороны. А я, я, какъ ни старалась, не могла объяснить, передать то, что я чувствовала.

Я любила Милія Алексѣевича больше всѣхъ нашихъ знакомыхъ, гораздо больше, чувствовала, что будь это, т.-е. живи мы во времена первыхъ христіанъ, я пошла бы за нимъ на костеръ... Но, если бы меня спросили: „вышла ли бы ты замужъ за того-то или того-то?“ (изъ нашихъ друзей, знакомыхъ) я сказала бы: пожалуй, можетъ быть, да... Но за...! Эта мысль, этотъ вопросъ мнѣ казался не то смѣшнымъ, не то святотатственнымъ!

Онъ былъ выше другихъ, онъ былъ великій учитель... и таковымъ и долженъ былъ оставаться... для меня, для всѣхъ...

Есть много дѣтей, и я принадлежала къ ихъ числу,—которыя интимную, неизвѣстную имъ семейную жизнь, семейныя отношенія своихъ нянь, боннъ и гувернантокъ окружаютъ (органически не могутъ не окружать) какой-то особою, сердечною поэзіей. Нянинъ, боннинъ или гувернанткинъ отецъ, братъ, мать, сестра, племянникъ или племянница представляютъ изъ себя не простыхъ, т.-е. обыкновенныхъ людей, но людей особенныхъ, высокоинтересныхъ и вдобавокъ красавцевъ, и въ физическомъ, и въ нравственномъ смыслѣ.

Велика бываетъ разочарованность и какая-то внутренняя, тщательно ребенкомъ скрываемая сконфуженность, при встрѣчѣ съ живыми Оенями, Ванюшками, Готлибами, „Женэчками“ и пр., сконфуженность, иногда закидываемая самолюбивыми словами: я никогда и не думалъ (или не думала), что онъ или она иной, чѣмъ онъ въ дѣйствительности, но поэтизировать несомнѣнно врождено человѣку, а, можетъ быть, и всему органическому міру.

(Не на ней ли основано подчиненіе даже сильнѣйшихъ животныхъ человѣку, безусловное признаніе его господиномъ?).

Съ годами у дѣтей поэтизація съ нянь и гувернантокъ переносится, нѣсколько видоизмѣненная, на учителей, учительницъ, классныхъ дамъ и пр.

Есть подростки, — къ числу которыхъ я опять-таки принадлежала, — которые стѣсняются даже думать, что учитель или учительница ѣдятъ, пьютъ, спятъ и т. д., какъ всѣ другіе люди.

Войти въ кондитерскую или булочную, гдѣ, напр., проголодавшійся бѣднякъ-преподаватель ѣстъ пирожки, для такого ребенка — мученіе. Увидѣть, что учительница жадно, потому некрасиво, глотаетъ стаканъ молока или чая — стыдно для такого ребенка. Учитель или учительница въ его представленіи окружены ореоломъ *недостижимой* высоты. Ничто земное ихъ не касается, не должно касаться.

(Разумѣется, это не оформленная глупая мысль или представленіе, — но инстинктивное отдѣленіе духа отъ плоти, игнорированіе плоти, ради преклоненія передъ духомъ).

На этомъ основано и институтское и вообще ученическое обожаніе, часто, увы, ошибочно неотдѣлимое отъ полового влеченія, ведущаго ко всевозможнымъ „несчастіямъ“, одно изъ которыхъ такъ вѣрно описано, напр., въ первомъ (или одномъ изъ первыхъ романовъ) г-жи Щепкиной-Куперникъ.

... У меня чувство поэтизаціи было развито въ высшей степени, и я перестала „преклоняться“ въ гимназій передъ молоденькой хорошенькой учительницей, которую, по ея гладкому костюму, я считала пуританкой и святой (а она была нигилистка!), — только потому, что она отыскала меня за дверью, куда я отъ нея же пряталась, и поцѣловала меня, когда я одѣвалась во все теплое, чтобы ѣхать домой.

Впослѣдствіи, молоденькой дѣвушкой, я также утратила довѣріе, „уваженіе“ къ литературнымъ трудамъ писателя Кандарки, написавшаго многотомное сочиненіе о крылѣ, въслѣдствіе

того, что когда мы пріѣхали къ нему покупать это сочиненіе, — онъ страшно обрадовался, засуетился, не могъ найти ключа, чтобы открыть шкафъ, гдѣ лежали книги, и сталъ выкрикивать разныя женскія имена, зовя своихъ маленькихъ дочерей.

Ихъ пріѣзжало множество, семь или больше, маленькихъ женщинъ, и такъ мнѣ тогда показалась неподходящей эта семейная картина и... ученый трудъ!..

Ни мой братъ, ни даже моя чуткая мать не понимали этого чувства и удивлялись, что съ этой минуты я не захотѣла читать сочиненій г. Кандараки... Но, по гораздо позднѣе въ жизни я встрѣтилась съ людьми, моими сверстниками, которые чувствовали, какъ я, и, припоминая свою юность, улыбаясь, рассказывали, какъ они тоже „разочаровались“ въ Евгѣніи Марковѣ, писателѣ 80-тыхъ годовъ, котораго они высоко ставили, узнавъ, что онъ, онъ чуть-ли для нихъ не пророкъ... онъ женатъ!!

Тѣмъ болѣе не шли рассказы и намеки моей сосѣдки для Милія Алексѣевича Балакирева.

... Во время его симфоніи *C. dur* я многое передумала, многое пережила, многое переживала, многое провѣрила въ себѣ, и на многое то, что нельзя облечь въ слова, отвѣтила себѣ: Да!.. И снова... Да!..

Я уже отошла отъ него. Онъ былъ уже для меня дорогой, бесконечно дорогой старикъ, и на внутренній промелькнувшій вопросъ: пошла ли бы я теперь за нимъ на эшафотъ (на костеръ)? я только снисходительно къ самой себѣ улыбнулась.

Мнѣ было и немного грустно сознаніе, что что-то утрачено мною навсегда, и вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовала, что я выросла, созрѣла духомъ, и какое-то спокойствіе равенства, какое-то „утвержденіе“ вливалось въ меня.

Кромѣ „подруги“ Н. А. Фриде на этомъ концертѣ мнѣ сдѣлалъ „больно“ Николай Андреевичъ Римскій-Корсаковъ.

Онъ и пожималъ плечами во время чествованія и исполненія произведеній Балакирева, и трясъ головой, и вообще относился къ своему бывшему другу совсѣмъ не такъ, какъ въ правѣ ожидать люди отъ даровитаго человѣка...

Княгиня М. В. Волконская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мелкіе штрихи изъ жизни крупныхъ людей.

I.

А. Р. Дрентельнъ.

Скоро минетъ четверть вѣка, какъ Россія лишилась одного изъ выдающихся своихъ государственныхъ дѣятелей въ лицѣ почившаго генералъ-губернатора Юго-Западнаго края и командующаго войсками Кіевскаго военного округа, генералъ-адъютанта, генерала-отъ-инфантеріи Александра Романовича Дрентельна.

Смерть его послѣдовала при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ.

Ежегодно, 15 іюля, кіевляне торжественно празднуютъ свой мѣстный праздникъ—день св. Владиміра. Послѣ богослуженій во всѣхъ храмахъ, 4 крестныхъ хода собираются къ источнику св. Владиміра, гдѣ совершается водосвятіе высшимъ духовенствомъ, въ присутствіи начальствующихъ лицъ, именитыхъ гражданъ и массы публики. Всѣ войска гарнизона выстраиваются шпалерами, по пути слѣдованія духовной процессіи.

Въ 1888 году этотъ день праздновался съ особымъ блескомъ, такъ какъ онъ совпадалъ съ торжественнымъ празднованіемъ 900-лѣтія крещенія Руси. По этому случаю прибыло много депутацій и былъ особенно большой сѣздъ не только изъ различныхъ мѣстъ Россіи, но и изъ-за границы.

Городъ почистился, украсился флагами, коврами, бюстами и цвѣтами.

Съ ранняго утра, вблизи памятника св. Владиміра, всѣ улицы, откосы горъ, балконы, окна и даже крыши домовъ были запружены народомъ,—буквально яблоку негдѣ было упасть!

Удивительная по красотѣ картина ласкала взоръ!

День выдался на рѣдкость хорошій, — солнечный, ясный; только жара, особенно въ полдень, давала себя сильно чувствовать.

Въ назначенный часъ, командующій войсками генераль-адъютантъ Дрентельнъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, началъ верхомъ объѣздъ войскъ.

Въ виду тѣсноты на улицахъ, Оренбургскіе казаки были расположены на верхней площади, вблизи памятника св. Владимира, куда снизу не было проѣзда и всадникамъ пришлось подыматься по крутому пѣшеходному тротуару.

Когда генераль Дрентельнъ поднялся на верхъ и, поздоровавшись съ казаками, находился въ углу площадки, на самомъ высокомъ мѣстѣ, на виду у публики, занимавшей ложи, на другой сторонѣ улицы и усажившей всѣ скаты противоположныхъ горъ, онъ вдругъ пошатнулся въ сѣдлѣ и упалъ съ сѣдла — привести его въ чувство не удалось...

Такъ пресѣклась жизнь одного изъ лучшихъ сыновъ Россіи!

Смерть послѣдовала внезапно, въ самый торжественный моментъ праздника, среди несмѣтныхъ массъ народа, около горячо любимыхъ имъ войскъ, въ ясный, безоблачный день, почти на самой высшей точкѣ территоріи города, — казалось, само Провидѣніе постаралось возможно рѣзче отмѣтить тяжелую утрату, понесенную въ этотъ день русскимъ обществомъ и арміей!

Царь - Миротворецъ Александръ III, особенно цѣнившій дѣятелей твердыхъ духомъ и глубоко преданныхъ родинѣ, узнавши о кончинѣ А. Р. Дрентельна, осчастливилъ вдову покойнаго слѣдующей телеграммой:

„Съ величайшимъ прискорбіемъ узналъ Я о внезапной смерти Александра Романовича, котораго горячо любилъ и уважалъ. Потеря для васъ и для Насъ незамѣнимая, лишившая Меня одного изъ самыхъ честнѣйшихъ и благороднѣйшихъ слугъ Отечества. Да поможетъ вамъ Господь перенести эту страшную потерю съ христіанскимъ смиреніемъ и утѣшеніемъ“.

За четыре мѣсяца передъ этимъ, въ день 50-лѣтней службы генерала Дрентельна, Государь пожаловалъ послѣднюю и наивысшую награду этому „честнѣйшему и благороднѣйшему слугѣ отечества“ — орденъ св. Апостола Андрея Первозваннаго. Въ Высочайшемъ рескриптѣ были подчеркнуты важныя государ-

ственные заслуги покойнаго, его усердіе къ службѣ, знаніе дѣла, отличныя качества ума и характера, отеческая заботливость о подчиненныхъ, твердость, энергія и самоотверженная преданность престолу.

Дѣйствительно, личность Александра Романовича представляла рѣдкій образецъ счастливаго сочетанія большого ума, выдающагося характера и высокихъ нравственныхъ качествъ.

Все близко знавшіе покойнаго не могли не относиться съ глубокимъ уваженіемъ къ прямому, правдивому, честному, рыцарски благородному, высоконравственному, сильному умомъ и волею человѣку, подъ суровою внѣшностью котораго скрывалось доброе, отзывчивое сердце.

Нравственный обликъ такихъ людей невольно производитъ сильное, облагораживающее вліяніе на окружающихъ, а ихъ жизнь и дѣятельность служатъ образцомъ для подражанія.

Человѣку вообще, а тѣмъ болѣе крупному государственному дѣятелю, много пережившему и испытавшему, достигшему высшаго положенія и почестей, доступныхъ простому смертному, не всегда удается сохранить въ полной чистотѣ свое сердце и душу, а также ровность характера, доступность и простоту въ обращеніи.

Въ этомъ отношеніи Александръ Романовичъ принадлежалъ къ числу исключительныхъ личностей, и добрая память о немъ долго будетъ жить среди многочисленныхъ его подчиненныхъ и знакомыхъ.

Въ настоящей замѣткѣ намъ хотѣлось рассказать объ одномъ фактѣ изъ жизни А. Р., который особенно рельефно очерчиваетъ нравственный его обликъ.

Канунъ своего 50-лѣтняго юбилея А. Р. провелъ въ кругу своей семьи и нѣсколькихъ близкихъ друзей.

Сѣли повинтить. Примерно въ 11½ часовъ вечера подали телеграмму, вложенную въ особый конвертъ, но на это обстоятельство никто не обратилъ вниманія и ее отложили въ сторону, быть можетъ произошло это потому, что иногда именно въ это время приносили агентскія телеграммы.

Около 12 часовъ игру въ карты прекратили, и ровно въ полночь стали поздравлять юбиляра съ наступленіемъ столь знаменательнаго для него дня.

Не мало вѣроятно, мыслей промелькнуло въ послѣднія минуты въ головѣ маститаго сановника, оглядывавшаго мысленно свой долгій жизненный путь, думалось, безъ сомнѣнія, и о

томъ, какъ съ высоты престола будетъ оцѣнена полувѣковая честная служба... Настроеніе было серьезное, приподнятое.

Въ это время, сынъ А. Р., невзначай, распечаталъ телеграмму и взволнованнымъ голосомъ сталъ читать. Съ первыхъ же словъ, всѣ сразу притихли, слезы и радостное изумленіе были на лицахъ...

Трогательную картину представляла небольшая группа, жадно прислушивавшаяся къ словамъ Высочайшаго рескрипта! Личная оцѣнка любимымъ Монархомъ государственныхъ заслугъ юбиляра, изложенная съ прямотой и рѣдкой сердечностью, произвела необыкновенно сильное впечатлѣніе и растрогала всѣхъ присутствовавшихъ.

Наступившее молчаніе вскорѣ прервалъ А. Р., который осыпалъ себя крестнымъ знаменіемъ и со слезами на глазахъ сказалъ: вѣдь есть же счастливые люди на землѣ!

Потомъ, очертивъ въ нѣсколькихъ словахъ, выпавшее на его долю счастье какъ въ семьѣ, такъ и на службѣ, А. Р. медленно началъ снова читать Высочайшій рескриптъ, смакуя каждую фразу. Затѣмъ, окинувъ счастливымъ взоромъ всѣхъ окружающихъ, онъ тихо произнесъ: былъ я маленькимъ человѣчкомъ, воспитывался, какъ говорится, на мѣдные гроши... протекціи не имѣлъ никакой... и вотъ теперь я генералъ-адъютантъ... полный генералъ... генералъ-губернаторъ... командующій войсками... членъ Государственнаго Совѣта... и андреевскій кавалеръ... И жена у меня хорошая... и дѣти... при этомъ онъ любовно посмотрѣлъ на своихъ близкихъ и пожалъ имъ руки. А затѣмъ прибавилъ: да и друзей имѣю не мало, а еще говорить, что нѣтъ счастливыхъ людей на свѣтѣ!

Перекрестившись еще разъ, Александръ Романовичъ поднялся, и гости начали прощаться.

Надо было присутствовать при этой умилительной сценѣ, видѣть своими глазами смоченное благодарными слезами суровое лицо этого рѣдкаго человѣка, слышать его растроганный голосъ, чтобы понять все величіе души и сердца А. Р. Дрентельна, удивительную простоту и чистоту его жизни, сердечную его доброту и непреклонную твердость въ исполненіи всего того, что требовало отъ него высоко развитое чувство долга.

Сознаніе долга и крайне добросовѣстное выполненіе во имя его всего, что слѣдовало, при всѣхъ обстоятельствахъ жизни и службы,—вотъ путеводная звѣзда, которая ярко свѣтила на жизненномъ пути А. Р., онъ твердо шелъ за нею, не укло-

няясь въ стороны, не ища ничего, не кривя душою, и эта звѣзда привела своего избранника на такую высоту, достигнуть которой рѣдко удается человѣку, вѣдь мало кто можетъ сказать о себѣ: есть же счастливые люди на землѣ!

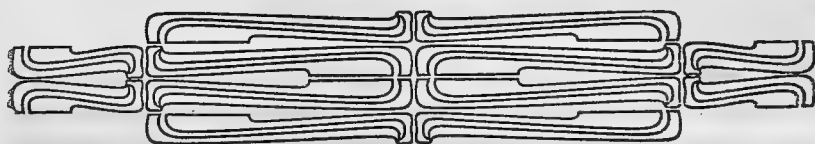
Какъ высокопоучительна жизнь и судьба этого рѣдкаго человѣка для нашего колеблющагося, невѣрующаго и жаждущаго наслажденій общества, мало дающаго на пользу государства и, наоборотъ, слишкомъ много требующаго, лично для себя, всякихъ жизненныхъ благъ!

Сообщилъ Д. Баланинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи ¹⁾.

VII.

Арестованные.—Встрѣча съ старикомъ-латышемъ.—Крестьянскія усадьбы.— Народные учителя.—Школьникъ-атеистъ.— Положеніе батраковъ.— Языкъ латышей.— Ихъ поэзія.

Намъ часто приходилось посѣщать по разнымъ поводамъ (главнымъ образомъ для арестовъ) латышскія усадьбы, а въ имѣніяхъ помѣщенія батраковъ. Это давало возможность поближе ко всему присмотрѣться и вывести свои заключенія объ интересовавшихъ насъ латышахъ. Полицейскіе чиновники не скупились дѣлать аресты по указаніямъ урядниковъ и по доносамъ. Арестованныхъ приводили на мызу, запирали въ чуланы и почти не кормили. И только послѣ энергичнаго нашего протеста и угрозы освободить ихъ, имъ отвели лучшее помѣщеніе и стали давать сносную пищу.

Послѣ допроса арестованныхъ партіями отправляли въ Митаву, пока оттуда не пришло приказаніе присылать—только главныхъ, такъ какъ въ тюрьмахъ было уже тѣсно. Дѣйствительно, при первоначальной системѣ пришлось бы арестовать всѣхъ. Одинъ разъ, напр., былъ отосланъ въ Митаву батракъ только за то, что нагрубилъ вагару (эконому). Главарей же не удавалось захватить. Въ теченіе двухъ недѣль съ револьверами поймали только двухъ агитаторовъ, ходившихъ по усадьбамъ и „сгонявшихъ“ батраковъ съ работъ. Эти „важные“ революціонеры были совершенные юноши лѣтъ по 16. Когда везли ихъ подъ охраной драгунъ, изъ одной усадьбы навстрѣчу вышелъ глубокой старикъ съ длинными, растрепанными сѣдыми волосами

¹⁾ См. „Русская Старина“ августъ 1913 г.

и все время кричалъ „спасибо! спасибо!“ Онъ казался ненормальнымъ. Рѣдко кто изъ латышей говоритъ по-русски, особенно не въ городахъ. Слыша русское слово, мы спросили его, за что онъ благодарить. Но старикъ все только твердилъ одно „спасибо“! Полицейскій чиновникъ задалъ тотъ же вопросъ по-латышски. Старикъ съ видимой охотой вступилъ въ бесѣду. Оказалось, по-русски онъ зналъ именно только это „спасибо“. Благодарилъ же онъ, усадьбовладѣлецъ, солдатъ за арестъ социалистовъ, которые не задолго предъ тѣмъ являлись и къ нему „сгонять батраковъ съ работы“. Это былъ единственный замѣченный нами случай протеста латышей народному движенію.

Всѣ арестованные обыкновенно безпрекословно покорялись своей участи и, не видя нагайки и пр., держали себя спокойно. На всѣ вопросы отзывались полнымъ невѣдѣніемъ; кто-то имъ приказывалъ не работать, они не работали, приказывали идти въ тѣсъ, они шли.

Въ Курляндіи всего лишь десять и то небольшихъ деревень, по типу подходящихъ къ русскимъ. Все населеніе живетъ въ усадьбахъ (хуторъ). Онѣ представляютъ отдѣльныя формы въ 25—50—80 и даже сто десятинъ, обыкновенно лежащихъ вокругъ двора. Но конечно есть усадьбы и маленькія, напр., „солдатскія“, „бобыльскія“. Такой порядокъ расселенія ведется у латышей изтари—они не склонны къ общежителству. Эта разбросанность до крайности неудобна для полиціи въ смыслѣ наблюденія, что особенно давало себя чувствовать въ послѣднее время. Благодаря условнымъ знакамъ, вѣсть, напр., о приближеніи полиціи и войска быстро распространялась по окрестностямъ. Отсюда и неудачи въ изловленіи разныхъ Веллу-Ансысовъ.

Въ большинствѣ усадьбъ порядочный домъ съ чистенькой обстановкой. Не рѣдко можно встрѣтить рояль, порядочное число книгъ, преимущественно сельскохозяйственныхъ. Дѣти усадьбовладѣльцевъ учатся въ разныхъ училищахъ, въ гимназіяхъ, переполняя собою, главнымъ образомъ, низшіе классы, рѣдко оканчивая курсъ и еще рѣже переходя въ высшія учебныя заведенія. Латыши народъ способный, но это недоучиваніе, беспорядочное нахватываніе знаній не мало способствуетъ рожденію сумбура въ головахъ молодого поколѣнія со всѣми его послѣдствіями. Вотъ маленькая иллюстрація, приведенная въ одной мѣстной газетѣ.

Послѣ недѣльнаго отсутствія, изъ школы пріѣхалъ домой мальчикъ.—„Здравствуй, Анна!“ сказалъ онъ, обращаясь къ

матери, мывшей бѣлье. — „Анна?!“ — поразила мать. — „Побойся Бога, что-ты!“ — „Ха, ха!.. Бога!.. Какого Бога? — Бога пѣть!“ — Въ этотъ моментъ изъ комнаты вышелъ отецъ, слышавшій все. — „А, здравствуй, Янысь!“ — привѣтствовалъ и его сынъ. „Дай 20 коп., заплатить извозчику!“ — „Подика сюда!“ — сказалъ отецъ. И скоро въ сосѣдней комнатѣ послышалась предварительная возня, а послѣ наносимые ремнемъ удары и крики молодого атеиста: „Ой-ой, папаша!“ — „Да, у тебя, такой-сякой, есть отецъ!“ — Удары продолжали сыпаться. — „Ой-ой! мама, заступись!“ — „И мать у тебя есть!“ — Удары участились... О, Господи, что вы дѣлаете со мной!“ — „А, и Богъ есть...“

Народные учителя, питомцы учительскихъ семинарій, принимали дѣятельное участіе въ революціи. Это бы еще ничего, но они, будучи сами недоучками, развращали порученныхъ имъ малышей, порождая въ ихъ головахъ поистинѣ неописанный сумбуръ. Около Гольдингена мы видѣли такую картинку: Толпа дѣтей начальнаго училища, слѣд., 10—13-ти-лѣтняго возраста, расхаживала вокругъ училища, построившись по 4 человека въ рядъ. Впереди несли красные флаги — всѣ малыши неистово горланили пѣсни. Въ дверяхъ стоялъ учитель и съ радостной улыбкой на устахъ любовался плодами заложенныхъ имъ воспитательныхъ началъ. Минутъ 20 мы взирали на это. Мальчики все пѣли разныя пѣсни. Спутникъ нашъ переводилъ намъ ихъ содержаніе. Боже, чего въ нихъ только не было! — Призывъ къ возстанію, убійствамъ, кощунство надъ пасторами, самой религіею и пр. и пр. Сумбуръ, сумбуръ!..

Латыши поголовно почти грамотны. Намъ пришлось присутствовать при допросѣ 399 крестьянъ. Изъ всего этого числа не могли подписать протокола 6 человекъ — 2 слѣпыхъ, 2 глухихъ старика и 2 среднихъ лѣтъ.

Непремѣнная почти принадлежность каждой усадьбы — газета, преимущественно „Peterburgas Awises“. Полиція, недовольная направленіемъ послѣдней, усердно уничтожала ея №№, несмотря на легальность. Не менѣе полиціи не любили всегда эту газету и нѣмцы, прозвали — „Петербургской бомбой-метеоромъ“ и добились прекращенія. Такая же участь постигла ее и въ послѣднее время. Дѣло редактора доходило до Сената, но окончилось, кажется, оправданіемъ.

У латышей есть своя быстро развивающаяся литература. Съ 1860-хъ годовъ въ ней произошелъ сильный подъемъ при стараніи младо-латышей и освобожденіе отъ подраженія нѣмецкой.

но стало замѣчаться сильное вліяніе русской. Въ 80-хъ годахъ она уже стремится освободиться отъ всего чужого.

Латыши чистый и опрятный народъ. Національный костюмъ, который намъ приходилось видѣть въ Либавѣ еще въ началѣ 90-хъ годовъ, теперь совершенно исчезъ. Особенно чисто одѣты женщины; чистыми онѣ умудряются оставаться и во время работы; а работаютъ онѣ въ шерстяныхъ перчаткахъ даже лѣтомъ—босыми никогда не ходятъ. Вообще латыши склонны къ культурѣ, къ извѣстному комфорту. Говорятъ, количествомъ потребляемаго мыла измѣряется прогрессъ народа—въ Курляндіи мыло въ большомъ ходу.

Число крестьянъ-собственниковъ, какъ упоминалось, по отношенію къ остальной массѣ населенія очень и очень невелико. Разница въ положеніи первыхъ, хотя и обремененныхъ многочисленными повинностями, и батраковъ громаднѣйшая. Положеніе послѣднихъ настолько принижено, что браки между батраками и усадьбовладѣльцемъ обычаемъ страны не допускаются.

Съ самаго ранняго дѣтства, лѣтъ съ 6, мальчуганъ пасетъ домашнюю птицу, послѣ свиней и коровъ. Со дня конфирмаціи онъ становится „полубатракомъ“, дѣлаетъ все, что и взрослые, но получаетъ только половину жалованія; съ 20 лѣтъ онъ уже настоящій батракъ и... остается имъ до полного истощенія силъ.

Живутъ батраки-холостяки у своего хозяина въ одномъ тѣсномъ, а потому и грязномъ помѣщеніи въ постоянныхъ мелкихъ ссорахъ между собою. У нѣкоторыхъ помѣщиковъ приходилось видѣть очень хорошія помѣщенія; женатые живутъ въ отдѣльныхъ комнатахъ. Несмотря на тѣсноту и часто кучу дѣтей, онѣ содержатся чисто; постели опрятны, на окнахъ цвѣты, посуда вычищена на славу, по стѣнамъ картинки. Рѣдко гдѣ у лотеранъ попадаются духовнаго содержанія и библія, но книжки разныя и затасканныя №№ излюбленной газеты—часто. Батраки обыкновенно въ складчину выписываютъ себѣ газету.

У латышей-католиковъ наоборотъ всегда много образовъ на стѣнахъ, обязательно—распятіе и лежатъ молитвенники съ явными слѣдами постоянного употребленія. Что касается содержанія батраковъ, то оно хорошо. Въ этомъ отношеніи они поставлены куда лучше русскаго работника. Нѣмцы утверждаютъ: если батраки и мечтаютъ о собственной землѣ, то вовсе не вслѣдствіе тяжелаго матеріальнаго положенія, а потому, что аппетитъ ихъ искусственно разжигается поученіями, что можно заполучить ее даромъ. Благодаря лучшей обезпеченности,

батракъ пользуется многими благами культуры, недоступными пока русскому крестьянину. Онъ членъ какого-нибудь Общества (пѣвческаго и др.—въ Кроп. ихъ болѣе 2 т.), носить крахмальное бѣлье; если рачителенъ, то можетъ подняться степеню выше—арендовать участокъ (но какими трудностями обставлено это,—умалчиваютъ). Зажиточность народа, проведеннаго нѣмцами „правда, чрезъ суровую школу“, доказывается цифрами его сбереженія. Въ сберегательныхъ кассахъ края лежитъ свыше 9 мил. батрацкихъ вкладовъ, не говоря о вкладахъ въ многочисленныя здѣсь ссудо-сберег. товарищества. 2¹/₂ мил. населеніе Прибалтійскаго края держитъ въ Гос. сбер. кассахъ свыше 30 м. руб. Каждое сельское общество имѣетъ свой капиталъ. Въ одной Курляндіи на 220 обществъ—2¹/₂ мил. руб. Далѣе: у всѣхъ русскихъ крестьянъ есть земля, но нѣтъ хлѣба, въ Прибалтійскомъ краѣ у большинства нѣтъ земли, но всѣ имѣютъ хлѣбъ; Такъ разсуждаютъ нѣмцы, не считаясь съ латышской психологіею.

Заработная плата во всѣхъ имѣніяхъ болѣе-менѣе одинакова. Такъ, напр. въ Гофцумбергѣ батраки получаютъ по 42 руб. въ годъ деньгами и „депутатъ“ (ординарія—опредѣленное содержаніе натурою): 54 пуда ржи, 46 ячменя, 6 гороха, 1 возъ клевера, 2—сѣна, 2 яровой соломы, озимой сколько хочетъ (навозъ принадлежитъ имѣнію), въ неопредѣлимомъ количествѣ картофеля, 1 саж. дровъ, 2 саж. хворосту. Батракъ имѣетъ право держать и пасти 2 коровы, 4 овцы, 2 свиньи; получаетъ ¹/₃ ловителя земли для картофеля и столько же для льна и немного для огорода. Переводя все это на деньги, выходитъ около 250 р. Получаютъ „депутатъ“ и женщины, но въ меньшихъ размѣрахъ. Холостымъ пищу варятъ женатые. Въ усадьбахъ, у латышей-землевладѣльцевъ батракъ получаетъ 120—130 р., батрачки 50—на хозяйскихъ „харчахъ“.

Казалось бы, на службѣ у помѣщика, ведя свое маленькое хозяйство, батракъ можетъ удовлетворять своей склонности, но... много есть этихъ „но“ въ жизни осужденнаго на вѣчное батрачество латыша. Плата хорошая, но за то и работа—чуть-ли не по 19 часовъ въ сутки. Пока есть сила въ рукахъ, батракъ работаетъ, ну, а послѣ? Держать его хозяинъ не будетъ, хотя съ раннихъ лѣтъ онъ и отдавалъ ему всѣ свои силы. Заработная плата хороша, но изъ нея не составишь особеннаго капитала.

Какая же участь ожидаетъ батрака въ старости или въ случаѣ потери работоспособности? Волость помѣщаетъ такого

въ богадѣльню (не вездѣ таковыя впрочемъ имѣются), или „съ аукціоннаго торга продаетъ его“. Мы лично не видѣли и даже не слышали объ этомъ на мѣстѣ, почему и приводимъ рассказъ объ этомъ съ чужихъ словъ. Этотъ актъ милосердія совершается слѣд. образомъ: въ назначенный для аукціона день въ волостномъ правленіи собирается толпа любопытныхъ и заинтересованныхъ. Старшина съ молоткомъ въ рукахъ выкрикиваетъ: „такой-то членъ волости... неспособный къ труду, продается съ аукціона на попеченіе желающихъ; плата, назначенная собраніемъ выборныхъ, 50 р., кто желаетъ“ (т. е. кто *меньше*)? Начинается торгъ. Назначившій самую низкую цѣну (25—30 р.) получаетъ въ свое полное владѣніе нищаго и сумму, назначенную съ торговъ на его содержаніе, на годичный срокъ. Чрезъ годъ батракъ снова приводится въ волость и продается этому или другому благодѣтелю, согласившемуся взять его за меньшую плату.

Главная цѣль покупателя—кое-что нажить и использовать послѣдніе остатки рабочей силы купленнаго. Разумѣется, жизнь призрѣваемаго въ большинствѣ случаевъ ужасна: вмѣсто пищи онъ получаетъ отбросы, одѣтъ въ рубище и пр. Впрочемъ, не лучше живется и въ богадѣльнѣ. Послѣднія представляютъ собою отвратительныя вертепы, гдѣ царятъ пьянство, развратъ и т. под.

Латыши рослый, крупный, хорошо сложенный народъ съ чистымъ бѣлымъ лицомъ; по большей части голубоглазые, съ прекрасными большими зубами. Красивыхъ женщинъ много. Такими мы видимъ латышей въ уѣздахъ Митавскомъ, Гольдингенскомъ, Газенпотскомъ и Гробинскомъ.

Можетъ быть, наши описанія вообще не полны, въ общемъ не особенно точны. Поэтому спѣшимъ оговориться, что повѣствуемъ здѣсь только о томъ, что приходилось лично видѣть, наблюдать. Надо взять во вниманіе, что время для безпристрастныхъ наблюденій было совсѣмъ не подходящее—трудно разобратъ въ хаосъ быстро смѣнявшихся обстоятельствъ и бушующихъ страстей.

Въ древнія времена на территоріи Прибалтійскаго края жили разныя чудскія и финскія племена. Многія изъ нихъ, оставивъ только названіе страны, напр. куры, исчезли безслѣдно. Латыши же литовскаго происхожденія. Часть этой народности, именно летты и семгалы, тѣснимые съ юга, двинулись на сѣверъ и заняли теперешнюю Курляндскую губ. Они, будучи

народомъ не воинственнымъ и склоннымъ къ мирнымъ занятіямъ, много терпѣли отъ своихъ же соплеменниковъ, дикихъ литовцевъ и, съ востока, отъ свирѣпыхъ и коварныхъ эстовъ.

Лѣтописи говорятъ о латышахъ, какъ о народѣ кроткаго нрава, добродушномъ. Многіе свидѣтельствуютъ, что они, не смотря на то, что „прошли чрезъ суровую школу“ нѣмцевъ, таковыми и остались. Вотъ именно такое впечатлѣніе о латышахъ вынесли и мы, хотя, вращаясь все время въ обществѣ имъ враждебномъ, потомковъ „рыцарей Божіихъ“, приходилось слышать о нихъ только очень дурное.

Если съ латышемъ-крестьяниномъ поговорить, что называется, по-человѣчески, не свысока и непренебрежительно, то съ хмураго лица его скоро сбѣгаетъ выраженіе недружелюбія, подозрительности, и оно дѣлается открытымъ, пріятнымъ.

Приходилось часто слышать о черной неблагодарности латышей. Одинъ предводитель дворянства въ разговорѣ съ нами, характеризуя ихъ таковыми, въ доказательство наивно приводя то обстоятельство, что на языкѣ латышей нѣтъ слова „благодарность“, какъ отвлеченнаго понятія. Но баронъ М., свободно говорящій по-латышски, не замѣтилъ, что этотъ языкъ вообще бѣденъ словами для выраженія многихъ отвлеченныхъ понятій. Если у латышей до XII в. и было отдѣльное слово „благодарность“, то оно при благосклонномъ стараніи пришельцевъ могло, такъ сказать, атрофироваться.

У того самаго барона, при участіи его же батраковъ, революціонеры сожгли прекрасный замокъ... Баронъ намъ говорилъ, что онъ „очень любитъ народъ“ и все дѣлаетъ „для своихъ батраковъ“. Въ обширномъ имѣніи своемъ онъ устроилъ „для народа“ дѣйствительно кое-что—содержитъ школу и пр., но и другіе владѣльцы большихъ имѣній дѣлали то же самое. Въ Гофцумбергѣ, напр., въ прекрасномъ двухъэтажномъ каменномъ зданіи имѣется школа, при которой круглый годъ *живетъ* свыше 150 дѣтей—и все на полномъ содержаніи гр. Палена. Интереснѣе всего, что баронъ М. въ числѣ своихъ благодѣтелей выставялъ и то, что онъ „своими“ батракамъ „позволяетъ“ по праздникамъ гулять въ паркѣ... Паркъ большой, ничего изъ себя особеннаго не представляющій, лежитъ вдали отъ замка, почему и гуляющіе въ немъ батраки мѣшаютъ никому не могутъ, баринъ къ тому же и не семейный. Къ мызѣ одной, крупной, землевладѣльцы прилегаютъ стодесятинный

паркѣ—входъ въ него батракамъ даже и по большимъ праздникамъ запрещенъ. Выходить, что баронъ М. сравнительно имѣетъ право считать себя добрымъ. Сильно обвинялъ онъ также латышей въ недружелюбномъ отношеніи „къ другимъ“ національностямъ. Изъ нихъ конечно первые—нѣмцы; намекъ на другую мы поняли.

Но если въ латышскомъ языкѣ мало словъ для отвлеченныхъ понятій, за то онъ богатъ уменьшительными окончаніями. Не только имена существительныя имѣютъ ихъ, но и прилагательныя, глаголы и причастія (даже слово Богъ, какъ выраженіе идеи о всевышнемъ, имѣетъ свое уменьшительное—Dersinsch). Эта особенность языка свидѣтельствуетъ объ известной мягкости характера народа. Доказательствомъ того же служить и склонность его къ лирической поэзіи. Рѣдко у какого народа можно встрѣтить такую любовь къ пѣнію.

Латышки справедливо считаются „хранительницами и вдохновительницами народной поэзіи“—въ памяти ихъ сохраняется неисчислимый запасъ пѣсенъ. Знаменитый нѣмецкій писатель Гербертъ сказалъ такъ: „латышки имѣютъ непреодолимую склонность къ поэзіи, и мать моя была того мнѣнія, что латышскій языкъ самъ по себѣ уже поэзія“.

У латышей былъ свой эпосъ, свои герои. Но нѣмцы, говоритъ Маркель (1796—1850—нѣм. писатель и борецъ за освобожденіе латышей отъ крѣпостной зависимости) въ своей „Первобытное время въ Лифляндіи“, жестоко наказывали ихъ за пѣніе древнихъ эпическихъ пѣсенъ.

Къ сожалѣнію, намъ теперь не приходилось слышать пѣнія латышекъ-крестьянокъ. Онѣ, веселія по своему нраву, вслѣдствіе грозныхъ событій, въ трепетѣ за судьбу своихъ близкихъ, хранили угрюмое молчаніе. вмѣсто ихъ пѣнія страна оглашалась лишь трескотнею браунинговъ, солдатскихъ винтовокъ, зловѣщимъ шумомъ пожаровъ и стономъ караемыхъ.

Латыши большіе любители при каждомъ удобномъ случаѣ повеселиться, выпить, устроить торжество—безъ того у нихъ не обходится ни одна семейная радость. Корчмы, а ихъ не мало, по праздникамъ переполнены шумной веселой толпой. Но мрачнаго характера пьянство у нихъ не носитъ; валяющихся или скверно ругающихся почти не приходилось видѣть.

Нѣтъ сомнѣнія, что латыши носятъ въ себѣ и отрицательныя стороны. Какой народъ, впрочемъ, свободенъ отъ нихъ! Не мудрено было бы и совсѣмъ испортиться, переживъ семь

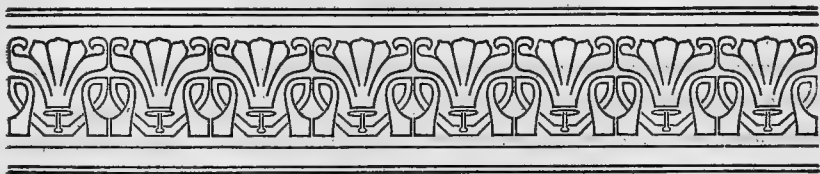

долгихъ вѣковъ систематическаго угнетенія. Взявъ во вниманіе печальное время возстанія, когда латыши проявляли къ нѣмцамъ и къ намъ жестокость, мстительность и пр., мы, призванные съ ними бороться, тѣмъ не менѣе повторяемъ, вынесли о нихъ впечатлѣніе, какъ о народѣ хорошемъ, достойномъ лучшей участи.

Е. А. Альбовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

**Время службы князя П. С. Мещерскаго въ Малороссіи.
(1769—1774 г.) ¹⁾.**

1.

Сіятельнейшій князь Государь мой!

Прозба моя по надежде на вашего Сіятельства ко мне любовь и дружбу состоитъ въ томъ дабы какъ покупку валовъ такъ і упряжку ежели можно с повозками искупить хотя 1000 повозокъ приказали для осадной артиллеріи и чемъ скорее оная возложенная коммиссія исполнена будетъ темъ более Ея И. В. благоволенія заслужить а я темъ больше вамъ обязанъ буду ибо польза общая и служба требуютъ немедленнаго по оному разположенію исполненія пожалуй зделай милость также ежели кто из товарищей вашихъ будетъ иметь объ ономъ попеченіе я себе за особливую обязанность почту быть за оное благодарнымъ. Остаюсь вашего Сіятельства Государя моего

Покорный слуга Графъ Г. Орловъ.

Декабря 12-го ч. 1769 года.

2.

Сіятельнѣйшій Князь
Милостивый Государь
Платонъ Степановичъ!

Почтеннѣйшее вашего Сіятельства писмо отъ 14 марта отпущенное я 28 числа получилъ: на которое вашему Сіятельству въ покорности моей отъвѣствую:

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1913 г.

Деревнѣ мои по положению и выгодамъ я почитаю отъ требуемой и положенной отъ меня цени поистиннѣ и по совѣсти выше гораздо стоятъ яже на прибавочную пять тысячъ рублей цену противъ прежнего моего объявленія на строение и на запаси не мало ронилъ денегъ какъ и прежде отъ меня сие показано; чтожъ касается и до домовыхъ мебеливъ то я отнюдь того не требую во што они стои по все есть с убавкою; также и скоту мнѣ кажется нетъ излишней цени ибо оной и теперь продается вышею ценою противъ положенія моего и я положи равную цену всякому тѣмъ что иная гораздо вышею ценою можетъ стоять а другая хотя нѣсколько и меньше но когда взвѣсь всякую оценить и выше той положенной цени можетъ всѣйти и я бы лучше желалъ чтобъ всего того осмотренно было: и ежели ваше Сиятельство не изволите быть тому увѣренными и почитаете что я излишнюю цену требую прошу послать доброго и знающаго человѣка всего того осмотреть; за всѣмъ тѣмъ когда ваше Сиятельство изволите полагать мнѣнїе свое чтобъ мне убавку ис той положенной отъ меня цени порознь за деревнѣ мебели и за скотъ усилить, то я повинуюсь волѣ Вашего Сиятельства и желая только в семъ видѣть скорѣе окончаніе убавляю изъ всей той положенной цени какъ за деревнѣ мебели и скотъ вмѣстѣ за все то две тысячи рублей. А болше сего во вся я отнюдь ни ис чего убавить не могу: а сверхъ сего что отъ меня въ росписаніе не показано разново хлеба во всѣхъ деревняхъ и какая можетъ найтись другая движимость которая въ то росписаніе не включенна все то чтобъ мнѣ заплачено было по надлежащей цѣнѣ или же если оной хлебъ не будетъ потребенъ оставить при экономіи то я кметиму волѣ оной продать на сторону а и прочее не включенное въ то росписаніе что найдется также или продать либо при себѣ оставить о чемъ и прошу вашего Сиятельства что касается до хлеба меня за временно уведомить не оставить будетъ ли мне за оной хлебъ заплачено или продать оной на сторону а мнѣ кажется, что и по экономіи безъ того обходится невозможно а колми паче при винокуреномъ заводѣ; что жъ принадлежитъ до изъясненія въ писмѣ вашего Сиятельства чтобъ я требуемую отъ меня сумму положить получить по срокамъ и въ какихъ именно мѣстахъ и по сколько где соизволите требовать отъ меня изъясненія, то на сие Вашему Сиятельству доношу что я инако и отменно полагать не могу какъ первсе ваше Сиятельству основаніе я положилъ именно чтобъ мнѣ ис той суммы заразъ по совершеніи договору получить въ Пѣтербурхи семьдесятъ тысячъ рублей

сребранною или золотою монетою выключая вовсѣ мѣдную: и, оныя семдесятъ тысячъ рублевъ на щетъ той моей продажи отдать тамо в Пѣтербурхи тамошнему купцу Ивану Мишелю за роспискою о чемъ я его и уполномочилъ писмомъ своимъ чтобъ онъ тѣ денги ежели сие совершите я показанною монетою принялъ; а осталную сумму затемъ сколько доведется получить и мнѣ здесь также сребранною или золотою монетою: прошу вашего Сиятельства принять в милостивое разсуждение что мне по срокамъ принимать денги и в разныхъ местахъ вовсѣ не-сносно и тяжело ибо мне продавши деревнѣ надобно жить в одномъ мѣстѣ какъ я намѣренъ в Ревелѣ ис того какъ себя такъ и фамилию мою содержать и тутъ зависить все мое богатство; также чтобъ и медные денги принимать и сие мне тоже несносно, ибо мне медную монету куда либо возить при себѣ отънюдь неможно; и прошу вашего Сия—ва какъ милостивца моего отъ всего сего то есть отъ приему по асигнаціямъ денегъ и медной монеты меня освободить. За всѣмъ же вышеписаннымъ какъ и прежде я вашему Сия—ву докладывалъ и теперь тоже доношу что прежде окончанія имѣющихся здесь по Малой Россіи судебныхъ дѣлъ моихъ которые могутъ весма в короткое время если повеленно будетъ разсмотрени и рѣшени быть и деревень своихъ продать не могу ибо мне за одними тѣми деревнями вставаться и жить невозможно и на сие каково отъ вашего Сиятельства соизволеніе будетъ прошу меня милостивымъ уведомленіемъ не оставить: при томъ предаю себя во всегдашнюю вашего Сиятельства милость пребываю с истиннѣйшимъ почитаніемъ и преданностію вашего Сиятельства Милостиваго Государя всепокорнѣйшой слуга.

Moise Vladislavich. ¹⁾

28-го марта 1770 года.

Топалъ.

¹⁾ Графъ Моисей Ивановичъ *Владиславичъ-Рагузинскій*—родной племянникъ гр. Саввы Лукича Владиславича-Рагузинскаго, переѣхавшаго въ Россію при Петрѣ Великомъ. За „вѣрную усердную службу“ гр. Савва Лукичъ получилъ въ 1710 г. въ Малороссіи отписныя отъ Ломиковскаго села: Топалъ, Вишенки и Парафѣевку. Въ 1737 г. онъ продалъ эти маенности своему племяннику Гаврилѣ Ивановичу Владиславичу, а послѣ смерти Гаврилы Ивановича они, повидимому, перешли къ брату послѣдняго, Моисею Ивановичу. Кн. Мещерскій, въ бытность свою правителемъ Малороссіи, торговалъ у гр. Владиславича эти деревни, по порученію императрицы Екатерины II, для приобрѣтенія въ казну.

3.

Сиятельнѣйшій князь

Милостивый Государь

Платонъ Степановичъ!

Въ сепочтеннѣйшее вашего Сиятельства письмо отъ 12 апреля я получилъ; в ономъ ваше Сиятельство соизволите требовать объяснения в чомъ состоитъ точные годовые доходы в моихъ деревняхъ которое изъяснение состояло бы с такимъ обстоятельствомъ какъ в ономъ вашего Сиятельства писмѣ показано: на что все вашему Сиятельству въ покорности моей отвечаю, что я по оному вашему Сиятельства приказанию такова объяснения чинить ни сообразить себѣ не могу тѣмъ наибольше что я въ своемъ добрѣ поступалъ такъ какъ хозяинъ и точныхъ доходовъ или расходовъ во всемъ не извѣдывалъ и не доходилъ но что можетъ войти в мой домъ в приходъ такъ и въ расходъ куда надобно по разсуждению моему и по необходимости употреблялось и я какъ своему добру владѣтель вездѣ содержалъ излишние расходы такъ какъ имѣни моему прилично и мне угодно такъ же излишнихъ людей в содержаніи имея а послѣ меня кто будетъ владѣть можетъ по разсмотрению своему содержание въ томъ имѣть почему конечно и доходы лутшие отъ всего увидѣть можетъ на примѣръ и упомянутые в писмѣ вашего Сиятельства рыбные ловлѣ: я употребляю единственно про свой домашней обиходъ а другой если таковыхъ употребленный не будетъ имѣть всеконечно на несколько сотъ рублей можно продать: по первому пункту я сие положить могу колико гдѣ засѣвается ржи и ярового хлеба и то неравно всякия змена каковъ же бываетъ урожай и что по пермолоту бываетъ мерою сего отнюдь положить не могу понеже каждый годъ можетъ показать не могу ибо и в томъ бываетъ почти каждой же годъ разность только сие доношу что в степной деревнѣ Парафѣвки сена бываетъ довольно и конской такъ и скотской заводъ приумножить и содержать и сверхъ противъ моего можно понеже я сверхъ содержания скота довольно сена продаю а здѣсь в Топалскихъ грунтахъ сена бываетъ немного и то болотное толко по количеству содержания вменѣ скота становится довольно: также и мужиковъ употреблялъ я в таковы повинности каковы мне потребны и угодны были и другой такъ же можетъ употреблять по своей волѣ и по необходимости содержаніемъ экономіи а число оныхъ известно и по ревизіи 764 года почто

къ тому числу прибавилось или же и убавилось я свидѣнія не имею: впротчемъ по всѣмъ вашего Сиятельства требованіямъ никакова объясненія показать и тѣмъ себя обязывать не могу потому сіе что я и совершенной точности какъ визше значить при своемъ содержаніи недоходахъ а и в чемъ бы могли быть настоящие доходи я то употреблялъ на свои обиходы: а де не вѣдаю что на томъ моемъ объясненіи хотя бы я показалъ увѣренность быть не можетъ но потому следованно и доходимо будетъ справедливости и потому еже ли найдена будетъ какая разность могу я порицание иметь какъ сіе послѣдовало при продажи от меня его высокографскому сиятельству Петру Александровичу деревнѣ Вышенекъ что показано было от меня обстоятельство о заселѣ землѣ и что бываетъ хлеба и о протчемъ по послѣ того писалъ ко мне его сиятельство с немалымъ сожалѣніемъ и гнѣвомъ почитая за несправедливость то показание, что противъ одного столько землѣ не нашлось, а я уверался болше на прикащикскихъ показаніяхъ однакожъ послѣ его сиятельство соизволили хвалится, что я оную деревню продалъ дешево какъ и справедливо есть примѣрно сему и всей моей продажи найдено будетъ и сверхъ мнѣнія то, что гораздо великую прибыль принесетъ и болше стоять будетъ нежели я требую следователно залутше теперь послать какова надежного и знающаго человѣка всехъ угодій и положенія осмотреть и описать которой можетъ потому усмотренію и мнѣнію положить что можетъ в чемъ доходу быть, а что можно знаніемъ и от стороны моей показано будетъ, безъ такова жъ описанія и освѣдетелствованія знающаго въ экономіи человѣка вовсе невозможно куплю и зделать, а я отнюдь не могу таковыхъ объясненій показать: при томъ предаюсь на волю вашего сиятельства прошу принявъ в разсужденіе милостиво от меня такови объясненія требовать отставить, а послать для освѣдетелствования и описанія знающаго человѣка: а потому если не угодно покажется хотя я и желаю продажу учинить такъ на волѣ вашего сиятельства останется: а я своей волѣ и зделать не могу и разоитится можно: чтожъ касается до судебныхъ делъ моихъ: то об оныхъ каковы есть по колѣлегіи и суду генералному; адвокатъ малороссійской колѣлегіи Полошковской которой тѣ мои дела въ содержаніи имеетъ вашему сиятельству объясненіе представить: а сверхъ тѣхъ въ здѣшнемъ Стародубскомъ земскомъ судѣ имѣется одно дѣло з суднею земскимъ Погарскимъ Степаномъ Лашкевичемъ о купленныхъ братомъ моимъ покойнымъ Гаврилоу Рубцевскихъ деревнѣхъ и грунтахъ которыхъ

онъ началъ искать по нѣякомусь улиточному праву и весьма неправильно: оное дѣло ни в какомъ судѣ не рѣшено, а перенесенно с полковой канцеляріи в земской судъ и уже десять летъ прошло какъ онъ свой искъ началъ и послѣ того ничего не доходить, сам же я хотя многие старания имель и доходилъ, чтобъ оное дело рѣшенно было однакожь поднесъ ничего не последовало: на все сие каково соизволение отъ вашего сиятельства, будетъ прошу меня уведомлениемъ не оставить притомъ свѣдѣтельству вашему сиятельству мой нижайшой уклонъ пребываю с истиннѣйшимъ и навсегдашнимъ почитаніемъ и преданностію

вашего Сиятельства

Милостиваго Государя

всепокорнѣйшій слуга

Moise Vladislavich.

въ 19 д. апрѣля

1770 году

Топаль.

Сверхъ всего изъясненнаго отъ меня я еще сумнительство держу и противъ племянника моего, плута Стахоровича ибо онъ всегда подѣ мою претенцію кому препорученна сия коммисія; какъ тотъ же человекъ меня уведомляетъ! и тако залутше чтобъ я былъ извѣстенъ и имель свидение первое о паствящей заплатѣ тогда и совершить можно, а инако оставлю совсемъ продажу.

Moise Vladislavich.

4.

Князь Платонъ Степановичъ.

По причинѣ отсутствія графа Петра Александровича Румянцева извольте на свое имя сторовать деревни, которымъ опись при семъ прилагается; и когда вы съ продавцемъ оныхъ сдѣлаете договоръ, гдѣ и въ какіе сроки получить ему деньги, то приведши такимъ образомъ куплю сію къ окончанію, увѣдомьте Насъ о томъ, а Мы пришлемъ къ вамъ деньги, и дадимъ знать, кому вступить во владѣніе оныхъ деревень, *впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна*

Екатерина ¹⁾.

Санктпетербургъ

1770 года

января „15“ дня.

¹⁾ Набранное курсивомъ писано собственноручно Императрицей.

5.

Милостивый Государь мой князь
Платонъ Степановичъ.

При отправленіи приложеннаго при семъ именнаго указа Ея Императорское Величество мнѣ повелѣніе изволила къ вашему Сіятельству отписать, чтобъ ваше Сіятельство маестности Графа Владиславича по покупке изволили взять до указа въ свое смотрѣніе, о чемъ донеся имѣю честь быть съ особливымъ почтеніемъ

вашего Сіятельства
Милостиваго Государя моего
покорнѣйшій слуга
Сергій Козминъ¹⁾.

5 іюля 1770 г.
Петергофъ.

6.

Милостивый Государь мой князь
Платонъ Степановичъ.

Ея Императорское Величество повелѣть изволила чтобъ ваше Сіятельство въ силѣ высочайшаго Ея Величества отъ 5 сего мѣсяца повелѣнія постѣжили покупку Графа Владиславича маестностей окончить, о чемъ донеся имѣю честь быть съ особливымъ почтеніемъ

вашего Сіятельства
Милостиваго Государя моего
покорный слуга
Сергій Козминъ.

27 іюля 1770 г.
Царское Село.

7.

Князь Платонъ Степановичъ. Изъ письма вашего отъ 23-го минувшаго августа усматрѣла я, что Графъ Владиславичъ за продаваемые имъ въ малороссіи маестности сверхъ показаннаго въ прежнихъ его реестрахъ, дѣлаетъ еще безконечныя требо-

¹⁾ Козминъ, Сергій Матвѣевичъ, р. 1724 г. † 10 дек. 1788 г., статсъ-секретарь Екатерины II.

ванія, чего ради объявите ему одинажды, что есть ли онъ недоволенъ и тѣмъ, что вы двѣ тысячи четырехста дватцать рублей сверхъ просямой имъ цѣны ему обѣщали, кои и повелѣваю ему выдать если ли торгъ состоится, то мнѣ оныя маестности уже не надобны, и я ихъ купить не намѣрена

Екатерина.

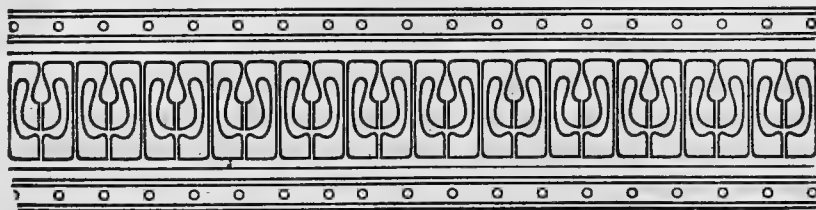
7 сентября 1770 г.

С.-Петербургъ.

Сообщ. В. Корсакова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Люди и нравы за полвѣка ¹⁾.

Д а, съ Муравьевымъ шутки были плохія... Этотъ могучій человѣкъ боролся не съ Литвою и не съ Польшею, къ которымъ онъ относился съ величайшимъ пренебреженіемъ, а главнымъ образомъ съ Петербургомъ, откуда трясушіе заячьи хвосты изъ всѣхъ своихъ силенокъ старались напакостить Муравьеву во всемъ, чтобы онъ ни дѣлалъ... Если бы люди это знали, то тогда бы только поняли, во что обходилась ему эта борьба...

Каждый день онъ получалъ массу шифрованныхъ телеграммъ. Содержаніе многихъ изъ нихъ онъ зналъ, не читая. Сплошь и рядомъ приходилось виленскому генералъ-губернатору читать въ нихъ: по Высочайшему повелѣнію освободить такого-то, по Высочайшему повелѣнію князя N сослать въ Вятку подъ надзоръ полиціи и т. д.

Все это были шутки, которыхъ въ серьезныхъ обстоятельствахъ Муравьевъ не допускалъ.

Я былъ дежурнымъ ординарцемъ. Пришла почта: пакеты, телеграммы...

Когда раздался звонъ колокольчика изъ кабинета генералъ-губернатора, я захватилъ почту и вошелъ въ кабинетъ. Муравьевъ сидѣлъ около стола; я подаль ему все присланное и отодвинулся къ дверямъ, ожидая приказаній. Онъ отбросилъ въ сторону газеты; живо пересмотрѣлъ надписи на пакетахъ и тутъ же положилъ около себя; остановился на телеграммахъ... не распечатывая, онъ пересмотрѣлъ ихъ всѣ... Одна изъ нихъ почему-то заставила его задуматься... Онъ повертѣлъ ее въ рукахъ... Чуть ли не понюхалъ ее... Долго смотрѣлъ въ одну

¹⁾ См. „Русская Старина“, сентябрь 1913 г.

точку, немного прищуря правый глазъ... Потомъ взглядъ, полный ума, медленно перевелъ на меня и спросилъ:

— А N... подъ арестомъ?

— Такъ точно, в. с.

— Здѣсь?

— Такъ точно.

— Вотъ вамъ ордеръ... Отправляйтесь въ тюрьму... Отдайте ордеръ полковнику N и скажите, чтобы все исполнено было сію минуту... при васъ... Когда все кончится, явитесь мнѣ доложить...

Я взялъ у него изъ рукъ пакетъ и вышелъ, у крыльца стояли казаки; одинъ изъ нихъ подвелъ моего коня, я вспрыгнулъ въ сѣдло и въ сопровожденіи двухъ казаковъ крупнымъ галопомъ поскакалъ къ тюремному замку.

Ворота этого мрачнаго жилища смерти предъ нами растворились.

— Попросите ко мнѣ полковника N, распорядился я.

Тотъ живо явился сюда, и я подалъ ему пакетъ.

Онъ распечаталъ его и, мнѣ показалось, что вся кровь его отошла къ сердцу...

— Да... правда ли это, поручикъ? Не ошибка ли? Читайте! и онъ, удивленно подымая плечи вверхъ, подалъ мнѣ ордеръ... „Немедленно повѣсить N, и чрезъ ординарца мнѣ донести. Муравьевъ“, было тамъ написано.

— Должно быть правда... Графъ приказалъ мнѣ доложить ему, когда его приказъ будетъ исполненъ.

Мы поднялись на верхъ; я остался въ приемной, а полковникъ пошелъ исполнять свой тяжелый долгъ...

Черезъ полчаса онъ вернулся, блѣдный, глаза его горѣли... лихорадка трясла его.

— Доложите графу, что его приказаніе исполнено... ¹⁾

Я опрометью сбѣжалъ сверху, вскочилъ на коня и карьеромъ понесся въ замокъ генералъ-губернатора.

Онъ тотчасъ же, внѣ очереди, принялъ меня.

— Исполнено, ваше сіятельство.

— А! Хорошо! Теперь можно заняться телеграфной корреспонденціей...

Распечатываетъ не торопясь одну, пишетъ своей рукой на ней резолюцію; другую—тоже; третью—тоже... четвертую...

¹⁾ Другія источники это событіе относятъ къ извѣстному Сѣраковскому.

— А! а! Надо сейчасъ отвѣтить на эту телеграмму... Садитесь и пишите: „Повелѣніе Вашего Величества запоздало: Н уже казненъ“.

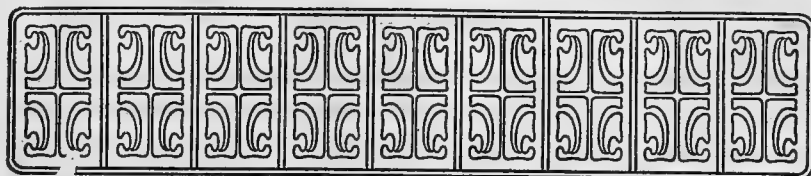
Въ эту минуту мнѣ невольно пришли на память слова графини: „мы выходъ найдемъ“, и я подумалъ: да! онъ правъ! тысячу разъ правъ... Это жестоко, это безсердечно, это все, что вамъ угодно, но другого пути для успѣшной борьбы съ возстаніемъ не было.

Н. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ старыхъ дѣлъ ¹⁾.

О распространеніи ложной эхи объ опасной болѣзни.

(Архивъ Св. Правительствующаго Синода. Дѣло 1746 г. № 15).

Въ іюні мѣсяцѣ 1745 года, близъ г. Твери, въ слободѣ Исаевской, остановились для ночлега три крестьянина, гнавшіе 9 лошадей помѣщика Никиты Козлова изъ Кашинскаго уѣзда въ село Баламутово, вотчину Козлова. На слѣдующій день одинъ изъ этихъ крестьянъ, по имени Иванъ, умеръ. Хоронившій его, попъ Ѳаддей Степановъ замѣтилъ на лицѣ, шеѣ и груди покойника какія-то подозрительныя багровыя и синія пятна.

Не успѣли остальные два проводника, Василій и Никита, пригнать лошадей въ село Баламутово, какъ и они заболѣли. Такъ какъ болѣзнь ихъ сразу приняла острый характеръ, послали за тѣмъ же попомъ Ѳаддеемъ исповѣдывать и причастить больныхъ. Пріѣхавши, попъ Ѳаддей обратилъ вниманіе на синебагровое пятно подъ лѣвымъ глазомъ у больного, Василія, и на красную болячку съ опухолью между бровями у Никиты. Василій на другой же день умеръ, Никита же сталъ выздоравливать.

Въ слободѣ въ то же время началъ заболѣвать и падать скотъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней пало 8 лошадей и 2 коровы.

Заболѣлъ, наконецъ, и староста села Баламутова, Федотовъ. Опять послали за попомъ Ѳаддеемъ. Тому всѣ эти заболѣванія показались очень подозрительными, и онъ сталъ спрашивать крестьянъ. Всѣ они высказывали одно и то же предположеніе,

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1913 г.

что первоначально заразная болѣзнь появилась на скотѣ и затѣмъ перешла на людей. Больной Федотовъ былъ того же мнѣнія. Показавъ попу Ѡаддею болячку на рукѣ, онъ сказалъ, что болѣзнь эта опасная и называется она „пострѣлъ“.

Возвратившись домой, попъ Ѡаддей задумался. Ему жалко стало безпомощныхъ крестьянъ. Докторовъ вблизи не было, болѣзнь же могла развиваться и принять большіе размѣры. Придумывая, какъ бы оказать помощь крестьянамъ, онъ рѣшилъ написать объ этомъ въ г. Тверь своему знакомому, посадскому человѣку Рѣшетову.

Получивъ письмо отъ попа Ѡаддея, Рѣшетовъ отправился въ Тверской магистратъ и заявилъ, что въ слободѣ Исаевской и селѣ Баламутовѣ „и люди умерли и скотъ палъ одною язвою“.

Тверской магистратъ всполошился и распорядился послать въ слободу Исаевскую городского лѣкаря Денорія и лѣкаря архіерейскаго дома Емельянова.

Пока магистратъ писалъ и дѣлалъ распоряженіе о посылкѣ лекарей, падежъ скота прекратился. Перестали заболѣвать и люди. Поэтому, пріѣхавшіе въ слободу Исаевскую, лѣкаря нашли больнымъ одного только Федотова.

Возвратившись въ г. Тверь, они донесли, что, „ни на скотѣ, ни на людяхъ никакой опасной болѣзни язвы не явилось. Больнымъ оказался одинъ только староста Федотовъ, у котораго на рукѣ болѣзнь фурунгулъ“.

Между тѣмъ вѣсть о появившейся болѣзни дошла до Москвы, откуда сенатской канцеляріей были командированы въ г. Тверь штабъ-лѣкарь Кларнеръ и поручикъ Ярославскаго полка Лаптевъ.

Прибывъ въ г. Тверь, Кларнеръ съ Лаптевымъ разспросили какъ мѣстныхъ крестьянъ, такъ и крестьянъ села Баламутова и нашли, что „и люди и скотъ обстоятъ во всякомъ благополучіи“. Относительно же смерти крестьянъ они пришли къ заключенію, что первый крестьянинъ умеръ „отъ великаго кашля и поноса“ и второй „отъ того, что имѣлъ подъ лѣвымъ глазомъ чирей и къ тому же глазъ со щекою подпухъ, отчего была великая горячность“. У старосты Федотова, по ихъ мнѣнію, болѣзнь произошла отъ того, что „онъ пускалъ кровь чрезъ неумѣющую бабу изъ правой руки, кровь крайне умножилась и не выпущена. Вслѣдствіе чего учинился у него въ рукѣ великій жаръ, отъ котораго и сдѣлался чирей“.

Получивъ такого содержанія рапортъ, сенатская контора нашла, что никакой болѣзни не было и что за распространеніе „ложной эхи“ объ опасной болѣзни слѣдуетъ привлечь къ ответственности Рѣшетова, Федотова и попу Ѡаддея Степанова.

Оправдываясь во взведенномъ на него обвиненіи, Рѣшетовъ представилъ, полученное имъ отъ попа Ѡаддея, письмо и утверждалъ, что онъ „никакой эхи не произносилъ“, а только сообщилъ магистрату о содержаніи письма.

Федотовъ заявилъ, что ему неизвѣстно, отъ какой болѣзни умерли люди и отъ какой причины падалъ скотъ. Самъ онъ былъ боленъ горячкою, былъ въ безпамятствѣ и поэтому возможно, что въ бреду называлъ болѣзнь язвою пострѣломъ.

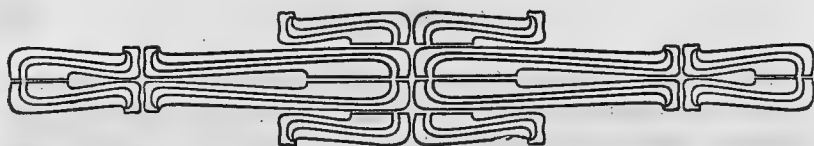
Попъ Ѡаддей объяснилъ, что написалъ письмо Рѣшетову изъ опасенія распространенія тяжелой болѣзни между крестьянами, которымъ по своей добротѣ хотѣлось оказать помощь.

Сенатская контора, разобравъ дѣло, пришла къ заключенію, что Рѣшетова и Федотова подвергать наказанію не слѣдуетъ. „Попу же Ѡаддею за распространеніе ложной эхи о болѣзни надлежитъ учинить жестокое наказаніе плетью и по наказаніи посадить его въ монастырскіе труды на полгода, дабы смотря и другіе тому подобное не чинили и отъ такихъ лжевымысловъ воздержались“.

25 февраля 1746 года Святѣйшій Правительствующій Синодъ, куда поступило дѣло для окончательнаго разрѣшенія, указомъ преосвященному тверскому предписалъ: „учинить попу Ѡаддею надлежащее, по разсмотрѣнію преосвященнаго, наказаніе“.

М. Ф. Чулицкій.

СВѢТЛЫЙ ЛУЧЪ ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ.

(Изъ воспоминаній о Т. П. Пассекъ).

25 іюля 1910 г. минуло сто лѣтъ со дня рожденія Татьяны Петровны Пассекъ, — „бабушки изъ дальнихъ лѣтъ“, — какъ ее называли читатели ея интересныхъ записокъ ¹⁾, этой общей, ко всѣмъ сердечной „бабушки“, которая и мнѣ блеснула свѣтлымъ лучемъ и оставила неугасимымъ тотъ огонекъ, которымъ зажла и мою свѣчку.

— Всякій долженъ держать свою свѣчку — говорила она; какая по рукѣ придется. Да такъ ты ее держи, чтобы отъ нея и другіе, если захотятъ, могли бы свѣтъ зажечь. Чѣмъ больше отъ твоей свѣчки зажглось, тѣмъ лучше. Рука опустится, а другія, что отъ нея зажглись, горятъ и отъ нихъ еще зажгутся свѣчки, такъ свѣтъ въ людяхъ и не гаснетъ. Такъ-то, другъ сердечный! Вотъ и наша „Игрушечка“ — маленькая свѣчечка, которая тоже свѣтъ, какой ни есть, а разливаетъ. Отъ нея дурному никто не научится! Вотъ и ты держишь въ ней свою свѣчку и держи крѣпко!

И вотъ эта-то „Игрушечка“ и познакомила меня съ дорогой старушкой. Въ концѣ 1879 года вышло объявленіе о новомъ дѣтскомъ журналѣ „Игрушечка“, подъ издательствомъ и редакціей Т. П. Пассекъ. Незадолго передъ тѣмъ прочитавъ въ „Русской Старинѣ“ интересныя записки „Изъ дальнихъ лѣтъ“ автора этого имени, я не знала ничего о дальнѣйшей его судьбѣ, и мысль, что онъ не только существуетъ, но заявляетъ о себѣ въ такой отъ меня близости и на столь близкомъ мнѣ, по душѣ, поприщѣ, какъ дѣтская литература, поприщѣ, на ко-

¹⁾ Записки Т. П. Пассекъ „Изъ дальнихъ лѣтъ“, прежде чѣмъ выдти отдѣльнымъ изданіемъ, печатались въ „Русской Старинѣ“.

торомъ я уже подвизалась съ 1873 года постоянной сотрудницей лучшаго, тогда, дѣтскаго журнала „Дѣтское чтеніе“ и другихъ,—такъ меня восхитила, что я не откладывая, со смѣлостью, граничившей съ безцеремонностью,—прямо поѣхала къ Татьянѣ Петровнѣ предложить свое сотрудничество для ея рождавшагося журнала, что было именно, 14 декабря 1879 г.

Нечего и говорить о томъ, что старушка приняла меня съ присущей ей привѣтливостью, а на мое предложеніе отвѣчала съ тронувшей меня сердечностью, сказавъ, что уже знаетъ мои работы и еще недавно съ восторгомъ читала мой послѣдній въ „Дѣтскомъ чтеніи“ рассказъ „Старый Бенпо“. Скоро мы уже бесѣдовали, какъ старые знакомые, какъ „сродныя души“,—по ея выраженію,—и былъ уже набросанъ и небольшой порядокъ тѣхъ вещей, которыя я должна помѣстить въ первыхъ номерахъ журнала, система котораго, въ послѣдствіи, была нѣсколько измѣнена.

Тутъ же я познакомилась и съ семьей Т. П., состоявшей тогда изъ ея сына, Владиміра Вадимовича, настояніемъ котораго и былъ затѣянъ журналъ, что и было возможно,—беря въ расчетъ преклонныя лѣта Т. П.—только при его содѣйствіи, человѣка молодого, хотя очень слабаго здоровья. Здоровье его было тогда уже сильно подорвано, и меня сразу поразила его болѣзненная блѣдность. Контрастомъ къ этой блѣдности служила свѣжесть его молодой, красивой жены,—Елены Ефимовны, съ ея розовыми щеками, алымъ ротикомъ, съ его привѣтливой улыбкой, мягкими темными глазами и молодымъ веселымъ смѣхомъ. Малороссіанка по происхожденію, въ ней и сохранился красивый малороссійскій типъ, съ обаятельной мягкостью и женственностью во всѣхъ ея движеніяхъ и ласковостью въ обращеніи. Семью завершали двое дѣтей молодыхъ супруговъ: пятилѣтній Сережа, съ темными глазами матери и серьезнымъ лицомъ, не согласовавшимся съ шалостями мальчика, создавшими цѣлыя легенды; и трехлѣтняя Оля, на личико которой, съ его синими, вдумчивыми глазами и волнистыми кудрями,—можно было заглядѣться, какъ на тѣ чудныя дѣтскія головки, что намъ представляютъ англійскіе кепсики.

Не біографическій очеркъ хочу написать о Татьянѣ Петровнѣ,—не напишешь лучшей біографіи, какъ собственныя записки покойной, прямо вылившіяся изъ-подъ ея искренняго пера, а хочу своимъ скромнымъ перомъ воспроизвести тотъ образъ, что остался неагладимымъ въ моихъ воспоминаніяхъ, о которомъ я уже когда-то писала на страницахъ „Русской

Старины“¹⁾. Вотъ она стоитъ передо мною, какъ живая, эта маленькая старушка, съ такой привѣтливой улыбкой на губахъ, съ такимъ яснымъ взглядомъ, съ которымъ только дѣти смотрятъ на міръ Божій, не подозрѣвая въ немъ зла. И Т. П. точно такъ смотрѣла на міръ и потому такъ часто натыкалась на зло и все прощала міру... У нея была своя удивительно теплая вѣра и безконечное всепрощеніе. Она всѣмъ вѣрила безапелляціонно и ее обманывали самымъ безцеремоннымъ образомъ, начиная съ одной „доброй знакомой“, любезно взявшей на свою квартиру, въ то время когда Т. П., мѣняя квартиру, уѣхала на дачу,—корзину съ посудой и разными нужными вещами, которыя никогда Т. П. не были возвращены; продолжая кое-какими изъ „случайныхъ“ сотрудниковъ журнала, забиравшихъ у старушки впередъ деньги за статьи, никогда не явившихся и кончая разсылнымъ при журналѣ, подъ шумокъ, спускавшимъ, какъ книжки журнала, такъ и другія книги, въ томъ числѣ все собраніе сочиненій Герцена, подаренное ей самимъ авторомъ, ея любимымъ кузеномъ. И ни одного гнѣвнаго слова противъ подобныхъ людей; только добродушно посмѣется сама надъ собой, лишенной того или другого изъ ея, и то далеко не обильно снабженного, хозяйства.

— Ну, ей можетъ быть, было нужнѣе!—скажетъ, при воспоминаніи о „доброй знакомой“, ну, а другихъ помянетъ крѣпкимъ русскимъ словцомъ, да на томъ и успокоится.

Русской она была съ головы до ногъ: и русское крѣпкое словцо, и широкое сердце, какъ ширь русскихъ степей; и русскій юморъ и русская тихая скорбь и русское гостепріимство: „все, что есть въ печи, то на столъ мечи“! Бывало, только-что къ ней покажешься:

— А ты у меня пообѣдаешь?—и на отказъ: ну, и выходить, что ты тетеря (или Митрофанъ).

Она вскорѣ послѣ нашего знакомства стала мнѣ говорить ты, но въ письмахъ всегда употребляла—вы.

Согласіе остаться у нея пообѣдать встрѣчалось всегда радостью и тотчасъ же вызывало распоряженіе снаряжать для насъ двоихъ обѣду тутъ же, въ спальнѣ, этой излюбленной комнатѣ, снабженной некрашеннымъ столомъ, подлѣ кровати старушки, стариннымъ, казалось, готовымъ разсыпаться, но, какимъ-то чудомъ, все еще державшимъ въ своихъ объятіяхъ,

¹⁾ Февраль 1890 г.

волтеровскимъ кресломъ и некрашеннымъ табуретомъ, стоявшимъ у грандіозной, кафельной, всегда тепло натопленной печи. На этомъ табуретѣ постоянно возсѣдала Марія Дмитріевна, что-то въ родѣ старинной „барской барыни“, дуэньи Татьяны Петровны, прожившей съ ней десятки лѣтъ и даже сопровождавшей ее за границу, изъ которой, однако, не вывезла особенно выдающихся впечатлѣній и отзывалась о ней немного небрежно. Марія Дмитріевна была также грандіозна, какъ та кафельная печь, къ которой такъ дружно прислонялась ея спина.

Видъ она имѣла „презентабельный“ и очень степенный; всегда чистоодѣтая, въ длинномъ темномъ шугаѣ, съ темнымъ, повязаннымъ подъ подбородкомъ, платкомъ на головѣ. Очень набожная, чтившая всѣ выдающіеся праздники и знакомая съ житіями разныхъ святыхъ, она, уже на моей памяти, пошла по святымъ мѣстамъ, внезапно появляясь снова въ квартирѣ Т. П., но, если не ошибаюсь, кончила жизнь въ какомъ-то знакомомъ московскомъ убѣжищѣ, и въ прежнихъ ея мечтахъ являвшимся ей какимъ-то душеспасительнымъ чертогомъ.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ была „кормилица“, тоже болѣе 40 лѣтъ проживавшая въ домѣ, выкормивъ одного изъ сыновей Т. П. Это была грузная старуха, видомъ угрюмая, часто огрызавшаяся—„съ зуба рветъ“,—что называется,—съ пестрымъ ситцевымъ передникомъ подъ мышками и головнымъ, тоже пестрымъ платкомъ на головѣ, подъ-косу, главной заботой ея былъ собственный самоваръ, за имѣніемъ на кухнѣ нѣсколькихъ господскихъ самоваровъ, не употреблявшійся его хозяйкой, а стоявшій на полкѣ, закутанный въ полотенце и завязанный веревкой и только по временамъ ею осматриваемый. Особой должности обѣ эти женщины не имѣли, а такъ—проживали, какъ проживали въ домѣ и многія временныя личности, Богъ вѣсть откуда приходившія и куда уходившія, попитавшісь вволю, какъ появлялись и уличныя, хромоногія собаки и исхудалыя кошки, тоже, куда-то, попитавшісь, исчезающія. Только безхвостая, невѣдомой породы, поистрепанная птица неизмѣнно жила въ тѣсной клѣткѣ, на окнѣ спальни, межъ двухъ горшковъ съ какими-то тоже неизвѣстной породы, растеніями.

Не только русская, какъ по духу, такъ и по обстановкѣ, но еще и „московка“, Т. П. и въ Петербургѣ помѣстилась какъ-то не по-петербургски, а по-московски, въ домѣ¹⁾, стоявшемъ

¹⁾ На Малой Подъяческой, теперь уже совсѣмъ перестроенномъ.

на большомъ дворѣ, за рѣшеткой, въ сторонѣ, будто флигель другого дома; особнякъ, въ два низкихъ этажа, съ особеннымъ подъездомъ и деревянной лѣстницей. Какъ часто пришлось мнѣ, съ Надеждинской, проѣзжать на эту неказистую Подъяческую и подниматься по этой деревянной лѣстницѣ, особенно участивъ мои визиты съ той поры, какъ стряслась послѣдняя бѣда надъ сѣдой головой страдальцы-старушки! Грудная болѣзнь ея сына какъ-то неожиданно обострилась и потребовала его немедленнаго отъѣзда за границу, куда онъ и отправился съ женой и дочкой. Татьяна Петр. осталась со своею сердечной болью и тревогой, на рукахъ съ Сережей и журналомъ, вошедшимъ только во второй мѣсяцъ своего изданія¹⁾! Сердечная тревога матери, дрожавшей за послѣдняго сына, шла crescendo. Помню я одинъ день, — именно 21 февраля, — получаю я отъ нея короткую, торопливо написанную записочку, извѣщавшую, что она въ тотъ же день уѣзжаетъ за границу. Я тотчасъ же поѣхала къ ней. Полученное изъ-за границы письмо имѣло уже совсѣмъ тревожный тонъ. Старушка тотчасъ собирается ночью, справляетъ номеръ журнала и на утро, съ Сережей и самой неумѣлой, полудеревенской, гдѣ-то, чуть не на Никольскомъ рынкѣ, — подхваченной горничной, отправляется въ путь, въ дальній путь до Сорренто, съ ужасной мыслью, что можетъ быть уже не застанетъ въ живыхъ сына! И что это было за путь! Дорожные хлопоты одинокой старухи, не имѣвшей никакой подмоги въ неумѣлой горничной, которой еще нужно было руководить; молодъ и шалунъ Сережа, шалости котораго доходили до того, что онъ разъ ухитрился взлѣсть на вагонъ и потомъ прогуливаться по верхамъ, съ одного вагона на другой. И длинная, безконечно-длинная, въ такой тревогѣ, дорога, въ концѣ которой едва теплился блѣдный лучъ надежды, готовый замѣниться погребальнымъ факеломъ!..

Она застала его умирающимъ. „Старый дружище, я зналъ, что ты пріѣдешь!“ Встрѣтилъ онъ мать, и она пережила, какъ отъ нея ушелъ и этотъ, послѣдній сынъ и, собравъ все, что имѣла, — отправила его прахъ на родину, а сама съ осиротѣлой семьей вернулась въ Петербургъ.

— Знаю я, — говорила она мнѣ потомъ, касательно перевоза тѣла сына: что меня нѣкоторые въ этомъ обвиняютъ, что много издержекъ мнѣ это стоило. Но я не столько для себя это сдѣлала, какъ для дѣтей. Это связь наша съ милыми, отъ насъ

¹⁾ № 1 вышелъ 8-го февраля 1880 г.

ушедшими, эти могилки; эту связь разрывать нельзя! Они вотъ—нѣтъ, нѣтъ, да и придутъ на могилку отца. Это важно!

Во время отсутствія Т. П. я часто навѣдывалась, какъ идутъ дѣла по журналу и какія вѣсти изъ-за границы? ¹⁾ Такъ, приѣзжаю разъ и узнаю, что Т. П. въ то утро вернулась и что сынъ ея умеръ. Несмотря на то, что мнѣ очень хотѣлось повидать дорогую старушку, я постѣснялась войти къ ней, какъ была въ цвѣтномъ платьѣ; и, только поговоривъ о случившемся съ прислугой, уѣхала, сказавъ, что приѣду завтра. Но, приѣхавъ на другой день, я сразу увидала, что мое черное платье не гармонировало съ *красной* блузой Татьяны Петр., такъ мало придававшей цѣны внѣшнему трауру! ²⁾

Она встрѣтила меня, какъ всегда радостно, но съ примѣсью какъ будто дѣтской тревоги: ясно, она боялась, что я начну разговоръ о слишкомъ еще свѣжей ранѣ ея сердца и немного путаясь, точно конфузаясь, завела совсѣмъ посторонній разговоръ, начавъ съ обычнаго вопроса: „Не позавтракаю ли я съ нею?“ на что я тотчасъ же согласилась. Устроились мы обычнымъ образомъ, тутъ же на столѣ, подлѣ ея кровати. Старушка продолжала торопливо говорить о журналѣ, о рукописяхъ; я ей о томъ же; о своей семьѣ, о моихъ занятіяхъ... Того, страшнаго, какъ будто и не было; хотя туго, на этотъ разъ, проглатывалось, по обыкновенію вкусно приготовленное, крошево изъ картофеля, груздей и лука: должно быть, мѣшали слезы, застрявшія въ горлѣ... Такія же слезы мнились и тамъ, глубоко въ сердцѣ старушки, не смѣя появиться на какъ-то не совсѣмъ естественно блестящихъ ея дѣтскихъ глазахъ...

— Я не люблю,—говаривала и позже мнѣ Т. П.—чтобы люди видѣли мои слезы... Если хочется плакать, такъ я ночью поплачу, когда никто не видитъ.

Такъ въ этотъ разъ мы ни словомъ не обмолвились о томъ, что у обѣихъ было на душѣ, но обѣ знали, что мы понимаемъ другъ друга... Она заговорила мнѣ о своемъ горѣ въ слѣдующій разъ; заговорила сама; тихо и какъ-то торжественно, будто Mater dolorosa, выливая изъ души скорбный стонъ... Она сама

¹⁾ Секретарскую и редакторскую — по исправленію печатавшихся рукописей,—часть велъ Соловьевъ-Несмѣловъ, тоже писатель по дѣтской литературѣ, одинъ изъ первыхъ, вмѣстѣ со мной и г-жей Сахаровой, сотрудниковъ „Игрушечки“.

²⁾ Т. П. очень любила „красенькіе“ ситцевые капотики, которые у нея не переводились.

была „Mater dolorosa“, кромѣ своего горя еще несшая непосильную тяжесть въ лицѣ осиротѣлой семьи и не во-время затѣяннаго журнала!.. И ни малѣйшаго ропота, ни малѣйшаго унынія, отъ котораго бы опустились совсѣмъ старыя, требовавшія покоя,—руки: все та же энергія, бодрость, любовь и всепрощеніе!

Тутъ я начала часто навѣщать Т. П. Рукописей накопилось много; едва и вдвоемъ мы съ ней справлялись въ ихъ разборкѣ. Всего болѣе любила она, какъ я къ ней на цѣлый день пріѣду, даже вечеръ у нея проведу. Пріѣду иной разъ пораньше. Спустить старушка съ ногъ теплые сапожки и залѣзетъ на кровать; а я подлѣ стола въ вольтеровскомъ креслѣ, что хотя поскрипываетъ, а ничего еще терпѣть. Примемся работать. Чуткость у нея была большая въ разборѣ статей; и могу, не хвастаясь, сказать, что съ ней мы сходились и работали дружно. Сначала Т. П. думала было привлечь къ журналу „авторитетныхъ“ писателей; но они оказались такъ мало знакомыми съ дѣтской литературой, такъ мало понимавшими дѣтей и потому не способными быть ими понятыми, что, несмотря на неудовольствіе нѣкоторыхъ, думавшихъ, что достаточно одного ихъ имени, чтобы все и всѣ передъ ними преклонились,—имъ часто возвращались ихъ рукописи, иногда носившія даже непонятныя для дѣтей названія ¹⁾...

Иногда наши работы прерывались какимъ-нибудь посѣщеніемъ. Старушка кряхтя приподнимется; опять натягивай сапожки да выходи въ приемную.

— Вы бы, Т. П., отказали; и то устали!—скажешь, бывало. Вѣдь всего скорѣе, что не за дѣломъ, а такъ, одна пустая болтовня!

— Ахъ, нѣтъ, другъ сердечный, нельзя! Какъ-ни-какъ, а все же, меня видѣть хотятъ; нарочно пріѣхали, а я не приму. Нельзя!

И бредеть, побрякивая. Очень часто, точно, была одна пустая болтовня; были посѣщенія и совсѣмъ незнакомыхъ Т. П. лицъ, желавшихъ только посмотрѣть на нее; но много она и на этихъ незнакомыхъ ей до того лицъ изливала своего свѣта, вливала въ ихъ, часто болѣвшія сердца, бальзама своей любвеобильной души. Шла къ ней и дочь очень извѣстнаго моднаго художника, прославившагося своими блестящими портретами,

¹⁾ Была одна статья „авторитетнаго“ писателя, подъ заглавіемъ „Фантазмагорія“...—очень ясное и понятное для дѣтей названіе!—въ которой, между прочимъ, со всѣми мучительными подробностями, описывалась сцена на бойнѣ при зарѣзываніи ягненка.

который, обзаведясь второй красавицей-женой, не интересовался тѣмъ, что эта красавица, утопая въ роскоши, оставляла безъ башмаковъ дочь его первой жены, которая и пела свои слезы любвеобильной старушкѣ, пришедшей къ ней на помощь. Шла, — даже съ чернаго хода, — брошенная съ дѣтьми, — жена одного, славившагося въ то время своими громившими всякую неправду, статьями, — писателя, шли и другія — имъ же имя легионъ — и изливали передъ ней свои слезы: „рѣкой — льется!“ — скажетъ, бывало, со вздохомъ, старушка и всѣхъ озаряетъ „свѣтлымъ лучемъ“...

— Знаешь, — говорила она мнѣ часто, — я всѣхъ люблю, весь міръ Божій люблю. Мнѣ кажется, я такъ бы и обняла весь міръ!

Позже она стала уже всѣхъ принимать въ своей спальнѣ, одѣтая полу-лежа на кровати¹⁾. Ну, вотъ поработаемъ мы съ ней такъ до обѣда. Т. П. покушать любила и иногда даже рисковала своимъ старымъ, но все еще, — какъ и вообще ея здоровье, — крѣпкимъ желудкомъ. Кушанья любила болѣе чисто-русскія, такъ что зачастую въ обѣдъ входили и капуста и рѣпа; а иногда обѣдъ импровизировался въ такомъ порядкѣ: сначала супъ, а потомъ уха, затѣмъ рябчикъ, а потомъ печеная рѣпа. Любила она и поговорить о разныхъ старинныхъ, нынѣ позабытыхъ, кушаньяхъ.

— А знаешь ли ты, другъ сердечный, что такое курникъ? спросить она, бывало.

— Какъ же, Т. П. знаю! Ну, а помните подовые пирожки?

— Ахъ, прелесть! — только вздыхаетъ старушка. А растаи-то? Чего-чего туда ни наложить, просто таютъ во рту! А запасы-то какіе у насъ дѣлали: разные варенья, соленья, да копченья. Палатки гусиные... Помнишь, кормилица? — обращается Т. П. къ вошедшей кормилицѣ.

— Какъ же не помнить? — „съ зуба рветъ“, кормилица, поправляя съѣхавшій на бокъ головной платокъ. Всего было вдоволь. Домъ полная чаша былъ!

— Что жъ, и теперь еще можемъ друзей угостить, — добавитъ Т. П. — вотъ пріѣзжай, голубчикъ, на этихъ дняхъ ко мнѣ обѣдать; я тебѣ пирогъ съ кашей и грибами заломлю; бабушка это еще можетъ!

Послѣ обѣда и до чая у насъ работа полегче пойдетъ; начнемъ ее дружескими разговорами прерывать, и вотъ тутъ-то вытащить Т. П. передо мной на сцену старину-матушку; за-

¹⁾ Желающихъ подписаться на журналъ принимала въ пріемной Елена Ефимовна, взявшая на себя эту обязанность.

ведетъ свои гусельки, и зазвенять онѣ такъ сладко, что вдовсталъ и не наслушается! Чудно разсказывать она умѣла! Такъ вотъ и стоятъ передъ вами, какъ живыя, эти лица, съ которыми она встрѣчалась на своемъ длинномъ жизненномъ пути;—полныя интереса, а иногда комизма. Вы видите и этого франта, что „скользить—скользить“, и эту „кислятину“, что „губы распустилъ и мямлитъ“,—всю плеяду этихъ людей, смѣняющихъ одинъ-другого, какъ въ калейдоскопѣ, въ ея неистощимыхъ и такихъ краснорѣчивыхъ, образныхъ разсказахъ, что, попади они подъ карандашъ стенографа, вышла бы длинная лѣтопись, прямо, безъ поправокъ, готовая къ печати.

Интересны были ея разсказы объ ея любимомъ кузенѣ Сашѣ, Герценѣ: этомъ энтузіастѣ и идеалистѣ 40-хъ годовъ, по ошибкѣ родившемся или слишкомъ поздно, чтобы встать рядомъ съ энтузіастами среднихъ вѣковъ, погибавшихъ на кострѣ; или слишкомъ рано, чтобы быть понятымъ въ самой сути дѣла. Со своей гигантской личностью, передъ которой такъ мизерны тѣ расплодившіеся Донъ-Кихоты, что болѣе похожи не на самаго печальнаго, честнаго рыцаря—идеалиста,—а на тѣ вѣтряныя мельницы и стада барановъ, съ которыми онъ сражался!... Много интересныхъ подробностей изъ жизни Герцена, не только общественной, но и частной, даже интимной, узнала я изъ этихъ разсказовъ; и это еще яснѣе нарисовало мнѣ его драматическій образъ, съ его увлеченіями, разочарованіями и несокрушимой любовью къ родинѣ, заснувшей только подъ могильной плитой, на далекомъ отъ родины, кладбищѣ Ниццы... Вставали тутъ образъ и его жены, этой сентиментальной Наташи, и весь романъ ихъ любви. А дальше развертывалась вся несчастная жизнь Огарева, этого страдальца пѣвца, испившаго такую горькую чашу въ своихъ двухъ бракахъ, доведшихъ его до той унижительной чаши, хмѣль которой и сократила его жизнь... И при томъ, коснувшись благороднаго порыва несчастнаго поэта, касавшагося его первой, бросившей его жены, умиравшей въ нищетѣ, въ Парижѣ,—разсказала очень „не красивый“ эпизодъ изъ жизни одного изъ нашихъ очень крупныхъ и очень „гуманныхъ“—литературныхъ авторитетовъ...

Вставали передо мной и разные эпизоды изъ частной жизни И. С. Тургенева, съ которымъ Т. П. особенно часто видѣлась въ Парижѣ¹⁾; а также, извѣстной писательницы Марко-Вовчекъ,

¹⁾ Въ послѣдній прїездъ И. С. Тургенева, въ Петербургъ, въ 1881 г. онъ видѣлся съ Т. П. послѣ долгой разлуки, при чемъ она привезла къ

сыгравшей въ жизни Т. П. самую неказистую роль... Касались мы иногда и міра мистическаго, не чуждаго чуткой душѣ старушки, не разъ присутствовавшей и на спиритическихъ сеансахъ. Но объ этомъ особенно много говорилось тогда, когда у нея бывали: Прибытковъ (издатель и редакторъ „Ребуса“); его сестра, Варвара Ивановна, и г-жа Гатцугъ.

Возвращаясь къ Герцену и нѣжной дружбѣ, что существовала между кузеномъ и кузиной, скажу, что Т. П. до конца хранила нѣжность и уваженіе къ памяти мученика идеи. Исчезновеніе его книгъ изъ ея бібліотеки очень ее огорчило. Во время своей бытности, вслѣдъ за смертью сына, во Флоренціи, она видѣлась съ сыномъ Герцена, Александромъ, и рассказала ему о своей потерѣ. Онъ тотчасъ же вручилъ ей всѣ сочиненія отца, надѣясь, что она сама повезетъ ихъ въ Россію.

— Нѣтъ,—сказала Т. П.,—провезти бы ихъ я могла безъ труда; но не хочу имѣть на совѣсти, что я, которой правительство дало разрѣшеніе на изданіе дѣтскаго журнала, считая меня на то нравственно-достойной, — тайкомъ нарушу его положеніе, провезя запрещенныя имъ книги.

И послала ихъ всѣ черезъ цензуру. Книги изъ цензуры ей были возвращены всѣ, цѣликомъ...

Сию я, бывало, такъ, въ волтеровскомъ креслѣ, да слушаю. Звенять ея гусельки—позвениваютъ. За спиной ея, на постели, сладко спитъ баловникъ—Сережа, забравшійся туда послушать да и заснувшій всласть. Подлѣ, на деревянномъ табуретѣ, пузатый самоваръ выводитъ свою предсонную ноту, понемногу замирая; изъ столовой, меланхолично, выкрикиваетъ часовая кукушка...

Свое расположеніе ко мнѣ Т. П. перенесла и на моихъ родныхъ¹⁾, съ удовольствіемъ посѣщавшихъ ее и даже, несмотря на свои необычайно рѣдкіе,—кромѣ необходимыхъ, дѣловыхъ,—выѣзды, заѣзжавшей къ намъ и разъ проведеншей у насъ цѣлый день, съ ночевкой. Нужно сказать, что этотъ импровизированный визитъ пришелся въ субботу, вечеръ которой былъ нашимъ пріемнымъ, собиравшимъ всегда довольно многочисленное общество интересныхъ людей, товарищей брата и ихъ женъ, и многія изъ нихъ очень интересовались „бабушкой изъ даль-

нему и Сережу. Моя статья: „Мое знакомство съ И. С. Тургеневымъ“ была напечатана въ „Историческомъ Вѣстникѣ“.

¹⁾ Мой братъ Александръ Ив. Лаврентьевъ, главный редакторъ „Русскаго Инвалида“ и „Военнаго Сборника“ и его жена, съ которыми я и жила.

нихъ лѣтъ“. И нужно было видѣть эту „бабушку“, въ ея парадной, коричневой шерстяной блузѣ и съ черной кружевной косыночкой на головѣ, — умѣвшей всѣмъ сказать милое слово, всѣхъ заинтересовать; ставшей центромъ общества! Также очаровала она и нашу старую душеньку, Ольгу Ивановну (на манеръ ея Марьи Дмитріевны), тоже жившую у насъ въ домѣ 40 лѣтъ, — съ которой, укладывавшей ее на ночь, въ отведенной для нея комнатѣ, — Т. П. сошлась, какъ она говорила утромъ: „дружески“, прибавивъ: „и обѣ мы остались другъ другомъ довольны“. Въ этой же коричневой блузѣ Т. П. явилась и на литературномъ вечерѣ, въ память И. С. Тургенева, куда мы ее отвезли вмѣстѣ съ Е. М. Бемъ, и тамъ стала тоже центромъ образовавшагося вокругъ нея кружка, показавъ, что по счастію не всегда „по платью встрѣчаютъ“...

У кого еще бывала Т. П. и помимо дѣловыхъ посѣщеній, — это у графини Анастасіи Ив. Толстой (второй жены бывшаго Президента Академіи Художествъ), и съ которой познакомила и меня; и мнѣ пришлось тамъ видѣть много прелестныхъ, художественныхъ вещей, изъ собранія покойнаго графа, какъ его собственныхъ, начиная съ прелестныхъ рисунковъ „Душеньки“, такъ и другихъ художественныхъ и скульпторовъ. Впослѣдствіи дружба Татьяны Петр. и Анастасіи Ив. нѣсколько поколебалась; но я продолжала изрѣдка навѣщать графиню, очень всегда радовавшуюся моимъ посѣщеніямъ. У нея тогда еще воспитывался сынъ одной изъ ея дочерей, рано осиротѣлый, которому, за неимѣніемъ у покойнаго графа, сыновей, была выхлопотана фамилія Толстого и графскій титулъ. Бабушка страстно любила своего внука, Сашу, мальчика очень интереснаго, нѣжнаго и сентиментальнаго, какъ дѣвочка, прекрасно декламировавшаго стихи своего родственника, симпатичнаго поэта Алексѣя Толстого¹⁾.

Задумала было Т. П. устроить у себя пріемный вечеръ; главное для того, чтобы собирать сотрудниковъ журнала, для общихъ собесѣдованій. Всего болѣе это восхитило Сережу, принимавшаго живое участіе во всѣхъ учрежденіяхъ бабушки, вкладывая въ нихъ только излишнюю суету. Былъ выбранъ понедѣльникъ. Т. П. жила тогда въ Саперномъ переулкѣ, такъ

¹⁾ Гораздо позже мнѣ пришлось познакомиться со вдовой поэта Толстого, Софіи Андреевны, и это кратковременное знакомство оставило мнѣ самое пріятное воспоминаніе объ этой замѣчательно умной и симпатичной женщинѣ, къ которой съ такимъ уваженіемъ относились и Тургеневъ, и Гончаровъ.

какъ излюбленный домъ на Малой Подъяческой принялись ломать. Собранія, конечно, должны были происходить въ гостиной, болѣе тщательно прибранной неумѣлой прислугой. На столѣ ярко горѣла лампа съ треснутымъ колпакомъ. Старушка, хотя все же въ одномъ изъ своихъ ситцевыхъ, носимыхъ зимой и лѣтомъ,—капотиковъ, но съ черной кружевной косыночкой на головѣ¹⁾, возсѣдала на голубомъ штофномъ диванѣ, разсыпаясь въ любезностяхъ передъ гостями, на звонки которыхъ Сережа, въ восторгѣ, бросался со всѣхъ ногъ въ переднюю. Съ непривычки, все приняло нѣсколько чопорный оттѣнокъ, будто атмосфера этой самой гостиной, съ ея штофнымъ диваномъ и бабушкой на немъ, а не на кровати, какъ-то, расхолаживала; да и бабушка стала утомляться и, черезъ четыре раза, понедѣльники прекратились и снова повалилъ народъ,—съ воскресенья до воскресенья включительно,—въ знакомую спальеньку, къ знакомой постелькѣ, на которой полу-лежала дорогая всѣмъ бабушка, туго-подтягивая узелокъ мягкой, головной косыночки.

Но особенная толчея происходила въ квартирѣ бабушки, въ Татьянинъ день, 12 января. Визиты начинались съ раннего утра; и кто не перебиваетъ у дорогой именинницы, начиная съ старыхъ знакомыхъ, къ которымъ принадлежали и нѣкоторые изъ нашихъ маститыхъ литераторовъ, и кончая лицами едва старушкѣ знакомыми! Привозились разнородные подарки: сладкіе пироги и торты, конфеты и фрукты. Гостей угощали шоколадомъ, варившимся неумѣлой прислугой всегда очень долго, а иногда и съ курьезами; когда, не зная мѣры, на палку шоколада вливали чуть не ведро молока и потомъ бѣгали по всему дому искать: не сохранилось ли гдѣ завалящагося шоколада среди разныхъ гостинцевъ Сережи, чтобы сгустить хоть немного молочную бурду. Но гости не обращали вниманія на эти промахи, ѣли, что предлагали, и весело болтали другъ съ другомъ, смѣняя одинъ другихъ, когда уже слишкомъ много накоплялось народу подлѣ бабушки, всѣмъ, несмотря на утомленіе, умѣвшей сказать ласковое слово, даже не успѣвая просматривать массу поздравительныхъ писемъ и телеграммъ.

Лѣтомъ Т. П. всегда жила на дачѣ, чаще всего въ Лѣсномъ; разъ на дачѣ графа Салиаса, котораго я и прежде встрѣчала у нея. Такъ какъ на дачу она всегда переезжала рано, а мы, на-

¹⁾ Обыкновенно Т. П. носила простые, полотняные, старенькіе платочки, крѣпко завязывая ихъ узломъ подъ подбородкомъ.

противъ, уѣзжали не раньше іюля за границу или въ Крымъ¹⁾, то я успѣвала побывать къ Т. П. и на дачѣ, пріѣзжая, конечно, на цѣлый день. На дачѣ она почти не покидала своей спальни; развѣ на балконѣ посидить; ну, а когда я пріѣзжала, то ради того, она, бывало, со мной подъ ручку и по садику погуляетъ и даже, въ ближайшемъ лѣскѣ, по дорожкѣ пройдетъ; и тогда она вся отдавалась природѣ, восхищаясь по-дѣтски всякимъ цвѣткомъ и листкомъ.

— Какая во всемъ гармонія, стройность! — говорила она, — возьми ты съ самага малаго цвѣтка; а вотъ тебѣ дерево вышло изъ самага маленькаго сѣмени, и все выше, стройнѣе... Такъ вотъ и во всемъ созданіи все животныя, все это развивается, крѣпнеть. Вотъ, тоже, какъ дерево раскидывается вѣтвями, растетъ, такъ и духъ человѣка все расширяется и, наконецъ, охватываетъ весь горизонтъ. Блескъ какой-то, какъ лучи отъ центра расходятся и все шире и шире становятся.

Однако, наши прогулки были не долги. Старушка скоро уставала и рада бывала снова вернуться въ свою спаленку и, спустивъ съ ногъ теплые сапожки, взобраться отдохнуть на постельку. Иногда кутежъ простирался до того, что обѣдъ и чай устраивался въ саду; и тогда Сережа приходилъ въ „телячій“ восторгъ, что грозило цѣлости посуды или чистотѣ скатерти. Въ одно изъ ея проживаній въ Лѣсномъ она и устроила мнѣ тотъ незабвенный юбилей, о которомъ я упомянула въ моей, помѣщенной, въ 1908 г. въ „Русской Старинѣ“ статейкѣ²⁾, приведя ко мнѣ, въ одинъ изъ моихъ къ ней пріѣздовъ, двухъ дѣвурочекъ, жившихъ съ родителями на дачѣ, на одномъ съ ней дворѣ. — Вижу онѣ „Игрушечку“ читаютъ, — говорила мнѣ Т. П. — спрашиваю: нравятся ли имъ? А онѣ начали мнѣ, другъ сердечный, наперерывъ твоей повѣстью „Нашъ домъ“ — восхищаться. Очень твои вещи любятъ. А я имъ говорю, что ты ко мнѣ скоро пріѣдешь. Удивились сначала. Дѣтямъ, знаешь, иногда кажется, что повѣсти да сказки для нихъ кто-то такой пишетъ, что его и не увидишь; невидимка какой-то! Стали меня Христомъ-Богомъ умаливать, чтобы я имъ тебя показала, какъ ты ко мнѣ пріѣдешь.

Послала она за ними. Пришли двѣ дѣвурочки. Скромныя такія, сначала сконфузились немного.

¹⁾ Въ Крыму мы проживали въ красивомъ имѣніи моей невестки, между Ялтой и Гурзуфомъ.

²⁾ „Изъ автобіографіи маленькаго человѣка“.

— Ну, вотъ,—говорить Т. П.—это вотъ она-то и написала „Нашъ домъ“, что вамъ такъ понравился.

Просіали у нихъ глазки, и молча, сначала одна, а потомъ другая, вскинули мнѣ на шею ручки и прямо въ губы поцѣловали. Хорошо у меня стало на сердцѣ, тепло. Скрѣпили онѣ этимъ поцѣлуемъ убѣжденіе, что изъ-подъ моего скромнаго пера не вылилось ничего вреднаго; что я могла смѣло смотрѣть въ эти ясные, дѣтскіе глаза!

Одинъ разъ Т. П. задумала лѣтомъ пожить въ Петергофѣ; но я тамъ у нея до своего отъѣзда за границу побывать не успѣла, и она о своихъ впечатлѣніяхъ только въ письмѣ писала:

„Вы не можете себѣ представить, милая, дорогая, Софья Ивановна, какъ я люблю ваши письма, и какъ бываю всегда рада получать ихъ. Какъ это вы, моя родная, вспомнили не только что меня, но и день моего рожденія! Благодарю и крѣпко обнимаю. А я было все поджидала васъ къ намъ въ Петергофъ; съ вами-то, не будь дива, и до Монплезира добралась бы, а то, представьте себѣ, что я и садъ-то нашъ только два раза обошла. Сижу себѣ въ своемъ уголкѣ, на широкомъ креслѣ, то съ книгой, то съ карандашемъ—и будетъ съ меня; а кругомъ парки зеленѣютъ пышныя, фонтаны бьютъ, иллюминаціи, балы во дворцѣ, и все это я только слышу, какъ будто за тысячу верстъ отъ дѣйствительнаго Петергофа. Сбираюсь хотя бы домикъ Петра Великаго навѣстить и на море взглянуть—собраться не могу. Зато дѣти, Сережа и Оля, которые поручили вамъ передать ихъ поклонны, привѣты и поцѣлуи, такъ и живутъ въ паркѣ; просятъ сказать вамъ, что помнятъ васъ, а Сережа вспомнилъ, что ему обѣщали звѣзды показать, а кстати о звѣздахъ—у насъ такъ мало ясныхъ дней, что мы позабыли, какой и видъ-то у звѣздъ! Дождей—гибель—лѣтъ, правда, что не продолжительны, но сильны, и тотчасъ солнце; впрочемъ, опять небо задернуто. Тепла большого тоже не много видишь—вотъ и пишу вамъ чуть не въ темнотѣ, сумерки наступаютъ,—разберете ли вы мое писаніе? А я ваши письма точно статьи милыя, кроткія читаю и наслаждаюсь самымъ хорошимъ впечатлѣніемъ. Вотъ просьба къ вамъ, моя родная: вы теперь странствуете и много хорошаго видите, потому что умѣете все хорошее увидѣть, оцѣнить и воспроизвести перомъ; такъ вотъ опишите ваше путешествіе, ну, хотя письмами ко мнѣ, а я ихъ сейчасъ же и напечатаю. Пожалуйста, пишите и посылайте. Вы скажете, что объ этихъ мѣстахъ много уже писано,

ну, такъ что-жъ, что писано? а вы съ вашей точки зрѣнія посмотрите на нихъ и свое о нихъ скажите, а мнѣ ваше-то и надобно. Буду ждать исполненія моей просьбы“.

Желая исполнить просьбу Т. П., я начала ей, именно въ письмахъ, описывать кое-что изъ нашего путешествія, для „Игрушечки“. На одно изъ нихъ, гдѣ я касаюсь дисциплины воспитанія дѣтей въ Австріи, сравнительно съ распушенностью нашихъ, старушка отвѣчала мнѣ такъ:

„Какъ я смѣялась, читая въ вашемъ письмѣ, какъ наши русскіе Левушки и Сережи ревомъ-ревутъ, истинно такъ нашъ Сережа и теперь, порой, взрываетъ; смѣялся отъ души и онъ, когда я ему дочитала ваше письмо до этого мѣста, и крайне доволенъ остался. Премилыя ваши письма, жду очень продолженія,—пишите, печатаю прямо, какъ говорится, съ пыла... А когда ваша милость прибудетъ въ родныя палестины? истинно жажду васъ обнять...“.

Насколько грустны были наши разставанія, настолько радостны встрѣчи.

— Кто это такой проявился? — говорила она ласково-шутливо, раскрывая мнѣ навстрѣчу широкія объятія: это другъ сердечный проявился! Ну, садись и рассказывай!

И закипали рассказы, отъ которыхъ Сережу, бывало, не оттянешь!

Между тѣмъ (черезъ три года по кончинѣ Владиміра Вадимовича), совершился бракъ его вдовы, Елены Ефимовны, съ С. С. Манухинымъ¹⁾, и я хочу привести еще одно ко мнѣ письмо, въ Крымъ, Т. П., относящееся ко времени помолвки Елены Ефимовны, изъ Лѣсного, гдѣ тогда семейство проживало.

„Поѣздка ваша описана вами такъ мило, что хоть печатать, — читала и перечитывала съ истиннымъ наслажденіемъ. Мы живемъ потихоньку, какъ вы видѣли, дѣти цѣлый день въ паркѣ, погода стоитъ прелестная, тишина въ воздухѣ непробудная, дни и ночи, все какъ въ дремотѣ, листъ не шелохнетъ, цвѣтеть, дышетъ ароматомъ волшебное лѣто. Да не въ волшебномъ ли мірѣ и живемъ-то мы? Я больше работаю, — вѣдь вся дача со всѣми расходами и заботами на мнѣ. Вообще же я благодарю Бога, что далъ мнѣ силу духа и тѣла, почти три года, — доставлять удобную, хорошую жизнь — дорогимъ сердцу моего Володи, и чѣмъ болѣе труда и лишеній лично мнѣ это стоило, тѣмъ они дороже

¹⁾ Нынѣ членъ Государ. Совѣта.

мнѣ становились,—быть имъ полезной мнѣ блаженство было и будетъ, а что доставляетъ намъ такое высокое душевное счастье, то, конечно, вполне овладѣваетъ и душой нашей. Такъ дѣйствуетъ это всегда на меня. Великое счастье, кто можетъ доставить такое душевное состояніе,—или кого обстоятельства къ этому приведутъ...”

По выходѣ замужъ Елена Ефимовна дочь взяла къ себѣ; Сережа остался при бабушкѣ, которая не могла бы совсѣмъ съ нимъ разстаться. Въ 1885 году онъ поступилъ въ гимназію, и тогда Т. П. стала переживать съ нимъ жизнь гимназиста. По утрамъ его будила, приготовляла ему завтракъ; интересовалась всей его гимназической жизнью, со всѣми ея подробностями; и, пока не взяла ему репетитора, заучивала съ нимъ латинскія слова. Тогда она переѣхала на новую квартиру, на Глазовой улицѣ, грязной улицѣ, большею частью населенной мастеровымъ людомъ, а потому кабаками и трактирами. Домъ, гдѣ была квартира Т. П., тоже находился между двухъ кабаковъ; но главной приманкой для старушки, въ этой неудобной и тѣсной квартирѣ,—была лежанка, на которую она иногда забиралась съ ногами, чтобы погрѣться. На замѣчанія посѣтителей, что она забралась въ такую глушь, Т. П. отвѣчала:

—Захотятъ бабушку видѣть, и тутъ, въ глуши, между кабаковъ, отыщутъ! Сама я не выхожу; не знаю, что на улицѣ дѣлается. А въ квартирѣ тихо, тепло...

Позже она переѣхала на другую квартиру, тоже на Глазовой улицѣ, противъ Звенигородской, гдѣ и скончалась. Квартира была удобнѣй и даже слишкомъ велика для нея; такъ что она, не зная, что дѣлать съ лишними комнатами, на старинный барскій манеръ,—устроила, кромѣ столовой, еще „чайную“,—хотя все это почти постоянно соединялось, по-прежнему, въ спальнѣ старушки. Квартирой этой Т. П. очень восхищалась, главное потому, что могла натапливать ее вволю, такъ какъ квартира была съ дровами, да еще хозяинъ не скупился, имѣя дровяной дворъ. Одну изъ комнатъ она вскорѣ отдала молодому человѣку, сыну своей старинной знакомой, относившемуся къ ней съ большимъ вниманіемъ. Въ средствахъ она не была стѣснена главное благодаря товарищу ея покойнаго сына, Юрію Нечаеву-Мальцеву, постоянно въ молодости вращающемуся въ ихъ семьѣ.

—Много ли мнѣ нужно-то?—говорила она: вѣдь ты знаешь, мнѣ теперь Юрій даетъ 100 рублей въ мѣсяцъ. „Вы, говорить, бабушка, этимъ не стѣсняйтесь: мы все ваши должники; что въ

насъ есть хорошаго, этимъ мы все вамъ же обязаны!“ Спасибо, что помнить добро; значить, хорошій человекъ!

Къ тому же она знала, что ее не оставятъ ни ея племянникъ Пашковъ, ни невестка Елена Еф., всегда относившаяся къ старушкѣ съ прежней любовью и уваженіемъ, какъ и ея второй мужъ. Съ 1884 года стала Т. П. прихварывать; относясь къ своимъ болѣзнямъ совершенно спокойно, иногда даже въ юмористическомъ тонѣ, и не признавая ни докторовъ, ни лѣкарствъ:

— Это, другъ мой, уже старость; тутъ лѣкарства не помогутъ! скажетъ, бывало, со спокойнымъ, свѣтлымъ взглядомъ.

Но разные болѣзненные приступы не мѣшали ей не только заниматься, но даже мечтать о разныхъ новыхъ литературныхъ предпріятіяхъ, напр., объ изданіи энциклопедическаго журнала для юношества, задуманнаго, когда-то, ея покойнымъ мужемъ, Вадимомъ Васильевичемъ. Хотѣла написать въ „Русскую Старину“ нѣкоторыя изъ своихъ воспоминаній, особенно касавшихся Герцена и Огарева. Приступивъ къ разборкѣ своихъ бумагъ, изъ которыхъ кое-что хотѣла обработать и издать, она многое изъ нихъ прочитывала. Съ особеннымъ вниманіемъ остановилась Т. П. на давно начатой его серьезной статьѣ: „О судьбѣ женщины съ древнѣйшихъ временъ“, нѣкоторыя изъ страницъ которой были такъ хороши, что не требовали редакціи. Вотъ надъ ней-то мы съ ней и принялись, было, прилежно работать, такъ какъ она непременно хотѣла проредактировать ее со мной. Но эту работу пришлось отложить, такъ какъ прежде старушка рѣшила написать третью часть (къ двумъ первымъ) своихъ воспоминаній „Изъ дальнихъ лѣтъ“, долженствовавшую служить ихъ заключеніемъ, что, по счастью, и довела до конца. Къ этому Т. П. особенно побудила присылка ей, по ея просьбѣ, отъ Огаревой цѣлой пачки писемъ, описывающей, со всею подробностями, послѣдніе годы и дни жизни Герцена, умиравшаго на ея рукахъ.

Чтеніе этихъ писемъ, — читаемыхъ нами вмѣстѣ, — было мнѣ очень интересно. Очень было бы интересно ихъ содержаніе и для читателей печатнаго слова, но дѣти Герцена заявили требованіе, чтобы эти письма не были напечатаны, и это сократило и объемъ третьей части воспоминаній Татьяны Петр., вообще явившейся не достаточно полной. Наши съ ней работы были прекращены моимъ отъѣздомъ на лѣто и осень въ Крымъ ¹⁾. Возвратясь оттуда, я нашла ее дописывающей послѣд-

¹⁾ Въ 1888 г.

нія страницы. Сама она писать уже не могла, а диктовала г-жѣ Зассергагентъ, очень дѣльной особѣ, много лѣтъ бывшей помощницей извѣстной дѣтской писательницы, Самойловичъ. Последнія страницы Т. П. продиктовала за двѣ недѣли до своей кончины.

Къ своей кончинѣ она приближалась, все слабѣя, иногда страдая, но всегда терпѣливая и философски-покорная.

— Пора, другъ сердечный, устала я! Знаю, что ты поплачешь обо мнѣ и не забудешь, придешь на бабушкину могилку... Да, не скоро вамъ нажить другой такой бабушки... Я васъ любила всѣхъ, и знаю, что вы бабушку любили... Тебѣ я вѣрю, что ты меня любишь... Ты мой истинный другъ!..

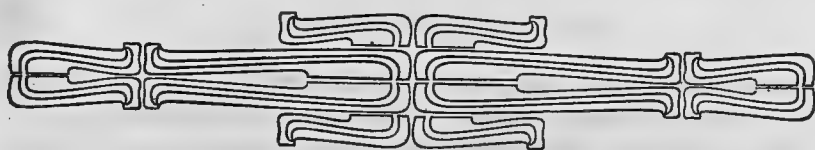
Когда силы ея немного возставали, она начинала мечтать и о поѣздѣ на лѣто; и всѣмъ интересовалась и обо всемъ, происшедшемъ въ то время въ городѣ, разспрашивала, вполне сохранивъ ясную память. Я часто навѣщала ее, уже совсѣмъ не сходящую съ постели, утѣшая со страхомъ болѣе не застать ее въ живыхъ; но, напротивъ, при последнемъ нашемъ свиданіи, болѣе успокоенная ея бодрымъ духомъ, чѣмъ когда-либо, въ продолженіе ея болѣзни... Она скончалась тихо, почти не страдая, 24 марта 1889 г., мечтая о покоѣ и тишинѣ...

— Лежу я вотъ такъ одна,—говорила она мнѣ, какъ-то, во дни ея нездоровья,—и все думаю, все думаю... и такъ я до многого теперь додумалась, такъ мнѣ многое стало понятно, чего я прежде не понимала! Точно будто горизонтъ передо мною расширяется, расширяется... Помню, когда я еще молода была, также я послѣ болѣзни лежала, и вижу я, какъ бы не во снѣ, что около меня свѣтъ какой-то появился, и стали отъ него отдѣляться лучи, все шире, шире, все стремясь вверхъ, къ какому-то центру, и мнѣ самой такъ легко стало, будто и я отъ земли отдѣляюсь и тоже стремлюсь туда, вверхъ... Вотъ я и теперь тоже ощущаю...

И такъ рука, твердо державшая свою „свѣчку“—опустилась; но зажженные отъ ея свѣта, свѣчечки еще горять, передавая свой свѣтъ другимъ... И не погасъ „свѣтлый лучъ“, блеснувшій намъ изъ „дальнихъ лѣтъ“...

С. Лаврентьева.

Фешенебельный пансіонъ

прошлаго столѣтія.

Летитъ, быстрокрылое время
И все увлекаетъ съ собой:
И счастье, и горестей бремя
И юности—вѣкъ золотой.

Народ. пѣсня.

Помѣщавшійся съ незапамятныхъ временъ въ Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ ¹⁾ пансіонъ принадлежалъ много лѣтъ тому назадъ—почтенной г-жѣ Онетъ, портретъ которой, темный, потускнѣвшій отъ времени въ широкой золоченой рамѣ, служилъ украшеніемъ одного изъ классовъ въ 70 годахъ.

Въ собственность Е. П. Заливкиной, какъ бывшей помощницы и сотрудницы г-жи Онетъ, перешелъ пансіонъ въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Пепиньеркой окончивъ въ 1824-мъ году Смольный институтъ, Е. П. посвятила себя исключительно педагогической дѣятельности—своему любимому дѣтищу пансіону, въ которомъ поддерживала строгій режимъ и традиціи института, въ которомъ окончила свое образованіе.

Вмѣстѣ съ пансіономъ, какъ бы въ наслѣдіе г-жа Онетъ приобрѣла Е. П., незамѣнимую помощницу, въ лицѣ Miss Sally (Салли), строгой пуританки, блюстительницы порядка. Ей было

¹⁾ Е. П. Заливкина скончалась въ 1879 г., и пансіонъ, перешедшій къ ея сестрѣ, вскорѣ упразднился.

за 60 лѣтъ, когда я впервые, при поступленіи въ пансионъ, узнала ее. Мнѣ живо представляется ея маленькая, плотная фигура; пышное, свѣтло-кофейное шерстяное платье, корсажъ на костяхъ, со старомоднымъ отложнымъ воротникомъ, чепчикъ съ длинными широкими лентами и густою сплошь обрамлявшій ея круглое, румянное лицо. При своей тучной комплекціи она отличалась необыкновенной подвижностью. Энергично преслѣдуя болтовню на русскомъ діалектѣ, она не только на словахъ угрожала „mauvais point“ (плохимъ балломъ), но и спѣшила таковой тотчасъ же занести въ свой журналъ. Обильно за самую малѣйшую провинность сыпались на насъ mauvais point Miss Sally — при чемъ извиняться, оправдываться — было бесполезно — суровая англичанка оставалась всегда непреклонной.

Въ долгіе годы существованія — въ пансионѣ Е. П. установился своеобразный, строгій — какой-то исключительный *modus vivendi*.

Такъ, напримѣръ, вмѣсто принятой въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ 5 и 12-ти-балльной системы — у насъ существовала чрезвычайно сбивавшая съ толку учителей — почему-то 6-ти-балльная.

Классовъ было всего 4, хотя курсъ былъ 7-ми-лѣтній, такъ какъ въ двухъ старшихъ классахъ было по 2 отдѣленія. Отмѣтки, отпечатанныя по-французски на тонкихъ листкахъ большого формата — выдавались родителямъ по 2 раза въ мѣсяцъ. На нихъ означалось, какой по успѣхамъ въ наукахъ числилась въ классѣ — ученица; выставлялось общее число „bon и mauvais points“ ¹⁾ и обозначалось поведеніе словами ²⁾: „Bien, passable, très bien“.

Такъ какъ пансионъ въ мое время не пользовался правами гимназій, то выданное на выпускномъ актѣ свидѣтельство, за подписью попечителя учебного округа объ окончаніи курса, требовало, еще, на полученіе званія домашней учительницы, экзамена по всѣмъ предметамъ средне-учебнаго заведенія при 6-ой гимназій (въ зданіи министерства народнаго просвѣщенія у Чернышева моста).

Другою характерною особенностью пансіона было отсутствіе въ классахъ партъ и пюпитровъ, составляющихъ неотъемлемую принадлежность школьной обстановки. Вмѣсто нихъ были, какъ,

¹⁾ Плохимъ балломъ.

²⁾ Хорошо, порядочно, очень хорошо.

вѣроятно, при блаженной памяти М-ше Онетъ—длинные скамейки, обитыя черной клеенкой, и такіе же табуреты. Столы въ зависимости отъ величины класса и числа ученицъ были разставлены покоемъ, глаголемъ или буквой Т, какъ у насъ, въ старшемъ классѣ. Въ каждомъ классѣ помѣщался бібліотечный шкафъ для книгъ и журналовъ, большая классная доска—отдѣльный возлѣ нея столикъ и стулъ для присутствующей на каждомъ урокѣ, классной дамы и нѣчто на подобіе открытаго шкафа, съ клѣтками для помѣщенія нашихъ портфелей и книгъ.

Окна всѣхъ классовъ, выходившихъ на Невскій проспектъ, были заставлены примитивными, деревянными рѣшетками, состоявшими изъ тоненькихъ—окрашенныхъ въ черный цвѣтъ узенькихъ брусковъ.

Занятія были распредѣлены такимъ образомъ, что, начинаясь съ 9 часовъ, съ перерывомъ для обѣда, съ часовой отъ 3 до 4 рекреацией—продолжались до 7-ми часовъ, когда экстерны, въ сопровожденіи прислуги, или кого-либо изъ старшихъ, уходили домой, а интерны послѣ ужина, общей молитвы—расходились по дортуарамъ. Классы начинались аккуратно въ 9 часовъ, 2 урока съ небольшой перемѣной занимали время до 12; съ полудня до 2-хъ было еще 2 урока, затѣмъ обѣдъ. Рекреация отъ 3—4-хъ съ прогулкой для экстерновъ по классамъ и стеклянной галлерей, а для интернѣ—урокъ музыки. Отъ экзерсисовъ, гаммъ простыхъ и хроматическихъ—исполняемыхъ на рояляхъ, которые за недостаткомъ мѣста помѣщались даже въ дортуарахъ—стоялъ въ воздухѣ непріятно густой гулъ. Отъ 4 до 7-ми еще два урока и такъ какъ времени для приготовленія заданнаго было мало—то пособіемъ служили репетиціи по каждому предмету съ дамами классными, замѣнявшими намъ учителей въ случаѣ ихъ отсутствія; при чемъ полагалось, не теряя времени по-пусту, заниматься—имѣющимъ навсегда готовымъ—руководѣіемъ.

Плата за полупансіонерокъ и интернѣ взималась по полугодно, при чемъ при поступленіи требовался серебряный приборъ, состоящій изъ ножа, вилки, ложки столовой и чайной, который по окончаніи курса переходилъ въ собственность пансіона.

Преподаваніе поставлено было отлично, языки изучались основательно въ теоріи и практикѣ, учителями нашими были всѣ лучшіе, извѣстнѣйшіе преподаватели Петербурга того времени.

Особенно интересенъ былъ курсъ французской литературы

въ увлекательно живомъ, умѣломъ чтеніи этого предмета Mr. Flint ¹⁾. Живо представляется мнѣ его внушительная фигура, съ гладко выбритымъ оваломъ лица (имѣвшимъ большое сходство съ позднѣйшими портретами Наполеона). Я помню его превосходную, ясную дикцію, тѣ красивые жесты, которыми дополнялъ онъ свою выразительно живую рѣчь. Французскую литературу проходили мы не по учебникамъ, а по составленнымъ имъ самимъ гектографическимъ оттискамъ, заключавшимъ въ себѣ чрезвычайно интересныя біографіи, характеристики извѣстныхъ писателей, лучшіе отрывки изъ поэтическихъ произведеній. Наше время было періодомъ горячаго увлеченія романтизмомъ, мы съ наслажденіемъ заучивали старинныя стансы и декламировали строфы *Duperrier à la mort de sa fille*. Особенно нравилось намъ сравненіе ²⁾ *mais elle était du monde ou les plus belles choses ont le pire destin et rose elle a vécu ce que vivent les roses—l'espace d'un matin* и т. д. ³⁾.

Задаваемые имъ темы для сочиненій были всегда такими интересными, благодарными, содержательными, что пріятно было разработать ихъ. Онъ былъ строгъ, скупъ на отмѣтки, но умѣлъ цѣнить работу лучшихъ ученицъ. Съ неподражаемымъ, тонкимъ юморомъ прочитывая вслухъ выдержки изъ неудачныхъ сочиненій, онъ заставлялъ смѣяться надъ ихъ несообразностями самихъ авторовъ.

Время свое Mr. Flint цѣнилъ такъ дорого, что преподавалъ только въ 1-мъ классѣ. Преподавателемъ фр. языка во 2-мъ классѣ былъ извѣстный своей христоматіей Mr. La Fosse, котораго я совсѣмъ не знала.

Нѣмецкую литературу проходили мы съ г-нъ Беккеръ, имѣвшимъ также чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, солидную внѣшность государственнаго мужа. Онъ, какъ и Mr. Flint, преподавалъ свой предметъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ ⁴⁾ и пользовался, какъ говорятъ, большою благосклонностью при Дворѣ Великой Княгини Елены Павловны. Курсъ литературы проходили мы по его собственному руководству—не большой

¹⁾ М. Флинтъ былъ лекторомъ академіи генеральнаго штаба—въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника—преподавателемъ Августѣйшихъ сыновей Императора Александра II, Пажескаго корпуса, гдѣ имѣлъ квартиру.

²⁾ „она была отъ мира, гдѣ всему лучшему уготованъ худшій удѣлъ—и какъ роза, она просуществовала всего одно утро бытія“.

³⁾ Она была отъ міра, въ которомъ всему прекрасному суждено худшій удѣлъ—и какъ подобіе розы ей суждено было пережить одно утро.

⁴⁾ Въ лицей, училищѣ. Правовѣдѣнія.

тонкой книжкѣ, которая переходила отъ одного внука къ другому, такъ какъ ее нигдѣ нельзя было купить. Первое изданіе очевидно быстро разошлось, а г-ну Беккеру вѣроятно не хотѣлось заняться дополненіемъ его, для выпуска 2-мъ изданіемъ.

Другимъ преподавателемъ нѣмецкаго языка—собственно синтаксиса былъ г. Бютнеръ. Высокій, плотный, добродушный, онъ былъ проще, доступнѣе гордаго, олимпійски-величаваго г-на Беккера. На баллы онъ не былъ скупъ — и въ общемъ былъ очень симпатиченъ.

Русскую литературу читалъ намъ А. А. Антоновъ¹⁾, чрезвычайно серьезный, сосредоточенный—любившій свой предметъ и относившійся справедливо и безпристрастно къ письменнымъ работамъ ученицъ. Задаваемые имъ темы для сочиненій—разборъ литературныхъ произведеній, параллель между героями наиболее извѣстныхъ романовъ и драмъ, описанія природы—психологическія задачи—были безконечно содержательны и разнообразны. Многимъ обязана я ему въ смыслѣ внимательной, тщательной разработки слога. Передъ выпускомъ—когда курсъ литературный былъ пройденъ, онъ во время урока превосходно читалъ намъ произведенія лучшихъ писателей. „Четыре времени года“ Гончарова въ его умѣломъ чтеніи на всю жизнь запечатлѣлись въ моей памяти.

Уроки географіи умѣлъ дѣлать необыкновенно интересными Г. П. Вагнеръ²⁾. Учебники Смирнова и Бѣлохи служили намъ только для справокъ; мы торопливо заносили въ свои тетради для памяти описанія государствъ Европы—столицъ, историческихъ городовъ, впечатлѣнія путешествій, совершенныхъ Г. П. Моложавый, изысканно любезный, онъ производилъ впечатлѣніе великосвѣтскаго, придворнаго человѣка, постоянно вращающагося въ высшемъ обществѣ.

Но самыми любимыми изъ всѣхъ преподавателей былъ учитель физики и естественной исторіи П. Ив. Степановъ, большого роста, внушительной наружности, онъ обладалъ свойствомъ располагать къ себѣ. Въ звукъ голоса его, въ глазахъ звучало такъ много искренности и доброты—снискавшихъ ему вообще расположеніе. Мы любили его уроки, мы старались какъ можно лучше приготовить заданное имъ, несмотря даже на то, что Пав. Ив. отличался необыкновеннымъ добродушіемъ

¹⁾ Г-нъ Антоновъ былъ инспекторомъ классовъ въ Екатерининскомъ институтѣ, издавалъ превосходную грамматику русскаго языка.

²⁾ Дѣйствительный статскій совѣтникъ — директоръ коммерческаго училища въ Петербургѣ.

и снисходительностью и былъ щедрѣе, чѣмъ кто-либо, на баллы. Я встрѣчалась съ нимъ уже въ послѣдующіе годы своей жизни, когда онъ былъ директоромъ училища глухонѣмыхъ, и прочитавъ въ газетахъ о кончинѣ его (директоромъ всѣхъ петербургскихъ гимназій), послѣдовавшей 18 февраля 1912 года, — искренно оплакивала его, какъ человѣка рѣдкой по благородству души и незамѣнимаго, полезнаго неутомимаго труженика, въ лицѣ котораго, цѣнившій его по заслугамъ, педагогическій столичный міръ понесъ невознаградимую, тяжелую утрату.

Другимъ, пользовавшимся большою симпатіей ученицъ, преподавателемъ былъ отличавшійся рѣдкимъ добродушіемъ и незлобіемъ, убѣленный сѣдинами, учитель рисованія академикъ Вас. Сем. Садовниковъ. Онъ не менѣе насъ боялся строгой Miss Sally, хотя ему, подобно намъ, не угрожало „mauvais point“. Уловивъ выраженіе гнѣва на лицѣ ея, онъ, робкій и застѣнчивый, принималъ на себя провинность, навлекшую неудовольствіе суровой англичанки. „Не беспокойтесь, Сарра Яковлевна, виноватъ я самъ, что не успѣлъ подойти исправить рисунка M-me T—“. Но Miss Sally часто не внимала его заявленію и властно приказывала ослушницѣ возвратиться на свое мѣсто и впредь не нарушать порядка, ожидая терпѣливо своей очереди.

Мнѣ, рисовавшей первый годъ только карандашемъ, рисунокъ выдавался самой Miss Sally. Я изображала въ толстой тетради какіе-то замки, частоколы, маленькіе мостики и когда подносила ей свой уже готовый рисунокъ, — она обыкновенно пальцемъ указывала на нѣчто по ея мнѣнію незаконченное; я возвращалась на свое мѣсто и, чтобы не испортить рисунка, не дѣлала никакихъ измѣненій; послѣ чего возвращала тетрадь Miss Sally, ставившей въ углу какую-то отмѣтку, въ видѣ затѣливаго іероглифа.

Танцы, пластику, грацію преподавалъ извѣстный всему Петербургу того времени знаменитый балетмейстръ Ив. Тим. Стуколкинъ. Его высокая, худощая, отличавшаяся необыкновенной гибкостью и подвижностью фигура ясно представляется мнѣ въ тотъ моментъ, когда онъ, имитируя одну изъ насъ, съ необыкновеннымъ комизмомъ продѣлывалъ какое-нибудь *chassée* (приговаривая въ тактъ и „Муравьева—Петипа—не станцуютъ это па“). Танцевали мы, постоянно чередуясь, *lancier*, польку-мазурку, венгерку и пр. танцы, но больше всего было обращено вниманіе на походку, поклоны и въ особенности реверансы, которые должны были быть глубокими, плавными, граціозными.

Для уроковъ танцевъ, которые давались спозаранку въ пятницу (за недостаткомъ времени у Ив. Тим.), мы должны были приносить изъ дома кисейные бѣлые передники и прюне-левия ботинки безъ каблуковъ и набоекъ, въ которыхъ такъ неудобно было не только танцевать, но и ходить по паркету, особенно усердно натертому мастикой въ эти дни.

Не любили мы этого танцкласса... Сыро, холодно, неуютно было въ большомъ съ необыкновенно скользкимъ поломъ залѣ, въ этотъ ранній утренній часъ. Впереди масса недоученныхъ уроковъ, за которыми не приходилось отдохнуть отъ усиленнаго моціона.

Если утренніе уроки танцевъ не приходились всѣмъ намъ по душѣ—то зато очень любили мы уроки хорового пѣнія и своего учителя Л. П. Рожнова, издавшаго собраніе красивыхъ русскихъ пѣсень „Вѣнокъ“, по которому разучивали мы мелодичные романсы: „Вьется ласточка сизокрылая надъ окномъ моимъ“, „Колокольчики мои цвѣтики лѣсные“ и т. д. Экзерсисовъ мы совсѣмъ не проходили, а начали сразу пѣть—до ре ми фа соль ля си. „Мы знаемъ гамму хорошо—и обратно внизъ до си ля фа ми ре до не затрудняетъ насъ ничто“. „Боже, царя храни“, „Здравствуй, русская красotka—распрекрасная зима“ и пр.

Изъ всѣхъ предметовъ не давалась мнѣ только одна математика, и потому я, пользовавшаяся престижемъ ученицы не изъ плохихъ—была не въ милости у преподавателей математики и репетировавшей съ нами этотъ предметъ В. П. И.—ой, сестры начальницы. Строгій, суровый г-нъ Волковъ ставилъ мнѣ всегда плохія отмѣтки, которыя мнѣ не особенно вредили потому только, что онъ рѣдко вызывалъ меня къ доскѣ—ему вѣроятно самому досадно было получать неудачные нелѣпые отвѣты. Его преемникъ, болѣе молодой и менѣе строгій, г-нъ Ремберовичъ—былъ ко мнѣ болѣе милостивъ и въ присутствіи кого-либо изъ высшаго начальства, вѣдомства народнаго просвѣщенія, никогда не вызывалъ къ доскѣ меня, никогда въ это время не поднимавшей глазъ. Не заглядывая отъ волненія въ раскрытый передъ нимъ журналъ, онъ вызывалъ къ доскѣ только тѣхъ, на которыхъ случайно останавливался его случайный взглядъ. Спрошенными всегда оказывались именно тѣ, которыя желали блеснуть своими познаніями и составить хорошую репутацію какъ преподавателю, такъ и всему классу.

За то по исторіи всегда у меня были отличныя отмѣтки, даже у строгаго, требовательнаго г-на Замысловскаго—котораго замѣстилъ впоследствии совсѣмъ еще молодой, симпатичный,

тщедушный г-нъ Покровский. Онъ превосходно преподавалъ свой предметъ, и его лекціи мы записывали съ особеннымъ удовольствіемъ, такъ какъ онъ почти не придерживался руководства Иловайскаго и постоянно ссыался на Карамзина, Устрялова и Соловьева.

На каждой лекціи присутствовала та изъ классныхъ дамъ, на обязанности которой лежало репетированіе заданнаго урока.

На лекціяхъ нѣмецкаго языка присутствовала полная, симпатичная, добродушная Fräulein Hesse, которой мы по пятницамъ отвѣчали тщательно переписанныя стихотворенія Шиллера, Уланда, Гейне и др. по ея чрезвычайно удачному выбору.

На лекціяхъ французской литературы присутствовала въ годъ моего поступленія въ пансионъ массивная, представительная M-lle Gérard, внушавшая своимъ голосомъ (густымъ басомъ и солидною вышностью) кромѣ уваженія еще и чувство страха, хотя въ общемъ она не была сурова.

Ея замѣстительница, моложавая, оживленная M-lle Tabari¹⁾ представляла полный контрастъ своей предшественницѣ. Она была необыкновенно привѣтлива и внимательна и относилась къ намъ, какъ къ своимъ сверстницамъ. Ей также по пятницамъ мы отвѣчали стихи, которые были всегда такъ умѣло выбраны ею. Мы съ удовольствіемъ заучивали Iocelyn Lamartine—à ma fille, Victor Hugo, André Chenier, Alfred de Musset и пр., которые свѣжо до сего времени сохранились у меня въ памяти.

Ближайшей сотрудницей — послѣ Miss Sally была А. Т. Соколова — смолянка (впослѣдствіи инспектриса пенинъерокъ на николаевской половинѣ Смольнаго института); она была до педантизма вѣрна институтскимъ порядкамъ и строгому этикету. Она всегда держалась прямо, отличалась необыкновенной выдержкой и требовала отъ ученицъ хорошихъ манеръ, плавныхъ движеній и глубокихъ, граціозныхъ реверансовъ.

Утренній кофе начальницъ и французекъ подавался всегда въ нашемъ классѣ. Сдѣлавъ на порогѣ почтительный реверансъ, мы, чтобы не мѣшать ихъ разговору, старались, пройдя на свое мѣсто, разбраться осторожно и безшумно въ своихъ учебникахъ и тетрадяхъ.

Послѣ 2-го урока около полудня, на подносѣ, покрытомъ бѣлой салфеткой, подавались однимъ изъ лакеевъ — разложенные

¹⁾ Впослѣдствіи вышедшая замужъ за сотника Грекова.

вокругъ стеклянной солонки—тонкіе ломти бѣлаго, чернаго, ситнаго хлѣба, съ добавленіемъ потомъ мягкихъ толстыхъ баранокъ.

Въ 2 часа мы по классамъ становились въ пары и подъ предводительствомъ Fraülein Hesse торжественно черезъ гостиную и такъ называемый *salon vert*¹⁾ направлялись къ обѣду въ залъ, гдѣ по прочтеніи одною изъ дежурныхъ краткой предъобѣденной молитвы, занимали свои мѣста, тогда какъ старшія ученицы, набравшія въ передники салфетки съ именными кольцами, спѣшно раздавали ихъ по принадлежности. Параллельно окнамъ зала стояло два стола, третій находился въ *salon vert* и за нимъ за хозяйку была M-lle Hesse.

За нашимъ—предсѣдательствовала сама M-lle Заливкина, въ центрѣ сидѣла одна изъ классныхъ дамъ, а противъ нея наша экономка, худощавая, живая Эмма Ивановна, съ необыкновенною ловкостью и проворствомъ умѣвшая разливать почти одновременно супъ по четыремъ тарелкамъ, которыя быстро отъ одной къ другой передавались на самый край стола. Пустыя тарелки очень скоро и ловко собиралъ одинъ изъ двухъ пансіонскихъ лакеевъ. Онъ же ставилъ передъ нѣмкой большія, тяжелыя блюда.

Меню не отличалось разнообразіемъ. По расписанію отъ временъ, должно быть, M-lle Онетъ, полагался ежедневно какой-нибудь густой супъ, засыпанный для большей питательности лапшой, вермишелью, рисомъ или крупами. На жаркое подавалась отварная говядина съ соусомъ изъ брюквы, рѣпы, моркови, горошка, бобовъ, отварной картофель; на сладкое компотъ, кисель, пудинги изъ риса или бѣлаго хлѣба съ жидкимъ клюквеннымъ сиропомъ.

Только по пятницамъ въ отличіе отъ другихъ дней подавалось жареное мясо съ огурцами и заварныя кондитерскія пышки, прозванныя „*gateaux de silence*“²⁾, потому что сидящіе на концѣ стола, поспѣшивъ съѣсть ихъ, торопились молча передавать тарелки для полученія второй порціи; не до разговоровъ было въ это время. За то въ пятницу подавался тотъ темный, густой гороховый супъ, который такъ не нравился мнѣ и многимъ другимъ.

Послѣ 5-го урока, въ ¹/₂ 6-го вечера, лакей вносилъ торжественно на большемъ подносѣ сладкій чай въ фаянсовыхъ бѣлыхъ чашкахъ, а маленькая, проворная горничная Таня—кор-

¹⁾ По цвѣту обивки мебели.

²⁾ Пирожки молчанія.

зину съ тѣми свѣжими мягкими сухарями, которыхъ каждой изъ насъ полагалось не болѣе трехъ. Тамъ вмѣнено было въ обязанность зорко слѣдить за тѣмъ, чтобъ кѣмъ-нибудь, по неосторожности или умышленно, не былъ взятъ лишній сухарь. Обыкновенно мы, приходящія, предвкушающія удовольствіе домашняго чаепітія, уступали интернамъ часть своей порціи сухарей.

Въ 7 ч., по окончаніи уроковъ, одна изъ горничныхъ, солидная, степенная Катерина или добродушная Лизаветушка, появившись на порогъ класса, выликала по фамиліи мадемуазель такую-то, за которой раньше другихъ присылалась прислуга. Возбуждая зависть оставшихся въ стѣнахъ пансіона до субботы, мы, экстерны, наскоро простившись, слѣшили расходиться по домамъ.

Съ утра въ субботу всегда замѣтно было большое оживленіе. Интерны, въ особенности маленькія, уже наканунѣ уложившія свой багажъ въ корзинки и узелки, поминутно выбѣгали въ переднюю—и уже въ полдень были совершенно готовы къ уходу, хотя классы оканчивались только около 2-хъ.

Пансіонъ къ обѣду окончательно пустѣлъ. Оставались въ немъ только тѣ немногія, привезенныя издалека, которыя, не имѣя родныхъ и близкихъ въ столицѣ, разбѣзжались по домамъ только на Рождество и Пасху.

На выпускномъ актѣ.

(Посвящается моему выпуску).

Лопнули струны, и лира умолкла,
Пѣсню я спѣлъ до конца...
Прошлое грустное — прошлое милое
Пусть Вамъ напомнитъ она!

Л. А.

II.

Въ жаркое петербургское утро 1-го іюня 1871 года въ ранній неурочный для столичныхъ жителей 10-й часъ, къ подъѣзду громаднаго дома Лѣсникова непрерывно подъѣзжали собственные экипажи, наемныя кареты, извозчичьи дрожки.

Подъѣзды этотъ, подъ желѣзнымъ навѣсомъ, былъ однимъ изъ тѣхъ незамѣтныхъ, незначительныхъ, что терялись среди

множества входныхъ дверей въ гастрономическія ¹⁾ лавки такъ называемаго „Милютинскаго ряда“ и другихъ магазиновъ.

Для встрѣчи нарядныхъ дамъ, почтенныхъ родителей, сопровождавшихъ маленькихъ вочекъ-подростковъ, взрослыхъ дѣвицъ на выпускной актъ въ пансионѣ Е. П. Заливкиной, недоставало предупредительнаго, ливрейнаго швейцара, помогавшаго выходить изъ экипажа нарядной публикѣ.

Ни надъ окнами бельэтажа, ни надъ входной дверью не было вывѣски учебнаго заведенія, просуществовавшаго много десятилѣтій. Но безъ вывѣски, безъ представительнаго подѣзда, безъ предупредительнаго швейцара, упрочившій за собой репутацію основательнаго, превосходно поставленнаго учебнаго заведенія, фешенебельный пансионъ Е. П. Заливкиной былъ хорошо извѣстенъ петербургскому обществу, такъ какъ въ немъ окончилъ свое образованіе много матерей, пожелавшихъ довѣрить воспитаніе своихъ дочерей и внучекъ тому учебному заведенію, о которомъ сами сохранили на всю жизнь благодарную добрую память... Давно это было...

Воспоминаніе объ этомъ ясномъ солнечномъ утрѣ торжественнаго выпускнаго акта живо, ясно запечатлѣлось въ памяти.

День обѣщалъ быть очень хорошимъ, такимъ жаркимъ, какимъ бываетъ онъ въ Петербургѣ въ самые знойные, лѣтніе мѣсяцы.

Отъ недостатка воздуха и простора въ застроенныхъ высокими, громадными домами улицъ, отъ раскаленныхъ солнцемъ желѣзныхъ крышъ ощущается нестерпимый, удушливый зной.

Спѣшная заливка асфальтомъ тротуаровъ, перестилка торцевой мостовой, ломка старыхъ зданій, постройка новыхъ, столбы известковой пыли, угаръ отъ громадныхъ чановъ кипящей смолы заставляютъ въ это время года обывателей, имѣющихъ какую-либо возможность—стремиться изъ душной и пыльной столицы къ заманчивому лону природы. Петербургъ замѣтно пустѣетъ; только служба, занятія заставляютъ оставаться въ немъ въ это время.

Въ такое утро прибывающая въ экипажахъ и пѣшкомъ

---

¹⁾ На Невскомъ, близъ Казанскаго собора, рядомъ съ городской душой. Старинный домъ, выходившій угломъ на Екатерининскій каналъ, куда выходили его единственные ворота. На дворъ по срединѣ находился небольшой садъ, съ маленькими въ то время деревьями, на который выходили окна гастрономическихъ лавокъ Одинцова, Смурова, Кузнецова и проч.

нарядная публика поднималась по неширокой, заключенной между каменными стѣнами темной лѣстницѣ, старой архитектуры, доходнаго дома въ 3-й этажъ, занятый помѣщеніями пансіона.

Стеклянные двери изъ длинной входной галлерей открыты настежь и въ то время, какъ приглашенные, почетные гости прямо черезъ узкую переднюю входятъ въ гостиную, — свои, т.-е. ученицы, проворно исчезаютъ за дверью налѣво, въ комнату, заставленную шкапами, гдѣ имѣются специально для каждаго класса отведенныя вѣшалки.

Особенный парадный праздничный видъ имѣетъ помѣщеніе пансіона въ этотъ торжественный день. Оно измѣнилось до неузнаваемости.

Гостепріимно настежь открытыя двери представляютъ длинную амфиладу комнатъ: залъ, *salon vert*, гостиная, классы, пріемная начальницы, за ней цѣлый рядъ дортуаровъ.

Почтенная Е. П. Заливкина, нарядная, торжественная, въ тяжеломъ шелковомъ платьѣ, элегантно отдѣланной кружевомъ мантильѣ, наколѣ съ широкими, цвѣтными лентами, съ привѣтливой улыбкой встрѣчая гостей, приглашаетъ прибывшихъ на ея торжество пройти въ залъ, гдѣ уже находится налицо весь учительскій персоналъ и собраны по классамъ воспитанницы.

Торжественный выпускной актъ начинается молебствіемъ, совершаемымъ законоучителемъ пансіона от. Павломъ Лебедевымъ.

Въ залѣ царитъ величественная тишина. Лица у всѣхъ присутствующихъ серьезны, сосредоточенны. Ученицамъ 1-го класса въ бѣлыхъ платьяхъ, какъ бенефицианткамъ, отведено самое почетное, видное мѣсто. Онѣ стоятъ впереди всѣхъ — возлѣ самой начальницы, и на нихъ сосредоточено общее вниманіе. Первыми подходятъ онѣ къ кресту. Теплое слово прощальнаго напутствія законоучителя, благословляющаго своихъ юныхъ питомицъ на открывающійся передъ ними, по выходѣ изъ учебнаго заведенія, новый жизненный путь, вызываетъ на лицахъ многихъ сосредоточенныхъ и вдумчивыхъ чувство умиленія. Взволнованными, растроганными возвращаются онѣ, послѣ окропленія св. водой, на свои мѣста.

Глубоко прочувствованнымъ словомъ обращается за тѣмъ къ выпускнымъ воспитанницамъ Е. П. Заливкина. Всѣмъ на всегда покидающимъ пансионъ она искренне желаетъ счастья, какъ желаетъ она, чтобы онѣ сохранили надолго добрую, благодарную память о своихъ наставникахъ и преподавателяхъ,

о времени, проведенномъ въ стѣнахъ покидаемаго ими учебнаго заведенія. Въ голосѣ, которому старается она придать внятность и твердость, звучитъ сильное волненіе, когда она говоритъ о томъ, что, привязавшись къ нимъ, полюбить, какъ дѣтей родныхъ, она съ глубокой искренней грустью расстаётся съ ними сегодня.

Ея волненіе передается многимъ присутствующимъ. На глазахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ виднѣются слезы.

Вполнѣ овладѣвъ собой, она громко по списку, который держитъ въ рукѣ, вызывая фамиліи лучшихъ ученицъ, вручаетъ каждой изъ подходящихъ къ ней награду—книгу, перевязанную бѣлыми лентами въ красивомъ, цвѣтномъ, золотомъ тисненомъ переплетѣ.

На той, которая вручена была мнѣ вмѣстѣ съ аттестатомъ и носящей названіе *Picciola*¹⁾, въ малиновомъ переплетѣ, внутри на сафьянной красной карточкѣ, золотыми буквами напечатано *Application № 1 M^{le} Marie B.*

Послѣ почтительнаго, глубокаго реверанса и благодарности начальницѣ, мы по одной подходимъ къ каждой изъ классныхъ дамъ, выражая признательность за ихъ попеченіе о насъ, и общимъ поклономъ благодаримъ собравшуюся въ углу зала урочья группу преподавателей.

Покончивъ съ торжественной, официальной программой, обрадованными, сразу повеселѣвшими подходимъ мы къ собравшимся на выпускъ роднымъ и знакомымъ.

Привѣтствія, поздравленія, пожеланія обильно сыплются со всѣхъ сторонъ. Поднимается шумъ и говоръ, совершенно непривычный для слуха присутствующаго педагогическаго персонала, настоятельно требовавшаго отъ насъ повиновенія и строгаго соблюденія тишины.

Не слыша обычнаго окрика, призывающаго къ порядку угрозою „*mauvais point*“, даже самыя маленькія и робкія пансіонерки становятся такими смѣлыми, что сами заговариваютъ съ учителями, совершенно игнорируя свое въ обычное время строгое начальство.

Послѣ шампанскаго, тостовъ за начальницу, учащихся и учащихся, приглашенные изъ залы переходятъ въ другія комнаты, въ которыхъ подается чай.

Все вниманіе гостей сосредоточивается на выставкѣ рукодѣлій, устроенной въ II, какъ самомъ обширномъ изъ классовъ. Тамъ съ большимъ вкусомъ и умѣньемъ выставлены самыя

¹⁾ Историческій очеркъ съ иллюстраціями изъ эпохи Людовика XVI.

разнообразныя работы ученицъ. По стѣнамъ въ одинаковыхъ золоченыхъ рамахъ развѣшены картины акварелью: изящные букеты, красивые пейзажи и художественно исполненныя красками, въ натуральную величину, головки, изображающія одалисокъ, задрапированныхъ въ причудливыя, прозрачныя чадры, итальянокъ съ пышными, черными, какъ смоль, волосами и пр.

Преподаваніе рисованія было отлично поставлено въ пансіонѣ художникомъ-академикомъ, почтеннымъ Васил. Сем. Садовниковымъ. Поступившая сразу въ I классъ, я, не имѣвшая дома представленія объ акварельныхъ краскахъ, могла выставить не только два изящныхъ букета цвѣтовъ,—но и предметъ своей гордости—довольно большой пейзажъ, изображавшій красивый, причудливой архитектуры минаретъ на фонѣ темной зелени.

Много было по стѣнамъ развѣшено пестрыхъ ковриковъ; выставлено вышитыхъ гладью шелками и гарусомъ диванныхъ подушекъ, кружевныхъ съ цвѣтными бантами воротниковъ; всякаго рода шитья и вязанья.

На полочкахъ, украшенныхъ вышивками съ длинной бахромой изъ блестящаго стекляруса, красовались маленькія, изящныя (подражанія коралламъ) корзиночки, изготовленіе которыхъ, очень сложное, требовало много труда. Купленные въ магазинѣ проволочныя корзиночки приходилось тщательно обматывать полосками коленкора, смазывать клеемъ, засыпать рисомъ и заливать расплавленнымъ сургучемъ. Были еще маленькія корзиночки изъ луба, наполненныя артистически сдѣланными изъ покрытой газомъ ваты—крупныя, натуральныя ягоды садовой викторіи.

На отдѣльномъ столѣ разложены были заслужившія одобреніе высшаго начальства¹⁾ лучшія сочиненія ученицъ на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

Если бы знали мы, кто торопливо просматривалъ эти красиво-каллиграфически переписанныя на большихъ листахъ самой лучшей бумаги произведенія нашего юнаго творчества, какимъ бы уваженіемъ прониклись они къ этой Сизифовой работѣ!..

Каждое сочиненіе приходилось переписывать по меньшей мѣрѣ трижды, получая всякій разъ строгое внушеніе за убыточную порчу дорогой бумаги, за непозволительную разсѣянность и небрежность.

Многія изъ этихъ сочиненій съ разрѣшенія и безъ онаго похищались на память присутствующими гостями по преимуществу братьями и кузенами пансіонерокъ.

Было оживленно, весело, шумно какъ на свѣтскомъ благо-

¹⁾ По вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

творительномъ базарѣ. Начальства—какъ бы вовсе не существовало для насъ въ этотъ день. Съ учителями, даже самыми серьезными и строгими, можно было свободно заговаривать и шутить, какъ со своими старыми, хорошими знакомыми; просить настоятельно взаимѣнь своихъ—карточки съ подписями. Въ смѣлости и развязности старшимъ подражали не только взрослые воспитанницы II класса, но и маленькія ученицы, стараясь заручиться благосклонностью и снисходительностью въ осеннемъ семестрѣ.

Особенной симпатіей среди учащихся пользовались преподаватель физики и естественной исторіи добрый Пав. Ив. Степановъ и добродушный, почтенный учитель рисованія Вас. Сем. Садовниковъ, корректный, элегантный М. Flint¹⁾ (Флинтъ).

Публика смѣнялась какъ въ калейдоскопѣ. Въ то время какъ разбѣзжались присутствовавшіе на молебнѣ, подбѣзжали прибывшіе съ дачи—запоздавшіе на актъ.

Отъ массы самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, отъ многолюдства, шума, говора, суеты, я такъ устала, что къ 2 часамъ вернулась на отдыхъ домой, чтобы снова въ 8 часовъ прибыть на танцевальный вечеръ, устраиваемый начальницей въ честь насъ, выпускныхъ.

* * *

Утомительно душный лѣтній день, разразившійся къ заходу солнца сильной грозой, оглушительными раскатами грома, непрерывно сверкавшей яркой молніей и проливнымъ дождемъ. Надо было переждать ливень, чтобы съ запозданіемъ прибыть на этотъ прощальный вечеръ.

Въ переднюю доносились звуки излюбленнаго въ то время Штраусовскаго вальса „an der schönen blauen Donau“. Въ гостиной М-ле Заливкина занимала разговоромъ нѣсколькихъ почтенныхъ матерей; въ сосѣднемъ „salon vert“ сестра начальницы—высокая, худощавая В. И. Ив.—умѣвшая внушать ученицамъ, въ особенности слабымъ, какъ я въ математикѣ, непреодолимое чувство страха, оживленно разговаривала съ цѣлой группой преподавателей. Въ дортуарахъ, классахъ, длинной стеклянной галлерей (мѣстомъ прогулки въ часы рекреаций) слышался оживленный говоръ и смѣхъ собравшихся небольшими группами пансіонерокъ и ихъ гостей.

Несмотря на наличность кавалеровъ братьевъ, кузеновъ и ихъ товарищей, танцы въ этотъ вечеръ оживленіемъ не отли-

¹⁾ Преподаватель французской литературы.

чались. Въ залѣ, въ которомъ всѣ выходящія на Невскій проспектъ окна были настежь открыты, было какъ-то томительно душно. Тускло горѣли висящія на стѣнѣ лампы—свѣтъ ихъ какъ бы боролся съ вечерними сумерками, не сгущавшимися, несмотря на поздній часъ тѣхъ сѣверныхъ, бѣлыхъ ночей, когда, по выраженію Пушкина „одна заря, смѣнивъ другую—спѣшитъ, давъ ночи полчаса“.

Самыми желательными гостями въ ущербъ юнымъ, балънымъ кавалерамъ, отличнымъ танцорамъ—были учителя. Кузеновъ, братьевъ и ихъ товарищей могли мы встрѣчать дома и на вечерахъ въ любое время, а съ преподавателями своими мы проводили послѣдній вечеръ, и каждой изъ насъ хотѣлось при прощаньи припомнить нѣсколько эпизодовъ классной жизни. Шутя и смѣясь, выдавались всякія шалости, невинныя продѣлки—хитрости, относящіяся къ плохо заученнымъ урокамъ, пропускамъ, мистификаціи и т. д.

Было особенно ново и весело стать сразу на ровную ногу съ тѣми лицами, которыя еще чуть ли не вчера изображали для насъ начальство и казались намъ китайской стѣной отдѣленными отъ насъ.

Становилось поздно, а совсѣмъ маленькія натапцовавшіяся вдоволь пансіонерки, заставлявшія родителей ожидать себя въ прихожей, не хотѣли уѣзжать домой; онѣ бѣгали, суетились, прощаясь такъ усердно, какъ будто бы имъ, а не намъ предстояло сегодня разстаться съ пансіономъ на вѣки.

Замолкли, замерли аккорды послѣдняго вальса... Бережно опустивъ на клавиши тяжелую крышку рояля, съ почтительнымъ поклономъ покинулъ залъ усталый тапёръ.

Приглашенные разъѣхались... Торжество окончилось... Гостиная сразу опустѣла... Для окончательнаго прощанья съ начальницей, наставницами и служащими остались однѣ мы—выпускныя.

Всѣмъ намъ—даже тѣмъ, что, вычисляя не только дни, но и часы и минуты до выпуска, считая кабалой пребываніе въ пансіонѣ, жаль было покидать на вѣки гостепріимный кровъ его...

Свѣтало... Ярko уже стала разгораться на востокѣ алая полоса зари... Дневной свѣтъ рѣшительно восторжествовалъ надъ ночнымъ сумракомъ...

Наступило ясное утро ликующаго, новаго дня.

М. М. Марина.

Воспоминанія стараго педагога.

XVII¹⁾.

Историческій взглядъ на ходъ развитія законодательства по учебной части: уставъ народныхъ училищъ 1786 г., уставъ гимназій 1804 г., уставъ 1823 г., мѣры къ ограниченію поступленія въ университетъ. — Бифуркація гимназій и неуспѣшность этой мѣры. — Педагогическое движеніе шестидесятыхъ годовъ. — Уставъ гимназій 1864 г. — Реакція. — Реформа графа Толстого; ея достоинства и недостатки.

Но обратимся къ самой сущности реформы графа Д. А. Толстого и къ ея примѣненію на практикѣ. Сущность реформъ этихъ и отношеніе къ нимъ печати и общества можно выяснитъ себѣ, только обратившись къ исторіи средняго образованія въ Россіи.

Колыбелью или, лучше, зародышемъ нашихъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній послужили народныя училища, учрежденныя въ концѣ прошлаго столѣтія по уставу Императрицы Екатерины II 1786 г. Созданныя подъ вліяніемъ филантропическихъ идей, господствовавшихъ въ то время, народныя училища были чужды мертвой схоластики. Въ основаніе всей системы обученія въ нихъ положены были принципы великаго славянскаго педагога Яна Коменскаго: наглядность преподаванія и близость науки къ жизни. Всѣ предметы ученія пользовались равноправностію; ибо всѣ предметы, по словамъ устава, суть равно важныя и нужныя части одной цѣпи (Уст. народн. училищъ 5 августа 1786 г.). Еще яснѣе мысль о единствѣ и преподава-

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1913 г.

ніа и равноправности предметовъ обученія выражена въ уставѣ гимназій 5 ноября 1804 г., въ которомъ требуется, чтобы учителя вели дѣло единодушно и дружно, и помогали другъ другу дѣломъ и совѣтомъ. Преподавая свой предметъ, они, по словамъ устава, отнюдь не должны унижать другихъ предметовъ. Тотъ же принципъ и почти тѣми же словами повторяется и въ уставѣ 8 декабря 1823 г.; хотя этотъ послѣдній и допустилъ весьма невѣрный въ педагогическомъ отношеніи принципъ раздѣленія предметовъ ученія на главные и неглавные. Главными однако признаны предметы, которые дѣйствительно должны имѣть первенствующее значеніе въ системѣ общаго образованія, а именно: законъ Божій, русскій языкъ, древніе языки, ариметика, геометрія и русская исторія.

Таковыя чисто педагогическіе принципы положены были въ основаніе первыхъ уставовъ гимназій. Долго школьное устройство, покоясь на этихъ основахъ, было чуждо всякой политики, преслѣдовало главнымъ образомъ задачи чисто педагогическія. Только въ 1848 г. подъ вліяніемъ смуть, происходившихъ въ Западной Европѣ, русское правительство начало относиться къ народному образованію нѣсколько подозрительно. Боясь ученаго пролетаріата, доставившаго главные элементы революціоннаго броженія тогдашняго времени, на западѣ, оно принимаетъ мѣры къ ограниченію поступленія въ университетъ. Для этой цѣли придумана была бифуркація тогдашняго времени, или раздѣленіе высшихъ классовъ гимназій на два отдѣленія: классическое съ преподаваніемъ древнихъ языковъ и юридическое для изученія законовъ, съ цѣлью приготовленія молодыхъ людей для поступленія прямо изъ гимназій въ государственную службу. Но мѣра эта не достигла своей цѣли, потому что трудно было дѣтей, едва достигшихъ четырнадцатилѣтняго возраста, дѣлить по специальностямъ. И родители, и дѣти предпочитали избирать болѣе широкую университетскую дорогу. Отдѣленіе юридическое оставалось почти пустымъ. Такъ, пріѣхавъ на службу въ Черниговскую гимназію въ 1850 г., я засталъ всего 12 чловѣкъ юристовъ, 8 члов. въ 5-мъ и 4 въ 6-мъ классѣ. Къ концу пятидесятихъ годовъ катедра юриспруденціи, какъ я уже замѣтилъ, сама собою закрылась, такъ какъ въ Черниговской гимназій не оказалось желающихъ отказаться отъ поступленія въ университетъ. Та же исторія повторилась и во всѣхъ прочихъ гимназіяхъ Кіевского учебнаго округа. Въ это время начинается знаменитое педагогическое движеніе, поднятое и въ литературѣ и въ школѣ Н. И. Пироговымъ. Заговорили со-

вѣты, закрипѣли перья. Много было увлеченія во всемъ этомъ движеніи; но тѣмъ не менѣе заслуги доктора-педагога несомнѣнны.

Несомнѣнно, что онъ пробудилъ нашу педагогію отъ долговременной спячки и тѣмъ не мало способствовалъ разработкѣ многихъ педагогическихъ вопросовъ, къ выясненію основныхъ задачъ воспитанія.

Прежде всего допущенное уставомъ 1828 года дѣленіе предметовъ на главные и второстепенные, равно какъ и дѣленіе высшихъ классовъ по специальностямъ, признаны неосновательными, такъ какъ всякая специализація въ системѣ общаго образованія, по общему мнѣнію тогдашнихъ педагоговъ, могла только мѣшать гармоническому развитію всѣхъ способностей учащагося. Твердо установленъ принципъ, что всѣ предметы, входящіе въ кругъ общаго образованія, должны быть изучаемы равно добросовѣстно, равно основательно. Другая заслуга Пирогова—отмѣна тѣлесныхъ наказаній, служившихъ только къ озлобленію молодежи. Вмѣстѣ съ тѣмъ поднято значеніе педагогическихъ совѣтовъ, которые должны были выработать новый строй, новые школьные порядки. Старая школа, опиравшаяся на системѣ устрашенія, должна была отойти въ вѣчность, а на мѣсто ея должна была народиться школа, основанная на любви къ дѣтямъ, на гуманныхъ началахъ. „Не дѣти для школы, а школа для дѣтей“, твердили тогда, совершенно справедливо, педагоги. Родилась мысль объ индивидуализаціи воспитанія дѣтей или о необходимости ближайшаго ознакомленія съ особенностями и нуждами учащагося. Подведеніе дѣтей подъ одинъ общій взглядъ, подъ одну мѣру признавалось абсурдомъ и осуждалось, какъ и вообще формальное отношеніе къ дѣтямъ.

Само правительство, повидимому, признавало недостатки старой школы, недостатки устава 1828 г. и приступило къ разработкѣ новаго устава на широкихъ основаніяхъ. Во всѣ учебныя заведенія были разосланы проекты новаго устава гимназій. Педагогическіе совѣты горячо взялись за изученіе и критику этихъ проектовъ и не мало потрудились надъ этимъ дѣломъ. Мнѣнія совѣтовъ и разныхъ лицъ сведены и составили цѣлые томы; но министерство народнаго просвѣщенія, тогда состоявшее подъ управленіемъ Головнина, издавая уставъ 1864 г., ограничилося только общими положеніями въ либеральномъ духѣ. Каракозовскій выстрѣлъ однако далъ внутренней политикѣ совершенно иное направленіе. Началась реакція и въ законодательствѣ, и въ школѣ. Опять начали думать на тему ограниченія ученаго пролетаріата, ограниченія и возможнаго затрудненія

доступа въ университетъ, хотя и не хотѣли открыто признать этого, а прикрывались соображеніями о необходимости поднятія солидности образованія и возведенія его на ту высокую степень, на которой находилось оно на западѣ Европы. Московскіе публицисты упорно стали проводить мысль, что существовавшая въ то время уваровская система образованія въ гимназіяхъ, подправленная новѣйшимъ реальнымъ направле-ніемъ, представляетъ будто бы какую-то опасность для государства и что для спасенія отечества необходимо все гимназическое ученіе основать на изученіи древнихъ языковъ. Естественныя науки и вообще реальное направленіе, по мнѣнію тогдашняго московскаго оракула Каткова, порождаютъ только нигилизмъ и всякіе другіе измы, которые слѣдуетъ искоренять, какъ искореняють негодную траву на нивѣ. Съ такимъ мнѣніемъ однако не согласна была вся тогдашняя литература петербургская, которая, къ сожалѣнію, успѣла уже сильно про-штрафиться по части либерализма и вообще не пользовалась особымъ довѣріемъ правительства. Петербургскіе литераторы встрѣтили московскія теоріи съ немалымъ озлобленіемъ и не даромъ, такъ какъ московскіе публицисты не чужды были способности переводить обсужденіе даже самыхъ общихъ вопросовъ на личную почву, любили закидывать камешки въ огородъ петербургской печати, усиливая все болѣе и болѣе противъ себя озлобленіе и ненависть либеральной публики, бывшей болѣе на сторонѣ Петербурга, чѣмъ устарѣлой Москвы. Возгорѣлась газетная война. Вся періодическая печать раздѣлилась на два враждебные лагеря: реалистовъ и классиковъ. Первые стояли за изученіе естественныхъ наукъ и вообще за реальное направ-леніе въ системѣ общаго образованія; вторые въ изученіи при-роды и въ реальномъ направленіи средняго образованія видѣли источникъ всѣхъ отечественныхъ золъ какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Въ самый разгаръ этой бумажной войны, втянувшей школу въ политику, на постъ министра народнаго просвѣщенія вступаетъ человекъ желѣзной воли, энергическій и настойчивый, однимъ словомъ, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой. Онъ рѣшительно и безповоротно усвоиваетъ взглядъ московскихъ публицистовъ, становится на сторонѣ классицизма, сразу выступаетъ во всеоружіи власти и съ вполне опредѣлен-ною программю. Несмотря ни на что, онъ прямо объявляетъ, что существовавшая до него система образованія недостаточна и что все ученіе должно быть сконцентрировано на главномъ образовательномъ ученіи, однимъ словомъ, на изученіи древнихъ

языковъ, которые должны быть центромъ ученія. Для контенанса упомянута и математика, какъ наука важная для формальнаго развитія учащихся. Всѣ прочія науки признаны дѣломъ второстепеннымъ, полезнымъ настолько, насколько это необходимо для изученія древнихъ языковъ. За примѣрами нечего было ходить далеко; нужно бы только взять число уроковъ по древнимъ языкамъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, и новая система образованія была готова. Такъ по уставу графа Толстого на древніе языки взята почти половина учебнаго времени; на прочіе, такъ называемые второстепенные предметы, дано по часу и по два въ недѣлю, какъ бы съ намѣреніемъ отнять отъ учителей возможность основательнаго преподаванія ихъ предметовъ. Даже на Законъ Божій въ высшихъ классахъ, гдѣ въ особенности требовалось противодѣйствіе живого изученія религіи разнымъ нигилистическимъ и антирелигіознымъ теченіямъ въ средѣ молодежи, былъ назначенъ всего одинъ часъ, или лучше сорокъ пять минутъ въ недѣлю, такъ какъ фактически по новому распредѣленію учебнаго времени на пять уроковъ въ недѣлю съ 9—2¹/₂ час. съ промежутками по ¹/₄ часа между уроками и ¹/₂ часа на большую перемѣну не было возможности выбирать больше времени на одинъ урокъ. Не менѣе странно было униженіе русскаго языка, русской исторіи, русской географіи, по которымъ по таблицамъ, изданнымъ министерствомъ, можно было, не зная предмета, т.-е. получивъ изъ четырехъ годовичныхъ отгѣтокъ три неудовлетворительныя отгѣтки, обыкновенно означавшія незнаніе предмета, перейти въ высшій классъ. По второстепеннымъ предметамъ даже не полагалась до четвертаго класса никакихъ экзаменовъ. Только въ 4-мъ классѣ при значительномъ курсѣ этого класса полагался экзаменъ по второстепеннымъ предметамъ, не давая впрочемъ времени на повтореніе этихъ предметовъ. Такая система образованія была странна въ особенности въ юго-западной и сѣверо-западной Россіи, гдѣ только-что было подавлено польское возстаніе и гдѣ еврейскій вопросъ назрѣвалъ и все болѣе и болѣе вызывалъ на размышленіе. Правда, понадобилось еще прибавить восьмой классъ, но отъ этого мало выиграли второстепенные предметы, по которымъ даже не назначалось окончательнаго экзамена.

Вообще говоря, реформа графа Толстого основательно была разработана, какъ академическое, кабинетное произведеніе и не страдала недостатками: неточностью, или какими бы то ни было компромиссами. Въ этомъ ее достоинство и вмѣстѣ недостатокъ. Она не обращаетъ вниманія на жизнь школы и на весь

выработавшійся строй ея, а рубить съ плеча, несмотря ни на какія возраженія. Разъ принято, что классицизмъ долженъ спасти Россію и отъ нигилизма, и отъ тлетворнаго духа революціи, во что бы то ни стало онъ долженъ господствовать и все должно предъ нимъ преклониться. Такъ учить Катковъ, такъ думаетъ графъ Толстой, такъ написано въ уставѣ, и никто не долженъ смѣть не только возражать, но даже думать иначе. Первые попытки къ возраженіямъ на крайности были безъ дальнѣйшихъ разсужденій признаны преступленіемъ, чуть не государственной измѣной и повлекли за собою карательныя мѣры. Это еще болѣе возбудило озлобленіе и въ литературѣ, и въ обществѣ, и главное среди молодежи, которая на своихъ плечахъ должна была нести всѣ тяготы тяжелой реформы. Мало-по-малу форсированныя мѣры школьный вопросъ превратили въ вопросъ политическій, что и сдѣлалось корнемъ всѣхъ дальнѣйшихъ золъ.

Не могу при этомъ не указать еще на два существенные промаха въ реформѣ графа Толстого, которые имѣли громадное вліяніе на весь строй учебныхъ заведеній и на достиженіе тѣхъ благихъ результатовъ, которыхъ отъ нея ожидали. Первая и можно сказать капитальная ошибка состояла въ уничтоженіи опредѣленныхъ окладовъ жалованья учителей и установленіе вознагражденія по числу уроковъ, которое должно назначаться ежегодно по личному усмотрѣнію директора и Совѣта, съ утвержденія попечителя. Мѣра эта неизбѣжно должна была породить неравенство между учителями и вмѣстѣ окончиться неизбѣжною погоней за уроками. Въ особенности рѣзко недостатки новой мѣры выразились при распредѣленіи преподаванія древнихъ языковъ, по которымъ многіе учителя непрочь были взять и болѣе тридцати уроковъ, если бы только позволяла возможность размѣстить ихъ въ недѣльномъ расписаніи часовъ занятій. Этимъ объясняется появленіе въ средѣ учителей-генераловъ, получавшихъ въ годъ болѣе двухъ тысячъ рублей, и скромныхъ работниковъ, сидѣвшихъ чуть не на пищѣ св. Антонія. Другая невыгодная сторона многоурочія—уменьшеніе основательности и удовлетворительности самыхъ уроковъ. Имѣя отъ 4-хъ до 5-ти уроковъ ежедневно, учитель положительно не имѣлъ возможности подготовиться какъ слѣдуетъ къ урокамъ. Притомъ основательное изученіе древнихъ языковъ обусловливается письменными работами, которыя каждый учитель долженъ задавать еженедѣльно. Но такія работы могли принести пользу въ томъ лишь случаѣ, когда онѣ были бы исправляемы

и оцѣниваемы какъ можно тщательнѣе и добросовѣстнѣе; иначе онѣ являлись почти бесполезной для учащихся затратой времени. Въ этомъ я убѣждался нерѣдко, да и не могло быть иначе, когда учителю древнихъ языковъ приходилось имѣть дѣло съ пятью-шестью классами и съ какими-либо тремястами учащихся.

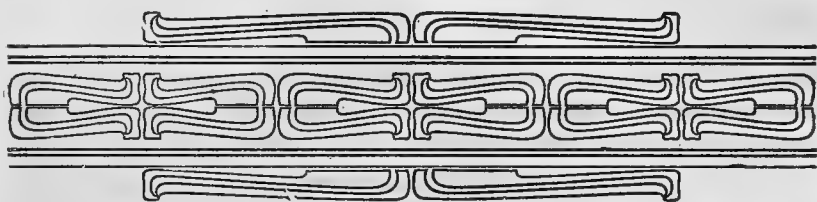
Другая, не менѣе важная ошибка реформы графа Толстого — расписаніе часовъ занятій учащихся въ гимназій. Для того, чтобы ближе подойти по числу уроковъ по древнимъ языкамъ къ заграничнымъ гимназіямъ, онъ назначилъ въ день пять уроковъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы собственно на занятія, за исключеніемъ времени на перемѣны, приходилось не менѣе 50 мин. На практикѣ малыя перемѣны съ десяти минутъ фактически увеличивались до 15-ти минутъ при самомъ строгомъ наблюденіи, когда власть входила въ сборную учительскую и всячески заявляла свое нетерпѣніе. При отсутствіи начальства малая перемѣна захватывала и до 20-ти минутъ. Такимъ образомъ на урокъ по большей части многолюдныхъ классовъ оставалось всего 40 минутъ. Въ такой короткій промежутокъ нечего было и думать основательно разработать урокъ, а главное удостовѣриться, насколько ученики основательно усвоили прежній урокъ. Этимъ объясняется спѣшность учителей и вообще формальное отношеніе ихъ къ своему дѣлу, что не могло не отразиться на успѣшности и на основательности гимназическаго ученія.

Е. Н. Андриашева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Александра Андреевича Половцова.

Присукая къ печатанію записокъ моего покойнаго отца, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, Александра Андреевича Половцова (р. 1805 † 1892 г.г.), считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ въ видѣ предисловія.

Записки эти состоятъ изъ двухъ частей; первая изъ нихъ, названная авторомъ — „Памятныя записки“, написана въ видѣ автобіографіи и доведена имъ до 1863 года; вторая носитъ названіе „Дневникъ мирового посредника“ и передаетъ пережитое моимъ отцомъ за 1861—1863 г.г., когда онъ былъ мировымъ посредникомъ Петербургской губерніи (перваго призыва).

Его сжатый, своеобразный разсказъ ярко рисуешь описываемыя имъ событія. Онъ былъ человекъ глубоко религіозный, всегда вѣрный себѣ и своему слову, высоко цѣнившій правду, отдававшій всѣ силы на служеніе отечеству и царю. Онъ говорилъ: „отъ службы не отказывайся, но и на службу не напрашивайся“ и провелъ это въ своей жизни.

Окончивъ Инженерное училище, былъ произведенъ въ офицеры въ царствованіе Императора Александра I-го, при Императорѣ Николаѣ I-мъ перешелъ изъ военнаго въ гражданское вѣдомство, гдѣ и продолжалъ службу при Императорѣ Александрѣ II-омъ; а также въ первые годы царствованія Императора Александра III-го, былъ такимъ образомъ свидѣтелемъ царствованій четырехъ императоровъ. Ни честолюбія, ни тщеславія въ немъ не было, равно какъ и стремленія выдвинуться по службѣ. Онъ кончилъ службу членомъ совѣта министра въ томъ же министерствѣ государственныхъ имуществъ, гдѣ слу-

жилъ съ 1844 года. Въ 1864 году былъ произведенъ въ тайные совѣтники, въ 1869 и 1871 г.г. получилъ орденъ св. Владимира II-ой ст. и Бѣлаго Орла, а въ 1882 году былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и вскорѣ по болѣзни вышелъ въ отставку.

Предполагаю, что эти воспоминанія представлять большой интересъ не только для знавшихъ его, но и для многихъ, какъ характеристика того времени и въ частности нравственнаго облика моего отца, какъ одного изъ его лучшихъ представителей.

А. А. Половцова.

Мои замѣтки.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Андреевичъ Половцовъ родился въ 1805 году мая 11-го въ г. Новоржевѣ (Псковской губ.). На третьемъ году возраста онъ былъ съ родителями въ С.П.Б. и 6-ти лѣтъ помѣщенъ въ пансіонъ Г. Иванова, вмѣстѣ со старшимъ братомъ Викторомъ, съ которымъ и переведенъ въ Горный кадетскій корпусъ, гдѣ пробылъ 2 года.

Въ 1818 году 13 лѣтъ отъ роду онъ былъ зачисленъ кондукторомъ въ инженерный корпусъ и назначенъ въ С.П.Б. инженерную команду, помѣщавшуюся въ крѣпости, куда ежедневно онъ ходилъ отъ Спаса Преображенія черезъ Неву во всякое время года на службу съ тесакомъ, въ киверѣ и тяжелыхъ кожаныхъ крагахъ. Въ 1819-мъ году онъ поступилъ въ Главное Инженерное училище, организованное великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ.

Въ 1821-мъ декабря 5-го произведенъ въ прапорщики 7-го піонернаго батальона и по случаю готовящейся Италійской кампаніи отправленъ въ крѣпость Бендеры, гдѣ былъ тогда штабъ батальона. Была зима совершенно безснѣжная, и 10-го февраля 1822-го года Александръ Андреевичъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ бричкѣ на колесахъ. Можно представить, какъ 17-ти лѣтній юноша съ своею офицерскою поклажею, по дорогамъ и станціямъ того времени, проѣхалъ 1.700 верстъ одинъ на перекладныхъ.

Въ Бессарабіи являсь къ батальонному командиру, полковнику князю Пхейзе, юный прапорщикъ былъ принятъ какъ нельзя лучше и зачисленъ въ 1-ю роту капитана Глейниха,

считавшагося лучшим ротнымъ командиромъ въ цѣлой бригадѣ. Ротный штабъ былъ въ 15 верстахъ отъ Бендеръ въ д. Кицканы на берегу Днѣстра; солдаты имѣли каждый по 3 и 4 двора для приварки, гдѣ ихъ кормили за столомъ хозяевъ.

Здѣсь прапорщикъ Половцовъ, получивъ свой взводъ, долженъ былъ ежедневно быть на ученіи, которое въ то время велось съ суровою строгостью. Подъ руководствомъ опытнаго ротнаго командира, вскорѣ изучивъ ружейныя приемы и маршировку, онъ былъ назначенъ въ учебную команду и перевелся въ Бендеры. — Тогда всѣ офицеры въ штабѣ имѣли столъ у командира, что кромѣ существенной помощи офицерамъ, получавшимъ самое скромное содержаніе (прапорщикъ получалъ 500 р. асс. = 143 р. сер. въ годъ), много способствовало къ сближенію, къ пріязни и дружбѣ молодыхъ людей, составлявшихъ какъ бы одну семью.

Въ 1823-мъ году былъ Высочайшій смотръ 2-й арміи подѣ С. Степашками, продолжавшійся съ маневрами 3-е сутокъ, въ теченіи которыхъ Императоръ Александръ Павловичъ, съ главнокомандующимъ кн. Витгенштейномъ и начальникомъ штаба Киселевымъ, былъ привѣтствованъ на каждомъ шагѣ самыми восторженными „ура“. 3-я піонерная бригада въ составѣ 6-го и 7-го батальоновъ была употребляема во всѣхъ видахъ по фронту и по работамъ инженернымъ. Государь остался вполне доволенъ.

По возвращеніи бригады въ Бендеры получено предписаніе Генералъ-Инспектора Великаго Князя Николая Павловича отправить по 12-ти рядовыхъ съ унтеръ-офицеромъ и однимъ офицеромъ въ г. Варшаву, поручивъ эти команды самымъ благонадежнымъ лицамъ для узнанія тамъ новыхъ ружейныхъ приемовъ и обученія плаванію. Изъ 7-го батальона былъ назначенъ прапорщикъ Половцовъ, и по прибытіи въ Варшаву произведенъ въ подпоручики, а изъ 6-го — Фредериксъ.

Обученіе ружейнымъ приемамъ въ 12 темповъ для заряженія пошло скоро, но съ плаваніемъ было трудно. Учителями были австрійцы и поляки; скаканіе въ воду съ разныхъ высотъ и движенія въ водѣ, длившіяся до часа, 6-ти кратное переплываніе Вислы, наконецъ плаваніе въ одеждѣ, оказались неодолимы, особенно для офицеровъ. Изъ числа 10 присланныхъ съ командами Половцовъ получилъ первый дипломъ инструктора (на польскомъ языкѣ), кончивъ VII-ми классный курсъ. На долю такого отличія выпало и другое.

Въ октябрѣ 1824-го года пріѣхалъ въ Варшаву Великій

Князь Михаилъ Павловичъ, которому Цесаревичъ Константинъ Павловичъ пожелалъ представить между прочимъ школу плаванія. Генераль-фельдцейхмейстеру артиллеріи хотѣлось на дѣлѣ видѣть распоряженія генераль-инспектора инженеровъ,—стало саперныя и піонерныя команды, присланныя изъ *Россіи*, были всего любопытнѣе. Смотръ пловцовъ назначенъ 10-го октября, когда въ водѣ было 10 градусовъ, но офицеровъ, могущихъ плыть передъ фронтомъ, не оказалось, и на Половцова обрушились общія просьбы: товарищей, учителей и команды.

Команды съ тесаками и офицеры со шпагою, плавая по командѣ фронтомъ и рядами съ остановками и пр., продолжавшееся болѣе получаса, заслужили полную похвалу Великихъ Князей, и подпоручикъ Половцовъ былъ осыпанъ благодарностью высшихъ, равныхъ и низшихъ, что на 21-мъ году возраста казалось торжествомъ выше всѣхъ наградъ. Не прошло недѣли послѣ того, какъ у бойкаго пловца явилось лимфатическое воспаленіе въ колѣняхъ, домашнія средства и лѣченія оказались слабы, и докторъ Ходоровскій рѣшилъ перевезти больного въ Уяздовскій военный госпиталь.

Тамъ послѣ многихъ ваннъ и опытовъ 7 докторовъ съ главнымъ медикомъ Флоріо, окруживъ постель больного послѣ долгихъ совѣщаній, тщательнаго осмотра и изслѣдованія болѣзни, единогласно присудили отнять обѣ ноги выше колѣнъ. Половцовъ, понимавшій по-латыни, узналъ ихъ приговоръ и когда Флоріо спросилъ его согласія, то отвѣчалъ, что предпочитаетъ лучше умереть.

Въ тотъ же день вечеромъ явился къ больному Виленскій студентъ, Очановскій, едва пріѣхавшій въ Варшаву, и спросилъ:

— Правда ли, что Вамъ хотятъ отнять обѣ ноги?

— Да.

— Какъ это можно; попросите у нихъ припарокъ изъ льняного сѣмени.

Сказалъ и ушелъ. Половцовъ такъ и сдѣлалъ. Когда на другой день тѣ же 7 докторовъ съ главнымъ во главѣ подошли къ постели, больной попросилъ припарокъ, всѣ съ улыбкой пожали плечами, а ординаторъ немедленно распорядился. —Ровно черезъ двѣ недѣли больной былъ на костыляхъ, а черезъ мѣсяцъ вышелъ здоровымъ!

1825-й годъ проведенъ въ Варшавѣ, гдѣ вліяніе поляковъ на всю администрацію, на весь строй общественной жизни до того преобладало, что всѣ русскіе, бывъ ими подавлены, говорили постоянно по-польски. На разводахъ съ церемонією, вой-

ска польскія оглашали Саксонскую площадь криками; Цесаревичъ былъ отъ нихъ всегда въ восторгѣ, а русская гвардія отличалась только подражаніемъ всѣхъ видовъ.—Театры, кофейни, пукерни были чисто польскіе и полны ненавистью къ русскимъ. Ксендзы и женщины были всеильны и ни въ одномъ польскомъ домѣ русскихъ не принимали. Надо удивляться, что взрывъ 31-го года такъ задержался.

Въ концѣ 1825-го года русскія команды отправлены обратно въ Россію.—Смерть Александра I и вступленіе на престолъ Николая I съ декабрьскими смутами въ С.-Петербургѣ поразили всѣхъ неожиданностью и недоумѣніемъ. Во 2-й арміи было много толковъ, но въ Бендерахъ бригада піонеръ присягнула безропотно, хотя впоследствии и открылись подготовленные поджигатели.

1826-й годъ во 2-й арміи прошелъ въ приготовленіяхъ къ Турецкой войнѣ, и 7-й піонерный батальонъ отъ р. Днѣстра переведенъ на берега р. Дуная.

Я былъ поручикомъ и командовалъ ротой, получившею квартиры въ болгарскихъ селеніяхъ татаръ-кончанъ, гдѣ всего было вдоволь: людей кормили хорошо, подводы безъ счета, и 2—3 человѣка бѣглыхъ подсланныхъ изъ-за Дуная для развѣдокъ были немедленно пойманы.

Крѣпость Измаилъ была недалеко, тамъ стоялъ штабъ, и офицеры собирались кто какъ могъ, и узнали землетрясеніе: стаканы съ чаемъ расплескались, трубы съ домовъ попадали, и всѣ, успѣвшіе выбѣжать изъ домовъ, были въ испугѣ и недоумѣніи. Ударъ скоро прошелъ, и тогда только люди поняли, что онъ былъ подземный.

Весною 1827-го года открылась кампанія, и я получилъ назначеніе,—казалось, завидное—стать съ 2-мя ротами своею и понтонною на р. Прутѣ и, переправивъ 18-ю дивизію подъ Браиловъ, поставить вмѣсто понтонныхъ 2 моста на плотахъ. Переправа была при М. Фальчи, гдѣ я и остался скучать почти два мѣсяца. Однажды, гуляя по мѣстечку, встрѣчаю толпу молдаванъ со священникомъ у воротъ дома этапнаго командира, штабъ-капитана Малиновскаго. Разговорившись со священникомъ по-молдавански, я узналъ, что цѣлое населеніе 18 дв. пришло просить защиты у русскихъ отъ притѣсненія молдавскаго бояра, Ворника Костаки, прогоняющаго ихъ со своей земли пожаромъ. Дома сожжены и сегодня назначено поджечь церковь.

Надо знать, что въ Молдавіи крѣпостныхъ нѣтъ, а вольные хлѣбопашцы живутъ во владѣльческихъ имѣніяхъ по условіямъ

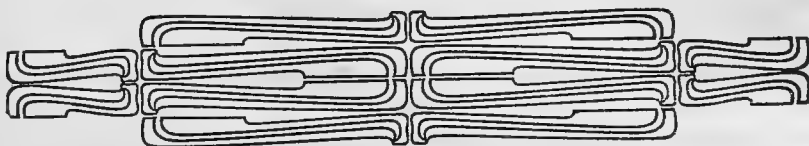
долгосрочнымъ. Бояръ-помѣщикъ захотѣлъ нарушить условіе, пользуясь вступленіемъ русскихъ войскъ, поселяне не соглашались, и онъ рѣшился ихъ сжечь.—Такъ мнѣ передавалъ священникъ, заключивъ тѣмъ, что видно бояръ, какъ богатый членъ Дивана, будетъ и въ этомъ правъ, когда ихъ выгналъ отъ себя русскій этапный начальникъ ни съ чѣмъ. Такая рѣчь не могла не взволновать русскаго сердца. Я вошелъ къ коменданту (такъ называли тогда этапнаго начальника) и спросилъ: почему онъ отказываетъ въ защитѣ поселянамъ противъ поджигателя? Онъ отвѣчалъ: „да что я могу сдѣлать? у меня сторожъ да жандармъ, вотъ и все“.

Тогда я открылъ ему учрежденіе этаповъ и показалъ §, что въ случаѣ надобности онъ въ правѣ требовать помощи отъ ближайшаго военнаго начальника, какимъ въ ту минуту былъ я. Онъ обрадовался и далъ мнѣ отношеніе о слѣдствіи.

Сообщила А. А. Половцова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сто лѣтъ назадъ ¹⁾).

Извлечение изъ писемъ И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову
о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ за іюль, августъ
и сентябрь.

66.

Іюля 11. 1813.

Важная, рѣшительная побѣда одержана Веллингтономъ надъ
французами при Витторіи. Одиѣхъ пушекъ взято 150 съ
бою 21-го іюня; а что прочаго, другого!—Почти невѣ-
роятно.

Умора! Надѣлся со смѣху! Сталь безъ животиковъ! Осель
Гречь въ своемъ уродѣ отечества рецензію дерзнулъ влѣпить
въ послѣдней книжкѣ на ваше гениальное произведение.

67.

Іюля 12.

Архимандриту Филарету пожалованъ Владиміръ второй сте-
пени.

Два архіерея отъ того слегли въ постель.

68.

Іюля 16.

Пишутъ мнѣ изъ Пруссіи, что наклеывается брачный
союзъ К. Пр. съ нашею молодою, созданною царствовать
вдовушкою. При ней забудутъ Borussi Луизу.

¹⁾ См. „Русская Старина“ сентябрь 1913 г.

69.

С.-П-бургъ. Августа 5. 1813.

Беннигсенъ до 30-го іюля тронулся изъ Варшавы къ Одеру со всею резервною арміею. Это пишетъ мнѣ вѣрный корреспондентъ изъ Вильны отъ 30-го іюля съ фельдъегеремъ. Государь изволилъ перемѣнить главную свою квартиру на три перехода. Такъ дурно написано мѣсто Высочайшаго пребыванія.

70.

Августа 8. 1813.

Здѣшній гишпанскій посланникъ вчера съ разглашалъ, что Веллингтонъ на 50 миль уже во Франціи. Баіонна и разные другіе города находятся въ блокадѣ. Пропастъ роялистовъ пристала къ нему. Корсиканецъ бѣсится.

71.

Августа 12. 1813.

Австрія объявила войну лютому врагу человечества. Благо тебѣ будетъ, Францъ! Народы твои узрятъ теперь, что ты ихъ истинный отецъ! Марія Луиза! и ты содѣлаешься безсмертною, ежели возрадуешься духомъ, что собою даровала избавленіе вселенной.

72.

Августа 13. 1813.

Сейчасъ свалился ко мнѣ одинъ добрый знакомый и говорить, что Марія Луиза будетъ увезена партіею, которая изъ осторожности желаетъ ее въ непредвидимомъ случаѣ спасти отъ лютой ея мужа, котораго она сама ненавидитъ.

73.

С.-П-бургъ. Августа 15. 1813.

Поздравляю моего безцѣннаго съ великимъ праздникомъ Успенія Пресвятыя Богородицы, и за симъ и съ побѣдою,

одержанною Веллингтономъ надъ Сультомъ въ предѣлахъ Франціи.

Со Щукина двора пьяная баба, торгующая холстомъ, принесла въ дамское патріотическое общество 100 р. с. Мой Miliflor возвѣстилъ сію жертву въ своей газетѣ, воскликнувъ въ концѣ: Freue dich Russland, dasz du so einen Engel gebohren hast!

Острякъ, пріятель мой, прочитавъ эту экскламацію, взялъ перо и написалъ слѣдующій катрень:

Россія! обрати твой взоръ
На Щукинъ дворъ:
Гдѣ бабы кучерски бранятся;
Тамъ нынѣ ангелы рождаются.

74.

Августа 29. 1813.

Почта уже пришла. Много реляцій, а еще больше хорошихъ извѣстій. Вездѣ чистятъ французамъ пряжку, да ужъ такъ исправно, что съ ржавчиной и металлу достается!—Бернадоттъ хватъ. Сметнуть умѣлъ, когда разставлялъ ему въ одномъ мѣстѣ извергъ сѣти. Онъ побѣдилъ его, отступивъ на 3 мили.

75.

Августа 30. 1813.

Я всталъ въ 6 часовъ, дабы для великаго праздника на благословенной русской землѣ къ 1-му часу, управясь со всѣми почтами, идти на Невской проспектъ въ толпѣ народной участвовать во всеобщемъ веселіи. Хотя теперь еще пасмурно, но, кажется, что черезъ нѣсколько часовъ день разгуляется: слѣдовательно, погода не помѣшаетъ вѣрноподаннымъ Высочайшаго Именинника ликовать подъ открытымъ небомъ, которое толико милосердно къ Александру Первому.

Императрицы уже третьяго дня изволили изъ увеселительныхъ замковъ своихъ прибыть въ Таврическій дворецъ съ прочею фамиліею, при нихъ оставшеюся. Сегодня будутъ Ихъ Величества и Высочества на божественной литургіи въ Невскомъ соборѣ, гдѣ съ большою церемоніею какъ духовною, такъ и воинскою освятятся медали для рядовыхъ, участвовавшихъ

въ сокрушеніи супостата 1812-го года. Медалей сихъ 40 тысячъ. И такъ, торжество Александра дня симъ еще болѣе возвышено.

76.

Сентября 2. 1813.

Марія Теодоровна пожаловала нашимъ инвалидамъ 2.000 р., великіе князья по 1.500, а Анна Павловна 1.000, и того вдругъ прибыло во вспомогательной кассѣ 6 тысячъ.

Вандама послали къ вамъ.

Пожалуйте, поплачьте! У славнаго Моро оторвало обѣ ноги по берцо, а у гр. Остермана Толстаго правую руку.

77.

Сентября 3. 1813.

Чай Вандамъ уже у васъ? — Жаль, что свято хранимыя россиянами права народныя помѣшаютъ повѣсить этого гнуснаго злодѣя на одной изъ Кремлевскихъ башенъ за ноги. Пусть бы его расклевали тамъ хищныя птицы!

Кормите его однѣми сельдями, а для утоленія жажды давайте пить уксусъ. Между тѣмъ каждый день надлежитъ его водить по развалинамъ Москвы, которую онъ первый зажегъ. Водить его и въ нестерпимый жаръ, и въ трескучіе морозы, и въ слякоть осенью, и въ проливные дожди, и во время гололедицы, во вьюги же сажать его на Ивана Великаго. — Всего этого еще мало для кровопійцы, людоеда.

Французы кидаютъ ружье и бѣгутъ куда глаза глядятъ. Сражаться у нихъ вовсе охоты нѣтъ. Ни страхъ, ни убѣжденія болѣе на нихъ не дѣйствуютъ.

Исчезъ вдругъ такъ называемый ихъ point d'honneur. Въ перехваченныхъ письмахъ признаніе сіе дѣлаютъ французскіе генералы сами.

78.

С.-П-бургъ. Сентября 5. 1813.

Здѣсь случилась на сихъ дняхъ препоганая исторія. Она меня привела въ бѣшенство на здѣшнюю Бонапартовскую или Порголіевскую полицію. Славный адмиралъ Сияявинъ гдѣ-то

принужденъ былъ дать пощечину одному изъ пенсіонированныхъ, къ стыду Россіи, французскихъ актеровъ за дерзость, которой онъ по неволѣ сдѣлался свидѣтелемъ. Черезъ два дня толпа или шайка гистріоновъ сихъ, землю нашу оскверняющихъ, подкарауливъ морского героя, ввечеру при лунномъ сіяніи одного гуляющаго, посягнула такъ его отподчивать, что онъ лежитъ теперь въ постели.

Изъ возвращенныхъ намъ Англією 9-ти кораблей, кои взяты были въ Лиссабонѣ подъ начальствомъ малавантурнаго Сенявина, два годныя къ плаванію прибыли въ Кронштадтъ, а прочіе 7 оставлены въ Англіи на дрова.

Сію минуту пришедшій гость объявилъ мнѣ, что фельдъегерь нынѣшній привезъ 4 орла французскихъ и поздравительное письмо къ высочайшей именинницѣ.

79.

Сентября 5.

Боже милосердный! Моро скончался въ 9-й день послѣ ампутаціи. Тѣло везутъ сюда для возданія ему должныхъ почестей. Какая потеря! Какой источникъ къ сѣтованію!

80.

Сентября 10. 1813.

Опять рекрутскій наборъ. Такъ и должно. Не должно ни на минуту ослабѣвать въ приготовленіяхъ, доколѣ злодѣи еще существуетъ.

81.

С.-П.-бургъ. Сентября 12. 1813.

Гвардія наша у Кульма, дѣйствительно, покрыла себя неувядаемою славою. 9 тысячъ оной держались противу 40 тысячъ лучшаго непріятельскаго войска. Не даромъ воздвигаетъ множеству павшихъ при семъ единственномъ отступленіи невиданныхъ еще героевъ Императоръ Францъ монументъ. — Отсюда послѣшно высланы резервы гвардейскіе для укомплектованія оставшихся непобѣдимыхъ.

82.

Сентября 13. 1813.

Ютербокское сраженіе по милости наслѣднаго принца Шведскаго дало другой оборотъ дѣйствіямъ въ Силезіи и Богеміи. Не злодѣй, а мы опять съ союзниками идемъ впередъ.

Читалъ списокъ убитымъ и раненымъ гвардейскимъ офицерамъ въ Кульмскомъ дѣлѣ. Число ихъ простирается до 120-ти. — О! ракалія и треканалія Наполеонка! Жертва сія принесена ради твоего истребленія! И—ты, богомерзкая тварь, еще существуешь?

83.

С.-П-бургъ. Сентября 16. 1813.

Говорятъ, что Императоръ нашъ изволилъ послать въ Англію къ супругѣ Моро значущаго чиновника для изъясненія участія своего въ ея несчастіи, а будто бы при томъ и препроводилъ къ ней знаки ордена св. Екатерины первой степени.

84.

Сентября 20. 1813.

Французы въ Дрезденѣ трескають уже лошадиное мясо. Наполеонка тамъ. Полагають, что у Дрездена будетъ весьма скоро генеральное сраженіе.

Изъ Вильны отъ 14-го пишутъ мнѣ, что передавшійся на сторону союзныхъ армій франц. генераль Жомини изобличенъ въ шпіонствѣ. Всѣ привезенные имъ планы были фальшивые.

85.

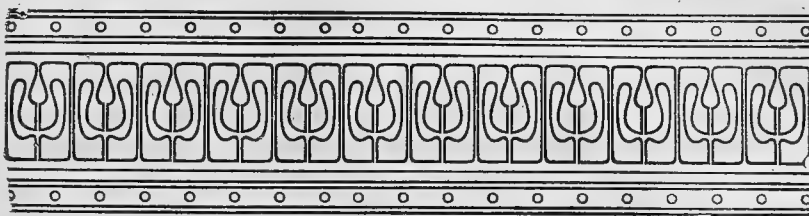
С.-Петербургъ. Сентября 26. 1813.

Говорятъ, что Чернышевъ занялъ Кассель, и за то произведенъ въ генераль-лейтенанты. — Французовъ нѣтъ болѣе на правомъ берегу Эльбы.

Сообщ. С. О. Долговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Лѣтопись и мысли стараго педагога ¹⁾.

Въ 1877 году директоръ Нижегородской военной гимназiи П. И. Носовичъ былъ переведенъ въ 1-ю военную гимназію въ Петербургъ.

Онъ предложилъ мнѣ перейти туда инспекторомъ. Я колебался, но въ виду нашихъ добрыхъ отношеній, установившихся въ послѣднее время, и считая себя до нѣкоторой степени ученикомъ и послѣдователемъ П. И., я согласился и поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы высказать свое пожеланіе главному начальнику, но согласія его не получилъ. Онъ сказалъ мнѣ, что я въ скоромъ времени получу назначеніе директоромъ военной гимназiи и что на короткое время не стоитъ мнѣ перебираться въ Петербургъ.

Весною 1878 года я получилъ телеграмму главнаго начальника, что назначенъ директоромъ Симбирской военной гимназiи, и въ іюнѣ долженъ былъ отправиться къ новому мѣсту своего служенія.

Съ глубокимъ удовольствіемъ вспоминаю свои отношенія къ сослуживцамъ Нижегородской военной гимназiи. Совмѣстная работа въ учебномъ дѣлѣ шла ровно, безъ особыхъ конфликтовъ. Періодическіе отчеты мои о результатахъ учебнаго дѣла, хотя и вызывали споры, но за то внесли освѣжающую струю въ традиціонные пріемы нашего, повидимому, скромнаго, но по существу важнаго дѣла.

Мы нерѣдко собирались съ семьями, жили дружно, были въ курсѣ общественныхъ интересовъ и принимали въ нихъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, августъ 1913 г.

участіе. Во время Турецкой войны у насъ образовался кружокъ для оказанія помощи раненымъ воинамъ. Къ нему примкнули многіе изъ городского общества, родители воспитанниковъ и сами воспитанники. Собирались у меня въ квартирѣ, шили корпію, дѣлали бинты, шили бѣлье и проч. Все это отправлялось на театръ военныхъ дѣйствій къ генералу Курлову, бывшему воинскому начальнику въ Нижнемъ Новгородѣ. Посѣщали лазареты, гдѣ лежали наши раненные солдаты и плѣнные турки. Я со своими сослуживцами устраивали публичныя лекціи въ пользу семействъ убитыхъ. Принимали участіе въ образованіи тогда общества распространенія народнаго образованія, въ Комитетѣ Грамотности. Все это сближало насъ между собой, съ родителями воспитанниковъ не только въ частной жизни, но и въ нашей педагогической работѣ. Между служащими въ Нижегородской гимназій были выдающіеся педагоги.

Привожу здѣсь въ подлинникѣ воспоминанія о нѣкоторыхъ изъ нихъ одного изъ бывшихъ учениковъ того времени, нынѣ генерала С. А. Зубова:

„Помощникомъ инспектора классовъ былъ подполковникъ М. Е. Дерюгинъ (впослѣдствіи директоръ Оренбургскаго, а затѣмъ Одесскаго кадетскаго корпуса). Онъ же преподавалъ частью математику и особенно физику. Это была весьма интересная личность, своею проникательностью имѣвшая большое вліяніе на учениковъ. М. Е. любилъ показывать это иногда. Бывало, подойдетъ къ кому-либо изъ насъ и испытующе уставится на того своими голубыми, проникающими какъ бы въ душу глазами и, не чувствуя за собой рѣшительно ничего, все же какъ-то смущаешься и не знаешь, что сказать или сдѣлать. Замѣчательно умѣлъ М. Е. просто какъ по ясновидѣнію ловить учениковъ, которые на письменныхъ работахъ прибѣгали къ такъ называемымъ шпаргалкамъ или просто къ книгамъ. Одинъ фактъ донынѣ, какъ живой, стоитъ передъ глазами у меня. Была письменная работа по физикѣ. Всѣ сидимъ, пишемъ. Дерюгинъ сидитъ впереди за столикомъ, внимательно повѣряя работы другого класснаго отдѣленія. Вдругъ всѣ слышимъ громкую фразу: „Т., идите изъ класса, вы списываете“... Блѣдный Т. поднимается, пробуетъ оправдываться, но затѣмъ по повтореніи приказанія уходитъ. Впечатлѣніе подавляющее... Черезъ нѣсколько минутъ Дерюгинъ встаетъ и уходитъ изъ класса на добрыхъ 10—12 минутъ; но, конечно, никто даже изъ самыхъ смѣлыхъ и опытныхъ списывателей не рѣшается прибѣгнуть къ какой-либо незаконной помощи.

Законоучитель нашъ, глубокоуважаемый о. Евграфъ Евграфовичъ Мегорскій (впослѣдствіи ректоръ Новгородской семинаріи, а затѣмъ настоятель Казанскаго Собора въ Петербургѣ), пользовался общимъ уваженіемъ и любовью за свои сердечныя отношенія къ воспитанникамъ, отличное, хотя и довольно строгое преподаваніе и благоговѣйную службу въ церкви. Особенно интересной, прямо рѣдкой въ то даже время личностью по знанію и почти фанатической любви и добросовѣстности къ своему предмету, былъ преподаватель исторіи Илья Степановичъ Единевскій. Онъ умѣлъ поставить свой предметъ такъ, что исторія у насъ была на первомъ планѣ. Требования его были чрезвычайно многообразны и строги. Мы составляли разныя карты, хронологическія таблицы и т. п. Отмѣтки И. С. ставилъ очень скупю, но за то его хорошимъ балломъ гордились больше всего; объяснялъ онъ превосходно и очень интересно; репетиціи по исторіи были почти для всѣхъ просто таки страшны. Бывало, вызоветъ къ доскѣ или чаще къ нѣмой картѣ даже не плохого ученика и послѣ нѣсколькихъ не совсѣмъ удачныхъ отвѣтовъ, громко скажетъ: „сидите, мелко плаваете“ и поставитъ въ своей записной книжкѣ крупную единицу. Несмотря на это, всѣ воспитанники уважали И. С., который, будучи смертельно боленъ ракомъ, все же долго еще ходилъ, весь завязанный въ классъ, а затѣмъ почти уже передъ смертью послалъ все-таки написанныя своей рукой письменныя задачи, которыя успѣлъ еще поправить и вернуть въ классъ. Его личность, оригинальная и по наружности, и по суровой требовательности и нѣкоторымъ привычкамъ, навѣрно надолго сохранилась въ памяти каждаго его ученика, какъ бы съ ореоломъ фанатической, безгранично вѣрной своему дѣлу преданности.

Къ этой вѣрной характеристикѣ Единевского могу съ своей стороны прибавить: Единевскій въ день, назначенный для его весьма серьезной операціи, пришелъ утромъ въ классъ и обратился ко мнѣ послѣ перваго урока съ просьбой отпустить его домой, такъ какъ черезъ часъ должны явиться доктора для операціи. Черезъ часъ онъ опять явился въ классъ и сказалъ, что доктора чѣмъ-то заняты и придутъ только въ 2 часа, и до этого часа Единевскій продолжалъ давать уроки. Послѣ операціи онъ уже не появился и на третій день умеръ.

Изъ другихъ преподавателей Zubovъ вспоминаетъ: учителя французскаго языка Баумана, чрезвычайно строго поддерживавшаго классную дисциплину, гроза лѣнивыхъ и шалуновъ. У него въ классѣ было слышно, какъ муха пролетитъ; учителя

нѣмецкаго языка Карла Андреевича Юргенса, у котораго бойко шла классная работа, несмотря на видимый шумъ и беспорядокъ; Эмилія Павловича Ливена, обстоятельнаго и вдумчиваго, всегда достигавшаго прекрасныхъ результатовъ, какъ воспитателя. Воспитательскій персоналъ, какъ говорить Зубовъ, былъ настроенъ въ духѣ директора и въ общемъ относился къ своимъ питомцамъ сердечно, по-отечески, хотя и не всегда по доброй волѣ.

Отношенія мои къ директору П. И. Носовичу, въ началѣ нѣсколько шероховатыя, подъ конецъ сдѣлались вполне хорошими, и мы разставшись переписывались съ нимъ до самой его смерти. Главное несогласіе между нами проявлялось иногда въ томъ, что онъ стоялъ за классицизмъ, т.-е. больше обращалъ вниманія на успѣшность въ иностранныхъ языкахъ, часто въ ущербъ другимъ предметамъ, а я былъ реалистъ, какъ по своей специальности, какъ преподаватель физики и космографіи, такъ и по складу своего характера. Въ Комитетѣ Грамотности, гдѣ П. И. былъ избранъ предсѣдателемъ, на этой почвѣ у насъ тоже были иногда столкновенія, и даже возникла полемика въ печати, но и она носила мирный характеръ.

Съ воспитанниками Нижегородской военной гимназіи отношенія мои не были близки. Носовичъ заслонялъ всѣхъ отъ дѣтей и подавлялъ всѣхъ своимъ авторитетомъ. Оставаясь за директора, когда П. И. отсутствовалъ, я, чувствуя себя калيفомъ на часъ, конечно, слѣдовалъ введеннымъ имъ порядкамъ и очень рѣдко вносилъ что-либо собственное, что вызывало всегда будированіе со стороны юношей, слѣпо вѣрившихъ въ непогрѣшимость своего любимаго директора. Только въ послѣдній годъ своего пребыванія въ Нижнемъ, оставшись въ лагерьхъ за директора, я нѣсколько сблизился съ воспитанниками, устроивъ имъ дальнюю прогулку въ Оранскій монастырь и по приглашенію писателя Мельникова-Печерскаго въ его имѣніе. Къ этой прогулкѣ они были заблаговременно подготовлены мною чтеніемъ и разсказами. Какъ въ монастырѣ, такъ и у Мельникова, воспитанники были приняты очень радушно. Ихъ угощали и ухаживали за ними. У Мельникова было много въ саду грядокъ съ клубникой. Боясь, чтобы дѣти, забравшись туда, не опустошили ихъ и не помяли, я запретилъ имъ входить въ садъ, но нѣкоторые все-таки проникли. Мельниковъ, узнавъ о моемъ распоряженіи, разсердился и самъ повелъ воспитанниковъ въ садъ, разставилъ ихъ по грядкамъ и пригласилъ ихъ, двигаясь между грядками, кушать ягоды. Прощаясь съ ними,

онъ подарилъ въ ихъ библіотеку экземпляръ своихъ сочиненій, съ соответствующей надписью. Въ Оранскомъ монастырѣ настоятель устроилъ намъ рыбную ловлю, и воспитанники сами варили себѣ уху. Настоятель въ это время, сидя среди дѣтей, рассказывалъ имъ преданія старины объ этой мѣстности и о битвахъ на протекавшей здѣсь рѣкѣ Пьянѣ.

Думаю, что я едва-ли оставилъ по себѣ какія-либо воспоминанія среди питомцевъ Нижегородскаго корпуса; сосредоточивъ все свое вниманіе на учебномъ дѣлѣ, я мало входилъ въ ихъ жизнь внѣ класса, и очень немногіе изъ воспитанниковъ продолжали свои сношенія со мной впослѣдствіи.

Я пробылъ въ Нижнемъ всего 6 лѣтъ, и мнѣ было 39 лѣтъ, когда я былъ назначенъ въ Симбирскъ директоромъ военной гимназіи. На мою молодость для этой должности многіе смотрѣли скептически, да и самъ я принималъ ее неувѣренно и съ опасеніемъ за свою малую опытность. Служивцы проводили меня очень сердечно, и я никогда не забуду этихъ проводовъ и дружескихъ пожеланій, обращенныхъ ко мнѣ.

Въ концѣ іюня 1878 г. я покинулъ Нижній и на пароходѣ отправился въ Симбирскъ. Дорогой познакомился съ однимъ докторомъ, жителемъ Симбирска, который ознакомилъ меня съ составомъ и характеромъ симбирскаго общества, что было для меня не лишнее. Путешествіе по Волгѣ при установившейся хорошей погодѣ производило на меня чудное успокоительное впечатлѣніе. Живописные берега, зелень лѣсовъ, ароматный запахъ цвѣтущихъ липъ и скошенной травы, спокойное движеніе парохода—все способствовало подъему духа, въ чемъ я нуждался, отправляясь на новое уже самостоятельное дѣло.

Въ Симбирскѣ на пристани встрѣтили меня завѣдующій хозяйствомъ Петровъ и секретарь Родзеиовскій. Съ послѣднимъ я былъ уже нѣсколько знакомъ, такъ какъ онъ пріѣзжалъ въ Нижній, будучи командированъ для переговоровъ со мною, когда стало извѣстнымъ о назначеніи меня въ Симбирскъ. Они проводили меня къ строящемуся зданію военной гимназіи, гдѣ отведена была мнѣ комната. При входѣ въ вестибюль стоялъ швейцаръ, бравый сторожъ, отставной солдатъ николаевскихъ временъ. На мое привѣтствіе онъ отвѣтилъ очень отчетливо и энергично, что мнѣ понравилось по воспоминаніямъ былого, и подалъ письмо отъ моей матушки, которая благословляла меня на новое служеніе. Я счелъ это хорошимъ предназначеніемъ и въ теченіе своей 25-лѣтней службы въ Симбирскѣ всегда вспоминалъ и хранилъ это письмо.

Служба въ Симбирскѣ въ должности директора заключаетъ въ себѣ центръ и главнѣйшее содержаніе моей жизненной дѣятельности. Съ оставленіемъ Симбирска почти прекращается моя общественная работа не только въ сферѣ педагогической, но и въ общемъ смыслѣ ¹⁾. Поэтому въ моей лѣтописи, конечно, будетъ много интереснаго лично для меня, а не для другихъ.

Симбирская военная гимназія открыта въ 1873 году. Исторія ея возникновенія такова: существовавшія въ то время военныя гимназіи, преобразованныя изъ кадетскихъ корпусовъ, не удовлетворяли потребности въ офицерскихъ чинахъ арміи. Изъ классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія очень мало было желающихъ продолжать образованіе въ военныхъ училищахъ. Предстояла необходимость увеличить число военныхъ гимназій или увеличить комплектъ воспитывающихся въ существующихъ заведеніяхъ, но такъ какъ это требовало значительныхъ расходовъ, то, по мысли тогдашняго военнаго министра графа Д. А. Милютина, проектировано было открыть нѣсколько военныхъ гимназій для приходящихъ, въ которыя могли бы поступать дѣти всѣхъ сословій. 21 апрѣля 1873 г. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: для увеличенія числа обучающихся по курсу военныхъ гимназій, въ видахъ большаго обезпеченія комплектованія военныхъ училищъ молодыми людьми, получившими надлежащую подготовку, прибавить комплектъ существующихъ военныхъ гимназій, открывъ двѣ гимназіи для приходящихъ: одну въ Петербургѣ, а другую, согласно ходатайства симбирскаго земскаго собранія, въ г. Симбирскѣ, каждая на 300 человекъ. Въ число учениковъ этихъ гимназій допустить къ приему на тѣхъ же основаніяхъ какъ въ гимназіи гражданскаго вѣдомства, при чемъ приходящихъ учениковъ сихъ гимназій, пробывшихъ три года и отличающихся особыми успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ, перечислять въ интернатъ существующихъ военныхъ гимназій на казенное содержаніе, если они по происхожденію будутъ удовлетворять установленнымъ для сего требованіямъ.

Мѣстомъ для вновь проектируемой гимназіи былъ избранъ г. Симбирскъ вслѣдствіе того, что по инициативѣ мѣстнаго губернатора Еремѣева и губернскаго предводителя дворянства Терпина симбирское дворянство и земство, нуждаясь въ откры-

¹⁾ По выходѣ въ отставку въ 1903 году я поселился въ деревнѣ и только три года занималъ должность предводителя дворянства.

тѣи средняго учебнаго заведенія, такъ какъ существовавшая въ городѣ классическая гимназія далеко не удовлетворяла всѣхъ желающихъ, рѣшили остановиться на военной гимназіи, которая по своимъ учебнымъ программамъ имѣла типъ реальныхъ училищъ, и ходатайствовали объ открытіи въ Симбирскѣ военной гимназіи для приходящихъ, обязываясь вносить ежегодно 12.000 р. на содержаніе заведенія и 2.500 р. на первоначальное обустройство.

Не лишены интереса тѣ мотивы, по коимъ симбирское земство остановилось именно на военной гимназіи, а не на другомъ какомъ-либо заведеніи.

Въ докладѣ земскому собранію сказано между прочимъ: „Со времени преобразования военно-учебныхъ заведеній въ основаніе ихъ положено полное отдѣленіе общаго пріготовительнаго курса отъ спеціального военнаго образованія; послѣднее сосредоточено въ военныхъ училищахъ, замѣнившихъ прежніе кадетскіе корпуса. Пріготовительный курсъ проходитъ въ военныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Этотъ курсъ ничѣмъ не отличается отъ общаго гимназическаго курса, за исключеніемъ того, что здѣсь не преподаются классическіе языки. Права, предоставленныя военнымъ гимназіямъ—весьма обширны; воспитанники ихъ имѣютъ право поступать безъ экзаменовъ въ военныя училища и при томъ на казенное содержаніе. Но такое поступленіе не обязательно. Тѣ изъ воспитанниковъ, которые не желаютъ поступать въ военную службу, могутъ по окончаніи курса избрать и другое поприще. При поступленіи въ гражданскую службу они пользуются правами 14 класса. Цѣль такого подраздѣленія военно-учебныхъ заведеній на училища и гимназіи состоитъ только въ томъ, чтобы не вынуждать воспитанниковъ посвящать себя военному образованію, если въ нихъ не оказывается склонности къ военному поприщу.

Изъ этого видно, что по своему уставу военная гимназія могла бы оказаться очень полезною для Симбирской губерніи. Опытомъ доказано, что многіе изъ молодыхъ людей оказываются неспособными къ высшему классическому образованію. Въ самой Германіи, несмотря на высокій уровень просвѣщенія, многіе поступаютъ въ реальныя училища; число такихъ молодыхъ людей у насъ должно быть тѣмъ значительнѣе, что реформа въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія произведена лишь недавно и съ нею еще не успѣли освоиться. Высокія требованія на университетскихъ экзаменахъ и малое число поступающихъ въ университеты доказываютъ, что эта

реформа еще не вполне укоренилась. Для полного ея успѣха необходимо совмѣстное существованіе реальныхъ гимназій, куда могли бы поступать молодые люди, не чувствующіе призванія къ классическому образованію. Министерство народнаго просвѣщенія само это чувствовало и учредило особыя реальные училища; но во избѣжаніе конкуренціи между этими училищами и классическими гимназіями, оно дало имъ характеръ специальныхъ техническихъ заведеній.

Между тѣмъ именно этотъ характеръ будетъ удалять отъ нихъ многихъ. Большая часть молодыхъ людей вовсе не желаетъ посвятить себя съ раннихъ лѣтъ какой-либо опредѣленной специальности и ищетъ въ школѣ только общаго образованія, съ которымъ потомъ, въ болѣе зрѣлыя годы, они могутъ свободно выбрать ту или другую специальность.

Этой цѣли военныя гимназіи содѣйствуютъ гораздо болѣе, чѣмъ реальные училища министерства народнаго просвѣщенія.

Надо замѣтить, что въ составленіи этого доклада принималъ участіе профессоръ университета Ф. М. Дмитріевъ.

Директоромъ вновь открытаго заведенія былъ назначенъ инспекторъ классовъ Константиновскаго военнаго училища, полковникъ Альбедиль, благодаря неутомимой энергіи и такту коего, заведеніе, начавшееся съ 1873 г. съ 30 учен., въ 1874 г. имѣло 137, а въ 1876—198 учениковъ.

Подъ помѣщеніе гимназій городъ отдалъ верхъ дома городской управы. Помѣщеніе было очень тѣсное и во всѣхъ отношеніяхъ неудобное. Для приходящихъ учениковъ, прибывшихъ изъ разныхъ мѣстъ губерніи, былъ открытъ директоромъ при содѣйствіи земства пансіонъ. Помѣщеніе для него было нанято въ частномъ домѣ, нижній этажъ коего занималъ директоръ Альбедиль.

Въ 1875 г. Высочайше утверждено постановленіе военнаго совѣта о постройкѣ въ г. Симбирскѣ зданія для военной гимназій. Подъ постройку городъ отвелъ мѣсто, гдѣ прежде была почтовая контора, сгорѣвшая въ 1864 г., и мѣсто это, покрытое старыми обгорѣвшими постройками и развалинами, оставалось заброшеннымъ. Въ іюлѣ 1875 года было приступлено къ расчисткѣ этого мѣста. Въ сентябрѣ того же года прибылъ въ Симбирскъ военный министръ, графъ Милютинъ, онъ подробно осмотрѣлъ планъ и мѣстность предполагаемой постройки и далъ подробныя указанія инженерамъ, выразивъ, между прочимъ, непремѣнное желаніе, чтобы наружный видъ новаго зданія былъ одинаково красиво отдѣланъ какъ съ лицевой стороны, такъ и

съ внутренней, обращенной во дворъ и въ то же время къ Волгѣ.

Зданіе, прекрасно отдѣланное внутри, съ новѣйшими приспособленіями для отопленія и вентиляціи, было готово къ концу сентября 1877 года, но не было вполнѣ занято до начала курса 1878 г., и мнѣ уже пришлось принимать и населять его.

По пріѣздѣ въ Симбирскъ, мнѣ предстояло ознакомиться съ обществомъ, обитающимъ въ городѣ и губерніи. Главнымъ образомъ, оно состояло изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, которые имѣли преобладающее значеніе въ мѣстныхъ дѣлахъ. Это было еще старое дворянское гнѣздо, доживавшее послѣдніе годы своего величія. Жили они широко, при чемъ матеріальныя средства ихъ, довольно значительныя, быстро таяли въ послѣдующіе годы. Кромѣ того, было нѣсколько семей зажиточныхъ купцовъ, сила которыхъ въ мѣстныхъ дѣлахъ постепенно вырастала. Я принятъ былъ вездѣ весьма радушно. Среди мѣстныхъ дворянъ былъ одинъ мой товарищъ по выпуску изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища (Бѣляковъ), очень хорошая личность, пользовавшаяся уваженіемъ общества. Онъ ознакомилъ меня съ взаимнымъ отношеніемъ членовъ мѣстнаго общества, знакомство съ коими очень помогло мнѣ потомъ при устройствѣ жизни заведенія.

Такъ какъ классическая гимназія въ городѣ въ то время не пользовалась хорошей репутаціей, то дѣти всѣхъ дворянъ и нѣкоторыхъ купцовъ поступали въ новое заведеніе, и родители ихъ оказывали этому заведенію выдающееся вниманіе.

Нѣкоторыя дамы одна передъ другой старались устраивать концерты и спектакли въ пользу братства св. Николая, цѣлью коего было оказывать помощь недостаточнымъ ученикамъ военной гимназіи и поддерживать ихъ по окончаніи курса. Когда мнѣ пришлось устраивать домашнюю церковь, то пожертвованія лились изобильно. Мѣстный губернаторъ Долгово-Сабуровъ, сынъ котораго поступилъ въ нашу гимназію, оказывалъ мнѣ всякое содѣйствіе. Это былъ человѣкъ очень умный, съ сильной и твердой волей, крѣпко державшій бразды правленія. Губернскій предводитель дворянства Теренинъ, сынъ котораго впоследствии былъ также ученикомъ нашей гимназіи, весьма благоволилъ къ намъ, вся губернская администрація относилась къ заведенію очень внимательно и доброжелательно¹⁾.

¹⁾ Мѣстный землевладѣлецъ А. П. Языковъ пожертвовалъ богатую коллекцію минераловъ.

Впослѣдствіи, когда я набралъ воспитателей изъ гвардейскихъ полковъ, ни одно общественное собраніе и развлеченіе не обходилось безъ нашего участія. Всюду мы были желанные гости. Все это способствовало сближенію съ родителями и тому прочному положенію, которое заняло новое заведеніе, и доброй его славѣ среди общества и всего Поволжья.

Съ началомъ курса въ августѣ мѣсяцъ предположено было открыть интернатъ въ новомъ зданіи въ количествѣ 175 чело-вѣкъ, доводя его постепенно въ послѣдующіе годы до 350.

Въ теченіе 1½ мѣсяцевъ надо было приготовить все необходимое для интерната: постели, мебель, посуду, учебныя пособія, пріискать прислугу. Въ Симбирскѣ многихъ этихъ вещей нельзя было достать. Пришлось выписывать изъ Москвы, Петербурга и Казани. Въ моемъ распоряженіи находились три воспитателя, совершенно незнакомые съ хозяйственною частью, одинъ чиновникъ, завѣдующій хозяйствомъ, и инспекторъ классовъ. Благодаря неутомимой энергіи этихъ людей, мнѣ удалось къ началу августа приготовить все необходимое для интерната, но штаты заведенія все еще не были утверждены и я не могъ приглашать новыхъ должностныхъ лицъ и даже нанимать прислугу. Пришлось нѣсколько разъ писать и телеграфировать въ Петербургъ, испрашивая необходимыхъ полномочій.

При такихъ условіяхъ начались приемные экзамены. На казенныя вакансіи въ интернатъ былъ конкурсъ. Многія дѣти, пріѣхавшія изъ отдаленныхъ мѣстъ, остались за конкурсомъ, такъ какъ на каждую вакансію было прислано три конкуррента. Тогда всѣ мѣстные дворяне отказались отъ казенныхъ вакансій за своихъ дѣтей въ пользу пріѣхавшихъ и оставшихся за флагомъ. По окончаніи приемнаго экзамена всѣ интерны оставались на квартирахъ у родителей и родственниковъ до утвержденія штатовъ, которые, наконецъ, были утверждены, и 16 августа я открылъ интернатъ и началъ курсъ.

Въ моемъ распоряженіи имѣлись, какъ я сказалъ, три воспитателя, служившіе въ гимназіи, когда она была заведеніемъ для приходящихъ. Они мало были знакомы съ порядками закрытыхъ учебныхъ заведеній, — а потому мнѣ и инспектору, полковнику Елчанинову, пришлось учить дѣтей и воспитателей самымъ элементарнымъ правиламъ и порядкамъ, кои въ давно существующихъ интернатахъ прививаются обыкновенно чрезъ примѣръ товарищей, по традиціямъ. Начиная съ утра, съ подъема, начиналась эта кропотливая работа, требовавшая первое время безотлучнаго пребыванія съ дѣтьми. Только вечеромъ

уложивши воспитанниковъ спать, мы возвращались домой, и на другой день съ 7 часовъ утра опять принимались устанавливать порядки и учить дѣтей, дядекъ, прислугу.

Съ чувствомъ глубокой благодарности я вспоминаю труды и помощь моихъ тогдашнихъ сослуживцевъ, этихъ благородныхъ и преданныхъ своему дѣлу тружениковъ. Съ удовольствіемъ долженъ отмѣтить, что внѣшніе порядки намъ удалось установить хорошіе, и молва о нихъ скоро распространилась.

Съ утвержденіемъ штата служебный персоналъ сталъ постепенно увеличиваться. Къ сожалѣнію, вознагражденіе служащихъ было назначено не одинаковое и въ общемъ меньшее, чѣмъ въ старыхъ военныхъ гимназіяхъ. Воспитатель въ старшихъ классахъ получалъ 1.200 р. оклада, а въ младшихъ—600 р. Преподаватель старшаго класса 70 р. за годовой урокъ, а въ младшихъ приходилось не болѣе 30 р. На должности воспитателей и преподавателей были допущены лица, окончившія курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ военнаго вѣдомства. Питомцы этого заведенія не получили широкаго образованія и были энциклопедистами по всѣмъ предметамъ въ младшихъ классахъ. Нѣкоторые изъ нихъ оказались очень хорошими, усердно и толково относились къ своимъ обязанностямъ и самостоятельно пополняли недочеты въ своемъ образованіи. Были заботливы къ дѣтямъ и помогали въ учебныхъ занятіяхъ воспитанникамъ младшихъ классовъ. Таковы были—Гусевъ, Купровичъ, Малиновскій, Степановъ, Прибыловичъ и Ивановъ (послѣдній впоследствии получилъ право на преподаваніе естественной исторіи въ старшихъ классахъ). Но большинство было ниже всякой критики и не только не вносило даже удовлетворительнаго въ педагогическую сферу, но были вредны по своему грубому, безтактному и невѣжественному отношенію къ дѣтямъ. Они не пользовались никакимъ авторитетомъ среди учениковъ. Помню, однажды я пришелъ въ заведеніе послѣ обѣда, когда ученики были свободны, и увидалъ слѣдующую картину: ученики, проникнувъ въ комнату, гдѣ стояли ружья, разобрали ихъ и съ примкнутыми штыками и громкимъ смѣхомъ гонялись за дежурнымъ воспитателемъ, который, растерянный и блѣдный, прятался отъ нихъ за скамейки и стулья. Удалить этихъ воспитателей изъ заведеній удалось только черезъ годъ.

Допущеніе въ младшихъ классахъ этихъ преподавателей и воспитателей, содержаніе коихъ обходилось очень дешево, вызвало неудовольствіе симбирскаго земства, которое вносило на содержаніе гимназій 12.000 р.

Въ виду этого губернскае земское собраніе въ томъ же году постановило ходатайствовать чрезъ губернатора передъ Главнымъ Управленіемъ в.-у. в. объ увеличеніи размѣра суммъ, отпускаемыхъ на жалованье учителямъ и воспитателямъ младшихъ классовъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы привлечь на эти должности лицъ съ высшимъ образованіемъ. Главное управленіе отклонило ходатайство земства въ виду того, что учителей изъ числа окончившихъ курсъ въ учительской семинаріи военнаго вѣдомства признано возможнымъ допустить къ преподаванію только тѣхъ предметовъ, которые они соотвѣтственно полученному образованію могутъ преподавать вполне успѣшно въ элементарномъ курсѣ. Мѣра эта, по словамъ главнаго управленія, вызванная не столько соображеніями экономическими, сколько затрудненіемъ въ пріисканіи опытныхъ педагоговъ, въ особенности въ губернскомъ городѣ, до сего времени уже практиковалась какъ въ Симбирской военной гимназій, такъ и въ другихъ и, какъ указалъ опытъ, не представляла никакихъ затрудненій къ успѣшному веденію дѣла. Кромѣ того указывалось, что открытіе въ Симбирскѣ военной гимназій и образованіе въ ней интерната представлялось возможнымъ только при тѣхъ условіяхъ, которыя приняты при составленіи штата и табели, утвержденныхъ въ 1878 году, и къ измѣненію въ чемъ-либо этихъ условій, вызывающихъ увеличеніе отпуска суммъ, встрѣчается затрудненіе по неимѣнію источника, такъ какъ содержаніе помянутой гимназій при полномъ въ ней комплектѣ воспитанниковъ (350 интерн. и 150 экстерн.) будетъ обходиться до 128 т. р., въ счетъ которыхъ отъ симбирскаго земства поступаетъ только 12.000, составляющихъ менѣе десятой части всего расхода, остальная же сумма, требующаяся для покрытія расхода, извлекается изъ платы за своекоштныхъ, поступающихъ не только въ Симбирскую, но и другія военныя гимназій.

Земство не удовлетворилось этими мотивами отказа, и дѣло перенесено было въ комитетъ министровъ, который отклонилъ ходатайство по тѣмъ же мотивамъ, хотя военный министръ графъ Милютинъ, когда мнѣ лично пришлось говорить съ нимъ по этому дѣлу, — склонился на удовлетвореніе ходатайства земства и приказалъ мнѣ присутствовать при пріемѣ имъ уполномоченныхъ отъ земства. При пріемѣ депутаціи я однако же не присутствовалъ, такъ какъ необходимо было спѣшить въ Симбирскъ.

Личное мое ходатайство предъ главнымъ начальникомъ Н. В. Исаковымъ также не имѣло успѣха, и только удалось

выхлопотать квартирныя деньги по 300 р. въ годъ. Приблизительно въ это же время было сдѣлано нападеніе на учителей изъ семинаріи военнаго вѣдомства со стороны издателя „Московскихъ Вѣдомостей“ Каткова, который глумливо величалъ ихъ „Яузскими студентами“ и въ рядѣ статей доказывалъ неподготовленность ихъ къ педагогической дѣятельности и видѣлъ вредное вліяніе ихъ въ дѣлѣ воспитанія будущихъ военныхъ людей.

Мнѣ пришлось выступить съ протестомъ въ печати противъ такого огульнаго обвиненія и черной тѣни, проведенной сплошь по цѣлому учрежденію, ибо я имѣлъ образчики чрезвычайно полезныхъ людей изъ числа ихъ. Полемика моя съ Катковымъ скоро однако же окончилась, такъ какъ съ преобразованиемъ военныхъ прогимназій надобности въ учителяхъ семинаріи не представлялось, и она была закрыта.

Воспитатели старшихъ классовъ приглашены были мною, изъ военныхъ, но вообще въ числѣ воспитателей не было ни одного съ высшимъ образованіемъ. Подыскать воспитателя вполне пригоднаго для педагогической дѣятельности, вообще очень трудно, однако же, главное свойство, т.-е., любовь къ дѣтямъ, встрѣчается нерѣдко, и изъ такихъ людей вырабатываются часто очень недурные педагоги.

Составъ воспитанниковъ во вновь открытомъ интернатѣ былъ очень смѣшанный. Принимались дѣти всѣхъ сословій съ весьма разнообразнымъ домашнимъ воспитаніемъ.

1) Дѣти лицъ низшаго сословія—мелкихъ купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ, отставныхъ солдатъ. Въ числѣ ихъ осталось много отъ прежнихъ пріемовъ, бывшихъ приходящими.

При открытіи заведенія пріемы были очень снисходительны и по возрасту, и по познаніямъ. Въ числѣ ихъ были исключенные изъ другихъ заведеній или мало способные, не принятые въ другія заведенія—классическія гимназіи или семинаріи. Это былъ самый неудобный въ воспитательномъ отношеніи элементъ. Уходя къ своимъ родителямъ или товарищамъ-экстернамъ, они нерѣдко предавались кутежамъ, распутству; переодѣвались въ статское платье и посѣщали трактиры, питейныя и разныя увеселительныя заведенія. Родители нѣкоторыхъ занимались питейной торговлей, мелочными лавочками и проч. и весьма снисходительно смотрѣли на ихъ грѣхи. Бдительнаго надзора за ними внѣ стѣнъ заведенія не могло быть. Къ счастью, они постепенно выбывали изъ заведенія по разнымъ причинамъ, но оставляя слѣдъ своего пребыванія въ заведеніи.

2) Дѣти мѣстныхъ дворянъ и зажиточныхъ купцовъ, поступившихъ въ интернаты изъ экстерновъ. Это были большею частью избалованные домашнимъ воспитаніемъ и кичливые юноши, маменькины сынки, съ хорошими манерами, порядочной научной подготовкой, но эгоистичные и сторонившіеся отъ товарищей. Они, очень недружелюбно относившіеся къ строгимъ требованіямъ интерната, были очень грубы по отношенію къ прислугѣ. Претензіи ихъ въ разной формѣ доходили иногда до смѣшного. Они долго не могли помириться съ короткими волосами, формою казенныхъ сапогъ и брюкъ. Нѣкоторые маменьки просили, чтобы сыновей ихъ посылали въ баню по одиночкѣ, а не вмѣстѣ съ другими товарищами. При раздѣваніи нѣкоторые требовали, чтобы дядьки снимали съ нихъ сапоги. Все это мало-по-малу сбѣгало, и изъ нихъ вырабатывались хорошіе молодые люди.

3) Малолѣтніе, поступившіе прямо въ интернатъ со всѣхъ концовъ Имперіи, были большею частью сыновья лицъ военнаго сословія, имѣвшіе право на казеннокоштные вакансіи. Это были совершенныя дѣти, часто съ грубыми манерами, мало выдержанные, но лихіе и отважные добрые товарищи, предприимчивые и прямодушные. Они составляли преобладающій при приѣмѣ элементъ и изъ нихъ должно было постепенно образоваться ядро, которое предстояло сформировать новому учебному заведенію и которые поэтому требовали особеннаго вниманія и заботы со стороны лицъ учебно-воспитательнаго состава.

Едва наладилась жизнь въ интернатѣ, какъ обнаружились нѣкоторые серьезные недостатки въ санитарномъ отношеніи во вновь устроенномъ зданіи. У завѣдующаго хозяйствомъ Петрова, жившаго въ зданіи гимназіи, умерло въ одну недѣлю четверо дѣтей отъ дифтерита. Опасаясь, чтобы эпидемія не проникла въ помѣщеніе воспитанниковъ, мнѣ пришлось назначить особую санитарную комиссію для обсужденія въ деталяхъ мѣръ для оздоровленія зданія согласно мѣстнымъ условіямъ. Дезинфекція всего зданія, болѣе правильное размѣщеніе прислуги, вентиляція и другія мѣры были немедленно приведены въ исполненіе, но въ ноябрѣ того же года во флигелѣ, занимаемомъ чинами гимназіи, появились новые случаи заболѣванія дифтеритомъ и изъ шести заболѣвшихъ трое умерло.

Главныя причины антисанитарнаго состоянія зданія, указанные комиссіей, не могли быть устранены средствами заведенія, а именно: 1. Всѣ жидкія нечистоты не уходили въ грунтъ, какъ то предполагалось при устройствѣ колодца, и поэтому при-

ходило съ отливать ихъ насосами въ бочки и вывозить за городъ. При существующихъ въ городѣ средствахъ подрядчикъ на эту работу долженъ былъ по нѣскольکو разъ въ недѣлю открывать одинъ или два изъ существовавшихъ при зданіи колодцевъ и производить отливку. Не говоря о томъ, что работа эта обходилась очень дорого, зловоніе наполняло дворъ, проникало во внутренность зданія и, повторяясь очень часто, не могло не имѣть вліянія на здоровье воспитанниковъ. 2. Противъ главнаго фасада зданія на противоположной сторонѣ улицы на разстояніи не болѣе 10 сажень были расположены лачуги частныхъ владѣльцевъ и отхожія мѣста этихъ лачугъ выходили на улицу и такъ плохо содержались, что нечистоты проникали на тротуаръ. 3. Помѣщеніе для прислуги было очень тѣсно, всегда переполнено и находилось подъ спальнями воспитанниковъ.

Мною были поданы докладныя записки главному начальнику съ ходатайствомъ: 1. О прокладкѣ сточныхъ трубъ для отвода нечистотъ на мѣсто, указанное городской управой. 2. О приобрѣтеніи для гимназій участковъ земли противъ зданія. 3. Объ увеличеніи помѣщенія для прислуги и постройки особаго дома для нихъ и для квартиръ служащихъ, жившихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ города. 4. Распоряженіе о приисканіи мѣста для лѣтняго помѣщенія остающихся воспитанниковъ.

Главный начальникъ воен.-уч.-зав. Н. В. Исаковъ пріѣхалъ въ Симбирскъ весною 1880 года. Онъ подробно осмотрѣлъ все зданіе, всѣ помѣщенія воспитанниковъ и прислуги, цейхгаузы, сарай, вошелъ во всѣ мелочи жизни интерната, слушалъ литургію въ гимназической церкви, остался доволенъ службой священника и пѣніемъ воспитанниковъ, но выразилъ желаніе, чтобы воспитанники не привлекались къ исполненію разныхъ обязанностей по церковной службѣ. Присутствуя при обѣдѣ воспитанниковъ, онъ остался недоволенъ чтеніемъ предобѣденной молитвы и сдѣлалъ замѣчаніе относительно употребленія ножа и вилки: „Разъ навсегда—ножъ, чтобы рѣзать, вилка—чтобы класть въ ротъ“, сказалъ онъ дѣтямъ. Зданіемъ гимназій остался доволенъ, мебель, постели и обмундировку нашелъ въ хорошемъ видѣ и благодарилъ служащихъ, принимавшихъ участіе въ устройствѣ интерната.

Не могу не вспомнить при этомъ о его простой, спокойной и откровенной бесѣдѣ со мной въ Карамзинскомъ скверѣ, куда мы съ нимъ пошли послѣ осмотра заведенія. Говорили о нашихъ нуждахъ. По поводу недовольства земства табелью и

штатами военной гимназіи, онъ съ нѣкоторой горечью сказалъ: „Мы увлеклись нѣсколько, допустивъ въ военныя гимназіи всѣ сословія; это слѣдуетъ поправить, что, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ и послѣдуетъ“.

Тутъ же онъ рѣшилъ пріобрѣсти для военной гимназіи мѣсто противъ главнаго фасада, принадлежавшее частнымъ владѣльцамъ. Очень внимательно отнесся къ прокладкѣ сточныхъ трубъ и приказалъ инженеру въ этомъ же году начать и окончить работу, относительно дома для служащихъ и прислуги обѣщалъ исполнить мое ходатайство при первой къ тому возможности въ матеріальныхъ средствахъ, и поручилъ мнѣ подыскать въ окрестностяхъ удобное мѣсто для лѣтняго помѣщенія воспитанниковъ. Все обѣщанное Н. В. было скоро начато и исполнено частью при немъ, а частью уже при его преемникѣ. Осуществленіе всѣхъ этихъ предположеній было сопряжено съ такою массою разныхъ препятствій и непріятностей со стороны прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ и учреждений, что подчасъ приходилось впадать въ уныніе и терять надежду довести дѣло до конца.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1881 года генералъ-адъютантъ Исаковъ оставилъ свой постъ. Всѣ, кто служилъ во время Н. В., конечно, помнятъ его спокойную, но нѣсколько холодную и красивую фигуру; его заботливое и вдумчивое отношеніе ко всѣмъ мелочамъ жизни военно-учебныхъ заведеній, полное отсутствіе въ немъ искусственности и его нелюбовь къ вышнимъ проявленіямъ почтительности къ его особѣ.

Сколько помню, онъ всегда умѣлъ пріѣхать въ заведеніе неожиданно.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ того же 1880 года началась прокладка подземныхъ сточныхъ трубъ и окончена осенью. Городская управа не допускала прокладку деревянныхъ трубъ, а требовала, чтобы трубы были чугуныя. Возникло судебное дѣло, которое тянулось много лѣтъ и прекратилось само собою, когда главное управленіе отпустило деньги на замѣну проложенныхъ деревянныхъ трубъ чугуными.

Мѣсто противъ зданія гимназіи было въ томъ же году пріобрѣтено за 8.000 р. Мѣсто это привели въ порядокъ и развели на немъ садъ руками и стараніями самихъ воспитанниковъ. Къ сожалѣнію, мѣсто это нѣкогда (во времена Стеньки Разина) было занято крѣпостной стѣной и грунтъ оказался очень неблагоприятный для растительности и садъ плохо принялся.

Домъ для квартиръ служащихъ и прислуги построенъ много

лѣтъ спустя послѣ неоднократныхъ и настоятельныхъ напоминаній съ моей стороны. Дѣло съ лѣтнимъ помѣщеніемъ воспитанниковъ тянулось тоже долго, и оставшіеся на лѣто жили то въ Александровскомъ саду въ чертѣ города, то по любезному предложенію князя И. М. Оболенскаго въ его имѣніи верстахъ въ 20 отъ Симбирска, и только въ 1885 году состоялось Высочайшее повелѣніе о передачѣ удѣльнымъ вѣдомствомъ нашей гимназіи участка земли въ количествѣ десяти десятинъ при дер. Поливной-Врагъ. Мѣстность, отведенная подъ лагери воспитанниковъ, расположена на живописномъ, крутомъ берегу Волги въ 7 верстахъ отъ города. Весною 1887 г. всѣ лагерныя постройки: четыре барака для кадетъ, столовая, службы, лазаретъ были готовы. Лѣсъ, окружающій лагерь, былъ расчищенъ и проложены дорожки. 17 мая состоялась закладка лагерной церкви въ присутствіи главнаго начальника генерала Махотина и начальствующихъ лицъ Симбирска. Пріѣхалъ архіерей, преосвященный Варсонофій, пришли изъ города воспитанники и нѣкоторые изъ родителей. Въ чудный майскій вечеръ, напоитанный благоуханіемъ распустившихся деревьевъ и соловьинымъ пѣніемъ, понеслись по Волгѣ торжественные звуки церковнаго богослуженія. По окончаніи церковной закладки, преосвященный обратился къ воспитанникамъ съ такими словами: „передайте вашимъ товарищамъ, что я считаю васъ и ихъ счастливыми, потому что вы имѣете такого начальника, который ваше благополучіе созидаетъ на почвѣ религіи и благочестія. Устраивая, напр., вашу лагерную жизнь, онъ прежде всего положилъ основаніе храма, гдѣ бы вы могли молиться. Молитесь же, дѣти; молитва утѣшитъ васъ въ горѣ, съ молитвой трудъ будетъ легче и всякое доброе начинаніе—успѣшнѣе. Не научитесь молиться въ дѣтствѣ,—не научитесь и послѣ“. Когда служащіе и приглашенные гости собрались въ баракъ, имъ по русскому обычаю предложено было хлѣбъ-соль. За ужиномъ послѣ здравіи за Государа Императора и Августѣйшей Семьи, губернский предводитель дворянства князь Оболенскій обратился къ главному начальнику съ слѣдующими словами: „пользуюсь случаемъ, чтобы выразить вамъ чувства и мысли симбирскаго дворянства; чутко прислушиваясь и приглядываясь къ тому дѣлу, которое волей нашего дорогого Монарха ввѣрено вашему попеченію и руководству, самымъ дорогимъ дѣломъ для мѣстнаго дворянства было дѣло воспитанія дѣтей для службы Престолу и Очечеству. Поэтому дворяне постоянно заботились цѣлесообразнымъ воспитаніемъ дѣтей достигъ предназначенной

задачи. Если въ предшествовавшіе годы и не совсѣмъ удавалась эта задача, то мѣстное дворянство съ болью сердца не можетъ не признать, что главная причина этого была та неустойчивость и тѣ блужданія въ педагогическихъ принципахъ, какіе замѣчались въ недалекомъ прошломъ. Нельзя не признать, что эта неопредѣленность въ системѣ воспитанія могла дурно отразиться на характерѣ молодыхъ людей, а придавать имъ особенную неустойчивость и шаткость—условія весьма благоприятныя для постороннихъ вредныхъ вліяній.

„Въ настоящее время, когда періодъ колебаній прошелъ, когда во исполненіе предначертаній нашего дорогого Монарха восстановлено слово „корпусъ“, и вы, ваше превосходительство, стали стремиться, дабы слово это не осталось только словомъ, Симбирское дворянство привѣтствуетъ съ восторгомъ волю Царя и съ благодарностью тотъ трудъ, къ которому были призваны ея исполнители. И будетъ это такъ до тѣхъ поръ, пока живы дворянство и честь дворянства“.

Постройки лагеря обошлись около 30.000 р., онѣ были отдѣлены отъ крутого берега Волги узкой полосой земли, принадлежащей графинѣ Кассини. На мою просьбу уступить эту полосу корпусу за извѣстное вознагражденіе, графиня Кассини немедленно распорядилась передать ее во владѣніе корпуса безвозмездно. На этой полосѣ въ лѣсу въ послѣдствіи построено помещеніе для директора корпуса. Изъ него открывается чудный видъ на Волгу и Заволжье.

10 іюня 1887 года кадеты съ особенной торжественностью, подъ звуки военной музыки, вступили въ первый разъ въ лагерь. Во главѣ ѣхали верхами военно-начальствующія лица въ городѣ и сопровождалъ губернаторъ, начальники частей и многіе изъ родителей и жителей города.

Военныя гимназіи за два года передъ этимъ были переименованы въ кадетскіе корпуса, и 1-я строевая рота въ составѣ VI и VII классовъ должна была провести до 6 недѣль въ лагерь. Время это полагалось посвящать военно-подготовительнымъ занятіямъ. Съ этой цѣлью ежедневно производилось фронтовое ученіе, гимнастика, стрѣльба дробинками въ цѣль. Предпринимались военныя прогулки, на которыя иногда отправлялись по тревогѣ. Кромѣ того, кадеты занимались съемкой окружающей мѣстности; какъ развлеченіе, устраивались прогулки на лодкахъ по Волгѣ, иногда съ ночевкой на берегу. Кадеты ловили рыбу и варили себѣ уху. Въ этихъ прогулкахъ принимали иногда участіе и семьи служащихъ. Два раза въ

въ недѣлю игралъ кадетскій оркестръ. Каждый день кадеты купались въ Волгѣ и послѣ ужина собирались надъ обрывомъ берега, разводили костры и пѣли пѣсни. Несмотря на нѣкоторыя неудобства лагерной жизни (главное мириады мошекъ и комаровъ) и трудовую жизнь, такъ какъ весь день былъ занятъ обязательными работами, воспитанники съ удовольствіемъ шли въ лагерь, и, по ихъ словамъ, это была своего рода поэзія, послѣ прозы цѣлаго года. Для характеристики отношенія кадетъ къ лагерной жизни, привожу два стихотворенія, написанныя—одно кадетомъ Сахновскимъ, фамилію другого не помню:

НОЧЬ ВЪ ПОЛИВНѢ.

Тихо спустилася ночь надъ Поливной,
Лагерь кадетскій окутался мглой;
Громко доносится трель соловьиная,
Свѣтитъ гдѣ-то огонь за рѣкой.
Тишь и безмолвье... Листъ не шевелится,
Тѣни сползаютъ съ горы,
Только на западѣ слабо алѣетъ
Отблескъ вечерней зари.
Лентой широкой внизу разстилается
Матушка Волга рѣка,
Легкимъ туманомъ она одѣвается,
Мутныя волны катя.
Ночь ароматная, ночь безмятежная,
Долго ли мнѣ любоваться тобой?
Можетъ быть, скоро судьба неизбежная,
Дастъ насладиться мнѣ ночью родной.
Вспомню тогда я и склоны лѣсистые,
Вспомню и лагерь кадетъ,
И издалека, вамъ, рожи тѣнистыя,
Сердцемъ пошлю свой привѣтъ.

ПѢСНЬ I-Й РОТЫ СИМБИРСКАГО КОРПУСА.

Запоемте дружно пѣсню кадетъ
И двинемся дружно впередъ.
Такъ скучный мы день сократимъ незамѣтно.
Тотъ веселъ, кто пѣсню поетъ.

Какъ славно живетъ, когда въ лагеряхъ
Мы лѣто проводимъ надъ Волгой.

Ученья бываютъ въ поляхъ и лѣсахъ,
Иной разъ насъ будятъ тревогой.

Хоть жарко бываетъ на съемки идти,
И мошки кусаютъ насъ знойной порою,
За то вѣдь зимой мы сидимъ взаперти,
И развѣ боимся мы зною...

Привольно, прохладно въ баракахъ у насъ,
Хоть дождикъ порою и мочить;

Но тотъ и не будетъ солдатомъ изъ насъ,
Кто всюду удобства лишь ищетъ.

Вечерней порою лишь зорю пробьютъ,
Кадеты въ кустахъ соберутся;

Костры зажигаютъ, и весело тутъ
Ихъ звонкія пѣсни несутся.

Бодрѣ же, братцы, намъ надо идти...

Съ 1896 года обязательное пребываніе въ лагерѣ двухъ старшихъ классовъ, для военныхъ приготовленій, прекратилось. Нашли, что это лишнее и что полезнѣе, если юноши будутъ проводить лѣто на свободѣ среди своихъ родныхъ или знакомыхъ. Съ этого времени жизнь въ лагерѣ совершенно измѣнила свой характеръ, и прежнее оживленіе отошло въ преданіе. Надо думать, что главной причиной отбѣны были экономическія соображенія, такъ какъ содержаніе въ лагерѣ обходилось не дешево. Я убѣжденъ однако же, что для значительнаго большинства юношей трудовая жизнь въ совокупности съ серьезными экскурсіями, какія иногда предпринимались съ научною цѣлью, была полезнѣе часто безпорядочной и праздною жизни дома. Многіе являлись изъ отпуска съ разными болѣзнями тѣлесными и душевными, да кромѣ того пребываніе въ лагерѣ въ продолженіе 6 недѣль не лишало возможности провести остальную часть лѣта дома.

Н. А. Якубовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Годы службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ

Служба въ Радомѣ ¹⁾.

Но, что замѣчательнѣе всего, что о. Ивановскій пользовался уваженіемъ и даже расположеніемъ и учениковъ инославныхъ исповѣданій: было достаточно случаевъ, что ученики-католики обращались къ нему за совѣтомъ и съ просьбою ходатайствовать за нихъ. Нечего и говорить о томъ, что отношенія его къ товарищамъ и сослуживцамъ по гимназіи были самыя корректныя и доброжелательныя. Продолжительная служба въ Западномъ краѣ, среди населенія котораго находился значительный процентъ поляковъ и католиковъ, дала о. Ивановскому возможность изучить характеръ и настроеніе мѣстнаго общества, что въ свою очередь содѣйствовало ему въ урегулированіи его отношеній къ товарищамъ по гимназіи и къ польскому радомскому населенію, съ которымъ приходилось ему сталкиваться. Твердо стоя за принципы православія и русской народности, от. Михайлъ, не будучи фанатикомъ, умѣлъ уважать принципы и права и лицъ инославныхъ исповѣданій, по скольку представители ихъ относились съ такими же чувствами къ принципамъ православія и русской національности. Съ интеллигентомъ и человѣкомъ знающимъ русскій языкъ от. Ивановскій никогда не считалъ умѣстнымъ разговаривать по-польски, но съ человѣкомъ простымъ, или незнающимъ русскаго языка, онъ охотно велъ частную бесѣду по-польски. Своимъ характеромъ и всѣмъ образомъ своихъ дѣйствій онъ снискалъ себѣ

¹⁾ См. „Русская Старина“ сентябрь 1913 г.

общее расположеніе и уваженіе и, когда онъ былъ переведенъ изъ Радома въ Люблинъ, ему былъ устроенъ прощальный обѣдъ, въ которомъ, кромѣ лицъ православнаго исповѣданія, приняли участіе всѣ учителя гимназіи и многіе поляки изъ мѣстныхъ чиновниковъ и общественныхъ дѣятелей.

Въ теченіе своей продолжительной педагогической службы, я не встрѣчалъ законоучителя, который способенъ былъ бы излагать религіозныя истины такъ просто, доступно дѣтскому пониманію и съ такимъ чувствомъ, какъ законоучитель римско-католическаго исповѣданія Радомской мужской гимназіи, почетный каноникъ Іосифъ Михайловичъ Урбанскій, состоявшій на службѣ въ этомъ заведеніи свыше двадцати пяти лѣтъ, съ 1 января 1871 по день увольненія 1 авг. 1897 г. Если принять во вниманіе, что законоучитель Урбанскій получилъ первоначальное образованіе въ Радомской мужской гимназіи и состоялъ на службѣ въ этомъ учебномъ заведеніи свыше 25 лѣтъ и пользовался въ немъ уваженіемъ за свою дѣятельность, корректное отношеніе къ сослуживцамъ и благотворное вліяніе на учащихся, то станетъ понятнымъ то побужденіе, которымъ онъ руководствовался при учрежденіи въ этомъ учебномъ заведеніи стипендіи своего имени, для несостоятельныхъ и благонравныхъ воспитанниковъ гимназіи. Положеніе о стипендіи имени каноника Іосифа Михайловича Урбанскаго утверждено министромъ народнаго просвѣщенія 14 января 1900 года. Кромѣ педагогическихъ способностей, каноникъ Урбанскій отличался прекраснымъ уживчивымъ характеромъ и благоразумнымъ образомъ мыслей. Въ немъ не было того фанатизма и религіозной нетерпимости, которыми отличается большинство католическаго духовенства. Не поступаясь своими прерогативами законоучителя и настоятеля католическаго прихода, чего ему легко было достигнуть, благодаря его характеру, умѣренному образу мыслей и тому уваженію, которымъ онъ пользовался, особенно въ первую половину его дѣятельности, каноникъ Урбанскій не способенъ былъ будировать, идти на проломъ, интриговать и дѣйствовать въ духѣ іезуитизма; но, по своей натурѣ, онъ склоненъ былъ примѣняться къ обстоятельствамъ своего положенія, мириться съ неизбежностію ихъ и вообще дѣйствовать въ духѣ мира, согласія и умиротворенія. Этимъ объясняется благотворное вліяніе его на учениковъ - католиковъ, которымъ онъ постоянно внушалъ уваженіе къ установленнымъ властямъ, къ существующимъ указаніямъ и правиламъ для учащихся. И со стороны гимназіи законоучитель Урбанскій встрѣчалъ, какъ отъ католи-

ковъ, такъ и отъ православнаго состава ея, кромѣ личнаго къ нему уваженія, наблюденіе и заботу объ исполненіи учащимися ихъ религіозныхъ обязанностей: каждый праздничный день учащіеся собирались въ гимназіи, предъ отправленіемъ на богослуженіе; классные наставники какъ католическаго, такъ и православнаго исповѣданія, тоже приходили въ гимназію, дѣлали учащимся перекичку, а наставники католическаго исповѣданія, кромѣ того, сопровождали учащихся въ костель и присутствовали вмѣстѣ съ ними на богослуженіи. Вслѣдствіе этого въ гимназіи не происходило никакихъ недоразумѣній на религіозной почвѣ.

Каноникъ Урбанскій авторъ многихъ брошюръ и учебныхъ пособій; его ученіе „О богослуженіи“ одобрено и принято руководствомъ для гимназій. Между прочимъ, имъ изданъ „Краткій катехизисъ“, въ которомъ заголовки статей и церковные термины напечатаны, въ скобкахъ, по-русски, а нѣкоторыя молитвы, какъ, напримѣръ: „Богородице, Дѣво, радуйся“, „Молитва Господня“, напечатаны на польскомъ и славянскомъ языкахъ. Переводомъ церковныхъ терминовъ на русскій языкъ каноникъ Урбанскій имѣлъ въ виду помочь учащимся въ усвоеніи ими словъ и выраженій, которыя могутъ быть встрѣчены ими при чтеніи книгъ, а также предотвратить такимъ способомъ неточность и даже, можетъ быть, неправильность объясненій такихъ терминовъ свѣтскими преподавателями и даже лицами не католическаго исповѣданія, которые могли не знать надлежащаго значенія церковныхъ терминовъ. Но такое благое намѣреніе каноника Урбанскаго не встрѣтило одобренія какъ со стороны клерикальнаго католическаго духовенства, такъ и со стороны польскаго общества, и этотъ случай повлекъ за собою первый шагъ нерасположенія къ нему общихъ упомянутыхъ сферъ польскаго клерикализма, и слѣдующее изданіе „Катехизиса“ появилось уже безъ русскихъ заголовковъ и терминовъ.

Несмотря на то, что каноникъ Урбанскій принадлежалъ къ числу не часто встрѣчающихся среди католическаго духовенства лицъ, отличающихся корректностію, умѣренностію своихъ дѣйствій и терпимостію, однако же и онъ не чуждъ былъ нѣкоторыхъ убѣжденій и мнѣній, неразлучныхъ съ его воспитаніемъ и средою, въ которой онъ вращался, между прочимъ, расскажу слѣдующій фактъ. Такъ какъ на польскомъ языкѣ не было подходящаго для гимназіи учебника „Исторіи римско-католической церкви“, особенно послѣ изыятія изъ числа учебниковъ „Исторіи Церкви“ Вабнера, то каноникъ Урбанскій за-

нялся составленіемъ учебника исторіи церкви, много надъ нимъ работалъ и, по окончаніи труда, представилъ его въ Варшавскій учебный округъ. Окружное начальство возвратило ему рукопись и предложило представить таковую съ переводомъ на русскій языкъ. Снисходя на просьбу каноника Урбанскаго, я согласился перевести, при его участіи, трудъ его на русскій языкъ и при переводѣ наткнулся на нѣсколько примѣровъ неправильнаго освѣщенія историческихъ фактовъ. Такъ, между прочимъ, авторъ въ своемъ трудѣ съ несомнѣнностію утверждаетъ, что св. Кириллъ и Меѳодій были посланы на проповѣдь среди славянъ римскимъ первосвященникомъ и находились въ подчиненіи папѣ, и что Владиміромъ Святымъ христіанство было принято по убѣжденію пословъ хотя и греческаго происхожденія, но зависѣвшихъ отъ папы; однимъ словомъ, проводилась та мысль, что и въ эпоху свв. Кирилла и Меѳодія, и въ эпоху Владиміра Святого главою всего христіанскаго міра былъ римскій первосвященникъ и истиннымъ христіанствомъ было римское исповѣданіе, отъ котораго подъ вліяніемъ Византіи въ послѣдствіи отпали народы, исповѣдывавшіе истинную христіанскую вѣру. Стоило значительнаго труда доказать почтенному автору односторонность его воззрѣній и необходимость сдѣлать измѣненія въ текстѣ его учебника. Въ послѣдующее время, въ концѣ девяностыхъ годовъ, каноникъ Урбанскій, подъ вліяніемъ измѣнившихся настроеній въ польскомъ обществѣ, нѣсколько, какъ теперь выражаются, полѣвѣлъ; но въ предѣлахъ благоразумія и умѣренности, такъ что это полѣвѣніе его болѣе чувствовалось, нежели проявлялось въ его дѣйствіяхъ.

Будетъ уместно упомянуть еще о законоучителѣ Радомской гимназіи третьяго исповѣданія—лютеранскаго, пасторѣ, Оттонѣ Самуиловичѣ Вистегубе. Пасторъ Вистегубе былъ человѣкъ серьезный, хорошій проповѣдникъ и опытный преподаватель; но относился болѣе нежели индифферентно къ обязательнымъ для служащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа постановленіямъ и узаконеніямъ и былъ очень склоненъ къ угодливости полякамъ и польскимъ тенденціямъ.

Перехожу къ характеристикѣ преподавателей предметовъ. Среди всѣхъ учителей Радомской гимназіи перваго, такъ сказать, состава ея, послѣ введенія устава 1871 года, наиболѣе выдѣляется, какъ по своему всестороннему развитію, такъ и по педагогической опытности, преподаватель древнихъ языковъ Августъ Фридриховичъ Брузендорфъ. Учитель Брузендорфъ

въ значительной степени напоминалъ преподавателя древнихъ языковъ Петроковской гимназіи Павелка, выгодно отличаясь отъ него тѣмъ, что онъ былъ всесторонне образованъ, слѣдилъ за наукой и не былъ такъ одностороненъ, какъ Павелекъ, который, кромѣ древнихъ языковъ, ничѣмъ болѣе не интересовался. Подобно Павелку, Брузендорфъ получилъ образованіе за границею. Кромѣ древнихъ языковъ, Брузендорфъ зналъ новыя языки, французскій и нѣмецкій, преподаваніе которыхъ ему по временамъ поручалось, зналъ музыку, пѣніе, гимнастику. Съ особымъ увлеченіемъ и интересомъ онъ преподавалъ гимнастику; для оживленія преподаванія, онъ ввелъ гимнастическія упражненія съ палками, объяснялъ учащимся построеніе греческой фаланги; во время уроковъ гимнастики устраивалъ красивыя гимнастическія группы учащихся и разнообразныя построенія и движенія. Памятенъ мнѣ случай, связанный съ преподаваніемъ гимнастики учителемъ Брузендорфомъ. По мысли Брузендорфа, гимназія рѣшила устроить для учащихся гимнастическій праздникъ. Учительскій персоналъ охотно пожертвовалъ необходимую для устройства праздника сумму, на которую были приобрѣтены бутерброды, молоко, прохладительныя напитки, различныя сладости; военное вѣдомство предложило походныя палатки, не забыта была даже госпитальная фура; доставлены огромныя самовары для приготовленія чаю и предложены за небольшое вознагражденіе военный оркестръ. Въ ближайшемъ къ городу лѣсу былъ разбитъ военный лагерь, построены снаряды для гимнастическихъ упражненій, столбы для гигантскихъ шаговъ и проч. Для приданія празднику военного характера насыпанъ былъ небольшой валъ, долженствовавшій изображать собою крѣпость, которую необходимо было защищать отъ нападенія непріятеля. Весь лагерь былъ убранъ флагами. На гимнастическій праздникъ были приглашены мѣстныя власти, во главѣ съ начальникомъ губерніи, и родители учащихся. Праздникъ доставилъ истинное удовольствіе и учащимся и публикѣ и шелъ по программѣ ровно, воодушевленно, безъ непредвидѣнныхъ случайностей, до момента нападенія на воображаемую крѣпость и защиты ея. Избранные Брузендорфомъ изъ воспитанниковъ двѣ группы должны были изображать два непріязненныхъ лагеря—нападающихъ на крѣпость и защитниковъ ея. Учащіеся, надо полагать, вообразили себя настоящими воинами и съ такимъ азартомъ вступили въ ратоборство, особенно на стѣнахъ воображаемой крѣпости, что и мнѣ и Брузендорфу стоило большихъ усилій прекратить бой,

окончившійся, впрочемъ, водруженіемъ русскаго флага на валу крѣпости. Этотъ военно-гимнастическій праздникъ, состоявшійся за долго до введенія въ гимназіяхъ военной гимнастики, былъ нѣкоторымъ образомъ предтечею практиковавшихся впослѣдствіи довольно часто военныхъ прогулокъ; но никогда гимназіею не устраивались болѣе примѣрные сраженія.

Къ лучшимъ преподавателямъ гимназіи слѣдуетъ отнести еще преподавателя древнихъ языковъ Павла Павловича Пюрека. Учитель Пюрекъ, уроженецъ Познани, воспитывался въ Бреславскомъ университетѣ; онъ принадлежалъ къ яркимъ классикамъ. Огромнаго роста, съ громкимъ голосомъ и выразительнымъ взглядомъ, которымъ онъ насквозь пронизывалъ учащихся, онъ былъ классическимъ бичемъ для воспитанниковъ. Отличаясь требовательностью въ познаніяхъ учащихся, граничащею съ мелочностью, онъ наводилъ страхъ на учениковъ; его боялись, но не любили, особенно въ виду отсутствія въ немъ абсолютнаго безпристрастія, подававшего ученикамъ поводъ питать противъ него предубѣжденіе и различныя подозрѣнія, не лишеныя иногда вѣроятности, какъ, напр., относительно любви его побесѣдовать съ родителями учениковъ въ ресторанѣ Михальскаго за бутылкою добраго венгерскаго вина. Подобные педагогическіе рефераты Пюрека не оставались для него безъ воздѣйствій и репрессій со стороны его начальства. Былъ еще одинъ дефектъ въ преподавателѣ Пюрекѣ. Будучи убѣжденнымъ классикомъ, онъ всю суть изученія древнихъ языковъ полагалъ собственно въ фактическомъ знаніи, которымъ онъ такъ дорожилъ, а не считалъ изученіе древнихъ языковъ однимъ изъ могучихъ факторовъ умственнаго развитія учащихся. Слѣдуетъ однако признать, что древніе языки преподавались Пюрекомъ въ высшихъ классахъ, особенно восьмомъ, съ большою основательностью и полнотою, преимущественно напиралъ онъ на теоретическую часть грамматики и на древности. Члены испытательныхъ комиссій вслѣдствіе этого весьма часто выступали на защиту учащихся противъ большой требовательности учителя Пюрека. Доказательствомъ основательнаго изученія учениками Пюрека древнихъ языковъ можетъ служить исполненіе ими на греческомъ языкѣ, подъ его руководствомъ, сценъ и хоровъ изъ трагедіи Софокла: „Антигона“, съ музыкой Мендельсона.

Въ обильной классиками Радомской гимназіи преподавателями древнихъ языковъ состояли еще: Гиларій Матвѣевичъ

Алфавицкій и Игнатій Михайловичъ Тричинскій; послѣдній изъ нихъ заболѣлъ нервною болѣзнію.

Катастрофа съ Тричинскимъ представляетъ, къ сожалѣнію, не единственный случай нервного заболѣванія преподавателей въ Радомѣ. Кромѣ Тричинскаго, этой болѣзнію были больны: преподаватели мужской гимназіи—Годлевскій и Срѣтенскій и женской гимназіи—Савицкій и Некрасовъ.

Петръ Осиповичъ Годлевскій, до введенія устава 1871 г., состоялъ помощникомъ инспектора Радомской гимназіи и преподавалъ въ высшихъ классахъ математику и физику. Годлевскій былъ преподаватель способный, любилъ математику и усердно занимался ею. Онъ написалъ и издалъ довольно объемистую книгу: „Теорія реклинацій“, заключающую въ себѣ рѣшеніе тригонометрическихъ величинъ безъ логарифмовъ. Трудъ его прошелъ незамѣченнымъ. Въ бытность преподавателемъ Радомской гимназіи, Годлевскій не обнаруживалъ никакихъ странностей. Острый припадокъ болѣзни произошелъ съ Годлевскимъ уже въ бытность его на службѣ въ Варшавѣ. Во время такого припадка, Годлевскій, недавно предъ тѣмъ женившійся, зарѣзалъ жену и самъ выбросился изъ окна, съ четвертаго этажа своей квартиры.

Не такъ трагически погибъ молодой и достаточно способный и усердный преподаватель русскаго языка Радомской мужской гимназіи, окончившій курсъ Кіевской духовной академіи Дмитрій Ивановичъ Срѣтенскій. Прослуживъ въ Радомской гимназіи болѣе 17 лѣтъ, онъ заболѣлъ нервною болѣзнію, былъ уволенъ по болѣзни отъ службы, съ пенсіей и переѣхалъ на жительство въ Орель, гдѣ жилъ его отецъ; здѣсь болѣзнь его усилилась еще болѣе, и онъ умеръ въ Орловской больницѣ.

Чтобы покончить съ этой несчастной серіей преподавателей, я позволю себѣ забѣгать нѣсколько впередъ и упомянуть о сверхштатномъ преподавателѣ математики Э..., почти непосредственно, по окончаніи высшаго учебнаго заведенія, поступившемъ на службу въ Радомскую гимназію.

Когда я былъ на первомъ урокѣ учителя Э... по физикѣ въ 6 классѣ, я пришелъ въ восторгъ отъ его блестящихъ педагогическихъ способностей. Шелъ очередной урокъ по физикѣ о ноніусѣ, который Э... далъ безъ предварительнаго приготовленія: онъ велъ его наглядно, кратко, но математически точно, съ энергіей и воодушевленіемъ. Я не встрѣчалъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподавателя математики болѣе блестящаго, какъ Э... Но, къ сожалѣнію, вскорѣ пришлось убѣдиться,

что Э... не намѣренъ баловать своихъ питомцевъ такими уроками: онъ началъ запивать, и представилась необходимость перевести его въ другія учебныя заведенія, и несчастный молодой человѣкъ окончилъ жизнь свою нервнымъ разстройствомъ.

Страшно становится, когда вспомнишь, сколько изъ числа моихъ товарищей, сослуживцевъ и знакомыхъ погибло на службѣ въ Царствѣ Польскомъ. Я не могу авторитетно утверждать, что причиною ихъ гибели и смерти были единственно неблагоприятныя и тяжелыя условія педагогической дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ; но съ положительностію могу сказать, что эти тяжелыя условія въ значительной степени способствовали развитію во многихъ изъ нихъ психическихъ и другихъ губительныхъ для жизни и здоровья ихъ заболѣваній.

Къ числу выдающихся преподавателей Радомской мужской гимназіи слѣдуетъ отнести еще учителя чистописанія и рисованія Ипполита Альбиновича Пинко. Хотя предметъ преподаванія его относится собственно къ области искусствъ, но умѣлое и изящное преподаваніе рисованія имѣетъ большое значеніе для систематическаго развитія учащихся. Учитель Пинко, всегда самъ корректный, изящно одѣтый, съ благородными манерами, отличался любовью къ преподаваемому имъ предмету. Хотя этотъ предметъ былъ обязателенъ только до четвертаго класса, но ученики, имѣющіе способности къ рисованію, брали у него необязательные уроки рисованія въ теченіе всего гимназическаго курса. Ученики Радомской гимназіи, за время учителя Пинко, всегда оказывали прекрасные успѣхи въ рисованіи и на періодическихъ выставкахъ въ Императорской Академіи Художествъ работы по рисованію учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній получали медали, удостоивались похвальныхъ отзывовъ. Самъ Пинко обладалъ недюжиннымъ талантомъ въ живописи. Имъ исполнено довольно много портретовъ и этюдовъ. Онъ весьма отзывчиво относился къ живописнымъ заказамъ Радомской гимназіи и многія работы исполнялъ безвозмездно. Имъ исполненъ для новой актовой залы гимназіи, въ весь ростъ, портретъ Императора Александра III. Къ этому портрету по рисунку Пинко была заказана художественная рама, стоявшая 600 рублей, самый же портретъ, стоимость котораго по заказу могла быть отъ 600 до 800 рублей, исполненъ Пинко безвозмездно; только гимназіей были возвращены ему расходы за пріобрѣтеніе полотна и красокъ. Также безвозмездно исполнена имъ художественная копія съ религіозной, большого размѣра, картины Плакгорста:

„Спасеніе Христомъ утопающаго апостола Петра“, сооруженной для костела учащимися римско-католическаго исповѣданія въ память чудеснаго событія въ Боркахъ, 17 октября 1888 г.; и нарисована для актовъ залы гимназіи икона Христа Спасителя, сооруженная гимназіей въ память событія въ Отсу, въ Японіи, и другія работы. Отличаясь художественнымъ вкусомъ, Пинко всегда охотно занимался убранствомъ и декорированіемъ гимназіи во время различныхъ состоявшихся въ ней торжествъ и юбилеевъ. Къ числу скромныхъ, но полезныхъ дѣятелей гимназіи слѣдуетъ отнести преподавателя русскаго языка Михаила Петровича Будянскаго, прослужившаго въ гимназіи свыше 30 лѣтъ и отличавшагося трудоспособностію и необыкновенною аккуратностію въ исполненіи своихъ обязанностей.

Хотя въ Радомской гимназіи были такіе раритеты, какъ учитель нѣмецкаго языка Гогкидорфъ, все же составъ учителей, въ педагогическомъ отношеніи, былъ удовлетворительный, какъ объ этомъ уже было упомянуто мною, тѣмъ болѣе, что съ самаго начала реформы, вслѣдствіе открытія вакансій, за выслугою лѣтъ преподавателями и за смертію нѣкоторыхъ изъ нихъ, этотъ составъ постоянно пополняется новыми преподавателями, между которыми были и выдающіеся по своимъ способностямъ учителя. Эти новые учителя были пріобрѣтеніемъ для гимназіи въ учебномъ отношеніи, но не были цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ товарищескомъ отношеніи и въ смыслѣ общительности въ педагогической средѣ. Они были крайніе польскіе націоналисты, одинъ изъ нихъ открыто выражалъ свое нерасположеніе ко всему русскому и простиралъ это чувство до того, что, кромѣ служебныхъ случаевъ, избѣгалъ сношеній и разговоровъ съ русскими учителями и, входя въ учительскую, старался или такъ пройти, чтобы избѣжать подачи руки русскимъ преподавателямъ или демонстративно не подавалъ руки никому изъ нихъ, особенно если въ учительской не было ни директора, ни инспектора. Старые преподаватели, особенно прежняго режима, временъ Пристыка и даже Лебединцева, держались нейтрально и корректно, но все же искренности, желанія сойтись съ русскимъ персоналомъ у многихъ изъ нихъ не было.

Вслѣдствіе этого не было и такого единства и товарищескихъ отношеній, какія существовали среди учительскаго персонала въ Петроковской гимназіи. Это обстоятельство должно было содѣйствовать сближенію между собою русскихъ педагоговъ, тѣмъ болѣе, что такому сближенію благопріятствовали и

случайныя обстоятельства, и личный характеръ русскаго педагогическаго персонала и, наконецъ, нравственная потребность искать развлеченія въ обществѣ, чтобы хотя на нѣкоторое время отрѣшиться отъ тяжелыхъ условій служебной среды. Благопріятнымъ для такого сближенія фактомъ было то обстоятельство, что опять и въ Радомѣ, какъ и въ Петроковѣ, сошлись нѣсколько человѣкъ земляковъ: начальникъ Радомской учебной дирекціи Ѳ. Г. Лебединцевъ, учитель русскаго языка Срѣтенскій и я были кіевляне; нѣсколько позднѣе къ нашему землячеству присоединился учитель Радомской женской гимназіи М. Д. Успенскій, бывшій преподаватель Кіевской 1 гимназіи. Во главѣ съ гостепріимнымъ семействомъ директора гимназіи Маркіановича, русскіе педагоги образовали кружокъ изъ 6—8 семействъ и еженедѣльно по субботамъ устраивали очередные журфиксы.

Составъ кружка былъ исключительно педагогическій, поэтому всѣ члены кружка были связаны общностію интересовъ, чувствовали себя непринужденно и проводили время весело въ дружной бесѣдѣ, въ чтеніи литературныхъ произведеній и карточной игрѣ. Чтецомъ былъ завѣдывающій Радомскою женскою гимназіею Михаилъ Корнильевичъ Поповъ, человѣкъ не молодой, но жизнерадостный и развитой; онъ былъ женатъ на родной сестрѣ знаменитаго химика Менделѣева, еще не бывшаго въ то время въ ореолѣ всемірной славы; интереснымъ рассказчикомъ, обладавшимъ юморомъ и неистощимымъ запасомъ различныхъ эпизодовъ, былъ Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ. Особенно весело и непринужденно чувствовали себя педагоги въ квартирахъ холостыхъ членовъ своей педагогической семьи, на вечерахъ у которыхъ и жизнерадостныхъ педагогическихъ дамъ всегда было много матеріала для остротъ и здороваго смѣха. Такія собранія не были ни для кого обременительны, тѣмъ болѣе, что они отличались простотой и невзыскательностію, такъ что принять раза два—три, въ теченіе зимы, 12—16 человѣкъ вовсе не было тяжело для членовъ кружка.

Теперь по плану мнѣ слѣдуетъ перейти къ характеристикѣ учениковъ Радомской мужской гимназіи въ умственномъ и нравственномъ отношеніи и сравнивать ихъ въ этихъ отношеніяхъ съ учениками Петроковской гимназіи, ограничивая такую характеристику учениковъ Радомской гимназіи собственно временемъ вступленія моего на службу въ эту гимназію и не далѣе истеченія перваго періода этихъ воспоминаній, т. е. 1883/4 учебн. года. Въ общемъ ученики Радомской гимназіи произвели

на меня благоприятное впечатлѣніе какъ въ учебномъ, такъ въ особенности въ нравственномъ отношеніи: они были прилежнѣе учениковъ Петроковской гимназіи, болѣе ихъ развиты; по крайней мѣрѣ среди воспитанниковъ Радомской гимназіи встрѣчалось болѣе способныхъ учениковъ, нежели это наблюдалось въ Петроковской гимназіи. Въ нравственномъ же отношеніи въ общемъ они стояли выше учениковъ Петроковской гимназіи: они отличались достаточною выдержанностію, большею благовоспитанностію и не обнаруживали, по крайней мѣрѣ въ теченіе семидесятихъ годовъ, рѣзкихъ проявленій польскаго шовинизма, не выражали ощутительно нерасположенія къ изученію русскаго языка и употребленію русской разговорной рѣчи въ стѣнахъ заведенія. Многіе очень усердно занимались русскимъ языкомъ, чтеніемъ русскихъ книгъ и исполненіемъ письменныхъ работъ по русскому языку, часто въ объемъ, превосходящемъ установленную норму. Но дѣлая ученикамъ Радомской гимназіи такую характеристику, я этимъ не выдаю имъ аттестатъ ихъ абсолютнаго нравственнаго превосходства предъ учениками Петроковской гимназіи и не отношу такое ихъ превосходство къ самой природѣ ихъ, но только констатирую тотъ фактъ, что означенное превосходство ихъ наблюдалось въ разсматриваемое мною время, но сущность этого превосходства, заключавшагося не въ самой натурѣ учениковъ, а въ обстоятельствахъ и духѣ времени, можетъ быть объяснена ниже слѣдующими соображеніями. Во-первыхъ, на службу въ Петроковскую гимназію я поступилъ въ 1867 году, почти непосредственно послѣ усмиренія польскаго возстанія, когда страсти народныя еще не совсѣмъ улеглись; въ Радомскую же гимназію я перешелъ на службу въ 1873 году, т.-е. семь лѣтъ позднѣе, когда обостренныя отношенія между русскими и поляками начали нѣсколько сглаживаться. Во-вторыхъ, большая выдержанность учениковъ Радомской гимназіи, сравнительно съ учениками Петроковской гимназіи, должна быть отчасти объяснена не врожденными нравственными качествами и настроеніями учениковъ той и другой гимназіи, а режимомъ, господствовавшимъ въ обоихъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ сказаннаго на предыдущихъ страницахъ настоящихъ воспоминаній достаточно ясно, что режимъ Петроковской гимназіи въ шестидесятихъ годахъ не былъ благоприятенъ для процвѣтанія этого учебнаго заведенія. Въ Радомской же гимназіи въ соотвѣтственное время и инспекторъ гимназіи Хорошевскій и начальники учебной дирекціи Тимоѣей Ивановичъ Пристюкъ и Феофанъ Гаврило-

вичъ Лебединцевъ внимательно относились къ состоянію учебнаго и воспитательнаго дѣла въ гимназіи и поддерживали въ ней строгій режимъ. Слѣдовательно, чтобы выяснить нравственный обликъ обоихъ этихъ учебныхъ заведеній, необходимо взять ихъ въ одинъ и тотъ же моментъ и при одинаковыхъ условіяхъ. Такимъ моментомъ можетъ быть то время, когда оба эти учебныя заведенія находились въ одинаковыхъ условіяхъ, въ состояніи анархіи, въ періодъ польскаго возстанія.

При поступленіи моемъ на службу въ Петроковскую гимназію, въ седьмомъ классѣ я засталъ такой составъ учениковъ, что половина его во время возстанія участвовала въ повстанческихъ бандахъ. Подробности поведения учениковъ Петроковской гимназіи во время возстанія мнѣ неизвѣстны, такъ какъ я не изучалъ архива этой гимназіи, но уже одинъ вышеприведенный фактъ достаточно характеризуетъ это поведение ихъ; что же касается Радомской гимназіи, то исторія ея мнѣ подробно извѣстна, такъ какъ при составленіи „Исторической записки о состояніи Радомской мужской гимназіи въ первое пятидесятилѣтіе ея существованія (1833/4 — 1883/4 гг.)“, изготовленной мною къ юбилею гимназіи, я подробно ознакомился съ архивомъ этого учебнаго заведенія, сдѣлалъ необходимыя выписки и могу представить состояніе гимназіи въ любомъ отношеніи. На основаніи такихъ убѣдительныхъ данныхъ явственно видно, что нравственное состояніе учащихся Радомской гимназіи во время возстанія, въ періодъ анархіи, когда страсти и настроенія ихъ ничѣмъ не сдерживались, было нисколько не выше состоянія учащихся Петроковской гимназіи. Вообще это настроеніе соотвѣтствовало аналогическому настроенію учащихся всѣхъ вообще учебныхъ заведеній Царства Польскаго и нравственному настроенію и характеру польской молодежи, руководимой старшимъ поколѣніемъ, при всякихъ осложненіяхъ и политическихъ безпорядкахъ, выпускавшимъ молодежь въ авангардъ этихъ безпорядковъ, въ роли пробныхъ шаровъ, застрѣльщиковъ и предвѣстниковъ броженія въ обществѣ. Вслѣдствіе такого воздѣйствія старшаго поколѣнія на неопытную и впечатлительную молодежь и всѣ движенія польской молодежи продолжались по общей шаблонной программѣ. Обыкновенно при наступленіи броженія въ учебныхъ заведеніяхъ молодежь, подъ вліяніемъ возбужденія, начинала обнаруживать малый интересъ къ научнымъ занятіямъ, дѣлалась чуткою къ внѣшнимъ настроеніямъ и чрезвычайно впечатлительной, склонной къ школьнымъ выходкамъ, даже безпорядкамъ и расположенной прини-

мать участіе въ общественныхъ движеніяхъ политическаго характера. А это участіе въ общественныхъ движеніяхъ политическаго характера начиналось въ стѣнахъ учебныхъ заведеній пренебреженіемъ къ изученію русскаго языка, неуваженіемъ и даже оскорбленіемъ русскихъ учителей и массовыми беспорядками въ классахъ, а внѣ стѣнъ учебнаго заведенія — оскорбленіемъ русскихъ на улицѣ, участіемъ въ пѣніи въ костелахъ революціонныхъ гимновъ и въ политическихъ демонстраціяхъ, и оканчивалось участіемъ воспитанниковъ старшихъ классовъ въ повстанческихъ бандахъ. Вся эта программа съ поразительною точностью была выполнена и учениками Радомской мужской гимназіи въ революціонный періодъ.

Не только въ поведеніи учащихся Радомской гимназіи, во время возстанія, замѣчается аналогія съ поведеніемъ воспитанниковъ Петроковской гимназіи, но такая же аналогія наблюдается и въ настроеніи учительскаго персонала обоихъ учебныхъ заведеній: въ Петроковѣ, когда ученики гимназіи предъ уходомъ тайно строились въ ряды, на гимназическомъ дворѣ, предъ окнами квартиры законоучителя ксендза В., онъ, облокотившись руками на подоконникъ, умильно смотрѣлъ на эти весьма понятныя для него упражненія и предъ самымъ выступленіемъ юныхъ бандитовъ едва замѣтнымъ кржижикомъ (крестомъ) благословилъ ихъ на патріотическіе подвиги, а въ Радомѣ нѣкоторые учителя принадлежали къ политическимъ организаціямъ, а одинъ изъ нихъ, В. Александровичъ, 5 іюля 1863 г. оставилъ гимназію, поступилъ въ мятежническую шайку и затѣмъ, кажется, бѣжалъ за границу.

Если въ взбаламученное время ученики Радомской гимназіи въ нравственномъ отношеніи не превосходили учениковъ Петроковской гимназіи, то въ спокойное время, когда нѣтъ волненій въ краѣ и жизнь идетъ мѣрнымъ темпомъ, и при томъ при твердомъ и опредѣленномъ режимѣ, не только въ сферѣ гимназической, но и въ сферѣ общей политики, проводимой въ краѣ, поведеніе учениковъ Радомской гимназіи не вызывало особыхъ нареканий. Вообще польскія дѣти имѣютъ въ себѣ много симпатическихъ чертъ: они привязаны къ семьѣ и находятся въ повиновеніи родителямъ; они религіозны, вѣжливы и, большею частью, благовоспитаны; прилежны и настойчивы въ трудѣ, значительно трудоспособнѣе русскихъ учениковъ, по крайней мѣрѣ, въ гимназіяхъ Царства Польскаго, гдѣ русскіе ученики неосновательно стремятся пользоваться снисходительностью при оцѣнѣ ихъ успѣховъ и поведенія, какъ бы въ силу ихъ при-

вилегированнаго положенія; но въ отношеніи умственномъ ученики-поляки обладаютъ средними способностями, и между ними менѣе встрѣчается выдающихся и даровитыхъ учениковъ, нежели среди русскихъ воспитанниковъ. Къ отрицательнымъ сторонамъ характера польскихъ дѣтей относится какъ бы врожденное нерасположеніе ихъ ко всему русскому, отсутствіе искренности, склонность къ лицемерію и обману лицъ учебнаго персонала, особенно если они русскаго происхожденія. Последніе недостатки объясняются историческими причинами. Вообще же повторяю еще разъ, польскія дѣти имѣютъ много симпатичныхъ чертъ, но тѣмъ прискорбнѣе наблюдать зараженіе невинной дѣтской натуры со стороны старшихъ, и даже родителей такими внушеніями, которымъ не должно быть мѣста въ дѣтской душѣ, и которыя могли бы возникнуть въ ней въ другую болѣе зрѣлую пору, если бы для этого встрѣтилась благопріятная почва во внѣшнихъ обстоятельствахъ, вытекающихъ изъ польско-русскихъ отношеній; но польскія дѣти сѣмена такихъ внушенныхъ чувствъ и тенденцій носятъ въ своей душѣ съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Поэтому-то въ польскихъ дѣтяхъ наблюдается какъ бы двойственность ихъ натуры: сегодня вѣжливые, благовоспитанные, спокойные и почтительные ученики, завтра, — подъ вліяніемъ воздѣйствій и данныхъ имъ лозунговъ, дѣлаются неузнаваемыми и обнаруживаютъ совершенно противоположныя качества. Такія метаморфозы мнѣ приходилось наблюдать неоднократно, а такая способность къ быстрой переменѣ въ настроеніи польскихъ учениковъ является слѣдствіемъ того, что они, во-первыхъ, очень впечатлительны и, во-вторыхъ, носятъ въ душѣ своей двойственность чувствъ и проявляютъ то ту, то другую сторону ихъ, въ зависимости отъ родительскихъ внушеній, внѣшнихъ воздѣйствій и внѣшнихъ обстоятельствъ.

Прискорбно наблюдать польскихъ дѣтей въ ихъ отрицательномъ настроеніи. Не надобно болѣе милыхъ и болѣе пріятныхъ дѣтей, какъ польскія дѣти въ ихъ вѣтценціозномъ настроеніи, и нѣтъ звѣрять болѣе свирѣпыхъ и коварныхъ, какъ польскія дѣти, когда они враждебно настроены, возбуждены и проникнуты національною враждою. Въ этомъ случаѣ они въ общемъ являются крайне неблагодарными. Никакая забота, никакая привязанность русскаго педагога къ польскимъ дѣтямъ, никакое доброжелательство и прямое благодѣяніе имъ не гарантируетъ его отъ непріязни и даже ненависти къ нему польскихъ учениковъ, единственно только въ силу русскаго происхожденія педагога. Такая оцѣнка чувствъ и дѣятельности рус-

скаго педагога, если не всегда проявляется польскими дѣтьми внѣшнимъ образомъ, то, безъ сомнѣнія, всегда, за незначительными исключеніями, таится въ ихъ душѣ, а такое отношеніе польскихъ дѣтей къ русскимъ педагогамъ дѣйствуетъ на этихъ послѣднихъ крайне удручающимъ образомъ, особенно на тѣхъ изъ нихъ, которые были преданы дѣлу воспитанія польскаго юношества, посвятили этому дѣлу всѣ свои силы и провели въ краѣ лучшіе годы своей жизни, прослуживъ 25 и болѣе лѣтъ.

И былъ бы несправедливъ, если бы не сказать, что и между родителями-поляками и между польскими воспитанниками встрѣчаются люди, умѣющие цѣнить дѣятельность и русскихъ педагоговъ, не забывающихъ добрыхъ чувствъ ихъ къ нимъ, ихъ полезной педагогической дѣятельности и оказаннаго имъ доброжелательства; но процентъ такихъ людей незначителенъ, и тотъ относится преимущественно къ временамъ мирнаго спокойнаго состоянія края и опредѣленнаго и стойкаго режима.

Отъ общихъ разсужденій о поведеніи учениковъ Радомской гимназіи въ разсматриваемый періодъ времени слѣдуетъ перейти къ фактическимъ даннымъ, касающимся Радомской гимназіи. Какъ было упомянуто выше, въ поведеніи учениковъ Радомской гимназіи не было наблюдаемо рѣзкихъ проступковъ и нарушеній дисциплины, но слѣдуетъ упомянуть объ одномъ прискорбномъ проступкѣ учениковъ, довольно часто практиковавшемся, впрочемъ, не одними только учениками Радомской гимназіи, но и вообще воспитанниками польскаго происхожденія, преимущественно въ провинціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Этотъ проступокъ состоялъ въ бросаніи камней въ окна квартиры нелюбимыхъ учителей, или какъ выраженіе мести учителю, за кажущуюся ученику несправедливую оцѣнку учителемъ его познаній или поведенія. Слѣдуетъ упомянуть, что бомбардировка производилась очень рѣдко и такъ неожиданно и съ такимъ искусствомъ, что не возможно бывало обнаружить виновныхъ. Затѣмъ былъ такой случай бомбардировки: въ ночное время быстро проѣзжаетъ по улицѣ экипажъ, и изъ экипажа, видимо посредствомъ праща, бросается въ окно небольшой камушекъ, который пронизываетъ стекло даже безъ большого шума. Бомбардировка педагогическихъ оконъ практиковалась въ то время, когда въ учебныхъ заведеніяхъ и вообще въ краѣ существовали строгій режимъ и твердость политики, и учащіеся не смѣли обнаруживать предъ педагогами своихъ чувствъ и своего неудовольствія посредствомъ рѣзкихъ объясненій; когда же наступали другія времена, началась всюду неустойчивость

политики и броженіе среди общества, этотъ патріархальный способъ выраженія своихъ чувствъ и своего неудовольствія посредствомъ бомбардировки учительскихъ оконъ былъ оставленъ, и учащіеся начали вступать въ различныя объясненія съ педагогами, а ихъ родители стали подавать начальству ходатайства и жалобы на педагоговъ, а затѣмъ учащіеся начали выражать неудовольствія и осуществлять свои требованія посредствомъ нарушенія дисциплины цѣлыми классами и даже бунтами учебныхъ заведеній, о чемъ въ свое время будетъ сказано.

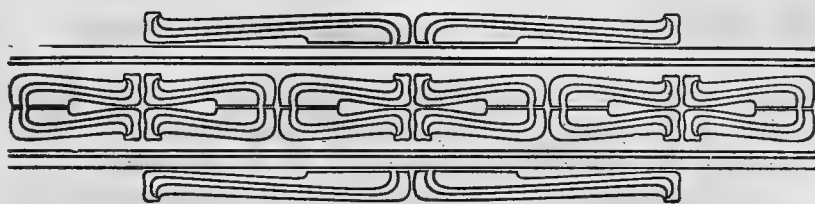
Изложеннымъ выше я охарактеризовалъ состояніе польскаго и русскаго общества въ періодъ времени съ начала шестидесятихъ годовъ до первой половины восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, равно какъ и состояніе Радомской мужской гимназіи приблизительно за этотъ же періодъ, и теперь мнѣ слѣдовало бы, по намѣченному уже плану, изложить второй періодъ моей службы въ Варшавскомъ учебномъ округѣ и въ частности въ Радомской гимназіи, но такъ какъ періодъ этотъ продолжался ровно двадцать лѣтъ и при томъ служба моя протекала непрерывно въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи, то изложеніе всѣхъ обстоятельствъ этой службы, въ теченіе которой предо мною прошелъ цѣлый рядъ обыденныхъ фактовъ и длинная галлерея лицъ учебнаго персонала, было бы и затруднительно, и нѣсколько однообразно для читателя, то я предпочитаю изложить этотъ послѣдній періодъ моей службы, какъ я уже упоминалъ объ этомъ, не въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ, а въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ и фактовъ изъ этого періода моей службы, — болѣе интересныхъ и болѣе рельефныхъ, при чемъ измѣняю и самую форму изложенія, переходя отъ перваго лица къ третьему.

В. Г. Смородиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ исторіи возникновенія клиники кожныхъ и венерическихъ болѣзней при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

Какъ и всякое учрежденіе, Клиника кожныхъ и венерическихъ болѣзней Императорскаго Московскаго университета имѣетъ свою исторію возникновенія и постепеннаго развитія. Много нужно было въ разное время поработать для этого учрежденія, выдержать борьбы и положить въ него труда, прежде чѣмъ оно появилось въ своемъ благоустроенномъ видѣ, поддерживая славу Московскаго университета.

До 1869 г. на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета не было каедры кожныхъ и венерическихъ болѣзней, не было и клиники для изученія этихъ отраслей медицины. Необходимыя по тогдашнему времени свѣдѣнія для студентовъ медиковъ 4 и 5 курсовъ давались то профессорами терапевтической, то хирургической клиникъ. Такъ профессоръ *Г. А. Захаринъ*, завѣдывавшій тогда факультетскою терапевтическою клинкою, имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего лишь 4 кровати, на которыхъ онъ и знакомилъ студентовъ четвертаго курса съ распознаваніемъ и лѣченіемъ венерическихъ болѣзней. Лекціи профессора *Захарина* по венерическимъ болѣзнямъ не имѣли систематическаго характера и читались профессоромъ тогда, когда послѣдній того пожелаетъ. Несмотря на случайный, такъ сказать, характеръ этихъ лекцій, талантливый профессоръ собиралъ вокругъ себя массу слушателей и студентовъ, и врачей, желавшихъ ознакомиться у постели больныхъ съ распознаваніемъ венерическихъ болѣзней.

Кромѣ проф. *Захарина*, съ распознаваніемъ и лѣченіемъ венерическихъ болѣзней студентовъ 5-го курса знакомилъ старшій

врачъ госпитальной терапевтической клиники въ Ново-Екатерининской больницѣ (переименованной впослѣдствіи въ Императорскую Екатерининскую больницу), *В. И. Ельцинскій*.

Студенты медики 5-го курса, несмотря на сравнительно большой матеріалъ, имѣвшійся въ Госпитальной клиникѣ, и на стараніе преподавателя, мало какъ-то посѣщали отдѣленіе д-ра Ельцинскаго. Независимо отъ этихъ двухъ преподавателей въ Мясницкомъ отдѣленіи больницы для чернорабочихъ ординаторомъ этой больницы и *первымъ* въ то время приватъ-доцентомъ по кожнымъ и венерическимъ болѣзнямъ *Н. П. Мансуровымъ* читались частныя лекціи по воскресеньямъ, по тѣмъ же болѣзнямъ на богатомъ матеріалѣ этой больницы. Къ сожалѣнію, лекціи эти существовали сравнительно недолго, такъ какъ скандальное поведеніе проститутокъ, находившихся тамъ, и пассивное отношеніе къ этому больничной администраціи вынудило покинуть Мясницкое отдѣленіе больницы для чернорабочихъ не только студентовъ, но и самого преподавателя¹⁾. *Мансуровъ* съ грустью, какъ онъ говорилъ мнѣ, покинулъ Мясницкую больницу. Оставивъ послѣднюю, *Мансуровъ*, несмотря на множество неудобствъ, сталъ читать свои лекціи то въ старомъ зданіи университета, то въ свободной отъ другихъ лекцій аудиторіи тогдашней клиники на Рождественкѣ. Отсутствіе живого матеріала заставляло *Мансурова* привозить больныхъ для демонстраціи съ собою изъ своей частной практики, или же обращаться въ разныя московскія больницы съ просьбою присылать ему необходимыхъ больныхъ. Конечно, всякому станетъ понятнымъ, съ какимъ трудомъ можно было улавливать такой матеріалъ. Но нерѣдко больныхъ не было совершенно, и *Мансурову* приходилось занимать слушателей демонстраціей рисунковъ изъ атласа Hebra, Berensprung'a и др. Болѣе поздніе часы, которыми *Мансурову* приходилось пользоваться послѣ освобожденія аудиторіи отъ другихъ преподавателей — сильно вліяли на количество слушателей, понижая число ихъ. Отсутствіе аудиторіи видимо давало себя знать. Каждый изъ студентовъ, кончавшихъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета, сознавалъ ясно, что ему недостаточно было тѣхъ свѣдѣній по кожнымъ и венерическимъ болѣзнямъ, которыя они получили на студенческой скамьѣ; вотъ почему болѣе состоятельные изъ нихъ уѣзжали для изученія кожныхъ и венерическихъ болѣзней въ Вѣну къ знаменитымъ въ то время клиницистамъ Hebra, Sigmund'y, Dittl'ю, Zeissl'ю и въ

¹⁾ 1866 г.

Парижѣ къ Ricord'у, Fournier, Halloreau и др. Не слѣдуетъ, однако, думать, что такое положеніе вещей въ дѣлѣ преподаванія кожныхъ и венерическихъ болѣзней существовало лишь въ одной только Россіи. Достаточно заглянуть, на примѣръ, въ справочную книжку К. Trubner'a „Minerva“¹⁾, чтобы убѣдиться, что до недавняго еще времени, даже въ нѣкоторыхъ германскихъ университетахъ не было отдѣльныхъ кафедръ для изученія кожныхъ и венерическихъ болѣзней, не было и специальныхъ клиникъ для этой цѣли. Но, послѣ того, какъ Военно-Медицинская академія въ 1896 г.²⁾ учредила у себя специальную кафедру съ клинкою для изученія кожныхъ и венерическихъ болѣзней, и Московскій университетъ въ 1869 году учредилъ у себя доцентуру для преподаванія кожныхъ или, какъ ихъ тогда называли, „накожныхъ“ и „сифилитическихъ“ болѣзней. Для преподаванія ученія объ этихъ болѣзняхъ факультетъ избралъ доцента *Д. И. Найденова* и выдѣлилъ ему въ Ново-Екатерининской больницѣ 28 кроватей, которыя и составили клинику въ 6 кроватей для кожныхъ больныхъ и 22 кровати для венерическихъ.

Прекрасно образованный, отлично знавшій иностранные языки, долго изучавшій акушерство и женскія болѣзни, *Д. И. Найденовъ* готовился занять имѣющуюся освободиться, за выслугою лѣтъ профессора Коха, кафедру акушерства и женскихъ болѣзней. Но, какъ это прежде бывало, въ университетахъ готовили не профессоровъ для кафедръ, а кафедры—для профессоровъ, съ *Найденовымъ* произошло такое же недоразумѣніе: *Найденову*, бывшему еще за границей, сообщили, что на освободившуюся кафедру акушерства промовируютъ уже *А. М. Макъева*, который и былъ избранъ, а *Д. И. Найденову* дали знать за границу, что ежели онъ пожелаетъ, то можетъ быть избранъ доцентомъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней. На *Найденова* такой сюрпризъ подействовалъ ошеломляющимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ: посвятить себя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изученію излюбленнаго имъ предмета и затѣмъ быть вынужденнымъ отказаться отъ него въ пользу другого,—это могло обезкуражить хоть кого. По счастью для *Найденова*, занимавшагося за границею, между прочимъ, кожными болѣзнями у знаменитаго Habra—въ Вѣнѣ, а венерическими—у знаменитыхъ сифилидологовъ Ricord'a въ Парижѣ, Sigmund'a и Zeissl'я въ Вѣнѣ и у др. специалистовъ, преподаваніе этихъ отраслей медицины не застало *Найденова*

¹⁾ „Minerva“. Jahresbericht der gelerten Welt. 1896—97. Strassburg. 1897.

²⁾ Свѣдѣнія эти мнѣ любезно сообщилъ проф. В.-М. А. Т. П. Павловъ, которому и приношу мою искреннюю благодарность.

врасплохъ. Тѣмъ не менѣе, однако, *Найденовъ*, узнавъ еще за границею о предстоящей ему обязанности, усердно сталъ посѣщать спеціальныя клиники кожныхъ и венерическихъ болѣзней у своихъ бывшихъ учителей, желая, какъ онъ говорилъ мнѣ, освѣжить свои свѣдѣнія. Такимъ образомъ *Д. И. Найденовъ* въ 1869 г. является первымъ профессоромъ (доцентомъ) и директоромъ клиники кожныхъ и венерическихъ болѣзней Московскаго университета. На долю пишущаго эти строки выпала честь быть избраннымъ медицинскимъ факультетомъ первымъ ассистентомъ профессора Найденова и работать съ нимъ пять лѣтъ.

Талантливый профессоръ, взявшись за лекціи, быстро завоевалъ себѣ симпатіи слушателей и больныхъ. Къ сожалѣнію, отведенное для проф. *Найденова* помѣщеніе въ Ново-Екатерининской больницѣ во многомъ оставляло желать лучшаго. Особой аудиторіи для лекцій и демонстраціи больныхъ—не имѣлось, палаты помѣщались въ верхнемъ этажѣ подъ широкимъ князькомъ, почти лишавшимъ палаты свѣта, печи были стары и при топкѣ ихъ постоянно дымили, вентиляціи, кромѣ фортокъ въ окнахъ—не имѣлось; холодъ, отсутствіе ваннъ вблизи палатъ, зловоніе отъ „клозетовъ“ старой системы, „припарочная“ и т. п. прелести дѣлали клинику *Найденова* далеко непріглядною. Тѣмъ не менѣе проф. *Найденовъ* неустанно и ежедневно посѣщалъ свою клинику, оставаясь въ ней подолгу.

Лѣтомъ, когда наступали каникулы, проф. *Найденовъ* уѣзжалъ за границу и ежегодно обновлялъ свои свѣдѣнія по спеціальности въ иностранныхъ клиникахъ. Что касается меня, какъ ассистента, то на лѣто по закрываніи клиники я поступалъ въ распоряженіе главнаго врача Ново-Екатерининской больницы, и мнѣ приходилось завѣдывать то тѣмъ, со другимъ отдѣленіемъ больницы. Такъ, было время, что я имѣлъ на рукахъ палаты съ холерными больными, то съ оспенными, то завѣдывалъ приѣмомъ амбулаторныхъ больныхъ. Такія разностороннія обязанности позволяли мнѣ, особенно во время моихъ дежурствъ по больницѣ, наблюдать разнообразныхъ больныхъ и нерѣдко быть готовъ подавать скорую помощь доставляемымъ въ больницу. Заботливое отношеніе главнаго врача, при которомъ мнѣ довелось въ то время служить, извѣстнаго профессора хирургіи *И. Н. Навашкина* и его памятная неуклонная дисциплина, направленная на благо больныхъ и учрежденія, будутъ всегда для меня памятны.

Профессору *Навашкину* я былъ обязанъ первоначальнымъ обученіемъ меня больничному хозяйству, знаніемъ аптечнаго дѣла и разумной дисциплины по отношенію къ больнымъ и

служащимъ, что мнѣ такъ пригодилося въ послѣдствіи, когда я сдѣлался главнымъ врачомъ Мясницкой больницы въ Москвѣ.

Съ годами, когда студентовъ-слушателей становилось все болѣе и болѣе, недостатокъ въ живомъ матеріалѣ, особенно при изученіи кожныхъ болѣзней (6 коекъ), а главное отсутствіе больныхъ женщинъ и дѣтей съ венерическими заболѣваніями, — побудило проф. *Найденова* попытаться, съ согласія главнаго врача Мясницкаго отдѣленія *Спиро*, воспользоваться для демонстраціи студентамъ больными этой большой больницы.

Но, какъ это ни странно, попытку проф. *Найденова* постигла та же участь, какъ и *Мансурова*, и профессоръ *Найденовъ* вслѣдствіе буйства больныхъ проституттокъ и неприниманія мѣръ для устраненія ихъ администраціею больницы, долженъ былъ отказаться отъ посѣщенія студентами Мясницкаго отдѣленія больницы для чернорабочихъ.

Прослуживъ пять лѣтъ въ качествѣ ассистента профессора *Найденова* и согласно вышедшему въ то время циркуляру г. министра народнаго просвѣщенія, ограничивавшаго службу ассистентовъ 5-ю годами, я долженъ былъ покинуть Ново-Екатери-нинскую больницу; вскорѣ я получилъ приглашеніе поступить въ Мясницкое отдѣленіе больницы для чернорабочихъ въ качествѣ консультанта по кожнымъ и венерическимъ болѣзнямъ. Черезъ годъ, за выходомъ въ отставку главнаго врача той же больницы *А. О. Спиро*, Попечительнымъ Совѣтомъ больницъ Общественнаго Призрѣнія я былъ сдѣланъ главнымъ врачомъ¹⁾ той же больницы, гдѣ и прослужилъ 25 лѣтъ.

Завѣдывать такою сокровищницею въ смыслѣ учебнаго матеріала, какъ Мясницкое отдѣленіе больницы для чернорабочихъ, имѣвшею 404 кровати (въ сутки), на которыхъ лежали проститутки съ начальными формами разнообразныхъ венерическихъ болѣзней, мужчины и женщины чернорабочаго класса съ тяжелыми формами сифилиса, множество грудныхъ дѣтей и подростковъ — съ наслѣдственнымъ или же пріобрѣтеннымъ сифилисомъ; въ различныхъ періодахъ беременныя женщины — роженицы, кормилицы и т. п., все это не могло не сулить мнѣ счастливой возможности какъ учиться самому, такъ и научить другихъ распознаванію и лѣченію венерическихъ болѣзней у мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Въ то время я не видалъ даже и за границею такого обильнаго и разнообразнаго матеріала, собраннаго въ одномъ учрежденіи.

Среди этого матеріала было довольно случаевъ кожныхъ болѣзней, которые дѣлали этотъ матеріалъ еще болѣе цѣннымъ въ интересѣ дифференціального діагноза.

Сдѣлавшись главнымъ врачомъ Мясницкой больницы (будемъ такъ называть ее краткости ради), я счелъ своимъ долгомъ широко открыть двери для всѣхъ желавшихъ учиться распознаванію и лѣченію кожныхъ и венерическихъ болѣзней на обильномъ и превосходномъ матеріалѣ этой, до того времени замкнутой и почти недоступной для посѣщенія ея посторонними лицами больницы, и затѣмъ уже я занялся преобразованиемъ этой запущенной во всѣхъ отношеніяхъ научной сокровищницы. Припоминаю, что первыми ласточками наступившей для Мясницкой больницы весны были ученицы Московскаго повивальнаго института, которыя черезъ своихъ лекторовъ, д-ра К. В. Окунькова и Ѳ. А. Герольдштейна, обратились ко мнѣ съ просьбою ознакомить ихъ съ распознаваніемъ и лѣченіемъ сифилиса у женщинъ, такъ какъ для этой цѣли повивальный институтъ не имѣлъ матеріала. Съ особымъ удовольствіемъ я принялъ такую просьбу ученицъ повивальнаго института и съ разрѣшенія тогдашняго попечителя Мясницкой больницы А. В. Савельева организовалъ при больницѣ частные курсы для обученія повивальныхъ бабокъ распознаванію и лѣченію кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Несмотря на массу хлопотъ по преобразованію названной больницы, я сталъ во главѣ этихъ курсовъ и по воскресеньямъ лично демонстрировалъ ученицамъ больныхъ женщинъ и дѣтей, страдавшихъ сифилисомъ и кожными болѣзнями. Такъ было положено основаніе курсовъ для обученія акушеровъ кожнымъ и венерическимъ болѣзнямъ, долго носившихъ названіе „Поспѣловскихъ“ курсовъ. Спустя 10 лѣтъ эти курсы были переименованы въ официальное *училище для повивальныхъ бабокъ*, которое названо въ честь тогдашняго генералъ-губернатора князя Долгорукова *Училищемъ для повивальныхъ бабокъ князя Долгорукова*.

Вскорѣ, по примѣру повивальныхъ бабокъ, ко мнѣ обратились студенты Московскаго университета 5-го курса и нѣкоторые врачи Московскихъ больницъ, пожелавшіе посѣщать частные курсы при Мясницкой больницѣ. Студенты, хорошо понимая всю пользу нагляднаго обученія ихъ на обильномъ и подобранномъ клиническомъ матеріалѣ, охотно и въ массѣ посѣщали мою аудиторію, что, конечно, льстило молодому преподавателю, не имѣвшему въ то время даже и званія приватъ-доцента университета; съ своей стороны я употреблялъ все стараніе, чтобы

быть полезнымъ не только ученицамъ повивальнаго института, но и студентамъ и врачамъ, сдѣлавшимся добровольными слушателями моихъ курсовъ.

Но ежели мои частные курсы доставляли мнѣ лишь одно удовольствіе, то званіе главнаго врача Мясницкой больницы налагало на меня не легкую обязанность—преобразование Мясницкой больницы, какъ въ административномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ. Запущенность этой больницы въ то время достигла невѣроятныхъ размѣровъ, и мнѣ думается, что ежели бы я тогда не встрѣтилъ сочувствія и поддержки въ лицѣ попечителя Мясницкой больницы, члена Попечительнаго Совѣта *А. В. Савельева*,—человѣка необыкновенной энергіи и въ высокой степени опытнаго въ веденіи больничнаго хозяйства, то едва-ли мнѣ бы удалось достигнуть въ два года того, чего мы съ нимъ достигли по преобразованію этой больницы. Кто видалъ Мясницкую больницу ранѣе и спустя два года—послѣ ея преобразования, тотъ согласится со мною, что преобразование ея было колоссальное и, конечно, потребовало и колоссальной работы на благо этого учрежденія.

Въ 1884 году проф. *Д. И. Найденовъ* умеръ, и медицинскому факультету предстояло приискать новаго замѣстителя катедры кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Промоверами въ факультетѣ выступили двое: ех officio профессоръ *А. Я. Кожевниковъ* и ех amice—*Г. И. Браунъ*. Первый рекомендовалъ меня факультету, а второй приватъ-доцента *Н. П. Мансурова*. Въ факультетѣ значительнымъ большинствомъ были избраны я, а въ Совѣтѣ *Н. П. Мансуровъ*, который и сдѣлался директоромъ клиники кожныхъ и венерическихъ болѣзней въ Екатерининской больницѣ.

Курсы проф. *Мансурова* мало посѣщались студентами, и послѣдніе болѣе тяготѣли къ Мясницкой больницѣ съ ея богатымъ и разнообразнымъ матеріаломъ. Проф. *Мансуровъ* хорошо понималъ, что читать болѣзни кожи на 6 кроватяхъ, занятыхъ чаще всего хрониками, дѣйствительно трудно, а для обученія распознаванію и лѣченію венерическихъ болѣзней у женщинъ и дѣтей въ Екатерининской больницѣ совсѣмъ не имѣлось матеріала. Вполнѣ понимая этотъ недостатокъ своей клиники, особенно въ виду начавшейся постройки новыхъ клиникъ на Дѣвичьемъ полѣ, *Мансурову* пришла мысль поискать какого-либо московскаго мецената, который бы пожертвовалъ приличную сумму на постройку образцовой клиники для кожныхъ и венерическихъ болѣзней для Московскаго университета.

Завѣтная мечта профессора *Мансурова* на этотъ разъ осуще-

ствилась. Извѣстный московскій капиталистъ *Г. Г. Солодовниковъ* пожелалъ пожертвовать Московскому университету 200.000 р. на сооруженіе вышеупомянутой клиники на Дѣвичьемъ полѣ.

Но *Мансурову* не суждено было пользоваться плодами своихъ заботъ: профессоръ *Мансуровъ* умеръ, когда сооруженная клиника кожныхъ болѣзней готова была еще вчернѣ.

Съ кончиною проф. *Мансурова* медицинскому факультету предстояло вновь озаботиться отысканіемъ преподавателя на вакантную должность кожныхъ и венерическихъ болѣзней. На этотъ разъ факультету угодно было единогласно остановиться въ выборѣ на мнѣ, какъ уже испытанномъ преподавателѣ.

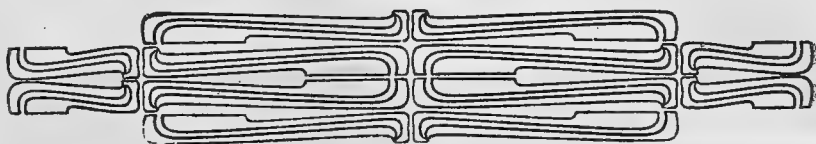
По ходатайству медицинскаго факультета я былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора Московскаго университета¹⁾ одновременно съ порученіемъ докончить наблюденіе за постройкою новой клиники кожныхъ болѣзней и по окончаніи постройки ея озаботиться оборудованіемъ самаго учрежденія.

Въ началѣ января 1895 года клиника была исполнѣ оборудована, а 18-го февраля того же года она была открыта. Клиника удалась, что называется, на славу; она представляла въ то время послѣднее слово науки и могла, по признанію иностранныхъ дерматологовъ и сифилидологовъ, посѣтившихъ ее во время Международнаго съѣзда въ Москвѣ въ 1897 году, считаться лучшею клинкою Европы. На Международномъ съѣздѣ особое вниманіе было обращено на музей клиники, устроенный мною при содѣйствіи талантливаго муляжиста (формовщика) *С. П. Фивейскаго*, которому на Международномъ дерматологическомъ съѣздѣ въ Берлинѣ въ 1904 году была отдана пальма первенства, какъ лучшему художнику-муляжисту. Заниматься и обучать студентовъ кожнымъ и венерическимъ болѣзнямъ въ такой клиникѣ было для меня истиннымъ наслажденіемъ.

Въ 1910 году за выслугою мною 30-лѣтняго срока, я, согласно Уставу Россійскихъ Университетовъ, получилъ званіе заслуженнаго профессора и долженъ былъ покинуть клинику, озабочиваясь пріисканіемъ себѣ замѣстителя. Такимъ замѣстителемъ по конкурсу и по моей рекомендаціи былъ избранъ факультетомъ и Совѣтомъ бывшій профессоръ кожныхъ и венерическихъ болѣзней въ Харьковѣ *И. О. Зеленевъ*, который и былъ утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія и состоитъ въ настоящее время директоромъ клиники кожныхъ и венерическихъ болѣзней Московскаго университета.

А. И. Пospѣловъ.

¹⁾ 1898 г.

Ода капитана Лукина.

Когда мы случайно въ деревнѣ отыскали ящикъ со старыми книгами, то всѣ съ жадностью стали перелистывать запыленные листы.

Всевозможныя книги, альбомы. Одинъ изъ альбомовъ привлекъ наше вниманіе надписью на послѣдней страницѣ: *Ricor-date di me le 9 Nov. 1810.*

Страницы этого альбома были написаны стихами и „одами“. Языкъ—французскій и русскій, но первый встрѣчается чаще.

На одной изъ страницъ читаемъ:

L'ors¹⁾ du voyage de l'Empereur Paul 1-er l'année 1798. Il fut accablé d'odes et de félicitations par tous les poètes et rimailleurs qui se trouvaient sur son passage.

Comme il payait fort peu l'encens que l'on faisait fumer sur ses hautels, un pauvre officier de Garnison, borgne et misérable lui fit l'ode suivante:

О Д А.

Царь Царевичъ!
Умовъ Умовичъ!
Батюшка Павелъ Петровичъ,
Твой кривъ капитанъ
Лукинъ Иванъ
Бьетъ тебѣ въ честь въ барабанъ
Транъ, тараранъ.

Le eut 100 Rble et une petite place, je ne sais laquelle.

Сообщилъ В. И. Ивановъ.

¹⁾ Въ 1798 году, Императоръ Павелъ 1-ый, во время своего путешествія, былъ осажденъ хвалебными и поздравительными стихами современнѣхъ поэтовъ. Въ большинствѣ случаевъ „оды“ были льстивыя и оплачивались щедрою рукою.

Узнавъ объ этомъ, гарнизонный офицеръ Лукинъ, бѣдняга и слѣпой на одинъ глазъ, преподнесъ Императору слѣдующіе стихи.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы
съ 23-го іюля по 24-е сентября 1912 г.

Михневичъ, Н. П., проф. Бородинскій бой 1812 г. М. 1912. Изд. К-въ Сельск. Вѣстника (Спб., Мойка, 32) и Т-ва И. Д. Сытина. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 16° (12×17). 48 стр. Съ рис. Ц. 5 к. Вѣсь 3 л. 20.000 экз.

Обновленскій, И. Списокъ хронологическихъ датъ по всеобщей и русской исторіи. Галичъ. 1912. Тип. В. Г. Дремпельманъ. 16° (13×17). 12 стр. Вѣсь 1 л. 500 экз.

Обновленскій, И. Трехсотлѣтіе со дня смерти знаменитаго русскаго патріота всероссійскаго патріарха Гермогена. (17-го февр. 1612 г.—17-го февр. 1912 г.). Галичъ. 1912. Тип. Г. В. Дремпельманъ. 8° (15×22). 31 стр. Вѣсь 4 л. 300 экз.

Обозрѣніе преподаванія наукъ на историко-филологическомъ факультетѣ Имп. С.-Пет. Университета въ осеннемъ полугодіи 1912 года и въ весеннемъ полугодіи 1913 года. Спб. 1912. Тип. Б. М. Вольфа (Невскій, 126). 8° (15×23). 40 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 4 л. 2.000 экз.

Острогорскій, В. Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей. Для чтенія юношества. М. 1912. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 15-е. 8° (15×21). VII+175 стр. Съ портр. Ц. 50 к. Вѣсь 18 л. 10.000 экз.

Отступленіе изъ Москвы въ 1812 году (по письмамъ французамъ). Подъ ред. А. Ф. Струве. Библіотека двѣнадцатаго года. Вып. IV. М. 1912. Изд. Книгоиздат. Островъ. Тип. В. Л. Баньянинъ и К° (Зацѣпа, Б. Строченовскій, 5). 16° (12×15). 32 стр.+4 листа рис. Ц. 6 к. Вѣсь 3 л. 20.000 экз.

Пичета, В. И. Причины Отечественной войны. Историческій очеркъ. Библіотека универсальная № 658. М. 1912. Изд. Книгоизд. Польза, В. Антигъ и К° (Козицкій, 2). Тип. П. П. Рябушинскаго (Страсти. бульв., с. д.). 16° (10×16). 80 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 3 л. 10.000 экз.

Покровскій, В. Михайлъ Васильевичъ Ломоносовъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1912. Изд. 3-е. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер.). 8° (17×26). 207 стр. Складъ: Моховая, д. Варвар. Акц. О-ва Кн. маг. В. Спиридонова и А. Михайлова. Ц. 50 к. Вѣсь 20 л. 3.000 экз.

Программа чтеній А. Артющкова по исторіи русской литературы на лѣтнихъ 1912 г. педагогическихъ курсахъ въ гор. Ельнѣ и Порѣчѣ Смоленской губ. Смоленскъ. 1912. Изд. Смоленск. губ. земск. управы. Тип. Я. Н. Подземскаго. 8° (18×22). 1 стр. Вѣсь 1 л. 250 экз.

Программа чтений по методикѣ исторіи и по курсу русской исторіи, при-
мѣнительно къ одобр. М. Н. Пр. (Ж. 1911 г., № 2) учебнику Платонова на
лѣтнихъ 1912 г. педагогическихъ курсахъ въ гор. Ельнѣ, Порѣчѣ и Бѣломѣ.
Смоленскъ. 1912. Изд. Смоленск. губ. земск. управы. Тип. Я. Н. Подземскаго.
8° (18×22). 1 стр. Вѣсь 1 л. 250 экз.

Саводникъ, В. Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка.
Часть вторая. М. 1912. Изд. 8-е. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковск. п., 9). 8°
(16×23). 352 стр. Съ портр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 1 ф. 7 л. 15.000 экз.

Святѣйшій патриархъ Гермогенъ. М. 1912. Тип. В. И. Воронова (Моховая,
д. кн. Гагарина). 16° (12×17). 31 стр. Съ рис. Вѣсь 2 л. 30.000 экз.

Симбирское дворянское ополченіе 1812—1814 гг. Матеріалы для исторіи
дворянства Симбирской губерніи. Подъ ред. В. Н. Поливанова. М. 1912.
Тип. В. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 8° (16×23). 42 стр. Вѣсь 7 л.
400 экз.

Тахтаревъ, К. М. Очерки по исторіи первобытной культуры. Съ пре-
дисловіемъ проф. М. М. Ковалевскаго. (Народный Университетъ. Серія
наукъ общественно-гуманитарныхъ). М. 1912. Изд. к-ва «Польза», В. Антигъ
и К°, 2-е (Козицкий, 2). Тип. «Мысль» (Петровка, 17). 8° (15×22). 240 стр.
Съ рис. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 28 л. 3.000 экз.

1812—1912 г. Годъ ужаса и славы. Отечественная война 1812 г. Разгромъ
французской арміи и бѣгство Наполеона изъ Россіи. М. 1912. Тип. П. Б. Бѣль-
цова (Чистопр. пр., 14). 16° (13×18). 286 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 23 л. 6.000 экз.

Украинское народное творчество. Серія IV. Древодѣліе. Вып. I. Рѣзныя
прямичныя и кафельныя формы и проч. М. 1912. Изд. Кустарн. скл. Полтавск.
Губ. Земства. Тип. т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., соб. д.). 4° (30×20).
24+4 нен. стр. Съ рис. Вѣсь 8 л. 1.200 экз.

Чайевъ, Н. Избраніе на царство Царя Михаила Феодоровича Романова.
М. 1912. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовскій пер., с. д.). 8° (15×22).
18 стр. Вѣсь 3 л. 600 экз.

Черноплятовъ, В. И. Дворянское сословіе Тульской губерніи. Томъ
VIII (XVII). Родословецъ добавочный и указатель фамилій къ нему и Родо-
словцу (т. III (XII) 1909 г.). М. 1912. Тип. Л. В. Пожидаевой (Троицкая, д. 3).
8° (18×27). 139+XXXXV стр. Вѣсь 1 ф. 5 л. 400 экз.

Чижевъ, С. О вѣсѣ копѣекъ царя Василія Шуйскаго. (Оттискъ изъ
II тома «Нумизматическаго Сборника», изд. Московскимъ Нумизматическимъ
Обществомъ). М. 1912. Тип. Г. Лисснеръ и Д. Собко (Воздвиженка, Кресто-
воздвиж. п., 9). 8° (19×27). 20 стр. Вѣсь 7 л. 50 экз.

Съ 30-го іюля по 6-е августа.

Богуславскій, Е. С. и Власовскій, П. Отечественная война
1812—1912. Киевъ. 1912. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. (Караваевская, 5).
8° (17×26). 21 стр. Вѣсь 3 л. 300 экз.

Вороновскій, В. М. Отечественная война 1812 г. въ предѣлахъ Смо-
ленской губерніи. Слб. 1912. Изд. Смолен. Губ. Земства (Юбилейное). Тип.
А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (20×27). 640+12 стр. Съ рис.+1 карта.
Вѣсь 16 л. 20.000 экз.

Даденковъ, Н. Иванъ Петровичъ Пнинъ. Опытъ его біографіи и

обзоръ литературной дѣятельности. Работа студента IV курса историко-филологическаго института кн. Безбородко. 1909—1910 ак. годъ. Нѣжинъ. 1912. Тип. Насл. В. К. Меленевскаго. 8° (18×27). 74+1 нен. стр. Вѣсь 11 л. 150 экз.

Добромысловъ, А. И. Ташкентъ въ прошломъ и настоящемъ. Историческій очеркъ. Вып. IV. Ташкентъ. 1912. Изд. Автора (Старо-Госпитальная, 54). Тип. О. А. Порцева (Николаевская, соб. д.). 8° (18×27). 433—520+VI стр. Ц. 3 р. за 4 вып. Вѣсь 11 л. 1.000 экз.

Дучинскій, Н. П. Императоръ Александръ Благословенный и Отечественная война. Краткая исторія царствованія Императора Александра I. Спб. 1912. Изд. 2-е. Тип. Сила (Загородный пр., 45). 8° (15×22). 32 стр. Съ рис.+1 портр. Ц. 10 к. Вѣсь 4 л. 7.200 экз.

Корольковъ, Константинъ, свящ. Отечественная война 1812 г. Кіевъ. 1912. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчака-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (16×25). 37 стр. Съ рис. и картою. Складъ: Канцелярія Кіев. Еп. Учпл. Сов. Ц. 10 к. Вѣсь 6 л. 10.000 экз.

Михайловъ, Д. М. Курсъ исторіи русской литературы съ эпохи Петра Великаго до Пушкина и хрестоматія. Спб. 1912. Тип. губернская (ул. Глинки, 8). 8° (16×23). XI+389+189+V+2 нен. стр. Складъ: Петерб. стор., Б. пр., 6. Ц. 1 р. 30 к. Вѣсь 1 ф. 21 л. 5.500 экз.

Наши поэты. Сборникъ произведеній выдающихся русскихъ поэтовъ съ краткими біографіями, характеристикой ихъ творчества и портретами. Спб. 1912. Изд. В. П. Бафталовскаго (Фонтанка, 39). Тип. Слово (ул. Жуковскаго, 21). 8° (17×23). 268 стр. Съ рис. Ц. 75 к. Вѣсь 21 л. 3.000 экз.

Новыя книги по педагогикѣ, исторіи русской литературы, исторіи и географіи издательства «Сотрудникъ». (Каталогъ). Кіевъ. 1912. Тип. А. Я. Неймана (Фундуклеевская, 4). 8° (15×22). 20+12 нен. стр. Вѣсь 4 л. 2.000 экз.

Отечественная война 1812 года. Бородинскій бой. М. 1912. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (12×18). 32 стр. Вѣсь 2 л. 12.000 экз.

Отечественная война 1812 года. Главнокомандующій Кутузовъ. М. 1912. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (12×18). 32 стр. Вѣсь 2 л. 12.000 экз.

Отечественная война 1812 года. Москва въ 1812 г. М. 1912. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (12×18). 32 стр. Вѣсь 2 л. 12.000 экз.

Отечественная война 1812 года. Народная война. М. 1912. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (12×18). 32 стр. Вѣсь 2 л. 12.000 экз.

Отечественная война 1812 года. Нашествіе французовъ. М. 1912. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (12×18). 32 стр. Вѣсь 2 л. 12.000 экз.

Отечественная война 1812 года. Отступление французовъ. М. 1912. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (12×18). 32 стр. Вѣсь 2 л. 12.000 экз.

Романовичъ-Славатинскій, А., проф. Дворянство въ Россіи отъ пачала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права. Сводъ матеріала и приготовительныя этюды для историческаго изслѣдованія. Издано подъ ред. проф. А. А. Жилина. Кіевъ. 1912. Изд. юрид. факульт. унив. св. Владимира, 2-е (посмерт.). Тип. Т-ва Печатня. С. П. Яковлева (Золотоворотская, 11). 8° (15×23). XX+578+4 нен. стр. Складъ: кн. маг. Идзиковскаго (Крещатикъ, 29). Ц. 3 р. Вѣсь 2 ф. 6 л. 600 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. II, вып. 4-й: Русская литература 20—30-хъ годовъ XIX вѣка.

Пушкинъ и Гоголь. Примѣнительно къ «Исторіи русской словесности» того же автора. Ч. III, вып. 1-ый. Спб. 1912. Изд. Я. Башмаковъ и К°, 2-е (Итальянская, 31). Тип. М. Волковича (Садовая, 60). 8° (16×22). VI+442 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 8 л. 3.000 экз.

Сиповскій, В. В. Исторія русской словесности. Часть III. Вып. 2. (Очерки русской литературы XIX ст. 40—60-х годовъ). Спб. 1912. Изд. Я. Башмаковъ и К°, 3-е (Итальянская, 31). Тип. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8° (16×20). XIX+335 стр. Ц. 1 р. 25 к. Въсь 1 ф. 1 л. 10.000 экз.

Смирновъ, Павелъ. Экономическая политика Московскаго государства въ XVII вѣкѣ. Киевъ. 1912. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (15×23). 44 стр. Въсь 5 л. 110 экз.

Сташевскій, Е. Народныя волненія въ Московскомъ государствѣ. Тип. Т-ва И. И. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (15×23). 50 стр. Въсь 5 л. 210 экз.

Хоцяновъ, К. С. Разборъ послѣдняго произведенія А. Н. Островскаго «Не отъ міра сего». Спб. 1912. Изд. И. И. Базлова. Тип. В. Я. Мильштейна (Нижегородская, 14). 8° (15×21). 40 стр. Ц. 25 к. Въсь 6 л. 5.000 экз.

Съ 6-го по 13-е августа 1912 года.

Бартепьевъ, А. Биографія Генералиссимусовъ и Генераль-Фельдмаршаловъ Россійской Императорской Арміи: (Кн. М. И. Кутузовъ и К. М. Б. Барклай-де-Толли). 1812—1912. Спб. 1912. Тип. Гл. Управл. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (16×24). 21 стр. Ц. 30 к. Въсь 3 л. 200 экз.

Бестужевъ, К. Императрица Елизавета. Историческая бібліотека. № 31, М. 1912. Изд. книгоизд. Дѣло (Поварская, 10). Тип. М. В. Балдина и К° (Арбатъ, 7). 16° (10×15). 96 стр. Ц. 10 к. Въсь 3 л. 10.000 экз.

Великій страдалецъ за родину Святѣйшій Патріархъ Гермогенъ Супрасль. Тип. Супрасльск. Благовѣщ. Монастыря. 8° (15×23). 8 стр. Въсь 1 л. 600 экз.

Гусевъ, Я. Г. Домъ Романовыхъ. Классное пособіе. М. 1912. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). f° (71×106). 1 стр. съ портр. Ц. 20 к. Въсь 7 л. 3.000 экз.

Гусевъ, Я. Г. Домъ Рюрика. Классное пособіе. М. 1912. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). f° (71×106). 1 стр. съ портр. Ц. 20 к. Въсь 7 л. 3.000 экз.

Добролюбовъ, Н. А. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. Е. В. Аничкова. Текстъ обработанъ по 1-му изданію, по журналамъ и рукописямъ. Томъ III. Литературная критика. Часть 1-я. Статьи и отзывы 1856—58 гг. Библіотека русскихъ писателей. Спб. 1912. Изд. Русск. Кн. т-ва Дѣятель. Тип. Бр. Лукшевицъ (5 Рождественская, 44). 16° (13×19). 21+727 стр. Въсь 1 ф. 18 л. 10.300 экз.

Ежегодникъ Московскаго Архитектурнаго Общества. 1910—11. Вып. 2-й. М. 1912. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 4° (21×31). XVIII стр.+444 лист. рис.+XXXIV стр. Складъ: (М. Златоустинск. пер., д. Комитета Архитект. об-ва). Ц. 4 р. Въсь 2 ф. 1 л. 1.200 экз.

Ивановъ, И. Отечественная война. Историческій очеркъ. Киевъ. 1912. Изд. Киевск. Учебн. Окр. Тип. т-ва И. И. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (16×24). 111 стр. Съ портр. Ц. 25 к. Въсь 14 л. 20.000 экз.

К о л ю б а к и н ъ, Б. М. Труды Императорскаго Русскаго военно-историческаго общества. Т. VI. Война 1812 г. Бородинская операция и Бородинское сраженіе. Книга 2-я. Документы, относящіяся ко всей операци. Спб. 1912. Изд. Имп. Русск. Военно-Историч. Об-ва (Крѣпость, Кронверкъ). Тип. Гр. Скачкова (Б. Посадская, 9). 4° (22×31). 114 стр. Вѣсь 30 л. 1.000 экз.

К о п о с о в ъ, В. А. Иванъ Александровичъ Гончаровъ 1812—1912. Краткій очеркъ жизни и творчества. Симбирскъ. 1912. Изд. Симбирск. Учен. Архив. Комис. Тип. Губ. Правл. 8° (17×23). 33 стр.+1 портр. Вѣсь 6 л. 3.000 экз.

Н и к о л ъ, еп. Сторожевой замокъ князей Острожскихъ въ городѣ Острогѣ, Волынской губерніи. Почаевъ. 1912. Тип. Почаево-Успенск. лавры. 8° (15×23). 8 стр. Съ рис. Вѣсь 1 л. 5.000 экз.

Острогорскій, К. 1855 годъ (Крымская кампанія). Историческая библиотека, № 29. М. 1912. Изд. книгоиздат. Дѣло. (Поварская, 10). Тип. М. В. Балдина и К° (Арбатъ, 7). 16° (10×15). 96 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 3 л. 10.000 экз.

Отечественная война 1812 года. Императоръ Александръ Благословенный, Его Жизнь и Царствованіе. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (12×18). 32 стр. Вѣсь 2 л. 12.000 экз.

Отечественная война 1812 года. Партизаны. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (12×18). 31 стр. Вѣсь 2 л. 12.000 экз.

П а в л у ц к і й, Г., проф. Краткій очеркъ исторіи Новгородской и Московской архитектуры. Кіевъ. 1912. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (16×25). 50 стр. Съ рис. Вѣсь 8 л. 200 экз.

Покровскій, В. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1912. Изд. 3-е, доп. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., с. д.). 8° (17×25). VII+791 стр. Складъ: (Моховая, уг. Тверск. д. Варвар. Акц. Об-ва) кн. маг. В. Спиридонова и А. Михайлова. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 2 ф. 9 л. 12.000 экз.

Покровскій, В. Сокращенная историческая хрестоматія. Пособія при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Часть IV. М. 1912. Изд. 4-е, доп. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., с. д.). 8° (17×25). VII+791 стр. Складъ: Моховая, уг. Тверской, д. Варвар. Акц. О-ва, кн. маг. В. Спиридонова и А. Михайлова. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 2 ф. 10 л. 2.000 экз.

С а в о д н и к ъ, В. Очерки по исторіи Русской литературы XIX вѣка. Ч. I. (Съ портретами русскихъ писателей). М. 1912. Изд. 8-е. Тип. т-ва Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковск. пер., 9). 8° (15×23). II+413 стр. съ портр.+3 листа порт. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсь 1 ф. 13 л. 18.000 экз.

С м и р н о в с к і й, П. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. 1. Время отъ Ломоносова до Карамзина. М. 1912. Изд. А. С. Панафиной, 14-е (Лялинъ пер., с. д.). Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (15×23). 386 стр. Ц. 1 р. 40 к. Вѣсь 1 ф. 2 л. 10.000 экз.

С м и р н о в с к і й, П. Теорія словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. М. 1912. Изд. А. С. Панафиной, 17-е (Лялинъ пер., с. д.). Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., с. д.). 8° (15×23). 157+III стр. Ц. 50 к. Вѣсь 18 л. 15.000 экз.

Ш п и ц е р ъ, С. И. А. Гончаровъ. I) Опытъ біографіи и характеристики. II) Два неизданныхъ отрывка. Пособіе при изученіи русской словесности. Разборъ романовъ Гончарова съ характеристикой главныхъ героевъ. Къ сто-

лѣтію рожденія писателя. Спб. 1912. Изд. Кн-ства Школа. Тип. Жизнь (Вас. О., 6-я лин., 27). 8° (15×22). IV+43 стр.+1 отд. листъ. Складъ: Пл. Александринскаго театра, 5. Кн. скл. Г. С. Цукермана. Ц. 40 к. Вѣсь 5 л. 1.016 экз.

Съ 13-го по 20-е августа 1912 года.

А. Н. А. Боевая работа Русской арміи въ войну 1904—1905 г.г. Часть первая. Спб. 1912. Изд. Кн. Абамелекъ-Лазарева (Милліонная, 22). Тип. Родникъ (Невскій, 88). 8° (18×25). 279 стр.+2 карты. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 14 л. 1.500 экз.

Александровскій, Г. В. Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. первый. 1. Введеніе въ исторію новѣйшей русской литературы. 2. Бѣлинскій. 3. Тургеневъ. 4. Гончаровъ. 5. Островскій. 6. Некрасовъ. Кіевъ. 1912. Изд. 3-е. Тип. 1-й Кіев. Арт. Печ. Дѣла (Трехсвятительская, 5). 8° (18×28). VIII+212 стр. Складъ: Кн. маг. Н. Я. Оглоблина (Крещатикъ, 33). Ц. 1 р. Вѣсь 25 л. 5.000 экз.

Анонасьевъ, Г. Е. Наполеонъ и Александръ. Причины войны 1812 года. (Публичная лекція). Кіевъ. 1912. Изд. Кіев. О-ва Искусства и Литературы. Тип. 1-й Кіев. Арт. Печ. Дѣла (Трехсвятительская, 5). 8° (17×25). 61 стр. Вѣсь 9 л. 700 экз.

Брѣчкевичъ, М. В. Рѣчь, произнесенная 2 мая 1912 г. въ публичномъ засѣданіи Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго Юрьевскаго Университета предъ защитою магистерской диссертации: «Введеніе въ социальную исторію княжества Славян, или Западнаго Поморья» (Отъ изв. «Ученыхъ записокъ Императорскаго Юрьевскаго университета», 1912 г.). Юрьевъ. 1912. Тип. К. Маттисенъ. 8° (16×24). 8 стр. Вѣсь 1 л. 300 экз.

Васенко, С. В. Годъ великаго испытанія (Отечественная война). Для народа и начальныхъ училищъ (Составлено по книгѣ П. Г. Васенко «Двѣнадцатый годъ»). Очеркъ исторіи Отечественной войны. Съ предисловіемъ проф. С. О. Платонова. Спб. 1912. Изд. 3-е Я. Башмакова. Тип. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8° (14×20). 75 стр. съ рис. Ц. 15 к. Вѣсь 9 л. 10.000 экз.

Генералъ-квартирмейстеръ Карлъ Федоровичъ Толъ въ Отечественную войну. Ред. гр. Е. Е. Толя. Спб. 1912. Изд. гр. Е. Н. Толя. Тип. Сѣв. печатня (В. О., 13 л., 2) 8° (18×26). XL+312 стр.+5 лист. рис.+2 карты. Вѣсь 4 л. 500 экз.

Златоверховниковъ, Н. И. Краткій историческій очеркъ Курскаго края. Курскъ. 1912. Изд. Губ. Статистич. Комитета. Тип. Курскаго Губ. Правл. 8° (17×25). 26 стр. Вѣсь 5 л. 500 экз.

Краснянскій, М. Б. Духовная жизнь стараго Ростова-на-Д. Историческія разысканія по даннымъ Ростовскаго-на-Д. городского музея. Ростовъ-на-Д. 1912. Тип. Южный Телеграфъ. 16° (13×19). 16 стр. Съ рис. Вѣсь 2 л. 200 экз.

Кудринскій, О. А. Курсъ нсвой русской литературы въ органически-конспективномъ видѣ. Вып. II. Бѣлинскій, Тургеневъ, Достоевскій, Некрасовъ, А. Толстой, Островскій, Гончаровъ и Л. Толстой. Вильна. 1912. Тип. М. А. Дворжеца (Завальная, 32). 8° (14×22). 130+2 нен. стр. Ц. 50 к. Вѣсь 12 л. 1.500 экз.

Кудринскій, О. А. Отечественная война 1812 года. Вильна. 1912. Изд. 2-е. Тип. А. Г. Сыркина. 16° (13×18). 68 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсь 5 л. 15.000 экз.

Народная война 1812 года. Спб. 1912. Изд. Спб. Гор. Думы. Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 8° (16×22). 103 стр. Съ рис. Вѣсь 11 л. 60.000 экз.

Орловскій, Е. Ф. Гродненская губернія въ 1812 году. Историческій очеркъ. Гродна. 1912. Тип. Губернская. 8° (14×21). 50 стр. Ц. 15 к. Въсь 4 л. 6.000 экз.

Соколовскій, М. К. и Эристовъ, А. С., кн. Памятка 11-го гусарскаго Изюмскаго его Королевскаго Высочества Принца Генриха Прусскаго полка. (Славное прошлое Изюмскихъ гусаръ). Спб. 1912. Тип. К. Голикъ и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (17×26). 47 стр. 5 лист. рис. Въсь 14 л. 2.000 экз.

Харченко, Лазарь. Полтавщина. Хут. Тихорѣцкій. Куб. обл. 1912. Тип. Прогрессъ. 16° (13×18). 30 стр. Ц. 15 к. Въсь 2 л. 1.500 экз.

Энгельгардтъ, Н. Императоръ Александръ Первый, его жизнь, подвижники и царствованіе. Историческій очеркъ. Отечественная бібліотека. № 36. Спб. 1912. Изд. Всероссийск. Націон. Клуба (Литейный, 10). Тип. М. И. Акинѣева (Басковъ пер., 10). 6° (15×21). 73 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Въсь 8 л. 25.000 экз.

Съ 20-го по 27-е августа 1912 года.

А. Р. Историческая переписка о службахъ Православной Церкви. М. 1912. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (15×21). 63 стр. Ц. 50 к. Въсь 11 л. 2.000 экз.

Агинскій, Б. Р. Борисъ Годуновъ и Лжедмитрій I. Смутное время въ Московскомъ Государствѣ. Книжка 1. Книжка за книжкой, кн. 198-я. Спб. 1912. Тип. Н. Я. Стойковой (Знаменская, 27). 16° (13×19). 74 стр. Ц. 20 к. Въсь 2 л. 5.150 экз.

Барвинскій, В. Вопросъ объ охранѣ памятниковъ старины въ Гетманщинѣ. (Отд. от. изъ «Вѣстника Харьковскаго Историко-филологическаго общества». Вып. II). Харьковъ. 1912. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій пер., 3). 8° (17×25). 2 стр. Въсь 1 л. 50 экз.

Барклай-де-Толли. Изображеніе военныхъ дѣйствій 1812 года. Кромѣ того, рескриптъ, письма и другіе документы, относящіеся до 1812 г., а также выписка изъ письма купца Голикова о пребываніи французовъ въ Москвѣ. Спб. 1912. Тип. П. П. Сойкина (Стремянная, 12). 8° (15×22). 107 стр. Ц. 50 к. Въсь 13 л. 1.000 экз.

Бюцовъ, Б. Е. Лейбъ-Гвардія Преображенскій полкъ въ сраженіи 26-го августа 1812 г. при Бородинѣ. Спб. 1912. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 8° (18×24). 39 стр. Въсь 4 л. 500 экз.

Грековъ, А. П. Война 1812 года. По историческимъ источникамъ эпохи героя войны генерала отъ артиллеріи А. П. Ермолова, хранящимся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ. М. 1912. Тип. т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (15×22). 44 стр. + 2 карты. Ц. 25 к. Въсь 7 л. 1.500 экз.

Ковалевскій, Н. Шамиль (Покореніе Кавказа). (Историческая бібліотека, № 35). М. 1912. Изд. К-ва Дѣло (Поварская, 10). Тип. Трудъ (Газетный пер., 6). 16° (9×15). 96 стр. Ц. 10 к. Въсь 3 л. 12.000 экз.

Михайловъ, Дм. Дм. Курсъ исторіи русской литературы съ эпохи Петра Великаго до Пушкина и Хрестоматія. Спб. 1912. Тип. С.-Петербургская Губернская (ул. Глинка, 8). 8° (17×24). XI+189+389+V стр. Складъ: Кн. маг. Учебное Дѣло (Петербургская ст., Большой пр., 6). Ц. 1 р. 30 к. Въсь 1 ф. 26 л. 5.500 экз.

Наполеонъ на бивуакахъ. Библиотека двѣнадцатаго года. Вып. VIII. М. 1912. Изд. К-ва Островъ. Тип. В. Л. Баньякинъ и К° (Зацѣпа, Б. Строгановская, 5). 16° (11×15). 32 стр. Съ рис. Ц. 6 к. Вѣсь 3 л. 10.000 экз.

Никитинъ, Е. В. Русская Исторія. Хронологическія таблицы. Родословная таблица. Домъ Рюрика. Домъ Романовыхъ. Постоянное развитіе Русскаго Государства. Славянскія племена, вошедшія въ составъ Русскаго государства. Повторительный курсъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1912. Изд. и тип. т-ва Просвѣщеніе (Забалканскій, 75). 4° (21×30). 1 листъ. Ц. 15 к. Вѣсь 5 л. 3.000 экз.

Покровский, Н. Какъ росло и строилось русское государство. Разсказы изъ русской исторіи. Пособіе для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. До воцаренія Дома Романовыхъ. М. 1912. Изд. Кн. маг. М. Д. Наумова (Б. Лубянка, д. Страх. Общ. Россія), 4-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовск. пер., 9). 8° (15×22). 207 стр. Съ рис. + 2 карты. Ц. 75 к. Вѣсь 19 л. 4.025 экз.

Розановъ, Н. П. Московскія святѣи въ 1812 году. Очеркъ. М. 1912. Изд. Церкви комисс. по чествованію юбилейн. событій. 1612, 1613 и 1812 г. Тип. А. Снегиревой (Савеловскій пер.). 8° (16×23). 69 стр. съ рис. Складъ (Воздвиженка, 7). Н. А. Любимовъ. Ц. 20 к. Вѣсь 8 л. 5.000 экз.

Савеловъ, Л. М. Московское дворянство въ 1812 году. М. 1912. Изд. Московск. дворянства. Тип. т-ва А. А. Левенсонъ. 4° (22×30). 105 стр. Съ рис. + 1 грамота + 1 планъ. Вѣсь 1 ф. 28 л. 1.000 экз.

Скабичевскій, А. М. М. Ю. Лермонтовъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографич. очеркъ. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова. Спб. 1912. Изд. 3-е. Тип. Ю. П. Эрлиха (Мал. Дворянская, 19). 16° (12×18). 98 стр. + 9 лист. рис. Складъ: П. Луковниковъ (Лештуковъ, 2). Ц. 25 к. Вѣсь 7 л. 3.100 экз.

Сумцовъ, Ф. С. Новости по исторіи украинскаго искусства. Вып. I. (Отд. отт. изъ «Вѣстника Харьковскаго Историко-филологическаго Общества»). Вып. II. Харьков. 1912. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій пер., 3). 8° (17×25). 12+7 стр. Вѣсь 3 л. 100 экз.

Сумцовъ, И. Ѳ. Труды Ѳ. И. Шмидта по исторіи искусства. (Отдѣльн. оттиски изъ «Записокъ Императ. Харьковск. Универс.» за 1912 г.). Харьков. 1912. Тип. М. Зильберберга и С-вей (Донецъ-Захаржевская, 6). 8° (17×25). 10 стр. Вѣсь 3 л. 100 экз.

Толычева, Т. Разсказъ старушки о двѣнадцатомъ годѣ. М. 1912. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.), 11-е. 8° (16×24). 79 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсь 10 л. 5.000 экз.

Фарфоровскій, С. Изъ фольклора терскихъ казаковъ (Остатки былого эпоса). (Отд. от. изъ «Вѣстника Харьковскаго Историко-филологическаго Общества»). Вып. II. Харьков. 1912. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій пер., 3). 8° (17×25). 30—44 стр. Вѣсь 1 л. 50 экз.

Съ 27-го августа по 3-е сентября 1912 года.

Апухтинъ, Всеволодъ Ростиславовичъ. Матеріалы для исторіи дворянъ Тверской губ. Тверское дворянское ополченіе въ Отечественную войну и пожертвованія дворянъ Тверской губ. въ 1812 году. Подъ ре-

дакшей А. Л. Степ. Паскина. Тверь. 1912. Изд. Тверск. дворянства. Тип. Губернскаго Земства. 8° (17×26). 114 стр. Вѣсь 15 л. 615 экз.

Апухтинъ, В. Р. Сердце Россіи Первопрестольная столица Москва и Московская губ. въ Отечественную войну. Очеркъ и архивные матеріалы. Съ приложеніемъ точныхъ оттисковъ съ воззванія къ первопрестольной столицѣ Москвѣ отъ 6-го іюля 1812 г. и съ Указа отъ 25-го іюля 1812 г. о составѣ Комитетовъ Московской военной силы, рисунковъ и плана гор. Москвы (послѣ пожара). М. 1912. Тип. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 4° (23×31). 60 стр. Складъ: у автора (Бригадирскій пер., 10). Вѣсь 19 л. 2.000 экз.

Ассоновъ, В. И. Въ тылу арміи. Калужская губернія въ 1812 году. Обзоръ событій и сборникъ документовъ. Калуга. 1912. Изд. П. И. Щукина. Тип. Е. Г. Архангельской. 4° (26×34). 50+166+III стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсь 2 ф. 14 л. 800 экз.

Базикинъ, П. Казаки въ 1812 году. Томашевъ, Любл. губ. 1912. Изд. автора. Тип. А. Штайнварцеля. 16° (10×18). 24 стр. Ц. 4 к. Вѣсь 2 л. 15.000 экз.

Балтійскій, А. 1812—1912. Бородино. Путеводитель. Армія и флотъ въ Отечественной войнѣ. Спб. 1912. Изд. Общества ревнителей воен. знаній (Кирочная, 1). Тип. Экономическая (В. О., 14 л., 5). 8° (14×19). 10 нен.+227 стр. съ черт.+2 карты. Вѣсь 20 л. 5.000 экз.

Божериповъ, И. Н. Три первые царя дома Романовыхъ, всѣ вступившіе на престолъ, имѣя не болѣе 16-ти лѣтъ отъ роду. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина. 8° (14×20). 59 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсь 4 л. 10.000 экз.

Божница рѣзныхъ и литыхъ образковъ. Отъ XI по XVIII вѣкъ. Образки рѣзные на камнѣ, кости, перламутрѣ и деревѣ и литые, замѣчательные по своей композиціи. Собраны и описаны Е. В. Барсовымъ. М. 1912. Изд. С. Ермолаева. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпр. п., с. д.). 4° (26×38). 26 нен. стр. Вѣсь 13 л. 50 экз.

Бородинскій музей 1812 г. (Каталогъ). М. 1912. Тип. А. А. Левенсонъ. 8° (13×23). 29 стр. Вѣсь 4 л. 500 экз.

Бродскій, И. Л., Мельгуновъ, Н. Е., Сивковъ, К. В. и Сидоровъ, Н. П. Россія и Наполеонъ. Отечественная война въ мемуарахъ, документахъ и художественныхъ произведеніяхъ. Иллюстрированный сборникъ. М. 1912 (13). Изд. «За друга», 2-е. Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстной б., соб. д.). 8° (16×24). IV+403 стр.+14 отд. рис. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 1 ф. 15 л. 4.000 экз.

В. Л. Двѣнадцатый годъ по разсказамъ современниковъ Русскихъ и Французовъ. М. 1912. Изд. К-ва «Школьная библиотека». Тип. «Русскаго Т-ва». 8° (15×20). 96 стр. Съ рис. Адр. изд.: при ред. журн. «Семья и Школа», Гончарная ул., 17. Ц. 20 к. Вѣсь 7 л. 3.500 экз.

Военскій, К. А. Наполеонъ и его маршалы въ 1812 году. М. 1912. Изд. Сельскаго Вѣстника (С.-Петер. Мойка, 32). Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая с. д.). 8° (16×23). 95 стр. Съ портр. Ц. 40 к. Вѣсь 13 л. 5.000 экз.

Гинзбургъ, С. М. Отечественная война 1812 года и русскіе евреи. Спб. 1912. Изд. «Разумъ» (Владимірскій пр., 19). Тип. «Трудъ» (Кавалергардская, 40). 8° (20×27). XII+144+8 нен. стр.+6 лист. рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 1.500 экз.

Дубровиченго, В. Очерки изъ исторіи драмы. (Отъ «Діонисій» до «Вишневаго Сада»). Очерки и разборы драматическихъ произведеній русской и

иностранный литературу. (Пособіе къ происхожденію словесности въ старшихъ классахъ). М. 1912. Изд. «Сотрудникъ Школъ» А. К. Залѣсской. Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстн. бульв., соб. д.). 8° (16×23). XII+88+III стр. Ц. 1 р. Вѣсь 29 л. 3.000 экз.

Исторія русской арміи и флота. Томъ VIII. М. 1912. Изд. книгоизд. товар. Образованіе. Тип. Русск. Товарищ. (Мыльник. пер., с. д.). 8° (19×27). 149+12 лист. рис. Вѣсь 1 ф. 9 л. 4.000 экз.

Кавалергарды и конная гвардія въ день Бородинскаго боя. Спб. 1912. Тип. Военная (въ Гл. Штабѣ). 8° (15×22). 11 стр. Вѣсь 4 л. 510 экз.

Каталогъ № 7 антикварной книжной торговли А. М. Старицына въ Москвѣ. М. 1912. Тип. тор. дома Бердоносозъ, Приготинъ и К° (Б. Дмитровка, 3). 8° (17×25). 18 стр. Вѣсь 1 л. 1.000 экз.

Кубанинъ, С. Пожаръ Москвы. Очеркъ. М. 1912. Изд. Кн-ва «Островъ». Тип. В. Л. Баньянинъ и К° (Запѣна, Б. Строгановскій, 5). 16° (11×16). 64 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсь 3 л. 5.000 экз.

Леонтьевъ, К. Востокъ, Россія и Славянство. (Собраніе Сочиненій, т. V). М. 1912. Изд. и тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8° (15×22). 468 стр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсь 1 ф. 11 л. 3.000 экз.

Марковъ, Д. А. Записки по методикѣ исторіи. М. 1912. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовск., соб. д.). 8° (14×22). 159 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 21 л. 2.000 экз.

Наполеонъ I. Отечественная война 1812 г. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (12×17). 32 стр. Вѣсь 2 л. 12.000 экз.

Николай Михайловичъ, В. Кн. Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія. Т. I—II. Текстъ и приложенія. Спб. 1912. Тип. Экспедиція Заготовленія Гос. бумагъ. 8° (22×30). XIII+580 стр.+19 лист. рис.+745 стр. Вѣсь 14 ф. 1.000 экз.

Общій очеркъ Отечественной войны. I. Отъ Нѣмана до Витебска. XVI выпускъ юбилейныхъ изданій журнала «Вѣрность». Безплатное приложеніе къ № 161—162. М. 1912. Тип. «Русская Печатня» (Триумф-Садов., 14). 16° (11×17). 16 стр. Вѣсь 1 л. 8.000 экз.

Отголоски 1812—1813 годовъ въ письмахъ къ Маргаритѣ Александровнѣ Волковой. М. 1912. Изд. М. С. Волковой. Тип. Т-ва И. И. Кушнерева и К° (Пименовская, с. д.). 8° (16×24). 106 стр.+5 лист. рис. Ц. 1 р. Вѣсь 21 л. 1.000 экз.

Отечественная война 1812 года въ произведеніяхъ русскихъ писателей. Библиотека «Новой народной школы». Выпускъ VII. Подъ редакціей Ф. П. Борисова, Н. И. Лаврова и А. А. Солѣдина. М. 1912. Изд. книгоизд. К. И. Тихомирова (Кузнецк. мостъ). Тип. Русск. Товарищ. (Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (11×23). 55 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсь 7 л. 3.000 экз.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ сто соколовой. Дипломатическая переписка французскихъ представителей при дворѣ Императрицы Екатерины II. I. 1762—1765. Спб. 1912. Изд. И. Рус. Историч. Общ. тип. В. О. Киршбаума (Новоисаакіевская, 20). 8° (20×28). LI+102. Ц. 3 р. Вѣсь 3 ф. 20 л. 1.200 экз.

Святополкъ окаинный и время обращенія россіянъ въ христіанскую вѣру. М. 1912. Изд. Е. Коноваловой и К°. Тип. П. В. Бѣльцова (Чистопрудный пр., 14). 18° (11×17). 24 стр. Вѣсь 13 л. 12.000 экз.

Серафима (Сабинина), монахиня. Великій Историческій и Госу-

дарственный Юбилей. М. 1912. Тип. «Русская Печатня» (Садов.-Триумфальная, 14). 8° (15×22). 16 стр. Съ рис. Вѣсь 2 л. 5.000 экз.

Сиповскій, В. В. Исторія русской словесности. Часть I. Выпускъ II (Исторія русской письменности отъ начала до XVIII в.), Спб. 1912. Изд. Я. Башмакова и К°, 6-е. Тип. Шредера Гороховая, 49). 8° (16×23). XVI+251+4 неч. стр. Складъ (Итальянская, 31). Ц. 1 руб. Вѣсь 26 л. 10.000 экз.

Систематическій каталогъ книгъ и журналовъ Тульской городской библиотеки имени Имп. Александра II. Тетрадь I. Словесность. I. Языковѣдѣніе. Филологическая критика. Теорія словесности. Художественная критика. Психологія творчества. II. Исторія всеобщей литературы. III. Исторія русской литературы. IV. Отдѣлъ имени Л. Н. Толстого. V. Русская беллетристика. VI. Журналы литературно-публицистическіе. Тула. 1912. Тип. П. Г. Фетисова. 8° (17×26). 101 стр. Ц. 25 к. Вѣсь 11 л. 3.000 экз.

Ократова, Т. (Алабина). Наполеонъ въ Россіи. Общедоступный очеркъ подъ ред. К. В. Сивкова. Универсальная бібліотека, № 661. М. 1912. Изд. К-ва Польза В. Антикъ и К° (Козицкій пер., 2). Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстн. бульв., с. д.). 32° (9×14). 79 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 3 л. 10.200 экз.

Списокъ лицъ Свиты Государя Императора, предки коихъ участвовали въ Отечественной войнѣ 1812 г. М. 1912. Тип. Округн. Штаба. 8° (17×26). 2 стр. Вѣсь 1 л. 300 экз.

Списокъ прямыхъ потомковъ Генераловъ, Штабъ и Оберъ-офицеровъ, по мужской линіи, участниковъ Бородинскаго сраженія и Отечественной войны, М. 1912. Тип. Штаба Московскаго Военнаго Округа. 8° (17×26). 44 стр. Вѣсь 7 л. 615 экз.

Страховъ, С. В., прот. Безмолвный свидѣтель Бородинскаго боя—храмъ села Бородина (Историко-археологическій очеркъ). М. 1912. Изд. Церк. Археол. Отд. при О-вѣ Любит. Дух. Просв. Тип. «Русская Печатня» (Садов.-Триумф., 14). 8° (18×26). 75 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсь 9 л. 3.000 экз.

Успенскій, А. И. Царское Село. Историческая панорама Санктъ-Петербурга и его окрестностей. Часть 7-я. М. 1912. Изд. Т-ва Образованіе. Тип. Русская Товарищ. (Мыльниковъ пер., с. д.) 8° (21×28). 55 стр.+36 лист. рис. Вѣсь 2 ф. 20 л. 1.500 экз.

Чарторижскій, Адамъ, князь. Мемуары и его переписка съ Императоромъ Александромъ I. Переводъ съ французскаго А. Дмитриевой. Редакція и вступительная статья А. Кизеветтера. Томъ I. М. 1912. Изд. к-ва К. Ф. Некрасова (Тургеневская площ., д. страхов. об-ва Россія). Тип. К. Ф. Некрасова въ Ярославлѣ. 8° (16×22). X+366+19 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 12 л. 2.000 экз.

Чижовъ, С. Медали въ память столѣтія Отечественной войны (Критическая замѣтка). (Оттискъ изъ II тома «Нумизматическаго Сборника» изд. московскимъ нумизматическимъ обществомъ). М. 1912. Тип. Лисснеръ и Собко (Крестовоздвж. пер., 9). 8° (19×26). 9 стр. Съ рис. Вѣсь 7 л. 50 экз.

Съ 3-го по 10-е сентября 1912 года.

Баіовъ, А. К. Ген-маіоръ. Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ (Біографическій очеркъ). Спб. 1912. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (16×25). 78 стр. Съ 1 портр. Вѣсь 11 л. 200 экз.

Безсоновъ, И. в. Битва при Малоярославцѣ 12 октября 1812 года. (Юбилейный очеркъ Малоярославскаго сраженія въ связи съ выступленіемъ изъ Москвы войскъ Наполеона и началомъ ихъ бѣгства по разоренной Смоленской дорогѣ въ 1812 г.). (Перепеч. изъ Калужск. Церк. Общ. Вѣстн. № 17). Калуга. 1912. Тип. Губ. Правл. 8° (14×21). 48 стр. Вѣсь 4 л. 160 экз.

Беляринъ, И. Элементарный курсъ Всеобщей и Русской исторіи. Спб. 1912. Изд. 40-е. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (15×22). 383+3 неп. стр. Съ картинками и 157-ю рис. Ц. 1 р. Вѣсь 1 ф. 15.000 экз.

Бородкинъ, М. Графъ Д. А. Милютинъ въ отзывахъ его современниковъ. Спб. 1912. Тип. Глав. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (16×24). 37 стр. Вѣсь 4 л. 500 экз.

Виноградскій, А. Н. Исторія Русско-Японской войны 1904—1905 г.г. Вып. IV. Спб. 1912. Изд. Общ. Ревн. воен. знаній. Тип. Н. З. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (17×25). 276 стр. Съ 28 планами. Ц. 3 р. Вѣсь 1 ф. 22 л. 3.000 экз.

Гаженко, А. П. Азовское казачье войско (1830—1865 г.). Кашира. 1912. Тип. В. А. Третьякова. 8° (18×24). 54 стр. Вѣсь 7 л. 200 экз.

Глѣбовъ, С. Подковникъ Пашковъ. Русскій Редстоукъ. Народно-Миссіонерская библіотека. Спб. 1912. Изд. В. М. Скворцова. Тип. «Колоколъ» (Невскій, 127). 8° (14×21). 40 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 3 л. 6.000 экз.

Егоровъ, О. С. Воспоминанія о 1812 годѣ. М. 1912. Тип. И. М. Машистова (Б. Садовая, соб. д.). 8° (17×26). 66+1 стр. Складъ: Б. Ордынка, Скорбячинскій тупикъ, д. 3, кв. 8, О. С. Егоровъ. Вѣсь 12 л. 1.500 экз.

Житковъ, К. Г. Исторія Русскаго Флота. Періодъ Петровскій 1672—1725. Удостоено преміи имени графа С. А. Строганова. Спб. 1912. Изд. Комиссія по завѣдыванію капиталомъ имени гр. С. А. Строганова. Тип. насл. А. М. Менделевича (Садовая ул., 81). 8° (18×26). X+215 стр. Съ рис. и картой. Вѣсь 1 ф. 13 л. 3.000 экз.

Колесниковъ, Н. В. 1812 г. Военно-историческій очеркъ, съ предисловіемъ и очеркомъ народнаго ополченія въ Казанской губерніи. Е. Герна. Казань. 1912. Изд. Казанской газеты губернскаго земства. Тип. Д. М. Гранъ (Б. Проломная). 8° (14×22). 68 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсь 5 л. 35.000 экз.

Коновлицынъ, А. И., гр. Подвиги славныхъ предковъ въ годину Отечественннй войны (1812—1912) съ послѣдствіемъ. Спб. 1912. Изд. автора (Саперный пер., 13). Тип. К. А. Четвертикова (Караванная, 7). 8° (18×26). 5+376+39+20 съ рис.+2 листами рис. Ц. 2 р. Вѣсь 2 ф. 9 л. 1.500 экз.

Къ столѣтію Отечественной войны. 1812—1912. Вып. 3-й. М. 1912. Изд. и тип. художествен. фототипій К. А. Фишеръ 4° (17×20). 50 фототипій (№ 101—110). Вѣсь 15 л. 600 экз.

Ниве, П. А. Отечественная война 1812 года. Кн. IV. Спб. 1912. Изд. В. Ильинчика. Тип. Морск. Министерства (Главн. Адмиралт.). 4° (20×27). 489—640 стр. Съ рис. Вѣсь 2 ф. 4 л. 5.000 экз.

Николаевъ, Иванъ Никифоровичъ. 1812 годъ. По случаю столѣтняго юбилея. Составлена для народа и войскъ. Ломжа. 1912. Тип. Х. І. Цытрина. 8° (14×22). 1+52 стр. Вѣсь 5 л. 1.000 экз.

Обозрѣніе преподаванія въ университет. св. Владиміра на 1912—1913 учебный годъ. По историко-филологическому факультету. Съ приложеніемъ росписанія лекцій. Кіевъ. 1912. Тип. окц. о-ва. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (17×24). 19 стр.+1 табл. Вѣсь 3 л. 1.100 экз.

Огородниковъ, В. Л. Иванъ III и зарубежные евреи. (Хозя Кокось и Захарія Гуиль-Гуракъ). Казань. 1912. Тип. И. Н. Харитоновъ. 8° (18×27). 24 стр. Вѣсь 3 л. 50 экз.

Пономаревъ, П. А. По поводу сообщенія М. Э. Ноинскаго о слѣдахъ древняго населенія при с. Ермачихъ. Приложеніе къ протоколъ засѣданій общ. Естествоиспыт. при Императ. Казанск. Универс. № 280. Казань. 1912. Тип. Университета. 8° (17×25). 5 стр. Вѣсь 1 л. 600 экз.

Потоцкій, П. Гвардейская артиллерія въ Бородинскомъ бою. Спб. 1912. Изд. автора. Тип. Р. Голике и А. Вильбортъ (Звенигород, 11). 8° (16×23). 64 стр. Съ рис. Вѣсь 16 л. 500 экз.

Потто, В. Петръ I на берегу Каспійскаго моря. Солдатская библіотека. Спб. 1912. Изд. Березовскаго, 3-е Тип. Аригольда (Литейн. пр., 59). 16° (13×17). 14 стр. Съ рис. Ц. 3 к. Вѣсь 1 л. 3.000 экз.

Савицкій, С. Н. Отечественная война въ Прибалтійскомъ краѣ 1812—1912 г. Съ историческимъ очеркомъ Прибалтійскаго края въ XVIII столѣтіи. Рига. 1912. Изд. Рижск. педагогич. общ-ва (Альбертовская, 10). Тип. Шнакенбургъ. 8° (15×22). 224 стр. съ портр., карт. и план. Ц. 8 к. Вѣсь 21 л. 1.000 экз.

Три вѣка Россія отъ смуты до нашего времени. Историческій сборникъ подъ ред. В. В. Каллаша. Т. I. XVII вѣкъ первая половина. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 4° (22×30). 260 стр. съ рис. + 25 лист. рис. Вѣсь 3 ф. 12 л. 3.000 экз.

Съ 10-го по 17-е сентября 1912 года.

Барвинокъ, В. И. Нравственный символизмъ русской иконописи XVI—XVII вв. (Оттискъ изъ журн. «Труды Кіевской дух. Академіи»). Кіевъ. 1912. Тип. акц. о-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×25). 23 стр. Вѣсь 4 л. 100 экз.

Бирюковъ, И. А. Исторія астраханскаго казачьяго войска. Часть I, II и III. Саратовъ. 1912. Изд. астрах. казач. войска. Тип. П. С. Феокритова (Соборная пл., с. д.). 8° (18×26). 8 нел. + VIII + 630 + 6 + 52 + 8 + 6 + VI + 850 + 8 + 58 + 48 + 18 + 12 + 4 + 10 + 4 + 4 + 4 + 4 + 4 + 4 + 6 + 4 + VI + 974 + 16 + 22 + 4 + 6 + 4 + 2 + 8 + 4 + 15 + 8 + 10 + 4 + 10 + 6 + 4 + 8 + 2 + 4 + 2 + 4 + 2 + 4 + 4 + 6 + 4 + IX стр. Съ рис. и портр. и картами. Вѣсь 11 ф. 8 л. 1.000 экз.

Бѣлинскій, Владиміръ. Русскій геральдическій словарь. Краткое описаніе въ алфавитномъ порядкѣ геральдическихъ фигуръ и эмблемъ, объясненіе терминовъ и относящихся къ геральдикѣ предметовъ и понятій. Выпускъ первый. Спб. 1912. Сенатская. 4° (20×26). VIII + 56 стр. + 5 табл. Вѣсь 18 л. 500 экз.

Васенко, С. В. Годъ великаго испытанія. (Отечественная война). Для народа и начальныхъ школъ. Спб. 1912. Изд. Я. Башмакова. Тип. Спб. Т-ва и Изд. «Трудъ». 8° (14×20). 75 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсь 9 л. 10.000 экз.

Васильевъ, М. Отечественная война (1812 годъ). Казань. 1912. Изд. Казанскаго учебн. округа. Тип. Университета. 8° (17×25). 127 стр. + 16 лист. портр. 1 планъ. Вѣсь 17 л. 2.450 экз.

Васютинскій, А. М., Дживелеговъ, А. К. и Мельгуновъ, С. П. Французы въ Россіи, 1812 г., по воспоминаніямъ современниковъ иностранцевъ. Ч. III. (Отступление). Смоленскъ. Красный. Березина. Вильно. Черезъ Нѣманъ обратно. М. 1912. Тип. Изд. К-ва «Задруга» (Б. Кисловка, д.

Азовчовскаго—Учебн. Отдѣль О. Р. Т. Зн.). Тип. Лиссверъ и Собко (Крестовоздвиж. пер., 9). 8° (16×22). IV+387 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 6 л. 3.100 экз.

Веселовскій, Н. И. Неудавшееся посольство въ Крымъ стольника Бориса Андреевича Пазухина въ 1679 году. Одесса. 1912. Тип. Хрисогелось (ул. Кондратенко, 8). 8° (22×39). 40 стр. Вѣсь 12 л. 50 экз.

Викторскій, С. И. Исторія смертной казни въ Россіи и современное ея состояніе. М. 1912. Тип. Университета. 8° (17×24). VIII+387+1 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 19 л. 600 экз.

Всеволодскій, В. (Гернгроссъ). Театръ въ Россіи въ эпоху Отечественной войны. Спб. 1912. Тип. Сиріусъ. 8° (19×26). 198 стр. 32 табл. рис. Ц. 3 р. 75 к. Вѣсь 1 ф. 22 л. 1.000 экз.

Въ память Отечественной Войны 1812 г. Кіевъ. 1912. Тип. О. Дубовика (Софійская, 21). 4° (22×36). 2 стр. съ портретами. Вѣсь 1 л. 3.500 экз.

Вѣстникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества. Вып. 2-й. Харьковъ. 1912. Тип. Печатное дѣло (Конторская, Клешевскій пер., 3). 8° (17×25). 82 стр.+2 листа портр. Ц. 50 к. Вѣсь 13 л. 1.000 экз.

Вѣтринскій, Ч. 1812 годъ. Н.-Новгородъ. 1912. Изд. Губ. земства. Тип. Труженикъ. 16° (9×13). 28 стр.+2 лист. портр. Ц. 6 к. Вѣсь 3 л. 25.000 экз.

Г—къ, Ш. Левъ Николаевичъ Толстой. Его жизнь и творчества. Миніатюрная бібліотека «Наука и Жизнь». № 1. Рига 1912. Изд. Наука и Жизнь. Тип. К. Зейберлихъ (М. Монетная, 25). 16° (8×12). 46 стр. Ц. 5 к. Вѣсь 1 л. 20.000 экз.

Д. Н. З.—Д. «Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ». Составлено современникомъ. Спб. 1912. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 16° (10×17). 23 стр. Вѣсь 2 л. 200 экз.

12 годъ. Столѣтняя годовщина Бородинской битвы. М. 1912. Тип. Л. В. Пожидаевой (Самотека, Троицкая д. 5). 16° (11×15). 16 стр. Ц. 1 к. Вѣсь 1 л. 12.000 экз.

Дополнительный списокъ прямыхъ потомковъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, по мужской линіи, участниковъ Бородинскаго сраженія и Отечественной войны. М. 1912. Тип. Штаба Московск. военнаго округа. 8° (17×26). 11 стр. Вѣсь 2 л. 615 экз.

Жамовъ, В. Е. Отечественная война 1812 г. Операциі въ направленіи Тильзитъ—Митава—Рига. Къ 100-лѣтнему юбилею Отечественной войны. Рига. 1912. Изд. Обществ. Управл. Риги. Тип. Мюллера (Гердерова пл., 1). 8° (15×22). 6 пен.+183 стр. Съ рис. и портр.+2 карты. Вѣсь 29 л. 1.200 экз.

Желябужскій, Е. Русскія историческія басни. 1812 г. Изяславъ. 1912. Изд. 2-е. Юбилейное. Тип. Б. Кирчика. 16° (11×17). 31 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 2 л. 1.500 экз.

Записки Игуменъи Маріи, урожденной княгини Одоевской. (Прилож. къ Памятной книжкѣ Новгородской губерніи на 1913 годъ). Новгородъ. 1912. Тип. Губернская. 8° (16×22). 45 стр. Вѣсь 4 л. 1.000 экз.

Зильберкрейнъ, Г. А. Боевая память 72-го пѣхотнаго тульскаго полка. Къ 100-лѣтію Отечественной войны. Ивангородъ, Любл. губ. 1912. Тип. Сельскаго Вѣстника (Мойка, 72). 8° (16×23). 71 стр. съ рис. Вѣсь 8 л. 3.000 экз.

Ивановъ, А. А. Царственный Домъ Романовыхъ. Обработано и издано

Н. Н. Нѣмченко. Спб. 1912. Изд. М. Н. Нѣмченко. Тип. Ш. Буссель (Лыговская ул., д. 117). 4° (25×33). 48 стр. Съ 44 рис. Въсь 1 ф. 3 л. 5.000 экз.

Ивановъ, Н. 1812-й годъ. Русская конница въ великой Бородинской битвѣ. Одесса. 1912. Изд. и тип. об-ва Русская Рѣчь (Александровскій пр., 11). 8° (18×26). 35 стр. съ рис. Въсь 5 л. 1.000 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Комиссін. Вып. 44. (Вопросы реставраціи, вып. 9). Спб. 1912. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ. 4° (20×28). 145 стр. Съ 139 рис. Въсь 1 ф. 6 л. 900 экз.

Иконниковъ, В. С. Карамзинъ—историкъ. Спб. 1912. Тип. М. М. Стасюлевича. 8° (18×27). 39 стр. Въсь 16 л. 150 экз.

Историко-филологическій Факультетъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Кіевѣ. Обзорніе преподаванія на осеннее полугодіе 1912 года. Кіевъ. 1912 годъ. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская, 20). 16° (12×18). 28 стр. Въсь 3 л. 1.475 экз.

Каллистовъ, Н. Д. Русскій флотъ и двѣнадцатый годъ. (Роль и участіе флота въ Отечественной войнѣ, въ связи съ цикломъ Наполеоновскихъ войнъ Россіи). По архивнымъ матеріаламъ. Спб. 1912 г. Тип. Морского Министерства (Главное Адмиралтейство) 8° (16×24). VII+76 стр. Съ 2 рис. 4 портр. и 2 схемами. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 23 л. 1.000 экз.

Ковалевскій, П. И., проф. Исторія Малороссіи. Спб. 1912. Тип. Р. В. Коротаевой. 8° (14×21). 220 стр. Съ 35 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 25 л. 300 экз.

Крашевскій, М. Польское возстаніе 1863 г. Историческая бібліотека № 36. М. 1912. Изд. Книгоизд. «Дѣло». Тип. т. д. «М. В. Балдинъ и К°» (Арбатъ, 7). 32° (10×15). 80 стр. Ц. 10 к. Въсь 3 л. 12.000 экз.

Кунцевичъ, Г. Перечень русскихъ рукописей Герцогской бібліотеки въ Вольфенбюттелѣ. Спб. 1912. Тип. М. А. Александрова. 8° (18×28). 16 стр. Въсь 4 л. 50 экз.

Кунцевичъ, Г. Челобитная инокъ Царю Ивану Васильевичу. Спб. 1912 г. Тип. Александрова. 8° (18×28). 19 стр. Въсь 4 л. 50 экз.

Ломакинъ, А. Н. Бородинская битва. Очеркъ. М. 1912. Изд. Книгоизд. «Островъ». Тип. В. Л. Баньяновъ и К° (Зацѣпа, Б. Строгоновск., 5). 16° (12×16). 63 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Въсь 4 л. 10.000 экз.

Лукомскій, Г. К. О древне-русскомъ зодчествѣ Чернигова. Спб. 1912. Тип. Спб. Градоначальства. 8° (16×21). 32 стр. Съ 18 рис. Въсь 8 л. 500 экз.

Майстрахъ, В. Л. Отечественная война 1812 года. Доступное изложеніе для народа. М. 1912. Изд. и тип. торг. дома Е. Коновалова и К° (Б. Андроньевская, соб. д.). 8° (15×23). 112 стр. Въсь 12 л. 6.000 экз.

Общій очеркъ Отечественной войны—III. Бородино. XVIII выпускъ юбилейныхъ изданій журнала «Вѣрность». М. 1912. Тип. «Русская Печатня» (Триумф-Садовая, 17-а). 16° (12×17). Въсь 1 л. 6.000 экз.

Отечественная война и русское общество 1812—1912 г. Юбилейное изданіе. Т. VII. М. 1912. Изд. и Тип. Т-ва И. Д. Сытина. 4° (22×30). 331 стр. Съ рис. Въсь 4 ф. 24 л. 3.000 экз.

Переписка М. А. Балакирева съ П. И. Чайковскимъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями С. Ляпунова. Спб. 1912. Изд. Ю. Г. Циммермана. Тип. Русская Скоропечатня. 8° (17×25). 100 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Въсь 18 л. 1.000 экз.

Пиксановъ, Н. К. Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская. Темы и бібліографія. (Семинарій по новой русской литературѣ).

Спб. 1912. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (16×23). 47 стр. Складъ: Спб., Гатчинская, 31, кв. 5. Ц. 35 к. Въсь 5 л. 1.100 экз.

Пирлингъ, О. Россія и папскій престолъ. Перев. съ франц. В. П. По-темкина. Книга первая. Русскіе и Флорентскій соборъ. М. 1912. Изд. к-ва «Современныя Проблемы». Тип. А. Будо (Мясницкая, 20). 8° (16×24). 452 стр. Ц. 3 р. Въсь 1 ф. 23 л. 1.600 экз.

Писаревъ, М. Н. Въ память Отечественной войны 1812—1912. Подъ ред. Н. П. Михневича. Заставки и карты М. К. Паренаго. (Для народа, войскъ и учащихся). М. 1912. Изд. Ворон. Учен. Архивн. Коммиссін. Тип. А. А. Левенсонъ (Трехир. п., с. д.). 8° (18×26). 40 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Въсь 10 л. 10.000 экз.

Письма и бумаги Императора Петра Великаго. Т. VI (ноль — декабрь 1707 г.). Спб. 1912. Тип. Государственная. 8° (19×28). XXV+624+LXXXII стр. Ц. 4 р. Въсь 5 ф. 600 экз.

Подробный конспектъ по Русской исторіи, составленъ по новѣйшимъ учебникамъ съ добавленіемъ хронологической и родословной таблицъ. Одесса. 1912. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Книгоизд. Миньковского (Базарная, 23). Тип. Порядокъ С. К. Цессарскаго (Успенская, 71). 32° (10×14). 391 стр. Ц. 30 к. Въсь 10 л. 3.000 экз.

Полянскій, М. И. 3-й пѣшій полкъ Владимірскаго ополченія, сформированнаго 18 августа 1812 года въ городѣ Ковровѣ, для обороны Москвы во время Отечественной войны. М. 1912. Изд. Ковровск. Уѣздн. Комит. Попеч. о нар. трезв. Тип. В. Карякина (1 Знаменск. п., с. д.). 5° (15×24). 23 стр. Въсь 2 л. 3.000 экз.

Рождествинъ, А. Поэзія Жуковскаго. Къ 60-лѣтію со дня кончины 12-го апрѣля 1852—12-го апрѣля 1912 года. Казань. 1912. Тип. Университета. 8° (17×25). 20 стр. Ц. 15 к. Въсь 3 л. 350 экз.

Розановъ, С. С. Памяти Н. С. Никитина. М. 1912. Тип. Т-ва А. И. Мамонтова. 8° (13×20). 15 стр. Въсь 2 л. 300 экз.

Ростовцевъ, М. И., проф. Боспорское царство и южно-русскіе курганы. Спб. 1912. Тип. В. Д. Смирнова. 8° (17×24). 21 стр. Съ 3 таб. рис. Въсь 8 л. 100 экз.

Сковорода, Г. С. Собраніе сочиненій. Томъ I. Съ біографіей Г. С. Сковороды М. И. Говалинскаго, съ замѣтками и примѣчаніями Владиміра Бончъ-Бруевича (Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества. Подъ редакціей Владиміра Бончъ-Бруевича. Выпускъ пятый). Спб. 1912. Тип. Б. М. Вольфа (Невскій пр., 126). 8° (18×26). XV+543 стр. Съ 1 портр. и факсимиле автора. Складъ: Спб., Пески. Херсонская ул., д. 5, кв. 9, у Влад. Д. Бончъ-Бруевича. Ц. 4 р. Въсь 2 ф. 21 л. 2.000 экз.

Скугаревскій, Бородино. Описаніе сраженія 26-го августа 1812 г. Спб. 1912. Изд. Березовскаго. Тип. Родникъ (Невскій просп., 88). 8° (16×24). 123 стр. плановъ и схемъ 7. Ц. 1 руб. 50 коп. Въсь 24 л. 1.000 экз.

Собраніе Высочайшихъ Манифестовъ, Грамотъ, Указовъ, Рескриптовъ, приказовъ войскамъ и разныхъ извѣщеній, послѣдовавшихъ въ теченіе 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годовъ. Изд. 1816 года. М. 1912. Тип. Окружнаго Штаба 4° (22×36). 7 стр. нен. Въсь 4 л. 6 экз.

Соколовскій, М. К. Историческій очеркъ 10-го уланскаго Одесскаго полка (1812—1912 гг.). Подъ ред. Б. А. Кузьмина-Караваева. Спб.

1912. Тип. П. Сойкина (Стремянная, 12). 4° (22×28). 471 стр. Съ 35 рис. и карта 1. Вѣсь 4 ф. 7 л. 300 экз.

Чунихинъ, В. И. Донскіе казаки и ихъ заслуги передъ отечествомъ Харьковъ. 1912. Изд. 3-е. Тип. А. А. Либина (Рыбная, 17). 8° (17×25). 48 стр. съ рис. Вѣсь 8 л. 120 экз.

Шахматовъ, А. А. Къ вопросу о древнѣйшихъ славяно-кельтскихъ отношеніяхъ. Казань 1912. Тип. университета. 8° (17×25). 54 стр. Вѣсь 5 л. 200 экз.

Омоенко, К., прот. Поучительный урокъ Отечественной войны 1812 г. Къ 100-лѣтнему воспоминанію Отечественной войны. Кіевъ, 1912. Изд. и тип. Кіево-Печерской Лавры. 8° (15×22). 14 стр. Вѣсь 4 л. 2.200 экз.

Съ 17-го по 24-е сентября 1912 года.

А. Р. Двѣнадцатый годъ. М. 1912. Изд. Свящ. В. Ремезова. Тип. Св. Тр. Сергіевой Лавры. 8° (14×22). 8 стр. Вѣсь 2 л. 5.000 экз.

Агинскій, Б. Р. Борисъ Годуновъ и Лжедмитрій I. Спб. 1912. Изд. М. Н. Слѣпцовой. Тип. Н. Я. Стойковой (Знаменск., 27). 8° (13×18). 33 стр. Ц. 20 к. Вѣсь 6 л. 5.150 экз.

Антикварная книжная Торговля В. И. Ключкова. Каталогъ № 529. Спб. 1912. Тип. Арнольда. 8° (17×23). 16 стр. Вѣсь 3 л. 1.200 экз.

Балащевъ, Владиміръ. Безсмертная година Русской славы. М. 1912. Изд. Голоса русскаго (Воротниковск. пер., 12). Тип. Снегиревой. 16° (14×18). 31 стр. съ рис. Ц. 10 к. Вѣсь 3 л. 5.000 экз.

Благовѣщенскій, И. И. Памяти Императора Александра I Благословеннаго и Отечественной войны для жителей Олонецкаго края. Подъ ред. А. О. Шидловскаго. Петрозаводскъ. 1912. Изд. Олонецкаго губ. Земства. Тип. Губернская. 8° (17×26). 54 стр. съ рис. Вѣсь 5 л. 17.000 экз.

Въ память столѣтняго юбилея Отечественной войны. Текстъ и рисунки по роману «Война и Миръ» Л. Н. Толстого. М. 1912. Изд. Т-ва А. Ралле и К°. Тип. т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 4° (25×31). 24 немум. стр.+12 лист. рис. Вѣсь 1 ф. 8 л. 1.200 экз.

Галаховъ, А. Историко-литературная хрестоматія новаго періода русской словесности. Т. 1. Отъ Петра I до Карамзина. Подъ ред. В. И. Орлова. М. 1912. Изд. В. Думнова, 18-е (Пятницкая, д. Обидиной). Тип. С. П. Яковлева (Салтыковъ пр., 9). 8° (16×25). VIII+485 стр. Ц. 2 р. 50 к. (за 2 тома). Вѣсь 10 ф. 13 л. 2.500 экз.

Галаховъ, А. Историко-литературная хрестоматія новаго періода русской словесности. Т. 2. Отъ Карамзина до Пушкина. Подъ ред. В. И. Орлова. М. 1912. Изд. В. Думнова, 18-е (Пятницкая, д. Обидиной). Тип. т-ва печати С. П. Яковлева (Салтыковъ пр., 9). 8° (16×25). VII+476 стр. Ц. 2 р. 50 к. (за 2 тома). Вѣсь 1 ф. 11 л. 2.500 экз.

Ефименко, А. Я., проф. 1812. Чтеніе для народа, народныхъ и городскихъ школъ. Спб. 1912. Изд. Я. Башмакова и К°. 3-е. Тип. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8° (14×21). 72 стр. Съ портр. и рис. Вѣсь 8 л. 29.350 экз.

Ефименко, А. Я., проф. Элементарный учебникъ русской исторіи. Курсъ эпизодическій. Спб. 1912. Изд. Я. Башмакова и К°, 2-е, испр. Тип. М. Волковича (Садовая, 60). 8° (15×22). VIII+198+1 нен. стр. Съ рис. и карт. Ц. 90 к. Вѣсь 1 ф. 1 л. 10.000 экз.

Козловъ, С. Краткій курсъ исторіи русской литературы съ выводами (теорія словесности) для городскихъ училищъ. М. 1912. Тип. Русск. Г-ва (Чистые Пруды, Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (16×23). 184 стр. Ц. 70 р. Въсь 17 л. 1.000 экз.

Левитскій, Іоаннъ, свящ. Лѣтопись Московской деркви, Св. Отецъ. Седьмого Вселенскаго Собора, что у Новодѣвичьего монастыря. М. 1912. Тип. Русская Печатня (Садовая-Триумфальная, 14). 8° (16×24). 39 стр. Въсь 5 л. 300 экз.

Масловъ, П. Святѣйшій Гермогенъ, Патріархъ Всероссійскій. Симферополь. 1912. Тип. Таврич. Губернская. 8° (16×3). 37 стр. Въсь 4 л. 50 экз.

Метельскій, Владиміръ. Отечественная исторія. Элементарный курсъ. Для I и II классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ. Одесса. 1912. Изд. 4-е. Тип. Л. Нитче (ул. Кондратенко, 30). 8° (17×23). VIII+1+188 стр. Съ рис. Ц. 80 к. Въсь 20 л. 2.000 экз.

Метельскій, Владиміръ. Русская исторія. Элементарный курсъ, для ученицъ III класса женскихъ гимназій. Одесса. 1912. Изд. 3-е. Тип. Л. Нитче (ул. Кондратенко, 30). 8° (17×23). VI+200+2 нен. стр.+14 лист. рис. Ц. 80 к. Въсь 21 л. 2.000 экз.

Московское дворянство въ 1812 году. М. 1912. Изд. Моск. дворянства. Тип. Т-ва А. А. Леенсонъ. 4° (23×31). 105+509+III стр.+20 лист. портр. и рис. Въсь 5 ф. 20 л. 800 экз.

На память о Бородинской побѣдѣ 26 авг. 1812 г. М. 1912. Изд. А. М. Матвѣева. Тип. П. Т. Сапрыкина (Срѣтенка, 32). 16° (12×18). 15 стр. Въсь 2 л. 1.000 экз.

Обозрѣніе преподаванія предметовъ и распредѣленіе лекцій и практическихъ занятій по историко-филологическому факультету Императ. Харьковск. Университ. на 1912—13 акад. годъ. Харьковъ. 1912. Тип. Печатникъ (Рыбная, 28). 8° (17×35). 20 стр. Въсь 5 л. 200 экз.

Отечественная война. Историческій очеркъ. М. 1912. Изд. Историч. комиссіи при О. Р. Т. З. Тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (15×23). 70 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Въсь 7 л. 5.000 экз.

Отечественная война 1812 года. Отд. I. Томъ XIX. Боевыя дѣйствія въ 1812 году. Спб. 1912. Изд. Гл. Упр. Генер. Штаба. Тип. Бережливость (Невскій, 139). 8° (18×25). 403 стр. Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 24 л. 500 экз.

Платоновъ, С. Ф. Н. М. Карамзинъ. Спб. 1912. Тип. М. М. Стасюлевича. 8° (18×27). 10 стр. Въсь 4 л. 150 экз.

Потто, В. А. Два вѣка Терскаго Казачества (1577—1801). Томъ I. Владикавказъ. 1912. Изд. Войскаго Штаба Терскаго Каз. в-ка. Тип. Терскаго Областнаго Правленія. 4° (22×30). 116+XI стр. Въсь 1 ф. 14 л. 600 экз.

Семеновъ, Л. «Ангель». Очеркъ поэзіи Лермонтова. Харьковъ. 1912. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевск. пер., 3). 8° (17×27). 36 стр. Въсь 5 л. 200 экз.

Семеновъ, С. Т. Воспоминанія о Львѣ Николаевичѣ Толстомъ. Спб. 1912. Тип. т-ва «Обществен. Польза» (Б. Подъяческ., 39). 8° (15×21). 153 стр. Ц. 1 р. Въсь 2 л. 16.000 экз.

Сергіевскій, Н. Н. Великій русскій поэтъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ къ 75-лѣтію со дня его смерти 1837—29 янв.—1912 г. Спб. 1912. Изд. и тип. Сельскаго Вѣстника (Мойка, 32). 8° (15×21). 24 стр. Съ портр. и рис. Ц. 8 к. Въсь 2 л. 3.000 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. I, вып. 1-й: народная словесность. Примѣнительно къ «Исторіи русской словесности» того же автора. Ч. I, вып. I. Спб. 1912. Изд. Я. Башмакова и К°, 6-е. Тип. М. Волковича (Садовая, 60). 8° (16×22). VII+252 стр. Ц. 90 к. Вѣсь 25 л. 6.000 экз.

Старая Москва. Выпускъ 1-й. 1 сентября 1912 г. М. 1912. Изд. Комиссіи по изученію Старой Москвы при Имп. Моск. Археологическомъ Об-вѣ. Тип. Русскаго Товарищества (Чистые Пруды, Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (18×26). 70+1 стр. съ рис.+2 листа рис. Вѣсь 21 л. 600 экз.

Тихомирова, Е. Бородинская битва. Разсказъ изъ русской исторіи. М. 1912. Изд. Книгоизд. А. С. Панафиной (Левинъ пер., с. д.). Тип. Русскаго Т-ва (Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (14×20). 59 стр.+1 портр. Ц. 10 к. Вѣсь 5 л. 10.000 экз.

Травицъ, К. И. Отечественная война 1812 г. Казань. 1912. Изд. И. С. Михѣва, 2-е. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (13×21). 40 стр. съ рис. Ц. 10 к. Вѣсь 5 л. 1.000 экз.

Троицкій, Д. И. Двѣнадцатый годъ. Очерки и разсказы изъ исторіи Отечественной войны. М. 1912. Изд. и тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8° (16×24). 305+II стр. съ рис. Ц. 75 к. Вѣсь 31 л. 5.000 экз.

Хованскій, Н. Ф. Участіе Саратовской губерніи въ Отечественной войнѣ 1812 г. Саратовъ. 1912. Изд. Сарат. ученой архивной комиссіи. Тип. Союза печатнаго дѣла. 8° (18×27). 296 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсь 3 ф. 3 л. 1.000 экз.

Царскіе Прародители, погребенные въ обители Всемилоствигаго Спаса на Новомъ. Къ 300-лѣтію Дома Романовыхъ. М. 1912. Изд. Новоспасскаго Ставропигіальнаго монастыря. Тип. Русская Печатня (Садовая-Триумфальная, 14). 4° (22×30). 112 стр.+29 лист. рис. Вѣсь 2 ф. 4 л. 500 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Геннадій Ивановичъ
Невельской.

Родители великаго князя Павла Петровича.

Жизнь императора Павла Петровича всецѣло принадлежить ко второй половинѣ XVIII вѣка и поэтому всецѣло носитъ на себѣ характеръ вліяній, присущихъ этому причудливому вѣку, а также тѣхъ политическихъ условій, въ которыхъ росла и развивалась въ это время великая Россія. Болѣе, чѣмъ кто-либо изъ современныхъ ему монарховъ, императоръ Павелъ отражалъ въ своей личности вліянія окружавшаго его общества, страстность возникшей въ немъ социальной борьбы, весь темпъ современной ему жизни. Несчастная семейная обстановка, въ которой пришлось императору расти и воспитываться, также наложила на его жизнь и личность особую, трагическую печать. Все это, вмѣстѣ взятое, сообщаетъ исторіи императора Павла, помимо—біографическаго, и общій историческій и психологическій интересъ и вынуждаетъ біографа императора для уясненія многихъ сторонъ его жизни и царствованія выходить изъ предѣловъ узкой біографической рамки.

Прежде всего необходимо, хотя вкратцѣ, указать на положеніе внутреннихъ дѣлъ въ Россіи въ періодъ времени, предшествовавшій рожденію императора Павла. Россія только-что пережила тогда необычайный подъемъ народныхъ силъ, вызванныхъ къ жизни широкими и всесторонними преобразованіями Петра Великаго. Желѣзная воля царственнаго работника, его всесокрушающая энергія, не останавливавшаяся ни передъ какими препятствіями, пробуждали народъ отъ вѣкового сна, указывали ему новые пути къ дѣятельности и въ короткое сравнительно время ввели Россію въ семью европейскихъ народовъ въ качествѣ полноправнаго ея члена. Но ги-

гантская работа царя-преобразователя и его народа не обошлась имъ даромъ. Уже въ слѣдующемъ поколѣніи прекратилась мужская отрасль Дома Романовыхъ, и верховное управление Россійской имперіи сдѣлалось предметомъ дворцовыхъ переворотовъ и добычей временщиковъ, руководившихъ судьбами государства именемъ потомковъ Петра и старшаго брата его, царя Іоанна. Въ теченіе 16 лѣтъ, протекшихъ отъ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, русскій престолъ былъ игрищемъ въ рукахъ Меншикова, князей Долгорукихъ, Бирона, Миниха, Остермана и ихъ приверженцевъ. Закона о престолонаслѣдіи не существовало, и честолюбцы дѣлали, что хотѣли, на свой рискъ и страхъ, не стѣняясь средствами: возводили на престолъ младшую сестру при жизни старшей, рѣшали вопросъ о правленіи заговорами среди солдатъ, не останавливались даже предъ мыслью о подбѣлкѣ духовныхъ завѣщаній, чтобы опредѣлить, кому наследовать престолъ. Зато неизмѣримо глубока была и пропасть, поглощавшая честолюбцевъ: съ подножія трона, съ вершины почестей они, при новомъ переворотѣ, низвергались въ пустыни Березова, Пелыма, даже Камчатки и жили подъ строгимъ надзоромъ среди дикарей, едва имѣя хлѣбъ насущный и испытывая страшныя лишенія. Болѣе того, самъ младенецъ-императоръ Іоаннъ VI Антоновичъ сведенъ былъ съ престола въ мрачный казематъ, гдѣ затѣмъ онъ росъ, не зная ни жизни, ни людей, и гдѣ долженъ былъ потерять человѣческій разумъ. Въ основѣ этой борьбы за престолъ, за правленіе, лежали преимущественно личные и отчасти сословные интересы, а вовсе не политическія идеи, которыя туго привились русскому обществу первой половины XVIII вѣка, и лишь въ концѣ указанного нами періода времени засилье инородческихъ элементовъ въ верховномъ управленіи въ лицѣ Бирона, Миниха и Остермана вызвало естественную реакцію среди русскихъ людей, сплотившихся вокругъ дочери Петра Великаго, цесаревны Елисаветы Петровны. Въ ночь на 25 ноября 1741 года она, во главѣ преданныхъ ей гвардейскихъ солдатъ, лично арестовала младенца-императора Іоанна Антоновича и мать его, правительницу государства Анну Леопольдовну, принцессу Брауншвейгскую, и вступила на престолъ, обобщая наступленіе дней спокойствія и порядка.

Разумѣется, первымъ ея дѣломъ было озаботиться установленіемъ твердаго порядка въ дѣлѣ престолонаслѣдія. Таково было настроеніе духа императрицы, что, вступивъ на престолъ

при единодушномъ одобреніи и восторгѣ всѣхъ своихъ подданныхъ, не имѣя себѣ никакого совѣтника, она, вспоминая ночь вступленія своего на престолъ, выражала опасеніе даже за свою судьбу и не имѣла опредѣленной спальни, ночуя въ различныхъ комнатахъ и проводя часто всю ночь напролетъ въ бодрствованіи, занимаясь бесѣдами съ приближенными къ ней женщинами. Нужно было положить конецъ неопредѣленности въ престолонаслѣдіи, заранѣе указать наслѣдника престола, чтобы будущность государства явилась обезпеченной и не была предметомъ интригъ новыхъ честолюбцевъ. Естественнымъ наслѣдникомъ Елисаветы былъ единственный, остававшійся въ живыхъ, потомокъ Петра Великаго, сынъ старшей сестры ея, цесаревны Анны Петровны, юный герцогъ Голштинскій Петръ-Карлъ-Ульрихъ, которому не исполнилось еще и 14 лѣтъ. По смыслу завѣщанія императрицы Екатерины I, герцогу Петру, какъ сыну старшей ея дочери, принадлежало право наслѣдованія русскаго престола послѣ Петра II. Императрица Елисавета получила это право только потому, что герцогъ не былъ православнаго исповѣданія. Теперь, призывая его въ Россію въ качествѣ своего наслѣдника, Елисавета вмѣняла ему въ обязанность принять православіе. 5 февраля 1742 года Петръ, сопровождаемый своимъ оберъ-гофмаршаломъ Брюммеромъ, прибылъ въ Россію и вслѣдъ затѣмъ сопровождалъ императрицу въ Москву на торжества коронаціи. 7 ноября изданъ былъ манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ престола герцога Петра Голштинскаго; при этомъ объявлено было, что наслѣдникъ принялъ благочестивую вѣру Греческаго исповѣданія, и въ церквахъ поминали послѣ имени императрицы „наслѣдника ея, внука Петра Перваго, благовѣрнаго государя великаго князя Петра Θεодоровича“. Но это было только начало дѣла. Для упроченія престолонаслѣдія необходимо было женить юнаго наслѣдника. Начались поиски невѣсты, и, отвергнувъ предложенныхъ невѣстъ: принцессъ саксонскую и французскую, императрица остановила свой выборъ на юной 13-лѣтней принцессѣ Ангальтъ-Цербстской Софіи: помимо личныхъ качествъ принцессы, на это рѣшеніе императрицы повліяли теплыя воспоминанія о родномъ дядѣ принцессы, который былъ женихомъ императрицы и скоропостижно умеръ незадолго до свадьбы. Мать Софіи, принцесса Иоганна-Елисавета, приглашена была пріѣхать въ Россію вмѣстѣ съ дочерью. Приглашеніе это принято было ею съ восторгомъ, тѣмъ болѣе, что предполагаемый бракъ одобрялъ изъ политическихъ своихъ видовъ и покрови-

тель принцессы король прусскій Фридрихъ II. 9 февраля 1744 года принцессы прибыли въ Москву, гдѣ въ то время находился дворъ, и радушно встрѣчены были императрицей. Юная принцесса Софія понравилась императрицѣ, жениху и всему двору, и 28 іюня 1744 года принцесса приняла православіе, при чемъ наречена была „великой княжной Екатериной Алексѣевной“, въ честь матери императрицы, а на слѣдующій день, 29 іюня, совершенно было и обрученіе ея съ великимъ княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ. Бракосочетаніе молодой четы произошло, однако, лишь годъ спустя, 25 августа 1745 года, въ виду крайней молодости жениха и невесты. Плодомъ этого брака явилось, девять лѣтъ спустя, рожденіе великаго князя Павла Петровича, будущаго русскаго императора.

Но еще прежде, чѣмъ совершилось это знаменательное бракосочетаніе, для императрицы Елисаветы и всего русскаго двора выяснилась разниа въ личностяхъ Петра и Екатерины, которая лучше всего измѣрялась тѣмъ фактомъ, что, насколько молодая великая княгиня привлекала къ себѣ симпатіи всѣхъ русскихъ людей, настолько же супругъ ея сдѣлался предметомъ всеобщаго неуваженія и даже презрѣнія. Великій князь Петръ Ѳеодоровичъ, оставшись сиротою, не получилъ должнаго воспитанія. Опекунъ молодого герцога, его дядя Адольфъ-Фридрихъ, предоставилъ его воспитаніе оберъ-гофмаршалу Брюммеру, о которомъ говорили, что онъ способенъ лошадей обучать, а не принца воспитывать. По отзыву современниковъ, Брюммеръ, будучи съ малолѣтства въ военной службѣ, самъ ни о чемъ не имѣлъ понятія и задачу свою полагалъ въ томъ, чтобы грубо и жестоко относиться къ своему воспитаннику, уже съ младенчества бывшему хилымъ и болѣзненнымъ. Его сѣкли розгами и хлыстомъ, ставили голыми колѣнами на горюхъ, привязывали къ столу и печи; мало того, Брюммеръ говорилъ Петру: „Я такъ васъ велю сѣчь, что собаки кровь лизать будутъ; какъ бы я былъ радъ, если бы вы сейчасъ же издохли“. Мальчика учили ружейнымъ пріемамъ, маршировкѣ, верховой ѣздѣ, и онъ съ дѣтства пристрастился къ солдатчинѣ; изъ другихъ предметовъ обученія особое вниманіе обращали на танцы, такъ что Петръ самъ говорилъ: „я увѣренъ, что они хотятъ сдѣлать меня профессоромъ кадрили, а другого ничего мнѣ знать не надобно“. Дѣйствительно, юный герцогъ едва зналъ нѣмецкую и французскую грамоту. Такъ какъ по рожденію Петръ былъ претендентомъ на короны шведскую и русскую, то его обучали при жизни отца обоимъ языкамъ, но Брюммеръ

скоро прекратилъ занятія по русскому языку, говоря, что „этотъ подлый языкъ пригоденъ только собакамъ да рабамъ“, и внушая молодому герцогу отвращеніе къ русскому народу. По свидѣтельству самой Екатерины, видѣвшей будущаго своего супруга въ Эйтинѣ въ 1739 г., она слышала, что молодой герцогъ былъ „наклоненъ къ пьянству, что его приближенные съ трудомъ могли препятствовать ему напиваться за столомъ, что онъ былъ упрямъ и вспыльчивъ, что онъ не любилъ окружающихъ, особенно Брюммера, что, впрочемъ, онъ выказывалъ живость, но былъ слабago и хилаго сложенія. Дѣйствительно, цвѣтъ лица у него былъ блѣденъ, и онъ казался тощимъ и хрупкимъ. Приближенные хотѣли выставить этого ребенка взрослымъ и съ этою цѣлю стѣсняли его и держали въ принужденіи, которое должно было вселить въ немъ фальшь, начиная съ манеры держаться и кончая характеромъ“. На религіозное воспитаніе Петра также мало обращали вниманія. Сначала уроки Закона Божія давали ему одновременно и лютеранскій пасторъ, и православный іеромонахъ, бывшій при дворѣ Анны Петровны, въ виду неопредѣленности ожидавшей его судьбы, затѣмъ исключительно лютеранскій пасторъ. Но, говоритъ Екатерина, „онъ съ дѣтства былъ неподатливъ для всякаго назиданія. Я слышала отъ его приближенныхъ, что въ Килѣ (столицѣ Голштиніи) стоило величайшаго труда посылать его въ церковь по воскресеньямъ и праздникамъ и побуждать его къ исполненію обрядностей, какія отъ него требовали, и что онъ большею частію проявлялъ невѣріе“. Когда молодой герцогъ прибылъ въ Россію, то императрица Елисавета, сама получившая плохое образованіе, поражена была невѣжествомъ и неразвитостію своего племянника и тотчасъ же окружила его наставниками, въ числѣ которыхъ былъ и Штелинъ, профессоръ элоквенціи, оставившій намъ воспоминанія о своемъ ученикѣ: ему велѣно было „обучать великаго князя надлежащимъ наукамъ“. Но занятія Штелина мало принесли пользы великому князю, упорно не желавшему учиться и подчинявшемуся требованіямъ своихъ учителей лишь изъ боязни гнѣва императрицы. Хуже всего было то, что Петръ не любилъ чтенія и ничего не хотѣлъ читать. Къ занятіямъ по русскому языку и закону Божію православнаго исповѣданія Петръ, къ неудовольствію своей набожной тетки, относился съ необычайнымъ пренебреженіемъ. Законоучителю своему Симеону Тодорскому, бывшему потомъ архіепископомъ псковскимъ, Петръ возражалъ по каждому пункту и въ спорахъ съ нимъ прояв-

лялъ такой пылъ, обнаруживавшій привязанность его къ лютеранству, что часто приближенные его должны были являться, чтобы прервать схватку. Даже въ день присоединенія своего къ православію, Петръ Ѳеодоровичъ не утерпѣлъ, чтобы не посмѣяться надъ православными священниками, говоря: „имъ общаешь многое, чего и не думаешь исполнить“. Презрѣніе къ русскому народу и православной вѣрѣ поддерживали въ немъ всѣ голштинцы, составлявшіе его свиту, съ Брюкнеромъ во главѣ, и въ Россіи, по недосмотру императрицы. Боясь императрицы, чувствуя отвращеніе къ Брюкнеру и другимъ своимъ воспитателямъ и наставникамъ, великій князь, лишенный всякаго общества, сталъ находить удовольствіе въ бесѣдѣ съ своими камердинерами, лакеями, также привезенными изъ Голштиніи; особеннымъ довѣріемъ его пользовался камердинеръ Румберхъ, старый драгунъ Карла XII, и съ нимъ не разъ онъ совѣтовался, какъ слѣдуетъ поступать ему въ Россіи. „Въ своихъ внутреннихъ покояхъ“, говоритъ Екатерина: „великій князь въ ту пору только и занимался тѣмъ, что устраивалъ военныя ученія съ кучкой людей, данныхъ ему для коммандныхъ услугъ; онъ то раздавалъ имъ чины и отличія, то лишалъ ихъ всего, смотря по тому, какъ вздумается. Это были настоящія дѣтскія игры и постоянное ребячество; вообще онъ былъ еще очень ребячливъ, хотя ему минуло 16 лѣтъ“. — „Умъ его былъ все еще очень ребяческій“, говоритъ Екатерина въ другой редакціи своихъ записокъ: „онъ забавлялся въ своей комнатѣ тѣмъ, что обучалъ военному дѣлу своихъ камердинеровъ, лакеевъ, карловъ, кавалеровъ (кажется, и у меня былъ чинъ), упражнялъ ихъ и муштровалъ, но, насколько возможно, это дѣлалъ безъ вѣдома своихъ гувернеровъ, которые, правду сказать, съ одной стороны, очень небрежно къ нему относились, а съ другой—обходились съ нимъ грубо и неумѣло и оставляли его очень часто въ рукахъ лакеевъ, особенно когда не могли съ нимъ справиться. Правда, было ли то слѣдствіемъ дурного воспитанія или врожденной наклонности, но онъ былъ неукротимъ въ своихъ желаніяхъ и страстяхъ“. Отношенія великаго князя къ своей невѣстѣ вполне соответствовали его неразвитости и дурнымъ наклонностямъ. „Великій князь“, говоритъ Екатерина, „казалось, былъ радъ приѣзду моей матери и моему. Миѣ шелъ пятнадцатый годъ. Въ теченіе первыхъ десяти дней онъ былъ очень занятъ мною; тутъ же и въ теченіе этого короткаго промежутка времени я увидѣла и поняла, что онъ не очень цѣнитъ народъ, надъ которымъ ему суждено

было царствовать, что онъ держался лютеранства, не любилъ своихъ приближенныхъ и былъ очень ребячливъ (*fort enfant*). Я молчала и слушала, чѣмъ снискала его довѣріе; помню, онъ мнѣ сказалъ, между прочимъ, что ему больше всего нравится во мнѣ то, что я его троюродная сестра, и что, въ качествѣ родственника, онъ можетъ говорить со мною по душѣ, послѣ чего сказалъ, что влюбленъ въ одну изъ фрейлинъ императрицы..., что ему хотѣлось бы на ней жениться, но что онъ покоряется необходимости жениться на мнѣ, потому что его тетка того желаетъ. Я слушала, краснѣя, эти родственные разговоры, благодаря его за скорое довѣріе, но въ глубинѣ души я взираала съ изумленіемъ на его неразуміе и недостатокъ сужденія о многихъ вещахъ. И позднѣе въ поведеніи Петра Теодоровича проявлялось то же неразуміе по отношенію къ Екатеринѣ. „Великій князь“, говоритъ она, „иногда заходилъ ко мнѣ вечеромъ въ мои покои, но у него не было никакой охоты приходить туда: онъ предпочиталъ играть въ куклы у себя; между тѣмъ ему исполнилось тогда 17 лѣтъ, мнѣ было 16; онъ былъ на годъ и три мѣсяца старше меня... Съ переездомъ въ Лѣтній дворецъ посѣщенія великаго князя стали еще рѣже. Признаюсь, этотъ недостатокъ вниманія и эта холодность съ его стороны, такъ сказать, наканунѣ нашей свадьбы, не располагали меня въ его пользу, и чѣмъ болѣе приближалось время, тѣмъ менѣе я скрывала отъ себя, что, можетъ-быть, вступаю въ очень неудачный бракъ, но я имѣла слишкомъ много гордости и слишкомъ возвышенную душу, чтобы жаловаться и чтобы даже давать поводъ людямъ догадываться, что я не считаю себя любимой: я слишкомъ цѣнила самое себя, чтобы думать, что меня презираютъ. Впрочемъ, великій князь позволялъ себѣ нѣкоторые вольные поступки и разговоры съ фрейлинами императрицы, что мнѣ не нравилось, но я отнюдь объ этомъ не говорила и никто даже не замѣчалъ тѣхъ душевныхъ волненій, какія я испытывала“. Екатерину Алексѣевну тѣмъ болѣе возмущало поведеніе великаго князя, что она ясно сознавала свое умственное превосходство надъ нимъ. Едва прѣхавъ въ Россію, она быстро поняла свое положеніе въ чуждой для нея обстановкѣ и, желая стать въ уровень съ возложенными на нее надеждами, не руководимая никѣмъ, болѣе того, даже иногда вопреки матери, естественной своей руководительницѣ, составила себѣ планъ поведенія, совершенно противоположный поведенію будущаго своего супруга. Во вновь открытой, ранней редакціи своихъ „Записокъ“ Екатерина писала

слѣдующее: „вотъ разсужденіе или, вѣрнѣе, заключеніе, которое я сдѣлала, какъ только увидала, что твердо основалась въ Россіи, и которое я никогда не теряла изъ виду ни на минуту:

- 1) нравиться великому князю,
- 2) нравиться императрицѣ,
- 3) нравиться народу.

„Я хотѣла бы выполнить всѣ три пункта, и если мнѣ это не удалось, то либо желанныя предметы не были расположены къ тому, чтобъ это было, или же Провидѣнію это не было угодно; ибо, поистинѣ, я не пренебрегала ничѣмъ, чтобы этого достигъ: угодливость, покорность, уваженіе, желаніе нравиться, желаніе поступать, какъ слѣдуетъ,—все съ моей стороны постоянно къ тому употребляемо было съ 1744 по 1761 г. Признаюсь, что, когда я теряла надежду на успѣхъ въ первомъ пунктѣ, я удваивала усилія, чтобы выполнить другія два желанія; мнѣ показалось, что не разъ успѣвала во второмъ, а третій мнѣ удался во всемъ своемъ объемѣ, безъ всякаго ограниченія какимъ-либо временемъ, и, слѣдовательно, я думаю, что довольно хорошо исполнила свою задачу. Остальное, что я скажу, лучше пояснить то, что я уже сказала. Этотъ планъ въ концѣ концовъ сложился въ моей головѣ въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ, безъ чьего-либо участія, и самое большее, что я могу сказать, это то, что онъ былъ слѣдствіемъ моего воспитанія; но если я должна сказать искренно, что я думаю, то я смотрю на него, какъ на плодъ моего ума и моей души, и приписываю его лишь себѣ одной; я никогда не теряла его изъ виду; все, что я когда-либо дѣлала, всегда къ этому клонилось, и вся моя жизнь была изысканіемъ средствъ, какъ этого достигнуть“. И Екатерина блестяще доказала свой умъ въ скоромъ времени по пріѣздѣ въ Россію. Между тѣмъ какъ ея мать тотчасъ по пріѣздѣ въ Россію спрашивала у императрицы, не можетъ ли дочь ея сохранить лютеранство, выходя замужъ за великаго князя, и во время постигшей Екатерину тяжелой болѣзни спѣшила пригласить къ ней лютеранскаго пастора, сама Екатерина, прійдя въ сознаніе, просила послать за своимъ законоучителемъ, архимандритомъ Симеономъ Тодорскимъ. Выказывая усердіе къ православію еще до официальнаго принятія его, Екатерина старательно изучала русскій языкъ и, окруженная русской прислугой, дѣлала въ немъ быстрые успѣхи. Это чрезвычайно возвысило Екатерину во мнѣніи всѣхъ русскихъ людей, и когда ея мать возбудила неудовольствіе императрицы

своими интригами, и зашла рѣчь объ ея отъѣздѣ, то императрица подавила въ себѣ это неудовольствіе лишь ради Екатерины. Но при этомъ случаѣ, пишетъ Екатерина, „я увидѣла ясно, что великій князь покинулъ бы меня безъ сожалѣнія; что меня касается, то, въ виду его настроенія, онъ былъ для меня почти безразличенъ, но безразлична была для меня русская корона“. Надобно удивляться уму и самообладанію „15-лѣтняго философа“, какъ называла себя Екатерина, во всѣхъ случаяхъ, когда люди и обстоятельства ставили ее въ фальшивое положеніе. Собственная мать ея, принцесса Иоганна-Елисавета, уже возбудивъ неудовольствіе императрицы своими сношеніями съ французскимъ посломъ Шетарди, требовала отъ дочери, чтобы она въ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ руководствовалась ея симпатіями. Екатерина, въ отвѣтъ на ядовитое поздравленіе Шетарди, что она причесана *en Moÿse*, какъ правилось императрицѣ, сказала зазнавшемуся французу, что въ угоду императрицѣ она будетъ причесываться во всѣ фасоны, какіе ей нравятся. Шетарди, услышавъ такой отвѣтъ, сдѣлавъ пируэтъ налѣво, ушелъ въ другую сторону и больше къ ней не обращался. Брюммеръ обращался къ Екатеринѣ нѣсколько разъ, жалуюсь на своего воспитанника, и хотѣлъ ею воспользоваться, чтобы исправить и образумить великаго князя, но Екатерина сказала ему, что это невозможно для нея, и что она этимъ только станетъ ему столь же ненавистна, какъ самъ Брюммеръ и другіе его приближенные; болѣе того, Екатерина сама не разъ играла и возилась съ великимъ княземъ. „У насъ обоихъ“, объясняетъ она, „не было недостатка въ ребяческой живости“. Тѣмъ не менѣе, когда великій князь сталъ бранить Екатерину за излишнюю, по его мнѣнію, набожность, за то, что она слушала въ своихъ комнатахъ заутреню во время великаго поста, она дала ему отпоръ. „Этотъ споръ“, говоритъ Екатерина, „кончился, какъ и большинство споровъ кончаются, и его императорское высочество, не имѣя за обѣдней никого другого, съ кѣмъ бы поговорить, кромѣ меня, понемногу пересталъ на меня дуться“. Тѣмъ не менѣе, не одинъ Брюммеръ, но и голштинскіе камердинеры великаго князя ожидали, что, выйдя замужъ, Екатерина возьметъ верхъ надъ своимъ супругомъ и подчинитъ его своему вліянію, и стали часто говорить ему, какъ надо обходиться съ женою. „Румбергъ, старый шведскій драгунъ“, пишетъ Екатерина, „говорилъ великому князю, что его жена не смѣетъ дышать при немъ, ни вмѣшиваться въ его дѣла, что, если только она захочетъ открыть ротъ при немъ, онъ приказываетъ ей за-

молчать, что онъ хозяинъ въ домѣ, и что стыдно мужу позволять женѣ руководить собою, какъ дурачкомъ. Великій князь по природѣ умѣлъ скрывать свои тайны, какъ пушка свой выстрѣлъ, и когда у него бывало что-нибудь на умѣ или на сердцѣ, онъ прежде всего спѣшилъ рассказать это тѣмъ, съ кѣмъ привыкъ говорить, не разбирая, кому онъ это говорить, а потому его императорское высочество самъ сразу рассказаль мнѣ всѣ эти разговоры при первомъ случаѣ, когда меня увидѣлъ; онъ всегда простодушно воображалъ, что всѣ согласны съ его мнѣніемъ, и что нѣтъ ничего болѣе естественнаго. Я отнюдь не довѣрила этого кому бы то ни было, но не переставала серьезно задумываться надъ ожидающей меня судьбой. Я рѣшила очень бережно относиться къ довѣрію великаго князя, чтобы онъ могъ, по крайней мѣрѣ, считать меня надежнымъ для меня человекомъ, которому онъ могъ все говорить безъ всякихъ для себя послѣдствій. Это мнѣ долго удавалось“.

Уже приближался день свадьбы, когда во время переезда изъ Москвы въ Петербургъ, въ селѣ Хотиловъ, Петръ Ѳеодоровичъ заболѣлъ оспой. „Когда затѣмъ императрица и великій князь возвратились въ Петербургъ“, пишетъ Екатерина, „и я увидала его, никогда еще не испытывала подобнаго испуга, какъ въ этотъ разъ. Онъ только-что оправился отъ оспы, лицо его было совсѣмъ обезображено и распухло до крайности; словомъ, если бы я не знала, что это онъ, я ни за что бы не узнала его; вся кровь во мнѣ застыла при видѣ его, и если бы онъ былъ немного болѣе чутокъ, онъ не былъ бы доволенъ тѣми чувствами, которыя мнѣ внушилъ“. Естественно, что, когда начались приготовления къ свадьбѣ, Екатерина „съ отвращеніемъ“ слышала, какъ упоминали этотъ день. „Чѣмъ болѣе приближался день моей свадьбы, тѣмъ я становилась печальнѣе, и очень часто я, бывало, плакала, сама не зная почему; я скрывала, однако, насколько могла, эти слезы, но мои женщины, которыми я была окружена, не могли не замѣтить этого и старались меня разсѣять“..... „По мѣрѣ того, какъ этотъ день приближался“, говоритъ Екатерина въ другой редакціи своихъ „Записокъ“, „моя грусть становилась все болѣе и болѣе глубокой, сердце не предвѣщало мнѣ большого счастья, одно честолюбіе меня поддерживало: въ глубинѣ души у меня было что-то, что не позволяло мнѣ ни на минуту сомнѣваться въ томъ, что рано или поздно мнѣ самой по себѣ удастся быть самодержавной русской императрицей“. Великій князь по-своему праздновалъ канунъ свадьбы, дѣлавшей его, по его мнѣнію, полноправнымъ, взро-

слымъ челоѡкомъ. Въ іюлѣ 1745 года дворъ переѣхалъ въ Петергофъ. „Здѣсь“, пишетъ Екатерина, „мнѣ стало ясно, какъ день, что всѣ приближенные великаго князя, а именно его воспитатели, утратили надъ нимъ всякое вліяніе и авторитетъ: свои военныя игры, которыя онъ раньше скрывалъ, теперь онъ производилъ чуть не въ ихъ присутствіи. Графъ Брюммеръ и старшій воспитатель видѣли его почти только въ публикѣ, находясь въ его свитѣ. Остальное время онъ проводилъ буквально въ обществѣ своихъ слугъ, въ ребячествахъ, неслыханныхъ въ его возрастѣ, такъ какъ онъ игралъ въ куклы“.

Во вновь открытой редакціи „Записокъ“ Екатерины, написанной за двадцать лѣтъ ранѣе позднѣйшей ихъ редакціи, сохранились слѣдующія подробности о днѣ ея свадьбы съ великимъ княземъ, 21 августа 1745 г., опредѣлявшія характеръ отношеній новобрачной къ ея супругу. „Около трехъ часовъ императрица въ каретѣ, съ великимъ княземъ и мною, повезла насъ торжественнымъ шествіемъ въ церковь Казанской Божіей Матери, гдѣ мы были обвѣнчаны новгородскимъ епископомъ. Принцъ, епископъ Любекскій, держалъ вѣнецъ надъ головою великаго князя, а оберъ-егермейстеръ графъ Алексѣй Разумовскій—надъ моею. Во время проповѣди, предшествовавшей нашему вѣнчанію, графиня Авдотья Ивановна Чернышева, которая стояла позади насъ съ другими придворными дамами одного съ ней положенія, подошла къ великому князю и сказала ему что-то на ухо; я услышала, какъ онъ ей сказалъ: „убирайтесь, какой вздоръ“, и послѣ этого онъ подошелъ ко мнѣ и разсказалъ, что она просила его не поворачивать головы, пока онъ будетъ стоять предъ священникомъ, потому что, кто первый изъ насъ двоихъ повернетъ голову, умретъ первый, и что она не хочетъ, чтобы это былъ онъ. Я нашла этотъ комплиментъ не особенно вѣжливымъ въ день свадьбы, но не подала и виду; но она замѣтила, что онъ мнѣ передалъ ея слова. Она покраснѣла и стала дѣлать ему упрёки, которые онъ опять мнѣ пересказалъ. Потомъ вернулись въ Зимній дворецъ, около шести часовъ сѣли обѣдать въ галлерей, гдѣ для этого поставленъ былъ балдахинъ; императрица, имѣя великаго князя по правую руку и меня по лѣвую, была подъ этимъ балдахиномъ; ступенькой ниже, рядомъ съ великимъ княземъ, сидѣла моя мать, а рядомъ со мною, противъ матери, мой дядя, принцъ, епископъ Любекскій. Послѣ ужина императрица вернулась въ свои покои, чтобы дать необходимое время унести изъ галлерей столъ и приготовить ее къ балу... На этомъ балу танцевали только полонезы, онъ продолжался не

болѣе часа, послѣ чего императрица повела насъ съ великимъ княземъ въ наши покои; дамы меня раздѣли и уложили въ постель между девятью и десятью. Я просила принцессу Гессенскую побыть со мною еще немного, но она не могла согласиться; всѣ удалились, и я оставалась одна болѣе двухъ часовъ, не зная, что мнѣ слѣдовало дѣлать: нужно ли было встать, или слѣдовало оставаться въ постели? Я ничего на этотъ счетъ не знала. Наконецъ Крузе, моя новая камеръ-фрау, вошла и сказала мнѣ очень весело, что великій князь ждетъ своего ужина, который скоро подадутъ. Его императорское высочество, хорошо поужинавъ, пришелъ спать, и когда онъ легъ, онъ завелъ со мною разговоръ о томъ, какое удовольствіе испытать бы одинъ изъ его камердинеровъ, если бы увидалъ насъ вдвоемъ въ постели; послѣ этого онъ заснулъ и проспалъ очень спокойно до слѣдующаго дня. Простыни изъ каммердука, на которыхъ я лежала, показались мнѣ столь неудобны, что я очень плохо спала, тѣмъ болѣе, что, когда разсвѣло, дневной свѣтъ мнѣ показался очень непріятнымъ въ постели безъ занавѣсокъ, поставленной противъ оконъ, хотя и убранной съ большимъ великолѣпіемъ розовымъ бархатомъ, вышитымъ серебромъ. Крузе захотѣла въ слѣдующій день разспросить новобрачныхъ, но ея надежды оказались тщетными; и въ этомъ положеніи дѣло оставалось въ теченіе девяти лѣтъ безъ малѣйшаго измѣненія¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ „Записокъ“ Екатерина сообщаетъ, что, несмотря на то, великій князь въ теченіе всего этого времени не спалъ никогда нигдѣ, кромѣ ея постели²⁾.

¹⁾ Это подтверждается донесеніемъ Шампо: „Le Grand-Duc sans s'en douter se trouvait incapable d'avoir des enfans par un obstacle, auquel la circoncision remédie chez les peuples orientaux, mais qu'il crut sans remède“. (Бильбасовъ, I, 535). Эти и нѣкоторыя другія строки пропущены въ академическомъ изданіи „Записокъ“ Екатерины.

„Telle était la honte dont l'accablait son malheur, qu'il n'eût pas même le courage de le révéler, et la princesse qui ne recevait plus ses caresses, qu'avec répugnance, et qui n'était pas alors plus expérimentée que lui, ne songea ni à le consoler ni à lui faire chercher des moyens qui le ramenassent dans ses bras“. Catéra: „Histoire de Catherine II.“, 81.

²⁾ Вопреки сказкамъ, распространявшимся врагами Екатерины (см. напр., La veau: „Histoire de Pierre III“, Paris, an VII, t. III), она до замужества сохраняла дѣвическую наивность. Вспоминая о пребываніи своемъ въ Петергофѣ передъ свадьбой, Екатерина сообщаетъ о слѣдующемъ случаѣ: „Vers la St-Pierre, toute la cour revint de Péterhof en ville. Je me souviens que la veille de cette fête il me prit fantaisie de faire coucher toutes mes dames et mes femmes de chambre aussi dans ma chambre à coucher. A cet effet, je fis étendre par terre mon lit et ceux de toute la compagnie

Екатерина въ это время сама еще во многихъ отношеніяхъ была ребенкомъ, и отношенія къ ней юнаго супруга не производили на нее такого впечатлѣнія, какъ позже. „Я очень бы любила своего юнаго супруга“, писала она въ послѣдствіи, „если бы только онъ захотѣлъ или могъ быть любезнымъ, но у меня явилась жестокая для него мысль въ самые первые дни моего замужества. Я сказала себѣ: если ты полюбишь этого человѣка, ты будешь несчастнѣйшимъ созданіемъ на землѣ; по характеру, каковъ у тебя, ты пожелаешь взаимности; этотъ человѣкъ на тебя почти не смотритъ, онъ говоритъ только о куклахъ или почти что такъ и обращаетъ больше вниманія на всякую другую женщину, чѣмъ на тебя; ты слишкомъ горда, чтобы поднять шумъ изъ-за этого; слѣдовательно, обуздывай себя пожалуйста, на счетъ нѣжностей къ этому господину; думайте о самой себѣ, сударыня. Этотъ первый отпечатокъ, оттиснутый на сердцѣ изъ воска, остался у меня, и эта мысль никогда не выходила изъ головы, но я остерегалась проронить слово о твердомъ рѣшеніи, въ которомъ я пребывала—никогда не любить безгранично того, кто не отплатитъ мнѣ полной взаимностью; но по закалу, какой имѣло мое сердце, оно принадлежало бы всецѣло и безъ оговорокъ мужу, который любилъ бы только меня, и съ которымъ я не опасалась бы обидѣ, какимъ подвергалась съ даннымъ супругомъ; я всегда смотрѣла на ревность, сомнѣніе и недовѣріе и на все, что изъ нихъ слѣдуетъ, какъ на величайшее несчастье, и была всегда убѣждена, что отъ мужа зависитъ быть любимымъ своею женой, если у послѣдней доброе сердце и мягкій нравъ: услужливость и хорошее обращеніе мужа покорять ея сердце“. Зная Петра Θεодоровича и не ожидая отъ него ничего хорошаго для себя, Екатерина должна была быть тѣмъ болѣе сдержанной въ выраженіи своихъ чувствъ къ нему, что замѣтила начинавшуюся при дворѣ интригу. „Я имѣла полное основаніе думать“, писала она въ послѣдствіи, „что въ то время очень заняты были тѣмъ, чтобы поссорить меня съ великимъ княземъ, ибо нѣсколько позже графъ Дивьеръ ни съ того, ни съ сего разсказалъ мнѣ однажды, что онъ замѣтилъ склонность великаго князя къ дѣ-

et c'est ainsi que nous passâmes la nuit; mais avant que nous nous endormîmes il s'éleva dans la compagnie une grande dispute sur la différence de deux sexes. Je crois que la plupart de nous étaient dans la plus grande innocence; pour moi je puis jurer que quoique j'eus 16 ans passés, l'ignorais absolument en quoi consistait cette différence. Je fis plus, je promis à mes femmes de questionner là-dessus le lendemain ma mère; le lendemain réellement je fis à ma mère quelques questions dont elle me gronda.

вицѣ Карръ, фрейлинѣ императрицы, а немного спустя, довѣрилъ мнѣ, что таковая же была у моего супруга къ дѣвицѣ Татищевой“.

Плохое воспитаніе, дѣтское неразуміе и дурныя наклонности наслѣдника престола, столь ярко описанныя Екатериной, извѣстны были всему двору и иностраннымъ агентамъ въ Петербургѣ. Императрица Елисавета также знала о поведеніи любимого своего племянника, но приписывала его поступки молодости и смотрѣла сначала на нихъ снисходительно, думая, вѣроятно, что „женится—перемѣнится“. Но въ началѣ 1746 года, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы Петра, его шалости дошли до того, что онъ рѣшился задѣть даже императрицу. Однажды великій князь, находясь въ своихъ покояхъ, услышалъ говоръ въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ обыкновенно обѣдала императрица со своими приближенными. Онъ тотчасъ просверлить коловоротомъ нѣсколько дыръ въ двери, отдѣлявшей его отъ этой комнаты, и увидѣлъ, что съ императрицей обѣдалъ оберъ-егермейстеръ Разумовскій въ шлафрокѣ (онъ въ этотъ день принималъ лѣкарство) и еще человекъ двадцать изъ приближенныхъ императрицы. Вслѣдъ затѣмъ онъ позвалъ насладиться этимъ зрѣлищемъ всѣхъ, кто былъ вокругъ него, а затѣмъ пригласилъ къ себѣ для этой цѣли Екатерину съ ея женщинами. „Меня испугала и возмутила его дерзость“, говоритъ Екатерина, „и я сказала ему, что я не хочу ни смотреть, ни участвовать въ такомъ скандалѣ, который, конечно, причинить ему большія непріятности, если его тетка узнаетъ, и что трудно, чтобы она этого не узнала, потому что онъ посвятилъ въ свой секретъ по крайней мѣрѣ двадцать человекъ... До воскресенья мы не слышали никакихъ разговоровъ; но въ этотъ день, не знаю какъ случилось, я пришла къ обѣднѣ нѣсколько позже обыкновеннаго; вернувшись въ свою комнату, я собиралась снять свое придворное платье, когда увидѣла, что идетъ императрица, съ очень разгнѣваннымъ видомъ и немного красная. Такъ какъ она не была за обѣдней въ придворной церкви, а присутствовала при богослуженіи въ своей малой домашней церкви, то я, какъ только ее увидала, пошла, по обыкновенію, къ ней навстрѣчу, не выдавъ ей еще въ тотъ день, поцѣловать ей руку; она меня поцѣловала, приказала позвать великаго князя, а пока побранила меня за то, что я опаздываю къ обѣднѣ и оказываю предпочтеніе нарядамъ передъ Господомъ Богомъ... Великій князь, который раздѣлся въ своей комнатѣ, пришелъ въ шлафрокѣ и съ ночнымъ колпакомъ въ

рукъ, съ веселымъ и развязнымъ видомъ, и подбѣжалъ къ рукъ императрицы, которая поцѣловала его и начала тѣмъ, что спросила, откуда у него хватило смѣлости сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ; затѣмъ сказала, что она вошла въ комнату, гдѣ была машина, и увидѣла дверь, всю просверленную, что всѣ эти дырки были направлены къ тому мѣсту, гдѣ она сидитъ обыкновенно; что, вѣрно, дѣлая это, онъ позабылъ все, чѣмъ онъ ей обязанъ; что она не можетъ смотрѣть на него иначе какъ на неблагодарнаго; что отецъ ея, Петръ I, имѣлъ тоже неблагодарнаго сына; что онъ наказалъ его, лишивъ его наслѣдства; что во времена императрицы Анны она всегда выказывала ей уваженіе, подобающее вѣнчанной главѣ и помазанницѣ Божіей; что эта императрица не любила шутить и сажала въ крѣпость тѣхъ, кто не оказывалъ ей должнаго уваженія; что онъ мальчишка, котораго она сумѣетъ проучить. Тутъ онъ началъ сердиться и хотѣлъ ей возражать, для чего и пробормоталъ нѣсколько словъ, но она приказала ему молчать и такъ разъярилась, что не знала уже мѣры своему гнѣву, что съ ней обыкновенно случалось, когда она сердилась, и наговорила ему обидныхъ и оскорбительныхъ вещей, выказывая ему столько же презрѣнія, сколько и гнѣва. Разумѣется, что это неудовольствіе императрицы Елисаветы на своего непочтительнаго племянника подало ей поводъ ближе ознакомиться съ его жизнью, и для окружающихъ ея не было уже причинъ щадить великаго князя и скрывать передъ нею его поведеніе. Во главѣ вельможъ, не расположенныхъ къ великокняжеской четѣ, былъ канцлеръ графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, который съ неудовольствіемъ видѣлъ пристрастіе Петра Θεодоровича къ нѣмцамъ и развитіе дурныхъ его наклонностей. Какъ женщина, императрица Елисавета особенно обратила вниманіе на супружескія отношенія великаго князя и Екатерины и, не зная существа дѣла, въ холодности ихъ другъ къ другу винила преимущественно великую княгиню, о которой ей было донесено, что она слишкомъ фамиллярно относится къ одному изъ старшихъ камердинеровъ великаго князя, Андрею Чернышеву. Елисавета рѣшилась теперь измѣнить обстановку великокняжеской четы, удалить окружавшихъ ее голштинцевъ съ Брюммеромъ во главѣ, перемѣнить ея прислугу и, кромѣ того, назначить для надзора за образомъ жизни Петра Θεодоровича и его супруги особыхъ довѣренныхъ лицъ, преподавъ имъ надлежащія инструкціи. Инструкціи эти поручено было написать графу Бестужеву, которымъ онъ „по чинимымъ въ нынѣшней младости проступ-

камъ во всѣхъ пунктахъ сочинены". Цѣлю лица, приставленнаго къ великому князю, было поставлено, чтобъ „его императорское высочество, яко нашъ избранный и объявленный наслѣдникъ имперіи и престола, впредь нашей имперіей державствовать имѣеть... серіознымъ упражненіемъ себѣ къ тому изодня въ день искуснѣе и достойнѣе учинить и всей націи любовь выщепріобрѣсти могъ". Лицу этому повелѣно было неотступно быть при великомъ князѣ и именемъ государыни дѣломъ и совѣтомъ во всѣхъ случаяхъ „помогать вездѣ и охранять отъ каждаго". Въ отдѣльныхъ пунктахъ инструкціи перечисляются тѣ „проступки нынѣшней младости" великаго князя, отъ которыхъ долженъ былъ остерегаться новый его дядька. Требовалось, чтобы Петръ Ѳеодоровичъ „преданія Православной Греческой вѣры крайнѣйше наблюдалъ", Божіей службѣ въ прямое время съ усердіемъ и надлежащимъ благоговѣніемъ, гнушаясь всякаго небреженія, холодности и индифферентности (чѣмъ всѣ, въ церкви находящіеся, явно озлоблены бывають), присутствовалъ; чинамъ Святѣйшаго Синода и всему духовенству надлежащее почтеніе отдавалъ, особливо же своего духовника, когда оный о Божіей службѣ оповѣщаетъ, или за инымъ чѣмъ по своей должности прійдетъ, самого къ себѣ допускалъ и наставленія его въ духовныхъ вещахъ охотно и со вниманіемъ выслушивалъ". Обращено было вниманіе на ученіе великаго князя и велѣно препятствовать „чтенію романовъ, игранію на инструментахъ, егерями и солдатами или иными игрушками и всякимъ шуткамъ съ пажами, лакеями или иными негодными и къ наставленію неспособными людьми". Нужно было наблюдать, „дабы его высочество публично всегда серіознымъ, почтительнымъ и пріятнымъ казался, при веселомъ же нравѣ непрестанно съ пристойною благоразумностію поступалъ, не являя ничего смѣшного, притворнаго и подлаго въ словахъ и минахъ". Доходя до мелочей обыденной жизни великаго князя, составитель инструкціи счелъ необходимымъ даже требовать, чтобы великій князь „за столомъ, вмѣсто негодныхъ и за столомъ великихъ господъ непристойныхъ шутокъ и рѣзкости, разумными разговорами по обстоятельству времени, и случаевъ себя увеселялъ; отъ всего же неприличнаго въ дѣлѣ и словѣ, особливо же отъ не позволительнаго злоупотребленія дарованій Божіихъ, отъ шалостей надъ служащими при столѣ, а именно отъ залитія платей и лицъ, подобныхъ тому неистовыхъ издѣваній надъ бѣдными служителями, вамъ, силою сего Нашего всевысочайшаго повелѣнія и такъ, яко бы Мы сами въ при-

судствіи были, воздерживать падлежитъ“. Игры съ лакеями также осуждены были въ инструкціи. „Его высочество, для соблюденія должнаго къ себѣ респекта, всякой пагубной фамиліарности съ комнатными и иными подлыми служителями воздерживаться имѣть, и Мы вамъ повелѣваемъ ихъ въ пристойныхъ предѣлахъ содержать, никому изъ нихъ не позволять съ докладами, до службы ихъ не касающимися, и иными внушеніями или наущеніями къ его императорскому высочеству подходить, и имъ всякую фамиліарность, податливость въ непристойныхъ требованіяхъ, притаскиваніе всякихъ бездѣльныхъ вещей, а именно: палатокъ, ружей, барабановъ и мундировъ и прочее, накрѣпко и подъ опасеніемъ наказанія запретить, яко же Мы едва понять можемъ, что нѣкоторые изъ оныхъ продерзость возымѣли такъ названной полкъ въ покояхъ его императорскаго высочества учредить и себя самихъ командующими офицерами передъ Государемъ своимъ, кому они служатъ, сдѣлать особливые мундиры съ иными офицерскими знаками носить и многія иныя непристойности дѣлать, чѣмъ его императорскаго высочества чести и достоинству крайнѣйшее предосужденіе чинится, военное искусство въ шутки превращается, а его императорскому высочеству отъ тѣхъ неискусныхъ людей противныя и ложныя мнѣнія объ ономъ вселяются. По требованію же его императорскаго высочества, всегда для существительной его пользы такое распоряженіе учинено быть можетъ, что всѣ военныя экзерциціи и то, въ чемъ прямая служба состоитъ, Нашими офицерами покажется“. Въ супружескихъ отношеніяхъ великаго князя инструкція требовала, чтобы „для содержанія ненаружимаго и совершеннаго согласія, брачной повѣренности и любви всѣ способы и увѣщанія были употреблены“, „наименьше же допускать, чтобы между толь высокосочетавшимися какое прегорченіе вкоренилось или же бы въ присутствіи дежурныхъ кавалеровъ, дамъ и служителей, колыми меньше же при какихъ постороннихъ что-либо запальчивое, грубое или непристойное словомъ и дѣломъ случалось“.

Этотъ officialный документъ говоритъ намъ не менѣе ясно, чѣмъ „Записки“ Екатерины, о ребячествѣ и дѣтскомъ неразуміи ея супруга, хотя онъ былъ уже въ это время объявленъ совершеннолѣтнимъ и принялъ управленіе Голштиніей. Въ инструкціи для великой княгини мы не встрѣчаемъ никакого яснаго указанія на „чинимые въ нынѣшней младости проступки“, кромѣ указаній на ея фамиліарность къ прислугѣ

и купцамъ, приносившимъ товары, но тѣмъ сильнѣе, во второмъ пунктѣ инструкціи, указывается на ея супружескія обязанности къ великому князю. Императрица виновницей холодныхъ отношеній между супругами считала главнымъ образомъ Екатерину, и въ этой мысли укрѣпляли интриги окружающихъ ее лицъ, главнымъ образомъ Бестужева. Въ инструкціи указывалось, чтобы „ея императорское высочество съ своимъ супругомъ всегда со всеудобовымышленнымъ добрымъ и привѣтливымъ поступкомъ, его нраву угожденіемъ, уступленіемъ, любовію, пріятностію и горячестію обходилась и генерально все то употребляла, чѣмъ бы сердце его императорскаго высочества совершенно къ себѣ привлечь, какимъ бы образомъ съ нимъ въ постоянномъ добромъ согласіи жить; всѣ случаи къ нѣкоторой холодности и оскорбленію избѣгать, и потому себѣ самой и своему супругу наисладчайшее и благополучнѣйшее житіе, а намъ желаемое исполненіе Нашихъ полезныхъ матернихъ видовъ исходатайствовать и всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ усердное желаніе исполнить“; сочли нужнымъ напомнить великой княгинѣ и то, что „ея супругъ не только ея Государь, но со временемъ ея Императоръ, а она тогда въ совершенномъ покореніи его будетъ“.

Е. С. Шумигорскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тирасполемъ ¹⁾.

Доводя изложеніе обстоятельствъ дѣла до наступленія рокового конца и ознакомившись съ общими условіями жизни скита, приведшими къ этому концу, интересно остановиться на изложеніи нѣкоторыхъ индивидуальныхъ особенностей, характеризующихъ личность Виталіи и созданнаго ею преступленія, такъ какъ ими въ значительной степени объясняется послѣдующее. Отъ нея, какъ отъ центра, исходили всѣ нити жизни обитателей скита и ея господство надъ ними, за немногими исключеніями не допускало, какъ мы видѣли, никакого проявленія независимости. Ея сильная натура не мирилась съ инымъ положеніемъ и, тѣмъ не менѣе, приходится отмѣтить, что Виталіи не удалось вытравить полностью индивидуальныя особенности преклонявшихся предъ нею лицъ. Но лица эти реагировали на внесенное въ нихъ Виталіей сознание необходимости борьбы съ антихристомъ далеко не одинаково. Такъ, глухонѣмой братъ Ѳ. Ковалева Дмитрій, жившій съ матерью и любимый ею, не въ состояніи былъ разобраться въ томъ наплывѣ чувствъ и ощущеній, которыя были возбуждены въ немъ. Произведенный Виталіей въ монахи и живя неустанно при ней и при своей матери, онъ былъ какъ бы пришибленъ теченіемъ сосредоточившихся въ скитѣ событій и сошелъ со сцены жизни, повидимому и не дѣлая попытокъ примиренія съ нею. Иначе проявила себя его сестра Ульяна, проживавшая въ томъ же скитѣ. Она, также какъ и братъ ея Дмитрій, не находила средствъ

¹⁾ См. „Русская Старина“ октябрь 1913 г.

для самозащиты, но разница между ними была въ томъ, что она шла на гибель видимо съ глубокой вѣрой въ правильность указаннаго Виталіей пути. Мы видѣли, какою несчастною почувствовала она себя, когда, несмотря на ея энергичные протесты, она была узнана и самоличность ея удостовѣрена властями. Она рѣшила заморить себя въ тюрьмѣ голодомъ и повиному была близка къ достиженію этой цѣли. О. Ковалевъ показалъ, что, шатаясь отъ изнеможенія и съ почернѣвшимъ лицомъ, ибо 8 дней не ѣла, Ульяна еле слышнымъ голосомъ просила меня вырыть яму и для нея четвертой. Я убѣждалъ Ульяну не дѣлать этого, говорилъ, что она и такъ умретъ отъ голода, мнѣ было жалко закапывать сестру, но она настаивала, а Виталія сказала, что это святое дѣло. Я согласился.

Были и такіе обитатели скита, которые, сознавая всю важность переживаемаго момента и не находя дѣйствительныхъ средствъ спасенія, искали такового въ бѣгствѣ. Таковымъ оказывается Платонъ Поляковъ, тщетно розыскивавшійся властями. 14-мая явился онъ къ судебному слѣдователю г. Тирасполя и заявилъ, что передъ наступленіемъ переписи, услыхавъ, что нужно приписаться къ Терновкѣ, въ противномъ случаѣ посадятъ въ тюрьму, онъ испугался этого и рѣшилъ съ женой и 4-мя сыновьями выѣхать въ Тобольскую губ., но по дорогѣ раздумалъ и, доѣхавъ до Харьков. губ., вернулся назадъ.

Но особенно трагична оказалась судьба сестры Виталіи, Елизаветы Макѣевой, проживавшей въ г. Николаевѣ. На этомъ частномъ случаѣ съ особенной ясностью обнаруживается духовная сила Виталіи, а поэтому онъ заслуживаетъ особаго вниманія.

Дочь Елизаветы Макѣевой Марія Денисова показала, что: 19 декабря 1896 г. моя мать Елисавета получила письмо отъ тетки Виталіи о томъ, что Виталія больна и проситъ ее пріѣхать къ ней проститься. Письма этого я не читала. На другой день мать моя поѣхала къ Виталіи и взяла съ собою полученное отъ Виталіи письмо. До этого мать моя никогда въ Терновскіе плавни не ѣздила. Передъ отъѣздомъ мать сдѣлала разныя распоряженія по хозяйству и говорила, что пріѣдетъ такъ на третій день Рождества и ничего ровно подозрительнаго въ дѣйствіяхъ ея я не замѣтила, не думала, что мать не вернется. На первый день Рождества отецъ получилъ телеграмму отъ брата Аристарха, изъ Одессы: „мамаща скончалась, подробности письмомъ“, мы даже не думали, что умерла

мать, а предполагали, что на телеграфѣ ошиблись и что умерла тетка Виталія, а не мать. Дня черезъ четыре послѣ телеграммы мы получили письмо отъ брата, въ немъ прислано было письмо Виталіи Аристарху, въ которомъ Виталія пишетъ, что мать приѣхала больная и на третій день послѣ приѣзда скончалась отъ простуды. Въ этомъ же письмѣ указаны были распоряженія матери на случай смерти.

Письмо это, писанное Виталією, имѣется при дѣлѣ. Вотъ его содержаніе: „Многоуважаемый Аристархъ Яковлевичъ, кланяюсь тебѣ я, Виталія, извѣщаю тебѣ, что ваша мамаша пожелала вамъ всего хорошаго, а сама отыде отъ житія сего мѣсяца декабря 24 (R G) дня и просила она тебя усердно, со слезами, при кончинѣ своей, чтобы ты съѣздивъ домой извѣстить отца своего Якова Михайловича и всѣмъ чадамъ ея, чтобы они ее поминули, сколько ихъ усердія, и просила она тебя усердно, чтобы ты самъ поѣхалъ и разсказалъ Манѣ за посылку, чтобы она потрудилась исполнить ея приказаніе—раздать кому что слѣдуетъ. Шубу отдать, у кого взяла, а Соничѣвъ отдать скитское покаяніе и шаль теплую и денегъ рубля два, а деньги лежать въ теплой юбкѣ въ карманѣ двадцать рублей, еще 3 рубля отдать Чуткову въ пекарню, а двадцать копеекъ Безноповцу, за медь Чернышеву, и Маріи Федоровнѣ отдай, какая есть у васъ ея книжка и денегъ рубля три, юбку теплую и кофту отдай крестной Наталіи Гавриловнѣ и бурнусъ отдай, если не жалко. Болѣе писать не могу. Остаюсь навсегда твоя добροжелательница (i a) Виталія.

Время написанія письма неизвѣстно, конверта нѣтъ. Трупъ Елизаветы былъ (какъ увидимъ дальше) найдемъ зарытымъ въ Плавняхъ“.

Ни содержаніе этого письма, ни безучастный и холодный, чуть не канцелярскій тонъ этого письма не даютъ никакихъ данныхъ для выясненія внезапной смерти Елизаветы. Не даютъ ничего для этого и многочисленные свидѣтели, родственники Елизаветы. Цѣлому ряду близкихъ родственниковъ покойной Елизаветы, а именно Татьянѣ Панковой, ея мужу и сыну—Денисовымъ, былъ предложенъ судебнымъ слѣдователемъ вопросъ, какъ объяснить, что Елизавета рѣшилась зарыться въ землю тотчасъ по приѣздѣ къ Виталіи, не обнаруживая при этомъ никогда ранѣе того влеченія къ самоубійству и не исповѣдая ея расколоученія? Никто изъ этихъ лицъ не въ состояніи былъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, при чемъ мужъ Елизаветы замѣтилъ, что „наши старообрядцы считаютъ зарытіе себя въ землю

живыми—грѣхомъ“. И дѣйствительно трудно понять этотъ фактъ, если только не объяснить его чрезвычайною силою духовнаго вліянія, которымъ обладала Виталія. Татьяна Панкова, пробывшая у Виталіи одновременно съ сестрою Елизаветою, ничего не въ состояніи была объяснить относительно смерти Елизаветы; она лишь замѣтила, что въ скитѣ всѣ были серьезны и возбуждены; „О. Ковалевъ говорилъ, что кое-что ожидаютъ, потому что слышали, что будетъ перепись, что старообрядцевъ будутъ насильно поворачивать въ православіе“. Виталія свидѣтельница ничего не говорила. Какъ объяснить также, что внезапно оканчивая жизнь насильственно, на мысль объ оставляемыхъ ею близкихъ людяхъ, а заботы о судьбѣ находившейся при ней ничтожной собственности сосредоточивали на себѣ вниманіе послѣднихъ моментовъ сознательной жизни!

Въ показаніи О. Ковалева мы находимъ свѣдѣнія о томъ, что эта побѣда Виталіи досталась ей не безъ труда, на второй день послѣ пріѣзда Елизаветы. „Виталія мнѣ передавала, говоритъ Ковалевъ, что Елизавета долго и упорно не поддавалась“, а подъ конецъ согласилась. Такое молниеносное внушеніе Виталіи въ отношеніи Елизаветы не можетъ быть объяснено ненормальнымъ состояніемъ душевныхъ силъ послѣдней, т. е. въ дѣлѣ не обнаружено никакихъ данныхъ для подкрѣпленія этого предположенія. Сдѣланныя же до смерти Елизаветою распоряженія о своемъ движимомъ имуществѣ свидѣлствуютъ о томъ, что она при полномъ сознаніи удалялась въ вѣчность.

Другимъ примѣромъ чрезвычайнаго увлеченія, созданнаго Виталіей, могутъ служить условія, при которыхъ погибъ, закопавшись, въ числѣ многихъ, Губла Павловъ.

Въ этомъ отношеніи весьма важнымъ представляется показаніе его жены, излагающей въ подробностяхъ, какъ осуществилъ нафанатизированный Виталіею ея мужъ свою рѣшимость умереть съ своею малолѣтнею дочерію и съ какимъ жестокимъ безучастіемъ держалъ онъ ее, беременную, въ неизвѣстности относительно этой своей рѣшимости.

Настасія Павлова показала 27 декабря прошлаго года, на третій день Рождества, уже когда темно стало, меня не было дома, я рубила въ саду дрова. Двухлѣтняя дочь моя Александра оставалась на попеченіи сестры мужа Акулины. Возвращаясь изъ сада, я увидѣла, что идетъ изъ дома мой мужъ вмѣстѣ съ дочкой. Въ то время былъ снѣгъ. Я спросила, куда онъ идетъ, и онъ сказалъ, что онъ идетъ къ моей бабушкѣ по отцу Оеклѣ Бочаровой, получить съ дочки ея слѣдующія за

коняку деньги и скоро вернется. Одѣтъ онъ былъ въ шубу и въ кожаные сапоги, дѣвочка же была одѣта въ новое платье и взята имъ была на руки въ шубу. Нѣкоторое время спустя отъ Оеклы Бочаровой пришелъ братъ мужа Семенъ и на вопросъ, нѣтъ ли тамъ моего мужа, сказалъ, что его не было. Это меня крайне удивило и такъ какъ онъ кромѣ какъ у моей бабушки по матери Александры Ковалевой ни у кого не бывалъ, то я и пошла туда, но тамъ было темно, я никого достучаться не могла и потому вернулась домой. Съ того времени его и дочери Александры до нынѣ нѣтъ. Онъ оставилъ меня въ положеніи, и я три недѣли назадъ родила другого ребенка. Передъ тѣмъ какъ пропасть, мужъ не разъ спрашивалъ меня, не поѣду ли я съ нимъ, но куда, не объяснялъ, говорилъ лишь, что узнаю, когда поѣду, а я ему отвѣчала, что куда мнѣ ѣхать въ положеніи.

Это показаніе Настасьи Павловой нашло, въ соотвѣтствующихъ частяхъ, подтвержденіе въ показаніяхъ другихъ свидѣтелей, при чемъ и въ отношеніи Гублы Павлова устанавливается тотъ любопытный фактъ, что даже въ моменты высшаго напряженія религіознаго экстаза и приближенія къ мучительной смерти мысль о судьбѣ оставляемаго имущества не переставала заботить отходящихъ въ вѣчность. Такъ, свидѣтельница Лукерья Павлова, — жена родного брата Гублы Павлова Семена, показала, что дней за 8 до исчезновенія онъ позвалъ къ себѣ въ хату мужа моего Семена и сказалъ ему, что, быть можетъ, онъ уѣдетъ, или быть можетъ его заберутъ въ острогъ, а потому онъ оставляетъ свою землю поровну женѣ своей и сестрѣ Акулинь. Услыхавъ, въ день исчезновенія Гублы, что его съ ребенкомъ нѣтъ отъ Александры Ковалевой, свидѣтельница стала бранить Настасію Павлову за то, что она отдала дитя, зная, что они собираются ѣхать. Анастасья заплакала и вмѣстѣ съ золовкой Акулиной тотчасъ же побѣжала въ усадьбу Александры Ковалевой. По возвращеніи оттуда она сказала, что тамъ темно, вездѣ тихо и что, вѣроятно, они уѣхали. На слѣдующій день я сама пошла къ Александрѣ Ковалевой и стала спрашивать ее, гдѣ Губла. Она сказала, что онъ уѣхалъ въ Тайгу, что у нихъ есть газета, въ которой писано про Тайгу, но зачѣмъ онъ туда уѣхалъ, не объяснила. Вообще она съ нами мало говорила. Въ отношеніи момента ухода Гублы изъ дома свидѣтельница Акулина Тихинская показала, что по просьбѣ Гублы я одѣла дѣвочку въ чистое платье, онъ взялъ ее на руки, завернулъ въ шубу и отпра-

вились. Намѣреніе Гублы побывать у бабушки вмѣстѣ съ внучкой нисколько насъ не удивило.

Губла высказывалъ, что ему надо разсчитаться съ Бочаровой, которая должна ему за купленную у него лошадь 8 рублей. Нельзя безъ смущенія не остановиться надъ оцѣнкою поведенія Гублы Павлова!

Какая въ дѣйствіяхъ его прямолинейность въ достиженіи разъ поставленной цѣли—отрѣшенія отъ жизни, въ которой главенствуетъ антихристъ. Какая атрофія родительскихъ чувствъ со стороны отца, безъ всякихъ видимыхъ колебаній, посредствомъ обмана, уводящаго на лютую смерть отъ матери ея ребенка и оставляющаго эту мать—свою жену—беременную отъ него на произволъ судьбы.

Мы довели, такимъ образомъ, изложеніе обстоятельствъ настоящаго дѣла до рѣшительныхъ моментовъ битвы съ антихристомъ—до полныхъ глубокаго драматизма моментовъ смерти добровольныхъ жертвъ осилившаго ихъ религіознаго изувѣрства. При изложеніи обстоятельствъ, характеризующихъ эти моменты, мы встрѣтимся точно также съ такими частностями, которыя полны захватывающаго интереса.

Произошли, по представленію Виталіи и ея послѣдователей, первыя схватки съ антихристомъ и его слугами. Врагъ не восторжествовалъ, онъ смутился передъ рѣшимостью людей, искавшихъ отъ него спасенія въ смерти. Заключенныхъ отпустили на волю въ Плавни, но не легко досталась эта относительная побѣда. Уже есть люди, принявшіе на себя мучительную смерть. Что касается тѣхъ, которые освобождены были изъ тюрьмы, то по показаніямъ лицъ, видѣвшихъ освобожденныхъ, по возвращеніи ихъ въ Плавни, они производили впечатлѣніе до послѣдней степени изнуренныхъ голодомъ людей, видимо задавшихся цѣлью покончить съ своимъ земнымъ существованіемъ посредствомъ воздержанія отъ пищи. Не достигнувъ этой цѣли въ тюрьмѣ, они, возвращенные въ Плавни, не примирились съ жизнью и стали только искать новыхъ путей къ осуществленію своей рѣшимости, въ видахъ спасенія отъ антихриста. Надо спѣшить, надо использовать короткий промежутокъ времени, предоставленный вѣрнымъ сынамъ Божиимъ, и по возвращеніи въ разрушенный скитъ начинается естественно усиленная и энергичная дѣятельность Виталіи.

В. Случевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

За 38 лѣтъ.

Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній: посвящаются памяти

Милія Алексѣевича Балакирева.

II 1).

Вторично я снова увидѣла „его“ издали. На этотъ разъ изъ оконъ нашей квартиры. Онъ переѣзжалъ на яликъ Фонтанку. Я подозвала къ окнамъ моихъ маленькихъ дочерей, знавшихъ его по моимъ рассказамъ, и показала имъ его. Онъ былъ въ такомъ же, какъ раньше, но болѣе новомъ, лучшемъ пальто и въ своей традиціонной суконной шапочкѣ.

Мигъ... и онъ вышелъ на набережную и скрылся изъ нашихъ глазъ.

Черезъ нѣсколько дней, возвратясь изъ Аничкова Дворца, гдѣ былъ приемъ у Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, одинъ изъ моихъ друзей передалъ мнѣ, что видѣлъ Балакирева на приемѣ, познакомился съ нимъ, рассказалъ ему, гдѣ я живу, и даже пригласилъ Милія Алексѣевича навѣстить меня.

— Онъ, вѣрно, завтра будетъ у васъ,—сказалъ мнѣ мой знакомый, и, дѣйствительно, на слѣдующій день я кончала завтракать, когда послышался звонокъ, и лакей доложилъ о Миліи Алексѣевичѣ.

Я вышла въ гостиную и черезъ нѣсколько секундъ услышала скрипъ шаговъ, не прежнихъ, знакомыхъ мнѣ, быстрыхъ и стремительныхъ, а старческихъ, хотя все еще скорыхъ.

Черезъ мгновеніе—онъ держалъ мою руку въ обѣихъ своихъ и цѣловалъ ее (чего раньше никогда не дѣлалъ), какъ онъ цѣ-

1) См. „Русская Старина“, октябрь 1913 г.

ловать руку маленькой Наинѣ и другимъ немолодымъ дамамъ... И, также какъ и имъ, заглядывалъ въ мое лицо.

Я отвѣчала ему поцѣлуемъ въ лобъ (чего тоже раньше никогда не дѣлала), и мы сѣли и стали бесѣдовать.

Послѣ долгой разлуки—всегда трудно бываетъ вести задушевный разговоръ. Кромѣ того я говорила уже раньше, что простыхъ, житейскихъ разговоровъ у меня съ Миліемъ Алексѣвичемъ никогда не бывало, и теперь я чувствовала себя... въ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы.

Но мало-по-малу я, коротко отвѣчая на его вопросы, рассказала ему все, что онъ желалъ знать, услышала замѣчанія и отвѣты, показала ему моихъ дѣтей... и еще яснѣе, чѣмъ въ первый разъ, почувствовала, что „что-то“ не то, что „что-то“ не прежнее...

И да... даже глаза его погасли, были уже не тѣ...

Вообще онъ показался мнѣ такимъ, какъ кажется садъ, паркъ или домъ, оставшійся въ воспоминаніи громаднымъ,—когда человѣкъ видитъ его много лѣтъ спустя: нѣтъ той величины, нѣтъ той необозримости, той вышины, таинственности и красоты!..

Слава Богу, это впечатлѣніе длилось лишь до того времени, когда Милій Алексѣвичъ сталъ бесѣдовать о духовныхъ, музыкальныхъ, политическихъ и вообще высокихъ предметахъ. Тогда я узнала моего великаго, дорогого учителя...

Но въ это первое наше свиданіе я дѣйствительно почувствовала, что я не только доросла до моего, казавшагося мнѣ раньше недосыгаемымъ, стараго друга, но въ житейскомъ опытѣ, но въ опѣнкѣ, если не всѣхъ, то многихъ людей и фактовъ, я переросла его.

И это сознаніе осталось уже во мнѣ навсегда. Оно же дружески сблизило меня съ Балакиревымъ и дало поводъ и къ простымъ разговорамъ, и къ перепискѣ.

Уходя отъ меня послѣ перваго свиданія, Милій Алексѣвичъ сказалъ мнѣ: „я къ вамъ скоро-съ заверну вечеромъ“, и дѣйствительно онъ не только „скоро-съ“ завернулъ разъ, но сталъ приходить довольно часто и всякій разъ „угощалъ“, по его выраженію, меня и моихъ друзей музыкой.

А мы сидѣли и съ восторгомъ, чуть дыша, слушали его.

Я, впрочемъ, уже критически относилась къ его игрѣ, помня какъ онъ игралъ раньше, и сравнивая его и съ нимъ самъ имъ и съ другими великими пианистами. Но мои друзья, которые никогда не слышали его, приходили отъ его игры въ тотъ вос-

торгъ, въ то глубокое волненіе, которое вызываетъ у музыкальных натуръ—слезы.

И я съ радостью наблюдала за этими слезами.

Въ свѣтскомъ кругу имя Балакирева было (да и есть) мало извѣстно. О немъ еще слыхали, какъ о композиторѣ; съ улыбкой вспоминаютъ: „да!... Онъ глава могучей кучки!...“ Но какъ фортепіаннаго исполнителя его не только не ставятъ рядомъ съ братьями Рубинштейнами и другими великими виртуозами, но какъ-то совсѣмъ никуда не ставятъ, не знаютъ даже, что онъ былъ,—какъ выражался П. И. Чайковскій, „превосходный піанистъ“.

Не знали этого и мои друзья и друзья, моихъ друзей, какъ не знали они и того, что Милій Алексѣвичъ особенный человекъ по уму, духу и развитію.

Такъ, разъ я услышала отъ одной дамы, часто видѣвшей его при дворѣ Государя Александра III, что онъ ей не нравится, что онъ ханжа. Мнѣніе это было составлено ею на основаніи того, что на первое же приглашеніе къ высочайшему завтраку Балакиревъ отвѣчалъ отказомъ, сказавъ, что онъ скромнаго не ѣстъ.

Отвѣтъ этотъ всѣмъ тогда при дворѣ показался дикимъ, страннымъ, какой-то позой... Но я (гораздо позднѣе), узнавъ этотъ отвѣтъ, какъ могла, горячо вступилась передъ моей знакомой за Балакирева.

Онъ... и поза—это были двѣ взаимно исключаются противоположности.

Страшно самолюбивый, невольно чувствовалъ свое превосходство надъ большинствомъ людей не только въ музыкальномъ, но и во всякомъ отношеніи,—Балакиревъ въ противоположность гр. Л. Н. Толстому никогда не „эволюционировалъ“. Въ музыкальномъ смыслѣ онъ, какъ родился, такъ и остался на той же дорогѣ, не уклоняясь ни на іоту ни вправо, ни влѣво, только развиваясь, только расширяя свои горизонты, свой „бывшій ключемъ талантъ“, не зная ни колебаній, ни сомнѣній, не останавливаясь ни передъ какими препонами: недоброжелательствомъ, ложью или плохо-понимаемымъ классицизмомъ и пр., безъ словъ чувствуя одно: „ты самъ свой высшій судъ. Всѣхъ лучше оцѣнить умѣешь ты свой трудъ: ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ? Доволенъ, такъ пускай... и т. д.“

И онъ дѣйствительно былъ и (къ себѣ и къ другимъ) взыскателемъ, какъ никто, и цѣнитель, какъ мало кто. Въ немъ

точно была, если можно такъ выразиться, музыкальная совѣсть, музыкальный магнитъ, безошибочно указывающій путь.

То же было и въ религіозномъ, и въ философско-нравственномъ отношеніи, но тутъ путь открылся не сразу, не шатаньемъ, не исканіемъ, не эволюціонированьемъ, а бурной революціей, раздавившей древняго человѣка, обезглавившей множество прежнихъ идей, понятій, представленій, убившей одинъ міръ, одно міросозерцаніе и родившей новый міръ, царство не отъ міра сего.

Съ этой-то минуты Балакиревъ и сталъ многимъ казаться безумнымъ (...„для эллиновъ же безуміе...“), но поступиться своимъ сокровищемъ онъ уже не могъ ни для кого въ мірѣ.

Это сознаніе, это рожденіе отъ Духа и заставило его отвѣтить отказомъ на приглашеніе къ высочайшему завтраку.

Государь Александръ III понялъ цѣльность натуры Балакирева и приказалъ, чтобы для Балакирева къ высочайшему завтраку всегда подавались отдѣльныя, постныя блюда.

Такъ это впродъ и дѣлалось.

Тутъ невольно мнѣ припоминается одинъ случай съ Миліемъ Алексѣевичемъ, когда мнѣ было лѣтъ 16. Мы жили тогда частъ лѣта въ Павловскѣ, и разъ въ недѣлю Балакиревъ пріѣзжалъ ко мнѣ на урокъ.

Пріѣзжалъ онъ по вторникамъ, часамъ къ 11-ти, давалъ урокъ и тотчасъ уходилъ, спѣша на поѣздъ. Какъ ни предлагали мы ему остаться завтракать, какъ между собой ни жалѣли, что онъ долженъ быть голоденъ,—онъ наотрѣзъ отказывался и только говорилъ: „вотъ стаканчикъ чая-съ я выпью съ удовольствіемъ, а больше-съ ничего не надо... Ничего-съ!..“.

Онъ цѣловалъ руку моей матери, если она предлагала ему остаться, и или тотчасъ, торопясь, уходилъ или, если это было во время урока, обращался ко мнѣ: „ну-съ, начните еще отсюда...“.

Однажды отецъ мой, встрѣтившись съ нимъ на вокзалѣ, заручился всеже его согласіемъ позавтракать у насъ въ слѣдующій разъ, причемъ обѣщалъ, что для него все будутъ постныя блюда.

За этимъ завтракомъ мы узнали, что Милій Алексѣевичъ постится не только по средамъ и пятницамъ, какъ мы думали, но постится всегда, т.-е. никогда не ѣстъ никакого мяса.

Кто-то (не помню кто) спросилъ:

— Отчего?... Вы считаете это... вреднымъ, или просто такъ?..

— Нѣтъ-съ... Я не выношу мяса!..—послѣ короткой запинки,

(такъ мнѣ тогда показалось) отвѣчалъ Балакиревъ.— Оно мнѣ не полезно-сь. У меня всегда тошнота послѣ него...

— А супы?—спросилъ отецъ.

— И супы никогда не ѣмъ. Вотъ уху или грибной бульонъ... А мясо не люблю-сь.

Стали говорить объ идіосинкразіи, и разговоръ замотался и перешелъ на что-то другое.

Прошло нѣсколько недѣль, и нѣсколько разъ Балакиревъ завтракалъ у насъ. Любимыми его блюдами тогда былъ картофель во всѣхъ видахъ и наръзанные ломтиками огурцы. И вдругъ разъ онъ измѣнилъ часъ урока, пріѣхалъ позднѣе и остался обѣдать.

Намъ всѣмъ подали супъ—грибную похлебку, и такъ какъ я знала, что она всегда дѣлается у насъ на мясномъ бульонѣ, какъ только лакей внесъ миску, я ахнула и хотѣла предупредить Милія Алексѣевича, чтобы онъ не ѣлъ ее, но только открыла ротъ, какъ отецъ строгимъ взглядомъ остановилъ меня.

Послѣ закуски за обѣдомъ Балакиревъ спросилъ: „а кто у васъ готовитъ?“ и узнавъ, что поваръ, похвалилъ его.

— Знаете-сь, онъ прекрасно-сь готовить. Вотъ эту похлебку это рѣдко-сь... Да, можетъ быть она скоромная?—прервалъ онъ самъ себя и съ серьезнымъ, тревожнымъ вопросомъ въ глазахъ взглянулъ на отца, но... но отецъ сталъ „ротиться и кляться“, какъ я это называла, что она на рыбномъ бульонѣ!..

Никакой тошноты, никакого недомоганья у Милія Алексѣевича не произошло (онъ долго сидѣлъ у насъ въ этотъ вечеръ), но мнѣ было непріятно, и также, я знала, было непріятно моей матери, что у насъ въ домѣ его обманули, обманули его довѣріе, заставили его нарушить его обѣтъ. Отецъ же, наоборотъ, когда онъ уѣхалъ, добродушно смѣялся и вспоминалъ про какого-то архіерея, которому понравилась гдѣ-то, какая-то уха, какъ дѣлать которую владыка послалъ узнавать своего повара; какъ поваръ этотъ доложилъ владыкѣ, что уха на рябичьемъ бульонѣ, а владыка отвѣтилъ ему: „я посылаю тебя учиться дѣлать уху, какъ мнѣ нравится, а не рассказывать мнѣ, изъ чего она дѣлается“...

Но рассказы эти меня не утѣшали, и на сердцѣ лежалъ камень.

Между тѣмъ Милій Алексѣевичъ, должно быть, что-то почувствовалъ, о чемъ-то догадался, потому-что никогда уже не захотѣлъ больше у насъ ѣсть суповъ.

.....

Въ первые раза, приходя теперь ко мнѣ по вечерамъ, Балакиревъ исключительно игралъ для меня и двухъ самыхъ близкихъ моихъ друзей, не считая моихъ маленькихъ дочерей и ихъ гувернантокъ. Игралъ онъ на моемъ Стейнвейѣ (Steinway), но Стейнвей былъ уже старъ, вдобавокъ совершилъ моремъ, кругомъ Европы, путешествіе на Кавказъ, во время путешествіе простудился... Дѣка его треснула, и онъ хрипѣлъ и гнусавилъ, а нижнія ноты его гудѣли.

Первый разъ, подойдя къ нему и стоя, не садясь, попросивъ его, Милій Алексѣевичъ, улыбаясь, спросилъ:

— Это вашъ прежній?

И, узнавъ, что да, прежній, что я не смѣю даже просить сыграть на немъ, онъ, продолжая улыбаться, сказалъ: „нѣтъ, я что-нибудь попробую сыграть“. И дѣйствительно сыгралъ с-dur'ную Бетховенскую сонату, которую мы съ нимъ когда-то играли.

Такъ продолжалось раза два-три, т.-е. то, что онъ игралъ на Стейнвей, но на второй или третій разъ онъ, откашливаясь, сказалъ; „знаете-съ что?.. Я хотѣлъ бы вамъ сыграть Шопена, но на этомъ роялѣ—это невозможно. Вамъ надо обзавестись новымъ-съ... А пока.. вотъ что: не пріѣдете ли вы-съ ко мнѣ? Н-да... Да... (у него явилась привычка говорить да... да!) У меня два рояля, и я могъ бы вамъ сыграть многое, — (протянулъ онъ) и въ два фортепіано, и вообще того, что на этомъ— (онъ ударилъ одну за другой нѣсколько клавишъ, онъ западали) сыграть нельзя... Назначьте день...

Но я запротестовала. Я часто хворала и назначать день концерта внѣ дома боялась; а вдругъ недомоганье помѣшаетъ поѣхать?!. Тогда какъ?..

Милій Алексѣевичъ подумалъ.

— Ну-съ, тогда вотъ я что предложу-съ...—рѣшилъ онъ послѣ молчанія.—Я вамъ пришлю отъ Германа и Гросмана рояль. Думаю, они это сдѣлаютъ для меня... Нѣтъ!.. Вамъ платить ничего не надо будетъ. Только дадите рабочимъ, носильщикамъ... Больше ничего-съ!!

И онъ сталъ каждый разъ присылать для своего концерта, или, какъ мы выражались, — „приносить на спинѣ“ все различные, но дивные, „бархатно-звучные“ концертные инструменты Блютнера.

Обыкновенно ихъ приносили наканунѣ, настраивали, когда они отогрѣвались, и на слѣдующее утро, послѣ музыкальнаго вечера, уносили.

Тогда, изгнанный въ столовую, старикъ Стейнвей водворялся на свое мѣсто.

Приходилъ Балакиревъ, по большей части, около половины девятого; сначала мы бесѣдовали съ нимъ въ гостиной, при чемъ иногда онъ рассказывалъ моей старшей дочери случаи изъ біографій великихъ композиторовъ.

Такъ я помню, какъ интересно, увлекательно онъ рассказывалъ объ англичанинѣ и Шопенѣ, игрою котораго англичанинъ безгранично восхищался и котораго заперъ на ключъ у себя, въ кабинетъ, заявивъ, что не выпуститъ его до тѣхъ поръ, пока онъ, — Шопенъ, не научитъ его играть какую-то его, (Шопена) пьесу такъ, какъ онъ играетъ ее самъ!

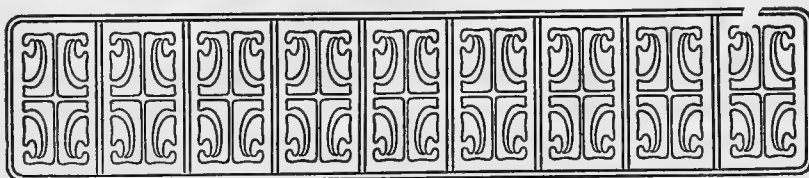
... Иногда онъ вспоминалъ о своихъ придворныхъ впечатлѣніяхъ, рассказывалъ объ отношеніяхъ къ нему Государя Александра III, котораго онъ глубоко почиталъ.

— Умныхъ людей мало-съ, — говорилъ онъ, — но разумныхъ еще меньше... (Богъ есть высочайшій Разумъ). И Александръ III былъ поразительно разуменъ. Умные люди часто вредны-съ. Разумные все творятъ на благо. Такъ и Александръ III. Это былъ благороднѣйшій монархъ и благороднѣйшій человѣкъ. Посмотрите, какъ онъ возвысилъ Россію, потому что онъ зналъ, чего хотѣлъ, и никогда не измѣнялъ своему слову. И его уважала вся Европа и боялась его: Н-да-да!

Княгиня М. В. Волконская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтки о Пушкинѣ.

I.

Одна изъ первыхъ редакцій пьесы „Къ живописцу.“

Въ Пушкинскомъ музеѣ при Александровскомъ лицѣѣ находится интересный памятникъ юныхъ лѣтъ Пушкина—ноты романа, написаннаго на слова Пушкина „Къ живописцу“ на старательно разграфленной, отъ руки, нотными линейками, бумагѣ альбомнаго формата, сложенной пополамъ. На первой страницѣ четко выведено:

„Romance avec accompagnement du Piano, dédiée à Mademoiselle de Vasounine“. Внизу приписано карандашомъ: „Трудами Императорской Царско-Сельской Лицеѣи“ (sic!)¹⁾.

Четвертая страница не заполнена, а на 2—3 находятся текстъ и ноты, подписанныя: „par N. Corsakoff“. Первый куплетъ пьесы записанъ подъ нотами, безъ знаковъ препинанія. Приводимъ текстъ, сохраняя орфографію.

КЪ ЖИВОПИСЦУ.

Дитя харить и вображенья
Въ порывѣ пламенной души
Небрежной кистью наслажденья
Мнѣ друга сердца напиши²⁾

¹⁾ „Лицея“—выраженіе, которое Пушкину не нравилось; онъ писалъ въ 1816 г. князю П. А. Вяземскому: „Лицей или Ликей, только, ради Бога, не *лицея*“... Объ этомъ словѣ см. Д. Θ. Кобеко, „Имп. Царскосельскій Лицей. Наставники и питомцы (1811—1843)“. Спб. 1911, стр. 21.

²⁾ „Напиши“ повторено еще два раза. При пѣніи повторялось такимъ образомъ послѣднее слово каждаго куплета.

Красу невинности небесной,
 Надежды милыя черты,
 Улыбку душеньки прелестной,
 И взоры самой Красоты.

Вкругъ тонкаго Гебеи стана
 Венеринъ поясъ обвяжи;
 Сокрытой прелестью Альбана
 Мою царицу окружи.

Представь мечту любви стыдливой
 И той, которою дышу,
 Рукой любовника счастливой,
 Въ низу я имя подпишу.

Пушкинъ.

Романсъ этотъ—единственное дошедшее до насъ музыкальное произведение безвременно угасшаго лицейскаго товарища Пушкина Н. А. Корсакова ¹⁾. Прежде романсъ приписывался ²⁾ другому лицейскому композитору, М. Л. Яковлеву, но изъ подлинника видно, кто его авторъ. Что касается до текста, то онъ представляетъ собою раннюю редакцію пьесы, близко сходящуюся съ той, которая записана въ 2364-ой тетради Румянцовскаго музея (тѣ же разночтенія въ 1-мъ стихѣ перваго куплета и 1 и 3-мъ стихѣ второго). Въ нашей редакціи нѣтъ одного куплета, но онъ, можетъ быть, принесенъ въ жертву стыдливости („Прозрачны волны покрывала накинь на трепетную грудь“...).

Пьеса относится къ 1815 году; къ тому же году долженъ быть отнесенъ и романсъ. Пушкинъ былъ тогда страстно влюбленъ въ Е. П. Бакунину. По разсказу Комовскаго ³⁾, романсъ распѣвался „первокурсными“ до самаго выхода изъ лицея.

II.

Отвѣтъ Вигелю.

Переселившись изъ Кишинева въ Одессу, Пушкинъ оставилъ въ Кишиневѣ нѣсколько друзей, жалѣвшихъ о его отъѣз-

¹⁾ О немъ см. у Н. А. Гастфрейнда, „Товарищи Пушкина по Императорскому Лицею“, т. I, Спб. 1912, стр. 399—454.

²⁾ Сочин. Пушкина, изд. Алленкова, II, 94; Записки С. Д. Комовскаго (Я. К. Гротъ „Пушкинъ его лицейскіе товарищи и наставники“, Спб., 1899, стр. 220).

³⁾ Гротъ, *ibid.*

дѣ. Первый изъ нихъ былъ благодушный начальникъ поэта, И. Н. Инзовъ, который жаловался Ф. Ф. Вигелю: „зачѣмъ онъ меня оставилъ?... Развѣ отсюда не могъ онъ ѣздить въ Одессу, когда бы захотѣлъ, и жить въ ней сколько угодно? А съ Воронцовымъ, право, не сдобровать ему“.

„Такія печальныя предчувствія родительскаго сердца“—передаетъ Вигель¹⁾,—„хотя я и не вѣрилъ имъ, трогали меня. Я писалъ къ Пушкину, что непростительно ему будетъ, если онъ не пріѣдетъ потѣшить старика, умолялъ его именемъ всѣхъ женщинъ, которыхъ любилъ онъ въ Кишиневѣ, навѣстить насъ. И онъ въ половинѣ марта²⁾ пріѣхалъ недѣли на двѣ... и многихъ, разумѣется въ томъ числѣ и меня, обрадовалъ своимъ пріѣздомъ. Онъ заставилъ меня сдѣлать довольно странное знакомство. Въ Кишиневѣ проживала, не весьма въ безызвѣстности, гречанка-вдова, называемая Полихронія, бѣжавшая, говорили, изъ Константинополя. При ней находилась молодая но не молоденькая дочь, при крещеніи получившая миеологическое имя Калипсо“... И тутъ Вигель рассказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Калипсо, о которой говорили „что лѣтъ пятнадцати будто бы впервые познала она страсть въ объятіяхъ лорда Байрона“, и которой Пушкинъ посвятилъ извѣстное посланіе: „Ты рождена воспламенять“... Но изъ словъ Вигеля: „не весьма въ безызвѣстности“ видно, что онъ зналъ о Калипсо еще до своего личнаго знакомства съ нею. Нельзя сомнѣваться, что имя Калипсо было названо Вигелемъ въ перечнѣ всѣхъ женщинъ, которыми увлекался Пушкинъ въ Кишиневѣ. На это указываетъ другой рассказъ Вигеля³⁾, относящійся къ тому же случаю.

„Въ Кишиневѣ жила одна гречанка Калипсо, коей блестящія очи воспламенили поэтическое сердце Пушкина, находившагося тогда въ ссылкѣ. Въ 1824 году одинъ хорошій знакомый его⁴⁾ изъ Кишинева писалъ къ нему въ Одессу и именемъ этой Калипсо умолялъ его посѣтить мѣсто его жительства, называя его странствователемъ-Телемакомъ. Въ отвѣтъ вотъ что, между прочимъ, сказалъ онъ ему стихами:

Скучной ролью Телемака
Я наскучилъ, о друзья!
О Москва, Москва-Итава!
Скоро ли тебя увижу я?

¹⁾ Записки, ч. VI, М., 1892, стр. 152.

²⁾ 1824 г.

³⁾ Въ статьѣ-письмѣ „Москва и Петербургъ“ („Рус. Арх.“ 1893 г., II, 576).

⁴⁾ Вигель говорить о себѣ самомъ.

Онъ ея не зналъ, выросъ въ Царскомъ Селѣ, жилъ въ Петербургѣ и сосланъ былъ въ Южную Россію; но, въ душѣ патриотъ, одну Москву почиталъ отчизной“.

Письмо Вигеля, которое необходимо приурочить къ февралю— началу марта 1824 г.¹⁾, до насъ не дошло. Письменно или на словахъ „сказалъ“ ему Пушкинъ свой отвѣтъ стихами, неизвѣстно; вѣрнѣе, что на бумагѣ, такъ какъ Пушкинъ вообще не говорилъ экспромптовъ въ стихахъ. Самое сравненіе Пушкина съ Телемакомъ было навѣяно Вигелю не только подневольными странствованиями Пушкина, но и его отношеніями къ Калипсо. Въ своихъ запискахъ²⁾ Вигель указываетъ даже на курьезное совпаденіе—связь этой новой Калипсо съ настоящимъ Телемакомъ, княземъ Ханджери. За давностью лѣтъ³⁾ Вигель, быть можетъ, искажилъ немного стихи, которые привелъ по памяти. Во всякомъ случаѣ, собирателямъ поэтическаго наслѣдія Пушкина не слѣдуетъ упускать ихъ изъ виду.

По родной Москвѣ, „Москвѣ-Итакѣ“, Пушкинъ, оставившій ее еще ребенкомъ, тосковалъ въ своемъ изгнаніи, даже больше, чѣмъ по Петербургѣ, съ которымъ для него связывалось немало тяжелыхъ воспоминаній. 6 февраля 1823 г. онъ писалъ кн. П. А. Вяземскому, жившему тогда въ Москвѣ: „я къ тебѣ бы пріѣхалъ, да мнѣ все идетъ наперекоръ“, а въ слѣдующемъ письмѣ (6 апрѣля) печально сообщалъ ему: „мои надежды не сбылись, мнѣ нынѣшній годъ нельзя будетъ пріѣхать ни въ Москву, ни въ Петербургъ“... Зато съ какимъ волненіемъ увидѣлъ онъ родной городъ нѣсколько лѣтъ спустя! Въ „Онѣгинѣ“ (7, XXXVI) онъ рассказалъ объ этомъ:

Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церковей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!...

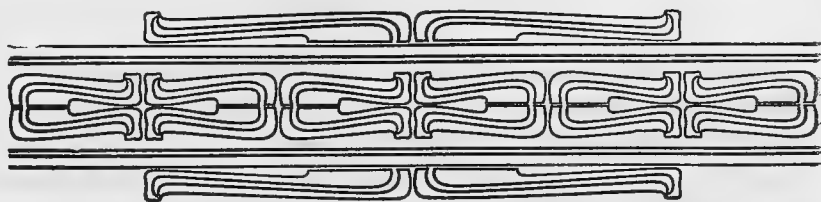
Н. Лернеръ.

¹⁾ Съ 25 декабря 1823 г. Вигель находился въ Одессѣ и возвратился въ Кишиневъ 25 января 1824 г. (Записки, VI, 118, 119, 139).

²⁾ Записки, VI, 152.

³⁾ Статья „Москва и Петербургъ“ написана въ 1853 г.

Великій Князь Николай Михайловичъ.

Письма высочайшихъ особъ

къ графинѣ А. С. Протасовой.

Достояніемъ русскаго общества сдѣлалось новое изданіе Великаго Князя Николая Михайловича — красивый томъ писемъ Императрицъ Маріи Ѳеодоровны и Елисаветы Алексѣевны и великихъ княженъ, дочерей Павла I, къ камеръ-фрейлинѣ Екатерины II, графинѣ Аннѣ Степановнѣ Протасовой.

Изданное съ вкусомъ и изяществомъ, какими отличаются все изданія Великаго Князя, это собраніе писемъ украшено шестнадцатью прекрасно исполненными портретами, изъ коихъ одинъ — графини Протасовой — снимокъ съ миниатюры изъ собранія Вел. Кн. Николая Михайловича; другой — ея же портретъ, съ племянницами, воспроизведенъ съ оригинала Анжелики Кауфманъ, принадлежащаго князю С. И. Васильчикову; прочіе портреты изображаютъ высокихъ корреспондентокъ Протасовой. Эти письма, „прекрасно сохранившіяся въ четырехъ переплетенныхъ кожею тетрадкахъ“, какъ объяснено въ предисловіи къ изданію, приобрѣтены Великимъ Княземъ „въ концѣ 1911 года, совершенно случайно, у одного изъ московскихъ антикваріевъ“, какимъ образомъ и откуда, они достались послѣднему — установить не удалось.

„Весьма возможно“, высказываетъ предположеніе Великій Князь, „что письма находились въ архивѣ князей Голицыныхъ, такъ какъ одна изъ племянницъ Анны Степановны, княгиня Александра Петровна Голицына, была одной изъ ея наслѣдницъ“.

Большая часть писемъ принадлежит Императрицамъ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и Маріи Ѳеодоровнѣ и относятся къ царствованію Александра I, къ 1800—1824 г.г. Хотя эта корреспонденція не представляетъ особеннаго интереса съ точки зрѣнія исторіи, такъ какъ письма, адресованныя Протасовой, содержатъ либо поздравленія съ днемъ ея ангела или рожденія, либо пожеланія престарѣлой графинѣ скорого выздоровленія и успѣшнаго лѣченія на водахъ, либо наконецъ благодарность за исполненія графиней за границей порученія ея высокихъ корреспондентовъ, тѣмъ не менѣе въ этихъ письмахъ отражаются подъ часъ и сокровенныя душевныя переживанія царственныхъ корреспондентовъ, и въ этомъ отношеніи они несомнѣнно интересны; кромѣ того эта переписка служитъ нагляднымъ доказательствомъ того вниманія „съ какимъ лица Императорской фамиліи относились къ А. С. Протасовой“, даже въ то время, когда она лишилась, со смертію Екатерины II, своей высокой покровительницы.

Что касается, въ частности, писемъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны, то они интересны еще въ томъ отношеніи, что большинство ихъ—почти половина, писаны по-русски, разговорнымъ языкомъ начала прошлаго вѣка „и хотя они полны ореографическихъ ошибокъ и неправильныхъ оборотовъ рѣчи“, но изъ переписки видно наглядно, какъ настойчиво Императрица „старалась усвоить языкъ своей новой родины“, и какъ она въ немъ совершенствовалась; письма 1820 годовъ, какъ въ отношеніи ореографіи, такъ и построенія фразъ, замѣтно отличаются отъ писемъ и записочекъ первыхъ годовъ царствованія Александра I. Изъ нихъ видно, что молодая Государыня уже свободно объяснялась въ то время по-русски и не затруднялась написать длинное письмо. Надобно также отмѣтить, что „тогда какъ половина писемъ Елисаветы Алексѣевны писаны по-русски, Императрица Марія Ѳеодоровна исключительно писала Аннѣ Степановнѣ по-французски, потому что никогда не могла одолѣть русскаго языка, на которомъ говорила съ трудомъ и сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, а писать по-русски такъ-таки и не научилась“.

Естественно является вопросъ, что за личность была А. С. Протасова, сумѣвшая снискать къ себѣ послѣдовательно благоволенія трехъ Императрицъ? Анна Степановна была дочерью Степана Ѳеодоровича Протасова, впоследствии сенатора, отъ его второго брака съ Анисьею Никитичной Орловой, двоюродной сестрой знаменитыхъ братьевъ Григорія и Алексѣя Орло-

выхъ. „Близкое родство съ Орловыми дало А. С. Протасовой возможность выдвинуться: она попала во фрейлины“ и своей преданностью къ Екатеринѣ снискала ей особое благоволеніе; Императрица до того къ ней привыкла, что общество Анны Степановны стало ей необходимымъ. Очень была некрасива, по выраженію графини Головиной „laide et noire comme la reine d'Otaïti“; Протасова не вышла замужъ, „хотя сама Екатерина II готова была принять участіе въ ея судьбѣ и нашла ей подходящаго жениха въ рябомъ Аркадіи Ивановичѣ Морковѣ“, но и это не помогло: Морковъ отдѣлался шуткой:

„Она дурна, я безобразенъ“, сказалъ онъ, „что же мы будемъ безобразить родъ человѣческій“.

Несмотря на столь непривлекательную наружность, Протасова никогда не пользовалась безупречной репутаціей. Въ ту эпоху пышнаго расцвѣта фаворитизма, нуждавшагося въ преданныхъ напереницахъ, она заняла совершенно особое мѣсто въ интимномъ кругу приближенныхъ Екатерины II, которая отличала ее особыми милостями, удостоивала ее даже своими посѣщеніями, но любила подчасъ и пошутить надъ ворчливой, чванной, капризной, крикливо-одѣвавшейся Протасовой и называла ее въ шутку „королевой“ или „королевой Лото“. Анна Степановна всегда обѣдала съ Императрицей, а во время путешествія Екатерины въ Южную Россію въ 1787 г. только она да фаворитъ Маньковъ ѣхали въ одной каретѣ съ Императрицей. За своеобразную роль, которую Протасова играла при дворѣ, она была зло вышучена Байрономъ, въ его „Донтъ Жуанъ“, примѣнившемъ къ ней ядовитый эпитетъ „l'éprouveuse“.

На роль, которую Протасова играла при Императрицѣ, встрѣчаются намеки во многихъ мемуарахъ XVIII вѣка.

„Не только молодые придворные“, пишетъ напр. Гарновскій, „дѣлали куры немолодой и некрасивой невѣстѣ, чтобы заручиться при нуждѣ ея протекціей“, но даже, какъ увѣряли злые языки, Екатерина совѣтовалась съ ней предварительно на счетъ качествъ будущихъ фаворитовъ, полагаясь на ея вкусъ“.

„Итогъ этимъ сплетнямъ, которымъ придавала характеръ правдоподобія вся обстановка Екатерининскаго двора“, говоритъ Великій Князь Николай Михайловичъ въ біографическомъ очеркѣ Протасовой, „подвелъ въ художественной формѣ италянскій поэтъ Джамбатиста Касти въ своемъ „Il Poema Tartaro“, стихотворномъ памфлетѣ на дворъ Екатерины—Толеиконы, онъ изображаетъ Протасову, какъ „amazzone di Venere e d'Amore“. Онъ вводитъ ее (соединяя въ одномъ собирательномъ лицѣ съ

ея предшественницей — графиней П. А. Брюсъ) подъ именемъ Турфаны, въ такихъ стихахъ;

„Turfana, venerabile matrona,
Che i favor primi ei primi onori ottiene
E presso l'immortal Toleicona
Fida compagna al fianco ognor si tiene,
Ed a nuovo piacer sempre la sprono;
Agguerrita d'amor nella palestra.
E nelle scuole sue dotta maestra (с. IV, стр. 16) ¹⁾.

„Посвятивъ нѣсколько пикантныхъ строфъ объясненію Турфаны съ Томмазо, кандидатомъ въ фавориты Толеиконы, Касті влагаетъ въ уста Турфаны слѣдующія слова:

... Io far soglio precedamente.
Saggio di quei cui suo favor destina,
Per riconoscer se coll' apparente
Aspetto il merto radical combina;
Nè la carica ottien chi da me stato
Non è prima provato ed approvato ²⁾.

„Въ 1784 г. Протасова была пожалована въ камеръ-фрейлины“ „съ богатѣйшимъ портретомъ“, а чтобы создать „для одинокой старой дѣвы семейную обстановку, Екатерина выписала къ ней на воспитаніе ея племянницъ“, дочерей ея брата, сенатора, генераль-поручика Петра Степановича Протасова, — Александру, Екатерину, Варвару, Вѣру и Анну. Всѣ онѣ были фрейлинами.

Протасова воспитала своихъ племянницъ во французскомъ духѣ; онѣ были совершенно незнакомы съ православіемъ и даже плохо знали русскій языкъ; „съ истинами христіанства онѣ знакомились изъ произведеній иностранной литературы подъ руководствомъ католическихъ аббатовъ, съ которыми онѣ встрѣчались въ великосвѣтскихъ салонахъ“; подъ ихъ вліяніемъ четыре старшія племянницы Анны Степановны перешли въ

¹⁾ Турфана, почтенная дама, которая получаетъ преимущественно передъ всѣми знаки благоволенія и почести, состоитъ всегда въ качествѣ вѣрной подруги при особѣ безсмертной Толеиконы и всегда побуждаетъ ее къ новымъ (чувственнымъ) удовольствіямъ, будучи закаленной въ бояхъ на аренѣ любви и опытной наставницей своихъ учениковъ.

²⁾ Я обыкновенно предварительно испытываю кандидата въ фавориты, чтобы узнать, соединяется ли въ немъ съ представительностью существенное достоинство, и никто не получаетъ этой должности, если онъ передъ этимъ не былъ испытанъ и одобренъ мною.

римско-католическую вѣру. Православной осталась только младшая изъ нихъ, Анна Петровна „возведенная въ 1801 году въ графское достоинство“. „Annette Protasoff была постояннымъ членомъ интимнаго кружка Императрицы Елисаветы Алексѣвны“.

Особенно ревностной католичкой была Екатерина Петровна, вышедшая въ 1793 г. замужъ за Ѳ. В. Ростопчина, любимца царевича Павла Петровича. „Сдержанная и несообщительная, холодная даже къ собственнымъ дѣтямъ, не любившая свѣтскихъ удовольствій, она заинтересовалась религіозными вопросами. Уже давно ее восхищала эстетическая сторона христіанства. „Какъ жаль“, говорила она „что такое прекрасное ученіе ложно“. Истолкователями христіанства для нея явились іезуиты, въ началѣ XIX вѣка кишѣвшіе въ русскомъ высшемъ обществѣ. Съ ней велъ бесѣды знаменитый графъ де Местръ, аббатъ Сюрюгъ былъ ея духовнымъ наставникомъ. Въ 1806 году этотъ Сюрюгъ принялъ ее въ нѣдра римской церкви. Первое время переходъ графини въ католичество былъ облеченъ глубокой тайной. Аббатъ Сюрюгъ разъ въ недѣлю обѣдалъ у графа Ростопчина, и каждый разъ послѣ обѣда графиня начинала ходить съ нимъ по обширнымъ комнатамъ дома, какъ бы ведя обыкновенный разговоръ, но тутъ она исповѣдывалась у него“.

„Переходъ графини въ католичество, скоро сдѣлавшійся общеизвѣстнымъ, былъ источникомъ разлада въ семьѣ Ростопчиныхъ. Будучи ревностной католичкой, графиня должна была играть роль „хозяйки“ первопрестольной Москвы, когда въ 1812—1814 годахъ графъ Ѳедоръ Васильевичъ занималъ постъ московскаго главнокомандующаго. По увольненіи графа отъ этой должности, Ростопчины уѣхали за границу и долго жили въ Парижѣ. Послѣдніе годы своей жизни графъ Ростопчинъ провелъ въ Москвѣ; передъ смертью онъ устранилъ жену отъ воспитанія своего малолѣтняго сына Андрея и отъ управленія его большимъ состояніемъ. Фанатизмъ заставилъ графиню уклониться отъ присутствія на похоронахъ мужа“.

Вмѣстѣ съ племянницами Анны Степановны у нея жили и воспитывались двѣ побочныя дочери Григорія Орлова — дѣвицы Алексѣевы.

При томъ исключительномъ положеніи, какое Протасова занимала при дворѣ, при ея близости къ особѣ Императрицы, вполне понятно, что смерть Императрицы была „сильнымъ нравственнымъ ударомъ для Анны Степановны, которая въ теченіе ужасной 36-ти часовой агоніи Екатерины не отходила отъ нея и оставалась все время на полу у ея ногъ“.

Можно было ожидать, что при известномъ враждебномъ отношеніи Павла I къ приближеннымъ его матери и ко всѣмъ вообще лицамъ, пользовавшимся ея довѣріемъ и расположеніемъ, роль Протасовой при дворѣ, съ смертью Екатерины II, будетъ сыграна; однако „ея придворное положеніе, благодаря родству ея къ О. В. Ростопчину, не пошатнулось“; Павелъ I не поставилъ ей даже въ вину того обстоятельства, что она передавала Императрицѣ все, что ей удавалось разузнать при дворѣ Павла Петровича—роль, которую она выполняла весьма искусно и „въ день коронаціи, 5 апрѣля 1791 г., онъ милостиво пожаловалъ старой confidentкѣ своей матери орденъ св. Екатерины малаго креста, пенсію и 1000 душъ въ Воронежской и С.-Петербургской губерніяхъ“.

Протасова сумѣла приобрести благоволеніе и Маріи Феодоровны, сумѣла также сблизиться и съ молодымъ дворомъ Александра; она сдѣлалась постояннымъ членомъ интимнаго кружка Елисаветы Алексѣевны, „учила ее русскому языку, проводила съ ней лѣтніе досуги, ѣздила съ ней за границу, служила посредницей въ сношеніяхъ ея съ матерью маркграфинею Амалією Баденской“—вообще сумѣла и тутъ быть полезной.

При восшествіи на престолъ Александра I, Протасовой было подѣ 60 лѣтъ; она „страдала отъ крайней полноты, которая душила ее и почти не позволяла ей двигать ногами“; „Императрица Елисавета Алексѣевна съ добродушной проницательностью описываетъ свое путешествіе жаркимъ лѣтомъ 1809 г. въ каретѣ съ графиней Протасовой, которая по выраженію Императрицы „en vaut deux“.

Несмотря на это, Протасова была постоянно при дворѣ и въ первые годы царствованія Императора Александра усердно несла обязанности камеръ-фрейлины, о чемъ свидѣлствуютъ многочисленныя коротенькія записочки молодой Императрицы, писанныя наскоро, по большей части безъ даты, коими Елисавета Алексѣевна извѣщала графиню о томъ, что она предполагала дѣлать, куда намѣревалась ѣхать, дабы Анна Степановна готовилась сопровождать ее.

„Я пойду къ обѣднѣ въ половинѣ двѣнадцатаго, на антресолахъ“, пишетъ ей напр. Императрица, „и прошу васъ и Анну Петровну со мною идти“¹⁾.

¹⁾ Записочки и письма, писанныя по-русски, печатаются съ точнымъ соблюденіемъ орфографіи подлинника.

„Я собираюсь ѣхать сегодня послѣ обѣды, въ шесть часовъ въ Парголову“, сообщаетъ она Аннѣ Степановнѣ другой разъ, „и, зная, что вы по вторникамъ гостей принимаете, прошу васъ сказать мнѣ чисто сердѣчно, какъ вамъ пріятнѣе будетъ, ѣхать со мною или не ѣхать.“

„Надеюсь, что вы не подумите, что я хочу привести васъ въ замѣшательство, черезъ моего вопроса, такъ, какъ прежде съ вами случилось“.

Или она пишетъ: „я не буду ночевать въ Павловскѣ. Императрица обещала, что рано кончится, и не хочу напрасно людей таскать; отъ сюда мы поѣдимъ, ежели вамъ угодно будетъ, въ 3 часа“.

И еще:

„Пожалуйте ко мнѣ на часъ, ежели васъ не беспокоитъ; мнѣ надобно съ вами поговорить, и сама бы къ вамъ пришла, но я не давно только изъ ванны вышла“.

„Я думаю“, читаемъ въ одной изъ записочекъ, „что мы прежде 9 часовъ не поѣдемъ въ собраніе и очень рада, что вы можете съ нами ѣхать; какъ мнѣ ваше письмо принесли, я боялась, что вы не здорова были и что я безъ покровительства останусь“.

Малозначительныя по содержанію эти записочки свидѣлствуютъ однако о близости Протасовой къ молодой Императрицѣ, которая свѣкла съ старой графиней и обращалась съ нею совсѣмъ запросто.

Желая сдѣлать старушкѣ пріятное, Елисавета Алексѣевна то посылаетъ ей для прочтенія книгу, которую Протасова выразила желаніе имѣть, то списываетъ для нея стихи, и вообще оказываетъ ей постоянно вниманіе.

„По желанію вашему читать письма Принца де Лигна“, пишетъ Императрица, „посылаю вамъ книгу, въ которой онѣ находятся, и хотя я бы могла сама отдать вамъ оныя уже, но давно не имѣла удовольствіе писать къ вамъ, и мнѣ пріятно воспользоваться этимъ случаемъ“.

Посылая ей стихи „Русская пѣснь Матюшки Царицы“, въ которой восхвалялись доблести Екатерины II, Елисавета Алексѣевна говоритъ:

„Зная, сколь согласно мы думаемъ объ особѣ, къ которой относятся приложенныя стихи, я нарочно и не медленно списала ихъ для васъ, съ увѣреніемъ, что вы не можете читать ихъ равнодушно“.

Протасова, ревниво дорожившая своимъ положеніемъ при дворѣ, любила получать отъ молодой Императрицы эти записочки и бережно сохраняла ихъ; „ей нужно было производить впечатлѣніе своей близостью къ Императрицѣ, и она упрашивала Елисавету Алексѣевну почаще бесѣдовать съ ней на виду у всѣхъ и писать ей собственноручныя записки, которыя она потомъ показывала всѣмъ, въ доказательство того, въ какихъ хорошихъ отношеніяхъ она находится съ Ея Величествомъ“.

Какъ настойчиво осаждала престарѣлая А. С. Протасова приемную Императрицы, какъ назойливо она домогалась иногда свиданія съ Елисаветой Алексѣевной, которая, по слабости здоровья и изъ любви къ болѣе спокойной одинокой жизни, тяготилась всегда неизбѣжными въ ея положеніи выѣздами и приемами, можно судить по нижеслѣдующей записочкѣ Елисаветы Алексѣевны:

„Пожалуйте меня пожалуйста, дорогая Анна Степановна“, пишетъ ей однажды Государыня, очевидно въ отвѣтъ на ея просьбу быть принятой Елисаветой Алексѣевной непременно въ тотъ же день, „не все ли вамъ равно видѣть меня сегодня или завтра; я должна видѣть кое кого сегодня и освобожусь только къ девяти часамъ вечера¹⁾. Помилуйте, Анна Степановна, естлибъ вы знали, какъ меня здѣсь мучутъ, вы изъ жалости сами бы пришли меня завтра только видѣть“.

Конечно искусившаяся при дворѣ камеръ-фрейлина прикрывала всѣ свои докучливыя домогательства изъясненіями самой почтительной преданности и любви къ молодой Императрицѣ. И Елисавета Алексѣевна „въ своихъ письмахъ говорить о „дружбѣ“ и о „любви“ къ ней со стороны Протасовой“.

„Императрица цѣнила эту преданность, „старалась“ отвѣчать взаимностью, но собственное деликатной и прямой натурѣ Елисаветы недовѣріе ко всему придворному оставляло въ ней нѣкоторое сомнѣніе въ искренности чувствъ состарѣвшейся при дворѣ камеръ-фрейлины“.

„Увы! писала Елисавета матери по поводу ухаживаній графини Протасовой, „если была одна любовь“! Дѣло въ томъ, что при томъ имени, которое я ношу въ ухаживаніяхъ, только десятую часть надо приписать чувству! да и то много“.

Императрица даже имѣла по этому поводу объясненіе съ графиней Протасовой, и оно, какъ она писала матери, какъ будто разсѣяло ея сомнѣнія на этотъ счетъ.

¹⁾ До этихъ словъ записка писана по-французски; конецъ записки приписанъ по-русски.

Въ 1803 году Протасова собралась на воды за границу. Елисавета Алексѣевна успѣшила оказать ей по этому случаю маленькое вниманіе.

„Дорожный ящикъ для чая повергается къ стопамъ вашимъ“, писала Государыня отъѣзжающей Аннѣ Степановнѣ, посылая ей подарокъ. „Хотя онъ не весьма великолѣпный, но надѣется, что вы его милостиво примете и вспомните всякой разъ, какъ вы будете чай пить, что я желаю вамъ всяческаго добра и щастія“.

Когда именно Протасова уѣхала изъ Петербурга, изъ переписки не видно, такъ какъ послѣднія записочки Елисаветы Алексѣевны, также какъ и всѣ предыдущія, не имѣютъ даты, но въ іюлѣ мѣсяцѣ 1803 г. она была уже на водахъ, ибо вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна писала ей 25 іюля за границу, поздравляя ее съ днемъ ея ангела. Елисавета Алексѣевна писала ей туда же 14/26 августа 1803 г., благодарила за письмо, полученное отъ нея изъ Франкфурта, и за исполненныя порученія; освѣдомлялась о здоровьи графини и о томъ, какъ идетъ ея лѣченіе. Письмо заканчивалось слѣдующими строками: „Je Vous prie de croire que Votre absence ne fait pas de tort à la langue russe et je veux que Vous soyez étonnée à Votre retour de mes progrès¹⁾“; какъ видно изъ слѣдующихъ писемъ Елисаветы Алексѣевны, это были не пустыя слова; Государыня дѣйствительно усердно занималась въ то время русской грамотой и дѣлала въ ней большіе успѣхи.

Въ виду пользы, которую по словамъ Протасовой ей приносило лѣченіе, Императрица Елисавета Алексѣевна совѣтовала ей остаться еще на одинъ лѣчебный срокъ за границей. 22 іюля 1807 г. совершилось въ Петербургѣ бракосочетаніе Великой Княжны Маріи Павловны съ наслѣднымъ принцемъ Саксенъ-Веймарскимъ. Протасова была въ то время еще за границей и оттуда успѣшила принести поздравленіе новобрачной и послать ей свадебный подарокъ, и въ отвѣтъ получила любезное письмо отъ новобрачной Великой Княгини.

Изъ-за границы Протасова возвратилась, поздоровѣвъ, и „вступила снова въ права, связанныя съ ея положеніемъ“, но уже въ 1809 г. ее постигла новая бѣда; „у нея обнаружилась катаракта, которую Елисавета Алексѣевна пыталась лѣчить ка-

¹⁾ Прошу васъ вѣрить, что ваше отсутствіе не будетъ во вредъ русскому языку; мнѣ хочется, чтобы вы удивились по возвращеніи моимъ успѣхамъ.

кой-то, по рецепту изъ Бадена „pommade de St Ives“, сильно сомнѣваясь въ успѣхѣ, но въ то же время не находя возможнымъ „rester les bras croisés quand il s'agit de rien moins que de devenir aveugle“ („сидѣть сложа руки, когда угрожаетъ слѣпотѣ“), и въ слѣдующемъ году Протасова, внявъ совѣтамъ друзей, отправилась за границу, чтобы посоветываться съ окулистами. О томъ, какое сердечное участіе принимала въ ея болѣзни Елисавета Алексѣевна, свидѣлствуютъ письма Императрицы.

Получивъ извѣстіе о благополучномъ приѣздѣ Анны Степановны въ Москву, Императрица писала ей (29 ноября 1810 г.): „тогда только совершенно спокойна буду, когда получу извѣстіе отъ вашего приѣзда въ Вѣнѣ. Меня очень обрадовало ваше намѣреніе взять лѣкаря съ собою до Кіева“, продолжала Государыня, выражая надежду, что врачъ будетъ сопровождать ее и за границу.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ маѣ 1811 г. Императрица выражаетъ свое удовольствіе по поводу „хорошихъ извѣстій“ о здоровьи Анны Степановны и въ особенности относительно зрѣнія и высказываетъ надежду, что она скоро поправится; „тѣмъ болѣе ласкаюсь сею надеждою, пишетъ Императрица, что вы уже чувствовали облегченіе по изтеченію двухъ недель. Сообщите мнѣ, пожалости, имя вашего доктора, онъ заслужитъ отъ меня особую благодарность, ежели васъ вылечетъ“.

Симпатіи и участія, которыя выказывали Аннѣ Степановнѣ, казалось ей недостаточно; капризная и придирчивая вообще старуха, очевидно, не стѣснялась и Императрицѣ высказывать свое неудовольствіе и жаловаться на недостатокъ къ ней вниманія, такъ какъ Елисавета Алексѣевна извиняется передъ нею въ одномъ письмѣ за то, что, получивъ отъ нея четыре письма, давно не писала ей; „надѣюсь, пишетъ Императрица, что такое мало важное обстоятельство не можетъ привести васъ въ сомнѣніе объ моемъ разположеніи къ вамъ, хотя вы въ письмѣ вашемъ изъ Радзивиловы не оказали мнѣ ту довѣренность, которую я бы могла ожидать отъ васъ. Почему вы вѣчно думаете, что я хочу васъ огорчить или обидѣть“. Очевидно, Протасова, не стѣняясь, высказала Императрицѣ свое неудовольствіе по поводу того, что она не получила какого-то отличія, которое было дано другимъ приближеннымъ Императрицы, ибо Елисавета Алексѣевна добавляетъ: „Правда, что печати раздавали всѣмъ тѣмъ, которые были со мною въ походѣ: но какъ вы отсюда поѣхали, ни одной готовой еще не было; и, вѣрно, никто не могъ показать вамъ свою, а вашу я хотѣла сама вручить вамъ“.

при вашемъ приѣздѣ, но теперь прилагаю ее сюда, чтобъ не оставить вамъ ни малейшой причины къ негодованію“.

Протасова ворчала и брюжжала, но ей все прощалось; вдовствующая Императрица и Елисавета Алексѣевна, жалѣя больную старуху, продолжали писать ей въ томъ же дружескомъ тонѣ, освѣдомлялись о ея здоровьи, и сообщали ей извѣстія изъ Россіи, которыя могли ее интересовать.

Переѣхавъ въ Царское Село, молодая Государыня писала Аннѣ Степановнѣ 14 іюня 1813 г.: „Почти мѣсяць уже что мы здѣсь, но погода безпрестанно такъ дурна, что едва прожили три хорошіе дня: либо холодъ несносный, либо дождь, и жаровъ вовсе не было еще. Со мною кромѣ сестрицы ¹⁾ и Герцогини ²⁾ съ дѣтьми, тѣже фрейлины, которыя прошедшій годъ при мнѣ были, Графъ и Графина Литта живутъ въ прежнихъ ихъ комнатахъ и фрейлены въ вашихъ. Часто я здѣсь объ васъ думаю и искренно желаю когда нибудь увидить васъ здоровою на колонадѣ—или въ здѣшнемъ саду.

„Я вамъ все такъ подробно сказываю, зная, сколько вы любите Царское Село и, можетъ быть, вамъ пріятно будетъ мысленно себѣ представить, какъ все здѣсь расположено“.

Слѣдующее письмо, писанное Императрицею почти годъ спустя изъ Брухсала, гдѣ она проживала въ то время, какъ Императоръ Александръ I находился въ Парижѣ и въ Лондонѣ, интересно по чувствамъ, какія въ немъ выражаетъ Елисавета Алексѣевна по поводу великихъ событій, прославившихъ ея супруга, и потому, что, сопоставляя слогъ и орфографію этого довольно длиннаго письма съ слогомъ тѣхъ коротенькихъ записочекъ, которыя Государыня писала по-русски вначалѣ видимо съ большимъ трудомъ, очевидно, какъ велики были успѣхи, сдѣланные ею за эти десять лѣтъ въ русскомъ языкѣ, который она изучала съ удивительной настойчивостью и выдержкой.

„Любезная моя Анна Степановна! писала Императрица, 18 апрѣля 1814 г., я поздно получила письмо ваше отъ 29 генваря и весьма мало имѣю здѣсь свободнаго времени, такъ вы не должны и, вѣрно, не будете сердиться, что я не прежде благодарила васъ за чувствованія, за добрыя желанія и за всю привязанность, которыя изъяснены въ письмѣ вашемъ. Они меня не удивили отъ васъ и даже смѣю сказать, что я уверена была въ участи, которую вы будете брать въ моей радости, но, не смотря на

¹⁾ Амалія Баденская.

²⁾ Антуанетта Вюртембергская.

то, письмо ваше меня очень разтрогнуло, и благодарю васъ за оное отъ всего моего сердца.

„Матушку я застала, славу Богу, здоровую, хотя она несколько переменилась съ тѣхъ поръ, какъ она была въ Петербургѣ ¹⁾. Она приказала мнѣ кланится вамъ. Сестры тоже. Мы часто объ васъ говоримъ. Графиню Остерманъ мы много объ васъ разспрашивали; она намъ рассказала объ образѣ жизни вашей въ Вѣнѣ, и я очень обрадовалась, какъ я узнала отъ ней, что Вера Петровна пріѣхала уже къ вамъ. Она можетъ теперь быть совершенно спокойна въ разсужденіи мужа, онъ вероятно, въ Парижѣ.

„Я не поздравила васъ еще съ последними великими произшествіями. Богъ милостивъ къ намъ, онъ возвысилъ Государя и Русскій народъ на неслыханный до сѣхъ поръ степени славы; но гордиться не должно и только живо чувствовать Благодарность ко всемогущему Богу. Тоже можно поздравить всѣхъ женъ и матерей, имѣвши щастіе сохранить мужа и дѣтей, по среди такой ужасной войны..

„Государь сперва обещалъ мнѣ пріѣхать къ Страстной недели, чтобъ со мною говѣть, но обстоятельства помѣшали ему быть; теперь надеюсь скоро его увидѣть и нетерпеливо жду сей минуты“.

Вдовствующая Императрица также подѣлилась съ Протасовой своей радостью по поводу одержанныхъ русскими войсками „большихъ и славныхъ побѣдъ“ и славы, осѣнившей Императора; „онъ вернетъ Европѣ благодѣяніе и спокойство и потомство будетъ благославлять его имя“ писала Марія Теодоровна. „Я много пережила тревогъ и опасеній, но Господь старицею вознаградилъ меня“.

Протасова, видя, что ея зрѣніе все ухудшается, рѣшила сдѣлать глазную операцію. Императрица Елисавета Алексѣевна была въ то время въ Вѣнѣ, и передъ отъѣздомъ въ Россію, поспѣшила выразить Аннѣ Степановѣ свое участіе и искреннія пожеланія удачнаго исхода операціи. Вдовствующая Императрица, со своей стороны, старалась поддержать бодрость духа старушки сообщеніемъ объ удачной операціи—снятія катаракты, сдѣланной Андрею Львовичу Николаи.

„Съ особеннымъ удовольствіемъ могу сообщить вамъ, писала Марія Теодоровна 19 февраля 1815 г., что вчера добрый старикъ Николаи, которому 78 лѣтъ, былъ у меня; онъ видитъ

¹⁾ Въ 1801 году.

тѣмъ глазомъ, который былъ оперированъ, чувствуетъ себя какъ нельзя лучше, веселъ и счастливъ и увѣрялъ меня, что операція была безболѣзненна. Онъ читаетъ, пишетъ и его зрѣніе укрѣпляется съ каждымъ днемъ; я увѣрена, дорогая Анна Степановна, что эта добрая вѣсть придастъ вамъ смѣлости: Богъ дастъ ваша операція будетъ также удачна и вы будете также довольны“.

Узнавъ о томъ, что Протасова послѣ операціи могла писать и ходить одна, Елисавета Алексѣевна поспѣшила поздравить ее. „Первое извѣстіе не застало меня въ Мюнхенѣ“, писала Государыня; „я была въ то время въ Сальцбургѣ. Но пріѣхавши въ Нимфенбургъ, нашла письмо отъ Ласовиковой ¹⁾ и невозможно мнѣ изъяснить вамъ, сколь обрадовалась, услыша, что, слава Богу, все благополучно кончилось. Я благодарила Богу отъ всего сердца. Въ Нимфенбургѣ я болѣе двухъ сутокъ не осталась; на другой день пріѣзда моего получила я отъ Государя позволеніе прибыть въ Брухсаль ко дну рожденіе матушкины, и зная, притомъ, что Государя самого застану еще въ здѣшнемъ краю. Прощайте, любезная Анна Степановна, Богъ съ вами—да сохранить Онъ милость, которую онъ вамъ здѣлалъ“.

Этимъ добрымъ пожеланіямъ не суждено было сбыться: вскорѣ послѣ операціи, которой Анна Степановна подверглась въ Боннѣ, она окончательно ослѣпла, хотя скрывала это и упорно не хотѣла признать своего несчастія. О ея печальномъ положеніи можно составить себѣ понятіе по слѣдующимъ подробностямъ, которыя сообщаетъ о ней въ письмѣ къ женѣ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ изъ Карлсбада (1816).

„Пріѣхавъ въ 6 часовъ, я сначала попросилъ къ себѣ г. Ласовикову, чтобы справиться, извѣстно ли теткѣ о смерти твоей сестры ²⁾. Оказывается, ей никто о томъ не говорилъ, но она давно догадывается сама. Она представлялась Великой Княгинѣ Екатериинѣ и та, при видѣ ея слезъ, посоветовала ей смириться. То же самое сказала ей графиня Гурьева. Пока г. Ласовикова передавала мнѣ эти подробности, тетка проснулась, вышла изъ своей комнаты и была очень рада меня видѣть или, вѣрнѣе, слышать. Мы пробесѣдовали около двухъ часовъ, и рѣчь все время шла о племянницахъ, внукахъ и внучкахъ, но ни разу не было упомянуто имя Вѣры, ея мужа

¹⁾ Секретарь Протасовой.

²⁾ Любимая племянница Анны Степановны—Вѣра Петровна, бывшая замужемъ за кн. Иларіономъ Васильевичемъ Васильчиковымъ, скончалась 2 октября 1814 года.

и ребенка. Она забрала себѣ въ голову, что строгое исполненіе предписаній врачей, лѣченіе у окулиста Вальтера и климатъ вернуть ей зрѣніе. Въ дѣйствительности она почти ничего не видитъ, ее надо водить, предупреждать о всемъ, нарядить ей мясо, называть лицъ, съ ней заговаривающихъ. Несмотря на почти полную слѣпоту, она дѣлаетъ видъ, будто видитъ, увѣряетъ, что видитъ, и носить очки. Глазъ, на которомъ была сдѣлана операція, менѣе мутенъ, но докторъ Любошицъ говорилъ мнѣ, что операція не удалась, и самъ Вальтеръ не надѣется на возможность вернуть зрѣніе; несмотря на это, онъ предписалъ графинѣ укрѣпляющій режимъ, баденскія ванны, какія она уже брала, и воды Эгра, которыя пьетъ теперь. Она спросила моего мнѣнія, и я посоветовалъ ей вернуться въ Петербургъ; оказывается, она непременно хочетъ отправиться въ Кіевъ, потому что дала обѣтъ побывать тамъ, если къ ней вернется зрѣніе. При ней находится поваръ, три лакеи, горничная, г-жа Ласовикова и русскій врачъ, соскучившійся и всѣми силами стремящійся вернуться поскорѣе въ Россію.

„Вдругъ она спросила меня: „Федоръ Васильевичъ, правда ли, что Вѣра умерла“.

„Я отвѣтилъ, что она должна была догадываться объ этомъ, такъ давно не получала отъ нея писемъ.

„Она воскликнула: „не говорите, не рассказывайте ничего“.

„Затѣмъ послѣдовалъ діалогъ, длившійся четыре часа; она разспрашивала меня обо всѣхъ подробностяхъ, потомъ заговорила о сиротахъ и выразила увѣренность, что Васильчиковъ женится на графинѣ Строгановой. Я возразилъ на это, что въ обществѣ говорятъ о его намѣреніи жениться на Пашковой. Она отвѣтила: „никогда больше не вспоминайте о немъ при мнѣ“. Она проникнута благодарностью къ Императрицѣ Елизаветѣ за заботливость, съ какой она постаралась скрыть отъ нея смерть Вѣры“.

Въ другомъ письмѣ изъ Карлсбада графъ Ростопчинъ пишетъ, что ужасная тетка пріѣхала изъ Эгра и два дня прогостила у него. „Это было сплошное волненіе и мученіе. Она по-прежнему старается всѣхъ увѣрить, что видитъ, хотя слѣпа совершенно; сердится даже на смерть Вѣры потому, что это ее волнуетъ, а окулистъ строго запретилъ ей волноваться. Она говоритъ о слѣпотѣ въ прошломъ: „когда я была слѣпа“, „когда мнѣ вернулось зрѣніе“. Она гуляетъ и соображаетъ, что узнаетъ людей, судить о платьяхъ, цвѣтахъ, разсматриваетъ

карточки дѣтей. Обижена тѣмъ, что король прусскій не навѣстилъ ея. Вечеромъ была у графини Воронцовой, гдѣ обращалась съ разговорами, не зная къ кому“.

„Графиня Протасова“, говоритъ о ней Великій Князь Николай Михайловичъ, „именно“ не хотѣла быть слѣпой“.

„Это несчастіе“, пишетъ Фрейштедтъ о слѣпотѣ графини Протасовой, и внушало бы состраданіе, если бы она не была такъ смѣшна. Она была совершенно слѣпа и *все-таки не хотѣла быть слѣпой* и при томъ, движимая смѣшнымъ тщеславіемъ, постоянно лѣзла къ Высочайшимъ особамъ, что было имъ чрезвычайно въ тягость“.

„Ея притязанія и страсть ко двору не уменьшились“, писалъ о графинѣ Протасовой въ 1814 году изъ Вѣны Н. М. Лонгиновъ, „такъ что Ея Величество постоянно въ страхѣ, что она умретъ у нея въ прихожей или на лѣстницѣ“.

Протасовой, „какъ рыбѣ вода, нужны были придворная обстановка и общество Высочайшихъ особъ“.

Пріѣхавъ въ Вѣну, во время конгресса, Анна Степановна, хотя была стара, дряхла и почти слѣпа, „хотѣла по-прежнему пользоваться развлеченіями и играть видную и блестящую роль въ придворномъ обществѣ“. „Она благополучно провела время конгресса въ Вѣнѣ и тамъ фигурировала „*couverte de diamants comme une chässe et affichant la prétention de passer partout la première—sans doute* (пишетъ Валишевскій) *parcequ'il lui est arrivé, en effet, de prendre le pas sur Catherine en d'autres circonstances*“. „Бѣдная женщина!“ писала о ней Елисавета Алексѣевна; она могла бы внушить такое участіе, если бы она покорилась своей судьбѣ, но, поступая такъ, она внушаетъ только состраданіе“.

„Добрая и сострадательная Императрица всячески старалась облегчить и скрасить печальное существованіе старой камеръ-фрейлины, этой „*la pauvre Anna Stépanowna*“, которую она, по ея признанію, не могла „назвать безъ этого эпитета“, но и она возмущалась подчасъ навязчивостью Протасовой; а Императоръ Александръ I положительно не выносилъ ея.“

„Бога ради“, умолялъ Александръ I Елисавету Алексѣевну, „избавьте меня отъ нея“, и, „по словамъ Императрицы предлагалъ графинѣ и помѣщеніе во всѣхъ своихъ дворцахъ, кромѣ того, гдѣ онъ не хотѣлъ ее видѣть“. Протасова такъ настойчиво добивалась приглашенія пріѣхать на лѣто въ Царское Село, что даже кроткая Императрица воскликнула:

„Нужно быть Анной Степановной, чтобы хотѣть заставить кого-нибудь насильно вась принять“.

По окончаніи Отечественной войны и возвращеніи Императора изъ-за границы, царская фамилія перѣехала, какъ извѣстно, въ Москву, гдѣ она провела всю зиму 1817 — 18 гг. Въ это время Александръ I постоянно разъѣзжалъ: то въ Петербургъ, то совершалъ болѣе или менѣе продолжительныя поѣздки по Россіи и мало проводилъ время съ семьей; постоянныя разлуки съ мужемъ были тягостны для молодой Императрицы; она скучала по Петербургу и недомогала; ея тяжелое душевное настроеніе отразилось въ ея письмахъ къ гр. Протасовой изъ Москвы.

3 октября 1817 г. Государыня писала Аниѣ Степановнѣ:

„Спешу исполнить обещаніе мое, любезная Анна Степановна, и скажу вамъ, что я пріѣхала благополучно въ Москву въ воскресный 30 числа, вечеру въ десятомъ часу; точно такъ, какъ было назначено. Государя мы нашли уже въ Черной Грязи, и всѣ мы вмѣстѣ вѣхали въ городъ, только incognito. На другой день пошли къ обѣдни въ Успенскій Соборъ, и вы легко можете себѣ представить, какимъ множествомъ народа Кремлевская площадь была покрыта“.

Зима въ тотъ годъ стояла суровая, и это отразилось на здоровьи начавшей прихварывать Елисаветы Алексѣевны; слухи о болѣзни Императрицы дошли въ преувеличенномъ видѣ до Протасовой.

„Мнѣ очень жаль, дорогая Анна Степановна, что вамъ сообщили обо мнѣ не вѣрныя свѣдѣнія“ ¹⁾, спѣшила ее успокоить Государыня; „я вижу изъ вашего послѣдняго письма, что вы считаете меня больной и что вамъ сказали, будто у меня часто бываютъ флюсы, между тѣмъ у меня съ самаго пріѣзда въ Москву не было ни одного флюса и здоровье мое очень хорошо... не обвиняйте ни въ чемъ соборы, мы не посѣщали ихъ съ 14 октября. При морозахъ, установившихся въ послѣднюю недѣлю, было бы невозможно войти туда, морозъ доходилъ у насъ до 23°“.

Поздравляя Протасову съ новымъ годомъ, Елисавета Алексѣевна выражала надежду увидѣться съ нею, въ наступающемъ 1818 году, въ Петербургѣ, „но не прежде Маія мѣсяца, и хотя пребываніе мое въ Москвѣ много для меня имѣетъ пріятнаго,

¹⁾ Письмо отъ 25 ноября 1817 г. по-французски.

не могу думать безъ некоторой печали, что я Петербургъ и жителей его очень долго не увижу“ ¹⁾).

„Теперь ²⁾ у насъ все тихо, радость и движеніе переведены въ Петербургъ присутствіемъ Государя; и ежели погода такъ же пріятна, какъ здѣсь, то, по моему воображенію, нашъ Петербургъ долженъ имѣть самый праздничный видъ“.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Москвѣ, Александръ І отправился, въ исходѣ февраля, въ продолжительное путешествіе по Россіи. „Веселія Московскія“ ³⁾, объ которыхъ вы говорите, пишетъ Государыня Протасовой въ день отъѣзда супруга, хотя насъ окружаютъ, но мы не участвуемъ въ нихъ. При дворѣ все очень тихо. Государь ѣдетъ сегодня ночью, и очень не весела мысль, что мы три мѣсяца останемся безъ него“.

Весною того года въ Москвѣ было много больныхъ; Государыня также недомогала, долго „не выходила изъ комнаты и праздники (Пасхи) проводила по большей части въ постелѣ или на канapé. У меня была простудная лихорадка, сообщала она А. С.; теперь я почти совсѣмъ здорова, но по причинѣ холоднаго воздуха не позволяютъ мнѣ выѣзжать“.

„Отъ московскихъ забавъ я ничего не видала и только слышала колокольный звонъ, который нѣсколько мучилъ меня больною. Даже новорожденного Великаго Князя“ ⁴⁾ и племянника еще не видала“.

Въ маѣ мѣсяцѣ дворъ вернулся въ Царское Село; туда же возвратилась изъ вояжа графиня Протасова и была, какъ всегда, ласково принята Императрицей; впрочемъ, она пробыла въ Россіи весьма не долго; необходимость пользоваться водами заставила ее снова уѣхать за границу.

„Послѣднія десять лѣтъ своей жизни,“ говоритъ Великій Князь Николай Михайловичъ, „графиня Протасова постоянно лѣчилась, таская за собой какого-то „лифляндскаго“ доктора Любошица. Она разтѣвжала по всѣмъ знаменитымъ окулистамъ, несмотря на то, что они всѣ единогласно признавали ее неизлѣчимой“. Обѣ Императрицы, на протяженіи этихъ нѣсколькихъ лѣтъ писали ей, гдѣ бы онѣ ни находились, а вдовствующая Императрица, поздравляя ее съ днемъ ангела или рожденія, неизмѣнно сопровождала письмо какимъ-либо цѣннымъ подаркомъ“.

¹⁾ Письмо отъ 6 января 1818 г.

²⁾ Письмо отъ 18 января 1818 г.

³⁾ Письмо отъ 20 февраля того же года.

⁴⁾ Великій Князь Александръ Николаевичъ.

Въ послѣднемъ письмѣ къ Протасовой за границу, Елисавета Алексѣевна упоминаетъ о кончинѣ „своего лучшаго друга“—своей сестры, принцессы Амаліи Баденской, благодарить Анну Степановну за сочувствіе по случаю постигшаго ее горя и говорить: „Вы хорошо знали ее, вы видѣли насъ вмѣстѣ, никто лучше васъ не знаетъ, чѣмъ она была для меня въ теченіе долгихъ лѣтъ, поэтому я была заранѣе увѣрена, что вы раздѣлите мои чувства, но я не рѣшалась первая заговорить объ этомъ грустномъ событіи въ ту минуту, когда вы быть можетъ не совсѣмъ здоровы. Поэтому я очень благодарна Вамъ, дорогая графиня, за то, что Вы предупредили меня своимъ письмомъ и разсѣяли мои сомнѣнія на этотъ счетъ. Надежда, которую Вы подаете мнѣ на то, что мы увидимъ Васъ въ этомъ году въ Россіи, меня радуетъ. Мнѣ кажется, Вы ошибаетесь, предполагая, что Императоръ собирается въ мартѣ мѣсяцѣ въ Италію.

„Въ газетахъ пишутъ о поѣздкѣ туда императора австрійскаго, но нашъ Государь объ этомъ и не помышляетъ. Здоровье его, благодаря Богу, возстановилось: у него была на ногѣ рожа, вслѣдствіе чего онъ пролежалъ 4 недѣли въ постелѣ; я льщу себя надеждою, что послѣ этой болѣзни его здоровье возстановится на долго“¹⁾.

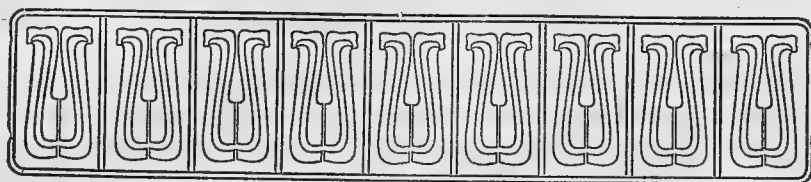
Это письмо писано 22 февраля (5 марта) 1824 г.; очевидно, вскорѣ послѣ этого гр. Протасова возвратилась въ Россію: имѣется еще одна записка, безъ даты, въ которой Государыня благодаритъ ее за присланную ей шляпу и выражаетъ сожалѣніе по поводу того, что „находясь подъ одной съ нею кровлей, она еще не имѣла возможности ее видѣть“ по причинѣ нездоровья, „хотя здоровье мое улучшается“, пишетъ Елисавета Алексѣевна, „но я еще не предвижу, когда я смогу выѣзжать или хотя бы принять кого нибудь“.

По возвращеніи въ Россію А. С. Протасова прожила недолго; она умерла 12 апрѣля 1826 года и погребена въ Александро-Невской лаврѣ, въ церкви Св. Духа.

В. Тимошукъ.

---

¹⁾ Письмо писано по-французски.

Памяти адмирала Г. И. Невельскаго.

23 ноября 1813 ¹⁾—17 апрѣля 1876 г.

Великіе люди, на подобіе звѣздъ,
часто обращаютъ на себя вниманіе
только тогда, когда они затмимы.

И. Тэнъ.

Энергичнаго, отважнаго піонера русской цивилизаціи на Дальнемъ Востокѣ, смѣлой экспедиціей котораго на транспортъ „Байкалъ“ было положено основаніе пріобрѣтенію Россіей мирнымъ путемъ Пріамурскаго и Южно-Уссурийскаго края, Геннадія Ивановича Невельскаго я знала уже адмираломъ, членомъ ученаго комитета морского министерства, предсѣдателемъ Петербурскаго отдѣленія русскаго торговаго мореходства.

Я помню его въ дѣтствѣ—въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Живо представляется мнѣ образъ этого человѣка съ свѣтлымъ умомъ, поразительной энергіей и силой воли и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно гуманнаго и добродушнаго. Небольшого роста, худощавый, съ открытымъ лбомъ, короткими сѣдыми усами и необыкновенно живыми, выразительными глазами. Онъ ходилъ быстро, говорилъ внятно, громко; всегда съ большимъ одушевленіемъ.

Жена его, Екатерина Ивановна ²⁾, раздѣлявшая съ мужемъ всѣ труды и лишенія опасной, смѣлой экспедиціи на Амуръ—изящная, обаятельная подруга моей матери по Смольному институту ³⁾, была съ ней всю жизнь очень дружна. Ровесницы ея старшихъ дочерей—мы часто видѣлись.

¹⁾ На памятникѣ годъ рожденія обозначенъ 1814 г. *Ред.*

²⁾ Урожденная Ельчанинова.

³⁾ Выпуска 1848 г.

Семья Невельскихъ, состоявшая изъ него самого, Екатерины Ивановны, трехъ дочерей и малолѣтняго сына ¹⁾, жила въ то время въ концѣ Сергіевской близъ Таврическаго сада, и занимала правую половину бельэтажа, въ домѣ Ромулова ²⁾ (между двумя домами кн. Барятинскаго).

Хорошо помнится мнѣ, по прошествіи многихъ десятильѣтъ, эта квартира. Небольшой залъ окнами во дворъ, просторная гостиная; полутемная, уютная съ однимъ угловымъ окномъ — столовая, изъ которой длинный коридоръ велъ во внутренніе апартаменты.

Мы посѣщали часто уроки танцевъ, которые преподавалъ извѣстный балетмейстеръ того время — знакомый всему Петербургу, И. Т. Стуколкинъ. Стоя въ дверяхъ столовой, съ заложенными за спину руками, Геннадій Ивановичъ съ особеннымъ интересомъ слѣдилъ за продѣлываемыми всѣми нами (тогда еще подростками), затѣйливыми па, дѣлая при этомъ критическія замѣчанія, со свойственнымъ ему, добродушнымъ юморомъ, но особенно занимали его гимнастическія упражненія, продѣлывавшіяся нами подъ командой миниатюрной, съ военной выправкой, М-ле Ерундаевой ³⁾. Быстрыя, ловкія движенія, присѣданья, прыжки всегда забавляли адмирала.

На традиціонныхъ балахъ Морского корпуса (6 ноября), отличавшихся особеннымъ многолудствомъ и оживленіемъ, Геннадій Ивановичъ чувствовалъ себя совѣмъ дома. Онъ не присаживался ни на одну минуту. Его можно было видѣть то быстро поднимающимся на ютъ корабля — для привѣтствія дамъ, слѣдившимъ сверху за оживленными танцами, то бесѣдующимъ съ цѣлой группой моряковъ-сослуживцевъ, то подходящимъ къ молодежи, столпившейся возлѣ стѣнки. Помнится мнѣ, что однажды, разговарившій въ одной изъ оконныхъ нишъ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ ⁴⁾

¹⁾ Ольга Ген. впоследствии замужемъ за Сорохтинымъ; Марія Ген. за Куколемъ, Александра Ген. за усманскимъ пр. дворянства Охотниковымъ, Николай Геннадьевичъ, сначала воспитавшійся въ Морск. кор., служившій въ Преображенскомъ полку.

²⁾ Въ домѣ Ромулова скончался какъ самъ Геннадій Ивановичъ, такъ и въ январѣ 1879 — Ек. Ив.

³⁾ М-ле Ерундаеву, воспитанницу Николаевского института, рекомендованную нами — какъ и М-ле Бекендорфъ — типичную берлинскую нѣмку, жившую у Невельскаго и дававшую намъ уроки рисованія.

⁴⁾ Г. И. Невельскій преподавалъ Великому Князю морскія науки, совершалъ съ нимъ неоднократныя плаванія и пользовался особеннымъ расположеніемъ генералъ-адмирала, цѣнившего въ немъ рѣдкія достоинства ума и сердца.

Геннадій Ивановичъ, замѣтивъ, стоявшаго неподалеку, маленькаго кадетика, нерѣшительно теребившаго перчатку, прервавъ разговоръ съ Генералъ-Адмираломъ, подошелъ къ нему: „Вижу, малышъ, что тебѣ танцовать хочется. Да храбрости у тебя, братъ, не хватаетъ. Подыщу я самъ тебѣ даму — по тебѣ“. И, взявъ его за плечи, подвелъ къ маленькой дѣвчкѣ въ пышномъ бѣломъ платьѣ, съ розовой ленточкой на курчавой, русой головкѣ. Продолжая прерванный разговоръ съ Его Высочествомъ, Геннадій Ивановичъ слѣдилъ глазами за танцующей парочкой. Маленькій кадетикъ оказался ловкимъ танцоромъ и такъ энергично крутилъ свою даму въ polka au rebours, что Геннадій Ивановичъ, приговаривавшій въ началѣ „ловко“, сжался надъ маленькой запыхавшейся дамой — „будетъ, довольно“, говорилъ онъ вслѣдъ своему протезу.

Стоявшимъ не подалеку гардемаринамъ онъ указывалъ на не танцующихъ, сидящихъ возлѣ родителей барышень, приговаривая: „танцуйте живѣй, веселѣй“.

Часто по утрамъ приходилось видѣть его идущимъ по солнечной сторонѣ Невскаго проспекта, направлявшимся къ мѣсту его служенія — Главному Адмиралтейству. По дорогѣ Г. Ив. часто останавливался для разговоровъ съ однимъ изъ встрѣченныхъ имъ знакомыхъ или продолжалъ путь съ кѣмъ-либо изъ моряковъ, оживленно разговаривая.

Онъ былъ горячимъ патриотомъ. Во время русско-турецкой кампаніи ¹⁾ семья Невельскихъ на личные средства заготовляла и отправляла на театръ военныхъ дѣйствій бѣлье, бинты, перевязочныя средства для раненыхъ воиновъ. По средамъ собиралось у нихъ для работы многочисленное общество великосвѣтскихъ дамъ и дѣвицъ.

Уютная столовая превращалась тогда въ настоящую швейную мастерскую. На большомъ обѣденномъ столѣ навалены были куски холста, бумагеи, фланели и пр. Спѣшно кроилось бѣлье, заготавлились бинты, щипалась корпія. Работа кипѣла — кто шилъ на машинѣ, кто закладывалъ рубцы, заготавливая, наметывая наскоро для прострочиванія на стоявшей въ концѣ стола Зингеровской машинѣ. Читались газеты, дѣлились новостями, получаемыми отъ родныхъ и знакомыхъ съ театра военныхъ дѣйствій; прочитывались письма изъ дѣйствующей арміи. Все готовое, сшитое передавалось Екатеринѣ Ивановнѣ, которая складывала, пересчитывала для отправки въ Общество Краснаго Креста.

¹⁾ Авторъ ошибается. Это происходило во время не русско-турецкой, а турецко-сербской войны, т. к. Г. И. Невельской умеръ въ началѣ 1876 г. Ред.

Геннадія Ивановича, возвращавшагося со службы и заставшаго большое дамское общество, очень интересовала работа добровольныхъ труженицъ; онъ поощрялъ ихъ усердіе и прилежаніе, приносилъ интересныя новости и тѣ маленькіе листки-телеграммы, которыми такъ бойко торговали на перекресткахъ улицъ газетчики и уличные мальчишки, неистово выкрикивавшіе сенсационныя новости, навязывая прохожимъ краткія афиши.

Геннадій Ивановичъ, какъ истинно русскій человекъ, былъ весь проникнутъ чувствомъ горячаго патріотизма. Онъ желалъ быть юношей, чтобъ въ ряду добровольцевъ принимать участіе въ кровопролитныхъ бояхъ.

Въ послѣдніе годы жизни Геннадій Ивановичъ серьезно болѣлъ и въ 1876 году скончался въ Петербургѣ и былъ погребенъ на кладбищѣ Новодевичьяго монастыря.

Вдовѣ его Екатеринѣ Ивановнѣ ¹⁾ — тому вѣрному и неизмѣнному другу — нравственной поддержкѣ которой онъ приписывалъ успѣхъ своей отважной экспедиціи, принадлежитъ трудъ по собиранію матеріаловъ и изданію *Записокъ* ²⁾ Г. Ив., составляющихъ цѣнный вкладъ въ исторію русскаго мореплаванія и знакомящихъ съ подробностями той опасной, смѣлой экспедиціи, которая была предпринята имъ, съ рискомъ навлечь на себя гнѣвъ Государя Императора и тяжелую отвѣтственность передъ начальствомъ и правительствомъ за превышеніе уполномочій, полученныхъ имъ отъ Главнаго морского штаба.

Надо было обладать необычайной смѣлостью, несокрушимой силой воли, чтобы поставить цѣлью жизни — на основаніи научныхъ данныхъ, — совершить новое изысканіе въ опроверженіе доклада изслѣдователя подпоручика штурмановъ Гаврилова (въ 1846 г. на бригѣ „Константинъ“) о томъ, что входъ въ Амурскій лиманъ доступенъ только для судовъ 16 фѣт. углубленія, а дальнѣйшее плаваніе совершенно невозможно — послѣ того, какъ самимъ Государемъ Николаемъ I была положена резолюція: „Жалѣю. Вопросъ объ Амурѣ, какъ о рѣкѣ бесполезной — оставить. Лицъ, посылавшихся на Амуръ, наградить“.

¹⁾ Екатерина Ивановна не долго пережила мужа. Она скончалась въ январѣ 1879 г. отъ крупознаго воспаленія легкихъ и была погребена рядомъ съ мужемъ, на кладбищѣ Новодевичьяго монастыря на дорожкѣ отъ Карамзинской церкви къ Громовской.

²⁾ Записки были изданы въ 1878 г. подъ редакціей Вахтина. Въ 1894 г. были изданы дочерью Г. Ив. подъ псевдонимомъ Vera Vend *Amiral Nevelskoy et la conquête définitive du fleuve Amour*.

Рискуя навлечь на себя гнѣвъ Императора, выразившагося однажды: „на что намъ эта рѣка, когда положительно доказано, что входить въ ея устье могутъ только лодки“, несмотря на не только несочувственное, но даже враждебное отношеніе высшихъ сферъ къ попыткѣ произвести новыя изысканія, Геннадій Ивановичъ, глубоко убѣжденный въ заблужденіи признанныхъ авторитетовъ, искалъ случая фактическаго опроверженія мнѣнія о несудоходности Амура и признаніи Сахалина полуостровомъ, прилегающимъ къ Азіатскому материку.

Капитаномъ-лейтенантомъ командиромъ транспорта „Байкаль“, которому поручена была доставка провіанта въ Петропавловскъ и Охотскъ, ему представилась возможность осуществленія завѣтной мечты.

Готовность оказать содѣйствіе въ проектѣ производства новаго изслѣдованія рѣки Амура, ея устья и лимана, — ему удалось встрѣтить во вновь назначенномъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскомъ. Составленная имъ инструкция, отправленная въ Петербургъ для Высочайшаго утвержденія, по независящимъ обстоятельствамъ не получалась такъ долго, что неустрашимый командиръ „Байкала“, со своимъ отважнымъ экипажемъ, тѣлою прождавъ ее нѣсколько мѣсяцевъ, рѣшился за свой личный страхъ, съ рискомъ подвергнуть себя и подчиненныхъ строгой ответственности ¹⁾, 24 іюня 1849 года бросить якорь въ Амурскомъ лиманѣ.

Пройдя вдоль лѣваго берега Амура приблизительно верстъ 300 и спустившись къ устью его, Геннадій Ивановичъ убѣдился какъ въ судоходности его, такъ и въ основательности своего положенія, что между Сахалиномъ и материкомъ Азіи не существуетъ перешейка, какъ утверждали до него мореплаватели Лаперузъ, Крузенштернъ и командиръ брига „Константинъ“ — Гавриловъ, что Сахалинъ островъ отдѣльный отъ материка судоходнымъ проливомъ.

3-го сентября 1849 г. транспортъ „Байкаль“ прибылъ съ донесеніемъ въ Аянъ, резиденцію генералъ-губернатора. Графъ Н. Н. Муравьевъ на катерѣ выѣхалъ ему навстрѣчу.

„Господь намъ помогъ... Сахалинъ островъ... Входъ въ рѣку Амуръ возможенъ для мореходныхъ судовъ — съ сѣвера и юга“, — радостно доложилъ Г. Ив. еще съ налуды.

¹⁾ На основаніи одной только полученной изъ Главнаго морского штаба — за подписью ея начальника Свѣтлѣйшаго князя Меншикова — краткой инструкции, предостерегающей его отъ ответственности предъ правительствомъ въ случаѣ убытковъ казнѣ и неудачъ.

День 3-го сентября былъ, по словамъ Геннадія Ивановича, счастливѣйшимъ днемъ его жизни, возможность осуществленія завѣтной мечты вознаградила его за всѣ труды и лишенія, за ту тяжелую отвѣтственность, которой подвергала его безза-вѣтная отвага.

Образованный въ Петербургѣ Амурскій Комитетъ, слѣдившій за дѣйствіями Г. Ив., настолько непріязненно, враждебно относился къ нему, что осторожный дипломатъ графъ Нессель-роде ¹⁾ и горячій пылкій графъ Чернышевъ ²⁾ настаивали на разжалованіи его въ матросы, за превышеніе полученныхъ имъ уполномочій.

Императоръ Николай I по докладу графа Муравьева не только не подвергъ его опалѣ, но, признавъ подвигъ его патриотически-молодецкимъ, наградилъ его орденомъ Св. Владимира 4-ой степени, съ которымъ Гиннадій Ивановичъ никогда не разставался, дорожа имъ гораздо больше, чѣмъ всѣми полученными впослѣдствіи звѣздами и знаками отличія.

6 августа 1850 г. былъ торжественно заложенъ первый фортъ, названный въ честь Императора „Николаевскимъ“, и на Амурѣ, этой далекой окраинѣ, побѣдоносно взвился впервые нашъ Русскій флагъ.

Какъ администраторъ, Г. И. проявилъ много такта, умѣнья, энергіи при заселеніи края. Надо было обладать его свѣтлымъ умомъ, поразительной энергіей, чтобы дружескимъ отношеніемъ къ гилыкамъ внушить къ себѣ такое довѣріе, такъ расположить къ себѣ инородцевъ, что они, охотно принимая русское подданство, выражали ему, какъ могли, свою любовь и преданность.

Заслугой Г. Ив. передъ родиной было присоединеніе къ Россіи Пріамурскаго и Южно-Уссурійскаго края, и признаніемъ р. Амура судоходной сокращено на 4.000 верстъ разстояніе между Иркутскомъ и самымъ дальнимъ пунктомъ нашей окраины Охотскомъ.

Подвигъ адмирала Невельскаго былъ оцѣненъ по заслугамъ. Въ 1891 году въ Владивостокѣ былъ освященъ, воздвигнутый ³⁾ въ честь его, памятникъ. Въ одной изъ глубокихъ нишъ высокаго, величественнаго гранитнаго обелиска, увѣнчаннаго могучимъ орломъ надъ глобусомъ, — помѣщенъ превосходно испол-

¹⁾ Министръ иностранныхъ дѣлъ.

²⁾ Министръ военный.

³⁾ Сооруженный на добровольныя пожертвованія свыше 10.000 т., планъ архитектора Антипова.

ненный бюстъ ¹⁾ его, а на массивныхъ доскахъ остальныхъ трехъ нишъ перечислены всѣ событія, относящіяся къ экспедиціи; начертаны милостивыя, знаменательныя слова Императора: „Гдѣ разъ поднять русскій флагъ, онъ ужъ больше спускаться не можетъ“. Изображена корма транспорта „Байкалъ“ и перечислены всѣ участники экспедиціи ²⁾, всѣ сподвижники отважнаго смѣлаго командира.

Циркуляромъ Главнаго - морского штаба отъ 17 ноября 1908 г. предполагено сооруженіе, на добровольныя пожертвованія, новаго памятника адмиралу Невельскому, въ Николаевскѣ на Амурѣ ³⁾, въ знакъ признательности благодарнаго отечества „своему достойнѣйшему сыну“ (какъ гласитъ циркулярное распоряженіе управляющаго морск. министерствомъ).

М. Марина.

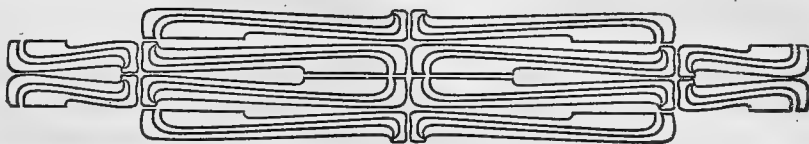

¹⁾ Верфеля въ Петербургѣ. Изъ темной бронзы—художественной работы поразительнаго сходства.

²⁾ Въ томъ числѣ жены Г. Ив.—Екатерины Ивановны Невельской, жены д-ра Орлова и пр., а также всѣхъ нижнихъ чиновъ экипажа „Байкала“.

³⁾ На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1856 г. былъ поднять тогда капитаномъ I ранга Г. И. Невельскимъ русскій военный флагъ и Приамурье фактически было объявлено принадлежащимъ Россіи.

Императоръ Александръ I и русская оккупация Восточной Пруссіи

въ концѣ 1812 года и въ началѣ 1813-го.

I.

Древнелатинское афористическое изреченіе: „vox populi—vox dei“ (гласъ народа — гласъ Божій), нашедшее, какъ извѣстно, убѣжище себѣ во всѣхъ культурныхъ языкахъ, заслуживаетъ несомнѣннаго вниманія, ибо имѣетъ громадное значеніе при оцѣнкѣ нравственно-бытовыхъ явленій общественной, частной и семейной жизни. Но тотъ же гласъ народа утрачиваетъ, за рѣдкими исключеніями, точчасъ же свой авторитетъ, когда коснется историческихъ событій. Переходящая отъ одного поколѣнія къ другому народная молва искажаетъ безъ всякаго умысла или злого намѣренія достовѣрность большинства фактовъ и характеристику дѣйствовавшихъ лицъ до полной ихъ неузнаваемости. Такимъ образомъ слагаются не только ошибочныя мнѣнія о минувшей эпохѣ, но и раздаются хвалебныя гимны, звучащіе и по днесь, лицамъ и учрежденіямъ, не имѣвшимъ, при тщательномъ, безпристрастномъ разслѣдованіи, никакихъ особенныхъ заслугъ въ воспѣваемыхъ народнымъ гласомъ событіяхъ. Добросовѣстный исторіографъ долженъ считаться съ тѣмъ, что подхваченный „народнымъ гласомъ“ и пущенный какимъ-нибудь случайнымъ запѣвалой, мотивъ варіируется капризной толпой подъ разными впечатлѣніями то на мажорный, то на минорный ладъ, или передвигается произвольно вверхъ или внизъ.

Въ новѣйшей исторіи, т.-е. въ событіяхъ, отдѣленныхъ отъ

насъ лишь однимъ столбтиемъ, яркимъ примѣромъ подобной ошибочной оцѣнки является укоренившееся въ понятіяхъ большинства нѣмецкаго народа и отчасти даже въ литературѣ мнѣніе, что главными инициаторами пробужденія прусско-германскаго патріотизма въ концѣ 1812 г. и въ началѣ 1813 были Пруссія съ королемъ *Фридрихомъ Вильгельмомъ III во главѣ*. Хотя въ Германіи вскорѣ послѣ этого и раздавались въ печати и въ нѣкоторыхъ серьезныхъ историческихъ трудахъ голоса, исправляющіе этотъ чрезчуръ односторонній, пристрастный взглядъ, но все же никто не рѣшался возстать энергично противъ „возвышающаго чувства прусскихъ патріотовъ обмана“ и отдать должную дань справедливости и благодарности тѣмъ, кто въ дѣйствительности первый кликнулъ кличъ прусско-германскому народу, призывая его сбросить Наполеоновское иго. Въ этомъ отношеніи заслуга Императора Александра I ждетъ еще своего признанія со стороны нѣмцевъ хотя бы постановкой памятника ему въ Кенигсбергѣ, но это, видимо, никогда не осуществится, ибо даже такому заслуженному германскому патріоту, какъ барону *Штейну*, не нашлось въ древней королевско-прусской резиденціи мѣста для его увѣковѣченія. *Штейнъ* былъ единственнымъ государственнымъ человекомъ изъ нѣмцевъ, состоявшимъ временно на русской службѣ, который дѣйствительно и чрезвычайно много содѣйствовалъ подъему народнаго духа въ Германіи. Но его дѣятельность носила характеръ добровольнаго служенія прусско-германскимъ интересамъ, хотя онъ и опирался на мощный авторитетъ русскаго царя. Императоръ *Александръ I*, давшій самъ себѣ клятву уничтожить врага, смотрѣлъ въ противоположность *Штейну* на пробужденіе нѣмецкаго патріотизма не какъ на самодовлѣющую цѣль, а лишь какъ на необходимое средство для конечнаго вѣнчанія предпринятаго имъ дѣла. Легенда о мнимыхъ великихъ заслугахъ короля *Фридриха Вильгельма III* и его присныхъ въ этомъ направленіи возникла благодаря услужливымъ льстецамъ, торопившимся въ печати и публичныхъ собраніяхъ распространять славу монарха на поприщѣ, *гдѣ онъ не спялъ, а только пожиналъ!* Такъ, между прочимъ, одинъ очень посредственный, третьестепенный писатель-иитъ, придворный совѣтникъ *Клауренъ*, настоящая фамилія котораго была Гейнъ (Hein), написалъ стихотвореніе на мотивъ „*Der König rief und alle, alle kamen*“ (кликнулъ король, и все на зовъ явились), переложенное затѣмъ на музыку. Въ этомъ ничтожномъ произведеніи вся заслуга въ дѣлѣ освобожденія Пруссіи отъ французской тиранніи приписывалась королю. Что

въ дѣйствительности дѣло происходило совершенно иначе, теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію, и мы постараемся по случаю празднуемыхъ, въ настоящее время, въ Германіи столѣтнихъ юбилеевъ, памятныхъ событій той эпохи, возстановить и для русскихъ читателей хронологію и психологическую сторону первоначальныхъ этихъ событій въ концѣ 1812-го года и въ началѣ 1813-го, какъ имѣвшихъ рѣшающее значеніе на весь дальнѣйшій ходъ исторіи.

II.

До сихъ поръ ученые изслѣдователи великой эпохи, начавшейся съ французской революціи и кончившейся паденіемъ Наполеоновской имперіи, не могли отыскать настоящихъ, побудительныхъ причинъ, вызвавшихъ войну 1812 года и упорное ея продолженіе послѣ изгнанія врага изъ предѣловъ Россіи. Всѣ данныя въ этомъ направленіи объясненія не могутъ удовлетворить серьезную историческую критику. Менѣе всего заслуживаютъ вниманія указанія на различіе характеровъ и возрѣній между Наполеономъ I и Александромъ I. Такія сопоставленія могутъ дѣлать только дилеттанты, ибо что касается характера, темперамента и духовнаго развитія, то русскій самодержецъ ни съ однимъ изъ монарховъ тогдашнихъ великихъ и второстепенныхъ державъ не сходилъ во взглядахъ и не питалъ ни къ кому изъ нихъ симпатій. Ни къ прусскому королю *Фридриху Вильгельму III*, ни къ императору австрійскому *Францу*, онъ не проявлялъ ни малѣйшаго расположенія, напротивъ, чувствовалъ къ обоимъ извѣстную долю личной непріязни, которую умѣлъ только очень ловко скрывать. *Наполеонъ I* былъ ему въ сущности гораздо болѣе по душѣ, если бы не тщеславіе *Александра I* и затаенная зависть не препятствовали искреннему сближенію этихъ двухъ могущественнѣйшихъ, въ ту пору, монарховъ міра.

„*Рука Всевышняго отечество спасла*“. Прекрасный этотъ, хотя и немного наивный, стихъ Кукольника никогда не слѣдовало бы забывать *Александру I*. Послѣ перехода черезъ Березину и тайнаго бѣгства *Наполеона* прямо въ Парижъ, русской арміи слѣдовало бы дать отдыхъ, прекратить дальнѣйшее преслѣдованіе жалкихъ французскихъ отрядовъ, утратившихъ послѣдніе признаки всякой военной организаціи. Между тѣмъ русскій царь горѣлъ желаніемъ продолжать войну, которая со дня Кутузовской прокламаціи въ Калишѣ, отъ 25-го марта 1813 года, гдѣ фельдмаршалъ призывалъ народы Европы присоединиться

къ нему, превратилась изъ національно-русской въ политическую. О защитѣ отечества уже никто больше не говорилъ, а мысли и сужденія вращались вокругъ вопроса о „спасеніи Европы“. Въ пятый разъ, въ продолженіе 20 лѣтъ, русскія войска должны были сражаться за интересы не только другихъ, хотя-бы дружественныхъ намъ народовъ, но и въ пользу завѣдомо враждебныхъ Россіи государствъ. Омоченный кровью, до нѣдръ земли и вымощенный костями 300.000 русскихъ воиновъ, путь отъ Москвы да Калиша мы продолжали прокладывать до самаго Парижа. Неужели и тутъ „рука Всевышняго“ охраняла заботливо интересы отечества? Всѣ увѣренія военныхъ историковъ и публицистовъ-политиковъ, что *Наполеонъ*, не преслѣдуемый русской арміей, предпринялъ бы, собравшись съ силами, немедленно вторичный походъ въ Россію, представляютъ собой ни на какихъ реальныхъ данныхъ не основанное мнѣніе. Если онъ даже самъ увѣрялъ въ этомъ окружающихъ его людей, какъ это было во время его бѣгства въ Польшу, то подобныя увѣренія отнюдь не могли служить доказательствомъ серьезнаго его намѣренія—вновь испытать счастье на поляхъ Россіи, гдѣ валялись еще десятками тысячъ непохороненные трупы павшихъ французскихъ легіоновъ. Великій полководецъ отлично сознавалъ все безуміе сломить силу Россіи вторичнымъ вторженіемъ въ ея предѣлы. Духъ его войска былъ настолько надломленъ и подавленъ страшнымъ пораженіемъ 1812 года, что ни въ одномъ изъ послѣдовавшихъ за катастрофой официальныхъ приказовъ по арміи онъ ни единымъ словомъ не намекалъ на желаніе отомстить за походъ въ Россію. Вопросъ касался исключительно сохраненія Франціей престижа первествующей великой державы и удержанія завоеваній, сдѣланныхъ со временъ республики. Если же дотолъ грозный и непобѣдимый диктаторъ Европы держалъ себя вызывающе и крайне надменно при переговорахъ о мирѣ съ другими представителями европейскихъ державъ, то это былъ съ его стороны тактическій пріемъ, не лишенный коммерческаго разчета въ смыслѣ черемърнаго запрашиванья, дабы потомъ можно было подъ наплывомъ показного великодушія кое-что и уступить. Но въ душѣ онъ былъ бы очень радъ, если бы начатыя въ маѣ 1813 г. переговоры о перемиріи кончились настоящимъ, прочнымъ миромъ. Психическое настроеніе *Наполеона*, при началѣ кампаніи 1813 года, было далеко отъ воодушевленія, охватившаго его въ маѣ 1812 года въ Дрезденѣ и особенно въ дни пребыванія въ Вильнѣ, когда велъ онъ бесѣду съ генералъ-адъютантомъ *Балашевымъ*.

Духъ его былъ омраченъ, сильно озабоченъ, что проглядывало въ перѣшительности его дѣйствій. Въ день отъѣзда изъ Парижа къ дѣйствующей арміи, императора встрѣтила, ожидавшая его за заставой, громадная народная толпа, единодушными криками: „миръ, миръ!“ Высунувшись изъ коляски, Наполеонъ крикнулъ громко толпѣ: „*Черезъ два мѣсяца вы будете имъ наслаждаться!*“ Не могъ же гениальный полководецъ надѣяться, что покончить съ коалиціей враговъ въ какіе-нибудь два мѣсяца; онъ несомнѣнно надѣялся не на одинъ успѣхъ оружія, но и на дипломатическую кампанію. Не могло укрыться отъ его внимательнаго взора и то обстоятельство, что послѣ несчастнаго похода въ Россію, всѣ вѣншіе и внутренніе противники французскаго имперіализма значительно *ослѣбли*. Ему навѣрно донесли, что на другой день послѣ его отъѣзда изъ столицы, на стѣнахъ Тюильрійскаго дворца красовалась надпись, полуаршинными буквами, гласящая: *palais à vendre, couronne à reprendre, tyran à prendre.*

Знакомясь глубже съ военно-историческими событіями 1813 года, приходишь къ заключенію, что ни въ одной изъ *предыдущихъ наполеоновскихъ кампаній* закулисная политика и подпольная дипломатическая интрига не играли такой выдающейся и решающей роли, какъ именно во время похода въ предѣлахъ Германіи. Параллельно съ сражающимися арміями и въ унисонъ грохоту тысячи орудій, велась не менѣе упорная духовная борьба, скрытая отъ глазъ профановъ, при чемъ нерѣдко группировка воюющихъ въ безпредѣльномъ воздушномъ пространствѣ державъ была совсѣмъ иная, нежели на поляхъ сраженія. Съ русской стороны духовная эта кампанія велась почти единолично Императоромъ Александромъ I, несомнѣнно и сильно вдохновляемымъ своимъ бывшимъ воспитателемъ Лагарпомъ, а также и *Поццо ди Борго*.

Во многихъ русскихъ историческихъ трудахъ и очеркахъ приводится и утверждается, господствовавшее уже въ ту пору, мнѣніе, что Императоръ Александръ I подпалъ въ 1812, 1813 и 1814 годахъ подъ вліяніе, примававшихся къ русскому двору и главной квартирѣ, „*прусскихъ патріотовъ*“, въ особенности барона Штейна. Подобный укоренившейся и въ русскомъ обществѣ взглядъ основанъ на слабомъ и крайне поверхностномъ знаніи достовѣрныхъ событій упомянутой знаменательной эпохи и подлинныхъ отношеній, господствовавшихъ между ставшими теперь историческими лицами, которыхъ, съ присущимъ, общественному мнѣнію, легкомысліемъ стали произвольно объединять узами дружбы, преклоненія другъ передъ другомъ, общностью интересовъ и прочими сентиментальными выдумками. При всемъ глубокомъ

уваженіи, которое *Александръ I* несомнѣнно питалъ къ выдающему государственному уму *Штейна*, послѣдній не имѣлъ никакого рѣшающаго вліянія на русскаго Императора. Что баронъ *Штейнъ* былъ лучше и вѣрнѣе оцѣненъ чужестраннымъ монархомъ, нежели своимъ собственнымъ, это не даетъ еще повода говорить о подпавшемъ подъ вліяніе иностраннаго министра русскаго Государя. Не менѣе ошибочно и причисленіе барона *Штейна* къ плеядѣ прусскихъ патриотовъ, окружавшихъ Александра I. Великій государственный дѣятель и предшественникъ, въ стремленіи объединить Германію, болѣе счастливаго *Бисмарка*, не проявлялъ никакого особеннаго прусскаго патриотизма. Онъ былъ до мозга костей германцемъ и интересы, т.-е. благо Германіи, ставилъ онъ гораздо выше интересовъ Пруссіи. По своему рожденію *Штейнъ* не былъ даже пруссакомъ и подданнымъ короля *Фридриха Вильгельма III*. Родовой замокъ его предковъ вмѣстѣ съ обширными владѣніями находились въ герцогствѣ Нассаускомъ, и онъ былъ въ сущности полунезависимымъ феодаломъ. *Freiher von Stein*, т. е. свободный господинъ былъ настоящій его титулъ. Пруссійскій король недолюбливалъ его не только за самостоятельный, непреклонный характеръ, но и за манеру держать себя съ особеннымъ достоинствомъ передъ нимъ; *Штейнъ* давалъ *Фридриху Вильгельму* нерѣдко понять, что, согласно древне-германскимъ имперскимъ постановленіямъ, его родъ является такимъ же сувереннымъ, какъ и Гогенцоллернскій. Тѣмъ не менѣе *Штейнъ* былъ въ своихъ воззрѣніяхъ отнюдь не феодалъ. Всю жизнь гордился онъ подвигомъ, который удалось совершить ему въ бытность свою прусскимъ министромъ финансовъ. Подвигъ этотъ заключался въ постройкѣ цѣлой сѣти шоссеиныхъ дорогъ въ Вестфаліи, безъ принудительныхъ бесплатныхъ работъ со стороны крестьянскаго населенія (барщины) и обложенія его на этотъ случай особымъ налогомъ. Это былъ первый блестящій опытъ сооруженія дорогъ въ Германіи, исключительно на средства одной государственной казны. Удачное выполненіе такой не легкой для того времени задачи необычайно импонировало и Императору Александру I.

Иначе были отношенія между русскимъ самодержавнымъ царемъ и бывшимъ его воспитателемъ изъ французской Швейцаріи. „Смиренный якобинецъ“ *Лагарпъ* („La Harpe“) тайлъ въ своей душѣ многострунную арфу, настроенную на всевозможные лады, но только не на русскій. Къ сожалѣнію, многосложные аккорды въ душевной арфѣ *Лагарпа* находили живѣйшій отзвукъ (резонансъ) въ умѣ и сердцѣ Императора *Александра I*. Чтобы

настроить надлежащимъ образомъ своего царственного друга, швейцарскій республиканецъ и пламенный ненавистникъ *Наполеона* не останавливался передъ выдумками, разжигающими во-ображеніе и безъ того достаточно экзальтированнаго русскаго Императора. Объ отношеніи Александра I къ бывшему своему наставнику можно судить по письму барона *Штейна* къ своей женѣ, урожденной графини *Вальмоденъ* отъ 27-го января 1814 года, въ которомъ онъ описываетъ вечеръ, на которомъ *Александръ I* представлялъ *Лагарпа*: „Il est touchant de voir la manière respectueuse dont il le traite; il le présente en disant: C'est mon second père; si je vauх quelque chose, et si je suis quelque chose, c'est à lui que je le dois“. Изъ этого показанія можно вывести заключеніе, что Александръ I былъ прямо загипнотизированъ *Лагарпомъ* и если онъ съ такимъ упорствомъ увлекался мыслью освобожденія Европы отъ наполеоновскаго ига, то только благодаря внушеніямъ со стороны *Лагарпа*, *Поццо ди Борго* и представителя Англіи графа *Мюнстера*. *Штейнъ* стоялъ также за низверженіе „Корсиканскаго завоевателя“, но не изъ чувства личной мести, или желанія унижить Францію, страну, которую онъ высоко цѣнилъ за оказанныя ею услуги цивилизаціи.

III.

Переходъ русскихъ войскъ, въ концѣ декабря 1812 года, черезъ Прусскую границу, совершался одновременно въ различныхъ мѣстахъ. Хотя Прусское государство официально находилось еще въ войнѣ съ Россіей и таурогенская конвенція, заключенная между *Витгенштейномъ* и прусскимъ генераломъ *Горкомъ*, не получила еще санкціи короля, тѣмъ не менѣе жители восточныхъ окраинъ Прусскаго королевства и въ особенности представители провинціально-земскихъ и сословныхъ учреждений встрѣтили русскихъ какъ давно желанныхъ избавителей отъ французскаго и едва-ли еще не болѣе отъ польскаго ига, такъ какъ послѣдніе вели себя со времени основанія *Наполеономъ* великаго герцогства Варшавскаго донельзя вызывающе и грубо по отношенію къ жителямъ восточной Пруссіи и Силезіи. Черезъ послѣднюю провинцію проходила, по тильзитскому договору, военная, нейтральная дорога, соединяющая территорію вновь созданнаго Варшавскаго великаго герцогства съ Саксоніей, король который былъ и сувереномъ этого чисто польскаго государства.

Слѣдовавшіе по этой дорогѣ непрерывные обозы и воинскіе отряды творили надъ беззащитными обывателями грубѣйшія

насилія. Въ силу всѣхъ этихъ воспоминаній и подъ наплывомъ радостнаго чувства избавленія, жители прилегавшихъ къ нейтральной дорогѣ мѣстностей стаскивали первыхъ появившихся казаковъ силой съ лошадей, обнимая, цѣлуя ихъ и набивая имъ карманы продовольствіемъ, лакомствами и деньгами. И въ то время, какъ центральное правительство въ Берлинѣ не знало, на что рѣшиться, населеніе Восточной Пруссіи съ представителями земскихъ и городскихъ сословій во главѣ перешло открыто на сторону Россіи, развернувъ смѣло знамя возстанія противъ французскаго владычества. Сто лѣтъ назадъ восточную прусскую провинцію можно было бы—по консервативно-монархическому духу и преданности династіи—назвать прусской Вандеей, если бы такому сравненію не противилось отчасти слишкомъ смѣшанное по національности и религіозному вѣрованію населеніе. Страна была исключительно земледѣльческая и малонаселенная. Въ культурно-экономическомъ отношеніи она сильно отставала отъ прочихъ прусскихъ и германскихъ провинцій.

Авангарды русской арміи, перешедшіе около Полангена, Мемеля и Тильзита прусскую границу, находились по отзывамъ всѣхъ безпристрастныхъ свидѣтелей въ самомъ жалкомъ состояніи. Съ виду они мало отличались отъ возвращавшихся французовъ; лишь правильно сомкнутые ряды шествовавшихъ колоннъ и отдѣльных частей указывали на господствовавшій въ нихъ еще духъ воинской дисциплины. Недостатокъ въ аммуниціи, обмундированіи и продовольствіи былъ громаднѣй, отставали на многіе десятки верстъ. 6-го января 1813 года генералъ *Витенштейнъ* вступилъ въ Кенигсбергъ. Отрядъ его находился въ такомъ плачевномъ состояніи, что по мнѣнію компетентныхъ лицъ онъ, при случаѣ, не въ силахъ былъ бы справиться даже съ враждебно настроенной, хорошо вооруженной толпой, а тѣмъ паче съ открытымъ возстаніемъ жителей большого укрѣпленнаго города. Съ прибытіемъ *Витенштейна* въ столицу восточно-прусской провинціи опубликованъ былъ и манифестъ Императора *Александра I* на французскомъ языкѣ, призывавшій населеніе встрѣтить русскихъ какъ безкорыстныхъ друзей-освободителей и обѣщавшій строжайшую неприкосновенность личности каждаго жителя и полную охрану его имущества. Манифестъ призывалъ также и къ присоединенію вооруженныхъ силъ провинціи къ дѣйствующимъ русскимъ отрядамъ для борьбы съ общимъ врагомъ. Но несмотря на все обѣщанія русскаго царя и готовность громаднаго большинства народонаселенія восточно-прусской про-

винці ринуться тотчасъ же вмѣстѣ съ русскими товарищами въ бой противъ французскихъ угнетателей, положеніе было весьма неопредѣленное, запутанное и порою даже довольно критическое. Зависѣло это отъ многихъ, крайне сложныхъ причинъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ образованіе, въ сферѣ активныхъ военно-политическихъ дѣйствій, европейской коалиціи противъ Франціи, *громаднаго юрдіева узла*, разрубить который не рѣшался русскій *Александръ*, несмотря на свое—по увѣреніямъ *Наполеона*—душевное родство съ лукавымъ грекомъ и внѣшнее сходство съ великимъ македонскимъ царемъ.

Знаменитый въ свое время военный писатель, прусскій генералъ фонъ *Клаузевицъ* утверждалъ и доказывалъ на примѣрахъ, что война, т.-е. стратегическія и тактическія дѣйствія арміи, какъ вооруженной силы государства, является въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ преслѣдованія зараженіе намѣченныхъ политическихъ цѣлей и непрерывнымъ веденіемъ дипломатическихъ переговоровъ до конца кампаніи. Чтобы вполне понять и убѣдиться въ вѣрности этого опредѣленія, т.-е. скрытой психологической стороны вооруженнаго столкновенія между государствами, стоитъ только углубиться въ исторію похода русскихъ войскъ въ Германію въ 1813 году. Никогда государственные русскіе интересы такъ не страдали отъ отсутствія въ главной квартирѣ просвѣщеннаго, талантливаго и патріотическаго руководителя внѣшней политики, умѣвшаго соразмѣрно военнымъ дѣйствіямъ и успѣхамъ арміи заготовлять и расширять, согласно обстоятельствамъ, политическія программы съ строго обозначенными пунктами, не допускавшими ни малѣйшаго отступленія, какъ въ ту безспорно славную для нашего оружія, но и несомнѣнно злосчастную для нашего національнаго и политическаго самолюбія эпоху. Тогдашній русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, если и не глупый, но все же слишкомъ молодой, неопытный и не въ мѣру ужъ любившій спокойствіе и комфортъ, графъ *Нессельроде* ратовалъ при каждомъ удобномъ случаѣ за скорѣйшее прекращеніе войны и примиреніе съ *Наполеономъ*, что само по себѣ еще не представляло абсолютной ошибки. Но *Нессельроде* рисовалъ себѣ окончаніе кампаніи и уходъ русской арміи изъ предѣловъ Германіи какъ финалъ великодушнаго, безкорыстнаго дѣянія, т.-е. безъ всякаго существеннаго вознагражденія Россіи за принесенныя ею громадныя жертвы людьми и деньгами. Но мудрено послѣ этого, что находившійся постоянно въ главной квартирѣ русскаго Императора баронъ *Штейнъ* не ладилъ съ графомъ *Нессельроде*;

они были постоянно въ контрахъ, и нужно отдать справедливость великому германскому патріоту, что онъ гораздо энергичнѣе отстаивалъ интересы и права русскихъ въ занятыхъ ими прусскихъ областяхъ, нежели *Нессельроде* и прочіе совѣтники Александра I.

Первый серьезный конфликтъ между русскими военными властями, барономъ *Штейномъ*, какъ уполномоченнымъ правителемъ восточно-прусской провинціи отъ имени русскаго Императора съ одной стороны и прусскимъ генераломъ *Йоркомъ* съ высшими гражданскими чинами провинціи съ другой, возникъ по поводу созыва провинціального сейма для обсужденія критическаго положенія страны и предложенія Императора Александра I. Сдѣланныя по этому поводу барономъ *Штейномъ* распоряженія и приказанія были признаны генераломъ *Йоркомъ*, президентомъ округа фонъ *Шенемъ* и еще нѣкоторыми вліятельными лицами незаконными. Они открыто отрицали у *Штейна* право созывать именемъ Императора *Александра I* провинціальный сеймъ. Право это принадлежало, по мнѣнію прусскихъ патріотовъ, одному законному монарху, т.-е. прусскому королю *Фридриху Вильгельму III*. Но послѣдній и не думалъ въ ту пору переходить на сторону Россіи, созывать провинціальные сеймы, вооружать ополченіе и стать открыто на сторону противниковъ *Наполеона*. Робкій, не дальновидный, подозрительный, но зато упрямый, заносчивый и не особенно богато одаренный интеллектуальными способностями король *Фридрихъ Вильгельмъ III* игралъ въ первый, первоначальный періодъ такъ называемой освободительной войны 1813 года довольно незначительную, чтобы не сказать жалкую роль. Когда генералъ *Йоркъ* послалъ ему еще изъ Вильны секретное донесеніе съ запросомъ, какъ ему поступить въ виду полного распада французской арміи и корпуса маршала *Макдональда*, въ составъ котораго входилъ отрядъ генерала *Йорка*, король отвѣтилъ въ обычномъ нерѣшительномъ тонѣ: „*Den Umständen gemäss handeln und nicht über die Schnur hauen.*“ (Дѣйствовать согласно обстоятельствамъ и не хватать черезъ край, т.-е. не переборщить). Когда же онъ получилъ офиціальное извѣщеніе о таурогенской конвенціи, первыя его слова были: „*Da soll einen doch gleich der Schlag treffen.*“ (Да вѣдь тутъ можетъ съ человѣкомъ сдѣлаться ударъ). Онъ, недолго думая и не вѣдая настоящаго положенія дѣлъ, послалъ приказъ о смѣщеніи генерала *Йорка* съ должности командира прусскаго корпуса и преданіи его военному суду, а также и о продолженіи военныхъ дѣйствій въ случаѣ наступленія русскихъ войскъ.

Фридрихъ Вильгельмъ III, равно какъ и подавляющее большинство его подданныхъ желали послѣ того, какъ выяснился окончательный разгромъ французской арміи, сохранить во что бы то ни стало абсолютный нейтралитетъ! Когда это послѣ всесторонняго обсужденія оказалось невозможнымъ, онъ поручилъ князю Гарденбергу обратиться сначала съ предложеніемъ къ Наполеону, съ которымъ Пруссія де-сигласна была бы заключить оборонительный и наступательный союзъ, *но на новыхъ условіяхъ!* Въ проектѣ договора король требовалъ значительнаго увеличенія своей территоріи и вознагражденія въ размѣрѣ 90 милліоновъ франковъ за убытки, причиненные французской арміей при проходе ея въ 1812 году черезъ прусскія владѣнія. Ни о какомъ воззваніи къ своему народу сбросить французское иго король въ то время, когда уже Восточная Пруссія занята была русскими войсками, и не мечталъ! *Наполеонъ* отвѣтилъ уклончиво, т.-е. ни да—ни нѣтъ, и переговоры были прерваны. Несмотря на строжайшую тайну, сопровождавшую обмѣнъ мнѣній между Берлиномъ и Парижемъ, въ публику проникло кое-что изъ секретнаго содержанія дипломатической переписки. Появившееся воззваніе *Фихте*: „An die undentsche Nation“ (къ анти-нѣмецкому народу), пламенные призывы къ возстанію молодого высокоталантливаго поэта-героя *Теодора Кернера*, его воинственная ода: „Wach auf mein Volk, die Flammenzeichen rauchen, hell aus dem Westen dringt der Freiheit Licht“. („Проснись народъ. Костры уже пылаютъ, свободы лучъ съ востока къ намъ проникъ“) были лучшимъ отвѣтомъ на явные и тайные замыслы нерѣшительнаго и враждебно настроеннаго всякому проявленію великогерманскаго патріотическаго чувства, прусскаго короля. Нѣмецкіе партизаны, какъ, напримѣръ, *Дернбергъ*, призывавшіе молодежь записаться въ ряды защитниковъ отечества, разсылали рядомъ съ этими воззваніями и манифестъ Императора Александра I отъ 6-го января. Въ одномъ изъ своихъ обращеній къ населенію нѣмецкой области, лежащей по обоимъ берегамъ Майна вплоть до Рейна (*Дернбергъ* былъ родомъ изъ Гессена), онъ грозилъ пустить гулять краснаго пѣтуха по крышамъ домовъ тѣхъ городовъ и мѣстечекъ, жители которыхъ будутъ по-прежнему считать телятину и красное вино превыше всякихъ отечественныхъ интересовъ.

Но мы забѣжали немного впередъ, изъ желанія доказать на дѣлѣ, что національно-патріотическій подъемъ въ Пруссіи отнюдь не исходилъ изъ наивысшихъ правительственныхъ

сферъ, а былъ результатомъ дѣйствій лицъ, дѣйствовавшихъ независимо отъ Берлина и съ одобренія этого движенія высокимъ его покровителемъ Александромъ I. Положеніе русскаго царя, стоявшаго со своимъ побѣдоноснымъ войскомъ у границъ государства, съ которымъ онъ находился въ официальной войнѣ, но которое онъ намѣревался облагодѣтельствовать, было донельзя затруднительное. Единственный совѣтникъ, обладавшій государственнымъ умомъ и широкимъ политическимъ горизонтомъ, былъ, хотя и безупречной честности человекъ, но все-же не русскій. Отстаивать и охранять исключительно только русскіе интересы онъ, *во-первыхъ*, никѣмъ не былъ уполномоченъ, а *во-вторыхъ* и не могъ, коль скоро это не согласовалось съ его убѣжденіями, а главное совѣстью. Тѣмъ не менѣе Штейнъ отстаивалъ при случаѣ энергичнѣе русскую точку зрѣнія, нежели призванные стоять на стражѣ русскихъ интересовъ лица.

Теперь вернемся опять къ событіямъ. Въ прибывшихъ 24 января въ Кенигсбергъ берлинскихъ газетахъ были напечатаны правительственныя распоряженія вмѣстѣ съ приказомъ о генералѣ *Йоркѣ*; послѣдній сложилъ съ себя должность командира, хотя, не гласно, оставался начальникомъ всѣхъ вооруженныхъ силъ, ибо не находилъ замѣстителя, согласнаго до присылки новаго командира изъ Берлина занять этотъ отвѣтственный постъ. Опираясь на содержаніе столичныхъ газетъ, *Штейнъ* сталъ настаивать на созывѣ провинціального сейма именемъ Императора *Александра I*, доказывая, что по международному праву русскій монархъ является въ завоеванной вражеской странѣ законнымъ повелителемъ, что русскіе даже въ правѣ взимать контрибуціи, налоги, заниматься реквизиціей фуража и продовольствія и т. д. Если же все это они не продѣлываютъ, то исключительно изъ великодушія. Но такое вразумленіе не подѣйствовало на генерала *Йорка*, президента фонъ *Шена* и другихъ восточно-пруссскихъ патріотовъ. *Штейна* стали открыто называть измѣнникомъ. Генералъ *Йоркъ* оспаривалъ фактъ завоеванія Восточной Пруссіи русскими, ссылаясь на добровольное соглашеніе въ Таурогенѣ съ Дибичемъ относительно прекращенія военныхъ дѣйствій. Въ словесныхъ столкновеніяхъ съ барономъ *Штейномъ*, генералъ *Йоркъ* дошелъ до прямыхъ угрозъ и на замѣчаніе *Штейна*, что онъ, какъ уполномоченный русскаго Императора, можетъ заставить подчиняться его приказаніямъ, крикнулъ со сверкающими отъ гнѣва глазами: „не забывайте, что въ такомъ случаѣ я прикажу бить въ городъ военную

тревогу, и тогда мы увидимъ, что станетъ съ вашими русскими". На это отвѣтилъ ему Штейнъ: „генералъ, вы, кажется, не желаете довести затѣянное вами въ Таурогенъ дѣло до благополучнаго конца“. Поведеніе генерала *Йорка* тѣмъ болѣе непонятно и достойно осужденія, что когда онъ до вступленія въ Кенигсбергъ жаловался графу *Витгенштейну* на недостатокъ необходимыхъ средствъ для пополненія своихъ кадровъ и общей реорганизаціи ввѣреннаго ему корпуса, то благодаря донесенію объ этомъ *Витгенштейномъ* въ главную квартиру въ Калишѣ, Императоръ *Александръ I* согласился дать для приведенія корпуса генерала *Йорка* въ боевое состояніе 500.000 р. подъ простую росписку. Но кромѣ генерала *Йорка* было еще не мало другихъ вліятельныхъ лицъ въ высшей прусской администраціи, относившихся съ непонятнымъ высокомеріемъ къ русскимъ и даже къ особѣ Государя. Къ числу такихъ прославленныхъ въ нѣмецкихъ историческихъ очеркахъ патріотовъ принадлежалъ, уже раньше нами упомянутый, президентъ провинціального округа *фонъ Шенъ*, которому благодарное провинціальное отечество поставило даже памятникъ. По отзывамъ безпристрастныхъ людей, *фонъ Шенъ* былъ преисполненъ герострацизма, другими словами, онъ способенъ былъ къ самымъ рискованнымъ дѣяніямъ, лишь бы обратить на себя вниманіе. При этомъ онъ никакъ не могъ дойти до признанія чужихъ заслугъ. Сей убѣжденнѣйшій и упорнѣйшій противникъ *барона Штейна* старался всѣми мѣрами возбудить подозрѣніе прусскаго населенія противъ мнимыхъ замысловъ русскихъ, выставляя себя въ одно и то же время вѣрнымъ и крайне бдительнымъ стражемъ интересовъ своего отечества.

Послѣ таурогенской конвенціи, русскіе отряды, подъ начальствомъ полковника *Теттенборна* и *Дибича*, заняли Тильзитъ и Мемель, при чемъ послѣ перехода на лѣвый берегъ Нѣмана имъ приходилось выдерживать, несмотря на всѣ уговоры, конвенціи, атаки незначительныхъ частей прусскихъ войскъ. Назначенный военнымъ губернаторомъ оккупированныхъ областей, генералъ маркизъ *Паулуччи* сталъ управлять округомъ въ которомъ *фонъ Шенъ* и значился президентомъ—на основаніи данныхъ ему Императоромъ *Александромъ* приказаній. Онъ сталъ взимать налоги и пользоваться государственнымъ имуществомъ для нуждъ своего управленія и русскихъ войскъ. Противъ этихъ дѣйствій возстали съ необычайной яростью генералъ *Йоркъ* и *фонъ Шенъ*. Такъ какъ переписка ихъ съ генераломъ маркизомъ *Паулуччи* ни къ чему не привела, то *Шенъ* послалъ

барону Штейну майора фонъ Плото съ предъявленнымъ требованіемъ относительно немедленнаго удаленія русскихъ войскъ изъ Тильзита и Мемеля и отмѣны распоряженій маркиза Пауллуччи. Шенъ просилъ Штейна сообщить объ этихъ домогательствахъ самому Императору Александру I, прибавивъ, что если не послѣдуетъ въ кратчайшій срокъ отмѣна распоряженій маркиза Пауллуччи, то онъ вынужденъ будетъ возбудить среди народонаселенія возстаніе противъ русскихъ, долженствующее окончиться, въ виду полной дезорганизации русскихъ войскъ, позорнымъ изгнаніемъ ихъ изъ предѣловъ Восточной Пруссіи. Правительственный совѣтникъ Шумъ, служившій у Шена и считавшійся его правой рукой, выразился въ разговорѣ съ адъютантомъ Виттенштейна, полковникомъ Экспарре на ту же тему по адресу русскихъ такъ: *Wir hassen die asiatische Apathie nicht minder, als die französische Despotie!*“ (мы ненавидимъ азиатскую апатичность не менѣе французскаго деспотизма).

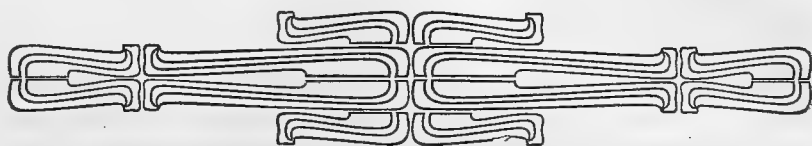
Какое настроеніе царило въ ту пору въ русской главной квартирѣ въ Калишѣ, намъ неизвѣстно, но судя по послѣдовавшему Высочайшему повелѣнію объ отмѣнѣ всѣхъ распоряженій маркиза Пауллуччи должно быть, — очень подавленное, иначе нельзя себѣ объяснить такую уступчивость, проявленную по отношенію къ зазнавшимся представителямъ прусской военной и гражданской власти.

Не прошло еще и года, какъ та же высшая провинціальная администрація Восточной Пруссіи вынуждена была въ мирное время исполнять, и притомъ непрекословно, приказанія, вмѣстѣ съ требованіями, могущими быть предъявленными только вассальному государству, французскаго консула къ Кенигсбергу относительно безплатнаго и безплатнаго пропуска *тысячи мачтъ*, срубленныхъ на верховьяхъ Нѣмана въ Гродненской губерніи, черезъ границу, шлюзы и каналы до Эльбинга, для дальнѣйшей ихъ отправки во Францію, гдѣ предназначались онѣ для „императорскаго флота“, что было особенно подчеркнуто консуломъ въ официальной бумагѣ, посланной оберъ-президенту (Chefpresident) фонъ Ауэрсвальду. Тонъ этого консульскаго посланія былъ таковъ, что не допускалъ и мысли о возможномъ отклоненіи просьбы“.

М. П. Станиславскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Записки Александра Андреевича Половцова ¹⁾.

В ту же ночь съ 12 стрѣлками я былъ за 25 верстъ и съ восходомъ солнца ужаснулся картинѣ пожараща цѣлой деревни, объѣхавъ верхомъ вдоль и поперекъ. Среди выжженного селенія стояла нетронутая церковь, и предъ нею весь причтъ съ женами и дѣтьми встрѣтилъ меня на колѣняхъ. Осмотрѣвъ и переговоривъ все, что было нужно, я отправился съ переводчикомъ, оставленнымъ гусарскимъ поручикомъ Брашеваномъ, и своими стрѣлками за 5 верстъ къ помѣщику. Войдя со двора на крытое крыльцо, мы попросили вызвать хозяина для объясненій. Онъ вышелъ смущенный въ шлафрокѣ, но, узнавъ въ чемъ дѣло, объяснилъ, что онъ въ правѣ переселять своихъ поселенцевъ, ему земля нужна, и онъ не видитъ надобности, какъ членъ Дивана, отдавать отчетъ русскимъ. Я отвѣчалъ, что присланъ дѣло изслѣдовать и совѣтую ему ѣхать въ Фальчи и объясниться съ комендантомъ — онъ согласился. Въ его коляскѣ мы выѣхали вмѣстѣ съ солдатомъ на козлахъ, при чемъ онъ просилъ остановиться для переговоровъ у меня. Приглашенный мною шт.-кап. Малиновскій потребовалъ подписки, что впредь до рѣшенія дѣла главнокомандующимъ Г. Варнакъ-Костаки пріостановить всѣ свои дѣйствія по переселенію. Молдавскій бояръ долго не соглашался, но къ вечеру выдалъ и уѣхалъ.

Это было въ маѣ, а въ концѣ іюля, кончивъ мосты на плоткахъ, я отправился съ ротою въ С. Водулуй-Исаки на Дунаѣ, гдѣ оставивъ понтоны, пошелъ черезъ Дунай къ крѣпости Шумлъ, сдѣлавъ 300 верстъ одинъ собственными средствами. Жара доходила до 40° градусовъ; колодцы были отравлены, се-

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1913 г.

ленія выжижены, мы стрѣляли куръ на деревьяхъ, отыскивали хлѣбъ въ ямахъ; кипятили воду въ котлахъ и, снявъ слой мыла и грязи, варили кашу. Захвативъ кое-какія лѣкарства, я имѣлъ свой лазаретъ, самъ лѣчилъ, и такимъ образомъ довелъ до Шумлы роту въ 180 человѣкъ, тогда какъ тамъ оставалось ихъ до 70-ти въ каждой ротѣ. Послѣднія станціи отъ Базарджика съ нами тянулся цѣлый обозъ на волахъ, въ которыхъ ѣхали: офицеры къ своимъ полкамъ, курьеры и фельдегеря изъ СПБ., не могшіе тронуться съ мѣста безъ конвоя, — какимъ явилась моя рота.

Въ самомъ лагерѣ войскъ, облагавшихъ крѣпость Шумлу, мы встрѣтили другой обозъ — съ ранеными. Увидѣвъ впервые изуродованное человѣчество наваленнымъ и насаженнымъ кое-какъ въ большихъ телѣгахъ, оставляющихъ по пыльной дорогѣ кровавый слѣдъ, я былъ крайне удивленъ такой безпомощности и положенію отчаянному, какія ожидаютъ каждую минуту каждаго военнаго.

Нашъ батальонъ состоялъ при отрядѣ подъ командою принца Евгенія Вюртембергскаго, съ которымъ не рѣдко отражали вылазки и всегда удачно. Онъ поручилъ мнѣ постройку батареи на 8 орудій съ ротою и батальономъ армейцевъ. Едва я приступилъ къ разбивкѣ, какъ засвистали турецкія ядра и картечи; однако къ вечеру все было готово, и принцъ, пріѣхавшій съ Дибичемъ, особенно благодарилъ.

На построение батареи мнѣ былъ данъ кромѣ своей роты батальонъ пѣхоты. При окончаніи работы фельдфебель Карулинъ донесъ, что на насъ будетъ сильная вылазка.

— Какъ ты узналъ?

— Казакъ изъ цѣпи пріѣзжалъ, сказалъ.

Солнце садилось, я сговорился съ майоромъ и всѣ 5 ротъ мы отвели за полверсты на гору, противъ нашего редута № 10. Едва стемнѣло, какъ изъ Шумлы выѣхало до 10-ти человѣкъ кавалеріи прямо на сдѣланное нами укрѣпленіе и все срыли, а пѣхота атаковала № 10, но была отбита, потерявъ болѣе 1-го человѣка. Здѣсь явленіе милости Божіей таково, что я безъ всякаго приказанія распорядился лично и тѣмъ спасъ отъ неминуемой гибели до 600-ти человѣкъ мнѣ ввѣренныхъ.

Въ концѣ августа нашъ отрядъ снялся и пошелъ по дорогѣ къ кр. Варнѣ наперерѣзъ Омеру Вріоне, уничтожившему гвардейскій Егерскій полкъ. Пашу мы не захватили, онъ успѣлъ уйти, а егерей, покрывавшихъ дорогу въ разныхъ видахъ, пришлось зарывать. Виною ихъ истребленія былъ флигель-адъю-

тантъ полякъ Залусскій. Жаль превосходнаго человѣка—командира полка—Гартинга.

Подъ кр. Варною мы примкнули къ отряду генерала Ридигера и на 2-й день сдачи вступили въ крѣпость, никогда не бывшую въ русскихъ рукахъ.

Въ сентябрѣ вся армія заняла зимнія квартиры, и моя рота въ отрядѣ ген. Ридигера должна была укрѣпить Базарджикъ, что и было исполнено весьма удачно. На бѣду зима вышла ранняя и лютая, морозы и вьюги были здѣсь небывалые, и я такъ простудился, что получилъ воспаленіе мозга.

Меня лѣчили три доктора; въ теченіе недѣли 7-мъ разъ пускали кровь и ставили пиявки; на 8-ой молодой врачъ изъ Дерита, посидѣвъ у меня, вышелъ и приказалъ сходить за священникомъ. Узнавъ объ этомъ, я призвалъ своего добраго слугу Семена и сказалъ, что въ 4 часа утра умру, распорядился всѣмъ, что было нужно. 40-еъ минутъ 4-го я уснулъ и ровно въ 4-е проснулся, а въ 6 часовъ вошелъ врачъ съ фельдшеромъ и всѣми аппаратами для вскрытія. Встрѣтивъ мой открытый взглядъ, докторъ былъ такъ изумленъ и обрадованъ, что, ахнувъ, бросился меня обнимать, какъ воскресшаго. По правиламъ и рѣшенію консультаціи я долженъ былъ несомнѣнно умереть. Вотъ одно изъ очевидныхъ доказательствъ милости Божіей и словъ Спасителя: „невозможное человѣку возможно Богу“.

Въ концѣ 27-го и началѣ 28-го года сильно свирѣпствовала въ Варнѣ и ея окрестностяхъ чума, унесшая въ могилу многихъ добрыхъ товарищей, а я скоро оправился и былъ внезапно переведенъ въ С.-Петербургъ командиромъ 1-й роты учебнаго сапернаго батальона.

Въ моемъ окончательномъ выздоровленіи много помогъ Ф. Ф. Ридигеръ, приславшій мнѣ докторовъ, вина изъ Одессы и кушанье. За то и разлука съ такимъ начальникомъ была не легка, хотя и ѣхалъ домой.

До Измаила я добѣжалъ на почтовыхъ и остановился у стараго знакомаго Голенищева-Кутузова, тамошняго исправника. Узнавъ, что ѣду въ СПб. на перекладной, онъ не отпустилъ меня иначе, какъ въ новомъ тарантасѣ со всѣми удобствами, и даже добавивъ мой кошелекъ 200 р.

Проѣзжая Бендеры, я вдругъ узнаю, что состою подъ военнымъ судомъ. Приносятъ приказъ Дибича, гдѣ напечатано: „шт.-кап. Малиновскій предается суду за вымогательство отъ Молдавскаго Варнака-Костаки 400-а левовъ (60 р.) вмѣстѣ съ прикосновенными къ сему дѣлу 7-го піонернаго бат. поручикомъ

Половцовымъ и отставнымъ гусарскимъ поручикомъ Брашеваномъ“.

Взявъ приказъ, я переѣхалъ р. Днѣстръ и продолжалъ свой путь въ столицу.

Въ г. Великихъ-Лукахъ, остановясь у дяди Егора Петровича, я заболѣлъ сильно лихорадкою съ бредомъ и, пролежавъ болѣе мѣсяца, имѣлъ случай убѣдиться, какую важную роль, въ жизни, играетъ „родство“. Послѣ 7-и лѣтнихъ скитаній, нужды и опасностей, я былъ дорогимъ гостемъ дома. Д-ръ Цибальскій скоро помогъ мнѣ продолжать мой путь до СПБ.

Наконецъ я былъ въ СПБ. среди любимой семьи: родители, братья и сестры были вокругъ меня!

Всѣмъ вмѣстѣ и каждому изъ насъ было трудно узнать о моей подсудности, но какъ все на свѣтѣ приходитъ и проходить, такъ и здѣсь. На третій день старшій братъ Викторъ свезъ меня на Выборгскую Сторону въ арестантскую военно-сухопутнаго госпиталя, такъ какъ въ семейномъ совѣтѣ было рѣшено, что за Балканы обратно ѣхать невозможно и слѣдовало рапортоваться больнымъ. Какъ я выжилъ 6 мѣс. 4 дня въ комнатѣ съ рѣшеткою въ окнѣ и часовымъ у входа,—пересказать не берусь. Правда, что мой добрейшій отецъ навѣщалъ мою тюрьму ежедневно, пѣшкомъ во всякую погоду, и тѣмъ дѣйствительно подерживалъ меня на распутьѣ.

Черезъ полгода послѣдовалъ отвѣтъ Дибича къ Вел. Кн. Михаилу Павловичу, что я могу быть допущенъ на службу, а вскорѣ послѣ того прислано командиру учебнаго сапернаго батальона, полковнику Люце, рѣшеніе: „Военный судъ, не имѣя никакихъ доказательствъ виновности подсудимыхъ, опредѣляетъ: „освободивъ ихъ отъ суда, предать дѣло волѣ Божіей, а г. г. подсудимыхъ въ штрафъ не считать“.

Такъ послѣ 6-ти мѣсячнаго ареста я былъ освобожденъ, оправданъ, получилъ все содержаніе и вступилъ на службу.

Въ то же время, успѣвъ черезъ тетку Софью Н. познакомиться въ домѣ Татищевыхъ, я былъ помолвленъ въ мартѣ и повѣнчанъ въ маѣ 1830-го года съ одною изъ 2-хъ сестеръ Аграфеною Ѳеодоровною, имѣвшею брата Спиридона Ѳеодоровича и сестру Варвару Ѳеодоровну—всѣ трое круглые сироты.

Наступилъ 1831 годъ; была холера; было польское возстаніе. Въ СПБ. было нѣчто въ родѣ бунта черни. Вся Сѣнная площадь была плотно покрыта народомъ и окружена войскомъ, въ числѣ котораго и моя рота, имѣя во главѣ князя Пл. Вас. Васильева, встрѣтившагося на дорогѣ, загородила Садовую улицу. Народъ

чуть не снялъ съ лошади генералъ-губернатора Эссена, однако подъ прикрытіемъ войска полиція распорядилась арестами, и площадь очищена. На ночь войска расположились на бивуакъ.

Государь былъ въ Царскомъ Селѣ, но на другой день пріѣхалъ оттуда прямо на площадь, гдѣ снова толпился народъ. Коляска на взмылившейся четверкѣ остановилась противъ св. Спаса. Народъ бросился къ Царю съ воплями: „Батюшка, насъ травятъ“ и пр. Николай I, не выходя изъ экипажа, всталъ во весь свой ростъ, и едва успѣлъ произнести: „на колѣни!“, какъ вся площадь осѣла и шапокъ не стало, мигомъ водворилась тишина, Государь продолжалъ:

— „Что вы это? дурачиться? Кто вамъ говорить, что холеры нѣтъ, тотъ лжетъ. Холера есть и послана Богомъ. Не шумѣть, а молиться надо. Да. Будемъ молиться (онъ указалъ на церковь), и Богъ помилуетъ“. Кончивъ эту рѣчь, Государь спустился въ коляску и объѣхалъ шагомъ площадь. Народъ, вчера яростно кипѣвшій, преклонялся молча и тѣснясь вокругъ коляски.

Въ томъ же 31-омъ году одинъ изъ кантонистовъ, составлявшихъ мою роту въ уч. саперномъ батальонѣ, подалъ полковнику доносъ о недостаткѣ денегъ въ артельномъ ящикѣ. По внезапной ревизіи тамъ оказались лишніе, но мы съ Люце почитались, и я подалъ въ отставку.

Переведенный по приказу къ статскимъ дѣламъ съ чиномъ коллежскаго ассесора, я явился къ Дм. Ник. Блудову, назначенному министромъ внутреннихъ дѣлъ, и былъ зачисленъ по министерству.

Первое порученіе по м-ву было: ѣхать съ Конст. Ив. Арсеньевымъ, членомъ совѣта м-ра, по 15-ти губерніямъ, при чемъ К. И. долженъ былъ приготовить людей къ путешествію наследника Цесаревича, Александра Николаевича, а мнѣ въ то же время слѣдовало осмотрѣть заведенія министерства: приказы общественнаго призрѣнія, тюрьмы, больницы, богадѣльни, домъ умалишенныхъ и пр.

Наша поѣздка длилась три мѣсяца и была крайне интересна во всѣхъ отношеніяхъ. Конст. Ив. былъ рѣдкій человекъ по сердцу и уму. Насъ всюду принимали радушно.

По возвращеніи кромѣ благодарности превосходнѣйшаго изъ министровъ Д. Н. Блудова мнѣ дали перстень съ вензелемъ и произвели въ надворные совѣтники за отличіе.

Состоя на службѣ безъ особаго содержанія, я постоянно лѣ-

томъ жилъ на дачѣ или въ деревнѣ, не оставляя работу по своимъ дѣламъ. Такъ купивъ домъ на Екатерининскомъ каналѣ не конченнымъ, я успѣлъ въ одинъ годъ кончить и наполнить жильцами, доведя доходъ до 16 т. р. асс.

Не могу не вспомнить съ особенною благодарностью къ Господу, что когда въ первые дни супружества мы гуляли съ женой по набережной Фонтанки, то рассчитывали все, что мы можемъ получить и прожить: выходило 5 т. р. асс. въ годъ. Съ этимъ надо было начать работать, и Богъ удивительно помогъ.

Черезъ четыре года купленный домъ былъ проданъ Пономареву за 200 т. р. асс.

Мы переѣхали въ квартиру у Обухова моста и жили, не зная, что предпринять. Въ одинъ день, вставъ рано и взявъ нѣсколько банковыхъ билетовъ, я пошелъ ходить на набережной Фонтанки. Перейдя три моста, я вдругъ повернулъ въ Итальянскую улицу и остановился на Михайловской площади, кругомъ застроенной, передъ двумя деревянными домами противъ Михайловскаго дворца. Помню живо, какъ меня невольно повернуло въ ворота одного изъ нихъ, встрѣтился дворникъ.

— Не продается ли этотъ домъ?

— Продается, спросите управляющаго.

Узнавъ, что владѣлецъ проситъ 130 т. рублей и живетъ на Большой Морской, я отправился пѣшкомъ туда,—былъ часъ 10-й утра. Отставной генералъ Дюклу встрѣтилъ меня въ плафронѣ и не хотѣлъ уступить ни одного рубля. Мы проговорили долго и я, взявъ съ собою планы, обѣщалъ подумать. Въ эту минуту входитъ высокій брюнетъ и, обратясь къ генералу по-французски, даетъ 130 т. рублей за домъ. Дѣлать нечего, думать некогда, и я предлагаю то же. Вошедшій былъ биржевой маклеръ, Риттеръ, и сталъ настойчиво утверждать, что онъ уже купилъ; съ нимъ согласился и владѣлецъ.

— Въ такомъ случаѣ я даю 1000 рублей болѣе.

Дюклу улыбнулся, а Риттеръ отвѣчалъ.

— Нѣтъ, мы здѣсь не на аукціонѣ, а если хотите, то бросимъ жребій.

Владѣлецъ, хотя и неохотно, но долженъ былъ покориться и, приготовивъ билеты, подалъ ихъ намъ въ моей шляпѣ. Мы стояли по сторонамъ дверей, оба вынули и вмѣстѣ развернули. Риттеръ меня поздравилъ, съ хозяиномъ простился и, выскочивъ въ двери, въ тотъ же день купилъ за 120 т. рублей другой деревянный домъ, который вскорѣ и продалъ за 200 т. рублей для Дворянскаго Собранія.

Давъ 7 т. рублей задатку, я вскорѣ совершилъ купчую и немедленно открылъ улицу, воспользовавшись матеріаломъ.

Такъ съ 200 т. рублей ассигнаціями, заплативъ за мѣсто 130 т. рублей, я принялся за постройку въ 200 т. рублей серебромъ!

Для окончанія вчернѣ я занялъ 80 т. рублей по 9%. Чтобъ окончить въ чистотѣ, мнѣ пришлось заложить домъ въ 200 т. рублей асс., при чемъ всѣ поиски и публикаціи оказались ничтожны.

Пріѣхала барыня изъ Москвы и, войдя въ пустую квартиру для найма, нашла на окнѣ публикацію о залогѣ дома, тотчасъ пріѣхала ко мнѣ, и въ 2 дня деньги были готовы.

Впослѣдствіи я взялъ у той же г-жи Спаинъ еще 50 т. рублей и, кончивъ домъ, заложилъ его въ Банкѣ за 300 т. руб. асс. и былъ квитъ съ долгами.

Владѣвъ этимъ домомъ 12-ть лѣтъ, мы получили средства дать образованіе дѣтямъ и прожить безъ нужды, получая дохода до 20.000 руб. сер. и уплачивая въ банкъ только 7 т. руб. Но какъ домъ безъ ремонта быть не можетъ, а у насъ остатковъ не было, то наконецъ и были вынуждены продать Клею за 200 т. руб. сер.

Въ это же время выстроена дача въ Царскомъ Селѣ, служившая намъ лѣтнимъ пребываніемъ.

Несмотря на эти постройки и занятія собственными дѣлами, я продолжалъ служить по министерству внутреннихъ дѣлъ членомъ Общаго присутствія департамента казенныхъ врачебныхъ заготовленій, отъ котораго и былъ командированъ въ Хотинъ для перевозки оставшихся тамъ отъ войны медикаментовъ въ Кіевъ. Подрядчики просили за это 40 т. рублей, а я сдалъ за 20 т. рублей, и все было исполнено въ точности, за что мнѣ дали чинъ коллежскаго совѣтника.

По званію члена департамента я завѣдывалъ устройствомъ Аптекарскаго острова, гдѣ былъ большой инструментальный заводъ, требовавшій много труда. При мнѣ выстроены главный магазинъ и проектирована церковь строительнымъ комитетомъ, гдѣ я былъ членомъ по искусств. части.

Въ 1838-омъ году Д. Н. Блудовъ, хорошо меня знавшій, былъ сдѣланъ министромъ юстиціи, на мѣсто Д. В. Дашкова, и пригласилъ меня перейти къ нему. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ управлялъ гр. Александръ Григорьевичъ Строгановъ, не желавшій меня отпустить. Однако послѣ мно-

гихъ разговоровъ я предпочелъ начальство Д. Н., былъ перечисленъ и затѣмъ назначенъ за оберъ-прокурорскій столъ въ 1-ый Департаментъ при оберъ-прокурорѣ А. Ф. В—ѣ. По личному порученію министра получивъ въ завѣдываніе хозяйственную часть, я нашелъ въ ней хаосъ невѣроятный. Въ одной сенатской типографіи В. получалъ отъ смотрителя отъ 300-тѣ до 400-тѣ руб. въ мѣсяцъ за своихъ крѣпостныхъ людей; всѣ подряды были на откупъ и пр.

Пришлось водворять порядокъ съ большимъ трудомъ. Типографія была почти въ убытокъ, суммы, состоя въ непосредственномъ распоряженіи министра, были единственнымъ источникомъ для поощренія честныхъ тружениковъ министерства. При мнѣ за покрытіемъ всѣхъ расходовъ осталось въ 1-ый годъ 30 т. руб., во 2-ой—50 т. р. и въ 4-е года доходъ дошелъ до 100 т. рублей. Генераль-прокурорскій домъ и его содержаніе точно такъ же приведены въ порядокъ; я получилъ чинъ статскаго совѣтника.

Въ 1842-омъ году бывшій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ статскій совѣтникъ, графъ В. Н. Панинъ, назначенъ товарищемъ министра юстиціи, а въ 1843-емъ по переходѣ Дм. Н. Блудова во 2-ой собственной канцеляріи главноуправляющимъ сдѣланъ управляющимъ министерствомъ съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Для меня лично эта перемѣна была весьма чувствительна по возобновившемуся вліянію В., какъ отъявленнаго взяточника по всѣмъ частямъ, и въ 1844-мъ году я былъ вынужденъ подать въ отставку.

Д. Н. Блудовъ, хорошо понимавшій мое положеніе, рекомендовалъ меня министру государственныхъ имуществъ Киселеву, и въ началѣ 45-го года я былъ причисленъ къ министерству, и получилъ командировку въ Калугу и Орелъ для производства слѣдствія по нарядамъ крестьянъ въ работы къ подрядчикамъ посре большими массами и значительными злоупотребленіями. Въ мартѣ и апрѣлѣ мнѣ пришлось разѣзжать по страшнымъ дорогамъ и допросить на мѣстѣ до 1 т. человекъ. Кончивъ удачно все, что было можно сдѣлать, и проведя лѣто безъ дѣла, на свободѣ, въ ноябрѣ я былъ назначенъ инспекторомъ постройки православныхъ церквей въ казенныхъ селеніяхъ западныхъ губерній.

Было назначено: построить 100 и поправить 500-тѣ церквей съ отпускомъ 700 т. рублей въ шесть лѣтъ.

Пересмотрѣвъ дѣла и доклады, я нашелъ, что при передачѣ

суммъ отъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода сдѣлана ошибка въ вычитаніи, отъ которой министерство получило 167 т. руб. менѣе. При докладѣ о томъ Киселеву, я имѣлъ случай убѣдиться, какъ этотъ выходецъ смотрѣлъ вообще на дѣла. Вотъ мой разговоръ.

Я вхожу въ кабинетъ, онъ встрѣчаетъ меня сидя:

— Ну что? принялся за дѣло? собралъ что нужно? Это дѣло большое, его надо вести осторожно. Садись.

— Прежде всего считаю нужнымъ доложить, что въ назначенныхъ суммахъ на построение церквей открывается недочетъ въ 167 т. рублей отъ ошибки въ вычитаніи.

— Ну что жъ? насъ надули; постарайся это исправить: надо и ихъ надуть.

— Слушаю и надѣюсь исполнить.

— А еще что?

— По докладу назначено построить 100, а исправить 500 церквей; если положить на первыя по 5 т., а на вторыя по 2½ т. рублей, то составитъ 1.750 т. руб., а намъ отпущено на все 700 т. рублей.

— А на сколько лѣтъ?

— На шесть.

Министръ махнулъ рукой, сказавъ:

— Ну, такъ кто тамъ еще живъ будетъ.

Потомъ онъ сталъ меня разспрашивать о моей службѣ во второй арміи, шутить надъ разными лицами и отпустилъ совершенно довольный собою, тогда какъ для меня этотъ докладъ остался памятнымъ.

Съ того дня прошло 8 лѣтъ. Ежегодно я дѣлалъ по 9-ти западнымъ губерніямъ отъ 3 т. до 4 т. верстъ, надзирая за церковно-строительною частью, могу сказать, мною созданною. Ни матеріаловъ, ни мастеровъ, ни мало-мальски благонадежнаго надзора на мѣстахъ не было, все надо было завести, — и Богъ удивительно помогалъ на каждомъ шагу. На данные 700 т. рублей выстроено церквей каменныхъ 28 и деревянныхъ — 52, итого 80 церквей. Исправлено всего 260 церквей. Данная сумма увеличилась пожертвованіями на 350 т. рублей; однимъ словомъ, успѣхъ былъ свѣше ожиданій. Но какъ деньги вышли, а число церквей, опредѣленныхъ въ первоначальномъ докладѣ, т.-е. 100 и 500, не было устроено, то представился вопросъ о новомъ отпускѣ, если церковностроительная часть при министерствѣ должна продолжаться. Съ такимъ докладомъ я былъ снова въ кабинетъ уже графа Киселева. Онъ сидѣлъ и курилъ трубку. Сухо кивнувъ головою, онъ сказалъ:

— Садитесь; что у васъ? есть нужное?

— Въ общемъ порядкѣ, Ваше Сіятельство, подлежитъ рѣшенію вопросъ о продолженіи церковностроительной части при министерствѣ.

— Какъ? за деньгами? Вы хотите, чтобы я шелъ къ Государю просить денегъ на Вашу часть? Нѣтъ. Деньги назначены и издержаны, а дѣло не кончено. Это что такое? За такія дѣла предають суду.

Онъ всталъ и заходилъ по комнатамъ изъ угла въ уголъ. Я стоялъ у стола. Вдругъ, остановясь передо мной лицомъ къ лицу, онъ сказалъ:

— Да-съ. Вы будете подъ судомъ.

Я отвѣчалъ:

— Если буду, то не одинъ, а мы оба—да-съ, мы будемъ вмѣстѣ.

Министръ побагровѣлъ, сдѣлалъ два шага въ сторону и едва выговорилъ:

— Прощайте.

Я повернулся не кланяясь и взялся за ручку двери, а онъ стоя среди комнаты, отозвался:

— Мы увидимъ, кто будетъ правъ.

Тогда я остановился и оборотясь отвѣчалъ:

— Конечно, я, какъ отдававшій ежегодно отчеты, и съ тѣмъ вышелъ.

Это было мое послѣднее свиданіе съ графомъ Киселевымъ. Я рѣшился подать въ отставку и, по дорогѣ взявъ листъ гербовой бумаги, сѣлъ писать. Въ эту минуту входитъ покойный А. А. Пейкеръ.

— Что это, Александръ Андреевичъ? на васъ лица нѣтъ, что съ вами?

Разсказавъ все, что со мной было, я хочу приложить перо къ бумагѣ, но Пейкеръ спокойно встаетъ, вынимаетъ перо изъ моихъ рукъ и говорить:

— Что за пустяки! стоитъ ли принимать къ сердцу? Развѣ мы Киселеву служимъ? Сегодня онъ, а завтра другой и третій министръ. Пойдемте ходить, я нарочно за вами пришелъ.

И, дѣйствительно, это было въ моемъ положеніи наилучшее.

Что-же оказалось въ послѣдствіи? При графѣ Киселевѣ былъ постояннымъ наперсникомъ лютый полковникъ Ружицкій, слѣдившій за моими дѣйствіями тщательно. Занимая должность вице-директора въ томъ департаментѣ, который велъ мои счета, и слѣдивъ за дѣйствіями палатъ, онъ убѣдился, что при

всѣхъ недостаткахъ, недовѣріи и кажущейся невозможности, это дѣло было застраховано на бумагѣ, а въ натурѣ не могло и не должно было двигаться.

Такъ былъ составленъ докладъ, которымъ Государь остался доволенъ, и такъ въ числѣ прочихъ могла проходить и успокаивать его и та мысль, что первая и главная мѣра обрусѣнія края приводится исподволь въ исполненіе.

Въ это время былъ генералъ-губернаторомъ Дм. Гавр. Бибиковъ, зорко слѣдившій за дѣйствіями Киселева и хорошо понимавшій его полупольскій и полурусскій характеръ. Знавъ, что дѣлается въ министерствѣ по западнымъ губерніямъ, онъ не разъ дѣлалъ мнѣ такіе намеки, которые тогда казались невѣроятны и трудно было ихъ принимать даже близкими къ истинѣ, но впоследствии они сами собой становились очевидны. Таковы были: русскіе маіораты, для которыхъ не только имѣнія, но всѣ подробности условій по образцу прусскому въ Познани были опредѣлены и убиты графомъ Киселевымъ. Такъ аренды имѣній казенныхъ были закрѣплены въ рукахъ польской шляхты и давали большія деньги панамъ и неисчислимыя убытки казнѣ. Такъ и другіе сборы были достояніемъ истыхъ поляковъ. Такъ, наконецъ, всѣми дѣлами казны по министерству заведывалъ въ званіи вице-директора агентъ пановъ польскихъ, котораго однако и самъ Киселевъ не посмѣлъ сдѣлать директоромъ департамента.

Учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ безъ сомнѣнія Императоръ Николай I-й заложилъ прочный фундаментъ дѣлу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ этомъ направленіи былъ первымъ дѣятелемъ Ник. Мих. Гамалѣя, избранный лично Государемъ изъ губернаторовъ сначала въ комитетъ, потомъ директоромъ 1-го департамента и вскорѣ товарищемъ министра. Оставаясь 20 лѣтъ въ послѣднемъ званіи, Н. М. былъ труженикомъ, отягченнымъ нравственно и физически выше мѣры, какъ христіанинъ-патріотъ.

Со смертію Николая I-го гр. Киселевъ утратилъ свое значеніе, невольно обнаруживъ себя въ многомъ: 1) Н. М. Гамалѣя, которому по праву принадлежало управленіе министерствомъ, обратился въ сенатора, назначивъ управляющимъ своего родственника, Хрущева, бывшаго при немъ чиновникомъ особыхъ порученій и готоваго слѣдовать его внушеніямъ и 2) самъ нашелъ себѣ мѣсто въ Парижѣ, сначала посломъ, а

потомъ ничѣмъ, лишь бы не въ Россіи оставаться тѣмъ же полуполякомъ, какимъ былъ со времени своей женитьбы на полькѣ.

Гамалѣя вскорѣ умеръ, а Хрущевъ сошелъ съ ума.

Министромъ былъ сдѣланъ Шереметевъ, пробылъ годъ и, принимая просителей, встрѣтилъ одного изъ окружныхъ начальниковъ, отставленнаго имъ безъ слѣдствія и суда. Отецъ 6-хъ дѣтей, безвинно лишенный хлѣба, просилъ суда, какъ милости, и когда министръ отъ него отвернулся, онъ сказалъ громко:

„Я буду жаловаться на Васъ Богу, и повѣрьте, вопль невинной семьи будетъ услышанъ“.

Шереметевъ былъ несовсѣмъ здоровъ, вернулся въ кабинетъ и получилъ ударъ.

Такъ оправдалось сказаніе Ал. Ал. Пейкера. Послѣ Шереметева вступилъ въ министры М. Н. Муравьевъ.

Было ясно, что успѣхъ церковностроительной части, въ девяти западныхъ губерніяхъ, испугалъ поляковъ и тѣмъ возстановилъ противъ себя, по внушенію Киселева, многихъ.

М. Н. Муравьевъ зналъ хорошо, въ чемъ дѣло, и, не желая прерывать нити, ограничилъ эту часть по возможности, направивъ усилія на поправку церкви болѣе, чѣмъ на постройку, отчего расходы сократились.

Впослѣдствіи, бывъ въ Вильнѣ, онъ сдѣлалъ наоборотъ, но въ то время въ министерствѣ такъ надо было.

Въ отношеніи меня лично М. Н. поступилъ такъ. Призвавъ и усадивъ меня за свой столъ противъ себя, онъ сказалъ:

— Александръ Андреевичъ, я знаю, что вы сдѣлали и что вы вынесли, мнѣ такихъ людей надо, я приготовилъ вамъ особое дѣло, сдайте свою часть и зайдите ко мнѣ, когда освободитесь.

Скоро послѣ того я былъ потребованъ къ министру и получилъ командировку въ Курляндію на слѣдствіе.

Дѣло было весьма щекотливое. Курляндскимъ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ былъ г. Офенбергъ 16 лѣтъ сряду; генераль-маіоръ съ камергерскимъ ключомъ, другъ Ал. Хр. Бенкендорфа, а потому и графа Киселева. — Одинъ изъ лѣсничихъ шт.-кап. Бретшнейдеръ нашелъ случай, являсь въ Петербургъ съ 2-мя собаками, поднести ихъ Государю и быть съ нимъ на охотѣ нѣсколько дней, при чемъ онъ вручилъ прошеніе на шести листахъ, жалующаясь на притѣсненія и злоупотребленія упр. Офенберга.

Императоръ взялъ и тутъ же передалъ этотъ доносъ генераль-губернатору Остзейскаго края Суворову, сказавъ:

— Это твое дѣло.

Князь Суворовъ какъ принялъ, такъ и сдалъ графу Киселеву. Казалось очень просто повѣрить доносъ въ видѣ жалобы на мѣстѣ. Но министръ узналъ, что лѣсничій Бретшнейдеръ въ Курляндіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и управитель имѣніемъ г-жи Рорбекъ, любимѣйшей камеръ-фрау Императрицы Александры Оедоровны, оставилъ доносъ у себя, и оставляя министерство, передалъ со своимъ замѣчаніемъ Хрущеву. Шереметевъ такъ же не посмѣлъ дать ходъ дѣлу, и послѣ 4-хъ лѣтъ оно попало въ руки М. Н. Муравьева. Онъ придумалъ составить комиссію по закону: чиновникъ отъ министерства, отъ генераль-губернатора и жандармъ. Когда докладъ былъ утвержденъ, онъ объявилъ мнѣ, что назначаетъ председателемъ этой комиссіи, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ надобности, я относился прямо къ нему, мимо департамента, гдѣ былъ директоромъ Ганъ.

Здѣсь снова мнѣ помогъ Ал. Ал. Пейкеръ добрымъ совѣтомъ: взять членомъ полковника Гильдебрандта изъ Риги, гдѣ онъ былъ 13 лѣтъ губ-мъ штабъ-офицеромъ и оказался, дѣйствительно, хорошимъ человекомъ. Со стороны генераль-губернатора былъ статскій совѣтникъ Шмитъ, извѣстный дѣлецъ того края.

Пріѣхавъ въ Митаву, я нашелъ тамъ губернаторомъ П. А. Валуева, гнетомата баронами и поддержаннаго Суворовымъ, отъ чего ему было не легче. Какъ губернаторъ, онъ имѣлъ свою партію, но очень не большую, но бароны въ большинствѣ были противъ. Хорошо знавшій дѣло П. А. Валуевъ увѣрялъ меня, что раньше двухъ лѣтъ комиссія изъ Митавы не выѣдетъ; Гильдебрандтъ былъ того же мнѣнія.

Бароны вопіяли гласно на комиссію, первую отъ присоединенія Курляндіи, и бранили Муравьева. Съ Валуевымъ мы видѣлись ежедневно, работа кипѣла.

Офенбергъ явился въ полной формѣ, но когда представлялъ мнѣ палату, то извинялся, что почти никто изъ чиновниковъ не знаетъ по-русски, на что я отвѣчалъ:

— Согласитесь, что я не обязанъ знать по-нѣмецки.

А потому я говорилъ со всѣми по-русски, а кто не понималъ, отъ того отворачивался. Къ удивленію оказалось, что понимали всѣ и все, а говорило большинство. Стало быть въ предостереженіи управляющаго была мысль заставить меня объясняться по службѣ по-нѣмецки, — что однако не удалось.

Лѣсничій Бретшнейдеръ былъ выписанъ въ комиссію по эстафетѣ, и несмотря на свой извѣстно дерзкій и буйный характеръ, до того присмирѣлъ и такъ дѣльно отвѣчалъ на вопросы пункты, что возбудилъ мое участіе въ своемъ зависимомъ и угнетенномъ положеніи.

Комиссія работала съ утра до вечера въ моей квартирѣ; я вставалъ рано и представлялъ на каждый день программу занятій, исполнявшуюся неукоснительно. Шмитъ былъ переводчикомъ и нѣмецкимъ писцомъ. Гильдебрандтъ, знавшій оба языка отлично, помогалъ мнѣ крайне усердно, и въ общемъ присутствіи у насъ образовалась такая гармонія, которой Валуевъ по всей справедливости удивлялся. Онъ обѣдалъ у меня ежедневно, послѣ чего проводили у него вечеръ съ Гильдебрандтомъ, когда было свободно.

Такъ изо дня въ день прошло два мѣсяца, въ теченіе которыхъ встрѣтился Ивановъ день съ ярмаркою, празднуемый всѣми жителями Митавы. Управляющій Офенбергъ пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ, я согласился съ тѣмъ, чтобы не было никакого официальнаго угощенія, тостовъ и проч. Онъ общалъ, что никого не будетъ. Валуевъ, узнавъ о томъ, спросилъ:

— Неужели вы приняли приглашеніе Офенберга?

— Да.

— По-моему это крайне смѣло, онъ васъ отравитъ; вы не можете представить, какъ зло смотрятъ на вашу комиссію.

— Что бы ни случилось, Петръ Александровичъ, унижать званіе управляющаго отказомъ я не могу, завтра это будетъ знать весь городъ. Отравы я не боюсь, при нѣкоторой осторожности: ничего не ѣсть прежде хозяина, а вина и кофе вовсе не пить.

Однако, губернаторъ остался при своемъ мнѣніи и просилъ къ себѣ тотчасъ послѣ обѣда, что я исполнилъ. Встрѣтивъ меня радостно, онъ и Гильдебрандтъ разспрашивали меня обо всемъ до мелочей, какъ будто этотъ фактъ выходилъ изъ границъ ихъ свѣдѣній и наблюденій,—что меня удивляло.

Легко быть можетъ, что они, какъ знатоки нѣмцевъ, поступили бы иначе, но „Русскій Богъ великъ!“ говорить нашъ народъ не даромъ.

Въ два мѣсяца огромный трудъ былъ готовъ, и я призналъ необходимымъ объѣхать Курляндію въ разныхъ направленіяхъ, съ тѣмъ, чтобы быть на мѣстахъ и удостовѣриться въ показаніяхъ разныхъ лицъ по разнымъ частямъ управленія.

Выѣхавъ изъ Митавы съ губернскимъ лѣсничимъ фонъ-Клей-

стомъ, я сдѣлалъ въ 4 сутокъ 600 верстъ, обѣдалъ у Офенберга и у Бретшнейдера, узналъ и увидѣлъ многое, что было нужно, и черезъ недѣлю явился въ Петербургъ съ докладомъ къ министру.

Представивъ дѣло въ 4-хъ томахъ, я началъ докладъ.

— Прежде всего считаю долгомъ доложить Вашему Высокопревосходительству, что Ваше порученіе дало мнѣ случай видѣть администраціонный казусъ: на 42-хъ верстахъ шоссе съ одною станціею мы имѣемъ 2 палаты, стоящія каждая по 180 тыс. руб. въ годъ.

Муравьевъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Да, это ошибка, которую пора исправить; надѣюсь, что вы мнѣ въ этомъ поможете. Я убѣжденъ, что это можно сдѣлать скоро и просто подъ вашимъ руководствомъ. Надо составить комиссію подъ вашимъ председательствомъ, подумайте о членахъ и заготовьте записку.

Докладъ продолжался болѣе часа. Мих. Ник. былъ такъ точенъ въ своихъ вопросахъ, такъ заинтересованъ подробностями, что поблагодарилъ, поручивъ передать все дѣло въ его особую канцелярію.

На другой день, представляя записку о составѣ комиссіи, я упомянулъ, что председателемъ слѣдовало бы сдѣлать курляндскаго губернатора Валуева. Онъ поморщился, назвалъ его интриганомъ, присылающимъ свои статьи къ Константину Николаевичу, и, подумавъ, сказалъ:

— Нѣтъ, намъ такого не надо.

Прошла недѣля. Муравьевъ пригласилъ меня къ себѣ. При моемъ входѣ въ кабинетъ, онъ сказалъ:

— Здравствуйте, я читалъ вашу записку о составѣ комиссіи, кажется, велика, много членовъ-нѣмцевъ.

— Безъ нихъ нельзя, можно уменьшить, все будетъ зависѣть отъ председателя.

— Да, вѣдь, я сказалъ, что вы—председатель.

— А я снова прошу, Ваше Высокопревосходительство, поручить это дѣло Валуеву.

Михаилъ Николаевичъ опять поморщился, подумалъ и отвѣчалъ:

— Да онъ—не нашъ, какъ же ему поручить, — а съ Ланскимъ (бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ) я не хочу переписываться.

— Такъ позвольте мнѣ лично переговорить?

— А вы его знаете?

— Довольно хорошо и думаю, что мнѣ онъ не откажетъ.

— Ну что жъ? спросите, если хотите, только меня не мѣшайте.

— Слушаю.

Отъ одного поѣхалъ я прямо къ другому министру и былъ принятъ немедленно.

— А здравствуйте, Александръ Андреевичъ, — подавая руку, сказалъ С. Ст. Ланской, — что? съ дѣломъ?

— Да, съ большою просьбою къ вамъ.

— Радъ стараться, чѣмъ могу служить?

— Одолжите намъ курляндскаго губернатора Валуева.

— Какъ? къ Муравьеву? ха-ха-ха! возьмите. Да куда вы его прочите?

— Въ предѣдатели особой комиссіи по устройству дѣлъ въ Остзейскихъ губерніяхъ.

— Возьмите, возьмите, съ моей стороны не будетъ затрудненій, такъ и скажите Муравьеву.

На другой же день вопросъ и отвѣтъ обмѣнены и къ Валуеву написано. Со своей стороны я написалъ ему въ тотъ же день. Не прошло недѣли, какъ получаю отъ него искреннее благодареніе и вмѣстѣ убѣдительную просьбу о деньгахъ. Ему не съ чѣмъ было выѣхать изъ Митавы.

Иду къ Муравьеву. Онъ снова улыбнулся и приказалъ выдать изъ палаты 1.000 рублей.

Вотъ какъ былъ введенъ въ кругъ министерскихъ дѣйствій П. А. Валуевъ.

Какъ онъ отплатилъ Муравьеву въ 63 году, бывъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и защищая поляковъ на каждомъ шагу — это принадлежитъ исторіи возстанія и мятежа въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ. Я узналъ часть его противодѣйствій, бывъ предѣдателемъ слѣдственной комиссіи въ Горкахъ.

Въ 1-мъ засѣданіи Остзейской комиссіи П. А. Валуевъ сказалъ превосходную рѣчь, въ особенности поразившую директора второго департамента Рашевскаго, на мѣсто котораго и поступилъ П. А. не безъ затрудненій.

Товарищъ министра, А. А. Зеленый, поручилъ мнѣ вести переговоры о переходѣ въ министерство П. А. Валуева. Наконецъ, онъ рѣшился перейти съ условіемъ: никакихъ наградъ кромѣ денегъ. Вслѣдствіе того ему даны два департамента, второй и земледѣльческій съ содержаніемъ въ 10 тыс. руб. Это былъ окладъ неслыханный, на который только Муравьевъ могъ рѣшиться.

Съ перваго шага своей дѣятельности въ Петербургѣ, Петръ Александровичъ сблизился съ Василиемъ Андреевичемъ Долгоруковымъ (шефомъ жандармовъ), сильнымъ содѣйствіемъ его вскорѣ поступилъ управляющимъ дѣлами Комитета Министровъ, а потомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ и оставался 7 лѣтъ.

При М. Н. Муравьевѣ я былъ сдѣланъ членомъ Совѣта Министра.

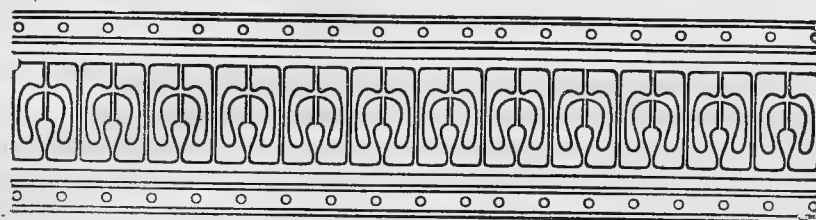
Въ этомъ званіи я имѣлъ 4 комиссіи, одна другой сложнѣе и серьезнѣе:

1. Встрѣча Государя Императора во время его путешествія на сѣверъ, въ г. Архангельскъ.
2. Ревизія палаты и управленія государственныхъ имуществъ въ Казанской губерніи.
3. То же самое и въ Пермской губерніи, и
4. Предсѣдательство въ слѣдственной комиссіи въ Горкахъ для рѣшенія вопроса, кто виновенъ въ томъ, что шайка бунтовщиковъ тамъ была: губернаторъ Веклемишевъ или директоръ.

Сооб. А. Половцова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры ¹⁾.

Н а б ѣ г ъ.

Въ штабѣ командующаго флотомъ что-то затѣвается: флагъ-офицеры, непроницаемые, какъ переборки, исподволь разспрашиваютъ судовыхъ офицеровъ о томъ, о другомъ, и, внимательно разбирая эти вопросы, можно придти къ заключенію, что есть какія-то интересныя извѣстія, и отряду крейсеровъ предстоитъ походъ.

На самомъ отрядѣ приспустили стеньги, чтобы ввести въ заблужденіе непріятеля, если онъ будетъ опредѣлять разстояніе по высотѣ рангоута; принять полный запасъ угля, образованы призовыя партіи для захвата и привода во Владивостокъ пароходовъ съ военной контрабандой, введены доморощенные усовершенствованія въ средствахъ нападенія и обороны, а духъ всего личнаго состава не заставлялъ желать чего лучшаго. Въ глубинѣ души только тайлася обидная боязнь за участь самаго быстроходнаго, но и самаго слабаго крейсера: двѣ недѣли назадъ выскочилъ онъ на камни около мыса Брюса и, несмотря на усилія всего отряда, еще не удалось его съ нихъ снять, а между тѣмъ каждую минуту могутъ придти вражескіе миноносцы, и одной мины будетъ достаточно, чтобы изящный, легкой постройки крейсеръ переломился и безславно погибъ, въ тяжелое для Русскаго флота время.

Не обманулось напряженное воображеніе личнаго состава, оправдались предположенія о скоромъ походѣ: подъ покровомъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1913 г.

ночи снялся съ якоря отрядъ, и три грозныхъ крейсера вновь на просторѣ голубого моря и прямо идутъ на врага, готовые броситься на него и наказать, если позабылъ онъ, что они существуютъ, если думаетъ, что мирно дремлютъ они на рейдѣ тихаго залива.

Старая команда сильнѣйшаго крейсера, много разъ ходившая на немъ изъ Артура во Владивостокъ и обратно, уже изъ курса догадалась, что отрядъ идетъ къ Цусимскому проливу, и идутъ въ ней разговоры объ этихъ переходахъ, совершенныхъ также въ боевой обстановкѣ.

— Въ самое опасное мѣсто идемъ,—говорилъ рулевой старшина, кое-что смыслившій въ картахъ, уже 5 лѣтъ помогая старшему штурману разбирать, принимать, перекладывать эту часть судового имущества,—съ одной стороны это, значить, будетъ военный портъ Сасебо, туда ни одно военное судно иностранной націи не пускаютъ, съ другой—островъ и на немъ портъ минный, а отъ Кореи глядѣть, такъ тутъ Мозанпа, богатѣйшій рейдъ, гавань, можно сказать... Мы на это мѣсто долго цѣпились для своего порта; да опасновато: имъ желторожимъ до Японіи рукой подать, а намъ гуляй во Владивостокъ или Портъ-Артуръ.

— А зачѣмъ же ходить-то въ Артуръ или въ Владивостокъ. Гавань хорошая, ну и стой,—полюбопытствовалъ ученикъ рулевой.

— Сѣрый ты, я вижу. А исправленія гдѣ сдѣлать, примѣрно у тебя машина спортится, или руль, въ докъ надо, или на заводъ вещь отдать,—такъ это гдѣ жъ ты будешь дѣлать. Хотя бы маленькую мастерскую имѣть...

— Такъ вотъ бы и построили на берегу,—вмѣшался въ разговоръ минный машинистъ.

— А позволить-то кто? Шишъ съ масломъ покажутъ тебѣ.

— Нечего и разговаривать было: взяли бы да и построили.

— А онъ тебѣ войну.

— Да война-то все равно есть.

— Да ты зря къ словамъ не привязывайся... эта война не правильная.

— Почему же неправильная?

— Да вотъ, можно сказать, безъ объявленія.

— А по-твоему нужно было что ли написать: „Милые Вы мои, мы къ вамъ сегодня придемъ и будемъ въ васъ минами стрѣлять“.

— Нѣтъ, подожди, ты отъ дѣла ушелъ; безъ порта, значить, гавань ничего не стоитъ—вотъ что я говорю...—пытается вернуться къ прежнему разговору рулевой старшина.

— А я говорю, строй этотъ самый портъ,—не унимался минный машинистъ...

Кучка слушателей начала уже подтрунивать надъ рулевымъ старшиной, но изъ затруднительнаго положенія его выручилъ случайно присутствовавшій при спорѣ младшій штурманъ-мичманъ.

— Затрудненіе это не столько въ томъ, чтобы портъ выстроить, а надо прежде всего его защитить, т.-е. построить крѣпость, а то можетъ случиться такъ, что эскадра выйдетъ изъ порта въ море искать непріятеля, и тогда нѣсколько непріятельскихъ судовъ могутъ разгромить портъ; строить же крѣпость близъ владѣній врага, не имѣя достаточнаго превосходства въ морскихъ силахъ, не осторожно, такъ какъ въ случаѣ неудачи всѣ постройки могутъ пригодиться непріятелю,—пояснялъ мичманъ внимательно слушавшимъ матросамъ; когда же онъ ушелъ, рулевой старшина самодовольно заявилъ:

— Это самое я и норовилъ сказать.

— То-то норовилъ, да мозговъ и не хватило,—продолжалъ издѣваться надъ нимъ его противникъ по спору.

Долго бы еще тянулось ихъ словопренье, если бы миннаго машиниста не вызвали на вахту.

Къ вечеру второго дня отрядъ подошелъ къ высокому острову, находившемуся въ $\frac{3}{4}$ пути отъ Владивостока къ Цусимскому проливу.

— Только бы не было у нихъ поставлено здѣсь искрового телеграфа, а то вся затѣя пропадетъ даромъ,—говорилъ старшій офицеръ, стоя въ кучкѣ офицеровъ, собравшихся на ютѣ и внимательно разсматривавшихъ островъ.

— Ничего подозрительнаго не видно; лѣсъ, конечно, можетъ замаскировать мачту, но все-таки она должна быть выше окружающихъ ее предметовъ; а какая затѣя, надо надѣяться, что это не секретъ?—не отнимая отъ глаза бинокля, спросилъ второй минный офицеръ.

— Точныхъ свѣдѣній я не имѣю, да и въ штабѣ ихъ нѣтъ; но существуетъ предположеніе, что идетъ усиленная перевозка войскъ изъ Японіи къ Ляодуну и Портъ-Артуру; и наша задача—найти какой-нибудь эшелонъ транспортовъ и если онъ идетъ съ небольшимъ конвоемъ, раскатать его; а случись, тамъ будетъ Камимура со всѣми своими крейсерами, то можемъ, конечно, и мы нарваться; но все-таки надо будетъ учесть, что появленіе крейсеровъ въ центрѣ ихъ линіи сообщеній задержитъ спокойное передвиженіе войскъ.

— И пожалуй расчетъ штаба правиленъ: вѣдь послѣ гибели 2 сильнѣйшихъ броненосцевъ они должны будутъ усилить свой флотъ у Портъ-Артура, тѣмъ болѣе, что поврежденные суда наши подправляются; я положительно думаю, что Камимура находится у Портъ-Артура, и мы можемъ погулять на просторѣ, — вмѣшался въ разговоръ и артиллерійскій офицеръ.

Около офицеровъ, оживленно болтавшихъ на эту тему, стояло нѣсколько матросовъ изъ числа вахтенныхъ и очередной смѣны у пушекъ; выполнѣ отдавая себѣ отчетъ въ теченіи военныхъ дѣйствій, привыкшіе вѣрить своимъ офицерамъ, прислушивались они къ этой бесѣдѣ и, благодаря свѣжей памяти, отъ слова до слова передавали все эти разсужденія своимъ пріятелямъ, тѣ другимъ, и вмѣстѣ съ этими логическими доводами въ умы команды проникла и увѣренность въ успѣхѣ предполагаемаго набѣга.

Съ наступленіемъ утра на мглистомъ горизонтѣ отрядъ увидѣлъ коммерческій пароходъ, шедшій со стороны Кореи къ Японіи. Первоначально пытался онъ удалиться, но нѣсколько снарядовъ, попавшихъ въ машину и котлы, принудили его остановиться. Отрядъ, находившійся въ 40 миляхъ отъ Сасебо, не предполагалъ брать его съ собой въ видѣ приза, и адмиралъ, приказавъ сигналомъ по международному своду покинуть пароходъ, началъ его разстрѣливать; тѣмъ не менѣе для подбѣранія плѣнныхъ былъ спущенъ баркасъ, который взялъ многихъ японцевъ изъ воды, въ томъ числѣ и капитана этого парохода. Находясь въ водѣ и держась за обломокъ, онъ указывалъ русскому офицеру на своихъ плававшихъ собратій съ просьбой ихъ подобрать ранѣе, чѣмъ его, а когда извлекли его изъ воды, то велико было изумленіе находившихся на шлюпкѣ: у браваго японца правая нога была оторвана до колѣна! Человѣколюбивое стремленіе спасти тонувшихъ японцевъ тѣмъ не менѣе потребовало много времени и могло поставить отрядъ въ невыгодное положеніе, такъ какъ, появивсь въ это время непріятель, пришлось бы бросить на произволъ судьбы баркасъ съ офицеромъ и 20-ю матросами. А между тѣмъ, волей Провидѣнія эта задержка какъ нельзя болѣе благопріятно отозвалась на теченіи послѣдующихъ событій: на стоявшіе крейсера со стороны Японіи довѣрчиво шли два громадныхъ транспорта, видимо не сомнѣвавшіеся въ томъ, что видятъ передъ собой эскадру Камимуръ; если бы съ пароходомъ не задержались, крейсера спустились бы далѣе на югъ и, весьма возможно, что отрядъ оказался бы внѣ линіи сообщеній. Едва транспорты увидѣли свою

ошибку, какъ стали быстро поворачивать вспять, но крейсера уже ихъ преслѣдовали; одинъ транспортъ послѣ двухъ выстрѣловъ, направленныхъ нарочно въ воду около него, остановился; другой упорно шелъ къ Японіи. Сильнѣйшій крейсеръ обстрѣливая сталъ его нагонять, и черезъ нѣсколько минутъ громадный клубъ бѣлаго пара, вырвавшійся изъ нѣдръ парохода, и замедлившійся ходъ послѣдняго возвѣстили, что снарядъ удачно попалъ въ котель. Разстояніе между судами съ каждой секундой уменьшалось. Простому глазу стало замѣтно, что пароходъ былъ сильно загруженъ, а съ 2 кабельтовыхъ разстоянія увидѣли, что на палубѣ, загроможденной ящиками, стояли толпы солдатъ; въ громадные иллюминаторы и свѣтовые люки, въ два ряда расположенные въ борту, то и дѣло выглядывали лица и быстро скрывались.

„Покиньте вашъ корабль“, развѣвается по международному своду сигналь, но для cadaго изъ находящихся на крейсере понятно, что только ничтожная часть людей можетъ спастись, да наконецъ еще ярче выступаетъ мысль, что и нельзя допустить, чтобы эти люди спаслись, это вѣдь враги, японцы, они идутъ на поля Манчжуріи, чтобы усилить свои силы, чтобы вступить въ бой съ родными русскими солдатами! Транспортъ разворачивается и направляется къ кормѣ неподвижно стоящаго крейсера. Въ бинокль ясно видно, что капитанъ парохода, по видимому англичанинъ, съ сигарой во рту подходитъ къ машинному телеграфу и вѣроятно даетъ полный ходъ—очевидно, хотѣтъ нанести таранный ударъ. Лихой комендоръ ретиральной пушки посылаетъ снарядъ, разрывающійся на мостикѣ, крейсеръ прибавляетъ ходъ и съ лѣваго борта открывается убійственный огонь. Градъ снарядовъ пронизаетъ бортъ громаднаго парохода, который вдругъ какъ бы ожилъ: беспорядочно спускаются съ него шлюпки, съ борта стали прыгать въ воду люди; одно, другое—десятки тѣлъ уже плаваютъ на поверхности воды; изъ иллюминаторовъ и свѣтовыхъ люковъ тоже бросаются въ воду человѣческія фигуры. Вотъ идетъ шлюпка подъ бѣлымъ флагомъ, но не суждено ей было дойти до крейсера: восьмидюймовый снарядъ, направленный въ подводную часть парохода, пролетѣлъ надъ ней и, давленіемъ разрываемаго имъ воздуха, смело съ этой шлюпки всѣхъ находившихся на ней людей. Несмотря на большое число снарядовъ, громадный транспортъ, имѣвшій вѣроятно полный запасъ угля, приспособленный для океанскаго плаванія, точно и не собирается погружаться въ воду.

— Смотрите, ребята, какъ долго можетъ держаться обычно-

венный пароходъ, — говоритъ баковый лейтенантъ, — а военное судно, если оно бронировано, можетъ выдержать бой до безконечности, только бы хватило снарядовъ да не испортились пушки и машины. „Прекратить огонь, изъ кормового аппарата выпустить мину“ приказываетъ командиръ, и черезъ минуту, всё съ любопытствомъ слѣдятъ за бѣлымъ слѣдомъ выпущенной мины, идущей прямо въ среднюю часть парохода; на половинѣ пути, ударившись вѣроятно о чье-нибудь тонущее тѣло, склоняется она влѣво и, не принеся вреда, проходитъ подъ кормой. Отъ вновь открытаго огня пароходъ скоро загорается, но вниманіе крейсеровъ уже направлено на новаго врага: на горизонтѣ появился легкій японскій крейсеръ, и онъ также, какъ и коммерческіе пароходы, быстро приближается къ отряду, потомъ, увидя свою ошибку, рѣзко поворачиваетъ въ сторону Кореи, сильнѣйшій крейсеръ мчится за нимъ, но 23-хъ узловый противникъ, пытаясь усиленно телеграфировать, мало-по-мало исчезаетъ въ мгlistой дымѣ горизонта; мощными разрядами, прерываетъ его телеграфированіе сильнѣйшій крейсеръ и призванный радиогаммой съ флагманскаго корабля возвращается на прежнее мѣсто. Перемѣнные курсы сбили нѣсколько прокладку: съ томительнымъ ожиданіемъ смотрятъ впередъ, рассчитывая увидѣть своихъ, но горизонтъ все туманенъ и не показываются высокіе корпуса боевыхъ товарищей.

— Ваше Высокоблагородіе, большой дымъ слѣва, — докладываетъ сигнальщикъ.

— Дымъ справа, — докладываетъ другой.

— Неужели это не свои, — мелькаетъ мысль, — но оказывается, что крейсеръ вернулся на прежнее мѣсто: пароходъ уже представляетъ собой костеръ, громадныя языки пламени вырываются изъ кормового трюма, кучки людей, съ слабой надеждой спастись, толпятся на носу и кормѣ, но они осуждены на смерть. По приказанію флагмана, подошедшаго справа, вновь открыть огонь, и черезъ нѣсколько минутъ горящій транспортъ медленно погружается кормой и тонетъ. Очутившемуся нечаянно у борта плавающему японцу бросаютъ буюкъ на шкертѣ, рассчитывая спасти его и получить свѣдѣнія о томъ, какія части войскъ были на транспортахъ; буюкъ брошенъ съ носа и находится подъ самыми руками солдата, однако послѣдній, видя его привязаннымъ на шкертѣ, отталкиваетъ отъ себя и усиленно плыветъ отъ борта; еще двѣ-три секунды, и мощнымъ водоворотомъ, образующимся отъ работы винтовъ, втянуть онъ

въ глубину воды и появленія его оттуда такъ и не дождались слѣдившіе за нимъ матросы.

— „Вступить въ строй кильватера“, развѣвается сигналъ адмирала, и вновь три крейсера слѣдуютъ въ стройной колоннѣ—и не видно по наружному виду ихъ, что они использовали громадную ошибку непріятеля, а именно ту, что японцы, не владѣя моремъ, т.-е. не обезпечивъ его отъ появленія значительныхъ силъ непріятеля, производили перевозку войскъ безъ конвоя.

Потопленіе парохода съ войсками происходило въ 19 миляхъ отъ Сасебо, главнаго порта японскаго флота и сильнѣйшей крѣпости, и оставаться долѣе въ сосѣднемъ къ порту районѣ моря представлялось опаснымъ рискомъ, и адмиралъ, дабы обмануть непріятеля, рѣшилъ идти сначала въ виду береговъ Японіи, какъ бы направляясь къ Сангарскому проливу. На пути былъ захваченъ большой англійскій пароходъ съ углемъ и съ призовой партіей флагманскаго крейсера отправленъ въ Владивостокъ; не ожидая лихой его командиръ, что 8 узловому угольщику удастся проскочить безпрепятственно въ Владивостокъ, и принялъ все мѣры, дабы не отдаться въ руки непріятеля, но, какъ выяснилось впоследствии, судьба ему благопріятствовала. Отрядъ крейсеровъ поднялся нѣсколько на сѣверъ Японіи и ночью легъ на Владивостокъ.

Тихо на крейсерахъ. Утомленные, не столько физически, сколько нравственно отъ нервнаго подъема, овладѣваемаго всеми въ теченіе описанныхъ выше событій, еще съ 7¹/₂ часовъ вечера залегли свободные офицеры и команда спать, чтобы съ 12-ти часовъ ночи бодрыми вступить какъ на вахту, такъ и въ очередныя дежурства у орудій: въ ночное время у орудій и въ погребахъ держали половину прислуги, дабы въ каждую данную минуту все орудія могли открыть огонь; офицеры и унтеръ-офицеры были также раздѣлены на двѣ сѣмны, и всякій былъ увѣренъ, что въ случаѣ минной атаки, въ отраженіи ея не произойдетъ никакой заминки. Какъ эти очередныя сѣмны, такъ и машинная команда у механизмовъ и котловъ составляли вкупѣ значительную часть команды, и во внутреннихъ помѣщеніяхъ крейсера было всеобщее свободное.

Только въ носовомъ кубикѣ, какъ говорится, было не продохнуть: сто пятьдесятъ плѣнныхъ японцевъ лежало въ повалку, безъ всякаго порядка, и эта картина представляла яркій контрастъ съ обыкновеннымъ аккуратнымъ расположеніемъ

коекъ въ то время, когда это помѣщеніе занимала судовая военная команда.

Плѣнные были подобраны съ перваго потопленнаго парохода; ихъ можно было подраздѣлить на 3 группы: одни, числомъ 20, составляли экипажъ парохода, 10 другихъ были повидимому случайными пассажирами, шедшими изъ Кореи въ Японію, третьи наиболѣе многочисленные и называемые „кули“ возвращались на родину. Всѣ же болѣе интеллигентные плѣнные были отдѣлены отъ общей массы, дабы этой мѣрой парализовать возможное вліяніе ихъ на остальной мало-развитый элементъ. Это подраздѣленіе плѣнныхъ на три группы становилось еще характернѣе по мѣрѣ того, какъ офицеры приглядывались къ ихъ взаимнымъ отношеніямъ и манерѣ держать себя. Матросы, частью даже состоявшіе на военной службѣ, держали себя гордо, избѣгали какихъ-либо разговоровъ съ русскими матросами; поставщики, мелкіе торговцы, составлявшіе вторую группу, держались въ компаніи съ матросами, но были общительнѣе и еще отвѣчали на задаваемые имъ вопросы; третьи—„кули“, представляющіе собой низшій забитый классъ населенія Японіи, всю жизнь работающіе, презираемые японскими же матросами, довольные хорошимъ съ нимъ мягкимъ обращеніемъ русскаго начальства и никогда не ѣдавшіе такой хорошей пищи, какую имъ давали на крейсерѣ, являлись наиболѣе удобнымъ элементомъ для дачи показаній о дѣятельности военныхъ судовъ японскаго флота и о перевозкѣ войскъ и т. п. Однако добываніе этихъ свѣдѣній было затруднительно потому, что какъ только офицеръ подходитъ къ какому-нибудь „кули“, на него строго и со злобой устремлялись десятки глазъ японскихъ матросовъ, и этотъ молчаливый контроль былъ причиной того, что выбранный „кули“ отрицательно качать головой, какъ бы не понимая обращенной къ нему японской фразы. Наибольшую пользу принесъ въ этомъ отношеніи рулевой старшина, кое-что марковавшій по-японски; весело, какъ бы не имѣя никакой скрытой цѣли, хлопая по животу избраннаго имъ „кули“, разспрашивалъ онъ того про жену, про дѣтей, предлагалъ папироску и, когда замѣчалъ, что „кули“ развеселился, и уже самъ ведетъ разговоръ, то начиналъ неистово спорить о силѣ русскихъ и японцевъ, добывая довольно обширныя свѣдѣнія. Насколько эти данныя были непосредственно вѣрны, сказать трудно, но, сопоставляя ихъ съ извѣстными изъ другихъ источниковъ свѣдѣніями, офицеры сдѣлали выводы, которые впоследствии оказались вѣрными.

Теперь же плѣнные, подъ наблюдениемъ троихъ часовыхъ, покоились мирнымъ сномъ: два часовыхъ стояли у входныхъ дверей изъ жилой палубы, т.-е. ближе къ серединѣ судна, третій стоялъ въ носу у трапа, ведущаго на верхъ въ носовую батарейную палубу. Этотъ былъ небольшого роста матросъ съ красноватымъ шрамомъ на лбу, оставшимся у него послѣ драки въ деревнѣ, гдѣ онъ уже два года пробылъ, состоя въ запасѣ флота. Плававшій во время дѣйствительной службы на портовыхъ судахъ, отвыкшій за два года пребыванія въ деревнѣ отъ несенія службы, не понималъ онъ того громаднаго значенія, которое имѣетъ правильное несеніе караульной службы: облокотясь на пиллерсъ, онъ понемногу поддавался предательски подкрывшейся усталости и, опираясь на ружье, задремалъ. Изъ группы плѣнныхъ нѣсколько приподнялась одна голова съ горящими злобой глазами и слѣдила упорнымъ взглядомъ за преступнымъ часовымъ, затѣмъ обладатель ея разбудилъ сосѣда, тотъ другого, и тихая, едва слышная бесѣда завязалась между японскими матросами; нѣкоторые изъ нихъ осторожно посматривали въ сторону другихъ двухъ часовыхъ, а потомъ стали постепенно, чуть замѣтно перемѣщаться по направленію къ ихъ постамъ. Повидимому, они рѣшились на какой-то планъ, можетъ быть безумный по своей смѣлости, но все же, если бы имъ удалось умертвить троихъ часовыхъ, задрать двери въ жилую палубу и снять трапъ въ носовую батарейную, они оказались бы въ изолированномъ помѣщеніи и добраться до нихъ было бы трудно, а между тѣмъ они могли бы устроить пожаръ и вывести изъ строя сильнѣйшій крейсеръ. Умертвивъ часовыхъ, могли также они безпрепятственно проникнуть въ жилища помѣщенія, гдѣ спокойно отдыхала въ полумракѣ половина команды, и сколько могло быть жертвъ въ преступленія одного часового! Вдругъ все движеніе и шепотъ пріостановились: по носовому трапу спускалась высокая фигура. Офицеръ, завѣдывавшій плѣнными, точно чувствуя возможную опасность, совершалъ свой очередной обходъ; тихо ступая по линолеуму, онъ подошелъ къ часовому и къ своему ужасу въ полумракѣ увидѣлъ, что тотъ недвижимъ, глаза его закрыты и на лбу зияетъ шрамъ. Но скоро убѣдился онъ, что часовой не мертвъ, а просто спитъ; тихонько офицеръ сталъ высвобождать ружье изъ рукъ часового; но одного прикосновенія этого было достаточно, чтобы руки часового инстинктивно сжали дуло и глаза открылись. Но кто держался за ружье, врагъ или другъ, не отдавалъ себѣ отчета перепугавшійся часовой.

А у офицера уже пронеслась вереница мыслей: „подать рапортъ, будетъ строгій, но справедивый судъ, пошлютъ этого часового въ каторжныя работы и изъ рядовъ флота вырвутъ матроса, который безъ пользы будетъ находиться вдали отъ того мѣста, гдѣ скорѣе всего онъ могъ бы заслужить прощенье“, говорить офицеру сердце; „а проступокъ, между тѣмъ, громадный, благодаря небрежности одного часового могъ бы пострадать весь крейсеръ, и такой человѣкъ въ рядахъ флота не долженъ быть терпимъ“, подсказываетъ разсудокъ. „Можетъ быть, завтра бой, и тогда посмотримъ, какъ поступить“, рѣшаетъ офицеръ мысленно и, указывая на плѣнныхъ, обращается уже громко къ часовому. „Ты подумай, обмозгуй, что ты сдѣлалъ, и тогда утромъ явишься ко мнѣ въ каюту“.

„Какъ важно предъявлять суровыя требованія въ мирное время къ караульной службѣ; будь у этого матроса привычка къ несенію ея, привычка, выработанная если не собственнымъ сознаніемъ важности караульной службы, то хотя бы боязнью строгой отвѣтственности, то будь онъ и тутъ, и безпеченъ въ обыденной жизни, не задремалъ бы, стоя на часахъ, и не могъ онъ тѣмъ принести неисправимый вредъ крейсеру и не испортилъ бы онъ себѣ жизни“,—думалъ офицеръ у себя въ каютѣ, собираясь отдохнуть часокъ-другой отъ цѣлаго дня хлопотъ.

Въ 8^{1/2} часовъ утра въ его каюту робко постучали. Съ измученнымъ лицомъ, угрюмый, но подтянувшійся наружнымъ видомъ вошелъ матросъ, бывшій часовымъ.

— Ну, что, обдумалъ?—спросилъ его офицеръ, сидѣвшій за столомъ и читавшій книгу.

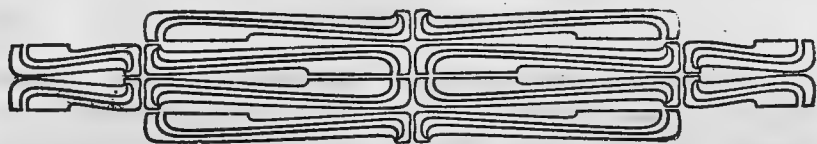
— Такъ точно, Ваше Высокоблагородіе.

— Ну и что же?

— Заслужу, Ваше Высокоблагородіе,—глухо отвѣтилъ матросъ, и въ этомъ короткомъ отвѣтѣ звучало столько искренности, столько чувства сознанія своей вины и рѣшимости искупить ее, что сложившееся у офицера убѣжденіе о необходимости предать матроса суду какъ бы стало колебаться.

— Возьму грѣхъ на свою душу, повѣрю тебѣ, ступай,—сказалъ офицеръ, но еще долгое время въ душѣ его было сомнѣніе, что, поступивъ въ данномъ случаѣ противъ устава, не сдѣлалъ ли онъ еще ошибки: искупить ли преступный матросъ свою вину передъ родиной?!

Славлевъ.

Еще изъ воспоминаній объ М. И. Драгомировѣ.

Въ одной изъ книжекъ „Русской Старины“ за 1912 г., въ статьѣ „Генераль Драгомировъ во время австро-прусской войны“, было выставлено, между прочимъ, что Мих. Ив. всегда предавался чтенію Св. Евангелія; при этомъ было сказано, что вообще объ отношеніи его къ религіи будетъ извлечено изъ записокъ особо, впоследствии. Представляя настоящій очеркъ вниманію читателей, я считаю, что этимъ самымъ въ большой мѣрѣ исполняю свое обѣщаніе.

Здѣсь, съ достаточною ясностью, указывается, на сколько Мих. Ив. принадлежалъ къ числу тѣхъ старыхъ людей, которые своею религіозностью стояли въ ряду чисто русскихъ благородныхъ представителей, почитавшихъ свое отечество съ его чистою жизнью и высоко державшихъ знамя, въ дѣлѣ охраненія этой жизни отъ наплыва въ нее чего бы то ни было нерусскаго, — нынѣ такъ жестоко и безжалостно ее наводняющаго и засоряющаго изъ-за доступности постороннихъ вѣяній малодушно, легкомысленно допускаемыхъ общественностью въ плохо окарауливаемый чисто русскій лагерь.

Въ 1896 г. рѣшался вопросъ о томъ — удовлетворить ли назрѣвшую въ народѣ нужду канонизаціи святого Θεодосія Углицкаго — епископа и чудотворца Черниговскаго или, какъ вообще объ этомъ по-просту говорилось и говорится, разрѣшить ли открытіе мощей этого святителя?

Передъ тѣмъ въ послѣдній разъ на Руси торжество освященія мощей происходило въ царствованіе Императора Александра II въ 1861 г. въ Воронежской губерніи. Святитель Тихонъ Задонскій призывалъ къ себѣ большія массы народа, стекавшагося для полученія въ молитвѣ разнообразѣйшихъ

облегченій и излѣченій отъ болѣзней, горечи, печали и недуговъ. Въ годы, предшествовавшіе этому событію, много рассказывалось о томъ, какъ отнеслись тогда въ верхахъ правительства къ извѣстіямъ, получавшимся съ мѣста о томъ, что народъ выражаетъ желаніе получить этого святого и въ выраженіи своихъ желаній не стѣсняется требовать, при чемъ духовенству прямо показываетъ свое неудовольствіе и ропотъ за задержки, будто-бы прямо чинимыя имъ въ этомъ важномъ дѣлѣ.

То было время приближенія къ исполненію, намѣченного молодымъ Государемъ, важнѣйшаго дѣла — освобожденія крестьянъ отъ путъ крѣпостной зависимости; всѣмъ извѣстно, съ какою всестороннею осмотрительностью Александръ Николаевичъ подходилъ къ этой предначертанной имъ перемѣнѣ въ бытѣ возлюбленнаго народа своего.

„Надо“, говорилъ Государь съ полнымъ сознаніемъ перво-степенности предстоявшаго, имѣвшаго міровое значеніе, переворота, „добиться того, чтобы, выступая на новый житейскій путь, народъ во всѣхъ остальныхъ проявленіяхъ своей жизни былъ совершенно спокоенъ и чтобы она ничѣмъ, ни въ чемъ именно теперь не отражалась“. Съ этой стороны кроткій Царь несомнѣнно готовъ былъ не задумываясь склониться къ тому, чтобы назрѣвшая, вызванная религіозною жизнью, дорогого его сердцу, народа, нужда была спокойно удовлетворена и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Но на стражѣ этого дѣла, какъ и вообще всего касавшагося въ ту пору церковной жизни, стоялъ вліятельнѣйшій чловѣкъ — митрополитъ Филаретъ; этотъ правдивый, мудрый старецъ, какъ рассказывали тогда, долго показывалъ твердое стремленіе сдержать высшую власть вообще отъ прорыва въ сторону того рѣшенія, которое онъ считалъ потворствомъ. На Государя онъ вліялъ неоднократно напоминаніемъ словъ, сказанныхъ въ этомъ отношеніи августѣйшимъ родителемъ Его Величества. Митрополиту было доподлинно извѣстно, что на доклады, представлявшіеся съ разныхъ сторонъ, Императоръ Николай Павловичъ коротко и неизмѣнно отвѣчалъ, что „народъ не стоитъ на той религіозной высотѣ, которая ставила бы его въ возможность торжествовать причисленіе еще одного изъ своихъ образцовыхъ служителей церкви къ лику святыхъ“. Народъ разбаловался въ своихъ понятіяхъ о молитвѣ и о служеніи Творцу Небесному, поэтому нужно остерегаться, какъ бы не вышло оскверненія искони чтимаго на святой Руси обычая, — дѣлать, признавать и объявлять свя-

тымъ человека, прожившаго весь свой вѣкъ святой жизнью, говорилъ царь, котораго вообще, а между прочимъ и за это рѣшеніе, мудрый Филаретъ почиталъ мудрымъ.

* * *

Въ концѣ концовъ однако Императоръ Александръ Николаевичъ какъ бы не счелъ себя въ правѣ долго сопротивляться необходимости удовлетворенія настоятельно установившейся народной нужды. Въ какой формѣ тогда было поднесено митрополиту Филарету „потворственное рѣшеніе“ и какъ онъ отнесся къ нему,—объ этомъ преданіе умалчиваетъ. Но до низовъ общества дошелъ лишь ставшій тогда общезвѣстнымъ фактъ, что отсутствіемъ, принятыхъ властями въ Задонскѣ предохранительныхъ мѣръ, вызвана была масса несчастій, включившихся съ народомъ, собравшимся на поклоненіе святому Тихону; рассказывали тогда, сколько оказалось раненыхъ, тяжело раненыхъ и убитыхъ (раздавленныхъ), во время происходившаго торжества. Если митрополитъ Филаретъ не указалъ на это, какъ на знаменіе проявленія воли Божіей, то въ этомъ надо видѣть лишь слишкомъ большую, свойственную владыкѣ тактичность, не допустившую его до какого бы то ни было мірскаго укора, въ такомъ дѣлѣ, допущенномъ волею безконечно любившаго свой народъ Государя.

То же преданіе гласитъ, будто бы самъ Государь настолько опечалился исходомъ этого событія, что сказалъ: „праведно отецъ мой заключилъ, и я буду несправедливъ, если когда-нибудь въ теченіе своего царствованія еще разъ разрѣшу такое торжество до тѣхъ поръ, пока не приду къ твердому убѣжденію въ томъ, что народъ всецѣло, искренно, съ твердостью возвратился въ лоно церкви своей православной“.

Этотъ рассказъ воспроизвелъ однажды М. И. Драгомировъ въ бесѣдѣ съ навѣстившимъ его черниговскимъ губернаторомъ, незадолго до открытія мощей святителя Θεодосія — торжества, о которомъ слухи начали усиленно ходить въ срединѣ 1894 года.

— Откуда это пошло? спросилъ Михайлъ Ивановичъ. Давно въ народѣ толкуютъ объ этомъ, давно желаютъ этого; и въ нашемъ Конотопскомъ уѣздѣ чуть ли не на каждой маленькой ярмарченкѣ поднимается объ этомъ гвалтъ,—подай намъ святителя Θεодосія; но все разбивается объ слухъ, всякій разъ подтверждающій слова, сказанныя какъ бы въ заканье Государемъ Александромъ Николаевичемъ по указанію его Дер-

жавнаго отца.—На этомъ все успокаивается, —по крайней мѣрѣ наружно.

— Странное дѣло, говаривалъ Мих. Ив.,—во время ярмарокъ и связанныхъ съ ними крестьянскихъ попоекъ, кутежей, чуть ли не больше всего, будится въ народѣ чувство, выставляющее потребность въ проведеніи такой святости, какъ признаніе лишняго святого и приобрѣтеніе лишняго представителя. Не показываетъ ли это, на сколько правъ былъ покойный нашъ царь-солдатъ, столь незамѣтно завѣщавшій кроткому сыну-царю освободителю въ жизненное руководство по этому дѣлу такую простую истину. Крайне похоже на то, что въ этомъ гвалтѣ нужно видѣть не столько религиозное пробужденіе и проявленіе религиозной потребности, сколько бунтовщицкое, на проломъ идущее, требованіе озорниковъ-буяновъ, упорныхъ хохловъ—„требуемъ, мошь, подай, нашему нраву не перечь“.

Толки однако идутъ такіе, что нынче непременно будетъ разрѣшено открытіе мощей. Замѣстившій въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ Филарета, — К. П. Побѣдоносцевъ, будто бы ничего не имѣетъ противъ того, чтобы дать теперь возможность снова испытать народную готовность пережить такое важное событіе.

Лѣто 1895 г. принесло большое усиленіе слуховъ о предстоявшемъ будто бы разрѣшеніи открытія мощей, тѣмъ болѣе, что въ слѣдовавшемъ за тѣмъ годомъ 1896 г., исполнялось 200 л. со дня кончины святителя. Епископъ Θεодосій, какъ извѣстно, былъ погребенъ въ черниговскомъ Борисоглѣбскомъ соборѣ, построенномъ княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ въ началѣ XI вѣка (1034 г.). Когда лѣтъ черезъ тридцать послѣ погребенія происходила капитальная передѣлка того храма, рабочіе, спустившись подъ полъ, случайно получили возможность увидѣть „раскрытымъ полусгнившій гробъ, въ которомъ святитель лежалъ какъ живой отдыхающій человекъ съ лицомъ нѣсколько раскраснѣвшимся и слегка улыбающимся“. — Они сообщили объ этомъ духовенству собора; слѣдствіемъ этого было то, что прогнившій еловый гробъ былъ замѣненъ другимъ—дубовымъ, и погребеніе тѣла святителя въ немъ состоялось на томъ же мѣстѣ.

Все это М. И. Драгомировъ, какъ Черниговской губерніи и уроженецъ, зналъ съ дѣтства; также зналъ онъ и нерѣдко рассказывалъ о томъ, что народъ, прослышавъ рассказъ рабочихъ про то, въ какомъ видѣ представилось имъ тѣло святителя, — приходилъ толпами, собираясь не только изъ уѣздовъ губерніи,

но и издалека на поклоненіе, крѣпко почитавшемуся еще при жизни, сильному правдой и справедливостью, епископу.

— Увѣроваль народъ въ силу молитвы, приносимой у мѣста вѣчнаго упокоенія епископа. Θεодосія Углицкаго, говариваль Мих. Ив. Стеченіе народа было постоянно такъ велико, что свѣтскія и духовныя власти нашли необходимымъ изъ подъ собора гробъ извлечь и, пристроивъ къ собору небольшую часовню-склепъ, учинить погребеніе подъ этой пристройкой.

Завершилось это тѣмъ, что нашелся богатый купецъ, который, пожертвоваль серебряную раку; въ ней былъ поставленъ святитель въ той соборной пристройкѣ; народъ могъ имѣть доступъ къ непосредственному поклоненію у раки святителя. — Поклонялся не только простой народъ, но и помѣщики, и профессора, вообще люди высокаго развитія и образованія; искали молитвеннаго утѣшенія не только православные, но и люди иныхъ вѣроисповѣданій. — Съ дѣтства припоминаю я, говорилъ Михаилъ Ивановичъ, ходилъ между нами разсказъ о томъ, какъ директоръ Черниговской гимназіи, кажется Флейшеръ, — его жена и сынъ лютеране, — по молитвамъ, принесеннымъ у раки святителя, разомъ излѣчились отъ смертельной болѣзни, которою въ одно время всѣ они отчаянно заболѣли. Благочестивая нѣмецкая семья оставила объ этомъ записку, написанную, кажется, матерью и снабженную такимъ окончаніемъ: всевидящій и всевѣдущій Господь творецъ вселенной засвидѣтельствуетъ, что все, нами здѣсь сказанное, есть истина святая. — Также прекрасно помню я, разсказываль Михаилъ Ивановичъ, что когда пришла пора, по окончаніи моего ученія въ Черниговѣ, отправить меня для продолженія его въ сѣверную столицу, меня свезли въ соборъ къ ракѣ святителя Θεодосія Углицкаго. У святителя, какъ у усопшаго христіанина, служились тогда панихиды объ упокоеніи его души; около того времени, собственно по настоянію людей, въ которыхъ вѣрованіе ярко пересиливало, — начинало входить въ обычай служеніе молебновъ ему, какъ предстателю Божію и ходатаю о нуждахъ людей вѣрующихъ.

— Мы тоже, говорилъ Мих. Ив., отслужили молебенъ, просили предстательства святителя о томъ, чтобы Господь ниспослалъ мнѣ силъ и умѣнья одолѣть мудрость предстоявшаго мнѣ ученья.

* * *

Въ концѣ 1895 г. получены были нѣкоторые официальные свѣдѣнія, изъ которыхъ можно было видѣть, что близится раз-

рѣшеніе вопроса о дозволеніи торжества причтенія архіепископа Θεодосія къ лику святыхъ церкви нашей православной.

Въ одинъ изъ прїѣздовъ черниговскаго губернатора въ январѣ или февралѣ 1896 г. въ Кіевъ къ М. И. Драгомирову, Мих. Ив. сообщилъ ему, что и онъ получилъ свѣдѣнія, подтверждающія вѣроятность принятія рѣшенія—дозволить народу сопричислить святителя Θεодосія.

Этотъ народъ, помимо благочестивой жизни святителя, больше всего чтилъ въ немъ постоянное и неизмѣнное стремленіе стать за правду и не допустить поправленіе ея старшимъ въ ущербъ младшей братіи; всякая малѣйшая несправедливость начальника къ подчиненному осуждалась Θεодосіемъ Углицкимъ, и онъ,—полный ума и чистоты, всегда съ твердою настойчивостью возстановлялъ такую несправедливость, добиваясь того, чтобы начальствующее лицо могло опомниться, придти къ сознанію неправильности употребленія своей власти не на правду, а за силу, нерѣдко равнявшуюся произволу,—въ тѣхъ случаяхъ, когда оно забывалось до обиды единого отъ малыхъ...

Съ умиленіемъ покойный М. И. Драгомировъ всегда вспоминалъ эту черту святителя, помнившего и ставившаго на первый планъ обязательность полнѣйшей справедливости въ дѣлѣ сношенія людей между собой, а въ особенности въ дѣлѣ пользованья силою пребывающихъ во власти.

Раннею весной 1896 г. прибылъ въ Черниговъ кіевскій митрополитъ Іоанникій; коммисія изъ духовныхъ лицъ, по принятымъ на сей предметъ правиламъ, осмотрѣла въ подробностяхъ раку покоившагося въ часовнѣ-склепѣ святителя, послѣ совѣщанія изготовила свой докладъ для представленія въ Св. Синодъ, а затѣмъ сравнительно скоро стало извѣстно, что днемъ торжества освященія мощей новоявлявшагося святого назначено было 9-ое сентября.

* * *

М. И. Драгомировъ тотчасъ же объявилъ, что будетъ непременно присутствовать на торжествѣ, при чемъ облекъ объявленіе объ этомъ въ такую форму, что „просилъ не забыть пригласить его участвовать въ праздникъ родного города“, получившаго возможность исполнить наконецъ свое заветнѣйшее желаніе,—объявить своего святого святымъ.

8 сентября М. И. прїѣхалъ днемъ въ Черниговъ съ семьей и молился вечеромъ въ древнихъ, стоящихъ рядомъ на городъ

ской площади, соборахъ; за всенощнымъ бдѣніемъ состоялось торжественное перенесеніе мощей изъ Борисоглѣбскаго собора въ Спасопреображенскій. Соборная площадь была запружена массой народа въ нѣсколько тысячъ. Лунная, совершенно тихая, по истинѣ украинская, ночь, собравшая эти массы, отвѣчала настроенію вѣрующихъ, внимавшихъ лишь пѣнію и чтенію молитвъ; полная тишина давала знать, что собравшіяся со всѣхъ концовъ православной Руси, толпы были всецѣло отданы чувству общенія со своимъ пастыремъ, покинувшимъ давно сей міръ и не забывавшимъ дорогихъ его сердцу, крѣпко вѣрующихъ сыновъ земли Русской.

— Гдѣ у васъ гнѣздятся эти огромныя массы пришлыхъ людей? спросилъ Мих. Ив. послѣ всенощной и, узнавъ, что большіе хорошо сколоченные, составившіе собою „городъ святителя Θεодосія“, бараки, мимо которыхъ онъ днемъ прослѣдовалъ въ городъ съ пароходной пристани, предназначены именно для того, чтобы пріютить эти массы, выразилъ желаніе подробно осмотрѣть „городокъ“. Въ нѣсколькихъ чистыхъ баракахъ народъ имѣлъ чистое просторное помѣщеніе для ночлега; тутъ же были устроены и чайныя, и столовыя, и умывальныя помѣщенія, и лазаретъ съ фельдшерами, сестрами милосердія; чай, каша, хлѣбъ, щи изъ самыхъ свѣжихъ продуктовъ, чисто приготовляемые, раздавались бесплатно; народъ въ полномъ довольствѣ отдыхалъ, молитвенно призывая и славословя Имя Господне рядомъ съ именемъ Его новоявленного святого.

— Вотъ, вотъ Драгомировъ, — раздалось во второмъ самомъ просторномъ и болѣе заполненномъ баракѣ въ ту минуту, когда мы въ него зашли, только-что обойдя столовую.

— Гдѣ Драгомировъ и откуда ты, любезный другъ, знаешь, что это Драгомировъ, — спросилъ Мих. Ив., остановивъ свой взглядъ въ упоръ на освѣщенномъ яркими лучами, проведеннаго въ городокъ электричества, молодомъ загорѣломъ лицѣ несомнѣнно хохла.

Нисколько не смутившись, хохоль отвѣтилъ: а какъ же не знать, мало я васъ бачилъ въ дивизіи, какъ вы насъ муштрой пробирали еще до войны, и мало мы исходили съ вами и румынскія и болгарскія земли, сказалъ онъ громкимъ голосомъ совершенно открыто, да мы-жъ и земляки черниговскіе, конотопскіе.

— Такъ ты мой, тянулъ лямку въ четырнадцатой, съ умиленіемъ произнесъ Мих. Ив.; здравствуй же, братику, и онъ облобызалъ своего бывшего ученика-воина. — За нимъ потянулись къ отцу командиру десятки головъ; Мих. Ив. всѣхъ одинаково ласково радостно привѣтствовалъ.

Оказалось, что, сойдясь лишь наканунѣ съ разныхъ концовъ Россіи матушки, люди эти тотчасъ же выдѣлились, какъ сослуживцы и соединившись въ одно цѣлое, поджидали, не приведетъ ли Господь Богъ повидать „дивизіи начальника“. Съ большою бодростью и смѣлостью набросились на него земляки, но тутъ же были и полтавскіе, и кіевскіе, и тамбовскіе, и бессарабскіе, и всякіе другіе, всѣ они одинаково ждали минуты встрѣчи послѣ долгой разлуки, сдружились на воспоминаніяхъ о своемъ командирѣ, который тутъ же къ нимъ и явился, благодареніе Богу.

Видно было, что драгомировскимъ цементомъ они были прочно соединены; почти двадцать лѣтъ истекло со времени начала совмѣстной жизни въ капральствахъ знаменитой драгомировской четырнадцатой дивизіи.

— Спасибо вамъ, ребята, что вспомнили, на сердцѣ и въ памяти вы всѣ у меня.

— Вамъ спасибо, не забыли и не забудемъ мы ваше доброе, особо выдвинулись два георгіевскихъ кавалера; Мих. Ив. допросилъ; одинъ—полтавскій, получилъ отъ Мих. Ив. первый по дивизіи крестъ на Систовѣ за переправу; другому—волинскому, крестъ достался въ Волинскомъ же полку, уже изъ рукъ Ѳедора Ѳедоровича Радецкаго на Шейновскомъ бою, гдѣ дрались безъ Мих. Ивановича.

— Спасибо вамъ и за то, что теперь такъ хорошо, исправно представились мнѣ, сказалъ Мих. Ив., когда прощался, оставляя бараки. Тихо, смирно, съ достоинствомъ, чувствуя величіе момента, проводили сослуживцы своего командира.

* * *

— Да, сказалъ Мих. Ив., подвигаясь къ городу, лугомъ уже виѣ городка святителя, посмотрѣть на нихъ, какъ хорошо почувствовали они минуту; видно, что для такого дня, отдавшись исключительно наплыву религіозныхъ чувствъ, они объ водкѣ и думать забыли, куда дѣлось все ненавистное озорничество. Славу Богу, и Императоръ Николай Павловичъ, и Филаретъ, присмотрѣвшись къ этимъ массамъ, благородно переживающимъ эти святые минуты со своимъ новымъ святымъ,—оба они и Императоръ, и митрополитъ, надо полагать, готовы были бы сознаться въ томъ, что ошибались въ своихъ заключеніяхъ, приводившихъ ихъ къ недопущенію мысли о разрѣшеніи чествованія торжества освященія мощей. А я-то, тоже хорошъ, сказалъ Мих. Ив., давно ли рассуждалъ о томъ, почему народъ болѣе настоятельныхъ требованій свои, о дозволеніи этого чествованія, выстав-

лялъ сплошь въ минуты своего ярмарочнаго разгула. Такова участь и таковъ нравъ русскаго человѣка выставлятъ свои сокровеннѣйшія чувства и пожеланія въ веселія, какъ будто, не-серьезныя минуты жизни;—накипитъ у него въ минуты размышленія, а выльется въ моментъ разгульнаго самозабвенія.

* * *

9-го сентября 1896 года въ древнемъ Черниговѣ состоялось полное, величественное торжество открытія и освященія мощей святителя Θεодосія. М. И. Драгомировъ съ молитвой отстоялъ въ древнемъ храмѣ всѣ длинныя богослуженія того дня.

Въ тотъ день состоялся большой обѣдъ, данный духовенствомъ въ честь принявшаго участіе въ торжествахъ престо-рѣлаго митрополита кіевскаго и галицкаго Іоаннікія, а также и другихъ особъ духовныхъ и свѣтскихъ. Въ числѣ первыхъ находились архіепископы варшавскій Флавіанъ (нынѣ митрополитъ кіевскій), херсонскій Іустинъ (скончался на покой въ 1907 году), самарскій Гурій (скончался въ 1908 году), волынскій Модестъ (скончался въ 1900 году), епископъ черниговскій Антоній (скончался въ 1911 году), викарный петерб. епархіи Назарій (нынѣ архіеп. херсонскій), викарный черниг. епархіи Питиримъ (нынѣ архіепископъ владикавказскій). Среди свѣтскихъ—предсѣдатель комитета министровъ статскій секретарь д. т. с. Ив. Ник. Дурново, командующій войсками Кіевскаго военнаго округа ген.-адъют. М. И. Драгомировъ, съ супругой и съ дочерью, тов. об. прок. Свят. Синода В. К. Саблеръ, д. с. с. графъ К. П. Клейнмихель съ супругой, начальникъ дивизіи генераль-лейт. Алек. Эдгар. Прескоттъ, черниговскій губернаторъ д. с. с. Ев. Кон. Андреевъ съ супругой, черниг. губ. предводитель двор. ст. сов. кн. Ник. Дмитр. Долгоруковъ, новгородсѣверскій уѣздный предводитель двор. кн. В. Д. Голицынъ съ супругой, ректоръ Кіевск. университета Флоринскій, профессоръ того же университет. ст. сов. Сикорскій, ст. сов. Алекс. Ив. Вергопуло, генераль-маіоръ В. А. Воиновъ, командиръ Острожскаго пѣх. полка полковникъ Конст. Орестовичъ Карповъ и отставной ген.-м. Пав. Яв. Остелецкій. Среди рѣчей, произнесенныхъ на обѣдѣ, особенно выдѣлилось слово, сказанное Михаиломъ Ивановичемъ: сначала онъ выразилъ свое искреннее удовольствіе по поводу присутствованія на торжествѣ признанія святымъ святого, на-путствовавшаго, какъ сказалъ Мих. Ив., меня полвѣка тому назадъ (въ 1845 году) на дѣло умудренія въ наукахъ.

Послѣ въ краткомъ словѣ онъ высказалъ, насколько схожи

роли духовенства и воинства; въ то время, когда венные про-
водятъ свое огнемъ и мечемъ, духовные дѣйствуютъ кротко, но
не менѣе внушительно крестомъ и благословеніемъ. — Рѣчь Мих.
Ив. произвела глубокое впечатлѣніе на слушавшихъ; блажен-
ной памяти митрополитъ Іоанникій, старый знакомый генера-
ла, благословляя его при прощаніи, сказалъ ему: „вѣдь вотъ и
привыкъ я къ вашему всегда мудрому слову, но каждый разъ,
когда доводится васъ послушать, съ особымъ душевнымъ удоволь-
ствіемъ выслушаешь что-либо новое, свѣжее, дарящее на всегда
неизгладимымъ впечатлѣніемъ“.

* * *

Такъ какъ Мих. Ив. Драгомировъ не упустилъ ни одного
момента происходившихъ въ тѣ незабвенные дни торжествъ, то
на него особенно тяжелое впечатлѣніе произвела появившаяся
на страницахъ небольшой тогдашней газетки „Сынъ отечества“
переданная по телеграфу изъ Чернигова статья о томъ, что
важные и богатые люди были допускаемы къ поклоненію мощамъ
новоявленного святого, а простой народъ такъ и простоялъ всю
ночь въ ожиданіи, ибо по распоряженію мѣстной власти полиція
бдительно караулила, чтобы ни одного человѣка не допустить.

— Это — какая-нибудь еврейская недостойная продѣлка, —
сказалъ Мих. Ив. — Что же вы теперь продѣлаете? какъ отзовете-
сь на это? — спросилъ онъ губернатора.

— Ровно ничего; еврей ли это былъ или еврействующій хри-
стіанинъ, — онъ жаждетъ отвѣта, дабы зацѣпить и насканда-
лить — этого-то онъ и не достигнетъ.

— Отлично, сказалъ Мих. Ив., самое лучшее: пусть этотъ
грязненькій мизерный человѣчекъ, у котораго перо слѣдовало
бы на всегда отнять изъ рукъ, останется ни при чемъ со свои-
ми мелко еврейскими выходками; не стоитъ онъ ни справокъ
объ его личности, ни какихъ бы то ни было замѣчаній или ука-
заній, тѣмъ болѣе по такому высокому дѣлу. — Всѣ видѣвшіе,
какъ обильно въ теченіе всей ночи напролетъ народъ безоста-
новочно притекалъ къ ракъ новоявленного, — увидятъ, чего сто-
итъ выскочившій со своими дживыми, позорящими лишь его
же сообщеніями, еврей, ни съ того, ни съ сего надувшій до-
вѣрившуюся ему редакцію. — Пусть она увидитъ, какого позора
можно нажить себѣ, довѣрая всякому проходимцу, не умѣюще-
му обходиться благородно съ попавшимъ ему въ руки перомъ
и не понимающему, какое это цѣнное оружіе!...

А. Е. К.

Розовое и черное изъ моей жизни.

III ¹⁾.

Насталъ тотъ день, когда мечты отца окончательно рушились. Изъ куклы-барышни я обратилась въ человѣка и очутилась учительницей гимназiи въ одномъ большомъ уѣздномъ городѣ средней полосы Россiи.

Роднымъ и знакомымъ это казалось фантазiей. Какъ могла я бросить обезпеченную, праздную жизнь и избрать ту, которую стала вести? Въ глазахъ очень многихъ это было болѣе, чѣмъ странно.

Сколько ни уговаривалъ отца В. В. Никольскiй (они были товарищами по преподаванiю въ Александровскомъ лицей) позволить мнѣ учить, отецъ твердо стоялъ на своемъ. Тутъ были и самолюбіе, желаніе во что бы то ни стало содержать на свои средства семью, и дѣйствительная жалость къ тѣмъ, кто выступалъ публично—слишкомъ много онъ испыталъ самъ тяжелаго въ публичной дѣятельности,—ему хотѣлось по возможности оберечь отъ этого тяжелаго дочь.

Уже 3 года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я кончила курсы, и я ни на шагъ не подвинулась въ своемъ стремленіи къ самостоятельной жизни.

Отецъ даже помѣшалъ нашимъ собраніямъ бывшихъ слушательницъ, происходившимъ у баронессы К., которая жила самостоятельно. Ему было такъ непріятно, когда я туда ѣздила, что я перестала, а безъ меня не пошло, такъ какъ въ нашемъ курсѣ мнѣ принадлежала иниціаторская роль.

Слѣдовательно, все въ моей жизни оставалось по-старому, и такъ, казалось, и останется.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1910 г.

Осенью я поѣхала съ отцомъ на уѣздное земское собраніе, гдѣ онъ славился своими рѣчами, и я была почетной гостей.

И вотъ случилось, что предсѣдатель управы сдѣлалъ мнѣ вопросъ, который меня изумилъ:

— Не хотите ли быть начальницей прогимназіи? У насъ вакансія.

Ничего подобнаго не приходило мнѣ раньше въ голову, но теперь я ухватила за эту мысль, какъ за соломинку. Это былъ исходъ. И я не только вручила предсѣдателю прошеніе, но принялась пространно мечтать о томъ, какъ устрою прогимназію. Чего только у меня тамъ не существовало. Образцовый порядокъ, удовлетвореніе всѣхъ интересовъ и потребностей ученицъ, включая горячіе завтраки.

Долго тянулось время до выборовъ. Это продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, баллотировка совершилась, и я не была выбрана. Не хватило одного голоса, какъ мнѣ писалъ этотъ самый предсѣдатель, испугавшійся отца и не поѣхавшій самъ на засѣданіе. Отецъ сказалъ ему, что этого не желаетъ. За то П. написалъ мнѣ прочувствованное письмо, доставившее не малую радость среди моего горя. Долго хранила я это письмо и много разъ его перечитывала.

Но за то у меня теперь какъ-то накипѣло по отношенію къ отцу. Я прощала ему его нежеланіе видѣть меня учительницей въ П., а теперь не могла простить.

— Не стану больше съ тобой жить, — сказала я ему.

— Живи, гдѣ хочешь, только не въ Д., — это помѣшало бы мнѣ, — отвѣчалъ отецъ, повидимому, равнодушно.

Онъ считалъ, что помимо Д. у меня ничего не можетъ быть и, казалось, не придавалъ большого значенія ни своимъ словамъ, ни моимъ.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Это было въ августѣ, и мы жили въ деревнѣ. Я велѣла запрячь лошадей въ 3 часа ночи, сама разбудила кучера и вернулась въ 11 вечера изъ М. съ тѣмъ, что я учительница въ В.

Отецъ и бабушка изумились, — моя поѣздка представилась имъ какимъ-то подвигомъ. И такъ все скоро.

Я ожидала бурю и негодованіе. Но нѣтъ. Женщина опять одержала побѣду надъ мужчиной! Отецъ отнесся къ моему поступку съ интересомъ. Тѣмъ не менѣе, всего чаще мнѣ казалось, что все это шутка и я никуда не уѣду.

Мы слишкомъ любили другъ друга, несмотря на различное отношеніе къ женскому вопросу. Мы были дружны и, когда

отецъ долго не возвращался вечеромъ домой, я всякій разъ ждала его, чтобъ знать, какъ онъ провелъ время, и услышать его рассказы. Я не могла спать, когда знала, что онъ не вернулся.

И потому, хотя мы теперь и разставались, я гораздо больше думала о нашей будущей жизни въ П., чѣмъ о В. Странно, что въ то время, когда прошедшее было отрѣзано навсегда, оно еще мерещилось въ будущемъ. Правда, что я разрывала съ прошедшимъ, которое было тяжело и насколько,—я поняла только позже, уже разорвавши. Долго не могла я рѣшиться съ нимъ порвать, но разлука была легче, чѣмъ я себя ее представляла. Впереди была жизнь, которой я такъ боялась въ дѣтствѣ, но она оказалась гораздо менѣе страшна, чѣмъ я это думала.

Почтовый поѣздъ, съ которымъ я ѣхала, приходитъ въ В. въ 3 часа ночи. Какъ это обыкновенно съ нашими путями сообщенія, отъ вокзала до города нѣсколько верстъ. Узнавъ въ буфетѣ, какая гостиница лучшая, я велѣла извозчику ѣхать туда.

Немного жутко показалось путешествовать въ кромѣшной темнотѣ и узнать въ гостиницѣ, что № нѣтъ.

— Вы, барышня, не беспокойтесь,—ласково замѣтилъ извозчикъ, у насъ еще „Европейская“ есть, тамъ безпремѣнно пустать.

Такъ и случилось. На прощанье извозчикъ, не попросивъ даже на чай, объявилъ, что его зовутъ „Чижикомъ“, и чтобъ я всегда ѣздилась съ нимъ. Я никогда болѣе его не видѣла, такъ какъ въ в—ской жизни для меня не стало существовать извозчиковъ. Это была роскошь не по карману.

Первый разъ въ жизни очутилась я въ грязномъ № уѣздной гостиницы. Но мнѣ было не до окружавшей меня грязи—я соображала, что буду дѣлать утромъ и куда сначала отправлюсь. Рѣшила, что къ директору мужской гимназій.

Молодой блондинъ нѣмецкаго типа принялъ меня вѣжливо и даже замѣтилъ, что обо мнѣ получены очень хорошія свѣдѣнія изъ округа. Тогда я еще не знала, какое магическое слово въ каждомъ провинціальномъ учебномъ заведеніи „округъ“. Попечитель и его помощникъ—величины недосыгаемыя и несоизмѣримыя.

А со мной вѣдь 1½ часа бесѣдовалъ помощникъ попечителя, и я говорила съ нимъ тогда безъ всякаго стѣсненія. Онъ зналъ, что меня забаллотировали въ Д., и сейчасъ же предложилъ теперешнее мѣсто.

— Вы были въ женской гимназій? спросилъ директоръ.

— Нѣтъ, я думала, что мнѣ надо быть сначала у васъ.

— И вы ничего не слыхали о начальницѣ?

— Нѣтъ, ничего.

— У нея нѣсколько горячій характеръ,—сказалъ директоръ такъ, что передъ мной мелькнула фурія и вдругъ стало страшно, зачѣмъ я сюда пріѣхала, а не выбрала Р-скую гимназію, что мнѣ также предлагали. Тамъ было мѣсто надзирательницы и меньше уроковъ—это мнѣ не нравилось, а также подкупала близость В. къ М., гдѣ жили друзья дѣтства.

— Я поѣду съ вами и буду у васъ въ 2 часа,—объявилъ мнѣ директоръ.

Женская гимназія помѣщалась въ другомъ, болѣе глухомъ, краю города въ частномъ домѣ. Снаружи домъ былъ недуренъ, но когда мы вошли въ переднюю, меня поразили истертый до-нельзя мундиръ сторожа, а далѣе не менѣе облупившіеся полы въ залѣ и давно вѣрно потерявшія черныя цвѣтъ скамейки по стѣнамъ.

„Неужели это и есть первая гимназія въ округѣ, какъ любезно увѣрялъ меня помощникъ попечителя“. Каковы же прочія?

Дверь одного изъ классовъ открылась, и въ залу вошла начальница. Наружность ея всего менѣе подходила къ такъ поразившей меня обстановкѣ гимназіи. Это была высокая и полная женщина лѣтъ 45, еще красивая, южнаго типа, въ костюмѣ, напоминавшемъ начальницу института.

Она взглянула на меня проницательно и спросила свысока, не подавая руки.

— Ваше первое мѣсто?

— Первое.

— Гдѣ вы учились?

Я сказала.

— Извѣстный ученый вашъ дядя, замѣтилъ директоръ, видимо желая меня ободрить.

— Это мой отецъ.

— Я вамъ предложу быть классной дамой, все также свысока продолжала начальница. Вы будете получать еще 100 р. въ годъ. Вы согласны?

Я наклонила голову.

— Вы должны безпрекословно повиноваться всѣмъ моимъ распоряженіямъ, объявила она рѣзко. У васъ будетъ свой классъ, но я буду посылать васъ дежурить въ другіе.

Она посмотрѣла на меня опять проницательно. Никто еще никогда не говорилъ со мной такимъ тономъ. Но что оставалось дѣлать? Вѣхать назадъ?

Я опустила голову.

Директоръ взглянулъ на меня съ сочувствіемъ. Они начали говорить о томъ, съ какого дня назначить мнѣ жалованье... а я все молчала.

Аудіенція была кончена. На этотъ разъ начальница любезно протянула мнѣ руку и спросила:

— Гдѣ вы остановились?

Я сказала.

— Тамъ дорого. Переѣзжайте ко мнѣ, я вамъ найду квартиру, — предложила она.

Хотя мнѣ это не улыбалось, я уложила свои вещи и перевезла ихъ въ гимназію. Въ тотъ же вечеръ Николай, сторожъ въ потертomъ мундирѣ, свелъ меня на квартиру, гдѣ жила моя предшественница.

То былъ постоянный дворъ въ двухъ шагахъ отъ гимназіи, гдѣ въ квартирѣ хозяевъ мнѣ отвели двѣ комнаты, почти пустыя. Стояло нѣсколько стульевъ, столъ, кровать. Комнаты вмѣстѣ съ обѣдомъ стоили 15 р. въ мѣсяцъ.

Это меня удивило пріятнымъ образомъ: я никогда еще не слышала о существованіи подобныхъ цѣнъ. Истратить 15 р. на обѣдъ, — это я знала, но жить цѣлый мѣсяцъ на 15 руб. Я сообразила, что изъ моего жалованья 50 руб., можно будетъ половину откладывать, и — я поѣду въ Цюрихъ. Мнѣ казалось, что я внезапно приблизилась къ Цюриху.

Начальница объявила мнѣ, что я должна быть въ гимназіи въ 8 ч. утра. Мой страхъ проспять былъ такъ великъ, что я проснулась чуть ли не въ 5 и была готова задолго до 8-ми.

Когда я пришла въ гимназію, меня ласково встрѣтили учительницы, такія же молодыя, какъ я сама. Особенно понравилась мнѣ одна тоненькая и высокая блондинка Марія Семеновна. Ей было всего 18 лѣтъ, а на ея миловидномъ лицѣ уже лежала печать истощенія. Я, напротивъ, смотрѣла бодро — обезпеченная жизнь давала себя знать. Насъ, классныхъ дамъ и учительницъ, одновременно было шесть. Мы быстро сошлись — сближалъ общій страхъ.

— Вы родственница начальницы? — былъ тотъ вопросъ, который мнѣ задавали. А. А. обращалась со мной лучше, чѣмъ съ остальными, и между прочимъ, съ своей дѣйствительной племянницей, одной баронессой К. Понравилась ли ей моя манера себя держать, т. е. подкупило то, что она не встрѣтила намека на сопротивленіе, но съ перваго же дня она начала приглашать меня внизъ, въ свою квартиру, завтракать.

Завтраки эти представлялись мнѣ худшимъ изъ того, что

предстояло въ теченіе дня. Благодаря страху сказать что-нибудь лишнее было не до вѣды, а еще приходилось слѣдить за тѣмъ, что рассказывала начальница.

Постоянной темой служило то, какъ ужасно было въ гимназіи до ея правленія, распущено до того, что чуть ли не танцевали канканъ.

Новые же ея порядки очень скоро стали мнѣ вполне извѣстны.

Мы, такъ называемыя, классныя дамы не имѣли, напр., права сидѣть въ учительской, а могли входить туда только, чтобы взять журналъ, когда давали уроки, а въ дни дежурства по гимназіи, чтобы линевать книгу, въ которой преподаватели росписывались въ данныхъ урокахъ. Мы же сами дѣлали это всегда сразу, когда линевали. Уроки смѣнялись для насъ дежурствами въ классахъ, и въ это время нельзя было даже читать—это строго воспрещалось. Я возненавидѣла эти дежурства, особенно въ классѣ учителя французскаго языка, куда всего чаще посылала меня А. А. Учитель этотъ совсѣмъ не умѣлъ справляться съ ученицами, и онѣ немилосердно у него шумѣли. Вообще ученицы въ ской гимназіи отличались своей бойкостью и даже называли себя американками. Порядокъ въ классѣ учителя французскаго языка водворялся только, когда я приходила, но учителю такое отношеніе ко мнѣ ученицъ не нравилось, и онъ косо на меня смотрѣлъ. Это былъ очень несчастный учитель: языкъ онъ зналъ прекрасно, а толку изъ его уроковъ не выходило никого; у него учились двѣ, три, остальные болтали другъ съ другомъ.

И когда я только могла, то ускользала отъ взоровъ начальницы и шла въ уютную комнатку, носившую громкое названіе „физическаго кабинета“, хотя никакихъ приборовъ не было, а лишь въ 12 ч. являлся нашъ самоваръ. Впрочемъ ускользнуть мнѣ удавалось очень рѣдко. Не успѣю я взять въ руки заранѣе приготовленную книжку журнала, какъ уже является посланная за мной начальницей учительница и впопыхахъ говоритъ:

— Что же вы, идите туда-то.

Откладывая книжку и иду, лишь съ удовольствіемъ вспоминая, что нашла тутъ прежде одна такая учительница, которая сказала этой самой начальницѣ:

— Выдумала глупое дежурство, ну, сама и дежурь!
Учительницу эту тотчасъ же уволили за дерзости.

А я не только не говорила такихъ словъ, но боялась, напротивъ, что вдругъ А. А. на меня при всѣхъ закричитъ. Что тогда произойдетъ?

Я не была увѣрена, что въ такомъ случаѣ сдержусь, и пропали тогда мои мечты о самостоятельной жизни. Придется разстаться съ гимназіей, и неужели возвращаться домой и сознаться въ своемъ безсиліи устроить новую жизнь.

И я молчала.

Было утомительно оставаться на вытяжкѣ съ 8 ч. утра до 3-хъ, и коробившее вначалѣ „я васъ отпускаю“, сказанное въ 2 часа, стало скоро доставлять удовольствіе.

Большая перемѣна продолжалась цѣлый часъ, и мы, классныя дамы, были обязаны оставаться все время съ ученицами—намъ не полагалось отдыха.

Но такъ какъ обойтись безъ отдыха въ теченіе 7 часовъ напряженной работы было невозможно, то въ 12 ч. толстый, небритый, грязный Николай, такъ называемый инспекторъ гимназіи, служившій сторожемъ съ ея основанія, читавшій наставленія не только ученицамъ, но и намъ, вносилъ въ физическій кабинетъ свой зеленый самоваръ, и начинался нашъ самозванный отдыхъ.

Тутъ молодость вступала въ свои права, и все остальное на свѣтѣ было забыто.

Самымъ любимымъ развлеченіемъ служило подтрунивать надъ учительницей ариеметики, маленькой, черненькой М. Она была дочерью одного зарѣчнаго священника, образъ жизни котораго мало чѣмъ отличался отъ какого-нибудь захудалаго сельскаго, и поражала своей неразвитостью во всемъ, что выходило изъ предѣловъ ариеметики. Учила она педурно и страстно любила свое дѣло.

Всего чаще ее спрашивала:

— Какъ расселились люди послѣ потопа?

И она начинала рассказывать преданіе, которому безусловно вѣрила.

— Когда же можно прійти къ вамъ пить чай? перебивала ее бойкая учительница географіи, тоже дочь священника, но аристократа. С. не была классной дамой и отличалась развязностью, которой намъ не доставало.

— Приходите, — краснѣя отвѣчала М.

— А съ офицерами можно?

— Папенька говоритъ, что офицеровъ нельзя пускать, — сконфуженно шептала М., вѣрившая въ возможность такого визита.

Всѣ давно уже хохотали.

Иногда въ разгаръ такого интереснаго времяпрепровожденія входила начальница. Мы вставали и вытягивались. Она съ презрѣніемъ оглядывала зеленый самоваръ на столѣ безъ ска-терти и холодно спрашивала:

— Кто дежурная?

Если дежурная оказывалась тутъ же, мы долго помнила это посѣщеніе, и на время переставали уходить изъ залы всѣ. Потомъ опять забывали и принимались за старое до новой нотаціи.

Разъ случилось это и со мной и совершенно неожиданно.

Ко мнѣ на урокъ пріѣхалъ въ первый разъ директоръ и остался очень доволенъ тѣмъ, какъ я его давала.

Послѣ урока Николай пригласилъ меня внизъ. Начальница сидѣла, развалившись на креслѣ, и рѣзко, и властно говорила.

— Я бы хотѣла знать, какое право имѣетъ директоръ пріѣзжать только къ вамъ?

— Но, А. А.—возразила я тихо, что же я могла сдѣлать? Вѣдь это не отъ меня зависитъ.

— Я васъ попрошу слѣдующій разъ, что директоръ пріѣдетъ къ вамъ на урокъ, дать мнѣ немедленно знать, — приказала она все такъ же рѣзко.

— Очень хорошо,—отвѣчала я и хотѣла уйти. Но мнѣ пришлось выслушать еще длинное разсужденіе о томъ, какъ было распущено прежде (что я давно знала) и что теперь ничего подобнаго повториться не можетъ (а это я знала еще лучше).

Покорно и молча стояла я и слушала.

— Можете идти,—услыхала я, наконецъ, слова, преисполнившія меня радостью. Какъ извѣстно, въ милость начальницы я вошла съ перваго дня. А. А. даже увѣряла, что въ теченіе 12 лѣтъ своей службы еще не встрѣчала учительницы, которою была бы такъ довольна. Она пригласила меня давать уроки французскаго языка своей дочери, ученицѣ VII класса. Мама оказалась очень милой дѣвушкой, прекрасно училась, но не могу сказать, чтобы уроки эти доставляли мнѣ большое удовольствіе. Всякій лишній часъ, который мнѣ приходилось проводить въ квартирѣ начальницы, меня тяготилъ, и я мечтала лишь о томъ, чтобы вырваться.

Къ тому же я учила еще—готовила въ гимназію 10-ти-лѣтнюю дочь товарища прокурора по всѣмъ предметамъ. Иногда я съ трудомъ ворочала языкомъ, когда Оля меня о чемъ-ни-

будь спрашивала. Ея мать, нашедшая между нами родство, сердилась, что я не остаюсь пить чай. Но я спѣшила домой: надо было еще поправить тетрадки и приготовиться къ урокамъ. Рабочій день выросталъ въ 12 часовъ.

Оно было бы еще ничего, если бы приходилось жить въ другой обстановкѣ. Хотя черезъ 6 недѣль я и переѣхала съ постоялаго двора, гдѣ какъ ни мало бывала я дома, все же ни минуты не умолкалъ крикъ пьяныхъ и можно было видѣть изъ окна всевозможныя бытовыя сцены, а еще ко мнѣ являлась хозяйка бесѣдовать о своихъ странствованіяхъ по различнымъ монастырямъ. Но и на новой квартирѣ, болѣе приличной, было все же грязно, и одинаково хозяйка, на этотъ разъ портниха, приставала ко мнѣ съ своимъ обществомъ и считала себя мнѣ равной. Мнѣ стоило большого труда ее въ томъ разубѣдить и держаться отъ нея въ сторонѣ.

Самостоятельно жили только еще учительница русскаго языка С., посылавшая домой (я же, напротивъ, получала еще 25 р.) и баронесса К., пробывшая въ В. недолго. Эта жизнь казалась ей верхомъ ужаса, и она вернулась въ Петербургъ. Я же, напротивъ, чувствовала себя прекрасно и часто думала о томъ, какъ мало значить въ жизни человѣка матеріальная сторона. Полнаго счастья, конечно, не было — его могли дать мнѣ только занятія философіей; но теперь что были сломаны преграды, которыя казались мнѣ прежде непреодолимыми, грезилось порой, что наступить то время, когда осуществится моя мечта.

Наружная дверь въ избѣ, гдѣ я живу, распахнута (на дворѣ гуляютъ свиньи и корова, которая разъ сдѣлала визитъ прежнему жильцу—офицеру); комната полна дыма, мы сидимъ въ шубахъ и... смѣемся. Все казалось пустяками; и мыши, попадавшія въ умывальникъ, и клопы, о которыхъ мои хозяева (третьи) выражались: „это не наши, ихъ мальчики принесли изъ гимназіи, а наши другіе“.

Шкурный вопросъ царилъ всецѣло въ гимназической жизни—отдохнуть, поѣсть и по возможности избавиться отъ нотаций—вотъ къ чему сводились ежедневныя мечты.

Только М. жила интересами своего класса, и на этой почвѣ у нея происходили постоянныя стычки съ начальницей.

Существовало такое правило, что когда ученица получала изъ какого-нибудь предмета меньше 3-хъ, то она лишалась права брать книги изъ бібліотеки. Это было одно изъ тѣхъ бессмысленныхъ правилъ, которыми кишѣла гимназическая

жизнь. И вотъ М. силилась доказать, что 3—все же 3; начальница стояла на томъ, что 3—меньше 3-хъ и осыпала притомъ М. градомъ обидныхъ словъ. Та плакала, покорялась, и въ слѣдующій разъ повторялась старая исторія.

— Ну, что вамъ за охота спорить,—убѣждали мы М. и убѣждали, конечно, тщетно.

Она воевала даже въ педагогическомъ совѣтѣ, когда мы, остальные, о чемъ бы ни шла рѣчь, оставались всегда безучастными.

Помню, что разъ М. предложила давать бесплатно добавочные уроки въ классѣ, гдѣ, по ея мнѣнію, нельзя было пройти программу въ то число уроковъ, которое полагалось. Не директору было считать, что могутъ быть пробѣлы въ томъ, что освящено министерствомъ, и М. получила отказъ. Не ей было, понятно, разубѣдить директора въ его непоколебимомъ убѣжденіи.

Я такъ уставала отъ своего дня, что всего чаще занималась въ совѣтѣ тѣмъ, что спала. Сидѣвшая рядомъ со мной Марія Семеновна будила меня, когда директоръ обращался ко мнѣ съ стереотипнымъ вопросомъ:

— Что имѣете вы сказать о вашихъ ученицахъ?

Къ всеобщему удовольствію я никогда не имѣла ничего сказать и скоро опять засыпала.

Да и о чемъ было и говорить?

Какъ-то разъ моимъ ученицамъ вздумалось носить во время дежурства бантики (я ввела дежурство 6 лучшихъ ученицъ, что очень понравилось классу), и эта невинная затѣя была запрещена начальницей. С. попросила позволеніе устроить игры въ приготовительномъ классѣ, а начальница ее выбрала. Если бы мы вздумали что-нибудь предлагать въ совѣтѣ, то наша ежедневная жизнь стала бы еще тяжелѣе. И мы дружно молчали, зная, что не что иное, какъ рядовые, которымъ остается только покоряться своей участи пущечнаго мяса: мы были лишены всякой инициативы.

Когда кончалось засѣданіе педагогическаго совѣта, то шли пить чай ко мнѣ, такъ какъ я жила рядомъ съ гимназіей. Приглашались и нѣкоторые учителя—именно тройка рыжихъ. Воронье, также тройка, пара сѣрыхъ не принадлежали къ нашему кружку. А частные уроки назывались „птицами“. Кто не зналъ условнаго языка, не могъ понять, о чемъ шла рѣчь.

Какъ бывало весело чувствовать себя на свободѣ послѣ царившей въ засѣданіяхъ совѣта натянутости! Пили чай и пѣли

русскія пѣсни. Запѣвали братья М. С., гимназисты; одинъ изъ нихъ былъ даже регентомъ гимназическаго хора. Сама М. С. пѣла съ большимъ выраженіемъ, и во время этихъ пѣсенъ казалось, что воскресаетъ иная жизнь — то духовное, идеальное, чего была лишена наша дѣйствительная жизнь, скрашенная только дружбой.

Плохо сложилась жизнь М. С. Ея отецъ получалъ въ казначействѣ 40 р. въ мѣсяцъ, чего не могло хватать на воспитаніе 4-хъ братьевъ, и въ то время, какъ я жила въ В., заболѣла психически ея мать. Долго не понимали, въ чемъ ея болѣзнь, и страдали молча, пока не свезли ее въ губернскій городъ. Всѣ заботы по дому лежали на М. С., которая давала уроки до поздней ночи и успѣвала еще обшивать братьевъ. Она никогда не обѣдала, питалась въ гимназіи пирожками; когда же бывала больна, вышибала клинъ клиномъ, т.-е. не обращала никакого вниманія на свое недомоганіе. Къ 30 годамъ она была совсѣмъ больна, и ей пришлось тогда долго и серьезно лѣчиться.

— Что вы такое нашли въ М. С. Мѣщанка, какъ и другія, — съ насмѣшкой говорила мнѣ начальница, назначая М. С. на дежурство чаще, чѣмъ другихъ.

Я молчала и, когда могла, дежурила за нее.

Мы очутились разъ на актѣ настоящими рядовыми. Увидѣвъ покрытый краснымъ сукномъ столъ, я подошла къ нему, чтобы сѣсть.

— Помилуй, нельзя, — остановила меня М. С.

— Неужели все время стоять? — спросила я.

— Конечно, — отвѣчала она.

Не знаю, зачѣмъ это было нужно, по намъ пришлось пробыть на ногахъ чуть ли не 6 часовъ сряду, усмиряя ученицъ, явившихся спозаранку, и ожидая важныхъ лицъ, которыя всегда и вездѣ опаздываютъ.

Помню, какъ мнѣ было совѣстно взглянуть на знакомыхъ мнѣ дамъ, которыхъ я встрѣчала у товарища прокурора, и сознавать все разстояніе, которое насъ отдѣляетъ.

Еще непріятнѣе, пожалуй, были наѣзды окружнаго начальства. Задолго до такого событія А. А. читала намъ наставленія, какъ надо себя держать: во-1-хъ, быть въ форменныхъ платьяхъ, хотя и въ обыкновенное время мы ихъ носили; во-2-хъ, говорить „Ваше Превосходительство“; въ-3-хъ, не садиться безъ разрѣшенія.

Когда прїѣхалъ помощникъ попечителя, то, взглянувъ на меня, сказалъ:

— Мы, кажется, съ вами знакомы.

Теперь, когда я испила всю чашу подчиненія, то могла только промолчать на это „кажется“.

Въ каждый прїѣздъ меня хвалили и каждый разъ прибавляли уроковъ. Новый помощникъ попечителя даже не повѣрилъ, что попалъ ко мнѣ во II классъ—такъ удачно отвѣчали ученицы, которыя не смутились и были увѣрены въ своихъ познаніяхъ.

Учитель французскаго языка былъ уже давно моимъ врагомъ и ревностно придирался къ ученицамъ на экзаменахъ. Но съ помощью директора ученицы переходили съ хорошими баллами, такъ какъ ихъ заслуживали.

Трудная и неблагоприятная задача учить иностраннымъ языкомъ дѣтей, никогда не слыхавшихъ на этихъ языкахъ живого слова. Мнѣ приходилось употреблять страшныя усилія, чтобы добиться мало-мальски сносныхъ результатовъ. Я, впрочемъ, могла разнообразить свои пріемы, какъ хотѣла—въ классѣ мы оставались полными хозяевами, и никто не вмѣшивался въ дѣло преподаванія.

Но пройти программу было почти невозможно: она не соответствовала уѣздной дѣйствительности и была рассчитана на совѣтъ иныхъ ученицъ.

Въ одинъ прекрасный день я составила записку о томъ, какъ слѣдуетъ вести преподаваніе новыхъ языковъ въ женскихъ гимназіяхъ. Записку эту я послала не директору, а предсѣдателю попечительнаго совѣта, уѣздному предводителю. Мнѣ думалось, что онъ скорѣе пойметъ и поможетъ ее провести.

Онъ тотчасъ ко мнѣ прїѣхалъ, но записку положилъ подъ сукно, гдѣ она лежитъ до сихъ поръ.

Я предлагала сдѣлать преподаваніе новыхъ языковъ предметнымъ и раздѣлить ученицъ на 3 группы сообразно съ ихъ познаніями. Въ каждомъ классѣ попадались ученицы, владѣвшія языками, при чемъ уровень ихъ знаній не имѣлъ ничего общаго съ прочими ученицами того же класса. По моему плану, каждой группѣ давался одинъ урокъ въ день—такимъ образомъ увеличивалось число уроковъ для каждой отдѣльно ученицы и сокращалось общее число ихъ. Насколько должны были увеличиться успѣхи, настолько же уменьшиться расходы гимназій по преподаванію новыхъ языковъ. Языки были у насъ къ тому же необязательны.

Но не уѣздной гимназіи было брать на себя инициативу подобной реформы. Никому въ гимназіи я не говорила о своей запискѣ и сама скоро о ней забыла.

Я проводила во второй разъ Рождество въ П., когда получила телеграмму директора: „Вы исправляете должность начальницы, возвращайтесь къ 7 января“.

Пошли перемѣны. Сначала уѣхала начальница, потомъ получилъ новое назначеніе директоръ. Подтянутая А. А. гимназія быстро распустилась. Меня считали дѣвочкой, и никто не слушалъ. Положеніе мое бывало часто трагически-комическимъ.

— Кого вамъ угодно?—спрашивала я посѣтителей.

— Начальницу.

— Я исправляю должность.

Меня оглядывали съ изумленіемъ и любопытствомъ. Учителя проводили полчаса въ учительской, вполнѣ увѣренные въ томъ, что я даже не посмѣю это замѣтить. Письмоводитель совсѣмъ не ходилъ, и мнѣ приходилось самой писать всѣ бумаги, чему къ счастью научила меня А. А.

Хорошо относился лишь попечительный совѣтъ. Мнѣ было объявлено, что я пользуюсь всѣми правами начальницы, и, по моей просьбѣ, даже опредѣлили одну прежнюю учительницу, которую въ минуту гнѣва почему-то уволила А. А. Жалованье я получала то же, что и начальница.

Это „исправление“ продолжалось 3 мѣсяца. Сначала показывала я гимназію новому директору, старичку, прослужившему долгіе годы инспекторомъ. Тотъ директоръ не позволялъ себѣ обращаться съ учителями такъ, какъ прежній, бывшій учтивымъ только съ учительницами.

Какимъ радостнымъ показался громкій звонокъ, раздавшійся во время одного изъ моихъ уроковъ. Это пріѣхала новая начальница. Николай пришелъ пригласить меня внизъ.

Я увидѣла молодую еще женщину, которая сразу мнѣ поправилась своей живостью и пріятной наружностью. Мы оставались съ ней близки все время, что я пробыла въ В.

Вдова директора гимназіи и сама учительница—она поставила себя съ нами на товарищескую ногу и сдѣлала визиты всѣмъ учительницамъ. Случалось ей, впрочемъ, сердиться на М., которая по-прежнему приставала съ вопросами и хотѣла настоять на своемъ. Съ прочими она вела себя очень мило и сразу поняла, что ладить будетъ не трудно. Мой вопросъ — „можно ли приходить къ урокамъ?“ очень ее удивилъ.

— Конечно, къ урокамъ, кромѣ одной дежурной.

Я предложила имѣть особыхъ надзирательницъ, пусть учительницы и лишились благодаря этому 100 р. въ годъ. Это небольшое вознагражденіе ложилось бременемъ и на ученицъ, такъ какъ было немислимо давать много уроковъ и смотрѣть одновременно за порядкомъ. За 600 руб. можно было имѣть двухъ лицъ, которыя посвятили бы себя порядку. Мы, такъ называемыя, классныя дамы обратились въ учительницъ. Теперь мы не только засѣдали въ учительской, но тамъ смѣялись и даже надъ директоромъ.

— Что новаго привезла начальница изъ М.? — разъ спросилъ онъ меня, такъ называемую имъ инспекторшу.

— Не знаю, я еще не успѣла съ ней поговорить, — отвѣчала я, думая, что онъ спрашиваетъ о новостяхъ изъ округа.

— Да нѣтъ же, — улыбнулся онъ въ отвѣтъ на мою осторожность, я спрашиваю о новыхъ модахъ.

Дамскія моды составляли ахиллесову пяту директора. Когда онъ прїѣзжалъ къ намъ, то остроумная начальница придумывала такую потѣху — мы приносили въ учительскую свои шляпы, и Ф. С. подробно ихъ разсматривалъ.

— Ужасная теперь мода, — объявлялъ онъ вполне серьезно къ всеобщему нашему удовольствію.

Директоръ былъ вдовцомъ и вспомнилъ въ одинъ прекрасный день, что вдова и начальница.

— Ф. С. не позволяетъ намъ больше ходить къ нему, — объявила она мнѣ разъ со смѣхомъ. — Придется посылать Николая. — Онъ говоритъ, что это неприлично и его компрометируетъ. Его, а не меня!

Гуляя, мы съ начальницей имѣли обыкновеніе заходить въ мужскую гимназію, когда было нужно, что-нибудь узнать или сообщить директору.

Съ прїѣздомъ Д. Е. моя жизнь преобразилась. Уже не говоря объ ежедневныхъ прогулкахъ по окончаніи уроковъ, у насъ устраивались всякія удовольствія, всего чаще пикники. Мы ѣздили къ окрестнымъ помѣщикамъ, брали ложи на концерты и представленія заѣзжихъ труппъ. Я бывала иногда и въ офицерскомъ собраніи на танцевальныхъ вечерахъ, гдѣ танцевали въ шерстяныхъ платьяхъ. Это казалось мнѣ необычнымъ, но я веселилась отъ души.

Но что случилось съ моими мечтами о Цюрихѣ? У меня уже было нѣсколько сотъ рублей. Порой бралась я за Канта, хотя Канту находилось мало мѣста въ моей теперешней жизни. Какъ удивился разъ мой врагъ — учитель французскаго языка, уви-

давъ у меня на столѣ „Критику чистаго разума“ на нѣмецкомъ языкѣ.

Кантъ и учительница младшихъ классовъ уѣздной гимназіи не вязались въ его головѣ. Да впрочемъ я и сама тщательно скрывала Канта, какъ когда-то мое сокровище—программу. Мнѣ хотѣлось быть какъ всѣ.

Когда я пріѣхала впервые на Рождество домой, то почувствовала, что мой домъ въ В., въ той душной и грязной избѣ, гдѣ протекала моя новая жизнь. Никто изъ домашнихъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на мой пріѣздъ, какъ будто я не уѣзжала. Ни о чемъ не спрашивали, ничѣмъ не интересовались.

Я почувствовала это глубоко и еще болѣе, вернувшись, привязалась къ тѣмъ, которые такъ просто и сердечно ко мнѣ относились и никогда не рылись въ моемъ прошломъ. Я цѣнила эту деликатность и платила, чѣмъ могла.

Первую зиму намъ приходилось иногда ждать жалованье по 3 мѣсяца, и я никогда не отказывалась идти напомнить объ этомъ А. А.

— Что дѣлать,—сказала она разъ. Знаете что, я пошлю телеграмму губернатору, что вы всѣ отказываетесь ходить въ гимназію до уплаты вамъ того, что городъ все не отдаетъ.

Одна мысль о томъ, что мы можемъ отъ чего-нибудь отказаться, казалась забавной, но телеграмма произвела впечатлѣніе. Губернаторъ телеграфировалъ, въ свою очередь, городскому головѣ, и черезъ день деньги были присланы.

Какъ младшія М. С. и я давали уроки вмѣсто отсутствовавшихъ и безъ всякаго вознагражденія. Мнѣ часто приходилось учить въ старшихъ классахъ.

Въ теченіе 3-й зимы ко мнѣ пріѣхалъ отецъ, которому нужно было что-то изслѣдовать въ В. Онъ у меня остановился. Не мало беспокоилась я о томъ, какъ ему все покажется.

— Какъ ты спалъ? диванъ плохъ?—спросила я на слѣдующее утро, зная, какъ много онъ требуетъ дома.

— Отлично спалъ, такъ ли еще приходится въ путешествіяхъ, отвѣчалъ онъ.

Находилъ все прекраснымъ, находилъ, что мнѣ здѣсь гораздо лучше, чѣмъ было дома. Былъ любезенъ съ моими пріятельницами, какъ прекрасно умѣлъ это въ дамскомъ обществѣ и долго посылалъ онъ имъ еще въ письмахъ поклоны. Умѣлъ онъ быть простымъ, и я гордилась въ душѣ тѣмъ, что молчала о своемъ отцѣ—мнѣ хотѣлось быть самой по себѣ, а не дочерью. Это было самолюбіе, заслуги въ этомъ не заключалось никакой.

Случалось, что я сравнивала себя мысленно съ рысакомъ. Долгіе годы стоялъ онъ безъ дѣла, а теперь... пахалъ. Когда утромъ я спѣшила въ гимназію, меня пугало однообразіе предстоящаго дня. Верхомъ ужаса представлялось мнѣ, когда я подмѣчала за собой, что говорю готовыми фразами. Тогда я сравнивала себя съ шарманкой: возьмешься за ручку, и она наигрываетъ извѣстное. Человѣкъ обращался въ машину.

Ученицы меня любили, несмотря на то, что я была строга и почти никогда не ставила 5. За то не было у меня балла ниже 3-хъ и, если отвѣчали плохо, то я переспрашивала до тѣхъ поръ, пока добивалась 3-хъ. Ихъ любовь обнаруживалась въ томъ, что для меня заводили особыя чернильницы и ручки — знаки обожанія гимназистокъ, и еще раскладывали на учительскомъ столѣ картинки съ конфетокъ. Не разъ просила я о закрытіи такъ называемой мной парижской выставки.

Было непріятно, когда изъ подражанія стригли волосы (на третью весну я заботѣла оспой, и мнѣ пришлось остричься).

— Что случилось съ вами? — строго спрашивала я въ такихъ случаяхъ.

— У меня болѣла голова, слѣдоваль стереотипный отвѣтъ.

Если я подружилась съ М. С., а потомъ сошлась еще съ Д. Е., то всего ближе была я, пожалуй, съ одной бывшей гимназисткой, которая въ теченіе перваго года моего пребыванія въ В. дѣлала мнѣ реверансы, въ теченіе третьяго вышла замужъ за офицера, жившаго у тѣхъ же самыхъ хозяевъ, что и я, и звала меня крестить.

Мы какъ-то разъ катались на ея лошади по Московской, когда я замѣтила:

— Я послала вчера прошеніе въ Ж-скую прогимназію: тамъ вакансія начальницы.

— И ты уѣдешь отъ насъ, — въ отчаяніи воскликнула она.

— Не думаю, чтобъ это случилось, по всей вѣроятности, меня не выберутъ.

Уже нѣсколько разъ увѣдомляли меня изъ округа, какія есть вакансіи, но я какъ-то все не могла рѣшиться написать прошеніе. Теперь подошла такая минута, что мнѣ захотѣлось болѣе широкой дѣятельности.

Вскорѣ я узнала, что въ Ж. происходили выборы и изъ 20 кандидатокъ выбрали не меня, и особенно объ этомъ не жалѣла.

Привѣжаю лѣтомъ въ округъ.

— Вы начальница Ж-ской Маріинской женской прогимназіи, объявляетъ мнѣ правитель канцеляріи.

Я не повѣрила и улыбнулась.

— Это не шутка. 29-го іюня васъ выбрали, а 8-го іюля вы утверждены у насъ.

Если мое самолюбіе и было польщено, меня охватилъ ужасъ при мысли о разлукѣ съ своими. Въ В. было все родное, теперь предстояло вѣхать къ чужимъ.

— Надо же когда нибудь разстаться,—утѣшала меня М. С.

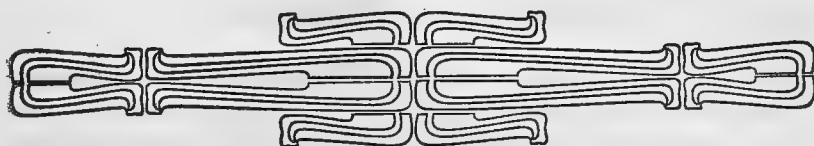
Но это казалось мнѣ очень плохимъ утѣшеніемъ. Отказаться отъ повышения было трудно,—это показалось бы страннымъ. А моимъ идеаломъ по-прежнему оставалось—быть, какъ всѣ.

Я сидѣла въ вагонѣ и плакала горькими слезами, въ то время, какъ поѣздъ медленно тащился. И чѣмъ дальше я вѣхала, тѣмъ все больше плакала.

Кругомъ становилось все темнѣе—глухіе, какъ будто непроходимые совсѣмъ лѣса, когда-то славившіеся своими разбойниками — все мрачныя, серьезныя сосны. Нѣтъ, грустно и страшно.

М. Безобразова.

Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи.

VIII ¹⁾.

Гольдингенъ.—Р. Виндава.—„Куришь - кениги“.—Положеніе въ уѣздѣ.—Манифестъ 17 октября.—Митинги.—Ростъ революціоннаго движенія.—Революціонные комитеты.—Желѣзно-дорожная забастовка.—Убіиство городского.—Отказъ отъ службы всѣхъ низшихъ чиновъ полиціи.—Переходъ города въ руки революціонеровъ.—Тревожное положеніе войскъ.—Устрашающіе приказы.—Объявленіе бойкота эскадрону.—Представители революціоннаго комитета.—Разговоръ съ ними.—Поведеніе драгунъ.

Гольдингенъ (по-латышски Kuldīga) маленькій—всего лишь около 9 т. жителей, но удивительно чистенькій и симпатичный городокъ, съ очень хорошими каменными постройками и прекрасными мостовыми. Его чуть не ежедневно скребутъ, метутъ, почему и пыли совсѣмъ нѣтъ. Даже освѣщенъ онъ сильными газонакалильными фонарями. Многіе большіе и богатые города должны ему позавидовать. Въ городѣ очень хорошіе магазины, торговля идетъ бойкая; вслѣдствіе удаленія отъ желѣзной дороги, все населеніе уѣзда тяготеетъ только къ нему. Нѣсколько фабрикъ—игольная, спичечная, табачная, льнопрядильная, двѣ кожевенныхъ, 4 пивоваренныхъ завода, производящихъ дешевое, но очень вкусное пиво и пр. Мужская гимназія, прибалтійская учительская семинарія, 6-ти классное женское училище и довольно много начальныхъ школъ.

Населеніе: латышей и евреевъ по 3 т., нѣмцевъ 2¹/₂ т.—остальное русскіе, поляки, литовцы.

¹⁾ См. „Русская Старина“ октябрь 1913 г.

Стоить Гольдингенъ на быстробѣгущей сплавней р. Виндавѣ (по-латышски Wente, по-жмудски Wenta, отъ слова Wento—вода). Около города рѣку перегораживаетъ высокій порогъ Руммель; вода, падая съ него, сильно шумитъ. Высокій, скалистый лѣвый берегъ рѣки, откуда открывается красивый видъ на далекую равнину противоположной стороны—любимое мѣсто прогулки жителей. Въ древности еще говорили: „Гольдингенъ чудный городъ—тамъ въ воздухѣ ловятъ рыбу“. Въ Виндавѣ водится много прекрасной съ нѣжнымъ мясомъ рыбы лосось (лаксъ—форель). Она обыкновенно для метанія икры идетъ вверхъ по рѣкѣ. Встрѣчая на пути преграду—порогъ, она пытается вскочить на него и попадаетъ въ разставленные „прутни“ („коша“) — коническія плетенки на длинныхъ шестахъ, они висятъ надъ поверхностью воды—отсюда и происхожденіе приведенной поговорки. Черезъ рѣку построенъ губернаторомъ Линенфельдомъ солидный каменный мостъ. Обошелся онъ въ 120 т. руб.

Въ 1244 г. магистръ Дидрихъ фонъ-Гренингенъ построилъ здѣсь первый въ Курляндіи замокъ, служившій мѣстопробываніемъ орденскаго командира. Послѣ жили въ немъ часто и герцогъ; здѣсь же родился (1610) и самый славный изъ нихъ—Іаковъ. Въ 1658 г. Курляндія была ограблена войсками генерала Дугласа, взявшаго въ плѣнъ самого герцога, разрушившаго и Гольдингенскій замокъ.

Почти одновременно съ замками возникъ и городъ. Многіе литовскіе города, построенные выходцами изъ нѣмецкихъ вольныхъ городовъ, которыхъ манили дарованныя орденомъ широкія торговыя привилегіи, присоединились къ Ганзеатическому союзу, какъ, напр., Виндава, Венденъ, Вольмаръ, Кокенгаузенъ, Рига, Ревель, Дерптъ, Перновъ. Въ числѣ ихъ былъ и Гольдингенъ. Торговля его процвѣтала, а вмѣстѣ съ нею и онъ. Упадокъ его начинается со времени Сѣверной войны, когда въ странѣ хозяйничали попеременно войска двухъ сѣверныхъ героев.

Въ 1740 г. замокъ лежалъ уже въ развалинахъ и больше не возобновлялся. Теперь на мѣстѣ его очень хорошій городской садъ. При входѣ въ него стоитъ нѣсколько вставленныхъ въ землю въ видѣ столбиковъ желѣзныхъ пушекъ, грозно нѣкогда глядѣвшихъ съ замковыхъ стѣнъ. Вотъ все, что сохранилось до нашего времени отъ „великолѣпнаго Гольдингенскаго замка“.

Въ городѣ къ числу древнихъ построекъ относится храмъ Св. Екатерины, построенный въ 1505 г., до введенія (1635)

еще лютеранства въ страѣ. Теперь это нѣмецкая кирха. Надъ боковымъ входомъ сохранилось вдѣланное въ стѣну рельефное изображеніе Св. Екатерины, патронеесы города, она и теперь изображается въ его гербѣ.

Кромѣ того, въ Гольдингенѣ есть очень хорошая каменная православная церковь. Служба въ ней отправляется частью на латышскомъ, частью на русскомъ языкахъ. Какъ церковь, такъ и большое зданіе „прибалтійской учительской семинаріи“, построены на средства, пожертвованныя однимъ купцомъ, о чемъ гласитъ надпись на вдѣланной въ стѣну доскѣ. Фамилію жертвователя мы забыли, а равно намъ неизвѣстно, почему онъ, сколько помнится русскій, пожертвовалъ крупный капиталъ именно для Гольдингена.

Къ числу большихъ и хорошихъ зданій надо отнести костель и латышскую кирху. Первый въ центрѣ города, по внѣшности и внутренней, хотя и незатѣливой отдѣлкѣ, производитъ отрадное, располагающее къ молитвѣ впечатлѣніе. Последняя стоитъ на пустой, заросшей травой и неопрятной площади на окраинѣ Гольдингена. Это большое громадное зданіе, плохого готическаго стиля, сложено изъ нештукатуреннаго краснаго кирпича, безо всякихъ украшеній. Видъ его тяжелый, давящій, пасмурный. Намъ почему-то казалось всегда, что отъ этого мрачнаго зданія вѣетъ таинственными заговорами. Можетъ быть, это впечатлѣніе сложилось потому, что последнее время храмъ этотъ служить же для религіозныхъ цѣлей, ради которыхъ конечно былъ построенъ. Здѣсь происходили бурные митинги. Ораторы, камъ намъ передавали свидѣтели, латыши же, призывали народъ къ бунту, къ поголовному вооруженію, къ убійствамъ, къ возстанію. Не разъ власти опасались, что наэлектризованная рѣчами толпа ринется въ городъ. Войска, когда происходили эти митинги, съ заряженными ружьями въ рукахъ держались наготовѣ...

Прежде городъ часто уничтожался пожарами. Зато теперь въ немъ такой порядокъ, что пожаровъ совсѣмъ не бываетъ; о чемъ жители говорятъ не безъ гордости.

Ниже города р. Виндава дѣлается судоходной и течетъ въ замѣчательно живописной мѣстности. Противъ Гольдингена на правомъ берегу хорошо сохранились слѣды сооруженія „Виндавскаго канала“, съ помощью котораго хотѣли соединить Нѣманъ съ Днѣпромъ, т.-е. Черное море съ Балтійскимъ. Проектъ возникъ еще во времени герцоговъ. Были сдѣланы кое-какія предварительныя работы. По присоединеніи Курляндіи къ Россіи

(1795) составленъ былъ новый планъ соединенія Риги, Виндавы и Либавы съ Нѣманомъ; но дальше проекта тогда не пошли. И только въ 1825 г. приступлено было къ самымъ работамъ. Цѣль канала—направить товары, шедшіе по Нѣману за границу, въ Виндавскій портъ. Такъ какъ осуществленіе этого не удалось Пруссіи, то по настоянію ея въ 1831 г. всѣ произведенныя уже въ значительныхъ размѣрахъ работы были брошены... приготовленный темный гранитъ расхищался; часть его пошла на постройку православныхъ церквей въ краѣ. Самый каналъ поросъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣсами. На Виндавѣ близъ д. Пацкульнѣ находится бухта такой глубины, что герцогъ Іаковъ ставилъ тамъ на зиму свой военный флотъ. Вообще эта прекрасная рѣка достойна болѣе серьезнаго вниманія.

Гольдингенскій уѣздъ—это искони коренная Курляндія. И теперь населеніе сплошь латышское. Недалеко отъ города есть 7 небольшихъ поселковъ (есть еще такіе и около Палангена), въ которыхъ живутъ такъ называемые куришь-кениги, считающіеся прямыми потомками исчезнувшихъ куровъ. Они сохранили понинѣ (со времени Плеттенберга) данныя имъ привилегіи (по грамотѣ 1320 г.) и всегда были вольными людьми, имѣли даже нѣкоторыя дворянскія права; всѣ они—богатые землевладѣльцы. Въ отличіе отъ остальныхъ латышей, эти „курляндскіе короли“ мало развиты, не грамотны, но держатъ себя высокомерно и ни подъ какимъ видомъ не вступаютъ въ родство съ непривилегированными латышами. Въ древности они еще слыли за дикихъ жестокихъ дикарей. По дорогѣ изъ Гольдингена въ Газенпотъ въ поселкѣ этихъ „королей“ мы видѣли на столбѣ прибитую большихъ размѣровъ доску, на ней яркими красками намалевано: на конѣ всадникъ съ перомъ на шляпѣ, съ мечомъ и распущеннымъ знаменемъ въ рукѣ. Подъ изображеніемъ надпись, гласящая, что это гербъ куришь-кениговъ. Такіе же гербы, говорятъ, имѣются во всѣхъ ихъ поселкахъ, на кирхахъ и пр. Интересный пережитокъ старины, орденъ, одарилъ ихъ привилегіями, по преданію, за то, что предки „королей“, правители страны, помогали завоевателямъ прочно водвориться въ ней и поработить ихъ собратій..

Въ Гольдингенскомъ у. относительно было спокойно. Примѣры сжиганія хлѣбныхъ сараевъ у помѣщиковъ бывали, но значительно рѣже, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ. Экономическая забастовка почти отсутствовала, и жатва благополучно

была закончена. Правда, кое-гдѣ грабили винныя лавки, но какъ-то еще несмѣло. Дополнительная мобилизація (во 2-ой половинѣ августа), сверхъ ожиданія, прошла спокойно, % уклонившихся былъ не великъ и не превышалъ обычнаго въ такихъ случаяхъ. Прѣздъ по дорогамъ рискованный, напр., въ Митавскомъ у., въ Гольдингенскомъ былъ вполне безопасенъ. Броженіе среди населенія шло, это было несомнѣнно, но явно не прорывалось еще внаружу. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ было и хуже, но въ общемъ, повидимому, все почти обстояло благополучно. Даже телефоны дѣйствовали, тогда какъ въ другихъ уѣздахъ они были основательно испорчены. Относительное спокойствіе въ самомъ Гольдингенѣ можно было объяснить, пожалуй, его удаленіемъ отъ желѣзной дороги—для полиціи наблюденіе за прибывавшими не представляло особеннаго затрудненія. Прокламаціи сыпались, но съ этимъ видомъ крамолы какъ-то ужъ примирились. Неблагонадежнымъ учрежденіемъ въ городѣ почиталась учительская семинарія. Кое-кого изъ ея состава арестовали за пропаганду, а самое училище скоро закрыли. Фабрики работали, хотя забастовки, небурныя, впрочемъ, на нихъ и бывали.

Такъ прошелъ августъ, сентябрь и половина октября. Вторая его половина ознаменовалась знаменитымъ манифестомъ, возвѣстившимъ скорую зарю лучшей жизни. Гольдингенъ, какъ и вся Россія, ликовалъ. Вѣрили, что конецъ всѣмъ бѣдствіямъ. Восходящее новое солнце должно разогнать сразу мрачный туманъ, сгустившійся надъ многострадальной страной. Но сгустился онъ такъ сильно, что могущественное свѣтило и до сихъ поръ не въ силахъ его разогнать. Между тѣмъ желаніе скорѣе осязать дарованныя свободы было непреодолимо. „Борцы за свободу“ все еще сидѣли подъ незыблемыми запорами, хотя всѣ были увѣрены, что манифестъ вынесъ имъ оправдательный приговоръ. Но двери тюрьмы охранялись еще старательнѣе, чѣмъ прежде. И ликующій народъ остановился передъ ними въ недоумѣніи. Въ минуты повышеннаго настроенія трудно считаться съ логикою; толпа вообще легко увлекается и не разсуждаетъ. Въ простотѣ душевной всѣ ожидали, что тяготы спадутъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, а латыши еще, что и бароны перестанутъ существовать.

Пользуясь возбужденнымъ состояніемъ народа, агитаторы заработали съ большею энергіею—они получили теперь возможность публично говорить на митингахъ, и дѣйствительно широко воспользовались этимъ правомъ. И чего только не говорились на этихъ митингахъ.

Въ Гольдингенѣ, напр., одинъ ораторъ, обращаясь къ слушателямъ, говорилъ: „потребуемъ, чтобы правительство каждому изъ народа выдало извѣстную сумму денегъ, чтобы не было бѣдныхъ; если денегъ нѣтъ, пусть оно ихъ надѣлаетъ!“ А черезъ минуту онъ же доказывалъ, что и правительства не нужно и т. п. Говорятъ, митингъ—это костеръ, на которомъ сжигаются сумасбродныя идеи. У насъ въ началѣ ихъ разрѣшенія они только порождали въ умахъ „политически несозрѣвшихъ“ изрядный хаосъ.

Военное положеніе и свобода слова, собраній, были несомнѣстимы.

25 октября г.-губернаторъ объявилъ, что онъ, считаясь съ радостнымъ чувствомъ, охватившимъ населеніе по поводу манифеста, вначалѣ „не препятствовалъ“ выраженію радости на торжественныхъ митингахъ, что такъ какъ первый пылъ повышеннаго настроенія прошелъ, онъ рекомендуетъ всѣмъ перейти къ обычнымъ занятіямъ („праздность порождаетъ нужду со всѣми ея грустными послѣдствіями“) и, наконецъ, что „не разрѣшаетъ“ впредь сборищъ на улицахъ и шествій густою массою. Самые митинги дозволялись пока при условіи предварительнаго сообщенія полиціи мѣста и времени.

Приказъ отъ 31 окт. уже объявилъ болѣе стѣснительныя правила. Желавшіе устроить собраніе должны были письменно подавать о томъ заявленія полиціи, но „столь заблаговременно, чтобы ближайшая воинская часть могла быть оповѣщена о непрепятствіи“. Заявленія могъ принимать только полицейскій чиновникъ (не урядникъ, не волость). На всемъ протяженіи Гольдингенскаго у. (2.879 кв. вер.), не считая уѣзднаго города, въ одномъ только м. Фрауэнбергѣ жилъ такой полицейскій чиновникъ. 13 ноября г.-губернаторъ совсѣмъ уже запретилъ всякіе митинги и собранія въ волостяхъ и приказалъ „разгонять“ таковыя оружіемъ. Приказъ объяснялъ это постановленіе тѣмъ, что, „судя по донесеніямъ“, на митингахъ въ волостяхъ народъ призывается „не только къ незаконнымъ дѣйствіямъ, но и противнымъ здравому смыслу“. Это было вполнѣ согласно дѣйствительности. Такимъ образомъ и съ митингами официально почти было покончено.

Въ Гольдингенскомъ у. было всего лишь около 180 чел. солдатъ (1 эскадронъ силою 100 чел. и 2 роты по 35—40 чел.), подѣленныхъ на небольшія команды.

Между тѣмъ революціонное движеніе въ немъ замѣтно на-

чало расти. Не считаясь съ г.-губернаторскими запрещеніями, латыши все-таки повсюду собирались на митинги. На нихъ уже населеніе открыто призывалось къ возстанію, правительство не признавалось, законныя власти бойкотировались, а равно и войска. Ораторы требовали, чтобы народъ податей не платилъ, новобранцевъ не давалъ, выработалъ бы формы мѣстнаго самоуправления и вообще исполнялъ бы повелѣнія революціоннаго центрального комитета. Вездѣ по волостямъ начались послѣ этого выборы членовъ новыхъ управленій; старый составъ объявленъ былъ мятежниками отрѣшеннымъ. Волостные старшины, угрожаемые смертью, передали свои должности новымъ, выбраннымъ. Боясь все-таки отвѣтственности, экс-волостные старшины обратилась къ комиссарамъ съ вопросомъ, что имъ дѣлать; но послѣдніе въ безсиліи своемъ ничего не могли отвѣтить. Полиція, власть которой видимо все болѣе падала, посылкою драгунъ пытались воспрепятствовать выборамъ. Но изъ этого ничего не выходило. Драгуны или опаздывали, или, прибывъ даже во-время, по своей малочисленности ничего не могли подѣлать. Такъ, напр., въ Шрунденской волости назначено было „народное собраніе“ для выборовъ, о чемъ заблаговременно полиція узнала. Посланъ былъ старшій помощникъ съ 12 драгунами (въ помощь 20 чел. пѣхоты, стоявшимъ въ Шрунденѣ) исполнить приказъ г.-губернатора „разогнать собраніе оружіемъ“. Помощникъ пріѣхалъ (36 вер.) и нашелъ толпу въ числѣ болѣе 3 тыс. чел. Для очищенія совѣсти предложилъ разойтись. Толпа отвѣтила смѣхомъ. Драгуны постояли, издали полюбовались митингомъ и благополучно, и за то спасибо, ушли обратно. Выборы въ „распорядительный комитетъ“ состоялись.

Подобная безцѣльная посылка небольшихъ командъ сдѣлала очевиднымъ для всѣхъ безсиліе власти и только подрывала въ корнѣ ея и такъ шатающійся авторитетъ, поощряя все болѣе разыгрываться страстямъ. Скоро послѣдовалъ перерывъ въ сообщеніяхъ, вслѣдствіе забастовки почты и желѣзныхъ дорогъ. Получилась полная изолированность. И такъ широко разбросанныя воинскія команды уменьшились—районный въ началѣ за донесеніями гонялъ драгунъ по уѣздамъ. Такъ какъ проѣздъ по дорогамъ къ этому времени сдѣлался уже опаснымъ, то приходилось при отправкѣ этихъ безтолковыхъ донесеній назначать и соответствующій эскортъ. Бывали дни, когда въ распоряженіи „начальника войскъ, расположенныхъ въ Гольденгенскомъ у.“, оставалось только по нѣскольку человѣкъ солдатъ.

А наряды приходилось усиливать—для охраны винныхъ лавокъ, казначейства и собственныхъ помѣщеній.

Въ Гольдингенѣ со дня на день дерзость революціонеровъ непомѣрно увеличивалась; въ немъ уже былъ открытъ выбранный „революціонный комитетъ“. Сданное раньше населеніемъ (конечно не все) оружіе было выдано „по требованію народа“ уѣзднымъ начальникомъ обратно. И это обстоятельство свидѣтельствовало о полномъ безсиліи мѣстной власти.

Въ Гольдингенѣ убитъ былъ ночью на посту городской. На другой день всѣ городовые явились къ начальнику, сложили свое оружіе и категорически заявили, что они, боясь подобной же участи, отказываются отъ службы. По большей части въ рядахъ низшей полиціи служили мѣстные уроженцы. Но не сочувствіе къ народному дѣлу, или тоже забастовка для увеличенія содержанія понудила ихъ къ этому, а дѣйствительно только страхъ. Они не могли не понимать опасности да и бездѣльности дальнѣйшей своей службы. Жили они съ семьями на частныхъ квартирахъ среди латышей и могли быть легко перебиты по одиночкѣ, если бы продолжали нести свои обязанности, которыя свелись исключительно къ обыскамъ и арестамъ политическаго свойства. Было же въ городѣ городскихъ что-то около 12 человекъ.

Начальство должно было примиряться съ фактомъ. Нового состава набрать было неоткуда, свободныхъ отъ нарядовъ солдатъ не было, ими замѣнить полицейскихъ поэтому было нельзя. Отказъ городскихъ окончательно заставилъ начальство поникнуть головами, и наоборотъ, въ сознаніи силы, высоко поднять революціонерамъ.

Городъ и весь уѣздъ сами собою какъ-то перешли во власть послѣднихъ. Революціонный комитетъ, чувствуя подъ собою почву, прислалъ уже официально уѣздному начальнику заявленіе, что охрану города онъ беретъ на себя. И представитель законной власти вынужденъ былъ дать „согласіе“. Все же это было лучше—хоть тѣнь власти—разрѣшила; въ этомъ впрочемъ революціонеры уже не нуждались.

И по улицамъ города съ этого дня стояли новые полицейскіе—граждане съ красными повязками на рукавахъ и съ такими же украшеніями на шапкахъ. Вооружены они были револьверами прежнихъ городскихъ, отданными „по просьбѣ комитета“ уѣзднымъ начальникомъ. Гольдингенъ окончательно перешелъ въ руки революціонеровъ. Объ уѣздѣ и говорить нечего—тамъ на свободѣ дѣйствовали мѣстные рев. комитеты.

(подкомитеты), подчиненные городскому. Выборные народомъ судьи судили всѣ дѣла безъ ограниченія. Казенные же мировые судьи и слѣдователи должны были прекратить свою дѣятельность. Положеніе полицейскихъ чиновниковъ, т.-е. уѣздн. начальника и его помощниковъ было не изъ завидныхъ—съ одной стороны долгъ и отвѣтственность; съ другой сознаніе полного безсилія и фактической невозможности что-нибудь дѣлать. Незавидное положеніе также было и представителя военной власти. Слѣдовало бы, конечно, силою оружія принудить зазнавшихся гражданъ повиноваться законной власти, а не исполнять предначертаній рев. комитетовъ. Но выпустить на нихъ, на весь уѣздъ для вразумленія, десятка 2—3 солдатъ было бы безрезультатно.

Вотъ, напр., въ какой тревогѣ проходили для насъ ночи: однажды часовъ около 11 на квартиру прибѣжали къ намъ 3 драгуна сообщить, что въ ту же ночь латыши намѣреваются сдѣлать нападеніе на солдатъ и одновременно поджечь конюшни; разговоръ объ этомъ въ корчмѣ былъ подслушанъ однимъ драгуномъ (Витебской губ.), понимавшимъ по-латышски. Настроеніе въ городѣ царило уже тогда такого сорта, что ожидать всего было можно. Тотчасъ же приняты были мѣры. Дѣйствительно, чрезъ часъ толпа человѣкъ въ 200 показалась на улицѣ, но солдаты съ заряженными винтовками были наготовѣ. Латыши пропѣли какія-то революціонныя пѣсни, въ нерѣшительности потоптались на мѣстѣ и постепенно разошлись. Подобныя тревоги, къ счастью напрасныя, оканчивавшіяся пока благополучно, случались постоянно; но бессонныя ночи приходилось проводить, будучи постоянно на чеку.

А къ этому всему полная неизвѣстность, что дѣлается въ остальныхъ мѣстахъ края. Если Гольдингенскій у. относительно еще былъ спокоенъ, то что-же творилось въ другихъ! Слухи о томъ, одинъ тревожитъ другого, шли отовсюду.

Судя по нимъ, вездѣ начиналось открытое возстаніе. И приходилось въ безиліи смотрѣть и сознавать, что движеніе и въ Гольдингенскомъ у. начинаетъ принимать все болѣе угрожающіе размѣры. Рев. комитетъ уже открыто сталъ распорядиться всѣми дѣлами города, вмѣшиваться во все. Такъ, напр., изъ Либавы по обыкновенію привезенъ былъ транспортъ „казеннаго вина“ для мѣстныхъ лавокъ. Комитетъ выслалъ „делегатовъ“ къ акцизному начальству объявить, что онъ „не позволяетъ“ даже торговать спиртными напитками—„пусть—моль казенная водка увозится обратно, пока цѣла; это мы позво-

ляемъ и даже гарантируемъ". Акцизный чиновникъ бросился въ полицію, поелъ къ военному начальнику въ надеждѣ, что послѣдній „съ безпощадной строгостью“, какъ обѣщаль приказъ г.-губернатора, покараетъ продерзостныхъ крамольниковъ. Но власти безнадежно только развели руками. Уѣздный начальникъ располагалъ двумя помощниками, а военный—даже не могъ точно сказать, гдѣ въ данное время скачутъ его драгуны, зналъ только твердо, что въ городѣ ихъ человѣкъ 5, до 20—пѣхоты, охранявшихъ казначейство и проч.

И водка уѣхала себѣ обратно въ Либаву. Новое торжество для комитета! А онъ шелъ все дальше и дальше: установилъ таксу на продукты, выбралъ городского голову, какого-то переплетчика. На площади этотъ вопросъ обсуждался громогласно. Въ кандидаты былъ выставленъ ни болѣе, ни менѣе, какъ самъ уѣздный начальникъ. Его, между прочимъ, всѣ въ городѣ уже величали не „барономъ“, какъ прежде, а „господиномъ“ такимъ-то. Кандидатура его была снята только вслѣдствіе одной причины: „народу“ не нравился. Положеніе человѣка безъ средствъ и семейнаго было не изъ завидныхъ. Или смерть при энергичномъ исполненіи обязанностей, или игра въ руки революціонеровъ. Онъ выбралъ середину, лавируя между первымъ и вторыми и—долавировался до печальныхъ послѣдствій.

Рев. власти между тѣмъ объявили крестьянамъ, что всѣ имѣнія—баронскія и казны должны сдѣлаться общимъ достояніемъ и перейти въ распоряженіе возникающей латышской социаль-демократической республики. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще въ началѣ ноября крестьяне начали рубить помѣщичьи лѣса. Это вызвало приказъ г.-губернатора (отъ 9 ноября): „до свѣдѣнія моего дошло, что въ нѣкоторыхъ волостяхъ крестьяне, на самовольно собранныхъ сходбищахъ, сговорились производить въ чужихъ лѣсахъ рубку и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже приступили къ исполненію этихъ явно преступныхъ дѣйствій противъ чужой собственности“.

„Объявляю, что я приказалъ войскамъ стрѣлять въ такихъ самовольныхъ порубщиковъ, а пойманныхъ немедленно предать военному суду, который уже прибылъ нынѣ въ Либаву. Зачинщиковъ же такихъ самовольныхъ сходо́въ, на которыхъ сговариваются производить подобнаго рода разбой надъ чужимъ добромъ, я буду высылать въ 24 часа въ дальнія губерніи“.

„Вообще, повторяю, что я не потерплю никакого насилія

надѣ чужимъ имуществомъ и при малѣйшей попыткѣ къ подобнаго рода преступнымъ дѣйствіямъ, проявлю всю силу власти, которую даетъ мнѣ военное положеніе“.

Этотъ энергичный на словахъ приказъ по недостатку войскъ, что хорошо латыши знали, не могъ остановить ихъ злоумышленій. Гдѣ проявлялись случаи порубки, туда командировались драгуны; но уходили они, и крестьяне снова вступали „въ свои права“. Имѣніе Бирзенъ продало лѣтомъ еще участокъ лѣса на срубъ. Когда промышленникъ приступилъ къ рубкѣ, крестьяне ему объявили, что баронскій лѣсъ принадлежитъ уже имъ, что рубить его они, пожалуй, позволяютъ при условіи уплаты не владѣльцу, а имъ—„латышскому народу“. Это вызвало необходимость командировать изъ Гольдингена въ Бирзенъ (Газенпотскій у.) взводъ драгунъ. Простоялъ онъ тамъ долго, до очищенія войсками уѣздовъ.

Въ подобныхъ претензіяхъ крестьяне обыкновенно ссылались на „постановленіе уѣзднаго распорядительнаго комитета“. Въ немъ засѣдали по 2 члена отъ волостныхъ рев. комитетовъ; весь составъ послѣднихъ къ этому времени былъ выбранъ и дѣйствовалъ. Всѣ распоряженія уѣзднаго комитета были письменныя и развозились по волостямъ именно членами—каждый въ свою. Кромѣ того, была еще высшая инстанція—центральный комитетъ,—таковой, напр., засѣдалъ въ Либавѣ. При комитетахъ были еще „делегаты“, слѣдившіе за исполненіемъ распоряженій. Увѣренность латышей въ прочности достигнутаго торжества была настолько велика, что комитеты приступили къ разработкѣ и проведенію въ жизнь мелочныхъ экономическихъ и др. вопросовъ. Большую услугу революціи оказала забастовка желѣзныхъ дорогъ и почты. Ни откуда не приходило никакихъ извѣстій. Циркулировали только слухи главнымъ образомъ о полномъ крушеніи законной власти. На митингахъ ораторы сообщали, что во всей Россіи революція одержала уже полную побѣду, учредила временное правительство, что царя уже нѣтъ и т. п. Вершившіяся въ Курляндіи дѣла какъ бы подтверждали эти слухи. Продовольствіе войскъ дѣлалось все болѣе затруднительнымъ. Евреямъ, у которыхъ покупался провіантъ и фуражъ, комитетъ запретилъ долѣе таковой продавать.

Въ послѣднихъ числахъ ноября такой поставщикъ, боязливо осматриваясь по сторонамъ, явился съ сообщеніемъ, что его позвали въ комитетъ и объявили, что онъ будетъ убитъ, если еще продастъ хоть на копѣйку.

— Я, говорилъ поставщикъ, сказалъ, что у г. командира

лежитъ мой залогъ и заключено условіе: если его не выполню, пропадутъ деньги“. Ареопажъ на это не обратилъ вниманія и рѣшенія не измѣнилъ. Но законы пишутся, „чтобы ихъ обходить“, главнымъ образомъ по теоріи евреевъ. Для Гольдингена постановленія комитета былъ законъ и строгій—у революціонеровъ уголовный кодексъ несложенъ—всѣ преступленія подведены подъ одну статью и караются смертью казнью, отмѣны которой они такъ настойчиво требуютъ отъ правительства.

Но соблазнъ поставлать фуражъ былъ настолько великъ для еврея, что онъ рѣшилъ перехитрить комитетъ.

— Г. командиръ, сказалъ онъ тайно, продавать вамъ не могу—убьютъ. Но сѣно мое сложено тамъ-то, овесъ тамъ-то. Пошлите солдатъ взять силою, а вы мнѣ заплатите. Я буду „гвалтъ“ кричать, побѣгу жаловаться... въ комитетъ! Продовольствіе было обезпечено. Въ правдивости объявленнаго бойкота брало сомнѣніе, но скоро пришлось убѣдиться. Къ командиру явились двое и откровенно отрекомендовались—„предсѣдатель комитета и членъ его“.

Первый латышъ, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, членъ—еврей въ формѣ студента технологическаго института.

— Мы, г. командиръ, пришли вамъ объявить: комитетъ считаетъ ненормальнымъ, что необходимое для войска закупается вами у одного лица; главное фуражъ. Въ этомъ году сѣно дорого, его мало, ваши лошади истребляютъ его много, всѣ жители жалуются. Поэтому мы запретили поставлать вамъ фуражъ.

— Значить, вы мнѣ объявляете бойкотъ?

— О, нѣтъ! городъ вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ выразить вамъ уваженіе и благодарность, что за все время со стороны войска онъ не видѣлъ ни одной обиды, что не произошло столкновений, какъ это вездѣ имѣло, къ сожалѣнію, мѣсто.

Выходило, что комитетъ хвалилъ за бездѣйствіе и какъ бы сочувствіе „народа“.

— Я, конечно, радъ, что дѣло не доходило до кровавыхъ столкновений. Кому это можетъ быть пріятно! Но долженъ вамъ въ свою очередь заявить, что оно можетъ произойти завтра, если вы дадите поводъ: не исполните, напр., моего законнаго требованія. И еще: казенныя лошади должны ѣсть, а потому фуражъ будетъ взятъ силою. При этомъ въ вашихъ словахъ вижу противорѣчіе, то вы говорите не нормально только то, что поставлаетъ одинъ, то—что „теперь фуража мало, жители жалуются“.

— Мы сами будемъ доставлять фуражъ, распредѣлимъ доставку между жителями; но должны заявить, что и это только на нѣсколько дней. Дальше не можемъ.

— Г.г., сами понимаете, я согласиться на это не могу—это было бы признаніе вашего комитета; все нужное, повторяю, возьму силою.

На этомъ офиціальный, такъ сказать, разговоръ окончился. Депутація хотѣла уходить. Офицеру интересно было побесѣдовать съ этими таинственными людьми, о которыхъ приходилось только слышать, которые послѣднее время перевернули въ странѣ все и теперь открыто объявляли о постановленіи крамольнаго комитета. „Начальникъ войскъ“ долженъ былъ чувствовать себя не совсѣмъ хорошо. Въ возможность привести въ исполненіе свое заявленіе онъ самъ плохо вѣрилъ.

Депутаты приняли приглашеніе, усѣлись, закурили. Желая направить разговоръ на интересовавшую его тему, офицеръ спросилъ:

— Вотъ вы, г.г., въ сознаніи своей силы, явились объявить бойкотъ и пр., неужели вы такъ увѣрены въ прочность побѣды, не сознаете, что настоящее положеніе не болѣе, какъ временное. Стоитъ придти сюда одному полку, а это непременно и скоро случится, и разлетятся въ прахъ всѣ ваши комитеты, а съ членами ихъ начнетъ расправа. Своимъ безуміемъ, простите за выраженіе, вы только мѣшаете провести въ жизнь всѣ тѣ реформы, о которыхъ возвѣстилъ намъ Государь въ своемъ великомъ манифестѣ.

Соціалисты начали доказывать, что они побѣдили безспорно, что латышскій народъ только частица той великой арміи борцовъ за свободу, которая именуется пролетаріатомъ. Словомъ, буквально повторяли содержаніе прокламацій, которыя въ послѣднее время часто приходилось читать— „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединитесь!“—Эти пролетаріи Европы, добавили они, не только не позволяютъ какой-либо изъ западныхъ державъ поддержать русское правительство въ его борьбѣ съ революціей, но и сами устроятъ у себя такія же свободныя республики, какія подготовляются на пространствѣ теперешней Россіи. „Народъ при торжествѣ ихъ идей будетъ пользоваться счастьемъ, широкимъ благосостояніемъ. Здѣсь послѣдовали разсужденія на тему— „собственность—кража“ (Прудонъ) и „экспропріація предпринимателя“ и т. д.

— Не будутъ, говорили они далѣе, содержаться на счетъ

народа цѣлыя фаланги „звѣздоносныхъ дармоѣдовъ“ съ тучами ихъ присныхъ; не будетъ арміи—сражаться будетъ не съ кѣмъ. А въ случаѣ чего, весь народъ станетъ на защиту отечества. Для этого молодое поколѣніе мы будемъ обучать военному искусству. Всѣ будутъ равны по состоянію, все будетъ правильно раздѣлено и капиталъ не будетъ давить бѣдняковъ... И вездѣ и все: „мы заведемъ“, „мы будемъ“, т.-е., значить, управлять, распоряжаться, ну а работать—тѣ же рабочіе.

— Все это, г.г., вы проповѣдуете теоріи переустройства вашихъ утопистовъ-мечтателей. Я плохой социологъ, положимъ, вы переустроите, но какъ потечетъ дальнѣйшая жизнь народовъ—это для меня непонятно. Ваше равенство—это абсолютная нивелировка всего, примѣнима ли къ людямъ, какими они есть и будутъ долго, если и не останутся навсегда? Сколько между вами самими партій и даже враждебныхъ? Если вы, одержавъ побѣду, не согласныхъ съ вами принудите подчиниться выработанному порядку—это будетъ насиліе личности, а вы проповѣдуете широкую свободу. Помните, Богъ создалъ ангеловъ совершенными, но половина изъ нихъ оказалась недостойными....

На слово „Богъ“ социалисты расхохотались.

— И вы вѣрите всей этой утопіи! въ какого тамъ Бога...

— Во что же вы вѣрите? гдѣ доказательство, что ваше ученіе—истина. Можетъ быть, смѣнится одно, другое поколѣніе, и будущіе люди, достигнувъ еще большаго развитія, начнутъ иначе мыслить, осудятъ тѣ идеи, которыя вы такъ фанатически проповѣдуете. Среди ангеловъ, допустимъ, произошелъ расколъ, но и между вами такъ много раскола. Каждый склоненъ думать, что только онъ мыслить вѣрно, другой—ошибается. Знаете, кто-то сказалъ, кажется, Дреперъ—если каждая изъ двухъ религій считаетъ себя истинной, то обѣ онѣ въ томъ ошибаются. Ученіе ваше до нѣкоторой степени заманчиво, что говорить, но осуществимо ли—вопросъ, рѣшать который я, конечно, не беру на себя смѣлости. На вашихъ митингахъ прежде говорилось, что вся земля помѣщиковъ и казны будетъ раздѣлена поровну и т. д. Теперь, чего отрицать не будете, вы говорите—при отмѣнѣ податей, повинности и проч. народъ и такъ будетъ благодѣтельствовать; поэтому земля не подлежитъ раздѣлу и дѣлается достояніемъ республики—ей-де нужны средства на разныя надобности. Правда?

— Да, говорили.

— Слѣдовательно, вы прибѣгали къ неправдѣ.

— Народъ еще слишкомъ темень—иначе его не подымешь.

— Слѣдовательно, вы сами не увѣрены. Истина не нуждается въ доказательствахъ, а тѣмъ болѣе живыхъ. Народъ темень относительно насъ, напр., имѣемъ ли мы право сказать: „мы свѣтлы“. Повторяю, все это только относительно.

Но социалисты страстно развивали свою теорію, особенно юноша, технологъ 1-го курса; съ языка его просто капала кровь. Всѣ его возраженія сводились только къ: „убью, преграды всѣ разрушу“.

— Вы себя, гг., рекомендовали социаль-демократами; а между тѣмъ проповѣдуете анархизмъ.

— Ну, это все равно! авторитетно заявили они.

Curriculum vitae латыша, съ его словъ, таково: окончилъ онъ приходское училище, попалъ по набору въ солдаты въ образцовый баталіонъ, успѣшно занимался пропагандою среди нижнихъ чиновъ. Послѣ за что-то, самъ не зная, его перевели въ полкъ, на Кавказъ, и онъ неуклонно сталъ просвѣщать другую окраину. По окончаніи, такимъ образомъ, вѣрнаго служенія подъ знаменами, онъ попалъ въ водоворотъ латышскаго революціоннаго движенія, отличился, видимо, на этомъ поприщѣ и былъ избранъ въ предсѣдатели комитета. Дальнѣйшая его судьба намъ неизвѣстна. Разъ только пришлось о немъ услышать! Этотъ латышъ своею удивительною искренностью производилъ пріятное впечатлѣніе, въ правдивости его повѣствованія о себѣ нельзя было сомнѣваться. Товарищъ его пытался выставить себя неустрашимымъ борцомъ за правду, говорилъ, что „на служеніе народу“ онъ посвятилъ жизнь, говорилъ съ пафосомъ. Слушая его, приходили на память фразы изъ латинскихъ упражненій: „какъ сладко и пріятно умереть за отечество“ и другія. Но такъ какъ отечества у него, какъ у еврея, нѣтъ, то онъ его замѣнялъ словомъ „народъ“, вѣроятно подразумѣвая „избранный“. Храбрость его и готовность умереть деньковъ такъ чрезъ 20 подверглись испытанію,—онъ постыдно не выдержалъ...

Послѣ продолжительной бесѣды, принявшей въ концѣ мирный характеръ, социалисты поднялись уходить. На прощаніе они сказали:

— Пока, чтобы васъ не ставить въ затрудненіе, мы позволимъ доставлять фуражъ поставщику.

— Благодарю, но предпочитаю реквизиціонный порядокъ, благо онъ разрѣшенъ генераль-губернаторомъ.

— Этотъ способъ вызоветъ озлобленіе „народа“ и можетъ повлечь печальныя послѣдствія,—задорно сказалъ онъ.

— Для него же. Поэтому рекомендую вамъ снять бойкотъ.

— Позвольте спросить васъ, сказалъ, ехидно посмѣиваясь, латышъ, вы увѣрены въ солдатахъ? Они исполнять приказаніе стрѣлять въ насъ, если до этого дойдетъ?

— Вполнѣ увѣренъ. Испытайте...

— Ну, такъ мы вамъ категорически заявляемъ, лучше не пробуйте — они не послушаются васъ — это намъ хорошо извѣстно! — сказали они, затворяя за собою дверь.

Съ ними пришлось довольно скоро столкнуться... не до смѣха имъ было тогда...

Солдаты дѣйствительно не охотно исполнили приказаніе... прекратить истребленіе банды, пытавшейся загородить имъ дорогу.

Но послѣднія слова гостей смутили тогда офицера.

Ему было извѣстно, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ пребыванія въ Гольдингенѣ его солдаты въ заѣзжихъ домахъ, во дворахъ которыхъ размѣщены были казенныя лошади, подвергались большимъ соблазнамъ. Тамъ постоянно толкались латыши, распаивали нижнихъ чиновъ, давали имъ деньги, совали въ руки прокламаціи, просили именно только одного — не стрѣлять въ нихъ, если будетъ приказано. Правда, прокламаціи шли обыкновенно на „цыгарки“. Но все-таки въ эскадронѣ произошло кое-какое замѣшательство, а два драгуна, начитавшись воззваній, пустились агитировать среди товарищей, которые, впрочемъ, тотчасъ же ихъ и выдали. Далѣе, среди солдатъ было 10 латышей Витебской губерніи, несомнѣнно подвергавшихся вліянію соплеменниковъ.

Позднѣе, когда драгуны на дѣлѣ доказали вѣрность присягѣ, когда ихъ спрашивали „за чѣмъ же вы такъ не хорошо вели себя въ Гольдингенѣ, слушались наговоровъ“, они, посмѣиваясь, цинично говорили: „отчего же, Ваше Высокоблагородіе, не выпить пивка латышскаго, не взять денегъ, когда тебѣ въ руки сами суютъ „не будемъ стрѣлять, говорили мы не сумѣваемъ“. Ну, а до дѣла пришло — извѣстно, присяга — такъ, что супротивъ врага, на то служили. Хорошо проучили, пускай не бунтуютъ“!

Вообще это „усмиреніе“ дурно отозвалось на солдатахъ — оно ихъ развращало. По большей части предоставленные сами себѣ при постоянныхъ командировкахъ небольшими командами, они ускользали отъ всякаго надзора, злые инстинкты у нѣко-

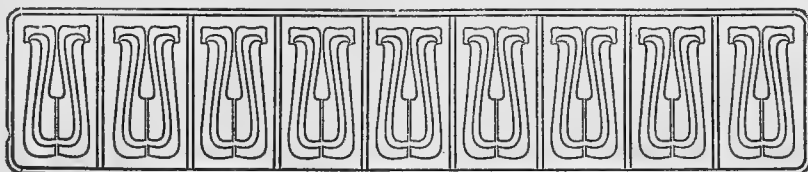
торыхъ обнаруживались. Въ нашемъ эскадронѣ, напр., произошелъ такой случай. Драгунъ, будучи посланъ съ командою, зашелъ въ избу и *отнялъ* у старухи-латышки 3 руб. На ея крики остальные драгуны, поившіе въ то время во дворѣ лошадей, вбѣжали и, узнавъ, въ чемъ дѣло, заставили деньги возвратить. Вернувшись изъ командировки, они рассказали объ этомъ всѣмъ товарищамъ. Эскадронъ рѣшилъ не докладывать о проступкѣ провинившагося командиру, а наказать виновнаго своимъ судомъ — его страшно избили по общему приговору, да такъ, что пришлось отправить въ больницу, гдѣ онъ едва не умеръ. Командиру было доложено, что этотъ драгунъ напился пьянъ и въ корчмѣ съ кѣмъ-то подрался. Побитый о расправѣ хранилъ молчаніе. Послѣ только солдатики сознались — „виноваты, побили — пусть не срамитъ нашего эскадрона! Вернулся изъ больницы, прощенія у насъ просилъ“.

Е. А. Альбовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ старыхъ дѣлъ ¹⁾.

О сибирской дѣвкѣ Иринѣ Ивановой, имѣвшей въ себѣ
дьявольское навожденіе.

(Архивъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Дѣло 1737 г. № 296).

Многія явленія природы, которыя въ старину считались непонятными и чудесными, наука въ настоящее время такъ легко объясняетъ, что происхожденіе ихъ становится понятнымъ даже малообразованному человѣку. Тѣмъ не менѣе есть еще многое, чего не разгадалъ пока пытливый человѣческій умъ. Преимущественно много непонятнаго и неразгаданнаго до сихъ поръ существуетъ въ области психическихъ явленій, изученіемъ которыхъ заняты ученые всего міра. Благодаря популярнымъ изданіямъ, и общество стало интересоваться открытіями въ этой области. Въ особенности общество проявило большой интересъ къ такъ называемымъ оккультнымъ наукамъ. Не только стали съ жадностью поглощать всѣ, касающіяся этой области, книги, но стали образовываться кружки, цѣлью которыхъ служить добиться на практикѣ разъясненія неразгаданныхъ вопросовъ. Первенствующую роль въ этихъ кружкахъ играютъ медиумы.

Къ сожалѣнію, большинство изъ этихъ медиумовъ или являются шарлатанами и фокусниками, которые, пользуясь легко-вѣріемъ толпы, выдавая себя за оккультистовъ, маговъ и хиромантовъ, и давая разнаго рода представленія и сеансы, легко

См. „Русская Старина“ октябрь 1913 г.

набиваютъ себѣ карманы, или подъ вліяніемъ гипнотизера говорятъ то, что имъ было ранѣе приказано, во время ихъ усыпленія, или, наконецъ, изъ тщеславія, выдавая себя за сверхчеловѣка, рассказываютъ тѣ изъ своихъ выдуманныхъ фантастичныхъ приключеній, которыя покажутся имъ интересными. Существуютъ, однако, и такія, очень немногія, лица, которыя, дѣйствительно, обладаютъ какимъ-то особеннымъ свойствомъ, особенною психическою чувствительностью, о которыхъ и доктора послѣ ознакомленія съ ними говорятъ, что это феномены. При объясненіи явленій, присущихъ этимъ феноменамъ, взгляды ученыхъ рѣзко раздѣляются. Скептики старой школы утверждаютъ, что это,—страдающіе падучей болѣзнію, нервно-психически больные, бреду и галлюцинаціямъ которыхъ публика придаетъ мистическое значеніе. Другіе, къ числу которыхъ принадлежатъ многіе изъ современныхъ западныхъ ученыхъ, прежде чѣмъ сказать свое рѣшительное слово, собираютъ факты объ особенныхъ проявленіяхъ психической жизни человѣка и, приведя ихъ въ систему, даютъ имъ разныя объясненія. Исходя изъ того положенія, что земной шаръ окутанъ электрической энергіей, которая находится и въ организмѣ каждаго человѣка, дѣлается предположеніе, что существуетъ такая же энергія психическая, которая хотя и проявляется также въ организмѣ человѣка, но не у каждаго въ одинаковой степени,—у одного больше, у другого меньше. Благодаря этому, человѣкъ, обладающій выдающимся запасомъ психической энергіи, острѣе и дальше обыкновеннаго человѣка проникаетъ своимъ умомъ въ явленія природы, пріобрѣтаетъ особенную способность не только читать мысли близъ стоящаго человѣка, но чувствовать и психически видѣть на большомъ разстояніи. Существованіемъ психической энергіи объясняютъ явленія такъ называемаго предчувствія и утверждаютъ, что современемъ, когда человѣку удастся уловить законы и этой энергіи, онъ будетъ сноситься съ другими людьми не по беспроволочному, а по психическому телеграфу. Развивая далѣе эту теорію, предполагаютъ, что мозгъ медиума, находящагося въ трансѣ (т.-е. въ такомъ состояніи, когда тѣло впадаетъ въ полубезчувственное состояніе и не реагируетъ на уколы и пр.), сообщается въ это время съ мозгомъ ученаго, богослова и другихъ лицъ, незамѣтно для послѣднихъ, и, благодаря этому обстоятельству, медиумъ начинаетъ высказывать слушателямъ такія истины и рѣчи и на такихъ языкахъ, о которыхъ въ бодрственномъ состояніи онъ никогда и не слышалъ. Не со-

гласные съ этими теоріями, глубоко вѣрящіе въ загробную жизнь, оккультисты утверждаютъ, что медиумъ, исполняя возложенную на него миссію, раскрываетъ для блага человѣка и спасенія души тайны загробной жизни.

Изъ всего изложеннаго вытекаетъ, что, если, въ настоящее время обнаруживается, что какой-нибудь субъектъ, впадая въ безсознательное состояніе, начинаетъ говорить о сверхчужденныхъ явленіяхъ, его или лѣчатъ, какъ психически больного, или пользуются имъ, какъ медиумомъ. Не такъ смотрѣли на такихъ лицъ въ старицу. Какъ относились къ нимъ прежде, яркой иллюстраціей можетъ служить слѣдующее дѣло, хранящееся въ архивѣ Святѣйшаго Синода.

Въ 1737 году, въ г. Томскѣ, въ концѣ города стоялъ домъ, принадлежащій боярскому сыну Алексѣю Иванову Мещерину. Владѣлецъ дома занимался торговыми дѣлами и постоянно разъѣзжалъ по разнымъ городамъ Сибири. Пріѣзжалъ онъ домой одинъ разъ въ годъ на короткій срокъ, недѣли на двѣ, и опять уѣзжалъ. Домъ оставался подъ присмотромъ крестьянки Марины Артемьевой, у которой была дочь, Ирина Иванова, 12 лѣтъ. Это было худенькое, болѣзненное созданіе, казавшееся моложе своихъ лѣтъ. Съ восьмилѣтняго возраста она страдала какими-то припадками, происхожденіе которыхъ мать объяснить себѣ не могла. По временамъ дѣвочка теряла сознаніе, изо рта у нея сначала шла пѣна, потомъ какъ бы паръ и наконецъ въ концѣ припадка она начинала говорить грубымъ мужскимъ голосомъ. Когда она приходила въ сознаніе, она утверждала, что она ничего не помнитъ изъ того, о чемъ говорила. Сначала мать мало обращала вниманія на болѣзнь дочери и скрывала отъ сосѣдей; но, когда она замѣтила, что болѣзнь съ годами не уменьшается, а все больше и больше развивается, она стала совѣтоваться съ знакомыми. Изъ любопытства знакомые и сосѣдки стали приходять ежедневно послушать припадочную.

— Я лукавый, и дѣвка, Ирина, скоро меня родитъ, — вырывался изъ горла дѣвочки мужской голосъ въ отвѣтъ на задаваемые вопросы. Посаженъ я въ утробу Ирины по желанію Василисы Лушаковой. Когда дѣвкѣ было восемь лѣтъ и ея мать уходила на работу, за ней присматривала сосѣдка Василиса. Однажды Ирина очень проголодалась, долго просила дать ей поѣсть и, наконецъ, стала ревѣть. Стиравшая бѣлье, Василиса очень разсердилась, что ее отрываютъ отъ работы. Она выхватила изъ печи горшокъ, плеснула въ чашку щей и подала

Иринѣ. Замѣтивъ, съ какою жадностью она стала ѣсть, Василиса злобно крикнула: „ишь ты жадная! Чтобъ тебѣ проглотить и лукаваго вмѣстѣ со щами!“ Сейчас же она меня и проглотила. Съ тѣхъ поръ я и поселился въ ней.

На вопросъ объ его имени, голосъ отвѣчалъ, что его зовутъ Иваномъ Григорьевымъ Мещеринымъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1737 года Алексѣй Ивановъ Мещериновъ возвратился домой. Случайно узнавъ о припадкахъ Ирины, онъ разсказалъ объ этомъ своему знакомому, протоколисту Соколову, который, какъ объ интересней новости, сообщилъ въ Тобольскъ протоколисту Крылову.

Послѣдствія этого письма были неожиданныя. Какъ о важномъ событіи, находившійся въ Тобольскѣ, Сибирскій Приказъ сообщилъ Московской Сенатской Конторѣ, которая не замедлила прислать въ Тобольскъ сибирскому губернатору приказъ о немедленномъ изслѣдованіи дѣла о диавольскомъ навожденіи. Приказано было забрать въ Тобольскъ Ирину Артемьеву и всѣхъ свидѣтелей, при которыхъ были разговоры о диавольскомъ навожденіи, и „розыскивать, стараясь однако, чтобы отъ оныхъ розысковъ кто-нибудь не померъ, чтобы важное дѣло не могло скрыться“.

Потащили всѣхъ въ Тобольскъ. Ирину велъ отдѣльный пѣшій казакъ Перевозчиковъ. Остановившись какъ-то дорогой переночевать въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, Ирина была помѣщена въ отдѣльной келіи, у дверей которой расположился казакъ Перевозчиковъ. Наступала ночь, и Перевозчиковъ собирался уже было уснуть, какъ вдругъ услышалъ шумъ въ келіи. Онъ приотворилъ дверь и заглянулъ. Ирина лежала на лавкѣ и грубымъ мужскимъ голосомъ произносила ругательства.

— Чего ты смотришь?!—крикнула она Перевозчику. Тебѣ велѣно сторожить меня, а здѣсь подъ окнами собралось много народа и хотятъ въ келію. Возьми свой фузей (ружье) и никого не пускай. Я пожалуйюсь воеводѣ.

Казакъ вышелъ и увидѣлъ, что нигдѣ никого нѣтъ. Утромъ казакъ доложилъ объ этомъ игуменьѣ, которая тотчасъ же съ келейницами отправилась къ Иринѣ. Не успѣли онѣ войти, какъ Ирина съ крикомъ: „ой, лихо мнѣ!“ бросилась на лавку. Долго она билась и стонала, а потомъ заговорила мужскимъ голосомъ. Говорила много. Наконецъ, обратилась къ келейницѣ, которую видѣла въ первый разъ и имени которой, Ирины, она не могла знать, и сказала: „Ирина, прости меня!“ Послѣ этого

кинула въ сторону игуменьи и опять проговорила: „матушка, прости!“

— Ты чего же прощается? Идешь куда? — спросила игуменья.

— Я иду въ воду. Прикажи отворить двери.

Двери отворили. У, продолжавшей лежать на лавкѣ, Ирины расширились глаза, и она забилась. Изъ рта появилась мокрота и какъ бы паръ. Ирина стихла. Животъ, который у нея всегда былъ вздутъ, опалъ. Она приподнялась и стала оглядывать всѣхъ испуганными глазами.

— Что съ тобою было? Что ты чувствовала? — спросила у нея игуменья.

— Я чувствовала, — отвѣтила Ирина, — что у меня вышла изъ рта какъ бы мокрая курица.

Съ этого момента припадки у Ирины Артемовой прекратились.

По доставленіи Ирины Артемьевой и всѣхъ свидѣтелей въ Тобольскъ, прежде всего занялись Ириной. Такъ какъ было предписано узнать, раздается ли у Ирины мужской голосъ „черезъ отверстія уста или чрезъ утробу пронизательно“, ее освидѣтельствовали и записали, что „имѣется ли у ней въ утробѣ дьявольское навожденіе, того познать невозможно“. Потомъ записали показанія Ирины Артемьевой и всѣхъ свидѣтелей.

Пока производили разслѣдованіе, пришелъ указъ изъ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ. Предписывалось Ирину Артемьеву въ застѣнокъ и разспросить „съ пристрастіемъ накрѣпко“ о томъ, кто именно и съ какимъ намѣреніемъ научилъ ее „на такое вымышленное дѣло“ и какую она имѣла въ виду извлечь изъ этого выгоду для себя“. Буде же, добавлялъ указъ, и въ застѣнкѣ будетъ дѣло, какъ истинное, утверждать, тогда, поднимая на дыбу, вмѣсто кнута за несовершеннolѣтіемъ, бить розгами; а буде и потомъ, когда отъ болѣзни послѣ розыску свободу получить, двукратно розыскивать“.

Мещеринова также приказано было разспросить въ застѣнкѣ.

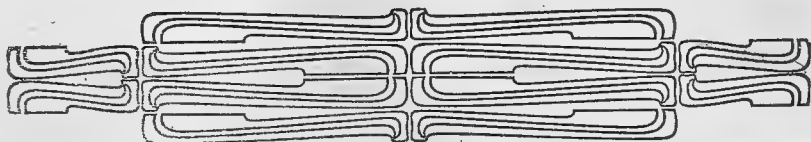
Послѣ перваго же наказанія розгами, Ирина Артемьева заявила, что у нея никакого дьявольскаго навожденія не было, что ее никто не научалъ и что она притворялась по глупости.

Черезъ двѣ недѣли послѣ пытки Ирина изъ больницы опять была приведена въ застѣнокъ, но, такъ какъ она подтвердила показаніе, данное подъ розгами, ее больше не сѣкли.

Какая была дальнѣйшая участь Ирины Артемьевой, изъ дѣла, хранящагося въ архивѣ Святѣйшаго Синода, не видно.

М. Ф. Чулицкій.

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

1880 — 1885.

Г л а в а VII ¹⁾.

Послѣ побѣды либераловъ, нанесшей ударъ туркофильской политикѣ Биконсфильда, Ольга Алексѣевна отдыхала на лаврахъ; не было причины для проявленія энергической дѣятельности, оказанной ею въ теченіе четырехъ лѣтъ послѣ смерти ея брата.

Въ первый годъ управленія Гладстона все шло какъ нельзя болѣе благополучно. Но второй, ирландскій вопросъ отвлекъ вниманіе Гладстона отъ Востока. По возвращеніи своемъ въ Англію въ 1881 году г-жа Новикова писала Гладстону, что два извѣстныхъ дипломата горячо говорили о его усиліяхъ поддержать европейскій концертъ.

Онъ отвѣчалъ:

2-го ноября 1881 года.

„Дорогая г-жа Новикова, ваше милое письмо отъ 25-го нѣсколько опоздало попасть въ мои руки изъ-за моей частой перемѣны мѣста. Искренно благодарю за него. Не буду отвѣчать подробно, такъ какъ надѣюсь пріѣхать во вторникъ, на короткое время, въ городъ и быть у васъ, нѣсколько поздно днемъ, въ ваше обычное время“.

„Я очень благодаренъ двумъ, названнымъ вами, извѣстнымъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1913 г.

дипломатамъ, за слишкомъ лестную оцѣнку мнѣ и моимъ уси-
ліямъ. Одно могу спокойно сказать, за лорда Гренвиля и
за себя; мы ничего не сказали и ничего не сдѣлали съ
эгоистической цѣлью, или въ недружелюбномъ духѣ по отно-
шенію къ какому-либо лицу, или какой-либо странѣ. Заслуги,
однако, въ этомъ нѣтъ, потому что счастливая случайность
открыла намъ такой широкій и мягкій путь, что недостойно
было бы дѣйствовать иначе.

„Вы тоже можете насладиться большимъ утѣшеніемъ въ эти
критическіе дни; между Англіей и Россіей вы смѣло и умѣло
трудились на пользу своего отечества, на пользу общаго мира
и международного доброжелательства“.

Вѣрьте моей искренней преданности

Гладстонъ.

Ободренная такимъ довѣріемъ, г-жа Новикова пишетъ Глад-
стону, что она написала статью и была бы очень ему благо-
дарна, если бы онъ ей разрѣшилъ прислать ея черновикъ. Но
Гладстонъ отвѣтилъ 25-го ноября 1881 года:

„Дорогая г-жа Новикова!—Нѣтъ, я не долженъ читать ва-
шей статьи въ черновикъ, ни давать вамъ совѣты относительно
вашихъ чувствъ и способа ихъ выраженія. Прежде всего по-
тому, что вы въ нихъ вовсе не нуждаетесь, а во-вторыхъ, что
цензура моя не принесла бы вамъ пользы, такъ какъ она ли-
шила бы васъ самостоятельности и поставила бы васъ въ фаль-
шивое положеніе: печать вовсе не входитъ въ мои обязанно-
сти. Говорю это, ни на йоту не уменьшая признаніе, мною уже
сдѣланное, и которое я каждую минуту готовъ повторить, что
ваши прямые и мудрые статьи всегда благотворно дѣйствуютъ.“

„Не думаю, чтобъ каждый русскій былъ такъ остороженъ,
какъ вы, говоря объ Афганистанѣ; меня удивило слышать объ
одномъ лицѣ, порицавшемъ насъ за то, что мы покинули эту
страну, думаю, что вы не раздѣляете этого мнѣнія“.

„Посылаю вамъ копіи моихъ рѣчей въ Лидсѣ и остаюсь пре-
данный вамъ“

Гладстонъ.

Въ началѣ 1881 года съ Гладстономъ произошелъ неприят-
ный случай. Извѣстія о его нездоровьѣ, появившіяся въ Рос-
сін, встревожили Ольгу Алексѣевну, которая телеграфировала,
прося свѣдѣній. 27-го февраля она писала Стеду: „Получила
депешу отъ Гладстона. Прекрасный сонъ, никакихъ дурныхъ“

признаковъ, рана заживаетъ. Слава Богу, если нѣтъ опасности. Гладстонъ одинъ изъ лучшихъ людей въ мірѣ". На лицѣ Гладстона была рана, сдѣланная камнемъ, который бросила въ него на улицѣ какая-то женщина. Эта рана превратилась въ ракъ, окончившій его жизнь. Все это очень скрывали.

Гладстонъ скоро поправился, но въ февралѣ того же года г-жа Новикова лишилась двухъ близкихъ друзей—Карлайля и Достоевскаго. Она писала Стеду 2-го февраля 1881 г.:

„Я боюсь, что мой дорогой Карлайль умираетъ. Послѣдній разъ, что я его видѣла, онъ былъ очень ласковъ и нѣженъ, но сказалъ: вы не застанете меня въ живыхъ, когда возвратитесь. Я очень была растрогана этимъ послѣднимъ свиданіемъ и если бъ мнѣ не стыдно было показать свою слабость, я при немъ бы расплакалась (но я этого не сдѣлала, слава Богу)".

Г-жа Новикова писала Стеду.

Москва. 14-го февраля 1881 года.

„Не могу выразить, какъ я огорчена смертью Карлайля и Достоевскаго. Я помню, конечно, все, что Карлайль неоднократно говорилъ мнѣ эту осень, какъ онъ жаждалъ смерти, но я эгоистка, и подумать, что я больше никогда, никогда не увижу его добраго лица, очень тяжело. Но Карлайль пережилъ себя, работу свою онъ совершилъ, а Достоевскій... Ему было едва 50 лѣтъ. Нѣтъ, въ настоящее время, человѣка въ Россіи, котораго вліяніе было бы очевидно и полезно. Онъ былъ восторженнымъ славянофиломъ. Въ 1849 году онъ взялъ на себя вину брата, отца многочисленнаго семейства, а онъ самъ былъ не женатъ; онъ былъ сосланъ въ Сибирь на 4 года. Онъ былъ слабаго здоровья, и тюрьма была причиной появившейся эпилепсін, но укрѣпила его умъ и душу. Когда я ему выразила мой ужасъ отъ ненужной пытки, онъ отвѣчалъ: „Вы ошибаетесь, я не жалуюсь. Это была хорошая школа. Она укрѣпила во мнѣ вѣру и любовь къ тѣмъ, кто переноситъ терпѣливо страданія. Она также укрѣпила мою любовь къ Россіи и къ удивительнымъ великимъ качествамъ русскаго народа. Повѣрьте, прибавилъ онъ, нѣтъ настоящаго прогресса и настоящей цивилизаціи безъ глубокаго сочувствія къ нашимъ братьямъ, безъ настоящаго самопожертвованія, часто встрѣчаемаго въ нашихъ соотечественникахъ. Вы можете коснуться чужой души только своей душой. Помочь вы можете только тогда, когда сами страдаете съ ними, когда вы любите ихъ, когда вѣра Христова проникла въ каждое ваше слово, въ каждый вашъ

шагъ. Достоевскаго обожала наша молодежь и тѣ взрослые люди, въ сердцѣ которыхъ была правда и благородство. Я потеряла въ Достоевскомъ друга, также какъ братъ мой, который очень огорченъ его смертью“.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ произошелъ еще гораздо болѣе потрясающій ударъ. Императоръ Александръ II былъ убитъ 1-го марта.

Ольга Алексѣевна была поражена, она только-что написала въ „Fraser's Magazin“ длинную статью о реформахъ Александра II-го. Она писала Стеду:

„Это жестокой, ужасный ударъ. Я была совершенно больна, нѣсколько дней не могла ни думать, ни писать, только чувствовала нестерпимыя боли вездѣ. Мученическая смерть, въ награду за цѣлую жизнь великодушной доброты, самопожертвованія, состраданія и милосердія! Вѣдь это ужасно колеблетъ вѣру въ справедливость. Бѣдный Государь! Бѣдная Россія! Мое единственное утѣшеніе въ томъ, что я всегда служила его дѣлу и не изъ тѣхъ, кто забываетъ его благодѣянія странѣ.

„Очень благодарю за прекрасную статью въ „Pall Mall Gazette“ объ убійствѣ и за ссылку на „Fraser's Magazin“. Кто бы могъ думать, что эта маленькая статья послужитъ эпитафіей. Я чувствовала, что вы намъ сочувствуете. Мысль, что послѣднее написанное мною посвящено реформамъ нашего дорогого Государя, служить утѣшеніемъ въ моемъ горѣ. Мой сынъ былъ посланъ съ депутаціей студентовъ для возложенія вѣнка; онъ только-что возвратился, очень взволнованный и монархически настроенный. Я никогда не видѣла его такимъ безгранично преданнымъ Царской семьѣ, какимъ онъ теперь. Я думаю, что, не колеблясь ни минуты, онъ отдалъ бы жизнь за нихъ, если-бъ это было нужно. Негодованіе всей страны очень велико. Дома родственниковъ виновныхъ должны охраняться полиціей. Толпа хочетъ ихъ сжечь и разорить. Слабо было управленіе Лорисъ-Меликова. Никогда не слѣдовало проявлять такую слабость. 5-го марта покойный Государь назначилъ объявить законъ о представительствѣ для всѣхъ классовъ. 1-го онъ былъ убитъ. Аксаковъ, Катковъ и всѣ мы въ Москвѣ настаиваемъ на самодержавіи, которое одно полезно для Россіи. Спаси насъ Богъ отъ конституціи! Побѣдоносцевъ услышалъ мольбу Москвы. Благодаря ему конституція Лорисъ-Меликова была уничтожена, и Россія, подъ скипетромъ Александра III, вступила въ политику твердаго правленія, длившася 14 лѣтъ“. Г-жа Нови-

кова въ слѣдующихъ словахъ оправдывала это рѣшеніе въ своемъ письмѣ отъ 29 марта 1881 г.

„Если ввести въ Россіи конституцію, по типу западныхъ государствъ, то это будетъ ея гибель. Рѣчь Аксакова, произнесенная въ Петербургѣ, лучший образецъ ораторскаго искусства, когда-либо слышанный у насъ. Западный конституціонный строй такъ противоположенъ нашимъ взглядамъ, что его могутъ желать Россіи только злѣйшіе ея враги. Болгарію этотъ строй, вѣроятно, погубитъ, и всѣ въ Россіи убѣждены, что наши, такъ называемые доброжелатели, предлагаютъ свои гнилыя свободы, чтобы погубить Россію“.

Среди огорченій за Россію г-жа Новикова отпосилась сочувственно къ несчастіямъ англійской политики въ Южной Африкѣ. Послѣ ряда пораженій, окончившихся Маюба-хилъ, г-жа Новикова писала своимъ англійскимъ друзьямъ:

„Едва-ли вы повѣрите чувствамъ, съ которыми отнеслись у насъ къ дурнымъ извѣстіямъ изъ Южной Африки. Я никогда не ожидала такого искренняго сочувствія къ Англіи, такого желанія услышать болѣе благопріятныя вѣсти. Удивительный престижъ Гладстона произвелъ эту перемѣну“.

Фрудъ, говоря о южно-африканской политикѣ правительства, не особенно цѣнитъ этотъ „удивительный“ престижъ.

Первыя предварительныя свѣдѣнія о волненіяхъ въ Южной Африкѣ г-жа Новикова узнала отъ Фруда 9-го ноября 1880 г. Онъ писалъ:

„Намъ предстоитъ новая борьба съ министерствомъ колоній о бѣдномъ Базутосѣ и т. д. Я, который ненавижу сентиментальности и уважаю Кромвеля и твердость въ правленіи, состою во главѣ депутаціи отъ общества покровительства аборигеновъ и протестую противъ того, что происходитъ. Гладстонъ полонъ нѣжности къ болгарамъ и ирландцамъ, бездушенъ, какъ камень, къ нашимъ чернокожимъ братьямъ. Будь они рабы, они бы чего-нибудь стоили, о нихъ бы заботились, какъ о коровахъ и лошадяхъ. Но мы съ гордостью говоримъ: „нѣтъ рабства подъ британскимъ флагомъ, а на дѣлѣ чернокожихъ стрѣляютъ, какъ волковъ. Мы нація тартюфовъ. Къ чорту насъ!“

Фрудъ такъ описываетъ несчастье въ Маюбахилъ 30 января 1881 года:

„Мой бѣдный другъ, сэръ Джорджъ Коллей проигралъ сраженіе въ Трансваалѣ, убито много офицеровъ и солдатъ. Это его первое командованіе, и онъ потерпѣлъ пораженіе. Причи-

ной захвата Трансваали была неспособность бѣдныхъ голландцевъ защититься отъ туземцевъ. Очевидно, они станутъ защищаться отъ нихъ. Но ихъ разобьютъ, несчастныхъ, и, такъ, какъ они очень храбры, то перестрѣляютъ ихъ тысячами. Вся Европа будетъ стыдить насъ, но что изъ этого?"

20-го февраля онъ пишетъ:

„Мы намѣреваемся бить несчастныхъ голландцевъ въ Южной Африкѣ, подъ предлогомъ спасать нашу національную честь, но до этого дѣло не дошло. Судьба измѣнилась, мой другъ сэръ Коллей, не былъ на высотѣ положенія, и голландцы бьютъ насъ. Но борьба между великой Британской имперіей и нѣсколькими тысячами фермеровъ слишкомъ не равна: все же мы уничтожимъ нѣсколько сотенъ, одержимъ то, что называютъ газеты рѣшительной побѣдой. Каждый оставшійся въ живыхъ голландецъ возненавидитъ насъ на вѣки. Всѣ націи на землѣ станутъ стыдить насъ, но мы останемся довольны, какъ будто ничего не случилось. Мы лишимся Капской колоніи, черезъ нѣсколько лѣтъ, и по дѣломъ. Вотъ оно конституціонное правленіе“...

Заботы все увеличивались въ правленіи Гладстона, и въ 1882 году оно было принуждено, противъ желанія премьера, пуститься въ египетскую экспедицію.

Въ день побѣды въ Тель-ель Кебирѣ, въ Египтѣ, г-жа Новикова телеграфировала Гладстону:

„Примите сердечныя поздравленія съ великой побѣдой“. Онъ отвѣчалъ въ тотъ же день письмомъ:

15 сентября 1882 года.

„Дорогая г-жа Новикова. Искренно благодарю васъ за поздравленіе съ успѣхомъ въ Египтѣ. Вся Англія ликуетъ. При воспоминаніи о вашей тяжелой войнѣ 1878 г. нѣкоторые русскіе смотрѣли на насъ съ завистью. Мы должны, конечно, радоваться потому, что мы довольны нашей арміей, нашимъ флотомъ, нашими адмиралами и генералами и нашей организаціей. Солдаты были не тѣ въ Крымскую кампанію, мы много истратили съ тѣхъ поръ, чтобы улучшить армію и, какъ видно, теперь не безплодно. Едва больше семи педѣль, какъ мы рѣшили послать 35.000 человекъ на разстояніе, скажемъ, 3.000 миль, и съ Божьею помощью результатъ быстрый. Еще разъ оагодарю васъ за добрыя слова. Взамѣнъ позвольте мнѣ выразить сердечное соболѣзнованіе по случаю смерти вашего героя Скобелева. При тяжелыхъ трудахъ моей службы, я съ искреннимъ

и горячимъ интересомъ слѣдилъ за прискорбными извѣстіями о немъ. Смерть героя, предметъ сочувствія для всего человѣчества: онъ былъ герой. Упокой его Господь и дай Богъ вашей странѣ побольше такихъ, какъ онъ“.

Вамъ преданный

Гладстонъ.

Россія вывела войска изъ Болгаріи менѣе чѣмъ чрезъ три условленныхъ года, послѣ подписанія мирнаго договора. Теперь болѣе тридцати лѣтъ, какъ бомбардирована была Александрія и до сихъ поръ англичане прочно сидятъ въ Египтѣ...

Въ концѣ года Ольга Алексѣевна послала Гладстону книгу Пальмира о восточной церкви и статью о трудѣ Миклухи Миклая въ Новой Гвинее.

Онъ отвѣчалъ 5-го декабря:

„Дорогая г-жа Новикова. Возвращаю вамъ статью, она чрезвычайно интересна, а авторъ ея должно быть еще больше.“

„Посылаю вамъ книжку, въ которой если вы прочтете епископа Патерсена (одного изъ благороднѣйшихъ представителей англійской расы въ девятнадцатомъ вѣкѣ). Вы найдете матеріалы относительно туземныхъ жителей и труда неправильно, названнаго свободнымъ. У Миклухи мы не находимъ христіанскаго элемента, который одушевлялъ Патерсена на геройскіе подвиги; но между ними все же есть духовное сродство“.

Вашъ искренно

Гладстонъ.

Вскорѣ послѣ этого письма, г-жа Новикова упомянула Гладстону о предложеніи султана русскому Государю занять Константинополь и сослалась на сэра Генри Вольфа, для подтвержденія этого факта.

7-го декабря Гладстонъ писалъ:

„Дорогая г-жа Новикова. Разскажите подробно о султанѣ, мы съ Вольфомъ не встрѣчались и не могли подѣлиться тайными сообщеніями объ этомъ интересномъ случаѣ“.

Вашъ искренно

Гладстонъ.

Г-жа Новикова отвѣчала декабря 8-го:

„Вы меня удивили, дорогой г-нъ Гладстонъ. Не могу понять, почему наши дипломаты такъ осторожны и молчаливы о фактѣ, который, по моему скромному сужденію, нисколько не

бросаетъ тѣни на наше правительство. Это немѣло съ ихъ стороны. Вотъ что я знаю: когда стало извѣстно въ Константинополѣ о бомбардированіи Александріи, султанъ испугался за возможные послѣдствія войны и за собственную участь. Ему пришла блестящая идея, что его единственный вѣрный другъ Россія, которой можно довѣриться, и мнѣ говорятъ, что были сдѣланы предложенія занять Константинополь русскими войсками. Русское Правительство, главнымъ образомъ, нашъ Государь имѣютъ большое уваженіе къ вамъ и довѣріе ко всѣмъ вашимъ словамъ и дѣламъ по службѣ и впѣ ея; Россія отклонила предложеніе Турціи. Я не ручаюсь, что она поступила бы также, не будь вы главнымъ представителемъ Англіи.

Сэръ Генри Вольфъ говорилъ мнѣ, что все это было ему извѣстно отъ его константинопольскихъ агентовъ“.

Иногда Фрудъ заговаривалъ о ближневосточномъ вопросѣ съ г-жей Новиковой. 10 марта 1882 г. онъ писалъ:

„Мнѣ жаль, что вы такъ воинственны, это дурной признакъ. Я не вполне понимаю грѣховъ Австріи, я ее ненавижу, и мнѣніе мое о ней самое дурное. Но мнѣ будетъ жаль видѣть, какъ вы бросаете перчатку Австріи, Германіи и Турціи. Вамъ придется воевать со всѣми тремя, въ то время какъ Гамбетта удаленъ, а Франція не двинется и у васъ не будетъ ни одного союзника. Я понимаю ваше безпокойство. Не могутъ эти княжества оставаться въ томъ положеніи, въ какое ихъ поставилъ Берлинскій трактатъ. Но чѣмъ дальше вмѣшается Австрія въ это дѣло, тѣмъ больше она будетъ ненавидима и тѣмъ слабѣе она станетъ. Будь я русскимъ, я заботился бы о внутреннемъ порядкѣ и избѣгалъ бы войны. Не откажите давать мнѣ, по временамъ, извѣстія“.

Когда вышла въ свѣтъ книга г-жи Новиковой „Жизнь Скобелева“, Фрудъ писалъ ей 2-го іюня 1883 г.:

„Я прочиталъ, конечно, Скобелева и люблю искусство, съ которымъ вы его изобразили. Вы больше бы удовлетворили англичанъ, если бы говорили только о Скобелевѣ, они цѣнятъ героя и готовились особенно цѣнить его, но джингоизмъ въ ихъ душѣ, и потому они воображаютъ, что славянское дѣло это вражда противъ нихъ въ Индіи. Они дураки, но на свѣтѣ дураковъ большинство. Вы лишились Скобелева, но страна, которая могла имѣть Скобелева, навѣрное будетъ имѣть еще многихъ героевъ, которымъ только и нуженъ случай, чтобы заслужить его славу.

Гладстонъ произнесъ рѣчь о египетской политикѣ, и по обыкновенію торіи ее неправильно истолковали, г-жа Новикова, съ безпокойствомъ, просить у него объясненія. Вотъ оно:

Доунингъ-Стритъ Уайтхоль.

8 августа 1883 г.

„Дорогая г-жа Новикова, консерваторы могутъ быть небезопасными толкователями рѣчей министровъ. Главная черта моей деклараціи была та, что намъ не приходится ничего отмѣнять или сокращать изъ прежнихъ увѣреній. Восемь, девять мѣсяцевъ назадъ у насъ было въ Египтѣ 35.000 человѣкъ, теперь у насъ 6.000. Не знаю, извѣстна ли вамъ моя статья въ „Nineteenth Century“, написанная 5—6 лѣтъ тому назадъ. Мнѣ было бы трудно отказаться отъ этихъ словъ или ихъ забыть. Это мнѣ напоминаетъ цитату лэди Голландъ изъ итальянскаго автора: „*iemangiare si, quist'e facile ma il digerire il diguisci queste il principale*“¹⁾).

Скрытый джингоизмъ, все еще дѣлѣмый частью страны, хочеть несомнѣнно сохраненія за нами Египта, но все это опѣнится скоро. Желая вамъ счастливаго пути, остаюсь вамъ преданный“

Гладстонъ.

Въ 1884 году г-жа Новикова неожиданно коснулась египетской политики. Отношенія Россіи въ вопросѣ о Египтѣ были всегда сдержаны. Съ тѣхъ поръ какъ Николай I сказалъ серу Хамилтонъ Сеймуру, что онъ готовъ признать вліяніе Англіи надъ Египтомъ взаимнѣ признанія такого же вліянія Россіи на Балканахъ, Россія менѣе всѣхъ вмѣшивалась въ этотъ вопросъ,

Слѣдуя этому примѣру, г-жа Новикова ни слова не сказала о Египтѣ въ своей книгѣ „Россія и Англія“. Но въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, искушеніе стало слишкомъ велико. Параллель между освобожденіемъ Болгаріи Россіей и завоеваніемъ Египта Англіей была такъ же очевидна, какъ противоположенъ былъ стимулъ этихъ двухъ предпріятій. Въ небольшой серіи статей въ „Паль-Маль Газетъ“, въ началѣ 1885 г. подъ заглавіемъ „Руссификація Англіи“ г-жа Новикова очень ярко изобразила разнорѣчивость британской теоріи съ британской практикой въ дѣлѣ вмѣшательства въ египетскія дѣла;

¹⁾ Вѣдь ѣсть-то легко, да какъ это переварить,—вотъ главное.

начатое низложеніемъ Измаила, оно окончилось присвоеніемъ сѣверо-завосточной части Африки англичанами.

Если бъ не Гладстонъ распоряжался экспедиціями въ Египетъ, г-жа Новикова вѣроятно еще свободнѣе выражала бы свою критику.

Поддерживалась фикція, что англичане не имѣютъ намѣренія оставаться въ Египтѣ. Они только пошли туда, чтобъ возстановить порядокъ, и твердо рѣшились уйти, когда порядокъ будетъ возстановленъ. „Египетъ для египтянъ“ были ихъ лозунги, и считалось измѣной намекнуть, что занятіе—не временное. Волненія въ Суданѣ, окончившіяся разореніемъ Хартума, смерть генерала Гордона и частичное опустошеніе всего Египетскаго Судана сдѣлали Египетъ злобой дня отъ 1882—1885 г.

Въ 1884 г. на одномъ обѣдѣ нѣкто г-нъ Смартъ сказалъ г-жѣ Новиковой: „вы всегдашняя защитница обиженныхъ и угнетенныхъ. Отчего Вы ничего не скажете въ пользу Измаилъ-Паши, котораго такъ высоко цѣнили генералъ Гордонъ; ни одинъ человѣкъ не былъ жертвой такой жестокой несправедливости.“

При этихъ словахъ г-нъ Смартъ представилъ Ольгѣ Алексѣевнѣ знаменитаго эксъ-хедива. Измаилъ просилъ позволенія ее посѣтить, и вскорѣ онъ сидѣлъ въ ея гостиной и изливалъ ей свои горести. Результатомъ этого была серія статей въ „Pale Mall gazette“, указывающихъ на всѣ преимущества отъ его возстановленія

Г-жѣ Новиковой не трудно было стать защитницей друга Гордона — Измаила-паши; имя Гордона, въ то время, имѣло волшебное значеніе не только въ ея глазахъ, но и въ глазахъ всей Англіи, а тотъ передъ отъѣздомъ своимъ въ Хартумъ сильно настаивалъ на возвращеніи развѣнчаннаго хедива.

„Лучшее, что можно бы сдѣлать,—говорить онъ, это возвратить стараго хедива. Я бы всячески попытался помочь этой старой птицѣ. Я бы непременно возвратилъ Измаила, непременно. Онъ миллионъ разъ лучше сына своего Тефика. Народу гораздо хуже теперь, чѣмъ при немъ. Онъ одинъ изъ самыхъ способныхъ людей своего вѣка, а вовсе не дьяволъ, какимъ нѣкоторые его воображаютъ въ Англіи“, заключилъ онъ.

„Почему не послѣдовать совѣту генерала Гордона въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ,—говорить Стедъ. Въ Суданѣ Измаилъ далъ полную свободу Гордону, чѣмъ оказалъ болѣе

довѣрія нашему христіанскому герою и болѣе здраваго смысла, чѣмъ англійское правительство“.

Г-жа Новикова начала такъ свою первую статью 13-го мая 1884 г.:

„Чѣмъ начались тревоги Англій въ Египтѣ? Тѣмъ, что правительство лорда Биконсфильда низложило Измаила-пашу. Говорятъ о томъ и о другомъ управленіи, но пока Измаиль царствовалъ въ Каирѣ, было по крайней мѣрѣ спокойствіе и порядокъ въ странѣ.

„Если вы дѣйствительно желаете, чтобъ Египетъ былъ для египтянъ, возвратите этого хитраго правителя. Всякое другое рѣшеніе есть прикрытое лицемѣріе.

„Какъ! опять рекомендуется фараонъ! воскликнуть съ негодованіемъ одинъ изъ моихъ друзей; а почему нѣтъ? я бы желала знать, фараоны гораздо болѣе подходящи на Нилѣ, нежели британскій резидентъ, играющій роль суфлера невѣжественному принцу“. Но Измаиль тираннъ; я не буду спорить о его достоинствахъ. Пашаи рѣдко бываютъ ангелами, и я думаю, что революціи не подавляются убаюкиваніемъ. Но есть ли тираннія болѣе угнетающая и нестерпимая, какъ анархія“. И такъ далѣе, и т. д.

Г-жа Новикова говоритъ: „защитите Египетъ отъ иностраннаго нашествія ручательствомъ всей Европы, какъ была гарантирована свобода самостоятельность Бельгіи въ 1830 г. Быть можетъ это рѣшеніе плохо; но хорошаго нѣтъ, а это кажется логичнѣе и во всякомъ случаѣ лучшее изъ плохихъ, которыя предлагались до сихъ поръ“. Когда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ спросили Ольгу Алексѣвну, почему она такъ горячо отстаивала Измаиль-пашу, она отвѣчала:

„Я говорила о немъ, какъ о человѣкѣ съ твердой волей и полнымъ знаніемъ страны; будучи умнымъ магометаниномъ, онъ могъ возобновить свое нравственное вліяніе надъ египтянами. Его возвращеніе уничтожило бы теперешнее преимущество Магди для религіознаго обмана египтянъ. Царство акціонеровъ не мой идеалъ“.

20-го сентября 1885 г. Гластонъ писалъ:

„Дорогая госпожа Новикова, я смотрю на людей, подкапывающихся или разрушающихъ старинную христіанскую вѣру, какъ на злѣйшихъ враговъ. Вы такъ добры, что спрашиваете о моемъ голосѣ. За эти два мѣсяца много мнѣ было дано медицинскихъ совѣтовъ и лѣкарствъ; перемѣна воздуха и отдыхъ. Въ результатъ я имѣю надежду быть въ состояніи исполнять

минимумъ работы въ особенности потому, что я долженъ быть очень остороженъ до выборовъ, которые будутъ въ ноябрѣ.

„Посылаю вамъ копію адреса, по случаю котораго я съ грустью покидаю надежду немедленной отставки. Она не можетъ быть отложена на долго. Посылаю также два переложенія гимновъ, въ оригиналѣ они замѣчательны. Вѣрьте моей преданности“

Гладстонъ.

18-го сентября 1885 г. былъ нанесенъ первый ударъ работѣ Биконсфильда на Берлинскомъ конгрессѣ. Въ этотъ день возсталъ народъ въ Восточной Румелии (часть Болгаріи на югъ отъ Балканъ). Генералъ-губернаторъ былъ арестованъ и объявлено присоединеніе части Румелии къ Болгарскому княжеству. 22-го сентября князь Александръ торжественно въѣхалъ въ Филипполи и уведомилъ подписавшія державы о совершившемся фактѣ. Императоръ Александръ III, страстный поборникъ мира, не былъ доволенъ этимъ.

Премьеръ Англіи, лордъ Солисбери, первый заявилъ себя противникомъ вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Восточной Румелии. Султанъ перенесъ потерю спокойно. Три раза собирався совѣтъ посланниковъ великихъ державъ въ Константинополѣ, но т. е. Турція не объявила войны, присоединеніе Румелии совершилось благополучно. Сербія нашла несправедливымъ увеличеніе Болгаріи, и король Миланъ объявилъ 14-го ноября войну Болгаріи. Болгары победили сербовъ, и тѣмъ споръ оконченъ.

Ольга Алексѣевна написала статью въ „Паль-Маль-Гезета, озаглавленную „Истинная правда о Балканскихъ княжествахъ“ и послала ее Гладстону, возвратившемуся въ Харденъ, послѣ одержанной второй побѣды въ Мидлотіанѣ. 5-го декабря онъ отвѣчалъ:

„Дорогая Г-жа Новикова, боюсь, что мнѣ не слѣдуетъ касаться предмета вашей статьи: мой лозунгъ миръ и свобода. Уже не первый разъ въ этомъ году я чувствую, что молчаніе въ отношеніи васъ лучше моей защиты. Вѣрьте моей искренней преданности“.

Гладстонъ.

Фрудъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ въ сентябрѣ 1886 г.

„Я прихожу къ заключенію, что Вы будете въ Константинополѣ до конца года; я всегда ожидалъ этого, со времени Крымской войны и потому не удивлюсь. Сообщите, какъ Вы

поживаете и что предпринимаете? Не завидую Вамъ, если Вы думаете что-нибудь сдѣлать съ англійской печатью. Вы найдете задачу труднѣе, чѣмъ Вы думали до сихъ поръ. Вы, можетъ быть, имѣете другія намѣренія: поглядѣть и позабавиться. Это будетъ лучше. А еще лучше, если Вы, быть можетъ, возвратились къ старой миссіи, къ вопросамъ Церкви? и напишете книгу о Двойственномъ Происхожденіи. Все же не оставьте меня безъ извѣстій“.

Вашъ преданный *Фрудъ*.

Въ слѣдующемъ своемъ письмѣ, отъ 1-го октября 1886 г. Фрудъ говоритъ:

„Ваша статья о Болгарскомъ кризисѣ очень хороша; все, что въ ней говорится, я думалъ давно, что это такъ, и говорится прекрасно. О томъ, какое дѣйствіе оно произведетъ, я предсказать не могу. Дѣло въ рукахъ лорда Солисбери. Если онъ можетъ создать Большой Европейскій союзъ противъ Россіи, онъ это сдѣлаетъ. Онъ разсудитъ, какъ многіе англійскіе государственные люди, что въ душѣ своей англійскій народъ радуется войнѣ, неимоვნно тщеславенъ въ военной славѣ и что успѣшная война лучше всего утвердитъ популярность правительства и отвлечетъ вниманіе толпы отъ внутренней политики. Онъ не будетъ такъ безуменъ, чтобы идти на это одинъ, но интрига многое можетъ сдѣлать, а политики всегда самые слѣпые и глупые люди. Что меня касается,—мнѣ это опротивѣло. Я расположенъ ничего не читать, ничего не дѣлать, а въ виду моихъ лѣтъ готовиться къ иному, лучшему міру“.

Гладстонъ написалъ ей слѣдующее:

Харденъ, 16-е ноября 1886 г.

„Дорогая г-жа Новикова, я всегда радуюсь, когда Вы, съ замѣчательнымъ Вашимъ талантомъ и искусствомъ представляете болгарское дѣло полностью, моимъ соотечественникамъ. Въ этомъ очень нуждаются англичане. Я не буду защищать или нападать на лорда Солисбери въ то время, какъ Вы отдѣлываете его досье. Намѣренно я никогда ни на кого не нападаю, что же касается до Стеда, очевидно, Вы однѣ умѣете обращаться съ нимъ, а вотъ что Вы недостаточно на меня нападаете, нападки на меня были бы полезны для успѣха дѣла. Но газета его умно написана.“

„Ваша милая веселость среди спора всегда производитъ хорошее и назидательное впечатлѣніе.“

„Я радъ, что мои мысли и время въ небольшой степени заняты литературой. До свиданья: я не долженъ забыть благодарить Васъ за доброе отношеніе къ моей дочери. Она, слава Богу, поправляется“.

Вашъ искренно

Гладстонъ.

Дѣла въ Болгаріи принимали нѣсколько затруднительный ходъ.

Г-жа Новикова написала объ этомъ Гладстону.

Онъ отвѣчалъ 4-го января 1887 г.:

„Дорогая г-жа Новикова, я боюсь, что не въ состояніи вполне прослѣдить за подробностями меморандума болгарскихъ выходцевъ, но надѣюсь, что дѣло ихъ будетъ обсуждено и справедливость будетъ соблюдена. Я не понимаю, что происходитъ? Истинная слава и честь Россіи за освобожденіе Болгаріи. Я бы желалъ видѣть ее покровительницей данной ея свободы. Все это меня приводитъ въ недоумѣніе. Я не понимаю этого и совершенно выше моихъ силъ оказать желаемое Вами теперь вмѣшательство. Я могу легко очень раздражаться“.

Вашъ искренно

Гладстонъ.

Два дня спустя Гладстонъ писалъ ей изъ Синглтона, куда онъ ѣздилъ по вопросу Home rule.

6 января 1887 г.

„Дорогая г-жа Новикова, я получилъ Ваше письмо во время политической поѣздки въ Южный Валлисъ. Видѣлъ я тамъ 60.000 народу, въ субботу, изъ которыхъ 40.000 не только отказались отъ своего однодневнаго заработка, но заплатили за желѣзнодорожные билеты. Сегодня я видѣлъ число нѣсколько меньшее. Всѣ они, изъ нихъ 98% горячихъ протестантовъ, выразили свое желаніе обезпечить, главнымъ образомъ, справедливое отношеніе къ католической Ирландіи.“

„Не дурна страна, гдѣ могутъ происходить такія вещи“.

„Я не слѣдилъ за „Паль-Маль-Газетъ“, потому что очень былъ занятъ другимъ. Я считаю Васъ отвѣтственной за Стеду, потому что Вы одиѣ имѣете вліяніе на него“.

„Я наслаждаюсь Вашей откровенностью, я какъ англичанинъ и очень былъ бы огорченъ и раздосадованъ, если бы Стейдъ какъ-нибудь въ ней Вамъ препятствовалъ, какъ редакторъ родины. Что касается афганцевъ, съ ними также можно ужитья, съ цивилизованными людьми они, конечно, больше пострадали отъ насъ, чѣмъ причинили намъ зла. Да благословить Богъ обѣ наши страны!“

Вашъ искренно

Гладстонъ.

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Князь Платонъ Степановичъ Мещерскій ¹⁾).

18.

Милостивый Государь мой

Князь Платонъ Степановичъ!

Посредствомъ переписки съ Г. генераломъ поручикомъ Щербининымъ, и какъ подъ моимъ непосредственнымъ начальствомъ находится и вторая армія узналъ я изъ донесенія капитана Павлова обрѣтающагося въ Едичпульской ордѣ, что 16-го ноября прошедшаго года, казанскіе два татарина пробѣжали чрезъ ту Едичпульскую орду въ Тамань и оттуда отправлены съ поспѣшностію къ татарскому хану Девлетъ Гирею, обвѣщая въ тѣхъ народахъ распирающею въ Россіи успѣхи бунтовщика Пугачева, они тамъ пронесли, что самозванецъ воиско имѣеть до 300000 а наиболѣ изъ Кивіи Буковара, Карапалки, Башкирцы, Кероизы, Коітаицы, бывшіе за Волгою Калмыки Татары Казанскіе.

Съ другою стороны находящіися въ Царьградѣ нашъ повѣренныи въ дѣлахъ П. полковникъ и кавалеръ Петерсонъ отъ 22-го декабря извѣщаетъ, что министерство Порты часто имѣеть совѣты съ недавно тамъ обрѣтающимися татарами, а по соображенію сихъ обѣихъ извѣстій можно подозрѣвать, что упомянутые Петерсономъ татары суть тѣ самыя, о которыхъ писалъ ко мнѣ и Г. Щербининъ, и что лжесвидѣтельство ихъ о дѣлахъ Пугачева могло въ первомъ разѣ польстить чѣмъ нибудь Портѣ а какъ сіи татары неименованы кромѣ названія ихъ Казанскими,

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1913 г.

то и почелъ я за должное увѣдомить о семъ обстоятельствѣ ваше Сіятельство, какъ ради того, чтобы вы въ своей губерніи приказали наистрожайше взять предосторожности противъ выпусковъ подобныхъ татаръ и всякаго вреднаго сообщенія съ народами пограничными, и сообщили не меньше сіе патребнымъ хранить и другимъ начальствующимъ въ также сторонѣ такъ еще подъ рукою и благовиднымъ образомъ искали извѣдать не найдется ли, кѣмъ реченные татары посланы, и кто они суть, чѣмъ бы открытъ удобно и весь умыселъ можетъ быть еще кроющіися.

Я честь имѣю пребывать въ прочемъ съ моимъ непремѣннымъ почтеніемъ:

вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою ¹⁾

12 Генваря 1775 года.

Могилевъ въ Полше.

19.

Господинъ Казанской Губернаторъ Князь Мещерской. Узнавъ нынѣ совершенно о невинности Преосвященнаго Казанскаго повелеваю вамъ изъ дома его вывести всякой краулъ или при-смотръ и запретить секретной комисіи впредь имѣть на сего нынѣ отъ меня пожалованнаго за невинное его претерпеніе Митрополита малейшее подозреніе, впрочемъ пребываю къ вамъ доброжелательна.

Екатерина ²⁾.

Генваря 26 ч. 1775.

Москва.

¹⁾ Подпись не разобрана, но письмо это очевидно писано кн. Александромъ Михайловичемъ *Голицынымъ* (р. 17 ноября 1718 + 11 октября 1783 г.), который командовалъ 2-й арміей во время первой Турецкой войны (1772—1774 г.г.). Къ концу этой войны 2-я армія была передвинута въ юго-западные предѣлы тогдашняго Польскаго королевства. При празднованіи мира съ Турціей въ Москвѣ 10 іюля 1775 г. кн. Голицынъ былъ произведенъ въ фельдмаршалы.

²⁾ Весь рескриптъ писанъ Императрицей Екатериной II собственноручно. Архіепископъ Казанскій *Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ* (+ 1785 г.) былъ оклеветанъ нѣкимъ Аристовымъ въ сношеніяхъ съ Пугачевымъ. Архіепископъ подвергнутъ аресту въ Казани, въ его архіерейскомъ домѣ. Когда невинность Веніамина была вполне доказана, Екатерина II велѣла освободить его изъ-подъ караула и произвела его въ митрополиты, о чемъ извѣстила 26 января 1775 г. собственноручнымъ указомъ Синодъ и собственноручными рескриптами Веніамина и князя П. С. Мещерскаго.

В. Корсакова.

³⁾ О Архiep. Казанскомъ Пуцекѣ Григоровичѣ см. Рус. Стар. апрѣль 1907 г. и мартъ 1908 г.

Ред.

20.

Секретно.

№ 77.

Сіятельный князь

Превосходительный господинъ генераль поручикъ Казанской губернаторъ и кавалеръ

Государь мой.

Сперва доходилъ до меня приватной слухъ что будто между народомъ Нижегородской губерніи отзывалось объ имени какого то Заметайлы намѣрающагося проявится къ возмущенію народному послѣдователемъ злодѣю Пугачеву; а на сихъ дняхъ и оказался уже въ Пензинскомъ уѣздѣ одинъ крестьянинъ которой вышелъ изъ кабака на базаръ дерзалъ произносить между народомъ возмущеніе именемъ покойнаго Императора Петра Третіяго, со увѣреніемъ скората послѣдователя съ войсками именемъ Заметайлу, тотъ произноситель пойманъ и производится о томъ слѣдствіе, а дабы и повсемѣстно взята была предосторожность на пресѣченіе такого народного возмущенія и нахожденіе есть ли возможно къ самому источнику и поймѣ произносимаго въ народѣ именемъ Заметайлу съ его сообщниками, того ради вашему Сіятельству рекомендую во всѣхъ уѣздахъ вѣдомства вашего избравъ надежныхъ людей поручить имъ ходя по базарамъ и по питейнымъ домамъ въ закрытыхъ именахъ всячески прислушивать отзывы объ имени Заметайлы, по которымъ всеми удобствами доходить къ поймѣ и къ доставленію къ вамъ онаго или произносителей объ немъ, на открытіе тотчасъ и надѣжащаго пресѣченія такого вреднаго начинанія къ новому народному возмущенію, предостерегши только всѣми образами, чтобы не было тѣмъ дѣлано ни отъ кого никакихъ напрасныхъ примѣтокъ не винныхъ и всякаго злоупотребленія, что же изъ сего иногда открыватся станеть не оставьте вы въ тожь время меня чрезъ нарочнаго увѣдомить.

Вашего Сіятельства

Государя моего

покорный слуга

Графъ Петръ Панинъ.

Февраля 1 дня 1775 году.

Москва.

Его Сіятел. Мещерскому.

21.

Господинъ Казанской Губернаторъ Князь Мещерскій. Какъ сего же числа отъ меня повелено Г. М. Потемкину ¹⁾ возвратить изъ Казани гвардіи офицеры и секретная комисія а остающіеся еще колодники поручить вамъ въ губернской канцеляріи для разбирательства, увѣдомилася же я что домъ Архіерейской семинаріи и гимназіи въ великомъ упатки и разореніи, и для того прикажитъ наискорея здѣлать распоряженіи и смѣту какъ для очищеніи Архіерейскаго дома такъ и для построеніи и починки прочихъ и приплитъ ко мнѣ смѣту дабы я не терявъ время сумму осигновать могла. Пребываю доброжелательная.

Екатерина ²⁾.

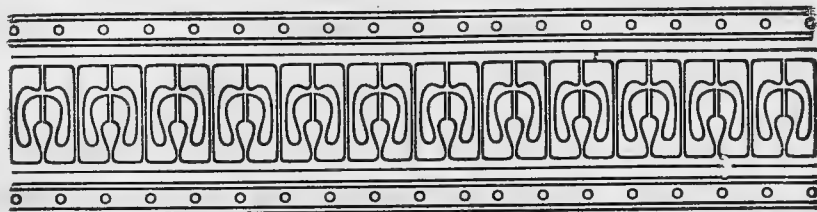
Февр. 12 ч. 1775 г.

Сообщ. В. Корсакова.

¹⁾ *Потемкинъ*, гр. Павелъ Сергѣевичъ р. 1743 † 26 марта 1796 г., генераль-маіоръ, предсѣдатель въ Казани секретной комисіи по разслѣдованію погрома, произведеннаго Пугачевымъ въ тогдашней Казанской губ. Въ послѣдствіи б. генераль-аншефомъ. Литеры Г. М. значать — генераль-маіоръ.

²⁾ Весь рескриптъ писанъ императрицей собственноручно.

А. А. Ауэрбахъ.

7-го іюня сего 1913 г. исполнилось пятидесятилѣтіе дѣятельности горнаго инженера Александра Андреевича Ауэрбаха, много поработавшаго на пользу нашей горной промышленности. Въ настоящей статьѣ мы помѣщаемъ собранныя нами свѣдѣнія о жизни и дѣятельности А. А., не лишенной общественнаго интереса.

А. А. родился 12 февраля 1844 года въ городѣ Кашинѣ, гдѣ отецъ его служилъ городскимъ врачомъ, но вскорѣ послѣ рожденія А. А. отецъ его переселился въ унаслѣдованное имъ, отъ своего родителя, имѣніе, находившееся въ Корчевскомъ уѣздѣ Тверской же губерніи, гдѣ А. А. и провелъ все свое дѣтство. Въ августѣ 1856 года его отдали въ Горный корпусъ, въ каковомъ онъ и окончилъ курсъ съ полнымъ успѣхомъ по первому разряду, съ чиномъ поручика, имѣя всего 19 лѣтъ отъ роду. По окончаніи курса онъ былъ прикомандированъ къ артезіанскому колодцу, проводившемуся въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, съ цѣлью практическаго ознакомленія съ буреніемъ большихъ буровыхъ скважинъ, а на слѣдующій годъ былъ командированъ для завѣдыванія работами по буренію одной изъ скважинъ на Самарской лѣвѣ, каковыя производились на казенный счетъ, съ цѣлью развѣдки на каменный уголь, такъ какъ обнажающіяся тамъ породы принадлежать къ каменноугольной формаціи. Мѣстомъ работъ были избраны села Царевщина, на лѣвомъ берегу Волги, у подножія Царева кургана, и Батраки, на правомъ берегу Волги въ нѣсколькихъ верстахъ отъ с. Сызрани.

На А. А. было возложено проведение Царевщинской скважины. Онъ ее довелъ до проектированной глубины къ концу 1867 года, сдѣлавъ довольно крупную экономію въ расходахъ (изъ 21.000 руб., ассигнованныхъ на эти работы, имъ было израсходовано всего 16.000 руб.), за что онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Станислава 3-й степени. Эти работы никакого практическаго результата не дали, и въ концѣ 1867 года А. А. получилъ предписание возвратиться въ Петербургъ, гдѣ былъ оставленъ при Горномъ департаментѣ. Въ 1867 году Горный корпусъ былъ преобразованъ въ Горный институтъ, съ одними специальными классами, съ приѣмомъ въ него окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а горные инженеры были изъ военныхъ чиновъ переименованы въ гражданскіе чины, причемъ А. А. и былъ переименованъ въ титулярные совѣтники, со старшинствомъ съ 7 іюня 1866 года. Профессоръ Горнаго института П. В. Еремѣвъ предложилъ А. А. подготовиться для занятія должности адъюнкта по кафедрѣ минералогіи, каковую читалъ Еремѣвъ, но для этого надо было написать и защитить диссертацию. Въ теченіе зимы А. А. изслѣдовавъ турмалины русскихъ мѣсторожденій написалъ диссертацию, а въ концѣ мая 1868 года защитилъ ее и былъ избранъ совѣтомъ профессоровъ въ адъюнкты по кафедрѣ минералогіи, послѣ чего получилъ на годъ командировку за границу, для ознакомленія съ заграничными музеями. Однимъ изъ лучшихъ минералогическихъ музеевъ считался придворный музей въ Вѣнѣ, съ какового А. А. и началъ свое изученіе, проведя въ Вѣнѣ большую часть своей командировки, тѣмъ болѣе, что въ Вѣнѣ ему удалось работать подъ руководствомъ извѣстнаго въ то время профессора Шрауфа, съ которымъ онъ вмѣстѣ занимался микроскопическимъ изслѣдованіемъ минераловъ, до того времени мало практиковавшимся, и конструировалъ гониометръ для измѣренія микроскопическихъ кристалловъ, каковой былъ очень одобренъ профессоромъ Шрауфомъ и съ разрѣшенія Горнаго института такой гониометръ былъ заказанъ А. А., вмѣстѣ съ очень сильнымъ микроскопомъ, у извѣстнаго парижскаго оптика Хартнака. Пользуясь тѣмъ, что въ Вѣнскомъ минералогическомъ кабинетѣ имѣется наилучшая коллекція минерала целестинъ, онъ произвелъ кристаллографическое изслѣдованіе сего минерала, и результаты сихъ изслѣдованій были напечатаны на нѣмецкомъ языкѣ въ „Запискахъ Вѣнской Академіи Наукъ“, а на русскомъ языкѣ въ „Горномъ Журналѣ“. Затѣмъ имъ были изслѣдованы подъ микроскопомъ минералы лабар-

дортъ и топазъ, каковыя изслѣдованія были также напечатаны въ „Горномъ Журналѣ“. Изъ Вѣны А. А. отправился во Фрейбергъ, гдѣ при Горной академіи слушалъ лекціи нѣкоторыхъ извѣстныхъ въ то время профессоровъ, а главнымъ образомъ занимался, подъ руководствомъ профессора Рихтера, изслѣдованіемъ минераловъ предъ паяльной трубкой, что онъ между прочимъ и преподавалъ, по возвращеніи въ Петербургъ, въ Горномъ институтѣ. Работая съ профессоромъ Рихтеромъ, А. А. составилъ таблицы для опредѣленія минераловъ помощью паяльной трубки и такъ какъ профессоръ Рихтеръ вполне одобрилъ ихъ, то извѣстная издательская фирма Брокхауза въ Лейпцигѣ согласилась на свой счетъ издать эти таблицы; но къ сожалѣнію въ то время, когда таблицы были уже сданы въ типографію Брокхауза, тамъ произошелъ крупный пожаръ, уничтожившій и таблицы А. А., и этотъ трудъ такъ даромъ и пропалъ, возобновить же его А. А. не пожелалъ. Но таблицы эти представляли результатъ работы нѣсколькихъ недѣль, каково же было огорченіе профессора Ценкера, который 20 лѣтъ работалъ надъ составленіемъ нѣмецко-арабскаго лексикона, и этотъ-то двадцатилѣтній трудъ также погибъ при пожарѣ, уничтожившемъ и таблицы А. А.; но профессоръ Ценкеръ имѣлъ терпѣніе снова приняться за составленіе своего лексикона, но кажется, не окончивъ его, умеръ. Въ бытность во Фрейбергѣ А. А. посѣщалъ какъ мѣстные серебряно-свинцовые рудники, такъ и сосѣдніе и между прочимъ былъ на каменноугольномъ рудникѣ въ Плауэнской долинѣ, на каковой попалъ непосредственно за происшедшимъ на семъ рудникѣ взрывомъ гремучаго газа, при которомъ погибло около 300 человекъ. Этотъ несчастный случай былъ описанъ А. А. въ „Горномъ Журналѣ“. Изъ Фрейберга А. А. отправился по остальнымъ европейскимъ музеямъ, изъ коихъ наибольшее время посвятилъ Парижскому музею, въ École des Mines, гдѣ пользовался указаніями извѣстнаго въ то время профессора Деклуазо. Закончивъ объѣздъ европейскихъ музеевъ Берлинскимъ музеемъ, А. А. возвратился въ Петербургъ въ августъ 1869 года и представилъ описаніе этихъ музеевъ, каковое было напечатано въ „Горномъ Журналѣ“.

Занимаясь зиму чтеніемъ лекцій, на лѣто А. А. принималъ на себя производство работъ по развѣдкамъ каменноугольныхъ мѣсторожденій въ подмосковномъ бассейнѣ, куда устремились въ то время какъ русскіе, такъ и иностранные предприниматели. Первое лѣто, т. е. 1870 года, онъ производилъ развѣдки

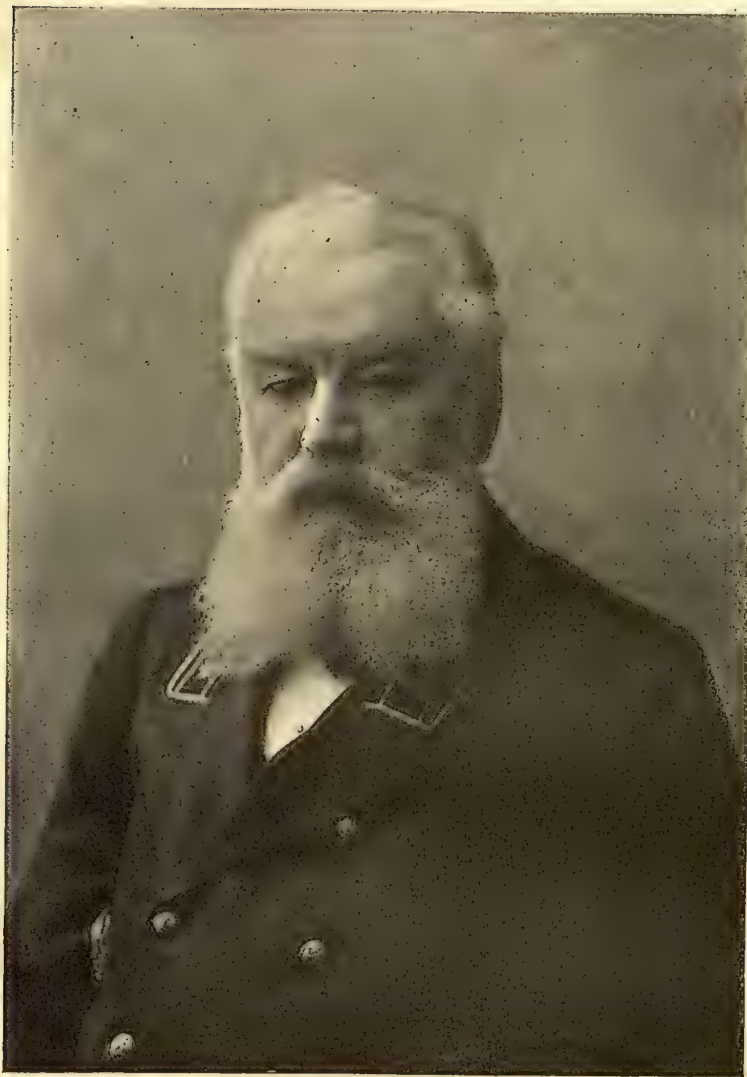
по порученію англійской компаніи и лишь къ концу лѣта принялъ на себя руководство развѣдочными работами и у французской компаніи, которая, оставшись очень довольной работами А. А., уже впередъ пригласила его на производство развѣдокъ и въ слѣдующемъ году; осенью же слѣдующаго года французская компанія предложила А. А. оставить профессуру и поступить къ ней для завѣдыванія угольнымъ рудникомъ, который она намѣрена была приобрести недалеко отъ Тулы. Чувствуя больше склонности къ практической дѣятельности, чѣмъ къ профессурѣ, А. А. принялъ предложеніе французской компаніи и, отказавшись отъ профессуры, зачислился по Главному горному управленію, съ откомандированіемъ въ распоряженіе этой компаніи; но онъ уговорилъ компанію бросить подмосковный бассейнъ и основать каменноугольное предпріятіе въ Донецкомъ бассейнѣ, гдѣ съ проведеніемъ на югъ желѣзныхъ дорогъ стала развиваться каменноугольная промышленность, но гдѣ качество углей было гораздо выше, чѣмъ въ Подмосковномъ бассейнѣ, на что французы и согласились, поручивъ А. А. приискать для нихъ два угольныхъ мѣсторожденія въ означенномъ бассейнѣ. Поступивъ на службу къ французской компаніи, А. А. въ январѣ 1872 г. женился на С. П. фонъ-Берхольцѣ, въ которой нашелъ не только прекрасную жену, но и неоцѣненнаго товарища, много помогавшаго ему въ его плодотворной дѣятельности, какъ мы это увидимъ ниже. Поселясь въ Таганрогѣ, А. А. за зиму 1872—3 года объѣздилъ весь Донецкій бассейнъ, съ цѣлью изученія его мѣсторожденій и выбора изъ нихъ двухъ мѣсторожденій для французской компаніи, и остановился въ концѣ концовъ на слѣдующихъ мѣсторожденіяхъ: одно, съ прекраснымъ коксовымъ углемъ на землѣ братьевъ Рутченко, близъ завода Юза, а другое въ 30 верстахъ на западъ отъ перваго, при деревнѣ Кураховѣ, принадлежавшее Н. Н. Шабельскому, съ хорошимъ пламеннымъ или даже газовымъ углемъ. На послѣднемъ мѣсторожденіи А. А. остановился по слѣдующимъ соображеніямъ: такъ какъ въ то время шла ужержь о постройкѣ Донецкой дороги, долженствовавшей пересѣчь Донецкій бассейнъ съ востока на западъ, отъ Дона до Днѣпра, а приднѣпровскій районъ долженъ былъ явиться большимъ рынкомъ для сбыта каменнаго угля, взамѣнъ дровъ, то А. А. и выбралъ Кураховское мѣсторожденіе какъ самое западное, т.е. ближайшее къ Днѣпру, и вмѣстѣ съ тѣмъ заключающее уголь такого качества, которое позволяло сжигать его подъ паровыми котлами почти безъ всякой передѣлки по-

слѣднихъ, построенныхъ на отопленіе дровами, что облегчало замѣну послѣднихъ углемъ. Заключивъ предварительныя условія съ владѣльцами избранныхъ мѣсторожденій, А. А., взявъ съ собою образцы углей и описаніе мѣсторожденій, отправился въ Парижъ для подробнаго доклада правленію общества. Правленіе о-ва вполне одобрило всѣ представленія А. А. и поручило ему немедленно же приобрести оба выбранныя имъ мѣсторожденія и приступить къ устройству двухъ большихъ рудниковъ, что и было имъ исполнено. Разногласіе у А. А. съ правленіемъ о-ва было лишь въ одномъ: А. А. предлагалъ начать съ устрой-ства на каждомъ мѣсторожденіи небольшихъ рудниковъ, съ тѣмъ, чтобы развивать ихъ по мѣрѣ надобности и возможности сбыта угля, каковой затруднялся не только трудностью введенія въ употребленіе новаго топлива, но главнымъ образомъ недостаткомъ желѣзныхъ дорогъ и слабой провозоспособностью существующихъ уже дорогъ; правленіе же находило необходимымъ приступить прямо къ устройству двухъ большихъ рудниковъ, чтобы имѣть большее значеніе въ глазахъ правительства, предъ которымъ приходилось ходатайствовать объ усиленіи перевозочныхъ средствъ и постройкѣ новыхъ дорогъ. Объ устройствѣ и управленіи этими рудниками, о томъ, какъ по инициативѣ А. А. былъ исходатайствованъ первый сѣздъ углепромышленниковъ юга Россіи, какая участь постигла желѣзную дорогу, долженствовавшую соединить Кураховку съ Днѣпромъ, довольно подробно описано самимъ А. А. на страницахъ „Русской Старины“ въ его воспоминаніяхъ о началѣ развитія каменноугольной промышленности въ Россіи.

Весною 1876 года А. А., изъ-за несогласій съ правленіемъ о-ва, составъ коего перемѣнился, отказался отъ дальнѣйшаго управленія рудниками о-ва и въ теченіе лѣта сего года руководилъ развѣдками на каменный уголь у своего сосѣда по Кураховкѣ, П. А. Карпова, начатыми, по его же указанію, еще въ предшествовавшее лѣто. Этими работами были подробно обследованы залежи угля, какъ въ имѣніи самого П. А. Карпова, Трудовая, такъ и на землѣ, заарендованной имъ по совѣту А. А. у крестьянъ села Михайловки, на каковой оказались залежи одного изъ лучшихъ углей Донецкаго бассейна, обогатившія П. А., оставшагося навсегда глубоко признательнымъ А. А.

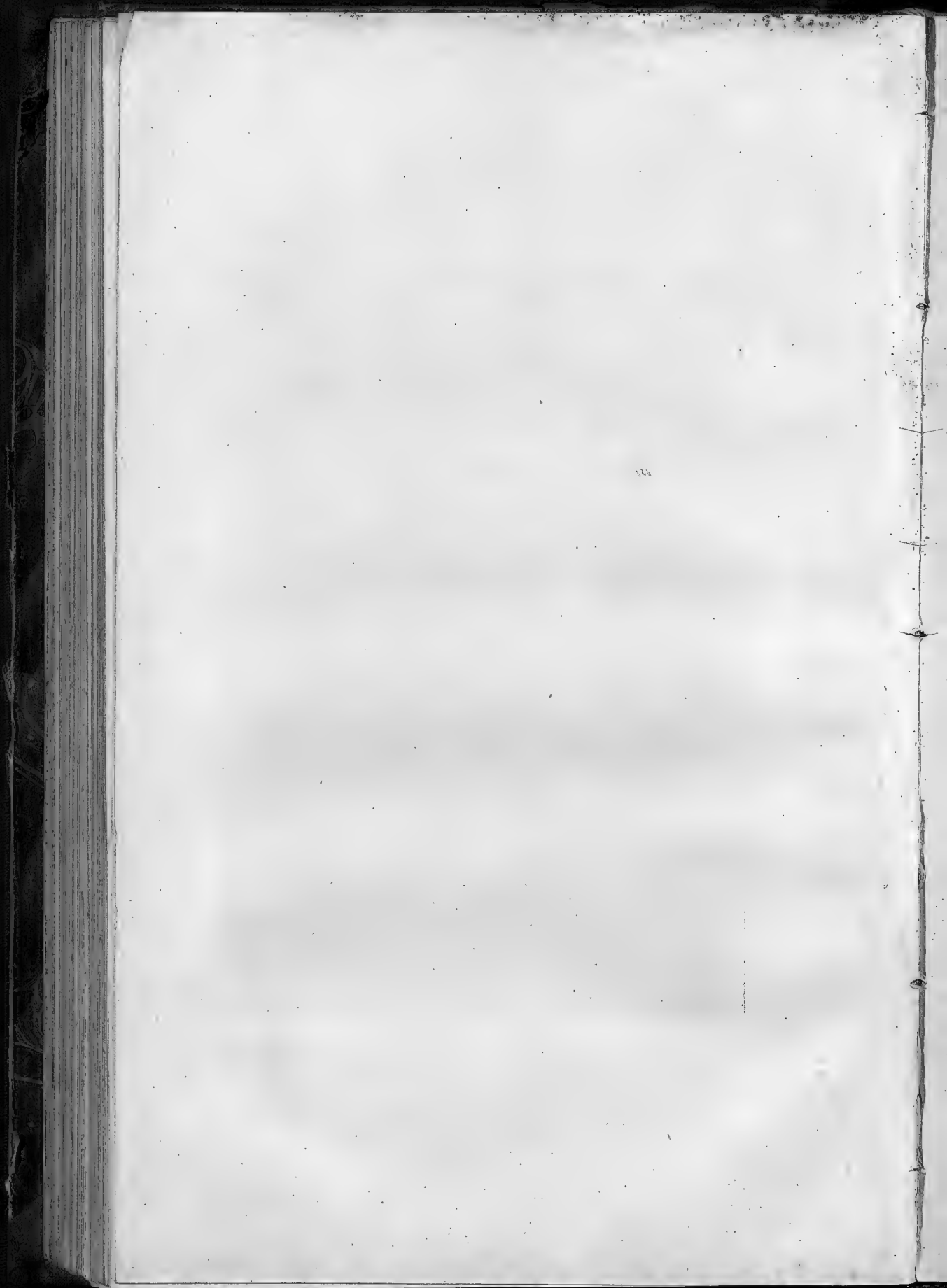
Осенью 1876 г. А. А. переселился въ Петербургъ, гдѣ нѣкоторое время оставался не у дѣлъ; весною же 1877 г. онъ поступилъ консультантомъ къ барону Г. И. Гинцбургу по его

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ
АУЭРБАХЪ.

солянымъ промысламъ въ Крыму, на которыхъ въ короткое время значительно улучшилъ производство, послѣ чего онъ былъ приглашенъ консультантомъ въ Березовское золотопромышленное товарищество В. И. Асташева и К^о, въ которомъ баронъ Гинцбургъ принималъ крупное участіе, а затѣмъ тоже консультантомъ и въ Міасскомъ золотопромышленномъ товариществѣ, въ которомъ участвовали В. И. Асташевъ и его компаніоны по Березовскому товариществу графы И. И. Воронцовъ-Дашковъ и П. А. Шуваловъ. Видя ту пользу, которую приносилъ своими совѣтами и работами въ лѣтнее время при посѣщеніи означенныхъ промысловъ, въ 1879 году онъ былъ приглашенъ консультантомъ при опекунскомъ управленіи по дѣламъ наслѣдниковъ С. Д. Башмакова, владѣвшихъ Богословскимъ горнымъ округомъ на Уралѣ, въ коемъ были мѣдеплавильный заводъ съ мѣдными рудниками и золотые прииски. Округъ этотъ самый сѣверный на Уралѣ, съ суровымъ климатомъ, былъ заселенъ по преимуществу ссыльными, и послѣ освобожденія горнозаводскихъ мастеровыхъ отъ крѣпостной зависимости, значительная часть его обитателей, получивъ свободу, выселилась изъ него. Въ 1875 г. округъ этотъ былъ проданъ казною С. Д. Башмакову. Посѣтивъ въ 1879 г. Богословскій округъ, А. А. вынесъ самое удручающее впечатлѣніе, вызванное бѣдностью населенія, имѣвшаго ничтожныя заработки. Мѣдеплавильный заводъ только въ этомъ году былъ пущенъ, но въ ничтожномъ размѣрѣ; работали лишь золотые прииски; насколько заработки рабочихъ были ничтожны, можно судить по тому, что старшіе плавильщики въ заводѣ получали всего по 45 коп. за 12-ти часовую смѣну, при цѣнѣ хлѣба въ округѣ не ниже полутора рублей за пудъ. Такіе заработки, разумѣется, не могли привлечь возврата покинувшихъ округъ рабочихъ, брошенные ими дома такъ и оставались заколоченными, разрушающимися, что придавало селеніямъ очень печальный видъ, словно выморочныхъ. Естественныя же богатства округа были очень велики. А. А., ознакомившись поближе съ округомъ, пришелъ къ убѣжденію, что посвятивъ себя ему тутъ можно принести большую пользу, какъ дѣлу, такъ и населенію округа; а потому, когда въ началѣ 1881 года бывшій управляющій округомъ отказался отъ дальнѣйшаго управленія имъ и опекунское управленіе предложило А. А. принять на себя управленіе Богословскимъ округомъ, онъ съ удовольствіемъ согласился переселиться изъ Петербурга, гдѣ имѣлъ вполне обеспеченное положеніе, состоя консультантомъ въ трехъ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, въ далекій и суро-

вый Богословскъ. Первый годъ, по принятіи на себя управленіе округомъ, А. А. было очень тяжело изъ-за природнаго консерватизма русскаго рабочаго, не любящаго никакихъ нововведеній, а между тѣмъ въ интересахъ самихъ рабочихъ необходимо было измѣнить всѣ существующіе порядки. Прежде всего, чтобы поднять заработокъ рабочихъ, онъ перевелъ всѣ работы на рудникахъ и въ заводѣ съ поденной платы на сдѣльную, что вызвало чуть не бунтъ со стороны рабочихъ; ни за что не хотѣвшихъ подчиниться этому порядку; и А. А. получалъ безпрестанно угрожающія письма съ обѣщаніемъ его убить, если онъ не откажется отъ своихъ нововведеній; но онъ не обращалъ на эти угрозы никакого вниманія и настоялъ на введеніи сдѣльной платы вмѣсто поденной; когда же черезъ годъ плавильщики въ заводѣ, благодаря этой мѣрѣ и техническимъ усовершенствованіямъ въ заводѣ, стали получать до полутора рублей въ день вмѣсто прежнихъ 45 коп., рабочіе прониклись полнымъ уваженіемъ и преданностью къ А. А., слово котораго стало для нихъ закономъ и всякое его распоряженіе исполнялось безпрекословно.

Въ первый же годъ своего управленія А. А. выплавилъ на Богословскомъ заводѣ свыше 50.000 пуд. мѣди, послѣ 17.000 пудовъ съ трудомъ выплавленныхъ въ предшествовавшемъ году, такъ что не только все мѣстное населеніе имѣло обезпечивающій его существованіе заработокъ, но пришлось привлекать рабочихъ изъ другихъ округовъ и какъ въ Богословскомъ заводѣ, такъ и въ другомъ большомъ селеніи, Турьинскіе рудники, не только не осталось ни одного заколоченнаго дома, но стали строиться новые дома, каковыхъ съ годами возникли цѣлыя улицы. Такъ какъ для дальнѣйшаго развитія мѣдеплавильнаго дѣла, что было вполне возможно по естественнымъ богатствамъ округа, не хватало перевозочныхъ средствъ для доставки руды съ рудниковъ въ заводъ, отстоявшихъ отъ послѣдняго на разстояніи 15 верстъ, то А. А. предложилъ опекунскому управленію построить узкоколейную желѣзную дорогу, для соединенія рудниковъ съ заводомъ; опекунское управленіе, вполне соглашаясь съ рациональностью предложенія А. А., не находило возможнымъ осуществить его за полнымъ отсутствіемъ средствъ необходимыхъ на постройку дороги, но А. А. нашелъ способъ построить дорогу собственными средствами округа, не получая на сей предметъ ни копѣйки отъ опекунскаго управленія; тогда послѣднее, разумѣется, согласилось на постройку дороги и средства на эту постройку

были получены слѣдующимъ образомъ: съ давнихъ поръ мѣдеплавильный заводъ на лѣто останавливался, но такъ какъ перевозка руды гужемъ производилась лишь зимой и начиналась обыкновенно не раньше ноября мѣсяца, то при остановкѣ завода на его площади оставалось то количество руды, которое необходимо было для дѣйствія завода въ осенніе мѣсяцы; будучи же увѣренъ, что къ сентябрю мѣсяцу желѣзная дорога будетъ уже готова и можетъ начаться перевозка по ней руды, А. А. весь запасъ вывезенной за зиму руды переплавилъ, не останавливая завода въ лѣтніе мѣсяцы, успѣлъ вывезти всю мѣдь съ завода, доставить ее въ Нижній-Новгородъ и сдать покупателю, а эта излишне выплавленная мѣдь дала болѣе 100.000 рублей чистой прибыли, въ каковую приблизительно сумму и обошлась желѣзная дорога, соединившая рудники съ заводомъ и давшая возможность далѣе развивать выплавку мѣди. Одновременно были сдѣланы А. А. значительныя улучшенія въ мѣдной плавкѣ: были передѣланы шахтные печи, въ которыхъ руда переплавлялась на купферштейнъ, каковая передѣлка увеличила очень сильно производительность печей и сократила расходъ топлива; былъ построенъ новый горнъ для рафинаціи мѣди, а главное улучшеніе заключалось въ введеніи бессемерованія купферштейновъ, т.е. послѣдній перерабатывался въ черную мѣдь не въ отражательныхъ печахъ, какъ это дѣлалось до того, а въ ретортахъ, на подобіе бессемеровскихъ ретортъ, употребляемыхъ для передѣлки чугуна въ сталь. Опыты бессемерованія купферштейна были начаты въ ретортахъ Манеса, примѣнившаго первымъ бессемерованіе къ мѣдной плавкѣ на заводѣ Эгиль во Франціи, но произведенные въ нихъ опыты показали недостатки этой реторты, и А. А. конструировалъ свою собственную реторту, которая дала очень хорошіе результаты и съ такими ретортами и была построена бессемеровская фабрика. Введеніе бессемерованія купферштейновъ дало огромное сбереженіе въ расходѣ дровъ на передѣлку купферштейна въ черную мѣдь.

Въ 1884 году Богословскій округъ былъ проданъ опекунскимъ управленіемъ за 6.000.000 рублей супругъ-статсъ-секретаря Е. И. В. Надеждѣ Михайловнѣ Половцовой, наслѣдницѣ барона Штиглица, обладавшей большимъ состояніемъ, давшимъ возможность использовать болѣе сильно естественныя богатства округа. По настоятельной просьбѣ новой владѣлицы, А. А. остался управляющимъ округомъ. Первою заботою его было облегчить сообщеніе Богословскаго округа съ вышнимъ

міромъ, такъ какъ трудно развивать дѣло на заводѣ, отстоящемъ на разстояніи 235 верстъ отъ ближайшей станціи желѣзной дороги, каковою была станція Кушва Уральской желѣзной дороги, а потому произведено было изслѣдованіе рѣкъ Сосьвы и Тавды, притока Тобола, на что было потрачено два года, и такъ какъ изысканія эти показали полную возможность судоходства по этимъ рѣкамъ въ теченіе всей навигаціи, то Богословскій округъ завелъ свое собственное пароходство, съ каждымъ годомъ все развивавшееся и состоявшее въ 1896 г., передъ уходомъ А. А. изъ округа, изъ 8 пароходовъ и около 50 баржей. Одновременно же съ учрежденіемъ пароходства, желѣзная дорога, соединявшая Богословскій заводъ съ мѣдными рудниками, была продолжена до Филькинской пристави на рѣкѣ Сосьвѣ, отстоявшей на 36 верстъ отъ мѣдныхъ рудниковъ и на 51 версту отъ Богословскаго завода. Такимъ образомъ, Богословскій округъ оказался соединеннымъ паровымъ путемъ какъ съ Западной Сибирью, такъ и съ Европейской Россіей, чрезъ Тюмень—Пермь, и могъ вывозить свои произведенія по болѣе дешевой цѣнѣ и въ неограниченномъ количествѣ, а главное, что съ введеніемъ пароходства округъ былъ обезпеченъ дешевымъ хлѣбомъ, доставляемымъ пароходами изъ Сибири.

Затѣмъ А. А. были заведены въ округѣ слѣдующія новыя производства: для утилизаціи сѣры, улетавшей на воздухъ при обжогѣ сѣрнистыхъ мѣдныхъ рудъ, былъ построенъ заводъ для полученія сѣрной кислоты; для приготовленія стеклянныхъ бутылей, необходимыхъ для перевозки сѣрной кислоты, былъ построенъ стеклянный заводъ, производившій и простыя бутылки и листовое стекло, потребовавшееся въ громадномъ количествѣ впоследствии при постройкѣ Надеждинскаго чугуноплавильнаго и сталелѣательнаго завода; для утилизаціи же на мѣстѣ сѣрной кислоты, былъ построенъ фосфорный заводъ, получавшій для приготовленія фосфора кости, доставлявшуюся пароходами изъ Сибири. Но все это были производства второстепенныя, малозначительныя, а постояннымъ стремленіемъ А. А. была постройка чугуноплавильнаго завода, такъ какъ въ округѣ имѣлись прекрасныя желѣзныя руды и не утилизированныя лѣсныя площади, и онъ этого добился наконецъ съ постройкой Сибирской желѣзной дороги, которой необходимо было громадное количество рельсовъ. Въ іюлѣ 1893 г. А. А., съ согласія владѣлицы округомъ, подписалъ съ управленіемъ по сооруженію Сибирской желѣзной дороги контрактъ на поставку сей дорогѣ 5 милліоновъ пудовъ стальныхъ рельсовъ, изъ коихъ

500 тысячъ пудовъ должны были быть доставлены въ Кривошеково, пунктъ пересѣченія Сибирской дороги съ р. Обью, въ навигацію 1896 г., а въ послѣдующіе затѣмъ три года доставить туда же по полтора милліона пудовъ, такъ что къ концу 1895 года заводъ, къ постройкѣ котораго еще не приступили, долженъ былъ быть готовъ и пущенъ въ дѣйствіе. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы возможно было въ такой короткій срокъ соорудить, въ такомъ отдаленномъ краю, такой большой заводъ, а потому тѣмъ больше было торжество А. А., когда въ 1896 году имъ было сдано въ Кривошековѣ рельсовъ на 100.000 пудовъ болѣе обязательнаго по контракту количества.

Подписавъ контрактъ на поставку рельсовъ Сибирской дорогѣ, нельзя было терять ни минуты и надо было торопиться какъ съ заказами всѣхъ необходимыхъ для завода машинъ и приборовъ, изъ коихъ большую часть приходилось заказывать за границей, такъ и съ заготовкой строительныхъ матеріаловъ, а потому А. А. поторопился самъ возвратиться въ Богословскъ, а профессору горнозаводской механики И. А. Тиме поручилъ отправиться за границу, объѣздить лучшіе рельсопрокатные заводы, чтобы выбрать наиболѣе совершенныя машины и приборы и заказать таковыя на заграничныхъ заводахъ по его усмотрѣнію. По возвращеніи въ Богословскъ надо было прежде всего выбрать окончательное мѣсто для завода, который долженъ былъ находиться возможно ближе къ Филькинской пристани, куда сплавомъ доставлялся лѣсъ съ большей части Богословской дачи и гдѣ должно было быть устроено центральное углежженіе для надобностей новаго завода. Наиболѣе подходящимъ оказалось мѣсто на берегу р. Каквы, притока р. Сосьвы, въ 9 верстахъ отъ ст. Устья и въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Богословско-Сосьвинской желѣзной дороги; такъ какъ выбранное для завода мѣсто было покрыто дремучимъ лѣсомъ, то было немедленно приступлено къ вырубкѣ, выкорчевкѣ и осушкѣ заводской площади и одновременно было приступлено къ постройкѣ вѣтви отъ Богословско-Сосьвинской дороги къ новому заводу, который былъ названъ, въ честь владѣлицы округовъ, „Надеждинскимъ“. Для производства этихъ работъ былъ приведенъ изъ Пермскаго батальонъ солдатъ и 300 человекъ землекоповъ, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ вѣтка къ Надеждинскому заводу была готова. Но еще ведя переговоры съ правительствомъ о полученіи заказа на рельсы для Сибирской дороги, А. А. озабочивался нарубить и сплавить въ Филькино большое количество бревенъ, необходимыхъ не столько для заводскихъ сооруженій,

сколько для постройки жилыхъ помѣщеній, каковыхъ требовалось очень много, за неимѣніемъ по близости никакихъ селеній, что дало возможность немедленно же приступить къ рубкѣ на самой пристани жилыхъ домовъ, каковыхъ и было нарублено болѣе сотни. Когда же вѣтка къ заводу была готова, дома эти раскатывали и на платформахъ перевозили къ мѣстамъ ихъ постановки, по временнымъ путямъ, уложеннымъ вдоль проектированныхъ улицъ; за зиму дома эти были поставлены и отдѣланы и къ веснѣ были готовы для жилья. Окончивъ постройку вѣтки къ заводу и отдавъ всѣ распоряженія относительно всѣхъ работъ, какія должны были быть произведены за зиму, А. А. возвратился въ Петербургъ, гдѣ совместно съ приглашенными имъ на постройку завода инженерами занялся разработкой подробнаго проекта завода. Доменный заводъ проектировалъ горный инженеръ А. В. Никитинъ, мартеновкую и прокатную фабрику проектировалъ горн. инж. А. П. Мещерскій, а общее расположеніе завода и всѣ заводскія зданія проектировалъ самъ А. А., для консультаціи же при проектированіи завода были приглашены профессора Горнаго института И. А. Тиме, профессоръ горнозаводской механики, Н. А. Гюсса и профессоръ металлургій. Съ открытіемъ навигаціи прибыли изъ Антверпена пароходы съ машинами и приборами, заказанными И. А. Тиме за границей; всѣ эти машины и приборы, построенные на разныхъ заводахъ Германіи и Бельгіи, должны были быть этими заводами доставлены къ извѣстному сроку въ Антверпень, что всѣми этими заводами и было въ точности исполнено, а потому были одновременно отправлены изъ Антверпена на двухъ специально подъ нихъ зафрахтованныхъ пароходахъ. Въ Петербургъ всѣ эти машины прибыли безъ всякой задержки, но уже въ Петербургѣ начались страшныя затрудненія для дальнѣйшей отправки ихъ на Надеждинскій заводъ; оказалось, что въ новомъ портѣ въ Петербургѣ не имѣется ни одного парового крана для выгрузки съ пароходовъ крупныхъ тяжестей и для выгрузки таковыхъ пришлось привести изъ Кронштадта 2 плавучихъ крана отъ Бритнева, которыми и была произведена выгрузка, продолжавшаяся безконечно долго, и пришлось заплатить крупную сумму пароходамъ, доставившимъ машины изъ Антверпена, за простой ихъ. Затѣмъ еще большія мытарства пришлось претерпѣвать при дальнѣйшихъ перегрузкахъ этихъ машинъ, каковыхъ предстояло 4: въ Рыбинскѣ съ желѣзной дороги на баржи, въ Левшинѣ съ баржей на желѣзную дорогу, въ Тюмени съ желѣзной

дороги опять на баржи и наконецъ на Филькинской пристани съ баржей на желѣзную дорогу, при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было перегрузочныхъ средствъ и лишь при помощи одной русской дубинушки. Перегрузка при такихъ условіяхъ потребовала столько времени, что машины прибыли въ Тюмень, когда навигація по Сибирскимъ рѣкамъ уже закрылась и ихъ можно было отправить далѣе лишь слѣдующей весной.

Весной 1894 г., съ открытіемъ навигаціи по Волгѣ и Камѣ, были отправлены на Надеждинскій заводъ артели каменщиковъ, плотниковъ, кирпичниковъ и землекоповъ и было приступлено къ постройкѣ завода. Распланировавъ заводъ и поселокъ при немъ, первымъ дѣломъ была произведена канализація, способствовавшая осушенію мѣста, и проведенъ водопроводъ, а за дѣто было устроено и электрическое освѣщеніе, давшее возможность продолжать работы по кладкѣ фундаментовъ подъ машины и въ зимнее время въ теплушкахъ, которыя были поставлены надъ выемками подъ фундаменты, благодаря чему, къ прибытію слѣдующей весной машинъ, замовавшихъ въ Тюмени, всѣ фундаменты были уже готовы и могло быть немедленно приступлено къ сборкѣ и установкѣ машинъ. Къ осени 1895 года была готова первая мартеповская печь, которая и была немедленно пущена въ ходъ на чугуиъ, доставленномъ съ Сосъвинскаго завода, принадлежавшаго ранѣе Коломенскому о-ву. Заводъ этотъ находился на лѣвомъ берегу р. Сосъвы, въ 100 верстахъ отъ Филькиной, внизъ по теченію Сосъвы; принадлежащая же къ нему лѣсная дача, къ количеству около 200,000 десятинъ, тянулась вдоль Сосъвы вплоть до Филькина. Собственные рудники завода были такъ удалены отъ него, что заводъ не могъ на нихъ дѣйствовать и управленіе заводомъ обратилось къ А. А. съ просьбой ставить имъ руду изъ Богословскаго округа, на что А. А. съ удовольствіемъ согласился, имѣя въ виду подготовить за счетъ Сосъвинскаго завода желѣзный рудникъ на случай постройки чугуноплавильнаго завода въ Богословскомъ округѣ; когда же была рѣшена постройка Надеждинскаго завода, А. А. отказался ставить руду на Сосъвинскій заводъ, послѣ чего Коломенское общество продало этотъ заводъ, съ принадлежащей къ нему лѣсной дачей, Богословскому округу, и выплавленный за годъ чугуиъ былъ перевезенъ на Надеждинскій заводъ и выдѣлка стали на послѣднемъ была начата на сосъвинскомъ чугуиъ; доменные же печи Надеждинскаго завода были пущены въ

дѣйствіе лишь въ 1896 году. Какъ въ зиму 1894—5 года были сложены въ теплушкахъ фундаменты подъ машины, такъ въ зиму 1895—6 года въ такихъ же теплушкахъ были сложены остальные три мартеновскихъ печи, въ то время какъ первая печь уже работала, и по мѣрѣ того, какъ печи оканчивались, онѣ одна за другой пускались въ дѣйствіе, а въ январѣ 1896 г. была начата и прокатка рельсовъ, каковыхъ было прокатано и доставлено въ томъ же году въ Кривошеково около 600,000 пуд. и вопреки всеобщему мнѣнію, что въ такой короткій срокъ такой заводъ построить нельзя, благодаря необычайной энергіи и распорядительности А. А., заводъ былъ построенъ и заключенный съ управленіемъ Сибирской желѣзной дороги контрактъ былъ выполненъ своевременно, тогда какъ другіе заводы, строившіеся одновременно на югѣ Россіи въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, какъ географическихъ, такъ и климатическихъ, принятыхъ на себя обязательствъ въ срокъ не исполнили.

Развитіе горнозаводскаго дѣла въ Богословскомъ округѣ, за время управленія А. А., и постройка Надеждинскаго завода, подробно описаны имъ въ „Горномъ журналѣ“ за 1887 г., I, II стр. 1, и въ „Извѣстіяхъ о-ва Горныхъ Инженеровъ“ за 1897 г. № 5.

Работая надъ развитіемъ горнозаводскаго дѣла въ Богословскомъ округѣ, А. А. вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ много труда на улучшеніе быта мѣстнаго населенія и надъ поднятіемъ его нравственнаго уровня. Когда заработки рабочихъ поднялись настолько, что не только было обезпечено ихъ существованіе, но они могли дѣлать и нѣкоторыя сбереженія, по совѣту А. А. они постановили вносить 2% съ заработка въ общественный капиталъ, какового ко времени ухода А. А. изъ округа накопилось у одного Богословскаго сельскаго общества около 150,000 рублей. Изъ этого капитала выдавались ссуды нуждающимся или на постройку дома, или на покупку лошади и т. п.; затѣмъ благодаря этому капиталу была заведена потребительская лавка, построено новое зданіе для школы и волостного правленія; распоряжались же этимъ капиталомъ не сельскія власти, а выборные уполномоченные отъ сельскаго общества, въ числѣ каковыхъ состоялъ и А. А., и нѣкоторые изъ его ближайшихъ сотрудниковъ, благодаря чему общественныя дѣла велись прекрасно и общественный капиталъ не растрачивался, а все возрасталъ.

Еще до продажи округа Н. М. Половцовой, супруга А. А. Софія Павловна Ауэрбахъ устроила въ Богословскомъ заводѣ

пріютъ для сиротъ, каковыхъ ходило съ сумой по улицамъ очень много. Такъ какъ въ то время средствъ у управленія округомъ не было, то пріютъ этотъ былъ открытъ С. П. на собранныя ею небольшія средства, путемъ частныхъ пожертвованій, спектаклей и т. п.

Когда 1884 году округъ былъ проданъ Н. М. Половцовой, послѣдняя, при первомъ же знакомствѣ съ А. А., обратилась къ нему съ вопросомъ: чтобы она могла сдѣлать для мѣстнаго населенія, въ ознаменованіе ея вступленія во владѣніе округомъ? А. А. разсказалъ ей тогда объ открытомъ его супругой дѣтскомъ пріютѣ, въ коемъ нужда очень велика, но существованіе котораго ничѣмъ не обезпечено, а потому рекомендовалъ Н. М. ассигновать извѣстную сумму на постройку дома для пріюта, а равно ежегодную субсидію на содержаніе пріюта. Н. М. съ удовольствіемъ на это согласилась и ассигновала, согласно представленію А. А., 10,000 рублей единовременно на постройку пріюта и по 4,000 рублей ежегодно на содержаніе его; когда же на слѣдующій годъ супругъ Н. М., Александръ Александровичъ Половцовъ, во время пребыванія своего въ Богословскѣ, посѣтилъ и дѣтскій пріютъ, находившійся еще въ наемномъ помѣщеніи, то по возвращеніи изъ него сказалъ С. П., что это первый пріютъ изъ видѣнныхъ имъ, который ведется на такомъ разумномъ основаніи, что сообщилъ и супругѣ своей Н. М., которая при встрѣчѣ осенью съ С. П., сказала ей: „Александръ Александровичъ такъ восхвалялъ, какъ вами поставленъ дѣтскій пріютъ въ Богословскѣ, что если бы ассигнованныхъ мною на него средствъ оказалось недостаточно, то пожалуйте не стѣсняйтесь, я вамъ даю картъ-бланшъ на расходы по благотворительности въ округѣ, въ увѣренности, что все, что вы сдѣлаете, будетъ разумно и цѣлесообразно. Пріютъ этотъ дѣйствительно былъ поставленъ очень основательно: помимо преподаванія по программѣ начальныхъ народныхъ училищъ, дѣти обучались различнымъ мастерствамъ, какъ-то: мальчишки учились сапожному дѣлу, столярничали, плели корзины и т. п., дѣвочки учились разнымъ рукодѣліямъ и ходили за коровами, которыя содержались при пріютѣ, лѣтомъ всѣ дѣти работали въ огородѣ, заготовляя овощи на зиму, ходили съ надзирательницей въ лѣсъ за грибами и ягодами, изъ коихъ тоже дѣлались заготовки на зиму, такъ что пріятное соединялось съ полезнымъ и удешевляло содержаніе дѣтей. Учасъ различнымъ мастерствамъ, дѣти работали и для продажи, такъ сапожники шили коты, родъ обуви, употребляемой рабочими,

и они продавались на пріискахъ, плетельщики плели корзины для укупорки бутылей съ еѣрной кислотой, переплетчики переплетали всѣ конторскія книги и различныя вѣдомости; получаемая пріютомъ за эти издѣлья плата окунала расходы на покупку необходимыхъ матеріаловъ и инструментовъ и на плату обучающимъ этимъ мастерствамъ. Обученіе мастерствамъ пріучало дѣтей къ труду и давало имъ кусокъ хлѣба по выходѣ изъ пріюта. Болѣе способныхъ же мальчиковъ, по окончаніи курса однокласснаго училища, посылали въ основанное А. А. торное училище, о которомъ будетъ сказано ниже, и окончивъ курсъ въ этомъ училищѣ, поступали на службу тутъ же въ округѣ, и занимаютъ весьма хорошія мѣста; такъ одинъ изъ подобранныхъ С. П. съ улицы и помѣщенныхъ ею въ пріютъ, окончивъ курсъ въ горномъ училищѣ, поступилъ на рудники и уже нѣсколько лѣтъ состоитъ завѣдующимъ желѣзнымъ рудникомъ, получая около 3,000 рублей въ годъ жалованія, при готовой квартирѣ. Можно себѣ представить, какимъ добромъ такіе люди поминаютъ А. А. и его супругу С. П., выведшихъ ихъ въ люди. Новаго зданія для пріюта строить не пришлось, а когда управленіе округомъ было переведено изъ Турбинскихъ рудниковъ въ Богословскій заводъ, то занимавшееся имъ двухъ-этажное каменное зданіе было предоставлено подъ пріютъ. Такъ какъ въ этомъ зданіи было нѣсколько свободныхъ, совершенно отдѣльныхъ комнатъ, то С. П. открыла въ нихъ родильный пріютъ, преимущественно для рожающихъ дѣвушекъ. Пріютъ этотъ спасъ не одну дѣтскую жизнь.

Какъ ради просвѣщенія, такъ и для развлеченія рабочаго люда, А. А. устроилъ публичныя чтенія съ туманными картинами, которыя посѣщались рабочими очень охотно, особенно чтенія на историческія темы. Первую лекцію А. А. прочиталъ самъ о 25-лѣтіи царствованія Императора Александра II-го, а затѣмъ читали и другіе служащіе въ округѣ инженеры. Очень интересно, какъ А. А. получилъ разрѣшеніе на эти чтенія. Въ то время народныя чтенія были подъ строгимъ контролемъ правительства и разрѣшались съ большимъ трудомъ; будучи въ Перми, А. А. обратился лично къ губернатору, съ которымъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ, съ просьбой о разрѣшеніи, подъ его личной отвѣтственностью, публичныхъ чтеній съ туманными картинами въ Богословскомъ заводѣ и въ Турбинскихъ рудникахъ; губернаторъ отвѣтилъ, что разрѣшеніе на публичныя чтенія онъ дать не можетъ, такъ какъ это разрѣшеніе можетъ дать только попечитель учебнаго округа, въ дан-

номъ случаѣ оренбургскій, но такъ какъ обращеніе въ Оренбургъ къ попечителю возьметъ очень много времени, да и не извѣстно еще дастъ, онъ его или пѣтъ, то губернаторъ посовѣтовалъ А. А. подать ему прошеніе о разрѣшеніи не публичныхъ чтеній съ туманными картинами, а на устройство туманныхъ картинъ съ объясненіями, такъ какъ въ такомъ случаѣ это можетъ быть отнесено къ публичнымъ зрѣлищамъ, каковыя разрѣшаются мѣстной полиціей, а потому, получивъ отъ А. А. прошеніе, по указанной имъ формѣ, онъ немедленно написалъ мѣстному исправнику, чтобы тотъ безпрепятственно разрѣшалъ подобныя зрѣлища. Помимо просвѣщенія мѣстныхъ рабочихъ эти чтенія приносили еще ту пользу, что до нѣкоторой степени удерживали отъ пьянства, единственнаго до того развлечения для простаго люда; такъ какъ люди въ нетрезвомъ видѣ на чтенія не допускались, то многіе завзятые пьяницы воздерживались отъ выпивки, чтобы вечеромъ попасть на чтеніе, которое ихъ очень занимало.

Для развлечения же служащихъ и прочихъ обывателей, какъ въ Богословскомъ заводѣ, такъ и въ Турьинскихъ рудникахъ, изъ подходящихъ зданій были устроены театры, въ коихъ давались представленія любителями, между которыми оказались люди не безъ таланта. Эти представленія посѣщались съ большимъ удовольствіемъ и рабочими, хотя входъ былъ платный, такъ какъ представленія эти всегда давались съ какой-нибудь благотворительной цѣлью, а кромѣ того часть сбора шла на усиленіе театральнаго имущества. Особеннымъ успѣхомъ пользовались всегда устраиваемые супругой А. А. концерты съ живыми картинами.

Наибольшую же пользу, въ смыслѣ просвѣтительномъ, принесло основанное А. А. Турьинское горное училище. Сельское общество Турьинскихъ рудниковъ, имѣвшихъ около 12.000 жителей, ходатайствовало объ открытіи земствомъ двухкласснаго народнаго училища, соглашаясь на свой счетъ построить зданіе для сего училища; такъ какъ земство этого ходатайства не уважило, а тѣмъ временемъ Богословскій округъ перешелъ во владѣніе Н. М. Половцовой, охотно дававшей средства на дѣйствительныя общественныя нужды, то А. А., съ разрѣшенія послѣдней, вошелъ въ соглашеніе съ Турьинскимъ сельскимъ обществомъ, чтобы оно дало средства на постройку зданія для училища, но не двухкласснаго, а горнаго техническаго училища, а средства на содержаніе училища будетъ отпускать владѣлица округомъ; общество на это, разумѣется, охотно пошло, ассигно-

вало деньги на постройку здания для училища, каковое и было построено по проекту, составленному А. А., коимъ былъ составленъ и уставъ училища и представленъ на утверждение въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, а симъ послѣднимъ внесено въ Государственный Совѣтъ, по разсмотрѣніи коимъ уставъ удостоился Высочайшаго утвержденія. Училище это было 4-хъ-классное, и принимали въ него окончившихъ курсъ въ одно-классномъ народномъ училищѣ, или выдержавшихъ экзаменъ по программѣ симъ училищъ, при чемъ и окончившіе курсъ одно-класснаго училища подвергались передъ поступленіемъ въ горное училище провѣрочному экзамену. Первые два класса были общеобразовательными, и въ нихъ преподаваніе шло по программѣ второго класса двухклассныхъ народныхъ училищъ, но съ нѣкоторыми добавленіями; послѣдніе же два класса были спеціальныя, и въ нихъ преподавались всѣ предметы, имѣющіе отношеніе къ горному и горнозаводскому дѣлу; во время прохожденія курса въ училищѣ никакихъ практическихъ работъ на рудникахъ и заводахъ воспитанникамъ не полагалось, а по окончаніи четырехлѣтняго курса, каждый воспитанникъ долженъ былъ выбрать себѣ по своему вкусу спеціальность и проработать по этой спеціальности простымъ рабочимъ два года, по окончаніи каковыхъ сдавалъ экзаменъ по этой спеціальности и лишь по сдачѣ сего экзамена получалъ дипломъ объ окончаніи курса и связанныя съ симъ дипломомъ права по отбыванію воинской повинности. Такъ какъ большинство воспитанниковъ горнаго училища были сыновьями простыхъ горнорабочихъ, которымъ было бы трудно содержать ихъ въ возрастѣ 16—17 лѣтъ, въ каковомъ они кончали теоретическій курсъ, при отсутствіи заработка съ ихъ стороны, то въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ практическихъ занятій, практикантамъ выдавалось по 15 руб. въ мѣсяцъ жалованія. Благодаря разнообразію производствъ въ Богословскомъ округѣ, выборъ спеціальностей былъ очень разнообразный и такъ какъ этотъ выборъ мальчики дѣлали, ознакомившись уже теоретически съ различными спеціальными предметами, то они могли дѣлать этотъ выборъ болѣе сознательно, выбирая тотъ предметъ, который имъ больше нравился. За 28 лѣтъ существованія этого училища въ немъ окончилъ курсъ нѣсколько сотъ человѣкъ и большинство изъ окончившихъ въ немъ курсъ служатъ въ самомъ Богословскомъ округѣ, получая жалованія отъ 600 до 3.000 рублей въ годъ, а многіе получали мѣста и въ другихъ округахъ Урала и даже на югѣ Россіи, въ чемъ имъ способствовалъ А. А. 24-го октября 1910 г.

училище это справляло свой 25-лѣтній юбилей и, уступая настоятельной просьбѣ бывшихъ воспитанниковъ сего училища, А. А. прибылъ ко дню юбилея въ Турьинскіе рудники, гдѣ на торжественномъ актѣ была устроена самая горячая, задухновенная встрѣча основателю и бывшему директору училища А. А. Ауэрбаху.

Несмотря на большое состояніе, коимъ обладала Н. М. Половцова, свободныхъ наличныхъ средствъ на постройку Надеждинскаго завода было недостаточно и пришлось прибѣгать къ займамъ, а потому, чтобы имѣть возможность устроить долгосрочный заемъ, въ 1896 году было учреждено акціонерное общество подъ фирмой: Богословское горнозаводское общество, получившее право по своему уставу выпустить на 8 миллионъ рублей облигацій. Съ переходомъ Богословскаго округа въ собственность названнаго общества, было выбрано правленіе, въ коемъ А. А. занялъ мѣсто директора, распорядителя. За двѣнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ А. А. управлялъ Богословскимъ округомъ, по довѣренности Н. М. Половцовой, какъ единоличной владѣлицы округомъ, у него не было никакихъ, самыхъ малѣйшихъ, несогласій ни съ самой владѣлицей, ни съ ея супругомъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ея главнымъ довѣреннымъ; когда же округъ перешелъ въ собственность акціонернаго общества, то стали возникать частныя недоразумѣнія между А. А. и А. А. Половцовымъ, изъ-за того, что послѣдній не могъ примириться съ тѣмъ, что въ своихъ дѣйствіяхъ онъ долженъ руководствоваться уставомъ общества и никакихъ распоряженій по дѣламъ округа иначе отдавать не можетъ, какъ чрезъ законно созванное общее собраніе акціонеровъ, несмотря на то, что его супруга была чуть не единственнымъ акціонеромъ общества; послѣ нѣсколькихъ такихъ разногласій А. А. отказался отъ дальнѣйшаго руководства дѣлами Богословскаго округа и посвятилъ себя исключительно своему собственному дѣлу, т. е. ртутному, основанному имъ еще въ 1885 году.

Мѣсторожденіе ртутныхъ рудъ было открыто въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи горнымъ инженеромъ А. В. Миненковымъ, который составилъ товарищество изъ мѣстныхъ дѣятелей для развѣдки и разработки этого мѣсторожденія. Несмотря на то, что произведенныя Миненковымъ развѣдки дали довольно благопріятные результаты, компаніоны его плохо вѣрили въ успѣхъ ртутнаго дѣла и отъ разработки его отказались, и Миненковъ долженъ былъ нарушить договоръ, за-

ключенный имъ съ крестьянами, на землѣ коихъ мѣсторожденіе было найдено. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Миненковъ, отправился въ Петербургъ, для пріисканія себѣ мѣста, и между прочимъ обратился и къ А. А., съ которымъ былъ давно знакомъ. А. А. подробно разспросилъ его о произведенныхъ имъ развѣдочныхъ работахъ ртутнаго мѣсторожденія и, выслушавъ Миненкова, сказалъ ему: „если вы не увлекаетесь, что свойственно всякому открывателю, то подождите искать другое дѣло, а возвращайтесь на югъ и подготовьте крестьянъ къ заключенію по-ваго съ ними договора и какъ только сойдетъ снѣгъ и возможно будетъ осмотрѣть произведенныя вами работы, увѣдомьте меня и я немедленно приѣду къ вамъ, для личнаго осмотра, и если все окажется такъ, какъ вы говорите, то я денегъ на продолженіе работъ найду“. Г. Миненковъ послѣдовалъ совѣту А. А., а въ февралѣ мѣсяцѣ А. А. получилъ уже отъ него телеграмму, что снѣгу пѣтъ и осмотрѣть мѣсторожденіе можно. Заручившись согласіемъ нѣкоторыхъ своихъ пріятелей войти съ нимъ въ компанію по ртутному дѣлу, А. А. немедленно же выѣхалъ на мѣсто и, убѣдившись, что мѣсторожденіе дѣйствительно заслуживаетъ полнаго вниманія, возобновилъ контрактъ съ крестьянами, и немедленно же приступили къ продолженію развѣдочныхъ работъ, каковыя шли настолько успѣшно, что уже осенью того же года можно было приступить къ закладкѣ шахты, а въ началѣ 1886 года А. А., вмѣстѣ съ г. Миненковымъ отправился за границу, въ Идрію въ Австріи и въ Альмаденъ въ Испаніи, для ознакомленія со ртутнымъ производствомъ. По его словамъ, онъ въ Идріи учился, какъ надо обрабатывать ртутныя руды, а въ Альмаденѣ видѣлъ, какъ не слѣдуетъ этого дѣлать, до того тамъ примитивны всѣ устройства. По возвращеніи изъ-за границы А. А. принялся за составленіе проекта завода, а съ весны по его проекту было приступлено къ постройкѣ его и къ концу года заводъ былъ готовъ, и 14 декабря 1886 года, послѣ торжественнаго молебствія, было приступлено къ обжигу рудъ. Первоначально заводъ былъ построенъ въ размѣрахъ, соответствующихъ потребленію ртути въ Россіи, т.-е. на годовичную производительность ртути около 4.000 пудовъ, и за 1887 годъ было получено ртути 3,911 пудовъ; но убѣдившись въ томъ, что при цѣнѣ, въ какую обходится ртуть на построенномъ имъ заводѣ, она можетъ быть съ успѣхомъ вывозима за границу, А. А. немедленно же приступилъ къ увеличенію завода и съ каждымъ годомъ добыча ртути все увеличивалась и въ 1897 году достигла 37.600 пудовъ за годъ. Въ „Горномъ журналѣ“ за 1888 годъ, т. II № 4,

помѣщено, составленное А. А., описаніе ртутнаго рудника и построеннаго имъ завода. За постройку перваго въ Россіи ртутнаго завода, А. А. былъ награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Такъ какъ ртутные рудники и заводъ находились на землѣ, арендованной у крестьянъ, срокомъ на тридцать лѣтъ, а затраты на рудничныя и заводскія устройства достигли довольно крупныхъ размѣровъ, то естественно явилось стремленіе пріобрѣсти арендованное мѣсторожденіе въ собственность, и послѣ долгихъ усилій въ 1894 году А. А. удалось, наконецъ, войти въ соглашеніе съ крестьянами-собственниками земли, на коей находились ртутные рудники и заводъ, и участокъ въ 500 десятинъ былъ пріобрѣтенъ Товариществомъ Ртутнаго Производства А. Ауэрбахъ и К^о въ собственность, на каковой предметъ А. А. исходатайствовалъ ссуду изъ Государственнаго Банка въ размѣрѣ 500.000 рублей. Такъ какъ значительная часть дохода, даваемого предприятиемъ, уходила на уплату процентовъ и погашеніе по ссудѣ Государственнаго Банка, то было рѣшено преобразовать товарищество на вѣрѣ въ акціонерное общество, съ правомъ выпуска облигацій, что и состоялось осенью 1896 года. Изъ вырученнаго реализаціей облигацій капитала, прежде всего былъ покрытъ долгъ Государственному Банку, а остальная часть его была оставлена какъ оборотныя средства общества. А. А. былъ главнымъ акціонеромъ общества, положивъ въ это дѣло всѣ свои сбереженія и крупную премію (125.000 рублей), полученную имъ отъ Н. М. Половцовой за постройку Надеждинскаго завода, и съ учрежденіемъ акціонернаго общества былъ избранъ его директоромъ-распорядителемъ. Еще въ 1891 году, чтобы обезпечить ртутный заводъ необходимымъ ему топливомъ, А. А. заарендовалъ, рядомъ со ртутнымъ заводомъ, очень хорошее угольное мѣсторожденіе, каковое до 1902 года эксплуатировалось въ скромномъ размѣрѣ, т.-е. въ предѣлахъ потребленія угля ртутными рудниками и заводомъ, а въ 1900 году онъ воспользовался предложеніемъ Управленія желѣзныхъ дорогъ заключить контрактъ на поставку казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ каменнаго угля въ количествѣ 50 милліоновъ пудовъ въ теченіе 6 лѣтъ, съ выдачей обществу безпроцентнаго аванса въ размѣрѣ 500.000 р. на расширеніе рудника общества и съ обязательствомъ начать поставку угля въ 1902 году. Заключая этотъ контрактъ, А. А. разсчитывалъ, что благодаря полученію вышеуказаннаго аванса общество въ состояніи будетъ оборудовать свой рудникъ на добычу 20 милліоновъ пудовъ въ годъ и что при поставкѣ 10 мил-

ліоновъ пудовъ угля по дешевой контрактной цѣнѣ на казенныя желѣзныя дороги, будетъ оставаться еще 10 милліоновъ пудовъ на продажу по болѣе высокой цѣнѣ частнымъ покупателямъ и что прибыль отъ этой продажи покроетъ съ избыткомъ ту сумму, которая удерживалась казною въ погашеніе выданнаго обществу аванса. Разсчетъ А. А. оправдался бы, если бы не явившаяся совершенно неожиданно война съ Японіей и послѣдовавшее за ней освободительное движеніе съ забастовками желѣзныхъ дорогъ и рабочихъ. Война съ Японіей такъ отвлекла подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ, что углепромышленники съ трудомъ получали не болѣе половины количества вагоновъ, потребныхъ имъ для перевозки угля, вслѣдствіе чего и рудники А. Ауэрбаха и К^о получали лишь то количество вагоновъ, какое было необходимо для перевозки угля на казенныя желѣзныя дороги, пользовавшіяся преимущественнымъ правомъ на полученіе вагоновъ подъ уголь, а для отправки угля частнымъ покупателямъ вагоновъ не получали, и потому нечѣмъ было покрывать тотъ недоборъ на казенной поставкѣ, который получался за удержаніемъ изъ платежей, за поставленный желѣзнымъ дорогамъ уголь, погашенія по выданному Управленіемъ желѣзныхъ дорогъ авансу; къ тому же въ это время упало и содержаніе ртути въ рудахъ, такъ что и ртуть прибили не давала. Забастовки же вызвали сокращеніе добычи угля и его вздорожаніе, что еще болѣе увеличило убытки общества, приведшіе его къ задолженности и къ учрежденію по его дѣламъ администраціи. А. А. усиленно хлопоталъ о поддержкѣ ртутнаго дѣла правительствомъ, и нельзя не удивляться, что правительство не нашло возможнымъ поддержать этотъ единственный въ Россіи ртутный заводъ, тогда какъ одновременно поддерживало другіе заводы, менѣе заслуживающіе поддержки, какъ, напримѣръ, Холуницкіе Поклевскаго-Козель, на которые казною было потрачено около 2 милліоновъ рублей совершенно безрезультатно и съ потерей для казны, тогда какъ, по словамъ А. А., для поддержанія ртутнаго завода было достаточно всего 300.000 руб. Съ учрежденіемъ администраціи по дѣламъ общества Ртутное Дѣло А. Ауэрбахъ и К^о, А. А., будучи однимъ изъ главныхъ кредиторовъ общества, былъ избранъ предсѣдателемъ администраціи, но ничего для общества сдѣлать не могъ, за полнымъ отсутствіемъ средствъ, и въ концѣ концовъ счелъ за лучшее, ради спасенія дѣла, продать свои акціи, по необычайно низкой цѣнѣ, въ сильныя финансовыя руки, скупившія всѣ претензіи къ обществу, послѣ чего администрація была снята,

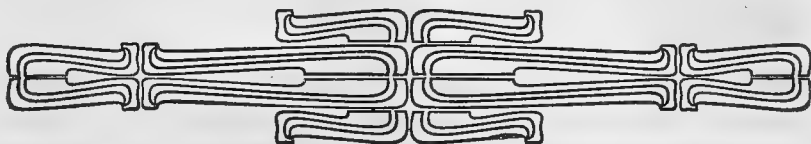
выбрано новое правленіе, въ которое вошелъ и А. А. въ качествѣ члена правленія, каковымъ состоитъ и сейчасъ, и дѣла общества начинаютъ поправляться. Для характеристики А. А., слѣдуетъ указать на слѣдующій фактъ: наибольшей высоты цѣна акцій общества достигла въ 1898 году, когда за 1897 годъ былъ выданъ довольно крупный дивидендъ, послѣ чего на биржѣ было большое требованіе на эти акціи, за которыя предлагали по 350 руб. за акцію, при номинальной ихъ стоимости въ 125 руб. золотомъ или 187 руб. 50 коп. кредитныхъ; къ А. А. приставали, чтобы онъ продалъ хотя часть своихъ акцій, каковыхъ у него было свыше 4.000 штукъ, но онъ не продалъ ни одной, что еще болѣе вызывало требованіе на эти акціи, такъ какъ отказъ А. А. продать хотя бы часть своихъ акцій объясняли тѣмъ, что онъ рассчитываетъ на еще болѣе большой дивидендъ за текущій годъ; въ дѣйствительности же А. А. не продалъ ни одной акціи на томъ основаніи, что какъ директоръ-распорядитель общества онъ зналъ, что за 1898 годъ дивидендъ не только не будетъ больше, чѣмъ за 1897 годъ, но будетъ значительно ниже и что, слѣдовательно, когда отчетъ за 1898 годъ будетъ опубликованъ, акціи сильно упадутъ въ цѣнѣ. Большинство дѣльцовъ на его мѣстѣ поторопились бы продать свои акціи и положить въ карманъ свыше милліона рублей, А. А. же, считая такую продажу недобросовѣстною, ни одной акціи не продалъ и вмѣсто того, чтобы нажить милліонъ рублей на этомъ дѣлѣ, разорился, такъ какъ при продажѣ акцій въ то время, когда по дѣламъ общества существовала администрація, онъ получилъ за свои акціи лишь ту сумму, за которую онъ были заложены въ банкѣ.

Когда А. А. началъ свое ртутное дѣло, онъ сталъ опять принимать дѣятельное участіе въ сѣздѣ горнопромышленниковъ юга Россіи, каковой его снова избралъ своимъ уполномоченнымъ, коимъ онъ состоитъ и по нынѣ, для участія въ разныхъ правительственныхъ совѣщаніяхъ и комиссіяхъ по дѣламъ, имѣющимъ отношеніе къ горной промышленности; а въ 1899 году, когда сѣздъ праздновалъ 25-тилѣтіе своего существованія, онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ совѣта сѣзда. Затѣмъ, въ теченіе многихъ лѣтъ онъ былъ, по Высочайшему назначенію, членомъ Совѣта по желѣзнодорожнымъ дѣламъ и Совѣта Тарифнаго. Участвуя въ разныхъ междувѣдомственныхъ комиссіяхъ, въ качествѣ уполномоченнаго южнаго сѣзда, А. А. пришелъ къ заключенію, что вмѣсто этихъ комиссій, собираемыхъ то при одномъ министерствѣ, то при другомъ, было бы

цѣлесообразнѣе учредить при Министерствѣ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, въ вѣдѣніи котораго находилось тогда горное вѣдомство, Совѣтъ по горнопромышленнымъ дѣламъ, состоящій изъ представителей всѣхъ вѣдомствъ и выборныхъ отъ всѣхъ горнопромышленныхъ сѣздовъ. Разработавъ, совместно съ другимъ крупнымъ дѣятелемъ на югѣ Россіи, Н. С. Авдаковымъ, проектъ положенія такого Совѣта, они представили этотъ проектъ на усмотрѣніе Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. По разсмотрѣніи сего проекта въ особомъ совѣщаніи при Министерствѣ и по одобреніи его самимъ министромъ, онъ былъ внесенъ послѣднимъ въ Государственный Совѣтъ, а 7 іюня 1904 года удостоился Высочайшаго утвержденія. Совѣтъ по Горнопромышленнымъ Дѣламъ является первымъ правительственнымъ учрежденіемъ, съ участіемъ въ немъ съ правомъ голоса членовъ, избранныхъ промышленными организаціями. Съ самаго учрежденія Совѣта по Горнопромышленнымъ Дѣламъ и по настоящее время А. А. состоитъ членомъ его, по выбору сѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи.

Въ прошломъ году А. А. принялъ на себя новыя обязанности, предсѣдателя правленія Инзерскаго Горнозаводскаго Общества, владѣющаго чугуноплавильными заводами въ южномъ Уралѣ. Такъ какъ заводы эти лишены удобнаго пути для вывоза своихъ произведеній, то А. А. хлопочетъ о разрѣшеніи на постройку желѣзной дороги отъ Уфы чрезъ Верхнесурадьскъ на Троицкѣ, которая должна захватить принадлежащія Инзерскому Обществу заводы, а равно и другіе заводы южнаго Урала. Дорога эта, составляя прямое продолженіе на востокъ Волго-Бугульминской желѣзной дороги, соединитъ кратчайшимъ путемъ центральную Россію со степнымъ краемъ, а потому будетъ имѣть большое значеніе не только какъ мѣстная дорога, но и какъ транзитная. Разрѣшеніе на производство изысканій означенной желѣзной дороги уже получено А. А. и изысканія производятся осенью же сего года, подробный проектъ дороги будетъ представленъ въ Министерство Путей Сообщенія, и нельзя не пожелать полного успѣха А. А. и въ этомъ вновь задуманномъ имъ дѣлѣ.

Сто лѣтъ назадъ ¹⁾.

Извлеченіе изъ писемъ И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову
о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ за октябрь 1813 г.

114.

С.-Петербургъ. Октября 1. 1813.

По партикулярнымъ, т.-е., не самымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, французы оставили Дрезденъ, Баварія съ 30-ю тысячами войска присоединилась къ коалиціи, и Бонапартъ бѣжитъ къ Рейну. *Tout cela doit être confirmé, sans quoi je ne conseille à personne d'y ajouter quelque foi; car j'ai des raison-particuliers à cela.*

Тѣло Моро уже съ воскресенія находится въ Царскомъ Селѣ. Сегодня привезутъ его сюда ночью безъ церемоніи въ католическую церковь. Въ субботу съ почестями, подобающими полному генералу, предадутъ его землѣ во внутренности помянутой церкви, противъ мѣста, гдѣ погребенъ король польскій. Сумма для церемоніи назначена не весьма задорная. Изъ нея 5 тысячъ употреблено на гробъ.—Рапатель, адъютантъ Моро, не можетъ безъ слезъ произносить имя благодѣтеля своего. Я надѣюсь имѣть случай говорить съ нимъ.

115.

С.-Петербургъ. Октября 3. 1813.

Адмиралъ Грейгъ, командующій флотилією предъ Данцигомъ, прислалъ на куттерѣ отъ 22-го сентября въ партику-

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1913 г.

лярномъ письмѣ къ здѣшнему банкиру Андерсону важное извѣстіе, что генераль Блюхеръ въ соединеніи съ графомъ Платовымъ напалъ на арьергардъ отступающей къ Лейпцигу изъ Дрездена французской арміи, и не только разбилъ, но истребилъ его совершенно. Командовавшій онымъ герцогъ Падуанскій (корсиканцевъ родичъ Ариги) съ двумя генералами, множествомъ офицеровъ и 13-ю тысячами взятъ въ плѣнъ, да кромѣ другихъ вещей отбито болѣе 40 пушекъ.

Wie gefällt Ihnen der brave Blücher?

Здѣсь уже говорятъ, что король Пруссій пожаловалъ его фельдмаршаломъ, а нашъ Государь пожаловалъ ему 1-й степени Георгія. Поздравляю васъ, любезнѣйшій человѣкъ, съ тою важною побѣдою, которая сблизитъ изверга съ карачуномъ.—Виртембергцы также уже на нашей сторонѣ.

Дрезденъ по всѣмъ соображеніямъ въ нашихъ рукахъ. Такъ говорить и весь городъ.

Изъ Кенигсберга есть по эстафетѣ извѣстіе, что Модлинская крѣпость сдалась русскимъ войскамъ подъ начальствомъ генерала Рата.

Моро вчера съ погребень. Множество было въ католической церкви по билетамъ. Военный парадъ состоялъ изъ двухъ баталіоновъ и нѣсколькихъ пушекъ. При погруженіи гроба въ могилу былъ ружейный и пушечный огонь. Я проходилъ въ то самое время мимо церкви.

116.

Октября 4. 1813.

Я бы желалъ видѣть теперь игру воображенія корсиканскаго изверга. Его бьютъ какъ послѣднюю каналью: неужели фантазируетъ онъ, что одерживаетъ побѣду и покрывается славою? Совѣтую ему упоеваться еще сладостнѣйшими мечтами, а между тѣмъ дать себя токмо убить.—Доживу ли я до сей отрады человѣчества?

Не являлся ли кто къ московскому плац-маіору для сношенія съ Вандамомъ? Поди найдись другой объявленіемъ въ газетахъ замѣнить потовыя мѣры наилучшей полиціи! Crions haut: Rastopschine est aussi inventif que grand.

Хвалила ты, Москва, Еропкина:

Такъ нынѣ возвеличь Растопчина.

117.

Октября 7. 1813.

Раздайтесь, разступитесь, добрые люди! пропустите разстроганнаго, взбѣшеннаго Оденталя ¹⁾! На него страшно и помотрѣть.—Онъ бѣжитъ кинуться въ объятія Булгакова. Въ нихъ хочетъ онъ забыть свои огорченія, перевести духъ. Не спрашивай однакоже тому причинъ. *J'en veux faire un mystère.* Дай Господи, только доброю манерою разстаться. Желаю сумасшедшей всякаго блага. Но не могу не сожалѣть о ней. Я ей былъ истинный другъ. Увѣренъ, что она другого подобнаго мнѣ ни съ которой стороны не найдетъ. Тѣмъ большаго достойна она сожалѣнія. Достойна еще большаго состраданія невинный, рѣдкій малютка, изъ котораго подъ добрымъ руководствомъ могъ бы выйти необыкновенный человекъ.—Противъ судебъ вышнихъ нельзя никому итти!—Такъ тому и быть!

118.

Октября 8. 1813.

Горло у меня захватило; лихорадочные припадки уже появились, голова болить чрезвычайно, поясницу ломаетъ почечуй: но что все это въ сравненіи съ волненіемъ моего духа! Берегу моего чувствительнаго Александра Яковлевича. Довольно сказать ему, что я уже со вчерашняго дня разлученъ съ Митю и—не буду его видѣть!!!

119.

Октября 10. 1813.

Теперь-то можно меня, а не газету Пезаровіусову, назвать приличнѣе инвалидомъ.—Такъ угодно Создателю моему: надобно и за то благодарить Его.

Новаго, любопытнаго, важнаго ничего не знаю. Фельдгеръ изъ гл. квартиры Монарха нашего еще не пріѣхалъ,

¹⁾ Письмо это написано послѣ постигшаго И. П. Оденталя семейнаго несчастія: онъ разошелся съ женой, которая взяла къ себѣ и любимаго его сына Митю.

вѣрно за пропастными дорогами отъ страшныхъ дождей. Извѣстіе адмирала Грейга о важной побѣдѣ, одержанной Блюхеромъ, къ общему и величайшему сожалѣнію не подтвердилось.

120.

С.-Петербургъ, Октября 14. 1813.

Обрадованъ безмѣрно полученіемъ посланія отъ любезнѣйшаго моего Александра Яковлевича послѣ возвращенія его изъ Подмосковной.

Не забудьте успокоить меня: лучше ли Патриоту ¹⁾ по изверженіи желчи? Пойду между тѣмъ, за него молиться завтра къ Казанской.

Sachez et gravez dans votre mémoire que cet homme est le dernier soutien dans ce temps de la Russie. Не накази насъ, Господи!—Совѣтомъ Трощинскаго, а дѣйствіемъ Ростопчина Россія можетъ возвеличиться паче прежняго.

Изъ новостей знаю токмо то, что Грейгъ удаленъ отъ начальства флотиліею предъ Данцигомъ. Вотъ какихъ достойныхъ людей нынѣ приводятъ въ бездѣйствіе!

121.

Октября 15. 1813.

Не въ пору появившаяся зима сегодня ливнетъ. Снѣгъ, превращающійся въ обильную воду, грязнитъ дороги болѣе прежняго, а распутица и безъ возобновленія сильно уже надобла въ нынѣшнюю осень. Фельдъегерей во время ненастья множество заболѣло, и наша почтовая больница набита хворыми почтальонами.

Фельдъегерь отъ Государа пріѣхалъ изъ Хемница. При отправленіи его выступали однако же оттуда далѣе. Онъ привезъ Кассельскіе ключи, да поздравительное письмо къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ съ днемъ Ея рожденія.

Идутъ впередъ очень осторожно, слѣдовательно, и весьма медленно. Злодѣю хочется заманить союзныя арміи въ такія мѣста, гдѣ бы могъ принудить ихъ къ генеральному сраженію, а тѣ выбираютъ на каждомъ шагѣ такія позиціи, въ коихъ

¹⁾ Графу Ѳ. В. Ростопчину.

бы можно было избѣгнуть онаго. Par ce moyen on parviendra à terrasser le monstre.

Опочининъ, женатый на дочери покойнаго Смоленскаго князя, узнавъ достоверно, что вдовѣ Моро данъ отъ щедротъ Монаршихъ пенсіонъ, превышающій тотъ, который получаетъ княгиня Смоленская, поскакалъ въ главную квартиру хлопотать о прибавкѣ къ меньшему пенсіону.

122.

С.-Петербургъ. Октября 17. 1813.

Средовое прибавленіе получите, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, сего дня вмѣстѣ съ настоящимъ номеромъ. Я какъ-то, не по моему, а по новому неизвѣстному распоряженію, опоздалъ на тяжелую. Министръ нашъ во всё вмѣшался и всё поставилъ вверхъ дномъ.

Еще пріѣхалъ фельдъегерь отъ нашего Монарха изъ Алт-енбургга. Поелику онъ прибылъ не въ четвертый день, какъ обыкновенно курьеры отъ Государя отправляются, то изъ того и заключили, что посланъ съ важными извѣстіями. Изобрѣтатели новостей тотчасъ сочинили на бумагѣ чрезвычайныя побѣды, и именно, будто-бы Беннигсенъ разбилъ на голову французовъ; кромѣ непомѣрнаго числа убитыхъ на мѣстѣ, взялъ 8 тысячъ въ плѣнъ съ нѣсколькими знаменами, да отбилъ 50 пушекъ. Прочихъ маловажныхъ трофеевъ за огромностію не успѣли еще при отправленіи курьера и пересчитать. Этого мало! Гр. Витгенштейнъ въ другомъ какомъ-то мѣстѣ явилъ чудеса, кои превосходятъ всякое вѣроятіе.—И этого недовольно! Князь Шварценбергъ гдѣ-то въ третьемъ пунктѣ расчесалъ наполеонцевъ.

Ich kann meinen vielgeschätzten Freund versichern, daß es ganz und gar nicht an dem ist.

Фельдъегерь послѣдній ничего подобнаго не привезъ, а что онъ дѣйствительно привезъ, того не знаю.—Злодѣй напираетъ опять на Берлинъ. Въ дополнительномъ листѣ къ *Ивалду* дали мы сему движенію его совсѣмъ другой оборотъ. Vous en sentirez les raison plus qu'un autre. Les gazetiers politiques doivent avoir un compos à eux.

Вранья у насъ пропасть, а путнаго ничего. Теперь узналъ я достоверно, что и то соврано, будто-бы Грейгъ удаленъ отъ

командованія флотиліею: напротивъ того, онъ самъ просится, чтобъ его отъ настоящей экспедиціи уволили. Такъ же и то несправедливо, будто бы тарифъ обѣщанъ съ Новаго года англичанамъ такой, которымъ останутся они совершенно довольны. *Que voulez-vous que je fasse!* Что слышу, то и передаю; что опровергается, то и я долженъ предъявлять несправедливымъ.

123.

С.-Петербургъ. Октября 21. 1813.

Любезный, драгоценный другъ!

Здѣсь копія съ экстраблатта.—Но что значить и сей послѣ полученныхъ сей часъ извѣстій по эстафетѣ.—Лейпцигъ взятъ приступомъ. 35 тысячъ плѣнныхъ, 180 пушекъ и несмѣтное множество всякой добычи—суть наши трофеи. Этого мало! Захвачены маршалъ Макдональдъ, генералы: Лористонъ, Сугамъ, Ренъ, Вертрандъ и еще другіе, коихъ имена еще неизвѣстны; но всего числомъ съ маршаломъ 14.—Не положили наши охулки на стараніе свое. Великъ російскій Богъ! Торжествуетъ правое, священное дѣло!—Одного жаль! Злодѣй далъ тягу. Однажъ послѣ эдакаго пораженія не здобровать ему!—Какъ буду я счастливъ, ежели вы чрезъ перваго меня узнаете о толь важномъ событіи. Силъ нѣтъ писать больше. Увѣдомьте именемъ моимъ благодѣтеля моего Ив. Петровича Архарова о такой радости.

Ура! Ура! Ура!

Que le diable emporte Vandamme! не до него теперь. *Raison de lui une autre fois. Vous voyez que je suis fou.* Тра-ла-ла-ла! Ай, люшеньки-лю! Ти-ри-рехъ-рехъ!—Забылся!—Король Саксонскій въ Лейпцигъ отдался въ наше покровительство.—Думаютъ, что князь Понятовскій убитъ.

124.

С.-Петербургъ. Октября 24. 1813.

Изверга преслѣдуютъ, и такъ, что цѣлыя корпуса легкой конницы его уже вывели и разломали мосты; со всѣхъ сторонъ по пятамъ идутъ за остатками его силъ всѣ три побѣдоносныя арміи. Отъ 36-ти тысячъ баварцевъ, которые находились подъ распоряженіемъ корсиканца и которые не были

въ роковомъ сраженіи, а стояли ближе къ Рейну, ожидаютъ теперь послѣдняго окончанія; ибо коль скоро наши летучіе отряды, нарочно къ нимъ посланные, объявятъ о присоединеніи короля ихъ къ сторонѣ защитниковъ независимости Европы, то и они ударятъ на бѣгущихъ въ безпорядкѣ французовъ, которыхъ ведетъ Наполеонъ на соединеніе съ ними. Онъ долженъ съ тѣлохранителями своими попасться какъ мышь въ западню. Кажется, что кровопійца помѣшался въ умъ. Во время битвы подъ самымъ уже Лейпцигомъ, видя пораженіе силъ своихъ, ходилъ онъ съ улыбкою по улицамъ и насвистывалъ какую-то пѣсню.

Увѣряютъ также, что будто-бы онъ сказалъ за часъ до взятія Лейпцига: „eh bien! cette plaisanterie avec le royaume de Westphalie sera également finie bientôt!—Полоненнаго Мерфельдта прислалъ онъ тотчасъ Императору Австрійскому и просилъ, чтобъ за него возвратили ему *Сахара Вандама*. Мерфельдтъ былъ принятъ, но отвѣта Наполеону никакого не дано. Въ берлинскихъ газетахъ названъ Вандамъ при семъ случаѣ:

Russfreund von Napoleon.

Предъявить должно скорѣе письмо Вандамово къ наслѣдному принцу Шведскому. Пусть увидятъ существующую между двумя чудовищами дружбу.

Валю черезъ пень колоду. Императрица Марія Теодоровна изволила вчера съ тотчасъ послѣ молебствія прислать въ кассу инвалидовъ 13 тысячъ руб. для раздачи увѣчнымъ подъ Лейпцигомъ. О мать россійскихъ защитниковъ! Приказала и скрыть имя свое.—Такъ невидимая благость изливается съ небесъ на страждущихъ и уповающихъ на Господа и служащихъ вѣрою и правдою Государю своему! Кончу, ибо и бумага вся, да и чтобы написалъ вамъ, то найдете уже печатаннымъ.

125.

Октября 25. 1813.

Причесанный нынѣшній Инвалидъ не моими руками распудренный и убранный въ бѣлки витѣватымъ коллабораторомъ моимъ съ помощью другихъ переводчиковъ, которые соглашались къ моимъ статьямъ прилѣпливать его Zierräthen ознакомить любезнѣйшаго Александра Яковлевича со всѣми новѣйшими извѣстіями, каковыя токмо получены здѣсь на разныхъ тропинкахъ, путяхъ и дорогахъ. Всѣ они кажутся намъ теперь имовѣрными; однакоже совѣтую всякому подождать официальныхъ подтвержденій. Довольно и предовольно и тѣхъ событій,

которымъ безъ малѣйшаго сомнѣнія можно уже радоваться до восхищенія.

126.

С.-Петербургъ. Октября 28. 1813.

Новости всѣ найдете въ приложеніяхъ. Большихъ я самъ не знаю, и—о томъ скорблю, ибо ожидалъ важнѣйшихъ послѣдствій отъ нанесеннаго у Лейпцига пораженія врагу рода человѣческаго.

Здѣсь перехватили себѣ ножомъ нѣсколько жилъ подъ горломъ лучшій русскій актеръ Яковлевъ. Кажется, онъ уже и умеръ, ежели вѣрить, что пришедшіе ко мнѣ сейчасъ говорятъ. О немъ всѣ сожальють.

127.

Октября 29. 1813.

За часъ пришла иностранная почта. Непріятель преслѣдуется. Были довольно значущія дѣла, въ коихъ союзныя войска, какъ естественно, оставались побѣдителями. Есть и новыя добычи. Кажется, что Наполеонъ изъ Эрфурта хочетъ пробраться къ Рейну. Истребленіе остальныхъ силъ его зависить отъ соединенія богемской арміи съ генераломъ Вреде на Майнѣ. Буде успѣють предупредить на семъ пунктѣ отступающаго злодѣя, то достанется ему по всему.

Новыхъ фельдъегерей изъ арміи нѣтъ.

128.

С.-Петербургъ. Октября 31. 1813.

Вчера до 9-ти часовъ вечера не было еще фельдъегеря изъ Императорской Гауптквартиры. Это ужъ десятый день, что никто оттуда не является. Сегодня не видалъ никого, и не знаю сказать утвердительно, прибылъ или не прибылъ отъ возлюбленнаго нашего Александра Спасителя Европы кто-нибудь.

Дѣла идутъ хорошо; въ семъ удостовѣритесь изъ прилагаемыхъ у сего печатныхъ извѣстій.

Актеру Яковлеву легче. Надѣются даже, что поврежденіе горла не такъ велико, чтобъ онъ не могъ болѣе по-прежнему играть на театрѣ.

Сообщ. С. Долговъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Записки барона Веліо.

Записки барона Іосифа Іосифовича Веліо, написанныя имъ на французскомъ языкѣ лѣвой рукой, въ бытность его комендантомъ Царскаго Села въ 1862 году и переведенныя его дочерью Эрминіей Іосифовной Лишиной, доставлены въ редакцію, которая предполагаетъ напечатать извлеченія изъ этихъ записокъ. Въ 1821 году баронъ Веліо, будучи офицеромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, былъ командированъ въ Португалію. *Ред.*

Съ 1821 года Цинтра сдѣлалась резиденціею Португальскаго двора и придворныхъ лицъ.

Еще нѣсколько дней я провелъ Лиссабонѣ у г. Мендаза Эскарлотта, затѣмъ, узнавъ отъ нашего уполномоченнаго г. Бореля, что депеши для меня готовы для доставленія въ Лондонъ, я выѣхалъ изъ Лиссабона 17 февраля 1821 г. на томъ же кораблѣ, на которомъ пріѣхалъ. Въ это плаваніе погода благопріятствовала намъ, и мы прибыли въ Фалмутъ 26 февраля.

Въ дилижансѣ King's Mail я доѣхалъ до Лондона, куда прибылъ 1 марта въ 6 час. утра. Мое пребываніе въ Лондонѣ продлилось до 6 апрѣля, тогда я выѣхалъ въ Парижъ.

Я такъ долго остался въ Лондонѣ, благодаря любезному вниманію ко мнѣ нашего посланника князя Ливена. Онъ посоветовалъ мнѣ воспользоваться случаемъ ближе ознакомиться съ Лондономъ, тѣмъ болѣе, что ему достовѣрно было извѣстно, что походъ нашихъ войскъ въ Италію на помощь австрійцамъ не состоится.

8 апрѣля, я прибылъ въ Парижъ и былъ принятъ такъ же любезно, какъ и въ первый разъ нашимъ посланникомъ Поццо-ди-Борго. Но такъ какъ я торопился домой, онъ меня не

задерживалъ и вручилъ мнѣ очень важныя депеши въ Лайбахъ, куда я прибылъ 18 апрѣля. Путь этотъ представляетъ много опасностей для курьера при быстротѣ ѣзды, ибо приходится перебираться черезъ Альпы; особенно опасенъ перегонъ изъ Унтертауера въ Радштатъ. Благодаря Бога, я доѣхалъ благополучно и тотчасъ вручилъ свои бумаги графу Нессельроде, который остался очень доволенъ моею исполнительностью. Мнѣ отвели хорошую квартиру, гдѣ я могъ, наконецъ, отдохнуть; быстрая ѣзда курьеромъ утомила меня, а главная бѣда была въ томъ, что я ужасно страдалъ гемороемъ и только благодаря лѣченію доктора Вейли и его ассистента Тарасова, которыми меня поручилъ самъ Государь Александръ I, я настолько поправился, что могъ представиться Его Величеству. Въ этотъ день дежурилъ генераль-адъютантъ Уваровъ и доложилъ обо мнѣ Государю.

Милостивое и благосклонное обращеніе Государя было всѣмъ извѣстно, но что онъ удостоилъ меня, молодого офицера, такого ласковаго пріема, привело меня въ умиленіе и никогда мною не забудется. Его Величество освѣдомился о моемъ здоровьи, посоветовалъ мнѣ лѣчиться и развлекаться, чтобы внолнѣ отдохнуть съ дороги. Потомъ Государь подробно спросилъ меня обо всемъ, что я видѣлъ, особенно въ Англіи, и я рассказалъ ему о той поразившей меня массѣ оружія, которую тамъ видѣлъ, и что въ одномъ Тауерѣ сложено оружія на 500 тыс. чел. Тутъ, я позволилъ себѣ высказать предположеніе, что несмотря на мирныя сношенія наши съ Англіею, мы не слишкомъ-то можемъ имъ довѣряться. На это Государь сказалъ мнѣ, что я правъ и что мы хорошо знаемъ имъ цѣну. Послѣ этого Его Величество удостоилъ меня разспросами о моемъ пребываніи въ Португаліи. Здѣсь у мѣста объяснить, что когда я собирался въ Португалію, Его Величество сдѣлалъ распоряженіе, чтобы меня отправили сначала въ Лондонъ, ибо въ Петербургѣ уже было извѣстно, что въ Испаніи вспыхнуло возстаніе и что тамъ уже провозгласили конституцію. Когда я выѣхалъ изъ Варшавы, я встрѣтился съ графомъ Валентиномъ Строгановымъ, ѣхавшимъ курьеромъ изъ Мадрида и везшимъ извѣстіе, что и въ Португаліи неспокойно. Если бы это извѣстіе поспѣло до моего отъѣзда, вѣроятно, меня бы не отпустили туда.

Послѣ довольно продолжительной аудіенціи Государь добавилъ:

— Я надѣюсь, что несмотря на все, что ты тамъ видѣлъ,

ты вернулся съ тѣми же чувствами вѣрноподданнаго, котораго я въ тебѣ привыкъ видѣть.

На это я отвѣтилъ:

— Государь, Вы осыпали меня и мою семью такими милостями, что мои вѣрноподданинскія чувства и безграничная преданность Вашему Величеству неизмѣнны и безпредѣльны.

Государь похлопалъ меня по плечу и сказалъ:

— Будь покоенъ, я знаю все твое поведеніе тамъ, и я вполне тобой доволенъ.

Послѣ этихъ словъ онъ милостиво отпустилъ меня, и я былъ такъ тронутъ его благосклонностью, что готовъ былъ припасть къ его стопамъ.

Я остался въ Лайбахѣ около 4-хъ недѣль; мнѣ было очень весело — каждый день былъ маршальскій столъ въ покояхъ Государя, и наше общество часто предпринимало поѣздки по окрестностямъ — между прочимъ, цѣлое общество отправилось однажды по Триестской дорогѣ въ гротъ Адлерсбергъ, въ томъ числѣ и я.

Тутъ были: князь Петръ Волхонскій, графъ Нессельроде, генералъ Шубертъ, гг. Бруновы, г. Камилъ Либенскій и друг. Такъ какъ насъ ожидали, то австрійцы распорядились илюминовать гротъ и поставить тамъ хоръ музыкантовъ. Это было великолѣпное зрѣлище: громадныя своды изъ сталактита, рѣка, протекающая подъ этими сводами и образующая мѣстами озера — все это описано во многихъ сочиненіяхъ и путевыхъ запискахъ. Намъ былъ поданъ прекрасный завтракъ, которымъ угостилъ насъ князь Волхонскій, а къ обѣду мы вернулись въ Лайбахъ. Пасху мы праздновали въ Лайбахѣ, церковная служба происходила въ Государевой походной церкви, и такъ какъ мѣстное населеніе состояло изъ кроатовъ, исповѣдующихъ православіе, они наполняли церковь и по своему обычаю молились громко — это жужжаніе, однако, не мѣшало молиться Государю.

Въ концѣ мая графъ Нессельроде отправилъ меня курьеромъ въ Петербургъ. Когда я откланивался Его Величеству, онъ былъ такъ благосклонно добръ сказать мнѣ, что въ виду того, что политическія дѣла устраиваются и склоняются къ миру, наши войска скоро получатъ распоряженіе возвратиться въ Россію, и потому я могу оставаться въ Петербургѣ, „но“; добавилъ Государь, „если бы война снова предстояла намъ, я бы вытребовалъ тебя въ полкъ“.

Его Величество поручилъ мнѣ лично письма къ обѣимъ

Императрицамъ и вручилъ мнѣ письмо къ моей матери, въ которомъ онъ милостиво меня хвалить. Письмо это я берегу какъ святыню и желаю, чтобы оно послѣ моей смерти перешло къ моему старшему сыну ¹⁾.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я передалъ свои денешы въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, и на другой день отправился въ Царское Село, чтобы передать письмо Государя Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Ея Императорское Величество со- благоволила принять меня въ саду подъ колоннадой и, милостивый пріемъ ея не изгладится изъ моей памяти.

Затѣмъ, я отправился въ Павловскъ для передачи письма Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Ея Величество удостоила меня также милостивымъ пріемомъ и много разспрашивала о своемъ Августѣйшемъ сынѣ.

Надо замѣтить, что рѣдко можно встрѣтить коронованную семью, столь милостиво и благосклонно относящуюся къ молодымъ офицерамъ, которые по своему служебному положенію имѣютъ счастье и случай быть лично извѣстными царствующему дому. На обязанности этой молодежи лежитъ священный долгъ заслужить столь милостивое вниманіе, но изъ дальнѣйшаго видно будетъ, что Государь Александръ Павловичъ имѣлъ случай видѣть много неблагодарности и зла.

Передъ аудіенціею Государыни, я зашелъ на нѣсколько минутъ къ моей матери, которая жила въ своемъ домѣ въ Царскомъ Селѣ, и засталъ ее и сестеръ моихъ въ добромъ здравіи. Возобновилась моя служба въ 7-мъ эскадронѣ конной гвардіи. Вдругъ получился приказъ, чтобы половина 7-го эскадрона конной гвардіи и половина 7-го эскадрона кавалергардовъ выступили въ Павловскъ для занятія карауловъ во дворцѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Благодаря добротѣ Императрицы-Матери, мы прекрасно проводили время въ Павловскѣ; почти каждый вечеръ мы были приглашаемы во дворецъ, гдѣ танцовали, играли въ *petits jeux*, не стѣняясь присутствіемъ Императрицы. Она была весьма милостива къ молодежи, любила видѣть вокругъ себя веселое оживленіе, и не разъ я слышалъ ея веселый смѣхъ. Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна сіяла своей красотой и танцевала съ необыкновенной граціозностью. Ея стройный станъ приводилъ всѣхъ въ восхищеніе. Она словно скользила по паркету — всѣ любовались ею.

¹⁾ Примѣчаніе переводчика. — Сохранилось ли это письмо въ семьѣ Велю, мнѣ не извѣстно.

Когда Императрица-мать переехала въ Гатчину, мы послѣдовали за нею и тамъ въ арсеналѣ наши веселые вечера продолжались. Великіе князья Михайлъ Павловичъ и Николай Павловичъ вернулись изъ арміи и поселились у своей августѣйшей матери, и насъ, молодыхъ офицеровъ, удостоивали приглашать на охоты въ Гатчинскомъ паркѣ и въ окрестностяхъ Гатчины. Въ концѣ октября дворъ переехалъ въ Петербургъ, а мы, какъ старшему офицеру въ эскадронѣ послѣ Жадовскаго, который командовалъ всѣмъ нашимъ отрядомъ, предстояло привести своихъ кирасиръ обратно въ Петербургъ. Несмотря на грязь и ненастье, мы дошли къ ночи въ Кузьмино, а оттуда, выступивъ рано утромъ, пришли въ казармы часа въ 4 дня къ удивленію моихъ товарищей, которые не хотѣли вѣрить, что тяжелые кирасиры могутъ быть хорошими пѣхотинцами.

Часть нашихъ офицеровъ уѣхала въ отпускъ и насъ осталось въ эскадронѣ только пять, а такъ какъ приходилось занимать караулъ въ Зимнемъ дворцѣ у Имп. Маріи Ѳеодоровны и изъ числа пяти перѣдко одинъ офицеръ былъ боленъ, то намъ приходилось дежурить на четвертый и даже на третій день. Наша кирасирская форма съ ея лосинами, ботфортами, очень мучительна; мы къ вечеру часто изнемогали и рады были вздохнуть свободно въ *трубной*, гдѣ солдаты обѣдали и воздухъ былъ далеко не удовлетворительный, но все же можно было нѣсколько отдохнуть. Часто потомъ я подсмѣивался надъ молодыми кирасирами, которые жаловались на тяжесть службы, когда очередь ихъ наступала только разъ въ мѣсяцъ. Государь Александръ I, проходя мимо караульной комнаты по пути къ апартаментамъ августѣйшей матери, всегда останавливался и милостиво разговаривалъ со мной, освѣдомляясь о здоровьи моей матери и сестеръ и поручая передать имъ свои привѣтствія.

Это милостивое вниманіе все больше привязывало меня къ моему августѣйшему покровителю, и я мечталъ о томъ, чтобы представился случай доказать ему мою преданность. Александръ I любилъ ходить пѣшкомъ, и любимая его прогулка была вдоль набережной и по Фонтанкѣ. Конечно, петербургская публика и особенно дамы высшаго общества избрали цѣлью своихъ прогулокъ эти мѣста, въ надеждѣ встрѣтить Государя, обожаемаго всѣми сословіями.

Военные также старались попадаться на глаза Государя. Я хотя и очень занятъ былъ выѣзкою молодыхъ лошадей эскадрона, тоже прогуливался по набережной, чтобы встрѣчать моего

кумира и слышать отъ него нѣсколько милостивыхъ словъ, что мнѣ и удавалось довольно часто. Въ одну изъ такихъ встрѣчъ въ 1823 году между Синимъ и Краснымъ мостомъ по набережной Мойки противъ дома военнаго губернатора, Государь меня остановилъ и произнесъ слѣдующія слова, которыя я никогда не забуду.

— „Ну, что, мой вѣчный ротмистръ, когда же я увижу тебя передъ фронтомъ?“ (я командовалъ 7-мъ эскадрономъ, т.-е. резервнымъ и потому мнѣ на парадахъ быть не полагалось, а наименованіе вѣчнаго ротмистра вѣроятно относилось къ тому, что мои товарищи были уже полковниками).

Я отвѣтилъ Государю, что команду резервнымъ эскадрономъ.

— „Знаю“, сказалъ Государь, но пора тебѣ быть во фронтѣ.

На это я осмѣлился сказать Государю, что у меня было намѣреніе проситься въ армію.

Государь съ удивленіемъ выслушалъ меня и спросилъ, какая тому можетъ быть причина?

— Ваше Величество, сказалъ я—я имѣлъ несчастье въ короткое время потерять двухъ прекрасныхъ лошадей, а теперь предполагаютъ измѣнить цвѣтъ лошадей и у меня средствъ нѣтъ обзавестись лошадьми, а я бы не желалъ обременять мать такимъ расходомъ.

Государь на это милостиво похлопалъ меня по плечу и сказалъ:

— „Это не причина переходить въ армію“.

Затѣмъ онъ милостиво поклонился мнѣ и продолжалъ свою прогулку.

Я вернулся домой удрученный и тревожный, боясь, не прогнѣвалъ ли я своего благодѣтеля своимъ заявленіемъ и не нарушилъ ли я дисциплину такимъ смѣлымъ разговоромъ съ монархомъ, котораго я боготворилъ.

Каково было мое удивленіе, когда на другой день я получилъ отъ имени Государя 10,000 р. ассигнаціями на покупку лошадей.—Болѣе 35 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и теперь, когда я пишу эти строки, воспоминаніе объ этой, ничѣмъ незаслужной милости, глубоко трогаетъ меня! Получивъ эти деньги, я тотчасъ навелъ справки о лошадяхъ, которыя продавались; осмотрѣвъ нѣсколько, выборъ мой палъ на лошадь кавалергардскаго полковника Башмакова, и я приобрѣлъ ее за 7,000 р. ассигнаціями, это была рослая и красивая кобыла англійской крови и прекрасно выѣзженная. Остатокъ денегъ пошелъ на уплату

моихъ долговъ, и я повеселѣлъ и подбодрился духомъ, видя, что все, что мнѣ нужно, теперь у меня есть.

Чтобы доказать Государю, что его щедроты мною высоко цѣнятся, я просилъ командира полка назначать меня на парады и смотры; что онъ и исполнилъ, и я со своей прекрасной лошадью обыкновенно находился въ замыкающемъ строю.

Годы 1823 и 1824 ничего особенно замѣчательнаго не принесли съ собой для меня лично. Только наводненіе Петербурга въ концѣ 1824 заслуживаетъ того, чтобы о немъ здѣсь упомянуть. Въ этотъ день, а именно 8 ноября 1824 года, я былъ дежурнымъ по полку. Утромъ между 8 и 9 ч. мнѣ доложили, что вода показалась на дворѣ казармы около караульнаго помѣщенія. Я тотчасъ туда пошелъ и приказалъ перенести полковой ящикъ на одну изъ галлерей казармъ и снялъ всѣ посты—изъ коихъ двое около цейхгауза уже стояли въ водѣ выше щиколодки—цейхгаузъ этотъ былъ рядомъ съ морской казармой, недалеко отъ того мѣста, гдѣ нынѣ церковь полка. Распорядившись такимъ образомъ, я велѣлъ запереть дрожки, чтобы ѣхать въ Зимній дворецъ съ докладомъ къ графу Орлову, предполагая, что найду его тамъ, и чтобы получить отъ него приказаніе относительно полковыхъ лошадей. Графа Орлова я однако не нашелъ въ дворцѣ, но встрѣтилъ коменданта генерала Башуцкаго, который совѣтовалъ мнѣ не теряя времени возвратиться въ казармы, ибо, говорилъ онъ, скоро нельзя вамъ уже будетъ туда добраться.

Вода поднималась такъ быстро, что когда я сѣлъ въ дрожки, то уже сидѣлъ въ водѣ, и мои добрыя маленькія шведки съ большимъ трудомъ добрались до моего подѣзда. Пока мы ѣхали или почти плыли отъ дворца до казармъ, буря унесла шляпу моего кучера—и мы были оба рады, что такъ дешево отдѣлались.

Я приказалъ отвести моихъ лошадей въ манежъ—доступъ къ двору казармъ былъ уже мнѣ невозможенъ, и я не могъ добраться до графа Орлова, который успѣлъ вернуться въ это время въ казармы и отдалъ приказъ всѣхъ лошадей вывести въ манежъ, *хотя бы вплавь*, какъ табунъ!

Полъ въ конюшняхъ въ нѣкоторыхъ стойлахъ поднялся отъ напора воды, и нѣсколько лошадей запутались въ недоуздикахъ, нѣкоторыя попали ногами въ щели досокъ и не могли быть спасены.

Полковникъ Егоръ Мейндорфъ, командиръ I эскадрона, жилъ надо мной и сошелъ ко мнѣ, чтобы посовѣтоваться, и мы вмѣстѣ

пошли въ помѣщеніе трубачей, окна котораго находились противъ воротъ манежа. Было уже около 12, а люди еще не обѣдали—мы догадались снять доски съ двухъ столовъ, связать ихъ въ видѣ плота и спустить этотъ плотъ изъ окошка, а на немъ помѣстили щи, кашу, хлѣбъ и переправили этотъ плавающий столъ въ манежъ, гдѣ измокшіе и прозябшіе люди были ему очень рады. Но вскорѣ отъ массы лошадей въ манежъ накопился такой паръ, что пришлось разбить окна, и послѣ холодной ванны солдаты приняли паровую ванну. Можетъ быть это было причиной, что больныхъ у насъ не было послѣ всего этого. Прочіе эскадроны тоже воспользовались нашимъ плотомъ, такъ что всѣ люди полка были накормлены. Около 3-хъ часовъ вода стала убывать—мы въ этомъ убѣдились изъ нашихъ оконъ, вида, что фонарные столбы на бульварѣ показали свои верхушки. Они были совсѣмъ покрыты водой, и появленіе верхушекъ насъ очень обрадовало—вода однако въ манежъ не проникла, хотя подходила къ низу воротъ.

Какъ только я увидѣлъ возможность пробраться ко двору казармъ, я велѣлъ осѣлать себѣ лошадь трубача и поѣхалъ къ графу Орлову.

Графъ разспросилъ меня о состояніи лошадей, о числѣ погибшихъ, которыхъ было всего около 80.

— Вамъ надо рапортовать обо всемъ этомъ дежурному генералу Дибичу, котораго застанете вѣроятно во дворцѣ, сказалъ мнѣ графъ Орловъ.

Пріѣхавъ во дворецъ, я велѣлъ доложить о себѣ барону Дибичу, но когда камердинеръ вошелъ въ кабинетъ Государя и назвалъ мою фамилію, Государь приказалъ позвать меня въ кабинетъ. Когда я вошелъ и сдѣлалъ свой низкій поклонъ государю, затѣмъ Дибичу, Государь приказалъ мнѣ рапортовать обо всемъ барону Дибичу. Когда я доложилъ о числѣ погибшихъ лошадей, Государь сказалъ:

— Передай графу, что потеря лошадей поправима, но чтобы онъ обратилъ все свое вниманіе на тѣхъ несчастныхъ людей, которые жили въ подвалахъ, вотъ они сильно пострадали и имъ надо помочь.

Эти слова замѣчательны въ устахъ монарха и служатъ новымъ доказательствомъ безконечной доброты Государя.

Было уже около 5-ти часовъ, когда я вышелъ изъ дворца—воды уже почти не было на улицахъ. Передавъ графу Орлову слова Государя, я отправился домой и былъ весьма доволенъ

согрѣться чаемъ, послѣ того какъ три раза былъ промоченъ насквозь.

Во все время, что продолжалось наводненіе, Императоръ Александръ I сильно волновался и послалъ графа Бенкендорфа на шлюпки на Неву, чтобы спасти сколько возможно людей, находящихся на баркахъ, унесенныхъ водою. Но буря была такъ сильна, и волны такъ бушевали, что графъ самъ рисковалъ жизнью и вернулся, не успѣвъ ничего сдѣлать. Это страшное наводненіе произвело сильное впечатлѣніе на Государя, и расположеніе духа сдѣлалось у него съ тѣхъ поръ мрачнымъ. Онъ говорилъ, что это предсказываетъ ему конецъ и что онъ недолго проживетъ.

Въ годъ его рожденія въ 1777 г. также было въ Петербургѣ наводненіе, но вода не достигла тогда той высоты, какъ въ 1824 году. Въ низкихъ мѣстахъ, какъ въ Коломнѣ и даже у Поцѣлуева моста, вода стояла на сажень и даже на 4 аршина.

Денежныя пособія, розданныя Государемъ бѣднѣйшимъ и сильно пострадавшимъ жителямъ, были весьма значительны, и онъ на своихъ прогулкахъ нерѣдко лично провѣрялъ, вѣрно ли была роздана его помощь.

На другой день послѣ наводненія, сдавъ дежурство по полку, я отправился на своихъ дрожкахъ съ Григоріемъ Максимовичемъ Ребиндеромъ, который жилъ у меня, осматривать городъ и особенно Васильевскій островъ и Галерную гавань. Тутъ мы насмотрѣлись на чудеса, которыя натворила вода! Около церкви въ Галерной гавани лежали три большіе корабля, вѣроятно купеческіе; одинъ корабль былъ трехмачтовый; много разрушенныхъ домовъ, въ иныхъ торчали печи, а на печахъ трупы людей, спасавшихся на нихъ отъ воды, но такъ какъ вода залила дома эти совсѣмъ съ крышами, они погибли. Зрѣлище это было такъ ужасно, что мы поспѣшили домой.

Но 10 ноября мы опять отправились осматривать слѣды наводненія и поѣхали черезъ Екатерингофъ въ деревню Емельяновку, а назадъ по Петергофской дорогѣ и Калинкинъ мостъ; вездѣ слѣды наводненія и противъ дома нашего католическаго митрополита Сестренцевича-Вогуша мы увидѣли большой двухмачтовый корабль. (На Казанской тамъ, гдѣ теперь католическій костелъ).

Вездѣ разрушеніе; много фундаментовъ размыто. Строевой лѣсъ съ доковъ адмиралтейства и Кронштадта былъ занесенъ водою въ самый центръ города; другія бревна уплыли въ Сестрорѣцкъ, и мнѣ довелось нѣсколько лѣтъ спустя видѣть боль-

шіе дома, выстроенные изъ этого лѣса—дубовый мачтовый лѣсъ, носящій на себѣ клеймо ладоваго гвардейскаго экипажа.

Я хорошо помню, что Сестрорѣцкія власти публиковали въ газетахъ о занесенномъ лѣсѣ и вызывали владѣльцевъ явиться за нимъ; но такъ какъ это былъ лѣсъ казенный, никто не явился, и жители Сестрорѣцка воспользовались имъ безнаказанно.

На послѣднемъ парадѣ (майскій парадъ), на которомъ присутствовалъ Императоръ Александръ I, я былъ во фронтѣ, командуя 2-мъ эскадрономъ, и въ этотъ день я былъ произведенъ въ полковники.

Вскорѣ послѣ этого Государь уѣхалъ въ Таганрогъ. Передъ отъѣздомъ онъ посѣтилъ Невскій монастырь, гдѣ долго бесѣдовалъ съ митрополитомъ и прислалъ въ тотъ же день въ монастырь такое количество воску, что митрополитъ удивился и сказалъ: „это какъ будто на похороны Государь прислалъ“.

Уѣзжая изъ Петербурга въ Царское Село, отъѣхавъ нѣсколько верстъ, Государь приказалъ остановиться, всталъ въ коляскѣ и долго смотрѣлъ на Петербургъ, затѣмъ сѣлъ и поѣхалъ. Кучеръ его Илья сказалъ мнѣ потомъ: „онъ какъ будто прощался съ городомъ и крестился“.

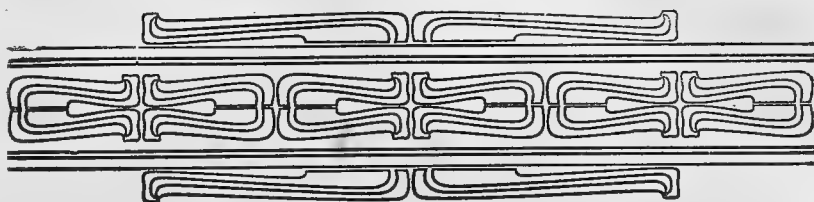
Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ Государемъ въ Царскомъ Селѣ, которое онъ очень любилъ, онъ уѣхалъ. Извѣстія получались о немъ все хоршія, и Петербургъ въ зиму 1825 года веселился. Балы слѣдовали за балами, и 24 ноября въ Екатерининъ день былъ большой балъ у генерала Алексѣя Николаевича Авдулина, въ честь его жены именинницы.

На этомъ балѣ между прочимъ была Екатерина Нащекина, рожд. Олединая и Екатерина Альбрехтъ (впослѣдствіи моя жена). Я, какъ молодой полковникъ и любитель танцевъ, много танцевалъ въ этотъ вечеръ особенно съ этими двумя дамами—не чуяло мое сердце, что это послѣдній балъ, гдѣ я могъ считаться хорошимъ кавалеромъ.

Сообщила Э. О. Лишина.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ревизоръ.

(Истинное происшествіе).

Въ 1858 году наша батареинная № 3-я батарея 3 сводной артиллерійской бригады стояла въ г. Старый Быховъ, Могилевской губерніи. Городъ по преимуществу жиновскій, но, конечно, не лишенный администраціи. Былъ тамъ городничій, были: почтмейстеръ, стряпчій, казначей и былъ комиссаріатскій чиновникъ, по просту называвшійся тамъ коммисіонеромъ.

Городничій былъ прекрасный человѣкъ. Холостой и еще молодой. Былъ онъ сильно раненъ въ Севастополѣ и поэтому получилъ мѣсто городничаго. Съ нимъ мы, офицеры, жили душа въ душу. Часто мы бывали у него и онъ у насъ. Иногда и покучивали вмѣстѣ. Жаль, я забылъ его фамилію. Почтмейстеръ, стряпчій и казначей были совсѣмъ обыкновенные чиновники тогдашняго времени, какіе бывали по захолустьямъ. Съ ними мы были мало знакомы. Но съ коммисіонеромъ были въ хорошихъ отношеніяхъ.

Это былъ уже пожилой человѣкъ, но имѣлъ молодую жену польку, очень недурную собой. Скупъ былъ коммисіонеръ страшно. Насъ онъ посѣщалъ часто, а когда, бывало, мы соберемся къ нему, то всегда норовили устроить такъ, чтобы не вводить его въ расходъ. Принесемъ, бывало, съ собою баранокъ, закусокъ, выпивку и потребуемъ у него только самоваръ. Ходили къ нему, конечно, изъ-за жены. Балагурили съ нею и время проводили довольно сносно, если взять во вниманіе страшную глушь Ст. Быхова. Звали этого коммисіонера Александръ Дани-

ловичъ Сребницкій. Мы же, молодежь, за его наружность дали ему прозвище „Чортова Кукла“. Конечно, у всѣхъ чиновниковъ рыльце было въ пушку. Всѣ и всегда побаивались прѣзда начальства или ревизіи. Городничій за себя, почтмейстеръ за свою часть, а комиссіонеръ за свои провіантскіе магазины, за отчетность, за мышеядь и проч.

Офицеры у насъ были, какъ и всегда въ артиллеріи, изъ кадетскихъ корпусовъ.

Составъ офицеровъ былъ слѣдующій: я, мой братъ Владиміръ, Тимоховичъ, Олсуфьевъ, фонъ-Мецгеръ и Брежинскій и по странной случайности всѣ, за исключеніемъ Тимоховича, кадеты Новгородскаго, графа Аракчеева, кадетскаго корпуса, выпускъ 1853—1855 г. Само собою мы жили дружно на одной квартирѣ и столовались у себя.

Интересы наши не ограничивались только выпивкою, да службою, но мы интересовались общественною жизнью, литературою, науками.

Время въ Быховѣ текло вообщемъ однообразно. Кромѣ чтенія, службы, да посѣщеній городничаго съ комиссіонеромъ ничего не было.

Въ собраніяхъ нашихъ, зачастую, мы что-нибудь читали вслухъ и потомъ разсуждали и спорили о прочитанномъ.

Такъ было и въ одинъ вечеръ августа 1858 г. Собрались мы читать „Ревизора“ Гоголя.

Пошли споры. Нѣкоторые говорили, что Гоголь очень утрировалъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, другіе, напротивъ, говорили, что эти лица взяты прямо съ натуры, что это типы, которые можно встрѣтить и теперь. Я высказалъ мнѣніе, что при небольшомъ умѣньи можно и теперь разыграть роль ревизора и свести съ ума чиновниковъ. Тимоховичъ, офицеръ (нынѣ покойный) мой другъ и товарищъ, меня поддерживалъ. Другіе опровергали и спорили, что этого нельзя теперь устроить. Спорили сильно и долго и въ концѣ концовъ рѣшили сдѣлать опытъ. Тимоховичъ взялся быть „Ревизоромъ“. Но, такъ какъ, будучи всѣмъ извѣстенъ, онъ не могъ явиться прямо ревизовать кого-нибудь, то мы рѣшили придти къ нему на помощь и обдумать весь планъ. Конечно, задуманное дѣло, кромѣ смысла доказательства, имѣло и смыслъ развлечения, что въ нашей глуши бывало такъ рѣдко. Начались переговоры—что и какъ устроить. Бѣжать въ другой городъ нельзя, если что и возможно сдѣлать, то тутъ же, въ Быховѣ. Но, чтобы ревизовать какую-нибудь часть, надо ее знать хоть сколько-нибудь, иначе попадешь сразу въ просакъ. Мы же почтовой части вовсе не знали,

казначейской и полицейской тоже, дѣлъ стряпчаго и подавно. Оставался только одинъ комиссіонеръ Александръ Даниловичъ—Чортова Кукла. Съ этимъ можно было сладить. Дѣло въ томъ, что мы, занимая по очереди хозяйственную должность въ батарее и получая провіантъ, часто бывали у Чортовой Куклы въ магазинахъ, знали его дѣлопроизводство, видѣли книги, знали кое-какіе его промахи, злоупотребленія и проч. Словомъ, легко можно было на первыхъ порахъ разыграть роль знатока. Оставалось одно затрудненіе: устроить и обставить дѣло такъ, чтобы, во-1-хъ, Тимоховичъ не могъ быть узаннымъ, а во-2-хъ, чтобы пріѣздъ ревизора былъ какъ можно болѣе правдоподобенъ.

Начались приготовленія. Мы знали, что комиссаріатская часть Могилевской губ. подчинена Варшавскому округу. Сдѣлали справку въ памятной книжкѣ и узнали, что въ округѣ есть инспекторъ, что ли, князь Шаховской. Этого Шаховскаго Тимоховичъ и рѣшился разыграть.

Прежде всего, 26-го августа, въ день коронаціи, утромъ, отправились мы къ Чортовой Куклѣ пить полуденный чай. Подъ видомъ дружбы и доброжелательства мы ему говоримъ: „а знаешь ли, Александръ Даниловичъ, новость?“— „Какую?“

— Да вотъ, такому-то пишутъ изъ Могилева, что тамъ теперь идетъ ревизія по вашей части. Пріѣхалъ туда изъ Варшавы какой-то князь Шаховской. Говорятъ, звѣрь. Дѣлаетъ Богъ знаетъ что. Пишутъ, что гдѣ только не былъ, вездѣ дѣлъ понадѣлалъ. Нѣсколькихъ комиссіонеровъ подъ судъ отдалъ, другимъ въ отставку велѣлъ подавать. По секрету говорятъ, что онъ изъ Могилева поѣдетъ къ намъ, а потомъ въ Рогаचेвъ.

Извѣстіе это ужасно поразило Чортову Куклу. Однако, все-таки, онъ насъ началъ благодарить за сообщеніе. Жметъ намъ руки и говоритъ, что очень цѣнитъ наше предупрежденіе, что для него оно въ высшей степени важно, такъ какъ надо кое-что приготовить.

А мы ему говоримъ: „Такъ вотъ подготавлийся скорѣе, вѣдь неизвѣстно, когда пріѣдетъ“. Вскорѣ мы распрощались и ушли. Между тѣмъ еще задолго начались у насъ приготовленія. Во 1-хъ, мы уговорили только-что пріѣхавшаго на службу въ батарею, никому еще неизвѣстнаго молодого офицера Брецинскаго (нынѣ покойный) играть роль денщика князя Шаховскаго. Тотъ, будучи очень веселаго нрава и шустрый малый, легко и съ удовольствіемъ на это согласился. Такимъ образомъ

роль Осипа была обезпечена. Во 2-хъ, наняли у мужика въ сосѣдней деревнѣ тройку хорошихъ лошадей въ телѣгѣ съ тѣмъ, чтобы онъ самъ не ѣздилъ, а предоставилъ бы лошадей намъ. Въ 3-хъ, перешили у офицерскаго пальто лацканы и ртутью высеребрили пуговицы. Въ 4-хъ, набрали сколько можно было, чемодановъ и набили ихъ сѣномъ и кирпичемъ.

Вернувшись отъ Сребницкаго, мы принялись за дальнѣйшее. Лошади ждали насъ за городомъ. Денщиковъ мы послали привязать къ телѣгѣ чемоданы, а сами начали окончательно готовиться. Тимоховича загримировали и одѣли. Тогда онъ былъ еще безъ усовъ. Наклеили усы и великолѣпныя, длинныя бакенбарды. Подушками придали фигуру очень полнаго человѣка, собрали всѣ кольца у офицеровъ и понадѣвали на пальцы; Тимоховичъ былъ блондинъ, сдѣлали его, посредствомъ помады съ сажею, брюнетомъ. Подкрасили лицо, сдѣлали морщины, посадили надъ бровью бородавку съ волосами. Словомъ, преобразили такъ, что, взглянувъ въ зеркало, онъ ахнулъ и самъ себя не узналъ.

Брецинскаго нарядили денщикомъ, а моего настоящаго денщика ямщикомъ.

Уже смеркалось, когда мы всѣ по одиночкѣ перебрались за городъ къ тройкѣ и осмотрѣвъ все—окончательно условились и поѣхали въ городъ.

Ямщикъ (т.-е. мой денщикъ) и человѣкъ (т.-е. офицеръ Брецинскій), на козлахъ, а Тимоховичъ, окруженный чемоданами, на господскомъ мѣстѣ. Лошади великолѣпныя, колокольчикъ, бубенчики.

Съ шумомъ и громомъ помчалась тройка по городу. День, или лучше сказать, вечеръ, былъ великолѣпный. По случаю коронаціи много гуляющихъ по улицамъ. Съ грохотомъ тройка влетѣла на большую улицу и остановились противъ буточника, стоявшаго недалеко отъ полиціи. Человѣкъ (Брецинскій) громко спросилъ у него, гдѣ живетъ коммисіонеръ. Будочникъ, вытянувшись въ струнку, указалъ домъ, бывшій тутъ же напротивъ. Мы всѣ, конечно, домъ-то знали отлично, да надо же было показать незнаніе города.

Мигомъ подкатила тройка къ дому Чортовой Куклы.

Брецинскій, отлично разыгрывая роль человѣка, соскочилъ съ козелъ, вбѣжалъ въ домъ, встрѣтилъ самого хозяина и сообщилъ ему, что пріѣхалъ князь Шаховской и просить разрѣшенія у него остановиться. Чортова Кукла обомлѣлъ, развелъ руками, затрясся, поблѣднѣлъ и слова сказать не смогъ.

Выскочила его жена, узнала, въ чемъ дѣло, и, конечно, сказала, что они за счастье считаютъ принять такую особу.

Брешипскій вышелъ къ Тимоховичу, высадилъ его изъ тележки и началъ съ ямщикомъ таскать въ домъ чемоданы, прямо въ залу. Когда все было внесено, тройка отъѣхала. Хозяйка мигомъ переодѣлась и вышла къ Тимоховичу, который, обратившись къ ней, сказалъ, что въ Могилевѣ его предупредилъ Моравскій, губернский комисіонеръ, что въ Быховѣ онъ квартиры не найдетъ, и совѣтовалъ ѣхать къ нимъ. „Вотъ почему только я и позволилъ себѣ рѣшиться стѣснить васъ“, сказалъ Тимоховичъ. Полька залебезила: стала присѣдаться, раскланиваясь, улыбаться и говорить: Помилуйте, Ваше Сіятельство, мы за счастье считаемъ, что намъ выпало на долю видѣть васъ у себя. Ради Бога, располагайте всѣмъ не стѣсняясь. Не прикажете ли съ дороги чаю или закусить? Позвольте просить васъ“.

Тимоховичъ, принявъ извѣстную осанку и тонъ, отвѣтилъ: „Съ большимъ удовольствіемъ. Я страшно усталъ, разбитъ. Дѣло въ томъ, что на пути изъ Могилева у меня сломалась коляска и я принужденъ былъ послѣднюю часть пути протрястись въ тележкѣ. Дорога ужасная. Меня совершенно разбило“.

Хозяйка высказала глубокое сожалѣніе и соболѣзнованіе положенію князя и, извинившись, ушла хлопотать скорѣе о чаѣ.

Между тѣмъ, нѣкоторые офицеры, которые забрались къ Чортовой Куклѣ заранѣе, чтобы видѣть моментъ приѣзда ревизора, хлопотали вокругъ совсѣмъ растерявшагося хозяина. Они насилу одѣли его. Онъ былъ совершенно парализованъ и не могъ не только застегнуться, но даже вставить руки въ рукава мундира. Съ грѣхомъ пополамъ его одѣли.

По нѣкоторому шуму Тимоховичъ догадался, что Сребницкій идетъ представляться; почему повернулся къ двери спиною, принялъ равнодушный видъ и, заложивъ руки за спину, сталъ какъ-бы осматривать стѣны, потолокъ и всю обстановку давно знакомой ему залы, напѣвая въ то же время какую-то арію.

Почтеннѣйшій Александръ Даниловичъ, напичкахъ, еле дыша, идетъ къ нему. Когда Тимоховичъ услышалъ, что онъ въ 2-хъ-3-хъ шагахъ отъ него, онъ быстро обернулся. Тотъ такъ испугался, что моментально отскочилъ шаговъ пять назадъ. Затрясся, поблѣднѣлъ и еще еле заплетающимся языкомъ и дрожащимъ голосомъ проговорилъ: Че-с-ть и-и-мѣю пред-с-с-та-ави-ться Ва-а-шему Сіа-я-тель-ству коллеж-скій Ас-с-се-соръ Се-ре-е-ницкій. Тимоховичъ, не подавая ему руки, напыщенно и съ осанкою сказалъ ему: „А! это вы? Ну—все-ли у васъ исправно?“

— Ст-а-а-раюсь, Ва-а-ше Сі-я-тельство.

Поговоривъ въ томъ же родѣ не долго, онъ прямо началъ распекать его. Мы знали, что въ предыдущемъ году ему на ремонтъ магазина была отпущена извѣстная сумма, и Тимоховичъ строго сказалъ ему, что находить сумму эту черезъ-чуръ щедрою, что слышалъ, будто-бы она далеко не вся пошла на дѣло и что у него, конечно, остались излишки. Почему онъ объ этомъ не увѣдомилъ округъ и гдѣ оставшіяся деньги.

Несчастный Александръ Даниловичъ началъ клясться и божиться, крестясь на образъ, что онъ ничѣмъ не воспользовался, что все до копейки пошло на ремонтъ.

— Ну, хорошо, хорошо,—сказалъ Тимоховичъ.—Это мы завтра посмотримъ и... берегитесь, если вы говорите неправду. Теперь уже поздно, да я и разбить страшно. Магазины я поѣду смотрѣть завтра, а теперь потрудитесь сейчасъ же подать мнѣ книги ваши и ключи отъ магазина.—Тотъ все это быстро принесъ.

Тимоховичъ началъ ревизовать книги, нашелъ кое-какіе промахи и между прочимъ распекъ Куклу за то, что пріемщикъ провіанта для стоящей въ городѣ батареи (т.-е. онъ самъ не росписывался въ книгѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ).

Даниловичъ блѣднѣетъ, трясется, а Тимоховичъ едва удерживается, чтобы себя не выдать.

Когда хозяинъ ходилъ за ключами и книгами, то онъ встрѣтилъ у себя посланнаго отъ городничаго узнать, что такое у него за движеніе, кто пріѣхалъ. Кукла объяснилъ, что пріѣхалъ князь Шаховской, строгій, сердитый, что завтра будетъ ревизія и что онъ будетъ собирать комиссію.

А въ то время было правиломъ, чтобы ревизія не производилась иначе, какъ въ присутствіи комиссіи изъ городничаго, стряпчаго и, кажется, казначея. Пока Тимоховичъ ревизовалъ книги, явился городничій въ полной формѣ ему представиться. Онъ очень любезно его принялъ, подалъ ему руку, и, объяснивъ ему случай поломки экипажа, сказалъ, что страшно усталъ и сегодня хочетъ отдохнуть, а завтра будетъ осматривать магазинъ и просить его явиться самого и дать знать остальнымъ членамъ комиссіи. Затѣмъ онъ его отпустилъ. Между тѣмъ, жена Сребницкаго на кухнѣ разспрашивала Брежнинскаго, что ѣстъ Тимоховичъ, что пьетъ, что особенно любить. Тотъ навралъ ей цѣлую гору. Наговорилъ, что онъ любить и то, и другое, и все самое дорогое, что онъ пьетъ чай не иначе, какъ съ отличнымъ ромомъ, что очень любить поѣсть,

что вечеромъ непременно изрядно выпиваетъ и закусываетъ и проч. и проч.

Появился, наконецъ, чайный приборъ, а за нимъ и закуска. Боже мой, чего-чего тутъ не было. Все самое лучшее, что только можно было достать въ городѣ, и притомъ въ изобиліи. При всей своей скупости Кукла раскошелился.

Тѣмъ временемъ евреи, узнавъ, что пріѣхалъ ревизоръ, открыли цѣлое гулянье мимо оконъ, тѣмъ болѣе, что это былъ табельный день.

Домъ одноэтажный, окна низкія и евреи ходятъ да поглядываютъ въ раскрытыя окна. Опасаясь, чтобы не выдать себя, Тимоховичъ какъ бы въ разговорѣ, говоритъ хозяйкѣ, что это неприятно, когда проходящіе видятъ все, что дѣлается въ комнатѣ, и попросилъ закрыть всѣ окна ставнями, оставивъ открытымъ только одно.

Что тутъ только поднялось! Въ мигъ явились будочники, разогнали евреевъ, и улица совершенно опустѣла. Не стало видно ни одного человѣка. Тогда Тимоховичъ попросилъ хозяевъ его оставить, они ушли, и онъ началъ пить чай и закусывать.

Между прочимъ наши офицеры собрались къ городничему, который жилъ почти противъ, и объяснили ему мистификацію. Тотъ сначала какъ бы обидѣлся. Говорить: ахъ, господа, что вы надѣлали? въ какое положеніе меня-то поставили. Вѣдь я являлся ему. Однако послѣ прибавилъ: впрочемъ, хорошо, что вы меня предупредили. Теперь ничего не выйдетъ; а затѣмъ, смѣясь, говоритъ: „Пусть ихъ хорошенько проберутъ Чортову Куклу“.

Стало уже совсѣмъ темно. Офицеры, пользуясь тѣмъ, что на улицѣ никого нѣтъ, пробрались къ окну, а Тимоховичъ сталъ имъ передавать закуски. Быстро былъ опорожненъ почти весь подносъ, почти все вино выпито. Однако для приличія оставили кое-что. Наконецъ, Тимоховичъ пріотворилъ дверь и крикнулъ: „Николай?! убери здѣсь и спать“. Хозяйка опять явилась и стала предлагать устроить постель. Однако, онъ отказался наотрѣзъ, сказавъ, что ляжетъ на диванѣ, а денщикъ въ той же комнатѣ на полу.

Человѣкъ (Брецинскій) вынесъ подносъ и чайный приборъ, послѣ этого ревизоръ и человѣкъ затворились.

Однако, черезъ нѣсколько минутъ Тимоховичъ слышитъ, что кто-то на цыпочкахъ идетъ по коридору, подходитъ къ двери и, видимо, подслушиваетъ. Тогда Тимоховичъ говоритъ громко: „Николай! тамъ кто-то ходить. Что это такое?“

Моментально все утихло и какъ бы умерло въ домѣ.

Подождавъ нѣсколько времени, Тимоховичъ съ Брешинскимъ погасили свѣчи, передали въ окно свои чемоданы офицерамъ, потомъ выскочили сами, затворили снаружи окно ставнями и отправились къ городничему. Смѣху было довольно. Разошлись мы уже подъ утро. На другой день мы встали до 10 часовъ. Вставъ, отправились къ Чортовой Куклѣ.

Что же видимъ? Домъ какъ мертвый, всѣ ставни закрыты, улица совершенно пуста. Бхать никого по ней не пускаютъ. Самъ Чортова Кукла въ мундирѣ распоряжается, чтобы кто-нибудь не проѣхалъ и не побеспокоилъ бы ревизора.

У крыльца стоитъ великолѣпная коляска съ четверкою лошадей, взятая у сосѣдняго помѣщика князя Кастріати Скапдеръ-Бекъ. Стряпчій, казначей, почтмейстеръ тутъ же въ мундирахъ стоятъ на крыльцѣ. Мы въ домъ. Тамъ тишина удивительная. Спрашиваемъ у Сребницкаго, что это значить. Кукла машетъ руками, чтобы мы не шумѣли, шопотомъ говоритъ, что князь еще спитъ и что онъ ужасно строгій. А затѣмъ, обращаясь къ Тимоховичу, говоритъ: голубчикъ, Николай Петровичъ, гдѣ вы-то вчера были? а вѣдь мнѣ-то здѣсь какъ изъ-за васъ досталось.

— За что?—спрашиваетъ.

— Да какъ же, вѣдь вы за пять мѣсяцевъ ни разу не расписались у меня въ книгѣ. Вѣдь вотъ какъ вы меня подвели. Теперь просто не знаю, что и будетъ за это. Богъ вамъ судья.

Тимоховичъ сталъ его успокаивать, говоря, что самъ явится во время ревизіи въ магазинъ и все объяснитъ князю.

— Ахъ, голубчикъ! ради Бога, спасите вы меня. Вѣдь со-всѣмъ бѣда!

Черезъ нѣсколько времени спрашиваемъ мы у него:

— Что же такъ долго не выходитъ князь?

— А не знаю, все спитъ.

— Такъ вы его разбудите.

Тотъ и руками замахалъ:

— Что вы, что вы, да Боже сохрани. Вѣдь это бѣду наживешь?

— Какъ бѣду наживешь? Надо посмотрѣть. Почему вы знаете, можетъ онъ боленъ, можетъ быть умеръ.

— Ахъ что вы, что вы, какъ умеръ, Господь съ вами.

— Да что жъ тутъ мудренаго? 12 часовъ, а онъ все спитъ. Ну, навѣрное, что-нибудь да случилось. А гдѣ его человѣкъ?

— Да тамъ же. Съ собой положилъ.

— Какъ съ собой? не можетъ быть.

— Нѣтъ, вѣрно. Вчера приказалъ ему убрать закуску и придти спать.

— Что жъ онъ и закусывалъ и выпилъ?

— О-о! порядочно. По правдѣ-то сказать я ему цѣлый подносъ закусокъ-то подаль, а вынесли меньше половины.

— Ну вотъ видите ли: закусывали съ вечера, и до сихъ поръ не выходятъ. Можетъ, они и вправду умерли. Скажутъ еще, что вы отравили.

Кукла обмеръ. Поблѣднѣлъ, какъ-то опустился весь и только повторяетъ:

— Ахъ! Боже мой, что же теперь дѣлать?

Мы посовѣтовали ему сходить къ городничему. Побѣжалъ. Тотъ ему тоже сказалъ свою догадку, что не умерли ли его гости. Вернулся домой нашъ Кукла самъ не свой.

Мы предлагали посмотрѣть въ комнату.

Тому и узнать хочется и разбудить боится—ну, просто потѣха. Говорить:

— Посмотрите, посмотрите, батюшка, а какъ разбудите что, будетъ?—Вы поосторожнѣе, голубчикъ... Ужъ Вы сами. Словомъ, совсѣмъ не знаетъ, что и говорить.

Взялъ я стулъ, поставилъ къ двери. А дверь вверху не плотно къ косяку подходила. Щель была. Посмотрѣлъ я. Въ залѣ хоть и мракъ, но сквозь щели ставенъ свѣту падало достаточно, что бы все видѣть. Кончено, кромѣ сѣна на полу, выброшеннаго изъ чемодановъ, да книгъ съ ключами на столѣ, ничего нѣтъ. Я и говорю совершенно громко: „Да вѣдь тамъ же никого нѣтъ“. Кукла присѣлъ, уши зажалъ и шикаетъ: „ш-ш-ш что вы, что вы? какъ нѣту? тамъ они“. Я слѣзъ и дверь на распаху. Входимъ—никого и ничего кромѣ сѣна да ключей съ книгами. Хозяинъ точно съ ума сошелъ. Оглянулся на всѣ стороны, да какъ захохочетъ... „Гдѣ-жъ они? ха, ха, ха, ха, гдѣ-жъ они? ха, ха, ха, ха“, только и слышно. „Боже мой, гдѣ-жъ они? ха, ха, ха, ха! Что-жъ это такое? ха, ха, ха, ха“!..

Полная истерика сдѣлалась. Насилу мы привели его въ себя. Начали успокаивать. Говоримъ ему, что это, должно быть, были мошенники, хотѣли его обворовать. Да увидѣли, что нельзя, и удрали.

А въ это время явился городничій.

Чортова Кукла къ нему навстрѣчу:

— Пропали, батюшка! никого нѣту.

Городничій говорить:

— Кто пропалъ?

— Да ревизоръ съ денщикомъ пропали. Нѣту ихъ въ залѣ.

— Какъ пропали? Куда же они дѣлись?

— Не знаю. Нѣтъ ихъ и все тутъ.

— Какъ нѣтъ? Что же это вы, батюшка, дѣлаете? Кто же это былъ?

— Какъ кто? да ревизоръ, князь Шаховской.

— А дайте-ка мнѣ его бумагу.

— Какую бумагу?

— Какъ, какую? да, вѣдь, получили же вы отъ него бумагу, что онъ, ревизоръ, князь Шаховской.

Кукла опѣшилъ.

— Никакой бумаги не получалъ.

— Какъ не получали? развѣ вы отъ него не потребовали удостовѣренія?

— Какое тамъ удостовѣреніе? Ничего я отъ него не требовалъ и ничего не имѣю.

— Батюшка мой! Александръ Даниловичъ! Въ какое же вы меня положеніе-то поставили? Вѣдь вы мнѣ прислали сказать, что ревизоръ пріѣхалъ. Почему же вы это узнали? Скажите ради Бога. Вѣдь я же къ нему являлся по вашимъ словамъ. А стряпчій, а казначей, а почтмейстеръ. Вѣдь вы всѣхъ въ ревизіонную комиссію пригласили. Вѣдь это чѣмъ пахнетъ? Нѣтъ, батюшка, такъ невозможно! Нашъ Александръ Даниловичъ совсѣмъ уподобился Гоголевскому городничему, когда тому доложили, что настоящій ревизоръ пріѣхалъ: руками развелъ, головою поникъ. Спустя нѣкоторое время онъ опаматовался. Говорить: — Что же это? вѣдь это выходитъ меня, можетъ быть, и убить хотѣли. А я-то для нихъ злодѣевъ обѣдъ приготовилъ. Поваровъ набралъ, готовятъ теперь на кухнѣ. Обѣдъ-то какже? Вѣдь пропалъ. Такъ вотъ, что, господа: ужъ приходите вы ко мнѣ на ревизорскій обѣдъ.

Всѣ расхохотались и остались охотно обѣдать. Обѣдъ былъ на славу, несмотря на страшную скупость хозяина.

Обѣдали и стряпчій, и казначей, и почтмейстеръ — всѣ въ мундирахъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, мы рассказали Куклѣ все. Вѣдьяга ужасно обидѣлся, что его заставили сыграть такую роль. Однако, мы успокоили его. Уговорили притвориться, что онъ зналъ объ нашемъ замыслѣ.

Городничій ему сказалъ: когда станутъ смѣяться надъ вами,

вы и сами смѣйтесь тоже и увѣряйте всѣхъ, что вы все это знали, но нарочно притворялись.

Такъ дѣло и окончилось.

Однако, въ слѣдующемъ году, къ намъ, когда мы были подъ Могилевомъ, въ лагерь пріѣхалъ губернаторъ Беклемишевъ.

Вдругъ командиръ бригады требуетъ Тимоховича къ себѣ. Тамъ встрѣчаетъ его губернаторъ и говоритъ:

„Очень интересно видѣть князя Шаховского“.

Тимоховичъ, конечно, сконфузился донельзя.

— Это вы, говорить, такъ хорошо ревизора разыграли?

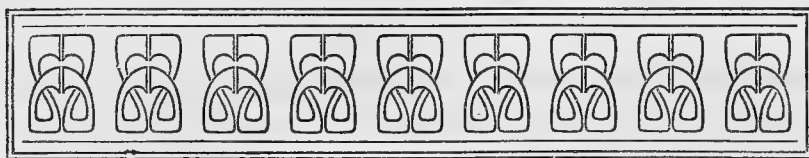
— Я, ваше превосходительство, отвѣтилъ Тимоховичъ.

— Прекрасно, прекрасно, но ужъ пожалуйста въ другой разъ такихъ штукъ не выкидывайте.

На томъ все и кончилось.

А. Онопріенко.

М. С. Щепкинъ и М. П. Погодинъ.

Приводимыя ниже 4 записки знаменитаго артиста М. С. Щепкина къ историку М. П. Погодину извлечены нами изъ архива М. П. Погодина, хранящагося въ рукописномъ отдѣлѣ Румянцевскаго музея. Разборъ этого архива и сортировка писемъ еще не закончены. Поэтому здѣсь могутъ оказаться письма Щепкина къ Погодину и позднѣйшаго времени.

Извѣстно, что Щепкинъ былъ въ теплыхъ дружескихъ отношеніяхъ со всею интеллигентною Москвою тридцатыхъ—пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Приводимыя нами записки къ историку Погодину являются памятникомъ ихъ пріятельской близости между собою. Первая записка относится къ августу или сентябрю 1829 года. Въ іюлѣ мѣсяцѣ Погодинъ и Щепкинъ вмѣстѣ ѣздили по югу Россіи (Щепкинъ выступалъ на сценѣ), провели въ Ромнахъ на ярмаркѣ двѣ недѣли, потомъ были въ Полтавѣ, Харьковѣ и чрезъ Курскъ и Тулу вернулись въ Москву. Упоминаемый здѣсь Томашевскій—Антонъ Францевичъ, курскій знакомый Погодина; Иванъ—можетъ быть слуга, оставшійся въ Курскѣ; что касается мальчика, то это, очевидно, одно изъ многихъ добрыхъ дѣлъ Щепкина, о которыхъ сохранено не мало разсказовъ въ воспоминаніяхъ о немъ разныхъ лицъ. Вторая и четвертая записки говорятъ о взаимной помощи пріятелей, въ затруднительныхъ случаяхъ, помощью денежныхъ ссудъ. Въ третьей упоминаются трагедіи Погодина: „Марса, посадница Новгородская“, поднесенная авторомъ Щепкину по выходѣ въ свѣтъ, и еще не вышедшая тогда: „Петръ I“. Эта записка помѣщена въ перепискѣ Погодина за 1831 годъ, но, повидимому, судя по датамъ

напечатанія трагедій—1830 и 1831 годы, должна бы быть отнесена къ концу 1830 года.

Дружескія записки эти свидѣлствуютъ о томъ, что Шепкинъ къ ученому другу относился не безъ почтительности. Третья записка, между прочимъ, вызываетъ въ памяти тучную фигуру Шепкина, охотника покушать съ друзьями: зато и ему „вступаетъ“ въ поясницу при какой-нибудь простудѣ... При всей незначительности содержанія этой интимной переписки, она дышетъ своеобразною прелестью старины.

Воспроизводимъ записочки Шепкина съ точнымъ сохраненіемъ всѣхъ особенностей въ правописаніи оригинала.

1.

Доставилъ вамъ бѣлье бывшее въ чемоданѣ, книги и портретъ Капниста. Г: Тимашевскій прислалъ мнѣ Ивана въ цѣлости. Мальчикъ, котораго мы въ Ромнахъ пріютили, прибылъ, и онъ теперь у меня отдыхаетъ съ дороги. Теперь надо думать какъ поступить лучше къ его пользѣ. Однимъ словомъ, вы обдумаете какъ хотите, ибо это по вашей части; а по моей только дѣйствовать. Радъ, что не засталъ васъ дома... (хотя самъ въ этомъ теряю) ибо это доказываетъ что вы здоровы. Прощайте. Сего дня играю въ Благородномъ театрѣ.

Вашъ всепокорнѣйшій М. Шепкинъ.

2.

Іюнь 1830 года.

Денегъ нѣтъ, а у меня есть двѣ тысячи пять сотъ рублей которые мнѣ нужны будутъ, дней черезъ восемь; и потому можете взять до того времени. Я бы и все нужное число вамъ далъ, но въ среду мнѣ самому будутъ надобны; и потому располагайтесь; ежели въ такое короткое время то есть къ завтраму вы не изворотитесь, то въ сей крайности я дамъ изъ своихъ денегъ что нужно по съ тѣмъ чтобъ въ среду мнѣ возвратить. Сожалѣю, что не могъ выполнить въ точности вашей комисіи. Я на репетицій, видится съ вами не имѣю времени и потому извѣститъ меня на что рѣшится съ симъ посланнымъ.

вашъ всепокорнѣйшій М. Шепкинъ.

3.

Декабрь 1830 г.

Нѣтъ словъ благодарить васъ за Мареу и дай Богъ что бы она была вѣрной предъ вѣстницей, на скорое появленіе Петра. Представте мое горе отъ ухи долженъ отказаться. Ибо я четвертый день хожу скостылемъ, такъ ступило въ поясницу, что насилу опомнился. Душевно желаю быть вамъ здоровымъ. Не будете ли близко гдѣ около насъ, заверните къ калѣкѣ, котораго душевное уваженіе никогда не истощится, а равно и готовность быть

вашимъ покорн. слугой. *М. Щепкинъ.*

4.

Почтеннѣйшій Михайло Петровичъ!

Не нахожу словъ извинить себя, что не могу теперь выполнить своей обязанности то есть уплатить должныя мною вамъ тысячу рублей, но 4 февраля будущаго 838 года доставляю оныя съ моею благодарностію: пожалуйста не сердитесь что не могу выполнить должнаго! На будущей недѣлѣ явлюсь самъ съ повинной головою.

Два дня страдалъ зубами и сегодня одинъ выдернулъ, и теперь сижу съ растерзанной головой. — Что ваши дѣти? Я слышалъ что они были не здоровы. Прощайте! Съ душевнымъ уваженіемъ честь имѣю пребыть

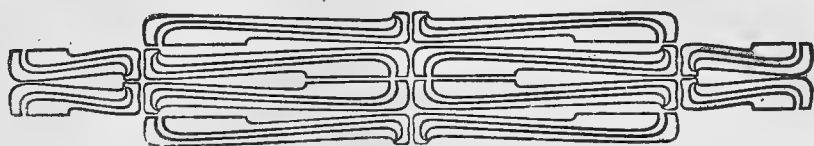
вашъ всепокорнѣйшій слуга

8 декабря 1837 г.

Михайло Щепкинъ.

Сообщилъ Ч. Вѣтринскій.

(Вас. Е. Чешихинъ).

Изъ воспоминаній Виленскаго жителя.

Какъ сохранить энергію до глубокой старости.

Прїѣзжалъ къ намъ въ Вильну изъ Петербурга главный врачъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, по фамиліи Пеликанъ. Это былъ человѣкъ глубокой старости, но бодрый и энергичный. Мѣстные врачи устроили въ честь прїѣзжаго обѣдъ. На этомъ обѣдѣ, одинъ изъ молодыхъ медиковъ обратился къ почетному гостю съ вопросомъ: какими средствами онъ, доживъ до глубокой старости, сумѣлъ сохранить свои способности и энергію въ цвѣтущемъ состояніи. Спрошенный, проводившій много лѣтъ на чиновничьей службѣ, отвѣчалъ: это потому, что большія непріятности я принималъ за малыя, а на малыя не обращалъ вовсе вниманія.

Сообщилъ П. А. Наумовъ.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 24-го сентября по 29 октября 1912 г.

Александръ I и Двѣнадцатый годъ. Альбомъ. Вып. 3-й. М. 1912. Тип. Русск. Товар. 8° (18×25). 2 стр.+32 листа рис. Вѣсь 1 ф. 13 л. 1.500 экз.

Альбомъ старинныхъ плановъ г. Харькова, снимковъ его видовъ и портретовъ его дѣятелей. Приложение ко 2-му тому „Исторія города Харькова“. Харьковъ. 1912. Изд. Городского Общ. Управленія. Тип. М. Зильбербергъ и С-вья (Донецъ, Захаржевская, 6). 4° (30×36). 2 нен. стр.+XXX таблицъ плановъ и рис. Вѣсь 1 ф. 1.100 экз.

Антикварная книжная торговля В. И. Ключкова. Каталогъ № 530. Спб. 1912. Тип. Аригольда. 8° (17×21). 16 стр. Вѣсь 2 л. 1.200 экз.

Барковъ, И. В. Мотивы русскаго орнамента XI, XII, XIII, XIV, XV и XVI вѣковъ. М. 1912. Тип. А. Т. Грамакова (Тверская, 17). 8° (12×20). 107+3 нен. стр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсь 14 л. 600 экз.

Бартеневъ, С. П. Московскій Кремль въ старину и теперь. М. 1912. Изд. Министерства Имп. Двора. Тип. Синодальная. 4° (27×35). 259 стр. Съ рис.+18 лист. картъ, план. и рис. Вѣсь 4 ф. 28 л. 1.600 экз.

Валишевскій, К. Екатерина Великая. По мемуарамъ, письмамъ и неизданнымъ документамъ. Пер. съ франц. 9 изданія Т. Высоцкой. Происхожденіе современной Россіи. Т. VII. М. 1912. Изд. К-ва Современныя проблемы. Тип. Моск. Изд. Копѣйка (Б. Дмитровка, 26). 8° (16×24). VII+428+IV нен. стр. Съ портр. Ц. 3 р. Вѣсь 1 ф. 14 л. 1.600 экз.

Введенскій, С. Н. Къ біографіи митрополита Стефана Яворскаго. Спб. 1912. Тип. М. Меркушева. 8° (15×23). 28 стр. Вѣсь 3 л. 50 экз.

Вейнбергъ, Л. О. Краткіе литературно-историческіе очерки. Для городскихъ училищъ 1872 г., фельдшерскихъ, желѣзнодорожныхъ и торговыхъ школь. М. 1912. Изд. и тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (16×23). VII+339 стр. Ц. 70 к. Вѣсь 29 л. 3.000 экз.

Воронежская старина. Выпускъ II-й. Воронежъ. 1912. Изд. Церковнаго Историко-Археолог. Комитета. Тип. П. Кравцовъ и К° (Б. Двор., д. Сомова). 8° (17×25). II+335+11+156+4 нен. стр.+2 портр. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 28 л. 1.000 экз.

Воронежское Дворянство въ Отечественную войну. М. 1912. Изд. Губ. Предводителя Дворянства. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 4° (26×35). 385 стр.+12 лист. портр. Вѣсь 5 ф. 13 л. 1.000 экз.

Горнфельдъ, А. Г. О русскихъ писателяхъ. Томъ первый. Минувшій вѣкъ. Спб. 1912. Изд. кни-ства Просвѣщеніе. Тип. Акц. О-ва «Самообразование» (Забалканскій пр., 75). 12° (14×21). VI+292 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 26 л. 3.300 экз.

Гуляевъ, А. А., свящ. Година испытанія—година славы (1812). Уфа. 1912. Изд. автора. Тип. Губернская. 16° (11×17). 20 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 1 л. 300 экз.

Дьяконовъ, М. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Спб. 1912. Изд. «Право», 4-е, испр. и доп. (Литейный, 28). Тип. «Правда» (Разъѣзжая, 16—18). 8° (16×23). XV+489 стр. Ц. 2 р. 75 к. Вѣсь 1 ф. 19 л. 3.000 экз.

Затворницкій, П. М. Фельдмаршалъ Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Спб. 1912. Тип. Тренке и Фюсно (Максим. пер., 13). 8° (17×24). 64 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсь 6 л. 23.000 экз.

Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей. Часть 4. М. 1913. Изд. 3-е. Тип. Вильде (М. Кисловка, с. д.). 8° (16×24). 7+2 пен.+233 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 25 л. 1.200 экз.

Ивановскій, Н. И. Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола. Ч. II. Обличеніе раскола. Ч. III. Свѣдѣнія о сектахъ рационалистическихъ и мистическихъ. Казань. 1912. Изд. Казанск. Дух. Академіи, 9-е. Тип. Университета. 8° (17×23). 353+III стр. Скл.: Воскресенская, д. Матвѣевского, кн. маг. Голубева. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсь 20 л. 2.500 экз.

Кандаратскій, М., проф. Сказанія кн. Курбскаго, съ приложеніемъ плана осады г. Казани въ 1552 году. Казань. 1912. Изд. автора. Тип. Окр. Штаба. 8° (16×24). XI+19 стр.+1 планъ. Вѣсь 7 л. 820 экз.

Карамзинъ, Н. М. Марea Посадница, или покореніе Новгорода. Историческая повѣсть. М. 1912. Тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (12×18). 96 стр. Вѣсь 4 л. 12.000 экз.

Каталогъ антикварной торговли П. Шибанова. Императоръ Александръ I, Наполеонъ и Отечественная война. М. 1912. Тип. А. И. Снегиревой. 16° (12×17). 96 стр. Вѣсь 6 л. 1.825 экз.

Краткая исторія 188-го пѣхотнаго Карскаго полка. Саратовъ. 1912. Тип. П. С. Феокритова (Соборн. площ., св. д.). 16° (13×18). 20 стр.+2 портр. Вѣсь 2 л. 2.400 экз.

Краткій обзоръ выставки въ память Отечественной войны 1812 г.—8 сент. 1912 г.—1 февр. 1913 г. М. 1912. Тип. А. А. Левенсонъ (Трехпрудн. пер., соб. д.). 8° (13×22). 71 стр.+1 портр. Вѣсь 7 л. 12.000 экз.

Крыловъ, В. Н. Господинъ Великій Новгородъ. «Книжка за книжкой», кн. 112. Спб. 1912. Тип. К. И. Липгарда (Коломенская, 39). 16° (14×19). 5 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсь 6 л. 3.150 экз.

Левшинъ, А. Конецъ великой арміи и ея погубители. Столѣтіе Отечественной войны. М. 1912. Изд. жур. Вѣрность. Тип. Русская печатня (Триумф.-Садовая, 170). 16° (11×17). 32 стр. Съ рис. Ц. 5 к. Вѣсь 2 л. 6.500 экз.

Леонтьевъ, К. Собраніе сочиненій. Т. 6. Востокъ, Россія и Славянство. М. 1912. Изд. и тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8° (16×23). 359 стр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсь 1 ф. 1 л. 3.000 экз.

Леонтьевъ, К. Собраніе сочиненій. Т. 8. Критическія статьи. М. 1912. Изд. и тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8° (16×23). 357 стр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсь 1 ф. 1 л. 3.000 экз.

Погодинъ, А. А., проф. Адамъ Мицкевичъ. Его жизнь и творчество. Т. II. М. 1912. Изд. и тип. Е. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8° (15×23).

350 стр.+5 лист. рис. Складъ: Т-во Культура (Кузнецкій мостъ, 11). Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 3.000 экз.

Погожева, А. А. Двѣнадцатый годъ. Изъ разсказовъ бабушки. Обще-доступная библиотечка. Ступина. М. 1912. Изд. 3-е, А. Д. Ступина. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ. 16° (13×18). 48 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Въсь 4 л. 12.000 экз.

Прозрителевъ, Г. 1812—1912. Военное прошлое нашихъ калмыкъ. Ставропольскій Калмыцкій полкъ и Астраханскіе полки въ Отечественную войну 1812 года. Труды Ставропольской ученой архивной комиссіи. Вып. III. Ставрополь. 1912. Изд. Ставроп. ученой архивной комиссіи. Тип. Губ. Правленія. 8° (18×28). 144+28+60+44+30+XXXXIII+17 лист. рис. Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 27 л. 1.500 экз.

Романовскій, В. Е. Отечественная война 1812 года. М. 1912. Изд. к-ства К. И. Тихомирова (Кузнецкій мостъ, д. Захарыина), 2-е. Тип. Гросманъ и Вендельштейнъ. 8° (15+23). 144 стр. Съ рис. Ц. 40 к. Въсь 14 л. 5.000 экз.

Рощаль, Е. А. Былины и былевой эпосъ. Пособіе для учащихся и учащихся. Всероссійская ученическая библиотечка. Варшава. 1912. Тип. Каневского и Вацлавовича (Зельная, 20). 16° (12×16). 88 стр. Ц. 25 к. Въсь 6 л. 3.000 экз.

Сборникъ Нижегородской Губернской Ученой Архивной комиссіи. Томъ XIII. Выпускъ IV. Н.-Новгородъ. 1912. тип. Нижегород. Печатное Дѣло. 8° (13×21). 146+51 стр. Ц. 30 к. Въсь 20 л. 500 экз.

Слугиновъ, С. О. М. Суворовъ. Біографическій очеркъ. (Отд. отъ изв. „Изв. Физ.-Мат. О-ва при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“). Казань. 1912. Тип. Университета. 8° (16×24). 4 стр. Въсь 1 л. 100 экз.

Сумскій, В. Краткая Русская Исторія. М. 1912. Изд. кн. маг. В. В. Думнова. 11-е. Тип. университета. 8° (15×22). 2 нен.+180 стр. Ц. 50 коп. Въсь 14 л. 4.000 экз.

Тереховъ и Туношинскій. Памятка о боевыхъ столкновеніяхъ, происшедшихъ на территоріи Варшавскаго военнаго округа въ 1812 г. Варшава. 1912. Изд. Варш. отд. Имп. Русскаго Военно-Истор. общества. Тип. Окр. Штаба (Саксонская пл., 7). 8° (14×22). II+56 стр. съ портр.+6 картъ. Въсь 11 л. 220 экз.

Тятаренко, Александръ. Сенатская контора въ Москвѣ. По документамъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Сѣдлецъ. 1912. Изд. автора. Тип. Сѣдлец. губ. правл. 8° (13×20). 50 стр. Въсь 5 л. 250 экз.

Труды Полтавской ученой архивной комиссіи. Вып. 9-й. Подъ ред. П. Фр. Павловскаго, А. Ф. Мальцева, Л. В. Падалки и В. А. Пархоменко. Полтава. 1912. Тип. Г. И. Маркевича (Бульв. Котляревскаго). 8° (17×25). 206+25+72 стр. Съ рис.+5 лист. рис.+3 плана. Ц. 75 к. Въсь 25 л. 700 экз.

Химичъ, Н. И. 1812—1912. Русскіе богатыри двѣнадцатаго года. Кіевъ. 1912. Тип. Губ. Правл. (Зд. Присутствен. мѣстъ). 8° (19×26). 8 стр. Въсь 2 л. 1.000 экз.

Чистяковъ, С. Либава въ событіяхъ Отечественной войны 1812 года. Либава. 1912. Тип. Голосъ Либавы (Юліанинская, 50). 8° (13×22). 33 стр. 1 карта. Въсь 4 л. 2.000 экз.

Щербина, Ф. А. Очерки борьбы русскихъ съ черкесами. Историческіе очерки. Екатеринодаръ. 1912. Тип. Т-ва Печатникъ. 8° (16×24). 81 стр.+8 л. рис. Въсь 11 л. 2.000 экз.

Алексѣевъ, П. Повторительныя таблицы Русской исторіи. Подроб-

ная хронологическая таблица въ связи съ событіями культурно-историческими. Вопросительныя таблицы для общаго повторенія. Родословныя таблицы русскихъ государей. Пособіе для средней школы. Одесса. 1912. Изд. книгоизд. Школа. Тип. М. С. Козмана (Госпитальная, 10). 16° (13×18). 32 стр. Ц. 8 к. Въсь 3 л. 2.000 экз.

Андріановъ, П. Великая Отечественная война. Борьба Россіи съ Наполеономъ въ 1812 г. Безплатное приложеніе къ журналу «Русскій Воинъ» за 1912 г. Одесса. 1912. Тип. Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла. 8° (16×23). 288 стр. Съ рис.+1 карта. Въсь 23 л. 2.500 экз.

Битва гигантовъ. Бородинское сраженіе 26-го августа 1812 г. Одесса. 1912 г. Изд. Альманаха Родина. Тип. Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла. 8° (17×25). 8 стр. Въсь 6 л. 2.000 экз.

Болтянскій, Г. М. Н. Добролюбовъ (личность и значеніе). Къ 50-лѣтію со дня смерти. Павлоградъ. 1912. Тип. Трудъ и Искусство. 8° (14×21). 32 стр. Въсь 4 л. 300 экз.

Бородинское сраженіе (1812—1912 г. Юбилейное изданіе). М. 1912. Изд. А. Д. Сазонова (Лубянская пл., Китайскій пр., д. Человѣколюбиваго об-ва). Тип. П. В. Бѣльцова (Чистопрудный проѣздъ, 14). 18° (13×17). 16 стр. Въсь 1 л. 1.200 экз.

Бѣльченко, Г. П., Пахлюпуло, Н. К., Подлипскій, А. В., Флеровъ, А. П., Щербина, А. Д. Къ юбилею Отечественной войны. 1812—1912. Въ помощь изучающимъ романъ гр. Л. Н. Толстого «Война и Миръ». Одесса. 1912. Тип. О-ва Св. Климента (Дерибасовская, 13). 8° (17×25). IV+110 стр. Ц. 50 к. Въсь 12 л. 3.000 экз.

Взрывъ Кремля и выѣздъ Наполеона изъ Москвы. Юбилейное изданіе 1812—1912 г. М. 1912. Изд. А. Д. Сазонова (Лубянская пл., Китайскій пр., д. Человѣколюбив. об-ва). Тип. П. В. Бѣльцова (Чистопрудный пр., 14). 18° (13×17). 16 стр. Въсь 1 л. 12.000 экз.

Военскій, К. Священной памяти двѣнадцатый годъ. Историческіе очерки и статьи, относящіеся къ 1812 году. Спб. 1912. Изд. и Тип. Книгоизд. Сельскаго Вѣстника (Мойка, 32). 8° (18×25). 364 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 1 л. 3.000 экз.

Вторженіе Наполеона въ предѣлы Россіи. 1812—1912 г. Юбилейное изданіе. М. 1912. Изд. А. Д. Сазонова (Лубянская пл., Китайскій проѣздъ, д. Человѣколюб. об-ва). Тип. Бѣльцова (Чистопруд. проѣздъ, 14). 8° (12×16). 16 стр. Въсь 1 л. 12.000 экз.

Головки, Л. В. Русь и Домъ Рюрика, Россія и домъ Романовыхъ. Краткій историческій очеркъ. Къ трехсотлѣтію Русскаго Царствующаго Императорскаго Дома Романовыхъ. Одесса. 1912. Изд. автора (г. Бѣлцы, Бессарабск. губ.) и Тип. Спортъ и Наука (Екатерининск., 25). 8° (14×20). 80 стр. Съ портр. Ц. 25 к. Въсь 6 л. 10.000 экз.

Гуровъ, В. П. Московскіе драгуны въ Отечественной войнѣ 1812 года. М. 1912. Тип. Штаба Московск. Воен. Окр. (Остоженка, д. Воен. Вѣд.). 8° (17×26). 128+LXIV стр. Съ рис.+5 таб. рис.+2 карты. Въсь 31 л. 1.020 экз.

Двѣнадцатый годъ. Вып. I. М. 1912. Изд. А. М. Громова (Буревѣстника) (г. Тверская Ямская, 24). Тип. Наше слово (Садово-Триумфальная, 2). 4° (26×35). 8 стр. Ц. 5 к. Въсь 2 л. 2.000 экз.

Двѣнадцатый годъ. Вып. II. М. 1912. Изд. А. М. Громова (Буревѣстники)

(Л. Тверская-Ямская, 24). Тип. Наше Слово (Садовая-Триумфальная, 2). 4° (26×35). 8 стр. Ц. 5 к. Вѣсь 2 л. 1.500 экз.

Костомаровъ, Н. И. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Кн. П. Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVII-е столѣтіе. Спб. 1912. Изд. Литературнаго фонда. Тип. М. М. Стасюлевича. 8° (17×25). 441 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 7 л. 5.000 экз.

Кудринскій, О. А. И. С. Никитинъ. Вильна. 1912. Тип. А. Г. Сыркина (Большая, 42). 8° (15×24). 22 стр. Ц. 25 к. Вѣсь 3 л. 50 экз.

Лашковъ, Н. Новгородское ополченіе 1812 г. и памятникъ ему въ Новгородѣ. Спб. 1912. Тип. Н. Я. Стойковой. 8° (16×24). 10 стр. Вѣсь 2 л. 250 экз.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. Вып. I. 1912 г. Мятлевъ, Н. «Тысячники» и Московское дворянство XVI столѣтія. Орелъ. 1912. Тип. губ. правл. 8° (18×27). 87 стр. Складъ: Л. М. Савеловъ (Поварская, Трубниковскій пер., 15). Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 18 л. 800 экз.

Назаревскій, Б. В. Великая отечественная война 1812 года. Въ память ея столѣтія. 1812—1912. Спб. 1912. Изд. Учил. совѣта при Святѣйш. Синодѣ. Тип. Синодальная. 8° (10×27). 44 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсь 6 л. 5.000 экз.

Незеленовъ, А. И. Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. (Въ двухъ частяхъ). Подъ ред. В. В. Калаша. Часть 1. (Съ древнѣйшихъ временъ до Карамзина). М. 1912. Изд. кн. маг. В. В. Думнова (Мясницкая, д. Обидиной), 21-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9). 8° (14×22). VIII+237 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 20 л. 25.100 экз.

Обозрѣніе преподаванія по историко-филологическому факультету Казанскаго университета на 1912—1913 уч. годъ. Казань. 1912. Тип. Университета. 8° (17×25). 14 стр. + 1 табл. Вѣсь 4 л. 320 экз.

Овсяннико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій Т. III. Л. Н. Толстой. Спб. 1913. Изд. И. Л. Овсяннико-Куликовской, 4-е. Тип. М. Стасюлевича (Вас. О., 5-я лин., д. 28). 8° (16×22). 307 стр. Складъ: Спб., Вас. О., 5-я лин., д. 28. Книжн. Складъ М. М. Стасюлевича. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 31 5.000 экз.

Отечественная война и русское общество. 1812—1912. Ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Юбилейное изданіе. Томъ IV. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (22×29). 3 пер.+208 стр. Съ рис. Портр.+33 лист. картъ и портр. Вѣсь 3 ф. 15 л. 3.000 экз.

Покровскій, М. Н. При участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. Томъ V. Книга IX. М. 1912. Изд. Т-ва Миръ (Знаменка, 9). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, соб. д.). 8° (18×27). 156 стр. съ рис.+12 лист. рис. Вѣсь 1 ф. 13 л. 5.000 экз.

Потановъ, В. и Пѣшковъ, А. Хрестоматія по исторіи и теоріи русской словесности. Ревель. 1912. Тип. газ. Ревель. Цейтунгъ. 8° (20×27). 464 стр. Вѣсь 1 ф. 15 л. 1.000 экз.

Пѣтуховъ, Е. В. Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. Юрьевъ. 1912. Тип. К. Маттисена. 8° (16×24). XXII+496 стр. Ц. 4 р. Вѣсь 1 ф. 20 л. 3.000 экз.

Русскій народъ въ Отечественную войну. 1812—1912 г. Юбилейное изданіе. М. 1912. Изд. А. Д. Сазонсва (Лубянская пл., Китайскій пр., д. Человѣколюб.

об-ва). Тип. П. К. Бѣльцова (Чистопрудный пр., 14). 16° (13×17). 16 стр. Вѣсь 1 л. 12.000 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. II, вып. 2-й: русская литература, начало XIX в. Романтическое направленіе XIX в. Примѣнительно къ «Исторіи русской словесности» того же автора ч. II. Спб. 1912. Изд. Я. Банмакова и К°, 3-е. Тип. В. Андерсона и Г. Лойцманскаго (Вознесен. пр., 53). 8° (16×23). 180 стр. Ц. 75 к. Вѣсь 21 л. 3.000 экз.

Скабичевскій, А. М. М. Ю. Лермонтовъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Спб. 1912. Изд. Ф. Павленкова, 3-е (Лештукъ, 2). Тип. Ю. П. Эрлиха. 16° (12×19). 96 стр. Съ 5 рис. Ц. 25 к. Вѣсь 7 л. 3.100 экз.

Смирновскій, П. Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Для средних учебныхъ заведеній. Ч. 2. Время отъ Ломоносова до Карамзина. М. 1912. Изд. А. С. Павлафиной (Лялинъ пер., соб. д.). 14-е. Тип. А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (15×22). VIII+464 стр. Ц. 1 р. 40 к. Вѣсь 1 ф. 8 л. 10.000 экз.

Сраженіе подъ Краснымъ (1812—1912 г. Юбилейное изданіе). М. 1912. Изд. А. Д. Сазонова (Лубянская пл., Китайскій пр., д. Человѣколюб. об-ва). Тип. П. В. Бѣльцова (Чистопрудный проездъ, 14). 18° (14×19). 16 стр. Вѣсь 1 л. 12.000 экз.

Сраженіе подъ Краснымъ и Смоленскомъ. Юбилейное изданіе 1812—1912 г. М. 1912. Изд. А. Д. Сазонова (Лубянская пл., Китайскій пр., д. Человѣколюб. об-ва). Тип. П. В. Бѣльцова (Чистопрудный пр., 14). 18° (13×17). 16 стр. Вѣсь 1 л. 12.000 экз.

Сраженіе при городѣ Малоярославцѣ. Юбилейное изданіе. 1812—1912 г. М. 1912. Изд. А. Д. Сазонова (Лубянская пл., Китайскій пр., д. Человѣколюб. об-ва). Тип. П. В. Бѣльцова (Чистопрудный пр., 14). 18° (12×16). 16 стр. Вѣсь 1 л. 12.000 экз.

Степанецъ, Богданъ. Л. П. Толстой—какъ педагогъ. Вильна. 1912. Тип. А. Г. Сыркина (Большая, 42). 8° (15×24). 30 стр. Ц. 25 к. Вѣсь 4 л. 50 экз.

Степанецъ, Богданъ. М. В. Ломоносовъ. Вильна. 1912. Тип. А. Г. Сыркина (Большая, 42). 8° (15×24). 22 стр. Ц. 25 к. Вѣсь 3 л. 50 экз.

Столѣтіе Отечественной войны (1812—1912). Одесса. 1912. Изд. Одесскаго Епархіальнаго Свято-Андреевскаго братства. Тип. Дмитріева. Херсонско-Одесскаго Епарх. Дома. 8° (16×23). 4 стр. Вѣсь 1 л. 100.000 экз.

Столѣтіе Отечественной войны 1812—1912 г. Историч. очеркъ Елисаветградъ. 1912. Изд. М. Фунштейна. Тип. Ламъ и Човникъ. 8° (14×22). 40 стр.+2 портр. Ц. 12 к. Вѣсь 4 л. 2.000 экз.

Шпаковъ, А. Я., проф. Государство и церковь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ Московскомъ государствѣ. Царствованіе Θεодора Ивановича. Учрежденіе патріаршества въ Россіи. Одесса. 1912. Тип. Техникъ (Екатерининская, 58). 8° (18+27). XXII+399 стр. Вѣсь 1 ф. 17 л. 1.500 экз.

Шпаковъ, А. Я., проф. Государство и церковь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ Московскомъ государствѣ. Царствованіе Θεодора Ивановича. Учрежденіе патріаршества въ Россіи. Приложенія. Часть II. Одесса. 1912. Тип. Техникъ (Екатерининская, 58). 8° (19×26). VII+200 стр. Вѣсь 24 л. 800 экз.

Щербицкій, О. В. Суды въ бывшемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ.

Вильна. 1912. Тип. Артели Печати. Дѣла. 8° (22×28). LXXIX стр. Вѣсь 14 л. 100 экз.

Ясевичъ-Бородаевская, В. И. Борьба за вѣру. Историко-бытовые очерки и обзоръ законодательства по старообрядчеству и сектантству въ его послѣдовательномъ развитіи съ приложеніемъ статей закона и Высочайшихъ указовъ. Спб. 1912. Тип. Государственная. 8° (19×28). XXX+656 стр. Съ рис. Складъ: Спб., Преображенская, 32, кв. 22, у автора. Ц. 4 р. Вѣсь 4 ф. 2 л. 2.500 экз.

Барсовъ, А. В. Литература послѣ Гоголя. Посobie для гимназій. Тифлисъ. 1912. Изд. автора (Кирочная, 41). 2-е доп. Тип. Канцеляріи Намѣстника. 8° (16×23). 324 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 1 ф. 600 экз.

Васенко, С. В. Годъ великаго испытанія. (Отечественная война). Для народа и начальныхъ школъ. Спб. 1912. Изд. Я. Башмакова. Тип. Александрова (Надеждивская, 43). 8° (14×21). 75 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсь 8 л. 4.800 экз.

Военскій, К. Вильна въ 1812 году. Изъ воспомин. франц. генераловъ гр. Гогендорпа и Рохъ-Годара. Спб. 1912. Тип. Сельскаго Вѣстника (Мойка, 32). 8° (17×25). 40 стр. Съ рис. Вѣсь 5 л. 3.000 экз.

Воскресенскій, Константинъ. Краткая Отечественная Исторія въ очеркахъ и біографіяхъ. Примѣнительно къ курсу народныхъ училищъ. Рига. 1912. Изд. К. Г. Зихмана, 15-е (Колодезная, 5/7). Тип. Мюллера. 8° (14×22). 96 стр. Ц. 30 к. Вѣсь 8 л. 30.000 экз.

Гошкевичъ, В. И. Херсонскій Музей Древностей. Лѣтопись музея за 1909, 1910 и 1911 гг. Вып. 2-й. Херсонъ. 1912. Изд. Херсонск. гор. управл. Тип. О. Д. Ходутиной. 16° (14×18). 85 стр. съ рис. +1 листъ рис. Вѣсь 6 л. 1.000 экз.

Дмитріевъ, Николай. Отечественная война 1812 года. (Очеркъ). Для солдатъ и народа. Одесса. 1912. Изд. 2-е автора (60-й Замосцскій полкъ). Тип. С. Н. Скарлато (Красный пер., 5). 8° (17×23). 24 стр. съ рис. Ц. 12 к. Вѣсь 2 л. 1.000 экз.

Дудинъ, В. О., Стеблевъ, А. П. и Толстовъ, А. С. Русская исторія. Учебникъ для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ. Ч. I. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Питницкая, с. д.), 3-е. 8° (16×22). 301 стр. Съ рис. Ц. 90 к. Вѣсь 30 л. 3.000 экз.

Ивановъ, Н. 1812-й годъ. Разрывъ и вторженіе. Одесса. 1912. Тип. об-ва Русская Рѣчь (Александровскій пр., 11). 16° (12×18). 67 стр. Вѣсь 5 л. 250 экз.

Исторія русской арміи и флота. Томъ XIV. М. 1912. Изд. Книгоизд. Общественное. Тип. Русск. Т-ва (Мельник. п., с. д.). 8° (18×27) 182+2 нен стр. +12 лист. рис. Вѣсь 1 ф. 18 л. 4.000 экз.

Каталогъ выставки худож. истор. Отечеств. война 1812—1814. Коллекція собрана В. И. Брѣвымъ. Спб. 1912. Тип. Невская художеств. (Чубаровъ пер., 9). 8° (13×20). 21 стр. Вѣсь 1 л. 1.250 экз.

Ковалевскій, Михаилъ. Учебникъ русской исторіи для старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Часть II. Курсъ VI-го класса. М. 1912. Изд. и Тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8° (16×25). 227+V+5 нумеров. стр. +14 картъ. Ц. 50 к. Вѣсь 24 л. 5.000 экз.

Колли, Л. П. Указатель Оеодосійскаго Музея Древностей. Оеодосія. 1912. Изд. 6-е доп. и испр. Тип. О. Е. Цвибака. 8° (19×28). 32 стр. Вѣсь 5 л. 500 экз.

Краткій историческій обзоръ Царствованія Дома Романовыхъ 1613—1913

г.г. Одесса. 1912. Изд. и тип. С. И. Фесенко Риппельевская, 49). 8° (16×23). 72 стр. Съ портр. Вѣсь 8.000 экз.

Кувязевъ, К. Е. Отечественная война для войскъ, народа и школъ. Тифлисъ. 1912. Изд. автора. Тип. Штаба Кавказск. воен. окр. 8° (15×22). 16 стр. Съ рис. и портр. Ц. 3 к. Вѣсь 2 л. 20.000 экз.

Кудашевъ, С. С., кн. Исторія Императора Александра Павловича. Ч. III. Отечественная война. М. 1912. Тип. т-ва А. И. Мамонтова (Леонтьевскій пер., 5). 8° (18×27). 441 стр.+16 плановъ. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 28 л. 1.000 экз.

Легатовъ, Илія, прот. Ломоносовъ. 1711—1911. Стихотворенія. Архангельскъ. 1912. Тип. В. Черепанова Н-ки. 16° (13×17). 8 стр. Съ по рт. Вѣсь 2 л. 320 экз.

Львовичъ-Кострица, А. И. М. В. Ломоносовъ, его жизнь, научная, и общественная дѣятельность. Спб. 1912. Изд. 2-е, Павленкова. Тип. Ю. Л. Эрлихъ (Мал. Дворянская, 19). 16° (12×18). 86 стр. съ портр. Скл. Лештуковъ, 2, у П. Луковникова. Ц. 25 к. Вѣсь 7 л. 3.000 экз.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Вып. XII. М. 1912. Изд. книгоизд. Образованіе (Камергерск. пер., 4). Тип. Русскаго т-ва (Мыльниковъ пер., с. д.). 4° (24×32). 120 стр. съ рис.+24 листа рис. Вѣсь 2 ф. 17 л. 2.800 экз.

Мостовскій, А. Краткіе очерки исторіи Россіи. Рига. 1912. Изд. К. Г. Зихмана, 8-е (Колодезная, 5/7). Тип. Мюллера (Гердерова площ., 1). 8° (14×23). 82 стр. съ рис. Ц. 20 к. Вѣсь 7 л. 10.000 экз.

Новиковъ, А. А. С. Грибоѣдовъ. (Пособіе при изученіи русской литературы). Спб. 1912. Тип. Энергія (Загородный, 17). 8° (16×22). 57 стр. Складъ: Спб., Мытинская наб., 5/2. Ц. 30 к. Вѣсь 7 л. 5.000 экз.

Новиковъ, А. И. П. В. Гоголь. Біографія, разборъ его главныхъ произведеній, темы и планы. Учащимся пособие для сочиненій. Спб. 1912. Изд. А. И. Загряжскаго (В. О., Кадетская л., д. 29), 2-е испр. и доп. Тип. В. Безобразова и К° (В. О., Б. пр., д. 61). 8° (15×23). 143 стр. Ц. 40 к. Вѣсь 10 л. 6.000 экз.

Новиковъ, А. И. П. С. Тургеневъ. Біографія, разборъ его главныхъ произведеній, темы и планы. Учащимся пособие для сочиненій. Спб. 1912. Изд. А. И. Загряжскаго (В. О., Кадетская л., д. 29), 2-е испр. и дополн. Тип. В. Безобразова и К° (В. О., Б. пр., д. 61). 8° (15×23). 86 стр. Ц. 40 к. Вѣсь 7 л. 6.000 экз.

Отечественная война 1812 года. Отд. I. Т. XX. Боевыя дѣйствія въ ноябрѣ 1812 г. Спб. 1912. Изд. Глав. Упр. ген. штаба. Тип. Бережливость (Невскій пр., 139). 8° (17×24). 289 стр. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 8 л. 510 экз.

Павловъ, В. И. Л. Н. Толстой. Вып. I. Разборъ произведеній, характеристика дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе: 1) 1812 годъ; 2) Кутузовъ и Каратаевъ; 3) Николай Бетовъ; 4) Княжна Марія. Подробное изложеніе. Война и миръ. Т. I и II. Одесса 1912. Изд. и тип. Книгоизд. М. С. Козмана. 8° (14×21). 43 стр. Ц. 35 к. Вѣсь 6 л. 2.000 экз.

Павловъ, В. И. Л. Н. Толстой. Вып. II. Разборъ произведеній, характеристика дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе: 1) Среди героев «Войны и мира». 2) Пьеръ Безуховъ. 3) Князь Андрей Болконскій. 4) Борис Друбецкой. 5) Наташа Ростова. Подробное изложеніе. Война и миръ. Т. III и IV. Одесса. 1912. Изд. и тип. Книгоизд. М. С. Козмана. 8° (14×21). 28 стр. Ц. 35 к. Вѣсь 4 л. 2.000 экз.

Павловъ, В. И. Л. Н. Толстой. Вып. III. Разборъ произведеній, характеристика дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе: 1) Характеристика Иртеньева Нехлюдова по произведеніямъ Толстого. 2) Исканіе

нія Оленина. Подробное изложене. 1) «Казаки». 2) «Дѣтство, отречество и юность». Одесса. 1912. Изд. и тип. Книгоизд. М. С. Козмана (Госпитальный пер., 10). 8° (14×21). 29 стр. Ц. 35 к. Вѣсь 4 л. 2.000 экз.

Пасынковъ, Н. В. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Биографія и разборъ его главнѣйшихъ произведеній. Плоцкъ. 1912. Изд. автора. Тип. С. Детриха. 8° (15×22). 62 стр. Ц. 50 к. 6 л. 200 экз.

Пасынковъ, Н. В. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Вып. I. И. Тургеневъ и Л. Толстой. Плоцкъ. 1912. Изд. автора. Тип. С. Детриха. 8° (15×22). 126+П стр. Ц. 80 к. Вѣсь 11 л. 400 экз.

Платоновъ, С. Ѳ., проф. Сочиненія. Т. I. Статьи по русской исторіи (1883—1912 г.). Спб. 1912. Изд. 2-е. Тип. М. А. Александрова. 8° (16×22). 528 стр. Складъ: книж. сгл. А. Башмакова. Ц. 3 р. Вѣсь 1 ф. 24 л. 3.000 экз.

Рыбаковъ, Г. И. Повторительный курсъ Русской исторіи. Составленъ по учебнику проф. С. Ѳ. Платонова. Вып. II, съ приложеніемъ хронологической таблицы и вопросовъ для повторенія. Одесса. 1912. Изд. и тип. Книгоизд. М. С. Козмана (Гимназическая. 3). 16° (10×15). 304 стр. Ц. 25 к. Вѣсь 7 л. 3.000 экз.

Саводникъ, В. Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка. Ч. 1. М. 1913. Изд. 8-е. Тип. печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковский пер., 9). 8° (16×23). П+415 стр. съ портр. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсь 1 ф. 11 л. 6.000 экз.

Сергіевскій, Н. Н. Русский поэтъ Левъ Александровичъ Мей. Спб. 1913. Изд. и тип. Книгоиздат. «Сельскаго Вѣстника». 8° (16×23). 26 стр.+1 портр. Ц. 8 к. Вѣсь 3 л. 3.000 экз.

Столѣтіе Бородинской битвы (1812—1912). Одесса. 1912. Изд. и тип. об-ва Русская рѣчь (Александровскій пр., 11). f° (33×48). 16 стр. съ рис. и портр. Вѣсь 9 л. 4.000 экз.

Суворовъ, Н. Владимірская Заоникіева пустынь Вологодской епархіи. 1612—1912. Вологда. 1912. Тип. П. А. Цвѣтова. 8° (15×23). 42 стр. Вѣсь 4 л. 1.000 экз.

Теплыхъ, Н. И. Отечественная война. Историческій очеркъ. Редакція И. М. Катаева (Истор. ком. при учебномъ отдѣлѣ О. Р. Т. 3.). М. 1912. Изд. Задруга, 2-е (Б. Кисловка, д. Азанчевскаго). Тип. П. Рябушинскаго (Путниковск. п. с. д.). 8° (16×24). 65 стр. съ рис. Ц. 20 к. Вѣсь 7 л. 6.000 экз.

Тихвинскій, И. Личность патріарха Гермогена и современное ему русское общество. Рига. 1912. Тип. Г. Гемпеля и К° (Крѣпостная, 7). 8° (14×22). 19 стр. Вѣсь 2 л. 500 экз.

Шайжинъ, Н. С. Зонежская заточница Великая Государыня Инокія Марѳа Ивановна, въ мірѣ боярыня Ксенія Ивановна Романова, мать цари Михаила Ѳеодоровича. Къ 300-лѣтн. юбилею царствующаго Дома Романовыхъ. Петрозаводскъ. 1912. Тип. Губернская. 4° (20×27). 18 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсь 5 л. 5.000 экз.

Эрнъ, В. Григорій Саввичъ Сковорода. Жизнь и ученіе. М. 1912. Изд. Путь (Знаменка, 11). Тип. А. И. Мамонтова (Леонтьевск. пер., 5). 8° (15×21). 342+5 нен. стр.+1 портр. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 2 л. 3.000 экз.

Антикварная Книжная Торговля В. М. Ключкова. Каталогъ № 531. Спб. 1912. Тип. Э. Арнольда. 8° (17×24). 16 стр. Вѣсь 2 л. 1.200 экз.

Бородкинъ, М. Исторія Финляндіи. Время Екатерины II и Павла I.

Спб. 1912. Тип. Государственная. 8° (21×30). XXXI+446 стр.+7 кар. Складъ: ул. Глинки, 15, у автора. Ц. 4 р. Вѣсь 3 ф. 8 л. 1.000 экз.

Ефименко, П. Каменные орудія палеолитической стоянки въ с. Мезинѣ, Черниговской губ. (Отд. оттискъ изъ IV г. Ежегодника Р. Антропологическаго общества при Спб. Университетѣ). Спб. 1912. Тип. А. Г. Розена (Театральная пл., 2). 8° (18×25). 67—102 стр. съ рис. Вѣсь 8 л. 100 экз.

Ефимовъ, подполк. Краткая памятка 86-го пѣхотнаго Вильманстрандскаго полка (1806—1906). Дополненная по 1 января 1912 года. Спб. 1912. Тип. В. Д. Смирнова (Екатер. кан., 45). 8° (16×24). 61 стр. Съ рис. Вѣсь 6 л. 5.000 экз.

Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ М. Ю. Лермонтова. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Часть I. М. 1912. Изд. автора (Спирidonіевская, д. Бойцова), 3-е. Тип. Вильде (Мал. Кисловка, с. д.). 8° (16×23). 215 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 19 л. 1.200 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Вып. 28—29. М. 1912. Изд. Т-ва Миръ (Знаменка, 9). Тип. Т-ва И. Н. Кушнерева и К° (Пименовская, с. д. 8° (19×28). 433+580 стр. Вѣсь 26 л. 13.000 экз.

Левнеръ, И., раввинъ. Отечественная война 1812 года и евреи. Луганскъ. 1912. Тип. С. М. Гаммерштейна. 8° (14×21). 16 стр. Вѣсь 2 л. 1.000 экз.

Мезіеръ, А. В. 1812—1912. Отечественная война въ художественныхъ произведеніяхъ, запискахъ, письмахъ и воспоминаніяхъ современниковъ. Спб. 1912. Изд. Спб. Общество грамотности. Тип. Родникъ (Невскій, 88). 8° (14×21). 204 стр. съ рис. Ц. 30 к. Вѣсь 13 л. 10.000 экз.

Минцловъ, С. Р. Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Вып. IV—V. Времена Александра II, Александра III и Николая II. Новгородъ. 1912. Тип. Губернская. 8° (19×27). 115 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 24 л. 1.500 экз.

Новиковъ, А. Н. М. Ю. Лермонтовъ. Біографія, разборъ его главныхъ произведеній, темы и планы. Учащимся пособие для сочиненій. Спб. 1912. Изд. 2-е, испр. и доп., А. П. Загряжскаго (В. О., Кадетская д., д. 29). Тип. В. Безобразова и К° (В. О., Б. пр., д. 61). 8° (15×23). 64 стр. Ц. 30 к. Вѣсь 5 л. 1.000 экз.

Островская, М. А. Изъ жизни Новгородскаго посадскаго мира въ XVII в. Спб. 1912. Тип. М. М. Стасюлевича. 8° (16×24). 11 стр. Вѣсь 1 л. 50 экз.

Памятники искусства Тульской губерніи. Матеріалы. Вып. I. Годъ I. М. 1912. Тип. Синодальная. 4° (26×33). 4 стр.+17 лист. рис. Вѣсь 27 л. 100 экз.

Памятники искусства Тульской губерніи. Матеріалы Годъ I. Вып. II. М. 1912. Тип. Синодальная. 4° (26×33). 2 стр.+48 лист. рис. Вѣсь 1 ф. 5 л. 100 экз.

Полонская, Н. Домашній и общественный бытъ Московской Руси. Кіевъ. 1912. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (15×23). 64 стр. Вѣсь 7 л. 150 экз.

Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Составлена при участіи профессоровъ и преподавателей подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Томъ III. Кіевъ. 1912. Изд. кн. маг. Н. Я. Оглоблина (Крещатикъ, 33). Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (15×24). 754+4 неп стр. Съ рис. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсь 2 ф. 5 л. 2.600 экз.

С. Г. и А. С. Доскиевская культура въ Россіи. По источникамъ, даннымъ преподавателемъ исторіи Г. и М. М. 1912. Тип. Штаба Моск. Воен. Округа. 8° (16×20). 7 стр. Вѣсь 1 л. 100 экз.

Соловьевъ, В. П. Памяти героя Отечественной войны 1812 г. К. Ф. Багговута. Калуга. 1912. Тип. губ. правленія, 8° (16×23). 4 стр. Въсь 1 л. 50 экз.

Столѣтіе Отечественной войны. 1812—1912. Одесса. 1912. Изд. и тип. Димитріевскаго Херсоно-Одес. Епар. дома 8° (17×25). 4 стр. Въсь 1 л. 50.000 экз.

Труды Псковскаго Археологическаго Общества. 1911—1912 г. Выпускъ 8-й. Псковъ. 1912. Тип. Губ. Земства. 8° (14×22). 317 стр. Ц. 1 руб. Въсь 29 л. 300 экз.

Шафровъ, С. И. Дни юбилейныхъ торжествъ. На поляхъ Бородина. М. 1912. Тип. Русская Печатня (Триумф.-Садовая, 170). 16° (10×17). 64 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Въсь 4 л. 8.000 экз.

Васенко, П. Г., проф., Платоновъ, С. Ф. и Тураева-Церетелл, Е. Ф. Начало династїи Романовыхъ. Историческіе очерки. Спб. 1912. Изд. Я. Башмакова. Тип. М. Волковича. 8° (16×23). 248 стр. Съ 12 рис. Ц. 1 р. 75 к. Въсь 1 ф. 10 л. 5.000 экз.

Дудинъ, В. О., Стеблевъ, А. П. и Толстовъ, А. С. Русская исторія. Учебникъ для младшихъ классовъ и среднихъ учебныхъ заведеній, мужск. и женск. для городскихъ по положенію 1872 г. училищъ, торговыхъ школъ и вечерне-воскресныхъ классовъ. Ч. П. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина, 2-е (Пятницкая, с. д.). 8° (13×22). 494 стр. Съ рис. и портр. Ц. 1 р. 10 к. Въсь 1 ф. 14 л. 3.000 экз.

Записки Императорскаго Новороссійскаго университета Историко-филологическаго факультета. Выпускъ VII подъ ред. проф. А. П. Доброклонскаго. Видлинскій, С. Г. Житіе св. Василя Новаго въ русской литературѣ. Часть II. Тексты житія. Одесса. 1911. Тип. Техникъ (Успенскій, 66). 8° (18×26). 1018 стр. Ц. 8 р. 60 к. Въсь 3 ф. 14 л. 300 экз.

Ивановъ, Ив. Пав., проф. Изъ Исторіи Москвы. Библиотека для семьи и школы. М. 1912. Изд. Ред. Юная Россія, 4-е. (Б. Молчановка, 18). Тип. К. Л. Меньшова (Арбатъ, Никольскій пер., 21). 8° (15×21). 96 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Въсь 10 л. 4.800 экз.

Исторія Холмской Руси. I, II и III. С. Шамордино. 1912. Изд. и тип. Казанск. Амврос. женск. пустыни. 8° (15×22). 4+4+4 стр. Въсь 1 л. 1.000 экз.

Кабачиновъ, В. Е. и Мясниковъ, Г. Н. Отечественная исторія. Учебная книга для начальныхъ училищъ. Оренбургъ. 1912. Тип. и-цы Бреслина. 8° (17×22). 39 стр. Ц. 30 к. Въсь 4 л. 5.000 экз.

Князевъ, Г. М. Историческій очеркъ. С.-Петербургскаго Перваго Реальнаго училища 1862—1912 г. Спб. 1912. Тип. Т-ва А. С. Суворина, «Новое Время» (Эртелевъ, 13). 8° (16×24). IV+87+234 стр. Съ 12 рис. и 11 портр. Въсь 2 ф. 3 л. 1.000 экз.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ столѣтію битвы народовъ подѣ Лейпцигомъ

(4—7 октября 1913 года).

Въ началѣ XIX столѣтія русскіе и нѣмецкіе художники, изображая сраженіе подѣ Лейпцигомъ, при непосредственномъ участіи трехъ союзныхъ монарховъ, помѣщали ихъ въ такомъ порядкѣ: первое мѣсто было предоставлено, душѣ коалиціи, Императору Александру I, второе Австрійскому Императору и третье Прусскому Королю.

Картина этого характера приложена къ октябрьской книгѣ „Русской Старины“ къ стр. 23 статьи „Атака лейбъ-казаковъ подѣ г. Лейпцигомъ“.

Въ такомъ же духѣ писали нѣмцы въ прошломъ столѣтіи свои батальныя картины Лейпцигской эпопеи.

Приложенная къ декабрьской книгѣ „Русской Старины“ нѣмецкая картина „Святое мгновеніе“ (Der heilige Augenblick) послѣ битвы подѣ Лейпцигомъ 6(18) октября изображаетъ въ молитвѣ трехъ союзныхъ монарховъ въ такомъ же порядкѣ, какъ было выше указано—съ первымъ мѣстомъ Русскому Императору, и третьимъ Прусскому Королю.

Черезъ сто лѣтъ изображеніе историческихъ событій германцами совершенно перемѣнилось: на германскомъ памятникѣ битвы народовъ о участіи Россіи совсѣмъ не упоминается, а современные германскіе художники (проф. Вернеръ Шухъ)

воспроизводить лейпцигское сраженіе такъ: первое мѣсто занимаетъ Прусскій Король Фридрихъ Вильгельмъ III, второе—Францъ I, Императоръ Австрійскій, и лишь третье мѣсто удѣлено Александру I, Императору Россійскому.

Такъ сказывается нѣмцами исторія черезъ 100 лѣтъ, и таковъ удѣлъ политическихъ благодѣяній, несоотвѣтствующихъ истиннымъ благамъ государства.

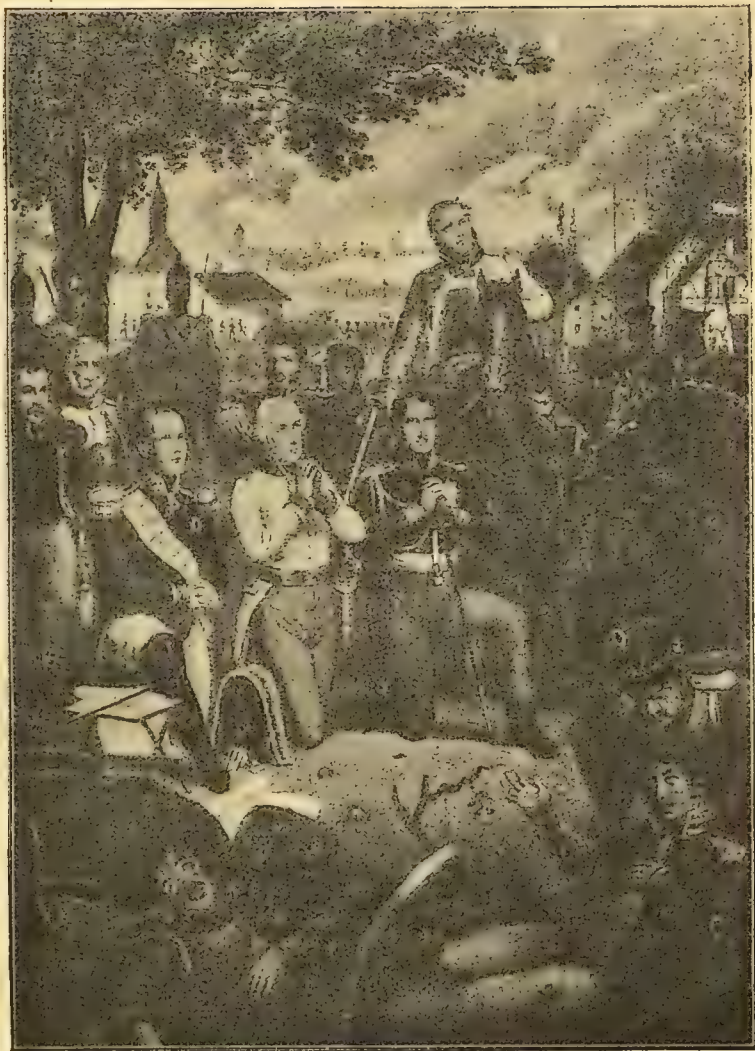
П. В.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

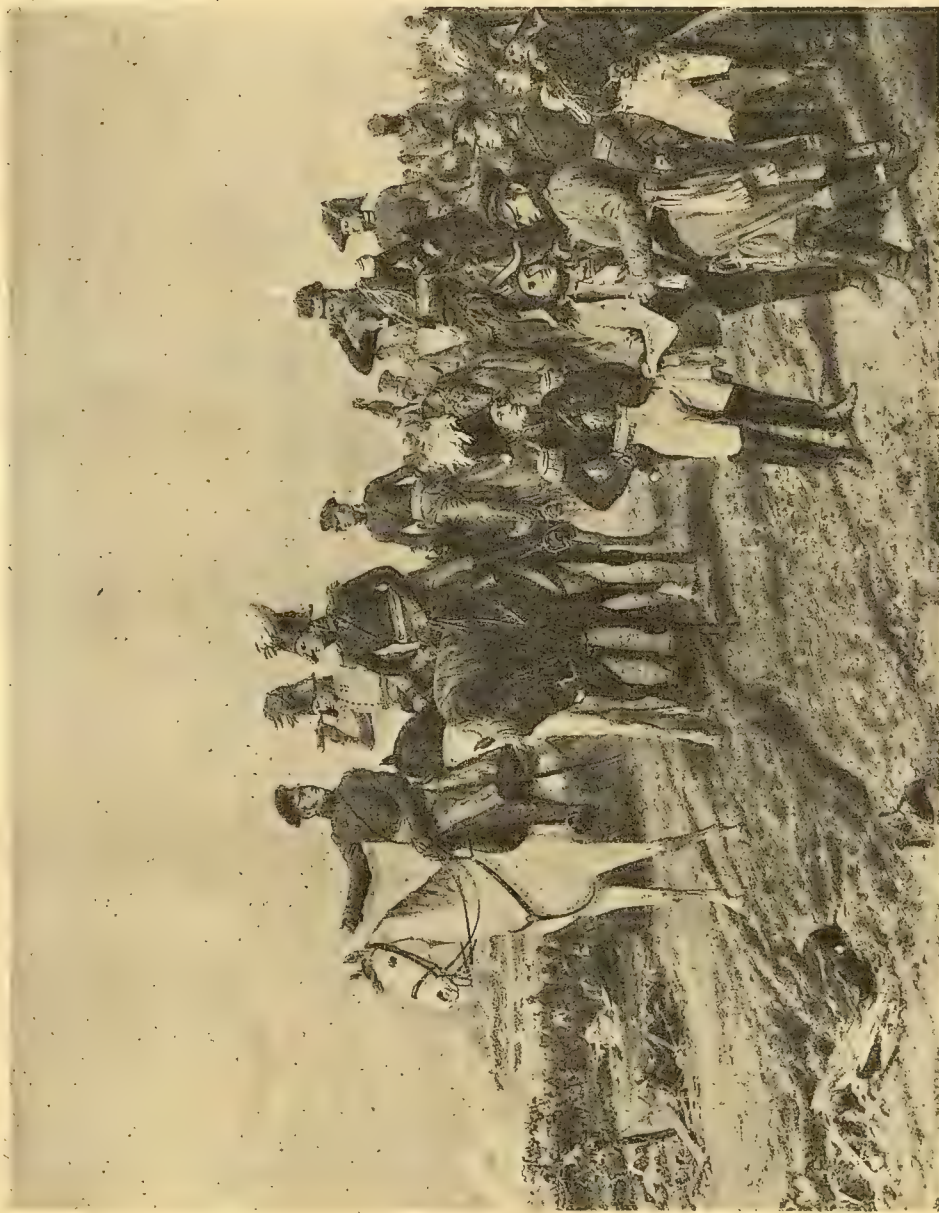
Къ столѣтію битвы народовъ.

Святое мгновеніе (Der heilige Augenblick), послѣ битвы подѣ
Лейпцигомъ 6 (18) октября 1813 г.

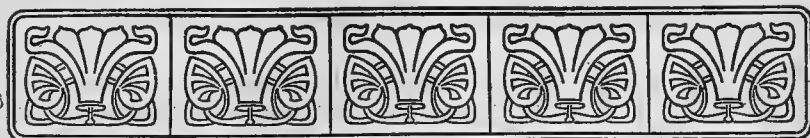

Къ столѣтію битвы народовъ.

Союзные монархи въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, 6 (18) октября 1813 г. въ изображеніи современнѣхъ, германскихъ, художниковъ.

Журнальный фонд
Московский обл. библиотеки

Родители великаго князя Павла Петровича ¹⁾.

Для исполненія вышеприведенныхъ инструкцій гофмаршаломъ двора великаго князя Петра Теодоровича назначенъ былъ генералъ князь Василій Никитичъ Репнинъ, по общему отзыву современниковъ, человекъ благородный и честный, а оберъ-гофмейстериней великой княгини—Марія Симоновна Чоглокова, урожденная Гендрикова, статсъ-дама и двоюродная сестра императрицы; жена камергера Чоглокова, женщина еще молодая, страстно любившая своего мужа, и мать нѣсколькихъ дѣтей. „Выборъ Репнина“, говоритъ Екатерина, „не былъ непріятенъ ни мнѣ, ни великому князю. Князь Репнинъ имѣлъ много благородства въ чувствахъ. Мы съ великимъ княземъ старались приобрести его расположеніе; онъ, съ своей стороны, старался дать намъ всякаго рода доказательства добрыхъ его намѣреній“. Другое впечатлѣніе произвело на нее назначеніе Чоглоковой ея главной надзирательницей. „Это меня, какъ громомъ, поразило“, пишетъ Екатерина: „дама была совершенно предана графу Вестуеву, очень грубая, злая, капризная и очень корыстная... Я много плакала, видя, какъ она переѣзжаетъ, и также и весь остальной день; на слѣдующій день мнѣ должны были пустить кровь“. Но еще до кровопусканія великую княгиню навѣстила сама императрица. „Она вошла“, рассказываетъ Екатерина, „и сказала мнѣ съ разгнѣваннымъ видомъ, чтобы я шла за ней. Она остановилась въ комнатѣ, гдѣ никто не могъ насъ ни видѣть, ни слышать, и тутъ она мнѣ сказала (въ теченіе двухъ лѣтъ, какъ я была въ Россіи, это она въ первый разъ говорила со мною по душѣ или, по крайней мѣрѣ, безъ свидѣтелей. Она стала меня бра-

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1913 г.

нить, спрашивать не отъ матери ли я получила инструкціи, по которымъ я веду себя, что мои плутовскія продѣлки и хитрости ей извѣстны, что она все знаетъ; что когда я хожу къ великому князю, то это изъ-за его камердинеровъ; что я причиной того, что бракъ мой еще не завершёнъ тѣмъ, чему женщина не можетъ быть причиной), что если я не люблю великаго князя, это не ея вина, что она не выдавала меня противъ моей воли; наконецъ, она высказала тысячу гнусностей, половину которыхъ я забыла. Я ждала минуты, когда она станетъ меня бить, какъ, по счастью, пришелъ великій князь, въ присутствіи котораго она перемѣнила разговоръ и сдѣлала видъ, что ничего не было. Я не знаю, что бы изъ этого вышло: она больше всего походила на фурію. Я сдѣлала нѣсколько усилій, чтобы оправдаться, но, какъ только она видѣла, что я открываю ротъ, она мнѣ говорила: „молчите, я знаю, что вы ничего не можете мнѣ отвѣтить“. Подробности этой сцены, сохранившіяся въ самой ранней редакціи „Записокъ“ Екатерины, составленныя спустя 12 лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, лучше всего говорятъ и о необыкновенномъ раздраженіи императрицы, обманутой въ лучшей своей надеждѣ — чтобы „Имперіи пожеланной наслѣдникъ и отрасль нашего всевысочайшаго Императорскаго Дома получена быть могла“, какъ сказано было въ „Инструкціи“, — и о ея ослѣпленіи относительно виновности великой княгини въ этомъ дѣлѣ. Молчалъ объ этомъ и великій князь, „qui“, говорится въ современномъ извѣстіи, „croquant que son malheur était pour lui une loi irrévocable de la nature, s'y était soumis avec assez de résignation“ ¹⁾. На слѣдующій день великій князь отвелъ меня въ сторону, и я ясно увидала, что ему дали понять, что Чоглокова приставлена ко мнѣ потому, что я не люблю его, великаго князя, но я не понимаю, какъ могли думать объ усиленіи моей нѣжности къ нему тѣмъ, что мнѣ дали эту женщину; я ему это и сказала ²⁾. Чтобы

¹⁾ Envoyé par M. de Champeau fils le 8 Septembre 1758. Вилъбасовъ, I, 535.

²⁾ Въ другой, ранней редакціи „Записокъ“ Екатерина сообщаетъ слѣдующія подробности этого свиданія съ супругомъ, относя его ко времени непосредственно слѣдовавшаго за свиданіемъ съ императрицей: „Великій князь удался къ себѣ. Мнѣ показалось, что онъ на меня дуетъ; я осталась у себя, не смѣя довѣриться ни одной живой душѣ и, такъ сказать, съ ножомъ въ груди; я все же вытерла слезы и вышла къ обѣду. Какъ только онъ кончился, я, совершенно удрученная, бросилась во всемъ нарядѣ на канапе и взяла книгу; послѣ того, какъ я немного почитала, я увидѣла, что въ мою комнату входитъ великій

служить мнѣ аргусомъ, это—другое дѣло; впрочемъ, для этой цѣли надо было бы выбрать менѣе глупую, и, конечно, для этой цѣли недостаточно было быть злой и неблагожелательной. Чоголову считали чрезвычайно добродѣтельной, потому что тогда она любила своего мужа до обожанія; она вышла за него замужъ по любви; такой прекрасный примѣръ, какойставляли мнѣ напоказъ, долженъ былъ, вѣроятно, убѣдить меня дѣлать то же самое¹⁾. Императрица Елисавета, вѣроятно, думала смягчить ударъ для Екатерины тѣмъ, что въ надзирательницы ей назначили свою родственницу, но горе Екатерины, покинутой всѣми, было неописуемо. „Я была въ такомъ сильномъ отчаяніи“, вспоминала Екатерина объ этомъ случаѣ, спустя 12 лѣтъ, „что, если прибавить къ нему героическія чувства, какія я питала, это заставило меня рѣшиться покончить съ собою; такая полная волненій жизнь и столько со всѣхъ сторонъ несправедливостей и никакого впереди выхода заставили меня думать, что смерть предпочтительнѣе такой жизни. Я легла на канапе и, послѣ получасу крайней горести, пошла за большимъ ножомъ, который былъ у меня на столѣ, и собиралась рѣшительно вонзить его въ сердце, какъ одна изъ моихъ дѣвушекъ вошла, не знаю зачѣмъ, и застала меня за этой прекрасной попыткой. Ножъ, который не былъ ни очень острый, ни очень отточенъ, лишь съ трудомъ проходилъ чрезъ корсетъ, бывшій на мнѣ. Она схватилась за него; я была почти безъ чувствъ; я испугалась, увидавъ ее, потому что я ее не замѣтила. Она была не глупа (въ настоящее время она замужемъ за полковникомъ Кашкинымъ, командиромъ Тобольскаго полка)²⁾. Она постаралась заставить меня отказаться отъ этой неслыханной мысли и пу-

князь; онъ подошелъ прямо къ окну; я встала и подошла къ нему; я спросила, что съ нимъ, и сердится ли онъ на меня. Онъ смутился и, помолчавъ нѣсколько минутъ, сказалъ: „мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы меня любили такъ, какъ любите Чернышева“. При дальнѣйшемъ объясненіи великій князь назвалъ, однако, не Андрея, а его двоюроднаго брата, Петра Чернышева. „До сихъ поръ не знаю“, пишетъ Екатерина, „почему его избрали предметомъ этихъ подозрѣній... Андрей былъ его и мой признанный любимецъ. Это была дѣтская очень невинная привязанность, но все же привязанность, и Чернышевъ былъ очень красивый малый: его двоюродный братъ не могъ идти въ сравненіи съ нимъ“ (87 и 88).

¹⁾ Тамъ же, 247.

²⁾ Аристархъ Петровичъ Кашкинъ, бывшій камеръ-пажемъ при дворѣ Елисаветы, впоследствии, при Екатеринѣ, тайный совѣтникъ, управлявшій любимой ея резиденціей, Царскимъ Селомъ.

стила въ ходъ всѣхъ утѣшеній, какія могла придумать. Понемногу я раскаялась въ этомъ прекрасномъ поступкѣ и заставила ее поклясться, что она не будетъ о немъ говорить, что она и исполнила свято“ ¹⁾).

Чоглокова, дѣйствительно, вела себя крайне безтактно и принесла съ собой много огорченій великой княгинѣ. Вооруженная инструкціей, которая давала ей право говорить и дѣйствовать именемъ самой императрицы, она слѣдила за каждымъ шагомъ великой княгини, повторяя постоянно: „Pareille chose ne serait pas approuvée par l'Impératrice“, „pareil discours déplairait à Sa Majesté“. Больше того, она, говоритъ Екатерина, „запрещала со мной говорить всѣмъ, не только дамамъ и кавалерамъ, окружавшимъ меня, но даже, когда я выѣзжала на куртаги, она всѣмъ говорила: „если вы ей будете говорить больше, чѣмъ „да“ или „нѣтъ“, то я скажу императрицѣ, что вы интригуете съ нею, потому что ея интриги извѣстны“, такъ что всѣ меня избѣгали, приближалась ли, они отступали. Я дѣлала видъ, что не знаю всѣхъ этихъ ея происковъ, и продолжала вести себя по прежнему, разговаривала со всѣми, была чрезвычайно любезна и старалась расположить къ себѣ всѣхъ до самой Чоглоковой“ ²⁾. „Примите еще во вниманіе то, что, когда меня бранили, великій князь отъ меня отступался и часто даже, чтобы поддѣлаться, также начиналъ бранить меня вмѣстѣ съ ними“ ³⁾).

Мы излагаемъ событія временъ замужества Екатерины собственными ея словами именно съ той цѣлью, чтобы можно было судить о ея чувствахъ къ супругу, которыхъ онъ самъ постепенно воспитывалъ въ ней. До послѣдняго времени была извѣстна только одна, и притомъ позднѣйшая (1790 и 1791 гг.), редакція „Записокъ“ Екатерины, и ея историки до нѣкоторой степени могли быть правы, предполагая, что, по истеченіи сорока слишкомъ лѣтъ, Екатерина невольно сгущала краски, описывая характеръ и поведеніе Петра Ѳеодоровича и представляя ихъ въ худшемъ видѣ, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, открытая недавно редакція 1771 года и, что еще важнѣе, редакція 1758 г., написанная еще при жизни императрицы Елисаветы, не только подтверждаютъ факты, изложенные въ редакціи 1790 и 1791 гг., но и сообщаютъ много новыхъ данныхъ, приведенныхъ нами и рисующихъ тяжелое

¹⁾ 489 и 490.

²⁾ Тамъ же, 490.

³⁾ Тамъ же, 102.

положеніе Екатерины въ самомъ ужасающемъ видѣ; таковъ напр., фактъ попытки ея къ самоубійству. Дѣйствительно, „столько несправедливостей и сознаніе, что нѣтъ никакого выхода“, должны были угнетающимъ образомъ подѣйствовать и на такого „философа“, какимъ считала себя 17-лѣтняя великая княгиня. Ее винили въ уклоненіи отъ соблюденія супружескихъ обязанностей, между тѣмъ какъ она сама была жертвой случайной болѣзни и скрытности ребенка-мужа; отъ нея требовали „угожденія его нраву и уступленія“, тогда какъ нравъ и обычаи великаго князя самой „Инструкціей“ признавались нетерпимыми, а его привязанность къ нѣмцамъ и Пруссіи, въ чемъ заподозрили и Екатерину, по наветамъ Бестужева, признавались чуть ли не государственной измѣной; въ довершеніе всего, главный виновникъ несчастій, постигшихъ великую княгиню, первый укорялъ ее въ томъ, что она его не любитъ, и бранилъ ее совмѣстно съ другими, чѣмъ еще болѣе возбуждалъ противъ нея гнѣвъ императрицы. Вѣроятно, именно въ это время Екатерина испытала въ первый разъ чувство ненависти къ своему мужу, тогда какъ прежде оттѣнокъ презрѣнія смягчался родственнымъ чувствомъ и привычкой къ ребенку-мужу. Къ счастью для Екатерины, ея защитникомъ явился самъ князь Репнинъ, а также враждебная Чоглоковой придворная партія, во главѣ которой находилась наперсница Елисаветы, графиня Мавра Егоровна Шувалова; помогли ей также новыя выходки Петра Ѳеодоровича, доведенныя до свѣдѣнія императрицы Елисаветы во время поѣздки ея въ Ревель лѣтомъ 1746 года. „Тамъ“, рассказываетъ Екатерина, „императрица, видя, что я замѣтно чахну, спросила, какая тому причина. Маленькая (Шувалова)..., побуждаемая Румянцевой и княземъ Репнинымъ, стала говорить за меня, представляя всѣ дурныя по отношенію ко мнѣ поступки, и прибавила нѣсколько личныхъ жалобъ, которыя имѣла противъ Чоглоковой и великаго князя, довольно расположеннаго къ этой послѣдней; это навлекло выговоръ на великаго князя, и ему между прочимъ сказали, что если онъ дурно будетъ себя вести, то его посадятъ на корабль, чтобы отвезти въ Голштинію, а меня оставить, и что императрица можетъ выбрать, кого хочетъ, чтобы замѣститъ его. Мнѣ сдѣлали нѣсколько подарковъ, и я думала, что все обратится къ лучшему, но все это лишь больше раздосадовало Чоглокову противъ меня: она думала, что то дурное расположеніе духа, какое ей пришлось вытерпѣть, вытекало имъ моихъ жалобъ, и отчасти это была правда. Она поджидала, чтобы шквалъ прошелъ, и такъ

ловко повела дѣло, что, по возвращеніи изъ этой поѣздки, меня больше бранили и хуже со мной обращались, чѣмъ когда-либо; каждый мѣсяцъ кого-либо прогоняли и лишь только видѣли мужчину или женщину, на кого я привѣтливо смотрѣла, какъ ихъ навѣрняка удаляли“¹⁾. Камеръ-лакеи Чернышевы, ради которыхъ Екатерина перенесла невинно не мало горя, удалены были отъ двора еще въ маѣ 1746 года, тотчасъ послѣ составленія „Инструкцій“, и отправлены, въ чинѣ прапорщиковъ, на службу въ дальніе полевые полки. Двое изъ нихъ въ 1755 году служили въ Кизлярѣ и говорили тамъ, что „были они у его высочества при дворѣ въ великой милости, а великій князь называлъ ихъ фаворитами и пріятелями, а великая княгиня такъ жаловала, что скрытно ихъ дарила... Всѣхъ распыряли, кого жаловалъ его высочество, не однихъ насъ“²⁾.

Интриги Чоглоковой увѣнчались еще большимъ успѣхомъ: въ началѣ 1747 года Репнинъ былъ уволенъ отъ должности гофмаршала при великокняжескомъ дворѣ, а на его мѣсто назначенъ былъ мужъ Чоглоковой, камергеръ Николай Наумовичъ, не менѣе жены возбуждавшій въ Екатеринѣ чувство отвращенія: „этотъ Чоглоковъ, глупый, спесивый, злой, надутый, скрытный, молчаливый, всегда хмурый, былъ для всѣхъ предметомъ ужаса... Я предполагаю, что онъ выбранъ графомъ Бестужевымъ, потому что злѣйшаго найти онъ не могъ“³⁾. Чоглоковъ тотчасъ по вступленіи въ должность удалилъ отъ великаго князя пользовавшихся его довѣріемъ камергеровъ Девіера и князя Голицына и большую часть его прислуги, въ томъ числѣ голштинцевъ Крамера и Румберга, бывшихъ камердинерами великаго князя и въ то же время его совѣтниками. Румбергъ, болтавшій о довѣріи къ нему великаго князя, попалъ уже въ крѣпость и затѣмъ сосланъ. Удаленъ былъ изъ Россіи и дядя Петра Ѳеодоровича, принцъ Августъ, епископъ Любскій, который могъ, казалось, дурно вліять на него своими совѣтами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Чоглоковъ запретилъ кому бы то ни было входить въ комнату великаго князя безъ своего позволенія, началъ самъ спать въ его комнатахъ и достигъ того, что великій князь почувствовалъ себя въ томъ же положеніи, въ какомъ болѣе года была уже его супруга подъ надзоромъ Чоглоковой. Съ тѣхъ поръ самъ Петръ Ѳеодоровичъ началъ чувствовать себя на положеніи государственнаго арестанта.

¹⁾ Тамъ же (редакція 1758 года), 490 и 491.

²⁾ Соловьевъ: Исторія Россіи (изд. Т. О. П.), XXIV, 927.

³⁾ Тамъ же (ред. 1771 г.), 103.

Общее горе, казалось, должно было бы сблизить Петра и Екатерину другъ съ другомъ, но, очевидно, никакія бѣдствія не могли исправить легкомыслія молодого наслѣдника русскаго престола. „Разлученный такимъ образомъ со всѣми, кого только подозрѣвали въ привязанности къ нему, и не имѣя возможности быть съ кѣмъ-нибудь откровеннымъ“, говоритъ Екатерина, „онъ обращался ко мнѣ. Онъ часто приходилъ ко мнѣ въ комнату: онъ зналъ или скорѣе чувствовалъ, что я была единственной личностью, съ которой онъ могъ говорить безъ того, чтобы изъ малѣйшаго его слова дѣлалось преступленіе: я видѣла его положеніе, и онъ былъ мнѣ жалокъ; поэтому я и старалась дать ему всѣ тѣ утѣшенія, которыя отъ меня зависѣли. Часто я очень скучала отъ его посѣщеній, продолжавшихся по нѣскольку часовъ, и утомлялась, потому что онъ никогда не садился и нужно было ходить съ нимъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Ходилъ онъ скоро и большими шагами, такъ что было тяжелымъ трудомъ слѣдовать за нимъ и, кромѣ того, поддерживать разговоръ о подробностяхъ по военной части, очень мелочныхъ, о которыхъ онъ говорилъ съ удовольствіемъ и, разъ начавши, съ трудомъ переставалъ. Тѣмъ не менѣе я избѣгала, насколько возможно, дать ему замѣтить, что я часто изнемогала отъ скуки и усталости: я знала, что тогда для него единственнымъ развлеченіемъ была возможность надобѣдать, при чемъ онъ самъ того не подозрѣвалъ. Я любила чтеніе, онъ тоже читалъ, но что читалъ онъ? Разказы про разбойниковъ или романы, которые мнѣ были не по вкусу. Никогда умы не были менѣе сходны, чѣмъ наши; не было ничего общаго между нашими вкусами, и нашъ образъ мыслей и наши взгляды на вещи были до того различны, что мы никогда ни въ чемъ не были бы согласны, если бы я часто не прибѣгала къ уступчивости, чтобы не задѣвать его прямо. Были, однако, минуты, когда онъ меня слушался, но то были минуты, когда онъ приходилъ въ отчаяніе. Нужно сознаться, что это съ нимъ часто случалось: онъ былъ трусливъ сердцемъ и слабъ головою; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ проницательностью, но вовсе не разсудительностью; онъ былъ очень скрытенъ, когда, по его мнѣнію, это было нужно, и вмѣстѣ съ тѣмъ болтливъ до того, что если бъ онъ брался смолчать на словахъ, то можно было быть увѣреннымъ, что онъ выдастъ это жестомъ, выраженіемъ лица, видомъ или косвенно“ ¹⁾. Петръ Ѳеодоровичъ старался теперь тайкомъ удовлетворять прежнимъ

¹⁾ Тамъ же (ред. 1771 г.), 104 и 105.

своимъ вкусамъ. Камеръ-фрау Екатерины, Крузе, тайкомъ доставляла великому князю дѣтскія игрушки, которыя любилъ онъ чрезвычайно, и такъ какъ онъ боялся пользоваться ими въ своей комнатѣ, опасаясь прихода Чоглокова, то принужденъ былъ играть въ свои куклы лишь въ постели. „Тотчасъ послѣ ужина“, пишетъ Екатерина, „онъ раздѣвался и приходилъ въ мою комнату ложиться; я вынуждена была дѣлать то же самое, чтобы мои горничныя удалились, и чтобы можно было запереть двери; тогда Крузе, которая спала рядомъ съ моей комнатой, приносила ему столько куколъ и игрушекъ, что вся постель была ими покрыта. Я имъ не мѣшала, но иногда меня бранили за то, что я не принимала достаточнаго участія въ этой пріятной забавѣ, которой охотно предавались съ десяти часовъ до полуночи или до часу“¹⁾. Велѣдъ затѣмъ великій князь сталъ учиться игрѣ на скрипкѣ и дрессировкѣ собакъ, рядомъ съ комнатой великой княгини, а лѣтомъ въ Петергофѣ, не смѣя составлять полка изъ своихъ приближенныхъ, забавлялся, обучая Екатерину военнымъ упражненіямъ. „Благодаря его заботамъ“, писала Екатерина, „я до сихъ поръ умѣю исполнять всѣ ружейные приемы съ точностью самаго опытнаго гренадера. Онъ также ставилъ меня на караулъ съ мушкетомъ на плечѣ по цѣлымъ часамъ у двери, которая находилась между моею и его комнатой. Когда мнѣ позволялось покинуть свой постъ, я читала. Вкусъ къ романамъ у меня проходилъ; случайно попались мнѣ въ руки писма г-жи де-Севинье, они меня очень развлекли; поглотивши ихъ, я стала читать произведенія Вольтера. Кончивъ это чтеніе, я стала искать чего-нибудь подходящаго, но, не находя ничего подобнаго, я пока читала все, что попадало подъ руки, и про меня можно было тогда сказать, что я никогда не бывала безъ книги и никогда безъ горя, но всегда безъ развлеченій. Мое отъ природы веселое настроеніе тѣмъ не менѣе не страдало отъ этого положенія; надежда или виды не на небесный, а именно на земной вѣнецъ поддерживали во мнѣ духъ и мужество“.

Екатерина еще не отдѣляетъ своихъ интересовъ отъ интересовъ Петра, но уже готова сдѣлать этотъ новый шагъ на пути отчужденія съ мужемъ. И уже наступало для этого время. Именно, въ августѣ 1747 г. прусскій посланникъ Мардефельдъ доносилъ своему королю, Фридриху II, бывшему идоломъ великаго князя: „надобно полагать, что великій князь никогда не

¹⁾ Тамъ же 106 и 107.

будеть царствовать въ Россіи: не говоря уже о слабомъ здоровьѣ, которое угрожаетъ ему равновременною смертію, онъ такъ ненавидимъ русскими, что долженъ лишиться короны, если бы она досталась ему по смерти императрицы. И, надобно признаться, его поведеніе вовсе не способно привлечь сердца народа. Непонятно, какъ можетъ принцъ его лѣтъ вести себя такъ ребячески. Нѣкоторые думаютъ, что онъ притворяется, но въ такомъ случаѣ онъ былъ мудрѣ Брута и своей тетки (императрицы Елисаветы, неожиданно для всѣхъ завладѣвшей престоломъ). Къ несчастію онъ дѣйствуетъ безъ всякаго притворства. Великая княгиня ведетъ себя совершенно иначе¹⁾. Русскіе люди возмущались особенно тѣмъ предпочтеніемъ, которое великій князь постоянно оказывалъ Голштиніи предъ Россіей. Около этого времени изъ Голштиніи привезли ему модель города Кіля, и онъ публично заявилъ, что этотъ городъ нравится ему болѣе, чѣмъ все русское государство. Императрица Елисавета тотчасъ велѣла прогнать назадъ въ Голштинію голштинцевъ, привезшихъ модель, но отзывъ великаго князя сдѣлался извѣстенъ въ Петербургъ и произвелъ самое тягостное впечатлѣніе²⁾.

Несмотря на „Инструкцію“, великій князь грубо и дерзко относился къ русскимъ людямъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, къ которымъ привыкъ онъ въ обществѣ камердинеровъ. „Однажды“, рассказываетъ Екатерина, „когда обѣдалъ у насъ генералъ Бутурлинъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ) и очень смѣшилъ великаго князя, послѣдній отъ полноты веселья, раздражаясь смѣхомъ и откинувшись на стулѣ, вдругъ хватилъ по русски: „о, этотъ сукинъ сынъ уморить меня со смѣху сегодня“. Я сидѣла около него, почувствовала, что это слово не пройдетъ безъ пересудовъ и толковъ, и покраснѣла за него. Бутурлинъ замолчалъ. За этимъ столомъ было нѣсколько человѣкъ, принадлежавшихъ большому двору; три четверти ничего не слышали, будучи слишкомъ далеко, но Бутурлинъ передалъ это императрицѣ, которая велѣла сказать своимъ придворнымъ, чтобы они не являлись больше къ столу великаго князя, а послѣднему, что если онъ не умѣетъ принимать своихъ гостей, то они ходить къ нему не будутъ. Бутурлинъ никогда не могъ забыть этого слова и незадолго до смерти своей, въ 1767 г., говорилъ мнѣ: „Помните ли вы приключеніе въ Царскомъ Селѣ, когда великій князь публично, за столомъ, назвалъ меня сукинымъ

¹⁾ Соловьевъ, т. XXIV. 924.

²⁾ Штелинь, 89.

сыномъ?“ ¹⁾ Живость характера, необдуманность и рѣзкость въ словахъ и движеніяхъ проявлялись ежедневно, ежечасно, и не давали ему возможности скрывать ни своего ребячества, ни своего презрѣнія къ Россіи и православію, даже въ пустякахъ“.

Одной изъ причинъ, послужившихъ всего болѣе къ тому, чтобы подорвать его довѣріе къ Владиславовой (камеръ-фрау), говоритъ Екатерина, „была ея набожность—основной пунктъ, котораго онъ никогда не прощаль; кромѣ того, въ ея комнатѣ была лампада передъ образами, чего онъ не выносилъ. Хотя это было въ обычаѣ по нашей вѣрѣ, но его императорское высочество нисколько не былъ привязанъ къ ней; напротивъ, онъ воображалъ, что принадлежитъ къ лютеранскому исповѣданію, въ которомъ былъ воспитанъ, но въ глубинѣ души онъ ничѣмъ не дорожилъ и не имѣлъ никакого понятія ни о догматахъ христіанской вѣры, ни о нравственности. Я никогда не знавала атеиста болѣе совершеннаго на дѣлѣ, чѣмъ этотъ человѣкъ, который между тѣмъ очень боялся и чорта и Господа Бога, и чаще всего ихъ обоихъ презиралъ, смотря по тому, представлялся ли къ этому случай, или имъ овладѣвало минутное настроеніе“ ²⁾. Екатерина пробовала открыть глаза мужу, повліять на его поведеніе, но попытки эти не вели ни къ чему хорошему. „И тогда уже его ребячество и болтливость сильно ему вредили и лишали уваженія людей самыхъ благонамѣренныхъ. Я рѣшилась откровенно поговорить съ нимъ объ этомъ, но была плохо имъ принята, и онъ объявилъ мнѣ, что не желаетъ моихъ наставленій: достаточно уже надоѣли ему столь великія истины, но ему глубоко внушили, чтобъ онъ не позволялъ женѣ управлять собою, и это заставляло его быть насторожѣ противъ всего разумнаго, что я могла ему сказать. Онъ тогда лишь слѣдовалъ моему совѣту, когда требовала того крайняя необходимость, и когда онъ находился въ бѣдѣ. Впрочемъ, я должна согласиться, что, въ виду крайней разницы нашихъ характеровъ, мнѣнія или совѣты, какіе я могла ему дать, не соответствовали ни его взглядамъ, ни характеру и вслѣдствіе этого почти никогда не приходились ему по вкусу“ ³⁾.

Видя, что никакія „Инструкціи“ не исправляютъ племянника, императрица Елисавета мало-по-малу охладѣла къ нему. Государыня набожная, глубоко преданная православію и страстно

¹⁾ Записки Екатерины (ред. 1771 г.), 121.

²⁾ Тамъ же, 138.

³⁾ Тамъ же, 114.

любившая Россію и русскій народъ, которому она не знала равнаго, императрица Елисавета Петровна была вполнѣ русской царицей и хотѣла, чтобы ея наслѣдникъ возросъ въ тѣхъ же чувствахъ; велико было ея горе и разочарованіе, когда она убѣдилась въ обратномъ. Но, въ противоположность своему племяннику, она дѣйствовала осторожно и медлительно: давая ему чувствовать свое неудовольствіе, она все-таки надѣялась, что время и привычка сдружатъ великаго князя съ Россіей: дочь Петра Великаго не могла себѣ представить, чтобы маленькую Голштинію можно было предпочесть великой Россіи, чтобы можно было не любить набожнаго, преданнаго и могучаго народа и его интересы жертвовать интересамъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ. Предоставляя все времени, Елисавета, по возможности, удалялась отъ великокняжеской четы, такъ какъ самый видъ племянника начиналъ приводить ее въ раздраженіе. „Хотя мы жили въ одномъ домѣ, наши покои соприкасались какъ въ Зимнемъ, такъ и въ Лѣтнемъ дворцахъ“, говоритъ Екатерина, „но мы не видали ея по цѣлымъ мѣсяцамъ, а часто и болѣе. Мы не смѣли безъ зова явиться въ ея покои, а насъ почти не звали. Насъ часто бранили отъ имени ея величества за такіе пустяки, относительно которыхъ нельзя было и подозрѣвать, что они могутъ разсердить императрицу. Она посылала къ намъ для этого не однихъ Чоглоковыхъ, но часто, бывало, гоняла къ намъ горничную, выездного или кого-либо въ этомъ родѣ, передать намъ не только чрезвычайно непріятныя вещи, но даже рѣзкости, равносильныя грубѣйшимъ оскорбленіямъ“¹⁾. Приближенные Елисаветы также не любили великаго князя, у котораго друзей не было, а враговъ было столько, сколько волосъ на головѣ. Главнымъ врагомъ великаго князя являлся канцлеръ Бестужевъ, національная политика котораго, направленная къ „сокращенію скоростижнаго Пруссаго короля“, Фридриха II, встрѣчала въ лицѣ наслѣдника русскаго престола ожесточеннаго и неразумнаго противника. Около Бестужева группировались всѣ болѣе или менѣе вліятельные люди того времени, и ему сочувствовали даже самъ тайный супругъ императрицы, графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. Среди этихъ людей уже въ это время возникъ вопросъ о необходимости устранить Петра Ѳеодоровича отъ наслѣдованія русскаго престола въ случаѣ кончины Елисаветы.

Въ началѣ 1749 года дворъ переѣхалъ въ Москву, но здѣсь

¹⁾ Тамъ же, 113.

императрица заболѣла, и такъ опасно, что боялись за ея жизнь. Естественнo, что мысль о восшествіи Петра Ѳеодоровича на престолъ не улыбалась никому изъ русскихъ людей, окружавшихъ тронъ Елисаветы, какъ сообщаетъ датскій посланникъ Линарь, человекъ близкій къ Бестужеву. „Цѣлую ночь“, говоритъ Линарь, „были собранія и переговоры, на которыхъ, между прочимъ, рѣшено было главными министрами и высшими властями, что, какъ скоро государыня скончается, великаго князя и великую княгиню возьмутъ подъ стражу и императоромъ провозгласятъ Іоанна Антоновича. Число лицъ, замѣшанныхъ въ это дѣло, было очень велико, но до сихъ поръ никто другъ друга не выдавалъ. Я подозрѣваю многихъ въ участіи въ этомъ заговорѣ, особенно же лицъ, имѣющихъ причины опасаться великаго князя и весьма естественно ожидающихъ болѣе милостей отъ принца, который имъ обязанъ будетъ всѣмъ“¹⁾. Какъ представитель Даніи, боявшейся, что Петръ, по вступленіи своемъ на престолъ, объявитъ ей войну для возвращенія Шлезвига любимой, имъ Голштиніи, — Линарь могъ, конечно, только сочувствовать этому намѣренію вельможъ и даже содѣйствовать въ этомъ смыслѣ Бестужеву, пользовавшемуся огромнымъ вліяніемъ въ это время послѣ ссылки графа Лестока, бывшаго приверженцемъ Пруссіи. Для большаго успѣха дѣла о болѣзни императрицы запрещено было сообщать великокняжеской четѣ, и Чоглоковы, какъ креатуры Бестужева, дѣйствительно сдѣлали все возможное, чтобы вѣсть о болѣзни Елисаветы дошла до великокняжеской четы какъ можно позже. Вновь открытая редакція „Записокъ Екатерины“ вполне подтверждаетъ извѣстіе Линара, дополняя его новыми подробностями. „Пока я въ началѣ 1749 года сидѣла въ комнатѣ (по нездоровью)“, говоритъ она, „я узнала частью отъ моего камердинера Евреинова, частью отъ г-жи Владиславовой, которые, однако, другъ отъ друга таились, что императрица опасно заболѣла отъ коликъ вслѣдствіе запора. Чоглоковы ни слова намъ объ этомъ не говорили, а мы не смѣли освѣдомляться о здоровьѣ императрицы. Это было бы преступленіемъ, и насъ стали бы спрашивать, отъ кого мы знаемъ, что она больна, что могло бы вызвать несчастіе или по крайней мѣрѣ увольненіе всякаго, кто намъ объ этомъ сообщилъ. Я рассказала великому князю въ точности то, что мнѣ передали мои люди. Мы оба рѣшили молчать до тѣхъ поръ, пока Чоглоковы сами

¹⁾ Васильчиковъ: „Семейство Разумовскихъ“, 1, 103.

не заговарялъ съ нами объ этомъ, но они ни слова намъ не сказали. Когда императрицѣ однажды ночью было очень плохо, мы узнали, что графъ Бестужевъ и генералъ Апраксинъ спали или провели ночь у Чоглоковыхъ. Между тѣмъ, мы съ великимъ княземъ были довольно встревожены этой болѣзнію императрицы, которую отъ насъ такимъ образомъ скрывали; Чоглоковы едва обращали на насъ вниманіе. Мы не смѣли безъ позволенія выходить изъ нашихъ комнатъ; мы узнали, что у графа Бестужева и генерала Апраксина съ нѣсколькими другими лицами, на преданность которыхъ мы не могли особенно рассчитывать, были постоянныя маленькія совѣщанія, совершенно тайныя и при закрытыхъ дверяхъ; мы не знали, чему это приписать. Великій князь въ особенности, при своей трусости, не зналъ, какому святому молиться. Я внушала ему мужество, просила держать себя весело и спокойно и говорила ему, что я постараюсь быть возможно лучше освѣдомленной чрезъ моихъ людей о состояніи здоровья императрицы, а если бы она умерла отъ этой болѣзни, то я открою ему двери, чтобы онъ могъ выйти изъ своихъ покоевъ, гдѣ его держали, такъ сказать, взаперти, и если бы другого свободного выхода не оказалось, то окна нашихъ покоевъ въ нижнемъ этажѣ были достаточно низко расположены, чтобы можно было, въ случаѣ нужды, выпрыгнуть на улицу. Кромѣ того, я ему сказала, что полкъ графа Захара Чернышева, на котораго, мнѣ казалось, я могла рассчитывать, находился въ городѣ, и что нѣсколько капрановъ лейбъ-компаніи, которыхъ я ему назвала, не покинули бы его. Все это его успокоило и побудило довольствоваться у себя въ уголѣ собаками и скрипкой. Послѣ нѣсколькихъ дней крайне опаснаго положенія, въ теченіе которыхъ много шептались во всѣхъ комнатахъ дворца, императрица почувствовала себя лучше, и каждый вернулся въ свою скорлупу. Я имѣла довольно точныя свѣдѣнія два-три раза въ день отъ своего камердинера и Владиславовой; у послѣдней было много различныхъ связей съ людьми императрицы, въ комнатѣ которой были родственницы, знакомые и друзья; кромѣ того, священники и придворные пѣвчіе были съ ней въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ и во время трехъ церковныхъ службъ, которыя эта женщина регулярно посѣщала почти каждый день, не оставляли ее въ невѣдѣніи всего, о чемъ они узнавали; все это она мнѣ и передавала съ величайшею точностью. Но этимъ дѣло не кончилось. Когда императрица стала выздоравливать, Екатерина имѣла случай рассказать Шуваловой, любимицѣ импе-

ратрицы, о своемъ безпокойствѣ по поводу ея болѣзни. „На другой день утромъ Чоглокова совсѣмъ внѣ себя пришла въ мою комнату, но такъ какъ я съ великимъ княземъ была въ комнатѣ Владиславовой, которая примыкала къ моей, она влѣтѣла туда и, обращаясь ко мнѣ, сказала, что ея величество была возмущена тѣмъ, что въ теченіе всей ея болѣзни, которая продолжалась около двухъ недѣль и была очень серьезна, я ни разу не послала справиться о ея здоровьѣ, что я говорила съ Шуваловой о ея болѣзни только тогда, когда ей было уже лучше, и что было непросительнымъ поступкомъ со стороны великаго князя и моей, что мы ни разу не освѣдомились о состояніи здоровья императрицы. Я отвѣтила Чоглоковой, что ни она, ни мужъ ея вовсе не сказали мнѣ ни слова о болѣзни ея величества. Она мнѣ возразила: „но вы объ этомъ говорили съ Шуваловой“. Я ей сказала, что Шувалова сама подала къ тому поводъ, и это была правда. Чоглокова вышла, поворчавъ еще и насказавъ еще много непріятностей, одну хуже другой. Когда же она ушла, великій князь, въ свою очередь, сталъ меня бранить за то, что я говорила съ Шуваловой о болѣзни императрицы: если бы не это, можно было бы думать, что мы ничего о ней не знаемъ. Онъ также вышелъ (изъ комнаты) и весь день дулся на меня, къ чему онъ по природѣ былъ склоненъ, и что онъ всегда дѣлалъ изъ-за малѣйшаго пустяка. Оставшись одна съ Владиславовой, которая была умнѣе всей этой компаніи, я заплакала и сказала: „вотъ и разберите, какъ можно угодить людямъ съ такими наклонностями“. Владиславова, которая обыкновенно доносила императрицѣ о малѣйшихъ дѣйствіяхъ Екатерины и не любила Чоглоковыхъ, которые мѣшали ей властвовать, доложила Елисаветѣ, что Чоглоковы скрыли ея болѣзнь отъ великокняжеской четы. При этомъ случаѣ Владиславова убѣдилась, что послѣ того, какъ императрица велѣла передать свое неудовольствіе о безучастіи великаго князя и его супруги къ ея болѣзни, Чоглоковы и не подумали сознаться императрицѣ въ дѣйствительномъ положеніи дѣла. „Когда государыня почувствовала себя лучше“, пишетъ Екатерина, „и появилась въ обществѣ, на одномъ куртагѣ, она подошла ко мнѣ и сказала: „что это у васъ такой грустный видъ?“ Я ей отвѣтила: „я боюсь, что оскорбила ваше величество во время вашей болѣзни; я не посмѣла спрашивать о вашемъ здоровьѣ, такъ какъ ни господинъ, ни госпожа Чоглоковы ни разу мнѣ объ этомъ не говорили“. Она мнѣ возразила: „я знаю это, и знаю, что вы очень безпокоились; не нужно

больше объ этомъ говорить“¹⁾. Елисавета знала интриги своихъ приближенныхъ, но едва-ли подозрѣвала, какое значеніе имѣло загадочное молчаніе Чоглоковыхъ о ея болѣзни, и, вѣрная своей системѣ не давать никому преобладающаго вѣса, предпочла прекратить дѣло. Тѣмъ не менѣе, Екатеринѣ показалось, что вліяніе Чоглоковыхъ послѣ этого стало уменьшаться²⁾.

Едва избѣгнувъ одной опасности, великій князь самъ навлекъ на себя другую. Постоянно унимаемый и наставляемый, онъ чрезвычайно обрадовался, когда его егеря на одной изъ охотъ въ окрестностяхъ Москвы сообщили ему, что въ Ширванскомъ полку (они сказали—въ Бутырскомъ) есть поручикъ Іоасафъ Батуричъ, который исполнѣ преданъ его высочеству и говорить, что и весь полкъ его отличается тою же преданностью. Вслѣдъ затѣмъ Батуричъ, съ разрѣшенія великаго князя, представился ему на охотѣ, палъ предъ нимъ на колѣни и объявилъ, что его одного признаетъ своимъ государемъ, и что его императорское высочество можетъ разсчитывать на него и на весь полкъ, въ которомъ онъ служилъ. Великій князь былъ этимъ испуганъ и уѣхалъ отъ Батурина, а егеря не слыхали или не хотѣли подать виду, что говорилъ ему офицеръ. Тѣмъ не менѣе было еще нѣсколько свиданій и переговоровъ между егерями, Батуринымъ и великимъ княземъ. Но когда вслѣдъ затѣмъ были арестованы егеря и самъ Батуричъ, думавшій выйти въ люди путемъ низверженія Елисаветы и уже набравшій себѣ сторонниковъ, то великій князь, дотолѣ тщательно скрывавшій отъ Екатерины свои сношенія съ Батуринымъ, рѣшился признаться ей въ этомъ и просилъ ея совѣта, боясь, что дѣло егерей и Батурина можетъ имѣть для него опасныя послѣдствія.

Новая, болѣе ранняя редакція „Записокъ“ Екатерины о дѣлѣ Батурина также даетъ болѣе подробныя и болѣе интересныя свѣдѣнія, характеризующія и великаго князя Петра Теодоровича, и императрицу Елисавету. „Мнѣ показалось“, пишетъ Екатерина, „что великій князь признавался мнѣ только наполовину и боялся сказать мнѣ все изъ страха, чтобы я не осудила его неосторожности. Мнѣ стало жаль его за то страданіе, которое онъ испытывалъ; я старалась его утѣшить, но это дѣло въ продолженіе двухъ-трехъ недѣль его все-таки очень мучило; когда же онъ увидѣлъ, что ему вовсе объ этомъ не говорили,

¹⁾ „Записки“ (ред. 1771 г.), 145—149.

²⁾ Тамъ же (ред. 1790 и 1791 гг.), 278.

и что дѣло это не имѣло для него дурныхъ послѣдствій, онъ его понемногу позабылъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ моего восшествія на престолъ, это дѣло попало мнѣ въ руки; я нашла его среди бумагъ императрицы Елисаветы; оно было ей передано, чтобы ея величество постановила о немъ свое рѣшеніе¹⁾. Оно было очень объемисто, и вслѣдствіе этого императрица до самой своей смерти не имѣла о немъ правильнаго представленія: она, навѣрно, его не прочла. Дѣло это было, быть-можетъ, однимъ изъ самыхъ серьезныхъ въ ея царствованіе, хотя оно было затѣяно безразсудно и неосторожно и, говоря безъ обиняковъ, это былъ заговоръ по всей формѣ; Батуринъ убѣдилъ сотню своего полка присягнуть великому князю, онъ увѣрялъ, что получилъ на охотѣ согласіе этого князя на возведеніе его на престолъ. На пыткѣ онъ признался въ своихъ сношеніяхъ съ этимъ княземъ чрезъ посредство его егерей; на него донесъ гренадеръ, котораго онъ старался привлечь на свою сторону; егеря были уличены въ томъ, что дали возможность великому князю съ нимъ познакомиться, но, впрочемъ, допрошены они были только слегка. Когда я сопоставляю процессы съ тѣми страхами, которые на моихъ глазахъ испытывалъ великій князь, и съ тѣмъ, что онъ при мнѣ говорилъ, я не сомнѣваюсь, что онъ зналъ обо всемъ (*je ne doute pas qu'il n'eût connaissance du tout*), и что егеря не захотѣли или не посмѣли оговорить его настолько, насколько этого требовала истина. Хотя я не думаю, чтобы императрица когда-либо узнала все, тѣмъ не менѣе она была достаточно освѣдомлена, чтобы утратить тотъ остатокъ довѣрія къ нему, который она еще имѣла. Послѣ этого происшествія она перестала цѣловать ему руку, когда онъ подходилъ цѣловать ея руку, а въ слѣдующемъ году дала почувствовать свой гнѣвъ, хотя и косвеннымъ образомъ... Съ этого времени я стала замѣчать, какъ въ умѣ великаго князя росла жажда царствовать; ему этого до смерти хотѣлось (*il en mourait d'envie*), но онъ не сдѣлалъ ничего, чтобы сдѣлаться

¹⁾ Спустя двадцать лѣтъ, Екатерина забыла объ этомъ и въ позднѣйшей редакціи „Записокъ“ писала: „я не читала и не видѣла этого дѣла“ (тамъ же, 291). Между тѣмъ въ дѣлахъ Тайной канцеляріи не сохранилось дѣла, о которомъ говорить Екатерина, а существуетъ лишь дѣло 1753 г. о сторонникахъ Батурина, что дало Соловьеву поводъ ошибочно отнести самый заговоръ къ этому же году. Возникаетъ интересный вопросъ, всѣ ли документы по дѣлу Батурина сохранились до настоящаго времени, признавая, что факты, сообщаемые Екатериной, обыкновенно подтверждаются при проверкѣ.—Дѣло Батурина у Соловьева, XXIV, 756—758.

достойнымъ этого" ¹⁾. Счастлиное для великаго князя окончаніе Батуринскаго дѣла было, безъ сомнѣнія, слѣдствіемъ возраставшаго вліянія Шуваловыхъ, которые, въ противовѣсъ Бестужеву, опиравшемуся на поддержку супруга императрицы, графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, искали случая заручиться расположеніемъ великокняжеской четы. Именно во время этого пребыванія своего въ Москвѣ императрица Елисавета избрала себѣ новаго фаворита Ивана Ивановича Шувалова, камеръ-пажа Екатерины, пользовавшагося ея вниманіемъ за рѣдкое въ то время качество—любовь къ просвѣщенію, и назначила его 4 сентября 1749 года своимъ камеръ-юнкеромъ. Двоюродные братья Шувалова, графы Петръ и Александръ Ивановичи, стали собирать вокругъ себя партію, враждебную Бестужеву и Разумовскому, и великокняжеская чета, подвергавшаяся надзору и преслѣдованіямъ канцлера въ лицѣ Чоглоковыхъ, естественно являлась союзницей партіи Шуваловыхъ. Какъ начальникъ Тайной канцеляріи, графъ Александръ Ивановичъ не сталъ раздувать Батуринскаго дѣла, что могло быть полезно только Бестужевской партіи и укрѣпить положеніе Бестужева, и даже выслалъ за границу нѣмецкихъ егерей великаго князя, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ, очевидно, съ цѣлью, чтобы оно не могло быть возбуждено вновь. Но и того, что узнала императрица Елисавета о заговорѣ Батурина, было достаточно, чтобы племянникъ сдѣлался ей противенъ. Не желая поднимать вопроса о виновности Петра Феодоровича, она захотѣла, однако, дать ему почувствовать его ничтожество, но, какъ женщина, сдѣлала это по поводу такихъ мелкихъ провинностей наслѣдника престола, что несоразмѣрность между виной и наказаніемъ бросалась въ глаза каждому, и великій князь, обиженный и подавленный нравственно, не понялъ преподаннаго ему урока. Дѣло началось уже по возвращеніи въ Петербургъ всего двора, вслѣдствіе отказа великаго князя итти въ баню, что предложено было ему Чоглоковой, чтобы доставить этимъ удовольствіе ея величеству. Чоглокова увидѣла въ этомъ недостатокъ уваженія къ императрицѣ и спросила великаго князя, знаетъ ли онъ, что императрица можетъ заключить его въ крѣпость за ослушаніе ея воли. „Великій князь“, рассказываетъ Екатерина, „задрожалъ при этомъ и, въ свою очередь, спросилъ ее, говоритъ ли она отъ своего имени или отъ имени императрицы. Чоглокова возразила ему, что она предупреждаетъ

¹⁾ Тамъ же (ред. 1771 г.), 170—172.

его о послѣдствіяхъ, которыя могло имѣть его безразсудное поведеніе, и что если онъ желаетъ, то императрица сама повторить ему то, что она, Чоглокова, только-что ему сказала: вѣдь ея величество не разъ уже угрожала ему крѣпостью, имѣя на то, повидимому, свои основанія, а ему слѣдовало помнить о томъ, что случилось съ сыномъ Петра Великаго вслѣдствіе его неповиновенія. Тутъ великій князь сталъ сбавлять тонъ и сказалъ ей, что онъ никогда бы не повѣрилъ, что онъ, герцогъ Голштинскій и самъ владѣтельный князь, котораго заставили пріѣхать въ Россію вопреки его волѣ, могъ здѣсь подвергаться опасности такого постыднаго съ нимъ обращенія, и что, если императрица не была имъ довольна, то ей оставалось только отослать его обратно на родину. Послѣ этого онъ задумался, сталъ большими шагами ходить по комнатѣ и потомъ началъ плакать, послѣ чего онъ вышелъ; при этомъ оба, онъ съ одной стороны, а Чоглокова съ другой, послали другъ другу еще нѣсколько ругательствъ... „Я заключаю“, прибавляетъ Екатерина, и „что разговоръ этотъ былъ въ связи съ дѣломъ Батурина, заключавшіеся въ немъ намеки были съ расчетомъ направлены на то, чтобы дать почувствовать великому князю все его неразуміе. На слѣдующій день Чоглокова вернулась и сказала великому князю, что она передала императрицѣ о сценѣ вчерашняго вечера, и что онъ упорно отказывался сходить въ баню, на что ея величество сказала: „ну, такъ если онъ столь непослушенъ, то я больше не буду цѣловать его проклятую руку“. Великій князь возразилъ на это: „это въ ея волѣ, но въ баню я не пойду; я не могу выносить ея жары“. Съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ пытались убѣдить его сходить въ баню, но всѣ попытки были безуспѣшны, и онъ постоянно упорствовалъ въ своемъ нежеланіи ходить туда. Но при каждой такой попыткѣ онъ неизмѣнно вспоминалъ, что по случаю бани ему угрожали крѣпостью; другихъ причинъ онъ вовсе не подозрѣвалъ, а потому и не дали ему объ этомъ догадаться, а онъ и не подумалъ отгадать ихъ самъ, но если, дѣйствительно, таково было намѣреніе, то, мнѣ кажется, его привели въ исполненіе какъ нельзя болѣе неудачно“¹⁾. Тогда же великій князь окончательно оттолкнулъ отъ себя сердце Екатерины: онъ ухаживалъ въ то время за принцессой Курляндской Екатериной Ивановной, дочерью Бирона,

¹⁾ Тамъ же (р. 1771 г.), 181—184.

которая была очень умна, имѣла чудесные глаза, но была не только кривобока, но даже горбата. „Впрочемъ“, замѣчаетъ Екатерина, „это не могло быть недостаткомъ въ глазахъ одного изъ принцевъ голштинскаго дома, которыхъ въ большинствѣ случаевъ какое тѣлесное уродство не отталкивало... Великій князь совсѣмъ скрывалъ отъ меня эту склонность, но все-таки сказать мнѣ, что это было только прекрасная дружба. Я охотно этому повѣрила; впрочемъ, я знала, что это дальше перемигиваній не пойдетъ, въ виду особенностей названнаго господина, которыя были все тѣ же, хотя прошло уже около пяти лѣтъ, когда мы были женаты“. Но однажды вечеромъ, придя въ комнату Екатерины послѣ ужина, на которомъ онъ сильнѣе, чѣмъ прежде, ухаживалъ за Биронъ, и на которомъ Екатерины не было по нездоровью, великій князь, очень пьяный, легъ въ постель и разбудилъ жену, чтобы поговорить съ ней о предметахъ своего ухаживанія. „Раздраженная недостаткомъ внимательности“, какой этотъ человѣкъ, дѣйствительно пьяный, выказывалъ ко мнѣ, разбудивъ меня, чтобы занимать столь мало пріятнымъ для меня разговоромъ, я отвѣтила ему нѣсколько словъ, въ которыхъ чувствовалось раздраженіе, и притворилась, что засыпаю. И то и другое его обидѣло: онъ нѣсколько разъ ударилъ меня очень сильно локтемъ въ бокъ и повернулся ко мнѣ спиной, послѣ чего заснулъ. Я проплакала всю ночь, но не подумала сказать объ этомъ кому-либо хоть слово¹⁾.

И въ то же время императрица, жаждавшая имѣть внука, опять возбудила вопросъ о безплодіи великой княгини. Возвратившись однажды въ свои покои съ придворнаго куртага, Екатерина, едва успѣвъ раздѣться, увидѣла у себя Чоглокову. „Она сказала мнѣ“, пишетъ Екатерина, „что ея величество нашла мое платье некрасивымъ и велѣла мнѣ передать, чтобы я никогда больше не являлась передъ ней въ такомъ платьѣ и съ такой прической, и что, кромѣ того, она гнѣвалась на меня за то, что я, будучи замужемъ четыре года, не имѣла дѣтей, что вина въ этомъ лежитъ исключительно на мнѣ, что, очевидно, у меня въ тѣлосложеніи былъ скрытый недостатокъ, о которомъ никто не знаетъ, и что поэтому она пришлетъ мнѣ повивальную бабу, чтобы меня осмотрѣть. Великій князь, случайно находившійся въ моей комнатѣ, былъ свидѣтелемъ всего этого разговора. Я отвѣчала по поводу туалета, что послѣдую въ точности прика-

¹⁾ Тамъ же (р. 1771 г.); 177 и 185.

заніямъ ея величества, что же касается второго пункта, то я сказала, что такъ какъ ея величество была во всемъ повелительница, а я въ ея власти, то я ничего не могла противопоставить ея волѣ. Великій князь на этотъ разъ сталъ на мою сторону: чувствовалъ ли онъ, что вина не моя, или съ своей стороны счелъ себя обиженнымъ, но онъ рѣзко отвѣтилъ Чоглоковой по поводу дѣтей и осмотра, и разговоръ между ними принялъ очень бурный характеръ: они высказали другъ другу всевозможныя горькія истины; я тѣмъ временемъ плакала и дала имъ наговориться. Чоглокова вышла очень разсерженная и сказала, что все передать ея величеству. Владислава, видя мои слезы, захотѣла узнать ихъ причину; я рассказала ей обо всемъ, что произошло, и объ оскорбленіи, которое мнѣ угрожало. Владислава нашла, что этотъ поступокъ императрицы по отношенію ко мнѣ былъ несправедливъ, и прибавила: „Какъ же вы можете быть виноваты въ томъ, что у васъ нѣтъ дѣтей, когда вы еще дѣвица; императрица не можетъ этого знать, и Чоглокова большая дура, что передаетъ вамъ такіе разговоры; ея величество должна была бы обвинять своего племянника и самое себя, женивъ его слишкомъ молодымъ“. Между тѣмъ я, долго спустя, узнала, что графъ Лестокъ совѣтовалъ императрицѣ только тогда женить великаго князя, когда ему будетъ 25 лѣтъ, но императрица не послѣдовала этому совѣту. Владислава утѣшала меня и дала мнѣ понять, что она доведетъ до свѣдѣнія императрицы объ истинномъ положеніи вещей, какъ она его понимала“.

Чоглоковы уже не пользовались тѣмъ значеніемъ, какое они имѣли прежде. Виною этому былъ самъ Чоглоковъ, позволившій себѣ вступить въ связь съ одной изъ фрейлинъ великой княгини; за это онъ едва не поплатился своимъ мѣстомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шуваловы, пользуясь преобладающимъ своимъ вліяніемъ на императрицу, всячески преслѣдовали ихъ, какъ креатуръ Вестужева. Поэтому Чоглоковы смирились и старались установить между собою и великокняжеской четой добрыя отношенія. Екатерина первая пошла имъ навстрѣчу, проигрывая въ фараонъ большія деньги Чоглоковой, до страсти любившей азартную игру, и лаская ея дѣтей. Можно было вздохнуть свободнѣе. И Петръ Θεодоровичъ воспользовался этой свободой, предаваясь играмъ и попойкамъ, среди своей прислуги, а великая княгиня—расширеніемъ своего образованія и кругозора, читая лучшія произведенія современной европейской литературы. Отъ чтенія романовъ она перешла къ изученію исторіи, политики, законодательства; съ новыми теченіями французской философіи, во мно-

гомъ отвѣчавшей ея свободному, холодному уму, познакомилась она прежде всего въ произведеніяхъ Вольтера. И это широкое самообразование шло рука объ руку съ невольнымъ изученіемъ школы практической жизни, ее окружавшей, со всей ея пошлостью и низменностью, закаляя въ ней силу воли и давая опыту широкия теоретическія основы. Разумѣется, нельзя утверждать, чтобы опытъ этотъ, столь грустный, внушалъ ей высокое мнѣніе о людяхъ, а принципы „вольтеріанской“ философіи, изучаемой безъ надлежащей подготовки и руководства, были здоровой пищей для ума юной Екатерины, но ея здравый, холодный умъ всегда былъ выше ея темперамента, и она не вдавалась въ крайности. Изъ „Записокъ“ ея видно, до какой степени она владела собой, при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, умѣя быть на уровнѣ всѣхъ и каждаго и находя выходъ изъ самаго затруднительнаго положенія. Лучшимъ доказательствомъ ума Екатерины было то, что никто изъ окружающихъ ее въ это время не ощущалъ на себѣ ея умственного превосходства, и, когда однажды Владиславова, не зная французскаго языка, спросила Екатерину, что она читаетъ, она нашлась отвѣтить ей, что она забываетъ прочитанное. Но темпераментъ Екатерины предъявлялъ свои права, жизнь съ мужемъ-мальчикомъ послѣ шестилѣтняго промежутка со дня свадьбы становилась не подъ силу, а распущенная жизнь Елисаветинскаго двора представляла собою примѣры поразительной легкости нравовъ даже для того времени. Императрица сама имѣла иногда одновременно по нѣсколько фаворитовъ. Именно въ описываемое время гнѣвное настроеніе императрицы многими приписывалось затруднительному положенію, въ которомъ находилась ея величество между тремя или четырьмя своими фаворитами, а именно: графомъ Разумовскимъ, Шуваловымъ, однимъ пѣвчимъ Каченовскимъ и Бекетовымъ, котораго она только-что назначила адъютантомъ къ графу Разумовскому. „Нужно замѣтить“, замѣчаетъ Екатерина, „что всякая другая на мѣстѣ Ея Величества была бы поставлена втупикъ и при менѣе затруднительныхъ условіяхъ“. Екатерина, придя въ возрастъ, хорошѣла и начинала привлекать на себя взоры придворныхъ кавалеровъ, но ея сердце оставалось холодно, да и обстановка, устроенная Чоглоковыми, не благопріятствовала „маханіямъ“. Но оскорбленія, которыя Екатерина испытывала отъ неразумнаго, „яко помѣшаннаго“, по выраженію кн. М. М. Щербакова, мужа, который ухаживалъ за всѣми женщинами, кромѣ собственной жены, внушали ей желаніе испробовать свою власть надъ сердцемъ мужчинъ. Такимъ образомъ завязался

у Екатерины флиртъ съ гр. Захаромъ Чернышевымъ, но флиртъ этотъ не пошелъ далѣе чувствительной переписки ¹⁾. „На первомъ маскарадѣ, танцуя со мной“, рассказываетъ Екатерина, „онъ сталъ мнѣ говорить, что имѣетъ сказать мнѣ тысячу вещей и потому просить назначить ему на минуту свиданіе у меня въ комнатѣ или гдѣ это я найду удобнымъ. Я отвѣчала ему, что это совершенно невозможно, что мои комнаты совершенно недоступны, и что я также не могу выходить изъ нихъ. Онъ мнѣ сказалъ, что переодѣнется, если это нужно, лакеемъ, но я наотрѣвъ отказалась, и дѣло остановилось на перепискѣ“ ²⁾. Но уже въ слѣдующемъ году Екатерина замѣтила, что камергеръ Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ, недавно женившійся на двѣицѣ Балкъ, сталъ бывать при дворѣ чаще обыкновеннаго. Онъ вкрался въ дружбу къ Чоглоковымъ, угождая ихъ слабостямъ и бывая у нихъ чуть не каждый день, далъ, наконецъ, понять Екатеринѣ, какая была причина его посѣщеній. „Я не сразу отвѣтила“, говоритъ Екатерина: „когда онъ снова сталъ говорить со мною о томъ же, я спросила его, на что же онъ надѣется? Тогда онъ сталъ рисовать мнѣ столь же плѣнительную, сколько полную страсти картину счастья, на какое онъ рассчитывалъ. Я ему сказала: „а ваша жена, на которой вы женились по страсти два года тому назадъ, въ которую вы, говорятъ, влюблены, и которая любить васъ до безумія,—что она объ этомъ скажетъ?“ Тогда онъ мнѣ сталъ говорить, что не все то золото, что блеститъ, и что онъ дорого расплачивается за мигъ ослѣпленія. Я приняла всѣ мѣры, чтобы заставить его переменить эти мысли; я простодушно думала, что это мнѣ удастся: мнѣ было его жалъ. Къ несчастію, я продолжала его слушать; онъ былъ прекрасенъ, какъ день, и, конечно, никто не могъ съ нимъ сравниться ни при большомъ дворѣ, ни тѣмъ болѣе при нашемъ. У него не было недостатка ни въ умѣ, ни въ томъ складѣ познаній, манеръ и пріемовъ, какіе даютъ большой свѣтъ и особенно дворъ. Ему было 26 лѣтъ; вообще и по рожденію, и по многимъ другимъ качествамъ это былъ кавалеръ выдающійся. Свои недостатки онъ умѣлъ скрывать; самыми большими изъ нихъ были склонность къ интригѣ и отсутствіе строгихъ правилъ; но они тогда еще не развернулись на моихъ глазахъ. Я не поддавалась всю весну и часть лѣта; я видала его почти каждый день; я не мѣняла вовсе своего обращенія съ нимъ, была такая же, какъ

¹⁾ „Р. Арх.“, 1881. I, 390.

²⁾ „Записки“ (р. 1790 и 1791), 328.

и всегда и со всѣми; я видѣла его только въ присутствіи двора или со всѣми. Какъ-то разъ, чтобы отдѣлаться, я сказала ему, что онъ не туда обращается; и прибавила: „почемъ вы знаете, можетъ-быть, мое сердце занято въ другомъ мѣстѣ?“ Эти слова не отбили у него охоты, а, наоборотъ, я замѣтила, что преслѣдованія его стали еще жарче. При всемъ этомъ о миломъ супругѣ и рѣчи не было, ибо это было дѣло извѣстное и знакомое, что онъ нелюбезенъ даже съ тѣми, въ кого онъ былъ влюбленъ, а влюбленъ онъ былъ постоянно и ухаживалъ за всѣми женщинами; только та, которая носила имя его жены, была исключена изъ круга его вниманія“ ¹⁾.

Виновникомъ сближенія своего съ Салтыковымъ Екатерина считала именно „милаго своего мужа“. „Когда я пріѣхала въ Россію“, говоритъ она, „и затѣмъ въ первые годы брачной жизни, сердце мое было бы открыто великому князю; стоило ему лишь пожелать хоть немного сносно обращаться со мною ²⁾; вполне естественно, что когда я увидѣла, что изъ всѣхъ возможныхъ предметовъ его вниманія я была тѣмъ, которому Его Императорское Высочество оказывалъ его меньше всего именно потому, что я была его женой, я не нашла этого положенія ни пріятнымъ, ни по вкусу, и оно мнѣ надоѣдало и, можетъ-быть, огорчало меня. Это послѣднее чувство, чувство горя, я подавляла въ себѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ всѣ остальные; природная гордость моей души и ея закалъ дѣлали для меня невыносимой мысль, что я могу быть несчастна.... Я правила, слѣдовательно, половина искушенія была уже налицо, и въ подобномъ случаѣ отъ сущности человѣческой природы зависитъ, чтобы не было недостатка и въ другой половинѣ, ибо искушать и быть искушаемымъ очень близко одно къ другому, и, несмотря на самыя лучшія правила морали, запечатлѣнные въ головѣ, когда въ нихъ вмѣшивается чувствительность, какъ только она проявится, оказываешься уже безконечно дальше, чѣмъ думаешь, и я еще до сихъ поръ не знаю, какъ можно помѣшать этому случиться“ ³⁾.

Въ дѣйствительности Салтыковъ едва-ли отвѣчалъ портрету,

¹⁾ Тамъ же, 328 и 329.

²⁾ Ту же самую мысль, много лѣтъ спустя, Екатерина повторяетъ въ письмѣ къ г-жѣ Вьелке: поистинѣ я очень любила бы своего мужа, если бы представлялась тому возможность и если бы онъ былъ такъ добръ, что желалъ бы этого (*s'il avait eu la bonté de le vouloir*). Сб. И. Р. И. О., VII, 10.

³⁾ Тамъ же, 445. — „Правду сказать, я никогда не считала себя чрезвычайно красивой, но я правила, и полагаю, что въ этомъ и была моя сила“ (315).

нарисованному Екатериной, и впоследствии она сама разочаровалась въ немъ, но, безъ сомнѣнія, онъ былъ замѣтенъ въ обществѣ, окружавшемъ Екатерину: „по части мужчинъ Императрица въ то время съ особенною заботливостію старалась заполнить нашъ дворъ всѣмъ, что она могла откопать наиболѣе безтолковаго, и когда она случайно ошибалась въ своемъ выборѣ, тотчасъ же изгонялся тотъ кривой, который казался королемъ среди этихъ слѣпыхъ ¹⁾. Но Салтыковъ по отцу и матери, оказавшимъ Елисаветѣ огромныя услуги при ея восшествіи на престолъ, пользовался вниманіемъ императрицы, имѣлъ при большомъ дворѣ вліятельныя связи и обладалъ недюжинной способностью къ интригѣ. Сблизившись съ Екатериной, онъ, несомнѣнно, сдѣлался ея главнымъ руководителемъ и совѣтникомъ въ сферѣ, гдѣ прежде она, вълѣдствіе полного своего одиночества, играла лишь пассивную роль, тѣмъ болѣе, что онъ умѣлъ вкрасѣ въ довѣріе Чоглоковыхъ и въ полной мѣрѣ пользовался дружбой великаго князя. Салтыковъ зналъ характеръ супружескихъ отношеній великокняжеской четы и долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы скрыть свою связь съ великой княгиней; положеніе осложнялось тѣмъ, что Чоглоковъ самъ сталъ ухаживать за великой княгиней, и одинъ изъ камердинеровъ великаго князя, Брессанъ, передалъ Салтыкову слова великаго князя: „Сергѣй Салтыковъ и моя жена обманываютъ Чоглокова; увѣряютъ его, въ чемъ хотятъ, а потомъ смѣются надъ нимъ“. Какъ бы то ни было, но снова возникъ вопросъ о неплотди великой княгини. Такъ какъ Екатерина очень любила кататься верхомъ въ особомъ костюмѣ, по-мужски, то лѣтомъ 1752 г. императрица замѣтила Чоглоковой, что манера Екатерины ѣздить верхомъ мѣшаетъ ей имѣть дѣтей, и что ея костюмъ совершенно неприличенъ. Лишь теперь Чоглокова оказалась въ возможности сообщить императрицѣ, что „для того, чтобы имѣть дѣтей, тутъ вины нѣтъ, и что хотя Ихъ Императорскія Высочества живутъ въ бракѣ съ 1745 г., а между тѣмъ причины не было“. Тогда ея императорское величество стала бранить Чоглокову и сказала, что она взыщетъ съ нея за то, что она не старается усовершенствоваться на этотъ счетъ заинтересованныя стороны; вообще она проявила сильный гнѣвъ и сказала, что мужъ ея — колпакъ, который позво-

¹⁾ Тамъ же (p. 1771 г.), 189. M. de Saltykof est un homme vain et un petit-maitre russe, c'est-à-dire un homme ignorant, sans goût et sans mérite“, доносить о немъ французскій посланникъ маркизъ Лопиталь. *Waliszewski: Le roman d'une Impératrice*, 86.

ляетъ водить себя за носъ соплякамъ. Все это сообщено было Чоглоковыми въ однѣ сутки довѣреннымъ лицамъ ¹⁾. Эти слова императрицы заставили Салтыкова и друга его, камергера Льва Нарышкина, на время уѣхать изъ Москвы, а между тѣмъ Чоглокова, чрезъ Брессана, познакомила Петра Θεодоровича съ вдовой извѣстнаго художника—портретиста Гротъ, внушивъ ей заранѣе, чего отъ нея хотятъ. Въ то же время приняты были мѣры для лѣченія великаго князя. „Салтыковъ“, говоритъ Екатерина, „побуждалъ Чоглокова предпринять то, на что онъ уже составилъ свой планъ, заставивъ ли великаго князя прибѣгнуть къ медицинской помощи или какъ иначе“. Чоглокова, которая вовсе не считала чувства своего мужа (къ Екатеринѣ) столь чистыми, покровительствовала чувствамъ Салтыкова, чтобы сдѣлать пакость своему мужу, и старалась для той же цѣли, чтобы причинить ему досаду. Наконецъ, крайняя невинность великаго князя сдѣлала то, что ему должны были приискать женщину. Выборъ палъ на вдову одного живописца, Гротъ ²⁾. „Я хорошо замѣчала, что Чоглокова была очень занята, но я не знала чѣмъ, когда, наконецъ, Сергѣй Салтыковъ вернулся изъ своего добровольнаго изгнанія и сообщилъ мнѣ приблизительно, въ чемъ дѣло. Наконецъ, благодаря своимъ трудамъ, Чоглокова достигла цѣли, и когда она увѣрена была въ успѣхѣ, то предупредила императрицу, что все шло согласно ея желаніямъ ³⁾. По свѣдѣніямъ, шедшимъ отъ самого Салтыкова, эти рассказы Екатерины подтверждаются по существу, но обставляются большими подробностями: „Toute la Cour était à un grand bal. L'Impératrice, passant près m-me de Narischkin, belle-soeur de Soltikow, qui alors était grosse et qui causait avec M. de Soltikow, dit à cette dame qu'elle devrait communiquer un peu de sa vertu à la grande-duchesse. Elle lui répondit que la chose ne serait pas si difficile et que si elle voulait lui donner aussi bien qu'à M. de Soltikow la permission d'y travailler, elle osait l'assurer qu'on pourrait réussir. L'Impératrice demanda des éclaircissements; madame de Narischkin l'instruisit de l'état du Grand-Duc et des moyens dont on pourrait y remédier, elle ajouta que M. de Soltikow avait toute sa confiance, et qu'il pouvait l'y déterminer. Non-seulement l'Impératrice y consentit, mais elle fit connaître que ce serait lui rendre un grand service.

¹⁾ „Записки“, 332.

²⁾ Тамъ же (р. 1758 г.), 495.

³⁾ Тамъ же (р. 1790—1791 г.), 334.

M. de Soltikow aussitôt chercha les moyens de déterminer le Grand-Duc à faire tout ce qui était nécessaire pour se donner des héritiers. Il lui fit sentir toutes les raisons politiques qui devaient l'y engager. Il lui donna aussi une idée de plaisir tout nouveau, et parvint à le rendre incertain sur ce qu'il avait à faire. Le jour même, il arrangea un souper des personnes que le Grand-Duc voyait avec le plus de plaisir, et, dans un moment de gaieté, tous se réunirent pour obtenir de ce Prince qu'il consentit à ce qu'on lui demandait. En même temps entra M. Boerhave avec un chirurgien et, dans la minute, l'opération fut faite et réussit très bien ¹⁾. M. de Soltikow reçut de l'Impératrice, à cette occasion, un très beau diamant.

Cet événement que M. de Soltikow croyait devoir assurer ses plaisirs et sa faveur, attira sur M. de Soltikow un orage qui le mit en danger d'être perdu. Sa maison avait beaucoup d'ennemis. Il s'en était fait beaucoup personnellement par ses airs de hauteur et par le peu de ménagement avec lequel il en usait envers ceux qu'il haïssait. On parla beaucoup de la liaison qui paraissait être entre lui et la Grande-Duchesse; on saisit ce moment pour tâcher de le perdre près de l'Impératrice et du Grand-Duc même. On donna à l'Impératrice des soupçons sur les assiduités qu'il rendait à la Grande-Duchesse; on lui insinua que cette opération à laquelle on avait dit avoir recours pour assurer des héritiers à l'Empire, n'était qu'une ruse employée pour colorer un accident dont on voulait faire croire le Grand-Duc l'auteur. Ces méchancetés firent une grande impression sur l'Impératrice. On crut qu'alors elle se souvint de ce que M. de Soltikow n'avait pas remarqué l'intérêt qu'elle avait bien voulu prendre à lui. Ses ennemis firent plus: ils s'adressèrent même au Grand-Duc. M. de Soltikow fut averti de ce qui se passait, il alla trouver le Grand-Duc qui le reçut avec assez de froideur. Ce Prince était seul. M. de Soltikow entra sur-le-champ en matière, et lui dit ce qu'il venait d'apprendre, qu'il n'en était point surpris, que ses bontés pour lui, la faveur dont il l'avait honoré, étaient des raisons plus que suffisantes pour lui faire un grand nombre d'ennemis; mais qu'il n'osait croire que Son Altesse Impériale n'eût point de son

¹⁾ Эти факты подтверждают Кастера („Histoire de Catherine II, impératrice de Russie“) и Лаво. Последний съ буквальной точностью повторяет факты донесения Шампо, хотя оно не могло быть ему известно, но прибавляет при этомъ, что императрица лично говорила съ Салтыковымъ (Laveaux: „Histoire de Pierre III. empereur de Russie“, III 53—58).

attachement pour lui, des idées plus justes et plus dignes de tous deux; qu'il pouvait être persuadé que le Grand-Duc perdrait avec lui le serviteur le plus dévoué.

Les sentiments du Grand-Duc se réchauffèrent; il embrassa M. Soltikow, lui dit qu'il avait été surpris un moment par des gens qui cherchaient à lui nuire, qu'il s'en repentait et le lui ferait voir, s'il le fallait, et qu'il lui était plus cher que jamais ¹⁾).

Тѣмъ не менѣе Салтыковъ сдѣлался осторожнѣе и сталъ рѣдко показываться при дворѣ. „По правдѣ сказать“, пишетъ Екатерина, „я была этимъ огорчена, однако онъ приводилъ мнѣ такія основательныя и дѣйствительныя причины, что, какъ только я его видѣла и говорила съ нимъ, мое раздумье исчезало“. Враговъ и интригъ противъ него и великой княгини оказывалось очень много, а друзей налицо не было. Приходилось искать поддержки у... Бестужева. Къ нему отправился Салтыковъ, по порученію великой княгини, и Бестужевъ, самъ искавшій сближенія съ великой княгиней по мѣрѣ того, какъ падалъ его кредитъ у императрицы, обѣщалъ ей полное содѣйствіе. „Я слѣлаю“, сказалъ онъ, „Владиславу кроткой, какъ овечка, и она будетъ дѣлать изъ нея, что угодно; она увидитъ, что я не такой бука, какъ изображали меня въ ея глазахъ“. Бестужевъ сдѣлалъ еще болѣе, онъ сдѣлалъ овечкой самой Чоглокову. „Чоглокова, вѣчно занятая своими излюбленными заботами о престолонаслѣдіи“, рассказываетъ Екатерина, „однажды отвела меня въ сторону и сказала: „послушайте, я должна поговорить съ вами очень серьезно“. Я, понятно, вся обратилась въ слухъ. Она начала съ обычной своей манерой длиннымъ разглагольствованіемъ о привязанности своей къ мужу, о своемъ благоуміи, о томъ, что нужно и чего не нужно для взаимной любви и для облегченія или отягощенія узъ супруга или супруги, а затѣмъ свернула на заявленіе, что бываютъ иногда положенія высшаго порядка, которыя вынуждаютъ дѣлать исключенія изъ правила. Я дала ей высказать все, что она хотѣла, не прерывая, вовсе не вѣдая, куда она клонитъ, нѣсколько изумленная, и не зная, была ли это ловушка, которую она мнѣ ставитъ, или она говоритъ мнѣ искренно. Пока я внутренно такъ размышляла, она мнѣ сказала: „Вы увидите, какъ я люблю свое отечество и насколько я искренна; я не сомнѣваюсь, чтобы вы кому-нибудь не отдали предпочтенія: предоставляю вамъ

¹⁾ Донесеніе Шампо (у Бильбасова: „Исторія Екатерины Второй“, I 539—540.

выбрать между Сергѣемъ Салтыковымъ и Львомъ Нарышкинымъ; если не ошибаюсь, то избранникъ вашъ послѣдній“. На это я воскликнула: „нѣтъ, нѣтъ, отнюдь нѣтъ“. Тогда она мнѣ сказала: „ну, если это не онъ, такъ другой, навѣрно“. На это я не возразила ни слова, и она продолжала: „Вы увидите, что помѣхой вамъ буду не я“. Я притворилась наивной настолько, что она меня много разъ бранила за это какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, куда мы отправились послѣ Пасхи“ ¹⁾. Впослѣдствіи, говоря объ этомъ въ письмѣ къ Потемкину, озаглавленномъ „Чистосердечная исповѣдь“, Екатерина, видимо, желая оправдать свое поведеніе, всю вину сближенія своего съ Салтыковымъ возлагала исключительно на Чоглокову. „Марья Чоглокова“, писала Екатерина, „видя, что чрезъ девять лѣтъ обстоятельства остались тѣ же, каковы были до свадьбы, и бывъ отъ покойной государыни часто бранена, что не старается ихъ перемѣнить, не нашла иного къ тому способа, какъ обѣимъ сторонамъ сдѣлать предложеніе, чтобы выбрали по своей волѣ изъ тѣхъ, кои она на мысли имѣла: съ одной стороны выбрали вдову Гротъ, которая нынѣ за артиллеріи генераль-поручикомъ Миллеромъ, а съ другой Сергѣя Салтыкова и сего болѣе по видимой его склонности и по уговору мамы, которая въ томъ поставляла великую нужду и надобность“. Отрывокъ этотъ важенъ для историка не столько по содержанію, очевидно, не вполне согласному съ истиной, сколько по невѣрной хронологіи, которую устанавливаетъ здѣсь Екатерина, считая девять лѣтъ отъ бракосочетанія до выбора Гротъ и дважды повторяя эту ошибку въ своихъ Запискахъ при изложеніи супружескихъ отношеній къ ней великаго князя. Между тѣмъ изъ самыхъ „Записокъ“ ея видно, что выборъ Гротъ и Салтыкова произошелъ въ 1752 г., т.-е. девять лѣтъ спустя послѣ приѣзда Екатерины въ Россію. Этимъ временемъ, стало быть, опредѣляется и начало дѣйствительной супружеской жизни великокняжеской четы. Петръ Θεодоровичъ уже не могъ называть себя, обращаясь къ Екатеринѣ, какъ онъ дѣлалъ это на другой годъ послѣ свадьбы: „Votre très infortuné mari que vous ne daignez jamais appeler de ce nom“ ²⁾.

Въ концѣ 1752 г. Екатерина почувствовала легкіе признаки беременности, но они исчезли, съ сильной рѣзью въ животѣ, на послѣдней станціи предъ Москвой, куда въ это время переѣхалъ

¹⁾ „Записки“, 337—338.

²⁾ Приложение къ Герценовскому переводу „Записокъ“ Екатерины (Лондонъ 1859), 259.

весь дворъ. Въ Москвѣ въ маѣ 1753 г. Екатерина вновь почувствовала себя беременной, но въ концѣ іюня у нея произошелъ выкидышъ. По этому случаю она должна была оставаться въ своей комнатѣ: отъ скуки она часто плакала. Въ это время великій князь сидѣлъ обыкновенно у себя въ комнатѣ съ камердинеромъ своимъ Карновичемъ, дуракомъ и пьяницею, который забавлялъ его и доставалъ ему игрушки и крѣпкіе напитки. Иногда собирались на попойки къ великому князю и другіе камердинеры. Случалось, что на этихъ попойкахъ нѣкоторые камердинеры, напившись до потери сознанія, не слушались великаго князя, хотя онъ прибѣгалъ къ палочнымъ ударамъ и даже обнажалъ шпагу; тогда онъ приходилъ къ Екатеринѣ жаловаться на своихъ людей, которые, къ удивленію Петра Ѳеодоровича, тотчасъ становились покорны и послушны, какъ только Екатерина напоминала имъ о ихъ обязанностяхъ. Войдя однажды по одному изъ такихъ случаевъ въ комнату своего супруга, она съ удивленіемъ замѣтила повѣшенную на срединѣ ея крысу. По объясненію Петра Ѳеодоровича, крыса эта совершила уголовное преступленіе и по военнымъ законамъ подверглась жесточайшему наказанію: она забралась на бастионы картонной крѣпости, стоявшей у него на столѣ, и съѣла двухъ поставленныхъ на стражу часовыхъ изъ крахмала; ее повѣсили, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ казни, съ тѣмъ, чтобы она висѣла въ теченіе трехъ сутокъ на глазахъ публики для внушенія примѣра. Едва-ли такія развлеченія могли быть пріятны Екатеринѣ. Но въ то же время и Салтыковъ, видимо, охладѣлъ къ великой княгинѣ еще въ концѣ 1752 г. „Мнѣ показалось“, говоритъ Екатерина, „что Сергѣй Салтыковъ сталъ меньше за мной ухаживать, что онъ становился невнимательнымъ, подчасъ фатоватымъ, надменнымъ и разсѣяннымъ. Меня это сердило, я говорила ему объ этомъ; онъ приводилъ плохіе доводы и увѣрялъ, что я не понимаю всей ловкости его поведенія. Онъ былъ правъ, потому что я находила его поведеніе довольно страннымъ“. Такъ же велъ онъ себя въ теченіе 1753 г. и въ Москвѣ, гдѣ еще рѣже посѣщалъ дворъ, чѣмъ очень огорчалъ Екатерину¹⁾. Между тѣмъ великій князь настолько сблизился съ своей супругой, что говорилъ Чоглокову: „Вы воображаете, что Салтыковъ другъ вашъ, и что онъ ухаживаетъ за великой княгиней для васъ; вы и не подозреваете, что онъ вашъ соперникъ и ухаживаетъ за ней для самого себя, а она смѣется надъ вами

¹⁾ „Записки“ 335—336.

обоими (et au fond elle se moque de tous les deux)“. „Въ этомъ случаѣ“, замѣчаетъ Бильбасовъ, „великій князь являлся вполне компетентнымъ судьей“¹⁾.

Въ такомъ положеніи была супружеская жизнь Екатерины въ концѣ 1753 г. за девять мѣсяцевъ до рожденія сына ея, великаго князя Павла Петровича. Въ апрѣлѣ 1754 г., вмѣсто умершаго Чоглокова, гофмаршаломъ двора великаго князя назначенъ былъ графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ. „Этотъ Александръ Шуваловъ“, говоритъ Екатерина, „не самъ по себѣ, а по должности, которую онъ занималъ, былъ грозой всего двора, города и всей имперіи: онъ былъ начальникомъ государственнаго инквизиціоннаго суда, который звали Тайной канцеляріей. Его занятія, какъ говорили, вызвали у него родъ судорожнаго движенія, которое дѣлалось на всей правой сторонѣ лица, отъ глазъ до подбородка, каждый разъ, когда онъ былъ взволнованъ радостью, гнѣвомъ, страхомъ или боязнью. Удивительно, какъ выбрали этого человѣка со столь отвратительной гримасой, чтобы держать его постоянно лицомъ къ лицу съ молодой беременной женщиной; если бы у меня родился ребенокъ съ такимъ несчастнымъ типомъ, я думаю, императрица была бы этимъ очень разгнѣвана; между тѣмъ, это могло бы случиться, такъ какъ я видѣла Шувалова постоянно, всегда неохотно и большею частью съ чувствомъ небольшого отвращенія, причиняемаго его личными свойствами, его родными и его должностью, которая, понятно, не могла увеличить удовольствія отъ его общества“²⁾. На мѣсто Чоглоковой, также уволенной отъ должности оберъ-гофмейстерини, императрица предполагала назначить графиню Румянцеву, но Екатерина, крайне не любившая Румянцевой, стала горько плакать при этомъ извѣстіи и просила Шувалова доложить императрицѣ, что если къ ней приставятъ Румянцову, то она сочтетъ это за большое несчастье для себя, что эта женщина прежде повредила ея матери, что она очернила ее во мнѣніи императрицы, и что теперь она сдѣлаетъ то же самое и ей, что ея боялись, какъ чумы, когда она была у насъ, и что много будетъ несчастныхъ отъ этого распоряженія. Боясь повредить великой княгинѣ при ея положеніи, императрица отказалась отъ своего намѣренія. Вслѣдъ затѣмъ, въ началѣ мая, Екатерину повезли въ Петербургъ, обставляя путешествіе всѣми предосторожностями, чтобы не повредить здоровью ея и ея будущаго ребенка. Бѣжали

¹⁾ Бильбасовъ: „Исторія Екатерины Второй“, I, 294.

²⁾ „Записки“ 356.

чуть не шагомъ, проведя въ дорогѣ 29 дней. Въ Петербургѣ для Екатерины приготовлены были комнаты въ Лѣтнемъ дворцѣ въ апартаментахъ самой Императрицы, гдѣ она должна была поселиться и осенью послѣ лѣтняго пребыванія въ Ораніенбаумѣ. Въ 2 часа ночи 20 сентября Екатерина почувствовала, наконецъ, приближеніе родовъ, и къ ней тотчасъ явилась Императрица, которая и присутствовала при появленіи на свѣтъ, около полудня 20 сентября, внука своего, тотчасъ же нареченнаго Павломъ. Императрица Елисавета въ появленіи этой новой отрасли Петра Великаго видѣла исполненіе давнихъ завѣтныхъ своихъ надеждъ и обезпеченіе будущности Россіи.

Е. С. Шумигорскій.

(Окончаніе).

Императоръ Александръ I и русская оккупация Восточной Пруссіи

въ концѣ 1812 года и въ началѣ 1813 г.

(Окончаніе).

IV ¹⁾.

Дерзкія притязанія *Горка, Шена* и другихъ административныхъ дѣятелей восточно-прусской провинціи возбуждали тѣмъ болѣе негодованіе въ рядахъ русской арміи, что поведеніе нашихъ солдатъ и офицеровъ не оставляло, по единодушнымъ отзывамъ всѣхъ официальныхъ и частныхъ лицъ, желать лучшаго. Именно въ Тильзитѣ и Мемелѣ русскіе гарнизоны не давали ни малѣйшихъ поводовъ къ жалобамъ со стороны обывателей, это засвидѣтельствовало земскимъ окружнымъ совѣтникомъ (Landrath) *фонъ-Линкеромъ*. Въ самомъ Кенигсбергѣ происходили скорѣе недоразумѣнія русскихъ съ пруссаками, большею частью, конечно, между офицерами. Случалось это нерѣдко вслѣдствіе того, что въ русскихъ рядахъ служило не мало офицеровъ, уроженцевъ прибалтійскихъ губерній и нѣмцевъ по національности. Находясь въ театрѣ, въ кофейныхъ, ресторанахъ и въ другихъ общественныхъ мѣстахъ, до ихъ слуха долетали иногда нелестные отзывы о русскихъ военныхъ, со стороны зашедшихъ тутъ же прусскихъ товарищей. Вотъ на этой почвѣ и возникали столкновенія, кончавшіяся иногда дуэлью, иногда взаимными оскорбленіями дѣйствіемъ. Особенно часто повторялись подобныя исторіи въ городскомъ театрѣ, такъ что генераль графъ *Витгенштейнъ* вынужденъ былъ принять рѣшительныя

¹⁾ См. „Русская Старина“ ноябрь 1913 г.

мѣры¹⁾. Но непріязнь и раздраженіе русскихъ офицеровъ, равно какъ и солдатъ противъ объявленныхъ уже со стороны нашихъ высшихъ военныхъ властей, ихъ союзниковъ и боевыхъ товарищей-пруссаковъ вытекала, между прочимъ, и изъ болѣе серьезныхъ и вполне реальныхъ причинъ.

Охваченный послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи *idée fixe* „спасти“ и Европу отъ нестерпимаго гнета *Наполеона*, Императоръ *Александръ I* считалъ необходимымъ дѣлать предварительно всюду нравственные завоеванія посредствомъ благодѣяній, уступокъ, обѣщаній и льготъ, сыплющихся словно изъ рога изобилія, на народы и страны, куда вступали его войска. Такъ, находясь еще въ Калишѣ, въ январѣ 1813 г., онъ говорилъ уже во всеуслышеніе о созданіи сильной, счастливой Франціи. Но слишкомъ явное намѣреніе къ снисканію преждевременнаго расположенія не всегда производило желанное впечатлѣніе. Многіе видѣли въ этомъ лишь хитрый маневръ скрыть слабость вооруженныхъ русскихъ силъ. Выставленная нерѣдко напоказъ сердечная доброта и великодушіе русского царя по отношенію къ жителямъ странъ и государствъ, открыто воюющихъ съ Россіей, не внушала, однако, полного довѣрія въ искренность проявленныхъ чувствъ. *Наполеонъ* и его приверженцы въ Германіи умѣли отлично пользоваться и нравственнымъ оружіемъ. Печать, не только Франціи, но и всего Рейнскаго союза была къ услугамъ могущественнаго цезаря. Съ помощью этой печати и проводили мысль, что не слѣдуетъ уже такъ безусловно довѣряться обѣщаніямъ и показнымъ ласкамъ русскихъ, у которыхъ-де слова съ дѣлами рѣдко согласуются. Кто въ состояніи примѣнять у себя дома и въ рядахъ своихъ войскъ столь варварскія и безчеловѣчныя наказанія, отмѣненныя во всѣхъ другихъ европейскихъ арміяхъ, какія приходится наблюдать зачастую въ арміи прославившаго себя на всѣ лады и падежи „великодушнаго“ „сердобольнаго“ и „справедливаго“ Императора Александра I, тотъ не остановится ни передъ какими насиліями надъ беззащитными народами, когда убѣдится, что за его дѣянія не придется ему держать отвѣта. Что въ русской арміи господствовала необычайная строгость, доходившая до жестокости за малѣйшіе проступки, это вѣрно и ложилось несомнѣнно тѣнью на славу доблестнаго войска. Но что особенно оскорбляло и унижало наше воинство въ собственныхъ его глазахъ, это отдача его подъ

¹⁾ Воспоминанія Эдуарда фонъ-Левенштерна въ его книгѣ: „Mit Graf Pahlens Reiterei gegen Napoleon“.

контроль и чуть не полицейскій надзоръ мѣстныхъ административныхъ властей. 15/27-го января 1813 года изъ Эльбинга, гдѣ была главная квартира Витгенштейна опубликованъ былъ приказъ, въ которомъ *все командиры отдельныхъ частей должны были представить отъ мѣстныхъ властей, гдѣ квартировали ихъ отряды, свидетельства о хорошемъ поведеніи. Подписанъ былъ означенный приказъ дежурнымъ генералъ-майоромъ и кавалеромъ фонъ-Ольдекопомъ.* Благодаря всѣмъ этимъ строгостямъ и суровымъ предписаніямъ, исходящимъ изъ наивысшихъ военныхъ сферъ, наши офицеры платили за свой постой на манеръ частныхъ квартирантовъ. За все приходилось расплачиваться имъ наличными деньгами, и никто изъ главныхъ русскихъ военачальниковъ не обращалъ вниманія на то странное обстоятельство, что появившіеся въ Кенигсбергѣ и другихъ городахъ Восточной Пруссіи нѣмецкіе легіонеры, собравшіеся благодаря патріотическому воззванію Штейна со всѣхъ концовъ Германіи для веденія партизанской войны противъ французовъ и ихъ союзниковъ, получали отъ земскихъ сословій, городскихъ магистратовъ и правительственныхъ учреждений не только полное продовольствіе натурой, но еще и денежное вознагражденіе, все равно какъ солдаты, такъ и офицеры. Такая демонстративная и оскорбительная несправедливость вызвала сильное неудовольствіе въ рядахъ нашей арміи, и столкновения между щегольски одѣтыми нѣмецкими офицерами-легіонерами и нашими военными съ ихъ потертыми и закопѣлыми отъ дыма смоленско-бородинскаго и прочихъ сраженій мундирами, стали опять повторяться.

Совершивъ одинъ изъ чудовищнѣйшихъ по своимъ трудностямъ и лишеніямъ въ исторіи походъ ¹⁾, наши войны-побѣдители рассчитывали хоть на время воспользоваться заслуженнымъ отдыхомъ и правильнымъ довольствіемъ. Но взаимныя этихъ скромныхъ требованій сѣрымъ русскимъ героямъ-богатырямъ предоставляли обычное и неотъемлемое ихъ право варить себѣ пустыя щи изъ вновь пріобрѣтенныхъ неувядаемыхъ лавровъ, собранныхъ на залитыхъ кровью поляхъ Смоленска, Бородина, Краснаго, Мало-Ярославца и Березины. 5-го февраля состоялось

¹⁾ Согласно рапорту Кутузова, поданнаго имъ, въ началѣ декабря 1812 года Императору Александру, русская армія, покинувшая Москву въ составѣ 110.000 человекъ, прибыла въ Вильну численностью лишь въ 27.000 строевыхъ нижнихъ чиновъ, годныхъ къ бою. Такимъ образомъ три мѣсяца она потеряла 75° изъ первоначальнаго своего состава.

наконецъ открытіе провинціального собранія въ Кенигсбергѣ. *Штейнъ хотѣлъ прочесть посланіе отъ имени Императора Александра I и этимъ узаконить дальнѣйшія постановленія и дѣйствія сословныхъ представителей*, но такому желанію воспротивились опять съ необычайнымъ упорствомъ *Йоркъ, Шенъ* и даже въ общемъ очень покладистый оберъ-президентъ *фонъ Ауэрсвальдъ*. Изъ чувства патріотизма *Штейнъ* уступилъ и выразилъ лишь намѣреніе присутствовать на торжествѣ, но и въ этомъ онъ столкнулся съ неопределимой оппозиціей. Ему стали доказывать, что присутствіе его, какъ представителя чужестраннаго монарха, вызоветъ сильное неудовольствіе у всѣхъ депутатовъ сейма. Общество относится-де съ недовѣріемъ къ планамъ *Штейна* и обѣщаніямъ Императора *Александра I*. Президентъ *фонъ Шенъ* цитировалъ изложенное маркизомъ Пауллуччи въ меморандумѣ, поданномъ имъ 8-го января 1813 года Государю, мнѣніе, въ силу котораго границей между Россіей и Германіей—сирѣчь—Пруссіей должна быть рѣка Висла¹⁾. *Штейну* говорили наконецъ открыто въ лицо, что въ случаѣ его появленія въ собраніи, онъ будетъ встрѣченъ единодушными свистками²⁾. Вступительную рѣчь сказалъ при открытіи генераль *Йоркъ* съ указаніемъ на прерванность сообщеній съ центральнымъ правительствомъ въ Берлинѣ. Но прерванность эта была отчасти условная, она не препятствовала собранію точныхъ свѣдѣній обо всемъ, что происходило въ той или другой части государства, и простиралась лишь на оффиціальное сообщеніе берлинскихъ правительственныхъ сферъ съ занятыми русскими войсками областями. Такъ, между прочими, исходящими изъ прусской столицы, попытками завязать правильныя сношенія съ восточными окраинами монархіи, слѣдуетъ указать и на посылку specialнаго курьера, везущаго королевскій приказъ о смѣщеніи генерала *Йорка* съ должности командира корпуса и преданіи его военному суду, а вмѣстѣ съ этимъ и собственноручное письмо *Фридриха Вильгельма III* Императору *Александру I*. *Витгенштейнъ*, однако, не допустилъ передачу перваго приказанія, а отобралъ его и уничтожилъ, письмо же, адресованное русскому Государю, отправилъ по назначенію.

7 февраля *Штейнъ* сложилъ съ себя обязанности уполномоченнаго Императора *Александра I* и покинулъ Кенигсбергъ, въ которомъ правленіе перешло опять въ руки прусской администра-

¹⁾ Изъ біографіи Дройзена: „Жизнь генераль-фельдмаршала графа *Йорка*“.

²⁾ Изъ донесеній правительственнаго совѣтника *Штегемана* князю *Гарденбергу*.

ціи. Остался одинъ русскій комендантъ для официальныхъ распоряженій и сношеній между русскими и прусскими военными властями. Съ перемѣной правленія въ восточно-прусскихъ областяхъ, т.-е. съ врученіемъ власти въ руки прежнихъ, „законныхъ“—какъ выразились прусскіе бюрократы—хозяевъ страны, положеніе русскихъ войскъ отнюдь не улучшилось. На восточныхъ пришеельцевъ, хотя до нѣкоторой степени и очень желанныхъ, стали смотрѣть какъ на предметъ эксплуатаціи. Когда весной 1812 года черезъ восточныя провинціи Пруссіи проходили немѣтныя полчища французскихъ и союзныхъ съ ними войскъ, то ни одинъ изъ тамошнихъ жителей не осмѣливался открывать рта и жаловаться на притѣсненія, творимыя чужестранными солдатами, или на убытки, причиняемые ему ихъ безчинствами, грабежами и умысленной порчей имущества. Съ появленіемъ же русскихъ освободителей отъ нестерпимаго французскаго ига, настроеніе мѣстныхъ аборигеновъ рѣзко перемѣнилось; они стали громко заявлять объ убыткахъ и проторахъ, понесенныхъ ими отъ постоя или даже только прохода черезъ ихъ владѣнія русскихъ военныхъ отрядовъ, требуя при этомъ зачастую смѣхотворно преувеличенное вознагражденіе. Вслѣдствіе чрезмѣрнаго наплыва жалобщиковъ образованы были для провѣрки всѣхъ поступавшихъ претензій смѣшанныя изъ русскихъ и прусскихъ чиновниковъ комиссіи, въ дѣлахъ которыхъ, сохранившихся и по сіе время въ городскихъ и другихъ архивахъ Восточной Пруссіи, Помераніи и Силезіи, можно встрѣтить чудовищныя по своей придиричливой мелочности, глупости и недобросовѣстности требованія относительно вознагражденія мнимыхъ и даже вымышленныхъ убытковъ, понесенныхъ многочисленными обывателями. Съ первыхъ же шаговъ, предпринятыхъ для разслѣдованія дѣла, становилось нерѣдко яснымъ, что ходатайствующій пытался понесенные имъ во время прохода и пребыванія у него французскихъ войскъ въ 1812 г. убытки свалить на событія 1813 года въ связи съ появленіемъ русскихъ. Просителямъ доказывали иногда на основаніи хронологическаго хода событій всю вздорность ихъ требованій. Если, напримѣръ, сельскій хозяинъ-хуторянинъ или содержатель постоялаго двора утверждалъ, что стоявшая у него русская кавалерія испортила ему весь полъ въ конюшнѣ и деревянныя или кирпичныя настилки въ сараяхъ и амбарахъ, то русскіе штабные офицеры доказывали ему тутъ же, что черезъ мѣстность, гдѣ находится его недвижимое имущество, прошелъ всего только одинъ русскій эскадронъ, не останавливавшійся болѣе сутокъ на мѣстѣ, такъ что подобной порчи пола и настилокъ не могло

произойти, а что въ 1812 году въ его конюшняхъ, амбарахъ и сараяхъ пребывало въ теченіе 6 недѣль около четырехъ кавалерійскихъ полковъ, отъ которыхъ и произошелъ указанный имъ убытокъ¹⁾. Другія заявленія касались порчи фруктовыхъ садовъ отъ того, что казаки привязывали къ деревьямъ лошадей, копавшихъ копытами ямы, обнажая этимъ корни, и обгладывавшихъ кору у стволовъ деревьевъ, при чемъ послѣднія засыхали вслѣдствіе обилія лошадиной мочи, попавшей на ихъ корни. Въ дѣйствительности дѣло обстоило совершенно иначе. Проходившіе въ 1812 году баварскіе егеря устроили во фруктовомъ саду бивуакъ, при чемъ разводили около деревьевъ костры для варки пищи, вбивали громадныя гвозди въ стволы, ломали сучья для различныхъ надобностей и уничтожили, однимъ словомъ, весь фруктовый садъ. Когда же пришли казаки, то отъ прежнихъ древесныхъ насажденій торчали уже одни жалкіе обломки. Какъ согласовать всѣ эти мелочныя попытки къ беззастѣнчивой наживѣ съ тѣмъ прославленнымъ нѣмецкими историками патріотическимъ подъемомъ духа всего прусскаго населенія, готоваго въ ту пору пожертвовать всѣмъ состояніемъ ради освобожденія родины отъ иноземной тиранніи?

Несмотря на то, что жалобы на поведеніе русскихъ войскъ и заявленія о понесенныхъ убыткахъ оказывались, при ближайшемъ разслѣдованіи, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ совершенно вздорными или мало обоснованными, суровыя взысканія за малѣйшія провинности не ослабѣвали въ нашихъ войскахъ. Бдительность въ этомъ отношеніи со стороны начальства была изумительная и поддерживалась непрерывно приказами изъ главной квартиры. Подобная строгость, неукоснительнымъ ревнителемъ который былъ несомнѣнно самъ Императоръ *Александръ I*, имѣла бы оправданіе только въ томъ случаѣ, если бы исходила изъ идеальныхъ соображеній о необходимости поддержанія дисциплины, какъ средства нравственно-воспитательнаго воздѣйствія на солдата, а не изъ простаго угодничества передъ чужими народами и снисканія широкой, хотя и малоцѣнной популярности. Игнорировать неотъемлемыми правами защитниковъ родины на признательность и благодарность въ видѣ скромнаго вознагражденія за всѣ предшествовавшія лишенія и страданія значитъ не имѣть вѣрнаго представленія о долгѣ правителя передъ народомъ и обязанности отстаивать всѣми силами инте-

¹⁾ Изъ протоколовъ слѣдственной комиссіи, хранящихся въ городскомъ архивѣ въ Кенигсбергѣ.

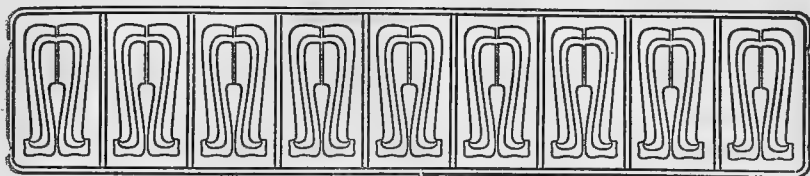
ресы его. Впрочемъ тутъ нечего удивляться; окруженный такими совѣтниками, какъ: *Аракчеевъ*, *Лагарпъ*, графъ *Армфельдъ*, князь *Чорторижскій*, *Поццо ди Борго*, Александръ I не могъ смотрѣть на многія дѣла исключительно только собственными глазами, а поддавался невольно нѣкоторымъ внушеніямъ, исходящимъ отъ поименованныхъ лицъ.

Упрекъ, высказанный *Наполеономъ* въ Вильнѣ во время знаменательной его бесѣды съ генералъ-адъютантомъ *Балашевымъ* по адресу Александра I, что онъ окружилъ себя недостойными его людьми, былъ, конечно, безтактенъ, но отнюдь не такъ мало обоснованъ, какъ увѣряетъ *Ипполитъ Тэнъ* въ своей „Исторіи происхожденія современной Франціи“. Благодаря стараніямъ прусскихъ патріотическихъ обществъ и союзовъ, имѣвшихъ своихъ вліятельныхъ представителей и при дворѣ короля *Фридриха Вильгельма III*, а главное въ силу непрерывнаго увѣщанія, шедшаго изъ русской главной квартиры въ *Калишъ*, оборонительный и наступательный союзъ между Россіей и Пруссіей противъ Франціи былъ наконецъ заключенъ 28-го февраля. Съ прусской стороны уполномоченнымъ явился военный министръ, генералъ *фонъ Шарнгорстъ*, человекъ большого ума, эрудиціи и выдающихся душевныхъ качествъ. Россію представлялъ самъ *фельдмаршалъ Кутузовъ*. Въ союзномъ договорѣ были, между прочимъ, включены и два тайныхъ параграфа. По первому Россія обязывалась помогать Пруссіи возстановить ее въ границахъ до тильзитскаго мира. Второй тайный параграфъ касался пріобрѣтенія Пруссіей *Познанской области*, какъ слишкомъ глубоко врѣзавшейся въ территорію монархіи ¹⁾.

Съ подписаніемъ договора вѣчнымъ колебаніямъ нерѣшительнаго, опасливаго прусскаго короля былъ положенъ извѣстный предѣлъ. Онъ былъ лишенъ возможности тормозить ходъ дѣйствующихъ событій, разыгравшихся и впоследствии часто противъ воли и желанія этого такъ скудно одареннаго историко-политическимъ чутьемъ монарха. Душою коалиціи противъ *Наполеона* сталъ несомнѣнно Императоръ *Александръ I*, хотя и за его спиной орудовали и интриговали лица, не принимавшія во вниманіе интересы Россіи. Но объ этихъ весьма характерныхъ и малоотрадныхъ явленіяхъ мы поговоримъ въ другомъ, отдѣльномъ, очеркѣ.

М. В. Станиславскій.

¹⁾ Изъ дневника прусскаго государственнаго канцлера князя *Гарденберга*, вышедшаго послѣ его смерти въ 30-тыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

Замѣтки о Пушкинѣ ¹⁾.

I.

Исторія статуи Екатерины II.

Въ Екатеринославѣ, на Соборной площади, стоитъ съ 1846 г. памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II, очень стильное произведеніе XVIII вѣка. Исторія этого памятника связана съ именемъ Пушкина, которому онъ доставилъ немало непріятностей, хлопотъ и разочарованій. О нихъ сохранены интересныя свѣдѣнія въ перепискѣ поэта и въ нѣкоторыхъ официальныхъ документахъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ мы опубликовали ²⁾ слѣдующее письмо Пушкина.

Général,

Il y a deux ou trois ans que Monsieur Gontcharoff, le grand père de ma femme, se trouvant pressé d'argent, fut sur le point de refondre une Statue Colossale de Catherine II, et c'est à Votre Excellence que je m'adressai pour en obtenir la permission. Comme j'avais cru qu'il ne s'agissait que d'une masse informe de bronze, je ne demandais pas mieux. Mais il se trouva que la Statue était une belle production de l'art, et j'eus conscience et regret de l'anéantir pour en tirer quelques milliers de Roubles. Votre Excellence avec la bonté accoutumée m'avait fait espérer que le gouvernement pourrait me l'acheter; je l'ai donc fait venir ici. Si la fortune d'un

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1913 г.

²⁾ „Рѣчь“ 1911 г., № 87.

particulier ne permet pas de l'acheter, ni de la garder, cette belle Statue pourrait convenablement être placée soit dans un des établissements fondés par l'Impératrice, soit à Zarskoe Sélo, où Sa Statue manque parmi les monuments qu'Elle a fait élever aux grands hommes qui l'ont Servie. J'en désirerai 25.000 R., ce qui est le quart de ce qu'elle a coutée. (Ce monument ayant été fondé en Prusse par un Sculpteur de Berlin).

La Statue est actuellement chez moi (Rue Форштатская, maison d'Алымовъ).

Je suis avec respect, Général, de Votre Excellence le très humble et très obeissant serviteur

Signé: Alexandre Pouchkine.

8 Juin 1832.

St.-Pb.

(Переводъ. „Генералъ! Два-три года тому назадъ г. Гончаровъ, дѣдъ моей жены, испытывая денежные затрудненія, былъ готовъ расплавить колоссальную статую Екатерины II, и за разрѣшеніемъ на то я обращался къ вашему высокопревосходительству. Думая, что рѣчь идетъ только о безформенной массѣ бронзы, я большаго и не просилъ. Но статуя оказалась прекраснымъ произведеніемъ искусства, и мнѣ стало совѣстно и жалко ее уничтожить, чтобы извлечь изъ нея нѣсколько тысячъ рублей. Ваше высокопревосходительство съ обычной добротою подали мнѣ надежду, что правительство могло бы ее купить у меня, и я велѣлъ привезти ее сюда. Если средства частнаго лица не позволяютъ ни ее купить, ни хранить ее, то эта прекрасная статуя могла бы быть достойно помѣщена или въ одномъ изъ учреждений, основанныхъ Императрицей, или въ Царскомъ Селѣ, гдѣ Ея статуи недостаетъ среди памятниковъ, воздвигнутыхъ Ею великимъ людямъ, которые Ей служили. Я хотѣлъ бы за нее 25,000 р., что составляетъ четверть ея стоимости. (Этотъ памятникъ былъ сооруженъ въ Пруссіи однимъ берлинскимъ скульпторомъ). Статуя находится теперь у меня (Форштатская улица, домъ Алымова)“.

Этимъ письмомъ открывается хранящееся въ архивѣ министерства Императорскаго Двора дѣло 1832—1833 г. г. „О бронзовой колоссальной статуй Екатерины II, предлагаемой къ покупкѣ писателемъ А. Пушкинымъ“ ¹⁾. До сихъ поръ была извѣстна

¹⁾ Архивъ М. И. Дв., опись № 64—902, разрядъ № 1, д. № 206, связка № 1684. Дѣло велось „по 2 Экспедиціи“, за № 325, „началось 10 іюня 1832, кончено 25 февраля 1833“, на 7 листахъ.

только часть письма, напечатанная П. А. Ефремовымъ въ его послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина ¹⁾ „съ рукописи Анненкова“ ²⁾, списанной, повидимому, съ неполнаго черновика; у Ефремова черновая редакція невѣрно датирована 1833—1834 г. г., а у В. И. Саитова ³⁾ правильно, хотя не совсѣмъ точно, помѣчена 1832 годомъ.

Письмо, на трехъ страницахъ бѣлой бумаги крупнаго почтового формата, собственноручно написано поэтомъ; почеркъ—размашистый и четкій, такъ называемый „парадный“; автографъ—великолѣпной сохранности. Вверху первой страницы, тоже пушкинской рукою, написано:

„Copie.

10 іюня 1832“.

Внизу приписка:

„На подлинномъ собственноручно г. министромъ отмѣчено: „Писать къ президенту академіи, чтобъ послать осмотрѣть сію статую къ Автору Пушкину гг. Мартоса, Демута, Гальберга, Орловскаго съ тѣмъ, чтобы донесли какъ о достоинствѣ ея, такъ и о цѣнѣ“.

10 іюня 1832“.

Письмо адресовано къ А. Х. Бенкендорфу, на что указываетъ не только обращеніе: „Général“, но и ссылка на данное два-три года назадъ разрѣшеніе обратить статую въ металлъ. Въ архивѣ департамента полиціи, гдѣ находятся документы бывшаго III отдѣленія, хранится дѣло „По письму А. С. Пушкина о дозволеніи надворному совѣтнику Гончарову расплавить неудачно вылитую статую, изображающую Императрицу Екатерину“ ⁴⁾.

Исторія этой статуи такова. Въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII вѣка Потемкинъ заказалъ въ Берлинѣ скульптору Мейеру колоссальную бронзовую статую Екатерины II. Въ 1782 г. она была отлита, а въ 1786 г. окончательно отдѣлана, о чемъ свидѣлствуютъ надписи: „Мейеръ слѣпилъ, Наукинъ отлилъ, Мельцеръ отдѣлалъ спустя шесть лѣтъ въ 1786 году“. Но Потемкинъ скончался, не успѣвъ расплатиться съ нѣмецкими художниками, и статуя осталась въ Германіи, а черезъ нѣсколько лѣтъ прадѣдъ жены Пушкина Никол. Аван. Гончаровъ

¹⁾ А. С. Суворина VII, 520, № 436.

²⁾ Ibid., VIII, 614.

³⁾ Переписка II—на, академич. изд., т. II, № 649.

⁴⁾ Напеч. въ „Дѣлахъ III Отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ“, СПб., 1906, стр. 301—310.

приобрѣлъ ее и хотѣлъ поставить ее въ своемъ имѣніи Полотняномъ Заводѣ, Медынскаго уѣзда Калужской губерніи, въ память посѣщенія Екатериной II гончаровскихъ заводовъ и фабрикъ, которымъ императрица вообще покровительствовала. Но привезенная изъ Германіи статуя не была воздвигнута въ Полотняномъ Заводѣ, и въ послѣдствіи его сыну, дѣду жены Пушкина, Аѳанасію Николаевичу, при которомъ дѣла Гончаровыхъ сильно пошатнулись, пришлось въ голову попробовать, нельзя ли извлечь изъ лежавшей въ подвалѣ статуи погребенный въ ней капиталъ. Едва состоялась помолвка его внучки съ Пушкинымъ, дѣдушка, весьма преувеличивая значеніе придворныхъ связей Пушкина, взвалилъ на него хлопоты по ликвидациі этого дѣла. Поэтъ долженъ былъ принять порученіе и 29 мая 1830 г. написалъ своему „ангелу-хранителю“, шефу жандармовъ А. Х. Бенкендорфу, что А. Н. Гончаровъ, нуждаясь въ средствахъ, проситъ позволенія обратить въ металлъ и продать колоссальную статую Екатерины II, неудачной работы („difforme“), а въ послѣдствіи воздвигнуть благотѣлительницѣ семьи Гончаровыхъ другой, лучший памятникъ. Статуя вовсе не была безобразна, но Гончаровъ боялся, что иначе ему не позволятъ уничтожить царскій монументъ. Просимое разрѣшеніе ему было, съ высочайшаго соизволенія, дано, о чемъ ему сообщили и Пушкинъ, и Бенкендорфъ. Получивъ разрѣшеніе, Гончаровъ, который раньше говорилъ, что ему предлагаютъ за металлъ 40.000 рублей, имъ не воспользовался, что и спасло статую отъ гибели. Пушкинъ писалъ невѣстѣ: „что подѣлываетъ la grande maman de Zavode—бронзовая, разумѣется?“ Интересовался онъ судьбою статуи потому, что первоначально родные его невѣсты предполагали деньги, которыя должна была статуя принести, дать въ приданое за Натальей Николаевной,—и въ слѣдующемъ письмѣ къ своей мадоннѣ Пушкинъ справлялся о ходѣ дѣла: „я утѣшаю себя, проводя цѣлые часы передъ бѣлокурой мадонной; похожей на васъ, какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если бы она не стоила 40.000 рублей. Аѳ. Ник. слѣдовало бы вымѣнять ее на свою негодную grand' maman, такъ какъ ему до сихъ поръ не удалось отлить ее. Серьезно говоря, я боюсь, чтобы это не замедлило нашей свадьбы, развѣ только вотъ Наталья Ивановна согласится поручить мнѣ заботы о вашемъ приданомъ. Мой ангелъ, постарайтесь пожалуйста“. (Наталья Ивановна—мать невѣсты). Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Пушкинъ писалъ невѣстѣ: „Какъ идутъ дѣла, и что творитъ le grand papa? Знаете ли, что онъ мнѣ писалъ? La grand' ma-

тап,—говорить онъ, стоитъ не болѣе 7.000 рублей, а въ такомъ случаѣ для чего ее тревожить въ ея уединеніи. Стоило же труда надѣлать столько хлопотъ! Не смѣйтесь надо мною, такъ какъ я бѣшусь. Наша свадьба, повидимому, все убѣгаетъ отъ меня“... Въ слѣдующемъ письмѣ поэтъ съ забавной досадой спрашивалъ Наталью Николаевну: „Что дѣдушка съ его мѣдной бабушкой? Оба живы и здоровы, не правда ли?“ Упорный дѣдушка почему-то никакъ не могъ разстаться съ „мѣдной бабушкой“ и выдѣлилъ или, вѣрнѣе, только общалъ выдѣлить въ приданое внучкѣ кое-что изъ своего имѣнія, но такъ какъ дѣла Гончаровыхъ въ это время пришли въ еще болѣе упадокъ, то Пушкинъ не только не получилъ за женою ничего, но еще долженъ былъ дать взаймы тещѣ 11 тысячъ р.; давъ деньги тещѣ, Пушкинъ грустно замѣтилъ: „пиши пропало“. Дѣдушка же опять вздумалъ продавать статую и поручилъ эту комиссію Пушкину, который пытался отъ нея отдѣлаться и черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы писалъ ему: „что касается до памятника, то, будучи въ Москвѣ, я никакъ не могу взяться за продажу онаго и предоставляю все это дѣло на ваше благорасположеніе“. Но въ слѣдующемъ, 1832 году родственныя просьбы съ одной стороны, а съ другой, вѣроятно, надежда выручить данныя тещѣ деньги ¹⁾, заставили Пушкина взяться за хлопоты по продажѣ статуи.

Одно время ее, было, едва не купилъ И. П. Мятлевъ, извѣстный авторъ „Курдюковой“, который писалъ Пушкину: „мысль о покупкѣ статуи еще не совершенно во мнѣ созрѣла, и я думаю, и тебѣ не къ спѣху продавать ее; она корма не проситъ, а между тѣмъ мои дѣла поправятся, и я болѣе буду въ состояніи слушаться своихъ прихотей. Какъ помнится мнѣ, въ разговорѣ со мною о сей покупкѣ ты ни о какой суммѣ не говорилъ; ты мнѣ сказалъ: я продамъ тебѣ *по вѣсу* Екатерину. А я сказалъ: И по дѣломъ ей, она и завела при дворѣ *безъ меня* (baise mains)“. Но Пушкинъ ли не могъ ждать, или Мятлевъ отказался отъ своего намѣренія,—вскорѣ Пушкинъ обратился къ Бенкендорфу съ приведеннымъ выше письмомъ.

Бенкендорфъ, повидимому, переслалъ письмо поэта министру Императорскаго Двора князю П. М. Волконскому, который рѣшилъ узнать мнѣніе специалистовъ о предлагаемой статуй.

¹⁾ Племянникъ жены Пушкина, Д. Д. Гончаровъ, рассказывалъ Я. К. Гроту, что Пушкину вмѣсто обѣщаннаго приданнаго родные жены предоставили статую и этимъ отдѣлались (Я. К. Гротъ, „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, изд. 2-ое, СПб., 1899, стр. 132).

13 іюня въ Академію Художествъ была отправлена слѣдующая бумага ¹⁾).

МИНИСТЕРСТВО
ИМПЕРАТОРСКАГО ДВОРА.

*Господину Президенту Императорской
Академіи Художествъ.*

Канцелярія.
По 2 экспедиціи.

Въ Петергофѣ.

13 іюня 1832.

№ 2158.

Извѣстный нашъ писатель, Титулярный
Совѣтникъ Александръ Пушкинъ, пред-
лагаетъ къ покупкѣ бронзовую колоссаль-
ную статую Екатерины II за двадцать пять
тысячь рублей, объясняя, что сумма сія соста-
вляетъ только четвертую часть цѣны оной.

Въ слѣдствіе сего покорнѣйше прошу Ваше Высочайшее
дѣйство поручить Г. Г. Мартосу, Демуту, Гальбергу и Орлов-
скому осмотрѣть означенную статую и донести какъ о достоин-
ствѣ оной, такъ и о цѣнѣ ея.

Министръ Императорскаго Двора,

Князь Волконскій.

Вверху бумаги помѣтки: „14 іюня 1832“ (вѣроятно, день по-
лученія), „17 іюня“ и „въ опред. 21 іюня 1832“. Внизу—каран-
дашная приписка: „Статуя сія находится въ квартирѣ г. Пуш-
кина на Фурштатской улицѣ, въ домѣ Алымова“.

22 іюня контора академіи отношеніемъ, за подписью кон-
ференцъ-секретаря В. И. Григоровича, увѣдомила о предло-
женіи министра заслуженнаго ректора И. П. Мартоса, профес-
сора В. Демуть-Малиновскаго и академиковъ С. И. Гальберга
и Б. И. Орловскаго, которые и подписались въ чтеніи этого
отношенія. (Оно не полностью было напечатано въ статьѣ А. В.
Средина „Полотняный Заводъ“ ²⁾).

Вскорѣ состоялся осмотръ статуи. Заслуженный ректоръ
И. П. Мартосъ и академики С. И. Гальбергъ и Б. И. Орлов-
скій (которому Пушкинъ впоследствии посвятилъ стихотворе-
ніе „Художнику“) исполнили порученіе (профессоръ В. Де-
мутъ-Малиновскій въ осмотрѣ не участвовалъ) и, какъ видно
изъ составленнаго ими 12 іюля и представленнаго Оленинымъ
министру при отношеніи 18 іюля, за № 279, акта осмотра, при-

¹⁾ Дѣло архива Императорской Академіи Художествъ, 1832 г., № 45,
„Объ осмотрѣ членами сей Академіи колоссальной статуи Екатерины II,
предлагаемой къ покупкѣ Титулярнымъ Совѣтникомъ Пушкинымъ“; на
четырехъ полулистахъ. Опубликовано нами въ газетѣ „Противъ теченій“
1910 г., № 3.

²⁾ „Старые Годы“ 1910, г. іюль—сентябрь, стр. 105.

шли къ удовлетворительному заключенію. „Мы“ — заявили они — „осматривали у извѣстнаго писателя Пушкина колоссальную статую Екатерины II-я, которую предлагаетъ онъ къ приобрѣтенію на счетъ правительства, и находимъ, что огромность сей статуи, отливка оной и тщательная обработка или чеканка оной во всѣхъ частяхъ, не говоря уже о важности лица изображаемаго и слѣдовательно о достоинствѣ сего произведенія, какъ монументальнаго, которое непростительно было бы употребить для другого какого-либо назначенія, заслуживаетъ вниманіе правительства; что же касается до цѣны сей статуи 25 тысячъ рублей, то мы находимъ ее слишкомъ умѣренной, ибо одного металла, полагать можно, имѣется въ ней по крайней мѣрѣ на двѣнадцать тысячъ рублей, и если бы теперь заказать сдѣлать таковую статую, то она, конечно, обошлась бы въ три или четыре раза дороже цѣны, просимой г. Пушкинымъ. При семъ мы должны по всей справедливости объявить, что произведеніе сіе не чуждо нѣкоторыхъ видныхъ недостатковъ въ отношеніи сочиненія, рисунка и стиля; впрочемъ, если взять въ соображеніе вѣкъ, въ который статуя сія сдѣлана, то она вовсе не можетъ почестся слабѣйшею изъ произведенныхъ въ то время въ Берлинѣ“ ¹⁾.

Однако, на этомъ дѣлѣ остановилось. Пушкинъ продолжалъ надѣяться на благополучный исходъ хлопотъ и 2 декабря писалъ П. В. Нащокину: „мою статую еще я не продалъ, но продамъ во что бы то ни стало“. Надо думать, что Пушкинъ былъ не совсѣмъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ княземъ П. М. Волконскимъ, такъ какъ не только не обратился непосредственно къ нему, возбуждая свое ходатайство, но даже сталъ дѣйствовать именемъ жены, убѣдившись, что дѣло заглохло. Въ февралѣ Н. Н. Пушкина послала кн. П. М. Волконскому слѣдующее письмо:

Mon Prince,

J'avais eu l'intention de vendre à la couronne une statue en bronze qui à ce qu'on m'a dit avoit coûté 100,000 roubles à mon aieul, et pour laquelle je désirois avoir 25,000. Les académiciens qui avoient été envoyé pour l'examiner disoient qu'elle valoit cette somme. Mais n'en ayant plus de nouvelle, je prends la liberté, mon Prince, à recourir à votre complaisance. A-t-on encore l'intention

¹⁾ 4 іюля Н. А. Мухановъ былъ у Пушкина и „видѣлъ у него статую Екатерины, весьма замѣчательную“ („Русс. Архивъ“ 1897 г., т. I, 657).

d'acheter cette statue, ou bien la somme que mon mari avoit demandé paroît-elle trop forte? En ce dernier cas ne pourrait-on pas nous délivrer au moins le prix *matériel* de la statue, c'est à dire le prix du bronze, et payer le reste quand et comme il vous plaira.

Veillez agréer, mon Prince, l'assurance des sentiments distingués de votre dévouée

Natalie Pouchkine.

Samedi,

18 Février 1833.

(Переводъ. „Князь, я намѣревалась продать въ казну бронзовую статую, которая, какъ мнѣ сказали, стоила моему дѣду 100.000 рублей, и за которую я хотѣла бы получить 25.000. Посланные для ея осмотра академики говорили, что она стоитъ этихъ денегъ. Но, не получая больше извѣстій объ этомъ, я осмѣливаюсь, князь, прибѣгнуть къ вашей любезности. Намѣреваются ли еще купить эту статую, или же сумма, которую спроситъ мой мужъ, кажется чрезмѣрной? Въ послѣднемъ случаѣ нельзя ли было бы выдать намъ, по крайней мѣрѣ, материальную стоимость статуи, т. е. стоимость бронзы, а остальное уплатить, когда и какъ вамъ будетъ угодно“).

Письмо Натальи Николаевны, написанное очень изящнымъ, аккуратнымъ мелкимъ почеркомъ, безъ единой помарки, конечно, было продиктовано ей самимъ поэтомъ; мы воспроизводимъ его съ соблюденіемъ орфографіи подлинника. Оно было сложено и запечатано сургучемъ съ оттискомъ знаменитаго пушкинскаго перстня-талисмана; на оборотѣ второго листка Пушкинъ собственноручно написалъ: „Его Сіятельству Милостивому Государю Князю Петру Михайловичу Волконскому. Отъ Н. Н. Пушкиной“.

Получивъ его въ тотъ же день, князь немедленно потребовалъ: „Справку, на чемъ остановилось сіе дѣло“. 21 февраля былъ составленъ для доклада министру краткій экстрактъ о положеніи дѣла, т. е. о заключеніи экспертовъ. Какъ видно изъ карандашной надписи министра, отъ 23 февраля, на этой бумагѣ Волконскій сначала хотѣлъ „Гр. Сансе просить отвѣтить г-жѣ Пушкиной, что я крайне сожалѣю о невозможности исполнить ея просьбу по весьма затруднительному положенію, въ которомъ находится нынѣ кабинетъ, отчего не можетъ дѣлать никакихъ приобрѣтеній сего рода“. Но черезъ два дня Волконскій рѣшилъ, вѣроятно, что вѣжливѣе будетъ отвѣтить самому, и послалъ 25 февраля Натальѣ Николаевнѣ слѣдующее

письмо, въ которомъ заключался изложенный въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, но категорическій отказъ отъ покупки статуи. Приводимъ письмо съ отпуску (за № 715).

St-Petersbourg, le 25 Février 1833.

Madame,

J'ai reçu la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'adresser le 18 de ce mois au sujet de la Statue de Catherine II que vous aviez offert de vendre à la couronne, et c'est avec le plus vif regret que je me vois dans la nécessité de vous annoncer que la position fort gênée, dans laquelle se trouve en ce moment le Cabinet Impérial, ne lui permet de faire aucune acquisition de cette importance. Veuillez être assurée, Madame, de tout l'empressement que sans cette fâcheuse circonstance j'aurais mis à solliciter de Sa Majesté l'autorisation de satisfaire à votre demande, et agréer l'hommage des sentiments respectueux avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

Madame,

Votre très humble et très
obéissant serviteur,
(signé) le P. Pierre Volconsky.

A M-me N. Pouschkin.

Внѣшность автографа Пушкина, сохраненнаго пересказаннымъ нами дѣломъ архива министерства Императорскаго Двора, и находящаяся на немъ надпись поэта, удостоверяющая, что это — копія, показываютъ, что Пушкинъ еще разъ дѣлалъ неизвѣстную намъ покуда попытку возобновить хлопоты о продажѣ статуи. На письмѣ нѣтъ сгиба, а въ описи документовъ, которою открывается архивное „дѣло“, оно было помѣчено сначала: „Письмо Пушкина“, но слово „письмо“ зачеркнуто, и надъ нимъ приписано: „копія письма“. Очевидно, когда дѣло уже было закончено и сдано въ архивъ, Пушкинъ, которому нужно было получить его обратно для дальнѣйшихъ хлопотъ, явился въ министерство и взялъ подлинникъ, но тутъ же намѣстъ переписалъ его, вмѣстѣ съ сдѣланною на немъ Волконскимъ надписью, — и эта-то копія и была подшита къ дѣлу, а въ описи документовъ внесена указанная поправка. Надо думать, что еще кое-какіе документы, относящіеся къ этому дѣлу, должны храниться въ архивѣ департамента полиціи; нѣкоторые розыски въ этомъ отношеніи могутъ быть весьма полезны. Быть можетъ, они прибавятъ нѣчто къ даннымъ, ранѣе извлеченнымъ

изъ этого архива, а также къ опубликованнымъ А. В. Срединымъ ¹⁾ и нами. Пушкинъ сохранилъ память о „скупости“ Волконскаго, и въ его дневникѣ 1835 г. записанъ смѣшной анекдотъ о „старомъ скрягѣ“ ²⁾.

Статуя была куплена уже послѣ смерти Пушкина на сломъ извѣстнымъ заводчикомъ Бердтомъ, которому, наконецъ, посчастливилось продать ее. Ее приобрѣло у него, по рекомендаціи Мартоса, екатеринославское дворянство, и въ 1846 г. она была воздвигнута въ Екатеринославѣ, на площади передъ заложенымъ Екатериною соборомъ. „Лицо изображенія“ — описывалъ памятникъ Д. Перовицковъ ³⁾ — „обращено къ югу; руки его расположены такъ, что всякій тотчасъ пойметъ, что изъ нихъ лились неистощимыя благодѣянія“... ⁴⁾. Это очень стильное произведеніе XVIII вѣка, вполне соответствующее эпохѣ Екатерины и Потемкина.

Описаніе хлопотъ Пушкина, которому такъ и не удалось сбыть съ рукъ „мѣдную бабушку“, входитъ интересной страничкой въ исторію жизни великаго поэта, который лѣтне годы изнывалъ въ тискахъ раззолоченной и тѣмъ болѣе тягостной нужды. Не разъ могъ онъ повторить горькія слова сына Скупого Рыцаря: „О, бѣдность, бѣдность! Какъ унижаетъ сердце намъ она!“ — и о томъ, что приходилось ему часто испытывать, краснорѣчиво говорятъ дошедшіе до насъ длинные списки его долговъ — не только ростовщикамъ, но даже мелкимъ лавочникамъ и домашней прислугѣ.

II.

Письмо гр. М. Ю. Вѣльгорскаго къ А. А. Краевскому.

Милостивый Государь

Андрей Александровичъ!

По случаю появленія въ 5-й книжкѣ *Библиотеки для чтенія* сего 1837 года стихотворенія А. С. Пушкина, Опека, учрежден-

¹⁾ „Стар. Годы“, I. с., а также „Извѣстія Калужской ученой архивной комиссіи“, вып. XXI, 1911 г., стр. 30—46. Тамъ же, стр. 47—49, ср. „Къ вопросу о происхожденіи статуи императрицы Екатерины II въ Екатеринославѣ“ В. Ассенова.

²⁾ Императоръ Николай Павловичъ называлъ кн. П. М. Волконскаго „Le prince Non“. („Русс. Арх.“ 1912, I, 632; II, 633).

³⁾ „Современникъ“ 1853 г., т. 37, отд. VI, ст. 8.

⁴⁾ См. „Русс. Архивъ“ 1865 г., ст. 1496—1497.

ная надѣ дѣтьми и имуществомъ покойнаго, почла обязанностію сдѣлать постановленіе о преслѣдованіи впредѣ законнымъ порядкомъ подобныхъ нарушеній правъ собственности. — Надѣюсь, что Вы, Милостивый Государь, къ предупреденію таковыхъ дѣйствій не оставите напечатать въ издаваемомъ вами журналѣ упомянутое объявленіе Опекі, котораго копію я поспѣшаю препроводить при семъ, покорнѣйше прося Васъ о скорѣйшемъ напечатаніи.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію имѣю честь пребыть,

покорнѣйшимъ слугой:

Г. Віельгорскій ¹⁾.

Мая   дня ²⁾

1837 года.

Его Высокоблагородію

А. А. Краевскому.

Вверху помѣта: „Получено 17 мая. Краевскій“.

Документъ этотъ находится въ хранящихся въ Имп. Публичной Библіотекѣ бумагахъ А. А. Краевского ³⁾. Письмо вызвано напечатаніемъ, безъ позволенія Опекі надѣ дѣтьми и имуществомъ Пушкина, стихотворенія „Признаніе. Къ Александрѣ Иванову О—ой“ въ „Библ. для чтенія“ (1837 г., т. XXII, май, отд. I, стр. 5—6). Краевскій не помѣстилъ въ „Литерат. прибавл. къ Русскому Инвалиду“ объявленія Опекі. Оно появилось въ „Сынѣ Отечества“ 1837 г., т. CLXXXV, стр. 354—355, подъ рубрикой: „Библиографическія извѣстія“ ⁴⁾.

Когда П. А. Плетневъ напечаталъ въ „Современникѣ“ 1838 г.

¹⁾ Двѣ послѣднія строки написаны гр. Мих. Юр. Віельгорскимъ собственноручно.

²⁾ Sic. Число не вписано.

³⁾ См. Отчетъ И. Публ. Библ. за 1889 г., стр. 63.

⁴⁾ Вотъ оно „Опека, учрежденная надѣ малолѣтними дѣтьми и имуществомъ умершаго Каммеръ-Юнкера Александра Сергѣевича Пушкина, усмотрѣвъ въ пятой книжкѣ издаваемого А. Смирдинымъ журнала: *Библиотека для чтенія сего 1837 года*, стихотвореніе, подъ заглавіемъ: *Признаніе*, съ подписью: *А. Пушкинъ*, и зная, что сочиненіе то дѣйствительно написано покойнымъ, долгомъ считаетъ объявить, что такъ какъ всѣ произведенія сего писателя, на основаніи *Свода Законовъ тома X, отдѣленія 7-го*, неотъемлемо принадлежатъ его наслѣдникамъ, а посему находятся подъ распоряженіемъ опеки, то она впредѣ и вынуждена будетъ прибѣгнуть къ защитѣ законовъ, ограждающихъ неприкосновенность собственности, и искать вознагражденія, на основаніи существующихъ постановленій“.

нѣсколько стихотвореній Пушкина, Опека, ревниво относившаяся къ охранѣ принадлежавшихъ наслѣдникамъ поэта правъ собственности, обратилась къ нему по этому поводу съ весьма строгимъ запросомъ, и Плетневъ вынужденъ былъ обѣщать не печатать болѣе сочиненій Пушкина, а за напечатанныя прежде внести сумму, которая будетъ потребована Опекою ¹⁾.

III.

Поправка.

Г. Б. Садовской опубликовалъ въ „Голосѣ Земли“ (29 января 1912 г., № 20) „новую рукопись пушкинскихъ стихотвореній“. Ихъ — два. Одно изъ нихъ, „Ахъ, гдѣ тѣ острова“..., какъ было въ свое время указано г. Садовскому, принадлежитъ Рылѣву. Другое же, „Смуглянка“, навело ученаго на серьезные размышленія: „кому принадлежитъ это стихотвореніе, самому ли Пушкину или какому-нибудь изъ его эпигоновъ? Въ немъ чувствуется легкость, изящество, простота, точность въ выборѣ эпитетовъ, въ немъ есть что-то пушкинское. Конечно, и тутъ не обошлось безъ искаженій и, быть можетъ, пропусковъ. Но пока не будетъ точно установлено, кто авторъ „Смуглянки“, — вопросъ о принадлежности ея Пушкину остается открытымъ“.

„Въ немъ есть что-то пушкинское“ — доводъ, по серьезности не уступающій тѣмъ основаніямъ, по которымъ герой Гоголя, познакомившись со стихами: „Душеньки часокъ не видя“, рѣшилъ, что это, „должно быть, Пушкина сочиненіе“. О „точности въ выборѣ эпитетовъ, изяществѣ и простотѣ“ свидѣлствуютъ такіа выраженія: „ея улыбка весела какъ видъ безоблачнаго неба“, „голосъ отраденъ, сладокъ какъ любовь“, „на груди ея узнать взаимный трепетъ сладострастья“, и т. под. Этого одного было бы достаточно, чтобы не „открывать“ вопроса.

Но такъ какъ онъ все-таки „открытъ“, то приходится его закрыть. Можемъ удостовѣрить, что никакихъ пропусковъ и искаженій въ сообщеніи г. Садовского нѣтъ, и что пьеса весьма исправно списана съ печатнаго подлинника. „Смуглянка“ помѣщена въ „Литер. Газетѣ“ 1830 г., т. II, стр. 51—52 (№ 43, іюля 30), безъ подписи, но съ указаніемъ въ оглавленіи къ

¹⁾ „П. и его соврѣки“, XIII, 351, 136—137. 140, 142 — 143.

второму тому журнала, что авторъ ея — „Н. И. III-б-въ“. Въ той же „Литер. Газетѣ“ (II, 69, 77—78) помѣщены еще два, не менѣе плохія, стихотворенія того же автора.

Анонимные стихи, появившіеся въ „Литер. Газетѣ“, не разъ приписывались Пушкину („Старица-пророчица“, „Лилія“ кн. П. А. Вяземскаго, „Я жизнь любилъ“..., эпитаграмма Вяземскаго на Булгарина „Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь“...).

Н. Лернеръ.

За 38 лѣтъ.

Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній: посвящаются памяти

Миліа Алексѣевича Балакирева.

Когда Милій Алексѣевичъ передавалъ остроумные, хлесткіе анекдоты Щербины, которые къ сожалѣнію, передать тутъ я не могу, т. е. живы дѣти тѣхъ людей, про которыхъ анекдоты эти были составлены.

Затѣмъ начинался концертъ, на которомъ онъ игралъ и то, что „заказано“ ему было кѣмъ-нибудь изъ насъ раньше, и то, что стояло въ программѣ, которую онъ составлялъ дома и приносилъ въ карманѣ.

Шопена, т. е. его лучшія произведенія, онъ такимъ образомъ, мало по малу проигралъ намъ всего, при чемъ Ballade f-dur, посвященную Роберту Шуману, игралъ много разъ и неизмѣнно, неизвѣстно почему, передъ началомъ, медленно поднимая поднятыя къ груди руки, уже сидя за роялемъ, давалъ ей слѣдующее толкованіе: „У Шопена эта не програмная музыка, но я даю ей слѣдующее объясненіе: Мирная, красивая обстановка. Живетъ счастливая семья. Солнце. Живительный воздухъ. Вдругъ надвигается туча... Какія-то недоразумѣнія, споры.... Но туча проходитъ, недоразумѣнія разъясняются, и снова течетъ мирная, свѣтлая жизнь... Вдругъ опять туча... Этотъ разъ темнѣй и грознѣй... Разражается буря... Она разрушаетъ все... И... когда утихаетъ, остаются однѣ могилы. Нда! да! Однѣ могилы“...

Разъ какъ-то кто-то изъ моихъ друзей, когда Балакиревъ кончилъ играть, обратился къ нему съ вопросомъ:

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1913 г.

— Милій Алексѣвичъ, а какую это *Prélude* Шопенъ написалъ, когда, на Майоркѣ, Жоржъ Сандъ съ маленькимъ сыномъ уѣхали въ горы, сдѣлалась страшная буря, — наступала ночь, — Шопенъ оставался одинъ, всякіе страхи за Жоржъ Сандъ охватили его..

— Не знаю-съ, — прерываетъ Балакиревъ.

— ...Чтобы забыться, — продолжаетъ рассказчикъ, Шопенъ сѣлъ за рояль и сталъ импровизировать... Вдругъ, дверь съ шумомъ отворилась, продрогшая и промокшая явилась Сандъ, съ своимъ Морисомъ, а Шопенъ такъ увлекся своимъ творчествомъ, что вскрикнулъ и встрѣтилъ ее словами: *ah! je vous sto- uais morts. J'ai cru aux revenants...*

Съ трудомъ выслушалъ Балакиревъ повѣствованіе о Сандъ, нѣсколько разъ хотѣлъ нетерпѣливыми: „гм-гм!“ — прервать его и подъ конецъ, точно весь рассказъ не имѣлъ никакого значенія, выговорилъ:

— Не знаю-съ! Не знаю-съ!... Да знаете что? (онъ откашлялся). Не выдумала ли Жоржъ Сандъ (онъ всегда твердо, по-нѣмецки, произносилъ мягкое, французское начальное *S*, —) всю эту исторію?...

И на улыбки и возгласы: „зачѣмъ?... къ чему ей!.. Нѣтъ!“

Онъ недовольно — раздраженнымъ, жесткимъ тономъ продолжалъ.

— Я ей не доверяю-съ!.. Она въ своей жизни много-много лгала-съ!.. Впрочемъ, вы, можетъ, ея поклонница-съ?... прищуривая глаза, обратился онъ къ моему другу Екатеринѣ Петровнѣ О-вой, въ гостиной, которой онъ видѣлъ портретъ Сандъ во всемъ обаяніи молодости и красоты.

— Да! — последовалъ отвѣтъ.

— И у Маріи Васильевны я тоже видѣлъ ея портретъ, — не то вопросительно, не то утвердительно, но медленно продолжалъ онъ, „ехидно“ глядя на меня.

Смѣясь, я поспѣшила сознаться.

— Есть, есть, Милій Алексѣвичъ... Только она уже старухой.

— Гм!.. произнесъ Балакиревъ. И вы, конечно, преклоняетесь передъ ея нравственностью, передъ ея теоріей... Вы ужъ забыли письмо Хомякова къ Тертію Ивановичу Филиппову?...

Онъ чуть было не отвернулся отъ меня. Старческіе глаза его метали молніи.

— Ненавижу ея теорію! — прокричала я. — Чувствую омерзѣніе къ ея личному поведенію....

Балакиревъ перебилъ меня:

— Такъ передъ чѣмъ же-съ вы преклоняетесь?—Ну-съ?..

— Передъ ея талантомъ, — отвѣчала я, — передъ благородствомъ ея души.. Мюссэ и она.. Какая разница..

Меня поддержала гораздо болѣе ярая, чѣмъ я, поклонница Сандъ, Екатерина Петровна О-ва, но Балакиревъ не сдавался. Завязался споръ.

— А знаете, что Достоевскій написалъ про нее въ своемъ Дневникѣ?—спросила я.

— Нѣтъ-съ! Что жъ такое-съ?

— То, что каждая женщина, — статья появилась въ недѣлю ея смерти, — что каждая женщина должна была бы носить по ней трауръ!..

— Кто это написалъ?—спросилъ онъ и, узнавъ (первый разъ онъ, должно быть, не разслышалъ), что Достоевскій, — котораго онъ считалъ христіаниномъ, — какъ-то смѣшался и на мгновеніе замолчалъ.

— Ну такъ что же, что онъ написалъ.. Я и знать не хочу-съ, что онъ написалъ!.. — выговорилъ онъ вдругъ стремительно. Да, можетъ быть, вы о-ши-баа-етесь?— снова „съехидничалъ“ Милій Алексѣевичъ. — Это былъ не Достоевскій, — а кто-нибудь другой?..

Но я уже не терялась отъ его саркастическаго тона, какъ въ молодости.

— Нѣтъ, Достоевскій. Онъ написалъ о ней статью въ Дневникѣ Писателя. Я сама ее читала, — сказала я.

— Ну, такъ мало ли что-съ!.. — Балакиревъ постучалъ ладонью руки о столъ. — Вы помните ли, что писалъ-съ Хомяковъ?.. Ну то-то-съ! — увидѣвъ, что я помню статью, смягчился онъ и заговорилъ уже спокойнѣе. — Я еще знаю... тоже ея поклонницу... Это дочь Владиміра Васильевича Стасова. Она написала о ней цѣлую книгу.

Мы вмѣстѣ заговорили, что знаемъ, что книга эта у насъ есть, и... инцидентъ былъ исчерпанъ.

Съ этой минуты, не знаю какъ съ другими, но со мной Балакиревъ никогда уже не затрогивалъ вопроса о Сандъ, только разъ, по поводу кладбища, гдѣ дурная женщина приказала похоронить себя рядомъ съ семьей человѣка, котораго она любила, онъ сказалъ:

— А какъ же съ теоріями Сандъ? — но увидѣвъ въ моихъ глазахъ вѣрно ту же „молнію“, которая зажигала его, когда

онъ возмущался,—онъ сконфуженно протянулъ:—да! вѣдь вы преклоняетесь передъ ней, какъ передъ писааа-тельницей...

И тѣмъ дѣло и кончилось. Въ послѣдствіи же, узнавъ, что въ моей маленькой, интимной комнатѣ, у письменнаго стола на стѣнѣ висятъ портреты Шекспира, Ж. Сандъ и его самого,—онъ только, благодушно улыбаясь, сдѣлалъ: гм-гм!... Ну такъ что же-съ!... поднять плечи, потянуть на колѣняхъ сюртукъ, и не сказать ужъ ни одной колкости.

Кромѣ насъ онъ часто, каждый понедѣльникъ, днемъ, игралъ у Григорія Григорьевича Даниловича, бывшаго (теперь покойнаго) воспитателя Государя Николая II и, уходя отъ него, иногда заходилъ къ намъ, ко мнѣ на минутку.

— Зачѣмъ вы играете Даниловичу?—какъ-то спросилъ его кто-то у насъ. (Даниловичъ почти или за рѣдкими исключеніями всегда одинъ, безъ гостей, пользовался игрой Балакирева). Развѣ онъ такъ понимаетъ музыку?

Милій Алексѣевичъ кашлянулъ—крякнулъ. Его правдивости была, такъ сказать, поставлена западня, ловушка или жестокое испытаніе.

— То-есть, онъ не столько понимаетъ-съ ее,—хотя тоже и понимаетъ-съ, да-да!... сколько любитъ—ее... Нда!—медленно серьезно отвѣтилъ Балакиревъ.—А главное въ немъ есть то, что онъ удивительно слушаетъ. Удивительно-съ... Съ вниманіемъ. Нда, да! А потомъ-съ—(Милій Алексѣевичъ опять откашлянулся—крякнулъ)—за это, за мою музыку онъ устриваетъ для меня маленькія дѣла-съ... (И видя непритворное изумленіе въ нашихъ глазахъ, онъ добавилъ съ легкой улыбкой). Я беру-съ съ него взятки... У меня былъ больной. Ему ампутировали ногу. А средствъ сдѣлать механическую ногу не было-съ. И вотъ Григорій Григорьевичъ помогъ—сдѣлать эту ногу. Выхлопоталъ нужную сумму... у Государя.

— Ну, это съ его стороны очень мило!—сказалъ кто-то изъ насъ.

— Ну, вотъ видите-съ...—вымолвилъ Балакиревъ, довольнымъ тономъ и продолжалъ:—И онъ мнѣ не одинъ разъ помогалъ, а много разъ...

Разговоръ зашелъ о Даниловичѣ.

— Онъ умный, но... хитрый, себѣ на умѣ,—безъ политическихъ идеаловъ человѣкъ, сказалъ кто-то. И потомъ у него всю жизнь было: моя хата съ краю...

Балакиревъ засмѣялся.

— Знаете, онъ представляется мнѣ Остерманомъ, — сказалъ онъ.

— Жаль!.. — сказала я, помня, сколько добраго, высокаго, прекраснаго, стойкаго вложилъ въ мое сознание, въ мою юную душу Милій Алексѣвичъ своими разговорами.

Балакиревъ поднялъ плечи и развелъ руками.

— Ничего не подблаетъ!..

А я, глядя на него, подумала: ты говоришь сейчасъ „ничего не подблаетъ“, а въ душѣ у тебя совершаются тѣ слова, которыя когда-то, когда я была молода, и мы на мигъ, послѣ одного политическаго спора, остались одни, — ты сказалъ мнѣ: значить, такъ Богу угодно. Надо молиться... Тутъ одно можетъ помочь: молитва...

Милій Алексѣвичъ точно понялъ мою мысль и, поглядѣвъ на меня, проговорилъ:

— Рано-съ или поздно—это такъ и случится...

...Кромѣ дней, назначенныхъ для музыки, иногда Балакиревъ заходилъ ко мнѣ невзначай, просто посидѣть вечеркомъ, и тогда я прозрѣвала въ немъ, такъ сказать, не великаго композитора, не учителя высокихъ идеаловъ, а того обыкновеннаго человѣка, слуха котораго не коснулся еще божественный глаголъ (перифразируя слова Пушкина) и который мнѣ изъ прежнихъ дѣтъ мало или совсѣмъ не былъ знакомъ.

Такъ я помню, какъ разъ онъ пришелъ въ то время, когда всѣ мы были „по уши“ заняты шарадами, въ костюмахъ, которые намъ устраивали мои дѣти и ихъ маленькіе друзья; двѣ маленькія дочери барона И. ф. П. Мара М—ва, Леля Гр.—ъ и Ника Ч.—въ. Хуже гостя, въ такую минуту, какъ Милій Алексѣвичъ, нельзя было себѣ представить, и если бы пришелъ кто изъ самыхъ высокопоставленныхъ лицъ, я, кажется, меньше смутилась бы, чѣмъ при докладѣ лакея:

— Господинъ Балакиревъ.

Но мнѣ не хотѣлось нарушать веселья дѣтей и главное ихъ подружки Мары, девятилѣтней институточки, отпущенной къ роднымъ на праздники, и на вопросы дѣтей: значить, играть больше нельзя?.. Надо бросить?.. — я отвѣчала:

— Нѣтъ, играйте, кончайте эту шараду. Ничего. Онъ тоже посмотреть...

Лакей ввелъ Милія Алексѣвича въ кабинетъ и... тутъ сразу сталъ выдупливаться, выливаться въ форму обыкновенный, повседневный человѣкъ, домашній, такъ сказать, Милій Алексѣвичъ.

Увидѣвъ костюмированныхъ дѣтей, онъ даже вздрогнулъ и, какъ-то невольно и испуганно поднявъ плечи, проговорилъ:

— Я, кажется, не во время-съ?

На мои же слова, что нѣтъ, ничего, что это мои дѣти и ихъ друзья представляютъ намъ шарады, что они сейчасъ перестанутъ, что я не хочу только лишиться ихъ удовольствія окончить это представленіе, эту загадку, онъ только дѣлалъ свои гм-гм!.. скрестилъ руки на груди, сѣлъ въ кресло и, поводя серьезными старческими глазами и неодобрительно пожимая плечами, сталъ слушать дѣтскую импровизацію.

А дѣти замѣчали его недружелюбное отношеніе, смущались и путались, путались больше, чѣмъ могли бы, не будь онъ, видимо для всѣхъ, такъ строгъ и недоброжелателенъ.

Теперь, послѣ его смерти, я поняла его тогдашнее настроеніе. Онъ приходилъ и къ намъ, и къ другимъ своимъ друзьямъ для того, чтобы забыть, стряхнуть съ себя все обыденное, все житейское, все мелочное, тяжелое, давившее его. Въ гостяхъ и принимая у себя гостей, онъ хотѣлъ одного:— „подышать“, такъ сказать, свѣжимъ воздухомъ, забыть свое повседневное „я“ и отнюдь не увидѣть это повседневное „я“ въ другихъ.

Безсемейный человѣкъ въ томъ смыслѣ, что онъ не былъ женатъ и не имѣлъ своихъ дѣтей, онъ зналъ всю пошлую, непривлекательную сторону семейной, такъ сказать, совмѣстной жизни съ разными людьми, доводившимися ему родственниками и родственницами и, зная ее хорошо, онъ ненавидѣлъ эту жизнь, бросалъ ее, потомъ снова окунался въ нее, иногда изъ чувства жалости къ бѣдной или одинокой, небогатой роднѣ, и черезъ нѣкоторое время снова порывалъ все и оставался одинъ.

Не пользуясь дома желаемымъ, отъ друзей своихъ онъ требовалъ одного: высоты помысловъ и пониманія религіозныхъ, политическихъ, общественныхъ, музыкальныхъ, отвлеченныхъ и пр. вопросовъ.

Личная, субъективная жизнь его друзей (кромѣ болѣзней, смертей и т. д., и то въ краткомъ, конспектномъ, такъ сказать, изложеніи) его не интересовала.

Хорошо, и слава Богу. Нехорошо, надо лѣчиться, или сдѣлать то-то или то-то. Нельзя,—такъ надо покориться-съ волѣ Божіей.

Но жить этой жизнью, но мало мальски соприкасаться съ нею, входить въ нее,—Балакиревъ не желалъ, какъ не желалъ, чтобы знали его жизнь, соприкасались съ его жизнью, входили

въ нее. Онъ ставилъ между нею и друзьями глухую стѣну, не допуская даже жившихъ у него родныхъ присутствовать на музыкальныхъ вечерахъ, которые онъ давалъ у себя дома, никогда не знакомя ихъ со своими друзьями, неохотно отвѣчая даже друзьямъ на разспросы, есть ли у него братья, сестры, замужемъ ли онъ и т. д. требуя (безъ словъ), такъ сказать, инстинктивно этого же умолчиванія отъ друзей, относительно ихъ жизни.

Придя въ описываемой мною вечеръ ко мнѣ,—онъ первый разъ засталъ меня, моихъ дѣтей и друзей въ нашей домашней обстановкѣ, въ жизненной атмосферѣ, и нетерпимость его и нежеланіе его раскрывать стѣны этой жизни проявились.

Дѣти, между тѣмъ, продолжали свое представленіе, и моя младшая дочь очень мило, удачно одѣтая и загримированная Мефистофелемъ, вошла въ кабинетъ и направилась къ героинѣ шарады маленькой Марѣ М—вой.

— Ахъ,—Бооооже мой!.. — протянулъ Милій Алексѣвичъ, поднимая при видѣ Мефистофеля руки и вновь скрещивая ихъ.

— Ахъ, какъ здѣсь много „чертовъ“, увидя того же Мефистофеля, проговорила Мара,—прекрасно говорившая по-французски и еще плохо владѣвшая русскимъ языкомъ.

Но этого Балакиревъ ужъ не въ состояніи былъ вытерпѣть. Онъ вскинулъ на меня сердитыми глазами и нѣсколько разъ громко и отчетливо, глядя направо и налево, повторилъ съ негодованіемъ:

— Чертовъ!.. Чертовъ!.. Это что же-съ? Чертей что ли?.. Чертовъ!.. Гм-м-м. Да она француженка-съ у васъ?—закончилъ онъ вопросомъ.

— Нѣтъ...—нѣтъ...—отвѣчала я торопливо, — совершенно русская.

Шараду скомкали, кончили, и я поспѣшила увести Милія Алексѣвича въ гостиную, чтобы онъ не сказалъ чего-нибудь лишняго, рѣзкаго обиднаго для дѣвочки и ея родителей.

Въ другой разъ Балакиревъ засталъ насъ за игрой въ шахматы. Играли дѣти съ Д. А. Оз—вымъ, а мы, т. е. я и жена Д. А.—Е. П. Оз—ва были тутъ же...

Балакиревъ поздоровался со всѣми и метнулъ такой взглядъ на шахматную доску, что и мои дѣти тотчасъ ушли, и доска была моментально сложена и убрана.

— Какъ онъ ненавидитъ игру, какая бы она ни была!—сказала я себѣ... А много лѣтъ позднѣе, уже послѣ его смерти, я узнала, что онъ самъ былъ большой любитель игры въ

шашки и часто по вечерамъ играть дома въ нихъ со своими родственницами!..

Такъ сложна и непослѣдовательна бываетъ человѣческая природа. Такъ много разныхъ „я“ въ одномъ человѣкѣ. Такъ вѣрно то: что одно „я“ въ человѣкѣ знаютъ близкіе, домашніе, другое—знакомые, третье самъ человѣкъ, четвертое, невѣдомое самому человѣку,—Богъ.

Тутъ, невольно, хочется мнѣ припомнить апокрифическій разсказъ про Іоанна Богослова, какъ кто-то, много слышавшій о немъ, пріѣхалъ издалека, чтобы повидать его, поучиться у него, и какъ засталъ его въ его убогомъ помѣщеніи полулежащимъ на жесткомъ ложѣ и играющимъ съ ручной птичкой. Птичка то прилетала, садилась на его плечи, руки, голову, то улетала, а св. апостолъ, улыбаясь, смотрѣлъ на нее и ласкалъ ее нѣжными словами.

Какъ ни выжидать римлянинъ вдохновеннаго слова, какъ ни долго оставался, такъ онъ ничего и не дождался.

А потомъ, когда онъ ушелъ, и ученики спросили Іоанна Воаноргеса, т. е. сына Грома, какъ назвалъ его Спаситель,—отчего онъ ничего не сказалъ гостю?—Іоаннъ отвѣчалъ:

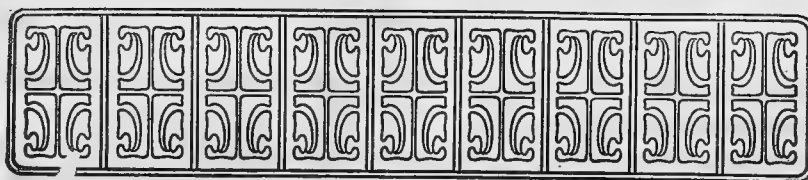
— „Я тоже человѣкъ, и мнѣ тоже нуженъ отдыхъ“.

...Балакиревъ, въ этомъ смыслѣ, представлялъ полную противоположность апокрифическому апостолу: шашки для него были отдыхомъ, но онъ не хотѣлъ, чтобы чужіе, даже друзья знали объ его отдыхѣ, какъ не хотѣлъ видѣть, знать объ отдыхѣ другихъ!..

Княгиня М. П. Волконская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры ¹⁾.

На призовомъ пароходѣ.

Наступало июльское утро. Солнце, взойдя надъ нѣжной линіей горизонта, хотя и уменьшалось въ своемъ дискѣ, но съ каждой минутой бросало свои все болѣе и болѣе горячіе лучи на ровную гладь Тихаго Океана, который былъ дѣйствительно тихъ, и только зыбь, еле замѣтная на глазъ, плавно поднимала и опускала три гордыхъ крейсера, шедшіе съ сѣвера на югъ въ строѣ кильватера. Давно, больше года уже не видали здѣсь этихъ кораблей, и лишь встрѣчавшіяся на пути мелкія японскія рыбацкія суда, заштилѣвшія и безпомощно качавшіяся, являлись въ это утро молчаливыми свидѣтелями неожиданнаго появленія русскихъ: и тревога, что врагъ однимъ выстрѣломъ можетъ по топить cadaго изъ нихъ, и досада, что штиль не даетъ имъ возможности пойти къ берегамъ своей родины и принести первыми вѣсть объ опасныхъ пришельцахъ, выражалась на желтыхъ лицахъ рыбаковъ; а Токагама уже близко, еще 7 часовъ хода и, можетъ быть, русскіе крейсера начнутъ обстрѣливать городъ!

— Ваше Высокоблагородіе, по траверзу дымъ, — радостнымъ голосомъ докладываетъ вахтенному ученикъ-сигнальщикъ, съ 4-хъ часовъ утра мечтавшій первымъ открыть пароходъ.

— Дѣйствительно дымъ... семафоръ живо адмиралу, а то тамъ флагманскіе проспали, — довольнымъ голосомъ говоритъ лейтенантъ, но его иронія оказалась преждевременна: на флагманскомъ крейсере положили право на бортъ, и вмѣсто точно

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1913 г.

створившихся мачтъ и кормы на фонѣ голубого моря обрисовался стройный корпусъ крейсера, видимо одновременно прибавившій ходу.

— „Смирно“, командуетъ на ютѣ вахтенный офицеръ, юный безусый мичманъ съ лихо сдвинутой на затылокъ фуражкой; изъ своей каюты быстро, но не спѣша, идетъ дѣдушка, какъ звался между командой сѣдой командиръ, которому все уже доложено съ мостика по телефону. Какъ лунь бѣлый, съ черными, острыми глазами, проникавшими насквозь и зажигавшимися огнемъ въ минуты гнѣва, поднялся онъ на верхній мостикъ и, съ высоты 50 футъ зорко оглядѣвъ горизонтъ, привычнымъ глазомъ увидѣлъ дымъ и приказалъ пробить „дробь-тревогу“.

Безъ шума, безъ тревоги и съ большой быстротой, выработанной сознаниемъ важности дисциплинированного порядка и пятимѣсячной привычкой, убирались внизъ снаряды, приготовленные съ вечера для отраженія ночной атаки, и замѣнялись фугасными; комендоры заботливо обтирали пушки и проворачивали ихъ на станкахъ, провѣряя, хорошо ли дѣйствуютъ поворотные и подъемные механизмы.

— Купецъ... двухмачтовый... однотрубный, флагъ не примѣтитъ, — послѣдовательно докладывалъ сигнальный квартирмейстеръ, не отводившій подзорной трубы отъ дыма.

— Пароходъ по носу, — слышится робкій возгласъ откуда-то сверху: то ученикъ-сигнальщикъ, сидѣвшій въ „вороньемъ гнѣздѣ“, т.-е. въ особой корзинкѣ, устроенной на форъ-стенгѣ, чтобы увеличить видимость горизонта, рѣшился исполнить свою обязанность. Посаженный туда съ 4-хъ часовъ утра, замечтался молодой матросъ о своей деревнѣ и только тогда замѣтилъ, что видѣется на горизонтѣ что-то подозрительное, когда головной крейсеръ повернулъ на открывшійся дымъ; на его счастье командиръ, также разсматривавшій пароходъ, не обратилъ вниманія на это сообщеніе, и только такъ называемая газета крейсера, офицерскій вѣстовой, стоявшій 2-ымъ номеромъ у 75 м/м. пушки на бакѣ, не удержался, чтобы не заявить: „Воронѣ и воронье мѣсто“...

На флагманскомъ крейсерѣ уже развѣвается сигналъ по международному своду „Остановитесь“, передается изъ устъ въ уста значеніе сигнала, и прислуга орудій съ любопытствомъ смотритъ въ порта, одѣвивая пароходъ по достоинствамъ. „Глубоко сидитъ... загруженъ... нѣмецкій флагъ... попался контрабандистъ, вотъ ежели бы снаряды везъ“, слышатся отдѣльные

разговоры, а уже звонки машинного телефона и шары возвестили, что крейсера остановились. Съ головного крейсера отвалилъ вельботъ съ офицеромъ для первоначальнаго смотра парохода, и что-то усиленно семафорятъ. „Приготовить призовую партію“ разбираютъ съ полубака, а съ мостика уже доносятся приказанія „барказъ № 1 къ спуску приготовить, призовая партія на правые шканцы во фронтъ“, а командиръ на мостикѣ даетъ послѣднія приказанія назначенному въ призовую партію лейтенанту.

— Есть большой контрабандный грузъ, идетъ въ Токогаму, пароходъ Гамбургско-Американской линіи, — разбираютъ семафоръ съ арестованнаго парохода, а съ флагманскаго корабля уже приказываютъ послать призовую партію на пароходъ, а начальника партіи прибыть къ адмиралу. Красавецъ 14-ти весельный катеръ съ лихими гребцами несется на флагманскій корабль, гдѣ адмиралъ даетъ послѣднія инструкціи лейтенанту.

Барказъ, полный матросовъ и нагруженный провизіей, и катеръ съ лейтенантомъ почти одновременно пристають къ арестованному пароходу, нѣсколько минутъ спустя шлюпки возвращаются къ роднымъ крейсерамъ. „Желаю счастливаго плаванія“, колышется вслѣдъ уходящему на сѣверъ пароходу сигналъ адмирала.

Крейсера пошли на югъ; скоро отъ нихъ осталась только полоска дыма, а на арестованномъ пароходѣ заведены новые порядки: на мостикѣ рядомъ съ капитаномъ или его помощниками стоятъ вахту командиръ и мичманъ съ прапорщикомъ запаса флота поочередно; сигнальщикъ заботливо осматриваетъ горизонтъ; 30 ружей поставлены въ двухъ мѣстахъ и у каждой самодѣльной пирамиды, т.-е. палки со шкертками, стоитъ часовая; въ машинѣ два машиниста, а въ кочегаркѣ 3 кочегара съ револьверами наблюдаютъ, чтобы не произошло злонамеренной порчи механизмовъ и котловъ, еще стоитъ одинъ завѣтный часовой у каюты командира-лейтенанта: тамъ хранятся пирооксилиновые патроны для взрыва и потопленія парохода, если бы не удалось избѣжать встрѣчи съ сильнѣйшимъ непріателемъ.

Минеръ-квартирмейстеръ изъ запасныхъ подходитъ къ командиру и докладываетъ, что онъ нашелъ удобныя мѣста для закладки патроновъ и послѣ осмотра этихъ мѣстъ дѣлается расписание, кому и какъ что дѣлать.

Документы сложены въ одной каютѣ, рядомъ съ командирской, и она запечатана, — пароходъ находится въ полной своей

боевой готовности—уходить отъ сильнѣйшаго непріятеля по возможности и не отдаться ему въ руки, если Богъ не поможетъ въ своей милости.

А Тихій Океанъ, такъ молчаливо созерцавшій разставаніе трехъ сильныхъ крейсеровъ и слабого ихъ приза, удовлетворенный, успокоился окончательно: ни зыби, ни вѣтерка, ни единого облачка на небѣ.

Къ вечеру, наученные долгимъ опытомъ, осмотрѣли всѣ иллюминаторы, наглухо закрыли наружные свѣтовые люки, дабы ни единый лучъ свѣта не прорывался наружу, и темный пароходъ погрузился въ ночную мглу океана, но не надолго.

Уже на горизонтѣ засвѣтлѣло, и взошла красивая полная луна; точно насмѣхаясь надъ всѣми приготовленіями, обдила она ровнымъ голубымъ свѣтомъ и трубы и корпусъ, проникла въ входные люки и чуть не на 15 миль рѣзко очертила темно-синее небо отъ серебрянаго океана.

— Вотъ такъ дуля,—сконфуженно произнесъ сидѣвшій на полубакѣ у фитиля временный боцманъ, строевой квартирмейстеръ, изъ всѣхъ силъ старавшійся достигъ, чтобы ни изъ одной щели не вырвалась полоска свѣта, а лучи луны между тѣмъ заглядывали внутрь судна и отражались на корпусѣ парохода, дѣлая его замѣтнымъ на далекое разстояніе.

— А какъ у нѣмцевъ налажено,—разсказывалъ кочегарный квартирмейстеръ: „у нихъ для черной работы, сказать кочегарской, взять китаецъ, и жарятъ это они на двѣ вахты, а для машины тоже все китаецъ, а только одинъ въ вахтѣ нѣмецкій машинистъ за старшаго; и платятъ они этимъ китаецамъ одни гроши“.

— Да ты-то съ ними по-каковски объяснялся? — любопытствовалъ боцманъ.

— На пальцахъ больше; вытацишь монету, на работу покажешь, а онъ тебѣ на пальцахъ отсчитаетъ и скажетъ: „Долларъ“ — значить 20 долларовъ въ мѣсяцъ, безъ пропитанія; а жрутъ они, вотъ бы померъ, а не съѣлъ; рисъ, грязнымъ облитый чѣмъ-то на манеръ плохого машиннаго масла, и чего-то насовано, коренья не коренья, словомъ дрянъ какая-то, а онъ лопаешь и похваливается.

— А вотъ у насъ случай былъ на крейсерѣ,—прервалъ разсказчика кокъ, „взяли это господа офицеры и наняли китаецъ кормить; замѣсто ресторатора, а онъ такую комбинацію и предложилъ: возьмите, говорить, 10 китацевъ моихъ, только вѣстовыхъ отъ стола уберите, не довѣряю молъ имъ, и столъ, го-

ворить, тогда дешево поставимъ; толковали, толковали и порѣшили: „взять китайцевъ“—въ каютъ-компаніи стали косые дьяволы ходить тихо, такъ, кошачьими шагами, блюда обносить. Первый день 12-ть блюдъ—все очень довольны остались, только одно, что подадутъ блюдо, посмотрятъ на него такъ сбоку „не лягушка“, а потомъ ѣли, но все-таки съ опаской. На второй день ничего; на третій день, одинъ офицеръ говоритъ „воняетъ“, а для китайца это вѣдь самый скусъ, ну тутъ повздорили малость. На пятый день подаютъ блюдо особенное, неразбериха какая-то: попробовали, ѣсть можно, а что-то странное, и мясо тамъ, и рыба, и консервы, и картофель; позвалъ старшій офицеръ буфетчика изъ вѣстовыхъ и спрашиваетъ „высмотрѣлы ты, какъ они готовятъ“, „такъ точно, Ваше Высокоблагородіе, въ камбузъ они меня не пустили, украду что-нибудь, думаютъ, такъ я сверху въ лючекъ маленькій смотрѣлъ: они, Ваше Высокоблагородіе, остатки со всехъ тарелокъ собираютъ, видъ имъ другой придаютъ, и соусомъ обливаютъ и опять на столъ подаютъ“.—Какъ въ портъ ближайшій пришли, такъ все это китайское царство и вышибли, а онѣ кричатъ „покупай провизію, мы на два мѣсяца радились“, а провизія вся тухлая... все-таки вышибли, и пошло опять по русскому“.

— Расходитесь ребята спать, неизвѣстно, что утромъ или ночью будетъ,—прервалъ рассказчика голосъ командира, обходившаго судно передъ тѣмъ, какъ идти лечь спать.

Утромъ слѣва открылись японскіе берега; высокія горы, лишенные растительности, подъ цвѣтъ подходили къ голубовато сѣроватому морю и тянулись далеко къ сѣверу; курсъ лежалъ параллельно берегамъ и въ 6 часовъ вечера пароходу надо было входить въ проливъ между берегами острова Иезо и острова сѣвернѣе его. Заходящее солнце на безоблачномъ небѣ, а вслѣдъ за нимъ вскорѣ восходящая луна совершенно не давали возможности пароходу пройти незамѣченнымъ въ 4-хъ мильномъ проходѣ, и, видя это, командиръ рѣшилъ миновать его еще засвѣтло, чтобы къ утру оказаться ближе къ Сахалину.

— Ваше Высокоблагородіе на берегу японскій флагъ,—докладываетъ сигнальщикъ, и дѣйствительно на сѣверномъ берегу стояла мачта съ японскимъ флагомъ, а около нея копошились какіе-то люди, съ другой стороны, съ южной, маякъ открылъ освѣщеніе.

— Это японскій наблюдательный пунктъ,—замѣтилъ командиръ: „а вотъ и городъ“.

Дѣйствительно изъ-за мыска въ миляхъ 10-ти открылся го-

родокъ, но около него было безжизненно: ни одной плюпки, ни одной парусной барки не виднѣлось на темнѣющей глади моря— очевидно, въ Японіи знали о набѣгѣ крейсеровъ и всѣ рыбацкіе суда попрятались по гаванямъ.

— Китайцы въ чистое переодѣваются, и въ узелки вещи связываютъ—встревоженно докладываетъ боцманъ командиру, къ которому одновременно подходитъ капитанъ, симпатичный русый нѣмецъ съ круглой бѣлокурой бородкой и яснымъ взглядомъ свѣтлыхъ голубыхъ глазъ, и начинаетъ говорить что-то по-нѣмецки.

— Очень просто,—отвѣчаетъ ему командиръ: „всѣ ваши плюпки будутъ спущены, ваши люди, включая и китайцевъ, будутъ на нихъ посажены и оставлены въ морѣ, а я съ своей командой воспользуюсь пароходомъ, какъ найду это нужнымъ“.

Удовлетворенный отвѣтомъ капитанъ передалъ результатъ разговора поджидавшимъ его внизу подъ мостикомъ старшему помощнику и старшему китайцу, и тѣ пошли дальше передавать своимъ подчиненнымъ объ той участи, которая ихъ ожидала въ случаѣ встрѣчи съ непріателемъ. „Только“, добавляетъ командиръ, „я даю вамъ на посадку 2 минуты времени, а плюпки къ спуску приготавливаю сейчасъ“; „очень карошо, очень карошо“, отвѣчаетъ капитанъ, вполне довольный такой постановкой дѣла. Тревога оказалась напрасной—пароходъ благополучно прошелъ узкость (проливъ Кунашири) и освѣщаемый восходящей луной одиннадцати-узловымъ ходомъ бороздитъ блестящее море, направляясь къ невиданнымъ съ него берегамъ Сахалина въ Корсаковский портъ, гдѣ командиръ долженъ былъ ждать дальнѣйшихъ приказаній изъ Владивостока.

6-тъ мѣсяцевъ прошло съ начала войны, а въ Корсаковскомъ посту не видѣли ни одного судна; послѣднее былъ японскій транспортъ, забравшій передъ самой войной всѣхъ японцевъ и наведшій этимъ появленіемъ уныніе на всѣхъ обитателей поста. Но время проходило, забывались тревожныя извѣстія о неудачахъ на морѣ и на сушѣ, нарастала новая надежда на эскадру Рождественскаго и жизнь на посту входила въ свои старыя рамки.

На скрытой густой листвою батарее небольшихъ пушекъ (она же наблюдательный пунктъ за моремъ) произошло волненіе: въ морѣ виденъ дымъ! Кто это? Враги, свои или нейтральные, случайно забредшіе въ заброшенный уголокъ Россійской Имперіи. Скорѣй всего враги: до Сахалина имъ рукой подать, придутъ, сожгутъ и уйдутъ.

Съ проходящими минутами обрисовывается изъ-за дыма корпусъ парохода, двѣ мачты и на одной изъ нихъ флагъ, какой-то ясный флагъ, бѣлый флагъ съ синимъ андреевскимъ крестомъ—русскій флагъ. Но не вѣрится; не хитрость ли это японская, чтобы легче подкрасться и произвести опустошеніе, но пароходъ-то идетъ увѣренно какъ-то, какъ будто знаетъ, что не будутъ стрѣлять; а пушки... есть на пароходѣ пушки, нѣтъ... значитъ, русскій. Ура! Надо дать знать скорѣе въ постъ.

Вотъ какія мысли проносились непрерывной вереницей въ мозгу у дежурныхъ на батарее... Тѣмъ временемъ пароходъ сталъ на якорь и на немъ стали ясно видны матросы и офицеры, крупные, не мелкіе, какъ японцы, несомнѣнно, русскіе. Отъ берега отвалилъ паровой барказъ и на немъ мѣстное начальство, вотъ они поднимаются по трапу наверхъ, и тамъ ихъ привѣтствуютъ дружески русскими словами и въ короткой бесѣдѣ выясняется, что это нашъ старый знакомецъ, пробирающійся вблизи японскихъ береговъ во Владивостокъ.

Скоро на берегъ отправляется офицеръ съ порученіемъ—посылается телеграмма во Владивостокъ, — и весь Корсаковский постъ высыпалъ смотрѣть на желаннаго пришельца, а ссыльные хотятъ похвастаться своей готовностью послужить родинѣ, и на дворѣ тюрьмы выстроилась рота съ ружьями, набранная изъ желающихъ и надежныхъ каторжанъ; матросы со шлюпки и прислуга барказа у парохода обмѣниваются разговорами, и день проходитъ для Корсаковского поста необычно, торжественно, а когда обитатели его утромъ на другой день пришли на берегъ, то увидѣли чистое море и почувствовали себя, какъ и оно, осиротѣвшими, а небо стало закрываться мокрымъ туманомъ, точно и ему стало грустно отъ столь быстрой разлуки.

Въ 2 часа ночи на пароходъ пришла телеграмма, прогнѣли машину и пошли уже на югъ; разсвѣло... пароходъ приближался къ Лаперузову проливу, — въ 30 миль шириной — здѣсь легче всего можно было ожидать врага—военнаго судна, которому очевидно сообщили о проходѣ парохода черезъ Кунашири и черезъ 1½ дня онъ могъ успѣть подойти къ тому мѣсту, котораго никакъ не миновать пароходу, въ томъ случаѣ, если онъ идетъ къ русскимъ берегамъ.

Зорко смотреть вахтенный начальникъ, прапорщикъ, впередъ и съ сердечнымъ трепетомъ ищетъ на горизонтѣ дыма или корпуса судна, но горизонтъ сегодня какой-то мутный, нѣтъ той рѣзко очерченной линіи, которая ласкала глазъ въ прошедшіе дни и ночи.

Вотъ уже и Крильонскій маякъ, мѣсто, которое штурмана не особенно жалуютъ, во-первыхъ потому, что вблизи него есть опасныя мѣста, и потому еще, что открытіе его предвѣщаетъ приближеніе къ мало гостепріимнымъ берегамъ Сахалина, названіе котораго связано съ міромъ преступленія, горя, слезъ... „Туманъ“, радостная мысль мелькаетъ въ головѣ у вахтеннаго начальника, замѣтившаго, что неясность на горизонтѣ расплывается и уже видна не одна линія, а двѣ, линія моря и верхняя линія—линія тумана, а рядомъ съ этой мыслью зарождается и опасеніе, какъ своевременно повернуть, не видя Крильонскаго маяка: будить командира жалко, только въ 3 часа почи легъ командиръ, послѣ провода гостей изъ города, желавшихъ провести вечеръ среди русскихъ, интеллигентныхъ русскихъ, много видѣвшихъ, много испытавшихъ и въ сравненіи съ ними много знавшихъ, а туманъ уже нашелъ, густой, мокрый скрылъ онъ и высокіе Сахалинскіе берега и бѣлѣющій на сѣромъ фундаментѣ камня Крильонскій маякъ. Но счастье улыбается пароходу, судьба щадитъ жизнь его экипажа, и наступаетъ короткій просвѣтъ: Крильонскій маякъ открылся, пеленгъ взять, мѣсто до нѣкоторой степени провѣрено; проходитъ часть, и опять открывается на минуту Крильонъ, получается точное мѣсто, и курсъ проложенъ на Владивостокъ.

Славлевъ.

Изъ литературнаго наслѣдія Пушкина.

Новооткрытая статья.

Въ числѣ анонимныхъ статей, помѣщенныхъ въ „Литературной Газетѣ“ Дельвига, душой и главной силою которой былъ Пушкинъ, намъ удалось (см. „Новооткрытыя страницы Пушкина“ въ „Пушк. и его современникахъ“, вып. XII, и „Сѣверн. Запискахъ“ 1913 г., февраль) найти еще одну статью, несомнѣнно принадлежащую, и по высказаннымъ въ ней общимъ взглядамъ, и по нѣкоторымъ частнымъ признакамъ, перу Пушкина.

Мы встречаемъ въ этой статьѣ, появившейся въ № 55 „Литерат. Газеты“ 1830 г. (28 сентября, стр. 153—155, отдѣлъ библіографіи, подъ рубрикой „Иностранная словесность“), полнѣйшее совпаденіе съ мнѣніями, которыя Пушкинъ высказывалъ о французской новой литературѣ по поводу романовъ Гюго, Жанена, С.-Бева, вызвавшихъ его рецензіи и замѣчанія на страницахъ той же „Литерат. Газеты“, а также по другимъ поводамъ. Жалобамъ на преобладаніе у французскихъ романиковъ „однѣхъ формъ, одной рѣзкой новости выраженій“, на отсутствіе „отчетливости въ созданіи“ и „характеровъ“, на всѣ эти формальныя и внутренніе недостатки ихъ школы, вполне соответствуютъ другія жалобы. „Делормъ слишкомъ много придаетъ важности нововведеніямъ такъ называемой романтической школы французскихъ писателей, которые сами полагаютъ слишкомъ большую важность въ формѣ стиха“... (статья о С.-Бевѣ). „Стихъ сталъ у нихъ болѣе свободнымъ и болѣе шероховатымъ“, — около того же времени Пушкинъ писалъ

объ этой эволюціи „благозвучнаго Расиновскаго стиха“ („Домикъ въ Коломнѣ“):

Онъ выннченъ былъ мамкою не дурой:
За нимъ смотрѣлъ степенный Буало;
Шагалъ онъ чинно, стянуть былъ цезурой,
Но пудреной пѣтикѣ на зло
Растрепанъ онъ свободою цензурой.
Ученіе не въ прокъ ему пошло:
Нуго съ товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили безъ цезуры.
О, что бъ сказалъ поэтъ-законодатель,
Гроза несчастныхъ мелкихъ риемачей!
И ты, Расинъ, бессмертный подражатель,
Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей!..
Что бъ вы сказали, сей соблазнъ увида?
Нашъ вѣкъ обидѣлъ вашъ, вашъ стихъ обидя!..
Александрійскій стихъ по всѣмъ суставамъ
Развинченъ, гнется, прыгаетъ легко
И высоко, какъ бѣлка по дубравамъ;
Ломается проворно и легко
На диво всѣмъ парнасскимъ костоправамъ...

Это писано какія-нибудь двѣ недѣли спустя послѣ появленія статьи въ „Литерат. Газетѣ“.

Въ другой разъ („Мысли на дорогѣ“) Пушкинъ съ пренебреженіемъ говорилъ о писателяхъ, „которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли, истинной жизни его“, и которыхъ за это ожидаетъ заслуженное забвеніе. Однажды у Карамзиныхъ говорили о французскихъ романтикахъ, и Пушкинъ, по словамъ А. О. Смирновой (Записки, I, 203—204) „сказалъ, что въ концѣ концовъ романтическая школа выродится въ извѣстную моду и кружковщину, а всякая мода и всякая кружковщина ему ненавистны“, и что „въ поэзіи форма, не содержащая мыслей и чувствъ, есть не что иное, какъ упражненіе парнасцевъ“. Пушкина всегда смущало у французскихъ романтиковъ „неясное, неопредѣленное“, которое онъ, съ своей безпощадною ясностью честнаго во всемъ ума, считалъ не необходимымъ и нарочитымъ. Онъ осуждалъ того поэта, который „систематически“ говорилъ себѣ: „soyons extravagants“ и „истинное вдохновеніе“ (статья о С.-Бевѣ) замѣнялъ надуманными странностями; Пушкинъ называлъ это—„фиглярствовать странностями“ („Мысли на дорогѣ“). Признавая талантъ cadaго въ

отдѣльности изъ крупныхъ французскихъ романтиковъ, Пушкинъ осуждалъ самую школу за неясность ея художественныхъ стремленій, за ту „безотчетность цѣлаго“, которая тщетно старается скрыть отъ зоркаго глаза отсутствіе внутренней цѣльности. Боратынскаго нашъ поэтъ высоко ставилъ за то, что „никогда не старался онъ малодушно угождать господствующему вкусу и требованіемъ мгновенной моды, никогда не прибѣгалъ къ шарлатанству, преувеличенію (exagération) для произведенія большаго эффекта, никогда не пренебрегалъ трудами неблагодарными, рѣдко замѣчаемыми, трудами отдѣлки и отчетливости“,—не взирая на то, что „вѣрность ума, чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность менѣе дѣйствуютъ на толпу, нежели преувеличеніе (exagération) модной поэзіи“. Кстати,—поясненія русскихъ словъ французскими, поставленными въ скобки,—напр., „неясное, неопредѣленное (le vague)“—одна изъ типичныхъ особенностей прозаическаго стиля Пушкина, мысль котораго часто рождалась во французской оболочкѣ, и который подчасъ съ трудомъ находилъ удачное русское выраженіе для передачи оттѣнка мысли, легко выражавшагося по-французски.

Вполнѣ въ духѣ Пушкина и переводъ заглавія „Исторіи“ Нодье по образцу заглавій старинныхъ русскихъ сказокъ. Такъ и своего „Бориса Годунова“ онъ первоначально собирался озаглавить: „Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству“... („Вѣстн. Евр.“ 1882 г., октябрь, 893; „Пушкинъ и его соврем.“, XII, 9); въ письмѣ къ Л. В. Дубельту 5 марта 1834 г. онъ называлъ „Исторію Пугачевского бунта“—„Исторіей о Пугачевѣ“. Всѣ эти мысли и выраженія Пушкина, сходящіяся почти до буквального тождества съ положеніями, высказанными въ статьѣ о Нодье, притомъ появившейся въ органѣ, гдѣ Пушкинъ проводилъ свои взгляды на литературу, колеблемо убѣждаютъ въ принадлежности Пушкину этой статьи, которою пополняется компендіумъ литературныхъ сужденій великаго писателя.

Н. Лернеръ.

Histoire du roi de Bohême et de ses sept châteaux (Исторія о Богемскомъ королѣ и о семи его замкахъ. Соч. Карла Нодье). Парижъ, I т. въ 8-ю д. л.

Нынѣшняя, „романтическая“ французская литература взяла какое-то странное направленіе. Неясное, неопредѣленное (le va-

gne) какъ будто бы сдѣлалось ея символомъ и правиломъ. Въ трагедіяхъ новѣйшей французской школы мы видимъ однѣ формы, одну рѣзкую новостъ выраженій, произвольное измѣненіе благозвучнаго Расиновскаго стиха въ стихъ болѣе свободный, но зато и болѣе шероховатый, — и напрасно ищемъ отчетливости въ созданіи, напрасно ищемъ характеровъ. Сіе же можно примѣнить, съ необходимыми исключеніями, и къ новѣйшимъ повѣстямъ или небольшимъ романамъ, изданнымъ въ послѣдніе годы во Франціи, какъ, напр., *Le dernier jour d'un condamné*, *L'Ane mort et la femme guillotinée*, *La Confession* и т. п. Кажется, образцами ихъ, хотя и отдаленными, были повѣсти Гофманна, Тика и другихъ новыхъ нѣмецкихъ писателей. — Книжка, которой заглавіе выставлено въ началѣ сей статьи, написана не советѣмъ въ этомъ родѣ: она болѣе сбивается на какую-то аллегорію; но неясность цѣли автора, придуманныя имъ заглавіе и форма сочиненія и безотчетность цѣлаго по праву даютъ книжкѣ сей мѣсто между тѣми, о коихъ мы упомянули выше. Мы перевели ея заглавіе въ подражаніе заглавіямъ старинныхъ русскихъ сказокъ: „о Богемскомъ королѣ“, напомнило намъ Исторію о Петрѣ златыхъ ключахъ, Исторію о Францѣ Венепціанинѣ и т. п.; и въ этомъ, думаемъ, мы не удалились отъ намѣренія Г. Нодье: онъ самъ, кажется, хотѣлъ помянуть читателей своихъ стариною, вродѣ французскихъ *fabliaux du moyen âge*.

Въ одномъ изъ парижскихъ журналовъ нынѣшняго года помѣщенъ былъ остроумный разборъ сего новаго произведенія г. Нодье, представленный въ видѣ разговора двухъ читателей. Выписываемъ сей разборъ и по его оригинальности, и по сходству нашихъ мнѣній на счетъ разбираемой книги съ мнѣніями французскаго критика. Вотъ какъ онъ оправдывается въ принятой имъ формѣ критики: „Сочиненіе сіе („Исторія Богемскаго Короля“ и пр.), по странности своей выходящее изъ правилъ всякой оцѣнки, хотя нѣсколько важной, было напередъ опорочено одними и расхвалено другими по причинѣ своей формы. Мы почли за приличное привести здѣсь слѣдующій разговоръ двухъ читателей, отдававшихъ при насъ другъ другу отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ“.

— Читали ли вы „Исторію о Богемскомъ Королѣ“ и семи его замкахъ?”

— Да, я изъ первыхъ читалъ ее.

— Ну, что же вы о ней думаете?

— Не умѣю вамъ сказать, что думаю. Исторія пречудная; только она очень темна, очень запутана, и, должно сказать правду, не слишкомъ много найдешь связи въ ея неистощимомъ разнообразіи.

— Какъ! неужели вы простодушно искали до конца приключеній Богемскаго Короля? Развѣ вы не отгадали съ первой главы, что авторъ придумалъ это заглавіе для того, чтобы подшутить надъ своимъ читателемъ и придать заманчивую форму своимъ вымысламъ и идеямъ?

— Нѣтъ; не могу похвалиться, чтобъ я отгадалъ это съ первой главы. У меня не такое быстрое соображеніе; притомъ же я не зналъ, что такъ приятно и сообразно съ хорошимъ вкусомъ подшучивать, какъ вы изволите говорить, надъ своимъ читателемъ. Однако жъ, я началъ догадываться объ этомъ на двадцатой страницѣ. Какъ я ни простъ, а все-таки не похожъ на того добраго парижскаго мѣщанина, который, увидѣвъ на театрѣ комедію *Les Plaideurs* вслѣдъ за „Андромахой“, находилъ, что пьеса Расинова удивительно какъ хороша, да только не понималъ, зачѣмъ она начинается такъ жалко, а кончится такъ смѣшно.

— А! такъ вы знаете этотъ анекдотъ! Да вы читали ль Расина?

— Вопросъ вашъ, мнѣ кажется, не совсѣмъ вѣжливъ. Какъ могли вы предполагать, будто бы я совершенно незнакомъ съ лучшими произведеніями нашей литературы?

— Хорошо, хорошо! Вижу, до какой точки вы дошли въ ней. Теперь судятъ и критикуютъ Расина, но не читаютъ его. Впрочемъ, вы вольны его читать и даже удивляться ему. Обратимся къ нашему предмету. Не довольно еще доискаться, что въ новой книгѣ не говорится почти о Богемскомъ Королѣ и семи его замкахъ: надобно еще дознаться, что она въ себѣ заключаетъ, вникнуть въ ея смыслъ, въ тонкости, въ аллегоріи.

— Такъ много есть тонкостей и аллегорій въ „Исторіи о Богемскомъ Королѣ“? Я, помнится, замѣтилъ въ ней довольно частые „недосмыслы“; но видно, это потому, что я не все понялъ.

— О! это со всѣми случается. Книгу эту можно назвать обильнымъ рудникомъ: чѣмъ дальше въ ней роешься, тѣмъ больше находишь дорогихъ каменьевъ; но надобно умѣть ихъ распознавать подъ ихъ оболочкой. Золото и брилліанты не сіяютъ полнымъ своимъ блескомъ въ нѣдрахъ земли: надобно имѣть острое зрѣніе, чтобъ ихъ отыскать.

— Я, право, радъ, что съ вами встрѣтился. Безъ сомнѣнія, въ „Исторіи о Богомскомъ Королѣ“ есть множество красотъ и можетъ быть даже полезныхъ уроковъ, которые были бы для меня потеряны, и которые вы потрудитесь мнѣ изъяснить. Когда у меня будетъ ключъ ко всѣмъ имъ, тогда и я окажу другимъ такую же услугу.

— Посмотримъ. Угадали ль вы, кто скрывается подъ именами Пика де-Фанферлюкіо, Брелока и Теодора?

— Нѣтъ; да мнѣ большой нужды не было знать, кто сіи три фантастическія существа, которыя говорятъ всегда отрывистыми рѣчами и у которыхъ поминутно на языкѣ или ученость, или чувствительность, когда только они не бредятъ, какъ въ горячкѣ.

— Э! такъ, видно, вы догадались: вы обозначили ихъ характеры, не узнавъ ихъ самихъ. Это доказываетъ, что у автора много правды въ его очертаніяхъ. Пикъ де-Фанферлюкіо—ученость; Теодоръ—сердце; Брелокъ—воображеніе: а всѣ они трое вмѣстѣ—г. Подье.

— Презабавная тройчатка!

— А скажите-ка мнѣ, кто таковъ Бріошѣ? кто Джероламо?

— На это дамъ вамъ отвѣтъ, когда вы мнѣ растолкуете ясно и точно, что такое „Классическая“ и что „Романтическая школа“.

— А деревянные головы Мистигри, у которыхъ мысли приводятся въ движеніе пружинами? а парики Попокамбу-Волосатаго? А люди-машины въ Томбукту, изъ коихъ одни методически просѣвають слова природнаго своего языка въ большой Академическій мѣшокъ, другіе скоблятъ мѣстоименія, отбираютъ союзы, провѣвають частицы, шелушатъ нарѣчія? А тѣ молодые люди, которые тасуютъ листки бумаги, на коихъ представлены короли, дамы, валеты, и ловко дѣлятъ ихъ на пять пакетцевъ, думая, что сочиняютъ трагедіи? А тотъ окруженный бокалами Профессоръ, который съ жаромъ толкуетъ о „полиодонтахъ“, „монодонтахъ“, „анизодонтахъ“? А тотъ антикварій, который читаетъ іероглифы и потрошитъ мумію?

— Этѣ-то именно загадки я отгадалъ, да и всѣ, думаю, отгадаютъ, не ломая себѣ голову. Неужели вы хотите подражать тѣмъ комментаторамъ, которые чертятъ бѣлыя поля книги для объясненія того, что ясно само собою, а затруднительныя мѣста оставляютъ во всей ихъ темнотѣ? Боюсь, чтобъ вы не вздумали мнѣ объяснять, кто такова „Патриція“, и спѣшу васъ упредить. Патриція, кобылица породистая, знатная,—словомъ,

очень и очень благородная, которая когда-то бѣгала рысью, скакала, гарцовала и дивила всѣхъ своими скачками и побрякушками: а теперь устарѣла и стала хрома, крива, разбита и съ поровомъ: согласитесь, что тутъ не нужно дальнихъ объясненій. Знаю также и другую большую кобылицу англійской породы, сродни Джонъ-Булевой кобылицѣ, на которой нельзя ѣздить иначе, какъ заплатя деньги, и которая съ виду кажется бодрѣе, рѣвнѣе, съ гордою шеей; а не меньше того Брелокъ сожалѣетъ, что ее заковали, спутали и заѣздили.

— Не правда ли: все это удивительныя аллегоріи? Кромѣ того, что онѣ ясны и разительны, какъ сами вы сознаетесь, — не кажется ли вамъ, что онѣ очень остроумны?

— Мнѣ нравится первая; но, сказать ли правду? я не нахожу большого достоинства во всѣхъ этихъ вымыслахъ.

— На васъ трудно угодить; а это вѣдь сатира во вкусѣ Рабелѣ.

— Вездѣ я слышу ту же похвалу; можетъ быть она очень справедлива; но зачѣмъ же нынче писать сатиры во вкусѣ Рабелѣ? Когда можно ясно выразить свою мысль обо всемъ, то зачѣмъ хлопотать изъ того, чтобы быть темнымъ?

— Скажу вамъ еще однажды: такая форма гораздо заманчивѣе. Къ тому же, сатира не должна указывать слишкомъ прямо: ей должно прятаться подъ покрываломъ, изъ-за котораго каждый воленъ узнать себя или своего сосѣда.

— Такъ, по вашему мнѣнію, всему есть свой смыслъ въ томъ сочиненіи, о которомъ мы разсуждаемъ? Это большая загадка, которою должны изощряться и догадливость, и терпѣніе всѣхъ любопытныхъ?

— Да, я такъ думаю.

— Съ моей стороны, я радуюсь тому. Мнѣ пріятно будетъ современемъ узнать, кто таковъ Король Богемскій. Мы также узнаемъ, что значить туфель Попокамбу, которому г. Подье посвящаетъ три или четыре главы, больше наскучившія мнѣ, нежели выведшія меня изъ терпѣнія. Мы узнаемъ, зачѣмъ онъ такъ часто приискивалъ по сотнямъ эпитетовъ къ одному слову; зачѣмъ онъ симметрически наизывалъ по столько гласныхъ, которыя сталкиваются между собою и ничего не говорятъ уму. Зачѣмъ онъ наполнилъ сряду девять страницъ именами насѣкомыхъ, какъ напр., *phalènes*, *noctues*, *bombyces*, *pyrales*, *zygènes*, *alucites*, *hepiales*, *ptérophores*, *libellules*, *ascalaphes*, *hémérobès*, *myrmiléons*, и пр., и пр.; зачѣмъ онъ въ разныхъ мѣстахъ набиралъ по столько же именъ собственныхъ; зачѣмъ

онъ тысячу разъ принимался за такія же выходки, которыя кажутся вѣчнымъ повтореніемъ однѣ другихъ, и изъ которыхъ одной было бы очень достаточно для сатирической его цѣли: а такая цѣль вѣрно у него была.

— Была ли у него цѣль? Можно ли въ томъ сомнѣваться? Такой остроумный и смѣтливый человѣкъ, какъ г. Нодье, не написалъ бы пятидесяти или шестидесяти страницъ изъ одного только удовольствія—низать слова одни къ другимъ.

— Признаюсь, это меня удивляетъ; а все мнѣ кажется, что я правъ. Есть еще и другое удовольствіе, которое могло льстить сочинителю: то, чтобы видѣть, какъ люди умные, съ глубокою проницательностію (какъ вы, сударь), станутъ ломать себѣ голову, отыскивая смыслъ въ словахъ или фразахъ, которымъ онъ не хотѣлъ придать никакого смысла. Не находите ли вы, что онъ отчасти выказываетъ это безжалостное намѣреніе, заставляя васъ призадуматься надъ тою велемудрою главою, которая начинается сими словами: „Pif, paf, paf, rataran.—Ouhïyus, ouhïyus,—Ноé, hu. Dia hurau. Tza, tza, tza?“ Объясните мнѣ, на милость, эти слова.

— Явное дѣло, что имъ нельзя дать никакого объясненія. Авторъ хотѣлъ здѣсь позабавиться надъ тѣми писателями, которые воображаютъ, что они и глубоки, и высоки, когда умѣли сдѣлаться непонятными.

— Этого достоинства нельзя отвергать и въ „Исторіи о Богемскомъ Королѣ“.

— Такъ вы охуждаете это сочиненіе и говорите, что оно совсѣмъ дурно?

— Боже меня сохрани! Я не охуждаю его; но завидую тѣмъ, которые понимаютъ его отъ доски до доски, и читая его, ни разу не вздремнули.

— Вѣрно только вамъ однимъ не понравилась трогательная и такъ мило и простодушно рассказанная повѣсть Гервазія и Эйлалиа.

— Да развѣ я сказалъ, что эта повѣсть мнѣ не понравилась? Напротивъ, я очень полюбилъ этихъ бѣдныхъ слѣпыхъ дѣтей, и думаю, что ихъ жалкая разлука, горестъ и отчаяніе Гервазія извлекли бы у меня слезы, когда бы не должно было съ трудомъ отыскивать разныхъ частей сего разсказа, между ученымъ вздоромъ Фанферлюкія и шутовствомъ Пульчинелла или Брелока. Влестящее воображеніе и пріятная кисть г. Нодье выказываются также въ эпизодѣ о Вѣчномъ Жидѣ и во мно-

гихъ другихъ отрывкахъ, которые, къ сожалѣнію, всѣ недо-
кончены.

— А въ томъ-то и главная прелесть этой книжки, то есть: въ удачномъ и смѣломъ смѣшеніи веселости, воображенія, ума и учености, гдѣ сочинитель слегка и мимоходомъ коснулся множества разныхъ вопросовъ и предметовъ; гдѣ найдешь и замысловатыя аллегоріи, и тонкія, ѣдкія насмѣшки наряду съ учеными разсужденіями и очаровательными мечтами.

— Грація, сила, тонкость, свѣжесть, ученость — все это въ самомъ дѣлѣ есть въ этой книжкѣ; только въ такой смѣси и съ такою небрежностью, которыя страннымъ образомъ бросают-
ся въ глаза, потому что онѣ — слѣдствіе разсчета и принятаго намѣренія, а не полной свободы воображенія. Кажется, будто видишь васильки, розы и лиліи, украшеніе садовъ, брошенные съ намѣреніемъ въ клумбу, въ которой нарочно посажены волчцы, репейникъ и крапива.

— Намъ трудно будетъ согласиться.

— И мнѣ такъ кажется. Со всѣмъ тѣмъ, мы согласны уже въ одномъ.

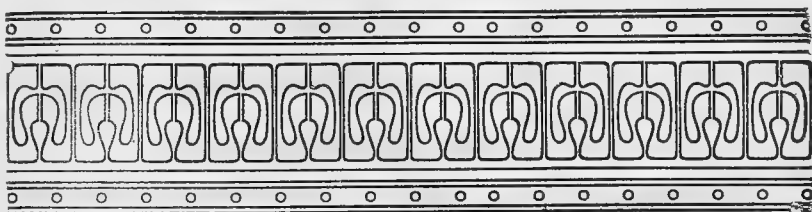
— Въ чемъ же?

— Въ необыкновенномъ талантѣ автора.

Н. О. Лернеръ.

Записки барона Веліо ¹⁾.

27 ноября пришла роковая вѣсть о смерти Государя!—бюллетеней почти не было, и никто не ожидалъ этого удара. Не помогло ему его крѣпкое сложеніе, и къ нашему великому горю его не стало.

Можетъ быть, для него было лучше, ибо, несмотря на его безграничную доброту къ людямъ, онъ уже зналъ, что у него есть враги тайные и что есть люди, задумавшіе что-то противъ него лично и всего цар. дома. Казалось бы, для него и жизни не жалко, а между тѣмъ готовились тайныя козни. На другой день послѣ полученія этого извѣстія мы присягали Государю Константину Павловичу. Великодушное отреченіе Николая Павловича могло обойтись дорого его народу, если бы не спасло дѣло его мужество. Вскорѣ послѣ присяги Константину Павловичу, стали ходить смутныя слухи по С.-Петербургу—говорили о томъ, что есть бумага, въ которой Вел. Кн. Константинъ отрекается отъ престола—тогда зачѣмъ было насъ приводить къ присягѣ?—С.-Петербургъ былъ въ броженіи, а въ добавокъ никогда не было столько кражъ и убійствъ въ столицѣ, какъ тогда. Это смутное время прекрасно описано въ сочиненіи барона М. Корфа „Восшествіе на престолъ Императора Николая I-го“. 13 декабря 1825 года въ вечернемъ приказѣ было сказано, чтобы мы собрались въ манежъ, весь полкъ въ походной формѣ къ 4 час. утра. Такъ какъ я былъ дежурнымъ по полку на 13-ое число, то мнѣ пришлось стоять у входа въ манежъ въ ожиданіи графа Орлова, когда полкъ уже былъ собранъ въ ма-

¹⁾ См. „Русская Стар.“, ноябрь 1913 г.

нежѣ. Когда графъ меня увидалъ и я подошелъ къ нему съ рапортомъ, онъ сказалъ.

„Что ты все въ важныхъ случаяхъ дежуришь!“

Онъ поздоровался съ полкомъ и тутъ же приказалъ священнику читать манифестъ о восшествіи на престолъ Государя Императора Николая Павловича и объ отреченіи отъ престола Вел. Кн. Константина Павловича. Священникъ былъ такъ взволнованъ, что не могъ читать громко. Тогда графъ самъ взялъ манифестъ и прочелъ намъ его своимъ громкимъ голосомъ. Старшіе офицера держали одной рукой штандарты, а другая была поднята для присяги; весь полкъ повторялъ слово въ слово слова присяги. При полной тишинѣ это была торжественная минута. Этотъ полкъ, шефомъ котораго считался Вел. Кн. Константинъ Павловичъ, показалъ примѣръ дисциплины и послушанія, благодаря прекрасному духу полка и тому, что эскадронные командиры были все старые офицеры. Мы потомъ узнали, что насъ такъ рано привели къ присягѣ, чтобы мы послужили примѣромъ, такъ какъ полкъ Е. В. Константина Павловича безпрекословно подчинился присягѣ. Нѣсколько часовъ спустя, когда я собирался одѣваться въ полную форму, чтобы идти на молебень во дворецъ и быть на выходѣ—къ намъ прибѣжалъ казначей Цинскій въ казармы, передавая приказаніе графа сѣдлатъ весь полкъ и выступать, такъ какъ Московскій полкъ возмутился и находится на Адмиралтейской площади въ полномъ броженіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ получено было извѣстіе о кончинѣ моего благодѣтеля Александра I, я былъ печаленъ и не зналъ, что предпринять. Не имѣя средствъ и потерявъ своего высокаго покровителя, я чувствовалъ себя осиротѣвшимъ и подумывалъ о переходѣ въ гражданское вѣдомство; но такъ какъ было бы не ловко гвардейскому полковнику выходить изъ полка такъ скоро послѣ вступленія на престолъ Императора Николая, то я и отложилъ эти планы до сентября мѣсяца, единственное время года для подачи подобныхъ прошеній. Другая причина, почему мнѣ хотѣлось перейти въ гражданское вѣдомство, это та, что Вел. Кн. Николай Павловичъ не пользовался расположеніемъ гвардіи.

Удрученный горемъ и заботами, я по своему обыкновенію рано утромъ 13-го (это было воскресенье) пошелъ въ католическую церковь Св. Екатерины на Невскомъ и въ этотъ день молился усерднѣе, чѣмъ когда-либо. Возвращаясь изъ церкви въ дрожкахъ, я встрѣтилъ Вел. Кн. Николая Павловича и едва

успѣлъ откинуть съ лѣваго плеча шинель и передвинуть шляпу по формѣ, какъ уже Вел. Кн. милостиво мнѣ поклонился и кромѣ того обернулся и любезно сдѣлалъ рукою знакъ привѣтствія. Но я и тутъ подумалъ про себя—„больше году служить не останусь въ гвардіи, если и будете Государемъ“; тогда уже носились слухи объ отреченіи Вел. Кн. Константина Павловича.

Возвращаясь къ своему послѣдовательному разсказу. И такъ, 14-го утромъ послѣ присяги намъ было приказано сѣдлать и выступать. Тутъ я понялъ, что готовится что-то серьезное, и позвавъ своего вахмистра, приказалъ ему собрать всѣхъ старыхъ солдатъ, даже и тѣхъ, что находились въ числѣ портныхъ и сапожниковъ, и поставить ихъ во фронтъ. Мой денщикъ хотѣлъ мнѣ дать второй мундиръ, который я надѣвалъ на ученіе. Но я предвидѣлъ, что готовится бунтъ, судя по тому направленію, которое съ нѣкоторыхъ поръ господствовало во флотѣ и гвардіи, а мнѣ лично только и хотѣлось умереть за царя и отечество и отдать свою жизнь за благодѣянія обожаемаго мною Александра I-го. Поэтому я сказалъ денщику: „давай все новое, и болѣе чистое—умирать, такъ въ новомъ и чистомъ, въ бою“. Выходя изъ квартиры, я простился съ своей прислугой и просилъ ихъ никуда не отлучаться, а въ случаѣ, если я не вернусь, обратиться къ моему пріятелю г-ну Шамю, который былъ тогда *agent de change de la cour* и придворнымъ куртье—онъ приведетъ всѣ мои дѣла въ порядокъ, въ случаѣ моей смерти. Затѣмъ я пошелъ въ свой эскадронъ и приказалъ людямъ садиться. Въ эту минуту одинъ изъ ефрейторовъ, съ которымъ я выѣзжалъ молодыхъ лошадей, спросилъ меня, какую ему взять лошадь. Это былъ славный молодой солдатъ по фамиліи Хватовъ изъ Курской губерніи. Я велѣлъ ему взять молодого вороного жеребчика, котораго я самъ выѣзжалъ.

— Возьми моего жеребчика, онъ тебя и въ бѣдѣ вывезетъ, сказалъ я ему.

Мой эскадронъ былъ готовъ, и весь полкъ скоро выстроился. Въ моментъ нашего выступленія изъ казармъ, мы увидали графа Милорадовича (тогдашняго военнаго губернатора) въ полной формѣ и всего въ крови! его вели двое какихъ-то людей и отвели его въ наши казармы въ квартиру Игнатьева. Этотъ храбрый воинъ, участвовавшій въ 84 сраженіяхъ, былъ теперь раненъ бунтовщиками, двумя выстрѣлами и ударомъ штыка въ спину.

Я обратилъ вниманіе моихъ солдатъ на этого несчастнаго графа Милорадовича и сказалъ имъ:

— Вотъ, что значить, когда солдатъ не довѣряетъ своему начальнику, а вы, ребята, мнѣ вѣрите и пойдете за мной?

— Куда угодно ведите, мы васъ не оставимъ, отвѣтили они мнѣ единогласно.

Полкъ двигался по Малой Почтамской, тамъ, гдѣ нынѣ Почтамская церковь, затѣмъ мы прошли Большую Морскую, перешли Исаакіевскую площадь, прошли по Вознесенской до Адмиралтейской площади.

Здѣсь графъ Орловъ выстроилъ насъ сомкнутой колонной по-эскадронно, такъ что первый эскадронъ былъ впереди. Прочіе эскадроны примыкали къ угловому дому Адмиралтейской и Вознесенской, улица же между домомъ Военнаго Министерства и нашимъ полкомъ была свободна (Въ сочиненіи бар. М. Корфъ положеніе полка указано невѣрно).

Вскорѣ послѣ того, какъ полкъ выстроился, мы увидали Государя ѣхавшимъ верхомъ изъ дворца. Подъѣхавъ къ намъ, онъ поздоровался обычнымъ: „Здорово, ребята!“ на что весь полкъ грянулъ единодушно: „Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!“

Тогда Государь подѣхалъ къ намъ ближе и именно къ правому флангу и спросилъ:

— Признаете ли вы меня за Вашего Царя или нѣтъ?“

Крики ура были отвѣтомъ Государю, и крики эти вылетали не только изъ устъ солдатъ, но и офицеровъ и доказали ему, что полкъ нашъ вполне надеженъ.

Деревянный заборъ около строящагося Исаакіевского собора выступалъ впередъ у дома Военнаго Министерства, и шайка революціонеровъ, покинувъ свою прежнюю позицію передъ Сенатомъ, скучилась передъ этимъ заборомъ и образовала карре, фронтъ коего обращенъ былъ къ памятнику Петра I, лѣвая сторона карре была обращена къ дому, гдѣ нынѣ Синодъ, тогда Кусовникова. Правый флангъ мятежниковъ былъ обращенъ къ Адмиралтейской площади. Заборъ служилъ имъ опорой съ четвертой стороны. Карре это состояло изъ гренадеръ, моряковъ, Московскаго полка и въ центрѣ были зачинщики и нѣсколько офицеровъ. Государь остановился около нашего праваго эскадрона и долго говорилъ съ нѣкимъ Якубовичемъ, раненымъ на Кавказѣ, офицеромъ. Государь послалъ его къ мятежникамъ, но такъ какъ Якубовичъ принадлежалъ къ числу ихъ, то изъ этихъ переговоровъ толку не выходило. Этотъ человѣкъ, котораго я видѣлъ въ первый разъ, произвелъ на меня ужасное впечатлѣніе, и видя его столь близко отъ

Государя, невольно становилось страшно за него. У меня рука чесалась разбить ему черепъ, такъ онъ мнѣ казался опасенъ для нашего монарха. Впослѣдствіи выяснилось, что онъ былъ одинъ изъ злѣйшихъ враговъ царя и намѣревался его убить, но тутъ у него не хватило духа это сдѣлать. Когда Государь къ нему приблизился, онъ не былъ въ состояніи исполнить того, что обѣщалъ своимъ товарищамъ.

Первому дивизиону нашего полка было командовано повернуть по Вознесенскому и идти къ Синему мосту, вдоль дома Мятлева къ манежу, откуда намъ надо было выстроиться передъ Синодомъ. Чтобы выполнить этотъ маневръ, намъ командовали: „Первый дивизионъ по три нѣво затѣжай! шагомъ маршъ!“—По всемъ правиламъ послѣ движенія лѣваго фланга второй эскадронъ долженъ бы былъ своимъ лѣвымъ флангомъ начать движеніе; но флигель-адъютантъ полковникъ Вл. Степ. Апраксинъ, командиръ перваго дивизиона, двинулъ впередъ свой первый эскадронъ, а я послѣдовалъ за нимъ съ своимъ вторымъ эскадрономъ.

Подойдя къ нашему манежу, Апраксинъ остановился. Я подѣхалъ къ нему спросить, въ чемъ дѣло. Онъ указалъ мнѣ на шайку мятежниковъ, скрывавшихся за заборомъ и вооруженныхъ палками съ гвоздями, ружьями, и пожарами, и затѣмъ мы увидали, что весь лѣвый флангъ мятежниковъ цѣлится въ насъ. Тогда я посоветовалъ Апраксину командовать своему и моему эскадронамъ галопомъ проскакать межъ нихъ—что онъ и исполнилъ, но въ моментъ нашего натиска насъ осыпали градомъ пуль изъ этого карре.—Большая часть выстрѣловъ ударилась о наши кирасы, не причинивъ намъ вреда.

Мы проскакали мимо мятежниковъ, и первый эскадронъ выстроился около монумента Петра I, при чемъ выдвинулись лѣвые фланги взводовъ.—Я съ своимъ эскадрономъ сдѣлалъ то же движеніе, и потому фронтовой дивизионъ получилъ такое перемѣщеніе: лѣвый флангъ его, т. е. второй эскадронъ, очутился на его правомъ флангѣ, ибо лѣвый флангъ втораго эскадрона сомкнулся съ правымъ флангомъ перваго эскадрона. Затѣмъ мой дивизионеръ сдѣлалъ это движеніе, не знаю, вѣроятно безсознательно, хотя онъ былъ очень хорошій человѣкъ и прекрасный офицеръ и нисколько не растерялся—но только, благодаря этой ошибкѣ въ построеніи дивизиона, моя участь совершенно измѣнилась.—Какъ только мой эскадронъ выстроился, я увидалъ, что нахожусь передъ лѣвымъ флангомъ мятежниковъ, и только-что успѣлъ я выровнять свой эскадронъ и встать по срединѣ своего фронта, какъ пули засвистѣли

около меня. Мысли мои были заняты тѣмъ, что, сознавая важность этой минуты, я былъ готовъ на все и рѣшился доказать свою преданность какъ покойному благодѣтелю своему, такъ святость присяги новому царю. Но свистъ пуль, направленныхъ исключительно на меня, былъ такъ силенъ, что двое солдатъ, стоявшихъ за мной, получили раны—одинъ по фамилии Найденовъ былъ легко раненъ, а другой Хватовъ былъ раненъ въ плечо, и ему отняли руку.—Одинъ унтеръ-офицеръ, стоявшій за мной Пузыренко въ срединѣ эскадрона, сказалъ своимъ товарищамъ: „Они какъ будто злы на нашего полковника“. Когда я увидѣлъ, что 4 и 5 эскадроны, стоящіе около дома Воен. Министерства, перешли въ наступленіе, я хотѣлъ своему командовать то-же ¹⁾ и поднять правую руку съ палашемъ—но въ ту же минуту пуля ударила въ мой локоть и проскочила черезъ него. Рука съ палашемъ опустилась—я почувствовалъ въ пей боль, какъ бы ударъ палкой и не могъ больше поднять руку.—Тогда я поддерживалъ свою раненую руку лѣвой рукой и передалъ команду ротмистру Каульбарсу. Я проѣхалъ черезъ ряды своихъ солдатъ и самъ не знаю, почему направился не въ казармы, а мимо Сената по Англійской набережной. У воротъ дома Лаваль были люди, которые предлагали мнѣ заѣхать туда, но я все продолжалъ свой путь до дома Блессигъ.

Тамъ дверь была заперта и заставлена, но хозяйка, увидавъ изъ окна раненаго офицера, приказала скорѣе отворить.

Тутъ только я замѣтилъ, что за мной слѣдомъ пріѣхали унт.-оф. Карташевъ и рядовой Мирошенко, который ходилъ за моими лошадьми, и еще тутъ же былъ и Хватовъ; я спросилъ у Хватова, молодцомъ сидящаго на моемъ жеребчигѣ:

— Куда ты?

— Я раненъ, отвѣтилъ онъ.

— Да гдѣ? ничего не видно.

— У меня пуля въ лѣвомъ плечѣ.

И несмотря на это онъ держалъ поводья этой рукой. Тогда я сказалъ ему.

— Поѣзжай полегоньку въ казармы, сдай свою лошадь, а самъ ступай въ лазаретъ.

Унт.-оф. Карташевъ, увидавъ меня раненымъ, поѣхалъ за мной, чтобы помочь мнѣ въ случаѣ надобности.—Онъ слѣзъ съ лошади, чтобы помочь и мнѣ сойти съ лошади, и когда

¹⁾ Тѣми эскадронами командовалъ полков. Куликовскій, другими полк. Донецъ-Захаржевскій.

мы увидѣли, что изъ дома Блессига вышли люди меня встрѣтить, я уперся лѣвой рукой въ сѣдло и перекинулъ правую ногу черезъ лошадь, но надо было перекинуть и правую руку, въ которой былъ зажатъ палашъ—это было трудно, но, благодаря своему крѣпкому сложенію, я не потерялъ сознаніе и когда сталъ на землю, разжалъ лѣвой рукой омертвѣлые пальцы правой, и палашъ выпалъ изъ нихъ на землю, тогда я поддерживалъ правую руку на вѣсу и вошелъ въ домъ Блессига. Добрѣйшій старикъ Филиппъ Ивановичъ принималъ меня радушно и отвелъ мнѣ комнату одного изъ своихъ сыновей. Молодые люди тотчасъ отправились за докторомъ Габерзангомъ, котораго я просилъ привезти. Вскорѣ онъ пріѣхалъ и, осмотрѣвъ руку, сталъ меня утѣшать, говоря, что, *можетъ быть*, не придется отнимать руку! Но я этому не повѣрилъ и былъ готовъ ко всему, только бы онъ, а не другой произвелъ операцію.

Онъ сдѣлалъ мнѣ первую перевязку въ 4 ч. пополудни; раненъ я былъ около 3-хъ час. пополудни. Крагу и колетъ пришлось разрѣзать, ибо пальцы были страшно распухши, и руку мою подвѣсили шарфомъ черезъ плечо; докторъ уѣхалъ, обѣщаясь скоро вернуться. Отдохнувъ немного, я почувствовалъ страшныя боли, но сознаніе не терялось и я все спрашивалъ, что дѣлается на площади. Меня успокоило извѣстіе, что наконецъ была пущена картечь, которая и развѣяла мятежниковъ.

Въ продолженіе этого дня, Государь Николай I прислалъ лейбъ-медика Крейтона узнать о моемъ здоровьѣ, и изъявилъ врачамъ свое желаніе, чтобы всѣ мѣры были приняты къ тому, чтобы сохранить мнѣ руку. Но когда въ 11 ч. вечера докторъ Габерзангъ пріѣхалъ съ своимъ ассистентомъ, младшимъ полковымъ врачомъ Якубовскимъ, они нашли, что антоновъ огонь уже обнаружился въ пальцахъ (гангрена), три кости въ локотномъ суставѣ были совершенно раздроблены, и такъ какъ пуля прошла очень короткое разстояніе, то они предполагали, что кость выше локтя тоже повреждена, что и оказалось. Несмотря на всю готовность Габерзанга раньше побывать у меня, онъ этого сдѣлать не могъ, потому что ухаживалъ за несчастнымъ ген. Милорадовичемъ, который въ тотъ же день умеръ на его рукахъ. Наконецъ насталъ рѣшительный моментъ ампутаціи! Я былъ такъ бодръ духомъ, что хотѣлъ видѣть, что будутъ дѣлать съ моей рукой, но, замѣтивъ это, доктора попросили присутствующихъ держать мою голову въ другую сторону. Операція происходила при свѣчахъ и продолжалась 17 минутъ.

Кровоизліяніе было сильное и продолжалось съ 3 ч. до 11 вечера—моментъ операціи. Во время операціи не терялъ сознанія, но страдалъ ужасно. Послѣ операціи меня уложили въ постель, и я заснулъ.

На другое утро проснувшись и увидавъ забинтованный остатокъ своей руки, я признаюсь, расплакался—не то мнѣ жаль было своей правой руки, не то жаль было такимъ молодымъ остаться калѣкой, не то жаль было разрушенной такъ печально карьеры. Я сознавалъ, что жертва принесена мною за правое дѣло и за царя Николая I, но все-таки тяжело было на сердцѣ. Роковой день 14 дек. 1825 г. былъ понедѣльникъ; вторникъ и среду чувствовалъ себя относительно хорошо.

Вся царствующая семья выказывала мнѣ участіе и вниманіе, но особенно Государь интересовался мною и два раза въ день лейбъ-медикъ Крейтонъ пріѣзжалъ отъ его имени справляться о моемъ здоровьи. Онъ же подписывалъ бюллетень два раза въ день и бюллетень этотъ былъ доставляемъ во дворецъ. Кромѣ того, врачи: Уейли (или Вилліе), Арндтъ, Гейротъ, Бутковъ и еще одинъ, имя котораго не помню, заходили ко мнѣ справляться о здоровьи. Въ среду, утромъ 16 дек., господа эти собрались у меня и, посоветовавшись между собой, рѣшили, что мнѣ надо дать слабительное; но Габерзангъ не соглашался съ ними, опасаясь, какъ бы это слабительное (александрійскій листъ) не вызвало рвоты. Но они настаивали на своемъ, а такъ какъ Габерзангъ былъ моложе ихъ чиномъ, онъ долженъ былъ уступить. Въ продолженіе среды мнѣ дали нѣсколько пріемовъ этого дѣкарства, которое произвело свое дѣйствіе, и часть ночи я спалъ хорошо.

Но въ четвергъ въ 3 ч. утра я проснулся и почувствовалъ приступы рвоты, а затѣмъ мнѣ показалось, что изъ моей отрѣзанной руки сочится кровь. Я разбудилъ доктора Якубовскаго, который спалъ въ моей комнатѣ.

— Федоръ Іосифовичъ, сказалъ я ему, мнѣ кажется, изъ руки сочится кровь.

Онъ тотчасъ всталъ, осмотрѣлъ обрубокъ, не снимая перевязки, и успокаивалъ меня, говоря, что ничего нѣтъ важнаго и совѣтовалъ заснуть—а самъ сѣлъ къ столу и написалъ записку, которую тотчасъ же отправилъ.

Около 10 ч. утра пріѣхалъ Габерзангъ и съ нимъ весь синклитъ врачей.

Когда я увидалъ это нашествіе, то сразу подумалъ, что совершается что-то недоброе. Они велѣли мнѣ встать, усадили

меня въ большое кресло и сняли перевязку. Тогда они увидели, что одна изъ жилъ порвалась и изъ нея шла кровь. Всю рану пришлось вымыть, удалить засохшую кровь, и артеріи надо было перевязать съизнова. Сначала я слѣдилъ за ихъ дѣйствіями, но, обезсиленный потерю крови въ понедѣльникъ, я скоро потерялъ сознание, и когда они кончили свою работу, я все еще былъ въ обморокѣ.

Меня уложили въ постель, и съ этой минуты до пятницы утра я былъ въ забытѣ, почти безъ признаковъ жизни. Мой бѣдный другъ, Габерзангъ, былъ въ отчаяніи, и онъ и многіе думали, что я уже не встану. Въ пятницу около полудня солнце освѣтило мою комнату, и я слышалъ какъ будто сквозь сонъ пѣніе канареекъ въ другой комнатѣ, и сталъ приходить въ сознание. Первое лицо, которое я увидѣлъ, былъ добрейшій старикъ Блессигъ, который все время, пока продолжалось мое безсознательное состояніе, не отходилъ отъ моей постели. Онъ посовѣтовалъ мнѣ полное спокойствіе, и по немногу моя крѣпкая натура взяла верхъ и я сталъ оживать. Если Господь поможетъ мнѣ перенести эти двѣ страшныя операціи, изъ коихъ вторая была опаснѣе первой, то я этимъ обязанъ уходу и вниманію, можно сказать, отеческаго ко мнѣ старика Блессига и его семьи. Когда я раненый былъ принятъ въ ихъ домъ, старикъ страдалъ подагрой и едва ходилъ; волненіе и участіе его ко мнѣ и тревога этого дня совсѣмъ излѣчили его—онъ былъ все на ногахъ—то въ моей комнатѣ, то въ гостиной принималъ посѣтителей, пріѣзжавшихъ справляться обо мнѣ; онъ же и наблюдалъ за тѣмъ, чтобы ко мнѣ никто не могъ прійти, дорожа моимъ спокойствіемъ.

Когда я былъ ребенкомъ, наша семья и семья Блессиговъ были знакомы. Впослѣдствіи я у нихъ не бывалъ, хотя сынъ его Гильомъ былъ со мной въ Петропавловской школѣ. Нынѣ онъ глава фирмы Блессига и пользуется большимъ уваженіемъ какъ на биржѣ, такъ и въ частной жизни. Да благословить Господь эту семью до младшихъ ея членовъ включительно!

Не могу себѣ объяснить, почему именно я направился по Англійской набережной:—было бы проще ѣхать въ казармы—но это меня Богъ спасъ, ибо если бы я поѣхалъ вдоль манежа къ казармамъ, я бы попалъ въ руки всего гвардейскаго экипажа, вполне взбунтовавшагося и шедшаго въ безпорядкѣ къ Исаакіевской площади, чтобы присоединиться къ прочимъ мятежникамъ. Офицеры и рядовые моряки были сильно возбуждены и навѣрно убили бы меня и моихъ спутниковъ.

Здоровье мое потихоньку поправлялось: 15-го декабря меня назначили флигель-адъютантомъ, но я только тогда узналъ объ этомъ, когда сталъ поправляться. Назначеніе это было мнѣ очень пріятно, и я высоко цѣнилъ эту милость ко мнѣ Государя. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей также были назначены флигель-адъютантами, но кромѣ того получили Анну на шею. Графъ Орловъ меня къ этой наградѣ не представилъ, а представилъ вмѣсто меня командира 7-го эскадрона Цинскаго, который находился преспокойно въ казармахъ въ то время, когда я былъ раненъ. Несмотря на то, что мои товарищи указывали графу на эту явную несправедливость, онъ не измѣнилъ своего рѣшенія, хотя по всѣмъ правиламъ Анну на шею слѣдовало мнѣ получить. Думаю, что гр. Орловъ предполагалъ, что я не встану послѣ ампутаціи, а такъ какъ Цинскій былъ давно квартирмейстеромъ, слѣдовательно, нужное графу лицо, то онъ его и помѣстилъ въ списокъ вмѣсто меня. Эта несправедливость графа ко мнѣ имѣла важныя послѣдствія для моей дальнейшей карьеры.

Кавалергардскій полкъ прибылъ на площадь послѣ паса и стоялъ около Адмиралтейскаго бульвара, и во все время, пока продолжалось дѣло съ мятежниками въ дѣлѣ не, былъ—и все-таки два полковника этого полка Ланской и Пестель были сдѣланы флигель-адъютантами и получили Анну на шею; также какъ полковники конной гвардіи, которые тоже получили Анну и были сдѣланы флигель-адъютантами—фамиліи ихъ: Николай Голицынъ, Донецъ-Захаржевскій и Куликовскій.

Гр. Орловъ по двумъ причинамъ замѣнилъ мою фамилію въ наградномъ списокѣ имъ представленнымъ фамиліей Цинскаго. Первая та, о которой я упомянулъ выше, что Цинскій былъ ему нуженъ; вторая та, что онъ меня не долюбивалъ. Онъ говорилъ, что у меня неуживчивый нравъ—въ чемъ отчасти онъ былъ правъ, ибо я былъ вспыльчивъ и горячъ; но всѣ мои товарищи отдавали мнѣ справедливость, что я хорошій офицеръ и добрый товарищъ; во всякомъ случаѣ это не оправдываетъ несправедливости его поступка со мной—награда эта принадлежала мнѣ по праву.

Всѣ мои друзья старались меня утѣшить, но я чувствовалъ себя обиженнымъ. Нѣсколько дней спустя, когда я уже могъ ходить по комнатамъ, графъ Орловъ посѣтилъ меня, и отъ имени Государя предложилъ мнѣ остаться въ полку. Тонъ его былъ однако такъ сухъ и нелюбезенъ, что я отклонилъ это предложеніе, что, кажется, было ему очень пріятно. Онъ доло-

жилъ мой отвѣтъ Государю, и мой эскадронъ получилъ Цинскій... Меня же Государь сдѣлалъ плацъ-маіоромъ г. Царскаго Села,—должность, нарочно для меня созданную. Понемногу я поправлялся, но докторъ Арендтъ утверждалъ, что осколки костей еще должны выйти изъ руки.

Докторъ Габерзангъ съ нимъ не соглашался и утверждалъ, что черезъ 6 недѣль послѣ полученія раны и ампутаціи я буду въ состояніи танцевать. И я дѣйствительно черезъ шесть недѣль въ халатѣ протанцовалъ экосезъ, чтобы Габерзангъ могъ выиграть пари, которое онъ держалъ съ Аридтомъ, и доставилъ ему большое удовольствіе—именно тѣмъ, что онъ былъ правъ, а не его начальникъ. Я уже хотѣлъ перебраться въ свою квартиру въ казармы; но добрый Блессигъ не допустилъ этого, говоря, что онъ только тогда позволитъ мнѣ переѣхать отъ него, когда я представлюсь Государю. Моя мать и сестры жили тогда въ Царскомъ Селѣ и часто меня навѣщали. Первое свиданіе съ матерью произошло на другой день послѣ ампутаціи, и меня очень оно взволновало, а затѣмъ первые дни послѣ второй операціи я былъ такъ слабъ, что никого не могъ видѣть, почему онѣ въ то время рѣдко меня навѣщали. Потомъ, когда я сталъ поправляться, ихъ посѣщенія были для меня праздникомъ. Меня посѣщали всѣ мои знакомые, даже молодыя дамы. Сначала я принималъ всѣхъ въ своей комнатѣ, а потомъ въ гостиной Блессига, даже совсѣмъ незнакомые мнѣ люди останавливались у подъѣзда узнавать о моемъ здоровьи. Петербургъ выказывалъ мнѣ свое участіе.

Наконецъ, въ началѣ февраля я былъ въ состояніи представиться Государю. Я былъ принятъ Е. В. въ Его кабинетѣ во второмъ этажѣ Зимняго дворца. Государь обошелся со мной весьма милостиво, подробно освѣдомился о моемъ здоровьи, благодарилъ меня и снова уже самъ лично предложилъ мнѣ остаться въ полку.

Отказавшись уже разъ, мнѣ было неловко измѣнять своему слову, и, видя твердость моего рѣшенія, онъ больше не настаивалъ на этомъ.

Причины моего отказа слѣдующія:

1. Недоброжелательство ко мнѣ гр. Орлова, выраженное имъ мнѣ при его посѣщеніи съ предложеніемъ остаться въ полку.
2. Несправедливость графа при представленіи къ наградамъ, такъ какъ Анну на шею слѣдовало мнѣ, а не Цинскому.
3. Состояніе моего здоровья и отсутствіе руки внушали мнѣ опасенія, что я уже неспособенъ буду къ фронтовой службѣ.

4. Недостаточность средств также была одна изъ причинъ моего отказа.

5. Некому было дать мнѣ добрый совѣтъ въ такомъ исключительномъ случаѣ, когда Государь такъ былъ милостивъ, два раза предложить мнѣ остаться въ полку.

6. Скромное мнѣніе о себѣ заставляло меня сомнѣваться въ своей пригодности во фронтѣ, а вѣроятно именно моя репутація хорошаго офицера и внушила Государю желаніе, чтобы я остался во фронтѣ.

Такъ или иначе, но, къ несчастью, я отказался. Говорю къ несчастью потому, что нѣтъ сомнѣнія, что мой отказъ не понравился Государю. Можно мнѣ замѣтить, зачѣмъ я не высказалъ откровенно Государю главную причину своего отказа, а именно несправедливость ко мнѣ графа Орлова. На это я возражу, что подчиненному очень трудно жаловаться на своего начальника, а зачѣмъ служить подъ его начальствомъ. Прекрасное поведеніе полка, во время бунта 14 декабря, надо отнести къ заслугамъ эскадронныхъ командировъ, старыхъ офицеровъ, а не къ заслугамъ графа Орлова, а между тѣмъ это дѣло возвысило его въ мнѣніи Государя очень замѣтно. Если бы я исполнилъ желаніе Государя, я вполне увѣренъ, что, зная мои средства, онъ не оставилъ бы меня безъ поддержки, тѣмъ болѣе, что я пожертвовалъ своей правой рукой изъ вѣрно-подданныхъ къ Нему чувствъ—въ Его личномъ дѣлѣ.

Я все-таки въ душѣ былъ служака, и мнѣ жалъ было оставлять фронтową службу, тѣмъ болѣе, что при счастьѣ я могъ сдѣлать хорошую карьеру. Я такъ любилъ своихъ кирасиръ, что если бы на мою долю выпала честь ими командовать, я бы, конечно, не обиралъ ихъ, какъ другіе это дѣлали! Моя мечта всегда была когда-нибудь дожить до счастья командовать кирасирской дивизіей и доказать на дѣлѣ, что наши кирасиры могутъ превосходить столь хваленыхъ французскихъ кирасиръ. Что дѣлать, благодаря несправедливости гр. Орлова, мнѣ пришлось записаться въ инвалиды, занявъ постъ царскосельскаго плацъ-маіора. Послѣ представленія Государю, я отправился къ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. Она приняла меня съ трогательною добротою, на ея глазахъ я видѣлъ слезы, а мнѣ стоило большого труда, чтобы не дать ей замѣтить, какую перемѣну вижу въ ней! Роковой день 14 декабря измучилъ Ея Величество, а давно ли въ 1821 г. я видалъ ее сіяющую красотою и граціею на Гатчинскихъ вечерахъ! Теперь она была худа, блѣдна, голова у нея дрожала. Это нервное дрожаніе сдѣ-

жалось съ Государыней съ момента, когда она увидала Государя на площади въ такой страшной опасности, и оно никогда не прошло совершенно, хотя послѣ путешествія въ Палермо здоровье Императрицы сильно поправилось.

Императрица Марія Ѳеодоровна также очень милостиво меня приняла и приглашала къ себѣ въ Павловскъ въ качествѣ собесѣда.

Е. В. великій князь Михаилъ Павловичъ также выказалъ мнѣ много милостиваго вниманія; даже предложилъ мнѣ написать для меня изъ Лондона искусственную руку, за что я выразилъ Е. В. свою глубокую благодарность, но объяснилъ ему, что отрубокъ, оставшійся отъ моей руки, слишкомъ коротокъ для искусственной руки. Е. В. съ этимъ согласился, но добавилъ, что, въ случаѣ какой-либо надобности, я могу смѣло обращаться къ нему и разсчитывать на него. Государь, когда я представлялся ему, также изволилъ сказать мнѣ слѣдующія слова:

„Въ случаѣ какой-либо тебѣ надобности, адресуйся прямо ко мнѣ, слышишь“!

Какая разница между всѣми этими милостивыми приемами и благосклоннымъ вниманіемъ столь высокопоставленныхъ особъ съ тѣми приемами, которые я испыталъ у своихъ начальниковъ и у другихъ важныхъ лицъ!

Окончивъ всѣ свои представленія, я перебрался въ Царское Село, гдѣ мнѣ отведена была квартира въ помѣщеніи, выходящемъ окнами на дворцовый дворъ. Квартира была хорошая и такъ какъ я прибылъ въ Царское Село въ концѣ марта и весна 1826 года была очень ранняя, то я вскорѣ сталъ наслаждаться чуднымъ воздухомъ Царскаго Села, который, послѣ того какъ я столько лѣтъ дышалъ весной конюшеннымъ запахомъ нашего казарменнаго двора, показался мнѣ еще превосходнѣе.

Начальникъ мой былъ комендантъ Царскаго Села генералъ-лейтенантъ Стессель, добрый и прямой человекъ, и все время моей службы въ качествѣ плацъ-маіора я могу только съ полной признательностью вспоминать о немъ.

Генералъ Захаржевскій тогда уже былъ директоромъ города Царскаго Села. Я ему представился. Приемъ его былъ такой, какой можно было ожидать отъ человека вполне необразованнаго; несмотря на это, желая сохранить мирныя отношенія, я все-таки бывалъ у него въ домѣ. Придирки и непріятности, которыя онъ постоянно дѣлалъ жителямъ, возстановляли всѣхъ противъ него. Какъ только царская фамилія покидала Царское

Село, онъ запираетъ всѣ ворота въ паркъ и лишаетъ жителей удовольствія кататься по парку—единственное удовольствіе въ этомъ скучномъ городѣ.

Вотъ уже 40 лѣтъ, что я знаю этого человѣка, и я убѣжденъ, что онъ виноватъ въ томъ, что Царское Село не сдѣлалось болѣе пріятнымъ мѣстожительствомъ, хотя это и была любимая резиденція Государя Александра I и въ первое время царствованія Николая I онъ также любилъ Царское Село; нынѣ царствующій Государь Александръ II также оказываетъ предпочтеніе Царскому Селу, но трудно уже исправить то, что было испорчено. Александръ I въ 1819 г., желая привлечь жителей въ Царское Село и Софію, приказалъ разбить городъ на квадраты и раздавать эти квадраты даромъ всѣмъ, кто пожелалъ строить здѣсь дачи. Цѣль Государя была изъ Царскаго Села сдѣлать здоровую и пріятную лѣтнюю резиденцію для жителей столицы. Въ виду поощренія, домовладѣльцы были освобождены отъ всякой повинности и сверхъ того Государь выдавалъ имъ заимообразно нѣкоторую сумму денегъ на постройку дачи.

Всѣ эти преимущества, казалось бы, клонились къ тому, чтобы изъ Царскаго Села сдѣлать пріятное и красивое лѣтнее пребываніе, но подъ ферулой придирчиваго и грубаго начальника города онъ сдѣлался тѣмъ, что онъ есть, т. е. ни городъ, ни село.

Въ первое время много лицъ изъ высшаго общества пожелали воспользоваться участками для постройки дачъ, но когда они представляли свои планы къ утвержденію г-на директора города, онъ такъ придирался къ нимъ, что приходилось три и четыре раза представлять планы, пока наконецъ планъ приходился во вкусъ г-на директора.

Понятно, что эти затрудненія отбивали у многихъ охоту строиться, и они свои мѣста перепродавали и уступали другимъ. Такимъ образомъ, вмѣсто аристократіи мѣста эти поступали во владѣніе лавочниковъ, мѣщанъ и крестьянъ села Кузьмино и Пулково, которымъ было очень выгодно строить дачи и пользоваться всѣми льготами.

Вотъ почему въ Софіи и Царскомъ Селѣ попадаются дома, мало похожіе на дачи, а скорѣе напоминающіе Свѣнную и Коломну. Мысль Государя Александра I была та, чтобы каждый домъ былъ окруженъ садомъ; это и было соблюдено въ первое время, но домовладѣльцы нашлись и такіе, которые, пользуясь льготами, пожелали какъ можно больше настроятъ домовъ для сдачи въ наемъ, и потому вмѣсто садовъ появились дома, и

люди, желающіе нанять дачу съ садомъ, находятся въ большомъ затрудненіи.

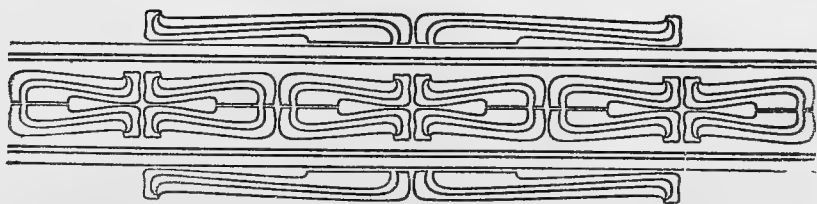
Служба моя была не затруднительна, гарнизонъ невеликъ, тогда желѣзная дорога еще не существовала. Парады или разводы происходили на площади передъ дворцомъ (Александровскій),—резиденція государя Николая Павловича. Разводомъ командовалъ я, какъ плацъ-маіоръ.

Въ день исполненія приговора надъ главными зачинщиками мятежа 14 декабря, Государь находился въ Царскомъ Селѣ и занималъ комнаты Императрицы Екатерины. Фельдъегери то и дѣло подъѣзжали ко дворцу. Государь ходилъ взадъ и впередъ по Китайской комнатѣ и никого не принималъ; изъ моихъ оконъ мнѣ видно было, какъ онъ ходилъ по комнатамъ...

Сообщила Э. О. Лишина.

Тайная полиція на Вѣнскомъ конгрессѣ ¹⁾.

А. Фурнье, работая надъ исторіей Вѣнскаго конгресса въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ въ Вѣнѣ, нашелъ среди полицейскихъ дѣлъ нѣсколько связокъ съ документами, относящимися ко времени конгресса, которые, въ виду представляемаго ими значительнаго историческаго интереса, изданы имъ отдѣльной книгой.

Въ упомянутыхъ связкахъ оказались рапорты и доклады, которые представлялись полицеймейстеромъ города Вѣны австрійскому императору во время конгресса ежедневно съ начала сентября 1814 г. по 14 іюня 1815 г., а равно секретныя донесенія, поступавшія въ полицію отъ ея тайныхъ агентовъ, въ которыхъ они сообщали подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ выдающихся иностранцахъ, проживавшихъ въ то время въ Вѣнѣ, излагали бесѣды, которыя вели иностранные дипломаты, сообщали свѣдѣнія о томъ, съ кѣмъ они были знакомы, гдѣ и когда бывали, передавали ихъ отзывы и взгляды, которые они высказывали въ кругу другихъ иностранцевъ и въ вѣнскихъ салонахъ, гдѣ создавалось общественное мнѣніе. Къ этимъ секретнымъ донесеніямъ нерѣдко прилагались копии съ перлюстрованной корреспонденціи и вообще копии съ писемъ, которыя тѣмъ или инымъ путемъ попадали въ руки вѣнскихъ властей.

Не придавая историческому матеріалу, заключающемуся въ вышеупомянутыхъ документахъ первостепеннаго значенія, А. Фурнье тѣмъ не менѣе замѣчаетъ, что такъ какъ до сихъ поръ обнародовано весьма мало воспоминаній о конгрессѣ, ко-

¹⁾ Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongress [Eine Auswahl aus den Papieren von August Fournier. Wien. 1918.

торныя могли бы пролить болѣе яркій свѣтъ на отдѣльные его эпизоды, то донесенія агентовъ полиціи и иллюстрирующія ихъ письма могутъ до извѣстной степени выполнить этотъ пробѣлъ; при этомъ безъ сомнѣнія имѣетъ значеніе то обстоятельство, что какъ авторы писемъ, такъ и ихъ адресаты извѣстны.

Насъ интересуетъ, главнымъ образомъ, то, что говорилось и писалось во время конгресса о русскомъ императорѣ, о его свитѣ и о представителяхъ русской дипломатіи вообще. Такъ какъ Александръ I былъ центральной фигурой конгресса и отъ него ждали рѣшеній, въ которыхъ была заинтересована вся Европа, то его имя, само собою разумѣется, встрѣчается чуть не въ каждомъ документѣ, и они даютъ обильный матеріалъ для сужденія о его личности и въ особенности о томъ впечатлѣніи, которое онъ и его русская свита произвели на самые разнообразныя круги Вѣнскаго общества.

Очень интересно также все то, что авторъ говоритъ, въ предисловіи къ своему изданію, объ организаціи тайной полиціи, о настроеніи Вѣны осенью 1814 г., о приготовленіяхъ, которыя дѣлались къ приему коронованныхъ особъ, пріѣздъ которыхъ возбуждалъ всеобщее любопытство и о томъ, сколько хлопотъ и заботъ доставило ихъ пребываніе мѣстнымъ властямъ и въ частности вѣнской полиціи, которой императоромъ Францемъ было повелѣно организовать за пріѣзжими иностранцами бдительный надзоръ.

Сентябрь мѣсяцъ 1814 г., когда въ Вѣну „переселилась вся Европа“, надолго остался памятнымъ для ея жителей; каждый день приносилъ новые разговоры, новыя ожиданія, связанныя съ пріѣздомъ высокопоставленныхъ гостей; любопытство было возбуждено въ высокой степени; пробудился и духъ наживы: люди, которые незадолго передъ тѣмъ жаловались на тѣсноту своего помѣщенія, нашли вдругъ возможность отдать одну или даже двѣ комнаты пріѣзжимъ, за 100 и даже за 200—300 гульденовъ въ мѣсяцъ; газеты пестрѣли публикаціями объ отдачѣ въ наемъ комнатъ и квартиръ, и хотя иностранцы жаловались на дороговизну, но недостатка въ комфортабельныхъ помѣщеніяхъ не было.

Изъ коронованныхъ особъ въ Вѣну пріѣхали: русскій Императоръ Александръ I съ супругой и двумя сестрами: герцогиней Саксенъ-Веймарской Маріей Павловной и вдовствующей герцогиней Ольденбургской Екатериной Павловной, сестра Императрицы Елисаветы Алексѣевны, принцесса Амалия Ба-

денская, король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ III съ двумя сыновьями, короли: виртембергскій, датскій, баварскій и бездна нѣмецкихъ принцовъ. Каждый изъ нихъ пріѣхалъ со свитой и привезъ свою канцелярію. Короли французскій, англійскій и папа прислали своихъ пословъ; представителями прочихъ монарховъ и владѣтельныхъ особъ были ихъ обычные послы при Вѣнскомъ дворѣ. Кромѣ этихъ, такъ сказать, официальныхъ лицъ, въ столицу Австріи пріѣхали или прислали своихъ замѣстителей всѣ тѣ, кому надобно было отстоять на конгрессѣ свои интересы или возстановить свои поправныя права; слѣдѣлась также стая любопытныхъ, праздношатающихся, ничѣмъ не занятыхъ людей, всевозможныхъ искателей приключеній и веселыхъ красивыхъ женщинъ, „начиная съ высокопоставленныхъ и великосвѣтскихъ интриганокъ и кончая всѣмъ доступныхъ дамъ полусвѣта и дѣвицъ легкаго поведенія“. По улицамъ Вѣны двигалась ежедневно сплошная толпа гуляющихъ.

Чтобы услѣдить за всѣми пріѣхавшими и все наблюсти, согласно желанію императора Франца, австрійской полиціи надобно было проявить необычайную энергію и дѣятельность; эта непосильная задача осложнилась тѣмъ, что въ самомъ началѣ конгресса случилось то, чего никто не ожидалъ: при первой же попыткѣ дѣлежа наслѣдія, оставленнаго Наполеономъ, вмѣсто единодушія, о которомъ мечтали въ Парижѣ, между четырьмя союзными монархами, дѣйствовавшими до тѣхъ поръ единодушно, обнаружился разногласіе; они раздѣлились на два враждебныхъ лагеря — Пруссія и Россія съ одной стороны, Австрія и Англія съ другой, и начали втайнѣ враждовать и интриговать другъ противъ друга. При этихъ условіяхъ барону Францу Гагеру (Hager), стоявшему уже нѣсколько лѣтъ во главѣ тайной полиціи, было бы весьма трудно справиться съ возложенной на него императоромъ задачей: „собрать самыя точныя свѣдѣнія о находящихся въ Вѣнѣ монархахъ, ихъ приближенныхъ и совѣтникахъ“, если бы въ Вѣнѣ не существовало раньше правильно организованной тайной полиціи. Она была учреждена въ половинѣ 18 вѣка и состояла съ 1713 г. въ вѣдѣніи особаго министерства (Polizei-Hofstelle). Поставлена она была образцово; перлюстрація писемъ, изъ коихъ полиція черпала главнымъ образомъ свои свѣдѣнія, была возведена въ особое искусство. Вскрыть письмо, получить точный снимокъ съ наложенной на него сжургнутой печати и возстановить ее по этому снимку такъ, чтобы на письмѣ не осталось ни малѣйшаго слѣда произведенной манипуляціи — давно уже не пред-

ставляло ни малѣйшей трудности для чиновниковъ тайнаго кабинета, въ которомъ расшифровывалась корреспонденція, но съ теченіемъ времени и этого оказалось мало. Призракъ революціи, воплощавшійся, то въ образѣ масоновъ и иллюминатовъ, то въ образѣ членовъ тугенбунда, то въ карбонаріяхъ и филантропахъ, не давалъ покоя австрійскому правительству; оно считало своей обязанностью оградить подданныхъ австрійскаго императора отъ вредныхъ революціонныхъ идей и отъ вліянія возникавшихъ повсюду тайныхъ обществъ, „которые стремились потрясти основы христіанской вѣры и монархическаго строя“, и съ этой цѣлью признало необходимымъ установить сугубо бдительный надзоръ за образомъ мыслей гражданъ. 21 марта 1803 г. престарѣлый графъ Пергенъ, завѣдывавшій тайной полиціей, доложилъ императору, что „для успѣшнаго выполненія своихъ функцій полиція должна не только имѣть надзоръ за настроеніемъ жителей имперіи, но должна слѣдить и за духомъ, господствующимъ въ Европѣ“, съ этой цѣлью ей необходимо имѣть за границей корреспондентовъ, которые сообщали бы ей точныя свѣдѣнія обо всемъ, ее интересующемъ.

Императоръ Францъ одобрилъ проектъ своего стараго слуги, и такимъ образомъ тайная полиція получила свое дальнѣйшее развитие; въ ея функціи вошло съ тѣхъ поръ не только слѣдить за всякимъ движеніемъ, происходящимъ въ Австріи, но и за ея предѣлами, вербовать для этого сотрудниковъ за границей, а въ самой Вѣнѣ подыскивать „сотрудниковъ изъ лицъ высшаго круга“, лицъ съ положеніемъ, вращающихся въ аристократическихъ салонахъ, которые посѣщаются иностранными дипломатами и въ особенности представителями финансового міра. Эти „сотрудники высшаго круга“ (*Vertraute höheren standes*), какъ ихъ именovala полиція, сообщали ей все, что они слышали въ салонахъ, все, что имъ удавалось узнать изъ бесѣдъ съ чинами дипломатическаго корпуса и иностранцами вообще.

Эта организація была использована какъ нельзя лучше во время конгресса, когда въ Вѣну съѣхалось множество лицъ первостепенной важности, каждое слово, каждый шагъ которыхъ имѣли вѣсъ и значеніе въ глазахъ австрійскаго правительства. Рѣшено было только расширить и усовершенствовать способъ осведомленія, и признано было необходимымъ имѣть въ домахъ иностранныхъ дипломатовъ и лицъ высокопоставленныхъ по одному или по два агента на жалованіи полиціи, которые бы доставляли ей свѣдѣнія обо всѣхъ подробностяхъ домашней жизни этихъ лицъ.

Такихъ низшихъ агентовъ, занимавшихъ мѣста канцелярскихъ служителей при иностранныхъ миссіяхъ, лакеевъ, кучеровъ, истопниковъ, горничныхъ и т. п. въ домахъ иностранцевъ было, во время конгресса, великое множество. Ихъ функціи были весьма разнообразны, такъ какъ отъ вниманія австрійской полиціи не ускользнуло ни одинъ источникъ, изъ котораго она могла черпать свои свѣдѣнія. Такъ, напр., агентамъ было вмѣнено въ обязанность внимательно слѣдить за письмами и за всякаго рода бумагами, получаемыми тѣмъ лицомъ, къ которому они были приставлены, или выходившими изъ-подъ его пера; они были обязаны осматривать содержимое сорныхъ корзинъ и препровождать его въ полицію, гдѣ попавшія въ корзину разорванныя письма и черновики, представлявшіе малѣйшій интересъ съ точки зрѣнія политики, артистически склеивались полосками гуммированной бумаги, такъ что первоначальный текстъ письма восстанавливался полностью. Спасенные такимъ путемъ документы назывались „Chiffons“, они тщательно сортировались и затѣмъ просматривались самимъ Гагеромъ; наиболѣе существенное представлялось имъ при докладѣ императору. Бумаги вынимались, впрочемъ, не только изъ сорныхъ корзинъ; вниманіемъ полиціи пользовались также каминъ, изъ которыхъ вытаскивали обугленные клочки бумагъ. Изъ каминъ барона Штейна, въ то время не состоявшаго на русской службѣ, но оказывавшаго Россіи разнообразныя услуги, получались иногда довольно интересныя вещи. Однажды тамъ оказалось цѣлое письмо герцога Александра Виртембергскаго; затѣмъ было найдено донесеніе, полученное изъ Саксоніи, затѣмъ текстъ одного договора, заключеннаго въ 1813 г. и т. д. Подобно тому, какъ Штейнъ не оберегалъ отъ любопытныхъ глазъ своего каминъ, такъ точно Дальбергъ ¹⁾ не оберегалъ своей сорной корзины; изъ ея содержимаго узнали о намѣреніи французскаго правительства перевезти Наполеона съ о. Эльбы на болѣе отдаленный островъ, въ то время какъ Талейранъ объ этомъ еще никому не говорилъ. Полиція особенно интересовалась принцемъ Евгеніемъ Богарне, пасынкомъ Наполеона, потому что его удостоивалъ своей дружбы и своими посѣщеніями императоръ Александръ. Къ нему былъ приставленъ камердинеръ гасконецъ, доставившій полиціи довольно много разныхъ обрывковъ писемъ и бумагъ. Однажды ему попалось цѣлое письмо сестры Евгенія, бывшей королевы Гортензіи, которая сообщала

¹⁾ Баденскій посланникъ въ Парижѣ.

брату о томъ, что бонапартисты избрали его, въ февралѣ мѣсяцѣ 1815 г., главою своей партіи. Письмо было прислано сложенное во много разъ и спрятанное въ щеточку, но догадливый гасконецъ нашелъ его раньше, нежели его господинъ, принцъ Евгений Богарне прочелъ его тогда, когда его содержаніе было давно извѣстно полиціи. Такъ трудно было скрыть отъ нея что-либо.

Несравненно интереснѣе этихъ „Chiffons“ для австрійскаго правительства были подлинныя письма политическихъ дѣятелей, и чиновники тайнаго кабинета день и ночь работали надъ ихъ перлюстраціей, зачастую не успѣвая вновь запечатать вскрытыя письма и во время отправить ихъ по назначенію; это вызвало такъ много нареканій на почту, что императоръ Францъ былъ вынужденъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1815 г., строго на- строго подтвердить приказъ не задерживать вскрытыхъ писемъ.

За свою усиленную работу во время конгресса чиновники секретнаго кабинета получили въ награду 2000 дукатовъ.

Подозрительность и любопытство австрійскихъ властей не знали предѣловъ; они не дѣлали разницы между иностранцами и своими, и письма сестры австрійскаго императора къ роднымъ вскрывались такъ же точно, какъ письма австрійской императрицы къ ея подругѣ, какъ переписка бывшей императрицы Маріи Луизы съ гр. Нейпергомъ, какъ письма сестры Александра I, великой княгини Екатерины Павловны къ ея жениху, наслѣдному принцу Виртембергскому. Конечно, это не долго оставалось тайною для заинтересованныхъ лицъ, и они стали осторожнѣе. Лучше всего умѣли ограждать себя въ этомъ отношеніи англичане; они пересылали свою корреспонденцію съ самаго начала съ надежными, испытанной честности курьерами. Черновики донесеній, которыя посылались ими въ Лондонъ, хранились у секретарей, а испорченные листы немедленно сжигались. Вскорѣ прочіе стали посылать свои письма также предпочтительно съ курьерами, либо писать шифромъ или симпатическими чернилами или наконецъ условно искажая имена и самыя слова, какъ это дѣлала въ письмахъ къ своему жениху великая княгиня Екатерина Павловна; она писала по-французски съ сокращеніями непонятными третьему лицу, и находила это „très commode“. Сестра австрійскаго императора, принцесса Тереза, чтобы ввести въ заблужденіе тайную полицію, придумала для всѣхъ условныя названія: своего брата, императора Франца она называла „Венера“, русскаго императора „Піатти“, Саксонію „Некторъ“ и т. п.

Въ числѣ „сотрудниковъ изъ высшаго общества“ былъ одинъ господинъ, услуги котораго особенно цѣнились австрійскимъ правительствомъ; онъ вращался въ лучшемъ обществѣ, къ которому принадлежалъ по рожденію и подписывалъ свои ежедневныя донесенія неизмѣнно **; Гагеръ въ своихъ докладахъ императору упоминаетъ о немъ, какъ о „лицѣ извѣстномъ В. В.“, такъ что его имя не встрѣчается ни въ одномъ документѣ (сотрудникамъ тайной полиціи гарантировалась полная анонимность); о довѣріи, какимъ онъ пользовался, можно судить по тому, что съ нимъ совѣтовались всякій разъ, когда шла рѣчь о привлеченіи новаго сотрудника, и его аттестація принималась во вниманіе даже тогда, когда дѣло касалось высокопоставленныхъ лицъ; такъ напр. когда возникъ вопросъ о назначеніи вторымъ уполномоченнымъ Австріи на конгрессъ австрійскаго дипломата барона Вессенберга, пользовавшагося репутаціей либерала, то былъ спрошенъ **, и баронъ былъ назначенъ на основаніи даннаго имъ благопріятнаго отзыва.

Этотъ сотрудникъ работалъ не безкорыстно; въ документахъ полиціи сохранились его росписки, подписанныя также **, изъ коихъ видно, что онъ получилъ напр. въ октябрѣ 1814 г. 500 гульденовъ, въ ноябрѣ 1000 гульденовъ и т. д.; было еще нѣсколько другихъ „лицъ изъ общества“, привлеченныхъ въ качествѣ сотрудниковъ и получавшихъ за свои сообщенія опредѣленное, нерѣдко довольно крупное вознагражденіе; изъ нихъ одинъ использовалъ свои знакомства въ кругу прусскихъ и русскихъ дипломатовъ, другой имѣлъ знакомыхъ среди приближенныхъ супруги Наполеона, Маріи Луизы и взялъ на себя обязанность сообщать о томъ, что говорилось и дѣлалось въ Шенбрунѣ, гдѣ жила бывшая императрица; третій слѣдилъ за представителями мелкихъ германскихъ государствъ, четвертый — полякъ, доносилъ о своихъ соотечественникахъ, сѣзжавшихся въ октябрѣ мѣсяцѣ въ большомъ числѣ въ Вѣну; одинъ итальянецъ аккуратно доставлялъ свѣдѣнія о представителяхъ куріи и дипломатахъ романскихъ государствъ и т. д. Всѣ эти свѣдѣнія стекались къ Гагеру и давали ему обильный матеріалъ для его докладовъ императору Францу.

Но кромѣ этихъ оплачиваемыхъ сотрудниковъ въ эпоху конгресса было значительное число добровольцевъ, людей въ полномъ смыслѣ слова почтенныхъ и благородныхъ, которые дѣлали правительству устно и письменно сообщенія обо всемъ, что они видѣли и слышали въ тѣхъ кругахъ, гдѣ они вращались, и дѣлали это совершенно безкорыстно, исключительно

изъ патріотическихъ побужденій, считая долгомъ доводить до свѣдѣнія властей все, что, по ихъ мнѣнію, могло послужить на пользу отечества. Подписи этихъ лицъ подъ ихъ сообщеніями вырѣзаны изъ документовъ самимъ министромъ полиціи, и ихъ имена не могутъ быть обнаружены. Въ числѣ этихъ добровольцевъ было нѣсколько аристократовъ, назначенныхъ состоять въ свитѣ монарховъ во время ихъ пребыванія въ Вѣнѣ. Изъ этого видно, какъ говоритъ Фурнье, что „тутъ шло дѣло не о простомъ шпионствѣ“; вовсе нѣтъ. Подобно тому, какъ самъ императоръ и его ближайшіе слуги были убѣждены въ томъ, что, устанавливая эти тайныя наблюденія, они исполняютъ свой долгъ передъ государствомъ, такъ точно многіе „сотрудники высшаго круга“, поскольку это были австрійцы, были убѣждены, что они служатъ своими устными и письменными сообщеніями на пользу общества и отечества. Если принять все это во вниманіе, то „многое, кажущееся намъ въ настоящее время не заслуживающимъ уваженія и даже постыднымъ, представляется въ совершенно иномъ свѣтѣ“.

Само собою разумѣется, что на службѣ у тайной полиціи состояли также содержатели гостиницъ и частныхъ меблированныхъ помѣщеній, — а ихъ сдавалось во время конгресса безчисленное множество; эти лица оказывали правительству услуги также частью за деньги, частью безвозмездно. Напр. русскій дипломатъ Анстеттъ, состоявшій въ свитѣ императора Александра I, жилъ у редактора „Wiener Zeitung“ Бартча, съ которымъ онъ былъ раньше знакомъ, и послѣдній подробно передавалъ Гагеру свои разговоры съ нимъ.

Нѣкто лейтенантъ Клаусъ, познакомившійся въ Парижѣ съ воспитателемъ царя и его другомъ Лагарпомъ, который пріѣхалъ въ Вѣну въ качествѣ уполномоченнаго отъ швейцарскаго кантона Ваатландъ, предложилъ министру полиціи свои услуги, сообщилъ объ немъ нѣкоторые свѣдѣнія и далъ его характеристику какъ человека очень умнаго и убѣжденнаго противника всего семейства Бонапарта, паденіе котораго онъ давно считалъ неизбѣжнымъ.

Такимъ образомъ, благодаря этой искусной организаціи и энергичной дѣятельности тайная полиція оказалась на высотѣ поставленной ей задачи. Монархи и дипломаты едва успѣли сѣхаться, какъ Гагеръ могъ доложить императору, что „у него имѣются въ рукахъ нити, при помощи которыхъ онъ надѣется имѣть свѣдѣнія относительно всѣхъ достопримѣча-

тельныхъ лицъ, находящихся въ Вѣнѣ, и можетъ слѣдить за ихъ планами и общественными отношеніями.

Просматривая сохранившіеся въ полицейскомъ архивѣ документы (перлюстрированныя письма, „Chiffons“, доклады Гагера), можно составить себѣ понятіе о томъ, что болѣе всего интересовало тайную полицію, а слѣдовательно и австрійское правительство.

Прежде всего и болѣе всего считали необходимымъ слѣдить за монархами и ихъ приближенными, въ особенности за императоромъ Александромъ, за русскими дипломатами и за уполномоченными Россіи.

Агенты тайной полиціи внимательно слѣдили за Анстеттомъ, за генераломъ Виттъ, за Жомини, который былъ занятъ составленіемъ меморандума, интересовавшаго австрійское правительство; особымъ вниманіемъ удостоивали также Кастлери, Талейрана, Чарторыйскаго, Штейна, Каподистрия; слѣдили за перепиской любимой сестры Александра I, Екатерины Павловны и т. д.

На вопросъ, имѣютъ ли свѣдѣнія, полученныя австрійской тайной полиціей во время конгресса, благодаря установленной ею системѣ шпіонажа, цѣнность для историка и какъ велика эта цѣнность, Фурнье отвѣчаетъ, что „при чтеніи донесеній“, поступившихъ къ Гагеру, получается вначалѣ впечатлѣніе, что они заключаютъ, съ точки зрѣнія исторіи, весьма мало свѣдѣній, заслуживающихъ вниманія, что въ нихъ слишкомъ много пустой болтовни. Но болѣе внимательное изученіе этихъ документовъ показываетъ, что они даютъ богатый матеріалъ для характеристики лицъ, принимавшихъ участіе въ конгрессѣ, и заключаютъ не мало интересныхъ данныхъ, относящихся до самаго хода переговоровъ. Такъ какъ закулисная сторона этихъ переговоровъ была вначалѣ мало доступна „сотрудникамъ“, то, боясь упустить какую-нибудь важную подробность, они перегружали первое время свои донесенія пустыми, мало значащими свѣдѣніями; но ихъ сообщенія стали несравненно содержательнѣе съ тѣхъ поръ, какъ слухи о разномысліи, возникшемъ между державами, стали проникать въ салоны.

Само собою разумѣется, что съѣхавшіеся въ Вѣну иностранные послы и дипломаты со своей стороны также обращались къ услугамъ лицъ, коимъ они довѣряли, что и они имѣли своихъ „сотрудниковъ“. Тайнымъ агентомъ Россіи называли напр. красавицу княгиню Екатерину Багратіонъ, умную и ловкую интриганку, но женщину въ высшей степени легкомысленнаго

поведенія; императоръ Александръ бывалъ у нея по вечерамъ и во время этихъ посѣщеній, затягивавшихся до поздняго часа, выслушивалъ интересовавшія его сообщенія. Княгиню не трудно было привлечь на сторону Россіи, такъ какъ она была въ то время озлоблена противъ Меттерниха; его ухаживаніе было принято ею благосклонно, но онъ измѣнилъ ей, увлекшись другой красавицей, герцогиней Саганъ.

Про русскихъ въ Вѣнѣ говорили, что они „охотно пользовались въ дѣлахъ политики услугами женщинъ сомнительной репутаціи“; въ одномъ изъ полицейскихъ донесеній говорится объ известной вѣнской куртизанкѣ, Вольтерсѣ, которая получала отъ ген.-ад. Волконскаго опредѣленное жалованье за свои сообщенія и, чтобы не быть узнанной, приходила къ нему въ Burg (императорскій дворецъ) переодѣтая въ мужской костюмъ.

Конечно, не однѣ женщины, но и хорошо освѣдомленные въ дѣлахъ мужчины оказывали русской дипломатіи немаловажныя услуги; благодаря этому русскіе получали многія свѣдѣнія гораздо раньше, нежели они дѣлались общимъ достояніемъ. Такъ напр. 3 января 1815 г. представители Англіи (Кастлери), Франціи (Талейранъ) и Австріи (Меттернихъ) заключили въ тайнѣ оборонительный союзъ противъ Россіи, а нѣсколько дней спустя, Александръ I поразилъ Великобританскаго посла заявленіемъ, что „это ему известно“.

Что касается собственно чиновъ русской тайной полиціи, прибывшихъ въ Вѣну во главѣ съ генераломъ гр. Виттъ, то объ нихъ говорили въ Вѣнѣ, что „они болѣе занимались интригами и болѣе заботились о своихъ выгодахъ и личныхъ интересахъ, нежели объ интересахъ своего монарха“.

Уже за нѣсколько мѣсяцевъ до того, какъ въ Вѣнѣ начался съѣздъ иностранныхъ гостей, придворнымъ вѣдомствомъ была выработана обширная программа празднествъ и зрѣлищъ, которыми предполагалось развлекать пріѣзжихъ. Эта программа была рассчитана всего на нѣсколько недѣль, такъ какъ никто не предполагалъ, что высокіе гости пробудутъ въ Вѣнѣ такъ долго.

Придворные концерты, балы, спектакли, маскарады, охоты, парады, карусели, прогулки и поѣздки за городъ, словомъ, все то, что гофмейстерская часть привыкла предлагать гостямъ императора, было выполнено въ теченіе октября и ноября мѣсяца. Когда выяснилось, что конгрессъ затянется, вѣнское общество рѣшило облегчить задачу придворнаго вѣдомства; Лихтенштейнъ, Фюрстенбергъ, Зичи, Эстергази, Гацфельдъ и другіе представители австрійской аристократіи открыли свои роскош-

ные салоны, а затѣмъ и иностранные послы и дипломаты стали давать отвѣтные обѣды и балы.

Соотвѣтственно политическому вѣсу и значенію Александра I русскіе дипломаты проявили особенно широкое гостепріимство. Въ роскошный дворецъ графа Разумовскаго съѣзжалось все высшее общество Вѣны. Къ несчастію онъ сгорѣлъ со всѣми своими художественными сокровищами въ ночь подъ Новый годъ, и тогда русскому послу Штакельбергу пришлось участить свои приемы. Бывали также балы у кн. Репнина, у барона Бюлера, у ст. сов. фонъ-Отта и др. Поляки собирались у гр. Скарбека, у Стадницкаго, Ланцкоронскаго, у княгини Салтъга и у престарѣлой княгини Любомірской, тетки Чарторыйскаго.

Вѣнское общество проявляло вначалѣ къ иностраннымъ монархамъ необычайный интересъ. Главнымъ образомъ интересовали всѣхъ король прусскій и Императоръ Александръ. Король пользовался даже большей симпатіей, нежели Императоръ, „что видимо было ему пріятно“; его серьезная, мужественная фигура „даже дамамъ понравилась болѣе, нежели наружность царя“, въ этомъ отношеніи Александръ „не вполне оправдалъ ожиданія, но простота и привѣтливость его обращенія всѣхъ прельщали, хотя въ немъ все-таки находили что-то дѣланое“.

Дальнѣйшему впечатлѣнію повредило слишкомъ долгое пребываніе монарховъ въ Вѣнѣ. По прошествіи нѣкотораго времени, когда къ нимъ присмотрѣлись, когда ихъ привыкли видѣть на всѣхъ торжествахъ и гуляніяхъ, къ нимъ охладѣли, ихъ стали критиковать, объ нихъ стали говорить свободно, безъ всякаго стѣсненія, и тѣ два монарха, которыми вначалѣ болѣе него восхищались, болѣе всего потеряли во мнѣніи общества.

О королѣ прусскомъ, о которомъ говорили вначалѣ, что „онъ думаетъ за всѣхъ“, стали отзываться какъ о человѣкѣ, который „ничего не думаетъ“, говорили, что онъ упрямъ, хитеръ и злобенъ, находили его мрачнымъ и тяжелымъ, утверждали, что „публика его не любитъ“, такъ какъ „пруссакъ не можетъ быть другомъ австрійца“, а когда подмѣтили знаки уваженія, какіе онъ оказывалъ Александру I, — онъ не ѣздилъ напр. никогда иначе, какъ слѣва отъ него, отступя на полшага — то его стали высмѣивать, называли его „тѣнью русскаго императора“; когда, въ исходѣ октября разнесся слухъ о несогласіяхъ, возникшихъ между прусскимъ и русскимъ министерствомъ (по вопросу о Саксоніи и Польшѣ), то графиня Рех-

берхъ говорила, что она этому не повѣритъ до тѣхъ поръ, пока король будетъ неизмѣннымъ спутникомъ Александра“ и стояла на своемъ, несмотря на увѣреніе прусскаго генерала Шёллера, что король вовсе не такой поклонникъ Александра, какъ это кажется.

Въ бесѣдѣ съ однимъ изъ корреспондентовъ Гагера, генералъ Шёллеръ (занимавшій постъ прусскаго военнаго агента въ Петербургѣ) слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ отношеніе къ Императору Александру Фридриха Вильгельма и Пруссіи и оцѣнилъ побужденія, руководившія русскимъ Императоромъ въ его отношеніи къ своему союзнику.

„Король хотя не особенно уменъ, но обладаетъ здравымъ смысломъ“, говорилъ генералъ, „онъ отнюдь не преклоняется передъ всѣмъ, что дѣлаетъ Императоръ Александръ; недавно онъ даже осуждалъ его образъ дѣйствій; но онъ считаетъ себя связаннымъ съ нимъ долгомъ признательности, онъ убѣжденъ, что онъ ему одному обязанъ положеніемъ, которое онъ занялъ снова среди монарховъ; не давая себѣ отчета въ томъ, что если бы онъ не присоединился къ нему, то театромъ военныхъ дѣйствій въ 1813 году было бы герцогство Варшавское и положеніе Россіи было бы весьма затруднительно, король не упускаетъ случая выказать своему другу свою признательность, а Императоръ какъ нельзя лучше пользуется дружбой, которая съ его стороны далеко не безкорыстна“.

„Что касается настроенія пруссаковъ“, продолжалъ генералъ, „то они относятся также не сочувственно къ Россіи, какъ и вся остальная Германія; несмотря на всѣ пожалованные намъ Императоромъ знаки отличія, въ Пруссіи обнаруживается даже весьма ясно выраженное и весьма понятное враждебное отношеніе къ нему; русское правительство поступило такъ, какъ могъ бы поступать Наполеонъ; всякому извѣстно, что Пруссія вложила большую часть своихъ капиталовъ въ доставшуюся ей часть Польши, между тѣмъ выгоды, обѣщанныя послѣднимъ союзомъ не осуществились и ни одно изъ вполне справедливыхъ требованій Пруссіи не было уважено“.

„Обратный походъ русскихъ войскъ былъ бѣдствіемъ для Пруссіи, они выжали послѣдній сокъ изъ тѣхъ провинцій, гдѣ они проходили; они предъявляли вездѣ самыя непомерныя требованія, держали себя вездѣ высокомерно; они поступали въ Восточной Пруссіи какъ въ странѣ, ими завоеванной, которую они только изъ великодушія не оставляютъ за собою“.

„Что касается Императора Александра, я считаю его опас-

нѣе, чѣмъ думаютъ. Пять лѣтъ тому назадъ, когда всѣ считали его слабымъ, онъ окружилъ себя исключительно людьми, посредственность коихъ общепризнана и которые не стѣсняли его свободы дѣйствій. Его теперешніе планы относительно Польши не вызваны обстоятельствами; эта мысль, которую онъ лелѣетъ давно, это цѣль, къ достиженію которой были направлены послѣдніе два года всѣ его шаги. При заключеніи союза съ Пруссіей говорилось о желаніи возвратить прусской монархіи блескъ и могущество, какими она пользовалась при Фридрихѣ II. Во время войны всякое обсужденіе этого вопроса было устранено заявленіемъ, что все будетъ улажено полюбовно ¹⁾. Когда союзныя войска находились въ Парижѣ, русская армія, подъ предлогомъ, что Франціи надобно предоставить пользоваться благами мира и законнаго правительства, выступила форсированнымъ маршемъ изъ этой страны и стала на границѣ Польши, между тѣмъ какъ всѣ прусскія войска остались для оккупациі завоеванныхъ земель по ту сторону Рейна, Австрія же была вынуждена занять значительными силами Италію.

„Высказанная Императоромъ рѣшимость возстановить королевство польское не что иное, какъ желаніе создать намъ затрудненіе, чтобы легче получить ту часть, какую онъ хочет; онъ слишкомъ хорошо знаетъ, какія послѣдствія это можетъ имѣть для Россіи, и слишкомъ боится этихъ послѣдствій, чтобы думать объ этомъ серьезно“. „Но я убѣжденъ“, закончилъ генералъ, „что если его намѣренія встрѣтятъ энергичный отпоръ, если онъ увидитъ, что имъ намѣрены противиться силою, то онъ постарается предупредить васъ, и онъ къ этому готовъ“.

На вопросъ, какое впечатлѣніе производитъ на императора, бывшаго годъ тому назадъ кумиромъ Европы, то обстоятельство, что его намѣренія вызываютъ всеобщее неудовольствіе и даже противодѣйствіе, Шеллеръ отвѣтилъ: „бѣда въ томъ, что еиміамъ, который ему воскуряли, до такой степени вскружилъ ему голову, что онъ не замѣчаетъ этого недовольства; окружающіе поддерживаютъ въ немъ это заблужденіе—поляки въ надеждѣ, что благодаря ему будетъ возстановлено ихъ королевство, Штейнъ, Лагарпъ и прочіе изъ личныхъ побужденій“.

Сказанное генераломъ Шеллеромъ относительно настроенія Пруссіи подтверждаетъ и другой корреспондентъ ²⁾, который пишетъ, что „Пруссія очень недовольна Россіей; она увѣрена въ ея

¹⁾ Рѣчь идетъ о договорѣ, заключенномъ въ Теплицѣ 9 сентября 1813 г.

²⁾ Докладъ 1 октября 1814 г.

честолюбивыхъ видахъ, обвиняетъ ее въ желаніи властвовать надъ всѣми"; „пруссаки говорятъ, что у русскихъ одна цѣль: сохранить главенство, которое они приобрѣли путемъ столькихъ жертвъ и побѣдъ"; и „высказываютъ опасеніе, что ежели Россіи удастся завладѣть всей Польшей, то она очутится въ самомъ сердцѣ прусскихъ владѣній и ея войска могутъ появиться въ Берлинѣ раньше, чѣмъ Пруссія успѣетъ сосредоточить свои силы"; „князь Гарденбергъ отлично понимаетъ опасность, говорятъ они, но король слишкомъ связалъ себя по отношенію къ Императору Александру; онъ самъ видитъ затруднительность своего положенія", но „всегда будетъ покорнымъ слугою Александра". Какіе бы доводы ему ни приводили, выслушавъ ихъ, онъ упрямо повторялъ: „Je ferai comme l'empereur Alexandre".

Русскіе дипломаты, принимавшіе участіе въ переговорахъ во время конгресса, были большею частью бездарности; такъ аттестуютъ ихъ и „сотрудники" Гагера, со словъ иностранныхъ дипломатовъ, которые ставили ихъ очень невысоко. „Благодаря Бога, говорили они, это все посредственности; одинъ только Анстеттъ человѣкъ талантливый и знающій. Слабѣе всѣхъ гр. Нессельроде". „Даже пруссаки смѣются надъ ничтожествомъ русскаго кабинета въ Вѣнѣ", писалъ другой агентъ. Съ другой стороны монархи и ихъ свита не могли скрыть своей зависти по поводу почестей, какія оказывались русскому Императору, котораго они называли легкомысленнымъ (Wildfang).

Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что объ русскихъ отзывались въ Вѣнѣ далеко не въ ихъ пользу; говорили, что „они держатъ себя удивительно грубо и дерзко, замѣтно отличаясь этимъ отъ прусскихъ и другихъ иностранцевъ". На это, по словамъ „сотрудниковъ", жаловались даже чины русскаго посольства.

„Въ отведенномъ для русскихъ помѣщеніи въ королевскомъ дворцѣ они вели себя крайне неприлично; они не только были очень грязны, но у нихъ бывали постоянно особы легкаго поведенія".

Особенно смущало всѣхъ поведеніе великаго князя Константина Павловича и лицъ его военной свиты. О послѣднихъ говорили, что они были весьма дерзки и грубы (grossiers et insolents), что составляло рѣзкій контрастъ съ вѣжливымъ обхожденіемъ пруссаковъ и прочихъ иностранцевъ. Во многихъ донесеніяхъ рассказываетъ о его, ни съ чѣмъ несообразныхъ мальчишечьихъ выходкахъ. Напр. однажды ночью, спрятавшись во дворѣ Гофбурга, онъ крикнулъ „Wacht heraus!"; караулъ выбѣ-

жалъ, взялъ на караулъ, но не могъ понять, по какому поводу его вызвали, а великій князь „хохоталъ до упада“. Другой разъ на вечерѣ у Штакельберга Константинъ Павловичъ выпутилъ старика гр. Эстергази за его костюмъ и за косу, которую онъ продолжалъ носить, на что Эстергази отвѣтилъ сожалѣніемъ, что онъ такъ дурно воспитанъ для челоуѣка его ранга.

Разсказывали, что въ началѣ ноября „великій князь какъ-то вздумалъ кататься верхомъ въ дворцовомъ паркѣ въ Шенбрунѣ, въ очень сырую дождливую погоду и на вѣжливую просьбу садовника и привратниковъ отложить прогулку, чтобы не портить чудныхъ дорожекъ парка отвѣчалъ грубой бранью и продолжалъ кататься“.

Удивлялъ также всѣхъ его образъ жизни; отобѣдавъ въ два часа, онъ ложился спать; въ 5 часовъ дѣлалъ визиты, отъ 7—10 снова спалъ, затѣмъ отправлялся къ графинѣ Саганъ или къ княгинѣ Багратионъ, гдѣ просиживалъ до половины второго; не посѣщалъ музеевъ, не интересовался достопримѣчательностями города, все больше сидѣлъ дома или проводилъ время въ кругу военныхъ, изучалъ австрійскій военный регламентъ и ежедневно вызывалъ къ себѣ въ Burg простыхъ солдатъ, съ которыми подолгу бесѣдовалъ. Посѣщать иностранныхъ принцовъ или принимать ихъ у себя „было для великаго князя мученьемъ“. „Отправляясь къ кому-нибудь съ визитомъ, онъ справлялся“, дома ли господъ прежде, нежели послать свою карточку. Онъ посѣщалъ охотно только одного принца Евгенія Богарне и принималъ его во всякое время; его приказано было принимать, хотя бы онъ пріѣхалъ въ то время, когда великій князь спалъ. Богарне часами просиживалъ у Константина Павловича, также какъ и великій князь у него, при чемъ онъ не бралъ съ собою дежурныхъ камергеровъ, а ѣздилъ одинъ. По словамъ назначеннаго состоятъ при великомъ князѣ бар. Вальденъ, „Константинъ Павловичъ очень уважалъ бывшаго вице-короля Италіи и говорилъ, что ему надобно вѣрить командованіе арміей, что онъ будетъ образцовымъ начальникомъ“. Хотя великій князь, какъ писали корреспонденты изъ Варшавы, „только и дѣлалъ, что обучалъ солдатъ и обсуждалъ вопросъ о будущей конституціи королевства Польскаго, тѣмъ не менѣе въ Вѣнѣ и онъ считалъ долгомъ внести свою лепту въ политику. Во время отсутствія Императора Александра I, совершившаго поѣздку въ Венгрію, великій князь постарался поселить въ пруссакахъ недовѣріе къ ненавистнымъ ему англичанамъ, а съ другой стороны пугалъ ихъ успѣхами, какіе дѣлалъ революціонный духъ въ сѣверной Германіи. „Польскіе гене-

ралы“, говорилъ Константинъ Павловичъ „положить черезъ нѣсколько лѣтъ всему этому конецъ (у mettrons le holà). Эти слова показываютъ, что онъ смотрѣлъ на Польшу какъ на самостоятельную политическую единицу. Несмотря на свою ненависть ко всякимъ политическимъ новшествамъ, Константинъ Павловичъ все-таки принималъ неоднократно Лагарпа и даже обратился къ нему съ просьбою рекомендовать ему гувернера для своего незаконнорожденного сына. О матери этого мальчика въ Вѣнѣ говорили, что „она имѣла на Константина Павловича довольно большое вліяніе и относилась къ нему очень неуважительно“.

„Очень скоро въ Вѣнѣ подмѣтили отсутствіе согласія между Императоромъ Александромъ I и его супругою; объ этомъ открыто говорили въ салонахъ“; Императрицу жалѣли; „всѣ отдають предпочтеніе русской Императрицѣ, такой доброй и привѣтливой по сравненію съ двумя великими княгинями“¹⁾; писалъ одинъ корреспондентъ, „изъ коихъ принцесса Ольденбургская слыветъ первой интриганкой и чрезвычайно фальшивой, хотя всѣ признають ея умъ и освѣдомленность въ вопросахъ политики. Она очень желаетъ нравиться и производить впечатлѣніе“.

Несмотря на подобные отзывы, Екатерина Павловна, также какъ и великая княгиня Марія Павловна, пользовалась симпатіями Вѣнскаго общества за ихъ любезное, привѣтливое обхожденіе и доступность. Одно время въ Вѣнѣ усиленно говорили о предполагаемомъ бракѣ Екатерины Павловны съ эрцгерцогомъ Карломъ, и были весьма недовольны, когда изъ перлюстрированныхъ писемъ стало извѣстно, что великая княгиня была уже втайнѣ помолвлена съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ.

О будущемъ супругѣ великой княгини въ Вѣнѣ скоро стало извѣстно, что „онъ подпалъ подъ вліяніе барона Штейна, который черезъ него вліялъ на Екатерину Павловну, а черезъ нее на Императора Александра“. Вѣнская аристократія находила, что онъ уменъ, но „слишкомъ склоненъ къ критикѣ и притомъ къ критикѣ довольно злостной, и характеромъ въ отца“, а король Фридрихъ Виртембергскій ни въ комъ не возбуждалъ симпатій; объ чемъ рассказывали въ придворныхъ кругахъ всевозможные анекдоты и его осуждали за грубое, невѣжливое обращеніе съ приближенными.

Наслѣдный принцъ Виртембергскій мало появлялся при

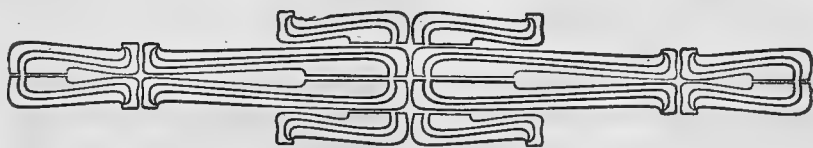
¹⁾ Сестры Александра I.

дворѣ и въ великосвѣтскихъ салонахъ, предпочитая совершать прогулки инкогнито; въ театрѣ онъ нерѣдко прѣзжалъ во фракѣ, чтобы не быть вынужденнымъ сидѣть въ придворной ложѣ. Молва гласила, что онъ не былъ чуждъ увлеченій и въ Вѣнѣ, несмотря на присутствіе своей невѣсты, великой княгини Екатерины Павловны, хотя ради нея онъ развелся со своей супругой, дочерью короля Баварскаго. Говорили также, что онъ „уже много лѣтъ былъ въ связи съ дочерью одного штутгардскаго чиновника, отъ которой онъ имѣлъ дѣтей“.

Жители Вѣны, вначалѣ радостно привѣтствовавшіе конгрессъ и иностранныхъ гостей, подъ конецъ утомились ихъ долгимъ пребываніемъ и нескончаемыми празднествами; въ мартѣ мѣсяцѣ „все уже наскучило другъ другу“, „вся Вѣна радовалась предстоявшему отъѣзду высокихъ гостей“, пребываніе которыхъ всѣмъ стало въ тягость.

Сопоставляя отзывы и впечатлѣнія мѣстныхъ жителей о конгрессѣ, поскольку они запечатлѣлись въ документахъ, прошедшихъ черезъ руки вѣнской тайной полиціи, можно сказать, что все были недовольны медленнымъ ходомъ переговоровъ, и не имѣя возможности объяснить себѣ истинную причину проволочекъ, не зная, что конгрессъ затянулся главнымъ образомъ изъ-за неуступчивости Императора Александра I въ польскомъ вопросѣ, полагали, что работамъ конгресса мѣшали увеселенія, и жестоко осуждали эти нескончаемыя празднества. Общее впечатлѣніе, произведенное на жителей Вѣны какъ русскими, которыхъ аттестовали невѣжами и малообразованными, такъ и пруссаками, которыхъ называли скрягами и „себѣ на умѣ“, было, какъ мы уже говорили, не въ пользу иностранцевъ; всеобщее осужденіе вызвало поведеніе иностранныхъ принцевъ, въ особенности на общественныхъ гуляньяхъ и маскарадахъ, гдѣ они держали себя зачастую не соотвѣтственно своему достоинству. „Въ городѣ не было ни одного притона, гдѣ бы ихъ не видѣли днемъ и ночью въ обществѣ самыхъ простыхъ женщинъ“. Въ этомъ отношеніи, какъ отмѣтилъ Гагеръ въ своемъ докладѣ императору Францу, конгрессъ оказалъ дурное вліяніе на нравственность; въ Вѣнѣ появилось множество куртизанокъ, которыхъ раньше тамъ не было; онѣ заняли большія квартиры, много наживали денегъ и своимъ примѣромъ и легкостью наживы являлись соблазномъ для мѣстныхъ молодыхъ дѣвушекъ.

В. Тимошукъ.

Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Тирасполемъ ¹⁾.

Въ томъ душевномъ настроеніи, которое, подъ вліяніемъ указанныхъ условій, сложилось среди обитателей пла-вень, мысль о неизбѣжности искать спасенія отъ воцарившагося на землѣ антихриста объединила всѣхъ ихъ и получила особенное напряженіе вслѣдствіе распространившагося слуха о созданной антихристомъ переписи. Слухъ этотъ на почвѣ господствующаго религіознаго фанатизма получилъ обликъ реальности и оказалъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее на-правление всей жизни скита. „21-го декабря прошлаго года въ субботу, сидя у себя въ хатѣ вдвоемъ съ своею женою, я, го-ворить Ѳ. Ковалевъ, сталъ толковать съ нею по поводу пред-стоящей переписи; мы соглашались, что записываться не слѣ-дуетъ, но возникалъ вопросъ, какъ быть, если насъ посадятъ въ острогъ. Жена сказала, что она не боится острога и что, не будь у нея дѣтей, она бы сейчасъ пошла, но у насъ было двое дѣтей: двѣ дѣвочки, одна грудная, а другая трехъ лѣтъ, а мы слышали, что дѣтей не будутъ брать въ острогъ, такъ какъ они не виноваты; такимъ образомъ предстояло разстаться съ ними; между тѣмъ жена моя не соглашалась ни въ какомъ случаѣ разстаться съ ними; она рѣшительно сказала, что готова скорѣе зарыть и себя и дѣтей живыми въ яму, чѣмъ идти безъ нихъ въ острогъ. Когда она произнесла эти слова, меня даже страхъ взялъ; я почувствовалъ въ себѣ какую-то оторопь. Я обратился къ женѣ и сказалъ: „Что ты, говорю, несешь, дурная, можно ли самому руки на себя накладывать и живымъ зарывать себя въ землю“. Мысль ея такъ меня взволновала, что я тотчасъ же

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1913 г.

поспѣшили къ старицѣ Виталіи и не входя даже въ келію, а прямо черезъ окно передалъ ей слова жены. Старица Виталія въ отвѣтъ на это возразила мнѣ, что дѣло, на которое рѣшается моя жена, хорошее, святое дѣло, что это путь къ спасенію и, что если я стану отбивать жену, то приму на себя грѣхъ. Она такъ на меня повліяла, что у меня весь страхъ прошелъ и я самъ готовъ былъ умереть; мысль о предстоящихъ мученіяхъ меня не терзала и никакой жалости по поводу того, что лишуся имущества и разстанусь съ міромъ, у меня не возникало, при мысли о такой смерти мнѣ казалось, что я точно собираюсь въ рай. Словомъ Виталія какъ-будто околдовала меня, также точно она подѣйствовала на нѣкоторыхъ другихъ. Кто-то далъ знать сейчасъ Ѳоминымъ о томъ, что жена моя хочетъ зарыть себя съ дѣтьми въ яму; жена Ѳомина Домна прибѣжала къ моей женѣ съ радостью на лицѣ и, выражая ей свое удовольствіе по поводу пришедшей ей мысли, сказала, что и она вмѣстѣ со своею дочерью согласна зарыться въ яму. Послѣ того изъявили согласіе на этотъ подвигъ Назаръ Ѳоминъ, работникъ ихъ Григорій и тотъ странникъ старикъ, который жилъ у насъ въ келіи два года; послѣдній говорилъ, что онъ уже слишкомъ старъ, едва ходитъ и потому предпочитаетъ умереть, чѣмъ идти въ острогъ. Наконецъ въ тотъ же день, въ субботу, какъ я слышалъ, пріѣхала откуда-то сестра Виталіи Елизавета и тоже изъявила желаніе быть заживо погребенной. Весь день, воскресенье, каждый изъ рѣшившихся умереть былъ занятъ своимъ обычнымъ дѣломъ, а къ ночи всѣ собрались въ хатѣ Ѳоминыхъ. Назаръ Ѳоминъ сказалъ, что въ погребѣ своемъ онъ выроетъ яму, гдѣ всѣ они будутъ заживо погребены, и вмѣстѣ съ своимъ работникомъ Григоріемъ Кравцовымъ устроилъ въ погребѣ мину. Это было ночью съ воскресенья на понедѣльникъ, то-есть въ ночь на 23-е декабря прошлаго 1896 г. По окончаніи работы, Ѳоминъ на задней стѣнѣ мины устроилъ полочку, на которой поставилъ складную деревянную икону, на которой написаны всѣ Святые и всѣ праздники и которая именуется церковью; кромѣ того, передъ этой церковью онъ выставилъ нѣсколько восковыхъ свѣчей. Когда такимъ образомъ все было готово, всѣ мы съ Виталіей во главѣ собрались въ домъ Назара Ѳомина, гдѣ Виталія принялась служить „Всенощное бдѣніе“; мы ей помогали въ этомъ, читали, пѣли, послѣ чего всѣ мы стали прощаться другъ съ другомъ, обнимались, цѣловались, а болѣе слезливые всплакнули. По окончаніи всего этого братскаго прощанія, мы вышли изъ дома и всѣ вошли

въ погребъ и изъ рѣшившихся умереть за вѣру Христа и принять такимъ образомъ мученическій вѣнецъ, въ эту яму первую вошла моя жена, имѣя на рукахъ грудного трехмѣсячнаго ребенка, дѣвочку Теодору, а трехлѣтнюю нашу дѣвочку Степаниду она повела, держа ее за руку. Послѣднимъ въ яму эту вошелъ Назаръ Ѳоминъ, за которымъ я тоже хотѣлъ войти и умереть такимъ же образомъ, но Ѳоминъ уговорилъ меня остаться въ живыхъ, такъ какъ я принадлежу къ мѣстнымъ тираспольскимъ мѣщанамъ, имѣю осѣдлость и недвижимость и что на меня онъ возлагаетъ обязанность за дѣлать ихъ гробъ такимъ образомъ, чтобы снаружи не было замѣтно, гдѣ именно въ стѣнѣ погреба сдѣланъ проломъ. Быть можетъ Ѳомина я и не послушался бы, но мать Виталія приказала мнѣ остаться снаружи и за дѣлать мину, и только послѣ этого приказанія я остался и за дѣлать мину. Для нашего грудного ребенка жена моя захватила съ собою и половину деревяннаго корыта для укачиванія его. Всѣ вошедшіе въ эту мину были одѣты въ монашеской одеждѣ и посмертномъ одѣяніи. Это посмертное одѣяніе заключается въ длинной, чернаго цвѣта шерстяной рубашкѣ, которая надѣта была на голое тѣло, а поверхъ нея надѣто было монашеское платье, состоящее изъ черной шерстяной мантии, обшитой по краямъ краснымъ шерстянымъ шнуркомъ, и лестовки, подобіе монашескихъ четокъ. Войдя въ мину всѣ, порѣшившіе умереть, зажгли восковыя свѣчи передъ церковью на полѣхъ, а затѣмъ принялись читать молитвы и житія святыхъ. Я же въ это время принялся за дѣлать проломъ, входъ въ эту самую мину и при этомъ присутствовали мать Виталія, моя мать Александра, сестра Ульяна, глухонѣмой братъ Димитрій и еще три неизвѣстныхъ по имени, отчеству и фамиліи женщины-монашки, составлявшія штатъ Виталіи и заключенныя въ послѣдствіи вмѣстѣ съ нею въ острогъ за бродяжество. По за дѣлкѣ мины, всѣ мы, оставшіеся въ живыхъ, вышли изъ погреба и пошли каждый къ куда, одни молиться, а другіе взялись за работу. Послѣ этого я больше въ погребъ тотъ не заглядывалъ и что дѣлалось съ замурованными въ минѣ, не знаю. Лишившись такимъ образомъ жены и дѣтей, я, по совѣту Виталіи, принялъ монашество, въ каковой чинъ посвятила меня мать Виталія. Кромѣ меня, матери моей Александры, сестры моей Ульяны, брата моего Димитрія, матушки Виталіи и сказанныхъ выше трехъ неизвѣстныхъ монашекъ, составлявшихъ штатъ матушки Виталіи, рѣшительно никто не зналъ и никому больше не было извѣстно о заживо погребенныхъ въ сказанной

выше мнѣ. Въ то время, когда замурованы были жена моя и дѣти, мнѣ не жаль было ихъ; я такъ былъ настроенъ, что и самъ готовъ былъ погнѣсть въ яму, но тѣмъ не менѣе, я нѣсколько разъ въ послѣдующіе дни подходилъ къ погребу и прислушивался, не слышно ли какого стука или крика; однако все было тихо. На вопросъ, почему зарывшіеся въ первой партіи взяли съ собой въ яму теплую одежду—объясняю, что одежду эту они разостлали на полу мины, т.-е. на землѣ, чтобы не было холодно ложиться на землю; передъ входомъ въ могилу, они сбрасывали сапоги и теплыя фуфайки. По вопросу, почему избрали себѣ именно смерть черезъ зарытіе себя въ землю живыми, а не какой-либо иной родъ насильственной смерти, объясняю: Виталія приводила какое-то изреченіе изъ Ефрема Сирина, гдѣ говорилось о посыпаніи землей и пепломъ и разъясняла, что такъ умереть не грѣшно. Я высказывалъ Виталіи свое опасеніе по поводу возложенной ею на меня обязанности зарывать въ землю рѣшившихся умереть. Виталія на это возразила текстомъ: „Каинъ убилъ Авеля, зависти исполнился, Финіесъ же убилъ по благочестію и по закону Божію и поборая; той проклятъ, а сей же богоугоденъ, дѣло бо едино по разумѣ — противель“. Въ первой партіи послѣднимъ вошелъ въ мину, какъ я уже сказалъ, Назаръ Ѳоминъ. Залѣзши уже въ мину, Ѳоминъ просунулъ голову въ отверстіе и просилъ не препятствовать Увенанію Ковалеву распорядиться по своему усмотрѣнію заборомъ возлѣ дома, если тотъ не пожелаетъ уступить этотъ заборъ матери его, Ѳомина. Днемъ еще Ѳоминъ говорилъ мнѣ, что заборъ этотъ онъ ставилъ за свои деньги и таковой долженъ достаться его матери“.

Вслѣдъ за первую группу, а именно 27 декабря того же года, въ минѣ (ямѣ) у Суховыхъ, въ числѣ шести человекъ погребена была заживо Ѳ. Ковалевымъ вторая группа Плавнинскихъ фанатиковъ—изувѣровъ: „наканунъ, говоритъ Ѳ. Ковалевъ, пришли ко мнѣ Суховъ и Павловъ и просили замуровать ихъ и близкихъ ихъ, при чемъ Виталія, присутствовавшая при объясненіи сказала, что это можно сдѣлать, дѣло хорошее, святое, при этомъ она прибавила: „потрудишься ради Христа, всю жизнь будешь поститься и молиться, а не заслужишь того, что заслужишь этимъ дѣломъ“. Когда совершенно стемнѣло—я, Виталія, Прасковья Сухова и Губла пошли въ усадьбу Суховыхъ, гдѣ въ домѣ застали только Суховыхъ съ дѣтьми и дѣвочку Гублы. Мина (яма) была уже вырыта ранѣе Суховымъ и Гублой. Матвѣй Суховъ, хотя и любилъ выпивать, но на сей разъ

былъ совершенно трезвъ; Суховы говорили, что они постились и даже на праздникахъ не разгавлялись. Когда всѣ влѣзли въ мину, я впервые объявилъ имъ, что жена моя, Оомина и другія уже зарылись, при чемъ сказалъ: „кланяйтесь нашимъ“. До того же я говорилъ Суховымъ и Гублѣ, что наши уѣхали. Раньше я боялся объявить имъ, чтобы не разболтали.

На вопросъ, какъ вели себя дѣти при помѣщеніи ихъ въ яму, объясняю, что онѣ не плакали, а старшая изъ нихъ Таня, зарытая, во второй партіи, по словамъ Прасковьи Суховой, даже торопила свою мать идти скорѣе въ яму. Когда я задылывалъ входныя отверстія мины въ первый и второй партіи, то слышалъ, какъ зарытые читали молитвы, а въ первой партіи даже пѣли“.

Таковъ безыскусственный разсказъ О. Ковалева объ обстоятельствахъ закованія двухъ первыхъ группъ Плавнинскихъ изувѣровъ. Въ немъ всякая деталь цѣнна для оцѣнки роковой дѣйствительности. Показаніе это свидѣтельствуеетъ о томъ, что, въ стремленіи къ борьбѣ съ антихристомъ, несчастныя жертвы своей духовной немощи потеряли всякое чувство реальности, но за то, вмѣстѣ съ тѣмъ, и умерли для смерти, потерявъ къ ней всякій страхъ. На нихъ оправдалось изреченіе апостола (Посл. Галатамъ, I, 17), что „духъ желаетъ противнаго плоти“. Они ощутили въ себѣ близость Бога и слили въ своемъ представленіи настоящее съ фантазіей о будущемъ. Любопытно одновременное сочетаніе въ нихъ увѣренности въ будущей вѣчной, блаженной жизни съ заботами о дѣтяхъ, о необходимости мыть ихъ въ взятомъ съ собою корытѣ. Не лишено также значенія существовавшее въ нихъ сознаніе необходимости позаботиться о своемъ брэнномъ тѣлѣ, взявъ съ собою нужную для этого одежду. Только распаленное религіознымъ фанатизмомъ, воображеніе могло создать въ нихъ трудно понимаемое для посторонняго душевное настроеніе. Не мало содѣйствовало образованію послѣдняго и окружавшая ихъ обстановка. Ночная темнота, зажженные свѣчи, пѣніе молитвъ, предварительная подготовка къ переселенію въ вѣчность едва-ли съ полнымъ сознаніемъ влекли ихъ къ осуществленію задуманнаго, когда шли они въ свои могилы. Настоячиво стремившійся впередъ бывшій съ ними ребенокъ свидѣтельствовалъ о той силѣ влеченія, которая создавалась необычной обстановкой. Значеніе особенно важнаго фактора въ эти минуты имѣло также, надо полагать, присутствіе Виталіи—этой сильной женщины, все знавшей и силой воли своей безропотно покорявшей всѣхъ прикасавшихся

къ ней. Кому же какъ не ей знать, что для торжества надъ врагомъ Христа—антихристомъ, избранный ею путь для спасенія единственный. Въ эти моменты, какъ и всегда, Виталія занимаетъ центральное мѣсто и съ твердостью руководить поступками довѣрившихся ей поклонниковъ ея. Она посвящала въ монашество не успѣвшихъ еще принять таковое, шедшихъ на смерть лицъ. Принялъ это посвященіе также и О. Ковалевъ, сосредоточившійся затѣмъ по его словамъ на молитвѣ, а также чтеніи книгъ и рукописей, найденныхъ впоследствии при задержаніи его. При замурованіи второй группы, также какъ и первой, неустанно присутствовала Виталія. Описанные О. Ковалевымъ моменты шествія близкихъ ему людей на смерть допускаютъ не только психологическое, но и физиологическое объясненіе, безъ помощи презумпціи о психическомъ разстройствѣ душевныхъ силъ послѣдователей Виталіи. „Когда, говоритъ Джемсъ (ib. стр. 199 и 260) новый центръ духовной энергіи родился въ подсознательной жизни, то онъ долженъ развиваться безъ сознательнаго участія въ этомъ съ нашей стороны“... „Невозможное дѣлается возможнымъ при господствѣ одного психическаго центра“.

Послѣ самозакопанія указанныхъ 15-ти человѣкъ, дальнѣйшее уничтоженіе О. Ковалевымъ, остальныхъ обитателей скита, приостанавливается на довольно продолжительное время, и новыя жертвы изувѣрства предаются имъ землѣ лишь 11 и 27 февраля 1897 г. Причина этого замедленія, въ дальнѣйшемъ осуществленіи преступной дѣятельности О. Ковалева, заключалась главнымъ образомъ въ тѣхъ событіяхъ, которыя совершились въ Плавняхъ въ этотъ промежутокъ времени. Особенно большое значеніе въ этомъ отношеніи имѣли: 1) исполнительныя дѣйствія, предпринятые мѣстными властями для совершенія переписи, назначенной на 28 января и 2) краткосрочное заключеніе нѣкоторыхъ изъ обитателей Плавень и въ томъ числѣ Виталіи въ тюрьму, вслѣдствіе отказа ихъ выяснить свою самоличность, а также привлеченіе ихъ судебнымъ слѣдователемъ въ качествѣ обвиняемыхъ въ бродяжествѣ. Эти событія оказали крупное вліяніе на направленіе жизни скита. Онѣ сыграли роль грома, свидѣтельствующаго о томъ, что гроза подошла и проявить свою силу. Пришлось спуститься съ высоты религиозныхъ мечтаній и почувствовать прикосновеніе реальной жизни.

Хотя лишеніе свободы заключенныхъ длилось лишь нѣсколько дней, но освобожденіе ихъ и обратное поселеніе въ

Плавни подъ надзоръ полиціи было неизбѣжно. Упорство, съ которымъ заключенные отказывались отъ пищи, и происшедшее отсюда обезсиліе ихъ были настолько серьезны, что власть, считаясь съ этими обстоятельствами, вынуждена была отпустить ихъ на свободу. Это освобожденіе, нужно полагать, задержанные объяснили по-своему. Врагъ не выдержалъ и, испугавшись своихъ дѣйствій, временно отказался отъ нихъ. Въ первой схваткѣ съ антихристомъ побѣдилъ не онъ, а сопротивлявшіеся ему и тѣмъ настойчивѣе должно было проявиться изувѣрство скитянь въ ихъ дальнѣйшихъ поступкахъ. По удостовѣренію Ѳ. Ковалева, привезенныя изъ острога монашки, а также мать Александра, рѣшили, показать онъ, умереть голодною смертію; почти ничего не ѣли, изрѣдка и понемногу поддерживали силы баклажанами, изрѣдка-же и также понемногу пили воду и смачивали губы снѣгомъ, чтобы уменьшить внутренній жаръ. Монашки эти и Виталія говорили, что слѣдуетъ найти мѣсто, куда можно было бы скрыться отъ людей, и тамъ умереть незамѣтно для постороннихъ. Онѣ боялись умирать на глазахъ стражи, чтобы послѣ смерти ихъ не вскрывали и не надругались надъ ними. На стражѣ все время стояли двое десятскихъ; сотскій иногда навѣдывался. Вечеромъ въ четвергъ (27 февраля) сотскій забралъ стражу“.

Съ момента возвращенія лишенныхъ свободы скитянь изъ тюрьмы въ Плавни, борьба съ антихристомъ не прекращается, а обнаруживаетъ лишь нѣкоторые признаки безпокойства и опасеній за дальнѣйшее. Врагъ неумолимъ и временное, сдѣланное имъ облегченіе не имѣетъ важнаго значенія. Съ другой стороны многіе изъ скитянь ослаблены голодомъ и утомлены борьбою. Къ тому же многихъ изъ близкихъ по духу скитянь уже нѣтъ въ живыхъ. Все это не могла не сознавать Виталія, оставшаяся по-прежнему центромъ жизни своего скита, уже сократившагося. Увѣренная въ себѣ, она едва-ли могла быть вполне убѣждена въ стойкости всѣхъ окружавшихъ ее лицъ, хотя и безпредѣльно преданныхъ ей. Если самый близкій ей человѣкъ, Александра Ковалева, говорила, что она женщина слабая, можетъ не устоять и нуждается въ поддержкѣ такой сильной духомъ женщины, какъ Виталія, то теперь, послѣ первой схватки съ антихристомъ и при громадности принесенныхъ уже жертвъ можно было опасаться, что близкія Виталіи лица не устоятъ въ дальнѣйшей борьбѣ.

И дѣйствительно, со стороны Виталіи усматривается особая забота о скорѣйшемъ осуществленіи задуманнаго для прекра-

щенія дальнѣйшаго существованія своего и своихъ скитанъ ради спасенія ихъ душъ. Когда власти, замѣтивъ исчезновеніе многихъ, стали производить разслѣдованія по этому предмету и интересоваться судьбой семьи Суховыхъ, Виталія, узнавъ объ этомъ, по удостовѣренію Ѳ. Ковалева, стала его „усердно благодарить за свое временное укрытіе Суховыхъ“, при чемъ неоднократно повторяла „сколько бы ты ни постился, ни молился, не заслужилъ бы такъ у Бога, какъ тѣмъ, что уже зарытъ“.

Не одна только Виталія сознавала необходимость воспользоваться краткою, послѣ освобожденія заключенныхъ, передышкою для того, чтобы скорѣе перебраться въ вѣчность. Виталія, по словамъ Ѳ. Ковалева, опасаясь, что монашки не устоятъ отъ соблазна, стануть принимать пищу и погубять свою душу, проповѣдывала среди скитанъ мысль, что „едина душа дороже всего свѣта“. На сподвижницъ Виталіи оказывало большое вліяніе слухъ, что если онѣ не успѣютъ въ мартѣ умереть, то ихъ погонять этапомъ и осквернять. Всѣ стали просить Ѳ. Ковалева зарыть ихъ въ землю живыми, при чемъ выражали желаніе быть погребенными въ томъ же погребѣ Ѳоминыхъ, гдѣ зарыта была его жена и другія, т. е. боялись быть зарытыми гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, напр. въ степи, чтобы ихъ тамъ не нашли и не надругались надъ ихъ тѣлами. „Закопай насъ, говорили онѣ, гдѣ бы то ни было, хоть въ простой ямѣ и засыпь сверху землей“. Мысль о закопаніи живьемъ особенно настойчиво развивалась среди скитанъ также и въ виду того, что попытка заморить себя голодомъ въ тюрьмѣ не привела къ желаемому и примѣненіе этого рода смерти оказалось многимъ не подъ силу. Такъ, молодой работникъ Александры Ковалевой—Григорій Кравцовъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ Виталіи за благонравіе и за то, что „не пьетъ, въ игры не играетъ, не ѣстъ олен и пигдѣ не приписанъ“, не рассчитывалъ на то „что у него хватитъ силы воли совсѣмъ отказаться отъ пищи“, а потому предпочелъ зарыться въ первой партіи. Рѣшимость умереть посредствомъ самозакопанія твердо установилась среди скитанъ также и потому, что Виталія приводила какое-то изреченіе изъ Ефрема Сирина, гдѣ говорилось о засыпаніи землей и цепломъ при чемъ Виталія разъясняла, что такъ умереть не грѣшно.

Не послѣднюю роль въ совершившихся массовыхъ смертяхъ сыграла родственная связь, соединявшая самозакопавшихся другъ съ другомъ. „Такъ, говоритъ Ѳ. Ковалевъ, братъ Дмитрій былъ очень привязанъ къ матери и не хотѣлъ разстаться съ нею. Онъ говорилъ, что если мать возьмутъ въ острогъ, а его не возьмутъ,

то онъ ляжетъ подъ стѣнной острога и будетъ лежать, пока не умретъ". Многозначительны также мотивы къ лишенію жизни сестры Ѳ. Ковалева Ульяны, точно также находившейся въ сердечныхъ отношеніяхъ къ своей матери. То обстоятельство, что она, несмотря на отрицаніе матери, была, по показаніямъ Сибилева, признана ея дочерью и внесена въ перепись, крайне смущало Ульяну. Она находила, что этимъ занесеніемъ въ перепись она осквернена, и Виталія признавала нужнымъ по этому поводу читать надъ нею очистительную молитву. Опасаясь новыхъ записей, а также чтобы искупить свой грѣхъ она рѣшилась зарыться, называя Сибилева, опознаваемаго ею, Гудой-предателемъ.

Списходя на энергичныя предъявлявшіяся ему просьбы о закопаніи, Ѳ. Ковалевъ исполнилъ эти просьбы въ отношеніи третьей и четвертой группъ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

О намѣреніи третьей и четвертой группъ зарыться въ землю разговоры происходили неоднократно. Нѣкоторые предлагали кинуться въ Днѣстръ, но это предложеніе было отвергнуто изъ опасенія, что трупы могутъ всплыть, ихъ станутъ вскрывать и надругиваться надъ ними. „Въ понедѣльникъ, говоритъ Ѳ. Ковалевъ, отправился я вмѣстѣ съ двумя старыми монашками, Виталіей, Порасковъей Суховой и Ульяной въ усадьбу Ермолая Горзина, гдѣ раньше, еще лѣтомъ, видѣлъ погребъ. Тутъ было безопасно, не было собакъ и погребъ находился позади сарая, въ отдаленіи отъ жилого дома, зашли мы съ задней стороны усадьбы—со стороны усадьбы“. Когда яма была готова, Ѳедоръ Ковалевъ приступилъ къ закапыванію четырехъ монашекъ, просившихъ объ этомъ. „Первою въ яму вошла моя сестра Ульяна. Я стоялъ въ ямѣ и помогалъ ей и остальнымъ тремъ прыгать въ яму, поддерживая ихъ руками. Затѣмъ я вылезъ изъ ямы, и онѣ легли рядомъ. Я насыпалъ землю сперва на ноги, по мѣрѣ накопленія земли, таковая сама собою насыпалась все ближе и ближе къ головамъ. Когда остались открытыми однѣ головы—лежавшія въ ямѣ стали другъ съ другомъ прощаться, говоря: „Матушка, прости Христа ради“. Со мною онѣ простились раньше. Когда мы шли къ ямѣ въ усадьбѣ Горзиныхъ, то взяли съ собой фонарь, закрытый полотенцемъ, и нѣсколько стеариновыхъ свѣчей двадцатериковыхъ. Прилагаемый фотографическій снимокъ изображаетъ извлеченныхъ изъ ямы въ усадьбѣ Ермолая Горзина, четырехъ труповъ, а именно сестры обвиняемаго Ѳ. Ковалева—Ульяны, Прасковьи и Суховой и двухъ, проживавшихъ въ усадьбѣ Ковалева, монашекъ, которыя во время переписи арестованы не были. Это та самая Ульяна Ковалева, которая

убивалась тѣмъ, что несмотря на отрицаніе ея матери Александры Ковалевой, была опознана въ своей самоличности и которая вслѣдствіе этого страстно искала смерти, изнуряя себя голодомъ и умоляя брата живо погребсти ее въ ямѣ.

Условія, при которыхъ такимъ образомъ произошло самокопаніе третьей группы, свидѣлствуютъ объ происшедшихъ въ направленіи жизни скита существенныхъ измѣненіяхъ, сравнительно съ декабремъ мѣсяцемъ. При первыхъ самокопаніяхъ отправлявшіеся на казнь шли видимо убѣжденными въ томъ, что они не совсѣмъ кончаютъ съ жизнью свои расчеты, а только переходятъ въ лучшее существованіе, удаляясь отъ антихриста и приближаясь къ царству небесному. Едва-ли сложилось однако у нихъ явственное представленіе объ ожидавшемъ ихъ. Земное и небесное синтезировалось въ нихъ едва-ли полностью, а соотвѣтственно этому въ ихъ дѣйствіяхъ обнаружилась смѣсь необычайной силы воли, способности жертвовать интересами личнаго существованія, а съ другой стороны недоразвитость мысли и потеря чувства реальности, обусловившіе весь ужасъ и все убожество ихъ положенія. Взятые съ собой въ мину въ первой группѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, разбитое корыто, съ цѣлью обслуживать нужды дѣтей, одежда, посланная на сырую землю, въ видахъ предупрежденія простуды, книги и молитвенники, захваченные съ собой для болѣе или менѣе долгаго пользованія, торжественная обстановка ночного шествія въ нарочито одѣтыхъ платьяхъ, при зажженныхъ свѣчахъ, пѣніе молитвъ при проводахъ ближнихъ, — все это указывало на высокій существовавшій тогда подъемъ жизненности, а не на безнадежно подавленную психику. Ничего подобнаго не усматривалось уже въ февралѣ мѣсяцѣ. Самокопавшіеся въ третьей группѣ находились подъ господствомъ одной только мысли, — какъ бы поскорѣ покончить съ своимъ невыносимымъ личнымъ существованіемъ, при чемъ никакихъ уже иллюзій относительно завтрашняго дня не дѣлалось. Многочисленные скитане не сопровождали уже шествіе третьей группы въ могилу; ихъ замѣнилъ исполнитель казни Феодоръ Ковалевъ, и только одна Виталія присутствовала еще при актѣ закапыванія и, нужно полагать, нравственно поддерживала несчастныхъ.

Та же безнадежность и безвыходность положенія проявлялась и въ обстановкѣ тѣхъ скитанъ, которые вошли въ четвертую группу самокопавшихся. По словамъ О. Ковалева, днемъ въ пятницу 28 февраля, онъ зашелъ въ погребъ Оминыхъ, дверь котораго всегда была открытой, осмотрѣлъ его и увидѣлъ, что

Фотографическіи снимокъ съ труновъ заживо-погребенныхъ О. Ковалевыхъ. 11 февраля 1897 г., въ усадьбѣ Горзина —
дочери Ковалева Ульяны. Произошло въ Сибирѣ.

можно вырыть мину подъ стѣной, а землю разбросать на полу, т. е. порогъ высокъ и это будетъ незамѣтно. Объ этомъ онъ сообщилъ Виталію и остальнымъ рѣшившимся закопаться, и всѣ стали его усердно благодарить. Ночью съ зажженнымъ фонаремъ, обернутымъ снаружи полотенцемъ, онъ со спутниками спустился въ погребъ и, заперевъ за собою двери, принялись за работу. „Мы, продолжаетъ Ковалевъ, съ братомъ Дмитріемъ, взяли двѣ лопаты и для удобства онъ отпилилъ ручку одной изъ нихъ, послѣ чего мы легли на животъ и стали рыть землю и выбрасывать ее въ погребъ руками, лопатами и ногами. Виталія и остальные разбрасывали землю по всему погребу и утаптывали ее ногами. Для удобства я вынулъ снизу стѣны одинъ камень, а когда всѣ залѣзли, заложилъ этотъ камень на прежнее мѣсто и закрылъ отверстіе мины двумя камнями, чтобы при забивкѣ отверстія сверху землей таковая не сыпалась бы на ноги людей. Первымъ влѣзъ въ мину братъ Дмитрій, Виталія влѣзла третьей. Всѣ рѣшившіеся умереть прощались сперва дома, при чемъ обнимались и цѣловались другъ съ другомъ и со мной, забравшись же въ мину, говорили лишь: „прости Христа-ради“. Въ послѣдней партіи съ Виталіей зарылась Пелагея Матвѣевна младшая (одна изъ самыхъ близкихъ, какъ мы видѣли, Виталію монашекъ). Забивши отверстіе, я вышелъ изъ погреба“.

Такъ окончила свое земное существованіе лже-монахиня Виталія—эта замѣчательная во многихъ отношеніяхъ женщина, можно сказать, создавшая скитъ въ Плавняхъ, организовавшая борьбу съ антихристомъ и принесшая при помощи Ѳ. Ковалева многочисленныя человѣческія жертвы, какъ результатъ ея религіознаго фанатизма, погубивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и себя.

Какъ ни велико было ея значеніе въ этомъ дѣлѣ, ретроспективный взглядъ на происшедшее даетъ основаніе для заключенія, что, не найди она въ Плавняхъ, среди обитателей ихъ, благопріятныхъ условій для успѣшности своей пропаганды, таковая не привела бы къ столь роковому концу.

При такихъ условіяхъ и въ такихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ выразилась, въ концѣ XIX в. подъ городомъ Тирасполемъ, борьба мѣстнаго раскольничьяго населенія съ антихристомъ—событіе совершенно исключительнаго свойства, не имѣющее, повидимому, ничего аналогичнаго съ формами преступности, обнаружившимися въ жизни другихъ, современныхъ намъ странъ Европы.

Въ Тираспольскомъ событіи обнаружилось не мало конкрет-

ныхъ признаковъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что, несмотря на всю силу идейнаго увлеченія мыслью объ антихристѣ и необходимости борьбы съ нимъ, рѣзко проявилось міровоззрѣніе матеріалистическаго свойства. Антихристъ рисовался воображенію скитянь, не въ качествѣ духовнаго начала, а въ качествѣ тѣлеснаго существа, воцарившагося на землѣ и набирающаго себѣ войско для подавленія всѣхъ преданныхъ истинному Богу людей. Хотя представленіе о загробной жизни и сложилось на почвѣ идеалистической, но приняло оно въ вѣроученіи скитянь матеріальный обликъ. Прощаясь съ земной обстановкой своей жизни въ Плавняхъ, они видимо полагали, что на небесахъ ожидаетъ ихъ новое жилище, приуроченное къ ихъ земнымъ потребностямъ. Такія матеріалистическія черты, обнаружившіяся въ міровоззрѣніяхъ скитянь, можно найти и въ представленіяхъ русскаго народа о смерти и загробной жизни. На основаніи изслѣдованій причитаній, духовныхъ стиховъ и другихъ источниковъ русскаго, народнаго творчества Я. Генерозовъ¹⁾ приходитъ къ заключенію о матеріальности представленія нашего народа о душѣ. Она изображается какъ существо, которое можетъ пить, ѣсть, гдѣ нибудь стать, за что-нибудь ухватиться. Во многихъ мѣстностяхъ до сихъ поръ приносятъ на могилы ѣду и приглашаютъ усопшихъ „хлѣба, соли откусать“; чтобы облегчить смертную борьбу умирающаго, снимаютъ надъ нимъ потолокъ или поднимаютъ матицу, т. е. брусъ въ потолокъ; какъ только человекъ умираетъ, немедленно отворяютъ окно, на которое иногда ставятъ чашку съ водой и вѣшаютъ полотенце, чтобы душа, улетаая, могла умыться и утереться. Такимъ же матеріалистическимъ характеромъ окрашиваются и предположенія о жизни праведныхъ въ раю: „всѣ праведные взяты будутъ на облацы небесныя; пища готовится имъ вся различная; одежда во вѣки не изнашиваемая; лицо праведныхъ просвѣтится солнцемъ праведнымъ; тамо нѣтъ болѣзни, ни плача, ни слезъ, но все радость и веселье безконечное“. Переходъ души въ загробную жизнь представляется отправленіемъ „въ путь-дорогу“, а сама загробная жизнь рисуется въ условіяхъ земной жизни: пастухъ находитъ тамъ отличные луга для своего скота, охотникъ ловить и убиваетъ звѣрей въ дремучихъ лѣсахъ, за умершимъ отправляются его лошади, собаки, оружіе, лодки и рыболовные

¹⁾ Я. Генерозовъ: „Русскія народныя представленія о загробной жизни“— 1883 г. стр. 2, 5, 18, 21, 39 и др.

спаси и т. п. Такія идейныя представленія очевидно сложились подъ неотразимымъ вліяніемъ природы и унаслѣдованы отъ язычества. То, что разъ отложилось въ психикѣ, не уничтожается полностью, а вмѣстѣ съ новыми наслоеніями психической жизни образуютъ одно цѣльное ¹⁾.

Отъ этихъ остатковъ языческаго міровоззрѣнія, отъ этого объединенія жизни земной съ жизнью небесной, какъ продолженіе ея, Виталія не сумѣла охранить себя и руководимыхъ ею скитанъ. Она знала тексты священнаго писанія, но видимо толковала ихъ, не выяснивъ себѣ духа ученія Христа. „Нѣтъ ничего противнаго этому духу, говоритъ проф. Тарфевъ ²⁾, какъ думать, что загробная жизнь есть продолженіе нашей видимой, земной жизни съ ея личными интересами и внѣшними благами; плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царства Божія и тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія“ (Кор. I, XV, 50). Между тѣмъ въ міровоззрѣніяхъ Виталіи и ея сподвижниковъ блаженство, котораго они искали въ царствѣ небесномъ, представлялось для нихъ, повидимому, конечною ступенью развитія ихъ земной жизни. Благодаря этому міръ идей и явленій дѣйствительности, въ концѣ концовъ, до такой степени слился въ ихъ умѣ воедино, что была утеряна почва подъ ногами, а вмѣстѣ съ нею и мѣра къ опредѣленію жизненности своихъ вѣрованій. Они перестали понимать, гдѣ кончается дѣйствительность и гдѣ начинается область идей, мистическихъ влеченій. Въ исторіи нашего раскола уже занесены случаи такого забвенія реальности. Такъ, въ XVII в. ожидая соотвѣтственно нѣкоторымъ указаніямъ апокалипсиса, наступленія царства антихристового, люди собирались толпами, молились, постились, каялись другъ другу въ грѣхахъ и съ трепетомъ ожидали архангельской трубы, оповѣщающей о кончинѣ міра. По господствовавшему въ ту пору воззрѣнію кончина міра должна была заявиться въ полночь, вслѣдствіе чего, при наступленіи ночи, ревнители стараго благочестія надѣвали бѣлыя рубахи, саваны и ложились въ долбленные изъ цѣльнаго дерева гробы ³⁾. Протопопъ Авва-

¹⁾ Указанныя грубо матеріалистическія черты народной психологіи не составляютъ однако исключительно принадлежности русской народности. *Prof. Dr. Fh. Achelis* „Abriss der vergleichenden religionswissenschaft“ стр. 48, 138 и др., любопытно, что средневѣковая догматика схоластически разработала (у Томы Аквійскаго) загробную жизнь въ условіяхъ, напоминающихъ земное существованіе.

²⁾ Проф. Тарфевъ: Христіанское міровоззрѣніе, т. III, стр. 144.

³⁾ П. Милоковъ: Очерки по исторіи русской культуры, ч. II, стр. 49.

кумъ, въ разгарѣ этихъ ожиданій, уже видѣлъ антихриста собственными глазами: „я, братья мои, писалъ онъ, видѣлъ антихриста, собаку бѣшеную, — право, видѣлъ! Плоть у него вся смрадъ и тѣло дурна, огнемъ пышетъ изо рта, а изъ ноздрей и изъ ушей пламя смрадное исходитъ“. Повидимому, только уничтоженіемъ грани, отдѣляющей дѣйствительность отъ понятій, можно объяснить существованіе тѣхъ многочисленныхъ, массовыхъ самоистребленій, о которыхъ свидѣлствуетъ исторія нашего раскола ¹⁾. Если бы въ конечномъ результатѣ жестокаго мѣры самоуничтоженія не сулили фанатикамъ въ будущемъ ничего соблазнительнаго, едва ли онѣ были бы примѣняемы. Виталія и ея послѣдователи были однако глубоко убѣждены въ дѣйствительности ожидающаго ихъ впереди блаженства; притягательная сила послѣдняго была настолько велика, что забыты были изреченія апостола о томъ, что „любящій душу свою погубить ее, а ненавидящій душу свою въ мірѣ семъ сохранить ее въ жизнь вѣчную“. (Іоан. XII, 24, 55) и что „кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ обрѣтетъ ее“. (Мѣ. X, 39, XVI, 24). Они уклонились также отъ пониманія той истины, что Христосъ призываетъ не къ счастью, а къ тому, чтобы нести Его крестъ и взять Его иго.

Разобившись съ дѣйствительностью и утративъ пониманіе истины христіанскаго ученія, они пошли ложнымъ путемъ и должны были въ этомъ убѣдиться. Они не вникли въ достаточной степени въ слова священнаго писанія о томъ, кому суждено не увидѣть смерти во вѣки? На этотъ вопросъ евангелистъ Іоаннъ (VIII, 5) отвѣчаетъ категорически: „тому, кто соблюдаетъ Слово Мое“, а этого слова самозакопавшіеся не соблюдали, такъ какъ уклонились отъ заповѣди Христа „возьми Крестъ свой и слѣдуй за Мной“. Вмѣсто хожденія этимъ путемъ, они прибѣгли къ самоубійству и тѣмъ оказали противодействие велѣнію Спасителя. Сознаніе этой ошибки они ощутили, надо думать, предъ самой смертью своею и притомъ тогда, когда избраніе новаго пути для спасенія было уже невозможно. Для того, чтобы понять весь ужасъ ихъ запоздалаго просвѣтленія,

¹⁾ *Смирновъ*. Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в. 1898 г. стр. CII, CV, CVI (о самосожиганіяхъ). Самоистребленія, говоритъ онъ, богаты видѣніями, стр. 78, 122. См. также о самосожиганіяхъ литературные источники на стр. 63, 80, и слѣд. *Смирновъ*: Споры и раздѣленія въ расколѣ... 1909 г. стр. 352—362, 81—86.

достаточно сопоставить признаки ихъ настроенія въ моменты, предшествующіе самозакопанію, съ тѣми фактическими данными, о которыхъ свидѣлствуютъ протоколы судебно-медицинскаго освидѣтельствованія ихъ труповъ. Они шли на самозакопаніе (въ особенности тѣ, которые входили въ первую группу) въ восторженномъ настроеніи, не опасаясь смерти и не ощущая могильнаго холода, при вхожденіи своемъ въ вырытыя для нихъ ямы. Они могли бы въ эти моменты съ полнымъ основаніемъ воскликнуть словами Оссіи: „смерть! гдѣ твое жало? адъ! гдѣ твоя побѣда?“ (Корине. I, XV, 55). Но какъ ужасно должно было быть ихъ разочарованіе и ихъ ужасъ въ слѣдующіе за тѣмъ моменты, закончившіе ихъ земное бытіе.

Обнаруженные въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ 1897 г. трупы дали основаніе для ихъ судебно-медицинскаго осмотра, и для заключенія врачей о причинахъ послѣдовавшихъ смертей и обстоятельствъ, ихъ сопровождавшихъ. Выяснилось, что большинство труповъ находились въ такомъ періодѣ разложенія, что на нѣкоторые вопросы—какъ напримѣръ вопросъ и дѣйственности Виталии—врачи не могли дать своего заключенія. Они установили тѣмъ не менѣе съ несомнѣнностью, что смерть послѣдовала отъ асфикціи, то-есть отъ прегражденія доступа воздуха въ легкія, что наступленіе смерти было мучительно и что періодъ агоніи не для всѣхъ самозакопавшихся группъ былъ одинаковъ. Это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что закопавшіяся непосредственно въ ямахъ, вслѣдствіе набрасыванія земли на улегшихся въ свою могилу лишены были всякаго доступа воздуха, равно какъ возможности движеній. Трупъ Виталии, а также прахъ похоронившихся съ ней монашекъ (между прочимъ близкой ей при жизни Пелагеи Матвѣевой, младшая) лежали въ ямѣ. Яма эта, или мина, гдѣ схоронилось шесть взрослыхъ людей, имѣла въ длину около $\frac{3}{4}$ сажени, въ ширину 5 ар. и въ вышину $\frac{3}{4}$ арш. По заключенію врачей, смерть людей этой группы должна была послѣдовать не болѣе какъ черезъ 10 или 15 минутъ, послѣ ихъ закопанія. Яма въ усадьбѣ Горзина, въ которой похоронились четверо лицъ и между прочимъ Ульяна Ковалева (трупы которыхъ изображены на фотографическомъ снимкѣ по ихъ вынутіи изъ ямы), имѣла глубины $2\frac{1}{2}$ арш., при чемъ всѣ трупы усмотрѣны лежащими на правомъ боку. Эти трупы, по удостовѣренію протокола осмотра, „одѣты въ длинныя, черныя, смертныя рубахи и такія же черныя мантии съ красной каймой; ноги обернуты чернымъ холстомъ, въ сандаліяхъ перевязаны краснымъ шнуркомъ

крестообразно. У всѣхъ на головахъ камилавки, на шеѣ кипарисные кресты. Первый трупъ старой монашки и второй Прасковьи Суховой и одѣтъ въ полную схиму; у обѣихъ схимницъ парамантъ, на правой рукѣ у всѣхъ кожанныя лестовки. На Суховой и Ульянѣ Ковалевой оказались вериги, на первой желѣзныя, на второй мѣдныя. Вериги зацѣпляются крючкомъ. У всѣхъ труповъ волосы на головахъ длинныя, неподстриженныя. На днѣ ямы, изъ которой вынуты трупы, найдено рядно“.

Не излагая содержаніе всѣхъ другихъ протоколовъ судебно-медицинскаго осмотра, устанавливающихъ много тождественныхъ фактическихъ данныхъ, представляетъ особый интересъ сдѣлать выдержки изъ осмотра 9-ти труповъ, найденныхъ въ погребѣ Назара Фомина, принадлежавшихъ первой группѣ самоубившихся. Какъ то указано было, уже эти страдальцы собственнаго изувѣрства рѣшились докончить съ своимъ существованіемъ въ тѣ моменты жизни, когда въ нихъ господствовало ничѣмъ не нарушавшееся восторженное настроеніе. Соотвѣтственно этому къ устройству ихъ могилы приложено было особое стараніе къ тому, чтобы обставить послѣднія минуты ихъ жизни соотвѣтственно ихъ религіозному настроенію. Въ протоколѣ значится, что „когда отверстіе въ стѣнѣ было разрушено (судебнымъ слѣдователемъ въ интересахъ изслѣдованія) настолько, что можно было войти въ мину, то при освѣщеніи магнія и свѣчей на полу въ минѣ оказались трупы людей, изъ которыхъ четыре лежали отдѣльно, въ различныхъ мѣстахъ и положеніяхъ, остальные, неизвѣстно сколько, лежали группой, кучей, самымъ входомъ въ мину. Мина имѣетъ въ длину 5 арш., въ ширину 2 и въ вышину 3 арш.... Отдѣльно лежавшіе трупы были „трупъ матери съ младенцемъ у праваго ея бока (то-есть трупъ Александры Ковалевой съ младенцемъ, котораго она кормила). Мать лежала навзничъ, лѣвая верхняя конечность, согнутая въ локтѣ, покоилась на груди, правой придерживала ребенка“...

Приведенныя фактическія данныя этого послѣдняго протокола говорятъ объ многомъ. Положеніе труповъ, скопившихся въ кучу у входа, свидѣтельствуетъ о томъ (по мнѣнію врачей), что, почувствовавъ нестерпимое удушье, многіе изъ замуровавшихся искали спасенія и группировались въ темнотѣ у выхода изъ мины, обезсиленные, громоздясь другъ на друга, тщетно старались найти выходъ. Но въ покойной женѣ О. Ковалева Александрѣ материнское чувство не заглушилось личными стра-

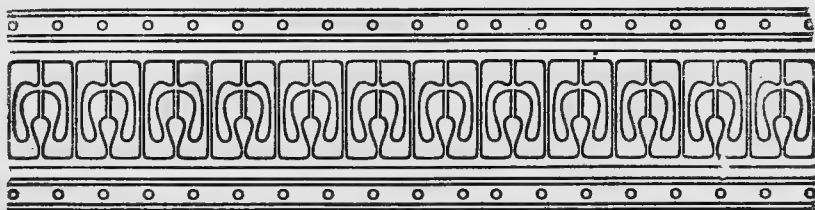

даніями, и лежащій обособленно трупъ ея съ рукой, не отпущившей младенца изъ груди ея, краснорѣчиво свидѣтельствуешь о томъ, что должна была испытать она въ агоніи, какъ мать, приведшая на ужасную смерть двухъ, нуждавшихся въ ея заботѣ и помощи, дѣтей (трупъ второго ребенка лежалъ не далеко отъ нея).

В. Случевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сто лѣтъ назадъ ¹⁾.

Извлеченіе изъ писемъ И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову
о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ за октябрь 1813 г.

129.

С.-Петербургъ, ноября 4, 1813 г.

Радуйтесь, что спасена Россія, что Александръ Первый избавилъ нынѣ и чуждыя земли отъ ужаснаго ига корсиканца. Ему единому дѣйствительно принадлежитъ благодареніе, слова и честь за все успѣхи.

Я намекалъ моему коллаборатору назвать Лейпцигскую битву Александровскою: онъ какъ-то или забылъ, или чужой мысли не захотѣлъ употребить; я же насильно ни съ чѣмъ не навязываюсь. Между тѣмъ Меркель въ своемъ *Zuschauer*ъ называлъ ее Александровскою. Вчерась пріѣхалъ наконецъ изъ-за Веймара изъ какого-то мѣстечка фельдъегерь отъ Государя, 14-го октября отправленный. Важнаго ничего не привезъ. Французы бѣгутъ такъ къ Рейну, что и догонять ихъ трудно.

Черезъ берлинскія газеты получили мы позднѣйшія извѣстія. Вы все любопытнѣйшія пайдете въ печатныхъ приложеніяхъ.

Сюда пріѣхали и гр. Бутурлинъ, и Петръ Алексѣевичъ Обрѣзковъ. Узналъ токмо о семъ вчерашній день. Хотѣлось бы по крайней мѣрѣ съ послѣднимъ повидаться поскорѣе, но я слишкомъ нездоровъ, погода самая поганая, осенняя. Отчаясь въ появленіи зимы, навели здѣсь опять разведенные мосты.

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1913 г.

130.

С.-Петербургъ, ноября 7, 1813 г.

Упущу ли я сообщить моему другу все то любопытное, что мнѣ токмо самому извѣстно? Фельдъегерей новыхъ нѣтъ. Почта прусская вмѣсто среды притащилась едва прошедшею ночью. По газетнымъ извѣстіямъ должно полагать, что по занятіи Франкфурта-на-Майнѣ баварскими войсками безъ всякаго сопротивленія, Наполеонъ, повернувъ вправо, намѣревается пробраться въ Голландію. Вюртембергскій король объявилъ себя на сторонѣ союзныхъ державъ, и уже войска его соединились съ австрійцами и баварцами въ Ашаффенбургъ. Глав. квартира наслѣднаго принца шведскаго 30 октября была въ *Гейлшенигедтль*. Прочихъ глав. квартиръ не означаютъ; ибо, вѣроятно, при быстрыхъ движеніяхъ за бѣгущимъ непріателемъ онѣ непрерывно перемѣняются. Бременъ опять занятъ частію корпуса *Даву*. Онъ отрѣзанъ, да, кажется, по данной ему отъ злодѣя инструкціи не смѣетъ и пробиваться, поелику долженъ удержатъ датчанъ страхомъ отъ соединенія съ защитниками священнаго дѣла.

Сен-Сиръ, выползшій изъ Дрездена, какъ увидѣлъ, что вокругъ него окинуты сѣти, поворотилъ туда назадъ, гдѣ онъ теперь и замкнутъ.

Ожидаютъ, что датчане скоро объявятъ себя противниками французовъ.

Въ напечатанныхъ статьяхъ, которыя фабрики Наполеоной, помѣщались до взятія Лейпцига въ тамошней газетѣ на счетъ Бернадотта, увидите вы яростное изступленіе сего изверга. Это доказываетъ токмо, сколь опаснаго видить противника въ семъ героѣ. Брань и клеветы Наполеоновы содѣлались патентами на безсмертіе.

Бывшій принцъ Гессенскій уже въ Касселѣ, гдѣ встрѣтили его жители съ неописанною радостію.

131.

Ноября 8, 1813 г.

Вскорѣ послѣ отправленія вчерашняго моего посланія прибылъ около вечеренъ фельдъегерь отъ Государя. Его отправили 20 октября изъ Мейнингена. Кромѣ вожделѣннаго извѣстія о

наилучшемъ состояніи здоровья возлюбленнаго Александра Павловича новостей важныхъ другихъ не привезъ. Всѣ главныя силы наши и прусскія должны быть теперь на Рейпѣ. Австрійцы токмо идутъ что-то прокладно. Они, кажется, повторяютъ зады. Чего добраго! Папенька не сжалился ли ради дочки надъ зятькомъ своимъ. Я сіе передаю вамъ изъ нѣкоторыхъ полученныхъ здѣсь партикулярныхъ писемъ, а за достовѣрность не ручаюсь. Купцы получили изъ Кенигсберга отъ корреспондентовъ своихъ съ послѣднею почтою извѣстіе, что *Данцигъ* черезъ недѣлю долженъ будетъ непременно сдаться. Коль скоро сіе послѣдуетъ: то нарочитое число осадныхъ войскъ можно будетъ употребить для другихъ предпріятій. Такимъ образомъ съ постепеннымъ паденіемъ крѣпостей число дѣйствующихъ въ полѣ войскъ союзныхъ будетъ умножаться, а французъ испытаетъ чувствительный ущербъ, ежели токмо рѣшится оставлять гарнизоны военнопленными, но не отпускать ихъ на честное слово домой въ чаяніи ихъ бездѣйствія. Бонапарту ли вѣрить! его ли креатурамъ!

Изъ Вильны хотя получаю два раза въ недѣлю регулярныя извѣстія, но они всегда отстаютъ отъ помѣщаемыхъ въ берлинскихъ газетахъ: по сей причинѣ не для чего ихъ и касаться. Тамъ праздновали послѣ всегдашней апатіи три дня сряду побѣды подъ Лейпцигомъ великолѣпными столами у военнаго губернатора, у гражданскаго и у епископа Стройновскаго, вольнымъ спектаклемъ, баломъ на счетъ дворянства и маскарадомъ на городское иждивеніе. Евреи больше прочихъ изъявили при семъ случаѣ радость свою какимъ-то угощеніемъ въ кагалѣ и отличною иллюминаціею.

Дивлюсь, что о томъ ничего не возвѣстила сѣверная почта до сихъ поръ, а гражданскій губернаторъ и почтдирикторъ всякій по своему вѣдомству репортовали о сихъ празднествахъ.

Фельдъегеря изъ главной квартиры Государи нѣтъ. Привезенныя послѣднею почтою извѣстія найдете въ печатныхъ приложеніяхъ. Хотя злодѣю до Рейна задали еще добрую пердрягу, но онъ переправился чрезъ рѣку сію, гдѣ хотѣлъ, не взирая, что во Франкфуртѣ онъ былъ предупрежденъ союзными войсками.

Наслѣдный принцъ Шведскій поворотилъ на Даву. Тутъ дѣло затѣяли навѣрняка. Эмюльскому герцогу ни побѣдить, ни ускользнуть не можно. Либо сдавайся; или подводи себя въ отчаяніи подъ обухъ. Сен-Сировъ корпусъ находится въ наилучшемъ положеніи.

Авось наконецъ чрезъ безалаберное распоряженіе Наполеона попадутся наконецъ его два маршала въ плѣнъ. Вѣрнѣе или скорѣе всего ожидаютъ извѣстій о постепенномъ паденіи осаждаемыхъ крѣпостей.

133.

С.-Петербургъ, ноября 14, 1813 г.

Чрезъ записку извѣщенъ, что есть фельдъегерь, отправленный изъ *Швейнфурта*. Онъ не могъ привести ничего особеннаго; иначе бы важныхъ успѣховъ не продержали два дня подъ спудомъ. По газетамъ Государь нашъ съ австрійскимъ Императоромъ 2 ноября имѣлъ торжественный въѣздъ при радостныхъ восклицаніяхъ безчисленнаго народа въ Франкфуртъ.

Проѣхавъ прямо въ тамошнюю соборную церковь, гдѣ короновались римскіе Императоры, приносили увѣнчанные побѣдами монархи благодареніе поборающему правому дѣлу Провидѣнію.

Опять палъ лучшій германскій генералъ графъ *Вреде* подъ Ганау. Предводительствуя самъ штурмомъ на сей городъ, получилъ онъ смертельную рану въ животъ. Въ сопротивленіи, которое дѣлалъ сей искусный полководецъ главнымъ силамъ Наполеона, когда погибавшій злодѣй отчаянно прокладывалъ себѣ дорогу къ Майнцу, покрылъ онъ себя вѣчною славой, ибо съ малымъ числомъ войскъ сдѣлалъ онъ противъ непреодолимой непріятельской силы почти невозможное: удерживалъ на бѣгствѣ остатки лучшихъ французскихъ войскъ, нанесъ имъ жестокое пораженіе, а между тѣмъ далъ время другимъ союзнымъ корпусамъ истреблять арьергарды ихъ. Жаль сего героя, жаль не менѣе, что и корсиканецъ еще разъ успѣлъ избѣгнуть приготовленнаго для него удара. Чернышевъ развѣзжаетъ уже за Рейномъ и наводитъ въ франц. департаментахъ страхъ и смятеніе. Генералъ Бюловъ поворотилъ въ Голландію и уже вступилъ на ея землю. По всѣмъ соображеніямъ Рейнъ на этотъ разъ и до открытія весны долженъ остаться позиціею союзныхъ войскъ. О Штеттинѣ въ газетахъ еще не возвѣщено

ничего достовѣрнаго. Дрезденскій гарнизонъ готовъ сдаться, но съ тѣмъ, чтобъ его отпустили во Францію. Въ семь наотрѣзъ ему отказано. О дѣйствіяхъ наслѣднаго принца Шведскаго ничего не пишутъ: извѣстно токмо, что уже онъ находился въ *Ганноверъ*.

Завтра стараніемъ Пезаровіуса будетъ данъ концертъ въ пользу инвалидовъ. Деньги валяютъ симъ приведеннымъ въ бездѣйствіе воинамъ со всѣхъ сторонъ.

134.

Ноября 18. 1813 г.

Важнѣйшее въ послѣднихъ газетахъ то, что у Гекста (близъ Майнца) было кровопролитное дѣло съ французами: они потеряли тутъ около 35 тысячъ убитыми и плѣнными, и были прогнаны какъ собаки.

Триентская цитатель взята австрійцами, которые дошли уже до *Вероны* и сильно на всѣхъ пунктахъ надвигаютъ на короля Итальянскаго, просившаго уже перемирія, въ коемъ ему отказано. Англичане около Рима приводятъ недовольныхъ итальянцевъ въ волненіе. *Мюратъ* проскакалъ куда-то чрезъ Базель на *Везей*. Новый фельдъегерь не привезъ, кажется, ничего особеннаго.

135.

Ноября 19. 1813 г.

Англійская почта, шедшая чрезъ Швецію, привезла весьма важное извѣстіе о взятіи *Пампелуны* на капитуляцію лордомъ Веллингтономъ. Она была до сихъ поръ единственною помѣхою походу британскаго полководца во Францію. Очень кстати будутъ теперь въ одно время угрожать и на западѣ и на востокѣ впаденіемъ такой землѣ, которая въ прошломъ году мечтала еще покорить Россію. Посмотримъ, какъ-то будетъ изворачиваться корсиканецъ во всѣхъ мѣстахъ! Не приступитъ ли онъ сей разъ къ той мѣрѣ, о которой нѣкогда говорили министры его, бросившись изъ существеннаго мира въ миеологическій. „Sire, vous n'avez qu'à frapper la terre pour en faire sortir des armées“. Пусть его попробуетъ, правду ли ему говорили подлые льстецы. Прошло то время, когда всякое неистовое, негнѣное предпріятіе удавалось ему. Забылся варваръ, что онъ такой же

человѣкъ, какъ и прочіе люди, что такія же бѣдствія и несчастья могутъ его постигать, какими покрылъ онъ всю твердую землю Европы. Время! время отдохнуть человѣчеству, страждущему отъ одного токмо человѣка.

136.

С.-Петербургъ. Ноября 21. 1813 г.

Новости состоятъ въ томъ, что *Модмъ* и *Эрфуртъ* сдались на такую же капитуляцію, какъ и *Дрезденъ*; т. е. за ихъ гарнизоны должно равное число выдать Франціи или иныхъ союзныхъ державъ, наблюдая равность и въ чинахъ. Дрезденскій гарнизонъ простирается за 27 тысячъ. Послѣ бывшаго въ Франкфуртѣ большого военнаго совѣта союзныя войска въ числѣ 90.000 переправились черезъ Рейнъ при Мангеймѣ. Гохгеймъ взятъ приступомъ австрійцами. Ежели токмо правда, то можно почитать послѣднимъ наказаніемъ Наполеона возвращаемую во всѣхъ газетахъ чрезвычайную новость, будто Мюратъ намѣренъ съ 40-ка тысячами итальянцевъ идти противъ пожаловавшаго его въ короли. *Ainsi la canaille s'entre detruira: mais je m'arrête encore à y ajouter foi.* Скажите сами, какой награды можетъ ожидать Мюратъ отъ союзныхъ державъ за таковой подвигъ? Около Майнца и Страсбурга разѣзжаются уже летучіе отряды, а по газетнымъ же, недостовернымъ извѣстіямъ однакоже, Веллингтонъ взялъ *Бордо*.

137.

Ноября 22. 1813 г.

Вчера былъ опять новый фельдъегерь изъ Франкфурта. Вѣсти, имъ привезенныя, ограничиваются единственно вожделѣннымъ здравіемъ Государя Императора и взятіемъ Гохгейма.

138.

Ноября 28. 1813 г.

Все бы хорошо, да я самъ никуда не гожусь. Взяты Данцигъ, Штеттинъ и Баіонна. Весь Сен-Сировъ корпусъ повероченъ княземъ Шварценбергомъ назадъ въ Дрезденъ; ибо, капитуляціи австрійскій фельдмаршалъ ратификовать не рассу-

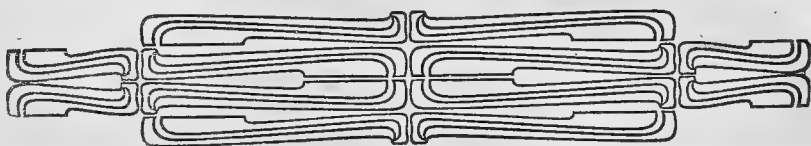
дигъ, а французы, не имѣя средствъ держаться въ Дрезденѣ, разсудили также лучше имъ сдаться въ плѣнъ. Ихъ ведутъ теперь въ Богемію. Я полагаю, что вы все сіе найдете въ Консерваторѣ, котораго за слабостію не могъ пробѣжать. Наполеонъ явился уже въ Сен-Клу.

Этими строками мы заканчиваемъ печатаніе писемъ И. П. Одента къ А. Я. Булгакову. Въ архивѣ Булгакова сохранились еще три письма Одента, помѣченныя декабремъ 1813 года, и одно отъ 27 января 1814 года, но письма эти не представляютъ какого-нибудь общаго интереса; они наполнены жалобами Одента на свои болѣзни и злосчастія. О дальнѣйшей судьбѣ Одента намъ извѣстно немного. Въ мѣсяцесловѣ съ росписью чиновныхъ особъ 1814 года Оденталь значится чиновникомъ С.-Петербургскаго почтамта въ рубрикѣ „состоящихъ при разныхъ должностяхъ“; въ 1815 году онъ опредѣленъ цензоромъ.

С. Долговъ.

Розовое и черное изъ моей жизни.

IV ¹⁾.

Возьмите меня назадъ, писала я черезъ недѣлю въ В., „возьмите хотя сторожемъ. Я не могу оставаться въ Ж., не могу жить безъ васъ, моихъ милыхъ и славныхъ в—скихъ друзей“.

Я очутилась какъ будто въ глухомъ лѣсу. Пусть боръ давно и кончился, и пара лошадей довезла меня туда, куда я теперь принадлежала—въ городъ, отстоявшій отъ желѣзной дороги въ 60 в. и, который, очутившись въ его центрѣ, я приняла за деревню.

— Когда же, наконецъ, мы прѣдемъ?—все продолжала я спрашивать ямщика.

А онъ уже высаживалъ меня на лучшей улицѣ въ гостиницѣ.

Одноэтажные желтые деревянные домики и желтыя песчаныя улицы. Неужели это городъ, гдѣ 15 т. жителей?

Правда, что чуть не половина домовъ стояли заколоченными. Ни одной фабрики, никакой промышленности не существовало въ Ж., и поневолѣ жителямъ приходилось уходить и значиться въ городѣ лишь по календарю.—Сколько было ихъ на самомъ дѣлѣ—тысячъ 6, 7, а можетъ быть, и меньше.

Когда я выѣзжала вечеромъ, то закрывала глаза, потому что не выносила окружавшаго меня мрака: рѣдкіе фонари зажигались только на одной улицѣ, на такъ называемомъ „Большакѣ“, единственной мощеной.

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1913 г.

И это городъ!

Я очутилась въ этомъ городѣ теперь одна на свѣтѣ: ни души, которую бы я знала, и приходилось такъ или иначе устраиваться.

Единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ я могла говорить, оказался половой гостиницы (женской прислуги по провинціальнымъ обычаямъ, вѣдь, и до сихъ поръ не полагается). Это былъ добродушный, красивый и глупый парень.

— Позовите мнѣ лучшаго извозчика въ городѣ,—отдала я ему приказаніе, которое онъ, какъ ни былъ глупъ, могъ исполнить.

— Приѣхалъ Иванъ Щукинъ, объявилъ онъ мнѣ черезъ 5 минутъ, ухмыляясь.

Здоровенный молодой человѣкъ въ сѣромъ аязмѣ, подпоясанный зеленымъ кушакомъ, важно сидѣлъ на козлахъ своей пролетки и держалъ бѣлую рослую лошадь.

Онъ одинаково держалъ въ своихъ рукахъ и мою судьбу.

— Иванъ, сказала я извозчику, свези меня туда, гдѣ мнѣ слѣдуетъ быть; ты здѣсь все знаешь.

Онъ приподнялъ фуражку и ударилъ лошадь вожжами.

— Куда сначала?—освѣдомилась я.

— Къ Л.,—отвѣчалъ Иванъ. Онъ у насъ предводителемъ, а И. И. попечительницей надъ гимназіей.

Отворилъ ливрейный лакей и ввелъ меня въ кабинетъ. Въ очень большой комнатѣ сидѣлъ у письменнаго стола А. А., скорѣе похожій на мертвца, чѣмъ на живого человѣка.

— Простите, пожалуйста, что я не могу встать,—привѣтствовалъ онъ меня съ грустью.

Какая-то страшная и сложная болѣзнь держала его уже многіе годы прикованнымъ къ креслу, а онъ все предводительствовалъ; засѣданія всевозможныхъ присутствій происходили въ этомъ кабинетѣ, который такимъ образомъ обратился въ центръ города. Тутъ же играли и въ карты. Л. объяснилъ мнѣ, что учился въ лицей съ дядей Н. Д. Масловымъ и зналъ отца, который старше его нѣсколькими выпусками.

— Вы у насъ, конечно, будете бывать,—замѣтилъ онъ съ оттѣнкомъ просьбы. Жаль, что жена еще не встала. Заѣзжайте какъ-нибудь послѣ 3-хъ, тогда вы ее увидите.

— Куда теперь, Иванъ?

Иванъ свезъ меня къ городскому головѣ и прочимъ членамъ Попечительнаго совѣта прогимназіи, который, какъ извѣстно, выбираетъ начальницу.

— Теперь въ мужскую прогимназію, къ инспектору, — приказала я.

Толстой, пожилой хохоль обрадовался моему своевременному приѣзду, до начала занятій, а одинаково и визиту.

Теперь, значить, уже не предвидится несогласій между нимъ и мной — двумя параллельными властями, поставленными такъ выше, что ихъ отдѣляетъ море недоразумѣній. Онъ увѣрялъ меня, что ихъ не будетъ. Предложилъ уроки и еще отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ мои владѣнія, женскую прогимназію.

То былъ одноэтажный деревянный домъ, недавно выстроенный городомъ, и недурной домъ.

Ученицы столпились въ коридорѣ, между передней и учительской. Ихъ было около 200 чел. въ шести классахъ (V педагогическій для приготовленія народныхъ учительницъ, 1-й опытъ въ округѣ). Со мной всѣ ласково здоровались.

Еще два шага, и я въ учительской. Картина рѣзко мѣняется: сердито и косо смотрять на меня старыя учительницы (двѣ изъ нихъ подавали прошеніе на мое мѣсто), — недовѣрчиво поглядываютъ и болѣе молодыя. Я чувствую себя въ лагерьѣ враговъ. Не по вкусу, видно, моя молодость.

— Вамъ нужны ключи? — довольно грубо спрашиваетъ меня толстая, высокая надзирательница, которая годится мнѣ въ бабушки.

— Когда вы освободитесь, то будьте такъ добры сдать мнѣ все, что у васъ на рукахъ, — говорю я любезно и смотрю на свои часы, — черезъ 2 часа.

Добродушно усмѣхаясь моему отвѣту, прощается со мной инспекторъ, а я торжественно провозглашаю:

— Нѣтъ кабинета! Какъ это неудобно! Я, вѣдь, думала, что есть квартира.

Но ни квартиры, ни даже отдѣльной комнаты для меня не имѣется.

Я осматриваю просторные, свѣтлые классы, широкій коридоръ, служащій залой, и нахожу, наконецъ, бібліотеку, гдѣ рѣшаю устроить себѣ пристанище.

Инспекторъ убѣждаетъ и оставляетъ меня въ пасти злыхъ старухъ.

Но я не унываю. Смѣло и равнодушно, не обращая вниманія ни на какія колкости, осматриваю я и принимаю имущество и, просматривая вскользь счета, дѣлаю замѣчаніе сторожикамъ.

— Я не позволю, чтобъ выходило по 5 р. въ мѣсяцъ на чернила и мѣлъ. Еще я требую отъ васъ, что когда ученицы

приходить и уходить, вы находились бы объ безсмысленно въ прихожей. Вы должны помогать маленькимъ и не смѣете говорить никому „ты“. Я не говорю, и вы не должны.

Женщины въ роли сторожей показались мнѣ сначала не на мѣстѣ, потомъ я къ нимъ привыкла. Одна изъ сторожихъ отличалась феноменальной глупостью—не только гордилась передъ другой тѣмъ, что она купчиха, но возвращала письма, если не находила дома адресатовъ. Не малаго труда стоило мнѣ приучить женщинъ къ разносной книгѣ, къ тому также, что нужно открывать форточки, и воздухъ бываетъ не только холодный или теплый, но и испорченный.

Женское царство всецѣло меня охватило. Начальницей до меня была молоденькая жена судебного слѣдователя, и старухи ее выжили. Онѣ стали примѣнять ту же тактику ко мнѣ и потерпѣли крушеніе.

„Не дамъся я имъ въ руки, не позволю собой командовать“, рѣшено было у меня твердо.

Много плакала я дома, а въ прогимназіи оставалась всегда хладнокровной и спокойной, невозмутимо спокойной.

Разъ, когда дерзости надзирательницы, говорившей мнѣ въ глаза, что я дѣвчонка, превзошли границы моего терпѣнія, я объявила:

— Прошу васъ уйти отсюда.

Пріѣхалъ инспекторъ со мной объясниться,—какъ я понимаю эти слова—должна ли она уйти изъ прогимназіи.

У надзирательницы были связи въ городѣ, у меня никакихъ. Если бъ я поставила вопросъ между нею и мной, то уйти бы пришлось мнѣ.

— Пока нѣтъ,—холодно отвѣчала я. Пока рѣчь шла только о томъ, чтобы уйти изъ моего кабинета. Я посмотрю, какъ она будетъ себя вести.

И она успокоилась. Она поняла, что я не дѣвчонка. Когда же эта дѣвчонка дѣлала ей визитъ, то весь домъ (тамъ былъ приготовительный пансіонъ) приходилъ въ волненіе отъ такого событія.

Снисходительно слушала я ея рѣчи и разъ навсегда не говорила ни о чемъ, что меня касалось. Снисходительно относилась къ ея позднему появленію въ прогимназіи, такъ какъ сама была всегда тамъ въ 8 часовъ и рѣдко когда уходила до окончанія всѣхъ уроковъ, т. е. до половины третьяго.

Когда я уѣзжала изъ Ж., эта самая надзирательница при-

шла со мной проститься—съ пирогомъ и со слезами. Пришли тогда и остальные учительницы,—со всѣми былъ у меня миръ.

Но вернусь къ первымъ днямъ.

Я сдѣлала визитъ попечительницѣ послѣ 3-хъ часовъ, какъ говорилъ ей мужъ, и все же ея не видѣла. Она ко мнѣ не вышла, но оказалось потомъ, какъ она сама мнѣ рассказывала, что смотрѣла на меня въ щелку.

На другой день ко мнѣ въ № вошла дама, одѣтая довольно странно, въ капотъ и съ заgrimированнымъ лицомъ, напоминавшимъ вербнаго херувима. Жеманно закатывая глаза, она стала рассказывать о болѣзни мужа. Говорила горячо и красиво, но и въ словахъ, и въ наружности ея меня поражала неестественность. Звала меня обѣдать.

— Пожалуйста, пораньше, часовъ въ 5.

То былъ часъ обыкновенныхъ обѣдовъ. Парадные назначались въ 6 и начинались въ 8-мъ. Позже всѣхъ появлялась сама хозяйка и гости всегда ее ждали. За то поваръ получалъ такое же жалованье, какъ и я. Подобной роскоши не существовало и въ губернскомъ городѣ. Къ Л-вымъ могли прѣхать во всякое время всѣ тѣ, которые принадлежали къ сливкамъ общества, и мужчины встрѣчали любезный пріемъ и у него и у нея. Съ дамами И. И. не ладила и не любила ихъ. Были нѣкоторыя исключенія. И дамы почти не бывали запросто, а только приглашались на званые обѣды. Ко мнѣ она отнеслась очень милостиво и мнѣ даже пришлось выучиться играть въ преферансъ, чтобъ составлять съ однимъ учителемъ ея партію. И. И. увѣряла, что я не могу жить безъ Гри-Гри, я оплачивала ей той же шуткой. Г. Г. былъ уже не молодъ, замѣчательно некрасивъ, но добрый и неглупый человекъ.

Какъ ему, такъ и мнѣ приходилось подчиняться всѣмъ фантазіямъ хозяйки дома: иногда она исчезала на цѣлыхъ полчаса, иногда принималась сердиться. Но мы относились къ ней по-философски,—не обижались и отшучивались.

Игра затягивалась до 2—3 часовъ ночи, а въ 7 я неизмѣнно вставала. За то я научилась ложиться послѣ обѣда на $\frac{1}{2}$ —1 часъ. Благодаря этому образовался вполне провинціаль- ный складъ жизни.

Свободные отъ картъ вечера я просиживала надъ Кантомъ. У меня было теперь больше свободного времени, чѣмъ въ В. Уроковъ я давала всего 10 въ недѣлю (а не 24, какъ тамъ, именно: географіи въ I и II классахъ, естествовѣдѣнія въ IV

и исторіи въ IV и V). Къ тому же не приходилось поправлять тетрадокъ, что отнимало такъ много времени.

Послѣ обѣда заходила иногда въ прогимназію взглянуть, какъ топятся печи и открыты ли форточки—ахиллесова пята сторожихъ, но собственно съ 2¹/₂ часовъ я была свободна.

А жизнь была настолько дешева, что 70 р., которые я получала, казались болѣе, чѣмъ достаточными. Такъ я платила, напр., за домикъ, гдѣ было 4 комнаты, 7 р. въ мѣсяцъ; кубикъ лучшихъ березовыхъ дровъ стоилъ 3 р. И я не проживала болѣе 40 р., хотя въ карты играли и у меня не рѣже раза въ недѣлю, если не чаще.

Лѣтомъ собиралась я въ Швейцарію: мнѣ хотѣлось узнать въ точности, какъ получаютъ заграничные дипломы и необходимо ли для того учиться въ университетѣ; я даже задумала писать диссертацию и что-то марала о Кантѣ. Выписала изъ Германіи полное собраніе его сочиненій и переводила „Критику способности сужденія“.

Пусть все то, что я дѣлала, годилось лишь въ печку, я не унывала. Оторванная отъ всякаго подобія пужнаго мнѣ воздуха, я о томъ забывала. Свѣтлыя надежды молодости замѣняли все то, чего мнѣ не доставало—и книги и общеніе съ людьми того міра, къ которому я принадлежала.

— Вы всемъ хороши, только слишкомъ учены для насъ,—говорили мнѣ въ видѣ комплимента учителя изъ духовныхъ семинаристовъ.

То были большіе любители картъ и мои товарищи за зеленымъ столомъ. Отношенія наши были хорошія. Учителя не обижались, когда я просила ихъ не пропускать уроковъ, меня о томъ не увѣдомивъ; они даже исполняли это мое, очень скучное для нихъ требованіе и никогда не ворчали, когда я отправляла ихъ изъ учительской въ классы по звонку.

А мнѣ казалось очень скучнымъ, что они никогда не шли по собственной охотѣ, а каждый ждалъ моего приглашенія. Всего больше мучилъ меня только-что окончившій академію, молодой священникъ.

До сихъ поръ помню его „Россія не погибнетъ“—слова, изрекаемыя вслѣдъ за моимъ краснорѣчивымъ взглядомъ на часы и стереотипнымъ вопросомъ:

— У васъ урокъ?

И нехотя, едва двигаясь, бралъ онъ со стола журналъ и также медленно доходилъ до злополучнаго класса, который пзнывалъ отъ бездѣлья. За то, какъ только раздавался зво-

нокъ, священникъ бросался стремглавъ назадъ въ учительскую и тотчасъ же вступалъ въ горячія пренія съ какой-нибудь учительницей, какъ бы стара и неинтересна она ни была, только чтобъ позабыть на время, что у него опять урокъ.

— Россія именно гибнетъ отъ такого отношенія къ дѣлу, — увѣряла я иногда, но мы все же оставались въ пріятельскихъ отношеніяхъ и не питали другъ къ другу злобы.

Но разъ онъ какъ-то совсѣмъ неестественно оживился и выдержалъ стычку съ почетной попечительницей, сдѣлавшей набѣгъ на прогимназію. Стычка была изъ-за меня.

— Какъ вы позволяете такъ къ себѣ относиться, — кричалъ онъ съ загорѣвшимися глазами.

Я его не узнавала. Дѣло было въ томъ, что И. И. вошла въ прогимназію въ ту самую минуту, когда я распускала классъ, гдѣ должна была давать урокъ рукодѣлія надзирательница, которая заболѣла. Она ничего не понимала и кричала на меня.

— Вы не имѣете права отпускать ученицъ въ 12 час., а должны сами съ ними заниматься.

Я молчала, такъ какъ не хотѣла сказать, что у меня другой урокъ и не разорваться же мнѣ, чтобъ учить сразу въ двухъ классахъ.

Съ негодованіемъ объяснилъ это священникъ, у котораго откуда-то явилась энергія и живость.

— Я не могу возражать ей при ученицахъ, — объясняла я священнику свое молчаніе. Этого же нельзя, онѣ перестанутъ уважать попечительницу.

— Будутъ онѣ ее уважать! Все равно не станутъ, — ворчалъ онъ. Она не смѣетъ на васъ кричать.

Я едва сдерживала слезы, такъ тронуло меня это заступничество.

Но она продолжала.

Разъ же ей пришло въ голову, что ученицамъ необходимо носить крахмальные воротнички. Я старалась убѣдить ее, что это невозможно, и убѣждала ее въ этомъ во время игры въ карты. Ученицы настолько бѣдны, что когда имъ приходится вносить плату за ученіе — 2 рубля въ приготовительномъ классѣ, 5 р. въ другихъ, то плату эту я получаю всегда по полугодіямъ, а рубль буквально иногда копейками. Очевидно, что этотъ рубль составлялъ предметъ долговременныхъ заботъ. Иногда я выдавала квитанціи, ничего не получивши. До воротничковъ ли тутъ.

— Выстирать могла бы дѣвочка сама,—ворчала И. И.

Но воротничковъ я не ввела и позволяла даже ходить въ платьяхъ всѣхъ цвѣтовъ радуги, пока въ одинъ прекрасный день не случился пріѣздъ окружнаго инспектора, который счелъ мою радугу нарушеніемъ прогимназической дисциплины.

Онъ обязалъ меня вводить форму.

Стоило большихъ усилій добиться того, чтобы розовыя и красныя платья обратились въ мнѣ.

Долго еще видѣла я эти платья во снѣ. На яву же объявляла, что если къ опредѣленному сроку не будетъ, наконецъ, у всѣхъ форма (послѣдній срокъ), то я буду оставлять сидѣть въ прогимназіи.

Этого не случилось. Мнѣ вообще ни одного раза не пришлось наказывать ни одной ученицы во всѣ два года.

Меня слушали безъ наказаній.

— Ваши ученицы ходятъ за водой, это неприлично,—объявилъ мнѣ разъ новый инспекторъ, еще молодой человѣкъ, но уже заплывшій жиромъ.

На второй годъ моего пребыванія въ Ж. добродушный холлъ, довѣріемъ котораго я пользовалась неизмѣнно, получилъ на мою бѣду повышение—директорство въ реальномъ училищѣ. Новый инспекторъ, бывшій учителемъ исторіи въ Т., оказался не менѣе нахальнымъ, чѣмъ глупымъ. Я не исполняла его требованій; онъ мнѣ всячески метилъ. Начался параллелизмъ.

На этотъ разъ я отвѣтила, что скажу ученицамъ, и распорядилась слѣдующимъ образомъ:

— Когда вы приходите домой, то снимайте форменное платье,—объявила я во всѣхъ классахъ, ничего не упоминая о водѣ. На мой взглядъ такая помощь домашнимъ была только полезна, и меня, напротивъ, радовало, что ученицы не считаютъ такую работу ниже своего достоинства.

Но весьма возможно, что у нѣкоторыхъ кромѣ форменнаго и не было другого приличнаго платья, въ которомъ онѣ могли показаться на улицѣ. Многія приходили въ прогимназію въ валенкахъ, а когда ихъ снимали, сапоговъ не оказывалось.

При входѣ въ классъ ученицы крестились и только потомъ кланялись. Я считала ненужнымъ и даже вреднымъ ихъ переручивать, а тѣмъ болѣе заставлятъ дѣлать реверансы. Пусть остаются въ своей средѣ,—не слѣдуетъ прививать имъ мысли, что онѣ барышни, было то, что я неуклонно преслѣдовала.

По окончаніи V класса, онѣ поступали въ народныя учительницы на 10-рублевое жалованье (такъ платило к—ское зем-

ство). Часто заходили ко мнѣ бывшія ученицы и рассказывали о своей жизни. Помню эпизодъ съ поросенкомъ.

— Посади моего Ваську впередъ, а я тебѣ поросенка подарю,— говорилъ отецъ.

И какъ я ликовала, когда слышала, что Ваську не сажали впередъ и поросенокъ не имѣлъ цѣны въ глазахъ тѣхъ, на которыхъ лежало поднять нравственный уровень среды, гдѣ онѣ учительствовали.

Извѣстная дисциплина, раньше неизвѣстная, была все же введена мной въ прогимназіи, и когда ее осматривалъ губернаторъ, то остался очень доволенъ порядкомъ.

Въ торжественные дни приходилось присутствовать на богослуженіи въ мужской прогимназіи. Я выстраивала ученицъ парами; онѣ научились ходить стройно и стоять рядами въ церкви; это казалось очень скучно, а онѣ, напротивъ, не могли дожидаться нашихъ путешествій въ церковь и спрашивали меня, когда мы пойдемъ опять!

Все дѣло воспитанія сводится къ тому, чтобъ заставить себя полюбить: тогда только можно добиться извѣстныхъ результатовъ, и легко дается то, чего нельзя достичь безъ привязанности.

Можетъ быть, потому что меня такъ много бранили въ дѣтствѣ, я не придавала значенія словамъ, и мнѣ дѣлалось скучно при одной мысли о выговорахъ. И я не читала ученицамъ нотации, а говорила:

— Такой большой классъ и шумите!

Ученицы принимались плакать.

Когда надзирательница приводила ко мнѣ провинившуюся дѣвочку, я видѣла такія горькія слезы, что замѣчала:

— Не плачьте, вѣдь вы этого больше не сдѣлаете?

И мнѣ это чистосердечно обѣщалось.

Ученицы трогали меня своимъ довѣріемъ. Онѣ обращались ко мнѣ съ просьбой принести изъ учительской ручку, которую уносилъ изъ класса преподаватель. Жаловались, что одна называетъ другую „горѣлой“ (я сначала даже не сообразила, въ чемъ обида) и просили объяснять то, чего не понимали на урокахъ.

По мѣрѣ силъ учила я ихъ во время перемѣнъ грамматическому разбору, а въ свободные часы читала русскихъ классиковъ, что приводило ихъ въ восторгъ: особенно любили онѣ Островскаго.

Я очень удачно организовала выдачу книгъ изъ библіотеки: каждому классу назначила свой день во время большой перемѣны. Если случалось, что книгу читаютъ, она записывалась за той ученицей, которая ее спрашивала, и при возвращеніи ей выдавалась.

Въ первый годъ моего начальствованія получилась экономія въ нѣсколько сотъ рублей, и Попечительный совѣтъ разрѣшалъ мнѣ пополнить на эти деньги библіотеку. Я выписала много сказокъ для младшихъ (это было ихъ любимое чтеніе) и лучшихъ нашихъ писателей для старшихъ. Ученицы стали много читать и постоянно осаждали меня просьбами о книгахъ.

Приготовительному классу я позволила играть въ большую перемѣну и приходила смотрѣть, какъ онѣ играютъ. Были у меня такъ называемые адъютанты, дѣвочки, которыя не отходили отъ меня во время перемѣнъ—я оставляю ихъ въ покоѣ, не обращая особаго вниманія.

— Вы къ намъ прійдете?

Я обѣщала и шла въ классъ.

— Вы къ намъ не пришли, мы васъ ждали.

Я не понимала приглашенія прійти въ домъ.

Но когда родители посѣщали прогимназію, то подробно съ ними бесѣдовала и дѣлала, что могла, для убѣжденія нѣкоторыхъ изъ нихъ разстаться съ непедagogическимъ приѣмомъ—побоями.

Случалось обѣзжаты квартиры ученицъ, не жившихъ съ родными (распоряженіе округа). Тутъ всякій разъ приходилось убѣждаться въ томъ, что я давно знала—въ бѣдности: за полное содержаніе платили обыкновенно 5 р. въ мѣсяцъ, и дѣти, несмотря на дешевизну жизни, все же голодали.

Моя попытка устроить Общество вспомошествованія нуждающимся ученицамъ кончилась ничѣмъ—въ назначенный день съѣхалось такъ мало, что пришлось разстаться съ этой мыслью. Главнымъ интересомъ служили карты—все остальное проходило какъ-то мимо. И. И. почти ничего не жертвовала, а богаты Л., вѣдь, были очень и давали взаймы всѣмъ желающимъ, предлагали, помню, и мнѣ.

Доставать денегъ для ученицъ я какъ-то не умѣла. Когда вопросъ касается пожертвованія, мнѣ всегда совѣстно.

Помню, сколько мнѣ надо было брать на себя, чтобъ напомнить И. И. о платѣ за ея ученицъ, какихъ-то 5 или 6 дѣвочекъ. У меня вѣдь было гораздо меньше, чѣмъ у нея, и по-

тому я чувствовала себя иногда не въ состояніи говорить съ ней о деньгахъ.

Разъ я чуть не бросила ей ея 10 р., но сдержалась и этого не сдѣлала.

Случилось такъ. Въ Ж. пріѣхалъ фокусникъ—великое событіе для нашего города. Онъ далъ свое представленіе въ мужской прогимназіи, при чемъ ученики платили за входъ. Я пригласила его къ намъ и назначила плату по 5 коп. Вдругъ получаю записку.

„Я слышала о томъ, что вы хотите брать съ ученицъ деньги“, писала мнѣ И. И., и нахожу, что вы не имѣете право такъ распоряжаться въ прогимназіи безъ моего вѣдома“. Еще что-то оскорбительное и 10 р.

„Неужели я ихъ не отошлю“, думалось мнѣ, но я поборола свое самолюбіе и отвѣчала вѣжливо, что не знала о желаніи И. И. платить и очень ее благодарю.

Разъ она совсѣмъ неожиданно пріѣхала ко мнѣ на квартиру днемъ (по вечерамъ играли иногда въ карты) и также безапелляціонно объявила, что я продаю книги изъ прогимназической бібліотеки.

— Если продаю, то за это и отвѣчаю,—возразила я на этотъ разъ, такъ какъ вышла изъ себя.

Больше я ничего не сказала. Она поняла, что зашла слишкомъ далеко, и уѣхала. Объяснять ей, въ чемъ дѣло, мнѣ какъ-то не хотѣлось. Когда мнѣ говорятъ подобное, я не могу защищаться, считаю это ниже себя.

Дѣло заключалось въ томъ, что мнѣ прислали изъ М. полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого; Анну Каренину я хотѣла отослать обратно, но, узнавъ объ этомъ, учитель русскаго языка попросилъ меня продать ему „Анну Каренину“, на что я и согласилась.

Такъ какъ прогимназія называлась Маріинской, то 14 ноября происходилъ торжественный молебень, на который съѣзжались члены Попечительнаго совѣта и прочія городскія власти—исправникъ, воинскій начальникъ, казначей и т. д. Ждали попечительницу—прошло уже болѣе полчасъ, что все съѣхались.

— Надо начинать,—сказалъ священникъ, подходя ко мнѣ. Нельзя заставлять ждать долѣе: присутствующіе могутъ на васъ обидѣться.

— Хорошо, начнемъ, согласилась я.

А опоздавшая попечительница стала кричать въ городъ, что дасть знать о моемъ поступкѣ въ округъ. Положимъ, что

я этого не особенно боялась. И округъ, и Попечительный совѣтъ относились ко мнѣ прекрасно: малѣйшія желанія мои всегда исполнялись, — я даже получала отпускъ отъ округа прямо, а никогда не чрезъ инспектора, какъ того требовала форма.

Еще лучше, пожалуй, относились родители, правда, безгласные. На одной свадьбѣ меня встрѣтили съ восторгомъ. И я невольно вспомнила свой первый выѣздъ въ в-ское офицерское собраніе, когда меня одинаково окружили родители и осыпали упреками по адресу гимназіи. Не помню теперь, чѣмъ они были недовольны, но я тогда страшно досадовала на себя. За чѣмъ я поѣхала на этотъ балъ? Захотѣлось отдохнуть, а попала въ Харибду. Не могла я объяснять родителямъ, что ни на іоту неповинна въ томъ, чѣмъ они недовольны, и настолько же въ моей власти измѣнить гимназическіе порядки, какъ и небесныя явленія.

Но за то въ Ж. мнѣ пришлось стать хозяйкой, а случилось и счастливой хозяйкой.

Гдѣ ни бывала я въ городѣ, вездѣ встрѣчала ласку, но въ лавкахъ не рѣшалась никогда торговаться.

Кто знаетъ, можетъ быть, у этого купца въ прогимназіи дочь, онъ мнѣ уступить, и это будетъ взятка.

Но и въ моемъ хозяйствѣ были, конечно, пятна, даже болѣе темныя, чѣмъ глупость инспектора и фантазіи почетной попечительницы.

Такимъ пятномъ являлось отношеніе къ прогимназіи двухъ учителей изъ студентовъ.

Такъ на слѣдующій годъ моего пребыванія въ Ж. явился новый учитель ариметики. О прежнемъ всѣ очень жалѣли. Авторъ талантливыхъ руководствъ Мартыновъ былъ къ тому же гуманный и просвѣщенный педагогъ (сосланный въ Ж. временно, онъ получалъ повышение), и дѣло шло у него отлично. Н., только-что испеченный кандидатъ м...скаго университета, поразилъ своей самоувѣренностью: онъ сталъ увѣрять, что ученицы ничего не знаютъ.

Его товарищъ, еще болѣе воображавшій о себѣ (теперь онъ директорствуетъ въ К., и очень мнѣ было бы интересно знать какъ), учитель географіи, почти не ходилъ въ прогимназію, и даже не удавалось обратить его вниманіе на то, какъ это при-
скорбно для дѣла. Онъ смотрѣлъ на меня съ высоты такого величія, что я молчала. Мое малѣйшее слово вызвало бы потокъ дерзостей.

— Пожалуйста,—говорили мнѣ въ IV классѣ,—мы ничего не поняли изъ тройного правила.

— Я скажу учителю.

— Какъ вы ко мнѣ придираетесь,—увѣрялъ Н., когда я просила повторить объясненіе. Что меня касается, я готовъ все для васъ сдѣлать (онъ дѣйствительно приносилъ пособія для моихъ уроковъ по естествовѣдѣнію), а вы меня почему-то не влюбили.

Вхожу опять въ IV классъ.

— Объяснилъ онъ вамъ?

— Да.

— Поняли теперь?

Молчаніе.

— Вы не поняли?

— Да, не поняли,—рѣшается сказать одна болѣе смѣлая, и остальные поддерживаютъ ее.

Что же оставалось дѣлать?

Приходить ко мнѣ одна изъ лучшихъ ученицъ IV класса, дочь инспектора народныхъ училищъ, и держать въ рукахъ прошеніе.

— Я выхожу изъ прогимназіи.

— Почему?

— Не могу учиться ариѳметикѣ,—говоритъ она со слезами на глазахъ. Онъ меня всегда отсаживаетъ, увѣряетъ, что я списываю. Это неправда. Онъ отсадить меня и на экзаменѣ. Все равно я не перейду.

— Сколько у васъ въ четверти?

— Два.

— Подождите,—говорю я ученицѣ. Завтра совѣтъ, я о васъ скажу и, что рѣшать, вамъ передамъ.

И вотъ я произношу въ засѣданіи педагогическаго совѣта горячую рѣчь въ защиту Архангельской. Я ставлю ребромъ вопросъ—чѣмъ можно объяснить, что ученица, которая переходила всегда съ наградами и имѣла изъ ариѳметики 4, знаетъ теперь на 2? Съ Н. дѣлается дурно, а его пріятель даетъ ему нюхать какія-то капли.

Совѣтъ рѣшаетъ переправить четвертную двойку въ тройку, а я обязана сообщить А., что ее просить стараться.

Господи, до чего я радуюсь одержанной побѣдѣ!

— Ну, что вамъ до того, если останется лишняя ученица,—самоцвовольно провозглашаетъ инспекторъ. У меня учениковъ

не 200, какъ у васъ, а всего 30, и повѣрьте, что если бѣ завтра собралось уходить 15, я пальцемъ бы не двинулъ.

Думаю, что онъ говорить вполне чистосердечно.

— Всякій дѣйствуетъ по-своему, замѣчаю я холодно, хотя давно знаю, что инспекторъ не признаетъ психологіи. Онъ мнѣ это даже говорилъ и такъ же самоувѣренно, какъ все, что вылетаетъ изъ его устъ.

— Вѣдь это чепуха психологія, — слышала я отъ него не разъ, и думаю потому, что ему не приходится въ голову вникнуть въ то, что происходитъ въ моей душѣ. Онъ, вѣдь, даже отрицаетъ то, что слѣдуетъ вникать.

„Получаемъ жалованье 20-го“, — въ этомъ вся его психологія.

„Играемъ въ карты и несемъ чепуху во всѣ дни“, добавляю я мысленно.

Но его душа разъ не выдерживаетъ.

Онъ прѣзжаетъ въ прогимназію и громогласно объявляетъ, что я подрываю авторитетъ учителя. — Учитель все тотъ же ариѳметикъ.

— Въ глазахъ кого? — со смѣхомъ спрашиваю я, — семилѣтнихъ дѣвочекъ? Подумайте о томъ, что вы говорите! Онъ-то что смѣслятъ?

У насъ произошелъ слѣдующій любопытный инцидентъ.

Одна изъ ученицъ педагогическаго класса давала пробный урокъ въ младшемъ отдѣленіи приготовительнаго класса. Учила она, по всей вѣроятности, настолько плохо, что маленькія, привыкшія къ своей учительницѣ, очень толковой, эту новую безтолковую не уразумѣли вовсе. И Н. предсталъ предъ мной въ небываломъ гнѣвѣ и закричалъ, что онъ наказалъ весь классъ.

— Онъ не хотѣлъ учиться!

Я разсмѣялась.

— Что вы мнѣ говорите, развѣ это возможно! У нихъ, вѣдь, еще ни разу не было пробнаго урока, и онъ напугались. Явилось нѣсколько незнакомыхъ имъ лицъ и спрашиваютъ иначе, чѣмъ какъ онъ привыкли. За что же ихъ наказывать?

— Нѣтъ, я ихъ наказалъ, — упрямо повторялъ Н., пусть сидятъ!

Я пошла въ приготовительный классъ, гдѣ учительница, не чаявшая души въ своихъ птенцахъ и постоянно сражавшаяся изъ за ихъ благополучіе съ другими начальницами, ждала меня съ нетерпѣніемъ.

Горячо и усердно плакали эти ученицы, которыхъ едва было видно отъ пола, и у нихъ давно уже разболѣлись головы. Мы

начали ихъ успокаивать, утѣшать и отпускать домой по мѣрѣ того, какъ онѣ переставали плакать, потому что боялись, что если онѣ опоздаютъ еще больше, то дома ихъ могутъ наказать (отъ невѣжественныхъ родителей ничего другого и нельзя было ожидать), и онѣ еще на самомъ дѣлѣ заболѣютъ.

И я подорвала авторитетъ учителя...

А какъ страдалъ во время экзаменовъ этотъ авторитетъ, который подрывали сами учителя, я же глубоко и безпомощно мучилась.

Сколько я ни старалась увѣрять ученицъ, что онѣ напрасно боятся экзаменовъ, а я никогда не боялась, когда сама училась.—Это время прошло для меня безвозвратно. Теперь я боялась и страдала всѣми муками робѣвшихъ дѣтей, съ которыми обращались безжалостно.

Давно между учителями укоренился обычай сводить личные счета на экзаменахъ, и можно было почти съ полной точностью сказать, что произойдетъ каждый разъ—кто будетъ ставить единицы и почему!

Иногда мнѣ съ помощью инспектора (бывшаго одинаково нерѣдко повиннымъ въ личныхъ счетахъ) или одного изъ ассистентовъ удавалось уничтожить неправильно поставленные отмѣтки, и торжествовала правда!

Но такъ какъ не всегда можно было предвидѣть, удастся ли это, склонится ли кто-нибудь на мою сторону, то я страшно волновалась въ теченіе тѣхъ долгихъ часовъ, что продолжалась эта пытка. То были худшіе часы моего пребыванія въ Ж.

Случались и возмутительныя постановленія педагогическаго совѣта, противъ которыхъ я была одинаково бессильна, а именно не допускали къ экзаменамъ на основаніи годовыхъ балловъ.

Именно, когда не хватаетъ годовыхъ балловъ, экзамены и нужны, а тутъ вдругъ оказывается, что не позволяютъ ихъ держать.

Помню, какъ пришла ко мнѣ худая и тонкая, явно изнуренная ученица IV класса Высокова, 17 лѣтъ. Она училась недурно, несмотря на то, что поступила прямо въ этотъ классъ.

— Меня не допустили?—едва проговорила она.

— Да.

— Что же я теперь буду дѣлать? Платить нечѣмъ, а я бы выдержала.

И долго, очень долго видѣла я во снѣ Высокову.

Въ подобныхъ случаяхъ и въ Ж. я оказывалась безсильной и никакъ не могла примириться съ окружавшей меня несправедливостью.

Прекрасно училъ русскому языку М. А. Орловъ, очень скоро, впрочемъ, удаленный отъ должности. Перевели на худшее мѣсто опять учителемъ инспектора, чего онъ, конечно, вполне заслужилъ. Все это случилось уже послѣ моего отъѣзда.

Черезъ 2 года я рѣшила уѣхать; должно же было, наконецъ, наступить время моего собственного ученья, для котораго накопилась теперь тысяча рублей.

Урокъ географіи въ II классѣ. Кого я ни спрошу, молчатъ или отвѣчаютъ что-то непонятное. Постигаю, наконецъ, въ чемъ дѣло: ученицы рассчитали, что этотъ урокъ послѣдній, и плачутъ!

Наступаетъ послѣдній день. Какъ всегда распускаю классы. Послѣ молитвы меня спрашиваютъ:

— А вы завтра прійдете?

— Прійду,—говорю я.

Тѣмъ не менѣе, ученицы не расходятся,—это первый разъ, что меня не слушаютъ и мнѣ не вѣрятъ. Посылаю учительницу сказать имъ, что я ухожу. Тогда всѣ становятся у крыльца и повторяютъ свой вопросъ:

— Вы завтра прійдете?

— Прійду, лгу я во 2-ой разъ, такъ какъ нельзя сказать правду, того, что въ 4 часа я сдаю прогимназію.

Иду въ свой домикъ. На другой день въ этотъ домикъ приходитъ вся прогимназія. Ко мнѣ бросаются на шею (никогда раньше я не допускала такихъ сентиментальностей), и я слышу:

— Что вы съ нами сдѣлали? Мы ждали васъ цѣлый день. Вы же обѣщали прійти.

У меня разрывается сердце. На другой день я велю запрячь лошадей, чѣмъ свѣтъ, и въ 6 ч. утра меня уже нѣтъ въ Ж.

Но въ моемъ сердцѣ еще долго живутъ ж-скія дѣвочки и, когда я пріѣзжаю въ Лейпцигъ и вижу нѣмецкихъ дѣвочекъ, бѣгающихъ въ свои школы, я не могу равнодушно на нихъ смотрѣть.

Какъ-то моимъ?

Каждый день просыпаюсь я съ тѣмъ, что видѣла прогимназію и новую начальницу. Я тутъ же, но ни при чемъ.

И вотъ я получаю письмо:

„Дорогая наша М. В., пришлите свою карточку“, пишетъ IV классъ.

Я посылаю, онѣ пишутъ еще, а потомъ все кончено и... навсегда.

Никогда не встрѣчала я ни одну изъ бывшихъ моихъ ученицъ, какъ мнѣ приходилось потомъ видѣть в-скихъ.

Много лѣтъ позже знакомлюсь я въ П. съ одной изъ ж-скихъ аборигенокъ и слышу отъ нея:

— А послѣ вашего отъѣзда, въ Ж. пошло все по-старому, канули въ воду ваши реформы.

— Какія реформы?—недоумѣваю я. Мнѣ никогда и не казалось, что онѣ существовали. Я просто и скромно исполняла свое дѣло.

М. Безобразова.

Великій князь Николай Михайловичъ.

Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ
Лебцельтерна за 1816—1826 годы ¹⁾.

Только-что вышло изъ печати еще одно прекрасное и въ высокой степени интересное изданіе Великаго Князя Николая Михайловича, относящееся къ эпохѣ царствованія Александра I которую неутомимый изслѣдователь разрабатываетъ съ такою любовью. На этотъ разъ онъ знакомитъ насъ съ богатыми содержаніемъ донесеніями австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна, за время съ 1816 по 1826 годы, т.-е. въ послѣдніе годы царствованія Александра Благословеннаго.

Эти донесенія—„точные копіи съ оригиналовъ, находящихся въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ въ Вѣнѣ“, которые были предоставлены въ полное распоряженіе Великаго Князя, сперва покойнымъ графомъ Эренталемъ, а послѣ него преемникомъ его графомъ Берхтольдомъ.

„Въ донесенія включены очень интересные доклады за 1818 годъ австрійскихъ офицеровъ, принца Филиппа Гессенъ-Гомбургскаго и маіора Кламъ-Мартиница, командированныхъ въ Польшу для присутствованія на русскихъ маневрахъ, во время пребыванія въ Варшавѣ Императора Александра I“; въ томъ же томѣ находимъ частныя письма князя Меттерниха къ Лебцельтерну и письма послѣдняго къ Меттерниху. „Оригиналы, которые находятся во владѣніи внучки Лебцельтерна, графини

¹⁾ Великій князь Николай Михайловичъ. Донесенія посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна за 1816—1826. Спб. 1913 г.

де Россэ-Бриссакъ“, также какъ и напечатанная въ предисловіи автобіографія Лебцельтерна, написаны по-французски, „такъ какъ Лебцельтернъ вовсе не умѣлъ писать по-нѣмецки и даже съ трудомъ объяснялся на этомъ языкѣ“.

Въ весьма содержательномъ и интересномъ предисловіи Великій Князь указываетъ на особенную цѣнность частныхъ писемъ Меттерниха къ Лебцельтерну, въ которыхъ руководитель австрійской политики „излагаетъ свои взгляды какъ на общую политику, на программу дѣйствій австрійскаго кабинета, такъ и на отдѣльныя личности и на людей вообще“ и даетъ яркія характеристики Императора Александра и его сотрудниковъ, какъ Каподистріа, Нессельроде, а также различныхъ русскихъ представителей нашей дипломатіи за границей“. Вообще, надобно сказать, что какъ автобіографія Лебцельтерна, такъ и прочіе документы, помѣщенные въ новомъ изданіи Великаго Князя Николая Михайловича, представляютъ собой историческій матеріалъ первостепенной важности и даютъ „много новыхъ данныхъ для освѣщенія политики Россіи и Австріи въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія“. Прежде чѣмъ познакомиться съ донесеніями и перепиской австрійскаго посла, поскольку они имѣютъ отношеніе къ русской политикѣ начала прошлаго вѣка и ея руководителей за этотъ періодъ, остановимся на тѣхъ данныхъ, какія даетъ автобіографія Лебцельтерна для сужденія о личности этого дипломата, который въ теченіе десяти съ небольшимъ лѣтъ, проведенныхъ имъ Петербургѣ „оказался на высотѣ своего положенія и прекрасно служилъ интересамъ Австріи въ эту сложную эпоху, наступившую послѣ паденія Наполеона“, сумѣвъ въ то же время „создать себѣ вполне исключительное положеніе въ Петербургѣ, затмивъ даже счастливые дни довѣрія къ Коленкуру“.

В. Т.

Графъ Людвигъ Лебцельтернъ.

Будущій посланникъ при русскомъ дворѣ, графъ Лебцельтернъ, родился въ 1774 году въ Португаліи, гдѣ его отецъ былъ въ то время представителемъ Австріи и гдѣ онъ началъ, подъ руководствомъ отца, свою дипломатическую карьеру семнадцатилѣтнимъ юношей. Изъ Лиссабона онъ былъ переведенъ въ Мадридъ, а оттуда секретаремъ посольства въ Римъ, гдѣ ему впервые представился случай выказать свои способности, ко-

торыя были оцѣнены Меттернихомъ, назначившимъ его въ 1807 г. совѣтникомъ посольства въ Римѣ, постъ довольно значительный для молодого еще дипломата. Осенью 1810 г. Лебцельтернъ былъ назначенъ совѣтникомъ посольства въ Петербургъ; въ то время онъ былъ уже лично извѣстенъ Меттерниху, котораго сопровождалъ въ его поѣздкѣ въ Парижъ въ 1810 году; тамъ князь имѣлъ случай лично узнать и оцѣнить его выдающіяся дарованія.

Въ Петербургѣ, куда Лебцельтернъ прибылъ 5 февраля 1811 года, ему предстояло выполнить щекотливое порученіе: „завязать личныя сношенія съ Императоромъ Александромъ, помимо officialнаго представителя Австріи“, и его непосредственнаго начальника графа Сентъ-Жюльена, что ему удалось выполнить блестяще. Императоръ Александръ до своего отъѣзда въ Вильно обсуждалъ вмѣстѣ съ нимъ вопросы первостепенной политической важности. „Между Австріей и Франціей только-что былъ заключенъ союзный договоръ (14 марта 1812 г.). Война между Россіей и Франціей становилась неизбежной. „Мнѣ, говоритъ Лебцельтернъ въ своей автобіографіи, было приказано отправиться въ Вильно съ секретнымъ порученіемъ, исполненіе котораго (это мало кому извѣстно) обусловило большую часть побѣдъ, одержанныхъ русскимъ Императоромъ, такъ какъ онъ получилъ возможность бросить всѣ свои силы на непріятеля на ограниченномъ пространствѣ, обнаживъ границу имперіи на значительномъ протяженіи, зная, что его флангамъ не угрожало никакой опасности. Велики и неоцѣнимы были услуги, оказанныя въ тотъ моментъ легитимизму и освобожденію народовъ непоколебимой твердостью принциповъ императора Франца и реальностью и трезвостью расчетовъ главы австрійскаго кабинета“. Въ этихъ словахъ сказанъ весь Лебцельтернъ — преданный слуга своего монарха, ревностный исполнитель его предначертаній, и въ то же время искренній и восторженный поклонникъ Меттерниха, политическіе принципы котораго онъ прекрасно усвоилъ и неизмѣнно проводилъ въ своей дипломатической дѣятельности.

Пробывъ въ Вильно съ 14 мая по 3 іюня, гдѣ онъ велъ переговоры непосредственно съ самимъ Императоромъ Александромъ, Лебцельтернъ отправился въ Дрезденъ съ предложеніями отъ русскаго Государя къ Наполеону и съ важными политическими депешами. Изъ-за ошибки, оказавшейся въ его русскомъ паспортѣ, онъ былъ вынужденъ ѣхать чрезъ Врестъ-Литовскъ. Какъ только онъ очутился въ Польшѣ, онъ былъ

арестованъ и препровожденъ въ Варшаву. Въ это время Наполеонъ совершалъ переправу черезъ Нѣманъ во главѣ 420 тысячной арміи. Положеніе Лебцельтерна, везшаго депеши, которыя могли скомпрометтировать его правительство, было весьма затруднительно. Но онъ успѣлъ уничтожить всѣ находившіяся при немъ бумаги и только тогда, какъ онъ говоритъ, „вздыхнулъ свободно“.

По возвращеніи въ Вѣну на Лебцельтерна была возложена роль посредника между австрійскимъ и русскимъ кабинетами; позднѣе, въ 1813 г., ему дано было еще одно весьма щекотливое порученіе отправиться въ Калишъ къ Императору Александру Павловичу съ порученіемъ предложить Александру посредничество Австріи; это былъ, какъ признаетъ Лебцельтернъ, очень ловкій шагъ со стороны Австріи, который давалъ ей возможность съ достоинствомъ нарушить свои обязательства и ставъ между воюющими державами взять на себя роль посредника, выгодную для своихъ интересовъ, а съ другой стороны выиграть время для реорганизациі арміи и устройства своихъ внутреннихъ дѣлъ. Во всякомъ случаѣ это давало Австріи возможность выбрать удобный моментъ, чтобы начать дѣйствовать, что вполне согласовалось съ обычной системой дѣйствій Меттерниха—использовать событія наиболее выгоднымъ образомъ въ интересахъ Австріи.

Съ перваго же свиданія съ Императоромъ Александромъ въ Калишѣ, Лебцельтерну стало ясно, что хотя Государь и вѣрилъ миролюбивымъ и консервативнымъ взглядамъ императора Франца и готовъ былъ принять его посредничество, но онъ не довѣрялъ искренности предложеній австрійскаго правительства. Все время, пока Лебцельтернъ читалъ Государю привезенные имъ документы и инструкціи, Александръ „не спускалъ съ него глазъ“, какъ будто онъ хотѣлъ проникнуть его тайные помыслы“.

„Ваше министерство говоритъ о безграничномъ довѣріи, съ какимъ мы должны отнестись къ нему, но гдѣ гарантіи его искренности“, спросилъ Императоръ и высказалъ откровенно, что ему не внушала довѣрія медленность, съ какою дѣйствовала Австрія, и то обстоятельство, что она скрывала свои дальнѣйшія намѣренія. „Вы хотите, чтобы мы либо угадали ваши намѣренія, либо бросились въ ваши объятія, не зная ихъ“, продолжалъ Александръ; „потеря времени можетъ быть пагубна для Европы... участь войны и судьба Европы зависать отъ Австріи; она можетъ за-

ставить чашу вѣсовъ склониться въ ту или въ другую сторону; но она должна дѣйствовать безъ промедленія“¹⁾.

Побѣдить столь явное недовѣріе Императора Александра было очень трудно, но это удалось ловкому и энергичному австрійскому дипломату Меттерниховской школы; въ то же время онъ сумѣлъ заслужить явное расположеніе Императора Александра и приобрести его довѣріе настолько, что Государь тогда же, въ Калишѣ, выразилъ желаніе видѣть его въ Петербургѣ.

„Было бы трудно, говоритъ Лебцельтернъ, перечислить даже вкратцѣ тѣ многочисленные переговоры, въ коихъ я принималъ участіе въ то время, поѣздки, какія мнѣ пришлось совершить ради пользы службы, битвы, коихъ я былъ свидѣтелемъ, лишенія, какія мнѣ пришлось перенести. Приведу лишь нѣкоторые эпизоды этой дѣятельной жизни“. И онъ рассказываетъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ, въ высшей степени характерный для оцѣнки дипломатическихъ приемовъ Меттерниха. „Пріѣхавъ изъ Рейхенбаха“²⁾ въ Гичинъ съ текстомъ секретнаго договора, выработаннаго во время моихъ переговоровъ съ русскими дипломатами и скрѣпленнаго подписью Стадіона, я узналъ, что въ то же время Меттернихъ добился того, что императоръ французовъ изъявилъ свое согласіе на посредничество Австріи и Меттернихъ общалъ ему склонить русскій и прусскій дворы дать свое согласіе на продолженіе перемирія. Положеніе было необычайно трудное; на совѣщаніяхъ въ Ратиборѣ, гдѣ обсуждался вопросъ о перемиріи, уполномоченные державы единогласно отказались отъ мысли, что ихъ монархи примутъ подобное предложеніе, вмѣсто ратификаціи Австріей договора, подписаннаго въ Рейхенбахѣ, которую они ожидали со дня на день. Стадіонъ предпочиталъ выйти въ отставку скорѣе, нежели взять на себя подобное порученіе. Я понималъ всю важность намѣреній главы нашего кабинета и отправился Рейхенбахъ одинъ, безъ бумагъ и инструкцій, полагаясь только на свои способности. Послѣ продолжительной и горячей бесѣды съ Императоромъ

¹⁾ Подробности этого разговора приведены въ денешахъ Лебцельтерна, не вошедшихъ въ рассматриваемое нами изданіе, а были помѣщены во II томѣ труда Великаго Князя Николая Михайловича: „Императоръ Александръ I, опытъ историческаго изслѣдованія“.

²⁾ Напомнимъ, что 14-го іюня 1813 г. въ Рейхенбахѣ былъ заключенъ союзный договоръ между Россіей, Пруссіей и Англіей *противъ* Франціи, а 17-го іюня между тѣми же державами и Австріей. В. Т.

Александромъ, мнѣ удалось побѣдить его упорство и недовѣріе, и я вернулся на другой день въ Ратиборъ съ согласіемъ обоихъ монарховъ. Перемиріе было возобновлено 4 іюня“.

Прибавлять къ этому нечего; можно только сказать, что Лебцельтернъ былъ достойный ученикъ своего учителя.

Исполняя при Императорѣ Александрѣ I возложенныя на него дипломатическія порученія и играя одновременно какъ бы роль посредника между тремя главными квартирами, между которыми не всегда царило единодушіе, Лебцельтернъ проявилъ въ это время большую дѣятельность.

Послѣ Лейпцигской битвы онъ былъ посланъ въ Швейцарію, чтобы склонить ее вопреки объявленному нейтралитету не препятствовать вступленію въ страну арміи фельдмаршала князя Шварценберга. Въ результатъ переговоровъ, происходившихъ между генераломъ Ватвилемъ и Лебцельтерномъ, австрійскія войска перешли швейцарскую границу, не встрѣтивъ сопротивленія. „Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ Лебцельтернъ, что этой арміи угрожала бы величайшая опасность, ежели бы, въ случаѣ ея вынужденнаго отступленія изъ Франціи, въ Швейцаріи произошли какія-нибудь волненія или она отнеслась бы враждебно къ появленію въ ея предѣлахъ иноземнаго войска“.

„Обстоятельства, при которыхъ мнѣ пришлось вести переговоры (въ Швейцаріи), говоритъ Лебцельтернъ, были особенно затруднительны въ виду того, что графъ Каподистрія руководствовался совершенно иными инструкціями; хотя на взглядъ мы какъ будто бы дѣйствовали вполнѣ согласно. У Императора Александра исторгли обѣщаніе, что онъ будетъ уважать нейтралитетъ Швейцарскаго союза; съ одной стороны онъ хотѣлъ продолжать войну съ Франціей, съ другой—не хотѣлъ прибѣгнуть къ единственному возможному средству, чтобы вступить въ эту страну“.

„Чтобы понять всю трудность положенія, въ какомъ я находился всѣ девять мѣсяцевъ, которые продолжались переговоры, и какъ мнѣ приходилось дѣйствовать, надобно знать, съ одной стороны, какъ разнo смотрѣли на Швейцарію Императоръ Александръ и его союзники, а съ другой,—надобно принять во вниманіе состояніе умовъ въ Швейцаріи, гдѣ каждый изъ девятнадцати самостоятельныхъ кантоновъ преслѣдуетъ свои собственные интересы, и надобно понять, какое раздраженіе существуетъ между аристократическими и демократическими элементами этой страны, между католиками и протестантами, и къ какимъ это влечетъ столкновеніямъ“.

Результатомъ успѣшной дѣятельности Лебцельтерна и благопріятнаго впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на Императора Александра I во время пребыванія въ Калишѣ, было то, что послѣ кратковременнаго пребыванія его посланникомъ при Ватиканѣ (съ 1814 г.), гдѣ его очень цѣнили папа Пій VII, онъ „уже въ 1816 г. (31 марта) былъ переведенъ, по личному настоянію русскаго Государя, посланникомъ въ Петербургъ“, гдѣ пробылъ десять слишкомъ лѣтъ. За этотъ долгій періодъ онъ принималъ участіе въ многочисленныхъ дипломатическихъ переговорахъ и участвовалъ въ работахъ конгрессовъ, происходившихъ въ Ахенѣ, Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ; его подписью скрѣплены многочисленные договоры, заключенные за эти годы.

Въ 1823 году Лебцельтернъ вступилъ въ бракъ съ графиней Зинаидой Лаваль, сестра которой была замужемъ за княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ.

„Меттернихъ нашель („vortheilhaft“) *выгоднымъ* для интересовъ Австріи бракъ Лебцельтерна съ графиней Лаваль и вступленіе посла въ родственныя связи съ высшимъ Петербургскимъ обществомъ. Наградой за этотъ бракъ было пожалованіе ему, графскаго титула“, который, по мнѣнію Меттерниха, долженъ былъ дать ему болѣе почетное положеніе въ русскомъ обществѣ. Этотъ разъ предвидѣніе обмануло Меттерниха, ибо два года спустя родственныя отношенія къ семейству Лаваль, какъ увидимъ дальше, погубили карьеру Лебцельтерна.

Годы своего пребыванія въ Петербургѣ (1816 — 1824) Лебцельтернъ характеризуетъ какъ эпоху „искренняго полнаго довѣрія, существовавшаго между двумя императорскими дворами—рѣдкій примѣръ въ исторіи европейской дипломатіи“. „Между тѣмъ, говоритъ Лебцельтернъ въ 1825 году, Императоръ Александръ, встревоженный обнаруженнымъ заговоромъ, въ которомъ оказались замѣшанными нѣкоторыя высокопоставленныя лица въ Россіи и за границей, поддался снова быдому недовѣрію въ Австрію; происки недоброжелателей и завистниковъ за границей, коварныя статьи Парижскихъ газетъ, направленныя противъ вліянія вѣнскаго кабинета и старавшіяся подорвать довѣріе, какимъ пользовался его представитель въ Петербургѣ, бурныя совѣщанія, происходившія въ 1825 г. по поводу угрожавшихъ опасностью осложненій на востокѣ, тайное сближеніе русскаго кабинета съ кабинетомъ Каннинга, множество фактовъ, свидѣтельствовавшихъ о существованіи извѣстнаго соглашенія между французскими и русскими

революціонерами, планъ которыхъ состоялъ въ томъ, чтобы задѣть національное самолюбіе русскихъ, указавъ на то, что Императоромъ Александромъ руководить иностранный кабинетъ въ ущербъ національнымъ интересамъ Россіи и нѣкоторыя другія прискорбныя обстоятельства, о коихъ я не буду говорить, пошатнули мое положеніе какъ *посланника*, но—такъ велики были сила привычки и вѣра въ правдивость и искренность моихъ словъ, что мое *личное положеніе* не пошатнулось. И я стоялъ непоколебимо среди развалинъ зданія, воздвигнутаго моими трудами и которое я охранялъ такъ бережно и старательно“.

„Подъ самый конецъ столь блестящаго пребыванія Лебцельтерна въ столицѣ Россіи, случилось событіе, которое окончательно подорвало его положеніе на берегахъ Невы“. 14 декабря 1825 года, князь Сергѣй Трубецкой, зять Лебцельтерна, женатый, какъ мы знаемъ, на другой сестрѣ Лаваль, спасаясь отъ заслуженнаго преслѣдованія, скрылся въ австрійскомъ посольствѣ, у своего зятя, былъ вскорѣ обнаруженъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость“.

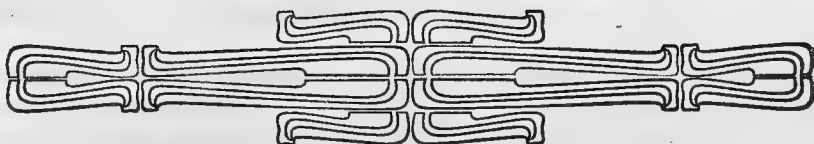
„Принималъ ли Лебцельтернъ какое-либо активное участіе въ событіяхъ 14 декабря, намъ не удалось выяснить“, говоритъ Великій Князь Николай Михайловичъ; „нигдѣ нѣтъ даже намекъ на вмѣшательство австрійцевъ въ замыслы декабристовъ“, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что австрійскій представитель былъ хорошо освѣдомленъ о заговорѣ; какъ бы то ни было, „послѣ столь неожиданнаго для него сюрприза, положеніе Лебцельтерна стало невозможнымъ въ Петербургѣ, и онъ былъ отозванъ изъ Россіи“.

Императоръ Николай, въ моментъ вступленія на престолъ предубѣжденный противъ Лебцельтерна, измѣнилъ на него свой взглядъ по мѣрѣ того, какъ выяснялась истина событій, и отнесся къ нему милостиво, пожаловалъ ему при его отъѣздѣ даже знаки ордена св. Александра Невского.

По отъѣздѣ изъ Петербурга, Лебцельтернъ былъ назначенъ „на постъ посланника въ Неаполѣ“, на которомъ онъ оставался 18 лѣтъ, до 1844 года, когда онъ вышелъ въ отставку, но продолжалъ жить въ Неаполѣ до своей кончины, послѣдовавшей въ 1854 году.

Т.

Изъ старыхъ дѣлъ ¹⁾.

I.

Преступная мысль.

(Архивъ Правительствующаго Сената. Дѣло 1798 года).

28 декабря 1798 года, въ г. Псковѣ, бывшій прокуроръ Псковской Верхней Расправы, отставной капитанъ Петръ Степановичъ Сумароцкій праздновалъ свои именины. Выпить всегда онъ любилъ, въ этотъ же день онъ выпивалъ по нѣсколько чарокъ съ каждымъ, приходившимъ къ нему съ поздравленіемъ, знакомымъ. Поэтому, когда пришло время садиться за столъ съ приглашенными къ обѣду гостями, онъ уже сильно пошатывался.

Во время обѣда нельзя было не пить. Пили за его здоровье, за здоровье молодой жены его, Елизаветы Ивановны, и за здоровье каждого изъ гостей. Къ концу обѣда хозяинъ былъ совершенно пьянъ. Вставъ изъ-за стола, онъ добрался до кресла, грузно шлепнулся въ него и, подперевъ голову рукой, задумался. Вообще, несмотря на шумное веселье, онъ былъ все время мраченъ. Замѣтно было, что его угнетаетъ какая-то неотвязчивая мысль.

Гости тоже не мало выпили. Одинъ изъ нихъ, землемѣръ Глотовъ, еле добрался до ближайшей комнаты, опустился на диванъ и сейчасъ же уснулъ. Другіе ушли домой. Остался лишь одинъ майоръ Жукановъ, который „занимался играть на скрипкѣ, а жена Сумароцкаго веселостью—пляскою“.

¹⁾ См. „Русская Старина“ ноябрь 1913 г.

Жукановъ игралъ, хозяйка плясала, а хозяинъ все продолжалъ сидѣть, молча, погруженный въ свои мысли.

Уставъ плясать, Сумароцкая присѣла отдохнуть. Жукановъ положилъ скрипку на столъ и взглянулъ на хозяина. Увидѣвъ, что онъ не спитъ, подошелъ къ нему.

— О чемъ это ты, такъ задумался, Петръ Степановичъ? спросилъ онъ.

— Я хочу что-то сдѣлать, едва ворочая языкомъ, отвѣтилъ хозяинъ. Ты не знаешь, Герасимъ Ефимовичъ, что случилось. Вчера я получилъ изъ Петербурга наддраное письмо. Такъ вотъ это письмо я хочу прибить къ шлагбауму.

— Да, вѣдь, тамъ стоитъ часовой, который проходящихъ людей опрашиваетъ. Онъ не позволитъ.

На это замѣчаніе Сумароцкій ничего не отвѣтилъ.

— Гдѣ же это письмо?

— У жены.

Послѣ этихъ словъ хозяинъ откинулся въ глубь кресла и сталъ дремать.

— О какомъ письмѣ говоритъ Петръ Степановичъ? спросилъ Жукановъ у хозяйки.

— Развѣ не видите, что онъ пьянъ, отвѣтила она. Никакого письма нѣтъ и онъ болтаетъ вздоръ. Сыграйте-ка лучше плясовую.

Маюръ заигралъ, и хозяйка заплясала. Хозяинъ, подремавъ въ креслѣ, приподнялся, добрелъ кое-какъ до спальни и бросился, не раздѣваясь, на постель.

— Вотъ возьму, да и прибую къ шлагбауму, бормоталъ онъ. Вотъ такъ!..

Проговоривъ это, онъ ударилъ кулакомъ по стѣнѣ. Замахнулся было и еще, но рука безсильно опустилась. Сумароцкій погрузился въ глубокой сонъ.

Для того, чтобы объяснить, какъ это было, производившее на Сумароцкаго такое сильное впечатлѣніе, наддраное письмо, необходимо раньше познакомиться съ его личностью.

Какъ дворянинъ онъ служилъ въ военной службѣ и былъ уволенъ капитаномъ къ статскимъ дѣламъ. Въ 1789 году онъ былъ назначенъ прокуроромъ Псковской Верхней Расправы. Не долго, однако, онъ пробылъ въ этой должности, — всего три года.

Никакой собственности Сумароцкій не имѣлъ, покутить же любилъ. Жизни безъ картъ и билліарда онъ не понималъ. Какъ искусный игрокъ, онъ обыкновенно обыгрывалъ своихъ партнеровъ, преимущественно изъ купцовъ, но иногда бывали случаи,

что и онъ сильно проигрывался, въ особенности когда напивался. Жена, у отца которой было имѣніе и которая имѣла нѣсколько человѣкъ собственныхъ крѣпостныхъ, на кутежи денегъ ему не давала. Конечно, получаемаго имъ жалованья ему никогда не хватало. Поэтому онъ, какъ человѣкъ не особенно высокой нравственности, не только полюбилъ дары доброхотныхъ дателей, но и сталъ вымогать деньги отъ разныхъ, прикосновенныхъ къ дѣламъ, лицъ. Обыватели, сначала молча, переносили эти накладные расходы, но потомъ, когда убѣдились, что, несмотря на дары, дѣла рѣшались не въ ихъ пользу, стали подавать на него жалобы.

Сумароцкій между тѣмъ продолжалъ брать взятки открыто, не стѣняясь. Зашелъ онъ какъ-то въ лавку мѣщанина Голованова, который въ это время продавалъ соль крестьянамъ. За мѣтивъ обвѣсъ на четверть фунта, Сумароцкій пригрозилъ Голованову судомъ. Тотъ сейчасъ же далъ ему 20 рублей. Получивъ деньги, Сумароцкій возбудилъ все-таки противъ Голованова уголовное преслѣдованіе. Тогда Головановъ заявилъ о взяткѣ. Начальство отнеслось къ Сумароцкому снисходительно и на этотъ разъ и, въ виду того, что дѣло было возбуждено лично Сумароцкимъ, жалобу Голованова оставило безъ послѣдствій.

Вскорѣ на него наступила еще жалоба отъ, обвиняемой въ убійствѣ, колодницы крестьянки Дарьи Сергѣевой, по прозвищу Минихи. Произведеннымъ разслѣдованіемъ Сумароцкій былъ изобличенъ въ томъ, что онъ выпускалъ изъ острога Миниху „не для прошенія на улицахъ милостыни“, а для того, чтобы она добыла и дала ему 500 рублей. На этотъ разъ начальство не оставило поступокъ его безнаказаннымъ и наложило на него штрафъ въ 100 рублей.

Вспыльчивый и невоздержанный Сумароцкій разозлился. Зная грѣхи своихъ сослуживцевъ и нѣкоторыхъ изъ начальствующихъ лицъ, онъ написалъ на нихъ доносъ. Послѣдствія этого доноса для Сумароцкаго были самыя неожиданныя. Онъ получилъ бумагу, въ которой, между прочимъ, говорилось, что онъ, „какъ виновный во многихъ недѣльныхъ извѣтахъ и яко помѣшается добрыхъ порядковъ общаго покоя, отрѣшается отъ должности“. Указъ оканчивался словами: „и впредь не принимать и 100 рублей штрафу“.

Потерявъ службу, Сумароцкій окончательно опустился. Весь день съ утра онъ проводилъ въ трактирахъ и возвращался домой всегда пьянымъ. Иногда, при удачной игрѣ, у него бы-

вали большія деньги, въ случаѣ же неудачи, онъ потихоньку отъ жены закладывалъ вещи. Ежедневные упреки жены въ бездѣльничаньи ему очень надоели, и онъ сталъ подавать просьбы объ опредѣленіи его вновь на службу. На службу, однако, его больше брать не хотѣли. Тогда онъ послалъ прошеніе на Высочайшее имя въ Петербургъ. Наканунѣ своихъ именинъ Сумароцкій получилъ изъ Петербурга отвѣтъ. Прошеніе его было возвращено ему „съ наддраніемъ“.

Прославшись и опохмѣлившись на другой день послѣ своихъ именинъ, Сумароцкій отправился въ трактиръ. Повидимому, онъ примирился съ своимъ положеніемъ. Жизнь его текла обычнымъ порядкомъ.

Прошло полтора мѣсяца. 12 февраля 1799 года Сумароцкій былъ пьянъ съ утра. Возвратившись домой къ обѣду, онъ сталъ ссориться съ женой. Подойдя къ столу, онъ схватилъ тарелку и бросилъ ее на полъ. Крикъ жены и трескъ разбившейся тарелки привелъ его въ ярость, и онъ съ остервенѣніемъ сталъ бить всю, стоявшую на столѣ, посуду. Крѣпостная дѣвка, Акулька, бросилась спасать остатки. Сумароцкій подскочилъ къ ней, схватилъ ее за косу, повалилъ на полъ и сталъ бить ее ногами.

Чаша терпѣнія жены его переполнилась. Она быстро одѣлась и побѣжала съ жалобой на мужа къ коменданту.

— Мужъ непрестанно обрѣтается въ пьянствѣ, жаловалась она коменданту.

— А вы не дайте ему денегъ.

— И то не даю. Онъ же все изъ дома потихоньку тащитъ. Образъ благословенный, золотой съ алмазами, заложилъ.

— Вотъ это непохвально.

— Буйствуетъ и чинитъ несносные побои моимъ крѣпостнымъ людямъ. Сегодня разбилъ сервизъ и побилъ мою дѣвку.

— Проспится, успокоится и попроситъ у васъ прощенія, успокаивалъ ее комендантъ.

— А пока можетъ учинить смертоубійство.

— Ну, какое тамъ смертоубійство?!

— Я боюсь. Онъ отчаянный.

— Ужъ, будто и отчаянный? шутилъ комендантъ, крутя усы и поглядывая на красивую Сумароцкую.

— Конечно, отчаянный. Вы его не знаете. Я вамъ сейчасъ докажу. Прошеніе, поданное имъ на Высочайшее имя и возвращенное ему съ наддраніемъ, онъ грозитъ прибить къ флаг-

бауму для позорища. Пусть, говорить, каждый знаетъ о несправедливости начальства.

Комендантъ мгновенно выпрямился. Лицо его приняло строгое выраженіе. Кликнувъ изъ сосѣдней комнаты аудитора, онъ приказалъ написать ему прошеніе отъ имени Сумароцкой.

Какъ только прошеніе Сумароцкой было подписано, комендантъ послалъ за ея мужемъ.

Прежде всего у доставленнаго къ коменданту Сумароцкаго была отобрана шпага, а затѣмъ онъ былъ обысканъ и посаженъ на гауптвахтѣ подъ арестъ „въ предупрежденіе дерзкихъ поступковъ“.

Донося о преступленіи Сумароцкаго начальству, комендантъ, между прочимъ, упоминалъ, что „Сумароцкій занимается здѣсь въ городѣ единою забавою, обыгрывать въ билліардную и картежную игру на немалыя суммы“. Поэтому онъ, руководствуясь указаніемъ устава о томъ, чтобы „стараться комендантамъ истреблять всякаго рода, на большія суммы, игры“, отобралъ у Сумароцкаго и уничтожилъ векселя на 800 рублей, выданные Сумароцкому купцомъ Черновымъ, который былъ обыгранъ имъ на 2 тысячи рублей.

Противъ Сумароцкаго было возбуждено уголовное преслѣдованіе въ 1-й департаментѣ Псковской Палаты Суда и Расправы.

Сумароцкій, не признавая себя виновнымъ, показалъ, что онъ никогда не думалъ прибить надтроенное письмо къ шпагѣ и никому объ этомъ не говорилъ. Это была лишь выдумка его жены, которая „рѣшилась злосердіе свое обнаружить, ибо едва-ли могло гдѣ-либо, во всей вселенной, подобной жены противу мужа случиться поступокъ. Онъ же не могъ имѣть малѣйшее вѣроподобіе дерзнуть на таковое разсудку его и совѣсти, несвойственное и тѣмъ болѣе долгу и присяги вѣроподданнаго несоотвѣтствующее предпріятіе“. Во всякомъ случаѣ, добавлялъ Сумароцкій, жена должна была донести своевременно.

Послѣ этого заявленія арестована была и Сумароцкая.

Оправдываясь, она показала, что своевременно донести о помыслахъ мужа она не могла потому, что онъ ее изъ дома никуда не отпускалъ.

Въ опроверженіе этого объясненія судомъ было выведено на справку, что она, во-первыхъ, ходила безъ разрѣшенія мужа съ жалобой къ коменданту, и во-вторыхъ, ѣздила послѣ арестованія мужа къ своему отцу въ имѣніе.

Доносъ на мужа Сумароцкой никто изъ бывшихъ у нихъ въ гостяхъ не подтвердилъ. Одинъ только майоръ Жуковъ по-

казалъ, что пьяный Сумароцкій сказалъ, что хочетъ прибить письмо къ шлагбауму, но какое именно письмо, не говорилъ.

9 марта 1799 года Псковская Палата Суда и Расправы, приступая къ разрѣшенію дѣла, прежде всего сдѣлала ссылку на законы. Указанъ былъ 20 пунктъ 3 главы артикуловъ, въ которомъ говорилось: „кто противъ Его Величества Особы хулительными словами погрѣшитъ, Его дѣйство и намѣреніе презирать и непристойнымъ образомъ о томъ разсуждать будетъ, онъ имѣетъ живота лишентъ быть и отсѣченіемъ главы казненъ быть. И кто нигдѣ не донесъ, а хотя и доносить будетъ да поздно и тѣмъ время упуститъ, оному чинить смертную казнь безъ всякія пощады“.

Признавая Сумароцкаго и его жену виновными, Палата постановила: 1) заслужилъ онъ смертную казнь, но поелику указомъ 1754 г., сентября 30 дня чинить не повелѣно, то, лишивъ чиновъ и дворянства, чинить жестокое наказаніе кнутомъ и, заклепавъ въ кандалы, сослать въ работу въ Нерчинскъ и 2) жена донесла не въ тотъ и не въ другой день, а черезъ полтора мѣсяца и объяснила не изъ вѣрноподданнаго ее долгу и ревности, но изъ возродившагося уже въ ней на мужа неудовольствія, то, лишивъ ея чести и дворянства, тому же наказанію“.

1 апрѣля 1799 г. псковскій гражданскій губернаторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Беклешовъ, представляя дѣло въ Правительствующій Сенатъ, высказалъ свое мнѣніе, что „обстоятельство на Сумароцкаго недоказанное и слѣдовательно остается подѣ сомнѣніемъ“.

Въ виду же того, что Сумароцкій „какъ посему, такъ и по прежнимъ дѣяніямъ и по образу жизни его, распутной и развратной, помрачающей званіе“, онъ полагалъ, что его слѣдуетъ сослать на житье. Что же касается до жены Сумароцкаго, онъ находилъ, что „намѣреніе состояло не въ такомъ содержаніи, въ какомъ приняла палата“. Тѣмъ не менѣе въ виду „доподлинной извѣстности, что она крайне безпокойнаго нрава и предосудительной жизни“, губернаторъ полагалъ, что ее слѣдуетъ тоже сослать.

23 мая 1799 года Правительствующій Сенатъ составилъ опредѣленіе, по которому онъ, считая преступленіе недоказаннымъ, полагалъ: Сумароцкому „вмѣнить содержаніе его подѣ стражей, да нынѣ еще на 3 мѣсяца и въ томъ числѣ 3 недѣли на хлѣбъ и на водѣ“ и Сумароцкую освободить, „вмѣнивъ содержаніе подѣ стражей“.

Докладъ по этому опредѣленію былъ отосланъ въ канцелярію генераль-прокурора для Высочайшаго поднесенія.

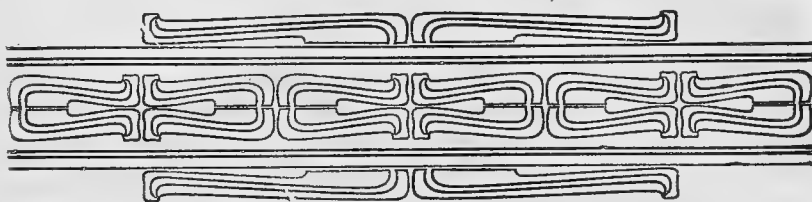
3 іюля 1799 г. изъ общаго собранія Правительствующаго Сената поступило въ 4 департаментъ донесеніе о томъ, что „за дерзостныя изреченія“ повелѣно сослать Сумароцкаго въ Иркутскую губернію, а Сумароцкую въ Тобольскую.

6 февраля 1800 года Высочайше дозволено было: „Сумароцкую отпустить къ мужу въ Иркутскъ для совокупнаго житія“.

М. Ф. Чулицкій.

Записки Александра Андреевича Половцова ¹⁾.

1. Поѣздка въ Архангельскъ была вызвана рѣзкими жалобами губернатора Арандаренки на управляющаго палатою Г. И. Министръ М. Н. Муравьевъ, предвидя въ этомъ разладѣ властей возможность неудачной встрѣчи Государя, избравъ меня, представилъ лично министру двора Вл. Ѳед. Адлербергу. Кромѣ того я представлялся министру внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланскому, который по своему благорасположенію ко мнѣ сказалъ, что хорошо бы, если бъ я въ Архангельскѣ остался долѣе, на что я не могъ согласиться по своимъ семейнымъ обстоятельствамъ. Передавъ это М. Н. Муравьеву, я получилъ отъ него удостовѣреніе, что этого не будетъ никакъ, и съ тѣмъ отправился за 1.300 верстъ на сѣверъ.

Въ Архангельской губерніи тогда считалось 240 тыс. душъ казенныхъ крестьянъ и миллионы десятинъ казеннаго лѣса. Предъ выѣздомъ я счелъ нужнымъ сдѣлать визитъ директору канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, Гвоздеву, который, не заставъ меня дома, оставилъ записку на цѣломъ листѣ, гдѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, по порученію министра, изъявлялъ полную готовность исполнять всѣ мои требованія и пр. Надо сказать, что въ это время Гвоздева знали всѣ губернаторы, какъ силу дѣйствительную. Кстати этотъ листъ вмѣстѣ съ прочими бумагами попалъ въ мой портфель.

¹⁾ См. „Русская Старина“ ноябрь 1913 г.

Арандаренко былъ управляющимъ палатою Г. И. въ Полтавѣ и слылъ за человѣка энергичнаго, но вмѣстѣ злого самодура, писаку и интригана крайняго. Управляющій, Мальте, правовѣдъ, характера мягкаго, обремененный семьей и содержащійся службою, при всемъ стараніи не могъ переносить произвола Арандаренки.

Такой разладъ администраціи края натурально внушалъ министру Гос. Им. опасеніе отъ доносовъ и жалобъ при проѣздѣ Государя,—что и слѣдовало предварить отправкою заранее на мѣсто лица, довѣреннаго отъ министерства Г. И.

За двѣ станціи до Архангельска я встрѣчаю мужика съ котомкою за плечами, обратившагося ко мнѣ съ вопросомъ:

— Когда проѣдетъ чиновникъ изъ Питера?

— А что тебѣ?

— Да вотъ я, отъ общества изъ-за Дячерскаго края, прошель по кладкамъ черезъ болота 80 верстъ съ бумагами и пр.,—вынулъ цѣлый ворохъ, я взялъ все съ собою и велѣлъ явиться въ Архангельскъ.

Пріѣхавъ туда и остановясь на квартирѣ, заранее пріисканной, я принялъ Мальте въ мундирѣ и сказалъ:

— Прежде всякаго дѣла прошу васъ покончить дразги; поѣзжайте къ губернатору и скажите отъ меня, что я поручилъ вамъ извиниться и тѣмъ кончить все, что было.

Онъ не соглашался, но я настоялъ, сказавъ, что и самъ сейчасъ поѣду къ Арандаренкѣ, какъ къ губернатору.

Пріѣзжаю и нахожу встрѣчу самую радушную. Хозяинъ явно не могъ придти въ себя отъ такого рѣзкаго перехода въ своихъ отношеніяхъ и благодарилъ, какъ нельзя болѣе. Отъ него я поѣхалъ въ палату и узнавъ, что жена управ. Мальте два дня назадъ родила, хотѣлъ оставить у нихъ свой визитный билетъ, но былъ вынужденъ дойти до кровати больной. Ея крайнее волненіе за участь мужа мнѣ пришлось унимать болѣе часа, но, наконецъ, удалось больную успокоить.

Возвращаясь на квартиру, слышу, что былъ губернаторъ и, не заставъ меня, сказалъ человѣку, что желаетъ осмотрѣть помещеніе и войдя, въ спальню, подошелъ къ письменному столу и сталъ читать бумаги, но какъ прочелъ первый листъ, то вынулъ 3 р., далъ слугѣ и сказалъ:

— Пожалуйста, чтобы генералъ былъ всеѣмъ доволенъ, я пришлю полицейскаго, что нужно только прикажи, все будетъ исполнено.

Взглянувъ на свой столъ, вижу, что листъ, исписанный Гвоздевымъ, лежитъ наверху. Значитъ, дѣльный губернаторъ, отыскавъ его въ кнѣ бумагъ, даже не успѣлъ положить на прежнее мѣсто; и узнавъ дѣйствительность, измѣнился окончательно, — что и оказалось впоследствии.

Собственно для меня это была явная милость Божія, укротившая раздраженнаго звѣря—человѣка, извѣстнаго своими происками, бывшаго любимца графа Киселева, готоваго на всякую дерзость, доносъ и скандалъ.

Государь съ наслѣднымъ принцемъ Вюртембергскимъ (нынѣ королемъ) по тракту въ Архангельскъ шестеркою въ коляскѣ, не разъ шель пѣшкомъ въ глубокихъ пескахъ. За 160 верстъ на берегу рѣки Двины была построена бесѣдка со спускомъ къ рѣкѣ. Купецъ Брандтъ выставилъ свой пароходъ и тѣмъ порадовалъ царя, не привыкшаго тащиться шагомъ. Во время плаванія на пустынныхъ берегахъ изрѣдка было собрано населеніе: дѣти впереди, за ними женщины и потомъ мужчины. Государь былъ постоянно на палубѣ и, взглянувъ издаиска на такой строй, произнесъ:

— Ну, это поддѣлано.

Когда же пароходъ приближался къ такой группѣ народа, то всѣ остановились на колѣни и отдавали земной поклонъ.

— Ну вотъ, ужъ это не поддѣлано, — говорилъ Государь и кланялся народу милостиво.

На одной изъ колоколенъ сельскихъ церквей послѣ долгаго благовѣста, пономарь далъ такой искусный перезвонъ, что Государь слушалъ съ удовольствіемъ и сказалъ:

— Да, это музыка.

Въ 7 часовъ утра, Государь былъ въ Архангельскѣ встрѣченъ всѣми старшинами: военный губ., Глазенапъ, гражд. губ., Арандаренко, комендантъ, баронъ Соловьевъ и многіе др. Обѣхавъ городъ, побывавъ въ соборѣ и адмиралтействѣ, Государь остановился у Глазенапа.

При представленіи въ залѣ адмиралтейства было много моряковъ и военныхъ и два чина гражданскіе: я и Желтухинъ отъ удѣловъ. Последняго представилъ Арандаренко, а противъ меня Государь остановился и внимательно посмотрѣлъ, видя, что графъ Вл. Осд. Адлербергъ остался на другомъ концѣ зала, я поклонился и произнесъ:

— Членъ совѣта и пр.

— А! знаю, сказалъ Государь; въ эту минуту Адлербергъ подбѣжалъ ко мнѣ, между тѣмъ Государь продолжалъ:

— Ну, что все въ порядкѣ?

— Точно такъ, Ваше Императорское Величество.

— А въ Запечорскій край хлѣбъ доставленъ?

— Все, что нужно, Ваше Императорское Величество.

— А вообще запасы достаточны?

— Вполнѣ.

Государь съ легкимъ поклономъ черезъ всю залу направился къ выходу.

Глазенапъ подошелъ ко мнѣ и пригласилъ на обѣдъ въ 5 часовъ.

За столомъ было ровно 12 человѣкъ. По правую сторону Царя сидѣлъ принцъ Вюртембергскій, по лѣвую — хозяйка жена Глазенапа; напротивъ хозяинъ и подлѣ него я, — всѣ приглашенные въ лентахъ.

Государь былъ веселъ, много говорилъ по-русски и сряду переводилъ принцу. За 2-мъ блюдомъ, взглянувъ на меня, спросилъ:

— Васъ было трое въ Инженерномъ училищѣ?

— Точно такъ.

— Гдѣ же братья?

— Оба въ могилѣ.

Помолчавъ нѣсколько, онъ снова спросилъ:

— У васъ былъ еще братъ монахъ?

— Точно такъ, Государь.

— А какимъ образомъ онъ попалъ въ монахи?

Я отвѣчалъ:

— По призванію; онъ кончилъ курсъ въ Артиллерійскомъ училищѣ и вышелъ первымъ, но вскорѣ заболѣлъ такъ опасно, что два доктора по всѣмъ правиламъ науки (Государь взглянулъ на Енохина, сидѣвшаго отъ меня черезъ одного), были приговорены къ смерти въ 4 часа утра, но когда я пріѣхалъ въ 7, то доктора съ удивленіемъ объявили, что живъ. Въ полночь братъ призвалъ мать, она лютеранка.

Государь сказалъ: — какъ же знаю, и объявилъ, что такъ какъ онъ докторами приговоренъ, то, если останется живъ, просилъ позволенія умереть для свѣта. При одрѣ умирающаго отказа быть не могло. Мать согласилась, и онъ сдержалъ обѣтъ.

Въ тотъ же день съ 8 до 12 было большое гулянье, музыка и раутъ въ зданіи, особо выстроенномъ городомъ. Ужинъ былъ великолѣпный: за большимъ столомъ поперекъ залы сидѣлъ Государь, погруженный въ пальмы и зелень; служили ему именитые граждане Брандтъ, Плотниковъ и Кларкъ (все

милліонеры). За поперечнымъ столомъ въ виду Царя было 5 длинныхъ столовъ съ дамами, изукрашенными всевозможными туалетами и цвѣтами. Царь долго любовался такимъ зрѣлищемъ при блистательномъ освѣщеніи и до того увлекся, что ужинъ кончился и Вас. Андр. Долгорукій, сидѣвшій отъ него черезъ г-жу Глазенапъ, два раза проговорилъ:

— Государь!

И наконецъ вызвалъ его подняться. Сидя противъ Царя, я могъ убѣдиться, въ какомъ прекрасномъ настроеніи онъ находился.

Когда вышли на улицу, было свѣтло, какъ днемъ. Тамъ заря съ зарею сходятся, и въ маѣ солнце почти не заходитъ, такъ что, сядя за работу въ 10 часовъ вечера, я писалъ безъ очковъ, а въ часъ ночи опускалъ толстыя шторы, изъ чернаго сукна, чтобы уснуть.

На другой день рано утромъ Государь сѣлъ на пароходъ, пришедшій изъ Кронштадта, и со свитою отправился въ Соловецкій монастырь (300 верстъ). Глазенапъ уговаривалъ меня ѣхать, но я не рѣшился, опасаясь морской болѣзни, которою страдалъ на Черномъ морѣ и теперь при малѣйшей качкѣ на водѣ.

По возвращеніи изъ дальняго плаванія въ Соловки, Государь пробылъ не долго на пароходѣ, пристань была усеяна народомъ. Нѣсколько дамъ и съ ними Арандаренко спустились съ трудомъ по крутой лѣстницѣ въ лодку и перѣехали на пароходъ, но мы съ старымъ гвардейцемъ комендантомъ, барономъ Соловьевымъ, предпочли остаться на пристани. Скоро къ морскому пароходу подошелъ рѣчной Брандта. Государь со свитою пересѣлъ и тронулся медленно по р. Двинѣ при громкихъ кликахъ народа.

При отъѣздѣ въ Соловецкій монастырь, Глазенапъ спросилъ у меня: стоить ли ходатайствовать о наградѣ гражд. губернатору?

Я отвѣчалъ:

— Убѣдительно прошу, это доставить ему удовольствіе и всѣмъ облегченіе, безъ ленты черезъ плечо въ санѣ губернатора онъ золь и придирчивъ, надо его смягчить и пр.

При переходѣ съ одного парохода на другой Государь поздравилъ Арандаренко со Станиславомъ 1-ой степени, тутъ же ему врученнымъ. И, дѣйствительно, было за что; цѣлыя болота на версту и на двѣ по большой почтовой дорогѣ, до того едва проѣзжимыя въ перекладной, были засланы бревнами на подо-

біе пловучихъ мостовъ; сыпучіе пески покрыты мелкими вѣтками отъ елей и сосенъ; на восьми станціяхъ выставлено по 100 лошадей для 18 №№ колясокъ царскаго поѣзда; были тройки, приведенныя за 200 верстъ, кучера и фореиторы двѣ недѣли приучались ѣздить и выѣзжать лошадей въ непривычной сбруѣ; на дорогѣ исправники и становые сновали день и ночь, укрѣпляя пески и болота чѣмъ и какъ можно; словомъ, когда все было готово, то, сдѣлавъ 500 верстъ для осмотра, я не узналъ того пути, по которому пріѣхалъ. Правда, что кромѣ полицейскихъ чиновъ, люди, лѣсъ и деньги, все было казенное, т. е. отъ министерства г-хъ имуществъ, въ чемъ и было главное пререканіе палаты Г. И. Натурально, что подъ такимъ предлогомъ и полнымъ произволомъ Арандаренки было много злоупотребленій,—какъ вездѣ при такихъ исключительныхъ событіяхъ, которыхъ мѣстные дѣятели ждутъ не дождутся.

Въ моемъ положеніи была крайняя задача: найти середину между старымъ и новымъ порядкомъ. Арандаренко, какъ законный консерваторъ, дѣйствовалъ безразсечно и безпощадно, а молодой правовѣдъ, Мальте, какъ либераль, настаивалъ на законности, какъ къ людямъ, такъ и матеріаламъ. Но время не допускало разсужденій: все горѣло не легально.

Когда все кончилось благополучно, то послѣ 2-хъ сытыхъ обѣдовъ у губернаторовъ, военнаго и гражданскаго, каждый изъ нихъ по-своему почтили и наградили мое участіе лестнымъ вниманіемъ.

Первый выразилъ усердное желаніе ходатайствовать о наградѣ и просилъ меня указать надежный путь. Я предложилъ написать къ Зеленому (товарищу министра) и, причитавъ его письмо, въ которомъ онъ выразилъ очень многое (между прочимъ, г. Пол—въ сдѣлалъ изъ невозможнаго—возможное), былъ искренно признателенъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что мало на свѣтѣ такихъ умныхъ и добрыхъ людей, какъ Глазенапъ.

Второй, сознавая вполне, что мое личное содѣйствіе дало наилучшее направленіе дѣлу столь важному, заключилъ рѣчь такъ:—а безъ Васъ знаете что бы вышло? Здѣсь устроилась бы слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ такого лица, что мы бы свернули шею вашему Муравьеву.

Сказавъ это, онъ вытащилъ изъ стола 6 листовъ, мелко исписанныхъ, и продолжалъ:

— Вотъ что уже было переписано и что Государь, ѣхавъ шагомъ по пескамъ, непременно бы прочиталъ, такъ у насъ было

разсчитано и вся комиссія была готова. А съ вашимъ появленіемъ все рушилось, такъ судите сами, что вы сдѣлали.

Такая откровенность въ такомъ человѣкѣ, конечно, была мнѣ дѣйствительно пріятна, положивъ предѣлъ не имъ однимъ задуманной козни противъ М-ва.

Отмѣчаю этотъ фактъ служебной дѣятельности, какъ истинное чудо милости Божіей. Никакой умъ и умѣнье не могли бы сдѣлать такого крутого поворота подготовленной интригѣ, какъ листъ бумаги, случайно попавшій въ мой портфель.—Какъ часто въ жизни я убѣждался въ святой истинѣ изреченія Св. Евангелія „Безъ меня не можете творить ничего“.

Поездка въ Казань на ревизію палаты Г. И. была также не безъ особыхъ затрудненій. Пришлось ѣхать въ ноябрѣ 58-го г. до Москвы по жел. дорогѣ, а оттуда до Нижняго-Новгорода въ дилижансѣ съ дѣтьми и ихъ матерью на колесахъ. Въ Нижнемъ выпалъ снѣгъ, стала зима, надо было искать зимняго экипажа, нашелся возокъ довольно сносный, въ которомъ по горамъ и ярамъ протащился не безъ хлопотъ и остановокъ. Не доѣзжая Казани нѣсколько станцій были переведены въ свои зимнія помѣщенія на р. Волгѣ, и дорога улучшилась по льду.

Въ Казани я остановился во дворцѣ у бывшаго товарища по Инж. училищу, военнаго губернатора, Козлянинова, и нашелъ своихъ 2-хъ чиновниковъ: Боровкова и Дуве заранѣе пріѣхавшими.

Здѣсь такъ же, какъ и въ Архангельскѣ, губернаторъ не ладилъ съ управляющимъ палатою Г. Имущ., которымъ былъ Лавровъ. Разница состояла въ томъ, что послѣдній, по его выраженію, „не давалъ спуска первому“, т. е., какъ человѣкъ, знающій свою часть превосходно, бралъ взятки, ни съ кѣмъ не дѣлился и никого не страшился, имѣвъ въ министерствѣ при Киселевѣ свою руку. Вслѣдствіе того былъ рѣзокъ, золь, несогворчивъ и неуступчивъ до крайности. Осмотрѣвъ палату и ознакомъ съ дѣлами и служащими, я раздѣлил губернію по уѣздамъ: себѣ половину, а другую между 2-хъ моихъ помощниковъ¹⁾; немедленно разѣхавшихся и приславшихъ ко мнѣ съ вопросами въ особыхъ случаяхъ.

Оставаясь въ Казани, я собралъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, какъ служебныя, такъ и частныя. Тѣ и другія одинаково доказывали, что распри и пререканія Лаврова съ губернаторомъ вредили

¹⁾ Боровковъ и Дуве.

интересамъ дѣла и не могли продолжаться въ ущербъ министерству, какъ по хозяйственной, такъ и по лѣсной части.

Семья Козлянинова состояла изъ жены, лѣтъ 40-ка, и дочери, лѣтъ 16-и; обѣ видѣли въ немъ скорѣе командира, чѣмъ мужа и отца, что однако ни мало не нарушало ихъ семейной гармоніи и порядка въ домѣ. Въ городѣ и губерніи онъ также больше командовалъ, чѣмъ управлялъ, бывъ мало знакомъ съ администраціею вообще, но для того времени отличался особеннымъ „безкорыстіемъ“, что и служило укоромъ Лаврову. Обязанный такъ или иначе, болѣе или менѣе согласить дѣйствія этихъ лицъ для пользы службы, я былъ очень затрудненъ въ разговорахъ съ ними.

Здѣсь повторилось со мной то же, что было со мной въ Митавѣ. На 6-ое декабря упр—й, Лавровъ, былъ именинникъ и пригласилъ меня обѣдать. Я принялъ приглашеніе на тѣхъ же условіяхъ: вдвоемъ безъ овацій и безъ тостовъ. Когда узналъ о томъ Козляниновъ, то по званію военнаго губернатора, такъ же точно, какъ гражданскій губернаторъ, Валуевъ, счелъ долгомъ предварить, что буду отравленъ; по его выраженію, „вся штука къ тому подстроена“ и т. д. Не взирая на искреннюю увѣренность и просьбу стараго товарища, я отвѣчалъ, что не могу измѣнить даннаго слова.

Здѣсь, какъ и тамъ, благодаря Бога все обошлось благополучно, и возвратясь домой, я тоже удивилъ и обрадовалъ своего хозяина „удачнымъ подвигомъ“. — Нельзя не вспомнить, что тогда это средство отдѣлываться отъ опасной ревизіи было въ ходу: Козарскій въ Одессѣ, а впоследствии сенаторъ въ Костромѣ были жертвами своего усердія.

Ревизія палаты и окружныхъ правленій по уѣздамъ составила цѣлые томы бумагъ, изъ которыхъ былъ составленъ мною отчетъ, вполне удовлетворившій М. Н. Муравьева, утвердившаго все предположенное. Перемены лицъ были сдѣланы немедленно 1859 г. апр. 15-го.

Резолюція г. министра М. Н. Муравьева на моемъ отчетѣ о ревизіи Управленія Гос. Им-въ въ Казанской губерніи:

„Прочиталъ этотъ отчетъ съ большимъ вниманіемъ. Видно, что г. Половцовъ добросовѣстно исполнилъ свою обязанность и весьма подробно и дѣльно представилъ картину управления Казанской губерніи.“

„Грустно видѣть эти безпорядки, но еще грустнѣе получать убѣжденіе, что все это происходитъ оттого, что департаменты не заботятся объ удержаніи должнаго порядка во ввѣренныхъ

имъ управленіяхъ. Они только пишутъ, а о сущности управленія мало заботятся.

„Прошу этотъ отчетъ немедленно разсмотрѣть во всей подробности по принадлежности 1 Д-ту и Лѣсному и представить мнѣ (извлеченіе изъ общаго разсмотрѣнія) отдѣльные доклады по отмѣченнымъ мною статьямъ въ приложенныхъ запискахъ.

„Этотъ отчетъ г. Миллеру и объ успѣхѣхъ мнѣ доложить въ будущій четвергъ, 23-го числа“.

Вскорѣ послѣ того мнѣ поручена ревизія управленія Гос. Имущ. Пермской губерніи, гдѣ былъ управляющимъ палатою Ростовцевъ, а губернаторомъ Константинъ Ильичъ Огаревъ. Оба знали дѣло отлично, но первый во многомъ слушался жены, принимавшей просителей, а второй любилъ покутить, на что сибирскіе выходцы-богачи были готовы во всякое время, для наживы.

Моиими помощниками по ревизіи были: Дуве и Неклюдовъ. Послѣдній явился въ Пермь съ женою, что, конечно, не облегчало, а осложняло его занятія, но какъ онъ состоялъ подъ особымъ покровительствомъ В. О. Адлерберга, то надо было снисхожденіе. Кстати оказалось, что управляющій имѣніемъ Голубцовыхъ, Кистеръ, былъ радъ случаю принять и удостоить ихъ, какъ знакомыхъ его брата, состоящаго въ Министерствѣ Двора.

Кромѣ трудной работы въ палатѣ и округахъ, пришлось принять особыя мѣры по частнымъ пожарамъ въ г. Перми, возмущавшимъ все населеніе. Извѣстно, что въ такихъ случаяхъ народъ относитъ это явленіе къ умысленнымъ поджогамъ. Такъ было и здѣсь. Въ разныхъ частяхъ города находили записки: что „въ такой-то день, такой-то домъ будетъ горѣть“.

Большинство жителей бивакировало за городъ; нерѣдко предсказанія сбывались и тѣмъ возвышали страхъ и панику массы, средства полиція были крайне слабы и пр. Единственное спасеніе отъ опасности представлялъ въ своей особѣ губернаторъ Огаревъ. Онъ былъ неутомимъ: днемъ и ночью являясь на пожаръ первымъ, распоряжался всѣмъ лично, подавая примѣръ безстрашія массѣ и уговаривая умно всякаго, кто къ нему обращался. Ему обязана Пермь тѣмъ, что не сгорѣла до тла.

Ревизія управленія Гос. Имущ. въ Пермской губерніи такъ же, какъ и въ Казанской, была довольно трудна по дѣлу и

тѣмъ болѣе по переѣздамъ въ уѣзды, напр., въ Верхотуровъ, 300 верстъ отъ Екатеринбургa, гдѣ кромѣ перегоновъ отъ 25 до 30 верстъ ни одной живой личности по дорогѣ не встрѣчалось, а въ городѣ 8 каменныхъ церквей и монастырь. Городъ такъ бѣденъ, что церкви заперты и служатъ въ одной; ихъ много настроено тогда, какъ здѣсь былъ Сибирскій трактъ.

Гостиницъ нѣтъ и остановиться было бы негдѣ, если бы мнѣ не нашли квартиру предварительно.

Въ производствѣ дѣлъ вообще было такъ мало порядка, что я счелъ за лучшее посоветовать управляющему просить о причисленіи къ министерству, о чемъ онъ написалъ къ правителю канцеляріи Муравьева, П. А. Миллеру, но, получивъ, утвержденіе, немедленно исполнилъ.

По окончаніи ревизіи и перемѣны почти всего состава управленія Гос. Имущ. по доказанной неисправности, негодности и взяточничеству, на меня поступило много гнусныхъ доносовъ къ Муравьеву. На нѣкоторые я долженъ былъ отвѣчать не безъ рѣзкости, и министръ оставилъ все безъ послѣдствій.

Къ сожалѣнію, М. Н. Муравьеву было назначено ѣхать въ Вильно генераль-губернаторомъ для усмиренія края. Это былъ выборъ необыкновенно удачный.

На его мѣсто вступилъ А. А. Зеленый, человекъ превосходный, но время было тяжелое и тѣмъ труднѣе ему приходилось справляться, что министръ Внутр. Дѣлъ, Валуевъ, и генераль-губернаторъ с.-петербургскій, Суворовъ, стояли явно за поляковъ и старались всячески парализовать дѣйствія М. Н. Муравьева, даже останавливали ссыльныхъ въ Спб. и давали имъ средства скрываться отъ преслѣдованій.

Въ 63 году апрѣля 25 оказалось возстаніе въ Могилевской губерніи въ г. Горкахъ, гдѣ помѣщается высшій Земледѣльческій институтъ, на который было сдѣлано нападеніе извнѣ особо собравшеюся шайкою анархистовъ.

О производствѣ слѣдствія былъ докладъ Валуева и образована комиссія, но Зеленый успѣлъ это измѣнить и назначить предсѣдателя отъ себя; относительно назначенія товарища, оставились на мнѣ, какъ болѣе извѣстномъ М. Н. Муравьеву.

Являсь къ министру въ лихорадочномъ пароксизмѣ и, желая уклониться отъ комиссіи и поѣздки, я сослался на болѣзнь, на что А. А. Зеленый отвѣтилъ:

— Время такое, что если бы Государь назначилъ меня

городничимъ, то немедленно поѣхалъ бы. Отказываться нельзя и т. д.

Переговоривъ о многомъ, я былъ вынужденъ согласиться и вскорѣ выѣхалъ въ Могилевъ. Тамъ нашелъ военнымъ губернаторомъ князя Яшвилъ, а гражданскимъ Беклемишева. Оба приняли меня какъ нельзя лучше и вскорѣ познакомили съ 2-мя братьями, князьями Любомірскими, изъ которыхъ старшій былъ губернскимъ предводителемъ. Оба вышли изъ лица вмѣстѣ съ Беклемишевымъ и оставались съ нимъ въ дружбѣ.

Пробывъ нѣсколько дней въ Могилевѣ для собранія необходимыхъ свѣдѣній я выѣхалъ въ г. Горки, гдѣ нашелъ Земледѣльческій институтъ роскошно устроеннымъ и занялъ большое отдѣленіе, назначенное для пріѣзда высшихъ чиновъ. Здѣсь былъ членъ ученаго комитета, Петерсонъ, какъ экзаменаторъ отъ министерства. Съ нимъ мы пошли по бульварамъ и скоро встрѣтили студента съ бородою, длинными волосами, высокими сапогами и въ фуражкѣ на бекрень и пр. Поравнявшись съ нимъ, я спросилъ фамилію и сказалъ:

— Какъ студентъ института, вы обязаны соблюдать форму, зайдите въ канцелярію, взгляните на рисунокъ и постарайтесь исправить, что нужно. Примите добрый совѣтъ.

Петерсонъ былъ изумленъ и старался объяснить, что такое замѣчаніе воспитаннику такъ ново и неожиданно, что удивить всѣхъ и пр. Мы обошли часть города, въ которомъ было выжжено 52 дома, и видѣли много евреевъ, жалкихъ, крайне смущенныхъ и говорившихъ между собою вслухъ: „что это значитъ? Онъ идетъ одинъ, никого не боится“ и т. д.

Возвратясь въ свое помѣщеніе, я узналъ отъ Петерсона много неизвѣстнаго, очень интереснаго и поучительнаго.

Толпа вооруженныхъ повстанцевъ, произведя въ городѣ общій ужасъ и истребивъ поджогомъ дома, вошла въ институтъ, арестовала директора и была принята всѣми радушно: ихъ угощали чаемъ и закусками, какъ дорогихъ гостей. Начальникомъ банды былъ нашъ штабсъ-капитанъ, академикъ Жвержовскій, который, пробывъ здѣсь день, къ ночи выступилъ въ дальнѣйшій путь, но скоро былъ преслѣдованъ и первый бѣжалъ. Изъ банды схвачено и посажено въ тюрьму до 300-тъ человекъ. Это было въ концѣ апрѣля, а въ маѣ былъ смѣненъ одинъ исправникъ, всѣ прочіе поляки остались на своихъ мѣстахъ, хотя и были извѣстны своимъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ анархистамъ. Какъ въ городѣ, такъ и въ институтѣ, преобла-

далъ духъ польскій до того, что въ разныхъ домахъ пѣлись гимны съ открытыми окнами и т. д.

Въ тотъ же вечеръ, изъ моихъ оконъ видно было сильное освѣщеніе нижняго этажа въ домѣ института, и только на другой день директоръ объяснилъ, что всѣ профессора и воспитанники всю ночь брились и стриглись, вълѣдствіе моего замѣчанія студенту.

Въ 9 часовъ утра былъ назначенъ осмотръ института. Войдя въ обширную швейцарскую въ сопровожденіи директора и увидѣвъ большую жнею подлѣ стѣны въ пыли, я узналъ, что она давно прислана изъ Спб. и остается въ полномъ небреженіи; просилъ директора немедленно распорядиться привести въ порядокъ и поставить на поле фермы для жатвы ржи, уже поспѣвшей.

Въ большомъ залѣ библіотеки мнѣ представлены 18 профессоровъ института. Обойдя всѣхъ и переговоривъ съ каждымъ, кромѣ 2-хъ особо замѣченныхъ и извѣстныхъ поляковъ, я сказалъ краткую рѣчь о цѣли моего прибытія, выразивъ надежду на ихъ содѣйствіе къ открытію происшедшаго и пошелъ по классамъ. Воспитанники, ихъ наполнявшіе, были въ полномъ порядкѣ и на мои вопросы отвѣчали удовлетворительно.

Предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи былъ чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ статскій совѣтникъ Маковъ, которому я предложилъ оставаться членомъ, а самъ занялъ предсѣдательское кресло, на что немедленно послано донесеніе министру внутрен. дѣлъ, Валуеву, оставшееся безъ послѣдствій.

Дѣла въ комиссіи было много, я заботлѣ глазами, однако усердіемъ членовъ и секретаря ни въ чемъ остановки не было. Пособіемъ институтскаго доктора мои глаза скоро исправились и я могъ много работать. Однажды въ два часа ночи, сидя за бумагами, я съ удивленіемъ услышалъ конскій топотъ подлѣ окнами; вошелъ курьеръ съ докладомъ о приѣздѣ исправника.

— Преси.

Вошелъ молодой человѣкъ въ формѣ и въ пыли.

— Что скажете?

— Я къ вашему превосходительству, прямо изъ города, гдѣ въ одномъ домѣ собрался клубъ, было много толковъ и споровъ, при чемъ часто произносилась ваша фамилія. Я сталъ подлѣ окна со ставнями и слышалъ, какъ согласились бросать жребій, кому васъ заколотъ; вотъ съ чѣмъ я рѣшился сюда при-скакать.

— Давно ли вы здѣсь?

— Три мѣсяца.

— Ну, такъ вы еще не ознакомились съ польскими выходками. Постарайтесь узнать: сколько человекъ было въ клубѣ? Кто былъ предсѣдателемъ и кто секретаремъ? Чѣмъ они кончили? Разузнавъ все, приходите завтра ко мнѣ завтракать въ 12 часовъ.

Исправникъ уѣхалъ, а я легъ спать въ самомъ покойномъ настроеніи. На другой день онъ явился съ рапортомъ по всѣмъ даннымъ вопросамъ. Предсѣдателемъ и секретаремъ были два профессора мною раньше замѣченные, членами, числомъ до 40, студенты института. Отъ избранія по жребію всѣ отказались, а потому послано въ Варшаву требованіе выслать особаго кинжалщика.

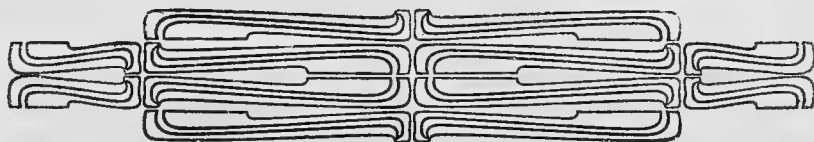
Послѣ завтрака, вмѣстѣ съ исправникомъ я передалъ ему свое отношеніе къ губернатору, „чтобы на основаніи закона такіе-то два профессора были удалены изъ Горока“. Запечатавъ съ надписью „секретно“ я просилъ его немедленно отправить съ нарочнымъ.

Черезъ два дня послѣ того, рано утромъ вошелъ ко мнѣ институтскій священникъ и съ низкимъ поклономъ выразилъ искреннюю благодарность за высылку двухъ отъявленныхъ поляковъ. Онъ говорилъ:

— Въ 5 часовъ утра мимо моей квартиры ихъ провезли въ 2-хъ телѣгахъ и тѣмъ обрадовали всѣхъ насъ. Очень, очень благодарны вашему превосходительству. Теперь вы увидите, какъ всѣ присмирѣютъ и все перемѣнится. Вотъ я 30-ый годъ при институтѣ и знаю точно, что здѣсь происходило, но, конечно, никто не ожидалъ такихъ распоряженій. Вотъ потому-то все такъ и продолжалось, конечно, такъ надо было терпѣть.

Сообщ. А. А. Половцева.

Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи.

IX¹⁾.

Ложные слухи о неповиновеніи солдатъ.—Отступленіе войскъ.—Призывъ покончить съ „черными сотнями“.—Общая забастовка рабочихъ.—Объявленіе баронскихъ владѣній достояніемъ латышской республики.—Безъакцизная продажа спирта „народу“.—Послѣдствія этого.—Взрывъ революціи.—Возстаніе въ Туккумѣ.—Неудавшееся нападеніе на Митау.—Сожженіе замковъ.—Священный дубъ.

Положеніе въ Курляндіи все болѣе обострялось. Войска вслѣдствіе своей малочисленности оставались почти безучастными свидѣтелями творившагося „правонарушенія“, не говоря уже о такихъ пустякахъ, какъ г.-губернаторскія „временныя правила“ и приказы, тщетно устранившіе латышей „безпощадной строгостью“. Такое положеніе вещей въ конецъ подрывало авторитетъ уже не власти предержавшей, а грубой силы войска. Не тактично разбросанныя, какъ бы специально для защиты большихъ имѣній, они ничего и не могли подѣлать. Все это придавало революціонерамъ самоувѣренности и побуждало къ еще болѣе энергичнымъ дѣйствіямъ и, что важнѣе всего, давало право ораторствовать на митингахъ: начальство не увѣрено въ солдатахъ, боится, они на нашей сторонѣ. И для подкрѣпленія этой увѣренности распускались слухи, что тамъ-то рота не исполнила приказаній; не стрѣляла; тамъ-то вмѣсто залпа въ толпу пустила его въ начальство и т. п. Народъ понуждался агитаторами покончить съ ничтожными силами войскъ, „съ черными сотнями“, „наемниками бароновъ“, „задавить ихъ массою“, а равно „поубивать полицію и всѣхъ

¹⁾ См. „Р. Ст.“, Ноябрь, 1913 г.

чиновниковъ" (изъ прокламацій). Наконецъ, послѣдовало приказаніе г. - губернатора (отъ 28 ноября) стянуть всѣ части войскъ района въ одномъ пунктѣ, увезти съ собою правленія воинскихъ начальниковъ, казначейство и пр. Во исполненіе этого въ Газенпотъ собраны были части Гольдингенскаго района. Такимъ образомъ на пространствѣ двухъ уѣздовъ, только упомянутый городъ оставался въ рукахъ правительства—все остальное попало уже фактически во власть торжествующаго народа, вѣрнѣе, революціонныхъ комитетовъ.

Съ 1 дек. начались вездѣ забастовки сельскихъ рабочихъ. Владѣтели имѣній осаждали просьбами о помощи уѣздныя и губернскія власти. Всѣ онѣ, конечно, оставались безъ отвѣта—въ Гольдингенскомъ уѣздѣ никакихъ властей, кромѣ революціонныхъ, и не было. „Народу“ послѣдними было объявлено, что баронскія имѣнія дѣлаются достояніемъ республики и раздѣлу не подлежатъ—[„какъ нельзя между всѣми раздѣлить черепицы крыши—только вмѣстѣ онѣ защищаютъ строеніе“ пояснялось (изъ протокола)]; доходы съ нихъ должны поступить „на благоустройство республики“—надо же на что-нибудь порядочно жить многочисленнымъ устроителямъ, давно уже ничѣмъ, кромѣ агитаціи, не занимавшимся.

Всѣ батраки должны были оставаться на мѣстахъ. Комитетъ имѣть будетъ уплачивать жалованіе. Но увеличивать его нѣтъ основанія—все сдѣлается дешевле, подати уменьшатся. Дѣло, молъ, наше выиграно; въ Россіи правительство не существуетъ. Видите сами—войска повсюду передъ нами отступаютъ; теперь только побольше энергіи — добить остатки и выжить ихъ изъ предѣловъ нашего отечества, а съ ними и нѣмцевъ (изъ протоколовъ, показанія свидѣтелей). Вотъ примѣръ, какъ начали хозяйничать комитеты.

Недалеко отъ Шрундена есть богатое имѣніе барона Фиркса—Рудбаренъ, а въ немъ большой винокуренный заводъ. „Делегаты комитета“ заявили штату баронскихъ служащихъ (администраціи), что они устраняются отъ должностей, а самое имѣніе поступаетъ въ вѣдѣніе „Сельскаго рев. комитета“. Служащіе, боясь кровавой расправы, уступили. Одинъ изъ нихъ—„смотритель замка“ остался было нести свои обязанности и незамедлительно получилъ нѣчто вродѣ смертнаго приговора. Онъ характеренъ, приводимъ его. „Ты долго еще собираешься заниматься доносомъ? Не предчувствуешь что ли своей участи. Но конецъ твой уже близокъ. Неужели ты не понимаешь, что поступаешь подло! Разсчитываешь получить награду отъ этихъ

трутней (бароновъ), высасывающихъ кровь у людей еще при ихъ жизни. Товарищамъ за тебя стыдно, должно быть стыдно и тебѣ самому. Смотритель амбаровъ, погребовъ... ты прохвостъ! (собственно: „цѣлуешь баронскій хвостъ“). Но это превышаетъ всякую мѣру. Жди заслуженной награды, она тебя не минетъ. Если же хочешь умереть въ постели, брось эту работу, свойственную подлецамъ! Будешь продолжать—тебѣ и подобнымъ будетъ вырванъ языкъ, чтобы не доносили, выбиты зубы, чтобы не рвали мяса, выпущены кишки, чтобы вылить изъ нихъ выпитую кровь. Стыдъ, стыдъ подлецамъ! Я знаю о твоей подлости и объявлю о ней всему народу“.

Письмо написано на безукоризненномъ латышскомъ языкѣ. Завѣдующему заводомъ, Рафельду, комитетъ предложилъ остаться и вести отчетность. Самый же запасъ спирта приказалъ продать „по нормальной цѣнѣ“, безъ акциза. Желавшимъ купить выдавалъ именныя записки. На дешевизну конечно всѣ польстились, латыши охотники выпить, хотя социалисты и рѣшили отучить ихъ отъ этой склонности. Но разъ спиртъ выкурень—не выливать же его! И на заводъ потянулась вереница жаждущихъ. Рафельдъ выдавалъ каждому назначенное комитетомъ количество спирта и аккуратно записывалъ фамиліи предъявителей записокъ. Нѣкоторымъ было разрѣшено купить сразу большое количество. Такъ одинъ еврей купилъ цѣлую бочку, тотчасъ же отправилъ ее куда-то и заработалъ изрядно, но послѣ поплатился. Такимъ образомъ, въ кассу завода поступило 2.800 р. 40 к., но почти всѣ эти деньги успѣли разобрать „комитетскіе рабочіе“, какъ жалованіе себѣ, не особенно довѣрявшіе обѣщанію вожаковъ имъ уплатить. И въ кассѣ осталось всего лишь 25 р. 22 к. Спиртъ не весь былъ проданъ. Его брали и безъ записокъ, силою, наводнявшіе Рудбаренъ, вооруженные мятежники при шествіи ихъ на Газенпотъ, „куда они ходили для поддержанія крестьянъ съ борьбой съ войсками“. Они тогда попивали спиртъ „для куража“. Послѣ же разгрома банды остатки ея снова посѣтили Рудбаренъ, „вновь требовали спирта“ и пили его уже „съ горя“.

Но „подъ вліяніемъ слуховъ о приближеніи войскъ, комитетъ (распоряжавшійся Рудбаренскимъ имѣніемъ) фактически распался“. Войска дѣйствительно скоро прибыли. Въ январѣ началось сведеніе счетовъ. Почувствовавшее снова подъ собою почву, акцизное вѣдомство потребовало привлеченія къ отвѣтственности любителей дешевой водки; полиція же, опираясь на внушительный авторитетъ карательныхъ отрядовъ, не за-

медлила привлечь къ ответственности тѣхъ же любителей и за самоуправство, грабежъ и даже вооруженный. Запись въ книгахъ завода лицъ, бравшихъ спиртъ, облегчила дознанія. Всѣ обвиняемые были собраны въ Шрунденскомъ волостномъ правленіи и допрошены (399 чел.). Они не записались — „брали, молъ, съ разрѣшенія комитета“. 138.159⁰ безводнаго спирта подлежало теперь оплатѣ, стоимость 15.199 р. 67 к. Эту сумму именно казна теряла плюсъ еще какой-то штрафъ (комитетъ продалъ штофъ спирта по 20 к., когда какъ въ продажѣ онъ стоитъ 1 р. 90 к.;—всѣ свѣдѣнія изъ протокола).

Въ началѣ декабря положеніе сдѣлалось настолько серьезно, что у начальства явилось даже опасеніе за цѣлость собранныхъ войскъ уже въ одномъ даже мѣстѣ. По крайней мѣрѣ, Газенпотскому отряду было предписано *отсутить* въ Либавѣ, если онъ не будетъ въ состояніи держаться въ городѣ, хотя это и было бы сопряжено съ потерей всей Либаво-Газенпотской ж. д. До этого впрочемъ не до шло. Тревога обуславливалась только бездѣятельностью войскъ, т.-е. начальниковъ раіоновъ, что и вселило „противнику“ самоувѣренность.

Вотъ, какъ оказалось послѣ, что творилось уже въ эти дни въ г. Туккумѣ и его уѣздѣ (сосѣднемъ съ Гольдингенскимъ).

Съ срединѣ ноября (1905) началось революціонное движеніе, выразившееся въ томъ, что по всему уѣзду, а въ особенности въ окрестностяхъ Туккума, стали появляться вооруженныя толпы; въ волостяхъ начали собираться митинги для раздачи оружія населенію. При производимыхъ уѣз. начальникомъ обыскахъ были находимы всюду оружіе и патроны, въ виду чего населенію было объявлено, что тѣ дома, изъ которыхъ будутъ произведены выстрѣлы по войскамъ, будутъ сожжены.

Вскорѣ начались открытыя столкновенія между военными патрулями и населеніемъ, сопровождавшіяся жертвами съ обѣихъ сторонъ. Вечеромъ 29 ноября, туккумскій городской голова по телефону предложилъ уѣз. начальнику, барону Р., „публично отвергнуть“ высказанную имъ угрозу о сожженіи домовъ и разрѣшить вооруженную самооборону—для чего слѣдуетъ возвратить отобранное у населенія оружіе.

Уѣз. начальникъ всѣ эти требованія отклонилъ. Тогда городской голова обратился къ начальнику Туккумскаго раіона, подпол. *Миллеру* съ просьбою разрѣшить самооборону, а войсковые патрули убрать, при этомъ условіи онъ ручался за спокойствіе въ городѣ. Миллеръ разрѣшилъ. Самооборона изъ жителей была быстро сформирована, и къ утру 30 ноября весь

городъ былъ занятъ многочисленными вооруженными людьми, вступившими ночью въ городъ изъ окрестности. Появившіеся въ городѣ воинскіе чины стали подвергаться разстрѣлу изъ домовъ, гдѣ засѣли повстанцы. Подп. Миллеръ потребовалъ къ себѣ городского голову. Послѣдній объяснилъ, что его ввели въ заблужденіе, что подъ видомъ самообороны городъ былъ занятъ революціонерами, что „комитетъ“ *требуетъ ухода войскъ изъ города съ выдачею оружія*. Миллеръ отказался исполнить требованія революціонеровъ. Послѣ этого гостиница, гдѣ проживалъ онъ и драгунскіе офицеры, стала подвергаться разстрѣлу.

1-го дек. повстанцы подожгли сосѣднее зданіе. Положеніе солдатъ сдѣлалось невыносимо, и было рѣшено пробиться изъ города. Предварительно были выпущены лошади, а послѣ выбѣжали на улицу и пустились въ разныя стороны драгуны съ офицерами, подъ убійственнымъ огнемъ стрѣлявшихъ изъ домовъ повстанцевъ. Отрядъ при этомъ потерялъ много людей убитыми. Убитъ былъ и начальникъ района Миллеръ.

Одновременно съ этимъ революціонеры арестовали чиновъ полиціи и освободили изъ тюрьмы политическихъ, уничтожили дѣла полицейскаго управленія, судебного слѣдователя и разграбили винныя лавки. вмѣстѣ съ тѣмъ толпа мятежниковъ бросилась на вокзалъ и не пустила въ Ригу готоваго къ отходу поѣзда, чтобы извѣстія о положеніи вещей въ Туккумѣ не дошли до властей.

До самаго вечера городъ оставался въ распоряженіи мятежниковъ. Когда въ городѣ вечеромъ въ латышскомъ собраніи происходило совѣщаніе, слышались орудійные выстрѣлы. Это прибывшій подъ начальствомъ ген. Хорунженкова отрядъ бомбардировалъ городъ. Въ виду этого съ генераломъ были начаты переговоры, во время которыхъ большинство вооруженныхъ людей успѣло скрыться, а остальные покорились и выдали оружіе.

Описаніе Туккумскихъ событій приведено нами съ чужихъ словъ.

Въ это же время ходили слухи, подтвердившіеся впоследствии, что даже на самое Митаву, мѣстопребываніе ген.-губернатора и довольно сильнаго гарнизона съ пушками, пулеметами, подготавливалось нападеніе. Мятежные предводители разослали по волостямъ предписанія собрать вооруженныхъ крестьянъ и направить ихъ на сборный пунктъ. Въ такихъ случаяхъ, чему послѣ примѣры были уже и у насъ на глазахъ, издавались прокламаціи, озаглавленные „Народная Мобилизація“. Въ нихъ объявлялось, помимо всего прочаго, что будетъ произведена

повѣрка явившимся, уклонившіеся же „отъ долга“ будутъ ка- раемы смертию.

Вотъ она, широкая свобода личности, проповѣдываемая г.г. социалистами! Иди на убой, хотя, можетъ быть, ты и не сочув- ствуешь сумасбродной затѣѣ.

Толпа около четырехъ тысячъ человѣкъ собралась гдѣ-то не да- леко отъ Митавы и двинулась было уже къ ней съ цѣлью захвата. Но посланный впередъ одинъ изъ лазутчиковъ попалъ въ руки полиціи. Мятѣжный планъ былъ обнаруженъ и соотвѣтствующія приготовления къ встрѣчѣ властями сдѣланы. Объ этомъ бывшіе въ городѣ соумышленники дали знать въ банду. Предводители послѣ этого не рѣшились привести въ исполненіе безумный планъ, распустили повстанцевъ, а сами, по обыкновенію, скрылись.

Вездѣ въ странѣ баронскіе замки начали систематически сжигаться. Этимъ, помимо желанія „выкурить бароновъ“, еще преслѣдовалась стратегическая цѣль. „Если, говорилось на ми- тингахъ, мы уничтожимъ замки, войска или должны будутъ очистить страну, или расположиться по мелкимъ усадьбамъ, гдѣ съ ними легко можно будетъ справиться“.

И замки, прелестные замки, полные драгоценныхъ вещей, исто- рическихъ памятниковъ, запылали. И не много ихъ осталось въ Курляндіи! Каждый день доходили слухи, что сгорѣлъ такой-то, что горитъ такой-то—многіе изъ нихъ были такъ обширны, что понадобилось много времени, чтобы обратить ихъ въ груды му- сора. Мрачное декабрьское небо по ночамъ озарялось обыкновенно зловѣщимъ краснымъ заревомъ. До 1 янв. въ одной Курляндіи было сожжено 52 замка, между ними погибъ и древній рыцарскій Нейбургъ, построенный въ 1301 г.

Съ особеннымъ сожалѣніемъ слышали мы о гибели зна- комаго намъ замка „Эдваленъ“—въ 17 вер. отъ Гольдингена, воз- никшаго, кажется, въ 1263 г. и долго принадлежавшаго Пильтен- скимъ епископамъ.

Эдваленъ ни разу не былъ взятъ непріателемъ, никогда не горѣлъ и въ почти непрекосновенномъ видѣ достоялъ до нашихъ дней, чтобъ погибнуть отъ „дерзновенной“ руки расхажившихъ современныхъ вандаловъ.

Громадный замокъ былъ построенъ, съ сохранившимися до на- шихъ дней, небольшимъ дворикомъ внутри для пѣшихъ турни- ровъ—кругомъ по стѣнамъ галлерей, гдѣ помѣщались судьи, зрители. Стѣны замка, даже внутреннія, необычайной толщины. По всей вѣроятности, окна послѣ были увеличены,—обыкновенно прежде они дѣлались, въ видахъ оборонительныхъ, небольшими.

Позднѣйшей формациі также надстройка надъ фронтальной башней, въ стилѣ Тюдоровъ, что нѣсколько испортило общій видъ. Но зато прекрасно сохранилась боковая круглая башня. Замокъ окруженъ вполне исправными еще рвами, въ немъ воды до 18 футовъ глубины, слѣды подъемнаго моста. Обставленъ онъ былъ внутри прекрасно. Тонкой рѣзбы старинная въ готическомъ стилѣ мебель и проч. Гармонія во всемъ, все строго выдержано — и все это погибло, послѣ того какъ стоявшій въ мызѣ полуэскадронъ покинулъ его при общемъ отступленіи.

Остался только знаменитый Эдваленскій дубъ (вблизи замка). Его латыши и должны пощадить. Дубъ этотъ, по преданію, видѣлъ подъ сѣнью своихъ вѣтвей далекихъ ихъ предковъ-язычниковъ, приносившихъ жертвы богамъ.

Е. А. Альбовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ жизни инженера путей сообщенія ¹⁾.

Прождавъ съ 16 апрѣля по 24 апрѣля и не получая никакого отвѣта, я подалъ г. Ваховскому новое заявленіе, съ просьбою выдачи аванса для уплаты служащимъ жалованья за мартъ и апрѣль, тѣмъ болѣе, что служащіе, возмущенные невыдачею еще мартовскаго жалованья, совершенно справедливо громко роптали. Вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ его ускорить отвѣтъ главнаго инженера о мѣстѣ, куда намъ дальше слѣдовать. Негодованіе служащихъ было увеличено еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что состояніе, въ которомъ была найдена нами въ конторѣ Китайско-Восточной ж. дор. адресованная на наше имя корреспонденція, было дѣйствительно возмутительно, а именно, газеты, книги, журналы были свалены въ одну большую кучу на полу въ сараѣ, рядомъ со сломаннымъ ватерклозетомъ, колесами и друг. хламомъ. Обложки книгъ и журналовъ содраны, страницы разорваны, запачканы грязью и пылью, адреса сорваны, письма же, хотя и сложены въ большой ящикъ въ самой конторѣ, но въ такой же хаотической кучѣ, въ которой каждый приходившій могъ рыться сколько ему будетъ угодно и брать какія ему угодно письма. Наконецъ, получивъ, въ концѣ апрѣля, отъ г. Ваховскаго деньги, я могъ уплатить служащимъ жалованье за мартъ и апрѣль, чѣмъ хоть нѣсколько успокоилъ ихъ.

Время шло, но какого-либо отвѣта отъ главнаго инженера я все еще не получилъ. Наконецъ, 20 мая, я черезъ того же г. Ваховскаго получилъ депешу отъ главнаго инженера Юговича съ предписаніемъ нестолжно отправиться „со всѣми служащими обратно въ Портъ-Артуръ“. Въ виду сильнаго возбу-

¹⁾ См. „Русская Старина“ сентябрь 1913 г.

жденія, вызваннаго такимъ распоряженіемъ среди моихъ служащихъ, и предполагая, по полной несовмѣстимости сего предписанія съ недавно полученнымъ въ Портъ-Артуръ: ѣхать во Владивостокъ — какое-либо недоразумѣніе, я дешепо уже непосредственно снесся съ г. Юговичемъ, при чемъ наученный вышеупомянутымъ предупрежденіемъ военныхъ инженеровъ въ Портъ-Артуръ, упомянулъ въ этой депешѣ все тѣ же условія, на которыхъ я поѣхалъ въ Маньчжурію, съ просьбою: могу ли я рассчитывать, что по прибытіи на мѣсто штатъ мой не будетъ раскассированъ. Въ это время одинъ изъ моихъ служащихъ, одинъ изъ привезенныхъ мною дорожныхъ мастеровъ, явился ко мнѣ и заявилъ, что, въ виду такой возрастающей неопредѣленности положенія моего штата, онъ рѣшилъ, если я ему не заплачу жалованья за февраль — возвратиться немедленно въ Россію, что не было обусловлено при наймѣ. Засимъ тотъ же дорожный мастеръ подтвердилъ мнѣ свое заявленіе письменно, а 3-го уже числа вечеромъ я получилъ отъ мирового судьи 2-го участка города Владивостока повѣстку, приглашающую меня явиться на 4 мая въ качествѣ отвѣтчика по иску ко мнѣ сказаннаго дорожнаго мастера. При разборѣ дѣла я былъ оправданъ только потому, что предъявилъ судѣ документы, подтверждающіе полную мою правоту.

Тѣмъ временемъ была мнѣ доставлена копія съ депеши помощника главнаго инженера Игнаціуса, съ подтвержденіемъ возвратиться мнѣ со всемъ моимъ штатомъ въ Портъ-Артуръ и поступить въ распоряженіе начальника южнаго отдѣленія инженера Гиршмана. А засимъ 8-го числа я получилъ еще депешу отъ главнаго инженера Юговича съ сообщеніемъ, что точное указаніе, куда я и мой штатъ будетъ направленъ, дастъ мнѣ имѣющій прибыть во Владивостокъ инженеръ Игнаціусъ.

Такъ какъ во всѣхъ полученныхъ мною до того времени отъ г. Юговича и г. Игнаціуса депешахъ, кромѣ несомнѣнно яснаго уклоненія отъ отвѣта на поставленный мною вопросъ о раскассированіи штата — ничего не заключалось, то я, согласно указанія самого г. Юговича, рѣшилъ подождать пріѣзда во Владивостокъ инженера Игнаціуса. Въ то же время желая получить, наконецъ, вполнѣ опредѣленный отвѣтъ, я заготовилъ къ прибытію г. Игнаціуса письменное заявленіе ему, каковое препровождено было ему черезъ посредство г. Ваховскаго немедленно по прибытіи г. Игнаціуса во Владивостокъ.

11-го мая прибылъ наконецъ г. Игнаціусъ, а 12-го я получилъ отъ него, путемъ надписи на визитной карточкѣ, предло-

женіе явиться къ нему „переговорить по службѣ“. Явившись къ назначенному сроку, я получилъ отъ г. Игнаціуса словесное предписаніе возвратиться въ Портъ-Артуръ, а на вопросъ мой, будетъ ли мой штатъ раскассированъ, на мѣстѣ работъ или нѣтъ, г. Игнаціусъ заявилъ мнѣ, что „интересы дѣла“ требуютъ раскассировки. На мое возраженіе, что это противорѣчитъ условію моему съ правленіемъ, онъ заявилъ въ присутствіи бывшаго здѣсь же въ кабинетѣ г. Игнаціуса—другого начальника участка инженера Воробьева, что въ такомъ случаѣ „напрасно я не просилъ правленіе прибавить къ моему съ нимъ условію, что онъ, Игнаціусъ, не имѣетъ права на мѣстѣ работъ разбить этотъ штатъ, какъ ему заблагоразсудится“. „Всякое несогласное съ моимъ личнымъ взглядомъ на дѣло обстоятельство, прибавилъ г. Игнаціусъ, я считаю посягательствомъ на переданную мнѣ, какъ замѣстителю главнаго инженера, власть и никакими своими правами я не поступлюсь“. На мое замѣчаніе, что я вовсе не думаю посягать на его права, но только желаю, чтобы исполнены были на мѣстѣ тѣ условія, на которыхъ я единственно поѣхалъ и, что, если нельзя ѣхать въ Артуръ со своимъ штатомъ, то вѣдь есть же, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, другіе мѣста начальника участковъ—г. Игнаціусъ заявилъ, что не находитъ возможнымъ исполнить мою просьбу, что онъ распредѣляетъ служащихъ, какъ этого требуютъ „интересы дѣла“ и, чтобы я подумалъ до завтра, т. е. 13-го числа, и далъ бы ему рѣшительный отвѣтъ. Вслѣдствіе сего, я депешю на имя главнаго инженера Юговича просилъ его резолюціи: могу ли я рассчитывать на полученіе участка на условленныхъ съ правленіемъ началахъ, или же долженъ возвратиться въ Россію. На эту депешу г. Юговичъ отвѣтилъ мнѣ вновь уклончиво: „Прошу исполнить распоряженіе моего замѣстителя“. Тѣмъ временемъ, 13-го числа утромъ, согласно предложенія г. Игнаціуса, я явился къ нему и заявилъ, что ни на какихъ иныхъ условіяхъ, чѣмъ было договорено съ правленіемъ, я остаться не нахожу возможнымъ и просилъ его вмѣстѣ съ симъ отвѣтить мнѣ официально на мою докладную записку, дабы, въ случаѣ, если придется вернуться въ Россію, имѣть надлежащій оправдательный документъ. На это онъ сказалъ: „Ну, что же дѣлать, очень жаль. Это недоразумѣніе, во всемъ виновато то громадное разстояніе, которое отдѣляетъ насъ отъ Россіи.—Если же вы сами не находите возможнымъ подчиниться моимъ требованіямъ,—то уговорите, пожалуйста, вашихъ служащихъ остаться“.—На это я замѣтилъ, что не только по его просьбѣ, но самъ отъ себя рѣ-

шилъ убѣдительно просить всѣхъ агентовъ моего участка остаться, чтобы этимъ хоть сколько-нибудь облегчить ту гнетущую отвѣтственность, которая лежитъ на мнѣ: многіе изъ служащихъ люди семейные, почти всѣ взяты мною съ мѣстъ, и всѣ они теперь, хотя и невольно, мною обмануты, такъ какъ большинство никогда бы не рѣшилось уѣхать изъ Россіи, если бы могли только предположить, что попадутъ въ далекомъ, чужомъ краю на разные участки, при томъ къ незнакомымъ начальникамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ я указалъ г. Игнаціусу тотъ путь, коимъ онъ могъ хоть нѣсколько сгладить тягость положенія и задобрить служащихъ, т.-е. уплатить имъ хотя и не обусловленное жалованье за февраль, въ видѣ добавочныхъ подъемныхъ. Тогда онъ просилъ меня собрать служащихъ на 15 число утромъ и подтвердить это предписаніе визитной карточкой, присланной мнѣ вечеромъ черезъ его довѣреннаго лакея. Одновременно съ этимъ, онъ прислалъ мнѣ уже и официальную бумагу, гдѣ снова не было никакого подтвержденія раскассировки штата, хотя я, какъ говорено было, убѣдительно просилъ г. Игнаціуса дать мнѣ, наконецъ, такое официальное подтвержденіе.

Переговоривъ со служащими, я убѣждалъ ихъ остаться на службѣ, но большинство заявило мнѣ, что не желаетъ остаться. Тѣмъ временемъ я считъ необходимымъ поставить въ извѣстность о происшедшемъ правленіе общества, надѣясь, что оно войдетъ въ мое положеніе и подтвердитъ справедливыя требованія.

Когда 15-го числа утромъ я, какъ просилъ г. Игнаціусъ, пришелъ къ нему нѣсколько ранѣе прочихъ служащихъ, то онъ встрѣтилъ меня фразою: „Вотъ вы уговорите вашихъ служащихъ остаться, а я вамъ предлагаю мѣсто съ тѣмъ же окладомъ, который вы получаете, при себѣ“. Такъ какъ съ одной стороны я горькимъ опытомъ убѣдился на дѣлѣ, что даже письменныя условія не имѣютъ никакой силы у г. Игнаціуса и могъ вполне основательно предполагать, что, продержавъ меня два, три мѣсяца на такомъ мѣстѣ, онъ вышвырнетъ меня, разсказывая направо и налево (какъ это онъ имѣетъ привычку дѣлать про всѣхъ ушедшихъ даже по собственному почину служащихъ), что „выгналъ“ меня за негодность, и что положеніе ухода моего тогда будетъ совсѣмъ уже иное, съ другой же—не желая выставить себя передъ своими служащими въ неблаговидномъ свѣтѣ лица, заманивавшего ихъ ложными обѣщаніями въ полудикую далекую страну, а затѣмъ бросив-

шаго ихъ на произволъ судьбы изъ-за личныхъ выгодъ, я далъ уклончивый отвѣтъ, все еще надѣясь получить какую-нибудь поддержку отъ правленія. Въ это время собрались мои служащіе, которымъ г. Игнаціусъ объявилъ свое рѣшеніе разбить ихъ по чужимъ участкамъ, тѣмъ болѣе, что я ухожу, отказавшись подчиняться его, Игнаціуса, требованію на раскассировку части служащихъ по чужимъ участкамъ. На это служащіе заявили ему, что они поѣхали служить всѣ вмѣстѣ и при томъ ко мнѣ, знакомому имъ начальнику. Что встрѣтивъ по дорогѣ сначала 4 техниковъ и десятниковъ, а затѣмъ еще человѣкъ 12-ть, возвращавшихся изъ Маньчжуріи въ Россію, уже узнали, какъ обращаются съ людьми на Китайской Восточной дорогѣ. На это г. Игнаціусъ, вспыхнувъ, закричалъ, что всѣ лица, которыхъ они видѣли, сбродъ, который онъ выгналъ, а затѣмъ прибавилъ: „поэтому-то мы и просили, чтобы штаты набирались самими начальниками участковъ, такъ какъ хорошо знаемъ, что тогда каждый начальникъ привезетъ для себя надежныхъ людей“. Чтобы они хорошенько подумали, а то, въ случаѣ ихъ возвращенія въ Россію, онъ къ каждому изъ нихъ предъявитъ искъ. На что нѣкоторые служащіе, выведенные изъ себя, вѣжливо, но твердо возразили: „какъ бы мы, господинъ помощникъ главнаго инженера, не предъявили бы къ вамъ иска“.

Несмотря на такую угрозу, большинство служащихъ рѣшило возвратиться въ Россію. Тогда я убѣдительно просилъ, особенно низшихъ семейныхъ агентовъ, обдумать свое положеніе и попробовать послужить хотя бы нѣкоторое только время. Тѣмъ временемъ г. Игнаціусъ, пользуясь моимъ совѣтомъ, приказалъ выдать служащимъ жалованье за февраль. Лично же я, обдумавъ положеніе дѣла, твердо рѣшилъ не идти на подставляемую мнѣ ловушку „мѣсто инженера при помощникѣ главнаго инженера Игнаціуса“, но въ то же время рѣшилъ остаться, въ томъ случаѣ, если мнѣ будетъ: 1) гарантирована официально цѣлостность моего штата и право имъ распоряжаться самостоятельно. 2) Дана официальная инструкція, опредѣляющая взаимное положеніе начальника отдѣленія къ начальнику участка, и поставилъ объ этомъ въ извѣстность Игнаціуса. На это я получилъ отъ сего послѣдняго письменное увѣдомленіе, въ которомъ съ достаточною ясностью высказывалось то, что куда бы я ни поѣхалъ: 1) Никакого документа, опредѣляющаго мое служебное положеніе по отношенію къ начальнику отдѣленія, мнѣ не дадутъ. 2) Штатъ мой во всякомъ случаѣ раскассируютъ.

Тогда я также официально въ тотъ же день отвѣтилъ г. Игнаціусу, что такъ какъ требованія его не согласуются съ предложенными мнѣ правленіемъ условіями, на которыхъ я единственно и рѣшилъ поѣхать въ Маньчжурію, то принять участка на иныхъ какихъ-либо условіяхъ я не могу, что же касается до лицъ моего штата, то предоставляю имъ полную свободу дѣйствія. Явившись г. Игнаціусу утромъ 17-го числа, я былъ встрѣченъ словами: „Какой же вы формалистъ. Все вамъ нужно на бумагѣ“. На что я отвѣтилъ, что прослужилъ большую часть службы на казенныхъ дорогахъ, привыкъ къ формальности и точности. „Пожалуйста уговорите только вашихъ служащихъ остаться“.

Въ это время мною была получена, наконецъ, депеша отъ правленія съ указаніемъ, что спросить разъясненія главнаго инженера Юговича по моему дѣлу, чтобы я далъ лично болѣе обстоятельную депешу и, кромѣ того, подождать бы уѣзжать изъ Владивостока до дальнѣйшаго распоряженія правленія. Вслѣдствіе сего, я немедленно обратился къ г. Игнаціусу съ просьбою, въ виду полученной мною депеши правленія, не отказать подождать раскассировывать штатъ моего участка до распоряженія правленія, если же онъ не признаетъ возможнымъ этого сдѣлать, сообщить мнѣ объ этомъ письменно. Просьба моя была доставлена г. Игнаціусу въ 9 час. 15 мин. утра. Между тѣмъ уже въ 10¹/₂ час. утра служащіе моего участка сообщили мнѣ, что они уже распределены г. Игнаціусомъ по чужимъ участкамъ. Около 3 часовъ пополудни я изъ своего номера (гостиница „Московское Подворье“) услышалъ громкіе крики на коридорнаго съ упоминаніемъ моей фамиліи и сильные удары въ мою дверь и ко мнѣ въ номеръ ворвался съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ г. Игнаціусъ: „Какую депешу изволили вы давать въ правленіе. Почему вы заставляете меня самого тащиться къ вамъ, чтобы узнать, что вы тамъ изобразили“, закричалъ онъ на меня. Предложивъ г. Игнаціусу стулъ и вѣжливо попросивъ умирить нѣсколько свои порывы, такъ какъ онъ находится у меня въ моей частной квартирѣ, я сказалъ, что хотя не обязанъ давать ему отчета въ своихъ частныхъ дѣйствіяхъ, касающихся только лично моей особы, но, не имѣя повода скрывать содержаніе депешъ своей и правленской, охотно ему ихъ покажу, что и сдѣлалъ. Тогда г. Игнаціусъ, переписавъ судорожно лично объ депеши, потребовалъ, чтобы я копіи эти удостовѣрилъ своею подписью, на что я отвѣтилъ категорическимъ отказомъ и, поднявшись съ мѣста, сказалъ ему: „До-

вольно, Сергій Владиміровичъ, нельзя играть такъ людьми. Полно намъ играть въ прятки. Ясно, какъ Божій день, что я здѣсь совершенно лишній". Послѣ сего мы разстались. Вслѣдъ засимъ я увѣдомилъ правленіе, что, несмотря на мою просьбу, не раскассировывать моего штата до распоряженія правленія, г. Игнаціусъ назначилъ всѣхъ на чужіе участки и что я слагаю съ себя всякую отвѣтственность. Всѣхъ служащихъ, особенно низшихъ, я еще разъ убѣдительно просилъ попробовать остаться служить, но нѣсколько человѣкъ изъ нихъ тѣмъ не менѣе наотрѣвъ отказалось и предпочли возвратиться въ Россію, говоря, что послѣ всего случившагося утратили всякое довѣріе къ администраціи дороги.

Нѣсколько дней я напрасно прождалъ отвѣта правленія и только 25-го мая утромъ, я получилъ депешу, что вслѣдствіе соотвѣтствующихъ разъясненій инженера Игнаціуса—всѣ мои претензіи признаются неосновательными.

Послѣ подобнаго рода депеши правленія, мнѣ оставалось очевидно только одно: сдать отчетность, пропустивъ таковую предварительно черезъ мѣстнаго нотариуса, а засимъ возвращаться. Посему, донеся правленію депешою, что мнѣ неизвѣстно разъясненіе, данное инженеромъ Игнаціусомъ, но что всѣ предъявленныя имъ мнѣ требованія считаю несогласными съ условіями съ правленіемъ и что убѣжденъ въ полномъ своемъ оправданіи. Засимъ я съ остатками моего штата выѣхалъ Сибирью въ Россію.

Замѣчу, что въ послѣдствіи судьба заготовила инженеру Игнаціусу трагическую кончину, онъ, сидя въ ваннѣ, застрѣлился изъ игрушечнаго Монте-Кристо.

26-го мая, сказавъ послѣднее прости негостепріимному Владивостоку, я сѣлъ въ вагонъ Уссурійской дороги, чтобы пуститься въ обратный путь на далекую родину.

Поѣзда Уссурійской жед. дороги отходили изъ Владивостока въ Хабаровскъ только три раза въ недѣлю, по четнымъ днямъ. Весь переѣздъ въ 700 слишкомъ верстъ совершается въ 30 часовъ. Вагоны на пульмановскихъ телѣзкахъ. Въ числѣ ихъ вагонъ-ресторанъ, гдѣ за сравнительно умѣренную плату можно получить вполне удовлетворительное кушанье. Дорога идетъ сначала по крайне утесистому берегу моря, то входя, то выходя изъ выемокъ, сѣрыя скалы которыхъ еще носятъ на себѣ слѣды сравнительно недавнихъ взрывныхъ работъ. Со стратегической точки зрѣнія нельзя признать эту часть дороги удачно выбранною, такъ какъ она все время проходитъ въ

сферъ выстрѣловъ непріятельскаго флота, но, говорятъ, необычайныя техническія трудности, представляемыя болѣе закрытымъ направленіемъ, заставили строителей остановиться на настоящемъ. Да и здѣсь кромѣ скалъ, потребовавшихъ громадныхъ пороховыхъ и динамитныхъ работъ, пришлось вести линію крайне извилистымъ профилемъ, дабы имѣть возможность подняться хотя бы предѣльнымъ подъемомъ на лежація по пути возвышенности. Мѣстами путь извивается петлей, чуть ли не въ видѣ восмерки. Не только нѣтъ и помину о полуторныхъ или даже ординарныхъ откосахъ скалистыхъ выемокъ, но подчасъ онѣ чуть ли не съ отвѣсными стѣнами, заставляющими опасаться обваловъ (что, какъ оказывается, уже и случалось). Строителямъ, кромѣ борьбы съ природой, пришлось выдерживать, особенно въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, цѣлыя сраженія со здѣшнимъ „гнусомъ“, то-есть тучами оводовъ, слѣпней, мошек и комаровъ. Пока не было сдѣлано просѣки, пассажиры эти буквально облѣпляли и людей и животныхъ, доводя ихъ до полного изнеможенія. Нужно видѣть огромнаго уссурійскаго или маньчжурскаго овода, чтобы дать себѣ отчетъ о дѣйствительно „убійственности“ ихъ укусовъ. Твари эти, ростомъ въ $\frac{3}{4}$ —1 дюймъ, свободно прожаливаютъ даже сравнительно толстую суконную одежду. Теперь, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ полосы отчужденія, гдѣ, благодаря просѣкамъ, почти всегда есть легкій вѣтерокъ, ихъ значительно меньше, но все же они являются здѣсь настоящимъ бичемъ.

Большинство станцій Уссурійской дороги носятъ названіе въ честь или извѣстныхъ дѣятелей въ Приморскомъ краѣ, какъ напримѣръ: „Невельская“, „Корфовская“, „Муравьевъ-Амурскій“, или же инженеровъ, строившихъ дорогу, какъ: „Вяземская“, „Бочарово“, „Розенгартовка“, „Дормидоновка“, „Курдюмовка“ и т. д. Есть и станція „Хилково“, въ честь бывшаго министра путей сообщенія. Характеръ мѣстности изъ унылаго и безотраднато близъ самаго Владивостока, мало по малу оживляется, особенно послѣ ст. Никольское.

Станція эта, съ одноименнымъ городкомъ, расположена на обширной степной равнинѣ лѣваго берега рѣки Суифуна. Мѣстечко основано въ 1866 г. переселенцами изъ Астраханской и Воронежской губерній, но уже въ 1868 г. было сплошь выжжено хунхузами, то-есть китайскими разбойниками, пытавшимися еще и въ недавнее сравнительно время препятствовать колонизаціи края русскими. Такъ на памяти мѣстныхъ жителей ихъ нападеніе на станцію Муравьевъ-Амурскій, во время

постройки Уссурийской дороги. Главное занятіе никольскихъ жителей—земледѣліе. Въ городѣ квартируютъ также войска.

Весьма красива дальнѣйшая долина рѣки Суйфуна, ея роскошная зелень со множествомъ цвѣтовъ: піоновъ, присовъ, желтыхъ и красныхъ лилій, колокольчиковъ въ перемежку съ синѣющими верхушками потухшихъ сопокъ; довольно многочисленныя деревни и села, все это, послѣ мрачнаго Владивостока, представляло весьма отрадную картину. Мы подъѣзжаемъ къ станціи Черниговка, въ 1½ верстахъ отъ нея раскинулось громадное хохлацкое село своими бѣленькими хатками, чистенькими, тщательно выстриженными подъ лопатку соломенными крышами невольно переносящее васъ въ милую Малороссію. Волы, тянущіе телѣгу съ усадымъ хохломъ, спокойно покрикивающимъ: „цобъ, цобъ“, все это дополняетъ иллюзію, и какъ-то не хочется вѣрить, что находишься за 9.000 верстъ отъ Украины. Въ селѣ Черниговкѣ обширныя, повидимому войсковыя, продовольственные магазины, съ особою къ нимъ отъ станціи вѣткой. Далѣе, между Черниговкою и станціей Спасская, съ лѣвой стороны полотна блеститъ вдали какая-то большая водная поверхность: это озеро—„Ханка“ съ богатыми рыбными ловлями. Поездъ замедляетъ ходъ: въ желѣзнодорожномъ полотнѣ начинаются довольно большія трещины, и ощущаются сильныя просадки, это—послѣдствія весеннихъ водъ рѣки Суйфуна, широко разливающейся въ этой мѣстности. Насыпь укрѣплена мостовой въ плетняхъ, а въ мѣстахъ, гдѣ къ ней подходятъ дожа особенно—глубокихъ весеннихъ протоковъ—устроены настоящіе контръ-форсы изъ каменныхъ отсыпей въ плетняхъ.

Отъ станціи „Бикинь“ характеръ мѣстности снова мѣняется, мы въѣзжаемъ въ „тайгу“, но не симпатиченъ этотъ лѣсъ: высокія, тощія деревья, то корявыя, то криво-растущія, съ жалкою листвою и еще болѣе убогою хвоею, массою сухоподстоя,—ясно свидѣтельствуютъ, что въ нихъ нѣтъ силы роста, благодаря или болотистой мѣстности, или же тому обстоятельству, что подъ тонкимъ, верхнимъ слоемъ растительной земли—сплошная скала. Мѣстами картина еще унылѣе: вы идете цѣлыя десятки верстъ по сплошь обгорѣлымъ лѣсамъ, это слѣды прежнихъ, а часто и недавнихъ лѣсныхъ пожаровъ, или, по мѣстному названію, „паловъ“. Такіе палы происходятъ, съ одной стороны, отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, а съ другой—отъ нарочно ежегодно весной и осенью пускаемыхъ мѣстнымъ населеніемъ пожаровъ, въ цѣляхъ уничтоженія огнемъ

засохшей прошлогодней травы, препятствующей росту сѣвѣй. Въ предотвращеніе этого ужаснаго по своимъ послѣдствіямъ зла, и въ виду невозможности запретить населенію выжигать свои покосы, какъ мѣру, по мѣстнымъ условіямъ, необходимую, властями установленъ порядокъ пусканія паловъ, при соблюденіи котораго выжигается только пространство, предварительно обойденное охранною полосой, отъ которой и должно начинаться выжиганіе, такъ чтобы огонь шелъ отъ окружности къ центру обойденнаго участка. Кромѣ паловъ, лѣсамъ въ значительной степени вредитъ здѣсь и другое обстоятельство, хищническія порубки, доведшія дѣло мѣстами до того, что ближайшіе къ населеннымъ пунктамъ годные для постройки лѣса уже истреблены настолько, что окрестные жители иногда чувствуютъ даже недостатокъ въ лѣсныхъ матеріалахъ на удовлетвореніе своихъ домашнихъ нуждъ. Отраднѣе то обстоятельство, что, по крайней мѣрѣ, желѣзная дорога не будетъ способствовать хищническому лѣсоистребленію: на трети пути между Владивостокомъ и Никольскимъ въ 1894 г., близъ самой линіи, открыты горнымъ инженеромъ Горловымъ богатые каменноугольныя залежи, запасъ угля въ которыхъ исчисляется въ 200.000.000 пудовъ слишкомъ.

Между станціями „Розенгартовка“ и „Иловаяская“ начинается подъемъ на горный кряжъ. Поѣздъ ползетъ въ гору по винтовой линіи. Мѣстами производится досыпка полотна, мѣстами дерновка откосовъ. Кое-гдѣ китайскіе рабочіе домами откалываютъ слишкомъ ненадежныя, нависшія, въ каменистыхъ выемкахъ, надъ самымъ путемъ каменные глыбы. Подъѣзжаемъ къ станціи „Вяземская“. Здѣсь депо, мастерскія и казармы желѣзнодорожнаго баталіона. (Замѣчу, что машинисты, помощники ихъ, стрѣлочники, составители и часть дорожныхъ рабочихъ на Уссурийской дорогѣ — изъ числа чиновъ желѣзнодорожнаго баталіона). Отъ „Вяземской“ мѣстность еще безотраднѣе: буреломъ и палы до самой „Дормидоновки“. Отмѣчу высокій большой желѣзнодорожный мостъ черезъ рѣку „Хоръ“. За „Корфовскою“ станціей мѣстность нѣсколько лучше: слѣва высокія горы, сплошь поросшія густымъ лѣсомъ, сама же линія идетъ по нѣсколько болотистому тальвегу. Ближе къ Хабаровску пейзажъ опять весьма унылъ: лѣсъ рѣдѣетъ, и всѣ деревья растутъ почему-то совершенно наклонно.

Послѣдній свистокъ — и мы подъѣзжаемъ къ вокзалу станціи „Хабаровскъ“. Вокзалъ расположенъ въ разстояніи около 2 версты отъ города, извозчиковъ мало, и они дерутъ неимоверно

высокія цѣны. Кое-какъ сторговываюсь и ѣду отыскивать себѣ пристанище до отхода ближайшаго почтового парохода. Направляюсь сначала въ лучшую по мѣстнымъ понятіямъ гостиницу „Лондонъ“. Меня подвозятъ къ какой-то харчевнѣ съ вышеозначенною громкою вывѣскою, хозяйинъ которой, грузинъ изъ ссыльныхъ, объявляетъ, что все у него занято. Рыщу по городу еще около часу по разнымъ болѣе или менѣе подозрительнымъ меблированнымъ комнатамъ и подворьямъ—все занято. Наконецъ, въ трущобѣ, носящей названіе „Эльдорадо“, нахожу свободную каморку, величиной въ 3 квадратныя сажени; сквозь дощатыя стѣны, заклеенныя грошевыми обоями, слышно рѣшительно все, что происходитъ въ сосѣднихъ номерахъ, а желающіе могутъ и видѣть, что тамъ дѣлается, благодаря многочисленнымъ прорѣхамъ въ обояхъ и щелямъ разошедшихся дощатыхъ перегородокъ.

Такимъ образомъ, волей-неволей слышу черезъ стѣны, что оба сосѣдніе съ моимъ номера заняты служащими, направляющимися на постройку Маньчжурской дороги: въ одномъ семья изъ мужа, жены и 5 человѣкъ дѣтей; въ другомъ—двѣ барыни съ ребенкомъ, жены, слѣдующія за своими мужьями, уѣхавшими ранѣе. Справа крикъ и плачъ дѣтей, слѣва—неугомонное стрекотаніе обѣихъ барынь до самой глубокой ночи, прерываемое плачемъ ребенка. Пріятное сосѣдство для человѣка, жаждущаго выспаться. Дощатую дверь изъ моего номера въ коридоръ всю покорило, и всякій свободно можетъ заглядывать ко мнѣ черезъ образовавшуюся такимъ путемъ щель. Въмѣсто рукомыльника—грязный заржавленный тазъ, а для мыла—сардиночная коробка. За такую прелесть пришлось мнѣ платить по 2 рубля въ сутки, не считая самоваровъ и постельнаго бѣлья. Прислуга—грязный китайскій „бой“ съ довольно сильнымъ запахомъ пресловутой черемши. И всѣ поневолѣ останавливаются въ подобнаго рода трущобахъ, посѣтуютъ на грязь и непорядки, тѣмъ дѣло и кончается. Содержатели же мѣстныхъ гостиницъ и т. п. заведеній, очевидно, хорошо знакомы съ этою стороною русскаго характера. Вотъ почему и нечего надѣяться, чтобы здѣсь, на Дальнемъ Востоцѣ, когда-либо была бы выстроена порядочная гостиница кѣмъ-либо изъ русскихъ предпринимателей. По слухамъ, кое-кто изъ иностранныхъ капиталистовъ посылалъ уже агентовъ во Владивостокъ и Хабаровскъ, чтобы ознакомиться на мѣстѣ, насколько прибыльно было бы устройство образцовыхъ отелей. Я лично предсказываю имъ несомнѣнный успѣхъ, особенно послѣ окончанія Амурской дороги.

Хабаровскъ расположенъ на правомъ, возвышенномъ (60 футовъ надъ уровнемъ воды) берегу Амура, при впаденіи въ него рѣки Усури. Основанъ онъ въ 1858 г., въ видѣ военнаго передового поста, 3-мъ Восточно-Сибирскимъ линейнымъ батальономъ и названъ въ честь казачьяго атамана Ерофея Хабарова. Преданіе говоритъ, что первыя извѣстія объ Амурскомъ краѣ принесены были въ 1639 году партией Томскихъ казаковъ подъ начальствомъ Ивана Москвитина. Засимъ уже Ерофей Хабаровъ, получивъ позволеніе отъ Якутскаго воеводы Франсбекова, отправился съ 70 казаками въ 1649 году „привести подъ Государеву высокую руку Даурскаго князя Лавкаа“. Спустившись по рѣкѣ Амуру до рѣки Зеи, Хабаровъ три года не давалъ о себѣ никакихъ вѣстей, вслѣдствіе чего на розыски его была отправлена партія подъ начальствомъ Зиновьева. Разысканный и обвиненный въ нераспорядительности, Хабаровъ былъ увезенъ въ Москву, а дальнѣйшее изслѣдованіе новой страны было поручено атаману Онуфрію Степанову.

Петръ I и Екатерина II уже имѣли виды на прочное завоеваніе Амурскаго края. Александръ I отправилъ даже въ Пекинъ, подъ начальствомъ Головкина, особое посольство, дабы добиться свободнаго плаванія по рѣкѣ Амуру, но безуспѣшно. До Николая I, однакоже, никто не придавалъ важнаго значенія такому плаванію, ибо полагали, что устье Амура недоступно большимъ судамъ вслѣдствіе песчаныхъ отмелей. Только въ 1849 г. капитанъ Невельскій вошелъ на транспортѣ „Байкалъ“ въ устье Амура.

Уже въ 1854 г. снаряжается экспедиція подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева (впослѣдствіи графъ Муравьевъ-Амурскій), состоявшая изъ 800 человекъ. Въ 1855 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о занятіи лѣваго берега рѣки Амура, и снаряжена вторая экспедиція съ войсками и крестьянами для колонизаціи. 16 мая 1858 г. графъ Муравьевъ и китайскій князь И-Шанъ подписали такъ называемый „Айгунскій“ трактатъ, а 2 ноября 1860 г. графомъ Игнатьевымъ заключенъ еще новый договоръ въ Пекинѣ, коимъ подтверждалось занятіе русскими Амурскаго края, съ точнымъ опредѣленіемъ его границъ.

Съ 1880 г. Хабаровскъ назначается областнымъ городомъ, а съ 1884 г. — мѣстопребываніемъ генералъ-губернатора всего Пріамурскаго края.

Несмотря на свое сравнительное недавнее происхожденіе, Хабаровскъ производитъ гораздо лучшее впечатлѣніе, нежели Владивостокъ: прямыя широкія улицы, множество зелени, до-

волью значительное количество красивыхъ каменныхъ зданій, какъ, напримѣръ: дворецъ генералъ-губернатора, зданіе публичной библіотеки (въ видѣ русской избы), мѣстный музей, прекрасное офицерское собраніе и др., все это, а въ особенности чудесный городской садъ, довольно располагаетъ въ пользу молодого города. Городской садъ на самомъ крутомъ берегу рѣки, съ широчайшимъ горизонтомъ на десятки верстъ—разлива рѣкъ Амура у Уссури, испещренного безчисленными зелеными островками. Садъ содержится вполне прилично. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ его—памятникъ Муравьеву-Амурскому, работы академика Опекушина. Я попалъ въ Хабаровскъ въ разгаръ Пушкинскихъ празднествъ. Въ саду играла музыка, приготовлялись иллюминаціи и фейерверкъ. Молодежь въ праздничномъ настроеніи сновала по всѣмъ аллеямъ. Веселый говоръ и звуки музыки, къ моему удивленію, нисколько не препятствовали многочисленнымъ соловьямъ, гнѣздившимся по деревьямъ—разсыпаться въ самыхъ разнообразныхъ треляхъ. Замѣчу только, что уссурійскому соловью далеко до его русскаго собрата, голосъ его какъ-то жестче и отрывистѣе.

Выше я упоминалъ о нѣкоторыхъ особо выдающихся зданіяхъ Хабаровска. Интересно то, что большинство ихъ построено изъ весьма красиваго сѣраго кирпича, а пилястры, карнизы и другія выступающія части изъ краснаго кирпича. Оказывается, что сѣрый кирпичъ получается не изъ сѣрой глины, а изъ красной, путемъ пропуска черезъ раскаленный кирпичъ въ извѣстный моментъ водяныхъ паровъ. Видъ зданій изъ сѣраго кирпича весьма наряденъ, а цѣлесообразность несомнѣнна въ виду экономіи въ окраскѣ.

Очень хорошъ соборъ, расположенный на одномъ изъ самыхъ высокихъ пунктовъ города. Если съ теченіемъ времени, что несомнѣнно, исчезнуть въ Хабаровскѣ всѣ теперешнія деревянные лачуги, замѣнившись хорошими каменными строеніями, то городъ этотъ можно будетъ безспорно назвать однимъ изъ красивѣйшихъ во всей Россійской Имперіи.

Осмотрѣвъ достопримѣчательности Хабаровска, я отправился на пароходную пристань узнать, когда придетъ ближайшій почтовый пароходъ; съ товаро-пассажирскими, по отзыву бывалыхъ людей, ѣхать рискованно: въ случаѣ временнаго спада воды, пароходы и довозятъ васъ до той или другой пристани, иногда за нѣсколько сотъ верстъ до конечной, и преспокойно высаживаютъ васъ на берегъ, а сами уходятъ обратно; почтовый же пароходъ большимъ штрафомъ обязанъ доставить почту, а слѣдовательно

тѣмъ или другимъ путемъ (напримѣръ, перегрузкой на болѣе мелкосидящій пароходъ или баржу на буксирѣ маленькаго пароходика) самыхъ пассажировъ до мѣста назначенія.

По пути на пристань пришлось проходить черезъ мѣстный базаръ, расположенный почти на самомъ берегу рѣки. Большинство лавокъ принадлежитъ китайцамъ. Товаръ тотъ же, что и во Владивостокѣ. Много овощей, много и рыбы. При мнѣ притянули на буксирѣ лодку съ громадною, только-что пойманною калугою (бѣлугой), длиной по меньшей мѣрѣ въ 7 аршинъ. Тутъ же на берегу еще живую, ее выпотрошили и выбрали свыше пуда прекрасный зернистой икры. По справкамъ оказывается однако, что рыболовство далеко не процвѣтаетъ въ той степени, какъ можно было бы этого ожидать, судя по обилію рыбы. Причина — недостаточная предприимчивость мѣстныхъ жителей. Здѣсь ловятся: калуга (до 40 пудовъ), осетръ, кѣта (родъ лососины). Особенно много кѣты. Рыба эта поднимается въ сентябрѣ съ моря вверхъ по Амуру, при томъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что, подчасъ, запруживаетъ собою многочисленные амурскіе протоки, а вода даже приобретаетъ запахъ рыбы. Цѣна осетрины 5 р. 50 к., калуги — 4 р. 50 к. — 8 руб., кѣты — 1 р. 60 к. — 4 руб. за пудъ. Икра паюсная 1 р. фунтъ; зернистая 1 р. 20 к. — 1 р. 60 к. Болѣе мелкая рыба: судакъ 4—8 коп. фунтъ, сигъ 15—20 к. за фунтъ.

На пароходной пристани довольно много самаго разнообразнаго типа пароходовъ: есть здѣсь пароходы съ громадными красными колесами, помѣщенными сзади, за самою кормой. Пароходы эти въ насмѣшку зовутся тутъ кличкой „силозадовъ“. Есть и обыкновенные пароходы съ боковыми колесами. Есть и небольшіе винтовые. Плесо р. Амура отъ Хабаровска и ниже до самаго Николаевска доступно, при нѣкоторой осторожности, и большимъ морскимъ судамъ, что показали, въ недавнее сравнительно время, два большія японскія военныя судна, побывавшія въ Хабаровскѣ, о нашихъ же почему-то ничего не слышно. Выше же Хабаровска, на протяженіи 706 верстъ до Благовѣщенска, могутъ ходить пароходы съ осадкой не выше 4 футовъ. А отъ Благовѣщенска до Срѣтенска только съ осадкой до 2 футовъ. Все это само собою относится къ межени, а не къ полноводью.

Пароходныхъ обществъ на Амурѣ два: старое и новое. Старое дышетъ на ладанъ. Дѣла поваго, хотя и субсидируемаго правительствомъ, ради поддержки почтоваго пароходства, также плохи, но все же суда послѣдняго, по крайней мѣрѣ, гораздо

исправнѣ и надежнѣ, чѣмъ у перваго. Нѣкоторые же пароходы (выстроенные болѣею частью на заводѣ Джона Кокерилля въ Бельгiи) прямо таки прекрасные ходоки. Таковъ, на примѣръ, „Баронъ Корфъ“, двупалубный пароходъ американскаго типа, на которомъ мнѣ удалось себѣ достать билетъ для дальнѣйшаго пути вверхъ по Амуру. Намѣреваясь взять въ кассѣ пароходной конторки на пристани билетъ на отдѣльную, одномѣстную малую каюту, я получилъ отвѣтъ, что послѣдняя изъ свободныхъ такихъ каютъ занята для военнаго атташѣ при японскомъ посольствѣ въ С.-Петербургѣ.

Удовольствовавшись посему мѣстомъ въ общей двуспальной каютѣ, я перебрался на пароходъ и занялся наблюденіемъ за прибывающими на него пассажирами: особенно интересно было переселеніе труппы малороссовъ г. Украинцева, со всѣмъ ея багажомъ, а также и прибытіе японскаго атташѣ, полковника Мурата (оказавшагося въ послѣдствіи милѣйшимъ и симпатичнѣйшимъ спутникомъ моимъ черезъ всю Сибирь). Полковникъ въ полной формѣ, близко напоминающей теперешнюю форму французскихъ офицеровъ, съ грудью, покрытою множествомъ орденъ, прощался съ японскою колоніей Хабаровска, состоявшею болѣею частью изъ ремесленниковъ; люди эти и жены ихъ низко присѣдали, какъ это принято въ Японіи, и наперерывъ старались угодить высокопоставленному соотечественнику, таская съ пристани въ каюту его багажъ. Наконецъ, грузка и проводы окончились, раздался послѣдній протяжный свистокъ, и мы плавно тронулись вверхъ по великой рѣкѣ.

Нашъ русскій Миссисипи, рѣка Амуръ получила свое названіе, какъ говорятъ, отъ тунгусскаго слова амуръ „добро пожаловать“, коимъ, по преданію, привѣтствовали первыхъ русскихъ мѣстные инородцы. Вскрываясь между 9 и 20 апрѣля и замерзая въ промежуткѣ съ 23 октября по 11 ноябля (1890 г.), великій водный путь этотъ открытъ, такимъ образомъ, для судоходства въ среднемъ шесть мѣсяцевъ. Если же принять во вниманіе, такъ называемую „шугу“, то-есть мелкій кашеобразный ледъ, идущій по рѣкѣ иногда уже въ первыхъ числахъ октября, то за судоходный періодъ можно считать 5½ мѣсяцевъ. Правый берегъ рѣки—Маньчжурія. Лѣвый—русскій. Средняя ширина собственно русла Амура въ межень отъ 200 до 500 сажень, но есть плеса шириной до 2 верстъ.

Мы плыли по рѣкѣ послѣ сильной прибыви воды съ верховьевъ, разливъ затопилъ, поэтому, своими черновато-бурыми водами значительную часть поймы, превративъ ее въ громадное

озеро съ безчисленнымъ количествомъ большихъ и малыхъ островковъ, поросшихъ свѣжею густою зеленью. Множество унесенныхъ водой сучьевъ, пней и даже цѣлыхъ деревьевъ неслись быстрымъ теченіемъ намъ навстрѣчу, то и дѣло ударяя то въ носъ судна, то въ кожухи колесъ, а иногда даже и въ самыя лопасти. День былъ ярко-солнечный.

Картина могучаго разлива рѣки, окаймленнаго вдали синевой горъ, зеленъ острововъ и видѣвшійся вдали на горѣ Хабаровскъ (мы продолжали видѣть его, даже отъѣхавъ на разстояніе свыше 40 верстъ), все это представляло чудное зрѣлище, оживляющееся еще и жизнью на самой рѣкѣ: много лѣсныхъ плотовъ, съ дымкомъ разложенныхъ на нихъ костровъ; неуклюжія китайскія джонки съ парусами изъ цыновокъ; дощаники русскихъ торговцевъ (спускающихся отъ Срѣтенска до Николаевска съ краснымъ и другимъ товаромъ), съ прибитыми на нихъ вывѣсками. Попутные и встрѣчные пароходы свидѣтельствовали о возродившейся послѣ зимняго сна дѣятельности могучей рѣки.

Оторванный отъ созерцанія чудной картины призывомъ къ обѣду, я могъ за столомъ присмотрѣться къ своимъ сотоварищамъ по путешествію. Японскій полковникъ „Колонель“ Мурата, какъ онъ мнѣ отрекомендовался, директоръ датскихъ телеграфныхъ линій на Дальнемъ Востокѣ г. Ганзенъ съ женой, инспекторъ Русскаго страхового общества въ Сибири Г. М., окружной врачъ мѣстнаго района, уполномоченный фирмы Кунстъ и Альбертъ, капитанъ-топографъ съ женой, вдова утонувшаго недавно въ Портъ-Артурѣ капитана г-жа Гаврилова, агентъ Путяковского завода г. С., чиновникъ мѣстной каторжной администраціи г. Г. и мировой судья города Хабаровска г. Гандилье, только-что оправившійся отъ раны, полученной имъ на дуэли, — составляли наше общество пассажировъ I класса, которому прислуживалъ единственный пароходный лакей-фактотумъ „Харитонъ“.

Харитонъ настолько оригиналенъ, что заслуживаетъ нѣсколько болѣе подробнаго описанія: это сухопарый, долговязый, какъ журавль, мужчина съ бритымъ лицомъ, длинными волосами, въ сѣрой поношенной парѣ и красномъ галстухѣ. Невозмутимый, съ доброю, иногда печальною улыбкой, онъ не спѣша поспѣхивалъ, однако, обслуживать всѣ наши 12 каютъ и общій столъ. Нѣкоторая порядочность манеръ обличала, что, можетъ быть, въ далекомъ прошломъ этотъ „человѣкъ“ былъ чѣмъ-нибудь другимъ по своему общественному положенію. Мы вскорѣ всѣ перезнакомились: мой визави, инспекторъ страхового обще-

ства, усердно училъ Колонеля, какъ добиться „по-русски“, чтобы Харитонъ принесъ ему огурецъ.

Это, какъ оказалось, было началомъ дальнѣйшихъ ежедневныхъ уроковъ русскаго языка, такъ что въ концѣ нашего пути, г. Мурата могъ уже довольно сносно объясняться и безъ помощи переводчика.

Я лично вступилъ въ разговоръ съ окружнымъ врачомъ.

Любезный собесѣдникъ мой жаловался на крайнюю трудность вездѣ поспѣть съ помощью, въ виду громадности подвѣдомственнаго ему района. То же обстоятельство, въ связи съ дурными дорогами, препятствуетъ, по его словамъ, контролю надъ фельдшерами врачебныхъ пунктовъ, которые поэтому, за немногими исключеніями, пьютъ горькую и мало приносятъ пользы обывателямъ.

Въ настоящее время, по счастью, на дороги уже обращено надлежащее вниманіе, и предположено провести шоссе отъ Хабаровска до Благовѣщенска. Часть дороги уже находится въ постройкѣ, и концу лѣта будутъ-де окончены первыя 60 верстъ. Работа ведется каторжными подъ надзоромъ, съ административной стороны, нашего спутника, чиновника г. Г., а съ технической—инженера при приамурскомъ генералъ-губернаторѣ.

При проведеніи шоссе приходится бороться съ большими трудностями. Особенно много сравнительно-высокихъ (до 4 саж.) насыпей, а одна дамба тянется тамъ цѣлыя 14 верстъ. Шоссе мѣстами идетъ параллельно Амуру, мѣстами, ради болѣе короткаго разстоянія, отклоняется довольно сильно въ сторону.

Изъ болѣзней въ здѣшней мѣстности свирѣпствуютъ, по словамъ окружнаго врача, оспа, проказа и цынга (особенно среди корейцевъ). Причиной двухъ послѣднихъ болѣзней онъ считаетъ повсемѣстное употребленіе почти исключительно одной только рыбной пищи.

Довольно значительно количество убійствъ, съ необходимостью ѣзды для судебныхъ вскрытій, часто за цѣлыя сотни верстъ, въ значительной степени усугубляетъ трудность врачебной службы въ этомъ краѣ.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ извѣстіемъ, что замѣтили плывущій по рѣкѣ трупъ утопленника-китайца, явленіе въ здѣшнихъ водахъ, какъ оказывается, заурадное. Убиваютъ и кидаютъ въ рѣку и китайцы, и русскіе: это наилучшій способъ сбыть съ рукъ покойника. Вину же валять почти всегда на однихъ „хунхузовъ“.

Кстати о послѣднихъ. Докторъ припомнилъ, что въ ночь на 20 мая (1899 г.) на китайскій пикетъ, находящійся на Маньчжурскомъ берегу, противъ станицы Екатерино-Никольской, и состоящій изъ 35 солдатъ подъ начальствомъ нойона (офицера) напали „хунхузы“. Пикетъ при первыхъ же выстрѣлахъ разбѣжался. Хунхузы разграбили фанзу (китайскій домъ), гдѣ помещался пикетъ, и ушли съ добычей внизъ по рѣкѣ. Наши казаки, жители Екатерино-Никольской, усыхавъ выстрѣлы, не вытерпѣли, бросились въ лодки и, переплывъ рѣку, устремились къ фанзѣ, но отъ хунхузовъ и слѣдъ простылъ. Къ этому г. Гандилье прибавилъ, что онъ принималъ участіе въ облавѣ на этихъ хунхузовъ, устроенной на паровомъ суднѣ, по распоряженію русской администраціи, до свѣдѣнія которой дошло, что хунхузы послѣ грабежа скрываются на лодкахъ въ одномъ изъ многочисленныхъ амурскихъ затоновъ. На самомъ дѣлѣ удалось захватить изъ нихъ 5 человекъ, сплавлявшихъ по рѣкѣ муку, награбленную въ фанзѣ китайскаго пикета.

Несчастные, оборванные, голодные хунхузы слезно умоляли заключить ихъ на вѣки вѣчные въ русскую тюрьму, но только не выдавать ихъ китайскимъ властямъ, гдѣ ждала ихъ жестокая казнь. По словамъ г. Гандилье, это общая просьба всѣхъ китайскихъ преступниковъ, попадавшихъ въ руки русскихъ.

Дѣйствительно, если судить по рассказамъ очевидцевъ и по той фотографіи съ казни хунхузовъ на берегу Амура, которую мнѣ удалось приобрести, китайскіе порядки напоминаютъ еще и теперь времена разгара инквизиціи: мнѣ рассказывалъ очевидецъ про казнь женщины, уличенной въ измѣнѣ своему мужу. Несчастную поставили на колѣни, вырѣзали сначала обѣ груди, потомъ полосу кожи на лбу, потомъ распоролъ животъ, и только послѣ этого отрубили голову.

Не лучше китайцевъ ведутъ себя и пресловутые чины охраны, набранной для Маньчжурской дороги: у насъ на буксирѣ плыла баржа „Минеръ“ съ 6 пажими чинами охраны, арестованными за разнообразныя злодѣянія: оказывается, что „бесплатная“ фуражировка въ китайскихъ деревняхъ, насилостованіе женщинъ и прикалываніе въ первыхъ же кустахъ порученнаго ихъ конвою, для доставленія въ ближайшую „холодную“, провинившагося чѣмъ-либо китайскаго рабочаго, дѣло для многихъ изъ такихъ „охранныхъ“ совершенно обычное. И вотъ такой-то отбросъ тащилъ за нами „Минеръ“ для передачи въ руки правосудія.

Тяжелое впечатлѣніе рассказа нѣсколько сгладилось роскош-

нымъ зрѣлищемъ солнечнаго заката, при которомъ вершины горъ, окаймлявшія вдаль долину праваго берега Амура, казались окутанными въ какую-то голубовато-розовую прозрачную фату.

30 мая. Снова яркій солнечный день. Прибыль воды въ рѣкѣ, повидимому, еще усилилась: воды окрашены въ грязный мутно-бурый цвѣтъ. На поверхности плыветъ много дровъ, что показываетъ, что затоплены уже сравнительно высокія мѣста.

Перегоняемъ землечерпательную машину на буксирѣ парохода № 4 Маньчжурской дороги. Русскій берегъ плоскій, Маньчжурскій холмистый, покрытый богатымъ ковромъ травы, вышиной уже теперь съ полроста человѣка (къ концу лѣта трава бываетъ выше человѣческаго роста). По лугамъ раскинуты то тамъ, то сямъ деревья. На одномъ изъ холмовъ—сѣрая голая скала. На берегу рѣки нѣсколько гольдскихъ хижинъ.

Мы подѣзжаемъ къ Михайло-Семеновской станицѣ съ одноименною пристанью. Станица основана въ 1858 г. Здѣсь астрономическій пунктъ ($47^{\circ}56'$ с. ш. и $150^{\circ}36'$ в. д.) и водомѣрный постъ. Въ общемъ она производитъ довольно убогое впечатлѣніе: избы деревянные, крытыя тесомъ, какъ попало: одна тесина короче, другая длиннѣе. Фронтоны подъ крышами ничѣмъ не защищены, давая, такимъ образомъ, свободный доступъ дождю и снѣгу къ потолку. Есть деревянная церковь. На самомъ берегу крестъ: это могила капитана парохода „Читы“, погибшаго за нѣсколько лѣтъ передъ симъ при столкновеніи этого судна съ другимъ противъ самой станицы.

Занятіе жителей—земледѣліе, рыбный и звѣриный промыселъ, почтовая гоньба и заготовка дровъ для пароходовъ. Периодическіе разливы рѣки Амура и эпизоотія (сибирская язва) сильно препятствуютъ преуспѣванію поселка. Станица, по близости своей къ устью руки Сунгари, протекающей черезъ центральную Маньчжурію, служитъ торговымъ пунктомъ для сунгарскихъ китайцевъ, которые сплавляютъ сюда хлѣбъ.

Въ Михайло-Семеновской сѣлъ къ намъ новый пассажирь-мѣстный (благовѣщенскій) богатый торговецъ-подрядчикъ Серебренниковъ. Вскорѣ показалось и устье рѣки Сунгари, съ расположенными невдалекѣ отъ него какими-то красными и бѣлыми строеніями: это Лахасу — одинъ изъ главныхъ складовъ Маньчжурской дороги.

Хотя по буквѣ закона доступъ русскимъ судамъ по Сунгари былъ предоставленъ еще первою статьей Айгускаго договора, но только въ 1895 г. удалось получить фактическое позво-

леніе на это китайцевъ, и 7 іюня того же года поднялся вверхъ по этой рѣкѣ первый русскій пароходъ. Телеграфъ, снаряженный хабаровскими купцами Богдановымъ и Тифонатаемъ. Въ настоящее же время, какъ я уже говорилъ выше, это главная артерія подвоза матеріаловъ къ Маньчжурской дорогѣ.

Рѣка была довольно подробно обследована зимой 1898/99 г. особою описною партіей, и снятъ обстоятельный планъ ея, съ нанесеніемъ промѣровъ русла. Конечно, многое еще не точно и не совсѣмъ, быть можетъ, и вѣрно, но все же этотъ первый трудъ—громадное подспорье судоходству. Главные складочные пункты Маньчжурской дороги на рѣкѣ Сунгари: Лахасу, Салъсинъ и Харбинъ. Общая жалоба на рѣку, это ея мелководье на каменистыхъ перекатахъ и значительная извилистость фарватера, благодаря чему приходится подвергать суда неминуемымъ аваріямъ. Такъ, въ минувшій періодъ судоходства, какъ передавалъ мнѣ г. Серебренниковъ, за арендованный Маньчжурской дорогою у мѣстнаго управленія водяными путями пароходъ, въ которомъ оказалось до 13 пробоинъ, пришлось уплатить управленію большія деньги.

Въ ночь съ 30 на 31 мая намъ пришлось стоять изъ-за непрогляднаго тумана. Утромъ мы повстрѣчали сторожевой казачій пароходъ. Рѣка сдѣлалась шире, доходя мѣстами до 2-хъ верстъ. Горы (Буреинскій хребетъ и Малый Хинганъ) перешли съ китайскаго на русскій берегъ, на которомъ вскорѣ показалась Екатерино - Никольская станица. Поселокъ этотъ основанъ въ 1858 г. и названъ въ честь графини Екатерины Николаевны Муравьевой. Это одна изъ лучшихъ амурскихъ станицъ. Ея церковь окружена тѣнистымъ паркомъ. Да и вообще у каждаго домика много зелени. Бѣленькія чистенькія казармы казачьей сотни расположены также среди рощи. На небольшомъ курганѣ пара старыхъ пушекъ на полуразвалившихся лафетахъ. За околицей станицы громадная, высокая, сѣрая, поросшая мѣстами тѣсомъ, скала, съ крестомъ на самой вершинѣ. Занятіе жителей станицы: земледѣліе, отородничество, лѣсной промыселъ и извозъ.

На пристани толпились при нашемъ приближеніи дѣвочки и женщины, продававшія ландыши, молоко (10 к. бутылка), сметану (20 к. стаканъ), творогъ (30 к. тарелка), яйца (20 к. десятокъ) и крупный красный картофель (30 к. мѣра). На китайскомъ берегу уныло развѣвалось, какъ бы памятуя о своемъ недавнемъ посяраженіи, красное знамя китайскаго пикета, разграбленнаго, какъ я говорилъ выше, хунхузами. Сама фанза окру-

жена со всѣхъ сторонъ густымъ лѣскомъ, благодаря, которому разбойники, очевидно, и могли подкрасться незамѣченными.

Впрочемъ, если посмотрѣть на мѣстнаго нойона, съ вѣромъ въ рукахъ, и на неуклюжихъ его воиновъ, а особенно послушать рассказы нашего любезнаго японскаго полковника о послѣдней Японско-Китайской войнѣ, который въ самыхъ яркихъ краскахъ описываетъ трусость и нераспорядительность китайскихъ офицеровъ, а не ихъ солдатъ, которые подчасъ дрались весьма храбро, то не будетъ казаться удивительнымъ, что горсть несчастныхъ разбойниковъ могла обратить въ бѣгство отрядъ регулярныхъ войскъ.

Начиная отъ Екатерино-Никольской, весь русскій берегъ крайне гористъ. Эти остроги „Малаго Хингана“, иначе называемаго Бурейнскимъ хребтомъ: горы покрыты кустарникомъ и невысокими деревьями. Мѣстами обнажаются отдѣльныя сѣрыя скалы, мѣстами выклиниваются наслоенія желтоватаго камня, съ ясно обнаруженнымъ паденіемъ пластовъ подъ угломъ въ 45° и какими-то сѣробурными (вѣроятно, желѣзистыми) потеками.

Весьма любопытно, что, ютаясь въ расщелинахъ такихъ косяхъ наслоеній, и самыя деревья растутъ почти совершенно правильными наклонными аллеями.

Плывемъ дальше. Вотъ показалась на правомъ берегу китайская деревушка: фанзы сплошь глинобитныя, съ тростниковыми крышами и маленькими окошечками, залѣпленными промасленною бумагой. Вереть 20 выше Екатерино-Никольской, горы снова начинаютъ появляться и на Маньчжурскомъ берегу. Рѣка постепенно стѣсняется между ними до 250—300 сажень ширины. Хребетъ мало-по-малу все выше и выше. Наконецъ, подъ вечеръ, мы въѣзжаемъ въ настоящее ущелье, по чарующей прелести своей едва-ли уступающее лучшимъ заграничнымъ прославленнымъ видамъ: отпечатокъ дикой дѣвственности еще больше усиливаетъ впечатлѣніе.

Представьте себѣ Амуръ, защемленный между рядами могучихъ, высокихъ (сажень 150—200 высотой) кряжей, сплошь покрытыхъ богатымъ лѣсомъ, сибирскимъ тополемъ съ его бѣлымъ стволомъ, черною и бѣлою березой, дубнякомъ, липами, акаціей, кедромъ, елью, вязами, ясеньями, кленомъ, ивой, огромными грецкими орѣшниками и пробковыми дубами, растущими въ перемежку и переплетенными дикимъ виноградомъ и хмѣлемъ. Горы, то выступая, то отступая, заставляютъ рѣку дѣлать безчисленные изгибы. Быстрота теченія страшная, и паро-

ходъ нашъ съ трудомъ выгребаетъ впередъ. Чудный горный воздухъ, въ связи съ благоуханіемъ растительности, дѣйствуетъ опьяняющимъ образомъ. Прибавьте къ этому красавицу - луну и мѣстамъ на Маньчжурскомъ берегу, въ лѣсной чащѣ, огоньки китайскихъ рыболововъ, а можетъ быть и хунхузовъ, и вы легко себѣ представите тотъ, если хотите, восторженный подъемъ духа, который охватилъ наше маленькое общество. Долго сидѣли мы, наслаждаясь величественной картиной, и только поздно, слегка продрогшіе отъ горнаго воздуха, рѣшились покинуть палубу. На утро снова поднялся довольно сильный туманъ, заставившій насъ нѣсколько опоздать приходомъ на слѣдующую попутную намъ пристань „Радде“.

Радде, съ одноименнымъ поселкомъ, расположена на небольшой равнинѣ у подошвы того же Буреинскаго хребта и основана въ 1858 г., получивъ свое названіе въ честь натуралиста Густава Радде, проведеннаго въ здѣшней мѣстности весь 1857 г. Въ селеніи есть часовня въ память избавленія Императора Александра II отъ покушенія 4 апрѣля 1866 г. Занятіе ея жителей: охота, сборъ кедровыхъ орѣховъ, извозъ и заготовка дровъ для пароходовъ. На Маньчжурской сторонѣ, у подошвы высокой горы, китайскій поселокъ и пикетъ, на которомъ развѣвается желтый флагъ съ чернымъ дракономъ. На трети высоты горы—китайская кумирня съ двумя мачтами по бокамъ. Гора покрыта хвоей, кедромъ, лиственницей и пихтой. По слухамъ, недалеко отъ поселка хищническіе золотые прииски.

Версты три за Радде Амуръ дѣлаетъ замѣчательно крутой поворотъ направо. Горы отступаютъ въ синеватой дымкѣ на довольно далекое отъ рѣки разстояніе, а плоскіе берега покрыты ярко-изумрудною зеленью. Дѣлается жарко, и кромѣ того, рои маньчжурскихъ оводовъ, огромныхъ, съ красными глазами, гонить насъ не только съ палубы, но и изъ общаго зала въ каюты. То и дѣло слышишь возгласы боли отъ укусовъ этихъ наглыхъ тварей. Особенно достается дамамъ, благодаря ихъ легкимъ тонкимъ платьямъ.

Коротая время въ разговорѣ съ г. Ганзенемъ. Ганзенъ—датчанинъ и въ качествѣ директора датскихъ телеграфовъ, прожилъ свыше 15 лѣтъ въ Южномъ Китаѣ. Онъ отзывался съ большою похвалой о добросовѣстности, съ которою китайцы держатъ свое слово. Никакихъ письменныхъ условій и договоровъ у нихъ нѣтъ: они условливаются, ударяютъ по рукамъ, и вотъ весь ихъ договоръ, вексель и т. п. И не было, по его словамъ, примѣра, чтобы китаецъ умышленно нарушилъ свои обязательства.

Слѣдуетъ, конечно, считаться съ ихъ мелкими обманами и хитростью при торговлѣ, но, давъ въ чемъ-либо слово, китаецъ держитъ его свято. Китайцы образцовые семьянины и дорожатъ больше всего на свѣтѣ семейнымъ очагомъ, являясь, въ данномъ случаѣ, образцомъ нравственности.

Продолжая свое повѣствованіе, Ганзенъ разсказалъ мнѣ, между прочимъ, о замѣчательной продѣлкѣ китайскихъ жуликовъ съ телеграфнымъ кабелемъ въ Шанхаѣ. Ганзеномъ былъ проложенъ по дну рѣки Янцзе-Кіанга отъ Шанхая до устья рѣки подводный телеграфный кабель. Вдругъ случился перерывъ въ дѣйствіи телеграфа. Долго доискивались причины. Наконецъ оказалось, что китайскіе мошенники оставили обѣ концевыя части кабеля, а среднюю, длиною около 3-хъ слишкомъ верстъ преспокойно стянули и, разрубивъ на нѣсколько частей, продали на пѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ джонокъ, коими заставлена рѣка Янцзе. Здѣсь кабель развили на проволоку.

Зашелъ также у насъ разговоръ про покойнаго Государя Александра III. Ганзенъ распространялся о той всеобщей любви, которою Государь пользовался въ Даніи. Такою же общою симпатіею пользуется и Государыня Марія Ѳеодоровна въ Даніи, каждый пріѣздъ которой въ Данію является настоящимъ праздникомъ для всего населенія.

Берега рѣки принимаютъ все болѣе и болѣе плѣскій характеръ, а сама она разливается до $1\frac{1}{2}$ —2 верстъ въ ширинѣ особенно противъ станицы Касаткиной (основана въ 1858 г. и названа въ честь доктора Касаткина, участвовавшего въ Амурской экспедиціи 1854 г.). Жители этого поселка много терпятъ отъ разливовъ Амура и, послѣ одного изъ особенно сильныхъ наводненій, перенесли всю станицу на теперешнее, нѣсколько болѣе возвышенное мѣсто, версты за двѣ дальше прежняго. Въ станицѣ на самомъ берегу рѣки триумфальная арка, сохранившаяся со времени путешествія Государя Императора, въ бытность его наслѣдникомъ. Жара стоитъ невыносимая (до 30° въ тѣни), а оводы дѣлаютъ пребываніе на палубѣ почти невозможнымъ.

Къ вечеру начинается сильнѣйшая гроза съ весьма характернымъ кроваво-краснымъ оттѣнкомъ молніи.

Рѣка сильно мелѣетъ: мы приближаемся къ цѣлой серіи перекатовъ, и пароходъ нашъ, дѣлая ежеминутные промѣры, медленно пробирается по зигзагообразному фарватеру, направляясь по створу перекатныхъ сигнальных мачтъ. Весьма ори-

гинальны нѣкоторыя изъ нихъ: это просто очищенные отъ коры и сучьевъ, растущія у самаго берега деревья, къ стволу которыхъ прибиты стремянки, а къ макушкѣ прикрѣплена соотвѣтствующаго цвѣта (красная или бѣлая) доска съ № столба.

Проходимъ мимо Помпеевскаго поселка, откуда большинство жителей выселилось по случаю плохого качества земли: теперь здѣсь только одна почтово-телеграфная станція и нѣсколько жалкихъ хибарокъ.

Подъѣзжаемъ къ Поярковской пристани, откосы береговъ которой, въ защиту отъ Амура, укрѣплены цѣлою щетиною фашинь. Здѣсь снова триумфальная арка со свѣже-окрашенною въ ярко-желтый цвѣтъ лѣстницей; ожидается пріѣздъ генералъ-губернатора Приамурской области. Краски на всю лѣстницу, очевидно, не хватило, и нѣсколько ступеней рѣзко выделяются своею чернотой.

Поярковская станица основана въ 1658 г. казаками и названа въ честь казачьяго головы Василя Пояркова, много потрудившагося въ XVII вѣкѣ въ дѣлѣ завоеванія Амурскаго края. Здѣсь водомѣрный постъ Министерства Путей Сообщенія и одинъ изъ опаснѣйшихъ амурскихъ перекатовъ.

На пристани сѣла къ намъ партія золотоискателей: оборванные, истощенные, они рассказывали, что имъ пришлось, кромѣ прочихъ невзгодъ, сильно терпѣть отъ тигровъ, которые постепенно сѣбли у нихъ единственныхъ лошадей и вола.

На радостяхъ, что попали опять къ людямъ, золотоискатели перепились, и ихъ цѣни, игра на гармоніи и ухарское притоптываніе долгое время не давали спать прочимъ пассажирамъ; усмирить же расходившуюся компанію не было никакой возможности.

Проходимъ „Сычевскій“ перекатъ: здѣсь рѣка раздѣляется сначала на три, а затѣмъ на 4 рукава, образуя многочисленныя острова, сплошь покрытые густою зеленью. Запахъ цвѣтущей черемухи и смородины пріятно щекочетъ обоняніе. Вблизи переката расположенъ одноименный съ нимъ поселокъ, основанный въ томъ же 1658 г. казаками и названный въ честь переводчика Сычева, участника Амурской экспедиціи 1654 года.

Въ 2-хъ верстахъ къ сѣверу отъ этого селенія замѣтенъ остатокъ какихъ-то старинныхъ укрѣпленій. На правомъ берегу рѣки три рыбачьи китайскія фанзы.

3-го іюня проходимъ мимо китайскаго городка Айгуна, прославленнаго заключеніемъ извѣстнаго трактата. Айгунъ находится въ провинціи Хай-лун-дзинъ, въ 30 верстахъ ниже Бла-

Благовѣщенска. Весь онъ состоитъ изъ убогихъ, частью деревянныхъ, частью глинобитныхъ фанзъ. Въ центрѣ ихъ—квадратная площадь, обнесенная частоколомъ, съ 4 воротами, надъ которыми устроены башни съ бойницами. Внутри частокола кумирня, домъ губернатора (фу-ту-дуна), школа, склады оружія и пушки. Число жителей доходитъ до 7.000. Есть, между прочимъ, нѣсколько сотъ китайцевъ-мусульманъ, имѣющихъ свою мечеть.

Айгунъ славится своею хлѣбною торговлей. Оригиналенъ способъ, которымъ мѣстные китайцы замѣняютъ на своихъ лодочкахъ паруса: они втыкаютъ вмѣсто мачты деревцо съ листвою, и этого достаточно, чтобы легкое суденышко довольно быстро скользило по поверхности широкой рѣки. Издали стали видны уже церкви и какія-то высокія красныя зданія—это Благовѣщенскъ.

Городъ расположенъ на лѣвомъ берегу Амура, при впаденіи въ него рѣки Зеи. Основанъ онъ подъ видомъ „Усть-зейскаго Поста“. 9 мая 1858 г. заложена въ присутствіи графа Муравьева знаменитымъ преосвященнымъ Иннокентіемъ первая церковь, и городъ получилъ настоящее свое названіе, въ основу котораго положено то обстоятельство, что отсюда прежде всего послана въ Петербургъ благая вѣсть о присоединеніи Амурскаго края по Айгунскому трактату.

Новый городъ, благодаря выгодному положенію при 2-хъ судоходныхъ рѣкахъ и близкому сосѣдству съ населенною частью Маньчжуріи (главнымъ образомъ съ городомъ Цицикаромъ), а также Привейскими золотыми приисками, началъ быстро развиваться. Въ 1888 г. основанъ здѣсь Львовымъ первый и единственный въ краѣ чугунолитейный заводъ. Въ 2¹/₂ верстахъ выше города, на самомъ берегу Амура, въ небольшомъ саду, находится памятникъ—обелискъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1854 г. расположена была палатка графа Муравьева.

Такъ какъ дальнѣйшее судоходство по Амуру доступно лишь мелкосидящимъ судамъ, то въ Благовѣщенскѣ мы должны были покинуть „Барона Корфа“ и пересѣсть на меньшихъ размѣровъ пароходъ той же компаніи „Графъ Игнатъевъ“. Въ виду дохотившихъ до насъ на попутныхъ пристаняхъ тревожныхъ слуховъ о томъ, что выше Благовѣщенска, особенно на рѣкѣ Шилкѣ, за Покровскою пристанью, вода сильно спала, и множество пароходовъ сидятъ на мели, мы съ понятнымъ волненіемъ приставали къ конторкѣ „Общества Амурскаго Паро-

ходства“, и первымъ нашимъ вопросомъ было: „гдѣ Графъ Игнатьевъ“.

Оказалось, что слухъ о мелководьи совершенно основателенъ, и пароходъ этотъ еще не думалъ выходить изъ Покровской, ожидая, когда почта изъ Срѣтенска будетъ подвезена къ нему на лодкахъ, такъ какъ не рѣшался идти за нею въ Срѣтенскъ. Лица у всѣхъ насъ вытянулись. Пришлось волей-неволей перебираться съ парохода въ какую-нибудь гостиницу.

Счастливымъ всѣхъ насъ оказался японскій полковникъ, за которымъ пріѣхала депутація мѣстнаго офицерскаго общества. Здѣсь двѣ гостиницы: „Центральная“—громадное кирпичное зданіе на самомъ берегу Амура и старенькая деревянная „Россія“. Такъ какъ вывѣщенное на пароходной конторкѣ объявленіе первой изъ этихъ гостиницъ: „Г. г. квартирующие могутъ пользоваться столомъ по весьма умѣреннымъ цѣнамъ и получать оный въ полномъ національномъ вкусѣ“,—весьма мало располагало въ пользу этого пріюта, то я и инспекторъ Страховаго Общества г. М. рѣшились занять номеръ въ „Россіи“, содержащейся, какъ оказалось, административно-ссылнымъ полкомъ.

За сравнительно умѣренную плату мы расположились здѣсь сносно, а обѣдъ (1 рубль) и пиво съ завода того же содержателя гостиницы оказались прямо хорошими. Всѣ же прочіе пассажиры, имѣвшіе неосторожность поселиться въ „Центральной“, горько жаловались намъ на пищу и вообще на всѣ порядки.

Отдохнувъ немного, я отправился побродить по берегу рѣки и по городу. На берегу раскинутъ довольно тѣнистый, но весьма пыльный бульварчикъ, у подножія котораго расположены пароходныя пристани со сравнительно большимъ количествомъ судовъ. Здѣсь же мастерскія и небольшой докъ Общества Амурскаго Пароходства, такъ какъ въ Благовѣщенскѣ производится главный ремонтъ всѣхъ пароходовъ, принадлежащихъ Обществу.

Весьма оригиналенъ, между прочимъ, тотъ способъ, коимъ, пользуясь, такъ сказать, даровою силой природы: здѣшними сильными морозами—поднимаютъ здѣсь суда изъ воды для осмотра и ремонта ихъ подводныхъ частей: ихъ вымораживаютъ, при наступленіи морозовъ, кругомъ судна, подлежащаго ремонту, прорубаютъ прорубь; на водѣ снова образуется ледъ, немного приподнимающій корпусъ судна. Ледъ этотъ снова вырубаетъ. Образуется новый слой льда. Его опять скалываютъ и т. д., до тѣхъ поръ, пока весь остовъ парохода не выйдетъ изъ воды. Его подни-

раютъ съ боковъ распорками и приступаютъ къ надлежащему ремонту.

Дѣятельность здѣшнихъ пароходо-владѣльцевъ подчинена находящемуся въ Благовѣщенскѣ управленію водными путями Амурскаго бассейна, при которомъ имѣется особый механикъ, свидѣтельствующій судовыя машины.

Интересно то обстоятельство, что командиры мѣстныхъ пароходовъ не вольны распоряжаться пароходными машинами и, вмѣстѣ съ симъ, не отвѣчаютъ и за исправность таковыхъ, находящихся всецѣло на отвѣтственности пароходныхъ механиковъ.

Личный составъ здѣшнихъ пароходныхъ командировъ крайне разношерстенъ: есть капитаны, бывшіе флотскіе офицеры (одинъ изъ нихъ, между прочимъ, женатъ на Ольгѣ Палемъ, извѣстной по бывшему въ свое время громкому процессу). Есть и бывшіе пароходные лакеи. Отъ сего послѣдняго обстоятельства, кажется, зависитъ, главнымъ образомъ, та масса аварий, которыя терпятъ ежегодно мѣстные пароходы.

Если взглянуть на формуляры сихъ послѣднихъ, то просто волосы дыбомъ становятся: какъ можно еще на нихъ пускаться въ плаваніе: десятки пробоинъ въ корпусахъ, течь трубъ, трещины въ котлахъ и т. п. Нужно надѣяться, что съ учрежденіемъ вышеупомянутой должности техника-механика при округѣ, не будутъ болѣе, по крайней мѣрѣ, выпускать пароходовъ съ котлами, грозящими опасностью взрыва.

Гораздо лучше поставлено здѣсь лоцманское дѣло: прекрасные, вполне обеспечивающіе лоцмановъ оклады (до 2.400 руб. въ годъ) заставляютъ ихъ толково и добросовѣстно относиться къ своему дѣлу, и съ этой стороны безопасность плаванія почти совсѣмъ обеспечена.

Противъ пароходной пристани, на противоположномъ берегу Амура, находится китайскій поселокъ „Сахальянь“, который мѣстные жители перекрестили по-просту въ „Сахалинь“.

Благовѣщенскіе жители весьма заинтересованы проектомъ одного изъ мѣстныхъ инженеровъ о соединеніи, начиная именно отъ этого поселка, города Благовѣщенска особою вѣтвью съ Маньчжурскимъ городомъ Цицикаромъ, расположеннымъ на линіи Восточно-Китайской ж. д. Когда же будетъ построена Амурская дорога, то Благовѣщенскъ круглый годъ будетъ въ связи съ Европой и, несомнѣнно, еще болѣе разовьется. Параллельно съ такимъ ростомъ, желательно было бы, чтобы хоть нѣсколько упорядочилось и нравственное развитіе его населенія, а то мнѣ

здѣсь рассказывали про нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ жителей просто ужасы безнравственности.

Обыватели, совершившіе уголовщину, постарались такъ устроить, чтобы при передачѣ ихъ дѣла изъ старыхъ въ новые суды, дѣло это „безъ вѣсти пропало“ и т. д. Не лучше обстоитъ дѣло и воспитанія юношества, выдающаго предъ собою столь погубные примѣры.

Въ Благовѣщенскѣ много хорошихъ зданій: Дома Управленія округомъ Путей Сообщенія, универсальный магазинъ Кунста и Альбертса, такой же фирмы Чурина, зданіе центральной гостиницы, Окружный судъ, театр. Много каменныхъ хорошихъ частныхъ домовъ, но за то немощенныя улицы и страшная, ѣдкая пыль. Тротуары деревянные. Много также китайскихъ лавокъ со всевозможными товарами, начиная отъ дешеваго чая (30 коп. за фунтъ) и кончая цѣнными фарфоровыми вазами и художественнымъ бронзовымъ литьемъ (очень хороши, напри- мѣръ, подсвѣчники изъ темной бронзы съ подставкой въ видѣ обвившихъ древесный стволъ драконовъ).

Ежедневно бѣгали мы узнавать у кассира пароходной пристани (бывшаго актера мѣстнаго театра), скоро ли придетъ нашъ пароходъ. Но все напрасно. Только 6 іюня, въ самый Троицынъ день, мы могли, наконецъ, перебраться на „Графа Игнатьева“.

На пристани, передъ отходомъ, толпилась масса народу. Большинство пришло поглазѣть на японскаго полковника, провожать котораго собралась вся мѣстная японская колонія.

Наконецъ мы отчаливаемъ, и въ это самое время что-то грузно шлепается въ воду: это узелъ одной изъ пассажирокъ, который ей перебрасывали съ пароходной конторки. Такъ онъ и пошелъ ко дну. Плывемъ мимо потонувшаго въ зелени лагера мѣстныхъ войскъ и тюрьмы. Китайскій берегъ гористъ, русскій гораздо положе. Къ вечеру проходимъ у самаго берега Маньчжуріи, подъ великолѣпными сѣро-красно-желтыми скалами, высотой сажень въ 30. Воды Амура изъ грязно-буроватыхъ сдѣлались почти прозрачными. Встрѣчаемъ довольно много плотовъ, частью дровяныхъ, частью переселенческихъ; тутъ и телѣги, и лошади, и скоть, и всякій домашній скарбъ.

Горы то на китайскомъ, то на русскомъ берегу. Утесы покрыты большею частью хвоей, но есть много и березы. Лѣсъ вообще неважный. Да и бревна, изъ которыхъ сбиты встрѣчные плоты, также довольно тонки: ясно, что все, что получше, уже давно хищнически вырублено.

Подъѣзжаемъ къ Кумарской станицѣ, бывшему такъ называемому „Кумарскому острогу“, основанному въ XVII столѣтіи (1652 г.) Хабаровымъ при впаденіи рѣчки Кумары въ Амуръ. Въ 1654 г. сотникъ Степановъ выдержалъ здѣсь съ 500 казаками осаду 10.000 маньчжурскаго войска. Но въ 1658 г. китайцы, истребивъ ниже устья рѣки Сунгари отрядъ Степанова, разрушили и Кумарскій острогъ.

Нѣсколько выше станицы, на русскомъ берегу, чудныя, по-видимому, гранитныя горы. Темно-сѣрые, въ нѣсколько уступовъ, утесы, покрытые мѣстами сѣдымъ мхомъ, мѣстами же темно-зеленою травою, вѣнчаются высокой скалой, такъ называемымъ „Кумарскимъ утесомъ“, на вершинѣ котораго водруженъ крестъ. Подъ самой скалой, на отмели, сидятъ на корточкахъ пять китайцевъ. Попутно встрѣчаемъ хорошенькій пароходикъ „Молли“, влachaщій за собою большую баржу.

Л. Н. Любимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отданіе воинской чести лѣвой рукой.

№ описи 91.

Дѣло

1826 г.

Моск. Губер. Арх. старыхъ дѣлъ.
№ 87771.

Чтобы Классные чиновники при встрѣчѣ съ Его Величествомъ и прочими Высочайшими особами, отдавали честь, поднимая руку къ шляпѣ, не снимая оной.

По Военной Канцеляріи

18 Августа 1826 г.

20 Августа 1826 г.

Инспекторскій Департаментъ

ГЛАВНАГО ШТАБА

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО

ВЕЛИЧЕСТВА.

Августа 18, 1826 г. № 810.

19 Августа.

1826 г.

Отдѣленіе 3.

Столъ 3.

С.-Петербургъ

10 августа 1826.

№ 5934.

Господину Московскому

Военному Ген.-Губернатору.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: чтобы классные чиновники, носящіе мундиръ военнаго вѣдомства, при встрѣчѣ съ Его Величествомъ и прочими Высочайшими особами, равно съ начальствомъ и старшими лицами, отдавали честь, *поднимая лѣвую руку къ шляпѣ*, не снимая оной, подобно тому, какъ дѣлають сіе военные чины. О сей Монаршей волѣ, за отсутствіемъ Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, имѣю честь увѣдомить Ваше Сіятельство для зависящаго исполненія.

(Подлинное за подписью Военнаго Министра)

Сообщилъ В. П. Федоровъ.

**Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы
съ 29-го октября по 17-е декабря 1912 года.**

Кореневскій, Н. Церковные вопросы въ Московскомъ государствѣ въ половинѣ XVII вѣка и дѣятельность Патріарха Никона. Кіевъ. 1912. Тип. Т-ва П. Н. Кушнеревъ и К^о (Караваевская, 5). 8° (13×22). 38 стр. Вѣсь 6 л. 100 экз.

Корикъ, Г. Обзоръ памятниковъ русской словесности. Выпускъ 1-й. Народная поэзія и древняя литература. Пересказъ и краткій обзоръ примѣнительно къ устнымъ отвѣтамъ по русскому языку. Одесса. 1912. Изд. 2-е. Тип. Одесскихъ Новостей (Екатериин., 8). 16° (13×18). 78 стр. Ц. 40 к. Вѣсь 9 л. 2.000 экз.

Корсаковъ, Г. Пугачевщина. (Историческая библіотека. № 43). М. 1912. Изд. к-ва Дѣло (2-й Ильинскій пер., 13). Тип. М. В. Балдинъ и К^о (Арбатъ, 7). 32° (9×14). 95 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 3 л. 12.000 экз.

Красуская, Е. Е. Нашествіе татаръ. М. 1912. Изд. Д. П. Ефимова. Тип. А. П. Поплавскаго (Лялинъ пер., соб. д.). 16° (12×18). 64 стр. Складъ: кн. маг. А. Д. Друтманъ (Моховая, д. Бенкендорфъ). Вѣсь 4 л. 3.000 экз.

Кубайкинъ, С. Емелька Пугачевъ. Біографическая библіотека. М. 1912. Изд. Книгоизд. Островъ. Тип. В. Л. Баньянинъ и К^о (Б. Строченовскій пер., 5). 16° (10×14). 85 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 4 л. 5.000 экз.

Купріевичъ, А. Стихотворенія въ прозѣ Тургенева и Діалоги Леопарди. (Оттискъ изъ сборника Minerva). Кіевъ. 1912. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8° (13×23). 27 стр. Вѣсь 3 л. 200 экз.

Либровичъ, С. Ф. Императоръ подъ запретомъ. Двадцать четыре года русской исторіи. Спб. 1912. Изд. и тип. Т-ва М. О. Вольфъ (Вас. О., 16 л., с. д.). 8° (16×23). 164 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсь 25 л. 2.000 экз.

Линдъ, Т. Царевна Софья. М. 1912. Изд. Д. П. Ефимова. Тип. А. П. Поплавскаго (Лялинъ пер., соб. д.). 16° (12×18). 61+3 нен. стр. Складъ (Моховая, д. Бенкендорфа). Кн. маг. А. Д. Друтмана. Вѣсь 4 л. 3.000 экз.

Лонгиновъ, А. В. Князь Петръ Ивановичъ Шаховской, бывшій Псковскій губернаторъ. Одесса. 1912. Тип. Е. Хрисогелосъ (ул. Кондратенко, 8). 8° (19×29). 11 стр. Вѣсь 3 л. 55 экз.

Марковскій, Н. А. С. Грибоѣдовъ. Спб. 1912. Изд. и тип. Т-ва «Нашъ Вѣкъ» (М. Подъяческая, 12). 8° (16×24). 78 стр. Ц. 40 к. Вѣсь 10 л. 2.000 экз.

«Наука побѣждать» Генералиссимуса Суворова (По матеріалу еще не бывшему въ печати). Съ рис. и чертежами Суворова. Текстъ пояснилъ и копінъ рисунковъ пополнилъ К. Ноннеманъ. Спб. 1913. Изд. Военное книгоиздат. Жукова (Знаменская, 19). Тип. Голіке и Вильборга (Звенигородская, 11). 8° (17×25). 64 стр.+79 рис. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 19 л. 2.350 экз.

Новиковъ, А. Г. Р. Державинъ. (Пособіе при изученіи Русской Литературы). Спб. 1912. Изд. Классики для учащихся. Тип. Энергія (Загородный, 17). 8° (16×21). 32 стр. Ц. 30 к. Вѣсь 4 л. 5.000 экз.

Новиковъ, А. Н. А. Крыловъ. (Пособіе при изученіи Русской Литературы). Спб. 1912. Изд. классики для учащихся. Тип. Энергія (Загородный, 17). 8° (16×21). 50 стр. Ц. 30 к. Вѣсь 6 л. 5.000 экз.

Новиковъ, А. Д. П. Фонвизинъ. (Пособіе при изученіи Русской Литературы). Спб. 1912. Изд. классики для учащихся. Тип. Энергія (Загородный пр., 17). 8° (16×21). 37 стр. Ц. 30 к. Вѣсь 5 л. 5.000 экз.

Обнорскій, С. П. О языкѣ Ефремовской Кормчей XII вѣка. Изслѣдованія по русскому языку. Т. III. Вып. I. Спб. 1912. Изд. и тип. Акад. Наукъ. 8° (19×26). 83 стр. Ц. 1 р. 80 к. Вѣсь 20 л. 630 экз.

Полюевъ, М. Владиміръ Святой и Крещеніе Руси. (Книжка за книжкой, кн. 99). Спб. 1912. Изд. М. Н. Слѣпцовой. Тип. 1-й Спб. Труд. Арт. (Лиговская, 34). 16° (13×19). 39+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 12 коп. Вѣсь 3 л. 5.150 экз.

Преображенскій, И. В. Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, его личность и дѣятельность въ представленіи современниковъ его кончины. Съ портретомъ его и съ его автографомъ. Спб. 1912. Тип. «Колоколъ» (Невскій, 127). 8° (16×24). 134 стр. Складъ Невскій, д. № 119, въ кн. маг. «Вѣра и Знаніе». Ц. 75 к. Вѣсь 16 л. 1.050 экз.

Рѣчменскій, А., свящ. Походная церковь Императора Александра I. М. 1913. Изд. А. А. Бахрушина. Тип. Т. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (25×25). 153+32 нен. стр. Съ рис.+1 портр. Вѣсь 1 ф. 9 л. 500 экз.

Сахаровъ, П., свящ. Великая година. (Изъ № 10 Журн. «Голосъ Церкви» за 1912 г.). М. 1912. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (16×24). 8 стр. Вѣсь 1 л. 300 экз.

Семеновъ, Вл. Расплата. Трилогія. I. Портъ-Артуръ и походъ 2-й эскадры. Спб. 1912. Изд. 5-е посмертное. Тип. Т-ва М. О. Вольфъ (Вас. О., 16 л., соб. д.). 8° (16×23). VIII+420+IV стр. и 1 портр. и 4 карты. Ц. 3 р. Вѣсь 1 ф. 18 л. 5.000 экз.

Сиповскій, В. В. Исторія русской словесности. Часть III, вып. 2. Спб. 1912. Изд. 3-е, Я. Башмакова. Тип. Т-ва Грудъ. 8° (15×22). XIX+334 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 1 ф. 1 л. 10.000 экз.

Сиповскій, В. В., проф. Сокращенный курсъ исторіи русской словесности. Часть первая. Спб. 1912. Изд. 2-е, Башмакова (Спб., Итальянская, 31). Тип. М. Волковича (Садовая, 60). 8° (16×22). 203 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 22 л. 5.000 экз.

Столѣтіе Бородинской битвы 26 августа 1812 г.—26 августа 1912 г. Одесса. 1912. Изд. и тип. Димитріева. Хер.-Одес. Епарх. дома. 8° (16×22). 4 стр. Вѣсь 1 л. 30.000 экз.

Таубе, М. Ф., бар. Три столпа русскаго самобытнаго просвѣщенія прошлаго столѣтія: Хомяковъ, Достоевскій и епископъ Теофанъ затворникъ Вышенскій. Харьковъ. 1912. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (17×25). 42 стр. Вѣсь 4 л. 600 экз.

Три вѣка. Россія отъ смуты до нашего времени. Историческій сборникъ подъ ред. В. В. Каллаша. Томъ II. М. 1912. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина. 4° (22×30). 272 стр. съ рис.+22 листа рис. Вѣсь 3 ф. 14 л. 3.000 экз.

Труды Черниговской Архивной Коммисіи. Вып. 9. Матеріалы по исторіи

освобождения крестьянъ. Подъ ред. В. А. Модзелевскаго. Черниговъ. 1912. Тип. Губ. Земства. 8° (17×24). 411+VI стр.+9 лист. портр. Ц. 2 руб. Въсь 1 ф. 8 л. 400 экз.

Флоровскій, А. В. Собрание Высочайшихъ Грамотъ и Указовъ въ архивѣ упраздненнаго Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль губернаторскаго управленія. Одесса. 1912. Тип. Епарх. дома 32 стр. 8° (18×25). Въсь 5 л. 225 экз.

Чижевъ С. Иконографія Александра I по медалямъ. (Оттискъ изъ II тома «Нумизматическаго Сборника», изд. Московскимъ Нумизматическимъ Обществомъ). М. 1912. Тип. Г. Лиснеръ и Д. Собко (Крестовоздвижинскій пер., 9). 8° (19×27). 81+1 нен. стр. съ рис.+XIII таблицъ. Въсь 1 ф. 6 л. 72 экз.

Чоновъ, Е. Калмыки въ русской арміи XVII в., XVIII в. и 1812 годъ. Пятигорскъ. 1912. Изд. автора. Тип. Г. Д. Сукіясянца. 8° (17×26). 72 стр. съ рис. Въсь 12 л. 1.000 экз.

Андіопъ, Михаилъ. Царь въ Смоленскѣ (31 августа 1912 года). Смоленскъ. 1912. Тип. Губернская. 16° (11×17). 15 стр. Въсь 2 л. 8 экз.

Андріановъ, П. М. Русско-турецкая война 1806—1812 гг. (По поводу столѣтняго юбилея). Спб. 1912. Изд. Имп. Рус. воен. истор. общества. Тип. Г. Скачкова (Б. Посадская, 9). 8° (13×20). 82 стр. Съ рис. Въсь 8 л. 3.500 экз.

Головко, Л. В. Бессарабія и Россія. Краткая исторія Бессарабіи. Для Бессарабскаго населенія и юношества. Бѣльцы. 1912. Тип. Я. Н. Пинкензона. 16° (12×18). 34 стр. съ портр. Ц. 10 к. Въсь 3 л. 3.000 экз.

Головко, Л. В. Россія и Домъ Романовыхъ. 19 портретовъ Царственныхъ Особъ и краткій историческій очеркъ. Къ трехсотлѣтію Русскаго Царствующаго Императорскаго Дома Романовыхъ. Одесса. 1912. Тип. Спортъ и Наука Брандмана (Екатерининская, 25). 8° (16×22). 38 стр. съ рис. и портр. Ц. 12 к. Въсь 3 л. 10.000 экз.

Державинъ, Н. С. Оболгарахъ и болгарскомъ переселеніи въ Россію. Краткій историческій очеркъ для народнаго чтенія. Бердянскъ. Изд. Захарія Д. Кочерова. Тип. И. И. Гуревича. 8° (16×24). 31 стр. Въсь 3 л. 1.000 экз.

Ильинскій, В. Отечественная война и партизанъ Сеславинъ. 1812—1912 г. Тверь. 1912. Тип. Тверск. Губ. Земства. 8° (14×22). 44 стр.+1 портр. Въсь 4 л. 10.000 экз.

Историческіе мемуары объ Императорѣ Александрѣ и его дворѣ графини Шуазель-Гуффе, урожденной графини Фитценгаузъ, бывшей фрейлины при Россійскомъ дворѣ. Переводъ Е. Мировичъ. Вступительная статья А. А. Кизеветтера. М.—Ярославль. 1912. Изд. книгоизд. К. Ф. Некрасова (Тургеневская пл., д. страх. о-ва Россія). Тип. К. Ф. Некрасова (въ Ярославлѣ). 8° (15×22). 275+III+24 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 28 л. 1.800 экз.

Кипріановичъ, Николай. Значеніе 1812 года въ исторіи Россіи. Пермь. 1912. Тип. Г. Лаакманъ (Юрьевъ). 8° (14×22). 18 стр. Въсь 3 л. 500 экз.

Клепатскій, П. Г. Императрица Екатерина Вторая. Характеристика личности царствованія (по повѣйшимъ документамъ и изслѣдованіямъ). Одесса. 1912. Тип. Л. Нитче (ул. Кондратенко, 30). 8° (17×24). 44 стр. Въсь 5 л. 1.000 экз.

Нарышкина, Н. О. (рожденная Гр. Ростопчина). Пребываніе въ гор. Ярославлѣ семьи Гр. О. В. Ростопчина, осенью 1812 г. (Труды Ярославской Губернской Ученой Архивной Коммисіи). Книга III, вып. 3. Ярославль.

1912. Тип. Н. Х. Николаевой (Спасский монастырь). 8° (17×25). 23 стр. Вѣсь 6 л. 600 экз.

Описание рукописей, собран. Петромъ Алексѣвичемъ Овчинниковымъ Балахна. 1912. Тип. Ф. П. Волкова. 16° (11×17). 37 стр. Вѣсь 2 л. 100 экз.

Пилипенко, Г. Алексѣй Петровичъ Плетневъ какъ писатель и критикъ. Критическій очеркъ. Одесса. 1912. Тип. Южно-русс. о-ва печати. Дѣла (Пушкинская, 18). 8° (16×25). 56 стр. съ портр. Ц. 50 к. Вѣсь 7 л. 250 экз.

Покровскій, В. Василій Андреевичъ Жуковский, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1912. Изд. 3-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., с. д.). 8° (16×25). VIII+384 стр. Складъ: Кн. маг. М. Спиридонова и А. Михайлова (Моховая, д. Варваринск. Акц. Об-ва). Цѣна 75 к. Вѣсь 1 ф. 4 л. 6.000 экз.

С. Н. Великій живой памятникъ въ честь Царской славы и Нижегородскаго геройства 1612—1613 г. Н.-Новгородъ. 1912. Тип. И. А. Шелемetyева. 16° (11×17). 8 стр. Вѣсь 1 л. 20.000 экз.

Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго Общества. Томъ сто тридцать восьмой. Бумаги кабинета министровъ Императрицы Анны Иоанновны 1731—1740 гг. Собранны и изданы подъ ред. проф. А. Н. Филиппова. Т. XI (1740 г.) (Янв., Май). Юрьевъ. 1912. Тип. К. Маттисена. 8° (19+27). XXXVI+614+IX стр. Ц. 3 р. Вѣсь 2 ф. 28 л. 1.260 экз.

Троицкій, С. Столѣтіе Отечественной войны 1812 года. Царицынъ. 1912. Тип. Е. Г. Жигмановской. 8° (16×22). 14 стр. Ц. 5 к. Вѣсь 2 л. 500 экз.

Труды общества изслѣдователей Волыни. Т. IX. 1912 г. Житомиръ. 1912. Тип. насл. М. Дененмана (Михайловская, 6). 8° (16×24). 332+3 нен.+4 стр. Складъ: земскій кн. складъ. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 5 л. 1.250 экз.

Шмидтъ, Гансъ. Виновники пожара Москвы въ 1812 г. Рига. 1912. Изд. Н. Киммеля. Тип. Э. Бергмана (Юрьевъ, Ивановская, 16). 8° (14×21). 100 стр. Вѣсь 11 л. 1.000 экз.

Александровъ, А. Изъ уроковъ по русской литературѣ. Часть I. Литература 18 вѣка. Разборы и планы съ указаніемъ значенія произведеній: Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Фонвизина и Державина. Посobie для школы и для самообразованія. Харьковъ. 1913. Изд. Книгопзд. В. П. Замѣрицъ (Московская, 22). Тип. Печатникъ (Рыбная, 28). 8° (17×25). 142 стр. Ц. 1 р. 10 к. Вѣсь 12 л. 2.000 экз.

Антикварная книжная торговля В. И. Ключкова. Каталог № 532. Спб. 1912. Тип. Арягольда. 8° (17×24). 16 стр. Вѣсь 3 л. 1.200 экз.

Веселовскій, Ст. Б. Пониженіе вѣса монеты при царѣ Василѣ Шуйскомъ. (Отъ изъ П. т. «Нумизматическаго Сборника», изд. Московскимъ Нумизматическимъ Обществомъ). М. 1912. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 19). 8° (20×27). 12 стр. Вѣсь 4 л. 50 экз.

Гастфрейндъ, Николай. Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею. Матеріалы для словаря лицейстовъ 1811—1817 гг. Томъ II. Спб. 1912. Изд. Гастфрейндъ. Тип. Сойкина (Стремляная, 12). 8° (17×26). 434 стр. Съ рис. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 15 л. 1.000 экз.

Горскій, С. Русская женщина XVIII вѣка. Историческая библіотека. М. 1912. Изд. К-во Дѣло (2-ой Ильинскій пер., 13). Тип. Трудъ (Газетн. пер., 9). 32° (9×14). 95 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 3 л. 12.000 экз.

Дельвигъ, А. Н., баронъ. Мои воспоминанія. М. 1912. Изд. Московск.

Публичн. и Румянцевск. музеєвъ (Моховая). Тип. т-ва А. Левенсонъ (Трехпрудн., с. д.). 8° (17×26). 374+IV стр. Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 13 л. 600 экз.

Звягинцевъ, Е. Краткій курсъ русской исторіи. Для двухклассныхъ и высшихъ начальныхъ училищъ. Всеобщее обученіе. М. 1913. Изд. и тип. т-ва Н. Д. Сытина (Пятницкая, св. д. 8° (15×23)). 136 стр.+2 карты. Ц. 25 к. Въсь 13 л. 5.000 экз.

Зелінскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Хронологическій сборникъ критико-библіографич. статей. Ч. 3. М. 1913. Изд. составителя (Спирidonіевская, д. Бойцова). Тип. Вильде (М. Кя-словка, с. д.). 8° (16×23). VIII+210+2 нен. стр. Ц. 1 р. Въсь 19 л. 1.200 экз.

Ивановъ, А. П. Михаилъ Александровичъ Врубель. Опытъ біографіи. Академія и Кіевскій періодъ. (Отд. оттискъ изъ журн. «Искусство» за 1910 и 1911 гг.). Кіевъ. 1912. Изд. журн. Искусство. Тип. С. В. Кульженко (Пушкн-ская, 4). 4° (27×34). 87 стр. Съ 88 рис. Ц. 5 р. Въсь 2 ф. 8 л. 150 экз.

Кайгородовъ, В. Арачьевщина. Историческая бібліотека. № 44. М. 1912. Изд. книгоизд. Дѣло (Остоженка, 2-й Ильинскій пер., 13). Тип. М. В. Балдинъ и К° (Арбатъ, 7). 16° (10×14). 96 стр. Ц. 10 к. Въсь 3 л. 12.000 экз.

Карцовъ, В. А. Слово о полку Игоревѣ. Пересказъ на современный языкъ, съ пояснительными примѣчаніями. Екатеринбургъ. 1912. Тип. И. Ф. Бойко. 8° (15×24). 32 стр. Въсь 4 л. 2.200 экз.

Каталогъ аукціона собранія русскихъ монетъ царствованія Имп. Николая I и др. царствованій, принадлежащихъ нумизматической фирмѣ Б. О. Копылова. Спб. 1912. Изд. Рос. Общ. Нумизматовъ. Тип. «Капиталь». 8° (16×22). 69 стр. Въсь 8 л. 700 экз.

Каталогъ изданій И. Академіи Наукъ. Ч. I. Періодическія изданія, сборники, отчеты и серіи на русскомъ и иностранныхъ языкахъ съ 1726 г. по 1-е июня 1912 г. Спб. 1912. Изд. и тип. Акад. Наукъ. 8° (17×25). 148 стр. Ц. 10 к. Въсь 17 л. 2.013 экз.

Кашкинъ, Н. Н. Родословныя развѣдки. Т. I. Подъ редакціей Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1912. Тип. Александрова. 8° (20×28). XI+431 стр.+3 таб. Въсь 3 ф. 4 л. 500 экз.

Кизеветтеръ, А. Гъ исторіи внутреннихъ таможенъ въ Россіи. Казань. 1912. Тип. И. Н. Харитоновъ. 8° (18×28). 17 стр. Въсь 2 л. 50 экз.

Кипріановичъ, Г. Я. Архіепископъ Полоцкій и Витебскій Іосафатъ Кунцевичъ, зап.-русскій мученикъ за унию съ Римомъ. (По новымъ научнымъ даннымъ). Вильна. 1912. Тип. Русскій Починъ. 8° (14×22). 29 стр. Въсь 3 л. 100 экз.

Клѣтинъ, В. Столѣтній юбилей Отечественной войны 1812—1912 г. Новочеркасскъ. 1912. Тип. Донской печатникъ 8° (17×24). 30 стр. Въсь 5 л. 300 экз.

Книгопродавецъ Н. Соловьевъ. Каталогъ № 119. Спб. 1912. Тип. Сиріусъ. 8° (17×23). 16 стр. Въсь 2 л. 1.000 экз.

Колосовъ, Владиміръ. Краткое описаніе тверского музея. Третья комната музея. Тверь. 1912. Тип. Губернская. 8° (17×25). 2 нен.+144 стр. Въсь 12 л. 1.220 экз.

Кругликовъ-Гречаный, Л. П. Методика исторіи. Кіевъ. 1913. Изд. автора, 3-е исправл. и дополн. Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомирская, 20). 8° (16×25). IV+150 стр. Ц. 1 р. 10 к. Въсь 27 л. 2.200 экз.

Кудряшовъ, К. Отчетъ о раскопкахъ 1911 г. въ Гдовскомъ уѣздѣ, Спб. губ. Записки отд. Р. и Сл. Археологій И. Р. Арх. Общ. Т. IX. Спб. 1912. Тип. Александрова. 8° (17×25). 241—264 стр. Въсь 5 л. 75 экз.

Къ созданію въ гор. Вильнѣ памятника герою долга, доблестному воеводѣ Виленскому (1659—1661) князю Данилу Евѣимовичу Мышецкому. Вильна. 1912. Изд. Вилен. Св. Духовскаго Братства. Тип. Русскій Починъ. 8° (13×20). 15 стр. Въсь 2 л. 3.500 экз.

Левшинъ, А. Партизаны въ Отечественную войну. М. 1912. Изд. журн. Вѣрность. Тип. Русская Печатня (Садовая, Триумфальная, 14). 16° (11×17). 23 стр. Ц. 5 к. Въсь 2 л. 5.500 экз.

Ложноклассицизмъ въ западной Европѣ и Россіи. Сборникъ статей: Бѣлинскаго, Веселовскаго, Кирпичникова, Когана, Пыпина и другихъ. Литературная библіотека № 6. Вильна. 1912. Изд. Сѣверозападнаго книгоизд. Тип. А. Г. Сыркина (Большая, соб. д.). 8° (13×21). 33 стр. Ц. 20 к. Въсь 3 л. 2.000 экз.

Малиновскій, І. Рада Великаго Княжества Литовскаго въ связи съ боярской думой въ древней Россіи. Часть II. Вып. 2-й. Томскъ. 1912. Тип. Сибирскаго Т-ва Печатнаго дѣла. 8° (19×27). 492+XXXVI+2 стр. Ц. 3 р. Въсь 2 ф. 6 л. 250 экз.

Павленко, Ив. Нравы русскаго общества въ Екатерининскую эпоху. Архангельскъ. 1912. Изд. Н. Алексѣева. Тип. С. М. Павлова. 8° (15×21). XIX+158 стр. Въсь 16 л. 100 экз.

Плаховъ, П. Царственный домъ Романовыхъ. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1912. Изд. автора. Тип. Наслѣдн. Круглянскаго (Спасская, 6). 8° (17×25). 48 стр. съ 21 порт. и 7 рис. Въсь 6 л. 1.600 экз.

Пономаревъ, Л. И. Объ опредѣленіи литературы. Казань. 1912. Тип. Университета. 8° (17×25). 14 стр. Въсь 3 л. 200 экз.

Профес. Дмитрій Ивановичъ Багалей. Къ тридцатилѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности. 1880—1910 гг. (Отд. отд. изъ XX т. Сборника Историко-Филологическаго общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ). Харьковъ. 1912. Изд. Харьковский. Истор.-Филолог. об-ва. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій пер., 3). 8° (17×25). 82 стр.+1 портр. Въсь 13 л. 125 экз.

Русская армія въ 1812 году. Каталогъ русскихъ книгъ по исторіи Отечественной войны библіотеки Ив. Хр. Колодѣва. Отд. военный. Минскъ. 1912. Тип. Б. И. Соломонова. 8° (18×24). III+1 нен.+82+II+XXI+1 нен. стр. Въсь 20 л. 1.000 экз.

Соловьевъ, Владиміръ. Россія и вселенская церковь. Перев. съ франц. Владиміра Балашева. I и II книги. Спб. 1912. Тип. Экономическая. 8° (13×20). 49+247 стр. Въсь 25 л. 1.000 экз.

Сулимовъ, Б. Н. Навлоградцы въ 1812 году. Юбилейная памятка Навлоградскаго лейбъ-гусара. Сувалки. 1912. Тип. Губ. Правл. 8° (17×26). 72 стр. Въсь 10 л. 620 экз.

Сѣдой, Андрей. Вѣчныя страницы русской силы и славы въ произведеніяхъ русскихъ поэтовъ. Часть 1-я. Отечественная война 1812 г. Самара. 1912. Тип. А. Козлова и К°. 8° (17×26). 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Въсь 4 л. 5.000 экз.

Три вѣка. Россія отъ смуты до нашего времени. Историческій сборникъ подъ ред. В. В. Калаша. Т. III. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пят-

нилка, соб. д.) 4° (22×30). 239 стр. Съ рис.+22 листа рис. Всѣ 3 ф. 5 л. 3.000 экз.

Триста лѣтъ царствованія Дома Романовыхъ. Текстъ и общая редакція И. Н. Божерянова, рисунки художниковъ: Л. Е. Дмитриева-Кавказскаго, Г. М. Манцера, И. Н. Ткаченко. Спб. 1912. Изд. Общества Попеченія о безпріютныхъ дѣтяхъ. Тип. Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (27×36). 174 стр.+19 портр.+4 л. портр.+22 рис. и портр. въ текстѣ. Всѣ 4 ф. 14 л. 10.560 экз.

Францъ, Я. Русская исторія въ вопросахъ и отвѣтахъ. Повторительный курсъ для тѣхъ классовъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, въ программу которыхъ входитъ преподаваніе русской исторіи. Рига. 1912. Изд. 5-е. К. Г. Зихманъ (Колодезная, 5/7). Тип. Г. Гемпель и К° (Крѣпостная, 71). 16° (12×18). 95+1 нен. стр. Ц. 20 к. Всѣ 7 л. 10.000 экз.

Авенариусъ, В. П. Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи. Съ портретомъ пѣвца былинъ Рябинина, работы Л. А. Сѣрякова и рисунки Н. Н. Каразина, А. В. Прохорова и В. В. Спасскаго. М. 1912. Изд. А. Д. Ступина, 8-е. Тип. Печатникъ (Ханшиловская ул., 54). 8° (16×21). XXVI+384+XLV стр. Съ рис. Ц. 1 р. 60 к. Всѣ 1 ф. 31 л. 5.000 экз.

Алеппскій, Павелъ, архидіаконъ. Патріархъ Антиохійскій Макарій XVII в. и старѣйшій списокъ его путешествія на Русь. Матеріалы. Извлечение изъ докладовъ въ Восточной комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго О-ва 1909—1912 г. Труды по Востоковѣдѣнію. Вып. XXXVIII. М. 1913. Изд. Лазаревск. института вост. языковъ. Тип. Крестн. Календаря (Долгоруковск., 33). 8° (18×26). 22+9 стр. Ц. 60 к. Всѣ 8 л. 200 экз.

Антикварная книжная торговля О. Шилова. Каталогъ № 17. Русскія книги. Спб. 1912. Тип. Аргтольда. 8° 17×24). 32 стр. Всѣ 4 л. 2.000 экз.

Афанасьевъ, В. Краткое описаніе панорамы Бородинскаго сраженія 26-го августа 1812 года. М. 1912. Изд. Клуба Ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года. Тип. Штаба Московскаго Военнаго Округа (Остоженка, д. Военнаго Вѣдомства). 16° (13×17). 11 стр. Всѣ 2 л. 5.000 экз.

Берендтсъ, Э. Н. О прошломъ и настоящемъ русской администраціи. (Записка, составленная въ декабрѣ 1903 г.). Спб. 1913. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. О., 5-я лин., д. 28). 8° (14×21). VII+280 стр. Ц. 1 р. Всѣ 24 л. 300 экз.

Бертъе-Делагардтъ, А. Л. Матеріалы для вѣсовыхъ изслѣдованій монетныхъ системъ древне-греческихъ городовъ и царей Сарматіи и Тавриды. М. 1912. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9). 8° (19×27). 88 стр. Всѣ 22 л. 50 экз.

Бесѣды и переписка Императора Александра I съ княземъ Адамомъ Чарторижскимъ. Опубликованныя кн. Ладиславомъ Чарторижскимъ (1801—1823). Пер. съ франц. С. Явленской. «Историческая бібліотека». Т. XIV. Вып. I. М. 1912. Изд. К-ва Сфинксъ (Тверской бульв., 14). Тип. Копейка (Б. Дмитровка, 26). 8° (17×23). 48 стр. Ц. 45 к. Всѣ 7 л. 2.500 экз.

Головкинъ, Федоръ. Дворъ и царствованіе Павла I. Портреты, воспоминанія и анекдоты. Предисловія и примѣчанія С. Боннэ. Переводъ съ французскаго А. Кукеля. «Историческая бібліотека Сфинкса». Т. XVIII. М. 1912. Изд. К-ва Сфинксъ (Тверской бульв., 14). Тип. Рекордъ (Арбатъ, Б. Афанасьевская, 32). 8° (18×23). 455+IV стр.+25 лист. портр. Ц. 2 р. 50 к. Всѣ 2 ф. 2.000 экз.

Грабаръ, Игорь. Исторія Русскаго искусства. Вып. 16. Спб. 1912.

Изд. Кнебель. Тип. Р. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (24×32). 337+448 стр. Съ рис. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 19 л. 15.000 экз.

Грушевскій, Мих., Иллюстрированная Исторія Украины. Авторизованный переводъ со второго украинскаго изданія. Спб. 1912. Изд. «Просвѣщеніе» (Забалканскій, 75). Тип. «Самообразование». 8° (19×27). XVI+536 стр. Съ 387 рис. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсь 2 ф. 25 л. 3.200 экз.

Добролюбовъ, Н. А. Избранныя сочиненія. IV. Всеобщая бібліотека. Спб. 1912. Изд. и тип. Акц. Общ. Типогр. Дѣла. 16° (11×18). 40 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 4 л. 10.000 экз.

Заозерскій, Н. А. Л. Н. Толстой о смыслѣ жизни. (Московское Общество Народныхъ Университетовъ). М. 1913. Тип. Т-ва Н. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (14×20). 74+2 неп. стр. Вѣсь 7 л. 3.000 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Коммисіи. Вып. 46. Вопросы реставраціи, вып. 10. Спб. 1912. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ. 8° (20×28). 140 стр. Съ рис. Вѣсь 1 ф. 4 л. 900 экз.

Историческій очеркъ церкви Святой Живоначальной Троицы въ домѣ Министертства Императорскаго Двора въ С.-Петербургѣ на Фонтанкѣ № 20. Къ столѣтнему юбилею 1812—1912. Спб. 1912. Изд. Канцеляріи Мин. Имп. Двора. Тип. Голике и Вильборгъ. 8° (17×24). 40 стр. съ рис. Вѣсь 17 л. 200 экз.

Исторія о первомъ патріархѣ Іовѣ московскомъ и всея Россіи (по Старинному списку). Подъ редакціей и съ предисловіемъ А. Н. Вершинскаго. Старина. 1912. Изд. журн. Тверск. старина. Тип. И. П. Крылова. 8° (16×24). 35 стр.+1 портр. Вѣсь 4 л. 150 экз.

Карабиновичъ, Григорій Максимовичъ, свящ. Исторія древле-православной, старообрядческой церкви (со временъ бывшаго патр. Никона). Учебникъ для старообрядч. школъ. Вып. 1. Ч. вторая (Безплатное приложеніе къ журналу «Златоструи» № 2 за октябрь 1912). М. 1912. Тип. Московск. старообрядч. книгопечатни. 8° (15×25). 32 стр. Вѣсь 4 л. 1.600 экз.

Карскій, Е. О. Образцы Славянскаго Кирилловскаго письма съ X по XVIII вѣкъ. Варшава. 1912. Изд. 3-е. Тип. Окружнаго Штаба (Саксонская площ., № 7). 8° (16×22). 89 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 14 л. 500 экз.

Катаевъ, И. Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ картами, хронологической и родословной таблицами. М. 1913. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.), 4-е. 8° (15×22). 132 стр. Ц. 50 к. Вѣсь 15 л. 4.000 экз.

Каталогъ № 74 историческихъ книгъ антикварнаго книжнаго магазина М. П. Мельникова. Спб. 1912. Тип. Аригольда. 8° (15×22). 44 стр. Вѣсь 4 л. 3.000 экз.

Коломинскій, Сергѣй. Торговля солью на Руси въ XVI—XVII в. и общее состояніе соляныхъ промысловъ въ указанный періодъ времени (Историко-экономическій очеркъ). Кіевъ. 1912. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговск., 6). 8° (17×27). 51+10 стр.+2 кар.+2 плана. Вѣсь 9 л. 50 экз.

Корберонъ-де. Интимный дневникъ. Кавалеры полномочнаго министра Франціи при русскомъ дворѣ. (Дворъ Екатерины, 1775—1780) (Опубликовано въ рукописи). Съ предисл. и примѣч. Лаванда. Пер. съ франц. подъ ред. А. Гретманъ (Историческая бібліотека «Сфинкса», т. IX, вып. I). М. 1912. Изд. к-ва «Сфинксъ». Тип. А. В. Гущина, 8° (15×21). 48 стр. Ц. 40 к. Вѣсь 7 л. 1.500 экз.

Краткая исторія 9-го пѣхотнаго нингерманландскаго Императора Петра В. полка. Калуга. 1912. Тип. Губ. Земства. 16° (11×18). 4 стр. Вѣсь 1 л. 350 экз.

Макушевъ, Владиміръ. Наша Русь святая. Смоленскъ и Смоленская губернія. Спб. 1912. Тип. Имп. учил. глухонѣмыхъ. 16° (13×18). 16 стр. Ц. 15 к. Въсь 2 л. 500 экз.

Микулинская лѣтопись. Составленная по древнимъ актамъ (1354—1678 г.) подъ редакціей А. Н. Вершинскаго. (Собраніе матеріаловъ по исторіи Тверскихъ удѣльныхъ княжествъ. В. I). Старица. 1912. Тип. Н. П. Крылова. 8° (13×23). 75 стр. Въсь 7 л. 150 экз.

Мурашевъ, Г. В. А. С. Пушкинъ. 1. Творчество и личность творца. 2. Политическія убѣжденія А. С. Пушкина. Библиотека учащихся. М. 1912. Тип. Ломоносовъ (1 Тверская Ямская, 20). 16° (14×18). 67 стр. Адресъ склада: Кн. маг. Н. П. Карбасникова (Моховая, 24). Ц. 25 к. Въсь 5 л. 1.000 экз.

Описныя книги Старицкаго Успенскаго монастыря 7115—1607 г. Старица. 1912. Изд. Журн. Тверская старина. Тип. Н. П. Крылова. 8° (15×23). 77 стр. Ц. 50 к. Въсь 7 л. 150 экз.

Павловъ, А. Біографіи русскихъ образцовыхъ писателей съ портретами. Пособіе для городскихъ училищъ. Спб. 1912. Изд. 17-е и тип. М. М. Гутцаца (Шпалерная, 26). 8° (16×24). 48 стр. съ рис. Ц. 30 к. Въсь 7 л. 3.000 экз.

Пановъ, К. Популярная исторія Россіи отъ начала до нашихъ дней. Томъ 1-й. Спб. 1909. Тип. К. А. Четверикова. 8° (13×23). 157+3 нен. стр. Ц. 50 к. Въсь 13 л. 2.000 экз.

Петровицъ, Н. Религіозные мотивы въ поэзіи А. Н. Майкова. Спб. 1912. Тип. Ал.-Невск. общ. трезв. (Обводный, 116). 8° (14×21). 23 стр. Въсь 3 л. 100 экз.

Полонская, Н. Д. Наглядныя пособія по Русской исторіи. Оттискъ изъ сборника Минска, издаваемого Историко-филологическимъ Семинаріемъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Кіевѣ. Кіевъ. 1912. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушkinsкая, 20). 8° (16×24). 66 стр. Въсь 7 л. 300 экз.

Понятовскій, П. Н. Трехсотлѣтній юбилей. Краткій обзоръ Дома Романовыхъ. Серпуховъ. 1912. Тип. Б. Е. Казакова (Коломенская, с. д.). 8° (17×25). 15 стр. Ц. 6 к. Въсь 3 л. 1.200 экз.

Путеводитель по состоящей подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ выставкѣ «Ломоносовъ и Елизаветинское время». Спб. 1912. Тип. Императорской Акад. Наукъ. (В. О., 9 л., 12). 8° (16×21). 32 стр. Въсь 5 л. 3.000 экз.

Розановъ, С. С. В. К. Кюхельбекеръ. М. 1912. Тип. т-ва А. Н. Мамонтова (Леонтьевскій пер., 5). 8° (14×20). 20 стр. Въсь 3 л. 200 экз.

Ростопчина, Л., гр. Семейная хроника (1812 г.). Перев. А. Ф. Гретманъ. М. 1912. Изд. книгозд. Звѣзда Н. Орфенова (М. Никитская, 14). Тип. М. В. Балдина и К° (Арбатъ, 7). 8° (14×20). 284 стр.+8 лист. рис. Ц. 1 р. 25 к. Въсь 26 л. 5.000 экз.

Ростопчина, Л., гр. Семейная хроника (1812 годъ). Перев. А. Ф. Гретманъ. Популярная библиотека. М. 1912. Изд. книгозд. Звѣзда Н. Орфенова (М. Никитская, 14). Тип. М. В. Балдина и К° (Арбатъ, 7). 16° (12×17). 256 стр. Ц. 30 к. Въсь 11 л. 10.000 экз.

Рошешуаръ де, графъ. Мемуары адъютанта Императора Александра I (революція, реставрація, Имперія). Перев. съ французскаго подъ ред. А. Гретманъ. (Вып. I. Историческая библиотека «Сфинкса». Т. XIII). М. 1912. Изд. к-ва Сфинксъ. Тип. А. В. Гуцкина. 8° (16×21). 32 стр. Ц. 35 к. Въсь 5 л. 1.500 экз.

Рубецъ, А. А. Столѣтній юбилей Императорскаго Александровскаго

бывшаго Царскосельскаго Лицея. Спб. 1912. Тип. Голике и Вильборгъ. 8° (20×28). 187 стр. Съ рис. Ц. 2 р. Вѣсь 2 ф. 25 л. 1.000 экз.

Русскій библюфилъ. Алфавитный указатель именъ, авторовъ, статей, портретовъ, иллюстрацій и факсимиле рукописей. Спб. 1912. Тип. Спирюсъ (Рыночная, 10). 8° (20×28). 39 стр. Вѣсь 10 л. 700 экз.

Сборникъ Новгородскаго Общества Любителей древности. Вып. VI. Новгородъ. 1912. Тип. губернская. 8° (17×25). III+73+VI+3+1 кар.+31+8+6+7+97+2 таб. Складъ: (Новгородъ, Николаевская, 7). Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 28 л. 500 экз.

Сватиковъ, С. Г. Обзоръ литературы по исторіи искусства. Спб. 1912. Тип. Т-ва «Нашъ Вѣкъ» (М. Подъяч., 12). 8° (15×23). 16 стр. Складъ: кн. скл. Провинція, Стремянная, 6. Ц. 16 к. Вѣсь 2 л. 1.000 экз.

Семякинъ, А. Путеводитель по кустарнымъ промысламъ Псковской губерніи. Псковъ. 1912. Тип. Губ. Земства. 8° (14×21). 75+38 стр. Вѣсь 8 л. 500 экз.

Соколовская, Тира. Каталогъ Масонской Коллекціи Д. Г. Бурылина. Русский отдѣлъ. Спб. 1912. Тип. Голике и Вильборгъ. 8° (15×23). 46+1 стр. съ рис. Вѣсь 9 л. 1.000 экз.

Сусловъ, В. В. Церковь Василия Блаженнаго въ Москвѣ (Покровскій Соборъ). Исторія, значеніе и современное состояніе памятника. Спб. 1912. Тип. Спирюсъ. 8° (18×24). 22 стр. Съ рис. Вѣсь 9 л. 1.000 экз.

Сычевская, А. И. Памва Берында и его вирши на Рождество Христово и др. дни. (Изъ XXIII кн. «Чтеній въ Историческомъ О-вѣ Нестора-лѣтописца»). Кіевъ. 1912. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8° (18×27). 50 стр. Вѣсь 9 л. 60 экз.

Тронцкій, Николай, прот. Разсказъ простому народу о нашествіи французовъ на Русскую землю въ 1812 году. Старица, Тверской губ. 1912. Тип. И. П. Крылова. 8° (13×20). 8 стр. Вѣсь 1 л. 1.500 экз.

Труды Вятской Ученой Архивной Коммиссіи 1912 г. Вып. III. Вятка. 1912. Тип. Губернская. 8° (16×24). 86+V+101+VII+123+VII стр. Вѣсь 25 л. 350 экз.

Труды Новгородской Губернской Ученой архивной комиссіи. Вып. I. Новгородъ. 1912. Тип. Губернская. 8° (18×28). IV+134 стр. Вѣсь 31 л. 500 экз. Содержаніе: 1) Предисловіе. 2) Макарьевскій столѣвникъ. 3) Документы изъ Архива Новгородской Городской Думы.

Юровы, Докучаевы. (Опись документовъ и бумагъ Моск. Арх. Мин. Юстиціи). М. 1912. Тип. В. Воронова (Моховая). 8° (14×20). 35 — 42 стр. Вѣсь 1 л. 25 экз.

Антикварная книжная торговля Е. С. Трусовой. Каталогъ. № 39 удешевленныхъ книгъ (новыхъ приобретений). Спб. 1912. Тип. Э. Аригольда (Литейн. пр., 59). 8° (16×24). 24 стр. Вѣсь 3 л. 5.000 экз.

Выставка 1812 года. Каталогъ. Ч. I. М. 1912. Тип. т-ва А. А. Левенсонъ. 4° (20×25). II+XIV+120+106+78+VIII+87+36 стр. Ц. 75 к. Вѣсь 2 ф. 9 л. 6.000 экз.

Голубцовъ, Н. А. 1812 годъ въ Архангельской губерніи. Архангельскъ. 1912. Изд. Архангельск. Статистич. Комит. Тип. Губернская, 8° (17×25). 2 нел. +142 стр.+1 портр. Ц. 50 к. Вѣсь 18 л. 415 экз.

Двухсотлѣтній юбилей Голгово-распятскаго скита на Апшерскомъ островѣ Бѣлаго моря и его торжественное празднованіе 18-го іюня 1912 года. М. 1912.

Изд. Соловецкой обители. Тип. Русская печатня (Садовая-Триумф., 14). 8° (13×22). 8 стр. Съ рис. Въсь 2 л. 1.000 экз.

Древняя Русь. Для старшихъ. Библіотека новой школы. Н. Н. Тулунова и П. М. Шестакова. М. 1913. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницк., с. д.), 2-е. 16° (13×17). 64 стр. Ц. 6 к. Въсь 2 л. 10.000 экз.

Елпатьевскій, К. В. Смутное время на Руси и избраніе на Царство Михаила Феодоровича Романова (21 февраля 1613 года). Сборникъ стихотвореній и историческихъ пѣсень. Спб. 1913. Изд. 2-е, доп. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (17×25). 125 стр. Ц. 35 к. Въсь 13 л. 7.000 экз.

Ефименко, А. Я., проф. Краткая Русская исторія. Спб. 1912. Изд. Я. Башмакова и К°. Тип. М. Волковича (Садовая, 60). 8° (16×22). 93+1 нен. стр. съ рис. Ц. 25 к. Въсь 11 л. 10.000 экз.

Желябужскій, Е. Русскія историческія басни 1812—1815 г.г. Житомиръ. 1913. Изд. 3-е, доп. Тип. Губернская. 16° (11×17). 31 стр. Ц. 10 к. Въсь 2 л. 1.014 экз.

Извѣстія Одесскаго Библіографическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. Выпускъ 9. Томъ I. Одесса. 1912. Тип. Центральная (Херсонская, 21). 8° (17×26). 332—378 стр. Ц. 25 к. Въсь 7 л. 500 экз.

Келтуяла, В. А. Краткій курсъ исторіи русской литературы для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Исторія древней русской литературы. Книга 1. Спб. 1912. Изд. 2-е, испр. и доп. Тип. М. М. Стасюлевича. 8° (16×24). XX+382 стр. Ц. 1 р. 25 к. Въсь 1 ф. 6 л. 6.100 экз.

Ланно-Данилевскій, А. С. Методологія исторіи. Вып. II. Спб. 1913. Тип. В. Безобразова. 8° (17×25). 292—799 стр. Ц. 4 р. Въсь 1 ф. 20 л. 600 экз.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. Вып. 3 и 4-й. М. 1912. Тип. Т-ва печатни С. П. Яковлева (Салтыковск. п., 9). 8° (18×26). 230 стр. Въсь 1 ф. 13 л. 550 экз.

Назаревскій, В. В. Царствованіе Императора Петра I. М. 1912. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (16×23). 148 стр. съ 94 рис. Въсь 19 л. 3.000 экз.

Назаревскій, В. В. Царствованіе Императрицы Екатерины II. М. 1912. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (15×23). 80 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Въсь 11 л. 3.000 экз.

Поливановъ, Д. М. Конспектъ русской исторіи. Составленъ по учебнику проф. С. О. Платонова. Выпускъ второй. Съ приложеніемъ хронологической таблицы. Одесса. 1913. Изд. книгоизд. Порядокъ, 2-е. Тип. Порядокъ. 32° (9×13). 308 стр. Ц. 25 к. Въсь 7 л. 3.000 экз.

Поливановъ, Д. М. Конспектъ русской исторіи. Составленъ по учебнику проф. С. О. Платонова. Выпускъ первый съ приложеніемъ хронологической таблицы. Одесса. 1913. Изд. книгоизд. Порядокъ, 2-е. Тип. Порядокъ С. К. Цессарскаго. 32° (9×13). 302 стр. Ц. 25 к. Въсь 7 л. 3.000 экз.

Проповѣди первой половины XIX вѣка. Описалъ Алексѣй Покровскій. Съ вводными статьями и съ автографами проповѣдниковъ. Вып. шестой. Библіотека Московской Синодальной типографіи. Часть II—рукописи. М. 1912. Изд. и тип. Синодальная. 8° (19×27). XXX+140+6 пен.+4 стр. Въсь 31 л. 600 экз.

Селевкинъ, Б. А. Столѣтній юбилей. Вятской мужской гимназіи (1811—1911 г.г.). Казань. 1912. Тип. Университета. 8° (17×25). 79 стр. Въсь 7 л. 250 экз.

Селишевъ, А. Взглядъ Карла Гавличка на Россію. Къ исторіи славян-

скихъ взаимоотношеній въ половинѣ XIX вѣка. Казань 1912. Изд. кн. маг. Годубева. Тип. Университета. 8° (17×25). 100 стр. Складъ: г. Казань, Воскресенская ул., домъ Матвѣевского. Ц. 85 к. Въсь 15 л. 400 экз.

Смеречинскій, Е. Пособіе къ русской словесности и сочиненію. Курсъ старшихъ классовъ. (Ломоносовъ, Имп. Екатерина II, Фонвизинъ, Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, Крыловъ, Грибоедовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Гончаровъ, Тургеневъ и Островскій). Анапьевъ. 1912. Тип. Прогрессъ 8° (17×22). 235 стр. Ц. 1 р. 25 к. Въсь 1 ф. 2 л. 500 экз.

Соколовская, Тира. Новые данныя для исторіи русскаго масонства по рукописямъ Тверской Ученой Архивной Комиссіи. (Докладъ, читанный на XV всероссійскомъ археологическомъ сѣздѣ въ г. Новгородѣ 29-го июня 1911 г.). Тверь. 1912. Изд. Тверск. Учен. Архивн. Комис. Тип. Губернская. 8° (17×25). 11 стр. Въсь 2 л. 1.000 экз.

Холодковскій, П. М. и Годлевскій, Н. П. Нумизматическіе памятники Отечественной войны. Собрание разныхъ изображеній съ медалей, представляющихъ знаменитѣйшія воинскія дѣйствія, происходившія въ 1812, 1813 и 1814 гг. Описание медалей и жетоновъ 1812—1912. Спб. 1912. Тип. «Пр. Ревинъ». 4° (23×33). 128 стр.+2 табл. Адр. скл. Пикозавская, 29, у автора. Ц. 2 р. 50 к. Въсь 1 ф. 1.450 экз.

Четвериковъ, С., прот. Описание жизни Блаженнаго Памяти Оптинскаго Старца Иеросхимонаха Амвросія въ связи съ исторіей Оптинской Пустыни и ея старчества. Шамордино. 1912. Изд. Козельской Оптиной Пустыни. Тип. Амвросіевской Шамординской Женской Пустыни. 8° (18×27). 415 стр. съ рис. Ц. 1 р. Въсь 1 ф. 22 л. 3.000 экз.

Яковцевскій, Григорій, свящ. Историческія свѣдѣнія о Синозерской пустыни, Устюжскаго уѣзда, Новгородской губерніи, и его основатель св. преподобномученикъ Евфросинъ, Новгородскомъ чудотворцѣ. Новгородъ. 1912. Тип. Губернская. 8° (17×23). 32 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Въсь 3 л. 1.500 экз.

Ямзинъ, И. Переселенческое движеніе въ Россіи съ момента освобожденія крестьянъ. Оттискъ изъ «Университет. Извѣстій» за 1912 г. Кіевъ. 1912. Изд. Университет. Св. Владиміра. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, (Меринговская, 6). 8° (18×26). IV+198 стр.+3 табл. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 24 л. 200 экз.

Акты и документы архива виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генераль-губернаторскаго управленія, относящіеся къ исторіи 1812—1813 гг. Ч. I. Переписка по военной части. Виленскій Временникъ, книга V. Вильна. 1912. Тип. губ. правл. 8° (19×28). VII+271 стр.+9 портр.+1 табл.+3 карты. Въсь 2 ф. 7 л. 350 экз.

Антикварная книжная торговля В. И. Ключкова. Каталогъ № 333. Спб. 1912. Тип. Аригольда. 8° (16×24). 16 стр. Въсь 2 л. 1.200 экз.

Антоновъ, Н. Р., свящ. Русскіе свѣтскіе богословы и ихъ религіозно-общественное міросозерцаніе. Литературныя характеристики. Томъ I. Спб. 1912. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (15×24). V+LVII+421 стр.+5 портр. Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 8 л. 2.000 экз.

Бородинъ, А. А. Историко-литературный очеркъ дѣятельности Ломоносова. Рѣчь. Спб. 1911. Изд. Книгоизд. Образование. Тип. 1-й спб. Труд. Артели (Лиговская, 34). 16° (14×19). 25 стр. Въсь 3 л. 1.000 экз.

Бороздинъ, П. Шипка—Плевна (1877—1878). (Историческая бібліотека № 46/48). М. 1912. Изд. К-ва Дѣло (Остоженка, 2, Ильинск. пер., 13). Тип. М. В. Балдинъ и К° (Арбатъ, 7). 16° (9×14). 80 стр. Ц. 10 к. Въсь 2 л. 12.000 экз.

Выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское Время». Отдѣлъ V. Архитектура. Спб. 1912. Тип. Академіи Наукъ. 8° (16×26). 28 стр. Въсѣ 5 л. 1.000 экз.

Выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское Время». Отдѣлъ VI. Монеты и медали царствованія Императрицы Елизаветы I. Спб. 1912. Тип. Имп. Акад. Наукъ. 8° (17×22). 60 стр. Въсѣ 8 л. 1.000 экз.

Выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское Время». Отдѣлъ VII. Ломоносовъ. Академія Наукъ. Московскій Университетъ. Спб. 1912. Тип. Академіи Наукъ. 8° (16×26). IX+178 стр. Въсѣ 23 л. 1.000 экз.

Выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское Время». Отдѣлъ XV. Виды и планы городовъ. Спб. 1912. Изд. 2-е. Тип. Академіи Наукъ. 8° (16×21). 48 стр. Въсѣ 7 л. 1.000 экз.

Гоппенштейтъ, Ю. Стратегическій обзоръ Русско-Японской войны отъ Японіи до Мукдена. Перев. съ нѣм. К. А. Дариди. Спб. 1913. Изд. Герцовскаго. Тип. Тренке и Фюсно (Макс. пер., 13). 8° (17×24). 40 стр. Ц. 60 к. Въсѣ 8 л. 2.000 экз.

Графъ Левъ Толстой и его произведенія (Критическій очеркъ). Н.-Новгородъ. 1912. Тип. Шелеметьева. 8° (14×26). 8 стр. Ц. 5 к. Въсѣ 2 л. 300 экз.

Жарниновъ, Д. А. и Никольскій, Н. М. Былое вокругъ насъ. Книга для чтенія по русской исторіи. М. 1912. Изд. Т-ва Миръ (Знаменка, 9). Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудн. п., с. д.). 8° (16×24). 330 стр. съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Въсѣ 1 ф. 5 л. 3.000 экз.

Звѣздницъ, А. Къ 25-лѣтію Нижегородской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи. Н.-Новгородъ. 1912. Тип. газ. Волгарь. 8° (14×22). 12 стр. Въсѣ 2 л. 200 экз.

Извѣстія Имп. Археологической Коммиссіи. Прибавленіе къ вып. 46 (Хроника и библиографія вып. 22). Спб. 1912. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ. 8° (20×28). 238 стр. Въсѣ 1 ф. 26 л. 900 экз.

Ковалевскій, П. П., проф. Возстаніе Чечни и Дагестана въ 1877—78 гг. Зелымъ-ханъ. Спб. 1912. Тип. Акинфьева (Басковъ пер., 10). 16° (12×19). 95 стр. Съ 25 рис. Ц. 50 к. Въсѣ 9 л. 500 экз.

Коллюбакинъ, Б. М. проф. Труды Импер. рус. военно-истор. Общества. Томъ VII. Война 1812 г. Бородинская операція и Бородинское сраженіе Спб. 1912. Тип. Скачкова (Б. Посадская, 9). 4° (22×31). 284 стр. Въсѣ 2 ф. 7 л. 1.000 экземпляровъ.

Кунцевичъ, Г. Перечень русскихъ рукописей герцогской бібліотеки въ Вальфенбуоттелѣ. Спб. 1912. Тип. М. А. Александрова. 8° (18×28). 16 стр. Въсѣ 4 л. 50 экз.

Къ 100-лѣтнему юбилею Отечественной войны. Вып. I. Враги въ Курляндіи 1812 г. (Изъ Митавской старины). Митава. 1912. Изд. А. Э. Мальмгрена, 2-е. Тип. Я. Ф. Штеффенгагена и сына. 8° (15×22). 26 стр. Ц. 15 к. Въсѣ 2 л. 1.000 экземпляровъ.

Любомировъ, П. Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1910 г. въ Новгородской и Тверской губерніяхъ (Записка Импер. Русск. Археол. об-ва. Томъ IX, стр. 222—240). Спб. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (19×27). 222—240 стр. Въсѣ 5 л. 75 экз.

Назаровскій, В. В. Русская исторія. II. 1725—1796. М. 1912. Изд. 3-е. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (16×24). 304 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к. Въсѣ 1 ф. 5 л. 2.000 экз.

Писарева, Е. Памяти Анны Павловны Философовой. Спб. 1912. Изд. Рос-

сийск. Теософ. об-ва. Тип. Городская (Садовая, 55). 8° (17×24). 79 стр. + 2 портр. Ц. 75 к. Вѣсь 13 л. 2.000 экз.

Потто, В. Кавказская война въ отдельныхъ эпизодахъ, очеркахъ и біографіяхъ. Т. 2-й Ермоловское время. Спб. 1913. Изд. Берцовскаго, 3-е. Тип. Аригольда (Дитейный просп., 59). 8° (17×23). 776 стр. съ рис. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсь 2 ф. 13 л. 2.000 экз.

Прилуцкій, В., свящ. Частное богослуженіе въ русской церкви въ XVI и первой половинѣ XVII в. Кіевъ. 1912. Изд. Кіев. Дух. Акад. Тип. Акц. О-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×25). XIV+376+60+XIII стр. Вѣсь 1 ф. 25 л. 300 экз.

Ремюза, де. Мемуары (1802—1808 г.). Изданные съ предисловіемъ и замѣтками внукомъ П. Ремюза. Переводъ съ 24-го французскаго изданія Ф. Н. Рудченко. Редакція и вступительная статья С. Ф. Фортунатова. Т. I. М. 1912. Изд. Книгоизд. К. Ф. Некрасова. Тип. К. Ф. Некрасова (Ярославль). 8° (16×22). 272+4 нен. стр. + 1 портр. Ц. 2 р. Вѣсь 19 л. 1.800 экз.

Родословіе Россійскаго Царствующаго Дома. М. 1912. Изд. С. Ермолова. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 1° (82×112). 1 листъ. Съ рис. Вѣсь 8 л. 2.000 экз.

Россія подъ скипетромъ Романовыхъ. Очерки изъ русской исторіи за время съ 1613 по 1913 года. Спб. 1912. Изд. Высоч. учрежден. Ком. для устр. праздн. 300 л. Тип. Государственная. 8° (19×25). 318 стр. Съ рис. Вѣсь 1 ф. 5 л. 1.000.000 экз.

Стедьмашенко, М. А. свящ. Объ отношеніяхъ Россіи къ Балканскимъ народамъ въ прошломъ. Кіевъ. 1912. Изд. Кіев. Русскаго Собранія. Тип. С. В. Кульженко (Пушkinsкая, 4). 8° (17×26). 18 стр. Вѣсь 5 л. 1.000 экз.

Чеховъ, А. Н. Писма. Т. П. (1888—1889). М. 1912. Изд. М. П. Чеховой. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (15×22). XVI+452 стр. съ рис. + 1 портр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 24 л. 5.000 экз.

Шамуринъ, Юрій. Подмосковныя. (Культурныя сокровища Россіи. Выпускъ 3-й). М. 1912. Изд. т-ва Образование. Тип. т-ва В. Чиперинъ (Маринск. ул., с. д.). 8° (17×25). 95 стр. + 30 лист. рис. Вѣсь 1 ф. 14 л. 3.000 экз.

Языковъ, Д. Д. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ. Вып. 12. (Умершіе въ 1892 году). Спб. 1912. Изд. и тип. Имп. Акад. Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 8° (17×25). 280 стр. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсь 1 ф. 4 л. 666 экз.

Антикварный книжный магазинъ С. Н. Котова. Каталогъ книгъ № 3. Спб. 1912. Тип. Беринштейна. 8° (16×24). 32 стр. Вѣсь 3 л. 200 экз.

Авиногенъ Крыжановскій. (Изъ исторіи культурнаго вліянія западной Руси на восточную въ XVII в.). Казань. 1912. Тип. Харитонова. 8° (18×27). 18 стр. Вѣсь 2 л. 52 экз.

Багалъй, Д. И., проф. Очерки изъ русской исторіи. Томъ 2-й. Монографія и статьи по исторіи Слободской украины. Харьковъ. 1912. Тип. Зильбербергъ. 8° (17×25). 374 стр. Ц. 1 р. 80 к. Вѣсь 1 ф. 20 л. 1.100 экз.

Барятинскій, В. В., кн. Царственный мистикъ (Императоръ Александръ I-й—Феодоръ Козьмичъ). Спб. 1912. Изд. Прометей. Тип. В. Безобразова и К°. 8° (17×23). 146 стр. съ рис. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 19 л. 2.100 экз.

Бесѣды и частная переписка между Императоромъ Александромъ I и кн. Адамомъ Чарторыйскимъ, опубликованныя кн. Ладиславомъ Чарторыйскимъ (1801—1823). Пер. съ фран. С. Явленскій. Историческая бібліотека. Т. 4. М. 1912. Изд. Сфинкса (Тверск. б., 14). Тип. Моск. изд. Копейка (Б. Дмитровка, 26). 8° (17×23). 371 стр. + 3 портр. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 21 л. 2.000 экз.

Борзаковский, П. 300-лѣтіе Царствующаго Дома Романовыхъ. 1613—1913. Одесса. 1913. Тип. Л. Нитче (ул. Кондратенко, 30). 8° (15×22). 48 стр. Съ рис. и портр. Ц. 15 к. Въсь 6 л. 1.000 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Статьи о Гоголѣ. Вступительная статья Иванова-Разумнига: «Бѣлинскій о Гоголѣ». Историко-литературная библиотека. Подъ редакціей, со статьями и примѣчаніями Иванова-Разумнига. № 77. Спб. 1913. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. О., 5-я л., 28). 16° (12×16). XXII+87 стр. Ц. 25 к. Въсь 9 л. 5.000 экз.

Двухсотлѣтіе храма во имя Покрова Пресвятыя Богородицы въ с. Назін. Спб. Тип. Т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 16° (13×18). 16 стр. Въсь 1 л. 500 экз.

Доброправовъ, В. Г. Владимірская губернія въ историко-археологическомъ отношеніи. Владиміръ губ. 1912. Тип. Губ. Правленія. 8° (15×23). 28 стр. Въсь 3 л. 50 экз.

Записки восточнаго отдѣленія Имп. русскаго археологическаго общества. Томъ XXI. Вып. II—III. Спб. 1912. Тип. Акад. Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (19×28). 136 стр. Съ рис. и 10 таб. Въсь 1 ф. 7 л. 560 экз.

Содержаніе: 1) В. Алексѣевъ. Китайскіе монетовидные амулеты и медали. 2) Н. Веселовскій. Загадочный Бюлистанъ Золотой орды. 3) А. Любимовъ. Нѣкоторые маньчжурскіе документы изъ исторіи русско-китайскихъ сношеній въ XVII вѣкѣ. 4) И. Крачковскій. Къ описанію рукописей Ибн-Тайфуна и ас-Сули. 5) Н. Кротковъ. Краткія замѣтки о современномъ состояніи шаманства у сибиряковъ, живущихъ въ Италійской области и Тарбагатаа.

Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Томъ XXX. Одесса. 1912. Тип. Е. Хрисогелосъ (ул. Кондратенко, 8). 4° (21×29). XXIV 413 стр. Въсь 2 ф. 12 л. 350 экз.

Каталогъ журналовъ по всемъ отраслямъ литературы на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ на 1913 годъ. (Подписку принимаетъ книжный магазинъ К. Л. Риккертъ въ Спб., Невскій пр., № 14). Спб. 1912. Тип. Шредера (Гороховая, 49). 8° (16×23). 61 стр. Въсь 6 л. 7.000 экз.

Лонгиновъ, А. В. Слово о полку Игоревѣ. Текстъ и переводъ по изданію Мусина-Пушкина, съ объясненіемъ непонятныхъ выраженій. Одесса. Тип. М. С. Козмана (Госпитальн. пер., 10). 8° (14×22). 120 стр. Ц. 40 к. Въсь 8 л. 3.000 экз.

Новиковъ, А. И. М. Ю. Лермонтовъ. Біографія, разборъ его главныхъ произведеній, темы и планы. Спб. Изд. А. И. Загряжскаго, 2-е доп. Тип. В. Безобразова и К° (В. О., Большой пр., 61). 8° (15×23). 64 стр. Ц. 30 к. Въсь 6 л. 3.000 экз.

О. К. Что такое масонство. Харьковъ. 1913. Тип. «Мирный Трудъ». 8° (15×22). 156 стр. Въсь 12 л. 600 экз.

Отчетъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей съ 14-го ноября 1910 года по 1-е января 1912. 1912. Тип. Е. Хрисогелосъ (ул. Кондратенко, 8). 8° (16×24). 36 стр. Въсь 5 л. 210 экз.

Пападимитріу, С. Д. Мѣстоположеніе древней Одессы. Одесса. 1912. Тип. Е. Хрисогелосъ (ул. Кондратенко, 8). 4° (20×27). 9 стр. Въсь 4 л. 50 экз.

С.-Петербургское ополченіе 1812 года (Матеріалы для исторіи Спб. дворянства). Томъ II. Дѣятельность собраній дворянства. Вып. первый. По источн., собраннымъ А. Мионовымъ. Спб. 1912. Изд. С.-Петерб. дворянства. Тип. Мин. Внутр. Дѣлъ. 8° (19×29). XIV+452 стр. Съ рис. Въсь 4 ф. 9 л. 500 экз.

Святскій, Данилъ. Подъ сводомъ хрустальнаго неба. Очерки по

астральной мифологии въ области религіознаго и народнаго міровоззрѣнія. Спб. 1913. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (15×22). 187 стр. Съ 15 рис. Ц. 1 р. Въсь 18 л. 800 экз.

Софійскій, Л. И. Городъ Опочка и ея уѣздъ въ прошломъ и настоящемъ (1414—1914 г.). Псковъ. 1912. Изд. Опочечкой Гор. Думы. Тип. Губ. Земства. 8° (17×26). VI+309 стр. Съ 52 рис. и 3 кар. Въсь 1 ф. 26 л. 2.000 экз.

Титовъ, О. И., пр. Къ исторіи Кіевской Духовной Академіи въ XVII—XVIII вв. III. Воспитанники Академіи на службѣ въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ связи съ біографіей Софронія Теркавіюта. Кіевъ. 1913. Тип. Акц. О-ва «Петръ Барскій» (Крещатикъ, 40). 8° (17×25). 181 стр. Ц. 1 р. 20 к. Въсь 15 л. 100 экз.

Царевскій, А. А. Значеніе храмовъ соборныхъ въ исторіи и жизни русскаго народа. Рѣчь. Казань. 1912. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (16×24). 32 стр. Въсь 3 л. 100 экз.

Шабалова, А. Н. д-ръ. Очеркъ женскаго движенія въ Россіи. Спб. 1912. Тип. Акц. Общ. «Самообразованіе» (Забалканскій пр., 73). 8° (17×26). 32 стр. Съ 14 рис. Ц. 50 к. Въсь 5 л. 1.500 экз.

Шмурло, Е. Петръ Великій въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства. Вып. I (XVIII вѣкъ). Спб. 1912. Тип. Сенатская. 8° (16×26). III+108+169 стр. Въсь 1 ф. 5 л. 600 экз.

Галкинъ, А. Петръ Великій и отношеніе къ нему современниковъ (публичная лекція). М. 1912. Тип. Т-ва Н. Кушнеревъ и К° (Пименовск., с. д.). 8° (16×23). 16 стр. Ц. 15 к. Въсь 4 л. 1.000 экз.

Гоголь, Н. В. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Со вступительной статьей Д. Н. Овсянко-Купковского. Томъ IV. М. 1912. Изд. книгоизд. Печатникъ. Тип. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовск. с. д.). 8° (19×27). 425 стр. Съ рис.+18 л. Въсь 3 ф. 21 л. 4.500 экз.

Двадцать біографій русскихъ писателей съ портретами. Вильна. 1912. Тип. артели печатнаго дѣла. 16° (14×19). 40 стр. Съ портретами. Въсь 3 л. 600 экз.

Двадцать біографій русскихъ писателей съ портретами. Вильна. 1912. Тип. артели печатнаго дѣла. 16° (13×17). 42 стр. Съ портретами. Въсь 3 л. 600 экз.

Жиркевичъ, А. В. Пасынки военной службы. (Матеріалы къ исторіи мѣстъ заключенія военнаго вѣдомства въ Россіи). Вильна. 1912. Тип. Русскій починъ. 18° (19×29). 503 стр. Ц. 1 р. 75 к. Въсь 2 ф. 3 л. 1.000 экз.

Записки Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Основаны барономъ В. Р. Розеномъ. Томъ XXI. Выпускъ I. Спб. 1912. Тип. Имп. Акад. Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 8° (29×28). LI+114 стр. Съ 9 рис. Въсь 1 ф. 7 л. 560 экз.

Ивановъ-Разумникъ, Левъ Толстой. Спб. 1912. Изд. Прометей, Н. Н. Михайлова (Поварской, 10). Тип. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8° (16×24). 171 стр. Ц. 1 р. 25 к. Въсь 23 л. 4.100 экз.

Ильинъ, А. М. Археологическій отдѣлъ Ростовскаго-на-Дону городского музея. Ростовъ н/Д. 1912. Тип. Ф. А. Закройцева. 4° (21×29). 43 стр. Ц. 50 к. Въсь 9 л. 200 экз.

Ильинъ, А. М. Братскій курганъ. Археологическія раскопки въ районѣ города Ростова-на-Дону. Ростовъ н/Д. 1912. Тип. Ф. А. Закройцева. 4° (21×30). 18 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Въсь 7 л. 100 экз.

Ильинъ, А. М. Монеты древняго Таванса. Ростовъ н/Д. 1912. Тип. Ф. А. Закройцева. 4° (22×30). 20 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Въсь 7 л. 100 экз.

Ильинъ, А. М. Олимпиадовскій курганъ. Археологическія раскопки въ

районѣ города Ростова-на-Дону. Ростовъ н/Д. 1912. Тип. Ф. А. Закройцева. 4° (21×30). 10 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсь 4 л. 100 экз.

Ильницъ, А. М. Ростовскій-на-Дону городской музей. Исторія возникновенія, задачи учрежденія и его дѣятельность. Ростовъ н/Д. 1912. Тип. Ф. А. Закройцева. 4° (21×30) 27 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсь 9 л. 200 экз.

Какабадзе, С. Н. О древне-грузинскихъ лѣтописцахъ XI столѣтія. Тифлисъ. 1912. Тип. Кереселидзе. 8° (16×24). 35 стр. Вѣсь 4 л. 600 экз.

Каталогъ изданій отдѣленія русскаго языка и словесности. Имп. Академіи Наукъ. Ноябрь 1912 г. Спб. 1912. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 8° (16×24). 23 стр. Вѣсь 3 л. 110 экз.

Краснянскій, Вл. Гавр. Городъ Мстиславль (Мог. губ.). Вильна. 1912. Тип. Г. Завадскаго (Суворовская, 3). 8° (16×25). 99 стр. Съ рис. Ц. 75 к. Вѣсь 14 л. 200 экз.

Краснянскій, М. Б. Историческая литература о Ростовѣ на-Дону. Опытъ библиографіи мѣстной исторіи. Ростовъ н/Д. 1912. Тип. Ф. А. Закройцева. 4° (21×30). 16 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсь 5 л. 100 экз.

Краснянскій, М. Б. Культурная жизнь стараго Ростова. Историческія разысканія по даннымъ Ростовскаго на-Дону городского музея. Ростовъ н/Д. 1912. Тип. Ф. А. Закройцева. 4° (21×30). 16 стр. Ц. 50 к. Вѣсь 5 л. 100 экз.

Краснянскій, М. Б. Литература по археологіи Приазовья. Ростовъ н/Д. 1912. Тип. Ф. А. Закройцева. 4° (21×30). 22 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 6 л. 100 экз.

Краснянскій, М. Б. Прошлое Ростова на Дону по городскимъ планамъ. Ростовъ н/Д. 1912. Тип. Ф. А. Закройцева. 4° (21×30). 16 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсь 5 л. 100 экз.

Краснянскій, М. Б. Разысканія о гербѣ Ростова на-Дону. Опытъ историческаго изслѣдованія по даннымъ городского музея. Ростовъ н/Д. 1912 г. Тип. Ф. А. Закройцева. 4° (21×30). 11 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсь 5 л. 100 экз.

Кудринскій, О. А. Вильна въ 1812 г. Въ память столѣтней годовщины Отечественной войны. Вильна. Изд. Упр. Вил. Учебн. окр. Тип. А. Г. Сыркина. 8° (16×24). 153 стр. Вѣсь 14 л. 3.020 экз.

Кудринскій, О. А. Знаменательная годовщина (столѣтіе «Отечественной войны»). 1812—1912 г. Вильна. 1912. Изд. и тип. Сыркина. 16° (12×18). 44 стр. Съ рис. Ц. 5 к. Вѣсь 4 л. 5.000 экз.

Лобода, А. М., проф. Лекціи по народной словесности. На правахъ рукописи. Кіевъ. 1912. Изд. слушателей. Кіев. Высш. Жен. Курсовъ. Тип. И. П. Чоколова. (Б. Житомирская, 20). 8° (16×23). 130 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 13 л. 400 экз.

Матвѣевъ, А. С. Къ раскопкамъ древняго Танаиса. Ростовъ н/Д. 1912. Тип. Ф. А. Закройцева. 4° (22×30). 5 стр. Вѣсь 2 л. 40 экз.

Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи.—Московскій университетъ и С.-Петербургскій учебный округъ въ 1812 году. Документы Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія, собранные и изданные подъ редакціей начальника Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія К. Военскаго. Спб. 1912. Изд. Мин. Народн. Просвѣщенія. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18×28). XXIV+XXIX+430 стр. Вѣсь 1 ф. 29 л. 1.000 экз.

Медемъ, Б. Г. Былое и послѣдовавшее въ Петровской Полтавской военной гимназій и Петровскомъ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ. Спб. 1912. Тип. Знаменская скоропечатни (Знаменская, 20). 8° (17×24). 81 стр. Ц. 60 к. Вѣсь 11 л. 1.000 экз.

Нарбековъ, В. А. Новгородско-Псковскія церковныя древности на XV

всероссийскомъ археологическомъ съѣздѣ въ Новгородѣ (22-го іюля—8-го августа 1911 г.). Казань. 1912. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (16×23). 87 стр. Вѣсь 8 л. 100 экз.

Пашкевичъ, М., прот. Вѣнокъ на могилу доблестныхъ русскихъ героев Отечественной войны 1812 г. Тифлисъ. 1912. Тип. Канцеляріи Намѣстника Е. Н. В. на Кавказѣ. 8° (14×22). 12 стр. Вѣсь 1 л. 200 экз.

Побѣда Императора Петра I надъ шведами 28 сент. 1708 г. при деревнѣ Лѣсной. Могилевъ. 1912. Тип. Губ. Правленія. 8° (17×31). 10 стр. + 4 рис. Вѣсь 2 л. 4.000 экз.

Полная хронологія по русской исторіи, съ приложеніемъ перечня великихъ князей и царей въ хронологическомъ порядкѣ и родословной таблицей. Могилевъ губ. 1912. Изд. А. Г. Лифшица. Тип. Я. Н. Подземскаго. 8° (16×21). 9 стр. Ц. 5 к. Вѣсь 1 л. 2.400 экз.

Протасовъ, Н. Новшества въ Московскомъ храмовомъ зодствѣ конца XVII вѣка. Сергіевъ Посадъ. 1912. Тип. Св. Тр. Сергіевской Лавры. 8° (16×23). 20 стр. Вѣсь 3 л. 300 экз.

Рошефоръ-де, Н. Н. Краткій очеркъ трехсотлѣтія Царствованія Дома Романовыхъ. Спб. 1912. Изд. автора (Псковская, 5). Тип. Одинойной тюрьмы. 8° (16×29). 42 стр. + 19 портр. 1 томъ Ц. 25 к. Вѣсь 7 л. 10.000 экз.

Сборникъ матеріаловъ по русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг. на Балканскомъ полуостровѣ. Выпускъ 87. Спб. 1911. Тип. Первая женская (ул. Глинки, 6). 8° (18×22). 329 стр. Вѣсь 1 ф. 5 л. 220 экз.

Смоленская старина. Выпускъ второй 1812—1912. Юбилейное изданіе Смоленской ученой Архивной комиссіи. Подъ редакціей правителя дѣлъ П. В. Михайлова и члена правленія Н. Н. Рѣдкова. Смоленскъ. 1912. Изд. Смоленск. учен. Архивн. комиссіи. Тип. П. А. Силина 8° (18×26). 421 + XVIII стр. Съ рис. Ц. 3 р. Вѣсь 2 ф. 2 л. 800 экз.

Тихомировы, Е. и Д. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Чтеніе для школъ и народа. М. 1913. Изд. 14-е. Тип. К. Л. Меншова (Никольск. пл., 21). 8° (15×22). 87 стр. Съ портр. и рис. Ц. 10 к. Вѣсь 7 л. 4.800 экз.

Турцевичъ, Ар. Краткій учебникъ русской исторіи. Вильна. 1912. Изд. 7-е. Тип. А. Г. Сыркина. 8° (16×24). 86 + 2 нен. стр. Ц. 25 к. Вѣсь 10 л. 7.000 экз.

Украинскій, С. Какъ помогалъ Л. Н. Толстой. (Одно изъ тысячъ подобныхъ о немъ воспоминаній). Всемирная библіотека въ память Л. Н. Толстого. М. 1912. Изд. Посредника. Тип. К. Л. Меншова (Арбатъ, Никольск. п., 21). 8° (14×20). 8 стр. Ц. 4 к. Вѣсь 2 л. 7.200 экз.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1913 г.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и воспоминанія.

	СТРАН.
I. За 38 лѣтъ. Кн. М. В. Волконской	70—79, 251—257, 518—525
II. Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. Е. А. Аль- бовскаго	85—93, 355—371, 644—650
III. Люди и нравы за полѣтка. Н. Морозова .	102—104
IV. Свѣтлый лучъ изъ дальнихъ лѣтъ С. Лав- рентьевой	108—125
V. Воспоминанія стараго педагога. Е. А. Ан- дриашевой	142—148
VI. Записки Александра Андреевича Половцова. Сообщ. А. А. Половцова	149—154, 301—317, 631—643
VII. Лѣтопись и мысли стараго педагога. Н. А. Якубовича	161—180
VIII. Годы службы моей въ Варшавскомъ учеб- номъ округѣ. В. Г. Смородинова. . . .	181—196
IX. Еще изъ воспоминаній объ М. И. Драгоми- ровѣ. А. Е. К.	328—337
X. Розовое и черное изъ моей жизни. М. Бе- зобразовой	338—354, 599—615
XI. Депутатъ отъ Россіи. Воспоминанія и пере- писки Ольги Алексѣевны Новиковой. Сообщ. Е. С. М.	377—391
XII. Записки барона Веліо. Сообщ. Э. О. Лишина	427—436, 543—557
XIII. Изъ жизни инженера путей сообщенія Л. Н. Любимова	651—679

**Исслѣдованія. — Историческіе и біографическіе
очерки. — Переписка. — Разказы. — Матеріалы и за-
мѣтки.**

	СТРАН.
I. Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 г.	1
II. Храмъ-памятникъ на полѣ сраженія подъ Лейпцигомъ. П. В.	5—6
IIa. Къ столѣтію битвы народовъ. П. В.	II—III
III. Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивано- вича Вилламова. 1813 г. Сообщ. Н. А. Вил- ламовъ.	7—11
IV. Борьба съ антихристомъ подъ городомъ Ти- располемъ. В. Случевского. 12—19, ... 245—250,	575—591
V. Атака лейбъ-казаковъ подъ г. Лейпцигомъ 1813 г. 4-го октября. Сообщ. М. И. Грекова.	20—25
VI. Присяга А. П. Ермолова Императору Нико- лаю I. Сообщ. Е. Вейденбаумъ.	26—34
VII. Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры. Славлева. . 35—42, 318—327,	526—533
VIII. Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ вой- скахъ. Ал. Попова	43—69
IX. Мелкіе штрихи изъ жизни крупныхъ людей. Сообщ. Д. Баланинъ.	80—84
X. Князь Платонъ Степановичъ Мещерскій. Сообщ. В. Корсакова. . . . . 94—101,	392—395
XI. Изъ старыхъ дѣлъ. М. Ф. Чулицкаго. . . . . . 105—107, 372—376,	624—630
XII. Фешенебельный пансіонъ прошлаго столѣтія. М. М. Мариной	126—141
XIII. Сто лѣтъ назадъ. Извлеченіе изъ писемъ И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петер- бургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Дол- гова . . . . . 155—160, 419—426,	592—598
XIV. Къ исторіи возникновенія клиники кожныхъ и венерическихъ болѣзней при Император. Моск. университетѣ. А. И. Поспѣлова. . 197—204	
XV. Ода капитана Лукина. Сообщ. В. И. Ива- новъ.	205
XVI. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи ли- тературы съ 23 іюля по 24-ое сентября 1912 г.	204—224

XVII. Родители Великаго Князя Павла Петровича Е. С. Шумигорскаго.	227—244, 467—497
XVIII. Замѣтки о Пушкинѣ, Н. Лернера	258—261, 505—517
XIX. Великій князь Николай Михайловичъ. Пись- ма высочайшихъ особъ къ гр. А. С. Про- тасовой. В. Тимошукъ.	262—279
XX. Памяти адмирала Г. И. Невельскаго. 23 но- ября 1813—17 апрѣля 1878 г. М. М. Мариной	280—286
XXI. Императоръ Александръ I и русская окку- пация Восточ. Пруссіи въ концѣ 1812 и въ началѣ 1813 г. г. М. П. Станислав- скаго.	287—300, 498—504
XXII. А. А. Ауэрбахъ.	396—418
XXIII. Ревизоръ. (Истинное происшествіе). А. Оноп- ріенко	437—447
XXIV. М. С. Щепкинъ и М. П. Погодинъ. Сообщ. Ч. Вѣтринскій	448—450
XXV. Изъ воспоминаній Виленскаго жителя. Какъ сохранить энергію до глубокой старости. Сообщ. П. А. Наумовъ	451
XXVI. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи лите- ратуры съ 24 сентября по 29 октября 1912 г.	452—462
XXVII. Изъ литературнаго наслѣдія Пушкина. Новооткрытая статья. Н. О. Лернера	534—542
XXVIII. Тайная полиція на Вѣнскомъ конгрессѣ. В. Тимошукъ	558—574
XXIX. Великій Князь Николай Михайловичъ. До- несенія австрійскаго посланника при рус- скомъ дворѣ Лебцельтерна за 1816—1826 годы. В. Тимошукъ	616—623
XXX. Отданіе военной чести лѣвой рукой. Сообщ. В. П. Федоровъ	680
XXXI. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи лите- ратуры съ 29-го октября по 17-ое декабря 1912 г.	681—698
XXXII. Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ 153—156 томахъ. Сост. В. В. Тимо- шукъ (въ концѣ книгъ).	

Приложенія.

- I. Храмъ-памятникъ на полѣ сраженія подѣ Лейпцигомъ (при 10-й книгѣ).
- II. Снимокъ съ картины П. Гессе (тамъ же).
- III. Портретъ генерала Ефремова (тамъ же).
- IV. Портретъ генерала Конькова (тамъ же).
- V. Портретъ адмирала Г. И. Невельскаго (при 11-й книгѣ).
- VI. Портретъ А. А. Ауэрбаха (тамъ же).
- VII. Святое мгновеніе послѣ битвы подѣ Лейпцигомъ (при 12-й книгѣ).
- VIII. Союзные монархи въ сраженіи подѣ Лейпцигомъ (тамъ же).
- IX. Фотографическій снимокъ съ труповъ заживо погребенныхъ О. Ковалевымъ 11 февраля 1897 г. (тамъ же).

Библиографическій листокъ.

1. Сборникъ Императ. Историч. Общества. Т. СXXXIX. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 г. т. III. Вѣлоруссія въ 1812 г. Спб. 1912 (на обложкѣ октябрьской книги).
2. „Труды“ Саратовской ученой архивной комиссіи. Вып. 30-й. Саратовъ, 1913 г. (тамъ же).
3. Воронежская Старина. Выпускъ 11-й. Изданіе Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ, 1912 (тамъ же).
4. Н. Модестовъ. В. И. Даль въ Оренбургѣ. Историческій очеркъ. Оренбургъ, 1913 (тамъ же).
5. Матеріалы по исторіи Малороссіи. Вып. 1. Письма къ И. П. Забѣлѣ и его вдовѣ (1687—1713). Подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго. Изд. музея древностей В. В. Тарновскаго. Черниговъ, 1912 (тамъ же).
6. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Книга XVII. М. 1912 г. (на обложкѣ ноябрьской книги).
7. Сочиненія проф. С. О. Платонова. Т. I. Статьи по русской исторіи (1883—1912). Изд. 2-ое. Т. II. Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. Изд. 2-е. Спб. 1913 (тамъ же).
8. Записки Ростовскаго-на-Дону Общества Исторіи, древностей и природы. Т. I. Ростовъ-на-Дону, 1912 (тамъ же).

9. А. В. Жиркевичъ. Жизнь во Христѣ старца Зосимы, въ мірѣ Дм. Рашина. (Его біографія).—Архимандритъ Зосима (въ мірѣ Дмитрій Рашинъ) былъ невиновенъ... (Исторія еще одной судебной ошибки). Вильна, 1913 (тамъ же).

10. А. С. Панкратовъ. Потомки Ивана Сусанина. Изд. В. П. Португалова. М. 1913. (тамъ же).

11. Н. Евреиновъ. Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Т. I. В. К. Ильинчика. Спб. 1913. (тамъ же).

12. Сочиненія М. Д. Чулкова. Изданіе отдѣленія русс. яз. и словесн. Имп. Академіи Наукъ. Т. I. Собраніе разныхъ пѣсень. Спб. 1913. (тамъ же).

13. Великій князь Николай Михайловичъ. Генералъ-адъютанты Императора Александра I. Съ 47 портретами, изъ которыхъ 19 въ краскахъ. Спб. Экспедиція заготовленія Государственныхъ бумагъ. 1913 на обложкѣ декабрьской книги.

14. А. В. Жиркевичъ. Пасынки военной службы. Матеріалы къ исторіи мѣстъ заключенія военнаго вѣдомства въ Россіи. Вильна, 1912 г. Ц. 1 р. 75 к. (тамъ же).

15. С. Р. Минцловъ. Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Выпуски II и III. Времена Императора Александра I и Николая I. 1912 г., стр. 198. Ц. 2 р. 50 к. (тамъ же).

16. Александръ Ермоловъ. Родъ Ермоловыхъ. Изданіе Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ (тамъ же).

17. „Я никого не ѣмъ“. 365 вегетаріанскихъ меню и 1500 рецептовъ. Зеленковой, изд. III (тамъ же).

Открыта подписка на 1914 г. (25-й годъ изданія).
Подписной годъ считается съ 1-го ноября 1913 г. по 1-ое ноября 1914 г.

ПРИРОДА и ЛЮДИ

52 №№ художественно-иллюстрированного журнала (романы, повѣсти, рассказы; очерки по всемъ отраслямъ знанія; современная жизнь; развлечения и спортъ).

Бесплатныя приложенія: абонементъ № 1, или № 2, или № 3, по выбору и. подписчиковъ:

Абонементъ № 1. Цѣна этого абонем.—8 руб. съ перес.

50 книгъ (8.400 стр.), полное собраніе историч. романовъ, повѣстей и разсказ.

Данилы Лукича МОРДОВЦЕВА

Саламандры.—Замурованная царца.—Говоръ камней.—Двѣнадцатый годъ.—Иродъ.—Царь и Гетманъ.—Господилъ Велик. Новгородъ.—Бѣглый король.—Паша Одиссей.—Жертвы вулкана.—Гѣпы мучившаго.—За чьи грѣхи?—За всемірное владѣтельство.—Великій расколъ.—Нильскій крокодилъ.—Романъ Александра Македонскаго.—Царь безъ царства.—Наносная бѣда.—Авантюристы.—Синдѣе раскольники.—Тимошъ.—Фанатикъ.—Державный плотникъ.—Историч. повѣсти.—Кавказскіе курорты.—Ледяной мѣстности.—Послѣдніе дни Иерусалима.—Иосифъ у фараона.—Царь Петръ и правительница Софія.—Вельможная панна.—Историческіе рассказы.—Будава и бунчукъ.—Желѣзные и кровью.—Между Сциллой и Харидой.—Архимандритъ-гетманъ.—Кавказскій герой.—Грустное воспоминаніе.—Наши пирамиды.—Два призрака.—Кто онъ?—Идеалисты и реалисты.—Прометеево потомство.

Абонементъ № 2. Цѣна этого абонем.—7 руб. съ перес.

20 книгъ (8.200 стран.), полное иллюстрирован. собраніе сочиненій

Р. Л. СТИВЕНСОНА

Островъ сокровищъ.—Два брата.—Вечернія бесѣды на островѣ.—Путешествіе внутрь страны.—Приключенія Давида Вальфура.—Катриона.—Селтъ-Ивъ.—Черная стрѣла.—Новыя арабскія ночи.—Клубъ самоубійцъ.—Бриллиантъ раджи.—Павильонъ на холмѣ.—Похитители труновъ.—Веселые ребята.—Преступникъ.—Странная исторія доктора Джекиля.—Гайка корабля.—Принцъ Отто и мн. др.

12 книгъ (2.300 стран.), богато иллюстрированного журнала

Міръ приключеній

12 выпусковъ 400 иллюстрацій художественнаго альбома

ЧУДЕСА ПРИРОДЫ

Абонементъ № 3. Цѣна этого абонем.—7 руб. съ перес.

12 книгъ съ иллюстр. общедоступныхъ научныхъ сочиненій

БИБЛИОТЕКА ЗНАНІЯ

Исторія народовъ Балканск. полуостр.—Китай и его жизнь.—Среднеазиатская Европа.—Зачатки человѣческой культуры.—Первобытное общество.—Проблемы философіи.—Происхожденіе земли.—Эволюція живыхъ организмовъ.—Эволюція растительнаго міра.—Истинныя и разумъ животныхъ.—Электричество.—Видимыя и невид. волны.

12 выпусковъ, 400 иллюстр. художествен. альбома

ЧУДЕСА ПРИРОДЫ

Живописная панорама дикихъ живой и мертвой природы.

Популярное описаніе замѣчательнѣйшихъ произвед. и явленій природы въ очеркахъ выдающихся ученыхъ. Съ многочисленными рисунками съ натуры и картинками въ краскахъ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На 52 №№ журн. „Природа и Люди“ съ прил. по аб. № 1—7 руб. въ годъ безъ досл. и пер., 8 руб. въ годъ съ досл. и перес. На 52 №№ журн. „Природа и Люди“ съ безпл. прил. по абон. № 2 или № 3—6 руб. въ годъ безъ досл. и пер., 7 руб. въ годъ съ досл. и перес. Разсрочка допускается: при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣлю 2 р. и къ 1 июля остальные. Или въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ, начиная съ ноября, по 1 руб., Желающіе могутъ одновременно съ подпиской на любой абонементъ, сверхъ того, получать, по своему выбору, любяя приложенія изъ другихъ абонем., но за особую плату, а именно: Полное собраніе историч. произ. Д. Л. Мордовцева 50 кн., за 6 руб.; Полное собраніе Р. Стивенсона 20 кн.; за 2 р.; „Міръ Приключеній“ 12 кн., за 1 р. 80 к.; „Чудеса Природы“ 12 вып., за 2 р. 20 к.; „Библиотека Знанія“ 12 кн., за 3 р. 80 к. Разсрочка за доплатными приложеніями: при выпискѣ на сумму до 3 р. слѣдуетъ уплатить при подпискѣ не менѣе одного рубля. При выпискѣ на сумму болѣе 3 руб., слѣдуетъ уплатить при подпискѣ не менѣе 2 руб. Остальная сумма, причитающаяся за доплатными приложеніями, должна быть уплачена не позднѣе 1 апрѣля.

Главная контора: Спб., Стремянная ул., № 12 соб. домъ. Издатель П. Л. Сойкинъ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 153, 154, 155 и 156 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1913 года.

А.

Абабешевъ, А. А., 1913 г., т. CLVI, окт., 6 в.
 Абамелекъ-Лазаревъ, князь, т. CLIII, янв., 216—226.
 Абамелекъ-Лазаревъ, кн., С. С., штабм. 1913 г., т. CLVI, окт., 6 в.
 Абихъ, т. CLIV, май, 308.
 Авдаковъ, Н. С., т. CLVI, нояб., 418.
 Авдулинъ, Алексѣй Пик., ген., т. CLVI, нояб., 436.
 Аверкиевъ, писат., т. CLV, авг., 278.
 Авиловъ, чиновн., т. CLV, июль, 124.
 Ададуровъ, И. Е., жел.-дорож. дѣлатель, т. CLIV, май, 393.
 Адлербергъ, гр-ня, 1810 г., т. CLV, авг., 212, 213.
 Адлербергъ, гр., Вл. Оед., г.-ад. 1834 г., т. CLV, июль, 92, т. CLVI, дек., 631, 633, 639.
 Акимовъ, С. П., арт-ка, т. CLIII, мартъ, 660, 663, 673, 674.
 Аксакова, Алекс. Ник., см. Мещерская, княгиня.
 Аксаковъ, И. С., т. CLIII, янв., 83, т. CLIV, июнь, 491, т. CLVI, нояб., 380, 381.
 Аксаковъ, К. С., т. CLIII, янв., 83.
 Алейкина, Ек. Ив., рожд. гр. Шувалова, 1775 г., т. CLIII, мартъ, 650.
 Александра Иосифовна, великая княгиня, т. CLIV, апр., 56, 57, май, 276.
 Александра Павловна, вел. княгиня, т. CLIII, февр., 264, т. CLIV, май, 229.

Александра Теодоровна, императрица, т. CLIII, янв., 112, т. CLV, сент., 512, 543, 547, 548, т. CLVI, дек., 554.
 Александровъ, А. Д., сообщ.: «Неизданныя письма О. М. Достоевскаго», т. CLIII, мартъ, 477—487.
 Александровъ, арт., т. CLIV, май, 440, 441.
 Александръ I, императоръ, т. CLIII, янв., 42—49, 103, 126, февр., 242, 245, 248, 269, 270, 272, мартъ, 613—624, т. CLIV, апр., 20—29, 158—162, 180, 192, май, 225, 226, 234—236, 261—270, 304, 305, 432, июнь, 447—454, т. CLV, июль, 10—12, 107, 108, 122, авг., 216, 338, 339, сент., 436, 437, 442—447, 469, 506, 516, 527, 531—536, 542, т. CLVI, окт. 7—11, 30—34, 151, 157, 262—279, 287—300, нояб., 428, 430, 453, 455, 456, дек., 498—504, 543—545, 556, 559—574, 592, 616—623.
 Александръ II, императоръ, т. CLIII, янв., 74, 103, февр., 242, 245, 248, мартъ, 496, 498—501, 576, т. CLIV, апр., 57, 87, 97, 110—114, май, 389, июнь, 496, 520, 523, 526, 620, т. CLV, июль, 81, 147, авг., 204, 297, т. CLV, сент., 413, 512, т. CLVI, окт. 278, нояб., 305, 328—330, 380, дек., 556.
 Александръ III, императоръ, т. CLIII, февр., 242, 245, т. CLIV, апр., 53, 56, 113, 117, 118, май, 271, 274, 277, 284, июнь, 605, т. CLV, июль, 13—19, 32, 155, т. CLVI, окт., 81, 257, нояб., 388, дек., 673.

- Алексѣевъ, предвод. дворян. Екатеринослав. губ., т. CLV, сент., 476.
- Алексѣевъ, В. А., сообщ. «Неизданныя стихотворенія Некрасова», т. CLIII, февр., 463—465. «Письма Н. П. Ломанина консулу О. А. Бакулину о средне-азиатс. дѣлахъ», т. CLIV, апр., 213—222, май, 372—385.
- Алексѣй, (Андреевъ), іером., 1735 г., т. CLIII, мартъ, 593—594.
- Алексѣй Александровичъ, вел. князь, т. CLV, авг., 217.
- Алексѣй Михайловичъ, царь, т. CLIII, февр., 240, 241, 244, 245, 246, 247, т. CLIV, апр., 4, т. CLV, авг., 338.
- Алонсусъ, послан. 1807 г., т. CLV, сент., 442.
- Алѣионовъ, директ. Пермск. гимназ., т. CLIII, мартъ, 638.
- Алсуфьевъ, совѣтникъ 1793 г., т. CLIV, июнь, 627.
- Альбедиль, полков., 1873 г., т. CLVI, окт., 168.
- Альбединскій, П. П., Виленск. ген.-губ., † 1883 г., т. CLV, июль, 147, 148, 155.
- Альбовскій, Е. А., сообщ.: «Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи», т. CLIV, июнь, 596—606, т. CLV, июль, 48—54, авг., 292—296, т. CLVI, окт., 85—93, нояб., 355—371, дек., 644—650.
- Альбрехтъ, помощн. нач. придворн. оркестра, 1887 г., т. CLIV, май, 276.
- Альбрехтъ, Екат., въ зам. Велію, т. CLVI, нояб., 436.
- Альфавицкій, Г. М., учит., т. CLVI, окт., 187.
- Альфонскій, Н. А., 1880 г., т. CLIV, апр., 92.
- Амалія, принцесса Баденская, т. CLVI, нояб., 279, дек., 559.
- Андреевъ, Ев. Кон., Черниг. губернат., 1896 г., т. CLVI, нояб., 336.
- Андреевъ, Ив., 1735 г., т. CLIII, мартъ, 593—594.
- Андреевъ, М. С., 1878 г., т. CLV, авг., 210.
- Андреевъ, проф., т. CLIV, апр., 95, 96, май, 391.
- Андреевъ, писат., т. CLIII, мартъ, 468.
- Андріяшева, А. О., сообщ.: «Воспоминанія стараго педагога», т. CLIII, февр., 367—375, мартъ, 563—578, т. CLVI, окт., 142—148.
- Андросовъ, ниж. пут. сообщ., 1888 г., т. CLV, июль, 27.
- Аничковъ, депут. въ Екатерин. комис. для соч. нов. улож., т. CLIV, май, 338.
- Анна Іоанновна, императрица, т. CLIII, мартъ, 652, т. CLIV, апр., 87.
- Анна Павловна, великая княгиня, т. CLIV, май, 264, 266, т. CLV, авг., 211, т. CLVI, окт., 8—11.
- Анненковъ, К. В., юристъ, 1870 г., т. CLVI, июнь, 586.
- Анненковъ, Пав. Вас., писатель, т. CLIII, янв., 31.
- Анненковъ, г.-ад., 1860 г., т. CLIV, июнь, 523, 531.
- Антиповъ, архитект., т. CLVI, ноябр., 285.
- Антокольскій, скульпт., т. CLIII, февр., 259.
- Антонмархи, врачъ Наполеона I, 1819 г., т. CLIII, мартъ, 627.
- Антоній, еписк. черниг., † 1911 г., т. CLVI, нояб., 336.
- Антоній, архіер. вольнскій, т. CLIII, мартъ, 566.
- Антоновъ, А. А., учит. 1870 г., т. CLVI, окт., 130.
- Анучина, Елиз. Дм., т. CLV, сент., 475.
- Анучинъ, Дм. Гавр., т. CLIII, янв., 80, т. CLV, сент., 467—477.
- Антоновичъ, попечит. Кіев. учебн. округа 1869 г., т. CLIII, февр., 261, мартъ, 568.
- Антоновъ, депут. въ Екатерин. комис. для соч. нов. улож., т. CLIV, май, 338.
- Апохаловъ, ниж. путей сообщ., 1893 г., т. CLV, июль, 31.
- Апраксинъ, Вл. Степ., фл.-ад., 1824 г., т. CLVI, дек., 557.
- Апраксинъ, Фед., Матв., ген.-адм., 1711 г., т. CLIII, февр., 247, т. CLIV, апр., 175, 176, т. CLVI, дек., 479.
- Апхутинъ, Алсд. Львов., попечит. Варшав. учеб. окр., т. CLV, июль, 165.
- Аракчеевъ, гр. А. А., т. CLV, сент., 535.
- Арандаренко, Арханг. губернат., т. CLVI, дек., 631—636.
- Арембергъ, княг. Ел., см. Шаховская.
- Арембергъ, кн., 1794 г., т. CLV, июль, 98, 99.
- Арендтъ, лейбъ-мед., 1825 г., т. CLVI, дек., 553.
- Армфельдъ, гр. Г. М., † 1814 г., т. CLIV, апр., 25.
- Арендтъ, Эрнстъ, поэтъ 1814 г., т. CLVI, окт., 5, 6.
- Арсеній Мадеевичъ, еписк. ростов., 1768 г., т. CLIV, май, 417.
- Арсеній Москвинъ, митроп. Кіев. 1864 г., т. CLIII, мартъ, 563—566, т. CLV, сент., 525.

Арсеньева, Ал-а, рожд. Каховская, т. CLIV, июнь, 449.
 Арсеньевъ, К. И., т. CLVI, нояб., 305.
 Артамоновъ, геодезистъ 1863 г., т. CLIII, янв., 75.
 Архангельскій, Гавр., инспект. Камышин. духов. учил. 1835 г., т. CLIII, янв., 174, 175.
 Архаровъ, Н. П., спб. ген.-губ. 1796 г., т. CLV, июль, 122.
 Архаровъ, Ив. Петр., т. CLIV, апр., 183.
 Архаровъ, инспек. Камышинск. духов. учил., т. CLIII, янв., 169.
 Арцимовичъ, сенат., т. CLIV, апр., 56, май, 271.
 Арцыбашевъ, писат., т. CLIII, мартъ, 468.
 Асташевъ, В. И., 1877 г., т. CLVI, нояб., 401.
 Ауэрбахъ, Алек. Андр., горн. инж., р. 1844 г., т. CLVI, нояб., 396—418.
 Ауэрбахъ, Соф. Пав., рожд. ф. Берхольцъ, т. CLVI, нояб., 399, 408—418.
 Ахтырскій, прап. 1825 г., т. CLVI, окт., 33.
 Ашъ, бар., депутатъ въ Екатерин. комис. по соч. нов. улож., т. CLIV, май, 352.
 Афанасьева, Меланья, т. CLIII, мартъ, 640.
 Афанасій, еписк. вологод., 1734 г., впоследствии еписк. сарат. и арх. астрахан., т. CLIII, мартъ, 594, 639.

Б.

Бабухинъ, Алд. Ив., проф. 1868 г., т. CLIV, апр., 149.
 Багратионъ, княз., Екат., т. CLVI, дек., 356.
 Багратионъ, кн., Петръ Иван., † 1812 г., т. CLIII, февр., 272.
 Базили, дипл., т. CLIII, мартъ, 493, 494, т. CLIV, апр., 45.
 Бакулина, Соф. Сем., рожд. Пачевичъ, † 1909 г., т. CLIV, апр., 216.
 Бакулинъ, Фед. Абрам., консулъ въ Астрабадъ, р. 1846 † 1879 г., т. CLIV, апр., 215—222, май, 372—385.
 Бакунина, Авд. Мих., 1868 г., т. CLIV, июнь, 541.
 Бакунина, Ек. Мих., сестра милосер. 1861 г., т. CLIV, июнь, 545, 546.
 Бакунинъ, Алд. Алд., т. CLIV, июнь, 523, т. CLV, июль, 143.
 Бакунинъ, Алексій Алд., новоторж. предвод. дворян. 1860 г., т. CLIV, июнь, 522, 523, 528, 539, 540.

Бакунинъ, Никол. Алд., т. CLIV, июнь, 522, 523.
 Бакунинъ, Пав. Алд., т. CLIV, июнь, 522, 537.
 Балабинъ, г.-м. 1824 г., т. CLV, авг., 354.
 Балакиревъ, Милій Алексѣев., композиторъ, т. CLIII, янв., 83 — 99, февр., 252—257, мартъ, 516—527, т. CLIV, апр., 107—121, т. CLVI, окт., 70—79 нояб., 251—257, дек., 518—525.
 Баланинъ, Д., сообщ. «Мелкіе штрихи изъ жизни крупныхъ людей», т. CLVI, окт., 80—84.
 Балашева, г-жа, 1810 г., т. CLV, июль, 12, авг., 210.
 Балашевъ, г.-ад. 1812 г., т. CLVI, нояб., 290.
 Балинскій, инж. 1888 г., т. CLV, июль, 26.
 Балкашинъ, Корчевск. предв. дворянства 1860 г., т. CLIV, июнь, 523.
 Балъ, въ зам. Салтыкова, т. CLVI, дек., 488.
 Бальментъ, рус. комис. при Наполеонѣ I 1819 г., т. CLIII, мартъ, 612—614, 623—626.
 Бантышъ-Каменскій, писат., т. CLIII, мартъ, 651.
 Баранова, Марія, въ зам. Пантекова, т. CLV, сент., 548.
 Барановъ, гр., тверск. губернат. 1860 г., т. CLIV, июнь, 516, 517.
 Барановскій, учит., т. CLV, июль, 178.
 Барклай-де-Толли, кн., М. Б. † 1818 г., т. CLIII, янв., 188, т. CLIV, май, 437, июнь, 450, т. CLVI, окт., 6, 65.
 Басовъ, Вас. Алекс., проф. 1868 г., т. CLIV, май, 294, 295, 296.
 Баташевъ, 1810 г., т. CLIV, июнь, 480.
 Батуринъ, Іасафъ, поруч., 1749 г., т. CLVI, дек., 481—484.
 Бауеръ, цитристъ, т. CLV, авг., 290.
 Бауманъ, учит. 1870 г., т. CLVI, окт., 163.
 Бахметевъ, прокур. гл. солян. конторы 1775 г., т. CLIII, мартъ, 650.
 Башмаковъ, С. Д., т. CLVI, нояб., 401.
 Башмаковъ, полков., т. CLVI, нояб., 432.
 Безбородко, кн., А. А. канцл., т. CLIII, янв., 37.
 Безобразова, М. В., сообщ. «Дневникъ академика В. П. Безобразова», т. CLIV, апр., 53—60, май, 271—277, «Памяти двухъ русскихъ женщинъ: М. И. Ефимовой и Е. Н. Ворониной».

- т. CLV, сент., 538—540, «Розовое и черное изъ моей жизни», т. CLVI, нояб., 338—354, дек., 599—615.
- Безобразовъ, В. П., т. CLIV, апр. 53—60, май, 271—277.
- Бекетовъ, Андр. Ник., проф., р. 1825 † 1902 г., т. CLIV, май, 313.
- Бекетовъ, Ник. Ник., проф., 1861 г., т. CLIV, июнь, 577, 578.
- Бекншевъ, деп. въ Екатерин. комис. по соч. нов. улож., т. CLIV, май, 338.
- Беккеръ, полковн. 1873 г., т. CLIV, май, 374.
- Беклемишевъ, митав. губернат., т. CLVI, нояб., 317, дек., 641.
- Беклешовъ, псков. губернат., 1799 г., т. CLVI, дек., 629.
- Беллярминовъ, П. И., священ. 1845 г., т. CLIII, янв., 169, 176.
- Бемъ, Е. М., художн-ца, т. CLVI, окт., 118.
- Бенкендорфъ, г-жа, 1810 г., т. CLIV, июнь, 448, т. CLV, июль, 10, т. CLVI, нояб., 438.
- Бенкендорфъ, гр., А. Х., т. CLVI, дек., 507—509.
- Беннигсенъ, гр., Л. Л. † 1826 г., т. CLIII, янв., 188, мартъ, 587, т. CLV, сент., 532, 535, т. CLVI, окт., 6, 156, ноябр., 423.
- Бенуа, Л. Н., архит. 1913 г., т. CLVI, окт., 6 в.
- Беранже, секрет. франц. мисси въ Сиб., т. CLIII, янв., 192, 193, 196—207.
- Бергъ, редакт. «Варшав. Дневн.» 1880 г., т. CLV, июль, 148, 149.
- Бергъ, арт., 1873 г., т. CLV, авг., 279, 280, 281.
- Бергъ, О. О., намѣстникъ Ц. Польскаго, т. CLV, июль, 159.
- Бергъ, Эрнестъ Карлов., начальн. Лодзинск. учебн. дирекц. 1870 г., т. CLIV, июнь, 567, 568.
- Бердтъ, заводчикъ, 1837 г., т. CLVI, дек., 514.
- Бернацкій, В. А., сообщ. «Три собственноручн. записки г-анш. гр. А. В. Суворова Рымникскаго къ М. С. Лазаеву», т. CLIV, май, 315—317, «Александра Марковна Мармусевичъ», т. CLIV, июнь, 485—494.
- Ф. Берхольцъ, Соф. Павл., въ зам. Ауэрбахъ, т. CLVI, нояб., 399.
- Бестужевъ-Рюминъ, гр., Алексѣй Петров., канцл., р. 1692 † 1767 г., т. CLIII, янв., 134, 194, 199, 202, т. CLIV, май, 413, т. CLVI, ноябр., 241, 244, дек., 471—493.
- Бестужевъ-Рюминъ, Мих. Петр., т. CLIII, янв., 134.
- Бетлингъ, врачъ 1868 г., т. CLIV, май, 294.
- Бехтеревъ, проф. психиатръ, 1900 г., т. CLIV, апр., 4.
- Бецкій, И. И., т. CLIII, мартъ, 653, 654.
- Бибикова, Екат. Алекс., рожд. Чебышева, р. 1768 г., т. CLIII, янв., 123.
- Бибикова, Татьяна Васил., т. CLIII, янв., 121.
- Бибикова, генеральша 1863 г., т. CLIII, янв., 26.
- Бибиновъ, маршалъ Екатерин. комис. для соч. нов. улож., т. CLIV, май, 332.
- Бибиновъ, Алексд. Ильичъ, † 1774 г., т. CLIII, янв., 123.
- Бибиновъ, Васил. Ив., т. CLIII, янв., 121.
- Бибиновъ, Гавр. Гавр., т. CLIII, янв., 106.
- Бибиновъ, Гавр. Ильичъ, 1768 г., т. CLIII, янв. 123.
- Бибиновъ, Д. И., † 1870 г., т. CLVI, нояб., 311.
- Бибиновъ, Киевск. ген-губ., т. CLIV, апр., 199.
- Бивольера, бар. 1841 г., т. CLIV, июнь, 602.
- Билештейнъ, Августъ, пасторъ. 1841 г., т. CLIV, июнь, 600, 601.
- Биничъ, Ник., педагог., т. CLV, июль, 176.
- Биронъ, Луиза, принцесса 1810 г., т. CLIV, июнь, 448, 449, 450, т. CLV, июль, 8, 9, авг., 212, 214, т. CLVI, окт., 8, дек., 484.
- Блаватская, Ел. Петр., рожд. Ганъ, т. CLIV, май, 302.
- Благосвѣтлова, Варвара Андр., † 1835 г., т. CLIII, янв., 171, мартъ, 640.
- Благосвѣтлова, Ранса Евг., т. CLIII, мартъ, 640.
- Благосвѣтловъ, Алсд. Евл., фельдшеръ, т. CLIII, янв., 178, мартъ, 630, 640.
- Благосвѣтловъ, Григ. Евлампіев., писат., † 1880 г., т. CLIII, янв., 168—182, мартъ, 629—643.
- Благосвѣтловъ, Евламп., священн., † 1838 г., т. CLIII, мартъ, 640.
- Благосвѣтловъ, Нв. Гавр., пономарь, † 1839 г., т. CLIII, янв., 171, мартъ, 640.
- Благосвѣтловъ, Серап. Евламп., врачъ, т. CLIII, мартъ 631, 640.
- Блесслъ, Фил. Ив., т. CLVI, дек., 549, 551, 553.
- Блудовъ, Дм. Ник., мин. вн. дѣлъ, † 1886 г., т. CLV, июль, 86, т. CLVI, нояб., 305—308.

- Ф. Блуме, полковн. 1880 г., т. CLV, сент., 388.
- Блаументростъ, лейбъ-мед. 1724 г., т. CLIII, янв., 101.
- Боборыкинъ, Петръ Дм., писатель, сообщ. «За Подвѣка», т. CLIII, янв., 19—36, февр., 250—262, мартъ, 467—476.
- Бобрикова, Ек. Адольф., рожд. Эйхлеръ, т. CLV, авг., 203.
- Бобринковъ, Георг. Ив., сообщ. «Участвіе Сербіи въ войнѣ 1877—78 гг.», т. CLIII, янв., 55—81, «Въ Берлинѣ на конгрессѣ», февр., 280—300. «Въ Царьградѣ въ 1878—79 гг.», мартъ, 489—513, т. CLIV, апр., 33—47, май, 253—260, «На Босфорѣ», июнь, 455—460, т. CLV, июль, 29—47, авг., 195—210, «Вновь на р. Шпрее», т. CLV, сент., 387—395.
- Богатиновъ, Н. Д., дир. Острожск. сем. 1864 г., т. CLIII, мартъ, 566.
- Богдановичъ, инж. путей сообщ. 1888 г., т. CLV, июль, 27.
- Богдановъ, Алех. Фед., режиссеръ Мал. театра въ Москвѣ, т. CLIV, май, 441.
- Богдановъ, Анат. Петров., проф. зоолог. 1868 г., т. CLIV, апр., 145.
- Боголюбовъ, полковн. генер. штаба 1877 г., т. CLIII, янв., 80, мартъ, 488.
- Богословскій, проф. московск. унив., 1868 г., т. CLIV, апр., 142, 148.
- Богуславскій, Н. А., проф., 1882 г., т. CLIV, апр., 96.
- Бонавита, священ. при Наполеонѣ I 1819 г., т. CLIII, мартъ, 627.
- Бонейль, г-жа, агентъ Бонапарта въ СПб. 1800 г., т. CLIII, янв., 54.
- Борзовъ, Аван., купецъ, депутатъ въ Екатерин. комис. для соч. нов. улож., т. CLIV, май, 328—332.
- Борзовъ, Егоръ, поруч. 1762 г., т. CLIV, май, 328.
- Борисоглѣбскій, священ. 1875 г., т. CLIV, апр., 107.
- Борисъ см. Годуновъ.
- Боровковъ, чинов. мин. гос. имущ., т. CLVI, дек., 639.
- Бородинъ, А. П., композиторъ, † 1887 г., т. CLIII, февр., 256.
- Бородинъ, А. П., инж. путей сообщ. 1888 г., т. CLV, июль, 18.
- де-Боссе, маркизъ, послан. въ СПб., т. CLIII, янв., 192—207.
- Боткинъ, С. П., проф., т. CLIV, май, 284.
- Браунъ, Густ. Ив., проф. 1868 г., т. CLIV, апр., 150, май, 287, 290, 291, 292, т. CLVI, окт., 203.
- Брашеванъ, поруч., 1812 г., т. CLVI, нояб., 301, 304.
- Бредихинъ, астрономъ, 1868 г., т. CLIV, апр., 90, 148.
- Бремзенъ, бар. полковн., 1870 г., т. CLV, июль, 161, авг., 301.
- де Бретель, бар., послан. въ СПб., т. CLIII, янв., 192, 193—207.
- Бретшнейдеръ, шт. кап., т. CLVI, нояб., 312, 313, 314, 315.
- Брикнеръ, проф., т. CLIV, май, 332.
- Броглио, гр., 1813 г., т. CLVI, окт. 7.
- Броунъ, гр., Сиб. ген.-губ., 1783 г., т. CLV, июль, 97.
- Брузендорфъ, Авг. Фридр., учит. 1871 г., т. CLVI, окт., 184, 185, 490.
- Брюловъ, художн., т. CLIV, апр., 204.
- Брюммертъ, об.-гофмарш. 1742 г., т. CLVI, нояб. 229, 231, 235, 237, 241.
- Бугаевъ, проф. матем., т. CLIV, апр., 90.
- Будбергъ, бар., А. Я. мин. ин. дѣлъ 1806 г. † 1812 г., т. CLV, сент. 441, 442.
- Будбергъ, бар., секр. пос. въ Конст. 1878 г., т. CLIII, мартъ, 494, т. CLIV, апр., 45.
- Будянский, М. П., учит. 1880 г., т. CLV, сент., 490, т. CLVI, окт., 189.
- Бузе, 1860 г., т. CLIV, май, 308.
- Булгаковъ, Алех. Яков., москов. почтъ-директ., т. CLIII, янв., 183—191, мартъ, 587—592, т. CLIV, апр., 178—187, май, 429—437, т. CLV, сент., 529—537, т. CLVI, окт., 155—160, нояб., 419—426, дек., 592—598.
- Булгинскій, химикъ, профессоръ, 1868 г., т. CLIV, апр., 148.
- Бунге, П. X. † 1895 г., т. CLIV, апр., 55, 59.
- Бурдинъ, актеръ, т. CLIII, янв., 29.
- Буренинъ, писат., т. CLIV, апр., 86.
- Бутлеровъ, подполк. 1782 г., т. CLIII, мартъ, 651.
- Бутовскій, А. И., директ. деп. мануфакт. и торг. 1862 г., т. CLIII, янв., 22.
- Бутурлинъ, гр., 1793 г., т. CLIV, июнь, 627.
- Бутурлинъ, оф. 1813 г., т. CLV, сент., 535, т. CLVI, дек., 592.
- Бычковъ, Ив. Аван., т. CLIII, мартъ, 477.
- Бычковъ, Ив. О., т. CLIV, май, 398.
- Быстряковъ, священ., т. CLIII, янв., 169.
- Бѣгичевъ, Вл. Петр., инспект. репертуара, т. CLIV, май, 441, 442.
- Бѣлелюбскій, Н. А., проф. 1890 г., т. CLIV, апр., 96.
- Бѣлинская, Марія Васил., рожд. Орлова, т. CLIII, янв., 160.

Бѣлинская, Ольга Виссар., т. CLIII, янв., 160.
 Бѣлинскій, Виссар. Григ. † 1848 г., т. CLIII, янв., 159—161, мартъ, 482, т. CLIV, апр., 122, 123, т. CLV, июль, 81.
 Бѣловъ, Е., 1873, т. CLIV, апр. 53—60.
 Бѣляевъ, А. П., т. CLIII, янв., 169.
 Бѣляевъ, И. С., сообщ. «Къ вопросу о смерти царевича Димитрія», т. CLIV, апр., 30—32.
 Бѣляевъ, Н. М., т. CLIII, янв., 169.
 Бѣлявскій, подп., генер. штаба 1878 г., т. CLIII, марта 488.
 Бютнеръ, учит. 1870 г., т. CLVI, окт., 130.

В.

Вавулинъ, В. М., купецъ 1861 г., т. CLIV, июль, 495, 496.
 Вагнеръ, Г. П., учит. 1870 г., т. CLVI, окт., 130.
 Валуевъ, П. А., Митав. губернат., т. CLVI, нояб., 313, 314, 315, 316, 317.
 Валуевъ, мин. вн. дѣлъ 1863 г., т. CLIII, янв., 6, 7, т. CLVI, дек., 642.
 Варвинскій, проф. 1868 г., т. CLVI, май, 289.
 Варденбургъ, адъют. 1810 г., т. CLV, июль, 9.
 Васенко, П. Г., 1908 г., т. CLV, июль, 103.
 Василий П., вел. князь московскій, т. CLV, авг., 305.
 Васильева, Е. Н., артистка, т. CLIII, мартъ, 658, 659, 663.
 Васильевъ, кн., Пл. Вас., 1831 г., т. CLVI, нояб., 304.
 Васильевъ, арт.-цѣвецъ, т. CLV, авг., 281.
 Васильевъ, ген. 1904 г., т. CLIII, янв., 217, 218.
 Васильевъ, Пав., артистъ, т. CLIII, янв., 26, 27, 32.
 Васильевъ, Серг., артистъ, т. CLIII, янв., 26.
 Васильковскій, Л. И. педагогъ 1870 г., т. CLV, июль, 174.
 Васильчиковъ, Илар. Вас., т. CLVI, нояб., 274.
 Васильчиковъ, кн., Б. А., штабм. 1913 г., т. CLVI, окт. 6в.
 Васильчиковъ, кн., 1841 г., т. CLV, сент., 502.
 Васильчиковъ, г.-ад. 1861 г., т. CLIV, май, 312.
 Васильчиковъ, ген.-ад. 1813 г., т. CLIII, янв., 183.
 Васильчиковъ, кн., нач. штаба Севастоп. гарниз., т. CLIV, апр., 193.
 Вассіанъ, архіеп. ростов., † 1481 г., т. CLV, авг., 303—316.
 Ваховскій, С. М., ниж. пут. сообщ., т. CLV, сент., 463, т. CLVI, дек., 631, 632.
 Введенскій, Ир. Нв., пис., † 1835 г., проф., т. CLIII, янв., 169, 170, мартъ, 629—631.
 Вейденбаумъ, Е., сообщ.: «Присяга А. П. Ермолова имп. Николаю I», т. CLVI, окт., 26—34.
 Вейденбахъ, архитект., 1913 г., т. CLVI, окт., 6а, 6б.
 Фонъ - Веймаръ, Густавъ, депут. въ Екатеринбург. комис. по соч. нов. улож., т. CLIV, май, 349.
 Вейнбергъ, П. П., писат., т. CLIII, мартъ, 468, 471.
 Вейнбреннеръ, Фрид., архитект., т. CLVI, окт., 5.
 Велепольскій, гр., т. CLV, июль, 180.
 Веліо, бар., Юс. Юс., комендантъ Цар. Села 1862 г., т. CLVI, нояб. 427—436, дек., 543—557.
 Веліо, нач. тайн. полиц., 1881 г., т. CLIV, апр., 56—59, май, 272.
 Велічъ, Никол. Петр., учит., 1876 г., т. CLV, сент., 399—411.
 Вельяминовъ, И. А., ген.-л., 1825 г., т. CLVI, окт., 27, 28, 32, 33.
 Вендрихъ, полковн., 1888 г., т. CVL, июль, 22—28.
 Вендрихъ, Э. Э., предсѣд., радомск. окруж. суда, 1883 г., т. CLV, сент., 475, 487.
 Веніаминъ (Шуцекъ - Григоровичъ), арх. казанск., † 1783 г., т. CLVI, нояб., 393.
 Веніори, Юсифъ, 1793 г., т. CLIV, июль, 627.
 Венюковъ, Мих. Нв., путешест., р. 1832, † 1901 г., т. CLIV, май, 374.
 Вергопуло, А. П., ст. сов., 1896 г., т. CLVI, нояб., 336.
 Верещагинъ, В. В., худож., т. CLIV, апр., 197.
 Верзилины, 1841 г., т. CLV, сент., 502.
 Верлинъ, докт., т. CLIII, мартъ, 623.
 Верфель, скульпт., т. CLVI, ноябр., 286.
 Верховцевъ, А. А., ниж. пут.-сообщ. 1888 г., т. CLV, июль, 18, 23.
 Веселовскіе, т. CLIII, янв., 169.
 Вешняковъ, 1887 г., т. CLIV, апр., 55, 59.
 Викинскій, ген., 1830 г., т. CLV, июль, 91.
 Вилламовъ, Григ. Нв., ст. секр., 1810 г., т. CLIV, апр., 20—29, май, 261—270, июль, 447—454, т. CLV,

- июль, 5—12, авг., 211—216, т. CLVI, окт., 7—11.
- Вилламовъ, Н. А., сообщ.: «Дневникъ ст.-сект., Гр. Ив. Вилламова», 1810 г., т. CLIV, апр., 20—29, май, 261—270, июнь, 447—454, т. CLV, июль, 5—12, авг., 211—216, т. CLVI, окт., 7—11.
- Вильгельмъ I, императ. германск., т. CLV, сент., 541—548.
- Вильде, Никол. Евстаф., артистъ, реж. малаго теат. въ Москвѣ, т. CLIII, мартъ, 442, 658, 670, 674, 675.
- Виллие, Я. В., лейбъ-мед., т. CLV, июль, 82.
- Вилькенъ, Эм. Ив., инж. пут.-сообщ., т. CLIV, апр., 96, 97, май, 391.
- Вильомъ, герм. воен. агентъ, 1877 г., т. CLIV, май, 272.
- Вилсонъ, 1810 г., т. CLIV, май, 268, июнь, 447, 448, 451, 591.
- Вилуевъ, Вас. Ив., нач. Варшав. учебн. дирекц., т. CLV, июль, 177, 178.
- Виноградовъ, Н. Н., инспект., Ка-мышинск. духовн. учил., т. CLIII, янв., 169, 176.
- Винценгероде, бар., Ф. О., ген., 1812 г., т. CLV, сент., 530, т. CLVI, окт., 6.
- Вистегубе, Оттонъ Самул., пасторъ, 1873 г., т. CLV, сент., 490, т. CLVI, окт., 184.
- Виталия, дже-монахиня, раскольница, 1898 г., т. CLIV, апр., 7—19, май, 237—250, т. CLVI, окт., 12—19, нояб., 245—250, дек., 575—591.
- Витвортъ, англ. посолъ въ СПб., 1800 г., т. CLIII, янв., 50—54.
- Витгенштейнъ, гр., Л., фельдм., † 1843 г., т. CLIII, янв., 183—190, мартъ, 587, 592, т. CLIV, апр., 182, май, 429—431, т. CLV, сент., 548, т. CLVI, окт., 6, 151, нояб., 293, 294, 300, дек., 498—501.
- Витте, гр., Серг. Юл., т. CLIV, май, 301—314, т. CLV, июль, 22, 23, 30.
- Витте, Софья Юл., пис-ца, т. CLIV, май, 302.
- Витте, Оед. Оед., попечит. Киев. учеб. окр., 1864 г., т. CLIII, мартъ, 563, 570, т. CLIV, июнь, 564, 565, 570, т. CLV, июль, 176, 178, 183, авг., 297, 300.
- Виттъ, гр., ген., 1812 г., т. CLVI, дек., 567.
- Вишневскій, арт., 1904 г., т. CLIII, мартъ, 659, 673.
- Віардо, пѣвица, т. CLIV, апр., 91.
- Віельгорская, т. CLIV, май, 265, т. CLV, июль, 8.
- Віельгорскій, гр., М. Ю., т. CLVI, 514, 515.
- Владиміръ, митроп., сб., 1913 г., т. CLIV, июнь, 491, т. CLVI, окт., 6 6.
- Владиміръ Александровичъ, вел. князь, т. CLIV, апр., 59.
- Владиславичъ - Рагузинскій, гр., Гавр. Ив., т. CLVI, окт., 96.
- Владиславичъ - Рагузинскій, гр., Моис. Ив., 1770 г., т. CLVI, окт., 96—99.
- Владиславичъ - Рагузинскій, гр., Савва Лукничъ, т. CLVI, окт., 96.
- Владиславова, г-жа, 1749 г., т. CLVI, дек., 478—493.
- Владыкинъ, писат., 1862 г., т. CLIII, янв., 32.
- Воейковъ, Д., т. CLIV, апр., 54.
- Воейковъ, ген.-ад., 1877 г., т. CLIII, янв., 77.
- Воейковъ, москов. вице-губ., 1724 г., т. CLIV, апр., 174—176.
- Воиновъ, Вл. Алекс., ген., т. CLIV, апр., 170, май, 319, 323, июнь, 449, т. CLVI, нояб., 336.
- Войновъ, доцентъ моск. ун-в., 1880 г., т. CLIV, апр., 149, 150.
- Волковъ, учит. матем., 1875 г., т. CLVI, окт., 132.
- Волконская, княг., Елис. Ник., т. CLIV, апр., 107, 115, 116, 121.
- Волконская, княг., М. В., сообщ.: «За 38 лѣтъ», т. CLIII, янв., 83—99, февр., 301—317, мартъ, 516—527, т. CLIV, апр., 107—121, т. CLVI, окт., 70—79, нояб., 251—257, дек., 518—525.
- Волконскій, князь, Петръ Мих., † 1852 г., т. CLIV, апр., 201, т. CLV, сент., 548, т. CLVI, дек., 509—514, 567.
- Волконскій, князь, г.-м., 1775 г., т. CLIV, июль, 629.
- фонъ-Вольфъ, бар., послан. въ Дрезденъ, 1913 г., т. CLVI, окт., 66.
- Вольфъ, 1810 г., т. CLIV, май, 267.
- Вонлярлярская, Нат. Оед. (гр-ня Карлова) т. CLIII, мартъ, 517.
- Воробьевъ, ген., 1860 г., т. CLIV, июль, 532.
- Воробьевъ, инж., т. CLVI, дек., 653.
- Воронихинъ, А. Н., архитекторъ, † 1814 г., т. CLV, сент., 533.
- Воронова, Евг. Никол., † 1913 г., т. CLV, сент., 538—540.
- Вороновъ, А., сообщ.: «Воспоминанія бывшаго студента Харьковскаго университ. 60-хъ годовъ», т. CLIV, июнь, 571—595, Яковъ Іоганъ Урсинусъ», т. CLIV, май 325—359.
- Вороновъ, П. Н., ген.-лейт., редакт. «Р.-Ст.», т. CLV, сент., 539, т. CLVI, окт., 66.
- Воронцовъ-Дашковъ, гр., И. И., т. CLVI, нояб., 401.

- Воронцовъ, гр., Мих. Сем., Намѣстн. Кавк., † 1854 г., т. CLIV, май, 301, 313, т. CLV, сент., 506, 513, 514, 516, 521, т. CLVI, окт., 29, 30.
- Воронцовъ, гр., Сем. Ром., т. CLIII, янв., 48, 52, 54, 194, февр., 263, 265, 266, 267, 269, 271.
- Воронцовскій, проф., 1868 г., т. CLIV, май, 293, 295.
- Всеволожскій, И. А., директ. театр., 1863 г., т. CLIII, янв., 29.
- Вурцель, динлом., 1878 г., т. CLIII, мартъ, 494, т. CLIV, апр., 45.
- Выродовъ, деп. въ Екатерин. комис. для соч. нов. уложенія, т. CLV, май, 323, 347.
- Высоцкій, Н. Г., сообщ.: «Польскій бунтъ и старообрядцы», т. CLIV, май, 386 — 389. «Дѣло объ уничтоженіи эстампа съ изображеніемъ казни Людовика XVI», т. CLIV, июнь, 624—628.
- Вышнеградскій, И. А., мин. фин., т. CLIV, апр., 55, май, 273, 276, т. CLV, июль, 22.
- Вѣтринскій, А. С., инж. п. сообщ., 1888 г., т. CLV, июль, 14.
- Вѣтринскій, Ч., сообщ.: «М. С. Щенкинъ и М. П. Погосинъ», т. CLIV, нояб., 448—450.
- Вяземская, княж., въ зам. Розенкранцъ, т. CLIII, февр., 265.
- Вяземская, княж., въ зам. герц-ня Серра-Каприола, т. CLIII, февр., 265.
- Вяземскій, кн. Алсд. Алексѣев., ген.-прокур., † 1793 г., т. CLIII, мартъ, 650, т. CLIV, май, 417.
- Вяземскій, князь, П. А., писат., † 1878 г., т. CLIV, май, 402, т. CLVI, нояб., 258, 261.
- Вяземскій, кн., деп. въ Екатерин. комис. для соч. нов. улож., т. CLIV, май, 328—332.
- Гагарина, княж., 1760 г., т. CLIV, май, 233.
- Гагемейстеръ, т. CLIV, апр., 59.
- Гагманъ, Н. О., проф., 1868 г., т. CLIV, май, 290.
- Гаевскій, Викт. Пав., т. CLIV, апр., 53, 55.
- Галицинскій, О. А., инж. пут., сообщ., 1888 г., т. CLV, июль, 18.
- Гальбергъ, С. П., скульпт., 1832 г., т. CLVI, дек., 510.
- Гальперинъ-Каминскій, перев.-водч. съ рус., т. CLIII, мартъ, 469.
- Гамалѣя, Н. М., тов. мин. гос. имущ., 1861 г., т. CLVI, нояб., 311, 312.
- Ганзенъ, 1854 г., т. CLVI, дек., 666—673.
- Ганъ, бар., митав. предвод. двор., 1841 г., т. CLIV, июнь, 602.
- Ганъ, Ел. Андр., рожд. Фадѣева, т. CLIV, май, 302.
- Гаринъ (Михайловскій), писат., т. CLIII, мартъ, 472.
- Гартингъ, полков., 1810 г., т. CLVI, нояб., 303.
- Гатцугъ, г-жа, т. CLVI, окт., 117.
- Гагаринъ, И. О., директ. Тульск. гимн., 1865 г., т. CLIV, июнь, 593.
- Гвоздевъ, директ. канц. мин. вн. дѣлъ, т. CLVI, дек., 631—633.
- Гейденъ, гр., нач. пл. штаба, 1879 г., т. CLV, авг., 203.
- Гейкинъ, жанд. офиц., 1876 г., т. CLIII, мартъ, 577, 578.
- Гейнсъ, г.-м., правит. канц. ген. губ. Семпрѣч. обл., 1867 г., т. CLIII, мартъ, 646—648.
- Гельбигъ, секрет. саксон. посольства, т. CLV, авг., 324, 325.
- Геннадій, архіеп. новгород., т. CLV, авг., 303—321.
- Георгиевскій, Васил. Васил., врачъ, т. CLIII, янв., 115.
- Георгій Александровичъ, вел. князь, 1888 г., т. CLV, июль, 19.
- Гердигроссъ, директ. деп. палаты гос. имп., 1860 г., т. CLIV, май, 311.
- Герольдштейнъ, О. А., д-ръ, т. CLVI, окт., 202.
- Геронтій, москов. митроп., т. CLV, авг., 303—322.
- Герсдорфъ, г-жа, 1810 г., т. CLIV, апр., 27.
- Герценъ, А. И., † 1870 г., т. CLIV, июнь, 496, т. CLVI, окт., 116, 117, 124.
- Герценъ, Нат. Никол., т. CLVI, окт., 116.
- Герцъ, Ф. И., инж. пут. сообщ., 1888 г., т. CLV, июль, 18.
- Гивартовскій, проф., 1868 г., т. CLIV, апр., 148.

Г.

- Габерзангъ, докт., 1825 г., т. CLVI, дек., 549—551.
- Гавриилъ (Петръ Петр. Петровъ), митроп. новгород. и слб., 1765 г., р. 1730, † 1807 г., т. CLIV, май, 357, т. CLV, июль, 95—102.
- Гавриилъ, еп. тверск., 1768 г., т. CLIV, май, 417.
- Гавриловъ, штурманъ 1846 г., т. CLVI, нояб., 283, 284.
- Гадеревъ, думн. дьякъ, т. CLIII, янв., 134.
- Гагарина, княж., Анна Петров., см. Лопухина.

- Гилленбергъ, шведск. посланикъ, 1744 г., т. CLVI, май, 410, 411.
- Гильдебрандтъ, полковн., т. CLVI, нояб., 313, 314.
- Гильшеръ, инж. пут. сообщ., 1888 г., т. CLV, июль, 22.
- Гницбургъ, бар., Г. I., т. CLVI, нояб., 400, 401.
- Гирсъ, Н. К., мин. ин. дѣл., 1877 г., т. CLIV, апр., 53, 54, май, 274, 277, т. CLV, сент., 394.
- Гиршманъ, инж. пут. сообщ., 1900 г., т. CLV, авг., 226, 250, 251, т. CLVI, дек., 652.
- Гладковъ, г.-лейт., 1824 г., т. CLV, авг., 354.
- Гладстонъ, англ. госуд. дѣят., т. CLIII, мартъ, 550 — 562, т. CLIV, апр., 153—164, т. CLVI, нояб., 377—391.
- Глазенапъ, арханг. воен. губери., т. CLVI, дек., 633, 634.
- Глазенапъ, А. П., инж. пут. сообщ., 1888 г., т. CLV, июль, 30.
- Глазовъ, Вл. Гавр., ген.-отъ-инф., 1913 г., т. CLVI, окт., 6 б.
- Глазунова, рожд. Сазикова, т. CLIII, мартъ, 520.
- Глазуновъ, А. К., директ. сб. консерватори., т. CLIII, февр., 256, мартъ, 520.
- Глейнихъ, кап., 1892 г., т. CLVI, окт., 150.
- Глуховскій, Алес. Ив., полков. ген. штаба, р. 1838, † 1912 г., т. CLIV, апр., 217, 218, май, 381.
- Глушинскій, проф., 1881 г., т. CLIV, апр., 93.
- Глѣбовъ, оф., 1841 г., т. CLV, сент., 302.
- Гогендорфъ, учит., 1880 г., т. CLV, сент., 490.
- Гогенлозъ, кн., 1878 г., т. CLV, сент., 392.
- Гомкидорфъ, учит., 1888 г., т. CLVI, окт., 189.
- Гоголь, Н. В., писат., т. CLIII, мартъ, 470.
- Годлевскій, П. О., учит., 1871 г., т. CLV, сент., 488, т. CLVI, окт., 187.
- Годуновъ, Борисъ, царь, т. CLIII, февр., 235, т. CLV, июль, 108.
- Голицына, княгиня, 1829 г., т. CLIII, янв., 110.
- Голицынъ, кн., Ал. М., фельдмарш., † 1783 г., т. CLVI, нояб., 393.
- Голицынъ, кн., Ал. Н., т. CLV, сент., 512.
- Голицынъ, кн., Борисъ Влад., ген.-лейт., † 1813 г., т. CLIII, янв., 188.
- Голицынъ, кн., В. Д., новгород.-сѣвер. предв. двор., 1896 г., т. CLVI, нояб., 336.
- Голицынъ, кн., Дм. Вл., 301.
- Голицынъ, кн., Дм. (Муравинъ), писат., т. CLIV, июль, 490.
- Голицынъ, кн., Д. М., завѣд. сенатск. конт., 1724 г., т. CLIV, апр., 173.
- Голицынъ, кн., Н. Н., редакт. Варин. Дневн., 1882 г., т. CLV, июль, 148—156.
- Голицынъ, кн., Юрій Ник., т. CLIII, мартъ, 678, т. CLIV, май, 438.
- Голицынъ, кн., 1775 г., т. CLIV, июль, 629, т. CLVI, дек., 472.
- Головина, гр.-ня, т. CLIII, февр., 264.
- Головинъ, С. С., проф., 1868 г., т. CLIV, май, 282.
- Головинъ, О. А., бояринъ, 1701 г., т. CLIV, май, 425.
- Головинъ, гр., 1810 г., т. CLIV, май, 267.
- Головинъ, мин. нар. просв., т. CLIII, мартъ, 568.
- Головкина, гр.-ня, Е. П., т. CLIII, янв., 133.
- Головкинъ, гр., Гавр. Ив., сенат., 1724 г., т. CLIV, апр., 175, 176.
- Головкинъ, гр., Юр. Алес., 1813 г., т. CLIV, май, 434.
- Головкинъ, гр., 1810 г., т. CLV, авг., 211.
- Головкинъ, т. CLIV, апр., 58, т. CLVI, окт., 144.
- Голомбѣевскій, А., сообщ.: «Могилы отца Суворова», т. CLIII, янв., 132—134, «Дневникъ поѣздки по Россіи въ 1841 г.», т. CLV, сент., 492—528, упом. июль, 114, 119.
- Гончарова, Нат. Ив., т. CLVI, дек., 508.
- Гончарова, Нат. Ник., въ зам. Пушкина, т. CLVI, дек. 508—517.
- Гончаровъ, Ал. Ник., т. CLVI, дек., 508.
- Гончаровъ, Д. Д., т. CLVI, дек., 509.
- Гончаровъ, Ив. Ал., писат., т. CLIII, мартъ, 471, т. CLVI, окт., 118.
- Гончаровъ, Ник. Ал., 1781 г., т. CLVI, дек., 507—517.
- Горбуновъ, Ив. Фед., артистъ, т. CLIV, апр., 93, т. CLV, авг., 289—291.
- Горбуновъ, Орестъ Фед., т. CLV, авг., 289—291.
- Гордѣенко, Я. Н., проф., 1881 г., т. CLIV, апр., 95.
- Горзина, Марса, см. Ковалева.
- Горзинъ, Ермолай, мѣщан., т. CLIV, май, 239—250.
- Горталовъ, Гавр. Ив., р. 1819—1883 г., т. CLIII, мартъ, 655.
- Горчаковъ, кн., А. М., канцл., т. CLIII, янв., 80, 81, мартъ, 498, т. CLIV, май, 362, 364, 367, т. CLV, сент., 413.

- Горчаковъ, А. Н., инж. пут.-сообщ. 1888 г., т. CLV, июль, 28.
 Горчаковъ, кн. П. Д., ген. † 1868 г., т. CLIV, апр., 193, т. CLVI, окт., 27.
 Горькій, М., писат., т. CLIII, мартъ, 468.
 Грабаръ, Игорь. писат., т. CLIII, мартъ, 595—606.
 Грановскій, Т. Н., т. CLIV, июнь, 522, 573.
 Гревеницъ, 1810 г., т. CLIV, май, 262, 265, 267, июнь, 453, т. CLV, июль, 8.
 Грековъ, М. И., г.-м., сообщ.: «Атака лейбъ-казакъ въ сраж. подъ Лейпцигомъ 1813 г.», т. CLVI, окт., 20—25.
 Грейгъ, адм., † 1887 г., т. CLIV, апр., 33, 55, 58, т. CLVI, нояб., 419.
 Грессеръ, спб. об.-полниц. 1881 г., т. CLIV, апр., 57.
 Гречъ, Н. П., писат., т. CLIV, май, 402, 403, 405.
 Грибобъдовъ, А. С., писат., т. CLIII, мартъ, 470.
 Григоровичъ, Д. В., писат., т. CLIII, февр., 257, мартъ, 471.
 Григоровичъ, В. И. художн., 1832 года, т. CLVI, дек. 510.
 Григоровскій, чтецъ, т. CLV, авг., 290, 291.
 Григорьевъ Апполонъ, писат., † 1864 г., т. CLIII, янв., 25, 29, февр., 258.
 Гриневичъ, Н. В., сообщ. «Лѣтопись и мысли стараго педагога», т. CLIV, июнь, 607—623.
 Грудевъ, Г. В., т. CLVI, окт., 31.
 Грушецкій, г.-м. 1775 г., т. CLIV, июнь, 629.
 Гришановъ, врачъ, 1858 г., т. CLIV, апр., 202.
 Гронъ, оф. 1885 г., т. CLIV, апр., 201.
 Гротенъ, 1810 г., т. CLIV, май, 268, июнь, 447, 451.
 Гротъ, Я. К., т. CLIV, апр., 55, 56, т. CLVI, дек., 509.
 Гротъ, вл. художн., 1749 г., т. CLVI, дек., 491, 494.
 Грумъ-Гржимайло, докт., 1846 г., т. CLIV, июнь, 504.
 Губастовъ, К. А., чл. имп. рус. ист. общ. 1913 г., т. CLIII, янв., 192.
 Губернатисъ, итал. консулъ въ Салоникахъ 1880 г., т. CLV, сент., 388.
 Гудовичъ, гр., Ин., главноком. г. Москвы, т. CLV, июль, 118.
 Гурій, арх. самарск., † 1908 г., т. CLVI, нояб., 336.
 Турко, І. В., Варшав. ген.-губ., 1883 г., т. CLIII, янв., 55, 57, т. CLIV, апр., 51, т. CLV, июль, 155, 156.
 Гурьевъ, 1810 г., т. CLIV, май, 263, 264, т. CLV, июль, 10, 11.
 Гучковъ, Ал. Ив., т. CLV, сент. 539.
 Гучковъ, Н. И., д. с. с., т. CLVI, окт., 6 в.
 Гюббенетъ, проф. Кіев. унив., т. CLIV, апр., 194.

Д.

- Давидовъ, проф. матем., 1867 г., т. CLIV, апр., 90.
 Дависонъ, актеръ 1863 г., т. CLIII, янв., 34.
 Давыдова, 1810 г., т. CLIV, июнь, 448, 450.
 Давыдовъ, Д. В., партизанъ, т. CLVI, окт., 30, 34.
 Давыдовъ, Вас. Ден., помѣщ. 1860 г., т. CLIV, июнь, 530.
 Давыдовъ, П. Л., 1813 г., т. CLVI, окт., 7, 8.
 Давыдовъ, чл. сов. воспит. дома 1810 г., т. CLIV, апр., 24, т. CLV, июль, 10.
 Далматовъ, В. П., артистъ, см. Лунинъ.
 Даль, Вл. Ив., т. CLV, июль, 80—94.
 Данилъ, мигроп. 1538 г., т. CLV, июль, 111, авг., 330.
 Даниловичъ, Г. Г., ген. 1864 г., т. CLIV, июнь, 609.
 Даргомыжскій, композит., т. CLIII, февр., 253, 256.
 Дашковъ, послан. при Соед. Штатахъ 1812 г., т. CLV, сент., 445, 446, т. CLVI, окт., 43—49.
 Дверницкій, ген. 1831, т. CLV, июль, 84.
 Дворжецкій-Богдановичъ, І. И., инж. пут.-сообщ. 1888 г., т. CLV, июль, 22, 24, 27.
 Девель, Д. Ф., сообщ. «За лучинку и пощелуй», т. CLIV, май, 360, 361.
 Девіеръ, камерг. 1749 г., т. CLVI, дек., 472.
 Дедьковскій, ученый, т. CLV, сент., 497.
 Дельвигъ, писатель, т. CLVI, дек., 534.
 Дембицкій, Ф. И., инспект. Петроковск. гимназ. 1870 г., т. CLV, июль, 172, 176, 177.
 Демидовъ, Н. П., ген.-м. 1913 г., т. CLVI, окт., 6 в.
 Демидовъ, г.-м. 1834 г., т. CLV, июль, 91.
 Демуть-Малиновскій, В. худож., 1832 г., т. CLVI, дек., 510.
 Денисовъ, В. И., штабс. 1913 г., т. CLVI, окт., 6 в.
 Денореа, учит.-ца, 1867 г., т. CLIV, апр., 86.

- Державинъ, Гавр. Ром., т. CLIII, янв., 82, т. CLIV, май, 417, т. CLV, июль, 119, 120.
- Дерфельденъ, фл.-ад. 1887 г., т. CLIV, май, 277.
- Дерюгинъ, М. Е., подполков. 1870 г., т. CLVI, окт., 162.
- Дестюдь-де-Бланъ, I. В., инж. пут. сообщ. 1888 г., т. CLV, июль, 29, 30.
- Дибичъ, гр., † 1830 г., т. CLV, авг., 353, сент., 512, т. CLVI, окт., 29, 34, ноябр., 298—304, 434.
- Дивова, г-жа, 1810 г., т. CLIV, июнь, 448, т. CLV, июль, 8, 9, авг., 213, 214.
- Дивьеръ, гр., 1744 г., т. CLVI, нояб., 239.
- Дидрихштейнъ, гр., см. Шувалова.
- Димитрій, царевичъ, т. CLIV, апр., 30—32.
- Дмитріевъ, Ф. М., проф. 1873 г., т. CLVI, окт., 168.
- Дмитрій Константиновичъ, вел. князь, т. CLIV, апр., 57, май, 274.
- Дмитріева, О. П., инициаторша сооруж. памятн. къ 100 л. битвы народовъ 1913 г., т. CLVI, окт., 6—6 в.
- Дмитріевъ, депутатъ 1913 г., т. CLVI, окт., 6 в.
- Добровъ, врачъ, субинспект. моск. унив. 1868 г., т. CVIV, апр., 142.
- Добролюбовъ, Н. А., † 1861 г., т. CLIII, янв. 25, 30, февр., 258, 259.
- Добротворскій, протоіер. 1861 г., т. CLIV, июнь, 574, 578.
- Добряковъ, медиц. инсп. московск. окр., т. CLIV, апр., 193.
- Доделъ, Ф. В., представит. по сооруж. памятн. въ Лейпц. 1911 г., т. CLVI, окт., 6 а, 6 в.
- Долговъ, С. О., сообщ. «Сто лѣтъ назадъ», «Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову», т. CLIII, янв., 183—191, февр., 405—411, мартъ, 587—592, т. CLIV, апр., 178—187, май, 429—437, т. CLV, сент., 529—537, т. CLVI, окт., 155—160, нояб., 419—426, дек., 592—598.
- Долгово-Сабуровъ, Симбир. губернат. 1877 г., т. CLVI, окт., 169.
- Долгорукій, кн., Вас., Андр., т. CLVI, дек., 635.
- Долгорукова, княж., Ел. Павл., въ зам. Фадѣева, т. CLIV, май, 302.
- Долгоруковъ, кн., Вас. Лукичъ, сенат., 1724 г., т. CLIV, апр., 175, 176.
- Долгоруковъ, кн., Вас. Мих., Радомск. губернат., т. CLV, сент., 475, 476, 477.
- Долгоруковъ, кн. Вл. Ан., ген.-губ. москов., т. CLVI, окт., 202, нояб., 317.
- Долгоруковъ, кн., Вл. П., т. CLIII, янв., 18.
- Долгоруковъ, кн. Н. Д., черниг. предв. двор., т. CLVI, нояб., 336.
- Долгоруковъ, кн., П. В., эмигрантъ, т. CLIII, янв., 18, 133.
- Долгоруковъ, кн., Серг. Григ., т. CLIV, май, 302.
- Домбровский, А. П., инж. путей сообщ. 1888 г., т. CLV, июль, 27.
- Дондуковъ-Корсаковъ, князь, А. М. г.-ад., комис. въ Болгаріи, т. CLIII, мартъ, 492.
- Донецъ-Захаржевскій, полковн., 1825 г., т. CLVI, дек., 548, 552, 555.
- Достоевскій, Фед. Мих., писатель, т. CLIII, мартъ, 471, 477—487, 676, т. CLVI, нояб., 379, 380, дек. 519.
- Драгомировъ, М. И., Кіев. ген.-губ., т. CLIII, мартъ, 579—586, т. CLIV, апр., 165—171, май, 318—324, т. CLVI, нояб., 328—337.
- Дрейшокъ, арт. 1841 г., т. CLV, сент., 522.
- Дрентельнъ, А. Р., ген.-губ., ю-з края 1888 г., т. CLVI, окт., 80—84.
- Дроздовскій, сотруди. «Варшавск. Дневн.», 1885 г., т. CLV, июль, 152.
- Дружининъ, А. В., т. CLIV, апр., 123.
- Друцкій-Соколинскій, кн., волинск. губерн. 1859 г., т. CLIV, июнь, 509.
- Дубельтъ, Л. В., т. CLIV, май, 403.
- Дубровинъ, Ник. Фед., г.-л., акад., т. CLIV, июнь, 629.
- Дуве, чиновн. мин. гос. имущ., т. CLVI, дек., 639.
- Дунинъ-Борковскій, помѣщикъ 1859 г., т. CLIV, апр., 203.
- Дурасовъ, церемоніймейст. 1876 г., т. CLIV, май, 382.
- Дурново, Ив. Н., ст. секр. 1896 г., т. CLVI, 336.
- Духовникова, А. В., т. CLIII, янв., 169.
- Духовниковъ, Ф. В., т. CLIII, янв., 169, 170, 181, мартъ, 640—643.
- Дьяченко, писат. 1863 г., т. CLIII, янв., 32.
- Дюбюкъ, Вѣра Алсд., арт.-ка, т. CLV, авг., 273, 277, 278.
- Дюклу, ген. 1830 г., т. CLVI, нояб., 306.
- Дюмарескъ, докт. богосл. 1765 г., т. CLIV, май, 350.

Е.

Евгеній, герц. Виртембергскій, т. CLIII, янв., 47, т. CVIV, июнь, 450.

Евлогій, еписк. Холм. 1913 г., т. CLVI, окт., 6 б.

Единевскій, Илья Степ., учитель 1870 г., т. CLVI, окт., 163.
 Екатерина I, императрица, т. CLIV, апр., 173.
 Екатерина II, императрица, т. CLIII, янв., 39, 192—207, февр., 242, мартъ, 399, 648—656, т. CLIV, май, 225, 316, 332, 407—419, июнь, 551, 624, т. CLV, июль, 95—99, 114, 117, 118, авг., 325, сент., 424, т. CLVI, окт., 96—101, 143, 263, нояб., 227—244, 392—395, дек. 467—497, 504—517.
 Екатерина Павловна, великая княгиня, т. CLIII, янв., 184, мартъ, 388, 589, т. CLIV, апр., 23, 24, май, 265, 267, июнь, 453, 454, т. CLV, июль, 6—8, авг., 211, 213, т. CLVI, дек., 559, 563, 566, 573.
 Елагинъ, депутатъ въ Екатерин. комис. для соч. нов. улож., т. CLIV, май, 339.
 Елена Павловна, вел. княгиня, т. CLV, сент., 512, 547.
 Елисавета Маврикіевна, вел. княгиня, т. CLIV, апр., 57, май, 276.
 Елисавета Алексѣевна, им-ца, т. CLIII, янв., 47, 49, т. CLIV, апр., 21—23, май, 267, 431, т. CLV, 504, 506, т. CLVI, окт., 7—11, 262—279, нояб., 430.
 Елисавета Петровна, императрица, т. CLIV, 410, 412, 413, т. CLVI, окт., 129, нояб., 228—241, дек., 469—496.
 Елисавета Ѳеодоровна, великая княгиня, т. CLIV, апр., 60.
 Ельцинскій, В. И., врачъ 1870 г., т. CLVI, окт., 198.
 Ельчаниновъ, П. Н. миров. посредн. 1860 г., т. CLIV, июль, 523.
 Елчаниновъ, полков. 1878 г., т. CLVI, окт., 170.
 Енохинъ, лейбъ-мед., т. CLVI, дек., 634.
 Еремѣвъ, П. В., проф. 1866 г., т. CLVI, нояб., 397.
 Еремѣвъ, симбир. губерн. 1873 г., т. CLVI, окт., 166.
 Ермолинскій, воинск. нач. 1881 г., т. CLV, сент., 483.
 Ефимова, Мар. Ив. помѣщ., † 1912 г., т. CLV, сент., 538—540.
 Ефремовъ, ген. 1813 г., т. CLVI, окт., 22—25.

Ж.

Ждановъ, Митроф. Григ., генералъ-консулъ въ Смирнѣ, т. CLIV, апр., 222.
 Жданъ-Пушкинъ, И. В. директ. Корп. 1865 г., т. CLIV, июль, 611.
 Жергдовскій, шт.-ран., т. CLVI, дек., 641.

Желиховская, Вѣра Петр., рожд. Ганъ, т. CLIV, май, 302.
 Желтухинъ, т. CLVI, дек., 633.
 Жеребцова, О. А., рожд. Зубова 1800 г., т. CLIII, янв., 50, 51, 53, февр., 270, т. CLIV, май, 224.
 Живокини, В. И., арт., т. CLIII, мартъ, 659, 661.
 Жилинскій, Я. Г., ген.-отъ-кавал. 1913 г., т. CLV, сент., 539, т. CLVI, окт., 6 б.
 Жмакинъ, В., т. CLV, июль, 111.
 Жоминъ, бар., диплом., т. CLIII, мартъ, 621, т. CLVI, окт., 63, 65.
 Жуковский, Вас. Андр., писатель, т. CLIII, февр., 248, 249, т. CLIV, май, 398—406, июль, 491, т. CLV, июль, 80, 81, сент., 413.

З.

Забѣлинъ, Ив. Егор., т. CLV, июль, 109.
 Завадовскій, гр. П. В., † 1812 г., т. CLIII, февр., 265, 266, т. CLV, авг., 339.
 Загряжскій, Н. А., помѣщ. 1855 г., т. CLIV, июль, 507.
 Загряжскій, Новоторж. предвод. дворян. 1860 г., т. CLIV, июль, 522.
 Зайкинъ, Порф. Мих., нач. морск. Астрабад. станціи, 1874 г. † 1878 г., т. CLIV, апр., 218, 219.
 Залебедскій, юристъ 1870 г., т. CLIV, июль, 591.
 Заливкина, Е. П., † 1879 г., т. CLVI, окт., 126—141.
 Залусскій, фл.-ад. 1812 г., т. CLVI, нояб., 303.
 Замысловскій, учит. 1870 г., т. CLVI, окт., 132.
 Замятинъ, П. И., пнж. пут. сообщ. 1888 г., т. CLV, июль, 18.
 фонъ Занденъ, полковн., 1825 г., т. CLVI, окт., 33.
 Зассергагенъ, г-жа, т. CLVI, окт., 125.
 Засуличъ, Вѣра, т. CLIV, апр., 115.
 Засядко, инспект. студ. 1870 г., т. CLIV, июль, 591.
 Захарьинъ, Григ. Антонов., профес., врачъ, т. CLIV, май, 281—290, 299, окт., 197.
 Зеленева, И. Ѳ., проф., 1910 г., т. CLVI, окт., 204.
 Зеленой, А. А., тов. мин. гос. им., т. CLVI, нояб., 316, дек., 640.
 Зеленой, А. С. 1878 г., т. CLIV, апр., 42.
 Зернинъ, проф. 1861 г., т. CLIV, июль, 574.

Зибертъ, И. С., 1906 г., т. CLIV, июнь, 489.
 Зиновьева, Ульяна (Екат.) Никол. въ зам. гр. Орлова, † 1781 г., т. CLV, июль, 106.
 Зиновьевъ, помѣщ. 1860 г., т. CLIV, июнь, 316.
 Заменскій, проф. Казанск. акад., т. CLIII, мартъ, 638.
 Золотаревъ, И. О., учит. Камышин. духов. учил., т. CLIII, янв., 176.
 Золотницкій, депутатъ въ Екатерин. комис. для соч. нов. улож., т. CLIV, май, 325, 352, 353, 357.
 Зорина, Вѣра Мас., арт-ка, т. CLV, авг., 279.
 Зубковъ, В. П., 194.
 Зубовъ, Валеріанъ Алсд. † 1804 г., т. CLIV, май, 224.
 Зубовъ, кн. Платонъ Алсд., † 1822 г., т. CLIII, февр., 271, т. CLIV, май, 224.
 Зубовъ, С. А., ген. 1913 г., т. CLVI, окт., 162—164.
 Зуровъ, ген. 1877 г., т. CLIII, янв. 77.

И.

Ивановскій, М. I., свящ. 1880 г., т. CLV, сент., 491, т. CLVI, окт., 181.
 Ивановъ, Алсд. Андр., художн. † 1858 г., т. CLIII, февр., 257.
 Ивановъ, А. Я., педагог. 1864 г., т. CLIII, мартъ, 570.
 Ивановъ, В. И., сообщ. «Ода капитана Лукина», т. CLVI, окт., 205.
 Ивановъ, М. И., врачъ 1848 г., т. CLIV, июль, 505.
 Ивановъ, Ник. Алсд., Туркест. ген.-губ., р. 1842 † 1904 г., т. CLIV, апр., 216, май, 384.
 Ивановъ, студ. Петров. акад. (дѣло Нечаева), т. CLIII, мартъ, 676.
 Ивановъ, жанд. полковн. 1888 г., т. CLV, июль, 17.
 Ивкова, помѣщица 1860 г., т. CLIV, июль, 52 б.
 Ивонэ, педагог. 1870 г., т. CLV, июль, 174.
 Игнатъевъ, гр., Алексѣй Пав., г.-ад., гл. г. сов., т. CLIII, мартъ, 580, т. CLIV, апр., 166.
 Игнатъевъ, гр., Н. П., г.-ад., посолъ въ Константиноп. 1878 г., т. CLIII, янв., 81, мартъ, 489, 490, 493, 497.
 Игнаціусъ, Серг. Ил., инж. пут. сообщ. 1899 г., т. CLV, авг., 220, 250, т. CLVI, дек. 652—657.
 Извольскій, послан. въ Парижъ 1913 г., т. CLIV, май, 362.
 Измайловъ, А. Е., баснопис., р. 1779 г. † 1831 г., т. CLV, июль, 123, авг., 326.

Измайловъ, инж. путей сообщ. 1888 г., т. CLV, июль, 28.
 Иловайскій, учит. Саратов. семин. 1830 г., т. CLIII, мартъ, 630, 634.
 Ильинскій, Л., сообщ. «Два письма В. А. Жуковского къ А. Н. Оленину» 1838 г., т. CLIV, май, 393—406.
 Ильинскій, О., сообщ. «Московский митрополитъ Геронтіи», т. CLV, авг., 303—322.
 Ильинскій, смотрит. Кіев. уѣздн. учил. 1864 г., т. CLIII, мартъ, 566.
 Ильинъ, Алексѣй Алсд., т. CLIII, янв., 121.
 Инокентій, архіеписк. псковск. 1762 г., т. CLIV, май, 356, 417.
 Иноземцевъ, проф. 1818 г., т. CLIV, апр., 149.
 Исаковъ, Н. В., нач. воен. учебн. зав. 1865 г., т. CLIV, июль, 610, т. CLV, авг., 341, т. CLVI, окт. 172—176.

I.

Іаковъ, еп. Саратов. 1832 г., т. CLIII, мартъ, 631—642.
 Іоанникій, архіеп. Варшавск. 1870 г., т. CLV, июль, 162.
 Іоанникій, митр. Кіев. 1896 г., т. CLVI, нояб., 336, 337.
 Іоаннъ I, Калита, т. CLV, авг., 311.
 Іоаннъ III, т. CLV, авг., 303, 307, 313, 314, 318, 319, 322.
 Іоаннъ IV Грозный, т. CLV, авг. 329.
 Іоаннъ Антоновичъ, императоръ † 1764 г., т. LIII, янв., 200.
 Іоганна-Елисавета, принцесса, мать Екатерины II, т. CLVI, нояб., 229, 234, 235.
 Іосифъ, волоколамскій, т. CLV, авг., 303, 310, 314.
 Іосифъ, архіеп., т. CLV, авг., 306, 316.
 Іосса, Н. А., проф., т. CLVI, нояб., 406.
 Іустинъ, арх. Херсон. † 1907 г., т. CLVI, нояб., 336.

К.

Казариновъ, Петръ, рект. Камышинск. духов. учил. 1834 г., т. CLIII, янв., 172, 173.
 Кальневъ, миссіонеръ 1899 г., т. CLIV, апр., 4.
 Каменская, пѣвица, т. CLIV, апр., 91.
 Каменскій, фельдмарш., т. CLIV, май, 270.
 Кандауровъ, Д. П., инж. путей сообщ. 1888 г., т. CLV, июль, 18, 19.
 Кандыба, учен. Кіев. гимназ., 1876 г., т. CLIII, мартъ, 577, 578.

- Канкринъ, гр., Ег. Фр., мин. фин., т. CLIV, май, 401.
 Канскій, Целест. Юрданов. педаг. 1870 г., т. CLV, июль, 174, авг., 299.
 Канодистрія, гр., I, мин. ин. дѣль, 1820 г., т. CLVI, дек., 621.
 Карамзинъ, Н. М., писат., т. CLIII, янв., 40, т. CLIV, апр., 31, т. CLV, авг., 328.
 Каратыгинъ, артистъ, т. CLV, сент., 493.
 Каригофъ, В. А., 1838 г., т. CLIV, май, 402.
 Карлъ, прус. принцъ 1828 г., т. CLV, сент., 541—548.
 Карницкій, Станисл. Франц., полк. команд. 1883 г., т. CLV, сент., 472.
 Карновичъ, камердин. Петра III, т. CLVI, дек., 493.
 Карповъ, К. Ор. полков. 1896 г., т. CLVI, нояб., 336.
 Карповъ, П. А., 1877 г., т. CLVI, нояб., 400.
 Карръ, г-жа, 1744, т. CLVI, нояб., 240.
 Касаткинъ, докт., т. CLVI, дек. 673.
 Кассини, гр-ня, помѣщица, 1873 г., т. CLVI, окт., 178.
 Карташевъ, В. Ф., инж. пут. сообщ. 1888 г., т. CLV, июль, 18.
 Картаци, геодезистъ 1863 г., т. CLIII, янв., 75.
 Карчагинъ, врачъ 1868 г., т. CLIV, май, 296.
 Каспари, А. Х., лект. итал. яз. моск. универ. 1857 г., т. CLIV, апр., 85.
 Катковъ, М. Н., † 1887 г., т. CLIII, февр., 260, мартъ, 374, 375, т. CLIV, апр., 53—59, 92, 144, май, 272, 274, 276, 367, июль, 581, 582, 583, т. CLVI, окт., 145, 147, 173, нояб., 380.
 Катрановъ (прототипъ Инсарова въ «Наканунѣ»), т. CLIV, июль, 486.
 Каульбарсъ, бар., полк., ген. штаба, т. CLIII, мартъ, 488.
 Кауфманъ, К. П., г.-ад., † 1882 г., т. CLIII, янв., 213, 264, мартъ, 644—649, т. CLIV, апр., 55, май, 278—280, 384.
 Фонъ-Кауфманъ, П. сообщ. «Письмо въ редакцію», т. CLIV, май, 278—280.
 Каховскій, полковн., т. CLV, авг., 340.
 Каченовскій, Дм. Ив., профес. † 1872 г., т. CLIV, июль, 576—593.
 Кашкинъ, Арист. Петр., камеръ-пажъ 1750 г., т. CLVI, дек., 469.
 Кашкина, Елис. Евг., т. CVIII, янв., 113.
 Кашовскій, помѣщ. 1859 г., т. CLIV, июль, 508—516.
 Кашперова, В. Н., препод-ца пѣнія, 1878 г., т. CLIV, апр., 91, 93.
 Квадри, арт. 1863 г., т. CLIII, янв., 26.
 Кедровъ, С. И., т. CLIII, янв., 169.
 Кипарисовъ, инж. путей сообщ. 1900 г., т. CLV, авг., 250, 251.
 Кириллъ, митроп. 1241 г., т. CLV, июль, 110.
 Кириллъ Владиміровичъ, вел. князь, т. CLIII, янв., 155.
 Кирѣевъ, Ник. Алекс., т. CLIV, апр., 164.
 Киселевскій, Н. М., г.-м. 1913 г., т. CLVI, окт., 6 в.
 Киселевъ, гр., П. Д., мин. гос. имущ., † 1872 г., т. CLIV, июль, 529, т. CLV, июль, 93, т. CLVI, окт., 151, нояб., 309—313, дек., 633.
 Кишенскій, П. Д., миров. посредн. 1860 г., т. CLIV, июль, 523, 540, т. CLV, июль, 143.
 Кларнеръ, врачъ 1745 г., т. CLVI, окт., 106.
 Клейнмихель, гр., К. П., т. CLVI, нояб., 336.
 Клейнмихель, гр., П. А., т. CLV, июль, 90.
 Клейнъ, проф. 1868 г., т. CLIV, май, 290.
 Клинеръ, т. CLIV, май, 265.
 Клинтштетъ, депут. въ Екатерин. комис. для соч. нов. улож., т. CLIV, май, 350, 352, 356, 357.
 Клинтштетъ, ст. сов. 1768 г., т. CLIV, май, 417.
 Клочковъ, М., сообщ. «Замѣтка о Посошковѣ», т. CLIV, май, 425—428.
 Ключевскій, В. О., проф., т. CLIV, апр., 31.

Книги, выпедшія по исторіи и исторіи литературы:

Съ 1 дек.	по 20 декабря	1911 г.	—	кп. январь,	227—232.
» 20 »	1911 по 3 янв.	1912 »	—	» апрѣль, на обложкѣ.	
» 3 янв.	1912 » 10 »	— »	—	» май, » »	
» 10 »	— » 17 »	— »	—	» июль, 188—191.	
» 17 »	— » 24 »	— »	—	» на обложкѣ.	
» 24 »	— » 3 апр.	— »	—	» августъ, 355—384.	
» 3 апр.	— » 10 »	— »	—	» на обложкѣ.	
» 17 »	— » 23 июля	— »	—	» сент., 549—572.	
» 23 июля	— » 30 »	— »	—	» на обложкѣ.	
» 23 »	— » 24 сент.	— »	—	» окт., 206—224.	

- » 24 сент. — » 29 окт. — » — » нояб., 452—462.
» 17 окт. — » 17 дек. — » — » дек., 681—688.
- Кноррингъ, г-жа, 1828 г., т. CLV, сент., 548.
Ковалева, Анна, т. CLIV, май, 241.
Ковалева, Александра, сектантка 1897 г., т. CLIV, апр., 12—19, май, 239—250, т. CLVI, окт., 12—19, дек., 581.
Ковалева, Марѳа, въ зам. Горзина, т. CLIV, май, 239, 240, 243.
Ковалева, Ульяна, сектантка, т. CLVI, окт., 12—19, нояб., 245—250.
Ковалевъ, Арист. Як., т. CLVI, нояб., 246, 247.
Ковалевъ, Іувеналій, т. CLIV, май, 242, 243.
Ковалевъ, Ѳед., сектантъ 1897 г., т. CLIV, апр., 3—19, май, 237—250, т. CLVI, окт., 12—19, нояб., 245—250, дек., 578—585.
Ковалевскій, Макс. Макс., профес., т. CLIII, янв., 23, 25.
Ковалько, В. А., инж., пут.-сообщ. 1888 г., т. CLV, июль, 18.
Кожениковъ, Алексѣй Яковлев., проф., 1868 г., т. CLIV, май, 289, 290, т. CLVI, окт., 203.
Козаровская, г-жа 1810 г., т. CLV, июль, 8.
Козель, г-жа, въ зам. Эссентъ, т. CLV, сент., 548.
Козловъ, Н., т. CLIV, апр., 53.
Козловъ, бригад. 1793 г., т. CLIV, июнь, 627.
Козляниновъ, Казанск. вице-губернаторъ, т. CLVI, дек., 637, 638.
Козодавлевъ, 1810 г., т. CLV, июль, 11.
Козыревъ, А. И., т. CLIV, апр., 92, 94.
Козьминъ, Серг. Матв., ст.-секр., р. 1724 † 1788 г., т. CLVI, окт., 100.
Кокорцевъ, К. Н., инспект. инст. инж. п. сообщ. 1880 г., т. CLIV, апр., 92, 95.
Колпаковский, воен. губ. Семирѣч. обл. 1807 г., т. CLIII, мартъ, 646, 647.
Колпинская, въ зам. Ильина, т. CLIII, янв., 121.
Колпинскій, Дм. Мих., т. CLIII, янв., 120.
Колюбакинъ, Б. М., г.-м. 1913 г., т. CLVI, окт., 6в.
Кольцовъ, А. В., писат., т. CLIII, мартъ, 470.
Комадыничъ, въ зам. Любатовичъ, т. CLIV, июль, 485.
Комаровская, въ зам. гр-ня Шипова, т. CLV, сент., 548.
Комаровъ, прапорщ. 1860 г., т. CLV, сент., 448.
- Кондратенко, ген.-м. 1905 г., т. CLIII, янв., 219, 224.
Кондрашова, Елис. Никол., пис-ца, т. CLIII, янв., 95.
Кони, Анат. Ѳед., сообщ.: «Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля», т. CLIII, янв., 3—17, т. CLIV, апр., 48—52, т. CLV, июль, 18, упом. сент., 539.
Коновницынъ, гр., П. П., ген. † 1812 г., т. CLIII, янв., 184.
Константиновъ Константиновичъ, вел. князь, т. CLIV, апр., 57.
Константиновъ Николаевичъ, вел. князь, т. CLIII, мартъ, 558, т. CLIV, апр., 58, 87, май, 275, т. CLIV, июнь, 500, т. CLVI, нояб., 281, 315.
Константиновъ Павловичъ, псераевичъ, т. CLIII, янв., 42, 103, 104, февр., 270, т. CLIV, май, 265, 266, т. CLVI, окт., 26—34, 152, 153, дек., 543—545, 571—573.
Контскій, арт., т. CLIV, июнь, 491.
Коньковъ, Е. А., г.-м. † 1882 г., т. CLVI, окт., 20—25.
Коняева, Надежда Ѳед., рожд. Багулина, т. CLIV, апр., 215.
Корсакова, В., сообщ.: «Князь Платонъ Степ. Менцкерскій», т. CLIII, мартъ, 650—656, т. CLVI, окт., 94—101, нояб., 392—395.
Корсаковъ, С. С., психіатръ, 1868 г., т. CLIV, май, 282.
Коршъ, В. Ѳ. † 1883 г., т. CLIII, янв., 20, т. CLIV, июнь, 582.
Костомаровъ, Н. Н., † 1885 г., т. CLIII, янв., 26, т. CLIV, июль, 572, т. CLV, июль, 111, 112, авг., 324, 325.
Коханова, Мар. Ив., т. CLV, июль, 171.
Коханова, Соф. Ив., т. CLV, июль, 171.
Кохановъ, Петроковск. губернаторъ 1870 г., вносл. Виленск. ген.-губ. т. CLIV, июнь, 570, т. CLV, июль, 162—175, авг., 300, сент., 473.
Кохъ, проф. 1868 г., т. CLIV, май, 292.
Коцебу, гр., Варшав. ген.-губ., т. CLIII, янв., 40, 48, 49, февр., 268, 269, т. CLIV, апр., 181, т. CLV, июль, 147.
Кошелева, 1810 г., т. CLV, июль, 9.
Краевскій, Ан. Алс., † 1889 г., т. CLIII, янв., 19, мартъ, 474, 477—487, т. CLIV, апр., 53, т. CLVI, дек., 514, 515.
Грамеръ, учит. латин. яз., д-ръ 1867 г., т. CLIV, апр., 86.
Красновъ, 1900 г., т. CLV, авг., 239.
Крейтонъ, врачъ 1810 г., т. CLV, июль, 8, т. CLVI, дек., 550.

- Кривенко, т. CLVI, окт., 16—18.
Кривошеинъ, мин. пут. сообщ. 1893—1895 г., т. CLV, июль, 31.
Кронбергъ, Н. А., инж. пут. сообщ. 1888 г., т. CLV, июль, 14.
Кроссъ, проф. консерват., т. CLIII, мартъ, 520.
Кротковъ, В., юристъ 1883 г., т. CLIII, янв., 9—14.
Криднеръ, бар., ген. 1877 г., т. CLIV, май, 272.
Крузе, камеръ-фрау Екатерины II, т. CLVI, нояб., 238, дек., 474.
Крюднеръ, бар., послан. въ Берлинъ, 1800 г., т. CLIII, февр., 273.
Крыжицкій, воинск. началн. 1870 г., т. CLIV, июнь, 559, 561, 562.
Крыловскій, Алд., 1868 г., т. CLIV, май, 387, 388.
Крыловъ, Ив. Андр., † 1844 г., т. CLIV, май, 398—406, июнь, 453, т. CLVI, окт., 7.
Крюковъ, А. А., проф. 1868 г., т. CLIV, май, 282, 287, 292.
Кугушевъ, кн., Григ. Васил., актеръ-любит., т. CLIII, мартъ, 678.
Кудрявцевъ, В. Н., миров. посредн. 1860 г., т. CLIV, июнь, 523, 524.
Куколь, М. Г., см. Невельская.
Куликовскій, полков. 1825 г., т. CLVI, дек., 548, 552.
Куломзинъ, т. CLIV, апр., 55.
Кульневъ, Яковъ Петров., т. CLIII, янв., 215.
Купринъ, писат., т. CLIII, мартъ, 468.
Куракинъ, кн., Алексд. Борисов., † 1818 г., т. CLIII, янв., 45.
Куракинъ, кн. Алексѣй Борис., † 1829 г., т. CLIV, июнь, 450, 452.
Курловъ, ген. 1877 г., т. CLVI, окт., 162.
Кустовъ, Н. П., педаг. 1864 г., т. CLIII, мартъ, 571.
Кутайсова, гр., Праск. Петр., см. Лопухина.
Кутайсовъ, гр., Ив. Павлов., т. CLIII, янв., 37, 38, 39, 42, 43, 45, 47, 51, 272, т. CLIV, май, 224, 230, 232, 233.
Кутайсовъ, Павель, т. CLIII, янв., 45.
Кутузова, княг., 1813 г., т. CLIV, май, 432.
Кутузовъ - Смоленскій, князь, М. И., † 1813 г., т. CLIII, янв., 124, мартъ, 622, т. CLIV, май, 429, 430, 432, 433, 434, 436, 437, т. CLV, сент., 516, 530, 531, 532, т. CLVI, нояб., 303, дек., 504.
Кутузовъ, Пав. Ив., курат. моск. унив., † 1829 г., т. CLV, сент., 536, т. CLVI, окт., 7.
Кухнонь, 1810 г., т. CLIV, июнь, 450.
Кушелевъ - Безбородко, гр., 1840 г., т. CLV, сент., 512.
Кушелевъ, гр., 1810 г., т. CLIV, июнь, 451.
Кюи, композит., т. CLIII, февр., 233.

Л.

- Лабенская, г-жа, 1810 г., т. CLIV, июнь, 452.
Лаваль, гр., Зинаида, въ зам. Лебнелъ-тернъ, т. CLVI, дек., 622, 623.
Лаврентьева, С., сообщ.: «Свѣтлый лучъ изъ дальнихъ лѣтъ», т. CLVI, окт., 108—125.
Лаврентьевъ, Ал. Ив., ред. Рус. Инвалида, т. CLVI, окт., 117.
Лавровскій, Никол. Алексѣев., директ. Нѣжинск. филол. инст., т. CLIV, июнь, 574, 575, 576, 578, 590, 592.
Лавровскій, Петръ Алексѣев., проф., 1861 г., т. CLIV, июнь, 573, 574.
Лавровъ, Алексѣй Сафонов., врачъ 1827 г., т. CLIV, июнь, 503, 504.
Лагарпъ, Фр. Сез., † 1838 г., т. CLVI, нояб., 291, 292, дек., 565.
Лажечниковъ, Н. И., † 1869 г., т. CLIV, май, 400.
Лазарева, О. О., въ зам. Садовская, т. CLIII, мартъ, 673—675.
Лаймингъ, Вл., сообщ.: «Женатыя роты», т. CLIII, февр., 413—418.
Лалаева, Соломѣя Ник., т. CLIV, май, 317.
Лалаевъ, Март. Степ., оф. 1789 г., т. CLIV, май, 316.
Ламанскій, Ев. Ив., т. CLIV, апр., 53—59.
Лангеръ, О. О., т. CLIV, июнь, 491.
Ланжеронъ, гр., А. О., † 1831 г., т. CLIII, янв., 48, т. CLIV, май, 234, 235.
Ланской, Вас. Серг., 1813 г., т. CLIII, мартъ, 589, т. CLV, июль, 12.
Ланской, Пав. Серг., т. CLV, июль, 12.
Ланской, Серг. Сергѣев., т. CLV, июль, 12.
Ланской, гр., Степ. Серг., т. CLIV, апр., 23, т. CLVI, нояб., 315, 316, дек., 631.
Лапшинъ, Гр. Ив., проф. 1861 г., т. CLIV, июнь, 572.
Ласовикова, г-жа, 1820 г., т. CLVI, нояб., 275.

- Лассен, ген. 1742 г., т. CLIII, мартъ, 652.
- Латкинъ, В. Н., проф., т. CLIV, май, 350.
- Лажницкій, полковн., т. CLIII, янв., 214.
- Лафоссъ, учитель 1870 г., т. CLVI, окт., 129.
- Лашкевичъ, Н. А., г.-лейт., 1913 г., т. CLVI, окт., 6 в.
- Лашковъ, Н. А., сообщ.: «Матеріалы для біографіи высокопреосв. Гавріила, митроп. новгород. и сиб.», т. CLV, июль, 95—102.
- Лебедевъ, А., сообщ.: «Къ біограф. очерку Г. Е. Благосвѣтлова», т. CLIII, янв., 168 — 182, февр., 359 — 366, мартъ, 629—643. «Къ исторіи кулачныхъ боевъ на Руси», т. CLV, июль, 103—123, авг., 323—340.
- Лебедевъ, М., учен. сарат. духов. семина. 1843 г., т. CLIII, мартъ, 635.
- Лебедевъ, Н. А., пом. секретаря сиб. судебной палаты 1882 г., т. CLIII, янв., 4—9.
- Лебедевъ, Пав., священ. 1870 г., т. CLVI, окт., 137.
- Лебединскій, А. И., инж. п. сообщ., т. CLIV, май, 390.
- Лебединцевъ, Теоф. Гаврил., нач. чины Радомск. учебн. дирекц. 1880 г., т. CLV, сент., 489, т. CLVI, окт., 190, 192.
- Лебцельтернъ, гр., Людвигъ, послан. въ Спб. 1816—1826 г., т. CLVI, дек., 616—623.
- Левашевъ, кан. генер. штаба 1878 г., т. CLIII, мартъ, 488.
- Левизъ, ген. 1813 г., т. CLIV, май, 430.
- Лееръ, Г. А., ген., т. CLIV, апр., 57.
- Леляновъ, И. П., 1913 г., т. CLVI, окт., 6 в.
- Леляновъ, П. И., д. с. с., т. CLVI, окт., 6 в.
- Лентовскій, М. В., антрепр., т. CLV, авг., 290, 291.
- Леонтьевъ, проф., т. CLIV, апр., 92.
- Леонтьевъ, капит. поруч. 1768 г., т. CLIV, май, 341.
- Леонтьевъ, артистъ, т. CLIII, мартъ, 675.
- Леопольдовъ, А. Я., священ. 1845 г., т. CLIII, янв., 176, мартъ, 633.
- Лермонтовъ, М. Ю., т. CLIII, мартъ, 470, т. CLV, сент., 493, 502, 503.
- Лернеръ, Н., сообщ.: «Маскарадъ» — забытый разсказъ изъ жизни Пушкина, т. CLIV, апр., 122—141, «Письмо въ редакцію», май, 252. «Изъ архива гр. С. Ю. Витте», 301—314, «Замѣтки о Пушкинѣ», т. CLVI, нояб., 258—261, дек., 505—517. «Изъ литературнаго наслѣдія Пушкина», 534—542.
- Лесовскій, адм., т. CLIV, апр., 217.
- Лессепсъ, т. CLV, авг., 224.
- Лестокъ, лейбъ-мед., т. CLVI, дек., 478.
- Ливенъ, княг., т. CLIII, янв., 47, 49, т. CLIV, май, 264.
- Ливенъ, кн., посолъ въ Лонд., т. CLVI, нояб., 427.
- Ливенъ, Эмил. Пав., учит., 1870 г., т. CLVI, окт., 164.
- Линдъ, В. Н., гласный 1868 г., т. CLIV, июль, 541, 542.
- Липская, артистка, т. CLIII, янв., 32.
- Липовская, арт.-ка 1875 г., т. CLV, авг., 279, 282.
- Листеръ, хирургъ, т. CLIV, май, 294.
- Литке, гр-ня, А. К., 1887 г., т. CLIV, май, 277.
- Литке, Констант., т. CLIV, май, 275, 276, 277.
- Литке, Н., т. CLIV, апр., 53, май, 274, 275.
- Литке, гр., Оед. Петр., адм. † 1882 г., т. CLIV, апр., 58, май, 274, 275, 276.
- Литта, гр-ня, см. Савронская.
- Литта, гр-ня, Екат. Васил., т. CLIII, февр., 272, 273.
- Лишацкій, полковн. 1873 г., т. CLIV, май, 278.
- Лихачевъ, Ржевск. предвод. дворян. 1860 г., т. CLIV, июль, 523.
- Линшина, Э. О., сообщ.: «Записки барона Велю», т. CLVI, нояб., 427—436, дек., 543—557.
- Лобановъ, М., 1838 г., т. CLIV, май, 402.
- Лобановъ-Ростовскій, кн., Алексѣй Борис., дипломатъ, 1879 г., т. CLIII, янв., 53, мартъ, 491—493, 501, 504.
- Логановъ, Н. А., предсѣд. миров. съѣзда въ Спб., т. CLIV, апр., 49, 50.
- Ложечниковъ, С. Н., проф. 1868 г., т. CLIV, май, 291.
- Ломакина, М. Т., т. CLIV, апр., 215.
- Ломакинъ, Никол. Пав., г.-м., нач. Закасп. воен. отдѣла, р. 1830 † 1902 г., т. CLIV, апр., 213—222, май, 372—383.
- Ломоносовъ, М. В., т. CLV, авг., 325, сент., 534.
- Лонгиновъ, М. Н., т. CLIV, май, 233.
- Лонгиновъ, Н. М., т. CLVI, нояб., 276.

- Допухина, Авд. Ник., въ зам. гр. Орлова, т. CLV, июль, 121.
- Допухина, Анна Петровна, въ зам. княг. Гагарина, 1800 г., т. CLIII, янв., 37, 43, 44, 46, 47.
- Допухина, Прасков. Петров., княжна, въ зам. гр. Кутайсова, т. CLIII, янв., 43.
- Допухинъ, Петръ Васил., сенат., 1800 г., т. CLIII, янв., 37, 41.
- Допухинъ, кн. П. П., 1800 г., т. CLIII, янв., 46.
- Дорисъ - Меликовъ, гр. М. Т., т. CLVI, нояб., 380.
- Дюшкаревъ, док-ръ, 1853 г., т. CLIV, апр., 194.
- Дукьяновъ, Г. Г., т. CLIV, апр., 31.
- Дупандинъ, топографъ 1876 г., т. CLIV, май, 381.
- Дучичъ, В. П. (псевд. Далматовъ), артистъ, т. CLIV, июнь, 491.
- Дучицкій, Н. М., педагог., т. CLV, июль, 176, авг., 299, 302.
- Дѣновъ, учит. Владимиръ. 2-хъ классн. учил. 1889 г., т. CLIII, мартъ, 640, 641.
- Дюбатовичъ, А. М., см. Мармусевичъ.
- Дюбатовичъ, Маркъ Егор., т. CLIV, июнь, 485.
- Дюбимова, рожд. Каснари, т. CLIV, апр., 85.
- Дюбимовъ, Л. Н., сообщ.: «Изъ жизни инженера путей сообщения», т. CLIV, апр., 84—98, май, 390—397, т. CLV, июль, 13—34, авг., 217—253, сент., 448—463, т. CLVI, дек., 651—679.
- Дюбимовъ, Н. А., проф., физикъ, 1880 г., т. CLIV, апр., 92, 144—146.
- Дюбимовъ, С. П., проф. юристъ 1857 г., т. CLVI, апр., 85.
- Дюбомудровъ, И. В., протоіер. 1845 г., т. CLIII, янв., 169, 176, мартъ, 133, 640.
- Дюбославскій, прот. 1900 г., т. CLV, сент., 539.
- Дюбощинскій, Маркъ Ник., сенат., † 1889 г., т. CLIV, апр., 55.
- Дюдвигъ, герцогъ Виртембергскій, 1810 г., т. CLIV, апр., 20.
- Дюце, полков. 1812 г., т. CLVI, нояб., 304, 305.
- Дяпуновъ, Серг. Мих., композит., т. CLVI, окт., 72, 73, 74.
- Ласковскій, проф. химіи 1868 г., т. CLIV, апр., 143, 146.
- Львовъ, Д. О., учит. Камышин. духов. учил. 1835 г., т. CLIII, янв., 176.
- Львовъ, Н. С., 1860 г., т. CLIV, июнь, 337.
- М.
- Магницкій, М. Л., † 1835 г., т. CLIII, мартъ, 541, т. CLIV, апр., 180.
- Мазюкевичъ, В. Т., учит., т. CLV, авг., 299.
- Майневская, Мар. Львов., т. CLV, сент., 477.
- Майневскій, М. А., радомск. губер., т. CLV, сент., 477.
- Макаровъ, А. А., мин. вн. дѣлъ, 1911 г., т. CLIII, янв., 4.
- Макаровъ, П. Н., проф., 1881 г., т. CLIV, апр., 98.
- Макаровъ, адм., т. CLIII, янв., 155, т. CLV, авг., 210, т. CLVI, окт., 37.
- Маклаковъ, А. Н., проф. 1868 г., т. CLIV, май, 291.
- Маковъ, ст. сов., т. CLVI, дек., 642.
- Максимовичъ, П. П., гласный, 1868 г., т. CLIV, июнь, 543, т. CLV, июль, 143.
- Макшеева, сообщ.: «Пребываніе въ Вѣрномъ и встрѣча Кауфмана», т. CLIII, мартъ, 644—649.
- Макшеевъ, А. И., проф., † 1892 г., т. CLIII, мартъ, 644—649.
- Макшеевъ, Вл. Алес., артил.-арт.-любит., т. CLIII, мартъ, 674, 675, т. CLV, авг., 273—281.
- Макѣевъ, проф. 1880 г., т. CLVI, окт., 199.
- Малиновскій, Вяч. Ильичъ, директ. моск. гимназ. 1867 г., т. CLIV, апр., 88—90.
- Малиновскій, шт.-кан. 1812 г., т. CLVI, нояб., 301, 303.
- Маличенко, заур.-прап., 1904 г., т. CLIV, апр., 101, 104, 105.
- Манасеинъ, мин. юстиц., т. CLIV, апр., 48, июнь, 603.
- Мансуровъ, Н. П., врачъ 1870 г., т. CLVI, окт., 198.
- Мансуровъ, проф., т. CLVI, окт., 201, 203, 204.
- Манухинъ, С. С., гл. Гос. Сов., т. CLVI, окт., 122.
- Марина, М. М., сообщ.: «Фешенебельный пансіонъ прошлаго столѣтія», т. CLVI, окт., 126—141; «Памяти адмирала Г. И. Невельскаго», нояб., 280—286.
- Марія, вел. княгиня, супруга Іоанна III, т. CLV, авг., 505.
- Марія Павловна, великая княгиня, т. CLIII, янв., 44, т. CLIV, май, 272, т. CLVI, нояб., 270, дек., 559.
- Марія Феодоровна, императрица, † 1828 г., т. CLIII, янв., 37—34, 126, 127, февр., 266, мартъ, 630—636, т. CLIV, апр., 20—29, май, 226, 236,

- 261—270, июнь, 447 — 454, 490, т. CLV, июль, 5—12, 101, авг., 211—216, т. CLVI, окт., 7—11, 251, 262—279, нояб., 422, 425, 430, 431, дек., 554, 555.
- Марія Θεοδоровна, им-ца 1900 г., т. CLIV, апр., 59, май, 431, т. CLV, июль, 17—19.
- Марки, слѣдователь 1888 г., т. CLV, июль, 18, 19.
- Маркіановичъ, В. О., директ. Радомск. гимназ. 1883 г., т. CLV, сент., 470, 475, 489, 490.
- Марковъ, Вл., сообщ. «Изъ воспоминаній о бѣломъ генералѣ», т. CLIII, янв., 208 — 214, февр., 436 — 443, т. CLIV, май, 278—280.
- Марковъ, Евг. Львов., инспект. Тульской гимназ. 1865 г., т. CLIV, июнь, 593.
- Марковъ, Н. Л., ниж. путей сообщ., т. CLIV, май, 393.
- Марковъ, гр. 1813 г., т. CLIV, май, 486.
- Маркозовъ, ген.-отъ-инф., † 1908 г., т. CLIV, май, 372, 377.
- Мармусевичъ, Александра Марков., рожд. Люботовичъ, поэтесса, р. 1828 г., † 1906 г., т. CLIV, июнь, 485—494.
- Мармусевичъ, штурманъ дальн. плаванія 1848 г., т. CLIV, июнь, 487.
- Мартосъ, Н. П., скульпт., т. CLVI, дек., 510.
- Мартыновъ, оф. 1841 г., т. CLV, сент., 502.
- Мартыновъ, артистъ, т. CLIII, янв., 21, 26.
- Масловъ, Н. Д., т. CLVI, дек., 600.
- Масловъ, об. секр. сената, 1724 г., т. CIV, апр., 175—177.
- Массонъ, Фрид., историкъ, т. CLIII, мартъ, 617, 620, 623.
- Матвѣевъ, Пав. Алсд., юристъ, 1870 г., т. CLIV, июнь, 584, 585, 586, 590.
- Матюшенковъ, проф. Моск. унив. 1868 г., т. CLIV, апр., 150, 151, май, 290, 295.
- Махотинъ, ген. 1873 г., т. CLVI, окт., 177.
- Маціевичъ, врачъ, 1840 г., т. CLIV, июнь, 505.
- Мегорскій, Евгр. Евгр., свящ. 1870 г., т. CLVI, окт., 163.
- Медвѣдева, Н. М., арт-ка, т. CLIII, мартъ, 659, 663, 670.
- Медвѣдевъ, Пав. Ив., проф. Моск. унив. 1868 г., т. CLIV, апр., 148.
- Медвѣдевъ, секрет. нос. въ Константинополѣ 1878 г., т. CLIII, мартъ, 494, т. CLIV, апр., 45.
- Медвѣдовъ, Н. С., миров. посредн. 1860 г., т. CLIV, июнь, 523, 524.
- Медемъ, Софія, 1828 г., т. CLV, сент., 548.
- Мейеръ, Ел. Ник., въ зам. Чирикова, т. CLIII, мартъ, 520.
- Мейеръ, скульпт., 1780 г., т. CLVI, дек., 507.
- Мельниковъ, пѣвецъ, т. CLIV, апр., 91.
- Мельниковъ-Печерскій, писат., т. CLVI, окт., 164.
- Менгденъ, бар., В. М., т. CLIII, янв., 131.
- Менгденъ, баронесса, Елизавета, сообщ. «Изъ дневника внучки», т. CLIII, янв., 103—131.
- Менделеева, въ зам. Попова, т. CLVI, окт., 190.
- Меншиковъ, кн., А. Д., т. CLIII, февр., 247, т. CLIV, апр., 177.
- Меншиковъ, А. С., морск. мин., т. CLVI, нояб., 284.
- Мердери, т. CLIII, февр., 249.
- Мертваго, 1800 г., т. CLIII, янв., 41, 42.
- Мечниковъ, Ив. Ильичъ, т. CLIV, май, 283.
- Мещеринъ, Алексѣй Ив., бояр. сынъ 1737 г., т. CLVI, нояб., 374.
- Мещерская, княг., Алсд. Никол., т. CLIII, мартъ, 656.
- Мещерская, княг., Анаст. Алсд., рожд. Петрово-Соловова, † 1811 г., т. CLIII, мартъ, 656.
- Мещерская, княж., Анаст. Платон., въ зам. княг. Тенишева, т. CLIII, мартъ, 656.
- Мещерская, княж., Мар. Вас., см. Румянцева.
- Мещерская, княг., Надежда Алсд., рожд. Овцына, т. CLIII, мартъ, 656.
- Мещерская, княж., Нат. Плат., въ зам. Мусина-Пушкина, † до 1818 г., т. CLIII, мартъ, 656.
- Мещерская, княж., Прасков. Плат., въ зам. княг. Мещерская, т. CLIII, мартъ, 656.
- Мещерскій, кн., Алексѣй Платон., фл.-ад., † 1840 г., т. CLIII, мартъ, 656.
- Мещерскій, А. П., горн. инж., т. CLVI, нояб., 406.
- Мещерскій, кн., Петръ Платон., г.-м., р. 1764 г., † 1829 г., т. CLIII, мартъ, 656.
- Мещерскій, кн., Плат. Алсдѣев., т. CLIII, мартъ, 652.
- Мещерскій, кн., Плат. Степ., Казанск. губерня, р. 1713. † 1799 г., т. CLIII, мартъ, 650—656, т. CLVI, окт., 94—101, нояб., 392—395.
- Мещерскій, Ст. Ив., майоръ 1713 г., т. CLIII, мартъ, 652.

- Мещерскій, кн., Оед. Юрьев., т. CLIII, мартъ, 656.
 Мещерскій, кн., помѣщ., попечит. Кіев. окр. 1865 г., т. CLIII, мартъ, 573.
 Мещерскій, кн., 1841 г., т. CLV, сент., 512.
 Микишевъ, воинск. нач. 1863 г., т. CLV, сент., 479, 480, 481, 483.
 Миланъ, кор. сербскій, т. CLIII, янв., 56, 63, 66, 67, 70, 71, 75, 77.
 Миллеръ, Г. Ф., акад. 1768 г., т. CLIV, май, 417.
 Миллеръ, наст. 1870 г., т. CLV, июль, 174.
 Миллеръ, О. О., исторіографъ, т. CLIV, май, 350.
 Милорадовичъ, гр., М. А., т. CLVI, дек., 545, 549, 573.
 Милютинъ, гр. Д. А., т. CLIII, янв., 76, мартъ, 645, т. CLIV, апр., 217, июнь, 533, т. CLV, авг., 203, 349, сент., 393, окт., 166, 168, 172.
 Миненковъ, А. В., горн. инж., 1870 г., т. CLV, июль, 22, т. CLVI, нояб., 413, 414.
 Минихъ, І. Ѳ. тайн. сов., † 1788 г., т. CLIV, май, 417.
 Минъ, Д. Е., проф. Московск. унив. 1868 г., т. CLIV, апр., 152.
 Мировичъ, т. CLIII, янв., 200.
 Митусовъ, чл. сов. Воспит. дома 1810 г., т. CLIV, апр., 24.
 Михайловскій, см. Гаринъ.
 Михайлъ Александровичъ, вел. князь, т. CLV, июль, 17, т. CLVI, окт., 6а, 6б.
 Михайлъ Николаевичъ вел. кн., т. CLIV, апр., 217, 219, май, 440.
 Михайлъ Павловичъ, вел. князь, т. CLIII, янв., 37, т. CLIV, май, 264, 360, т. CLV, июль, 101, сент., 547, 548, т. CLVI, окт., 152, ноябр., 304, 431, дек., 535.
 Михайлъ Ѳеодоровичъ, царь, т. CLIII, февр., 233—238, т. CLV, авг., 332.
 Михневичъ, Н. П., ген.-отъ-инф. 1913 г., т. CLVI, окт., 6 в.
 Мишинъ, С. К., 1880 г., т. CLIV, апр., 94.
 Модестъ, арх. волин., † 1900 г., т. CLVI, нояб., 336.
 Модзалевскій, Б. Л., сообщ. «Письма гр. Ѳ. В. Растропчина къ А. Ѳ. Лабзину», т. CLIII, февр., 419—430.
 Модржеевская, актриса 1870 г., т. CLIV, июнь, 557.
 Моншеню, маркизь, фр. комиссаръ при Наполеонѣ І, т. CLIII, мартъ, 627.
 Монве, начальн. полиц. въ Лѣтвѣ 1813 г., т. CLIII, мартъ, 620, 621.
 Мордвиновъ, Мих., депутатъ въ Екатерин. комис. по соч. нов. уложен., т. CLIV, май, 349.
 Мордвиновъ, Н. С., адм. 1800 г., т. CLIII, янв., 52.
 Мордвиновъ, С. И. адм., т. CLIV, апр., 55, 56, май, 271.
 Морковъ, Арк. Ив. 1813 г., т. CLV, сент., 534.
 Моро, ген. 1812 г., т. CLV, сент., 421—447, т. CLVI, окт., 43—69, 158, 159, нояб., 419, 420, 423.
 Морозовъ, Н., сообщ. «Люди и нравы за полѣтка», т. CLIII, февр., 445—462, мартъ, 637—678, т. CLIV, май, 438—444, июнь, 461—484, т. CLV, июль, 55—79, авг., 254—291, т. CLV, сент., 396—420, окт., 102—104.
 Морозовъ, команд. егерск. полка, 1823 г., т. CLV, июль, 108.
 Мотонисъ, депутатъ Екатерин. комис. для соч. нов. улож., т. CLIV, май, 337.
 Мочаловъ, Н. С., арт., † 1848 г., т. CLV, сент., 493.
 Музиль, Н. И., актеръ, т. CLIV, май, 440.
 Муравьевъ-Амурскій, гр., Н. Н., т. CLVI, нояб., 284, дек., 662, 663.
 Муравьевъ-Виленскій, гр. М. Н., т. CLV, сент., 412—415, 418, 419, т. CLVI, окт., 102—104, нояб., 312—317, дек., 631, 638, 640.
 Муравьевъ (Константиновъ), т. CLIV, апр., 37, 45.
 Муромцевъ, Саратов. вице-губерн. 1830 г., т. CLIII, мартъ, 631.
 Мусина-Пушкина, гр. Мар. Ал., т. CLVI, окт., 6 в.
 Мусинъ-Пушкинъ, гр., Ив. Алек., сенат., 1724 г., т. CLIV, апр., 175, т. CLVI, окт., 6 в.
 Мусинъ-Пушкинъ, Ив. Мих., т. CLIII, мартъ, 656.
 Мусницкій, ген., команд. Кіевск. крѣп. 1862 г., т. CLIII, мартъ, 370.
 Мусоргскій, М. П., композиторъ, † 1881 г., т. CLIV, февр., 255.
 Мухановъ, Н. А., т. CLVI, дек., 511.
 Мятлевъ, И. П., т. CLVI, дек., 509.
 Мячковъ, Р. Н., миров. судья 1866 г., т. CLV, июль, 143, 144, 145.

Н.

- Набоковъ, Д. Н., мин. юстиц. 1882 г., т. CLIII, янв., 3, 5, 10, 16.
 Нагой, Андр. Алсд., 1591 г., т. CLIV, апр., 32.
 Назарій, викари. сб. епарх. 1896 г., нѣтъ арх. Херсонск., т. CLVI, нояб., 336.

- Назимовъ, Мих. Леонт., р. 1807 г., † 1878 г., т. CLV, июль, 104, 105.
- Найденковъ, Д. И., проф., † 1884 г., т. CLVI, окт., 199—203.
- Наполеонъ I, императоръ, т. CLIII, мартъ, 607—628, т. CLIV, апр., 159, 192, т. CLIV, май, 420—424, 429, 437, т. CLVI, окт., 5, 21, нояб., 419—426, дек., 498—504, 593, 597.
- Нарышкина, Анна Никитич., см. Румянцева.
- Нарышкина, Зинаида, † 1810 г., т. CLIV, апр., 20, 24.
- Нарышкина, Марія Антонов., рожд. княж. Четвертинская, т. CLIII, февр., 270.
- Нарышкинъ, Ал. Ал., об. шенкъ, 1790 г. т. CLIII, мартъ, 632.
- Нарышкинъ, депутат. Екатерин. комис. для соч. нов. улож., т. CVIV, май, 337, 339, 349.
- Нарышкинъ, об. гофмарш. 1800 г., т. CLIII, янв., 45, т. CLVI, дек., 491, 494.
- Насоновъ, врачъ, 1868 г., т. CLIV, май, 294.
- Наталія Алексѣевна, великая княгиня, т. CLIV, июль, 551.
- Наумовъ, П. А., сообщ. «Изъ воспоминаній виденскаго жителя», т. CLVI, нояб., 451.
- Нащокина, Екат., рожд. Олединская, т. CLVI, нояб., 436.
- Нащокинъ, П. В., т. CLVI, дек., 511.
- Небольсинъ, Г. П., т. CLIV, апр., 53, 55.
- Невельская, А. Г., въ зам. Охотникова, т. CLVI, нояб., 281.
- Невельская, М. Г., въ зам. Куколь, т. CLVI, нояб., 281.
- Невельская, Ек. Ив., рожд. Ельчаинова, † 1879 г., т. CLVI, нояб., 280, 281, 282, 283, 286.
- Невельская, О. Г., въ зам. Сорохтина, т. CLVI, нояб., 281.
- Невельской, Г. Ив., адм., р. 1813 г., † 1876 г., т. CLVI, нояб., 280—286.
- Невельской, Ник. Ген., т. CLVI, нояб., 281.
- Невѣринъ, Н., т. CLIV, май, 252.
- Нейдингъ, прозект. Москов. унив. 1868 г., т. CLIV, апр., 152.
- Нейдгардтъ, г.-м. 1824 г., т. CLV, авг., 354.
- Неклюдовъ, чин. мин. гос. имущ., т. CLVI, дек., 639.
- Некрасовъ, К. Г., г.-м. 1913 г., т. CLVI, окт., 6 в.
- Некрасовъ, Н. А., † 1877 г., т. CLIII, янв., 25, мартъ, 472, 482.
- Немцова, Екат. Ив., фрейл. 1800 г., т. CLIII, янв., 37, 38, февр., 266, т. CLIV, май, 236, 263, т. CLV, июль, 9, т. CLVI, окт., 9, 10.
- Немединскій, 1810 г., т. CLIV, апр., 23.
- Неовіусъ, педагог. 1865 г., т. CLIV, июль, 617.
- Нессельроде, гр. К. В., † 1862 г., т. CLIV, апр., 26, 159, т. CLVI, 285, 295, 296, 427.
- Печаевъ-Мальцевъ, Юр., т. CLVI, окт., 123.
- Печаевъ, полит. преступн., т. CLIII, мартъ, 676.
- Нивѣ, П. А., сообщ. «Къ характеристикѣ Якова Петровича Кульнева», т. CLIII, янв., 215.
- Пиве, юристъ 1870 г., т. CLIV, июль, 591.
- Нидермиллеръ, ген., т. CLIII, мартъ, 578.
- Никандръ, архіеп., т. CLIII, янв., 16.
- Никитенко, А. В., проф., † 1878 г., т. CLIV, май, 361.
- Никитинъ, А. В., горн. инж., т. CLVI, нояб., 406.
- Никитинъ, прозект. 1868 г., т. CLIV, апр., 144.
- Никодимъ, перв. рект. Саратов. дух. семина., 1830 г., т. CLIII, мартъ, 629, 638, 639.
- Николай, Андр. Льв., т. CLVI, нояб., 273.
- Николай, Л. О., директ. инст. пут. сообщ., т. CLIV, апр., 96.
- Николай I, императоръ, т. CLIII, янв., 104, 105, февр., 240, т. CLIV, апр., 46, 51, 203, 204, май, 263, 264, 407, т. CLV, авг., 263, 264, сент., 412, 542—544, т. CLVI, окт., 10, 26—34, 150, нояб., 283, 285, 305, 329, 335, 431.
- Николай II, императоръ, т. CLV, авг., 217, 218, 253.
- Николай Александровичъ, цесаревичъ, т. CLIV, июль, 590.
- Николай Николаевичъ, великій князь, † 1891 г., т. CLIII, мартъ, 495—500.
- Николай Михайловичъ, великій князь, т. CLIII, янв., 132, т. CLVI, нояб., 262—279, дек., 616—623.
- Никонъ, патриархъ 1652 г., т. CLV, июль, 103—123.
- Никulina, арт.-ка, т. CLIII, мартъ, 660, 663.
- Нильскій, актеръ, т. CLIII, янв., 28.
- Ниль Сорскій, т. CLV, авг., 303, 306.
- Нифонтъ, еп. суздальск., т. CLV, авг., 305, 307, 310.
- Нобель, Людов., т. CLIV, май, 381.
- Новацкий, Ив. Ник., проф., 1868 г., т. CLIV, май, 294, 295, 297.
- Новикова, Ольга Алек., т. CLIII, мартъ, 550—562, т. CLIV, апр., 153—164, май, 362—371, т. CLVI, нояб., 377—391.

- Новиковъ, посолъ въ Константиноп., т. CLIII, мартъ, 493.
 Новосильцевъ, Осипъ Ник., т. CLIII, мартъ, 589.
 Нордманъ, проф., 1860 г., т. CLIV, май, 310, 313.
 Носовичъ, Пав. Ив., директ. Нижегород. военн. гимназ. 1870 г., т. CLV, авг., 348, 349, т. CLVI, 161—164.
 Носовичъ, полков. 1860 г., т. CLIV, июнь, 516.
- О.
- Оболенская, княг., т. CLIV, июнь, 453.
 Оболенскій, кн., И. М., помѣщ. 1878 г., т. CLVI, окт., 177.
 Обольяниновъ, Петръ Хрисанов., ген. прокур. 1800 г., т. CLIII, янв., 41, 42, 47.
 Обрѣзовъ, П. А., т. CLVI, дек., 592.
 Обручевъ, Н. Н., ген.-ад., т. CLIII, мартъ, 493, 494, 644, т. CLV, авг. 193, 201, сент., 393.
 Оверъ, профес. 1868 г., т. CLIV, май, 282.
 Овсянниковъ, т. CLIII, мартъ, 677.
 Огаревъ, Конст. Ильичъ, Пермск. губерн., т. CLV, дек., 632.
 Огаревъ, Н. П., т. CLVI, окт., 116, 124.
 Оденталь, И. П., т. CLIII, янв., 183—191, мартъ, 587—592, т. CLIV, апр., 178—187, май, 429—437, т. CLV, сент., 529—537, т. CLVI, окт., 135—160, нояб., 419—426, дек., 592—598.
 Одессіонъ, сарат. вице-губернаторъ 1830 г., т. CLIII, мартъ, 631.
 Одовскій, кн., В. О., т. CLIV, май, 402, 403.
 Озеровъ, чин. особ. поруч. при Туркестан. ген.-губ. 1867 г., т. CLIII, мартъ, 647.
 Окороковъ, Вас. Ив., содержат. ун-верситет. типограф. 1793 г., т. CLIV, июнь, 625, 626, 627, 628.
 Окуньковъ, К. В., д-ръ, т. CLVI, окт., 202.
 Оленинъ, А. Л., т. CLIV, май, 398—406.
 Олсуфьевъ, Адамъ, депутатъ въ Екатерин. комис. для соч. нов. улож., т. CLIV, май, 349.
 Ольга Александровна, вел. кн., т. CLV, июль, 17.
 Ольдскопъ, г.-м., 1812 г., т. CLVI, дек., 500.
 Ольдриджъ, Айра, артистъ 1863 г., т. CLIII, янв., 33, 34.
 Омеара, врачъ Наполеона I 1819 г., т. CLIII, 607—628.
- Онетъ, г-жа, т. CLVI, окт., 126.
 Оноприенко, А., сообщ.: «Ревизоръ», т. CLVI, нояб., 437, 447.
 Опу, М. А., дипломатъ, 1878 г., т. CLIII, мартъ, 494, т. CLIV, апр., 42.
 Оомъ, 1887 г., т. CLIV, май, 276.
 Опекушинъ, скульпт., т. CLVI, дек., 663.
 Опочининъ, Вл. Петр., т. CLIII, мартъ, 517, 519.
 Оржевскій, т. CLIV, апр., 57.
 Оржеховскій (Окша), революционеръ 1868 г., т. CLIV, май, 386, 387.
 Орлова, гр-ня, Авд. Ник., см. Лопухина.
 Орлова, Агр. Вас., клас. дама Москов. шст. 1862 г., т. CLIII, янв., 161.
 Орлова, гр-ня, Анна Алексѣевна, т. CLV, июль, 114, 121.
 Орлова, гр-ня, 1828 г., т. CLV, сент., 548.
 Орлова, гр., Ек. (Ульяна) Ник., см. Зинovieва.
 Орловскій, Б. И., скульпт., 1832 г., т. CLVI, дек., 510.
 Орловъ-Денисовъ, гр., ген. 1813 года, т. CLVI, окт., 22.
 Орловъ-Чесменскій, гр., Алексд. Алекс., 1765 г., т. CLV, июль, 121, 122.
 Орловъ-Чесменскій, гр., Алексѣй Григ., † 1807 г., т. CLV, июль, 112—123, авг., 324, 325.
 Орловъ, гр. А. О., † 1862 г., т. CLIV, май, 403, 404, т. CLVI, окт., 94, 266, нояб., 433, 434, дек., 543—553.
 Орловъ, гр., Григ. Григ., † 1783 г., т. CLIII, янв., 196, 197, т. CLIV, май, 337, т. CLV, авг., 325, июль, 106, 112—117.
 Орловъ, гр., Ив. Алек., † 1790 г., т. CLV, июль, 121.
 Орловъ, Ив. Григ., т. CLV, июль, 113.
 Орловъ, М. О., фл.-ад. 1812 г., т. CLVI, окт., 66, 68.
 Орловъ, гр., Н. Л. 1880 г., т. CLV, сент., 390.
 Орловъ, арт., т. CLV, авг., 275.
 Орловы (свѣдѣнія о фамилии Орловыхъ), т. CLV, июль, 114—115.
 Остенъ-Сакентъ, бар., управл. азиат. департ. 1874 г., т. CLIV, апр., 217.
 Остелецкій, Пав. Як., г.-м. 1896 г., т. CLVI, нояб., 336.
 Островскій, Алсд. Ник., т. CLIII, 24—32, мартъ, 470, 675, т. CLIV, апр., 93, май, 442, 443.
 Остроумовъ, А. М., проф. 1868 г., т. CLIV, май, 282.
 Офенбергъ, баронесса, Екат. Павл., т. CLIII, янв., 128.
 Офенбергъ, управл. Курлянд. палат. госуд. им., т. CLVI, нояб., 312, 313, 314, 315.

Офросимовъ, Моск. ген.-губ., т. CLIV, апр., 196.

Охотникова, А. Г., см. Невельская.

П.

Павелекъ, С. Н., педагогъ 1870 г., т. CLV, июль, 172, 173, 174.

Павель I, императоръ, т. CLIII, янв., 37—34, 124—126, 197, 199, февр., 248, 263—279, мартъ, 622, 650—656, т. CLIV, май, 223—236, 415, июнь, 531, т. CLV, июль, 6, 95—102, т. CLV, сент., 422—424, т. CLVI, окт., 205, нояб., 230, дек. 496, 497.

Павель, еп. Вологод., 1735 г., т. CLIII, мартъ, 593.

Павель Александровичъ, вел. князь, т. CLIV, апр., 54, 57, май, 277.

Павильоновъ, П. Е., священ., т. CLIII, янв., 169.

Павильоновъ, Петръ Ник., свящ., т. CLIII, янв., 169, 176, 177, 181, мартъ, 632, 633, 640.

Павлинновъ, консулъ въ Кульдѣ 1867 г., т. CLIII, мартъ, 646.

Павловъ, В. К., ракетмейст. 1724 г., т. CLIV, апр., 172—177.

Павловъ, В. Н., инж. путей сообщ. 1888 г., т. CLV, июль, 14, 19.

Павловъ, Ник. Матв., священ. 1883 г., т. CLV, сент., 478, 479.

Павловъ, кап. 1775 г., т. CLVI, нояб., 392.

Павловъ, Т. П., проф., т. CLVI, окт., 199.

Пансий, Троицкій, т. CLV, авг., 303, 306.

Паленъ, гр., Пав. Петр., ген.-м. 1800 г., т. CLIII, февр., 272, 273.

Паленъ, гр., Петръ Алек., Спб. ген.-губ., † 1826 г., т. CLIII, янв., 42—49, февр., 269—273, т. CLIV, май, 223—236, т. CLV, сент., 440—446.

Паленъ, гр., Остзейск. г.-губ. 1840 г., т. CLIV, июнь, 599.

Паленъ, гр.-ня, Юліана Нв., 1800 г., т. CLIII, янв., 47, 48, 49.

Палимпсестовъ, Я. У., прот., т. CLIII, янв., 169.

Палиенко, С. И., педаг. 1864 г., т. CLIII, мартъ, 571.

Палюмбецкій, Алсд. Нв., проф. 1861 г., т. CLIV, июнь, 578—593.

Панинъ, гр., В. Н., ст. сов., 1842 г., т. CLVI, нояб., 308.

Панинъ, гр., Ник. Нв., † 1783 г., т. CLIV, май, 416, 434.

Панинъ, гр., Никита Петр., 1800 г., т. CLIII, янв., 50, 51, 53, 196, 200, 205, 207, февр., 269—273, т. CLIV, май, 223—236, 436.

Панинъ, гр., Петръ, депут. въ Екатерин. комис. по соч. нов. уложен., т. CLIV, май, 349.

Панинъ, гр., Петръ, 1775 г., т. CLVI, нояб., 394.

Пантековъ, ротм. 1828 г., т. CLV, сент., 548.

Пархоменко, Вл., сообщ. «Къ біографіи митрополита московскаго Платона Левшина», т. CLIV, июнь, 550—551.

Пассекъ, Вад. Вас., т. CLVI, окт., 124.

Пассекъ, Вл. Вад., т. CLVI, окт., 109, 122.

Пассекъ, Елена Ефим., по вт. браку Манухина, т. LVI, окт., 109, 115, 122, 123, 124.

Пассекъ, Серг. Вл., т. CLVI, окт., 118—123.

Пассекъ, Тат. Петр., р. 1810 г., † 1889 г., т. CLVI, окт., 108—125.

Паулуччи, маркизъ, т. CLVI, окт., 43, нояб., 299, 300, дек., 501.

Пахманъ, Сем. Вик., проф., 1861 г., т. CLIV, июнь, 578—594.

Пашковъ, Алексій, оф. 1793 г., т. CLIV, июнь, 625, 626, 628.

Пезаровіусъ, ред. «Рус. Инвал.» 1813 г., т. CLVI, окт., 8, нояб., 421.

Пейкеръ, Алсд. Андр. 1830 г., т. CLVI, нояб., 310, 312, 313.

Пеликанъ, врачъ, т. CLVI, нояб., 451.

Пеньковскій, чиновн. 1870 г., т. CLV, июль, 167.

Переверзевъ, Оед. Лукичъ, т. CLIII, мартъ, 639, 640.

Переверзевъ, Сарат. губернат. 1830 г., т. CLIII, мартъ, 631.

Перовицковъ, Д., т. CLVI, дек., 514.

Перовскій, гр., В. А., † 1854 г., т. CLIII, мартъ, 644, т. CLV, июль, 80—94.

Перрье, полков. француз. ген. штаба 1880 г., т. CLV, сент., 387, 382.

Персіани, А. И., т. CLIII, янв., 76.

Пестель, полковн., 1825 г., т. CLVI, дек., 552.

Петерсенъ, полков. 1775 г., т. CLVI, нояб., 392.

Петерсенъ, чл. учен. комит., т. CLVI, дек., 641.

Петина, Марія Мариус., въ зам. Дерфельденъ, т. CLIV, май, 277.

Петрашевскій, Мих. Вас., т. CLIV, июнь, 524.

Петровскій, С. А., 1870 г., т. CLIV, апр., 173.

Петровъ, Н. П., инж. пут. сообщ. 1888 г., т. CLV, июль, 18.

Петровъ, проф. 1861 г., т. CLIV, июнь, 574.

- Петръ I, императоръ, т. CLIII, янв., 100—102, 133, февр., 241 — 248, т. CLIV, апр., 172, май, 302, 327, 338, 407—409, 419, т. CLV, сент., 505, т. CLVI, окт., 96, нояб., 228, 229.
- Петръ III, императоръ, т. CLIII, янв., 194, 195, т. CLIV, май, 338, 410, 413, т. CLVI, нояб., 227—244, 394, дек., 467—497.
- Печаткинъ, издатель, т. CLIII, янв., 20.
- Пиксановъ, Н. К., т. CLIV, май, 402.
- Пиларь, I. В., инж. пут. сообщ. 1888 г., т. CLV, июль, 17, 27.
- Пинко, учит. 1880 г., т. CLV, сент., 490, т. CLVI, окт., 188.
- Пироговъ, Н. Н., хирургъ, † 1881 г., т. CLIII, мартъ, 569, 573, т. CLIV, апр., 194, май, 295, 296, июнь, 545, т. CLVI, окт., 143.
- Писарева, В. Н., литерат., † 1911 г., т. CLV, июль, 153.
- Писаревскій, Н. Н., протоіер. 1913 г., т. CLVI, окт. 6, 6 б.
- Писаревъ, Алексѣй Алексд., помѣщ. 1831 г., т. CLIII, янв., 119.
- Писаревъ, Дм. Ив., писат., т. CLIII, янв., 168, февр., 259, 260.
- Писаревъ, Мод. Ив., арт., 1880 г., т. CLV, авг., 279, 280.
- Писаревъ, адъют. москов. ген.-губ. 1872 г., т. CLV, авг., 279.
- Писемскій, А. О., † 1881 г., т. CLIII, янв., 27, 31, 32, 35, февр., 257, мартъ 471—476, 675.
- Питиримъ, викари. черниг. епарх., 1896 г., т. CLVI, нояб., 336.
- Плакida, А. Е., 1880 г., т. CLIV, апр., 92, 94, май, 390, 391, т. CLV, июль, 28.
- Платовъ, гр., М. Н., † 1818 г., т. CLV, сент., 494, т. CLVI, нояб., 420.
- Платоновъ, С. О., дир. педаг. инст., 1913 г., т. CLVI, окт., 6 в.
- Платонъ, Левшинъ, митрополитъ москов., † 1812 г., т. CLIV, июнь, 550.
- Плехе, Вяч. Конст., т. CLIV, апр., 167, 168.
- Пленкевичъ, Р. С., педаг. 1870 г., т. CLV, июль, 174.
- Плетневъ, П. А., † 1865 г., т. CLIV, май, 402.
- Побѣдоносцевъ, К. Н., об.-прокур., т. CLIV, апр., 49, 59, июнь, 591, т. CLVI, нояб., 331, 380.
- Повало - Швейковскій, Т. Н., 1860 г., т. CLIV, июнь, 537.
- Погодинъ, М. П., † 1875 г., т. CLIII, янв., 21, т. CLIV, апр., 30, т. CLVI, нояб., 448—450.
- Подбѣльскій, учит. рисов. 1870 г., т. CLIV, июнь, 559.
- Подгородниковъ, И. Г., сенат., † 1910 г., т. CLV, июль, 148, сент., 477.
- Подгурскій, лейт., 1905 г., т. CLIII, янв., 222.
- Пожарская, Дар. Евдок., т. CLIV, апр., 203.
- Пожарскій, кн., Дм. Мих., бояринъ, т. CLIV, апр., 87.
- Пожарскій, кн., Сем. Романовичъ, т. CLIII, янв., 141.
- Познякова-Федотова, артистка, 1863 г., т. CLIII, янв., 33.
- Покровскій, В. А., архитект., 1913 г., т. CLVI, окт., 6 а, 6 в.
- Покровскій, учит. 1875 г., т. CLVI, окт., 133.
- Полевой, Н. А., † 1846 г., т. CLV, июль, 81.
- Полетика, В. А., т. CLIII, февр., 331—335.
- Полетика, секрет. им-цы Маріи Θεодоровны 1800 г., т. CLIII, янв., 45.
- Поллидоровъ, А. Н., свниц., 1840 г., т. CLIII, янв., 169.
- Половцова, А. А., сообщ.: «Заниски Алсд. Андр. Половцова», т. CLVI, окт., 149—154, нояб., 301—317, дек., 631—643.
- Половцова, Агр. Фед., рожд. Татищева, т. CLVI, нояб., 394.
- Половцова, Над. Мих., т. CLVI, нояб., 403—418.
- Половцовъ, Ал. Алсд., т. CLVI, нояб., 409.
- Половцовъ, Алсд. Андр., р. 1805, † 1892 г., т. CLVI, окт., 149—154, нояб., 301—317, дек., 631—643.
- Полозовъ, ревизоръ духовн. учил. 1834 г., т. CLIII, янв., 172.
- Полтавцева, помѣщица, т. CLIII, янв., 210, 211—214.
- Полторацкая, Агапоклея Алсд., помѣщица, 1840 г., т. CLIV, июнь, 531.
- Полторацкій, Алд. Фед., помѣщ. 1860 г., т. CLIV, июнь, 521.
- Полторацкій, Ил. Алексѣев., Новоторж. предв. дворян., 1860 г., т. CLIV, июнь, 528—533.
- Полторацкій, Н. М., миров. посредн. 1860 г., т. CLIV, июнь, 523, 524.
- Полторацкій, П. А., казанск. губернат. 1899 г., т. CLIII, мартъ, 651.
- Полунинъ, Алексѣй Иван., профес. 1868 г., т. CLIV, май, 295, 297, 298, 299, 300.
- Полянская, въ зам. Роттеръ, т. CLIII, февр., 265.
- Померанцевъ, П. С., сообщ.: «Въ поискахъ палаты». Эпизодъ изъ исторіи Сената, т. CLIV, апр., 172—177.

- Пономаревъ, Г. А., г.-м. 1913 г., т. CLVI, окт., 6 в.
- Пономаревъ, Давидъ Степ., инсп. гимназ. въ Калишѣ 1870 г., т. CLIV, июнь, 569.
- Пономаревъ, П. А., писат., т. CLIII, мартъ, 638.
- Поповъ, Ал. Н., сообщ.: «Генераль Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ», т. CLV, сент., 421—447, т. CLVI, окт., 43—69.
- Поповъ, М. К., завѣд. Радомск. ж. гимназ. 1888 г., т. CLVI, окт., 190.
- Поповъ, казакъ 1874 г., т. CLIV, апр., 216.
- Поповцевъ, Е. И., гласный 1861 г., т. CLIV, июнь, 537.
- Порошинъ, С. А., † 1769 г., т. CLIII, февр., 248.
- Посошковъ, Н. Т., писат. 1718 г., т. CLIV, май, 423—428.
- Посильловъ, А. И., сообщ.: «Къ исторіи возникновенія клиники кожн. и венерич. болѣзней при имп. Москов. университетѣ», т. CLVI, окт., 197—204.
- Поставскій, И. К., г.-м. 1883 г., т. CLV, сент., 478.
- Посъетъ, К. П., мин. п. сообщ. 1880 г., т. CLIV, апр., 92, т. CLV, июль, 18.
- Потебня, проф., 1861 г., т. CLIV, июнь, 574, 575.
- Потемкинъ, кн., Григ. Алсд., т. CLIV, июнь, 630, т. CLV, июль, 114, сент., 506, 519, т. CLVI, дек., 494, 507, 514.
- Потемкинъ, гр., Пав. Серг., г.-м., р. 1743 г., † 1796 г., т. CLIII, мартъ, 630, т. CLVI, нояб., 395.
- Потѣхинъ, Алексѣй Антип., писат., т. CLIII, янв., 26, 29, мартъ, 473.
- Потѣхинъ, Никол., писат. 1863 г., т. CLIII, янв., 32.
- Поццо ди Борго, гр., К. О., † 1842 г., т. CLIII, мартъ, 622, 623, т. CLVI, нояб., 291, 427.
- Прескоттъ, Ал. Эдг., г.-л. 1896 г., т. CLVI, нояб., 336.
- Предтеченскій, Тимоѣ., священ., т. CLIII, мартъ, 630.
- Прибытковъ, издат. Ребуса, т. CLVI, окт., 117.
- Пристюкъ, Тим. Ив., педаг. 1888 г., т. CLVI, окт., 191, т. CLV, сент., 488.
- Прозоровскій, кн., Алсд. Алсд., москов. главноком. 1793 г., т. CLIV, июнь, 624—628.
- Протасова, Алсд. Пет., фрейл., т. CLVI, нояб., 265.
- Протасова, Анна Пет., фрейл., т. CLVI, нояб., 265, 266.
- Протасова, Анна Ст., камерг.-фрейл., † 1826 г., т. CLVI, нояб., 262—279.
- Протасова, Варв. Пет., фрейл., т. CLVI, нояб., 265.
- Протасова, Вѣра Петр., въ зам. княг. Васильчикова, † 1814 г., т. CLVI, нояб., 274—275.
- Протасова, Екат. Петр., въ зам. гр. Ростопчина, фрейл., т. CLVI, нояб., 265.
- Протопоповъ, Алсд., Павл., т. CLIV, апр., 42—45.
- Протопоповъ, кап. ген. штаба 1878 г., т. CLIII, мартъ, 488.
- Проценко, смотрит. кiev. уѣзд. учил. 1864 г., т. CLIII, мартъ, 565.
- Путилинъ, Ив. Дм., нач. сыск. полиц. 1881 г., т. CLIV, апр., 93, 118.
- Пулята, арт. 1879 г., т. CLV, авг., 279, 281.
- Пушечниковъ, А. Н., инж. пут. сообщ. 1888 г., т. CLV, июль, 18, 19.
- Пушкина, Нат. Ник., т. CLVI, дек., 508—517.
- Пушкинъ, Алсд. Серг., † 1837 г., т. CLIII, янв., 31, т. CLIV, апр., 9, 122—141, июнь, 491, т. CLV, июль, 81, сент., 496, т. CLVI, нояб., 258—261, дек., 504—517, 534—542.
- Пыляевъ, П. И., сообщ.: «Изъ переписки оренбург. воен. губернат., гр. В. А. Перовскаго о В. И. Далѣ», т. CLV, июль, 80—94.
- Пюрень, учит. 1880 г., т. CLV, сент., 490, т. CLVI, окт., 186.
- Пхейзе, кн., полков. 1822 г., т. CLVI, окт., 150.

Р.

- фонъ-Раабень, Э., инж. п. сообщ., т. CLIV, май, 391.
- Радецкій, О. О., ген., т. CLV, сент., 486, т. CLVI, нояб., 335.
- Радзивилъ, Стефанія, въ зам. гр-ня Витгенштейнъ, т. CLV, сент., 548.
- Радищевъ, А. Н., т. CLIV, май, 407.
- Раевскій, Влад. Артемьев., т. CLIII, янв., 120.
- Разновницкій, Мих. Алсд., докт. медиц., т. CVL, авг., 245—289.
- Разновницкій, директ. народн. учил. 1875 г., т. CLV, сент., 399.
- Разсудовъ, В., священ., 1845 г., т. CLIII, янв., 176.
- Разумовская, Праск. Кирил., т. CLV, июль, 118.
- Разумовскій, гр., Алексѣй Григ., т. CLV, июль, 116, 118, т. CLVI, нояб., 237, 240, дек., 477, 483.

- Разумовскій, гр., Андрей Кирил., диплом., † 1836 г., т. CLIII, февр., 265.
- Разумовскій, гр., Кир. Гр., † 1803 г., т. CLV, июль, 106.
- Ранателъ, полковн., 1812 г., т. CLVI, окт., 43—69, нояб., 419.
- Рафальскій, педагогъ 1864 г., т. CLIII, мартъ, 365.
- Рашевскій, П. Н., инж. пут. сообщ., 1896 г., т. CLV, авг., 219.
- Рашевскій, чиновн. мин. гос. имущ., т. CLVI, нояб., 316.
- Рашель, артистка, т. CLIII, янв., 34.
- Ремберовичъ, педаг., 1870 г., т. CLVI, окт., 132.
- Ремизовъ, проф. 1875 г., т. CLIV, май, 290.
- Репнинъ, Вас. Никит., гофмарш., 1746 г., т. CLVI, дек., 467, 471, 472.
- Репнинъ, послан. въ Варш. 1764 г., т. CLIII, янв., 204.
- де Рибасъ, Осипъ Мвх., адм. 1800 г., т. CLIII, янв., 52, 53, т. CLIV, май, 224, 232, 233.
- Рибоньеръ, Алсд. Ив., фл.-ад. 1806 г., впол. гр., камергеръ, т. CLIII, февр., 269.
- Ридигеръ, ген. 1831 г., т. CLV, июль, 84.
- Римскій - Корсаковъ, ландрихтеръ Ингерманланд. губ. 1708 г., т. CLIV, май, 426.
- Римскій - Корсаковъ, Никол. Андр., композиторъ, т. CLIII, февр., 256, мартъ, 516, т. CLIV, апр., 117, т. CLVI, окт., 71, 79.
- Риппъ, полковн. 1880 г., т. CLV, сент., 392.
- Ристори, Аделаида, артистка 1863 г., т. CLIII, янв., 34, 35, 36.
- Ровецкій, П. А., педаг. 1870 г., т. CLV, июль, 174.
- Ровинскій, А. Д., т. CLV, авг., 324, 327.
- Ровинскій, Д. А., т. CLIII, янв., 13, т. CLV, июль, 120—123.
- Роггеръ, см. Полянская.
- Рождественскій, вице-адм. 1904 г., т. CLVI, окт., 37.
- Рождественскій, С. В., т. CLIV, май, 350—357.
- Рожновъ, Л. П., учит. пѣн., т. CLVI, окт., 132.
- Розановъ, М. М., прот., т. CLIII, янв., 169.
- Розенкранцъ, см. Вяземская.
- Розенкранцъ, датск. послан. въ СПб. 1800 г., т. CLIV, май, 226, 228, 229, 231.
- Розражевскій, литерат., 1885 г., т. CLV, июль, 153, 154.
- Романовъ, Н. Д., сообщ.: «Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына», т. CLIV, апр., 188—212, июль, 495—549, т. CLV, июль, 140—146.
- Ромодановскій, кн. О. Ю., † 1717 г., т. CLIII, февр., 248.
- Ронтанеръ, О. А., врачъ 1870 г., т. CLV, июль, 173.
- Рорбекъ, камеръ-фрау имп-цы Александры Оеодоровны, т. CLVI, нояб., 313.
- Россиноль, фр. консулъ въ СПб. 1766 г., т. CLIII, янв., 207.
- Ростовцевъ, управл. палат. гос. имущ. въ Пермь, т. CLVI, дек., 639.
- Ростовцевъ, И. Я., попеч. Оренб. окр., т. CLIII, мартъ, 566, 570, 571.
- Ростовцевъ, инж. пут. сообщ., т. CLIV, май, 393, 395.
- Ростопчина, гр-ня, Евд. Петр., т. CLV, сент., 499.
- Ростопчинъ, гр., О. В., т. CLIII, янв., 37, 41, 50, 51, февр., 265, 272, 273, т. CLIV, май, 227—232, 235, т. CLV, авг., 324, сент., 422, 423, 530, т. CLVI, нояб., 266, 267, 274.
- Ротъ, проф. 1868 г., т. CLIV, май, 282.
- Рубинштейнъ, Антошъ Григ., т. CLIII, февр., 251, 252, 256.
- Рубцовъ, управл. канц. виленск. ген.-губ. 1880 г., т. CLV, июль 147.
- Руджи, каменщикъ 1810 г., т. CLIV, июль, 447.
- Ружицкій, полковн. 1830 г., т. CLVI, нояб., 310.
- Румберхъ, камерд. Петра III, т. CLVI, нояб., 232.
- Румянцева, гр-ня, 1749 г., т. CLVI, дек., 471, 496.
- Румянцева, гр-ня, Анна Никит., въ зам. Нарышкина, т. CLIII, мартъ, 652.
- Румянцева, гр-ня, Марія Вас., рожд. княж. Мещерская, т. CLIII, мартъ, 652.
- Румянцевъ, гр., Никита Ив., т. CLIII, мартъ, 652.
- Румянцевъ, гр., Никол. Петров., канцл., † 1826 г., т. CLIII, мартъ, 655.
- Румянцевъ, гр., Петръ Алсд., † 1796 г., т. CLIII, мартъ, 652, т. CLVI, окт., 99.
- Румянцевъ, гр., фельдм. 1812 г., т. CLV, сент., 446, т. CLVI, окт., 46, 47, 49, 64.
- Рѣпинъ, И. Е., художн., т. CLIII, февр., 255.
- Рыбаковъ, арт., т. CLV, авг., 274, 277, 278.
- Рышковъ, Конст. Евсеев., священ., т. CLV, июль, 176.

С.

- Сабантѣевъ, г.-лейт. 1813 г., т. CLV, сент., 335.
- Саблеръ, В. К., об.-прокур. снודה, т. CLVI, окт., 66, нояб., 336.
- Саблуковъ, Гордѣй Семен., археол., 1846 г., т. CLIII, янв., 170, мартъ, 638.
- Саблуковъ, 1810 г., т. CLIV, июнь, 451.
- Саблуковъ, чл. сов. воспит. дома 1810 г., т. CLIV, апр., 24, т. CLV, авг., 215.
- Сабуровъ, П. А., диплом. 1880 г., т. CLV, сент., 388, 390, 392, 393, 394.
- Савельевъ, А. В., д-ръ, т. CLVI, окт., 202, 203.
- Савицкій, учнт. 1873 г., т. CLVI, окт., 187.
- Садовниковъ, В. С., художн., т. CLVI, окт., 131.
- Садовская, О. О., см. Лазарева.
- Садовскій, Р. Б., т. CLVI, дек., 516.
- Садовскій, Мих., арт., 1900 г., т. CLIII, мартъ, 673.
- Садовскій, Провъ Мих., арт., актеръ, т. CLIII, янв., 21, мартъ, 659—675, т. CLV, авг., 280, 281.
- Сазиковъ, В. И., фабрик. серебр. издѣлій, т. CLIII, мартъ, 520.
- Сантовъ, Вл. Ив., т. CLIII, мартъ, 477, т. CLVI, дек., 507.
- Сакенъ, бар., т. CLVI, окт., 6.
- Сантановъ, Л. С., студ. 1913 г., т. CLV, сент., 492.
- Салтыкова, рожд. Балкъ, т. CLVI, дек., 488.
- Салтыковъ, кн., И. Н., г.-м., 1913 г., т. CLVI, окт., 6в.
- Салтыковъ (Щедринъ) Мих. Евграфов., т. CLIII, янв., 208.
- Салтыковъ, кн., Н. И., фельд. 1800 г., т. CLIII, янв., 45, т. CLV, июль, 122, 187.
- Салтыковъ, Н. Н., об.-прок. сената, 1793 г., т. CLIV, июнь, 624.
- Салтыковъ, гр., П. И., 1813 г., т. мартъ, 589.
- Салтыковъ, Серг. Вас., камерг. 1749 года, т. CLVI, 488—493.
- Салтыковъ, гр., чл. сов. воспит. дома 1810 г., т. CLIV, апр., 24.
- Самаринъ, П. О., т. CLIV, апр., 85.
- Самаринъ, И. В., арт-ъ, т. CLIII, мартъ, 658, 659, 662, 663, 670, т. CLIV, апр., 91, т. CLV, авг., 280.
- Самаринъ, Юр. Фед., т. CLIV, июнь, 526.
- Самгинъ, Н. А., инж. пут. сообщ. 1880 г., т. CLIV, апр., 92—97, май, 391.
- Самойловичъ пис-ца, т. CLVI, окт., 125.
- Самойловъ, В. В., арт., т. CLIII, янв., 32, 33, 34.
- Сахарова, пис-ца, т. CLVI, окт., 113.
- Сахновскій, кадетъ 1872 г., т. CLVI, окт., 179.
- Сборовскій, Алес. Ив., купецъ 1861 г., т. CLIV, июнь, 496.
- Свинъинъ, дшл. 1812 г., т. CLVI, окт., 48, 57, 62, 63, 68.
- Свинцовъ, Ив. Фед., учен. сарат. духов. семина. 1842 г., т. CLIII, мартъ, 633.
- Свѣтозаровъ, В. Н., сообщ.: «Развитіе легенды о смерти царевича Дмитрія», т. CLIII, февр., 384—404, т. CLIV, апр., 30—32.
- Свѣчинъ, Никол. Серг., СПб. ген.-губ. 1800 г., т. CLIII, февр., 273, т. CLIV, май, 223, 224.
- Селинъ, проф., 1870 г., т. CLIV, июнь, 563.
- Семевскій, М. И., т. CLIII, мартъ, 638, 642.
- Сементовскій, Р. И., сообщ.: «Встрѣчи и столкновения В. А. Полевика и мои критики», т. CLIII, февр., 331—335.
- Семихатовъ, учнт. камышин. дух. учил. 1835 г., т. CLIII, янв., 176.
- Сенковскій, О. И., т. CLIV, май, 252.
- Сентъ-При, т. CLVI, окт., 6.
- Сергіевскій, свящ. проф. 1868 г., т. CLIV, апр., 146.
- Сергѣевичъ, проф., т. CLIV, май, 332, 336, 356.
- Сергѣй Александровичъ, вел. князь, т. CLIV, апр., 54—60, 168, май, 271—277.
- Серединскій, инж. 1888 г., т. CLV, июль, 24.
- Серра-Каприола, герц-ня, см. Вяземская.
- Сибилевъ, Григ., т. CLIV, май, 245.
- Спвербринъ, 1810 г., т. CLV, авг., 211.
- Сикорскій, проф. 1900 г., т. CLIV, апр., 4, 5, т. CLVI, нояб., 336.
- Симеонъ Тодорскій, архіеп. Псковск., т. CLVI, нояб., 231, 234.
- Симонсъ, англ. генер. 1880 г., т. CLV, сент., 388, 389.
- Симоновскій, жанд. полков. 1860 г., т. CLIV, июнь, 517.
- Спилицынъ, А. А., врачъ, его воспоминанія, т. CLIV, апр., 188—212, июнь, 495—549, т. CLV, июль, 140—146.
- Синявинъ, адм. 1813 г., т. CLVI, окт., 158.

- Сипягинъ, Ам. Серг., мин. † 1902 г., т. CLIV, апр., 165—170.
- Сирьни, ген. 1880 г., т. CLV, сент., 388.
- Скавронская, гр-ня, Екат. Павл., въ зам. кн. Баграціонъ, т. CLIII, февр., 273.
- Скавронская, гр-ня, Марія Павл., фрейл. 1800 г., въ зам. гр-ня Паленъ, т. CLIII, февр., 272, 273.
- Скавронская, гр-ня, въ зам. гр-ня Лятта, т. CLIII, февр., 265.
- Склифасовскій, Н. В., хирургъ, т. CLIV, май, 295.
- Скобелева, г-жа, т. CLIV, май, 363.
- Скобелевъ, Мих. Ам., т. CLIII, янв., 208—214, мартъ, 499, 551, т. CLIV, май, 278—280, 363—367, т. CLIV, нояб., 382, 384.
- Скрябинъ, дипломатъ, 1878 г., т. CLIII, мартъ, 494, т. CLIV, апр., 45.
- Славлевъ, сообщ. «Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры», т. CLVI, окт., 35—42, нояб., 318—327, дек., 526—533.
- Сладковъ-вцевъ, П. М., педагогъ 1870 г., т. CLV, июль, 174, 176, 186.
- Слудскій, проф. 1867 г., т. CLIV, апр., 90.
- Слудевскій, В., сообщ. «Борьба съ антрихрист. подл. г. Тирасполемъ», т. CLIV, апр., 3—19, май 237—251, т. CLVI, окт., 12—19, нояб., 245—250, дек., 575—591.
- Смирновъ, А. О., т. CLVI, дек., 535.
- Смирновъ, П. С., проф., т. CLIV, май, 249.
- Смирновъ, С. И., помѣщ. 1861 г., т. CLIV, июнь, 546.
- Смирновъ, астрах. вице-губернат. 1825 г., т. CLVI, окт., 34.
- Смородиновъ, В., сообщ. «Годы службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ и эпизоды учебного быта», т. CLIV, июнь, 552—570, т. CLV, июль, 157—186, авг., 297—302, сент., 464—491, т. CLVI, окт., 181—196.
- Снегиревъ, И. М., проф., т. CLIII, янв., 132, 133, т. CLIV, май, 282.
- Снѣткова, Ф. артистка, т. CLIII, янв., 32.
- Соболевскій, В. П., директ. инст. пут. сообщ. 1880 г., т. CLIV, апр., 92.
- Соболевскій, инспект. прогимн. въ г. Ковниъ 1870 г., т. CLIV, июнь, 558.
- Сокальскій, проф., 1861 г., т. CLIV, июнь, 578, 579.
- Соколова, А. И., т. CLIV, май, 438.
- Соколова, А. Т., инспектриса Смольнаго инст. 1890 г., т. CLVI, окт., 133.
- Соколовъ, Алсд. Ник., директ. нар. учил. въ Москвѣ, т. CLIII, мартъ, 663.
- Соколовъ, Ив. Матв., проф. 1868 г., т. CLIV, апр., 143, 144.
- Соколовъ, Ник. Ив., граверъ 1793 г., т. CLIV, июнь, 625, 626.
- Соколовъ, С. П., т. CLIV, апр., 31.
- Соколовъ, архитект. 1881 г., т. CLIV, апр., 95.
- Соколовскій, проф. Московск. ун. 1868 г., т. CLIV, апр., 151, 152.
- Сокорева, помѣщ. 1893 г., т. CLV, июль, 31.
- Солнцевъ, Сем. Фед., педагог., т. CLV, июль, 176, 178, 179.
- Соловьевъ, бар., коменд. Арханг., т. CLVI, дек., 633, 635.
- Соловьевъ, Ив., т. CLIV, 241.
- Соловьевъ, С. М., проф., т. CLIV, апр., 31, 91, май, 353.
- Соловьевъ-Несмѣловъ, писат., т. CLVI, окт., 113.
- Сологубъ, гр., тов. прокур., Киевск. окр. суда 1876 г., т. CLIII, мартъ, 577, 578.
- Соллогубъ, В. У., 1878 г., т. CLIV, апр. 42.
- Сольскій, 1887 г., т. CLIV, май, 274.
- Соневидскій, И. И., сообщ. «Варшавскій Дневникъ при князѣ Н. Н. Голицынѣ», т. CLV, июль, 147—156.
- Сорохтина, О. Г., см. Невельская.
- Сосняцкій, актеръ, т. CLIII, янв., 32.
- Сосняковъ, Н. А., свящ. 1880 г., т. CLV, сент., 490.
- Сотничевскій, Петръ Амфилохiev., учит. Калиш. гимн. 1870 г., т. CLIV, июнь, 569, 570.
- Спаинъ, г-жа, т. CLVI, нояб., 307.
- Спасовичъ, В. Д., юрист., т. CLIII, янв., 14, т. CLV, июль, 145.
- Спасовскій, В. Н., инж. пут. сообщеній 1888 г., т. CLV, июль, 18.
- Сперанскій, гр., М. М., т. CLIII, мартъ, 591, т. CLIV, апр., 180.
- Спиридонъ, рект. сарат. дух. сем., т. CLIII, мартъ, 633, 634.
- Спирос, А. О., врачъ, т. CLVI, окт., 201.
- Спирос, 1880 г., т. CLIV, апр., 93.
- Спорова, рожд. Бибилова, артист.-любит. 1863 г., т. CLIII, янв., 26, 27.
- Срединъ, А. В., т. CLVI, дек., 516, 514.
- Срезневскій, Изм. Ив., т. CLIV, июль, 572, 573, 575.
- Срѣтенскій, Д. И., учит. 1873 г., т. CLV, сент., 490, т. CLVI, окт., 187, 190.
- Стабровскій, А. Р., инж. путей сообщ. 1888 г., т. CLV, июль, 18.
- Станиславскій, проф. 1861 г., т. CLIV, июнь, 578—591.

- Станиславскій, М., сообщ. «Письмо прусскаго принца Вильгельма, впоследствии императора германскаго Вильгельма I, къ своему брату, принцу Карлу, изъ Россіи передъ русско-турецкой кампаніей 1828 г.», т. CLV, сент., 541—548, «Имп. Александръ I и русская оккупация Восточной Пруссіи», т. CLVI, нояб., 287—300, дек., 498—504.
- Станиславъ Понятовскій, т. CLIII, янв., 201, 204.
- Старицкій, чл. гос. сов., 1887 г., т. CLIV, апр., 57.
- Стасовъ, Влад. Вас., писат., т. CLIII, февр., 252, 254, 257, 258, 259.
- Стаховичъ, А. А. 1863 г., т. CLIII, янв., 26.
- Стебницкій, Иерон. Ив., геодезистъ, р. 1832 † 1897 г., т. CLIV, май, 374, 381.
- Стевень, Хр. Хр., энтомологъ, род. 1781 † 1863 г., т. CLIV, май, 305—314.
- Сельмаховичъ, проф., 1861 г., т. CLIV, июнь, 578.
- Степановъ, депутат. Екатерины комис. для составл. нов. улож., т. CLIV, май, 334.
- Степановъ, Онуфрій, казакъ 1649 г., т. CLVI, дек., 662.
- Степановъ, Н. Ив., педагог. † 1912 г., т. CLVI, окт., 130, 131.
- Степановъ, Ѳаддей, свщш. 1745 г., т. CLVI, окт., 105—107.
- Стессель, ген.-л., коменд. Царскаго Села 1825 г., т. CLVI, дек., 535.
- Стессель, ген. 1904 г., т. CLIII, янв., 224.
- Стоко, врачъ Наполеона I, т. CLIII, мартъ, 625, 626.
- Столыпинъ, Н. А. † 1911 г., т. CLIII, мартъ, 536.
- Стояновъ, Андр. Ник., проф. 1861 г., т. CLIV, июнь, 578.
- Страшкевичъ, техникъ 1899 г., т. CLV, авг., 221, 222.
- Страшневичъ, смотрит. старо-Констант. учил. въ Кіевѣ 1864 г., т. CLIII, мартъ, 565.
- Стрекаловъ, Ст. Ѳед., 1775 г., CLIII, мартъ, 650.
- Строганова, гр.-ня, 1813 г., т. CLV, сент., 536.
- Строгановъ, гр. А. С., 1806 г., т. CLV, сент., 436, 437, 438, 441, 442.
- Строгановъ, гр. Алед., депутатъ въ Екатерин. комис. для сост. нов. улож., т. CLIV, май, 349, 352, 355.
- Строгановъ, гр. Григ. Алед., т. CLIII, мартъ, 519.
- Строгановъ, новорос. ген. губ. 1861 г., т. CLV, май, 312.
- Струве, чин. по дипломат. части при Туркест. ген.-губ. 1867 г., т. CLIII, мартъ, 647.
- Стуколкинъ, Н. Т., балетмейст. 1870 г., т. CLVI, окт., 131, 132, нояб., 281.
- Стрѣлкова, арт.-ка, т. CLV, авг., 274, 281.
- Субботинъ, проф. 1898 г., т. CLIV, апр., 4.
- Суворова, Евд. Ѳеодос., рожд. Манукова, мать А. С. Суворова, † 1745 г., т. CLIII, янв., 133.
- Суворовъ, кн. А. В., † 1800 г., т. LIII, янв., 40, 132—134, февр., 265, т. CLIV, май, 315—317, т. CLV, сент., 422.
- Суворовъ, Вас. Ив., ген.-аншефъ, † 1775 г., т. CLIII, янв., 132—134.
- Суворовъ, Ив., сообщ.: «Личная неприкосновенность въ 17 в.», т. CLIII, февр., 144, «Каковы были лавки винной монополіи въ 17 в.», т. CLIII, мартъ, 679—680.
- Суворовъ, остз. ген.-губ., т. CLVI, нояб., 313.
- Сумароковъ-Эльстонъ, гр. Ф. Ф., 1913 г., т. CLVI, окт., 6 в.
- Сумароковъ, А. П., писат., † 1777 г., т. CLIV, май, 416, 417.
- Сумароцкій, Петръ Степ., отст. капит. 1798 г., т. CLVI, дек., 624—630.
- Сухово-Кобылинъ, Алед. Васил., писат., т. CLIII, янв., 22, 23, т. CLV, июль, 31.
- Сухомлиновъ, В. А., воен. мин., т. CLIV, апр., 168, т. CLVI, окт., 6 в.
- Сухомлиновъ, М. И., проф., 1861 г., т. CLIV, июнь, 572.
- Сухотинъ, Новоржев. предвод. дворянства 1861 г., т. CLIV, июнь, 533.
- Сухтеленъ, т. CLV, сент., 532.
- Суцовъ, т. CLV, авг., 259—262.
- Сѣраковский, Доленго, т. CLVI, окт., 103.
- Сѣровъ, композиторъ, т. CLIII, февр., 257.
- Сѣченовъ, проф., т. CLIV, апр., 149.
- Танѣевъ, ст.-секр. 1834 г., т. CLV, июль, 92.

Т.

- Тараканова, княжна, † 1775 г., т. CLV, июль, 117, 121.
- Таранцовъ, поруч. 1823 г., т. CLVI, окт., 29.
- Тарасовъ, врачъ, 1861 г., т. CLIV, июнь, 545.
- Татищева, А. Ѳ., см. Половцова.

- Татищева, Варв. Оед., т. CLVI, нояб., 304.
- Татищева, г-жа, 1745 г., т. CLVI, нояб., 240.
- Татищевъ, Илья Леонид., г.-м. 1913 г., т. CLVI, окт., 6 б.
- Татищевъ, Спир. Оед., т. CLVI, нояб., 304.
- Творковскій, Ф. О., педагог. 1870 г., т. CLV, июль, 174.
- Тевкелева, княг., 1775 г., т. CLIII, мартъ, 650.
- Тевкелевъ, кн., т. CLIII, мартъ, 651.
- Тенишева, княг., Анаст. Платон., см. Мещерская.
- Темиряева, О. И., фрейл. 1850 г., т. CLIV, апр., 92.
- Тенишевъ, кн., Дм. Алсд., т. CLIII, мартъ, 656.
- Тепловъ, Г. Н., ст.-секр., 1762 г., т. CLIV, май, 356.
- Тепловъ, посолъ въ Конст. 1878 г., т. CLIII, мартъ, 494, т. CLIV, апр., 45.
- Теренинъ, симбир. предвод. двор. 1878 г., т. CLVI, окт., 166, 169.
- Терентьевъ, 1887 г., т. CLIV, май, 276.
- Тернеръ, тов. мин. фин., т. CLIV, апр., 55, 58.
- Терновскій, Прок. Тимоѳ., т. CLV, июль, 176.
- Теттау, баронъ, 1904 г., т. CLIII, янв., 217.
- Тилло, ген. 1887 г., т. CLIV, апр., 58.
- Тиме, И. А., проф. 1880 г., т. CLVI, нояб., 405, 406.
- Тимофеевъ, 1880 г., т. CLIV, апр., 92.
- Тимошенко, Петръ Захар., проф. 1861 г., т. CLIV, июнь, 576.
- Тимошукъ, Вѣра Вас., сообщ. «Донесенія французскихъ посланниковъ при дворѣ Екатерины II», т. CLIII, янв., 192—207, «Наполеонъ на о. св. Елены», мартъ, 606—628, «Письма высочайшихъ особъ къ гр. А. С. Протасовой», т. CLVI, ноябр., 262—279, «Тайная полиція на Вѣнскомъ конгрессѣ», т. CLVI, дек., 554—574.
- Титлиновъ, В. В., проф. духов. акад. 1912 г., т. CLIV, июнь, 550.
- Тихоновъ, проф. 1861 г., т. CLIV, июнь, 574.
- Тихомировъ, рект. Моск. унив., т. CLIV, апр., 91.
- Толстая, гр-ня, Ан. Ив., т. CLVI, окт., 118.
- Толстая, гр-ня, Соф. Андр., супруга Л. Толстого, т. CLVI, окт., 118.
- Толстой, гр., Алексѣй, писатель, т. CLVI, окт., 118.
- Толстой, гр., Андр. Ив., 1775 г., т. CLIII, мартъ, 651.
- Толстой, гр., Д. А., т. CLIII, мартъ, 568, 574, т. CLIV, апр., 88, май, 284, 350, 356, т. CLV, сент., 396—398, т. CLVI, окт., 142—148.
- Толстой, гр., Левъ Ник., писатель, т. CLIII, янв., 18, 114, т. CLIV, апр., 175, т. CLV, июль, 31.
- Толстой, гр., Петръ Андр., сенат. 1724 г., т. CLIV, апр., 175.
- Толстой, гр., адъют. вел. кн. Михаила Павловича, т. CLV, сент., 348.
- Толстомятовъ, проф. 1868 г., т. CLIV, апр., 144.
- Тольскій, проф. 1868 г., т. CLIV, май, 290.
- Треповъ, об.-полит., т. CLIV, апр., 115.
- Трескина, В. Н., сообщ. «Выдержки изъ писемъ, писанъ въ 1812 г. изъ вел. армии Наполеона, изъ Россіи во Францію, и не дошедшихъ по назначенію, какъ задержанныхъ чернымъ кабинетомъ Наполеона или почтой въ Гамбургъ», т. CLIV, май, 420—424.
- Тричинскій, П. М., учит. 1873 г., т. CLV, сент., 490, т. CLVI, окт., 187.
- Трощинскій, гр., О. В., 1813 г., т. CLIV, апр., 183.
- Трубеккой, кн., Серг., т. CLVI, дек., 622, 623.
- Трубеккой, кн., г.-м. 1775 г., т. CLIV, июнь, 629.
- Трубеккой, кн., депут. въ Екатерин. комис. по соч. нов. улож., т. CLIV, май, 349.
- Тудовъ, т. CLIII, мартъ, 563—566.
- Тураева-Церетели, Е., сообщ. «Къ трехсотлѣтію царствованія Дома Романовыхъ», т. CLIII, февр., 233—249.
- Турау, Е. Ф., тов. мин. фин., т. CLIV, апр., 48—52.
- Тургеневъ, Ив. Серг., † 1883 г., т. CLIII, янв., 31, 162—167, февр., 257, 260, т. CLIV, апр., 91, июнь, 481, т. CLV, июль, 81, т. CLVI, окт., 116, 118.
- Туровскій, Ник. Оед., т. CLV, сент., 493.
- Туровскій, Оед., лѣкарь 1820 г., т. CLV, сент., 493.
- Туттолмины, чл. сов. воспит. дома 1810 г., т. CLIV, апр., 24, т. CLV, авг., 211.
- Тыртовъ, В. П., помѣщ. 1867 г., т. CLIV, июнь, 548, т. CLV, июль, 143.

У.

- Убри, посолъ въ Берлинѣ 1877 г., т. CLIII, янв., 80, 81.
 Уваровъ, Серг., 1824 г., т. CLV, авг., 353—354.
 Уваровъ, гр. С. С., мин. просв. 1838 г., т. CLIV, май, 400, 403.
 Уваровъ, Оед. Петр., ген.-отъ-кавал. † 1812 г., т. CLV, авг., 353—354.
 Уваровъ, г.-ад., † 1813 г., т. CLV, сент., 530.
 Уваровъ, г.-ад. 1820 г., т. CLVI, нояб., 428.
 Улинскій, С. Ф., 1880 г., т. CLIV, апр., 92, 94.
 Умановъ, Н. А., т. CLIV, май, 286.
 Уньковский, А. М., Тверск. предвод. двор. 1860 г., т. CLIV, июнь, 522, 523, 524.
 Урбанскій, І. М., каноникъ 1880 г., т. CLV, сент., 490, т. CLVI, окт., 182, 183.
 Урсинусъ, Яковъ Юг., проф.-депут. Екатерин. комис. для соч. проекта нов. улож., т. CLIV, май, 325—359.
 Урусова, Софія, 1828 г., т. CLV, сент., 548.
 Урусовъ, Алес. Ив., адвокат, т. CLIII, мартъ, 675—677.
 Урусовъ, кн. Влад. Пав., дипломатъ 1876 г., т. CLIV, май, 380.
 Урусовъ, кн., адъют. Московск. ген.-губ., 1872 г., т. CLV, авг., 279.
 Успенскій, Гл. Ив., т. CLIII, мартъ, 468.
 Утинъ, Б. И., проф., 1861 г., т. CLIV, июнь, 381.
 Ушаковы, т. CLIV, апр., 61.

Ф.

- Фабръ, Андр. Яковл., губери. въ Екатериносл., т. CLIV, май, 313, 314.
 Фадѣва, Над. Андр., т. CLIV, май, 302.
 Фадѣва, Ел. П., см. Долгорукова.
 Фадѣвъ, Алес. Алес., проф. химіи, ген.-отъ-artil., † 1894 г., т. CLIV, май, 360.
 Фадѣвъ, Андр. Мих., чл. гл. управл. кавказ. намѣстн., 1849 г., р. 1789, † 1867 г., т. CLIV, май, 301.
 Фадѣвъ, Илья Петр., оф. 1835 г., т. CLIV, май, 301.
 Фадѣвъ, Мих. Ильичъ, т. CLIV, май, 301.
 Фадѣвъ, Петр. Мих. капит., † 1709 г., т. CLIV, май, 301.
 Фадѣвъ, Ростисл. Андр., писат., т. CLIV, май, 302.

- Фалѣвъ, учит. 1867 г., т. CLIV, апр., 86.
 Фалькенгагенъ, инж. ген., 1874 г., т. CLIV, апр., 222.
 Федоровъ, В. П., сообщ.: «Свидѣтельство о прапорщикѣ Гусевѣ», т. CLIII, февр., 412, «Диспозиція для будшаго строя въ мирное торжество», т. CLIV, июнь, 629—630, «Рескриптъ Н. И. Салтыкову 24 авг. 1788 г.», т. CLV, июль, 188, «Послѣднія минуты жизни ген.-отъ-кав. О. П. Уварова, участника Отечественной войны 1812 года», т. CLV, авг., 353—354, «Отданіе военной чести лѣвой рукой», т. CLVI, дек., 680.
 Федоровъ, М. П., сообщ.: «Письмо г.-ад. Ливена Палицыну о недостаткѣ калмыцкихъ дѣтей», т. CLIII, февр., 318.
 Федоровъ, г.-м. 1829 г., т. CLV, июль, 88, 89, 90, 91.
 Фелькель, проф. 1868 г., т. CLIV, апр., 146, 147.
 Ферморъ, ген. 1758 г., т. CLIII, мартъ, 652.
 Фесенковъ, 1880 г., т. CLIV, апр., 92.
 Фивейскій, С. П., формовщикъ 1897 г., т. CLVI, окт., 204.
 Филаретъ, патріархъ, т. CLIII, февр., 241.
 Филаретъ (Дроздовъ), митр. моск., т. CLIV, июнь, 462 463, 464, т. CLVI, нояб., 329—333.
 Филатовъ, Абрамъ Оед., врачъ, т. CLIV, май, 287.
 Филатовъ, Нилъ Оед., проф., врачъ, т. CLIV, апр., 144, май, 283, 287, 288.
 Филатовъ, П. Ф., сообщ.: «Юные годы», Воспоминаніе о мелиц. факкульт. москов. унив. 1868—73 г., т. CLIV, апр., 142—152, май, 281—300.
 Филипповъ, В. Н., 1878 г., т. CLIV, апр., 42, т. CLV, авг., 210.
 Филипповъ, Тертіи Ив., т. CLVI, дек., 519.
 Филиппъ, митр. моск., † 1473 г., т. CLV, авг., 303, 304, 310, 311.
 Филипповъ, полков. ген. штаба 1878 г., т. CLIII, мартъ, 488.
 Филоненко, 1886 г., т. CLIV, апр., 94.
 Филоеи, еп. пермскій, т. CLV, авг., 303.
 Фирксъ, бар., т. CLVI, дек., 645.
 Флавіанъ, арх. саратов., 1896 г., нынѣ митр. кiev., т. CLVI, нояб., 336.
 Флегматовъ, А., протоіер. 1840 г., т. CLIII, янв., 169, 176.
 Флейшеръ, директ. Черниг. гимн. 1895 г., т. CLVI, нояб., 332.

Флоринскій, рект. кiev. унив.
1896 г., т. CLVI, нояб., 336.
Фокъ, ген. 1904 г., т. CLIII, янв., 219.
Фотій, митроп., 1410 г., т. CLV,
авг., 330.
Франкини, Викт. Антонов., перв.
губернат. Карской обл., р. 1820 г.,
† 1892 г., т. CLIV, апр., 217.
Фребесъ, Алсд. Викент., радомск.
вице-губерн. 1883 г., т. CLV, сент.,
477.
Фребесъ, псевд. И. А. Данилова,
писат-ца, т. CLV, сент., 478.
Фриде, Н. А., пѣвица, 1880 г., т.
CLVI, окт., 74—79.
Фридрихсъ, Е., сообщ.: «Мое зна-
комство съ семьей Виссаріона Гри-
горьевича Бѣлинскаго», т. CLIII, янв.,
159—161.
Фридрихсъ, полковн., 1867 г., т.
CLIII, мартъ, 645—647.

Х.

Хабаровъ, Ероф., атаманъ казак.
1639 г., т. CLVI, дек., 662.
Ханыковъ, т. CLIV, май, 308.
Хвошинская, Н. Д. (Крестовскій),
т. CLIII, мартъ, 474.
Хвошинскій, поруч. 1877 г., т.
CLIII, янв., 56.
Хилковъ, кн., М. И., мин. путей
сообщ., т. CLV, июль, 33.
Хитрово, дипломатъ 1887 г., т. CLIV,
апр., 60.
Хитровъ, об.-прокур. 1813 г., т.
CLIII, янв., 183.
Хітлова, въ зам. гр. Толстая,
т. CLV, сент., 548.
Хованскій, Алексѣй, ред.-изд. «Фи-
лологич. записокъ», 1912 г., т. CLIII,
янв., 172, 176.
Хованскій, И., учен. сарат. духов.
сем. 1842 г., т. CLIII, мартъ, 633,
643.
Хоминскій, депут. въ Екатерин.
комис. для соч. нов. улож., т. CLIV,
май, 352, 355.
Хомяковъ, А. С., т. CLIII, янв., 83, т.
CLVI, дек., 519.
Хорошевскій, инспект. Радомск.
гимназ., т. CLV, сент., 488.
Храповицкій, полков. 1813 г.,
т. CLVI, окт., 9.
Хрущевъ, мин. гос. им., т. CLVI,
ноябр., 311, 312, 313.

Ц.

Цибальскій, д-ръ 1810 г., т. CLVI,
ноябр., 304.
Цингеръ, проф. 1867 г., т. CLIV,
апр., 90.

Цинской, оф. 1825 г., т. CLVI, дек.,
552.
Циргъ, П. М., врачъ 1828 г., т. CLIV,
июнь, 504.
Циціановъ, кн., 1800 г., т. CLIV,
май, 235.
Цыпляевъ, П. И., сообщ. «Изъ пере-
писки гр. В. А. Перовскаго о В. И.
Далѣ», т. CLV, июль, 80—94.

Ч.

Чаадаевъ, П. Я., т. CLV, июль, 146.
Чайковскій, Петръ Ильичъ, т.
CLIII, мартъ, 516, т. CLVI, окт., 73.
Чарторыйскій, кн., Адамъ, т. CLV,
сент., 436, 437, 438, 439, 440, 441.
Чебышевъ, Петръ Алсд., т. CLIII,
янв., 130.
Чебышовъ, П. П., об. прокур. снп.
1762 г., т. CLIV, май, 356.
Челищевъ, майоръ 1810 г., т. CLIV,
май, 268.
Черенковъ, помѣщ. 1860 г., т. CLIV,
июнь, 525.
Черенцовъ, П. О., свящ. 1868 г.,
т. CLIV, июнь, 541.
Черепанова - Сѣйшневъ, Марія
Петр., т. CLVI, окт., 74.
Чериновъ, Мих. Петр., профессоръ
1868 г., т. CLIV, май, 292.
Черкасскій, кн., В., т. CLIII, янв.,
61, 62.
Чернышева, гр-ня, Авд. Ив., т.
CLVI, нояб., 237.
Чернышевъ, кн., Андр.; камерлак.
Петра III, т. CLVI, нояб., 241, дек.,
469, 472.
Чернышевъ, гр., Захаръ, т. CLVI,
дек., 479, 488.
Чернышевъ, Петръ, камерлак. Пе-
тра III, т. CLVI, дек., 469, 472.
Чернай, А. Л., инж. пут. сообщ.
1888 г., т. CLV, июль, 13, 14.
Чернышевскій, Н. Г., † 1889 г.,
т. CLIII, февр., 258, 260, 261, т. CLIV,
июнь, 583.
Чернышевъ, А. И., г.-ад., т. CLIII,
мартъ, 587, 588, т. CLV, сент., 529,
т. CLVI, нояб., 285.
Чернявскій, авт. «Гражд. брака»,
т. CLIII, мартъ, 670.
Черфали, Себастьянъ, 1793 г., т.
CLIV, июнь, 627.
Четвертинская, княж., Марія Ан-
тоновна, см. Нарышкина.
Четвертинская, княж., Жанета
Антоновна, т. CLIII, февр., 270.
Четвертинскій, кн., Борисъ Ант.,
1800 г., т. CLIII, февр., 270.
Чеховъ, А. П., т. CLIII, мартъ 468.

Чистяковъ, 1810 г., т. CLIV, июнь, 448.
 Чихачевъ, 1810 г., т. CLV, авг., 211, 212, 213.
 Чичаговъ, Нав. В., т. CLIII, февр., 273.
 Чичаговъ, 1813 г., т. CLIII, мартъ, 587.
 Чичеринъ, проф. 1861 г., т. CLIV, июнь, 581, 582.
 Чоглокова, Мар. С., рожд. Гендрикова, об.-гофм. Екатерины II, т. CLVI, дек., 467—497.
 Чоглоковъ, Никол. Наум., гофмарш. 1748 г., т. CLVI, дек., 472, 486, 490, 496.
 Чулицкій, М. Ф., сообщ. «Изъ старыхъ лѣтоп.»: «Сонное видѣніе и рѣшеніе Петра Вел.», т. CLIII, янв., 100—102, «О сумасбродномъ Иванѣ Андреевѣ», мартъ, 593—594, «О распространѣніи ложной эхи обь опасной болѣзни», т. CLVI, окт., 105—107, «О сибирской дѣвкѣ Принцѣ Ивановой, имѣвшей въ себѣ дьявольское навожденіе», нояб., 372—376, «Преступная мысль», дек., 624—630.

III.

Шабельскій, Н. Н., 1872 г., т. CLVI, нояб., 399.
 Шабельскій, Георг. Юан., протоіер. 1913 г., т. CLVI, окт., 6 б.
 Шаляпинъ, арт., т. CLIII, февр., 235.
 Шармеръ, архитект., 1913 г., т. CLVI, окт., 6 б.
 Шауфусъ, Н. К., мин. пут. сообщ., т. CLV, июль, 32—34, авг., 218.
 Шахова, Елисавета Никитична, сообщ.: «Въ началѣ жизни и на порогахъ вѣчности», т. CLIII, янв., 162—167.
 Шаховская, княж. Елиз., въ зам. княг. Арембергъ, 1794 г., т. CLV, июль, 98, 99.
 Шаховской, кня. сенат., 1824 г., т. CLV, авг., 354.
 Швейковскій, Ник. Матв., исправн. 1860 г., т. CLIV, июнь, 518, 519.
 Швейковскій, Тимоѳ. Ник., миров. судья 1865 г., т. CLV, июль, 144.
 Шебуевъ, художн. 1810 г., т. CLIV, июнь, 449.
 Шевалье, актриса 1800 г., т. CLIII, янв., 45, т. CLIV, май, 224.
 Шевичъ, † 1813 г., т. CLVI, окт., 7.
 Шевичъ, ген. 1810 г., т. CLIV, май, 267.
 Шепелевъ, полк. 1878 г., т. CLIII, мартъ, 488, 505.
 Шервудъ-Вѣрный, т. CLIII, янв., 103.
 Шереметевскій, В., сообщ.: «Басурманская неволя», т. CLIII, янв., 135—148, февр. 336—347, мартъ, 537—549, т. CLVI, апр., 66—83.
 Шереметевъ, В. Б., бояринъ, т. CLIII, янв., 141.
 Шереметевъ, гр. С. Д., об.-егерм. 1913 г., т. CLVI, окт., 6 б.
 Шереметевъ, фельдмарш., т. CLIII, февр., 247.
 Шереметевъ, мин. гос. им., т. CLVI, нояб., 312, 313.
 Шереметевъ, гр. директ. театр. 1800 г., т. CLIII, янв., 45.
 Шестакова, Людм. Ив., т. CLVI, окт., 72.
 Шетарди, посоль, т. CLVI, нояб., 235.
 Шеферсъ, учен. Кіевск. гимназ. 1876 г., т. CLIII, мартъ, 577, 578.
 Шиловской, І., протоіер., т. CLIII, янв., 170.
 Шимановскій, Н. В., т. CLVI, окт., 30, 31, 32.
 Шиповъ, гр., т. CLV, сент., 548.
 Шпринскій - Шихматовъ, печит. Ю.-З. края 1864 г., т. CLIII, мартъ, 564—573.
 Шишкинъ, Р. А., юристъ 1870 г., т. CLIV, июнь, 589, 590.
 Шишковъ, А. С., адм., т. CLIII, февр., 272, т. CLIV, май, 233, 403, т. CLVI, окт., 64—67.
 Шлаттеръ, Даниель, т. CLIV, май, 302—305.
 Шлезингеръ, учит. истор. 1870 г., т. CLIV, июнь, 559.
 Шляпкинъ, И., проф., сообщ.: «Горе московскихъ жителей въ 1812 г.», т. CLIV, апр., 61—65.
 Шмелева, М. В., т. CLIII, янв., 170.
 Шмидтъ, Ф. И., инж. пут. сообщ. 1888 г., т. CLV, июль, 18.
 Шмитъ, ст. сов., т. CLVI, нояб., 313.
 Шнейдеръ, А. О., лаборантъ моск. унив. 1868 г., т. CLIV, апр., 149.
 Шнейдеръ, Соф. Ив., по перв. мужу Писарева, во втор. бракѣ Раевская, т. CLIII, янв., 119.
 Шпейдеръ, миров. посредн. 1861 г., т. CLIV, июнь, 534.
 Шомпулевъ, В. А., сообщ.: «Спартанское воспитаніе кадетъ стараго времени», т. CLIII, февр., 431—435.
 Шрауфъ, профес. 1866 г., т. CLVI, нояб., 397.
 Шредеръ, дипломатъ 1815 г., т. CLIII, мартъ, 621—623.
 Штакельбергъ, гр., днп. 1812 г., т. CLVI, окт., 60.

Штейнъ, бар-са, рожд. гр. Вальманденъ, т. CLVI, нояб., 293.
 Штейнъ, бар., 1812 г., т. CLVI, нояб., 288—300, дек., 500—504, 562—573.
 Штелинъ, проф., 1744 г., т. CLVI, нояб., 231.
 Штиглицъ, бар., т. CLVI, нояб., 403.
 Штюрмеръ, бар., т. CLIII, мартъ, 623, 624, 627.
 Шубертъ, Васил. Антон., профес. спб. консерват. 1871 г., т. CLIII, янв., 83—89.
 Шувалова, гр-ня, Мавра Ег., 1758 г., т. CLVI, дек., 471, 479.
 Шувалова, гр-ня, въ зам. гр-ня Дидрихштейнъ, т. CLIII, февр., 265.
 Шуваловъ, гр., Алсд. Ив., т. CLVI, дек., 483, 496.
 Шуваловъ, И. И., † 1797 г., т. CLIII, янв., 133, т. CLVI, дек., 483.
 Шуваловъ, гр. Петръ Андр., † 1889 г., т. CLIII, янв., 80, 81, мартъ, 498, т. CLVI, нояб., 401.
 Шуваловъ, гр., Петръ Ив., 1775 г., т. CLIII, мартъ, 650, т. CLVI, дек., 483.
 Шуйскій, Василий, царь, т. CLIV, апр., 31.
 Шумахеръ, т. CLIV, апр., 56.
 Шумигорскій, Евг. Севаст., сообщ.: «Тысяча восьмисотый годъ», т. CLIII, янв., 37—54, февр., 263—279, т. CLIV, май, 223—236, «Родители в. князя Павла Петровича», т. CLVI, нояб., 227—244, дек., 467—497.
 Шумскій, К., сообщ.: «Эпизоды изъ обороны Портъ-Артура», т. CLIII, янв., 149—158, февр., 348—358, мартъ, 528—536, т. CLIV, апр., 99—106.
 Шумскій, С. В., арт., т. CLIII, мартъ, 658—670, т. CLIV, май, 443, т. CLV, авг., 275, 280.

Щ.

Щебальскій, П. К., редакт. Варшав. Дневн. 1883 г., т. CLV, июль, 156.
 Щепкинъ, М. С., т. CLVI, нояб., 448—450.
 Щербатовъ, кн., М. М., т. CLIV, май, 340, 344, 348, 349.
 Щербатовъ, кн., команд. Каргоп. драгун. полка 1870 г., т. CLIV, июнь, 559.
 Щербачевъ, дипломатъ 1878 г., т. CLIV, апр., 45.
 Щербининъ, ген.-поруч. 1775 г., т. CLVI, нояб., 392.
 Щербинины, т. CLIV, апр., 61.

Щечка, майоръ 1855 г., т. CLIV, апр., 201.
 Щукинъ, Н. Л., инж. пут. сообщ. 1888 г., т. CLV, июль, 18.

Э.

Эдельсонъ, Е. Н., т. CLIII, янв., 28.
 Эйхлеръ, Ек. Ад. см. Бобрикова, т. CLV, авг., 203.
 Эйхлеръ, Мар. Серг., рожд. Татищева, т. CLV, авг., 204.
 Экеспарре, полков., 1812 г., т. CLVI, нояб., 300.
 Эккъ, Эдуардъ Вл., кап.-лейт. 1878 г., т. CLIII, мартъ, 488, 492, т. CLIV, апр., 42—45.
 Энгельгардъ, ген.-поруч. 1783 г., т. CLV, июль, 98.
 Эртель, 1810 г., т. CLIV, май, 269, 270.
 Эссенъ, адм., т. CLIII, янв., 155.
 Эссенъ, Спб. ген.-губ. т. CLVI, окт., 43, нояб., 305.

Ю.

Юговичъ, инж. пут. сообщ. 1900 г., т. CLV, авг., 225, т. CLVI, дек., 651—656.
 Юргенсъ, Карлъ Андр., т. CLVI, окт., 164.
 Юрьевъ, А. Н., морякъ 1862 г., т. CLIV, июнь, 500, 501.
 Юсуповъ, кн., г.-м. 1913 г., т. CLVI, окт., 6 в.

Я.

Яблоновскій, 1880 г., т. CLIV, апр., 92.
 Яблонскій, учит. пѣнія 1870 г., т. CLV, июль, 175.
 Ягужинскій, Пав. Ив. 1729 г., т. CLIV, апр., 172, 177.
 Языковъ, А. П., помѣщ. 1873 г., т. CLVI, окт., 169.
 Яковлева, Аман. Ив., т. CLIII, мартъ, 527.
 Яковлева, Надежд. Дм., нач.-па Дем. Дома призрѣн. трудящихся, † 1879 г., т. CLIII, янв., 95, мартъ, 525, 527.
 Яковлева, Т. А., 1812 г., т. CLIV, апр., 61—65.

Яковлевъ, В. Д., литерат., т. CLIII, мартъ, 527.

Яковлевъ, Дм. Вас., воен. инж. 1913 г., т. CLVI, окт., 6 в.

Яковлевъ, г.-м. 1802 г., т. CLIV, апр., 61.

Яковлевъ, арт., т. CLV, авг., 274, 275, 277.

Якубовичъ, Н. А., сообщ.: «Лѣтопись и мысли стараго педагога», т. CLIV, июль, 607—623, т. CLV, июль, 124—139, авг., 341—352, т. CLVI окт., 161—180.

Якубовскій, врачъ, 1825 г., т. CLVI, дек., 549, 550.

Якубовскій, К. Я., инж. пут. сообщ., т. CLV, июль, 34.

Якшичъ, Д. Н., протоіер. 1913 г., т. CLVI, окт., 6 б.

Яновскій, попечит. Кавказ. учебн. окр., 1887 г., т. CLIV, май, 276.

Яшвилъ, кн., Могилевскій воен. г.-б. 1825 г., т. CLVI, дек., 641.

Е.

Едодоровъ, В. П., сообщ.: «Рескриптъ Н. И. Салтыкову 24 авг. 1788 г., о сформированіи егерскаго корпуса въ Рижск., Ревельск. и Бѣлорус. губ.», т. CLV, июль, 187.

Едодоровъ, нач. реперт. часть. 1863 г., т. CLIII, янв., 25.

Едодотова - Поздняковская, Г. Н., арт.-ка, т. CLIII, мартъ, 658—663, 670, т. CLIV, май, 443.

Едодотовъ, Алсд. Филип., артистъ, т. CLV, авг., 272, 276, 277, 278.

Ееодоръ Алексѣевичъ, царь, † 1682 г., т. CLIII, февр., 244.

Ееодоръ Іоанновичъ, царь, † 1598 г., т. CLIII, февр., 235, т. CLV, авг., 329, 330.

Ееофилъ, архіеп., † 1482 г., т. CLV, авг., 320.

Еоминъ, Назаръ, раскольникъ, т. CLVI, дек., 576, 577.

Указатель составила В. В. Тимошукъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

О. К. Зеленкова:

„Я никого не ъмъ!“

III-е издание, 13-я тысяча экземпляровъ.

365 вегетарианскихъ меню (по временамъ года) и руководство для приготовленія

1500 вегетарианскихъ кушаній.

Подъ редакціей д-ра мед. А. П. Зеленкова.

Авторъ (жена д-ра мед. О. К. Зеленкова. Спб., Суворовскій пр., 39, кв. 40) высылаетъ налож. платежомъ. Цѣна 2 руб. въ переплетѣ. Пересылка 35 коп., иногороднимъ 55 коп.

О. К. Зеленкова:

„НѢЧТО О ВЕГЕТАРИАНСТВѢ“

4 первыхъ выпуска 60 коп. Авторъ высылаетъ наложен. платежомъ.

Первый выпускъ. 1) Гр. Л. Толстой о вегетарианствѣ. 2) Удобно-исполнимость вегет. режима. 3) Несообразная замѣтка „Петербургской Газеты“. Возврънія, приписываемыя Проф. Тарханову. Второй выпускъ. 1) Доводы за вегетарианство: Профессоръ Веке-товъ, Peterson, Platen, Д-ра медицины Haig Suchier, Schweninger. 2) „Орденъ трапистовъ“, подтверждающій фактически рациональ-ность вегетарианскаго режима. 3) О вредѣ: мясной пищи, рыбы, пряностей, кофе, чая, бульона. 4) Естественно-научные и социаль-ные доводы въ пользу безубойнаго питанія. 5) Способъ приго-товленія дешеваго питательнаго удобоваримаго и вкуснаго хлѣба изъ пшѣнаго зерна. 6) Значеніе нѣкоторыхъ пищевыхъ веществъ. 7) Книга „Платена „Новый“ способъ мѣченія“ въ русскомъ переводѣ подъ редакціей Д-ра мед. А. П. Зеленкова. 8) „Гигіена спальни“. Третій выпускъ. 1) Извлеченіе изъ доклада Д-ра мед. А. П. Зе-ленкова. „Вегетарианство какъ средство для лѣченія и предупрежде-нія болѣзней“. 2) Д-ра мед. А. П. Зеленкова: „По поводу лекціи академика князя И. Р. Тарханова „О вегетарианствѣ“. 3) Графа Л. Л. Толстого: „Реформа питанія“. 4) Нѣкоторыя данныя объ основаніи и развитіи Санаторіи Д-ра мед. Ламанна. (Письмо Д-ра Ламанна).

Четвертый выпускъ. 1) Письмо православнаго священника-веге-тарианца. 2) Вегетарианство въ древности. Ростъ вегетарианскаго движенія во Франціи. 3) Вегетарианство, какъ источникъ вы-носливости и силы и какъ средство для лѣченія и предупрежденія болѣзней. 4) О вредѣ мяса, алкоголя, корсета, антигигиенической одежды, испорченнаго воздуха и пр. и пр. 5) Вода, воздушно-сол-нечное купанье, гимнастика, спортъ.

